ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ КРЫМА РАН»

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ КРЫМА

Вып. II

Сборник статей, посвященный
памяти
Александра Евгеньевича Пуздровского

Симферополь
2015

ББК 63.3(4Укр-6Крм)
И907

Редакционная коллегия:	Editorial board:
Власов В. П. — к. и. н. (зам. главного редактора)	Dr. **V. P. Vlasov** (deputy of chif editor)
Зайцев Ю. П. — к. и. н.	Dr. **Yu. P. Zaytsev**
Кислый А. Е. — д. и. н.	Dr. **A. E. Kisly**
Колтухов С. Г. — к. и. н.	Dr. **S. G. Koltukhov**
Кутайсов В. А. — д. и. н.	Dr. **V. A. Kutaisov**
Мордвинцева В. И. — к. и. н.	Dr. **V. I. Mordvintseva**
Гаврилов А. В. — к. и. н.	Dr. **A. V. Gavrilov**
Ланцов С. Б. — к. и. н. (ответственный секретарь)	Dr. **S. B. Lantsov** (responsible secretary)
Майко В. В. — д. и. н. (главный редактор)	Dr. **V. V. Maiko** (chif editor)
Могаричев Ю. М. — д. и. н.	Dr. **Yu. M. Mogarichev**
Смекалова Т. Н. — д. и. н.	Dr. **T. N. Smekalova**
Чабай В. П. — член-кор. НАН Украины	Dr. **V. P. Chabai**

Состав редколлегии утвержден Ученым советом Института археологии Крыма

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии Крыма

The publication of this volume was approved by the Scientific Council of the Institute of archaeology of Crimea

И907 **История и археология Крыма. Вып. II. Сборник статей, посвященный памяти Александра Евгеньевича Пуздровского** / Ответственный редактор В. В. Майко. Симферополь, 2015. — 644 с., ил.

И907 **History and archaeology of Crimea. Vol. II. The volume of collected papers dedicated to memory of Alexander Evgenyevich Puzdrovsky** / Edited by V. V. Maiko. Simferopol', 2015. — 644 p., il.

ISBN 978-5-906813-78-7

Сборник является вторым выпуском периодического издания Института археологии Крыма, созданного на базе Крымского филиала института археологии. Он посвящен памяти известного крымского археолога — Александра Евгеньевича Пуздровского, ушедшего из жизни в 2015 г. Содержит статьи непосредственно связанные с научными интересами этого талантливого археолога. Помимо этого в сборнике представлены публикации широкого хронологического диапазона от эпохи бронзы до позднего средневековья, включая работы по истории науки. В большинстве статей предлагаются новые научные концепции и материалы раскопок последних лет. Сборник рассчитан на археологов, историков, краеведов.

Volume of collected papers is the second producing of new periodic edition of Institute of archaeology of Crimea witch was created on the base of Crimean branch of Institute of archaeology. It devoted to the memory of the famous Crimean archeologist Alexander Evgenyevich Puzdrovsky who died in 2015. Contains articles which are directly connected with scientific interests of this talented archeologist. In addition publications of wide chronological range from a bronze era before the late Middle Ages, including works on science history are presented in the collection. The number of articles dealing with the new scientific conceptions and represents the material of excavations of the last field campaigns. The volume is counted on archaeologists, historians and specialist in regional history.

ISBN 978-5-906813-78-7

© Институт археологии Крыма, 2015.
© Бейлин Д. В., Власов В. П., Волошинов А. А., Гаврилов А. В., Данилова С. В., Дорошко В. В., Кирилко В. П., Кислый А. Е., Колтухов С. Г., Копьева Т. А., Кропотов В. В., Кутайсов В. А., Кутайсова М. В., Лавров В. В., Ланцов С. Б., Лысенко А. В., Майко В. В., Масякин В. В., Медведев Г. В., Мордвинцева В. И., Непомнящий А. А., Пашкевич Г. А., Петрова Э. Б., Пономарев Л. Ю., Приднев С. В., Сенаторов С. Н., Сидоренко В. А., Смекалов С. Л., Смекалова Т. Н., Сударев Н. И., Тесленко И. Б., Троицкая Т. Н., Труфанов А. А., Храпунов Н. И., Шапцев М. С., Шонов И. В. 2015.

© Institute of archaeology of Crimea, 2015
© D. V. Bejlin, V. P. Vlasov, A. A. Voloshinov A. V. Gavrilov, S. V. Danilova, V. V. Doroshko, V. P. Kirilko, A. E. Kisly, S. G. Koltukhov, T. A. Kopieva, V. V. Kropotov, V. A. Kutaisov, M. V. Kutajsova, V. V. Lavrov, S. B. Lantsov, A. V. Lysenko, V. V. Maiko, V. V. Masyakin, G. V. Medvedev, V. I. Mordvintseva, A. A. Nepomnyashchy, G. A. Pashkevich, E. B. Pertova, L. Yu. Ponomarev, S. V. Pridnev, S. N. Senatorov, V. A. Sidorenko, S. L. Smekalov, T. N. Smekalova, N. I. Sudarev, I. B. Teslenko, T. N. Troitskaya, A. A. Trufanov, N. I. Khrapunov, M. S. Shapcev, I. V. Shonov 2015.

FEDERAL STATE BUDGET
SCIENTIFIC INSTITUTION
«INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF CRIMEA OF RAS»

HISTORY & ARCHAEOLOGY OF CRIMEA

Vol. II

The volume of collected papers dedicated to memory of Alexander Evgenyevich Puzdrovsky

Simferopol'
2015

Введение

2015 г. ознаменовался важными событиями в истории крымской археологии. 15 января на базе Крымского филиала Института археологии было создано Государственное бюджетное научное учреждение «Институт археологии Крыма». И хотя юридически правопреемственности нет, фактически она, безусловно, присутствует. Удалось не только сохранить кадровый потенциал, но и расширить, несмотря на объективные трудности, тематику и объем исследований. Этому способствовали и полученные крымскими археологами, в том числе и сотрудниками Института археологии Крыма, гранты Российских фондов. В связи с масштабным хозяйственным освоением Крымского полуострова значительно возрос объем охранных раскопок. Преемственность между Крымским филиалом Института археологии и Институтом археологии Крыма проявляется, конечно, и в данном издании, начало которому было положено в прошлом 2014 г. Перед вами второй том «Истории и археологии Крыма».

К сожалению 2015 г. принес нам и ощутимые потери. 30 марта скоропостижно на 55 году жизни в расцвете творческих сил скончался талантливейший крымский археолог, прекрасный специалист по археологии раннего железного века Крыма, заведующий отделом археологии раннего железного века Крымского филиала и Института археологии Крыма Александр Евгеньевич Пуздровский, наш коллега, друг и соратник. Несмотря на столь малый отведенный срок, сделать удалось ученому многое. Оставленным им след в науке очень значителен. Не случайно данный выпуск Истории и археологии Крыма посвящен памяти нашего товарища. Это наш долг.

Представленные в сборнике статьи связаны не только с научными интересами А. Е. Пуздровского, но, традиционно, охватывают широкий хронологический диапазон от эпохи бронзы до позднего средневековья, включая материалы нового и новейшего времени. И это не удивительно. Хронологические рамки российской археологии очень широки. Памятники и объекты старше 100 лет уже требуют археологического изучения. Будучи истинным интеллигентом, прекрасно эрудированным человеком, настоящим знатоком древностей полуострова, Александр Евгеньевич всегда интересовался всеми периодами археологии и истории Крыма. Очень отрадно, что Усть-Альминская археологическая экспедиция, созданная и до последних дней им возглавляемая, в 2015 г. продолжила свою работу под руководством его соратников А. А. Труфанова и Г. В. Медведева.

В статье Т. А. Копьевой на основании большой статистической выборки в этническом и культурном аспекте анализируется керамическая посуда из катакомбных погребений Крымского полуострова. Выделено 14 групп посуды, которые распределены в соответствии с тремя хронологическими этапами крымских катакомбных памятников и локализацией керамики в ландшафтных зонах полуострова. Детально охарактеризованы отличительные особенности керамических комплексов каждого их этапов.

Статья А. В. Лысенко и М. С. Шапцева открывает скифо-сарматскую проблематику сборника, наиболее близкую А. Е. Пуздровскому. Главный опубликованный в ней предмет, помимо других предметов вооружения, — акинак, который исследователи объединяют в серию акинаков «келермесского» типа, датируемых второй половиной VII – первой четвертью VI вв. до н. э. Уникален не только сам предмет, но и его находка в Алуштинской долине, где подобные предметы вооружения известны небыли.

Т. Н. Троицкая предприняла попытку публикации статьи, подготовленной к печати еще в 1955 г., но которая целиком так и не появилась на страницах изданий. В статье в особую группу выделены т. н. курганы с коллективными погребениями. Последние представляют собой перекрытые курганной насыпью каменные или, значительно реже, грунтовые склепы, содержащие до ста и более расположенных ярусами захоронений. Данная группа погребальных сооружений анализируется и в статье В. В. Кропотова, которая представляет современное состояние проблемы «коллективных

погребений». В ней же рассмотрено значение и актуальность выводов Т. Н. Троицкой, сделанных 60 лет назад.

Скифские погребальные памятники двух различных регионов Крымского полуострова рассмотрены в трех публикациях С. Г. Колтухова и С. Н. Сенаторова. В первой работе рассмотрены курганы скифского и позднескифского времени на землях Соломона Крыма под Симферополем и сделана попытка восстановления закрытых комплексов, полученных в ходе раскопок 1895 г. Н. И. Веселовского. Во второй — 14 скифских погребений из курганов Юго-Западного Крыма. Сделан вывод о том, что, возможно, особенностью юго-западного региона является отсутствие захоронений в каменных гробницах, столь характерных для предгорий, а так же восточной и северо-западной части Крымского полуострова. В третьей статье авторы возвращаются к скифским древностям центрального Крыма, раскопанным Н. И. Веселовским в 1892 г. близ Симферополя. На основе архивных материалов, музейных коллекций и публикаций обстоятельно охарактеризованы четыре погребения курганного могильника Дорт-Оба. Основное внимание уделено аристократическому погребению в «Кургане Пастака» и женскому погребению в кургане Дорт-Оба 3.

Пять публикаций посвящено античным памятникам Крымского полуострова. Четыре их них — античным памятникам северо-западного Крыма, которые изучаются специалистами Института археологии Крыма уже на протяжении нескольких десятков лет. Во-первых, это работа В. А. Кутайсова, рассматривающая историческую топонимику северо-западного Крыма в античную эпоху. В ней, на основании лингвистического анализа и материалов собственных археологических исследований, автор приходит к выводу о том, что на сегодняшний день с уверенностью можно локализовать только два урбонима: Каркинитида-Керкинитида в центре современной Евпатории, и Калос Лимен в пгт. Черноморское. В статье Т. Н. Смекаловой и В. А. Кутайсова подводится итог трехлетних исследований античного поселения ортли в северо-западном Крыму. Судя по геомагнитной съемке, поселение представляло собой блок из четырех сгруппированных вместе разных по площади усадеб. Археологические исследования 2012–2014 гг. затронули только северо-восточный комплекс. В статьях В. А. Сидоренко и Г. А. Пашкевич проанализированы нумизматические находки и палеоботанические остатки, обнаруженные при раскопках данного памятника. Полученные данные дополняют наши знания о составе культурных злаков, используемых в севообороте древними греками на отдаленной хоре Херсонеса.

Обширная коллективная работа С. Б. Ланцова, В. П. Власова, С. Л. Смекалова и М. С. Шапцева посвящена первой публикации основных результатов полевых работ Донузлавской экспедиции (руководитель С. Б. Ланцов) на некрополе городища «Марьинское (Джа-баба)». Впервые, после предварительной геомагнитной разведки и обнаружения аномалий, точно локализован могильник, который связан с расположенным рядом греко-скифским городищем «Марьинское» (Джан-баба) и двумя селищами, предварительно датируемыми IV в. до н. э. – I-II вв. н. э. В 2014 г. была исследована 1 подбойная могила № 1 датируемая в рамках I в. н. э. с представительным погребальным инвентарем.

В статье А. В. Гаврилова и И. В. Шонова рассмотрены вопросы Боспорской нумизматики первой половины II в. до н. э., в частности малоизвестные боспорские статеры времени правления царицы Камасарии и Митридата VI Евпатора. Монограммы монет указывают, что их чеканка осуществлялась не только в Византии, но и в Пантикапее. На основе монетных монограмм откорректированы некоторые даты царствования и жизни предложена хронологическая схема царствования поздних Спартокидов.

Четыре публикации связаны с тематикой, которой непосредственно занимался А. Е. Пуздровский. Одна из них, подготовленная к печати А. А. Труфановым, принадлежит перу самого Александра Евгеньевича и связана с одним из самых значимых погребений знаменитого Усть-Альминского некрополя. К сожалению, ученый не успел отчетный вариант переработать в публикационный. Однако, как может убедиться читатель, и отчетный стиль А. Е. Пуздровского отличался высокой степенью подготовки текста, что свидетельствовало о высоком качестве подготовленных им и соавторами отчетов. Вторая статья написана А. А. Труфановым, но готовилась совместно с А. Е. Пуздровским по материалам раскопок двух погребальных сооружений Усть-Альминского некрополя в 2014 г. Обнаруженные находки позволяют датировать функционирование склепов в пределах I – первой половины II в. н. э. Третья статья в этом разделе, подготовленная А. А. Труфановым, посвящена публикации материалов погребений из склепа 977 из Усть-Альминского могильника.

В склепе находились 9 погребений, расположенных в три яруса. Погребения содержат находки, датирующие склеп в рамках последней трети I – первой трети II в. н. э. В работе Г. В. Медведева, которая долгое время готовилась им в соавторстве с А. Е. Пуздровским, публикуются и анализируются комплексы могил содержащих парные погребения и подзахоронения во входных ямах из Усть-Альминского некрополя. Именно эту проблематику А. Е. Пуздровский в свое время и предложил Г. В. Медведеву в качестве темы кандидатской диссертации и являлся его научным руководителем. Делается вывод о том, что данный обряд не типичен для традиции индивидуальных погребений первых веков н. э., хотя и встречается в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма. Статья А. А. Волошинова посвящена одной из наиболее крупных в Крыму коллекции памятников варварской скульптуры I – III вв. н. э., найденных при раскопках городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника. Часть из них демонстрирует тесную связь с ранней скифской скульптурой.

Обширная коллективная работа А. В. Лысенко, В. В. Масякина и В. И. Мордвинцевой посвящена первой публикации результатов раскопок уникального памятника-некрополя Лучистое-2, пока единственного известного в районе Южного берега Крыма объекта с погребальными комплексами раннеримского времени. Получено общее представление о размерах, хронологии, погребальном обряде, этнографическом костюме и культурных связях использовавшего могильник населения. Анализ материалов некрополя, раскопки которого продолжаются до настоящего времени, будет способствовать существенному повышению достоверности реконструкций этнополитической ситуации в Таврике римского времени.

Салтово-маяцкая проблематика рассмотрена в статье Д. В. Бейлина и Л. Ю. Пономарева. Анализируются материалы долговременного поселения Завал-Восточное, расположенного на северо-восточной оконечности Керченского полуострова. Памятник интересен наличием четко выраженного стратиграфического горизонта VII в, перекрытого слоями второй половины VIII в. – начала X вв.

Проблематика Таврики византийского времени и периода развитого средневековья рассматривается в нескольких работах. В статье В. В. Лаврова проанализированы по большей части неопубликованные материалы разведок Е. В. Веймарна, проводившихся на территории пещерного города Качи-Кальон. На основании оброботанных архивных материалов автор приходит к выводу о том, что пещерный город Качи-Кальон, собственно, как и другие пещерные города, является многослойным памятником, имеющим, как минимум 2 периода функционирования в пределах VII – X и XIV – XV вв.

В публикационной статье Н. И. Сударева и В. В. Майко проанализированы средневековые материалы, полученные в ходе охранных исследований на Таманском городище в 2012 г. Обнаруженный культурный слой и археологические комплексы относятся к хазарскому, византийскому и османскому периодам его истории и дополняют имеющиеся представления о материальной культуре жителей. Сравнение полученных керамических комплексов и индивидуальных находок Таманского городища показывает их бесспорную близость аналогичным и синхронных комплексам восточного и юго-восточного Крыма.

Проблематика Херсонеса периода развитого средневековья представлена в совместной статье С. В. Ушакова, С. А. Даниловой и В. В. Дорошко. Рассматривается она на примере средневекового некрополя базилики «Крузе». Последний, исследованный в (1998, 2005–2013 гг.) возникает в начале XI в. и функционирует до XIII в. включительно. Погребальный инвентарь малочисленен, что характерно для христианских могильников Херсонеса указанного хронологического периода.

И. Б. Тесленко в новой работе продолжает изучать вопросы хронологии и развития группы кухонных судов, получившей условное название горшки с рельсовидным венчиком. Автор приходит к выводу о том, что кухонные сосуды группы ГРВ появились в Крыму не ранее середины XV в. в то же время, что и глазурованная столовая посуда производства Изника (так называемые «Miletus Ware»). Период их жизни в Крыму синхронен к периоду турецкого доминирования в Черноморском регионе и проливах и продолжается до катастрофы турецкой Империи в последней четверти XVIII в. Таким образом появляется своеобразный хронологический индикатор, позволяющий четко выделять памятники раннеосманского времени.

Статья С. В. Приднева посвящена исследованию в 2003 г. остатков фундамента разрушенных в 1959 г. крепостных ворот «Одун Базар Капусу» в городе Евпатории. На основании проведенного тщательного архивного исследования, автор считает предположительной датой их строитель-

ства вторую половину XVI в. В процессе исследования удалось выявить фундаменты ворот и раскрыть сохранившийся участок боковой (северной) стены. Ценным дополнением работы является основательно скорректированный проект реконструкции ворот и музеефикации их северной стены.

Несколько исследований посвящено истории Крыма нового и новейшего времени. Статья Н. И. Храпунова вводит в научный оборот самые ранние сведения об открытии в 1827 г. столицы позднескифского государства Неаполя Скифского. Источником для автора статьи послужили записки иностранных путешественников Дж. Уэбстера, Дж.-Э. Александера и Ф. Дюбуа де Монпере. Рассматривается и необычная судьба первооткрывателя памятника — А. И. Крым-Гирея, перешедшего в христианство потомка крымских ханов.

В работе В. П. Кирилко анализируется проект т. н. харакского храма одного из самых известных крымских архитекторов конца XIX – начала XX вв. Н. П. Краснова. Автор справедливо подчеркивает уникальность возведения харакской церкви, поскольку весь ход строительных работ лично архитектором регулярно документировался — в переписке, фотографиях, сметах. Отчасти благодаря этому шедевру ему вскоре было доверено строительство царского дворца в Ливадии.

В статье А. А. Непомнящего на основе архивных материалов ИИМК РАН в С. Петербурге проанализировано сохранившееся эпистолярное наследие Ю. А. Кулаковского и восстановлены эпизоды истории составления «Археологической карты Крыма», работа над которой велась по поручению и при финансировании императорской Археологической комиссии. Рассмотрены и тщательно проанализированы 13 писем Ю. А. Кулаковского к Арсению Ивановичу Маркевичу, датированных 1894–1895 гг. Работа Э. Б. Петровой посвящена жизни и деятельности еще одного известнейшего крымского краеведа, заведующего Феодосийским музеем древностей в 1900–1917 гг. Людвика Петровича Колли, который был близким другом Арсения Ивановича. Вместе они составляли блестящую плеяду крымских ученых начала XX в. на которую современным ученым Крыма необходимо ровняться.

В статье М. В. Кутайсовой на примере гостиницы «Модерн», построенной в 1908 г., на месте, где на протяжении многих веков разворачивались события, значимые не только для г. Евпатории и Крыма, но и всей России, проанализирована застройка центральной части г. Евпатория.

В теоретической работе А. Е. Кислого опираясь на историко-демографические закономерности трансформации общества, автор говорит о системных случаях исчезновения и уничтожения образцов материальной культуры, начиная с глубокой древности. По мнению ученого их основная суть в изменении идеологических воззрений в новом становящемся обществе времени демографического перехода, связанного с революцией воспроизводящего хозяйства.

Редколлегия сборника от всей души надеется, что второй том получился не хуже первого.

Ответственный редактор

ПАМЯТИ ДРУГА.

А. Е. ПУЗДРОВСКИЙ

30 марта 2015 г. на 55 году безвременно ушел из жизни Александр Евгеньевич Пуздровский, кандидат исторических наук, заведующий Отделом археологии раннего железного века ГБНУ Республики Крым «Институт археологии Крыма». Он родился 1 сентября 1960 г. в Полтаве. Его отец, Пуздровский Евгений Петрович (1929–2014 гг.), кандидат геолого-минералогических наук, долгое время руководил геологическими экспедициями и работал заместителем начальника объединения «Полтавнефтегаз». В зрелом возрасте он активно занялся литературной деятельностью, стал известным украинским писателем. Мать Пуздровская Неля Павловна (1937–2012 гг.) работала техником-геофизиком, вместе с мужем.

Александр Евгеньевич учился в Полтаве в средней школе № 14, которую закончил в 1977 г. Кроме того, учился в музыкальной школе, по классу фортепиано. Любовь к классической музыке пронес по всей жизни, иногда сам музицировал на пианино. В детском возрасте (19691–970 гг.) вместе с родителями, направленными в служебную командировку в Польшу, некоторое время жил и учился в Кракове, где изучал польский язык, которым в последствии владел наряду с русским и украинским. Еще в школьные годы под влиянием прочитанной им в журнале «Юность» (1967, № 7) статьи Л. С. Клейна «Археология под золотой маской» проявился интерес к археологии. В 1975–1976 гг. он участвовал в раскопках раннеславянских и древнерусских поселений в составе Левобережной славяно-русской экспедиции ИА АН Украины, под руководством первого учителя О. В. Сухобокова.

Сразу после школы А. Е. Пуздровский поступил в Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе (1977–1982 гг.) на исторический факультет (кафедра истории древнего мира и средних веков), который закончил с отличием. В ВУЗе, начиная с третьего курса, руководил студенческим археологическим клубом «Эос», как оказалось в дальнейшем, ставшим кузницей высоко квалифицированных молодых кадров для отечественной археологии тех лет. В 1977 г., ещё учась на стационаре университета, он уже был одновременно принят лаборантом в штат Отдела археологии Крыма Института археологии АН Украины. Будучи студентом, он, в основном, участвовал в исследовании Неаполя Скифского и его некрополя (под руководством О. А. Махневой). В эти годы родилась любовь, первая семья и единственная дочь, а также появился лучший друг на всю жизнь — жена О. А Ворсина (сейчас О. А. Грива), ныне доктор философских наук, проф. Крымского федерального университета. Дочь — М. А. Пуздровская (1982 г. рожд.), сейчас известный киевский художник-дизайнер. Друг — П. М. Ляшук (1960 г. рожд.), главный научный сотрудник Государственного музея героической обороны и освобождения Севастополя, один из наиболее известных отечественных специалистов по истории Крымской войны 1853–1856 гг. в постсоветское время.

После получения высшего образования Александр Евгеньевич короткое время по распределению работает в Симферополе в Крымском областном обществе охраны памятников истории и культуры, совмещая работу с исследовательской деятельностью. В 1984 г. он вновь принят в Отдел археологии Крыма на должность старшего лаборанта, а в 1989 г. переведен в младшие научные сотрудники. Вся его трудовая деятельность связана с этим научным учреждением. Его супругой стала Л. А. Ясельская, которая в последние годы руководила отделом культуры Крымской епархии и является ответственным редактором газеты «Таврида православная», автор ряда трудов по истории православия и православной культуры в Крыму.

В 1989–1992 гг. Александр Евгеньевич обучался в дневной аспирантуре Института археологии НАН Украины (Киев) (рук. С. Д. Крыжицкий), по окончании которой в 1993 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Население Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. (этнополитический аспект)». Диссертация была подготовлена в Отделе античной археологии, где автор оставил о себе добрую память. Учебу он, как всегда, совмещал с активной археологической полевой работой. Участвовал в раскопках и руководил исследованиями многих памятников (столица Крымской Скифии — Неаполь Скифский, Усть-Альминское городище и некрополь, поселения Доброе, Кермен-Кыр, Вилино, древнегреческий город Керкинитида, античное святилище на Сакской пересыпи, Битакский и Перевальненский позднескифские могильники, средневековый Партенит и др.).

В год защиты диссертации в 1993 г. после киевской аспирантуры и распределения на должность научного сотрудника в Крымский филиал Института археологии АН Украины Александр Евгеньевич приступил к изучению позднескифского Усть-Альминского некрополя около села Песчаное Бахчисарайского района Крыма. Этот памятник стал главным объектом его ежегодных полевых исследований в течение 22 последующих лет, вплоть до смерти. Наряду с многочисленными погребениями здесь изучен отдельный участок элитных захоронений раннеримского времени (с небывалым по сохранности и составу комплексов находок украшений и различных предметов импорта от Рима до Китая). Это открытие явилось «золотой» (в прямом и переносном смысле слова) страницей Крымской археологии последних десятилетий.

Помимо Усть-Альминского могильника, в качестве начальника Альминской экспедиции, А. Е. Пуздровский проводил исследования и ряда других позднескифских некрополей Юго-Западного Крыма (Брянское, Суворово, Вишневое, Красная Заря, Капак-Таш, Холмовка), вел работы на позднескифском городище Плодовое и на греко-скифском поселении Вилино (Рассадное). Вместе с П. М. Ляшуком он также руководил археологическими разведками и раскопками на поле Альминского сражения 1854 г. В 1996 г. по представлению руководства Крымского филиала ИА НАН Украины ему была присуждена премия «Золотой Скиф» за выдающиеся достижения в изучении скифской культуры. В 1999 г. он был аттестован на старшего научного сотрудника, а с июля 2014 г. назначен заведующим Отделом археологии раннего железного века ГБНУ РК «Институт археологии Крыма».

Александр Евгеньевич участвовал с докладами в многочисленных Международных и Региональных конференциях, опубликовал около 130 статей и заметок, изданных в Украине, России, Молдове, Германии. В 2007 г. вышла его монография «Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники», в основу которой были положены результаты многолетнего изучения ее автором Усть-Альминского некрополя и материалы других могильников Крыма.

В декабре 2009 г. А. Е. Пуздровскому была утверждена тема докторской диссертации «Поздние скифы и сарматы Крыма в контексте истории Северного Причерноморья». Можно не сомневаться, что данная работа, учитывающая археологические открытия последних лет, стала бы важной вехой в сарматской и позднескифской археологии, но сбыться этому оказалось не суждено.

Основным направлением полевых работ ученого всегда были позднескифские могильники II в. до н. э. – III в. н. э., а основной историко-итерпретативной проблематикой являлась реконструкция этнополитической ситуации в Крымской Скифии. Он разработал новую концепцию этно-политической истории Крымской Скифии, предложил оригинальную модель развития позднескифского объединения племен и его взаимоотношений с соседними народами и античными государствами. Внес значительный вклад в науку, совместно с коллективом исследователей проведя беспреце-

дентные по масштабам спасательные археологические раскопки позднескифских и позднеантичных могильников в Центральном и Юго-Западном Крыму.

В 2008–2009 гг. А. Е. Пуздровский читал курс лекций «Этническая история Крыма» в Таврической духовной семинарии. В 1998–2012 гг. он был председателем профкома КФ ИА НАНУ, входил в состав Крымского Регионального комитета профсоюза работников НАН Украины, в 2007–2012 гг. был избран членом Центрального комитета профсоюза работников НАН Украины. Многие сотрудники надеялись на его помощь в трудовых спорах.

Он был жизнерадостным человеком, неутомимым рассказчиком, интересным собеседником, верным другом, генератором идей, успешным ученым, удачливым в полевой практике. Ничего человеческого ему было не чуждо, вместе с тем, он был глубоко верующим православным христианином. Память об Александре Евгеньевиче навсегда сохраниться в сердцах тех, кто его знал.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ АЛЕКСАНДРА ЕВГЕНЬЕВИЧА ПУЗДРОВСКОГО

1981

1. Историческая топография Восточного некрополя Неаполя Скифского // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. — Киев, 1981. — С. 65–66.

1983

2. Грунтовый склеп из окрестностей Неаполя Скифского // Население и культура Крыма в первые века н. э. — Киев, 1983. — С. 149–153 (в соавторстве с С. Г. Колтуховым).

1987

3. К вопросу о причинах миграций населения лесостепного Правобережья в предскифское и раннескифское время // Тез. докл. обл. научн.-практ. конф. посв. 100-летию со дня рождения М. Я. Рудинского. — Полтава, 1987. — С. 48–49.

4. Восточный некрополь Неаполя Скифского // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. Всесоюзн. конф. (Суздаль, 1987). — М., 1987. — С. 230–231.

5. Погребение в амфоре на некрополе Неаполя Скифского // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. — Киев, 1987. — С. 205–207.

6. О двух поселениях кизил-кобинской культуры в Симферополе // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н. э. – VII в. н. э. — Киев, 1987. — С. 199–204 (в соавторстве с О. А. Махневой).

7. Об исторической топографии некрополя Неаполя Скифского // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Тез. докл. обл. научн. конф. по разделам скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. — Омск, 1987. — С. 147–149.

8. О сарматах в Неаполе Скифском (по материалам могильника) // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. — Киев, 1987. — С. 136–137.

1988

9. Рец: Памятники материальной культуры древней и средневековой Полтавщины: Каталог выставки (Сост.: Гороховский Е. Л., Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Моргунов Ю. Ю., Супруненко А. Б. Полтава), 1985. 56 с., илл. Памятники древнеегипетского искусства в собрании Полтавского краеведческого музея: Каталог выставки (Сост. Супруненко А. Б.). Полтава, 1986. 64 с., илл. // СА. — 1988. — № 4. — С. 282–283.

10. Мегарон позднескифского поселения у с. Доброе // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. — Киев, 1988. — С. 157–163.

11. О керамическом импорте позднескифского городища Кермен-Кыр // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным Тез. докл. IV конф. молодых ученых ИА АН СССР. — Москва, 1988. — С. 64–65.

12. К проблеме формирования Неаполя Скифского // Проблемы античной культуры. ТД Крымской науч. конф. Ч. III. — Симферополь, 1988. — С. 303–304.

13. Лепная курильница позднескифского времени из Полтавского краеведческого музея // Охрана и исследование памятников археологии Полтавщины: [Перв.] обл. научн.-практ. Семинар. ТДС. — Полтава, 1988. — С. 32–33.

14. К интерпретации захоронений в мавзолее Неаполя Скифского // ПИАСХ. Тез. докл. конф. — Севастополь, 1988. — С. 85–87.

1989

15. Неаполь Скифский и Боспор // Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева (Ленинград, 14–17 марта 1989 года). — Новочеркасск, 1989. — С. 62–63.

16. О постройках типа мегарон у поздних скифов // Проблемы исследований античных городов. Тез. докл. конф. пам. В. Д. Блаватского. — М., 1989. — С. 99–100.

17. Охоронні роботи на пізньоскіфському городищі Кермен-Кир // Археологія. — 1989. — № 2. — С. 136–142.

18. Позднеантичный могильник у с. Перевальное в Крыму // Проблеми історії і археології давнього населення Української РСР. Тез. докл. конф. (Одеса). — Київ: Наук. думка, 1989. — С. 100–101.

19. Сармати в Неаполі Скіфському // Археологія. — 1989. — № 3. — С. 30–40.

20. Работы Симферопольской экспедиции // Вестник краеведа. Тезисы научных докладов и сообщений (апрель 1991 г.). — № 2. — Запорожье, 1991. — С. 21–23.

21. Сарматы в Крыму // ПИК. — Симферополь, 1991. — С. 100–101.

22. Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. — Херсон, 1991. — С. 116–122 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым и И. И. Новиковым).

1992

23. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н. е. – перш. пол. III ст. н. е. // Археологія. — 1992. — № 2. — С. 125–135.

24. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского // РА. — 1992. — № 2. — С. 181–199.

25. К вопросу о скифо-херсонесских конфликтах в III – II вв. до н. э. // Межполисные отношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура. Материалы к конференции в Херсонесском заповеднике 26–30 октября 1992 г. — Севастополь, 1992. — С. 36–38.

26. Население Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. (этнополитический аспект) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1993. — 16 с.

27. Поховання I – II ст. н. е. з Неаполя Скіфського // Археологія. — 1993. — № 1. — С. 124–126.

28. Кизил-кобинське поселення Карагач // Археологія. — 1993. — №4. — С. 130–133 (в соавторстве с В. А. Колотухиным).

29. Работы Симферопольской экспедиции в 1991 году // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. — Луцьк: Надстир'я, 1993. — С. 103–104 (в соавторстве с С. В. Гумашьяном, Ю. П. Зайцевым, И. И. Новиковым).

1994

30. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н. э. // Проблемы истории и археологии Крыма. — Симферополь: Таврия, 1994. — С. 114–126.

31. О сарматах в Крыму // МАИЭТ. — Вып. IV. — Симферополь: Таврия, 1994. — С. 397–405.

32. Могильник III – IV вв. н. э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье (IV – IX вв.). Тез. докл. конф. — Симферополь, 1994. — С. 55–56.

33. О скифо-херсонесско-ольвийских отношениях в конце III – начале II вв. до н. э. // «Ольвия-200». Тез. докл. межд. конф. 5–9 сентября 1994 г. с. Парутино. — Николаев, 1994. — С. 105–106.

34. Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Киев, 1994. — С. 217–237 (в соавторстве с Ю. А. Зайцевым).

35. Плита с сарматскими знаками из Неаполя Скифского // Северо-Западный Крым в античную эпоху. — Киев, 1994. — С. 253–257 (в соавторстве с И. В. Ачкинази).

36. Раскопки Усть-Альминского могильника // АИК 1993 г. — Симферополь: Таврия, 1994. — С. 224–227 (в соавторстве с И. И. Лободой).

1995

37. О скифо-херсонесских конфликтах в III – II вв. до н. э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные отношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика. Политика. Культура». — Севастополь, 1995. — С. 142–145.

1996

38. Набор бронзовых амулетов из Усть-Альминского могильника // Крымский музей. 1995–1996 гг. — Симферополь: Таврия, 1996. — С. 36–38.

39. Кермен-Кыр — «царская» крепость Крымской Скифии // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава: ЦОДПА ВЦ «Археолог», 1996. — С. 235–241.

1997

40. Охранные исследования грунтового склепа на Усть-Альминском позднескифском некрополе // Археология Крыма. 1997. — № 1. — С. 159–161 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым, А. В. Лысенко, С. В. Семиным и С. В. Татарцевым).

41. Этногеография и этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Археология Крыма. — 1997. — № 2. (Сигнальн. экз.). — С. 75–83.

42. Новые памятники эпохи поздней бронзы – раннего железного века в Симферополе // Археология Крыма. — 1997. — № 2 (Сигнальн. экз.). — С. 27–35 (в соавторстве с В. Б. Уженцевым).

43. Охранные исследования в округе городища Кермен-Кыр // Археологические исследования в Крыму. 1994 г. — Симферополь: СОНАТ, 1997. — С. 227.

44. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Вып. I. — Симферополь: Таврия, 1997. — С. 167–180.

45. Охранные раскопки Усть-Альминского могильника // АИК 1994 г. — Симферополь: СОНАТ, 1997. — С. 228–231 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым и И. И. Лободой).

46. Погребения сарматской знати I в. н. э. на Усть-Альминском некрополе (по материалам раскопок 1996 г.) // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. межд. научн. конф. — Севастополь, 1997. — С. 98–100 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым и И. И. Лободой).

47. Новые памятники III – IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // Тез. докл. межд. конф. « Византия и Крым». — Севастополь, 1997. — С. 69–70 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым и И. И. Неневолей).

1998

48. «Мала Скіфія» в Криму // Давня історія України. — Київ: Вид-во Інституту археології НАН України, 1998. — Т. 2. — С. 180–192 (в соавторстве с В. М. Зубарем).

49. Погребения IV в. до н. э. на участке раскопок античного театра в Херсонесе // Херсонесский сборник. — Вып. IX. — 1998. — С. 74–79 (в соавторстве с О. А. Махневой).

1999

50. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. — 1999. — № 4. — С. 203–222.

51. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н. э. – III в. н. э.) // Херсонесский сборник. — Вып. X. — 1999. С. 208–225.

52. Погребение воина гуннского времени на Усть-Альминском могильнике // Херсонесский сборник. — Вып. X. — 1999. — С. 194–207 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым и И. И. Неневолей).

2000

53. К вопросу об этнокультурных связях Крымской Скифии с Центральной Азией и Китаем в I – II вв. н. э. // Пантикапей–Боспор–Керчь — 26 веков древней столице. Материалы международной конференции. — Керчь, 2000. — С. 102–108.

2001

54. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. — № 118. — М., 2001. — С. 122–140.

55. Погребальный обряд знати I – II вв. н. э. Усть-Альминского некрополя в Крыму // Проблемы религий стран черноморско-средиземноморского региона. — Вып. II. — Севастополь-Краков, 2001. — С. 170–177.

56. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ. — 2001. — № 3. — С. 86–118.

57. Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в. н. э. // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. — Ч. 2. — СПб., 2001. — С. 212–217.

58. Охранные исследования Усть-Альминского могильника в Крыму // АДУ 2000 р. — Київ, 2001. — С. 199–200.

59. Новые памятники III – IV вв. н. э. в Юго-Западном Крыму // МАИЭТ. — Вып. VIII. — Симферополь, 2001. — С. 32–50 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым и И. И. Неневолей).

60. Курган у с. Цветочное в Белогорском районе Крыма // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — Вип. IX. — Запоріжжя, 2001. — С. 149–159 (в соавторстве с Г. Н. Тощевым).

2002

61. Грунтовый склеп рубежа н. э. из окрестностей Неаполя Скифского // Северное Причерноморье в античное время. Сборник научных трудов. К 70-летию С. Д. Крыжицкого. — Киев, 2002. — С. 162–172.

62. К вопросу о культе женского божества у поздних скифов Крыма // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. — Ч. 2. — СПб., 2002. — С. 105–115.

63. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // Eurasia antiqua. — Berlin, 2002. — Bd. 8. — S. 295–346 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым и И. И. Лободой).

2003

64. Склеп раннеримского времени из округи Неаполя Скифского // Херсонесский сборник. — 2003. — Вып. XII. — С. 124–139.

2004

65. К вопросу о хронологии и этнокультурной принадлежности погребений с ожерельями с подвесками в виде бабочек // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. — Ч. 2. — СПб., 2004. — С. 298–305.

66. П. Н. Шульц и проблема сарматизации позднескифской культуры // У Понта Евксинского. — Симферополь: Изд-во КФ ИА НАНУ, 2004. — С. 55–57.

67. Северо-восточный участок вырубных склепов Неаполя Скифского // У Понта Евксинского. — Симферополь, 2004. — С. 108–118 (в соавторстве с К. А. Черненко).

68. Охранно-археологические раскопки у с. Холмовка в Юго-Западном Крыму // АВУ 2002–2003 рр. — Київ: Вид-во ІА НАНУ, 2004. — С. 314–316 (в соавторстве с А. А. Труфановым и Г. В. Медведевым).

69. Скифы. Сарматы. Аланы // Крым сквозь тысячелетия. — Симферополь: « ЛИРа», 2004 — С. 63–76.

70. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя // АВУ 2002–2003 рр. — Київ: Вид-во ІА НАНУ, 2004. — С. 275–277 (в соавторстве с Г. В. Медведевым, А. Е. Соломоненко и А. А. Труфановым).

71. Prunkbestattungen des I Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999 // Eurasia antiqua. — Berlin, 2004. — Bd. 10. — S. 229–267 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым).

2005

72. Клинковое оружие Крымской Скифии I – III вв. н. э. // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. — СПб., 2005. — С. 315–322.

73. Погребение с фибулой-брошью с изображением женского божества из Усть-Альминского некрополя // Боспорские исследования. — Вып. VII. — 2005. — С. 288–298.

74. Статьи к каталогу (№ 59–78, 134–143, 146) // «Древние сокровища Юго-Западного Крыма». Каталог выставки. — Симферополь: Тарпан, 2005.

75. Усть-Альминский позднескифский некрополь в Юго-Западном Крыму // «Древние сокровища Юго-Западного Крыма». Каталог выставки. — Симферополь: Тарпан, 2005. — С. 27–28 (в соавторстве с Ю. А. Зайцевым).

76. Погребения I – II вв. н. э. из Усть-Альминского некрополя // Херсонесский сборник. — 2005. — Вып. XIV. — С. 271–282 (в соавторстве с Г. В. Медведевым).

77. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя в 2004 г. // АДУ 2003–2004 рр. КиЇв-Запоріжжя: « Дике Поле», 2005. С. 267–268 (в соавторстве с Г. В. Медведевым, А. Е. Соломоненко и А. А. Труфановым).

78. A tomb of early roman period from the region of Scythian Neapolis // ACSS. — 2005. — Vol. 11. — No. 1–2. — P. 85–105.

2006

79. Сарматы и аланы // История Крыма с древнейших времен до наших дней. — Симферополь: « Атлас-компакт», 2006. — С. 92–96.

80. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя в 2005 г. // АДУ 2004–2005 рр. — КиЇв-Запоріжжя: « Дике Поле», 2006. — С. 323–324 (в соавторстве с Г. В. Медведевым, А. Е. Соломоненко и А. А. Труфановым).

2007

81. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. — Симферополь: Бизнесинформ, 2007. — 480 с., илл.

82. Ритуальные предметы из погребений «жриц» Усть-Альминского некрополя // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. — СПб., 2007. — Ч. II. — С. 278–285.

83. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя // АИК за 1995 г. — Симферополь: СОНАТ, 2007. — С. 116 (в соавторстве с Ю. П. Зайцевым и И. И. Неневолей).

84. Грунтовый склеп 1–2 вв. н. э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя // Древняя Таврика. — Симферополь: Универсум, 2007. — С. 207–228 (в соавторстве с А. Е. Соломоненко).

85. Охранные работы в Бахчисарайском районе // АИК за 1995 г. — Симферополь: СОНАТ, 2007. — С. 117–125 (в соавторстве с А. А. Труфановым и В. Ю. Юрочкиным).

2008

86. Три погребальных комплекса из Усть-Альминского некрополя // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Вып. 3. — Симферополь: Антиква, 2008. — С. 24–44.

87. Археологические памятники в нижнем течении р. Альма // Альминские чтения. Материалы научно-практической конференции. — Симферополь: Антиква, 2008. — С. 28–35.

88. Охранные исследования 2007 г. за эполементом на поле Альминского сражения // Альминские чтения. Материалы научно-практической конференции. — Симферополь: Антиква, 2008. — С. 28–35 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

89. Охранные исследования на территории Мемориала «Поле Альминского сражения» в 2007 г. // АДУ 2007 рр. — Київ, 2008. — С. 302 (в соавторстве с П. М. Ляшуком и Г. В. Медведевым).

90. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя в 2006 г. // АДУ 2005–2007 рр. — Київ-Запоріжжя: «Дике Поле», 2008. — С. 320–322 (в соавторстве с Г. В. Медведевым, А. Е. Соломоненко и А. А. Труфановым).

91. Погребение раннесредневекового времени из Усть-Альминского некрополя // Херсонесский колокол. — Симферополь: СОНАТ, 2008. — С. 339–343 (в соавторстве с А. Е. Соломоненко).

2009

92. Комплекс с бронзовой и серебряной посудой I в. н. э. из Усть-Альминского некрополя в Крыму // STRATUM plus. 2005–2009. — № 4. — 2009. — С. 329–338.

93. «Рельеф конного Палака», могила «аланского военачальника» и «элитный некрополь» Неаполя Скифского // Боспорский феномен: Искусство на периферии античного мира. — СПб, 2009. — С. 532–539.

94. Скифское городище Кермен-Кыр // Херсонесский колокол. — Симферополь, 2009. — С. 273–285.

95. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя в 2007 г. // АДУ 2006–2007 рр. — Київ, 2009. — С. 303–304 (в соавторстве с Г. В. Медведевым, А. Е. Соломоненко и А. А. Труфановым).

96. Охранные исследования в долине р. Альмы в 2007 г. // АДУ 2006–2007 рр. — Київ, 2009. — С. 305–306 (в соавторстве с Г. В. Медведевым и А. А. Труфановым).

2010

97. Воинское погребение гуннского времени из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. — № 22. — Донецк, 2010. — С. 285–310.

98. Поздние скифы и сарматы // «Крым от древности до наших дней». — Симферополь: ИД «Черноморпресс», Феодосия: ИД «Коктебель», 2010. — С.85–88.

99. Бронзовая матрица с изображением Зевса из Юго-Западного Крыма // STRATUM plus. — 2010. — № 4. — С. 197–207 (в соавторстве с А. А. Труфановым).

100. Каменный подкурганный склеп с «коллективными» захоронениями у с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Археологический альманах. — № 22. — Донецк, 2010. — С. 199–206 (в соавторстве с А. А. Труфановым и Г. В. Медведевым).

101. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя в 2009 г. // АДУ 2009 р. — Київ-Луцьк, 2010. — С. 357–359 (в соавторстве с А. А. Труфановым и А. Е. Соломоненко).

102. Охранные раскопки и разведки в нижнем течении р. Альма в 2009 г. // АДУ 2009 г. КиЇв-Луцьк, 2010. — С. 352–354 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

103. Охранные работы на городище Вилино в 2009 г. // АДУ 2009 г. — Київ-Луцьк, 2010. — С. 355–356 (в соавторстве с Г. В. Медведевым и П. М. Ляшуком).

104. Охранные исследования Альминской экспедиции // АДУ 2008 р. — Київ, 2010. — С. 248–250 (в соавторстве с Г. В. Медведевым, А. Е. Соломоненко и А. А. Труфановым).

2011

105. Погребения сарматских «жриц» из Юго-Западного Крыма // STRATUM plus. — 2011. — № 4. — С. 271–290.

106. Деревянные и костяные изделия боспорского производства из Усть-Альминского некрополя // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур. XII Боспорские чтения. — Керчь, 2011. — С.301–305.

107. Граффити на краснолаковой посуде из могильников Крымской Скифии // Боспорский феномен: население, языки, контакты. — СПб: Нестор-История, 2011. — С. 373–381.

108. Крымская Скифия и Боспор в системе «Великого Шелкового пути» // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке. — СПб.: Нестор-История, 2011. — С. 494–498.

109. Охранные раскопки и разведки в нижнем течении р. Альма в 2010 г. // АДУ 2010 г. — Київ-Полтава, 2011. — С. 280 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

110. Охранные исследования на городище Вилино (Рассадное) // АДУ 2010 г. — Київ-Полтава, 2011. — С. 281–282 (в соавторстве с Г. В. Медведевым и П. М. Ляшуком).

111. Исследования Усть-Альминского некрополя. // АДУ 2010 г. — Київ-Полтава, 2011. — С. 283–285 (в соавторстве с А. А. Труфановым и А. Е. Соломоненко).

2012

112. Погребение с фигурным краснолаковым сосудом из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время. Труды ГИМ. — Вып. 191. — М., 2012. — С. 201–207.

113. Погребальный обряд захоронений гуннского времени Усть-Альминского некрополя // Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. Тезисы докладов. — Бахчисарай, 2012. — С. 55–57.

114. Памятники археологии и периода Крымской войны в нижнем течении р. Альма (охранные работы 2009 г.) // Альминские чтения. — Вып. № 3. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. — С. 7–19 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

115. Разведки и охранные исследования в нижнем течении р. Альма в 2010 г. // Альминские чтения. — Вып. № 3. — Симферополь: Бизнес-Информ, 2012. — С. 20–34 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

116. Разведки в нижнем течении р. Альма // АДУ 2011 р. — Київ-Луцьк: Волинські старожитності, 2012. — С. 102–103 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

117. Охранные исследования на городище Вилино (Рассадное) // АДУ 2011 р. — Київ-Луцьк: Волинські старожитності, 2012. — С. 104–105 (в соавторстве с П. М. Ляшуком и Г. В. Медведевым).

118. Исследования Усть-Альминского некрополя // АДУ 2011 р. — Київ-Луцьк: Волинські старожитності, 2012. — С. 106–108 (в соавторстве с П. М. Ляшуком, Г. В. Медведевым, А. Е. Соломоненко и А. А. Труфановым).

2013

119. Детское погребение с граффити-посвящением на краснолаковой тарелке из Усть-Альминского некрополя // Крым в сарматскую эпоху. — Симферополь: Доля, 2013. — С. 61–70.

120. Поле Альминского сражения (итоги исследований 2007–2012 гг.) // Кримська війна: історія та уроки. 1853–1856 рр. — Київ, 2013. — С. 307–318 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

121. Разведки в нижнем течении р. Альма // АДУ 2012 р. — Київ-Луцьк, 2013. — С. 83 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

122. Работы в нижнем течении р. Альма: разведки // АДУ 2013 р. — Київ, 2014. — С. 72–73 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

123. Охранные исследования на городище Вилино // АДУ 2012 р. — Київ-Луцьк, 2013. — С. 84–85 (в соавторстве с П. М. Ляшуком, Д. А. Масютой и Г. В. Медведевым).

124. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя // АДУ 2012 р. — Київ-Луцьк, 2013. — С. 85–87 (в соавторстве с П. М. Ляшуком, Г. В. Медведевым, А. Е. Соломоненко и А. А. Труфановым).

125. Ust’-Al’ma: Die Siedlung und Nekropole // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen-Skythen-Goten. — Bonn, 2013. — S. 290–323.

126. Die Hunnengraber der Nekropole von Ust’-Al’ma // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten. — Bonn, 2013. — S. 362–371.

2014

127. Разведки в нижнем течении р. Альма в 2011 г. // Альминские чтения. — Вып. № 4. — Симферополь-Бахчисарай, 2014. — С. 123–136 (в соавторстве с П. М. Ляшуком).

128. Охранные исследования на городище Вилино (Рассадное) // АДУ 2013 р. — Київ, 2014. — С. 73–74 (в соавторстве с Г. В. Медведевым, П. М. Ляшуком и Д. А. Масютой).

129. Охранные исследования Усть-Альминского некрополя // АДУ 2013 р. — Київ, 2014. — С. 75–77 (в соавторстве с А. А. Труфановым и А. Е. Соломоненко).

130. Два комплекса раннеримского времени из Усть-Альминского некрополя // История и археология Крыма. Т. I. — Симферополь, 2014. — С. 176–182.

Т. А. Копьева

КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ В КРЫМУ

В статье анализируется керамическая посуда из катакомбных погребений Крымского полуострова. Керамика рассмотрена в этническом и культурном аспекте. В классификации использованы данные о 314 погребениях, которые сопровождались сосудами. Выделено 14 групп посуды, которые распределены в соответствии с хронологией крымских катакомбных памятников и локализацией керамики в ландшафтных зонах полуострова.

На раннем этапе выделена керамика групп II/2, III, IV – VII, IX – X, XII, подтверждающая интенсивный характер культурных связей с территорией Нижнего Дона и степного Предкавказья.

Средний этап характеризуется керамикой группы II/2-4, свидетельствующей о продвижении и заселении полуострова племенами днепро-азовской культуры, связи поддерживаются с районами Нижнего Подонья (группа VI/2), Северного Причерноморья.

На позднем этапе Крым осваивают племена ингульской культуры, об этом свидетельствует керамика групп VIII, X, XII/2-4. Одновременно, с ней продолжает развиваться поздняя культурная группа скорченного обряда, преемственность с днепро-азовской культурой определяет керамика групп II, VI/2, местный этнический компонент фиксирует посуда групп II/1-2, V, VI/1, VII, VIII, XI. Культурные связи поддерживаются с поздними катакомбными культурами Нижнего Дона, степного Предкавказья (группы II/1-2, XII/1, XIII, XIV).

Ключевые слова: катакомбная культура Крыма, керамика, классификация, хронология.

Значение керамики в изучении катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) ценно тем, что собственно керамический комплекс дифференцирует материал и выделяет региональные особенности катакомбных культур. С момента разработки первой типологии керамики для района Нижнего Подонья [Братченко, 1976, с. 23–30] накопился внушительный опыт ее классификации, схема адаптировалась, дополнялась или перерабатывалась в соответствии с территориальными особенностями катакомбных культур [Пустовалов, 1981; 2001; Смирнов, 1996; Кияшко, 1999 с. 64; 2001; Санжаров, 2001]. Проведенные исследования показали, что отдельные регионы катакомбной области характеризуются специфическими типами сосудов. Выявленная посуда в погребениях несвойственной им территориальной зоны дает основание проследить направление культурных связей, миграционные процессы.

В настоящей работе керамика рассмотрена в этнокультурном аспекте и представлена в соответствии с хронологией крымских катакомбных памятников и локализацией керамики в ландшафтных зонах полуострова.

При составлении классификации посуды использованы данные о 805 погребальных комплексах Крымского полуострова. Среди сопутствующего инвентаря керамика являлась наиболее многочисленной категорией находок и выявлена в 314 катакомбных захоронениях, т. е. в каждом третьем. В соответствии с иерархией признаков выделены: группы (горшковидные, кубковидные, амфоровидные и др.); типы — на основании деталей в оформлении горловины и тулова; варианты — в зависимости от пропорциональных признаков сосудов. В результате классификации выделено 14 групп керамической посуды.

Среди особенностей в построении типологии крымской керамики можно отметить возможность классифицировать сосуды раннего этапа по технологическому признаку[1]. Сосуды изготовлены способом ручной лепки. По характеру

[1] Автором выполнена зарисовка большей части публикуемой керамики, проделана работа по визуальному изучению формовочной массы, конструктивных деталей посуды, основанная на существующих разработках [Бобринский, 1978].

конструирования, составу формовочной массы, степени обжига сосуды распределены в две технологические группы. Первая, включает высококачественную посуду. К этой керамике отнесены сосуды групп IV, V. Поверхность такой посуды красновато-желтого цвета, тщательно заглажена или подлощена. Формовочная масса мелкоструктурная, тесто часто не содержит видимых включений, если же добавки использовались, то заметны мелкие белые частицы (известняк?), блестящие частицы. В конструировании сосудов использован донно-емкостный начин. К данной группе отнесены также кубковидные сосуды, курильница с подлощеной поверхностью (группы III, VI, XII). В редких случаях поверхность этой посуды заглажена штампом. Формовочная масса изготовлена из хорошо отмученной мелкоструктурной глины, без видимых включений или же заметны мелкие белые частицы. Предполагается, что данная керамика импортного происхождения.

Ко второй технологической группе отнесена керамика типичная для катакомбной культуры или же традиция ее изготовления восходит к местной позднеямной среде и фиксируется для раннебронзовых памятников полуострова. Данная керамика имеет следующие характерные черты: внешняя и внутренняя поверхность заглажена гребенчатым штампом, цвет в результате неравномерного обжига приобрел оттенки серого, бурого, черного, в глиняном тесте содержится примесь мелкозернистого песка (группы I, II тип 1). Также представлена керамика с архаичными признаками — это монолитное конструирование, в глиняном тесте присутствуют включения толченой раковины, органики, дресвы (группа II, тип 2).

Периодизация памятников ККИО на полуострове разработана в 60-е – 90-е годы XX в. и включает три этапа [Щепинский, Черепанова, 1969; Нечитайло, 1984; Копьева, 1990; Тощев, 2007].

Первый (ранний) этап развития катакомбной культуры на полуострове представлен памятниками раннекатакомбной группы. Изучено 91 катакомбное погребение этого периода. Погребальный инвентарь выявлен в 63 могилах (69 %), в том числе керамическая посуда находилась в 48 захоронениях (53 %), в которых содержалось 58 сосудов. Предварительная классификация керамики для ранней группы погребений выполнена ранее [Копьева, 2010, с. 316, 317, 321–324], в настоящей работе дополнена и расширена характеристикой посуды из трех районов полуострова — присивашского, западнокрымского и предгорного (рис. 1–3).

В Группу I выделены сосуды округлодонные и представлены типом 1 (5 экз.). Сосуды яйцевидной формы с короткой горловиной, округлым плечиком. Два сосуда не орнаментированы, по тулову — расчесы гребенчатым штампом (рис. 1: *3, 5*). Горшки с орнаментом украшены в верхней трети, узор нанесен на плечики и горло и представлен заштрихованными треугольниками вершинами вниз, зигзагом, поясками из оттисков шнура. В одном случае шейка сосуда частично украшена рядом ногтевых насечек (рис. 1: *1, 2, 4*). Высота сосудов 12–18 см, пропорции составили 0,95–1,1:1[2]. Сосуды выявлены в катакомбах и захоронениях катакомбного типа в присивашском районе.

Данный тип керамики на территории полуострова характерен для ямной культуры и представлен в позднеямных погребениях [Тощев, 2007, с. 40, рис. 10]. Посуда типична для ямной КИО, кроме того фиксируется и в катакомбных могилах — в Северо-Западном и Северном Причерноморье, на Донетчине, Нижнем Подонье, Поволжье [Мерперт, 1974, с. 62–64; Шапошниковаи др., 1986, с. 38–43; Пустовалов, 2001, с. 17; Санжаров, 2001, с. 29, 55, рис. 6, 6; 18; Смирнов, 1996, рис. 5, 3, 7; Кияшко, 1999, рис. 39].

Группа II представлена горшковидными сосудами.

В тип 1 выделены короткошейные горшки с отогнутой горловиной, уступчатым плечиком, наибольшим диаметром в верхней трети тулова, неустойчивым дном. Посуда различается пропорциями, основываясь на данных параметрах выделено два варианта.

Вариант 1(17 экз.) включает стройные сосуды высотой от 10 до 18 см, пропорциями 0,82–0,95:1. Внешняя поверхность ниже горловины заглажена гребенчатым штампом, образуя своеобразные узоры — горизонтальные, диагональные или паркетные. Посуда украшена в верхней трети тулова, на плечиках в виде узкого фриза: елочной композиции, зигзага, трезубцев. Декорированную горловину имел горшок из погребения Болотное 14/28. Техника нанесения орнамента — прочерченная, шнуровая, зубчатый штамп. Основная зона распространения керамики — Присивашская низменность (рис. 1: *6–8*), в западном районе выявлен один сосуд (рис. 1: *9*).

[2] Соотношение высоты сосуда к наибольшему диаметру тулова (H:dт).

Керамика этого варианта представлена также в позднеямных погребениях Крыма [Колтухов, Тощев, 1998, табл. 11, 9, 20, 29, 30]. Горшки типичны для раннекатакомбных памятников и встречены также в ямных могилах на широкой территории Северного Причерноморья, Северного Приазовья, Нижнего Поднепровья и Подонья. Значительная серия данной керамики представлена в погребениях донецкой катакомбной культуры, где выделена в группу Б отдел II [Братченко, 1976, с. 36]. В предшествующий период типологически близкая посуда известна в верхнем слое Михайловского поселения, выделенная в тип «А» [Лагодовська и др., 1962, с. 100, табл. XI].

Вариант 2 (2 экз.) включает приземистые сосуды с пропорциями 0,68:1, высотой около 15 см. Один сосуд не орнаментирован, его внешняя поверхность заглажена диагональной штриховкой, у второго — плечики декорированы рядами ногтевых вдавлений (рис. 1: *10*). Горшки происходят из западного района полуострова.

В тип 2 (2 экз.) включены короткошейные горшки с вертикальной горловиной, слабо выделенным плечиком, наибольшим диаметром в верхней трети сосуда, неустойчивым дном. Высота сосудов 9–11 см; пропорции 0,95:1. Керамика изготовлена способом монолитного конструирования, в тесте примесь измельченной раковины. Зона нахождения посуды — северное Присивашье (рис. 1: *11*).

В Крыму аналогичный сосуд выявлен в каменном ящике погребения 3 кургана Кеми-Оба [Щепинский, Тощев, 2001, с. 65, рис. 7, 7]. На территории Нижнего Дона типологически близкий сосуд находился в погребении 23 Лысого кургана, в глиняном тесте также содержались включения раковины [Братченко, 1976, с. 224, табл. XIX, 1]. Слабопрофилированный горшок выявлен в предкатакомбном погребении степного Прикубанья [Трифонов, 1991, с. 124, рис. 12, 14]. В Поднепровье аналогичные сосуды известны в кургане у с. Васильевка в основном раннекатакомбном погребении 6 [Гаврилюк, Черных, 1990, с. 96, рис. 5, 1], в Первомайском курганном могильнике на р. Конка, в раннекатакомбной коллективной могиле 1/11 [Попандопуло, 1992, с. 89, рис. 4, 10].

Группа III представлена типом 1 (5 экз.). Сосуды с вертикальной или зауженной в верхней части горловиной, уступчатым плечиком, узким уплощенным дном. Посуда различается пропорциями.

Вариант 1 представлен стройным горшком из погребения Столбовое 2/26, его высота 15 см; пропорции 1,05:1. Внешняя поверхность сосуда черная подлощеная, плечики орнаментированы рядами ногтевых насечек (рис. 2: *1*). Сосуд отнесен к первой технологической группе. Типологически близкую керамику Донетчины А. М. Смирнов относит к кадамовскому типу, предполагая, что это фактически единственный культурный тип керамики характерный для преддонецкой раннекатакомбной группы [Смирнов, 1996, с. 26].

Вариант 2 (4 экз.) составили приземистые сосуды. Поверхность посуды заштрихована гребенчатым штампом. Высота горшков от 10 до 11 см; пропорции составили 0,71–0,83:1. К первой технологической группе отнесен сосуд из Долинки 2/10 (рис. 2: *2*). Посуда данного типа сосредоточена в погребениях Присивашья (рис. 2: *2–3*).

Возможно, близкий тип сосуда с ручками-упорами имеется в керамике новотиторовской культуры [Гей, 2000, с. 143, рис. 43, 5], также среди раннекатакомбной посуды в Нижнем Подонье выделен тип 2, отдел III [Кияшко, 1999, с. 67].

Группу IV (3 экз.) составила посуда с туловом близким к шаровидному, высокой отогнутой горловиной. Наибольший диаметр сосуда приходится на верхнюю треть. Посуда имеет морфологические особенности.

Тип 1 (2 экз.) включает крупные сосуды с широким горлом. Горшок из катакомбы 4 кургана Кеми-Оба сохранился фрагментарно, плечики украшены парными овальными налепами, тулово с гребенчатой штриховкой (рис. 2: *4*). Сосуд отнесен к первой технологической группе. Второй сосуд из погребения Аэропорт 1/1 с черной подлощеной поверхностью, плечики декорированы оттиском шнура в виде бахромы и четырьмя симметричными налепами (рис. 2: *5*). Оба сосуда выявлены в предгорной лесостепи.

К типу 2 отнесен невысокий сосуд с немного зауженным отогнутым горлом, орнаментированный по плечикам рядами ногтевых вдавлений, поверхность тщательно сглажена. Сосуд находился в катакомбе восточного Присивашья (рис. 2: *6*).

Сопоставимые сосуды на территории Нижнего Подонья А.В. Кияшко выделяет в тип 2 отдел IX третьей технологической группы, указывая на импортное происхождение, параллели им находит в ранних памятниках эпохи бронзы Северного Кавказа [Кияшко, 1999, с. 80, рис. 72]. Морфологически близкие сосуды с налепами имеются в новотиторовской культуре и составили группу 8 [Гей, 2000, с. 145, рис. 44, 17,18].

Группа V включает сосуды с шаровидным или расширенным в боках туловом, короткой горлови-

ной. Посуда различается деталями в оформлении и размерами.

В тип 1 (2 экз.) выделены крупные сосуды с отогнутым горлом, уступчатым плечиком, ниже которого поверхность украшена гребенчатой штриховкой, уплощенным дном. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть сосуда. Горшки высотой от 18 до 23 см. К первой технологической группе отнесен сосуд из погребения Токарево 23/7. Посуда выявлена в курганах Присивашья (рис. 2: *7, 8*).

Тип 2 (3 экз.) представлен сосудами средних размеров, шаровидной формы, немного отогнутым горлом. Наибольший диаметр приходится на середину тулова. К первой технологической группе отнесен сосуд из погребения Долинка 2/23 (рис. 2: *9*). Последний выявлен в присивашской катакомбе, тогда как посуда изготовленная из местного сырья происходит из районов западного и предгорного Крыма (рис. 2: *10, 11*).

Тип 3 включил миниатюрные сосуды с вертикальной горловиной, шаровидным туловом (2 экз.). Сосуды орнаментированы в области плечиков, один украшен рядом ногтевых вдавлений, другой, «елочным» узором, внешняя поверхность покрыта штриховкой (рис. 2: *12, 13*). Сосуды выявлены в Присивашье и западном районе.

Близкие аналогии сосудам группы V происходят из комплексов новотиторовской и предкатакомбной группы степного Прикубанья [Трифонов, 1991, с. 124, рис. 12, 4; Гей, 2000, с. 145, рис. 44, 9], позднеямных — раннекатакомбных Нижнего Подонья [Кияшко, 1999, тип 2Б, гр. IX], Северного Причерноморья [Латынин, 1967, с. 25, рис. 17]. На территории Поднепровья в раннекатакомбном погребении Константиновка 2/7 находился типологически близкий сосуд, в этой же могиле выявлен короткошейный горшок [Болтрик и др., 1991, с. 70–73, рис. 8, 3; 10, 7]. Круглодонный сосуд из погребения 23 кургана 2 у с. Долинка (рис. 2: *9*) по морфологическим признакам, видимо, восходит к майкопской керамике группе уплощенно-шаровидной посуды [Кореневский, 2004, с. 26, рис. 17, 6].

Группа VI (6 экз.) представлена типом 1. Миниатюрные кубки с горловиной слабо отогнутой, уступчатым плечиком, высотой 5–10 см. Внешняя поверхность черная подлощеная, два сосуда ангобированы. Посуда выявлена в трех районах полуострова — присивашском, западном и предгорном (рис. 3: *1–5*).

В Крыму подобный кубок обнаружен в погребении ямной культуры Сары-Булат 2/1 [Копьева-Колотухина, 2008, с. 266, рис. 8, 4]. Типологически близкие сосуды известны в предкатакомбной группе степного Прикубанья [Трифонов, 1991, с. 124, рис. 12, 15], в раннекатакомбной группе на территории Нижнего Подонья выделены идентичные крымским типы V/1 и VII [Братченко, 1976, с. 222, табл. XVII, 4; Кияшко, 1999, с. 69, 70].

Группа VII (2 экз.) включила амфоровидные сосуды. Одна из амфор округлодонная с раздвоенными ручками-выступами, украшенная по плечикам жемчужными налепами сгруппированными по три, находилась в погребении 9 кургана 15 у с. Танковое, расположенном в Крымском Присивашье (рис. 3: *6*). Сосуд с жемчужными выпуклостями также соединенными по три, но кубковидной формы выявлен в ранней катакомбе погребения 24 кургана 3 первой Каланчакской курганной группы [Ратнер, 1965, с. 38]. Кроме того, полностью совпадают признаки обряда обеих погребений Танковое 15/9 и Каланчак 3/24 — ориентировка скелета на СВ, поза костяка. Посуда с жемчужным орнаментом известна в раннекатакомбной группе степного Прикубанья [Трифонов, 1991, с. 142, рис. 20, 8, 9], в более ранний период характерна для новосвободненской керамики. Вторая амфора выявлена на Керченском полуострове в погребении Зеленый Яр 1/4 и типологически близка сосудам Северо-Западного Кавказа, в частности дольмена 84 Дегуакской поляны ст. Даховской и Дегуакско-Даховского поселения [Марковин, 1997, с. 207, рис. 101, 2; с. 232, рис. 119, 21; с. 236, рис. 122, 39], присутствует подобная керамика в северокавказской культуре [Марковин, 1994, с. 259, рис. 73, 15, 18, 19]. Амфоры дольменного типа и их фрагменты выявлены в ранних катакомбах Донетчины и служили одним из хронологических реперов [Кияшко В., 1974, с. 13; Братченко, 1976, с. 43, 142].

Группа VIII представлена флягой из погребения Кропоткино 10/5, примечательны приостренные и приподнятые вверх ручки-выступы (рис. 3: *7*). Погребение локализовано в северо-западном Присивашье. Типологически близкая фляга, но круглодонная известна в погребении кеми-обинского типа в западном Крыму (Мамай, 1960, 2/7), могиле-кенотафе под каменным закладом Наташино 18/2 [Колотухин, Тощев, 2000, с. 211, 212, рис. 144, 12–15]. Сосуды с приостренными ручками известны в погребениях ямной культуры Южнобугского варианта [Шапошникова и др., 1986, с. 135, 143].

В группу IX включен кувшин из погребения

Токарево 23/7. Сосуд декорирован в области плечиков оттисками треугольного штампа, ручка — короткими отрезками вдавлений плоским штампом (рис. 3: *8*). Типологически близкая посуда присутствует в катакомбной культуре Восточного Приазовья [Гей, 2000, с. 141, рис. 42, 17], северокавказской культуре [Нечитайло, 1978, с. 44, рис. 18; Марковин, 1994, рис. 259, 12]. Кувшины выявлены в дольменной культуре, так, среди посуды Дегуакско-Даховского поселения известны сосуды, имеющие сходный характер декора и крепления ручки [Марковин, 1997, с. 236, рис. 122, 15, 39].

Группа X представлена типом 1 посудой специфической формы. К ранней группе отнесен банковидный сосуд, выявленный в северном Крыму (рис. 3: *9*). Типологически близкий сосуд присутствует в дольменной культуре среди находок Дегуакско-Даховского поселения [Марковин, 1978, с. 254, рис. 128, 5]. Аналогичный, но приземистый горшок известен на территории Нижнего Подонья, в классификации керамики региона выделен в тип специфический посуды [Кияшко, 1999, с. 124, рис. 68, 5].

Группа XI (2 экз.) включила чашевидные широкогорлые сосуды, с низким, слабо отогнутым горлом, покатым плечиком, неустойчивым дном. Территория их распространения — Присивашье, западный район (рис. 3: *10, 11*).

В группе XII, представленной чашами, выделен тип 1 — чаша на поддоне (курильница). К ранней группе отнесен сосуд в виде конической чаши без отделения на трех раздельных ножках, его внутренняя поверхность и основание ножек украшены прочерченным геометрическим орнаментом (рис. 3: *12*). Курильница находилась в кургане предгорного района [Троицкая, 1957; Копьева, 2011, с. 7]. По классификации В. Г. Егорова относится ко 2 типу и является ритуальной посудой характерной для погребений восточной катакомбной области [Егоров, 1970, с. 156, рис. 1]. Курильницы на трех и четырех ножках также выявлены в слое Михайловского поселения.

В погребальной практике ранней группы можно отметить следующие характерные черты. Умершего, как правило, сопровождал один сосуд (88 % погребений). В пяти могилах зафиксировано по два и более горшка. Расположение сосудов в катакомбе имеет варианты: чаще их фиксируют вблизи изголовья или рядом с плечом умершего, таковых 27 (63 %); в четырех катакомбах горшок находился в ногах умершего; в трех могилах сосуды расположены вблизи рук или тазовых костей. Среди них выделяется особенностями размещения в могиле, парное детское захоронение Токарево 23/7, сопровождавшееся набором из четырех сосудов. Вблизи черепа одного из скелетов находился кубковидный сосуд, у ног погребенных были размещены три горшка таким образом, что миниатюрный кубок был поставлен в крупный одноручный сосуд (кувшин), массивный горшок перевернут кверху дном. Посуда, поставленная вверх дном, отмечена для шести погребений ранней группы. В одной из катакомб в стенке погребальной камеры была устроена специальная ниша, в которую был помещен сосуд кубковидной формы, также поставленный вверх дном (Столбовое 2/13). В одном случае горшок был наполнен песком и перевернут вверх дном (курган Западно-донузлавский, п. 20).

Можно также отметить, что в крымской раннекатакомбной группе не выявлены жаровни изготовленные из стенки крупного сосуда.

Посуда находилась в двух катакомбах-кенотафах. Кроме керамической в захоронения помещалась деревянная посуда, так в погребении Танковое 9/12 деревянная одноручная чаша была отремонтирована бронзовыми скобами, в чаше найден астрагал овцы [Щепинский, Черепанова, 1969, с. 198]. В погребениях раннекатакомбной группы большая часть посуды находилась в захоронениях детей и подростков (60 %), тогда как взрослых она сопровождала в 34 % могил. В коллективных могилах при совместном захоронении взрослых и детей сосуд сопровождал преимущественно детские и, возможно, женские скелеты (Столбовое 2/26, Фрунзе 1/4).

Средний этап представлен 133 катакомбами днепро-азовской культурной группы. Погребальный инвентарь содержался в 54 (41 %) захоронениях, в том числе посуда выявлена в 31 (23 %) могиле.

Классификация керамики из катакомбных могил четырех районов полуострова выделила следующие группы и типы посуды (рис. 4–5).

Группа I представлена типом 2, включившим сосуд яйцевидной формы с короткой горловиной, плавно закругленными плечиками, наибольшим расширением в средней части тулова, который происходил из погребения 5 кургана 11 у с. Красноярское в западном Крыму (рис. 4: *1*). Ближайшая аналогия горшку известна в позднеямном погребении под каменным закладом в этом же кургане (Красноярское 11/7) [Колтухов, Тощев, 1998, с. 147, рис. 81, 2]. Округлодонная посуда, как отмечено выше, характерна для ямной куль-

туры и распространена на широкой территории степной зоны Северного Причерноморья.

В группе II горшковидных сосудов выделено четыре типа.

К типу 1 (7 экз.) отнесены короткошейные горшки с отогнутой горловиной. Высота посуды от 10 до 16 см, пропорции составили 0,84–0,95:1. Внешняя поверхность сосудов заглажена гребенчатым штампом, как правило, заметны остатки сажи. В глине примесь песка и мелких частиц известняка. Четыре горшка декорированы в области плечиков — рядами ногтевых вдавлений, зубчатым штампом в виде «елочного» узора, оттисками шнура. Дно у горшков плоское. Сосуды выявлены в катакомбах степного Присивашья и западного Крыма (рис. 4: *2–6*).

Тип 2 представлен короткошейным горшком с вертикальным горлом, слабо выделенным плавно закругленным плечиком, наибольшим диаметром в верхней трети сосуда, уплощенным дном. Высота горшка составила 15 см, его пропорции — 0,94:1. Внешняя поверхность заглажена гребенчатым штампом. Горшок происходит из западного района полуострова (рис. 4: *7*).

К типу 3 (4 экз.) отнесены сосуды с горловиной средневысокой и отогнутой. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть тулова, дно плоское. Высота посуды от 10 до 19 см, горловины 2–3 см, пропорции составили 0,85–0,96:1. Внешняя поверхность заглажена гребенчатым штампом, заметны пятна сажи. Один из сосудов украшен в области плечиков рядом коротких вертикальных отрезков, выполненных оттиском зубчатого штампа. Сосуды находились в катакомбах северного и западного районов полуострова (рис. 4: *8–10*).

В тип 4 (3 экз.) выделены горшки с высоким цилиндрическим горлом, наибольшим диаметром в верхней трети тулова, покатыми плечиками, плоским дном. Высота посуды от 9 до 13 см, горловины от 1,5 до 3,3 см, пропорции составили 0,95–1,125:1. Внешняя поверхность заглажена гребенчатым штампом, нижняя часть одного из сосудов с пятнами сажи, два сосуда орнаментированы в области горловины и плечиков. Горшок из Целинного 5/3 в верхней части имел красный цвет поверхности, в тесте заметны включения охры и песка, горловина украшена оттисками шнура [Генинг, Корпусова, 1989, с. 6]. Керамика выявлена в курганах Присивашья (рис. 4: *11–13*).

К группе III отнесен приземистый горшок типа 2. Сосуд с вертикальной горловиной, наибольшим диаметром в верхней трети корпуса, его пропорции 0,72:1. Внешняя поверхность сосуда заглажена гребенчатым штампом (рис. 4: *14*). Горшок найден в кургане западного района полуострова. Можно указать на аналогии сосуду в кургане у ст. Андрюковская 8/2 (раскопки Н. И. Веселовского) в Предкавказье, где горшок находился в комплекте с бронзовыми изделиями — медальоном с рельефной орнаментацией, булавкой с тремя парными боковыми выступами [Латынин, 1967, с. 57–60, рис. 52].

Группа V представлена сосудом типа 2. Горшок с шаровидным туловом, наибольшим диаметром в середине корпуса, уплощенным дном, высотой 12 см и пропорциями 0,68:1 (рис. 5: *1*). Сосуд происходит из катакомбы западного района полуострова. Типологически близкие сосуды известны в крымской раннекатакомбной группе.

В группе VI кубковидных сосудов выделено два типа.

Тип 1 представлен миниатюрным кубком высотой 7 см с отогнутой горловиной (рис. 5: *2*). Типологическое сходство имеет с кубковидными сосудами крымской раннекатакомбной группы.

Тип 2 (3 экз.) представлен кубками с вертикальным горлом, высокими округлыми плечиками. Сосуды декорированы, один фестонами из оттисков тесьмы, чередующимися с наклонными отрезками плоским штампом (рис. 5: *3*), второй — овами. Третий сосуд украшен косыми насечками по венчику и вертикальными оттисками шнура и симметричными овами по тулову (рис. 5: *4*). Сосуды выявлены в катакомбах северного и западного Крыма.

Керамика данного типа является характерной посудой в донецкой культуре, в классификации керамики Нижнего Подонья выделена С. Н. Братченко в группу Б отдела III. Кубки также находят в катакомбах Северо-Восточного Приазовья, Нижнего Поднепровья вплоть до Правобережья Днепра [Братченко, Шапошникова, 1985, с. 413–415; Ребедайло, 1987, с. 74; Михайлов, 1990, с. 115, рис. 7, 4, 5].

В группу VII (2 экз.) включены амфоры с вертикальным венчиком, расширенным туловом, высотой до 12,5 см. Ручки крепятся у одного сосуда к плечикам, у второго — к венчику. Внешняя поверхность амфор коричневая, хорошо заглажена, одна из них орнаментирована оттисками шнура — горизонтальной линией подчеркнут венчик, на корпусе пересекающиеся наклонные и вертикальные полосы (рис. 5: *5*). Керамика происходит из катакомб северного района полуострова.

Группа VIII представлена миниатюрной флягой высотой 4,5 см, четыре симметричные ручки крепятся к корпусу, вертикальная горловина украшена горизонтальными оттисками шнура (рис. 5: *6*). Сосуд выявлен в катакомбе западного Крыма. Сосуд данного типа также известен в ранней катакомбной группе западного Крыма.

К группе XII отнесена чаша типа 4, представленная сосудом полусферической формы с широким открытым устьем, внешняя поверхность заглажена гребенчатым штампом (рис. 5: *7*). Чаша выявлена в катакомбе западного Крыма, в этом районе полуострова в позднеямном погребении находился типологически близкий сосуд [Колтухов, Тощев, 1998, с. 153, рис. 84, 10]. Также полусферические чаши присутствуют в позднеямных погребениях южнобугского варианта [Шапошникова и др., 1986, с. 42, 106]. Кроме того, чаши с округлым дном, как правило, орнаментированные характерная посуда для ингульской культуры [Пустовалов, 2001, с. 16].

В погребальной практике данного периода посуду в погребение помещали реже, чем в ранней группе, горшки выявлены в каждом четвертом захоронении. Кроме того, катакомбы в западном Крыму сопровождались керамикой чаще, чем погребения присивашского района. В катакомбе, как правило, находился один сосуд, в пяти — по два горшка. В погребении Целинное 1/7 выявлено два горшка, фрагменты одного из них найдены в заполнении камеры катакомбы, второй был поставлен у входа в погребальную камеру [Генинг, Корпусова, 1989, с. 9]. В заполнении входного колодца катакомбы Рюмшино 8/2 найдены фрагменты двух сосудов. Также в засыпи колодцев катакомбы обломки посуды зафиксированы в западном и предгорном районах.

Посуда, как правило, размещалась вблизи черепа умершего, в двух могилах была поставлена вблизи скелета на уровне грудной клетки, в одном — у стоп погребенного. В погребении предгорного района Белое 3/3 у изголовья умершего находилась жаровня в виде обломка стенки лепного горшка, в присивашской катакомбе Столбовое 4/6 содержалась жаровня с углями и глиняная льячка. Вверх дном поставлены четыре сосуда. Один из горшков обнаружен в насыпи кургана 14 у с. Рюмшино и, вероятна его связь с поминальным ритуалом. Возрастное распределение керамики в данный период показало, что посуда сопровождала в основном взрослых погребенных, тогда как лишь в 5 (19%) детских могилах выявлены сосуды.

Поздний этап представлен на полуострове двумя культурными группами — позднекатакомбных погребений скорченного обряда и ингульскими погребениями. Рассмотрим керамический комплекс каждой из групп.

Группа позднекатакомбных погребений со скорченным обрядом представлена 131 захоронением. Сопровождающий умерших инвентарь выявлен в 40% могил, посуда составила наиболее массовую категорию находок и содержалась в 41 (31%) погребении. Керамическая посуда характеризуется следущими признаками (рис. 6–8).

В группе II выделен тип 1 варианта 2 (2 экз.). Короткошейные приземистые горшки с уступчатым плечиком, широким основанием. Керамика выявлена в западном [Колтухов, Кислый, Тощев, 1994, с. 77, рис. 39, 8] и предгорном районах полуострова (рис. 6: *1, 2*).

Тип 2 (2 экз.) представлен сосудами слабопрофилированными с короткой отогнутой горловиной, наибольшим диаметром в верхней трети корпуса, высотой 12–15 см, пропорциями 0,95:1. Один из горшков орнаментирован чередующимися вертикальными и горизонтальными линиями. Сосуды находились в курганах западного Крыма (рис. 6: *3, 4*). Типологически посуда сопоставима с горшками предшествующего периода, также выявленными в западной части полуострова.

Тип 4 (3 экз.) включает горшки с невысокой цилиндрической горловиной, округлыми плечиками, наибольшим диаметром в верхней трети корпуса. Высота посуды от 9 до 14 см, пропорции составили 0,9–0,8:1. Сосуды орнаментированы в прочерченной и штампованной технике — треугольниками вершинами вниз, рядами в виде точечных углублений и коротких наклонных отрезков (рис. 6: *5–7*). Посуда данного типа впервые фиксируется в курганах Присивашья на развитом этапе. На позднем — горшки выявлены в присивашском и западном районе полуострова.

К типу 5 (7 экз.) отнесены короткошейные горшки с отогнутой горловиной, ребристым плечиком, наибольшим диаметром в верхней трети тулова. Высота посуды от 8 до 16 см, пропорции составили 0,72–0,75:1 и 0,94–0,99:1. Внешняя поверхность сосудов заглажена гребенчатым штампом в виде грубых разнонаправленных расчесов, заметны пятна сажи (рис. 6: *8–12*). Два сосуда из присивашского района орнаментированы в верхней части короткими наклонными отпечатками зубчатого штампа, три горшка из курганов западного Крыма не декорированы [Колотухин, Тощев, 2000, с. 163, рис. 113, 7; с. 199, рис. 136, 2].

Тип 6 (10 экз.) включил приземистые округлобокие горшки с короткой отогнутой горловиной, наибольшим диаметром в середине тулова, плоским, широким дном. Посуда высотой от 11,5 до 13 см. Три горшка из курганов Присивашья орнаментированы, из них один украшен по тулову зигзагообразными отпечатками шнура, второй — оттисками зубчатого штампа (Долинка 4/14) и третий — оттисками штампа в виде свернутой улитки (Целинное 1/20). Декор двух сосудов из западного и центрального районов представлен «елочной» композицией (рис. 6: *13–17*). Орнамент в виде свернутой улитки характерен для керамики бахмутского типа в поздекатакомбный период [Братченко, 1976, с. 66, рис. 31, 2, 10].

Группа V (5 экз.) представлена сосудами с шаровидным туловом, высокой отогнутой горловиной. Высота сосудов составляет от 13 до 15 см. Посуда декорирована в верхней трети тулова горизонтальными линиями в прочерченной и шнуровой технике, оттисками круглого штампа (рис. 7: *1, 2*). Керамика происходит из курганов западного района полуострова. Сосуды по морфологическим характеристикам сопоставимы с посудой раннекатакомбной группы и, видимо, генетически продолжили эту линию развития.

Группа VI кубковидных сосудов включила три типа.

Тип 1 (3 экз.) представлен миниатюрными кубками высотой до 7,5 см. Один из кубоков тонкостенный, подлощеный, глина в изломе черная, зернистая, с примесью песка и частиц известняка. Кубки локализованы в курганах Присивашья (рис. 7: *3–5*).

Тип 2 (2 экз.) представлен кубком донецкого типа, декорированным в шнуровой технике — линиями, концентрическими кругами, овами [Колтухов, Тощев, 1998, с. 92, рис. 49, 5], второй сосуд украшен прочерченными линиями и заштрихованными треугольниками вершинами вниз. Кубки выявлены в курганах Присивашья (рис. 7: *6, 7*).

Тип 3 (4 экз.) включил сосуды приземистой формы, наибольшим диаметром в середине тулова. Высота сосудов от 10 до 12 см. Внешняя поверхность тщательно заглажена. Сосуды орнаментированы в верхней половине тулова — горизонтальными рядами, треугольниками, «елочным» узором в прочерченной, штампованной технике. Керамика сосредоточена в западном и центральном районе полуострова, один сосуд — в Присивашье (рис. 7: *8–10*).

Группа VII включила амфоровидные сосуды (2 экз.). Одна из амфорок остроребeрная, не высокая 8,6 см, небольшие петлевидые ручки крепятся к плечикам [Генинг, Корпусова, 1989, с. 38, рис. 17, 6]. Вторая — с вертикальным горлом, шаровидно-уплощенным туловом, петлевидными ручками. В глиняном тесте — значительная примесь песка. Сосуд декорирован в прочерченной технике паркетно-елочной композицией, днище украшает многоугольная звезда, обведенная тройной линией. Внешняя сторона ручек украшена «елочным» узором [Колтухов, Тощев, 2004, с. 366, рис. 4, 2]. Амфоры выявлены в курганах Присивашья (рис. 7: *11–12*).

К группе VIII отнесена фляга с горизонтальными ручками-выступами, ее тулово орнаментировано врезными линиями. Фляга находилась в погребении западного района полуострова (рис. 7: *13*).

Сосуд баночной формы включен в группу X, выявленный в катакомбе западного Крыма (рис. 8: *1*).

Группа XI представлена чашевидным приземистым сосудом с пропорциями 0,55:1. Заслуживает внимание такая деталь в оформлении венчика, как кнопковидные налепы на его внутреннем ободке. Плечики сосуда украшены тремя горизонтальными валиками, из них средний декорирован ногтевыми насечками, на тулово также опущены наклонные валики (рис. 8: *2*). Сосуд выявлен в кургане Присивашья. Данная посуда шире представлена в группе захоронений вытянутого обряда (рис. 10: *19–24*).

Группа XII представлена чашами типа 3 (2 экз.) с вертикальным бортиком, уступчатым плечиком, орнаментированными в штампованной и прочерченной технике (рис. 8: *3, 4*).

Тип 4 включил чаши усеченно-конической формы. Высота сосудов 8–9 см. Одна из них украшена насечками по венчику, вторая имела плоско срезанный край [Колотухин, Тощев, 2000, с. 120, рис. 82, 5]. Чаши выявлены в западном районе полуострова (рис. 8: *5*).

Группа XIII представлена сосудом с раструбным горлом, расширенными боками, широким дном. Горшок выявлен в погребении Изобильное 22/32 присивашского района (рис. 8: *6*). Керамика с раструбной горловиной широко представлена в памятниках манычского типа на Донетчине [Смирнов, 1996, с. 153, 154, рис. 22; 23], бахмутского типа на Нижнем Дону [Братченко, 1976, с. 67, рис. 32].

К группе XIV отнесены сосуды биконической формы типа 1 (9 экз.). Бесшейные сосуды с наи-

большим расширением по центру тулова, образуя в этом месте ребристый изгиб. Все сосуды высотой 13–14 см, диаметр венчика 13–16 см, дна 7–10 см. Внешняя поверхность трех горшков, ниже ребра заглажена гребенчатым штампом, поверх расчесов сглажена, у двух экземпляров подлощена и один горшок с грубой бугристой поверхностью. Вся посуда, за исключением одного экземпляра орнаментирована в технике — шнуровой, штампованной (зубчатый и гладкий), прочерченной, два горшка полностью, остальные в верхней части — поясками елочного узора, рядами линий, овами. Горшки распространены повсеместно в Крыму (рис. 8: *7–10*).

Для данной позднекатакомбной группы отметим характерные черты обряда. Посуда выявлена в каждой третьей катакомбе, более всего погребений с керамикой в западном районе. В захоронениях с посудой, как правило, находился один сосуд, в 7 (17%) катакомбах содержалось по два горшка. Размещение посуды относительно умершего таково, что чаще всего она ставилась вблизи черепа умершего, в восьми могилах горшки были поставлены у стоп погребенного, в четырех — сосуды находились у кистей рук, вверх дном поставлены три горшка. В двух случаях сосуд находился на ребрах скелета, такое размещение горшка выявлено в Крыму только лишь на позднем этапе в западном районе полуострова. Как правило, посуда находилась в захоронениях взрослых, в 7 (17%) случаях находились в могилах детей и подростков.

Ингульская культурная группа.

На территории полуострова изучено 346 подкурганных захоронений в катакомбе с вытянутым обрядом трупоположения. Погребений, сопровождавшихся инвентарем, выявлено 173 (50%), из них в 144 (42%) могилах содержалась лепная посуда. Классификация керамики выполнена в соответствии с территориальной дифференциацией памятников (рис. 9–11).

В группе II (7 экз.) представленной горшковидными сосудами выделены следующие типы: тип 1 вариант 2 включил приземистые сосуды с невысокой отогнутой горловиной, уступчатым или округлым плечиком. Наибольший диаметр приходится на верхнюю треть тулова. Горшки распространены повсеместно в Крыму (рис. 9: *1–6*). А. Л. Нечитайло связывала появление в Крыму данного типа посуды с предкавказской культурой [Нечитайло, 1984, с. 110].

Тип 4 (10 экз.). Горшки с вертикальной горловиной и округлым плечиком, наибольшим диаметром в верхней трети тулова. Высота посуды от 13 до 17 см. Сосуды орнаментированы в прочерченной и шнуровой технике — горизонтальными линиями, треугольниками вершинами вниз. Посуда представлена в трех районах, исключая предгорный (рис. 9: *7–11*).

Тип 5 (12 экз.) представлен горшками короткошейными с отогнутой горловиной, ребристыми боками, наибольшим диаметром в верхней трети сосуда. Посуда высотой от 9 до 16 см. Декорированы отдельные сосуды — «елочным» узором, меандром, вдавлением полой трубочки, спирали или треугольным штампом. Керамика выявлена во всех районах полуострова (рис. 9: *12–17*).

Тип 6 (6 экз.). Горшки приземистые округлобокие с короткой отогнутой горловиной, наибольшим диаметром в середине тулова, широким основанием. Посуда высотой от 12 до 15 см. Три горшка орнаментированы — оттисками треугольного штампа, насечками, чередующимися горизонтальными и вертикальными линиями. Посуда распространена в трех районах полуострова, за исключением предгорного (рис. 9: *18–21*).

Керамика данной группы широко представлена в позднекатакомбном ареале вплоть до Северо-Западного Причерноморья [Смирнов, 1996, с. 173, 176; Пустовалов 2001, с. 16; Шапошникова, Ребедайло, 1977, с. 77, рис. 7, 3].

Группа V (5 экз.) представлена посудой с шаровидным туловом, средневысоким отогнутым горлом. Один из сосудов имеет округлое дно. Высота горшков от 9,5 до 15 см. Вся посуда орнаментирована в прочерченной и шнуровой технике — треугольниками вершинами вниз, лестничным узором, поясками линий. Сосуд с шаровидным туловом из погребения Нежинское 3/9 [Колотухин, 2003, с. 84] украшен рядами вытянутых овалов, нижние овалы соединены между собой тройными дугами, орнаментирован в желобчатой технике, характерной для ингульской керамики (рис. 9: *22*). Сосуд по морфологическим признакам и составу глиняного теста аналогичен амфорке из погребения 8 у с. Приречное со скорченным положением костяка (рис. 7: *11*). В Крыму посуда распространена в Присивашье, западном и центральном районе (рис. 9: *22–26*).

В группе VI кубковидных сосудов выделено три типа.

Тип 1 (4 экз.). Миниатюрные кубки высотой около 7 см, плечики одного сосуда подчеркнуты уступом. (рис. 10: *1*). Выявлены сосуды в западном и центральном районе полуострова.

Тип 2 (12 экз.) включил кубки с вертикальной горловиной, округлыми плечиками, наибольшим диаметром ближе к центру сосуда. Внешняя поверхность иногда подлощеная. Кубки орнаментированы, из них половина — полностью. Декор выполнен в шнуровой и прочерченной технике — в виде горизонтальных рядов, треугольников вершинами вниз. Один из кубков украшен растительным узором (Филатовка 8/11), другой, волнообразным (Рисовое 7/4). Кубок из погребения Пионерское 1/15 украшают концентрические круги, заключенные в ромбовидные фигуры (рис. 10: *6*). Керамика концентрируется преимущественно в присивашьских погребениях, в периферийных районах представлена единичными экземплярами.

Тип 3 (14 экз.). Кубки приземисте с наибольшим диаметром в середине тулова, образуя на изгибе ребро. Внешняя поверхность заглажена, местами подлощена (рис. 10: *7–11*). Сосуды распространены в трех районах полуострова, за исключением предгорного.

В группу VIII (6 экз.) включены фляги с ручками-упорами в области плечиков. Сосуды орнаментированы паркетными и угольными композициями, поясками и волнообразными валиками, лестничным узором (рис. 10: *12–17*). Посуда выявлена в трех районах полуострова, за исключением центрального.

Группа X представлена сосудом специфической формы с узкой горловиной, расширенными боками, образующими в месте изгиба сглаженное ребро. Сосуд декорирован горизонтальными и разнонаправленными полосами оттисков шнура (рис. 10: *18*). Горшок обнаружен в катакомбе Присивашья [Колотухин, 1981, с. 52–53].

Группа XI (12 экз.) чашевидных сосудов. Посуда приземистая с широкой открытой горловиной, слабопрофилированная. Сосуды высотой от 8 до 14 см, пропорциями в среднем 0,7:1 Посуда орнаментирована в прочерченной и штампованной технике, в двух случаях — рельефным декором в виде валиков с насечками. Сосуды широко представлены в погребениях всех районов полуострова (рис. 10: *19–24*). Посуда по морфологическим признакам, вероятно, восходит к сосудам раннекатакомбной группы.

Группа XII. Чаши. К типу 1 отнесена курильница без отделения на круглом поддоне. Внешняя поверхность сосуда чернолощеная, орнаментирована рядами валиков, рядом округлых оттисков, прочерченных треугольников вершинами вниз (рис. 11: *1*). Выявлен сосуд в кургане предгорного района. Курильница является характерной ритуальной посудой в восточнокатакомбном ареале [Пустовалов, 2001, с. 15].

Тип 2 (9 экз.) представлен чашами с загнутым вовнутрь краем и овальным корпусом. Отдельные сосуды округлодонные и в верхней части имеют одну или парные ручки-упоры. Высота посуды около 10 см, диаметр устья 15,5 см. Внешняя поверхность орнаментирована меандровым декором, лестничным и елочным узором в прочерченной, шнуровой, штампованной технике (рис. 11: *2–7*).

Тип 3 (6 экз.). Чаши с бортиком в верхней части. Внешняя поверхность тщательно заглажена, подлощена, на одном из сосудов имелась парная ручка-упор, одна из чаш округлодонная. Посуда орнаментирована «елочным» декором, оттисками шнура, округлого штампа (рис. 11: *8–11*).

Тип 4. Чаши открытого типа (22 экз.). Внешняя поверхность сосудов заглажена гребенчатым штампом или подлощена. Орнамент представлен — рельефными рассеченными валиками, «елочным» узором, заштрихованными треугольниками (рис. 11: *12–16*).

В Крыму чаши типов 2–4 выявлены в курганах всех районов. Чаши выделенных в крымских катакомбах типов являются характерной посудой в погребениях ингульской культуры [Шапошникова и др., 1977, с. 133, рис. 17; 18; Пустовалов, 2001, с. 16]. Тем не менее, в западном и центральном районе Крыма чаши также декорированы в шнуровой и штампованной технике поясками и «елочным» узором, свидетельствуя о сохранившихся традициях местного этнического компонента на периферии.

Группа XIII (3 экз.). Сосуды реповидной формы и посуда с раструбной горловиной и расширенными боками. Высота керамики около 12 см. В Присивашье в погребении Вишневка 1/8 выявлен реповидный горшок с рельефным орнаментом — заштрихованными треугольниками вершинами вверх (рис. 11: *19*). Посуда локализована в районе Присивашья (рис. 11: *17–19*).

В группе XIV сосудов биконической формы выделены два типа.

Тип 1 (6 экз.). Горшки бесшейные, наибольшее расширение приходится на середину тулова, образуя на изгибе ребро. Высота сосудов в пределах 9–15 см. Внешняя поверхность тщательно заглажена, местами подлощена, отдельные экземпляры заглажены штампом. Вся посуда, за исключением одного горшка, орнаментирована. Декор представлен оттисками шнура, угольчатого штам-

па, гусеничных вдавлений, заштрихованных треугольников (рис. 11: *20–23*).

Тип 2 (4 экз.) представлен приземистыми остроребеpными сосудами с наибольшим расширением в середине тулова. Высота посуды 8–10 см. Внешняя поверхность грубая, бугристая, три горшка декорированы овами, треугольниками вершинами вниз, оттисками шнура (рис. 11: *24–26*).

Сосуды данной группы представлены в крымских погребениях всех районов полуострова.

Керамика ингульской культурной группы и ее применение в погребальной практике характеризуется следующими чертами.

В присивашском районе из 180 могил посудой сопровождались 70 (39 %). В трех районах — западном, центральном и предгорном из 166 погребений керамику содержали 74 (46 %). Как правило, при умершем находился один сосуд, в 14 случаях выявлено по два горшка и в четырех могилах содержался набор из трех сосудов. В одной из катакомб предгорного района вторым сосудом являлась деревянная чаша. Сосуд из дерева выявлен также в погребении Целинное 1/25, его диаметр составлял 20–30 см.

Посуда чаще всего размещалась у черепа или плечевых костей скелета, реже ставилась рядом со стопами и у кистей рук. В отдельных погребениях кисть руки умершего была положена поверх сосуда или же находилась в нем, в этом случае посуда размещалась у бедренной кости. В Крыму отмеченный обряд характерен исключительно для ингульских погребений (Кировское 4/2; Пионерское 1/15 и др.). Аналогичный погребальный обряд зафиксирован в Поднепровье, Приазовье, на Донетчине, маркируя высокий социальный статус умерших [Гершкович, Сердюкова, 1991, с. 180]. В погребении Веселовка 11/4 фрагмент сосуда использован в качестве крышки для чаши, в одном случае служил жаровней. В 12 могилах горшки были поставлены вверх дном.

Таким образом, выполненная классификация катакомбной керамики выделила 14 групп посуды. Представленная керамика характеризуется определенными типами сосудов на каждом из трех этапов развития крымских катакомбных памятников. Кроме того, выделены сквозные группы сосудов: II типы 1 и 2, V, VI тип 1, VII, VIII, XI. Прослежена модификация данной керамики в процессе развития культуры.

К раннему этапу отнесено двенадцать групп посуды. Анализ керамики позволил сделать ряд наблюдений. Так, наиболее актуальным вопросом данного периода является хронология катакомбной культуры и возможные контакты с ямной культурой. В результате классификации керамики выделены группы посуды — сосуды округлодонные яйцевидной формы, короткошейные горшки и чашевидные сосуды с неустойчивым дном (рис. 1; 3: *10, 11*), имеющие аналогии среди посуды в ямных погребениях Крыма. Кроме того, 53 % катакомб снабжены керамикой, сближая по этому показателю с ямной культурой. Также 63 % сосудов раннего периода не орнаментированые, 17 % имели штампованный и 9 % — шнуровой декор. Посуда орнаментирована в верхней части — украшена горловина или плечики. Полученные данные о характере орнаментики не оставляют сомнений в том, что керамический комплекс ранней группы относится к эпохе ранней бронзы и в совокупности с взаимовстречаемостью типов посуды в погребениях двух культур свидетельствует о периоде контактов раннекатакомбной и ямной культур. Значительная доля горшков не имеет орнамента, аналогии отдельным раннекатакомбным сосудам (рис. 1: *11*; 3: *5, 7*) выявлены в кеми-обинских погребениях, что дает основание предполагать контакты с населением кеми-обинской культуры. Характер взаимоотношений местных групп раннебронзового периода, возможно, определить после детального анализа погребального обряда и керамики позднеямной и кеми-обинский культуры.

Внешние связи крымской раннекатакомбной группы установлены с ямными и раннекатакомбными группами Северо-Западного Причерноморья, Северного Приазовья и Нижнего Поднепровья (группы I, II, V/1, VIII), данная керамика составила 42 % сосудов раннего периода. Значительная серия катакомбной керамики находит параллели в материалах памятников территорий от Нижнего Дона до степного Предкавказья и Северного Кавказа (группы II/2, III, IV – VII, IX – X, XII), составившие 48 % ранней керамики. В целом, культурные связи прослеживаются с территорией Северо-Западного Причерноморья, Нижнего Поднепровья, Северного Приазовья, наиболее активизирован вектор связей с территориями Нижнего Подонья и степного Предкавказья, вероятнее всего через северное и южное побережье Азовского моря.

Характер внутренних процессов на раннем этапе достаточно наглядно демонстрируется на примере распространения керамики в ландшафтных зонах. Так, в катакомбах степного Присивашья зафиксировано одиннадцать групп посуды из

двенадцати или 85% ранней керамики и лишь 15% — в западном и предгорном районе. В присивашских катакомбах сосредоточена вся посуда, которую возможно считать импортом. Вместе с тем, типологически близкие им сосуды, но изготовленные из местного сырья, были выявлены в катакомбных могилах западного и предгорного районов. В целом, на протяжении раннего периода на полуострове наиболее интенсивно развиваются культурные процессы в районе Присивашской низменности, выступающей центром для раннекатакомбной группы. Два района — западнокрымский и предгорный составили зону периферии.

Средний этап катакомбной культуры представлен погребениями днепро-азовской культурной группы. Керамический комплекс включал восемь групп посуды. В сравнении с раннекатакомбным временем керамики в погребениях содержится в три раза меньше.

В присивашском районе посуду содержат всего 15% катакомб, значительной серией представлены короткошейные плоскодонные горшки, характерные для донецкой и днепро-азовской культуры развитого этапа. В наборе посуды из крымских катакомб появляется типичный кубок донецкой культуры, горшки с цилиндрической горловиной (группы II/4, VI/2), керамика ранее не отмеченная в Крыму.

В катакомбах западного Крыма посуда содержится почти в каждом втором погребении, здесь выявлен округлодонный сосуд группы I характерный для ямной культуры. Также присутствует посуда типологически близкая раннекатакомбной (группы III тип 2, V, VI тип 1, VIII), доля данной керамики составила 26%. Надо полагать, полученные данные указывают на присутствие местных традиций в западном районе полуострова. Кроме того, в керамическом комплексе выявлена чаша полусферической формы, имеющая аналогии как в позднеямной, так и в ингульской культуре.

В орнаментации посуды среднего этапа декор, выполненный штампом, представлен на 26% сосудов, шнуровой орнамент имеют 16% горшков, не орнаментировано 50% керамики. Также в композициях присутствуют фестоны и овы (5%), выполненные оттисками тесьмы.

В целом, на среднем этапе керамический комплекс из крымских катакомб, композиционные мотивы наиболее характерны для среднего этапа днепро-азовской культуры [Братченко, Шапошникова, 1985, с. 414]. Культурные связи прослеживаются также с донецкой и, вероятно, ингульской культурой. Подобно предыдущему периоду район Присивашья представлял зону наиболее интенсивных контактов.

Позднекатакомбный этап представлен двумя культурными группами — ингульской и поздних погребений скорченного обряда, керамический комплекс включал десять групп сосудов.

Анализируя керамику группы погребений скорченного обряда, выявлено, что 31% катакомб содержали сосуды. Наиболее многочисленными явились горшки группы II типов 1–5, составившие 58%, кубки представлены 20% керамики. В данной группе орнамент на сосудах выполнен в штампованной технике 30%, шнуровой 12%, композиции представлены фестонами, «елочным» узором, треугольными композициями вершинами вниз, рядами оттисков шнура. Посуда, не имеющая орнамента, составила 30%. Эти показатели могут свидетельствовать о значительной степени преемственности с днепро-азовской группой развитого этапа. В поздней группе также представлен прочерченный узор 28%, появляется налепной и валиковый декор 5%, что предполагает контакты с ингульской группой. В присивашской катакомбе выявлен горшок с раструбной горловиной и широкими боками (рис. 8: *6*) типологически сопоставимый с бахмутскими сосудами.

В ингульской культурной группе 42% могил содержали керамику.

В крымских катакомбах представлена типичная для ингульской культуры керамика — это сосуды чашевидные и чаши, составившие наиболее многочисленную серию 34% и 4% фляги. Сосудов орнаментированных выявлено 78%, более всего керамики имело прочерченный или желобчатый декор 35%, валиковым и рельефным узором украшено 8% керамики.

Помимо характерной ингульской посуды в катакомбах с вытянутым трупоположением представлены также кубковидные сосуды 21% и приземистые горшки 24%, обычно, украшенные шнуровыми композициями, лишь отдельные из них оформлены в прочерченной технике. Керамика не орнаментированная составила 22%. Это дает основания видеть в этой посуде влияние поздних катакомбных культур восточных областей.

Сравнительная характеристика посуды ингульской и позднекатакомбной скорченной традиции позволила выделить в керамическом комплексе общие для них формы сосудов групп II, V, VI, VII, XI, XII, XIV. В ингульских погребениях данная керамика представлена наиболее расширенным набором форм и разнообразием орнамен-

тальных композиций, особенно представительна группа чаш и керамика с прочерченным декором, что характерно в целом для ингульской культуры материковой части Украины [Шапошникова и др., 1977, с. 7–36].

В погребениях скорченного обряда посуды в процентном соотношении в захоронениях меньше, чем в ингульских. Наиболее представлены горшки и кубки, для нанесения декора чаще использовался штамп и шнур, также достаточно много для позднего периода не орнаментированной посуды 30 %.

Принимая во внимание тот факт, что истоки погребального обряда скорченного и вытянутого трупоположения различны, это подтверждается проведенным анализом керамики, выявившим отличия в керамических комплексах двух позднекатакомбных групп.

О взаимных контактах двух групп населения на позднем этапе, помимо общих для них типов посуды, могут свидетельствовать сосуды со смешанным орнаментом, в ингульских катакомбах такой керамики 20 %, более всего отмечено сочетание прочерченного и штампованного декора.

Распределение керамики между степной зоной Присивашья и тремя районами западнокрымским, центральным и предгорным показало, что в трех последних сосуды в погребениях встречаются чаще. В данных районах находилась практически вся посуда с шаровидным туловом, в классификации керамики этот тип горшков прослежен с раннекатакомбного периода. Кроме того, в данных районах наиболее представительна керамика в шнуровой и штампованной технике, а также не орнаментированные сосуды. Предполагая, таким образом, присутствие местного этнического компонента.

Присивашская зона определяла характер культурных связей. На позднем этапе, помимо наиболее интенсивных контактов с северными районами — Северо-Западным и Северным Причерноморьем. Возможно проследить, учитывая посуду с раструбной горловиной, биконические горшки, курильницу на круглом поддоне, реповидной сосуд, приземистые горшки с уступчатым плечиком в могилах со скорченным и вытянутым трупоположением, контакты с поздними катакомбными культурами Донецкого региона, степного Предкавказья.

Выполненная классификация катакомбной керамики позволила проследить динамику культурно-исторического процесса на территории Крымского полуострова, установив как внешние культурные связи на каждом этапе развития, так и внутреннее взаимодействие культурных групп. Наиболее отчетливо прослежена смена керамических традиций, маркирующих распространение катакомбных культур на полуострове. Так же очевидно последовательное освоение катакомбными племенами зоны периферии, где вплоть до позднего этапа прослеживается керамика местной традиции. В то время как степные районы Присивашья представляли территориию наиболее интенсивных контактов.

Abstract

T. A. Kopieva

CLASSIFICATION OF THE CERAMICS OF THE CATACOMB CULTURE IN THE CRIMEA

The article examines the pottery of the catacomb burials, found in the Crimean peninsula. The ceramics are considered in the ethnic and cultural aspects. The classification is based according to the data of 314 burials, which contain vessels. 14 groups of tableware are differentiated in accordance with the chronology of the Crimean catacomb monuments and the localization of ceramics in landscape zones of the peninsula.

The pottery groups II/2, III, IV – VII, IX – X, XII are refers to the early stage. It proves the intense cultural ties with the territory of Lower Don river and Steppe Ciscaucasia.

The middle stage is characterized by the ceramics group II/2-4, that indicates promotion and colonization of the Peninsula by the tribes of the Dnieper-Azov culture. The relations are maintained with the areas of Lower Don region (group VI/2) and Northern Black Sea coast.

The tribes of the Ingul culture domesticate the Crimea at a late stage, the fact is proved by the ceramics of groups VIII, X, XII/2-4. The late cultural group of the crouched rite continues to develop at the same time. The ceramics groups II, VI/2 define the continuity of the Dnieper-Azov culture. The tableware of the groups II/1-2, V, VI/1, VII, VIII, XI contains the local ethnic component. The cultural ties are maintained with the Late Catacomb cultures of Lower Don river, steppe Ciscaucasia (groups II/1-2, XII/1, XIII, XIV).

Key words: the catacomb culture of the Crimea, ceramics**,** classification, chronology.

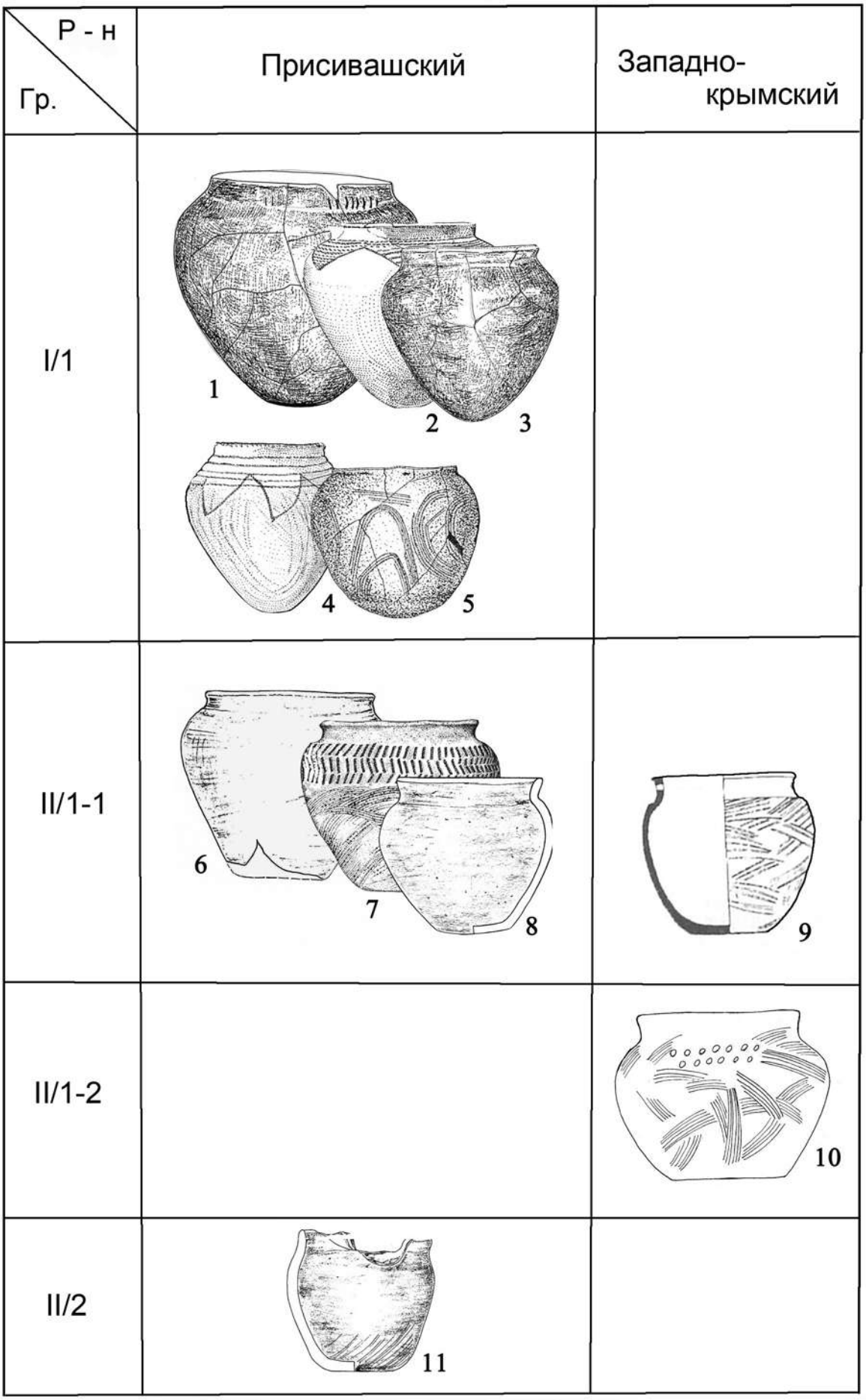


Рис. 1. Керамика раннего этапа. Группы I, II.
1 — Танковое 9/26; 2 — Акимовка 7/4; 3 — Приречное 23/13; 4 — Акимовка 7/8;
5 — Изобильное 1/12а; 6 — Сары-Булат 2/4; 7 — Рюмшино 14/2; 8 — Акимовка 7/3;
9, 10 — курган Западнодонузлавский п. 20, п. 18; 11 — Танковое 9/27

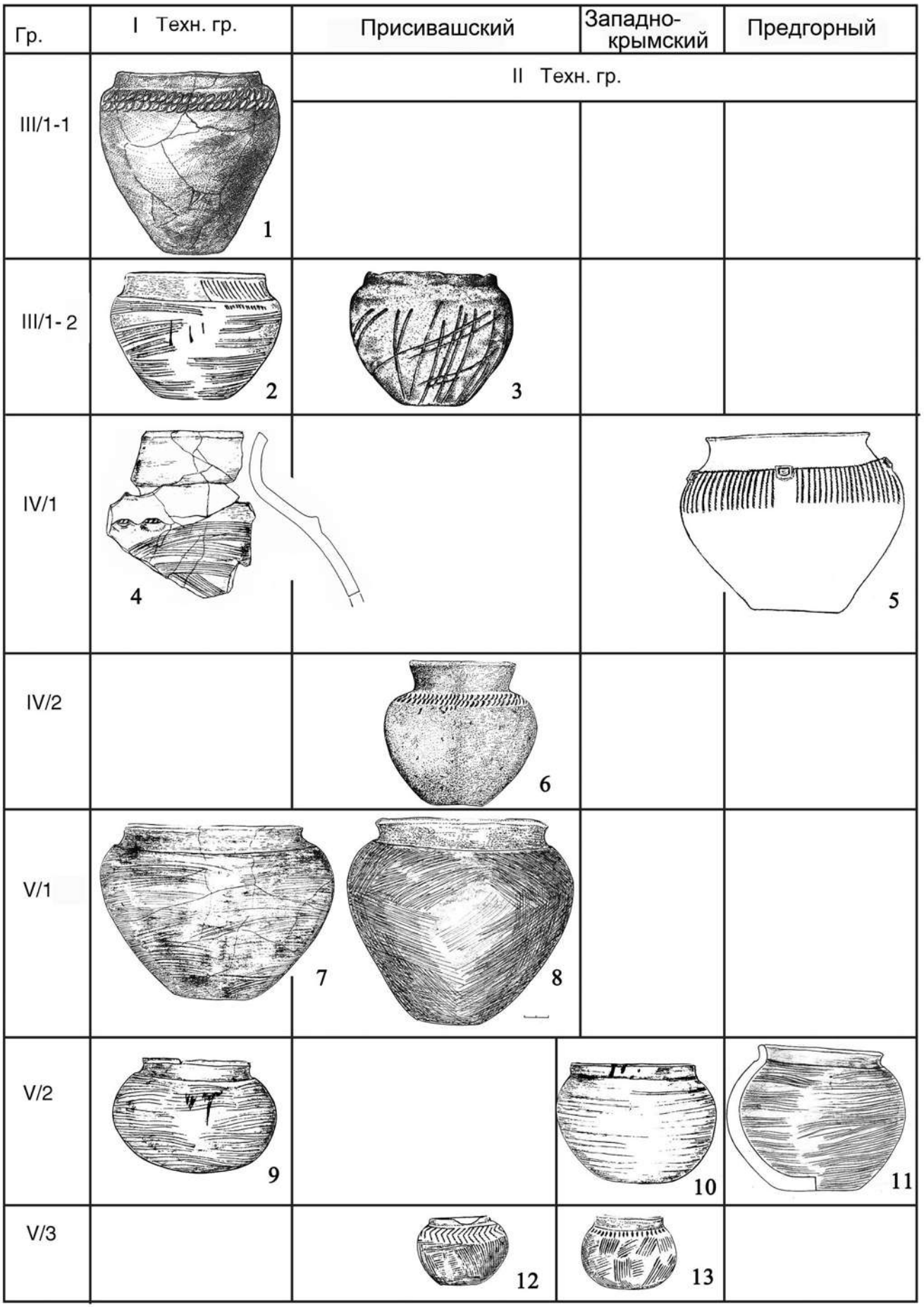


Рис. 2. Керамика раннего этапа. Группы III – V.
1 — Столбовое 2/26; 2 — Долинка 2/10; 3 — Рюмшино 14/14; 4 — курган Кеми-Оба п. 4;
5 — Аэропорт 1/1; 6 — Черноземное 1/10; 7 — Токарево 23/7; 8 — Рюмшино 8/12; 9 — Долинка 2/23;
10 — Красноярское 11/17; 11 — Кермен-Кыр; 12 — Акимовка 7/11; 13 — Фрунзе 1/7

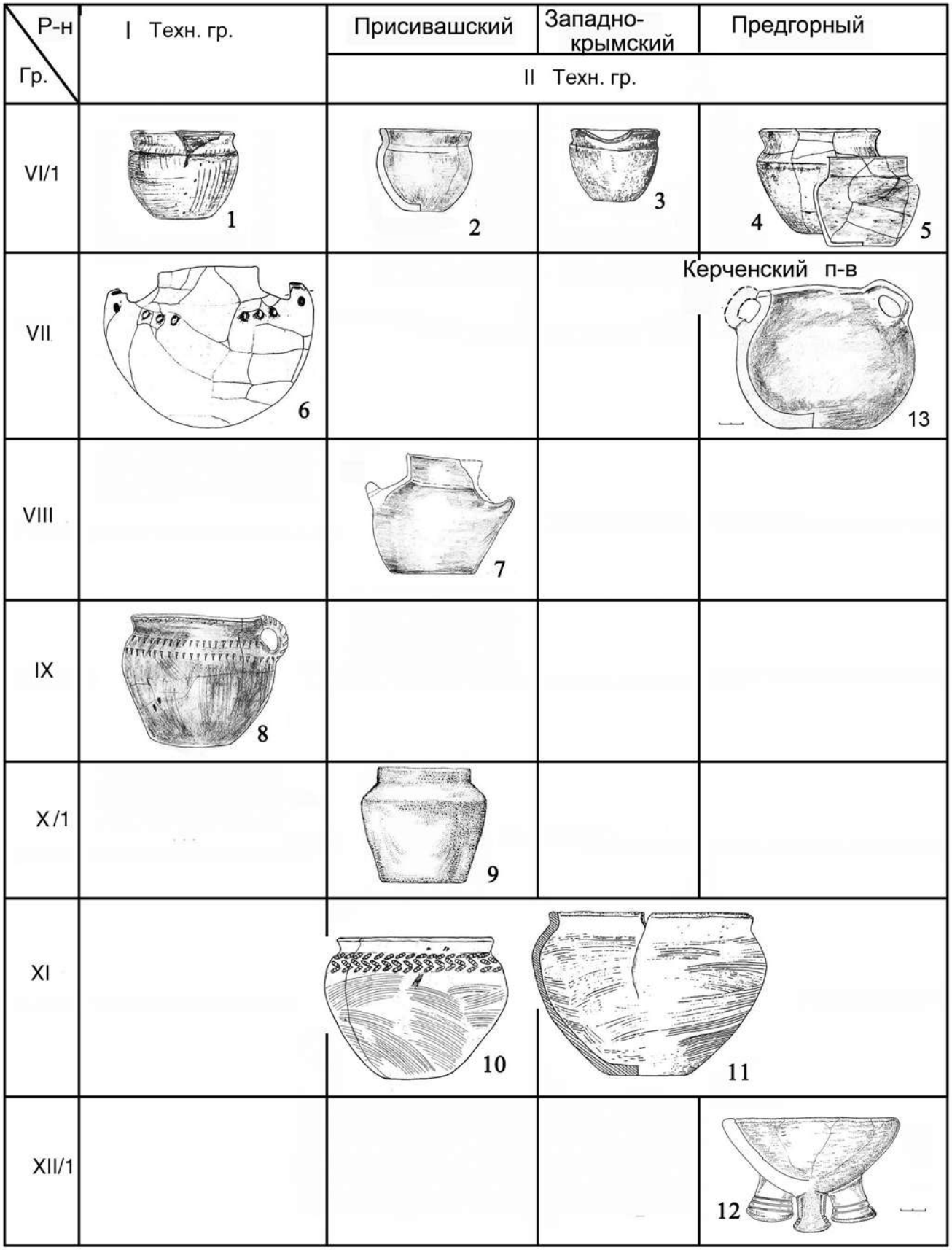


Рис. 3. Керамика раннего этапа. Группы VI – XII.
1, 2, 8 — Токарево 23/7; 3, 11 — Фрунзе 1/4; 4 — Гвардейское 1/6; 5 — курган Кеми-Оба п. 2;
6 — Рисовое 15/9; 7 — Кропоткино 10/5; 9 — Рюмшино 8/5; 10 — Долинка 4/11;
12 — Курган на «земле Черкеса»; 13 — Зеленый Яр 1/4

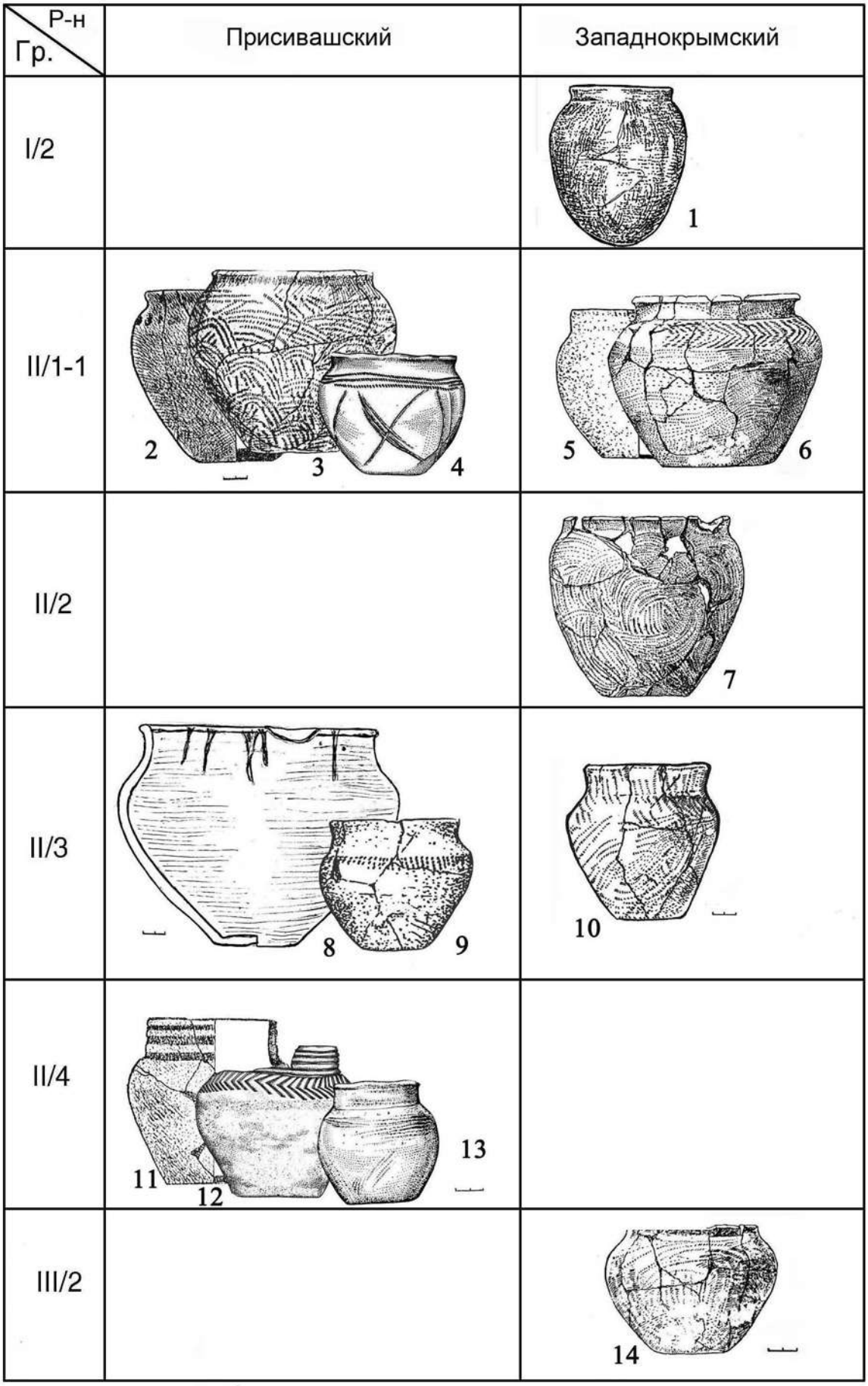


Рис. 4. Керамика среднего этапа. Группы I – III.
1 — Красноярское 11/5; 2 — Целинное 1/7; 3 — Богачевка 10/15; 4 — Рюмшино 5/12; 5 — Суворово 16/18; 6, 14 — Наташино 10/4; 7 — Наташино 10/9; 8 — Приречное п. 7; 9 — Емельяновка п. 13; 10 — Наташино 13/10; 11 — Целинное 5/3; 12 — Рюмшино, курган 14, в насыпи; 13 — Рюмшино 8/1

Р-н / Гр.	Присивашский	Западнокрымский	Предгорный
V/2		1	
VI/1		2	
VI/2	3		4
VII/2	5		
VIII/2		6	
XII/4		7	

Рис. 5. Керамика среднего этапа. Группы V – VIII, XII.
1 — Крыловка 1983 13/9; 2 — Красноярское 11/5; 3 — Рюмшино 10/8; 4 — Чистенькое п. 5;
5 — Ровенка 1/12; 6, 7 — Далекое 1992 6/3

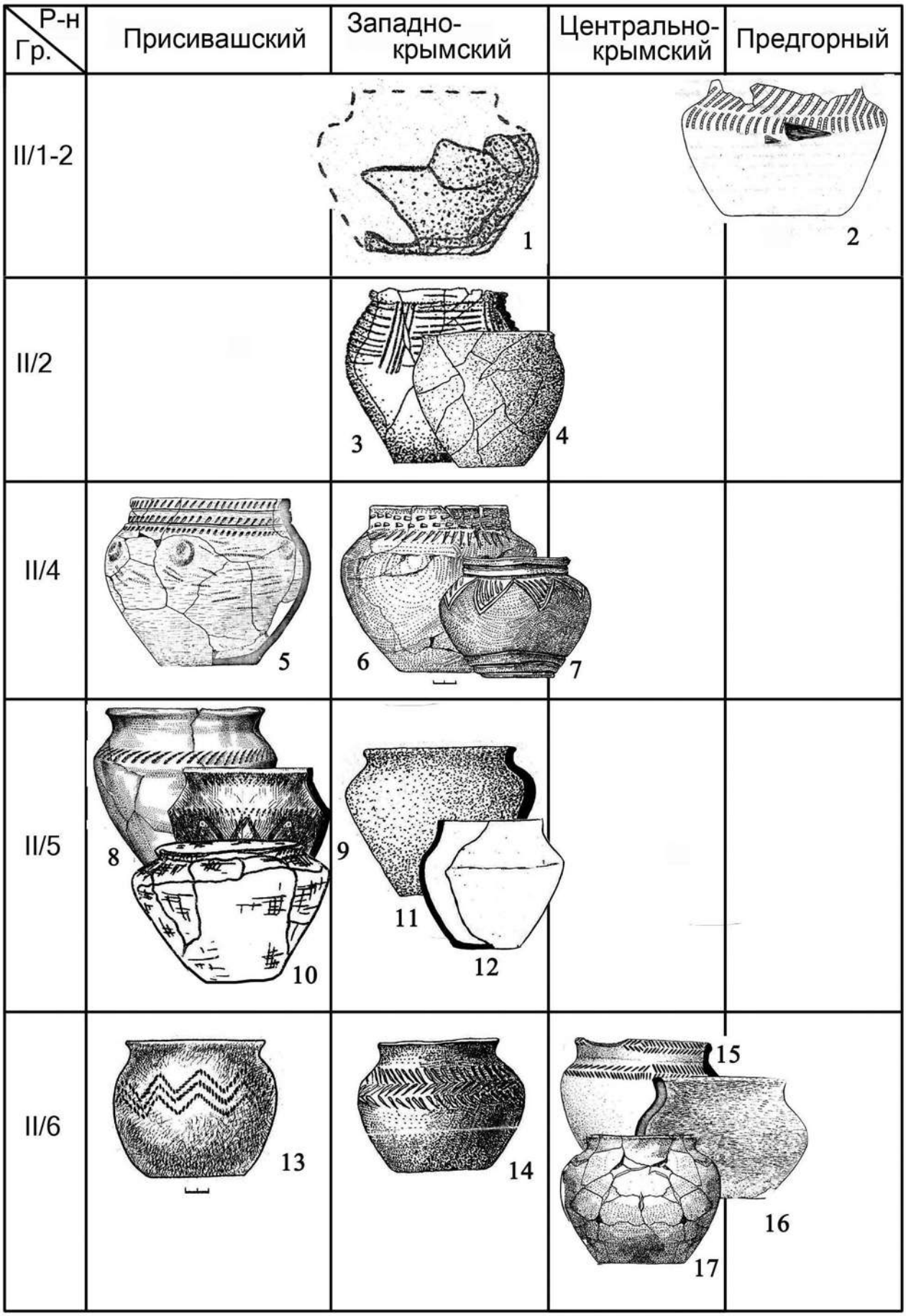


Рис. 6. Керамика позднего этапа из погребений скорченного обряда. Группа II.
1 — Луговое 4-5/10; 2 — Аэропорт 1/5; 3 — Красноярское 4/8; 4 — Суворово 17/11; 5 — Приречное 1982 п. 14; 6 — Крыловка, 1983 9/11; 7 — Крыловка, 1983 9/10; 8 — Рюмшино 6/1; 9 — Болотное 15/15; 10 — Мартыновка 1/21; 11 — Наташино 13/5; 12 — Крыловка 1983 13/4; 13 — Целинное 6/10; 14 — Наташино 10/12; 15 — Крыловка 1982 12/2; 16 — Крыловка 13/2; 17 — Калинино 1/9

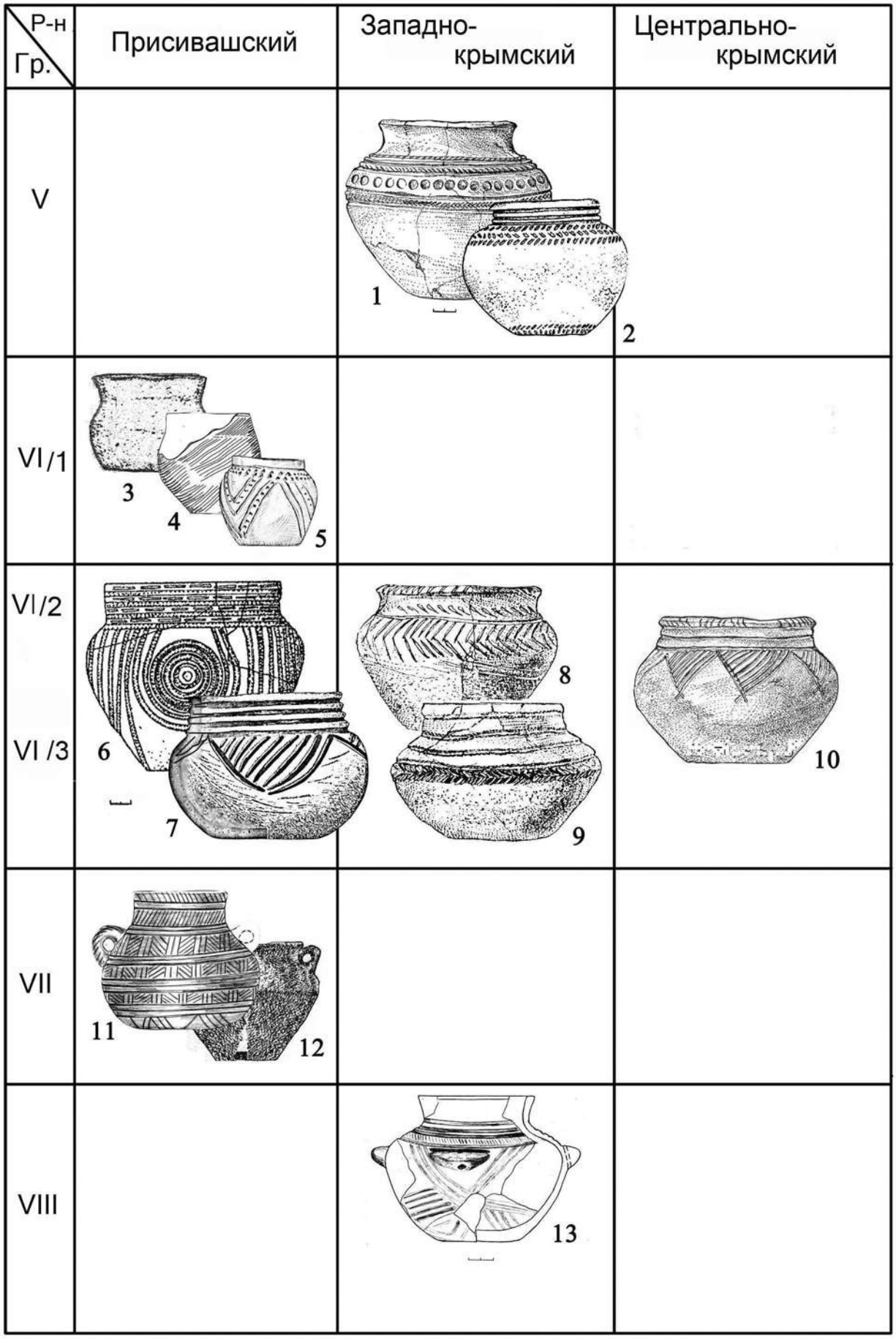


Рис. 7. Керамика позднего этапа из погребений скорченного обряда. Группы V – VIII.
1 — Наташино 18/9; 2 — Крыловка 8/5; 3 — Раздольное 1/24; 4 — Долинка 3/4; 5 — Изобильное 1/15; 6 — Кропоткино п. 12; 7 — Приречное 23/24; 8 — Крыловка, 1983 13/20; 9 — Крыловка 13/18; 10 — Открытое 3/7; 11 — Приречное 1979 1/8; 12 — Целинное 6/5; 13 — Наташино 10/16

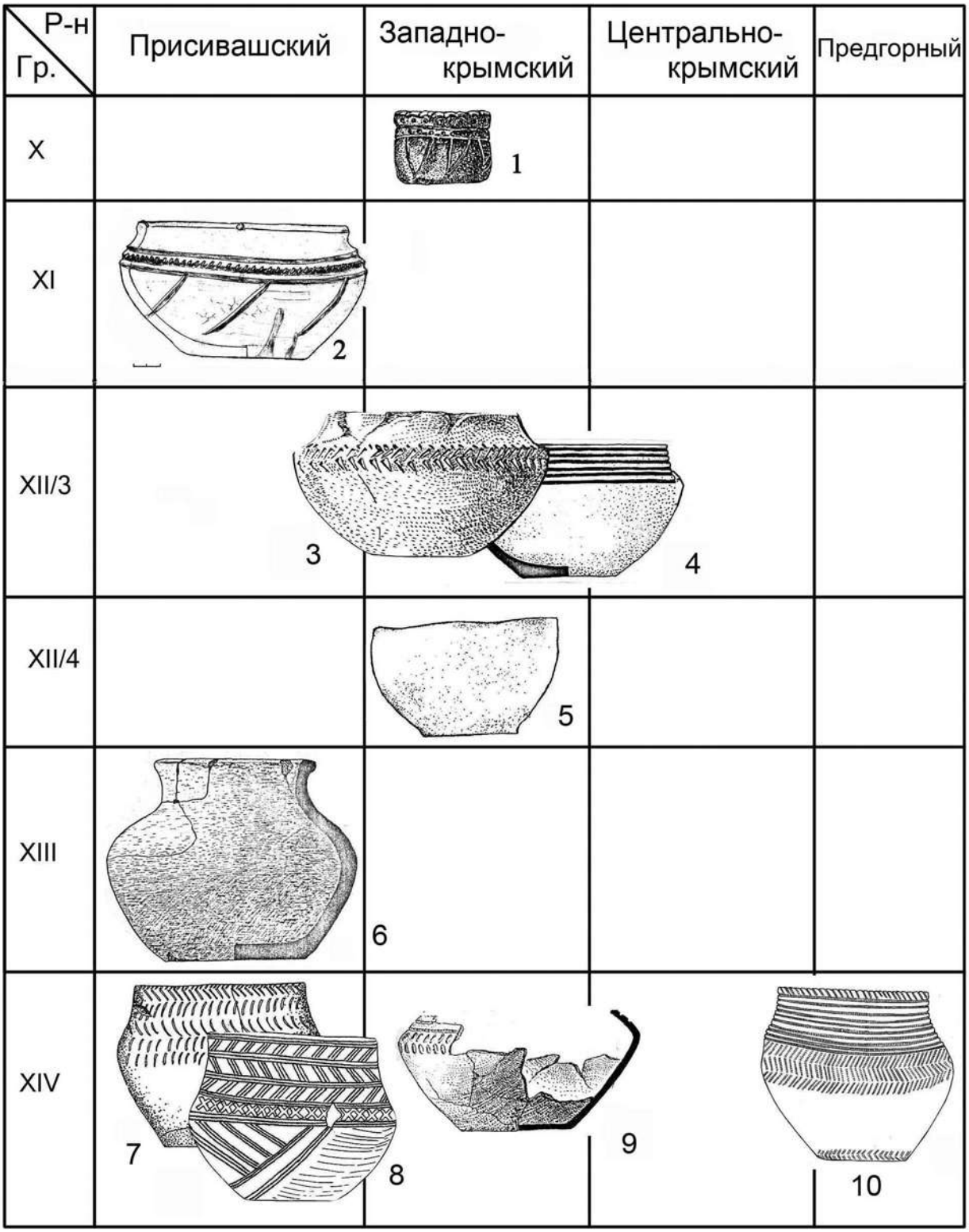


Рис. 8. Керамика позднего этапа из погребений скорченного обряда. Группы X – XIV.
1 — Наташино 10/12; 2 — Долинка 2/20; 3 — Шалаши 10/14;
4 — Славное 24/8 5 — Суворово 1/3; 6 — Изобильное 22/32; 7 — Кропоткино 1993 п. 12;
8 — Червоное 5/32; 9 — Наташино 10/16; 10 — Аэропорт 1/5

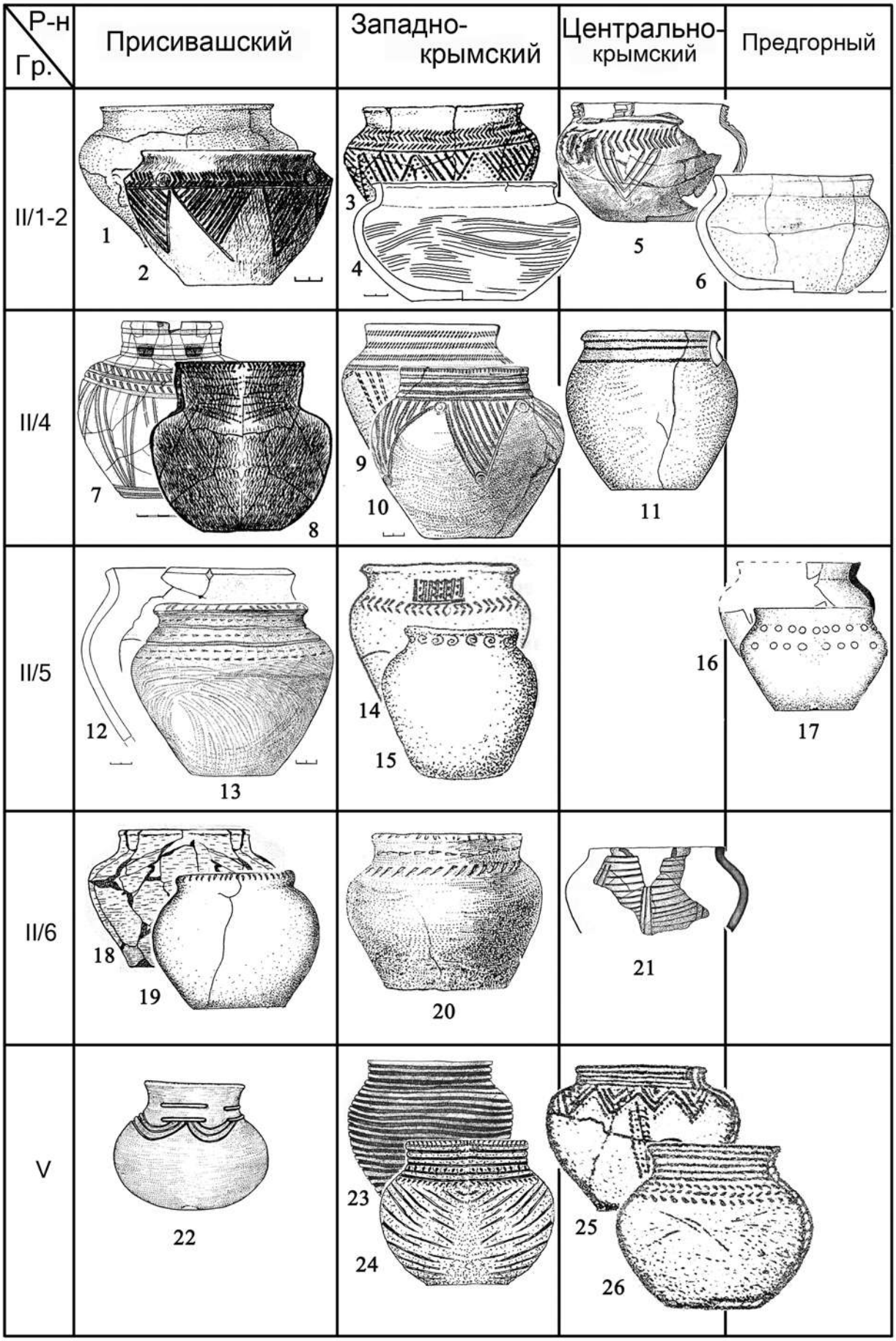


Рис. 9. Керамика позднего этапа из ингульских погребений. Группы II, V.
1 — Чкалово 3/12; 2 — Болотное 15/9; 3 — Славное 1/3; 4 — Наумовка 1/6; 5 — Ленинское 4/7;
6 — Симферопольское водохранилище 1/9; 7 — Рюмшино 3/2; 8 — Целинное 1/14; 9 — Славное 24/3;
10 — Наташино 18/10; 11 — Крыловка 1982 7/17; 12 — Танковое 10/5; 13 — Акимовка 7/13;
14 — Славное 1/5; 15 — Славное 1/3; 16 — Красная Зорька п. 20; 17 — Красная Зорька п . 9;
16 — Изобильное 22/12; 19 — Кропоткино п. 5; 20 — Крыловка 17/4; 21 — Крыловка 1982 7/2;
22 — Нежинское 1972 3/9; 23 — Суворово 17/13; 24 — Наташино 16/6; 25, 26 — Краснознаменка 1/10

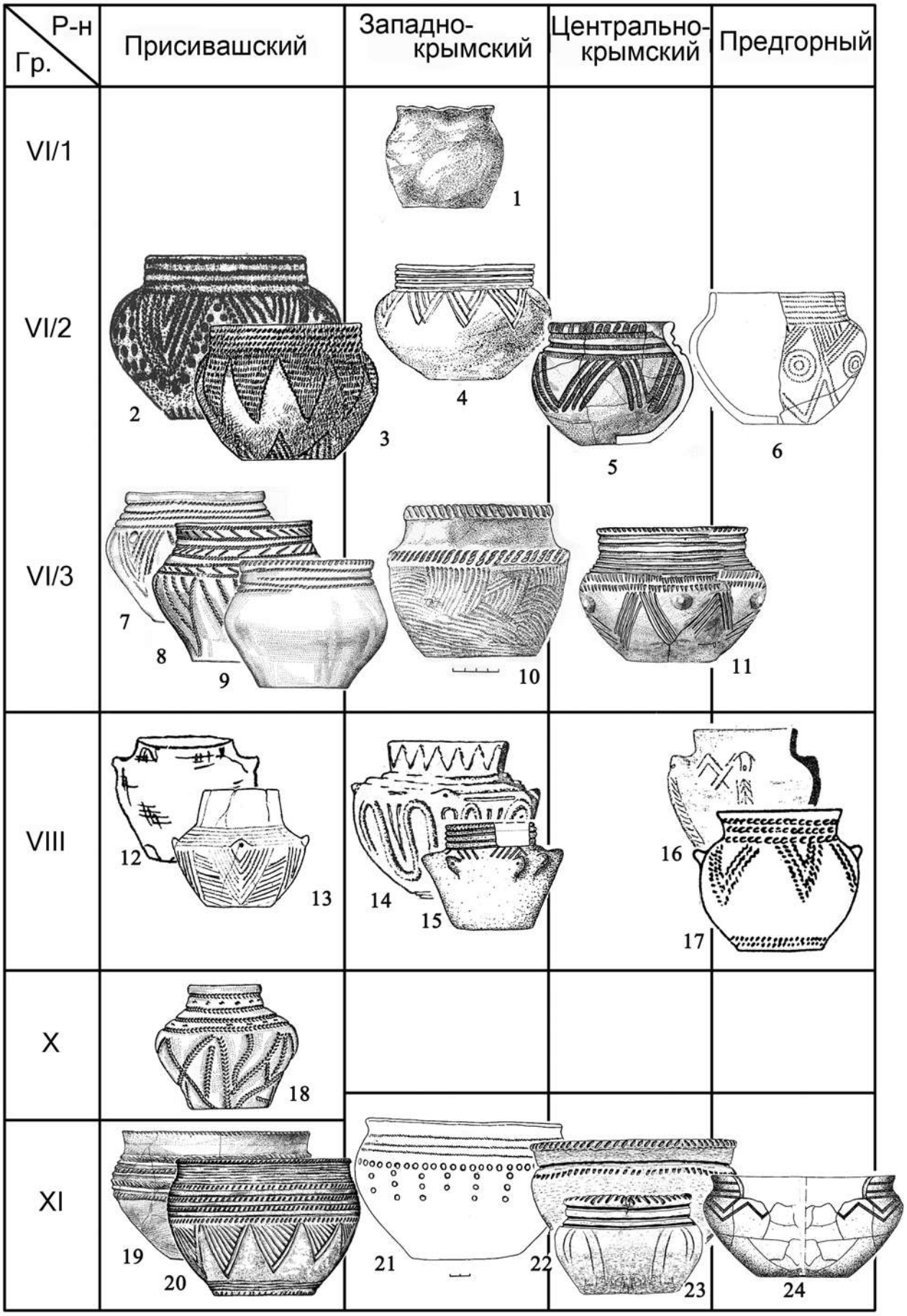


Рис. 10. Керамика позднего этапа из ингульских погребений. Группы VI, VIII, X, XI.
1 — Владимировка 2/19; 2 — Целинное 5/5; 3 — Целинное 6/9; 4 — Березовка 4/3;
5 — Калинино 1/5; 6 — Пионерское 1/15; 7 — Рюмшино 2/8; 8 — Рюмшино 2/11; 9 — Рюмшино 4/7;
10 — Владимировка 2/24; 11 — Калинино 1/3; 12 — Рисовое 7/26;
13 — Ровенка 3/8; 14 — Далекое 5/12; 15 — Славное 1/5;
16 — Чистенькое п. 4; 17 — Симферопольское водохранилище 5/3; 18 — Рюмшино 9/3;
19 — Столбовое 4/2; 20 — Рюмшино 14/3; 21 — Сватово 20/6;
22 — Степное 6а/5; 23 — Крыловка 1982 13/11; 24 — Пионерское 1/11

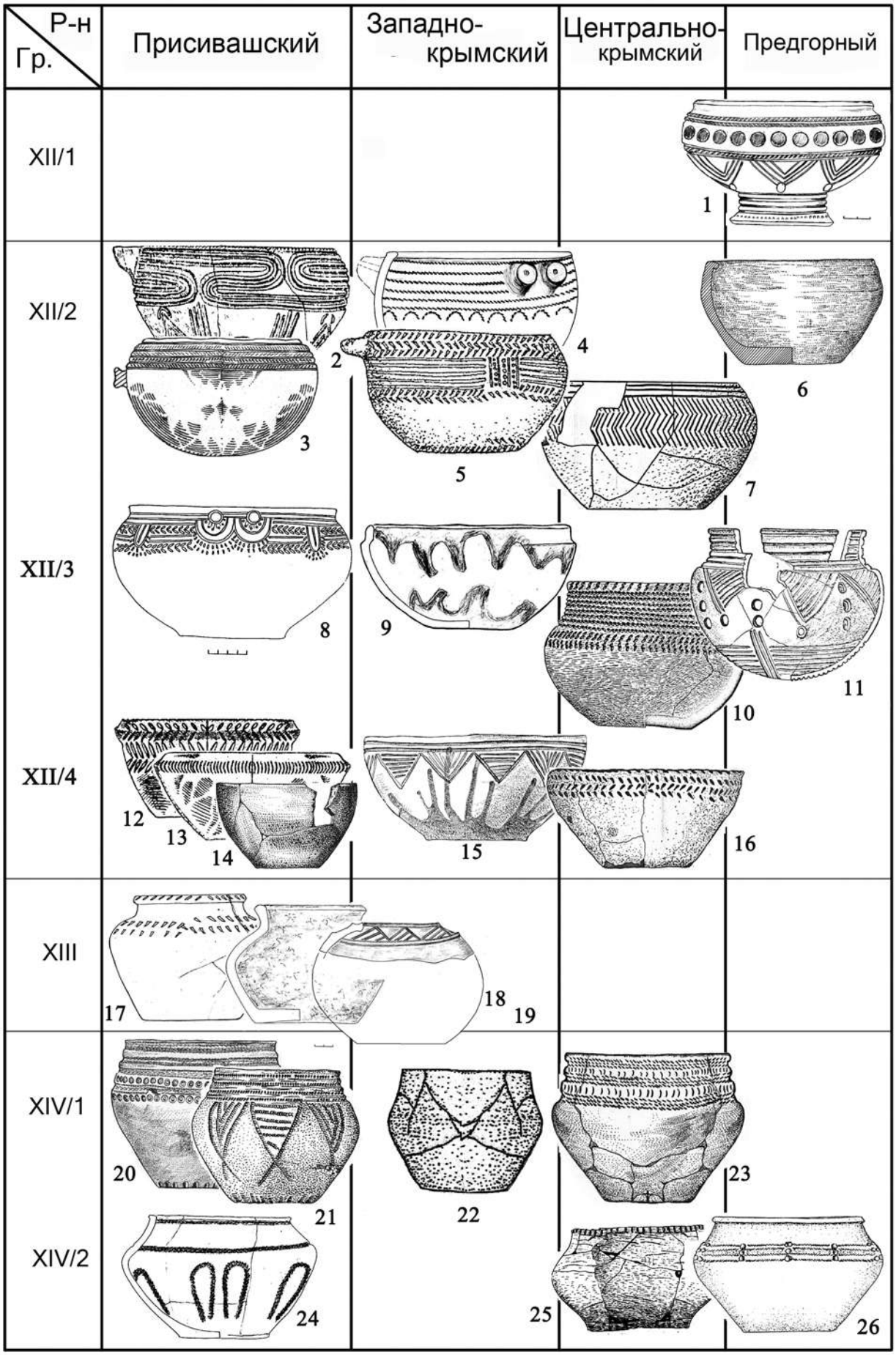


Рис. 11. Керамика позднего этапа из ингульских погребений. Группы XII – XIV.
1 — Симферопольское водохранилище 12/6; 2 — Богачевка 10/7; 3 — Чкалово 6/5; 4 — Веселовка 11/4; 5 — Славное 1/4; 6 — Мельники 4/5; 7 — Калинино 1/12; 8 — Сватово 20/6; 9 — Зайцево 11/12; 10 — Крыловка 1982 13/12; 11 — Гвардейское 2/1; 12, 13 — Чкалово 3/7; 14 — Рюмшино 3/14; 15 — Владимировка 2/18; 16 — Крыловка 1982 7/16; 17 — Рисовое 1/15; 18 — Рисовое 5/24; 19 — Вишневка 1/8; 20 — Столбовое 4/5; 21 — Филатовка 8/10; 22 — Луговое 4-5/15; 23 — Калинино 1/6; 24 — Рисовое 7/8; 25 — Крыловка 7/4; 26 — Красная Зорька п. 19

А. В. Лысенко, М. С. Шапцев

АКИНАК ИЗ АЛУШТИНСКОЙ ДОЛИНЫ (ЮЖНЫЙ КРЫМ)

Статья посвящена публикации группы случайных находок разновременных («скифское время» — эпоха средневековья) железных предметов вооружения из Алуштинской долины: наконечник дротика, наконечник стрелы, два топора и акинак. Артефакты обнаружены на склоне горы Чамны-Бурун (Наратли), на высоте около 850 м н. у. м., на естественной площадке с небольшим временным источником воды. Можно предполагать, что это место периодически использовалось населением долины как удобная стоянка в рамках осуществления горного подвижного скотоводства, заготовки древесины или охоты. При этом, вероятно, и были утрачены публикуемые предметы. Наиболее примечателен среди них, в силу неординарности для Южного Крыма, акинак. Морфологически близкие изделия исследователи объединяют в серию акинаков «келермесского» типа, датируемого второй половиной VII – первой четвертью VI вв. до н. э. Его ареал охватывает европейскую Лесостепь и север Степи от Подунавья до Волги, а также Кавказ и Закавказье (максимальная концентрация — в Подонье). Возможно, находка акинака «келермесского» типа в Алуштинской долине отражает ранние контакты населения Горного Крыма и степных кочевников.

Ключевые слова: Алуштинская долина, предметы вооружения, акинак.

В конце XX – начале XXI в. на территории Горного Крыма, в силу комплекса различных причин, распространилась практика сбора частными лицами подъемного материала с применением металлодетекторов [см.: Гаврилов, Труфанов, 2014, с. 73–74]. Некоторые из обнаруженных подобным образом вещей, достаточно хорошо сохранившиеся и уверенно атрибутируемые по морфологическим признакам, представляют научный интерес (например, как материал, позволяющий уточнить сведения о ареалах распространения отдельных категорий древних предметов, их типологическом разнообразии, особенностях технологии изготовления и проч.). В случаях, когда места и обстоятельства находок установлены с той или иной степенью достоверности, такие артефакты достойны введения в научный оборот [см.: Топал, Бруяко, 2012, с. 133; Скорый, Зимовец, 2014, с. 13–16].

В начале 2011 г. одному из авторов местные жители передали несколько железных предметов вооружения (сданы на хранение в Алуштинский историко-краеведческий музей). Впоследствии удалось осмотреть и картографировать место их обнаружения.

Находки сделаны в правом («юго-западном») борту Алуштинского горно-приморского амфитеатра («Алуштинская долина», центр южного макросклона Главной гряды Крымских гор [Лысенко, 2010, с. 259, рис. 1]), в верхней части северо-восточного склона северного отрога горы Чамны-Бурун (Наратли)[1], на высоте около 850 м н. у. м., в пределах сравнительно обширной (примерно 150 х 300 м) ориентированной поперек склона естественной площадки с небольшим родником и периодически (зима, весна, начало лета) заполняющимся водой понижением рельефа (голь). Площадка находится в некотором удалении (по высоте и проложению) от долговременных поселений и мест, где они могли существовать, на 300 м ниже и в 1 км по прямой (около 1,5 км по «рациональной» траектории спуска/подъема) от поляны Дипла (Диплис) на перевале Шайтан-Богаз (Чамны-Бурунский), где сходятся тропы Ак-Чокрак-Богаз (Хавалын-Богазы) и Чингине-Алан-

[1] Интрузивный массив (магматический диапир), сложенный габбродиабазами среднеюрского возраста [см.: Юдин, 2009, νβJ2].

Йол (Хыр-Йол) и откуда имеется удобный проход (Шайтан-Мердвен) на плато Бабуган-Яйла, альпийские луга которого издавна использовались как летнее пастбище (рис. 1: I; 2)[2].

Помимо вещей, связанных с функционированием базы Алуштинского партизанского отряда (конца 1941 г.) и многочисленных подков крупного рогатого скота (XIX (?) – начала XX вв.), здесь обнаружены втульчатый наконечник дротика с коротким ланцетовидным пером (хронологическую принадлежность определить сложно) (рис. 3: *3*)[3], черешковый с упором крупный «ромбический» наконечник стрелы (тип 49 по А. Ф. Медведеву, XIII – начала XV вв. [Медведев, 1966, с. 69, табл. 30, 45, 23, 39, 27, 8–10]) (рис. 3: *4*), боевой проушной топор с коротким скошенным обухом (римское время – эпоха раннего средневековья [Мыц и др., 2006, с. 123, рис. 6, 4]) (рис. 3: *1*), обломок еще одного подобного (?), но более изящного изделия (обух утрачен) (рис. 3: *2*) и сильно изношенный акинак («скифское» время) (рис. 4–6). Признаков наличия культурных отложений эпохи раннего железа и/или средневековья при осмотре площадки (в основном многочисленных обнажений грунта в корневых системах поваленных ветрами деревьев) не выявлено. Вероятность того, что перечисленные артефакты могли быть переотложены из культурных напластований какого-либо неизвестного археологического объекта, расположенного выше, незначительна, так как на склоне над площадкой отсутствуют пологие участки, где могли бы аккумулироваться соответствующие отложения. Кроме того, значительная его часть покрыта мощной стабильной (задернованной и поросшей «вековым» лесом), видимо достаточно древней коллювиальной крупноглыбовой осыпью, со времени своего формирования в значительной мере блокирующей активное развитие делювиального и других экзогенных склоновых процессов.

Исходя из приведенных обстоятельств можно предполагать, что рассматриваемые находки относятся к категории «случайных» [о термине см.: Билинский, Шелехань, 2014, с. 172]. Локализация таких объектов, по мнению исследователей, часто соотносится с «сухопутными коммуникациями», остававшимися неизменными в течение длительного времени в связи с жесткой детерминированностью ландшафтом [Билинский, Шелехань, 2014, с. 179]. В условиях Горного Крыма таковыми могут являться пути, сформировавшиеся в рамках осуществления горного подвижного скотоводства, практиковавшегося здесь с эпохи ранних металлов до XX в. [см.: Лысенко, 2003, с. 98–99]. Таким образом площадка, в пределах которой обнаружены артефакты, возможно, периодически использовалась небольшими коллективами как удобная промежуточная стоянка при весеннем (?) перегоне скота на летнее пастбище (Бабуган-Яйла). Не исключено также, что здесь иногда базировались заготовители древесины [см.: Лысенко, 2010, прим. 92], охотники и т. п. Начальными пунктами сезонных миграций могли быть поселенческие структуры, расположенные в Алуштинской долине. Ближайшие к горе Чамны-Бурун известные археологические объекты такого рода: для «скифского» времени — культурные отложения у пос. Розовый (не опубликовано) (рис. 1: II) и на северо-восточном отроге горы Кучук-Урага [Тесленко, 2014, с. 82–84] (рис. 1: III); для «позднеримского» времени — культурные напластования на скале Ай-Йори [Лысенко, Тесленко, 2007] (рис. 1: VII); для эпохи средневековья — укрепления на горе Сераус [Мыц, 1991, с. 149] (рис. 1: VIII) и на скале Ай-Йори [Лысенко, Тесленко, 2007] (рис. 1: VII).

Среди публикуемых предметов вооружения наиболее примечателен, в силу неординарности для Южного Крыма, акинак. Кинжал, видимо, фрагментирован (общая длина артефакта — 24,5 см), с прямым брусковидным навершием, уплощенной «трехваликовой» рукоятью, «бабочковидным» перекрестьем и двулезвийным (?) клинком[4] (рис. 4: *5*). Навершие короткое (3,7 см), овалоидных очертаний, в сечении округлое (1,3 х 1,4 см), видимо «надето» на рукоять через специальный паз. Рукоять (длина — не менее 6,5 см, ширина — 1,7–2,1 см, толщина — 0,6 см) с каждой из плоских сторон профилирована двумя продольными параллельными желобками. Перекрестие массивное (высота — 2,5 см, ширина — 5,2 см, толщина — до 1 см), сформировано из двух пластин, скреплённых между собой, а также с рукоятью/клинком (возможно изготовлены из одного куска металла) посредством кузнечной сварки. Верхняя часть его контура образует слабовыраженный тупой угол с вогнутыми сторона-

[2] Топонимы взяты с рукописной карты И. Л. Белянского [см.: Беляев, 2010, с. 33–34].

[3] Рисунки артефактов выполнил лаборант КФ ИА НАНУ С. В. Семин.

[4] Сохранность металла позволяет более или менее объективно судить о параметрах предмета на момент его утери (рис. 5).

ми. На одной из пластин видны остатки головок двух заклёпок с подквадратными в плане шляпками (рис. 6: *3*). Вероятно, эти элементы появились на изделии в процессе ремонта, необходимость которого могла быть обусловлена расслаиванием перекрестья вследствие долгой эксплуатации. Клинок деформирован, асимметричен, с сильным сужением у середины и обломанным острием, длиной 13,5 см, в сечении у основания близок к линзовидному (0,5 х 3,5 см), по крайней мере с одной стороны по продольной оси профилирован нервюрой шириной 0,2 см. Его первоначальная форма и размер объективной реконструкции не поддаются. Сопоставление общих пропорций сохранившейся части акинака с близкими по габаритам подобными предметами лучшей сохранности [см.: Скорый, Зимовец, 2014, с. 21–22, кат. 4] позволяет предполагать, что длина клинка немного превышала или составляла менее 20 см. Очевидные существенные повреждения и утраты, видимо, обусловлены длительностью использования и/или тем, что кинжал был сломан и переточен. Его сохранившийся вес — 140 г.

Изделие сопоставимо с типом 2 отдела I скифских акинаков по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 49–50]. Морфологически сходные с публикуемым предметы (сочетающие такие признаки как трехчастное сечение рукояти, массивное брусковидное навершие, «бабочковидное» перекрестье и нервюра на клинке) исследователи объединяют в серию акинаков «келермесского» типа [Ворошилов, 2011; Топал, Бруяко, 2012, с. 134–141]. Рассматриваемый экземпляр по размерным характеристикам входит в группу с длиной клинка до 25 см. Датируют тип «раннескифским» временем (вторая половина VII – первая четверть VI вв. до н. э. [Билинский, Шелехань, 2014, с. 172; Топал, 2014, с. 107]). Кинжал с горы Чамны-Бурун, принимая во внимание несколько редуцированную в сравнении с «классической» форму верхнего контура перекрестья, возможно, целесообразно относить к позднейшим образцам. Ареал акинаков «келермесского» типа охватывает европейскую Лесостепь и север Степи от Подунавья до Волги, а также Кавказ и Закавказье. Максимальная концентрация — в Подонье [Топал, Бруяко, 2012, с. 141–142, рис. 3]. Исследователи, занимающиеся картографированием находок акинаков (в частности «случайных») обычно связывают их с различного рода миграциями (в том числе военными походами) степных кочевников (скифов) [Фіалко, Болтрик, 2003, с. 83–89; Бабенко, 2009, с. 26–28; Билинский, Шелехань, 2014, с. 170, 179, рис. 4; Топал, Бруяко, 2012, с. 142 и др.].

Более или менее точно определить верхний рубеж хронологического периода, в рамках которого был утерян кинжал на горе Чамны-Бурун, не представляется возможным. Судя по состоянию предмета, он мог использоваться достаточно долго. Кроме того, не исключено, что артефакт происходит из одного из многочисленных в Южном Крыму погребальных комплексов эпохи раннего железа (ближайшие — у пос. Розовый [Брандт, 1914, с. 2; Крис, 1981, с. 57, № 11] (рис. 1: IV), на хребте Томалах-Ташлар (один из северо-восточных отрогов г. Урага) [Миллер, 1888, с. 126–127] (рис. 1: V), между долиной реки Ай-Лия (Кара-Узень) и балкой Цикурнин-Дере [Тесленко, Лысенко, 2005, с. 291] (рис. 1: VI)). Эти объекты, датируемые в целом второй половиной VII-VI – V-III вв. до н. э. и ассоциируемые с историческими таврами [см.: Кравченко, 2011, с. 95, 102–104, 112–113], представляют собой довольно аттрактивные «мегалитические» структуры, которые издавна использовались в различных утилитарных целях [см.: Колотухин, 1996, с. 30] и, видимо, подвергались ограблению [Крис, 1981, с. 34 и сл.]. Кинжал, как и другие предметы, мог быть изъят из такого комплекса спустя значительный промежуток времени после его формирования и использоваться по прямому назначению до «вторичной» археологизации.

Публикация акинака из Алуштинской долины расширяет представления о ареале «келермесского» типа, так как до недавнего времени среди изданных крымских мечей и кинжалов эпохи раннего железа уверенно соотносимые с ним артефакты не были представлены[5], а опубликованные в последние годы немногочисленные случайные находки подобных изделий происходят

[5] Известные по связанным с «погребальными» контекстами находкам в Горном, Предгорном и Степном Крыму кинжалы и мечи, сопоставимые с типом 2 отдела I скифских акинаков по А. И. Мелюковой, либо отличаются в деталях (длина навершия, профилировка рукояти, форма перекрестья) от Чамны-Бурунского, либо недостаточно хорошо сохранились для «узкого» определения. По морфологическим особенностям и/или наборам погребального инвентаря их датируют последней третью – четвертью VI, рубежом VI-V – началом V или V в. до н. э. [см.: Андрух, 1988, с. 163, 169, рис. 3, 3; Колотухин, 2000, с. 8, рис. 2; Колтухов, 2008, с. 247, рис. 2, 1; Колтухов, 2010, с. 92, рис. 20, 2; Колтухов, 2012а, с. 41, 47, рис. 12, 19, 18, 5, 28, 5].

из Восточной части Горного/Предгорного Крыма [Скорый, Зимовец, 2014, с. 20–22, кат. 3–5]. Из известных в Таврике архаических экземпляров такого оружия по формальным признакам наиболее близок рассматриваемому акинак из урочища Бураган у с. Межгорье Белогорского района [Скорый, Зимовец, 2014, с. 21–22, кат. 4], а по месту обнаружения — кинжал из раскопок горного святилища у перевала Гурзуфское Седло [Новиченкова, 2002, с. 77, рис. 55, 12]. Возможно эти и другие находки отражают разнообразные ранние контакты населения Горного Крыма и степных кочевников [Колтухов, 2008, с. 246–247; Скорый, Зимовец, 2014, с. 164–168][6].

Abstract

A. V. Lysenko, M. S. Shaptsev

AN AKINAK FROM ALUSHTA VALLEY (THE SOUTHERN CRIMEA)

The article is devoted to publication of a group of chance finds of weapons dated to different historical periods (from Scythian times to Middle Ages) found in Alushta valley: an arrow head, a javelin head, two axes, and a short sword (akinak). The artifacts are found on the slope of Chamny-Burun (Naratli) Mountain, on a natural flattened area with a temporal water source. It might be assumed that this site was periodically used by hunters and herdsmen as a camp-place during their activities for the professional needs. Apparently there were lost the objects published in the article. The akinak is most interesting among them, because such a find is rather unusual for the Southern Crimea. Similar items are united in a Kelermes type dated from the second half of the seventh to the first quarter of the sixth century BC and are spread in the European forest-steppe and the northern steppe from the Danube to the Volga, including also Caucasus and Transcaucasia, with a maximum of concentration in the Don area. Probably the find of such an akinak reflects early contacts between inhabitants of the Mountain Crimea and steppe nomads.

Key words: Alushta valley, finds of weapons, akinak.

[6] Авторы выражают признательность коллегам к. и. н. С. Г. Колтухову и В. В. Масякину за консультации при определении публикуемых предметов.

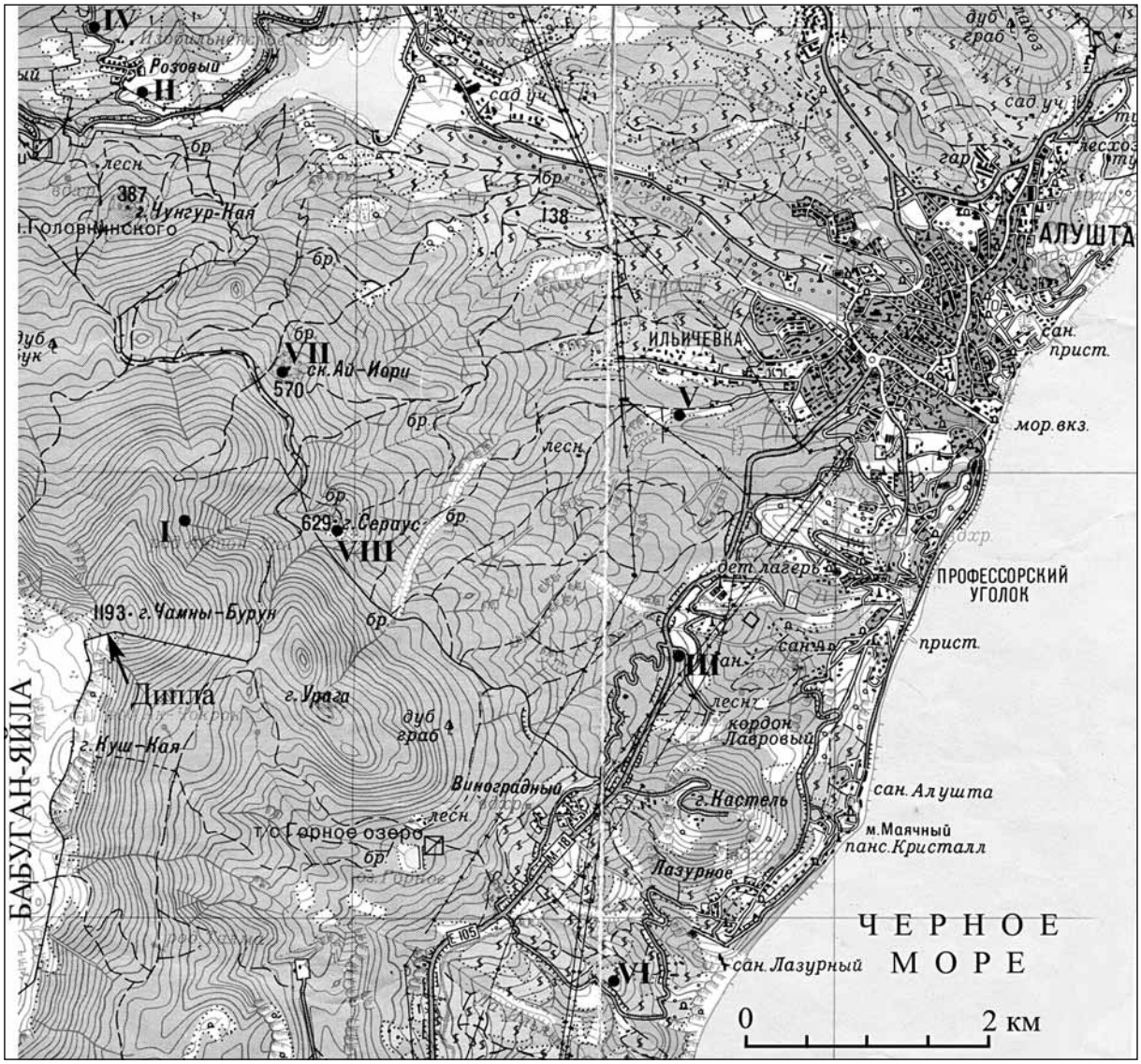


Рис. 1. Карта юго-западной части Алуштинской долины с обозначением упоминающихся в статье археологических объектов.
I — место находки предметов вооружения в верхней части северо-восточного склона северного отрога горы Чамны-Бурун (Наратли). II — культурные отложения VI – IV-III вв. до н. э. у пос. Розовый.
III — культурные отложения «скифского» времени на северо-восточном отроге горы Кучук-Урага.
IV — некрополь «скифского» времени из «каменных ящиков» у пос. Розовый.
V — курган с кромлехом «скифского» времени на хребте Томалах-Ташлар.
VI — «каменный ящик» «скифского» времени между долиной реки Ай-Лия (Кара-Узень) и балкой Цикурнин-Дере.
VII — культурные отложения позднеримского времени (V в.) и средневековое укрепление (XIII – XIV вв.) на скале Ай-Иори. VIII — средневековое укрепление (IX-X – XIII(?) вв.) на горе Сераус

Рис. 2. Западная часть Алуштинской долины. Место находки предметов вооружения в верхней части северо-восточного склона северного отрога горы Чамны-Бурун (Наратли). Вид с востока. Фото

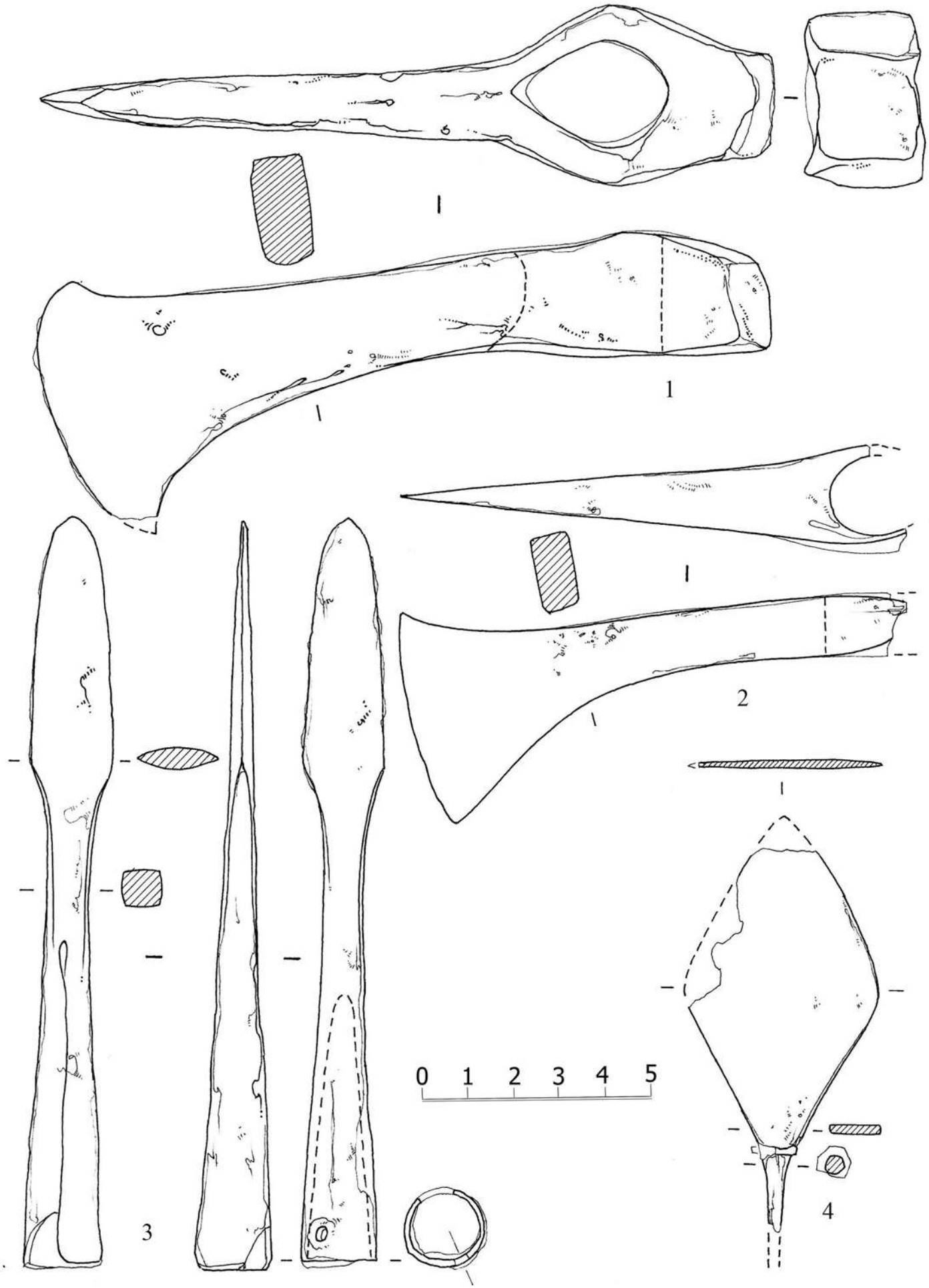


Рис. 3. Предметы вооружения из железа, найденные в верхней части северо-восточного склона северного отрога горы Чамны-Бурун (Наратли).
1, 2 — топоры; 3 — наконечник дротика; 4 — наконечник стрелы

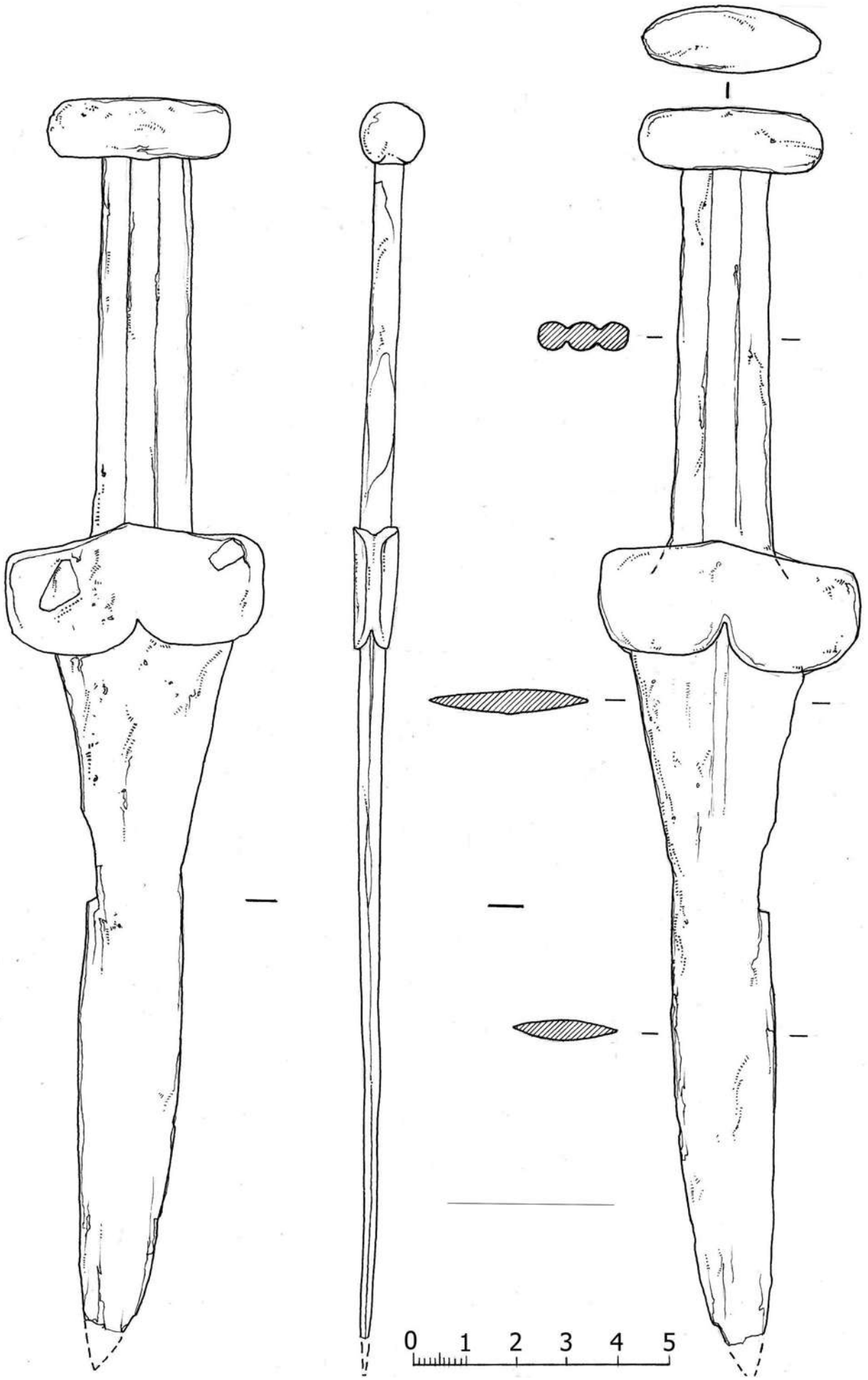


Рис. 4. Железный акинак, найденный в верхней части северо-восточного склона северного отрога горы Чамны-Бурун (Наратли)

Рис. 5. Железный акинак, найденный в верхней части северо-восточного склона северного отрога горы Чамны-Бурун (Наратли). Фото

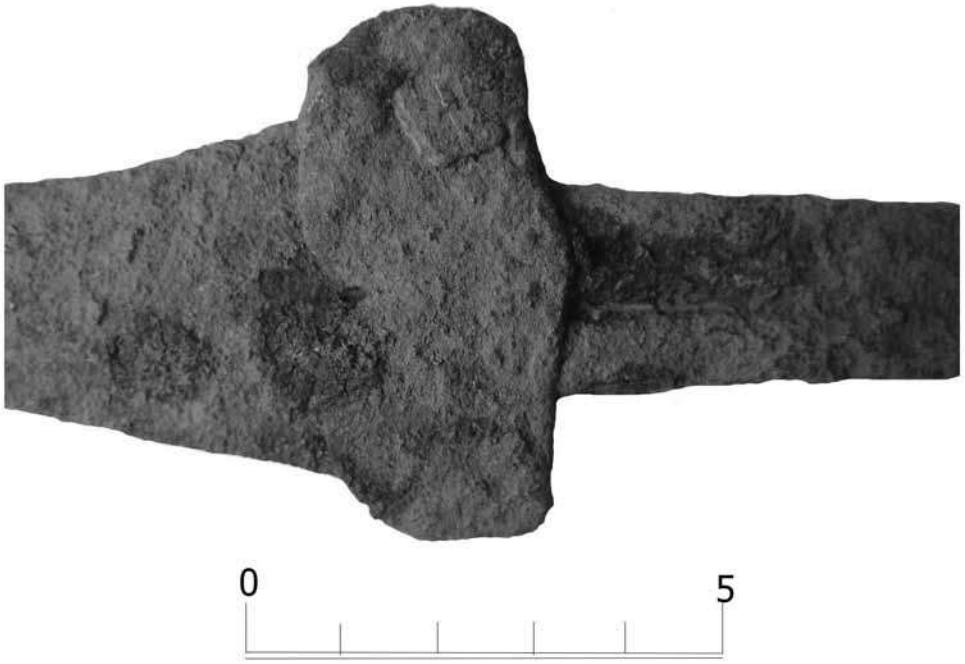


Рис. 6. Железный акинак, найденный в верхней части северо-восточного склона северного отрога горы Чамны-Бурун (Наратли).
Перекрестье. Фото.

В. В. Кропотов

КУРГАНЫ С «КОЛЛЕКТИВНЫМИ ПОГРЕБЕНИЯМИ» В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ ТРОИЦКОЙ

В данной работе рассматривается вклад Татьяны Николаевны Троицкой в изучение скифских древностей Крыма. Особое внимание уделено так называемым курганам с «коллективными погребениями», впервые выделенными исследователем в особую группу скифских захоронений еще в 1951 г. В статье обсуждаются ее взгляды на этнокультурную атрибуцию этих памятников, их датировку и причины возникновения. Новый, накопленный за последние полстолетия массовый археологический материал лишь незначительно корректирует некоторые предположения автора и демонстрирует полное соответствие основным концептуальным положениям ее работы.

Ключевые слова: Т. Н. Троицкая, скифские древности Крыма, курганы с «коллективными погребениями».

Среди исследователей скифских древностей Крыма Татьяна Николаевна Троицкая занимает особое место. Она недолго работала в Крыму, опубликовала по крымским материалам всего несколько статей [Троицкая, 1951; 1957а; 1957б; 1957в] и защитила в 1954 году кандидатскую диссертацию «Скифские погребения в курганах Крыма» [Троицкая, 1954], однако ее вклад в крымское скифоведение оказался очень весомым. Основные концептуальные положения, выдвинутые Татьяной Николаевной Троицкой в начале 1950-х годов, до сих пор не утратили своего значения, а накопленный за истекшее время новый археологический материал только подкрепил их.

Родилась Т. Н. Троицкая в 1925 году в Тбилиси в семье профессора-биолога Николая Александровича Троицкого. Детство ее прошло в Ереване, где отец заведовал университетской кафедрой ботаники. Это время Т. Н. Троицкая подробно и увлекательно описывает в своих воспоминаниях [Троицкая, 2010]. В 1938 году, в связи с новым назначением отца, семья была вынуждена переехать в Орел. Два тяжелых военных года прошли в эвакуации в г. Бирск на р. Белой. Однако трудности только закалили характер Тани Троицкой, а ее детская мечта обязательно стать археологом укрепилась. Она поступила на исторический факультет Липецкого филиала Московского государственного педагогического института, а затем перевелась в Москву. Голод и плохо обустроенный студенческий быт быстро истощили силы Т. Троицкой, и она тяжело заболела. В начале марта 1945 года профессор Н. А. Троицкий, перебравшийся к этому времени в Крымский пединститут, забрал дочь в Симферополь: она была переведена на второй курс исторического факультета. Так Т. Н. Троицкая оказалась в Крыму.

Второй счастливый случай судьба уготовила ей летом того же года — в Симферополь на раскопки Неаполя Скифского приехал известный археолог Павел Николаевич Шульц во главе археологической экспедиции. Ему рассказали об увлечении археологией студентки исторического факультета. Надо отметить, что археология как учебная дисциплина в учебных планах педагогических институтов в то время отсутствовала. Поэтому Т. Н. Троицкой пришлось все изучать самостоятельно по тем немногим учебникам и учебным пособиям, которые нашлись в Симферополе. В течение трех лет она на добровольных началах работала каждое лето в археологических экспедициях П. Н. Шульца. П.Н. Шульц предложил ей тему по скифским погребениям Крыма, и Т. Н. Троицкая, будучи студенткой, стала собирать материал по этой теме.

В своих мемуарах она пишет: «*Раза два в месяц в свободные от раскопок дни Павел Николаевич*

вместе с сотрудниками экспедиции ездил либо на разведки, либо на раскопки к знакомым археологам. Так я повидала Херсонес, Пантикапей, Нимфей, Керкинитиду, Прекрасную Гавань, побывала в ряде иных исторических мест, посмотрела на Фанагорию на Таманском полуострове и другие памятники. Это была лучшая награда за мою бесплатную работу» [Троицкая, 2010, с. 23–24].

Эти годы «освоения профессии» многое дали Т. Н. Троицкой. Она работала с А. Н. Карасевым, Н. Н. Погребовой, О. И. Домбровским, Э. И. Соломоник, А. А. Щепинским, В. П. Бабенчиковым. Ей довелось встретиться с антиковедом В. Д. Блаватским, остеологом В. И. Цалкиным, с М. М. Герасимовым, который в это время разрабатывал свой метод восстановления портретов по черепу.

После окончания пединститута в 1947 году Т. Н. Троицкая была оставлена на кафедре всеобщей истории, но, реализуя свое желание серьезно заняться скифской археологией, в 1948 году перешла в только что открытый Крымский филиал АН СССР, в котором отделом истории стал заведовать П. Н. Шульц. Здесь она работала на должности лаборанта в секторе археологии и ведала хранением коллекций, продолжая вести учебные занятия в пединституте. В 1950 году Т. Н. Троицкая поступила в аспирантуру и начала работу над кандидатской диссертацией, одновременно принимая активное участие в полевых исследованиях: в 1951 году — в раскопках Инкерманского могильника III – IV вв. н. э. под Севастополем под руководством Е. В. Веймарна; в 1952 году — в раскопках христианского храма в Коктебеле; в 1953 году — в доследовании погребения раннего железного века в кургане у с. Белоглинка, которые проводила уже самостоятельно вместе с другими молодыми учеными — сотрудником отдела истории и археологии Крымского филиала АН СССР Э. И. Соломоник и сотрудником Крымского областного краеведческого музея Н. Я. Кобец [Вдовиченко, 2015, с. 7–12].

В процессе подготовки диссертации Т. Н. Троицкая составила развернутый каталог крымских подкурганнных погребений скифского времени с привлечением материалов из раскопок Н. И. Веселовского, Ю. А. Кулаковского, П. Н. Шульца, а так же многочисленных археологических материалов, происходящих из Восточного Крыма, что позволило выявить и охарактеризовать локальные особенности скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове.

Большой частью ее диссертационной работы стала атрибуция и характеристика находок из скифских погребений, хранившихся в музее Таврической ученой архивной комиссии, затем в Центральном музее Тавриды с конца XIX – первых десятилетий XX века.

Окончив аспирантуру и успешно защитив диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Т. Н. Троицкая уехала в Уфу, а потом в Новосибирск, по месту распределения мужа Михаила Любомировича Пейновича, выпускника аспирантуры Всесоюзного института животноводства. Несмотря на то, что отъезд из Крыма был в значительной степени вынужденным, научная судьба Т. Н. Троицкой сложилась вполне успешно. С 1956 года она преподает в Новосибирском государственном педагогическом университете; в 1981 году защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Лесостепное Приобье в раннем железном веке» [Троицкая, 1981], получила ученое звание профессора, награждена Орденом «За заслуги перед Отечеством II степени», является Заслуженным работником Высшей школы Российской Федерации. Ею опубликовано более 170 научных работ, в том числе шесть монографий, посвященных археологическим памятникам Сибири.

Однако самым главным и важным научным достижением Т. Н. Троицкой стало создание сибирской школы археологов и краеведов. Удивительное «сочетание любви к археологии с призванием педагога» позволило профессору Т. Н. Троицкой развить в Новосибирске целую систему археологических клубов и кружков, руководителями которых стали ее бывшие студенты. Она воспитала замечательную плеяду сибирских археологов, в числе которых академик РАН В. И. Молодин, доктора наук В. И. Соболев, А. В. Матвеев, В. А. Зах, А. П. Бородовский и более 20 кандидатов наук.

Включенная в данный сборник статья Т. Н. Троицкой «Скифские коллективные погребения в курганах Крыма» является последней работой исследовательницы, подготовленной во время ее пребывания в Крыму. В ней она подробно рассматривает одну из наиболее интересных групп погребальных памятников Крымского полуострова — курганы с «коллективными погребениями», ранее уже выделенные ею в особую группу скифских захоронений [Троицкая, 1951, с. 94–98]. К сожалению, эта работа, хотя и внесла

весомый вклад в изучение скифских древностей Крыма, так и не была своевременно опубликована и долгое время хранилась в личном архиве доктора исторических наук А. М. Лескова. Вместе с тем, взгляды Т. Н. Троицкой на характер этих памятников, время и условия их появления, а также этнокультурную атрибуцию, наиболее подробно изложенные именно в данной статье, получили широкую поддержку исследователей и на долгое время стали господствующими в науке [см., например, Дашевская, 1991, с. 23–24; Храпунов, 1995, с. 59–63; 2004, с. 64, 84; Колтухов, 2001, с. 59 и сл.; Пуздровский, 2007, с. 19 и сл.]. Многие ее положения не потеряли своего значения и сегодня, когда объем фактического материала значительно возрос.

В публикуемой статье обобщены материалы только 12 известных на тот момент комплексов, объединенных рядом типичных признаков, таких как большое количество погребенных, их расположение по ярусам, значительные размеры гробниц, наличие над ними курганных насыпей, местонахождение памятников в предгорных районах, неподалеку от скифских городищ. Однако три из этих комплексов, сооруженные в грунтовых могилах (два захоронения в «кургане 1949 г.» Неаполя Скифского и грунтовая гробница у с. Партизанское), в настоящее время из перечня объектов данной группы исключены [Колтухов, 2001, с. 62–70].

Согласно точке зрения Т. Н. Троицкой, новый тип подкурганных погребений появился на территории Предгорного Крыма в III – II вв. до н. э. и бытовал здесь на протяжении последних веков до н. э. – первых веков н. э., что может служить указанием на прочность погребальных традиций у поздних скифов в Крыму — как у элитных групп, так и у рядового населения. Несомненным преимуществом публикуемой работы является попытка исторического осмысления полученного эмпирического материала, где научная интерпретация проводится на методологической основе исторического материализма. Т. Н. Троицкая трактует наличие данного типа захоронений (многократные погребения вблизи от укрепленных поселений) как неопровержимое свидетельство достаточно длительной оседлости поздних скифов в предгорных районах, а также сохранения пережитков родовых связей в их среде при наличии признаков государственного развития. Скромный погребальный инвентарь исследованных могильников, по ее мнению, указывает на резкое имущественное расслоение внутри скифского общества, а почти полное отсутствие в могилах оружия — на сокращение воинов среди свободного населения, что также свидетельствует в пользу снижения благосостояния народных масс.

Следующее теоретическое обобщение Т. Н. Троицкой касается динамики родоплеменных отношений в скифской среде. Она исходит из посылки, что в коллективных могилах хоронили представителей одного рода, и, так как, по ее мнению, в более поздних захоронениях отмечено сокращение числа погребенных, делает вывод о постепенном ослаблении родовых связей и замене их семейными. С точки зрения Т. Н. Троицкой, для семейных захоронений более целесообразной формой являлись не подкурганные могилы, а бескурганные склепы, что объясняет общий переход скифов Крыма начиная, как считает исследовательница, со II в. н. э. к бескурганным склепам и подбоям.

Анализируя возможные корни «коллективных погребений» у поздних скифов, Т. Н. Троицкая обращает внимание на то, что в их погребальном обряде прослеживается ряд черт, имеющих определенное сходство с таврской традицией. Это позволило ей назвать две главные причины появления скифских коллективных погребений — переход скифов к оседлости и их тесная связь с таврами (вплоть до возможности проникновения тавров в позднескифскую среду и появления брачно-родственных отношений между ними).

К настоящему времени, благодаря работам А. В. Гаврилова, Ю. П. Зайцева, Е. А. Катюшина, В. А. Колотухина, С. Г. Колтухова, В. В. Кропотова, А. М. Лескова, В. И. Мордвинцевой, А. Е. Пуздровского и других, накоплена большая археологическая информация о подобных сооружениях в различных районах Предгорного Крыма [Гаврилов, 2004, с. 425–429; Гаврилов, Крамаровский, 2001, с. 23–43; Зайцев, Мордвинцева, 2010, с. 169–176; Зайцев, Шкрибляк, 2014, с. 216–218; Катюшин, 1993, с. 14–16; 1996, с. 21–31; Колтухов, 2001, с. 65–70; Кропотов, 2009, с. 200–221; Кропотов, Лесков, 2006, с. 25–39; Пуздровский, Труфанов, Медведев, 2010, с. 199–205; и др.]. Аналогичные погребальные сооружения также стали известны в Северо-Западном Крыму и на Керченском полуострове [Дашевская, 1976, с. 55–60; Яценко, 1978, с. 57–73; Масленников, 1995, с. 13–14, 19]. Претерпели некоторую корректировку и представления о времени возникновения данных памятников — но-

вые исследования позволили отодвинуть время их появления к концу V – началу IV вв. до н. э. [Кропотов, 2007, с. 95–97; 2009, с. 221]. Однако основные положения работы Т. Н. Троицкой — о скифской принадлежности этих объектов, о сильном таврском влиянии, прослеживаемом на их материале, о развитии родоплеменных связей в скифском обществе и т. п. — остаются неизменными.

В заключение, сердечно поздравляем профессора Татьяну Николаевну Троицкую с 90-летним юбилеем, желаем ей здоровья, активного творческого долголетия и новых достижений в научном поиске.

Abstract

V. V. Kropotov

BARROWS WITH "COLLECTIVE BURIALS" IN TATYANA NIKOLAEVNA TROITSKAYA'S RESEARCHES

In this work Tatyana Nikolaevna Troitskaya's contribution to studying of Scythian antiquities of the Crimea is considered. The special attention is paid to so-called barrows with the "collective burials" for the first time allocated with the researcher in special group of Scythian burials in 1951. In article are discussed her views of ethnocultural attribution of these monuments, their dating and the reasons of emergence. The new, saved-up for the last half-centuries mass archaeological material only slightly corrects some assumptions of the author and shows full compliance to the basic conceptual provisions of her work.

Key words: T. N. Troitskaya, Scythian antiquities of the Crimea, barrows with "collective burials".

Т. Н. Троицкая

СКИФСКИЕ КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНАХ КРЫМА

Данная работа была подготовлена еще в 1955 г., но своевременно так и не была опубликована. В статье в особую группу выделены т. н. курганы с коллективными погребениями. Последние представляют собой перекрытые курганной насыпью каменные или, значительно реже, грунтовые склепы, содержащие до ста и более расположенных ярусами захоронений. Территория их распространения — преимущественно центральная часть Предгорного Крыма. Подробно описаны все известные на тот момент комплексы, охарактеризованы их основные отличительные черты и сопоставлены с аналогичными гробницами из других регионов. Хронологический анализ позволяет датировать рассматриваемые памятники широким промежутком времени от III – II вв. до н. э. до I – II вв. н. э. и связывать их появление с сохранением родовых связей в скифском обществе после окончательного перехода кочевников к оседлости и возникновения у них государства, а также с усилением контактов скифских племен с местным автохтонным населением Горного Крыма — таврами. Длительное проживание на смежной территории двух народов, вероятно, привело к их частичному смешению, что нашло отражение в сообщениях древних авторов о тавро-скифах и скифо-таврах.

Ключевые слова: Предгорный Крым, курганы с коллективными погребениями, скифское общество, тавро-скифы.

Погребальный обряд крымских скифов отличается разнообразием. Наиболее интересной и специфической формой являются коллективные погребения под курганными насыпями. На их долю падает около 11 % из общего числа исследованных скифских могил в курганах Крыма и 80 % всех погребенных в них (более 700 человек). Следует оговориться, что поскольку захоронения в одной могиле совершались не одновременно, а в последовательном порядке, то сам термин «коллективные погребения» употребляется условно. В число коллективных погребений не включены могилы с 2–3 костяками, а также и земляные склепы, хотя в них большей частью имелось несколько погребенных. Такие склепы не являются характерными лишь для крымских скифов, а широко распространены и в других районах Северного Причерноморья.

К сожалению, этот интересный обряд не привлекал до настоящего времени должного внимания исследователей. Работы А. А. Спицына и М. И. Ростовцева, посвященные скифским курганам, обходят группу коллективных погребений [Спицын, 1918, с .172 и сл.; Ростовцев, 1925]. Оба автора лишь мельком упоминают тавельские курганы, причем А. А. Спицын относит их к таврам [Спицын, 1948, с. 67; Ростовцев, 1925, с. 589]. Подробно на инвентаре этих курганов останавливается B. Posta [1905, S. 477 u.a.], но его целью являлось не изучение самого погребения, а лишь узкий вопрос установления связи между «гунно-сарматскими» находками Венгрии и России. Автором настоящей статьи коллективные погребения были выделены в специальную группу [Троицкая, 1951, с. 94–98; 1954, с. 15–16], но вопрос о них не был в достаточной степени освещен (рис. 1).

Настоящее исследование ставит своей целью описание скифских коллективных погребений и выяснение их генезиса.

1. Наиболее ранним является погребение в кургане № 2 на быв. земле Черкеса под г. Симферополем [ОАК за 1895 г., с. 9 и сл.; Кашпар, 1896, с. 139–140; Троицкая, 1951, с. 95–96]. Высота его — 1,8 м. На материке находилась квадратная гробница (3,7 х 3,7 м), сложенная из известняковых плит на глине. Сохранившаяся высота ее стен — 0,84 м. Перекрытие не отмечено, при та-

ких размерах гробницы оно скорее всего могло быть деревянным. На дне могилы лежала ромбовидная плита, перекрывающая круглую яму диаметром в 0,44 м. Возможно, это был бофр. В других погребениях крымской части Скифии бофры пока не известны.

В гробнице кургана было погребено 173 человека разных возрастов и полов. Расположение их не было прослежено. Большая часть инвентаря в настоящее время утеряна. Это разнообразные бусы, золотая проволочная серьга, серебряные, бронзовые и железные кольца, бронзовые украшения — браслеты с несомкнутыми концами, перстни, подвески, фибулы, обломки зеркал, каменное точило и т. д. Из находок сохранились лишь керамика, обломки железных ножей, бронзовых наконечников стрел и бронзовые пронизи.

Импортная керамика представлена чернолаковой чашкой конца III в. до н. э., обломками крупного сероглиняного кувшина эллинистического времени и красноглиняным веретенообразным флаконом, наиболее близкими аналогиями которому являются флаконы из склепа III – II вв. до н. э. Марицинского кургана и из колодца III в. до н. э. в Афинах [Ebert, 1913, S. 56, Fig. 57,g; Hesperia. 1934. Vol. III. № 4, S. 335, Pl. 15, 6].

Среди лепной керамики выделяются подвесные лощеные курильницы: две целых и нижняя половина третьей. В их венчиках имеются отверстия для подвешивания (рис. 3: *1*). Ритуальные сосуды подобных форм распространены у скифов Крыма с III – II вв. до н. э. по первые века н. э. [Троицкая, 1957б]. Вне Крыма лепные курильницы близких форм известны в могилах II – I вв. до н. э. в Ольвии, Побужье[1] и Поднестровье [Фабрициус, 1951, с. 16, 18, 28, табл. XVI,4]. В кургане Черкеса найден лепной ритуальный сосуд на трех ножках (рис. 2: *4*). Внутренняя поверхность его покрыта резным орнаментом. Аналогичен ему лепной сосуд из некрополя Танаиса (рис. 3: *4*). Возможно, лепные сосуды на трех ножках, как и полукруглые чашки с Северного Кавказа, генетически связаны с курильницами катакомбной культуры [Анфимов, 1955, с. 31–34]. Обращают на себя внимание обломки лепного сосуда с налепным орнаментированным насечкой валиком, расположенным под венцом (рис. 2: *1*). Такие валики известны среди керамики Елизаветовского городища V – III вв. до н. э. [Граков, Мелюкова, 1953, с. 117, рис. 1]. Остальная лепная керамика обычна: простые одноручные кувшины, чашки, лощеная миска и т. д.

Интересны бронзовые пронизи различных форм (рис. 5: *4*). Некоторые из них, а именно спиральные, широко распространены у тавров [Репников, 1909, с. 147, рис. 28,38], а также и на Северном Кавказе [Крупнов, 1947, с. 103, рис. 44,19,21].

Инвентарь позволяет датировать погребение III – II вв. до н. э.

2-3. Тавельские курганы расположены близ с. Краснолесье Симферопольского района (быв. Тавель) [ОАК за 1897 г, с. 36–38; ИТУАК. 1898. № 28, с. 200 и сл.; ИТУАК. 1901. № 31, с. 91–92; Мосберг, 1946, с. 114; Троицкая, 1951, с. 95]. Оба они сложены из камня и имели высоту 1,5 м. К гробницам, сооруженным на материке из каменных плит, поставленных стоймя с заметным наклоном внутрь, с южной стороны вел дромос, также сложенный из плит. Гробница кургана № 1 имела овальную форму (3,55 х 6 м). Вход в нее был заложен каменной плитой. Гробница кургана № 2 имела квадратную форму (4 х 4 м). Сохранившаяся высота ее стен — 1,65 м. В каждой из могил было обнаружено около 100 костяков, лежащих рядами в несколько ярусов. Большая часть погребенных в кургане № 1 была ориентирована головами на север, остальные — по стенам гробницы. Для кургана № 2 ориентация костяков не указана. Обе гробницы были, вероятно, перекрыты деревом, следы которого в большом количестве отмечены в первой могиле.

Инвентарь обоих курганов однороден. Это различные бусы, бронзовые проволочные браслеты, подвески, щипчики, серебряные и бронзовые фибулы, зеркала, серьги, различные кольца, бляшки, железные и бронзовые пряжки, ключи, амулеты, керамика, железные ножи, шесть бронзовых наконечников стрел и сильно потертые от ношения просверленные монеты: ольвийская III в. до н. э. и херсонесская I в. н. э. Значительная часть находок сохранилась в Крымском областном краеведческом музее, часть утерянных воспроизведена у B. Posta [1905, рис. 265–267].

Среди браслетов выделяются: один с несомкнутыми конусовидными концами и другой — с расплющенными концами, выполненными в виде стилизованных змеиных голов. Последний тип широко распространен у крымских скифов с конца I в. н. э. Некоторые из бронзовых колец имеют по два и по три ряда бугорков. Одно кольцо с раздвоенными спиральными концами [ОАК за 1897 г., рис. 113]. Аналогии ему известны в первых веках

[1] Устное сообщение С. И. Капошиной.

н. э.: из склепа 1889 г. Неаполя Скифского (ГИМ, № 49/56а), из могильника у с. Заветное (Музей пещерных городов Крыма). Среди поясных пряжек наиболее ранней является бронзовая восьмеркообразная пряжка с четырьмя удлиненными отростками (рис. 5: *2*). По форме ей аналогична пряжка из мавзолея Неаполя Скифского [Шульц, 1953, табл. XV,8]. Есть пряжки овальной формы с прямым основанием, прямоугольные с вогнутыми сторонами (рис. 5: *10*) и др. Вероятно, застежкой от поясной пряжки служил бронзовый крючок с длинной выгнутой пластиной с геометрическим орнаментом. Возможно, также к поясу относилось толстое бронзовое кольцо диаметром в 3,5 см и тремя рядами бугорков на одной его половине. Несколько неясно назначение бронзового литого стержня в виде стилизованной передней части животного с ногами, загнутыми крючком [ОАК за 1897 г., рис. 116]. Фигура животного переходит в пластинку, прикреплявшуюся, вероятно, к ремню.

Очень интересна большая бронзовая фибула с двумя иглами и овальным выпуклым щитком с геометрическим орнаментом (рис. 5: *9*). Аналогий данной фибуле отыскать не удалось. Остальные фибулы — маленькие, с пластинчатым приемником и орнаментированным щитком (рис. 5: *3*). Точно такие были найдены и в коллективном погребении Неаполя Скифского 1949 г. (см. ниже). Гладкие круглые зеркала диаметром в 16 см и следами прикрепления железной ручки найдены в обломках. Подобные зеркала в крымских скифских погребениях встречаются вплоть до конца I в. н. э. Подвески из тавельских курганов имеют вид полых полушарий с отверстием в центре; вероятно, они имели ту же функцию, что и обыкновенный колокольчик, найденный там же. Подвесками или какими-нибудь другими украшениями являлись бронзовые круги с перекрестиями, найденные в большом коллективном погребении кургана Неаполя Скифского.

Бронзовая накладная бляха с тисненым изображением скифа-всадника [ОАК за 1897 г., рис. 117] имеет ближайшие аналогии в позднескифском искусстве. Схематичная трактовка коня имеет местный характер и примыкает к скифским памятникам первых веков н. э. (надгробная стела из Фоти-Сала[2], барельеф в нише склепа № 6 Неаполя Скифского[3], бронзовая фигурка всадника из Неаполя Скифского, вероятно I в. до н. э. – I в. н. э. [Веселовский, 1891, с. 81 и сл., табл. 1]).

О занятии ткачеством свидетельствуют глиняные пряслица и оригинальный ткацкий крючок [ОАК за 1897 г., рис. 114], аналогией которому является хранящийся в Крымском областном краеведческом музее поломанный такой же крючок из погребения у с. Барабановка Зуйского района (первые века до н. э. – первые века н. э.) [Троицкая, 1957б, рис. 10,б].

Особый интерес представляют три предмета, относящиеся к конскому набору и датирующиеся значительно более ранним временем, чем остальной материал из погребений. Небольшой налобник в виде орлиной головы (рис. 6: *6*) из кургана № 1 имеет свои ближайшие аналогии в Среднем Поднепровье в кургане № 434 у с. Журовки [Ханенко, Ханенко, 1889, табл. XVIII,318; ИАК. 1905. Вып. 17, с. 78, рис. 2]. В кургане № 2 найдены две бронзовые бляшки в виде стилизованных изображений: совиной головы (рис. 5: *7*) и кисти руки или лапы. Последняя имеет аналогии в кургане V в. до н. э. на Посулье [Ильинская, 1954, с. 69, рис. 1,13]. Наличие столь ранних вещей среди остального позднего материала трудно объяснимо. Возможно, это связано с каким-либо их ритуальным назначением. Ольвийская монета III в. до н. э., судя по ее сильной потертости и наличию отверстия для ношения, также не может являться указанием для крайней даты погребений. Весь инвентарь свидетельствует о длительности захоронения в курганах: со II – I вв. до н. э. по конец I в. н. э.

4. Курган № 1 у совхоза Красный (быв. имение Пастака), высотой 4,27 м, возведен над погребением эпохи бронзы. В материке находилась квадратная гробница (2,67 х 2,67 м), выложенная каменными плитами [ОАК за 1895 г., с. 10; Кашпар, 1896, с. 140–141; Троицкая, 1951, с. 96]. В ней оказалось более 100 скелетов, и найдены следующие предметы, в настоящее время утерянные: бронзовые зеркала, браслеты, проволочная серьга с бусами, серебряная серьга, точильные камни, обломки керамики, два бронзовых наконечника стрел и др. В Крымском областном краеведческом музее хранятся лишь глиняные пряслица и поддон краснолакового сосуда II – I вв. до н. э. На основании описания инвентаря погребение можно отнести к последним векам до н. э. – первым векам н. э.

5. В 1949 г. на восточном склоне Неаполя Скифского В. П. Бабенчиковым был раскопан вытянутый сдвоенный курган высотой 1 м [1957].

[2] Хранится в Крымском областном краеведческом музее.

[3] Фото хранится в фондах Крымского областного краеведческого музея.

Малое коллективное погребение в грунтовой яме (2 х 2 м) находилось в материке под круглым каменным завалом и содержало не менее 9 костяков, расположенных в два яруса. Восемь из них были ориентированы головами на запад, один потревожен. В могиле найдены: золотая умбоновидная бляшка, бронзовые ножные и ручные браслеты с несмыкающимися концами, один из них оканчивался конскими (ослиными) головами (рис. 4: *2*); такой же был найден в мавзолее Неаполя Скифского при костяке с инвентарем II – I вв. до н. э.; бронзовая арбалетовидная фибула с подогнутой ножкой (рис. 4: *8*) и разнообразные бусы (рис. 4: *1*), имеющие аналогии в нижних погребениях мавзолея (II – I вв. до н. э.). Находки хранятся в ГМИИ им. А.С. Пушкина. Погребение датируется II – I вв. до н. э.

6. Большое коллективное погребение того же кургана, в грунтовой яме (2 х 2 м), содержало около 30 костяков, расположенных в три яруса. Погребенные лежали на войлочных подстилках или были завернуты в них. 16 костяков ориентированы головами на север, два — на восток, остальные потревожены. Один костяк лежал на правом боку со слегка поджатыми ногами. Погребенные сопровождались обильным, но бедным инвентарем. Краснолаковая керамика (чашки и кувшин) относятся к началу и второй половине I в. н. э. Среди лепной керамики выделяются обломки лощеной орнаментированной курильницы, отличающейся от курильниц из кургана Черкеса наличием уплощенной подставки на ножке. Оружие представлено обломками железного копья и одним бронзовым наконечником стрелы, присутствие которого в данном комплексе можно объяснить его ритуальным назначением.

Оригинальны два серебряных козлика местной работы, задняя половина которых переходит в крючок (рис. 6: *5*). Найдены они в области таза скорченного костяка. Близкой аналогией или, скорее всего, их прототипами могли служить греческие изделия типа серебряных козликов позднеэллинистического времени из коллекции Нелидова [Pollak, 1903, S. 56–57, Taf. IX,162]. Многочисленны разнообразные бронзовые браслеты: проволочные с завязанными концами, несомкнутые (рис. 4: *4*), со змеиными головками на расплющенных концах (рис. 4: *5*), с тремя рядами бугорков и др. Фибулы — маленькие, с пластинчатой дужкой. Найдены два бронзовых зеркала: одно гладкое диаметром в 9 см, другое маленькое с ушком с обратной стороны (рис. 6: *2*). Можно также отметить бронзовые щипчики, круг с перекрестием тавельского типа (рис. 6: *1*), железный ключ, бронзовую нашивную умбоновидную бляшку, бронзовые пряжки (рис. 6: *3, 4*), обломки железных ножей, глиняные пряслица, амулеты из египетской пасты и многочисленные бусы.

Весь перечисленный инвентарь, хранящийся в ГМИИ им. А.С. Пушкина, позволяет датировать погребение второй половиной I в. н. э.

7. Курган № 2 к северу от г. Симферополя (быв. имение Крыма) [ОАК за 1895 г., с. 14; Кашпар, 1896, с. 145; Троицкая, 1951, с. 91] имел высоту 3,2 м и состоял из двойной насыпи: над погребением эпохи бронзы и над квадратной гробницей (5,7 х 5,7 м), сооруженной, судя по неясному описанию, из каменных плит. К данной совершенно ограбленной могиле, которую по ее размерам можно причислить к коллективным, относились найденные в насыпи бронзовый браслет с несмыкающимися концами, бронзовое спиральное кольцо (рис. 4: *6*), железный нож, точильный камень, стеклянные бусы того же типа, что и в нижних слоях мавзолея Неаполя. Инвентарь хранится в Государственном Эрмитаже. Погребение на основании инвентаря можно датировать последними двумя веками до н. э. – первым веком н. э.

8. Близ Неаполя Скифского по дороге на с. Украинку (быв. Курцы) в 1889 г. при разграблении кургана высотой 2 м были найдены обломки керамики и около 20 черепов. Курган был доследован А. И. Маркевичем [1890, с. 107–108; Троицкая, 1951, с. 97]. В ограбленной гробнице (1,9 х 1,3 м), сложенной из известняковых плит и перекрытой огромной круглой плитой, найдено шесть черепов, костяк в сидячем положении, золотые бусы, раковины, бронзовые фибулы, обломки железного чешуйчатого панциря и др. В настоящее время в Крымском областном краеведческом музее хранится лишь лепная чашечка (рис. 3: *3*). А. И. Маркевич отмечает, что инвентарь погребения очень похож на инвентарь склепов Неаполя Скифского (первые века н. э.). Погребение можно предположительно датировать последними веками до н. э. – первыми веками н. э.

9. Курган № 2 у с. Фруктовое (быв. имение Талаевой) содержал впускную ограбленную могилу с коллективным погребением [ОАК за 1890 г., с. 10; ИТУАК. 1891. № 11, с. 152; Троицкая, 1951, с. 96]. По А. Х. Стевену, она была сложенной из каменных плит, по Н. И. Веселовскому — грунтовой. В гробнице было найдено много человеческих костей, восемь черепов. В Государственном историческом музее хранятся следующие вещи из этого погребения: обломки бронзовых про-

волочных браслетов, пастовый бисер, разбитое гладкое зеркало диаметром в 12 см и гончарная чашка коричневато-серого лощения с валиком по бортику (рис. 3: *2*). Аналогичная чашка была найдена в сарматском могильнике у с. Ново-Филипповка Запорожской области (первые века н. э.) [Вязьмитина, 1954, с. 227, табл. III,11].

10. Курган у с. Партизанское (быв. Саблы) [ОАК за 1891 г., с. 39; ИТУАК. 1891. № 14, с. 97; Троицкая, 1951, с. 96], высотою около 2 м, содержал разграбленную гробницу, сложенную на материке из поставленных вертикально небольших известняковых отесанных плит. От одной из сторон сохранилась часть длиною в 4 м, от другой — в 2,7 м. Сохранившаяся высота стен — 0,75 м. Уцелевший инвентарь погребения хранится в Государственном историческом музее. Зеркало-подвеска с конической выпуклостью посередине датирует погребение I в. н. э. (рис. 4: *3*). Вероятно, вотивным зеркалом был бронзовый разбитый диск диаметром в 3 см (рис. 4: *7*).

Интересен лепной сосуд коричневато-серого лощения с горизонтальными гранями (рис. 2: *2*). На дне его с внешней стороны имеется врезной орнамент. Два подобных сосуда найдены в скифском могильнике первых веков н. э. у с. Заветное Бахчисарайского района (рис. 3: *5*).[4] Вне Крыма сходный сосуд найден в сарматском могильнике на Ахтубе [Смирнов, 1947, П.IX]. В кургане, кроме перечисленного выше инвентаря, найдены обломки бронзовых лучковых фибул, бронзовая фигурная ручка сосуда [ОАК за 1891 г., с. 76, рис. 55] и различные бусы.

11. В кургане № 2 у совхоза Победа Нижнегорского района (быв. с. Чотты) под вторичной насыпью находилась разграбленная гробница, сооруженная из известняковых плит, укрепленных каменным завалом с наружной стороны [ОАК за 1897 г., с. 39; ИТУАК. 1901. № 31, с. 93; Троицкая, 1951, с. 96]. Длина уцелевшей части узкой стены достигала 2,15 м. В могиле найдены: обломок железного копья, три костяных и несколько железных наконечников стрел. Судя по размерам гробницы, погребение было коллективным.

12. Теснейшим образом к группе скифских коллективных погребений примыкает разграбленная бескурганная могила у с. Партизанское (быв. Саблы), вырубленная в мергеле [ИТУАК. 1914. №51, с. 289–290].[5] В ней находились разбросанные кости не менее 20 скелетов, краснолаковый кувшин I – II вв. н. э. (рис. 2: *3*), бронзовое зеркало-подвеска с орнаментом с обратной стороны (рис. 5: *1*), разнообразные бронзовые браслеты (рис. 5: *8*), кольца (рис. 5: *5, 6, 11*) и бусы.

Таким образом, на территории предгорного Крыма в III – II вв. до н. э. появляется новый тип подкурганных погребений — коллективные, и бытует здесь на протяжении последних веков н. э. – первых веков н. э. Самыми южными, примыкающими к горным районам, являются курганы у с. Краснолесье (быв. Тавель), а самым северным — курган у совхоза Победа (быв. с. Чотты), расположенный на границе со степными районами, но все же и он не выходит за рамки предгорья (рис. 1). Каждое из погребений находится близ того или иного скифского городища, лишь у совхоза Победа городища не известно, в этом районе разведочные работы еще не проводились.

Всего нами рассмотрено 12 гробниц, из них пять сложены из каменных плит на материке, две вырыты в материке и выложены каменными плитами, четыре могилы — грунтовые. Шесть гробниц имеют квадратную форму, одна — овальную и две — прямоугольную. Формы остальных не указаны. Дромос прослежен лишь у двух тавельских курганов. Неясным остается вопрос о перекрытиях. Земляные могилы его не имели, каменная гробница близ Неаполя была перекрыта каменной плитой, в остальных могилах они не были прослежены и, скорее всего, были деревянными. Восемь гробниц являлись основными и четыре — впускными, причем над двумя из них прослежена дополнительная насыпь; вероятно, она имелась и над двумя другими.

Неограбленные могилы содержали от 9 до 173 костяков, расположенных ярусами. В тавельском и большом коллективном погребении неапольского кургана 1949 г. преобладала северная, а в малом коллективном погребении того же кургана — западная ориентация костяков. Изучение расположения костяков в большом погребении кургана 1949 г. приводит к убеждению, что захоронения совершались в последовательном порядке, а не одновременно, вследствие эпидемии, как предполагает В. П. Бабенчиков [1957]. Часть костяков была потревожена при полном сохранении их инвентаря, а рядом с ними, иногда поверх них, лежали целые костяки. Захоронение в одной и той

[4] Доклад Н. А. Богдановой «Итоги раскопок городища и могильника у с. Заветное» на пленуме ИИМК в апреле 1955 г.

[5] Инвентарь хранится в Крымском областном краеведческом музее.

же гробнице длилось иногда более столетия. При повторных погребениях вряд ли раскапывалась насыпь по всей поверхности гробницы. Видимо, имелся вход через дромос или специальный лаз в перекрытии.

На основании обзора коллективных погребений в скифских курганах Крыма можно считать, что для них характерны следующие черты:

1. Расположение в предгорных районах, невдалеке от скифских городищ.

2. Бытование этого обряда от III – II вв. до н. э. по I – II вв. н. э.

3. Наличие над гробницей специальной насыпи; большие размеры могил и преобладание среди них квадратной формы; частое сооружение гробниц на материке.

4. Большое количество погребенных, последовательность их захоронения и расположение их по ярусам.

Теснейшим образом к группе скифских коллективных погребений примыкает рассмотренная выше бескурганная могила у с. Партизанское и мавзолей Неаполя Скифского. В мавзолее в наиболее ярких формах представлены почти все характерные особенности скифских коллективных погребений. Но, являясь погребальным надземным памятником городского типа, усыпальницей аристократической верхушки скифского общества, он отличается монументальностью сооружения, богатством инвентаря, более сильным эллинистическим влиянием, наличием разнообразного вооружения, погребениями в деревянных ящиках и т. д. Как и большинство коллективных гробниц, мавзолей представляет собой в плане почти квадрат. Его 72 костяка расположены ярусами. Захоронения совершались последовательно от конца II в. до н. э. до I – II вв. н. э. За исключением предметов вооружения, импорта и дорогих украшений, инвентарь мавзолея имеет почти полное повторение в рассмотренных выше курганах. Все это свидетельствует о прочности традиций коллективных погребений у поздних скифов в Крыму, как у правящего, так и у рядового населения.

Коллективные погребения лишний раз подтверждают наличие сравнительно длительной оседлости поздних скифов в предгорных районах (многократные погребения невдалеке от укрепленных поселений). Их инвентарь указывает на резкое имущественное расслоение внутри скифского общества, на сокращение среди свободного населения числа воинов. На всех погребенных, в том числе на более чем 500 непотревоженных костяков, приходится два железных копья, три костяных, несколько железных и около 20 бронзовых наконечников стрел и один железный панцирь. В то же время в мавзолее подавляющее число погребенных мужчин имело вооружение. Коллективные погребения указывают и на сохранение пережитков родовых связей в среде поздних скифов, вступивших на путь государственного развития. В коллективных могилах хоронились, видимо, представители одного рода. Но родовые связи постепенно ослабевали, сменяясь семейными. Возможно, этим и объясняется тот факт, что наиболее ранние коллективные могилы, например курган Черкеса, содержали до 173 костяков, а уже возникшие позже — во второй половине I в. н. э. (курган 1949 г. Неаполя Скифского), лишь около 20–30 скелетов. Для семейных же захоронений более целесообразной формой являлись не подкурганные могилы, а бескурганные склепы. Вероятно, с этим и связан общий переход у скифов Крыма со II в. н. э. к бескурганным склепам и подбоям.

Обряд коллективных захоронений известен у ряда племен. Так, среди курганов Киевщины встречаются такие погребения, где число костяков доходит до 17 (Перепятиха и др.), но они относятся, главным образом, к более раннему времени, имеют совершенно иные погребальные сооружения и иной инвентарь.[6] В Карабудахкентском могильнике в Дагестане известно бескурганное коллективное погребение первых веков н. э. [Смирнов, 1952, с. 89–90]. Подобный обряд отмечен и в Южной Сибири, где в позднетагарское время появляются могилы с большим количеством костяков (до 100), расположенных в несколько ярусов [Киселев, 1949, с. 161–166]. Как указывает С. В. Киселев, подобный обряд отражал сплоченность внутри отдельных родов, вызванную постоянной угрозой военных столкновений вследствие начавшего расслоения первобытнообщинного строя и обогащения отдельных родов. Во всех этих могилах общим с Крымом является лишь наличие многих костяков в одной могиле, что вызывалось сохранением родовых связей. Причем на Киевщине и в Южной Сибири подобный обряд характерен для начала разложения рода, а в Крыму этот обряд существовал при наличии государства как пережиток родовых отношений, а возможно, и как своеобразная реакция, стремление сохранить разрушающиеся родовые связи.

[6] Либеров П. Д. Скифские курганы Киевщины. Дисс. … канд. ист. наук. Гл. IX,Б.

В доскифское время, в эпоху бронзы, на территории степного и предгорного Крыма столь ярко выраженные коллективные погребения крайне редки. Больше известно могил с двумя или тремя костяками [ОАК за 1895 г., с. 8–9, 15, 18; ОАК за 1891 г., с. 75–76 и др.]. В двух случаях встречены могилы с шестью скелетами [ОАК за 1890 г., с. 7–8].[7] В одном из курганов на территории Симферопольского водохранилища в погребении эпохи средней бронзы было обнаружено около 20 костяков, а в другом кургане, в погребении поздней бронзы — около 10 скелетов.[8] Но все эти погребения отделены от скифских коллективных погребений сотнями лет, поэтому о прямой связи здесь и не может быть речи.

Традиции коллективных захоронений эпохи бронзы получили свое дальнейшее развитие у коренных жителей Крыма — горных тавров. У них на протяжении столетий наблюдается обычай погребения нескольких покойников (2–3 и более) в одном каменном ящике. Наиболее ярко эта традиция выражена в подкурганных каменных ящиках VI – V вв. до н. э. в урочище Мал-Муз Байдарской долины [Репников, 1909, с. 127 и сл., рис. 28–29]. Костяки, числом от 10 до 68, лежали ярусами на правом боку в скорченном положении. Традиции коллективных захоронений сохраняются у тавров и в дальнейшем. Подобные погребения были обнаружены и у Второго кордона близ Мекензиева хутора.[9] Возможно, с обрядом коллективного захоронения связано таврское погребальное сооружение IV – начала III вв. до н. э. в Херсонесе, имеющее вид квадратной ограды со значительным количеством могил для костяков в скорченном положении [МИА. 1953. № 34, с. 161, рис. 1].

Сам факт наличия коллективных погребений свидетельствует об оседлом образе жизни, а также и о сохранении традиций родового строя. Однако скифские коллективные погребения Крыма, ставшие возможными лишь при наличии данных условий, были связаны и с таврским влиянием. Об этом говорят следующие факты: 1) скифские курганы этого типа расположены в предгорной части Крыма, в непосредственном соседстве с областью горных тавров, в другом же районе оседания скифов — на западном побережье Крыма — подобные захоронения неизвестны; 2) коллективные скифские погребения имеют характерные для тавров гробницы, сооруженные на материке из каменных плит. У скифов Крыма до III в. до н. э. такие могильные сооружения не получили распространения, это была чуждая им традиция, и неслучайно уже к I в. до н. э. эти гробницы при коллективных захоронениях сменились более привычными для скифов земляными ямами; 3) в инвентаре этих погребений прослеживаются отдельные черты таврского инвентаря.

Все это свидетельствует о связях поздних скифов Крыма с таврами. В инвентаре за счет таврского влияния можно отнести появление бронзовых спиральных пронизей. Таврским влиянием можно объяснить и появление скорченных и полускорченных костяков в скифских могилах. В большом коллективном погребении кургана 1949 г. Неаполя Скифского имелся костяк, лежащий на правом боку со слегка поджатыми ногами. Судя по инвентарю (железное копье, серебряные козлики, обилие бус, керамика), погребенный по социальному положению не отличался от других захороненных в этой могиле. В этом же кургане найдены две впускные могилы I в. н. э. с костяками в скорченном положении. У с. Краснолесье (быв. Тавель) рядом с курганами с коллективными погребениями раскопан ограбленный подкурганный каменный ящик с бусами, аналогичными бусам из тавельских курганов [ОАК за 1897 г., с. 36 и сл.]. Обращают на себя внимание малые размеры ящика: 0,97 х 0,71 м, характерные для скорченных погребений. В скифском могильнике первых веков н. э. у с. Заветное найдено несколько погребений со скорченными костяками и довольно богатым инвентарем[10]. В более ранних скифских погребениях Крыма, начиная с V в. до н. э., скорченные костяки пока не известны. В горном же Крыму, у тавров, обычай скорченного захоронения сохраняется вплоть до III – IV вв. н. э. [Стржелецкий, 1947, с. 299]. Поэтому погребения в скорченном положении для крымских скифов могут быть связаны с таврским влиянием или же, скорее всего, принадлежали таврам. В таком случае, это указывает на возможность проникновения тавров в позднескифскую среду, на возможность родствен-

[7] Веймарн Е. В. Отчет о раскопках кургана у совхоза Коминтерн Бахчисарайского района // Архив КФ АН УССР.

[8] Доклад А. Д. Столяра «Раскопки курганов на территории Симферопольского водохранилища» на пленуме ИИМК 22 апреля 1955 г.

[9] Репников Н. И. Материалы к археологической карте Юго-Западного Крыма // Архив ЛО ИИМК.

[10] Указанный доклад Н. А. Богдановой.

ных (брачных) отношений между скифами и таврами в это время. В Неаполе, например, тавр-воин был погребен в скифской коллективной родовой или семейной могиле.

У тавров также прослеживается скифское влияние. У поздних тавров оно выявляется в структуре оборонительных стен таврского укрепленного пункта на горе Кошка: здесь сохранились стены с характерным для скифской фортификации принципом наращивания поясов[11].

Все это свидетельствует о наличие взаимовлияния культур таврской и позднескифской и о возможности проникновения тавров в среду скифов. Эти факты способствовали, может быть, распространению у древних авторов с первых веков н. э. термина «скифо-тавры» и «тавро-скифы» [Ptol., III, 5, 11; Arr. Peripl, 30; Plin., 4, 85; и др.], встреченного также в одной боспорской надписи III в. н. э. [Шкорпил, 1917, с. 111].

Археологические данные, подтверждаемые письменными свидетельствами, заставляют говорить о наличии тесных взаимосвязей, а возможно, и о слиянии таврской и скифской культур в районах Предгорного Крыма в последние века до н. э. – первые века н. э. Этому процессу, очевидно, способствовало взаимопроникновение, а быть может, и этническое смешение скифов и тавров в Предгорном Крыму. Сам процесс культурного взаимодействия тавров и скифов являлся сложным и длительным, однако он был осложнен проникновением в Крым сармато-аланского населения и начавшейся сарматизацией скифской культуры[12]. Изучение этого процесса выходит за рамки данной статьи и требует исследования материала поселений и могильников этого времени на границе гор и предгорья, где особенно интенсивно происходило соприкосновение позднейших скифов и тавров. Сейчас можно отметить лишь наличие тесных культурных связей скифов и тавров в районе предгорий, позволяющее говорить о «скифо-таврах» и «скифо-таврской культуре» в Крыму. Следует иметь в виду, что скифский элемент в рассмотренных комплексах преобладает.

Как же обстоит в дальнейшем с традициями коллективных захоронений после I в. н. э.? Во II в. н. э. курганные погребения у крымских скифов сменяются бескурганными. Многие из них содержали семейные погребения, что не является присущей лишь им чертой, а широко распространено в некрополях Северного Причерноморья. Но склепы Неаполя Скифского имеют и характерные для них особенности. В одном из склепов 1889 г., квадратном в плане, было найдено более 20 костяков, расположенных, судя по архивному отчету Н. И. Веселовского, ярусами [ОАК за 1889 г., с. 25; Архив ЛО ИИМК. Ф. 1/1889, л. 46]. Не менее 25 костяков содержал и разграбленный каменный склеп № 7 [Шульц, 1947, с. 55]. Обе могилы свидетельствуют, быть может, о том, что традиции коллективных погребений не исчезают вместе с курганами, а продолжают существовать и позже.

Эта традиция, возможно, частично сохраняется и после гибели скифского государства. В Байдарской долине в одном из склепов могильника Узень-Баш найдено 26, а в другом — 30 костяков, расположенных ярусами [Репников, 1909а, с. 113–119]. Они датируются монетой V в. н. э. Здесь можно полагать продолжение традиции коллективных захоронений, тем более, что могильник расположен на исконной таврской территории.

Таким образом, с образованием скифского государства и перенесением его центра в Крым усилились связи скифов с таврами, особенно в предгорье — одном из районов оседания скифов. Оседлость и тесная связь с таврами обусловили появление у поздних скифов нового для них обряда захоронения — обряда коллективных погребений. В нем получили наглядное выражение традиционные родовые связи, частично еще сохранявшиеся в условиях скифского государства.

[11] Шульц П. Н. Таврские укрепления на южном берегу Крыма. Рукопись // Архив КФ АН УССР.

[12] Сарматское культурное влияние уже с достаточной ясностью прослеживается в описанных выше коллективных погребениях: в обычае разбивания зеркал, в обшивании подола одежды бусами, в форме сосуда с горизонтальными гранями и т. д. Еще ярче оно выявляется позже, в первые века н. э., в инвентаре склепов Неаполя Скифского.

Abstract

T. N. Troitskaya

SCYTHIAN COLLECTIVE BURIALS IN BARROWS OF THE CRIMEA

This work was prepared in 1955, but entirely wasn't published. In article in special group so-called barrows with collective burials are allocated. The last represent blocked by a barrow embankment stone or, much more rare, the soil crypts containing to hundred and the burials which were more located circles. The territory of their distribution — mainly central part of the Foothill Crimea. All are in detail described complexes known at that time, their main distinctive features are characterized and compared with similar tombs from other regions. The chronological analysis allows to date the considered monuments a wide period of the III – II centuries BC till I – II centuries AD and to connect their emergence with preservation of patrimonial communications in Scythian society after final transition of nomads to settled life and emergence at them of the state, and also with strengthening of contacts of Scythian tribes with the local autochthonic population of the Mountain Crimea — Tauris. Long accommodation in the adjacent territory of two people probably led to their partial mixture that found reflection in messages of ancient authors on Scythian brands and skifo-Tauris.

Key words: The foothill Crimea, barrows with collective burials, Scythian society, tauris-Scythian.

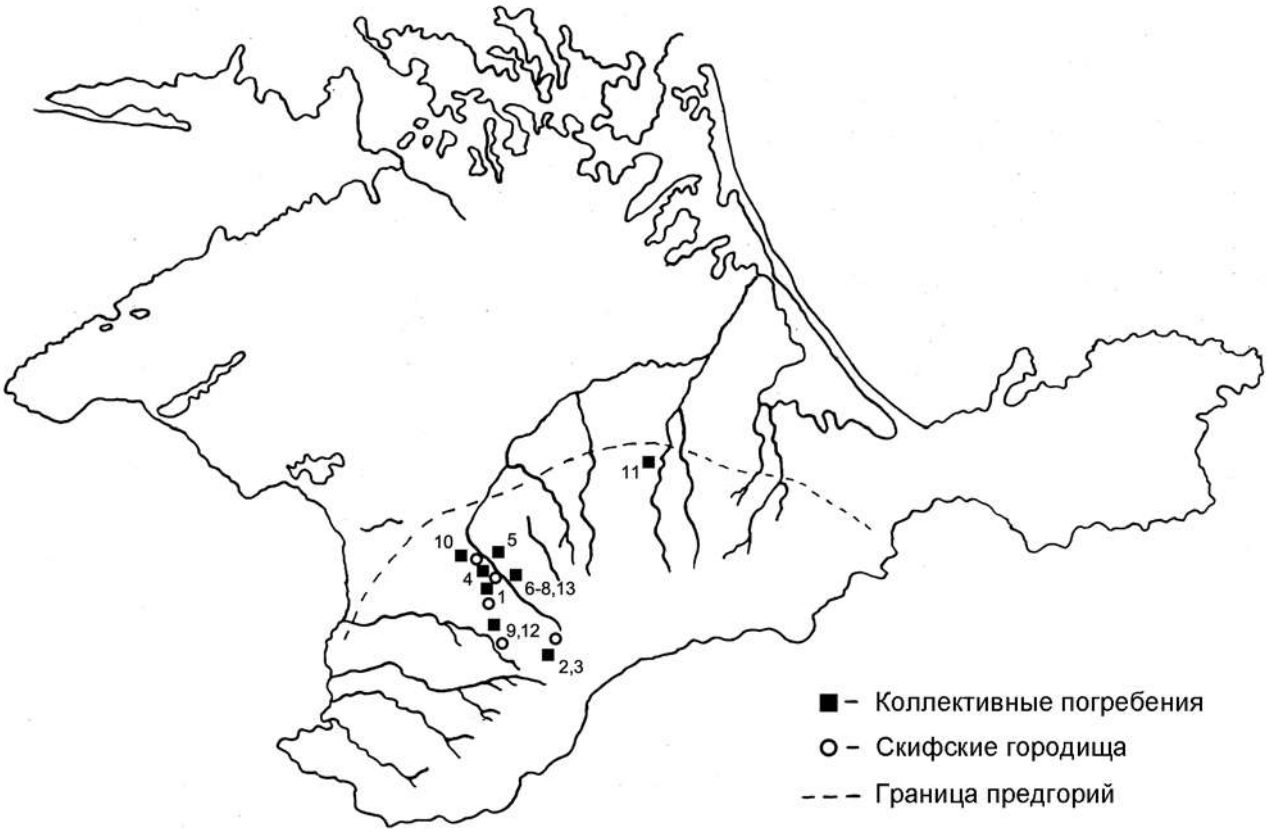


Рис. 1. Карта расположения скифских коллективных погребений Крыма:
1 — курган на быв. земле Черкеса; *2, 3* — курганы у с. Краснолесье (быв. Тавель);
4 — курган № 1 1895 г. у совхоза Красный; *5* — Талаевский курган 1895 г.;
6–8 — курганы близ Неаполя Скифского; *9* — курган у с. Партизанское (быв. Саблы);
10 — курган № 2 на быв. земле Крыма; *11* — курган № 2 у совхоза Победа (быв. с. Чотты);
12 — бескурганная могила у с. Партизанское; *13* — мавзолей Неаполя Скифского

Рис. 2. Керамика из скифских коллективных погребений:
1 — обломок венчика лепного сосуда из кургана на быв. земле Черкеса;
2 — лепная курильница из кургана у с. Партизанское (быв. Саблы);
3 — краснолаковый кувшин из бескурганной могилы у с. Партизанское;
4 — лепная курильница из кургана на быв. земле Черкеса

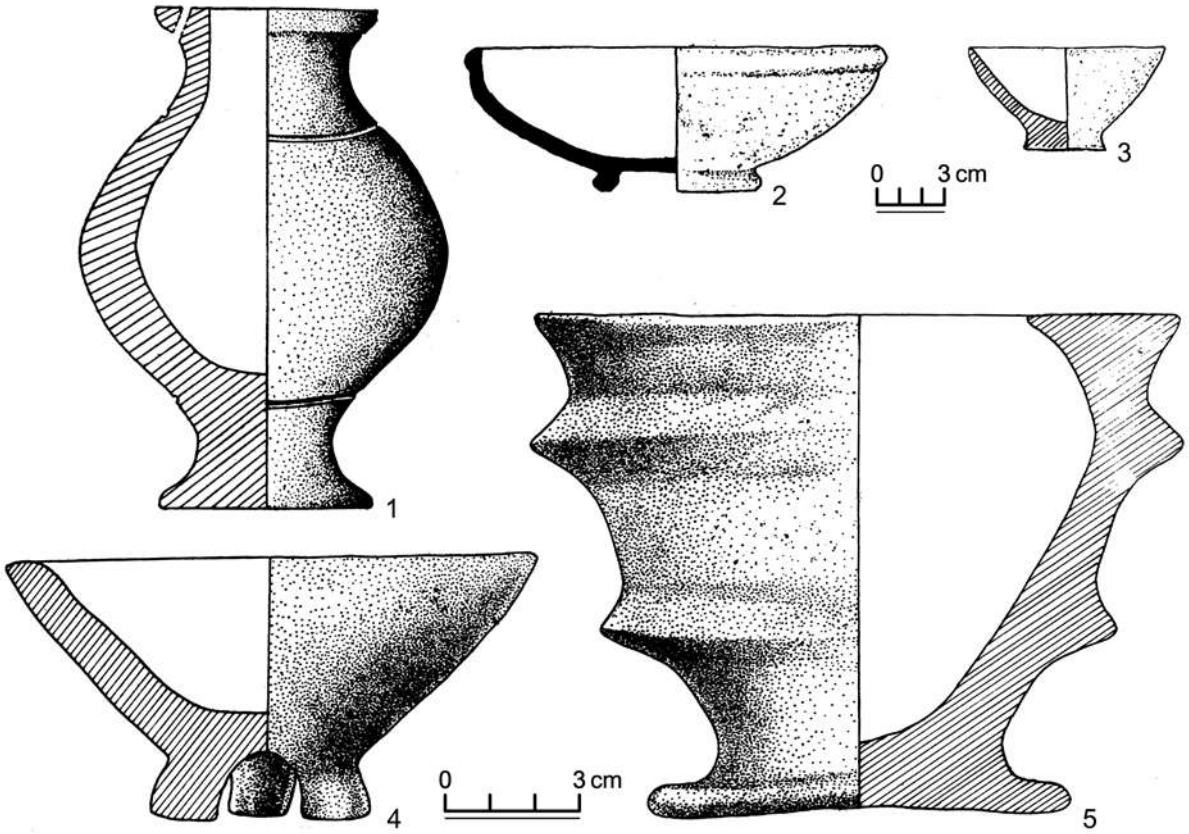


Рис. 3. Керамика из скифских коллективных погребений и ее аналоги:
1 — лепная курильница из кургана на быв. земле Черкеса;
2 — гончарная чашка из Талаевского кургана 1895 г. (с. Фруктовое);
3 — лепная чашка из кургана близ Неаполя Скифского (с. Украинка); *4* — лепной сосуд из Танаиса;
5 — лепной сосуд из могильника у с. Заветное

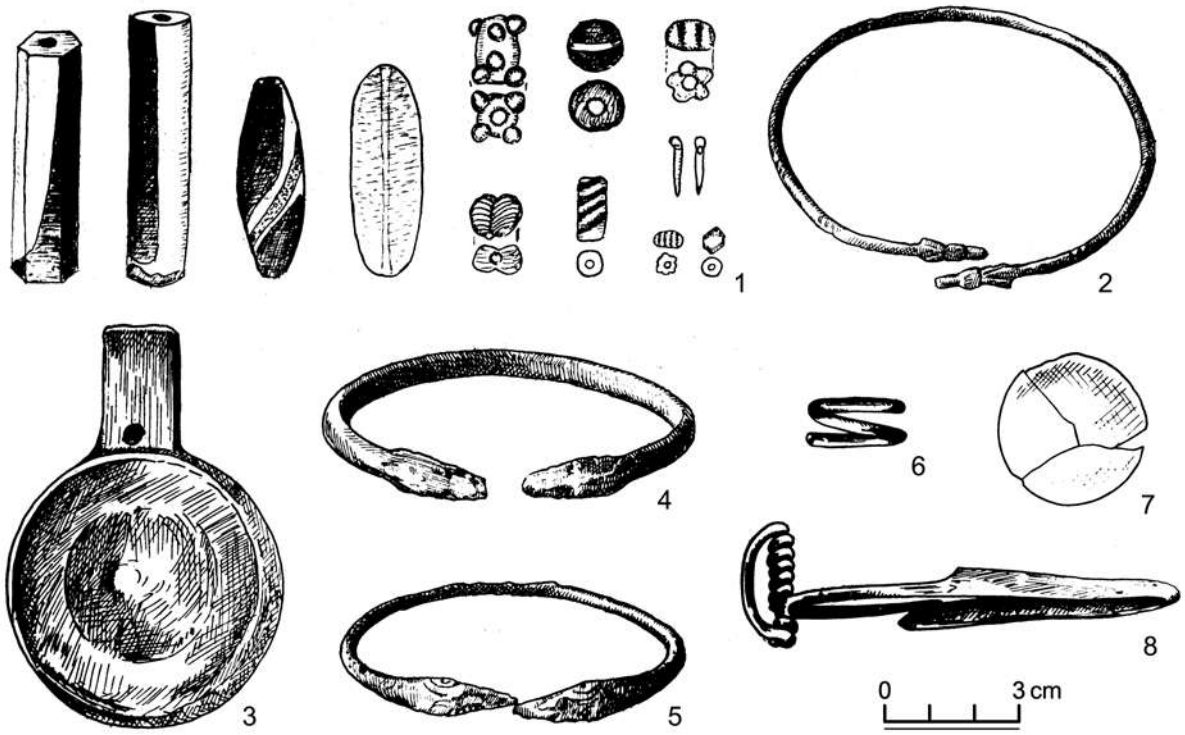
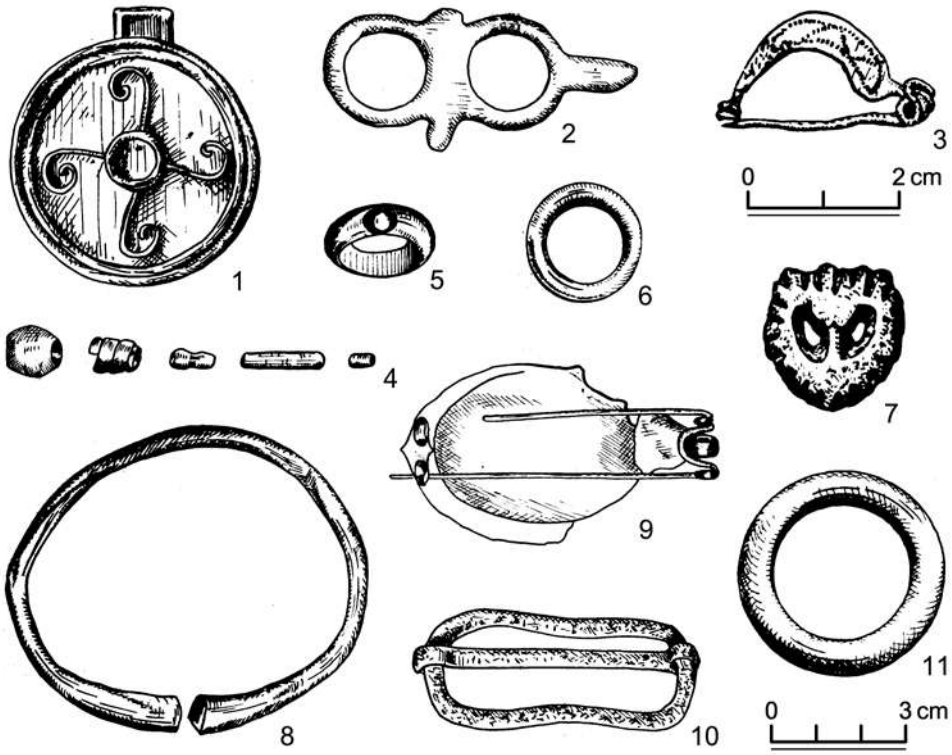


Рис. 4. Украшения и предметы туалета из скифских коллективных погребений:
1 — бусы из малого коллективного погребения кургана 1949 г. Неаполя Скифского;
2 — бронзовый браслет оттуда же;
3 — бронзовое зеркало из кургана у с. Партизанское (быв. Саблы);
4, 5 — бронзовые браслеты из большого коллективного погребения кургана 1949 г. Неаполя Скифского;
6 — бронзовое кольцо из кургана № 2 на быв. земле Крыма;
7 — бронзовое вотивное зеркало из кургана у с. Партизанское (быв. Саблы);
8 — бронзовая фибула из малого коллективного погребения кургана 1949 г. Неаполя Скифского



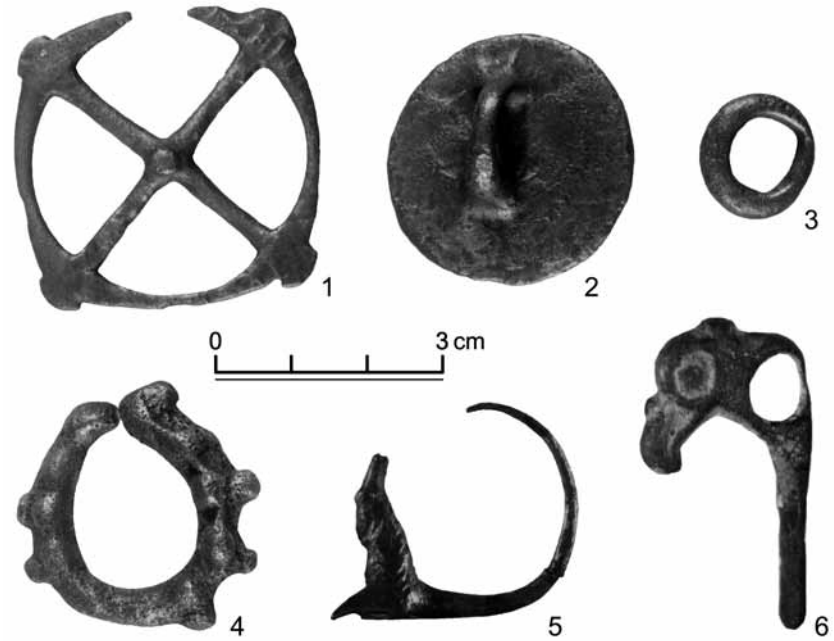


Рис. 6. Бронзовые и серебряные изделия из скифских коллективных погребений:
1 — бронзовый круг с перекрестием из большого коллективного погребения кургана 1949 г. Неаполя Скифского;
2 — бронзовое зеркало оттуда же;
3, 4 — бронзовые пряжки оттуда же;
5 — серебряный козлик оттуда же;
9 — бронзовый налобник из тавельского кургана

←

Рис. 5. Различные изделия из скифских коллективных погребений:
1 — бронзовое зеркало из бескурганной могилы у с. Партизанское;
2 — бронзовая пряжка из тавельского кургана;
3 — бронзовая фибула оттуда же;
4 — бронзовые пронизи из кургана на быв. земле Черкеса;
5, 6, 11 — бронзовые кольца из бескурганной могилы у с. Партизанское;
7 — бронзовая бляшка из тавельского кургана;
8 — бронзовый браслет из бескурганной могилы у с. Партизанское;
9 — бронзовая фибула из тавельского кургана;
10 — железная пряжка оттуда же

С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов

СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНАХ НА ЗЕМЛЯХ СОЛОМОНА КРЫМА

В 1895 г. Н. И. Веселовский провел раскопки 3 курганов, расположенных на землях Соломона Крыма под Симферополем. В курганах были обнаружены материалы из нескольких погребений. В результате анализа находок мы авторы пришли к выводу о том, что большинство их них происходит из нескольких погребений собственно скифского и позднескифского времени.

Ключевые слова: Симферополь, курганы, скифское и позднескифское время.

Небольшая работа, предлагаемая авторами специалистам-скифологам, посвящена публикации находок из погребений, как скифского времени, так и крымским позднескифским, исследованных в 1895 г. вблизи Симферополя. Полученные археологические материалы, несмотря на полную бессистемность раскопок, представляются нам яркими и интересными. К части, относящейся к восстановлению закрытых комплексов, авторы приложили все свои способности, однако, мы допускаем, что читатели могут высказать иные точки зрения.

В 1895 г. Н. И. Веселовский в Предгорном Крыму к западу от долины р. Салгир исследовал 3 кургана, расположенные на Внешней горной гряде в имении землевладельца Соломона Абрамовича Крыма. Большинство вещей из раскопок этих курганов поступила в Государственный Эрмитаж, а единичные предметы в Симферопольский краеведческий музей. (Авторы выражают искреннюю благодарность хранителю Эрмитажа А. Ю. Алексееву за помощь в работе и ценные советы). Курганы находились в 7 км к северо-западу от границ г. Симферополя того времени (рис. 1: *1*). В 2,5 км северо-востоку от них существовал и существует курганный могильник Дорт-Оба, раскапывавшийся Веселовским несколькими годами ранее [Колтухов, 2008, рис. 1–3][1].

Местоположение курганной группы на землях С. Крыма установлено Т. Н. Смекаловой [Смекалова, 2009, с. 64, рис. 8][2].

Источником при локализации курганов 1–3, послужила схема расположения курганов 1895 г. (рис. 1: *2*), опубликованная А. О. Кашпаром [Кашпар, 1896, с. 144]. На кургане 1 располагался топознак, этот курган узнаваем и в наше время [Смекалова, 2009, с. 99]. В насыпи кургана хорошо видны остатки траншеи, заложенной Веселовским. Курган 2 находился в 202 м или 95 саж. к юго-востоку от кургана 1 [Веселовский, 1895, л. 40], а по плану, опубликованному Кашпаром, к югу от него (рис. 1: *2*). Космический снимок подтверждает правильность направления и расстояния, указанного Веселовским (рис. 1: *4*). Курган 3 по описанию Кашпара находился в 13 саженях (28 м) к северу от кургана 1 [Кашпар, 1896, с. 145]. Действительно, некоторые признаки такого кургана до сих пор существуют на местности. Однако, на схему, опубликованную Кашпаром (рис. 1: *2*), присутствующую в более простом варианте и в рукописи отчета Веселовского (рис. 1: *3*) [Веселовский, 1895, л. 43], под №3, вероятно,

[1] Несколько курганов на землях С. Крыма, являются лишь северо-восточной частью большой курганной гряды, идущей в направлении с. Ключи или Ключевое, ранее Аджи-Ибрам. В сущности, в нее же можно включить и курганы Дорт-Обы, расположенные к северо-востоку на этой же оси.

[2] На археологической карте Т. Н. Смекаловой они обозначены литерами К 1895/1, К 1895/2, К 1895/3.

нанесен курган, расположенный примерно в 40 м к северо-востоку от кургана 1 (рис. 1: *2 – 4*)[3].

В **кургане 1**, высотой 2 саж. и ½ арш. (4,8 м), диаметром 40 м [Веселовский, 1895, л. 40; Смекалова, 2009, с. 99], раскопки велись с юга траншеей шириной 2 ½ саж. или 5, 3 м [Веселовский, 1895, л. 39], по направлению от полы к центру кургана. Основное погребение в этом кургане относилось к эпохе бронзы, а в насыпи были обнаружены обломки человеческих костей и находки, происходившие, по мнению Н. И. Веселовского, из разграбленной могилы.

Как сообщает Веселовский, внутри курган был выложен камнями почти на 1 саж. [1895, л. 39; ОАК — 1895, с. 13]. По Кашпару весь курган был облицован толстым слоем почти в аршин камня [1896, с. 144], в принципе, возможно и это, по крайней мере, облицовка насыпи камнем известна во многих крымских курганах. В его южной части (раскопочной траншее) по Веселовскому, по Кашпару в разных местах насыпи, но так же в траншее, обнаружены остатки разрушенного погребения[4], по мнению же авторов этой статьи, нескольких погребений, а в материке находилась разграбленная позднекочевническая могила с железными удилами.

В насыпи по сообщению Веселовского были найдены железные чешуйки от панциря (рис. 2: *3*) общим весом до ½ пуда [Веселовский, 1895, л. 40]. Кашпар кроме кусков панциря более полупуда весом, отмечает здесь две бронзовые ворворки (рис. 2: *6–7*), по Кашпару медная пятигранная трубочка (ограненная ворворка). Здесь же обнаружены: часть амфоры, лепной горшок (рис. 2: *1*), бронзовая обивка колчана (рис. 3: *8*), бронзовые и железные наконечники стрел (рис. 2: *2*; 3: *1*), по Кашпару два железных наконечника, бусы (рис. 3: *2–5*), серьга из золотой проволоки (рис. 3: *7*), бронзовая бляха в виде головы льва (рис. 2: *8*) и круглая бронзовая бляха (рис. 2: *5*) [Веселовский, 1895, л. 39–40; ОАК — 1895, с. 13; Кашпар, 1896, с. 143, 145].

К этому списку Кашпар добавляет обломок стеклянного сосуда с узорами [Кашпар, 1986, с. 143]. Этот обломок не отмечен ни в отчете, ни в описи находок Веселовского, но хранится в коллекции Эрмитажа (рис. 2: *4*).

Можно предположить, что в этой части кургана было разграблено (?) не одно, а четыре погребения, два скифских, одно средневековое и одно эпохи бронзы. У разграбленных скифских захоронений, находки из которых обнаружены в насыпи, погребальные сооружения прослежены не были, в лучшем случае, они просто не попали в границы раскопанного участка.

Из находок к первому из погребений можно отнести остатки панциря, ворворки, фигурную бронзовую бляху, бронзовые наконечники стрел, возможно круглую бронзовую бляху, в описи Веселовский называет ее накладкой от пояса [Веселовский, 1895, л. 40, №77].

Второе погребение, относилось к более позднему, но еще скифскому времени, с ним можно связать железные трехлопастные втульчатые стрелы, несколько бусин и, возможно, золотую серьгу[5].

Третье, средневековое захоронение было обнаружено в разграбленной грунтовой могиле [ОАК — 1895, с. 14], в которой сохранились железные одночастные удила (рис. 3: *6*), вероятно, половецкого времени.

Наконец, из четвертого разрушенного погребения происходит лепной сосуд (рис. 2: *1*) баночной формы [Троицкая, 1957б, с. 177, рис. 3, в], характерный для поздней бронзы.

Несколько предметов не могут быть уверенно распределены по комплексам:

Так называемая бронзовая обивка колчана, сохранилась в нескольких небольших обломках, что не позволяет ни определить ее назначение, ни хронологическую позицию. Ясно лишь то, что это было тонкая накладная пластина, крепившаяся через отверстия по краю к некой основе, а один из ее углов был острым (рис. 3: *8*).

Обломок полихромного стеклянного сосуда (рис. 2: *4*) можно датировать скифским временем, но определить к какой из могил сосуд относился, не удается. Он имеет очень небольшие размеры, что так же затрудняет его интерпретацию. В Ольвийском некрополе флаконы, изготовлен-

[3] К сожалению, разрешить это противоречие нам не удалось.

[4] Т. Н. Троицкая так же посчитала находки происходящими из одного погребения, которое датировала II в. до н. э. [Троицкая, 1951, с. 91], однако позднее удревнила памятник, отнеся его к V – IV вв. до н. э. [Троицкая, 1957б, с. 176].

[5] Мы не можем утверждать, что наша реконструкция будет верна в деталях, но, в целом картина представляется именно такой.

ные таким образом, появляются не позднее последней четверти VI в. до н. э. [Скуднова, 1988, кат. 50]. Они хорошо известны в северо-причерноморских некрополях в V в. до н. э. [Дзиговский, Островерхов, 2000, с. 79–126], а отдельные экземпляры встречаются как в IV в. до н. э. [Кулатова, Супруненко, 2009, с. 241], так и позднее.

Еще меньше можно сказать об обломке амфоры, в коллекции его нет, следовательно, время и тип сосуда определить невозможно, а учитывая хронологические рамки бытования амфор и частое использование их в погребальном обряде, она могла находиться в любом из трех погребений железного века.

К первому скифскому погребению, на наш взгляд принадлежали следующие предметы:

Бляха в виде головки кошачьего хищника, несомненно, относится к первой скифской могиле. Это фигурная пластина размером 2,2 х 1,6 см с разорванной петельчатой дужкой на оборотной стороне (рис. 2: *8*)[6]. Контур приоткрытой пасти изнутри ограничен клыками и зубами, снаружи рельефным желобовидным углублением, овальный глаз опоясан рельефным желобком, небольшие приостренные уши с углубленной точкой в центре расположены в затылочной части головы. Ближайшей аналогией являются надетые на кожаный ремень бронзовые бляхи из лесостепного кургана Басовка 499 [Галанина, 1977, табл. 26, 15]. Погребение по В. А. Ильинской было датировано первой половиной V в. до н. э. [Ильинская, 1968, с. 78], впрочем, ничто не противоречит и несколько более ранней дате[7].

Однако, после знакомства с описью находок, хранящейся в Эрмитаже, картина, связанная с погребальным инвентарем этого захоронения, приобретет неожиданный поворот, впрочем, прогнозируемый для некоторых раскопок Н. И. Веселовского. Сомнения возникли при работе со списком находок из кургана №3 этой группы, где опись не оставляет уверенности в достоверности локализации трех предметов, а при учете количества противоречит сведениям, приведенным в отчете Н. И. Веселовского и статье Кашпара [ОАК — 1895, с. 14; Кашпар, 1895, с. 145]. Правомерность сомнений подтверждает и рукописный отчет Веселовского, в подбойной могиле кургана №3, упоминается только одна бронзовая пряжка (№88 по ссылке на опись, приложенную к рукописи отчета), лежавшая у левой руки одного из погребенных [Веселовский, 1895, л. 40, об.]. Однако в самой описи под номером 88 упоминается три предмета, или три «пряжки» [Веселовский, 1895, л. 49, об.], следовательно, именно отсюда вызывающий сомнения пассаж перешел в опись Эрмитажа. Возможно, следовало бы поверить описям, однако, в том же погребении, у того же костяка в области поясницы уже была обнаружена железная пряжка с неподвижным язычком (рис. 4: *15*), относящаяся к куда более позднему времени. Поэтому предложим простое объяснение, ошибка, отраженная в описи, произошла при раскладке находок и составлении этикетажа и все зооморфные бляхи были обнаружены в кургане №1, а бронзовая пряжка из кургана 3 была утрачена в 1895 г. еще до поступления на хранение.

Перейдем непосредственно к вещам. В описи Эрмитажа под №№192 и 193 перечислены три бронзовые бляхи с головками зверей. Две из них практически аналогичны бляхе описанной выше и отличаются от нее лишь в мельчайших деталях (рис. 2: *9–10*). Третья бляха размером 2,3 х 1,9 см с обломанным кончиком морды животного, несколько сложнее в интерпретации, однако удлиненная форма (рис. 2: *11*) и совершенно другие очертания уха позволяют считать, что это изображение головы кабана, а слом пришелся на линию клыка [ср. Могилов, 2008, рис. 94, 32–33]. Судя по тому, что подобные бляхи служили украшениями кожаных ремней конского убора, где располагаются не по одной, а в наборе [Галанина, 1977, табл. 26, 15–16] — все они могут происходить из одного комплекса.

Две небольшие конические бронзовые ворворки (рис. 2: *6–7*), одна ограненная, другая гладкая высотой 2,2 см и 1,4 см находят аналогии в различных скифских комплексах [ср. Могилов, 2008, рис. 143–146] и относятся ко времени не позднее V в. до н. э.

Бронзовые наконечники стрел представлены всего двумя экземплярами (табл. 1, рис. 2: *2*). Эти наконечники впервые учла А. И. Мелюкова, отнеся их к трехлопастным базисным стрелам типа II,5,1 второй хронологической группы [Мелюкова,

[6] Не исключено, что этот предмет мог быть использован вторично, при этом, судя по дефекту дужки, способ крепления, возможно, был изменен (?).

[7] Необходимо отметить, что именно в этом комплексе присутствуют бляхи в виде шишечек пиний, аналогичные бляхам из Симферопольского Золотого кургана [Галанина, 1977, табл. 26, рис. 16].

1964, с. 20–21, табл. II, № 35; с. 28, рис. 1]. Наконечники имеют треугольную форму головки со скрытой втулкой (БТ,3л). Ложки сводчатые. Длина наконечников 30 и 32 мм, ширина — 11,5 и 11 мм. Длина бойка — 6,8 и 5,8 мм, вес — 2,9 и 2,4 гр. Аналогичные по форме и размерам наконечники найдены в погребениях Ольвии 1913/87 и 1912/48, датируемых последней четвертью – концом VI в. до н. э. [Скуднова, 1988, с. 99, кат. №145, 1; с. 116, кат. №176, 6], а также в погребении 16 у с. Вишневка [Колотухин, 2000, с. 82, рис. 2, 10, 1] последней трети-четверти VI – первой трети-четверти V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 87–88, сноска №63].

Из «полупуда» обломков панциря и панцирных пластин Т. Н. Троицкая опубликовала несколько железных предметов (рис. 2: *3*), указав, что хранятся они в Крымском областном музее [1957б, с. 176–177, рис. 3, г], ныне Центральном музее Тавриды. Очевидно, они относятся к наборному панцирю, который рационально отнести к инвентарю первого скифского погребения.

Бронзовая круглая бляха диаметром 3 см со слегка выпуклой лицевой поверхностью и стержневидным выступом в центре оборотной поверхности (рис. 2: *5*). Подобные предметы, но со скобой на обороте широко распространены в скифское время в качестве украшений конского снаряжения [Могилов, 2008, рис. 85–86]. Очевидно, изделие может быть отнесено к комплексу этого погребения.

Второе погребение, часть комплекса которого может быть реконструирована по нескольким находкам, авторы так же склонны относить к скифскому времени, вероятно, второй половины – конца IV в. до н. э. В той же части кургана, что и предшествующие находки, были обнаружены три железных наконечника стрел, золотая серьга и несколько целых и фрагментированных бусин.

Два железных наконечника стрел из кургана №1 С. Крыма были лишь отмечены в сводке А. И. Мелюковой без их характеристики [Мелюкова, 1964, с. 20–21, табл. II, №35]. В коллекции Эрмитажа сохранились три экземпляра железных наконечников разной степени сохранности. Однако однотипность стрел позволяет предложить их примерную реконструкцию и описание (табл. 1, рис. 3: *1*). Все наконечники относятся к отделу трехлопастных стрел с выделенной сравнительно длинной втулкой. Их головка имеет треугольную форму с подрезанными под тупым углом к втулке лопастями (ТП,3л). Аналогичные по форме и размерам железные наконечники в единичных экземплярах известны в Восточном Крыму, например в погребении 1 кургана 4 у с. Ильичево [Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 142, рис. 4, 5, 8], начиная с V в. до н. э. [Яковенко, 1970, с. 121–122].

Железные втульчатые стрелы, широко известные на Дону и в Предкавказье в скифское время и позднее, получают распространение в Восточном Крыму начиная с IV в. до н. э. [Яковенко, 1974, с. 93], возможно со второй половины этого столетия. В центральной части крымского предгорья они зафиксированы в нижнем ярусе «коллективного погребения» кургана Беш-Оба IV/2 совместно с несколькими бронзовыми стрелами IV в. до н. э. [Колтухов 1999, рис. 6]. Для этого яруса уместна лишь широкая датировка в рамках второй половины IV – III вв. до н. э. В Северо-Западном Крыму они известны в варварских погребениях Беляуса и Кульчукского некрополя [Пуздровский, 2007, с. 16; рис. 10, I, 6–10; 12, I, 8–9], датированных второй половиной IV – началом III в. до н. э.[8]

Атрибуция круглопроволочной золотой серьги (рис. 3: *7*) диаметром 2,3 см, затруднена, однако основные аналогии ей можно найти именно в скифское время [Петренко, 1978, табл. 23 и сл.]. Скорее всего, она, как и последующие находки, происходит из второго скифского погребения.

Бусы: Среди нескольких уцелевших экземпляров (рис. 3: *2–5*) датировке поддаются две бусины. Показателен обломок крупной цилиндрической бусины длиной 3 см из синего полупрозрачного стекла с многослойными бело-синими глазками, разделенными белыми вертикальными полосами, так что два глазка и одна полоса напоминают личину, и с бородавчатым орнаментом из полихромных желто-бело-синих шариков, расположенных по внешнему периметру отверстий (рис. 3: *2*). Ближайшей аналогией по форме и цветовой гам-

[8] По мнению О. Д. Дашевской, бронзовые и железные наконечники стрел из могилы 114а некрополя Беляуса датируются IV – III вв. до н. э., гончарная миска относится к III в. до н. э., а бусы типичны для II – I вв. до н. э. Однако датировку бусин следует удревнить, поскольку по предположению исследовательницы данная могила относится ко времени херсонесского господства в Северо-Западном Крыму [Дашевская, 2014, с. 11–12], что, очевидно, соответствует последним десятилетиям IV – III вв. до н. э.

ме являются несколько бусин из Мелитопольского кургана [Тереножкин, Мозолевский, 1988, рис. 86, 1, м; 117, 1, г; 124, у]. В настоящее время Мелитопольский курган датируют либо 350–320 гг. [Алексеев, 2003, с. 297], либо, как считает С. В. Полин, концом второй – началом третьей четверти IV в. до н. э., примерно 350–340 гг. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 555].

Вероятно, из одного комплекса с этой бусиной происходит обломок глазчатой бусины из полупрозрачного синего стекла (рис. 3: *4*). Интересна небольшая боченковидная бусина из глухого белого стекла с черным пояском по центру (рис. 3: *3*). Прямыми аналогиями этой находке служат многочисленные бусы такой же формы, расцветки и декора из скифских погребений 2 и 3 в кургане №4 группы Страшной могилы [Тереножкин, Ильинская, Черненко и др., 1973, рис. 29, 12, 14, 17; 30, 5]. При этом могилу 2 этого кургана, судя по стрелам и чернолаковой чашке, можно датировать второй половиной – концом IV в. до н. э.[9]

Вероятно, из этого же комплекса происходят: редко встречаемая агатовая боченковидная бусина бело-коричневого цвета (рис. 3: *5*), обломок глазчатой бусины из полупрозрачного синего стекла (рис. 3: *4*) и небольшая черная бусина-пронизь (рис. 3: *2а*)

Таким образом, часть находок из насыпи кургана 1 на землях Соломона Крыма, можно связать с двумя разновременными скифскими погребениями. Первое из них — воинское, его можно датировать последней третью VI – первой половиной V в. до н. э. Второе, возможно, женское относится ко времени не ранее середины – второй половины IV в. до н. э.

Курган 2 высотой 2 ½ саж. (4,3 м), окружность составляла 57 саж (121 м), основное погребение относилось к эпохе бронзы, вероятно к ямному времени [Кашпар, 1896, с. 145]. По предположению Веселовского, ямный курган был небольшим, в дальнейшем в нем (или на нем?) была сооружена впускная каменная гробница размером 2 саж. 2 арш. с каждой стороны, а сверху на нее были навалены камни [Веселовский, 1895, л. 40]. По Кашпару первоначальная высота грунтовой насыпи составляла 2 арш. (1,4 м). Затем в кургане была сооружена каменная гробница размером 2 саж. 2 арш. (5,7 м) х 5 арш. 3 вершка (3, 7 м)[10], ориентированная с востока на запад (Кашпар, 1895, с. 145). Погребение было разграблено через пролом в стене. Что было найдено в камере, исследователи не указали, отметив лишь то, что разнообразные находки присутствовали в насыпи ктургана. К этим находкам относятся: стеклянные бусы, бронзовые браслет и спиральное кольцо [ОАК — 1895, с. 14], а также бронзовые наконечники стрел, каменный оселок и каменный шарик[11].

В коллекции Эрмитажа хранится 12 бронзовых стрел из этого кургана, которые можно описать по методике, предложенной А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 14–29] с дополнениями С. Н. Сенаторова [Колтухов, Сенаторов, 2014, с. 85–88, 100–102]. По сочетанию насада, поперечного сечения и формы головки в данной коллекции выделяется 6 типов наконечников.

К ***первому типу*** (ТП,3л, табл. 1, рис. 4: *1*) относится один трехлопастной наконечник (8,3 %) с треугольной формой головки, косо срезанными к втулке под тупым углом лопастями и выделенной втулкой. Ложок сводчатой формы. Общая длина наконечника — 19,1 мм, ширина головки — 5,4 мм. Длина бойка от вершины до верхнего края ложка составляет — 2,8 мм, а вес — 0,8 грамма. По классификации А. И. Мелюковой такие наконечники могут относиться к типу II,2,7 второй хронологической группы (Мелюкова, 1964, с. 21, 28, рис. 1).

Ближайшим сходством для данного экземпляра по насаду, форме головки и размерам обладает трехгранный втульчатый наконечник (тип ТП,3г), найденный в Нимфее в слое второй половины VI – IV в. до н. э. (Сенаторов, 2001, с. 112, рис. 1,18).

Ко ***второму типу*** (Т,3л, табл. 1, рис. 4: *2*) также относится один (8,3 %) трехлопастной (3л) наконечник с треугольной формой головки, прямо срезанными к втулке лопастями и выделенной втулкой. Ложок сводчатой формы. Общая длина наконечника — 20,4 мм, ширина — 7,4 мм, дли-

[9] Однако, С. В. Полин, на основе того же чернолакового сосуда предлагает датировать этот комплекс второй – третьей четвертью IV в. до н. э. [2014, с. 539].

[10] Скорее всего, был измерен внешний периметр гробницы.

[11] Погребальный инвентарь этой могилы О. Д. Дашевская отнесла ко II – I вв. н. э. [1991, с. 53]. Однако в текст монографии здесь вкралась опечатка и дату этого погребения следует читать, вероятно, как II – I вв. до н. э.

на бойка — 4,8 мм, вес — 1,2 грамма [Мелюкова, 1964, тип II, 3, 8].

Аналогии: курган Гвардейское 2/1 датируемое второй половиной V в. до н. э. [Колтухов, 2014, с. 68, рис. 7, 12, 34].

Третий тип (ТЖ,3л, табл. 1, рис. 4: *3–6*) представлен четырьмя (33,3%) трехлопастными экземплярами с короткой выделенной втулкой и узкой треугольной головкой с косо срезанными под острым углом к втулке лопастями-жальцами. Ложки наконечников П-образной (1 экз., рис. 4: *3*) и сводчатой формы (3 экз., рис. 4: *4–6*). Размеры наконечников: длина — 22,6–27,6 мм; ширина — 6,4–7,2 мм; длина лопастей — 17,2–24,7 мм; длина бойка — 3,8–13,6 мм; вес — 1,1–1,7 гр. [Мелюкова, 1964, тип II,4,3,6–7]. Аналогии: 1) Наумовка 6/2 середины – второй половины V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 170, рис. 10, 6, 15]; 2) Шубино 20/7 начала IV в. до н. э. [Колтухов, 2012а, с. 134, рис. 25, 8, 17]; 3) Котельниково 1/5 второй половины V – начала IV в. до н. э. [Колтухов, 2014, с. 63, рис. 2, 11, 23]; 4) Колоски 5/5 второй половины VI – первой половины V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 182, рис. 22, 3, 10].

Четвертый тип (БТ,3л, табл. 1, рис. 4: *7–11*) является самым многочисленным в данной коллекции (5 экз., 41,7%). Сюда включены трехлопастные базисные наконечники со скрытой втулкой и прямым основанием головки треугольной формы. Ложки головок П-образные (1 экз.) и сводчатые (4 экз.). Длина наконечников — 18,3–25 мм, ширина — 5,5–9,3 мм. Длина бойка — 2,4–9,6 мм, вес — 0,6–1,7 гр. [Мелюкова, 1964, с. тип II,5,6,8]. Аналогии: 1) Красноярское 8/2 второй – третье четверти V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 213, рис. 53, 8, 33]; 2) Колоски 7/1 первой половины V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 182, рис. 22, 14, 6]; 3) Красноярское 8/2 второй – третье четверти V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 213, рис. 53, 8, 5]; 4) Нимфей 1964 г. в слое второй половины V – IV в. до н. э. (Шифр ГЭ №Н.64.110. Материал не опубликован)[12]; 5) Снежное погребение в ящике второй – третьей четверти V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 189, рис. 29, 8, 5].

Пятый тип (БТЖ,3л, табл. 1, рис. 4: *12*) представлен одним (8,3%) трехлопастным базисным наконечником со скрытой втулкой, треугольной головкой и срезанными под острым углом к основанию тремя свисающими лопастями-жальцами. Ложок П-образной формы. Длина головки наконечника — 20,2 мм, ширина — 8 мм. Длина лопастей-жалец — 22 мм. Длина бойка — 11,4 мм, вес — 1,1 гр. [Мелюкова, 1964, тип II,6,7]. Аналогии: Шубино 20/7 начала IV в. до н. э. [Колтухов, 2012а, с. 134, рис. 25, 8, 59].

Данный набор наконечников характеризуется единичными экземплярами первого раннего (ТП,3л) конца VI – первой половины V в. до н. э. и позднего пятого (БТЖ,3л) начала IV в. до н. э. типов. Остальные типы стрел находят широкие аналогии в комплексах V в. до н. э.

Несмотря на разнообразие типов, если мы примем предположение о том, что перед нами единый колчанный набор, то уверенно можем отнести его к V в. до н. э. Интересно, что набор стрел в коллекции не сопровождается другими находками этого же времени. Можно предположить, что в кургане находилось скифское погребение V в. до н. э. с бедным и невыразительным инвентарем, от которого сохранились лишь стрелы[13]. Местоположение могилы осталось неизвестным, ее связь с крупной каменной гробницей (склепом?) маловероятна, поскольку такие сооружения появляются в крымских курганах не ранее IV в. до н. э.

Целый ряд находок: бронзовые украшения, изделия из камня и бусы можно связать с захоронениями в каменном сооружении.

Бронзовое проволочное кольцо диаметром 2,3 см с далеко заходящими друг за друга концами (рис. 3: *9*) может быть отнесено к скифскому времени. Подобные предметы, имеющие широкую датировку и хорошо известные уже в таврских могильниках Горного Крыма, не являются редкостью и в скифских погребениях, где В. Г. Пет-

---

[12] Авторы выражают искреннюю благодарность хранителю Эрмитажа О. Ю. Соколовой за возможность использовать неопубликованные материалы.

[13] Менее вероятно, что стрелы входили в комплекс находок позднескифского или сарматского погребения. Так украшения узды V – IV вв. до н. э. были встречены в одном из Тавельских курганов в инвентаре коллективного погребения позднескифской культуры. Однако собственно скифские стрелы встречаются лишь в немногих позднескифских могилах и представлены там только единичными экземплярами. С учетом ситуации с зооморфными бляхами из курганов 1 и 3 можно было бы предположить, что стрелы первоначально были связаны с погребением в кургане 1, однако основная часть из них выглядит несколько моложе, чем остатки инвентаря воинского погребения в первом кургане.

ренко рассматривает их как серьги [1978, табл. 27, 2–6]. В Крыму, наиболее поздняя из таких находок по форме, материалу и размеру диаметра близкая охарактеризованной выше, обнаружена в скифском погребении конца IV – III вв. до н. э. в могиле 114а некрополя Беляуса [Дашевская, 2014, табл. 5, 15].

Круглопроволочный бронзовый браслет со сходящимися концами (рис. 4: *14*) диаметром 6,4 см относится к простейшему типу, хотя и не широко распространенному, но известному у варварского населения Крымского полуострова на протяжении всего скифо-сарматского времени. Какой-либо узкой даты для него предложить невозможно.

Молоточковидный песчаниковый оселок длиной 8,8 см (рис. 3: *10*), характеризуется симметричными концами и отверстием для подвешивания расположенным в центре. Известными авторам аналогиями на территории Крыма служат оселки из грунтового склепа 61 и каменного склепа 2 могильника Беляуса. Погребения эти отнесены ко второй половине II в. до н. э. и I в. н. э. [Дашевская, 2014, с. 36, 37, 77–78][14].

Каменный шарик диаметром 3,6 см с выщербленной поверхностью (рис. 3: *11*), мог представлять собой отбойник или использоваться в заполнении керамической курильницы. Подобные предметы не часто, но встречаются в скифское или позднескифское время в крымских погребениях.

Среди находок присутствовало и несколько десятков бусин (рис. 4: *13*). Часть из них относилась к мелкому стеклянному бисеру, характерному для всего античного времени, единичными экземплярами были представлены мелкие бусы с металлической прокладкой, которые появляются в Северном Причерноморье не ранее III в. до н. э. [Алексеева, 1975, с. 28]. Бусины-подвески в виде пирамидок из синего и зеленого стекла могут быть отнесены к IV – III вв. до н. э. и к более позднему времени [Алексеева, 1978, с. 69, тип 112]. Несколько зеленых биконических бусин находят достаточно ранние аналогии в Гайматовой могиле [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 124], там же известны и ранние бусы со спиралевидным орнаментом [Бидзиля, Полин, 2012, рис. 215], подобная им найдена и во втором кургане С. Крыма. Достаточно многочисленные округлые одноцветные и глазчатые бусы находят аналогии в различных комплексах IV – I вв. до н. э. Интересна небольшая бусина с тремя бородавчатыми глазками, относящаяся к типу 33 Г по Е. М. Алексеевой, условно датированному IV – II вв. до н. э. [Алексеева, 1975, с. 62].

Происхождение остальных вещей: сломанного меча, железного ножа, удил, стремян, можно связать как со скифскими погребениями, так и с впущенным в курган, скорее всего в ту же гробницу, погребением средневекового кочевника.

В целом хронологические позиции погребального инвентаря дают основание для предположения о том, что погребение или погребения в каменной гробнице могут относиться к IV – I вв. до н. э. Исходя из размеров склепа (?) и хронологии погребального инвентаря можно предположить, что в нем совершались коллективные погребения, а время функционирования гробницы (с перерывом или без него?) соотносится со второй половиной IV – I вв. до н. э.

Курган 3 (рис. 1: *2–4*) по данным Кашпара имел высоту 2 арш. (1,5 м), а в окружности составлял 15 сажен [Кашпар, 1896, с. 145] или 32 м, что соответствует диаметру 10 м. Структура насыпи не охарактеризована ни в отчетах Веселовского, ни в статье Кашпара. Центральное, видимо основное погребение, несомненно, относилось к ямному времени [ОАК — 1895, с. 14], впускное, располагавшееся под южной полой, может быть охарактеризовано как относящееся к позднескифской культуре[15].

Эта могила представляла собой катакомбу или подбой длиной 2 м, шириной несколько более 1 м, высотой 70 см [Веселовский, 1895, л. 40, об.]. На дне находилось пять костяков. Кости одного уже были сдвинуты под стенку, два, принадлежавшие взрослым людям, лежали вытянуто, в анатомическом порядке головой на восток. Детские костяки лежали по обе стороны от второго или северного скелета взрослого человека [Кашпар, 1896, с. 145–146]. У головы первого (южного) скелета найдено несколько мелких бусин, у поясницы железная пряжка, у кисти левой руки две бусины, обломок бронзового кольца и поясная пряжка.

Железная кольцевая пряжка (рис. 4: *15*) диаметром 3 см с неподвижным язычком [ср. Дашевская,

[14] Они известны и на позднескифском памятнике Кара-Тобе.

[15] В этом случае мы полностью солидарны с О. Д. Дашевской [1981, с. 53].

1991, табл. 62, 21] характерна для II – I вв. до н. э. Упомянутый в описании инвентаря предмет, названный бронзовой пряжкой, скорее всего, разрушился. Три бронзовые бляхи, приписанные к этому погребению в описях, вряд ли происходят из этой могилы. Бусы (рис. 4: *16*), сохранившиеся в количестве 20 штук, относятся к тому же времени, что и пряжка. Две поперечно сжатые бусины из глухого черного стекла с тонкими белыми поясками представлены в могилах Беляуса этого же времени [Дашевская, 2014, табл. 15, 35–36; 21, 25; 40, 55], боченковидная бусина черного цвета с белым пояском имеет ту же датировку. Так же можно датировать мелкие бусины и стеклянный бисер. И тип погребального сооружения, и погребальный инвентарь дают основания для датировки могилы II – I вв. до н. э. Ее можно отнести к той же группе предгорных памятников, что и погребение в кургане у с. Чистенькое [Зайцев, Колтухов, 1997]. Такие же погребения известны в грунтовых могильниках Предгорного Крыма и Северо-Западного Крыма. Следовательно, датировка II – I вв. до н. э., предложенная для этого погребения О. Д. Дашевской [Дашевская 1991, с. 53], не вызывает сомнений[16].

Таким образом, в курганах на землях Соломона Крыма, по мнению авторов, были исследованы не остатки трех погребений скифского времени, как считали ранее, а остатки 5 захоронений, как собственно скифских, так и относящихся к позднескифской культуре. В первом кургане одно из захоронений относилось к последним десятилетиям VI – первой половине V в. до н. э., другое может быть датировано IV в. до н. э. В кургане 2 существовало захоронение V в. до н. э. В каменном склепе этого кургана погребения могли совершаться длительное время. Сам же склеп, скорее всего, был сооружен еще в IV – III вв. до н. э., а наиболее поздние находки в нем могут быть датированы II – I вв. до н. э. В кургане 3 была раскопана катакомба (?) II – I вв. до н. э., которую следует отнести к позднескифской культуре.

Abstract

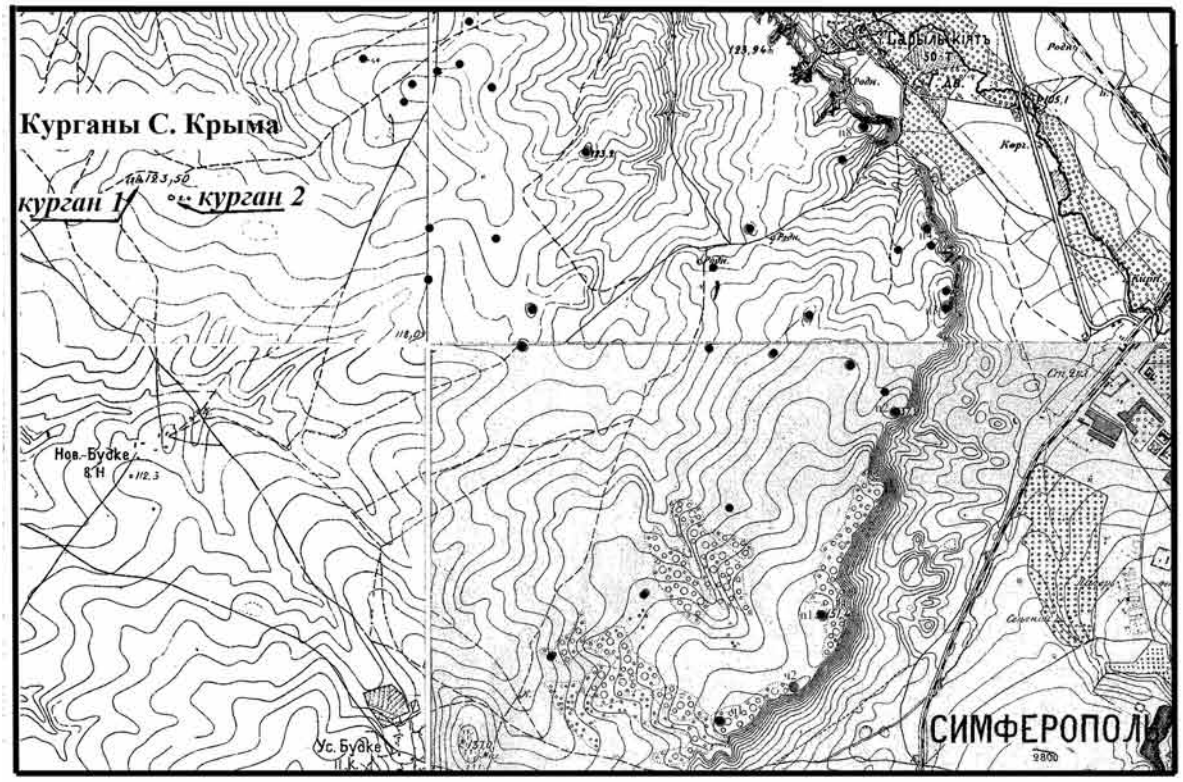
S. G. Koltukhov, S. N. Senatorov

SCYTHIAN BURIALS IN THE BARROWS LOCATED ON LANDS OF SOLOMON CRIM

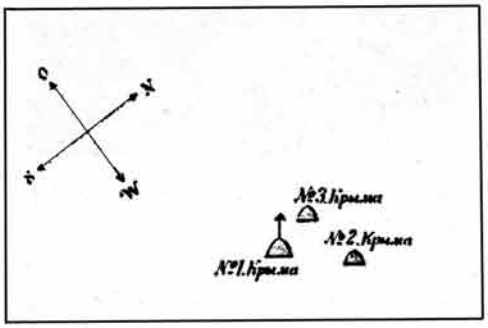
In 1895 N. I. Veselovsky carried out excavation of 3 barrows located on lands of Solomon Crim near Simferopol. Materials from several burials were found in the barrows. As a result of the analysis of finds the authors came to a conclusion that the majority of them comes from several burials of actually Scythian and late Scythian time.

Key words: Simferopol, barrows, Scythian and late Scythian time.

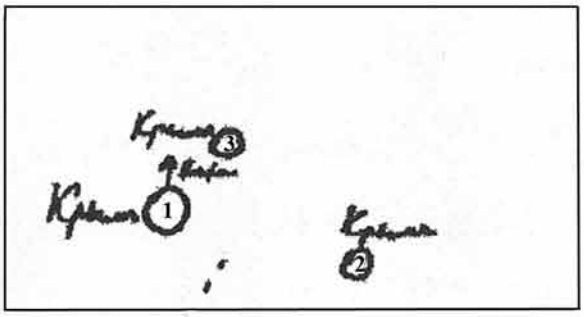
[16] См. сноску № 11 в данной работе.



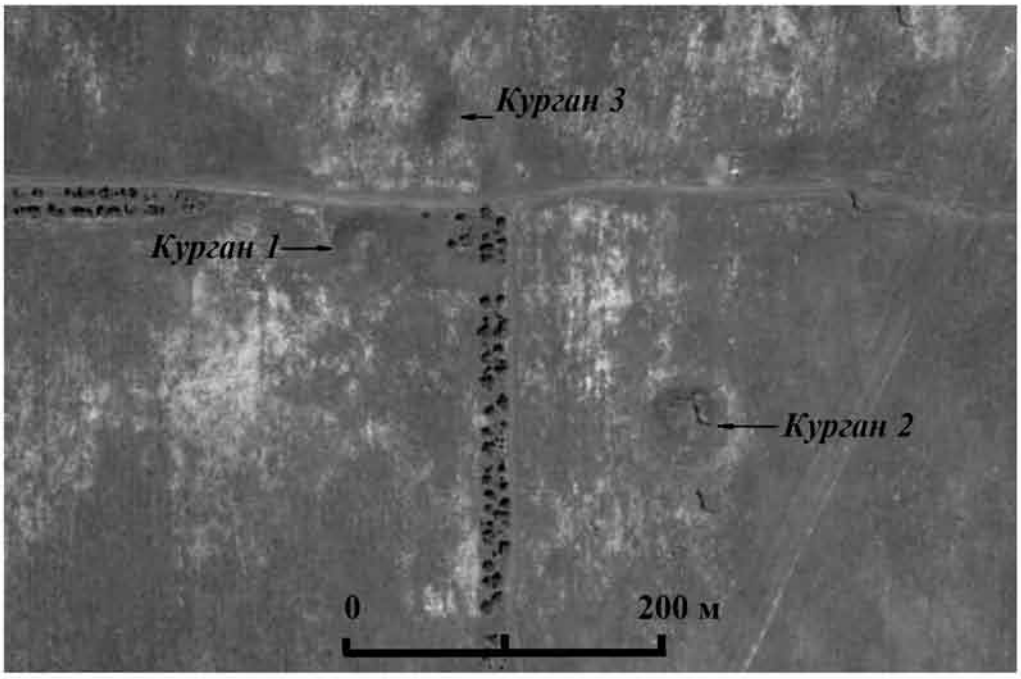
1



2



3



4

Рис. 1. 1 — Карта расположения курганов на бывших землях С. Крыма; 2 — Схема по А. О. Кашпару; 3 — Схема по Н. И. Веселовскому; 4 — Расположение курганов на космическом снимке

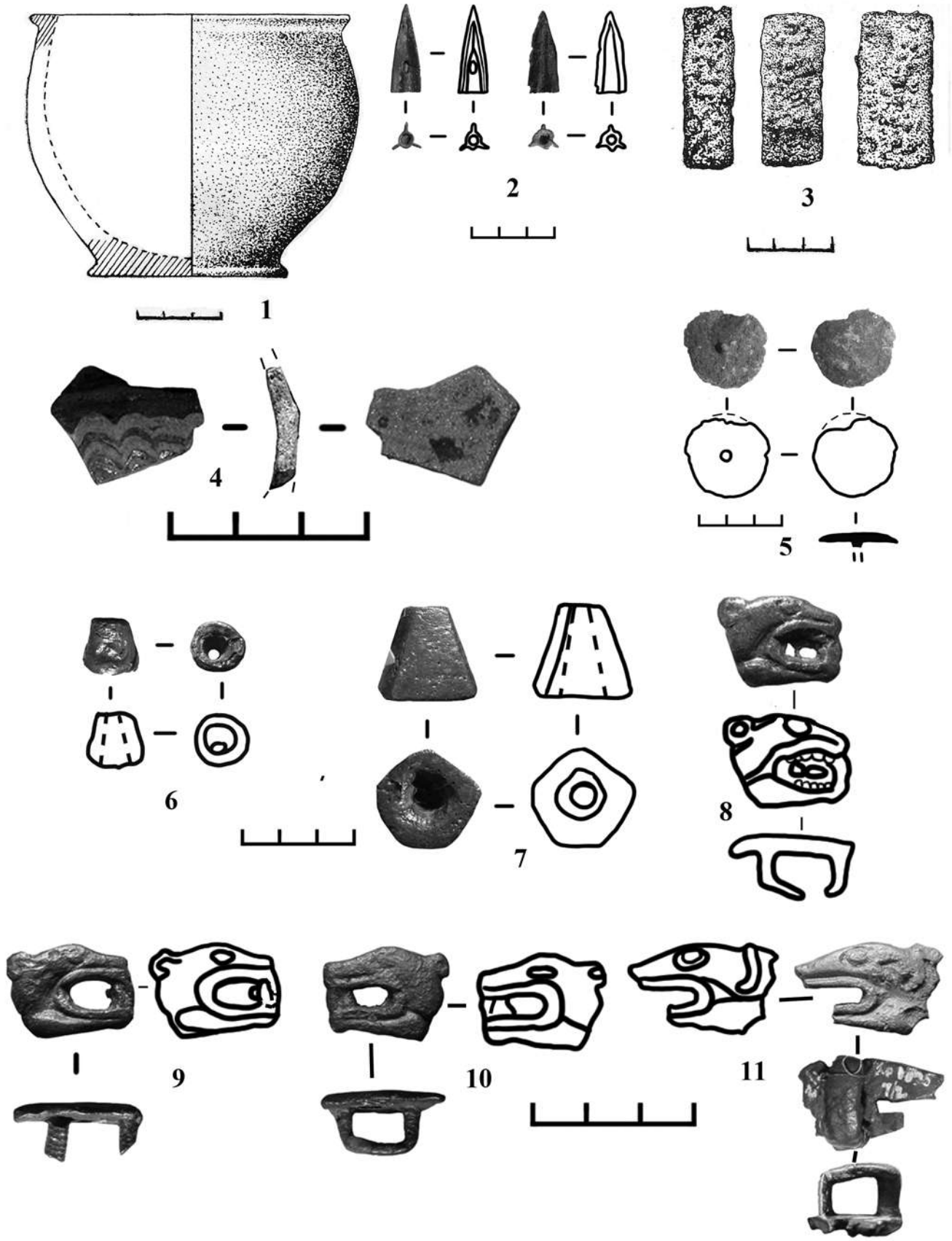


Рис. 2. Предметы из кургана № 1 С. Крыма.
1 — погребение № 4: лепной сосуд;
2–3, 5–11 — погребение № 1: 2 — наконечники стрел; 3 — чешуйки панциря; 5 — круглая бляха; 6–7 — ворворки;
8–10 — бляхи в виде головы льва; 11 — бляха в виде головы кабана; 4 — погребение № 1–2: полихромный сосуд.
1 — керамика; 2, 5–11 — бронза; 3 — железо; 4 — стекло.
1, 3 — [по: Троицкая, 1957б]

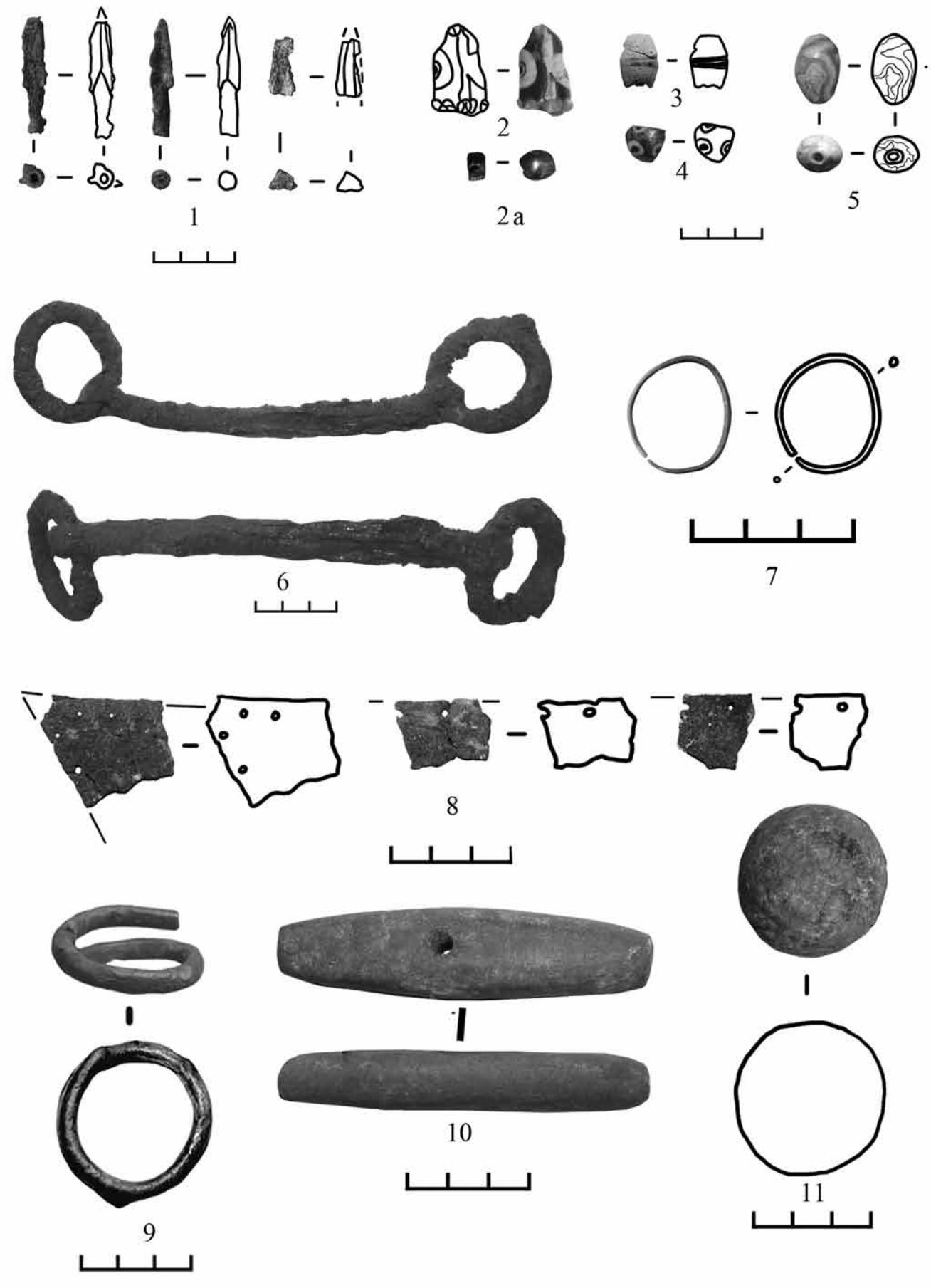


Рис. 3. Предметы из курганов № 1 и 2 С. Крыма.
1–5, 7 — курган № 1 погребение 2: 1 — наконечники стрел; 2–5 — бусы; 7 — серьга;
6 — курган № 1 погребение 3: удила; 8 — курган № 1 погребение 1–2: накладка горита;
9–11 — курган № 2 погребение в склепе: 9 — кольцо, 10 — оселок, 11 — шар.
1, 6 — железо; 2, 3–4 — стекло; 7 — золото; 8–9 — бронза; 2а, 5, 10–11 — камень

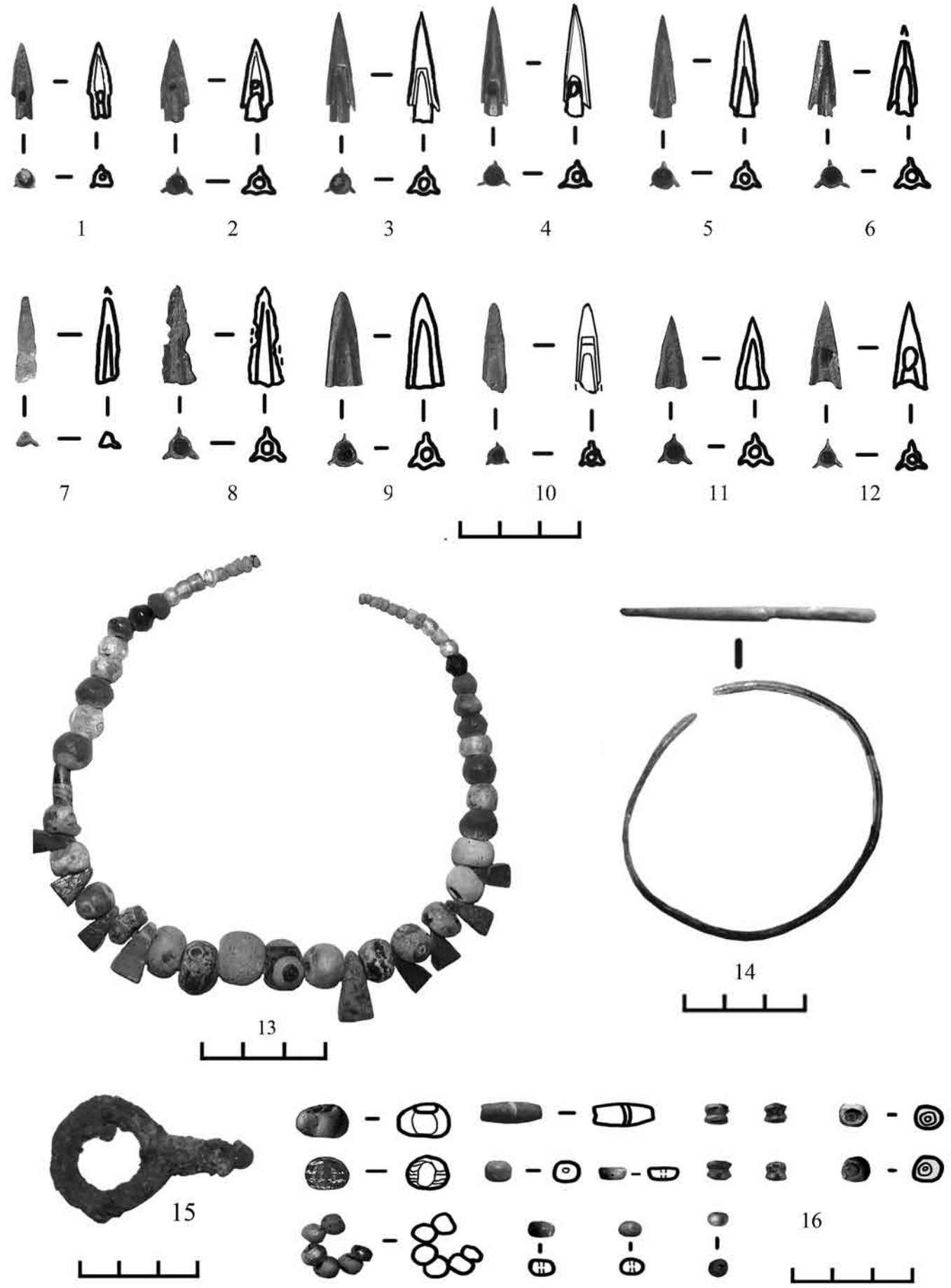


Рис. 4. Предметы из курганов № 2 и 3 С. Крыма.
1–12 — курган № 2 скифское погребение: наконечники стрел;
13–14 — курган № 2 погребение в склепе: 13 — бусы; 14 — браслет;
15–16 — курган № 3: 15 — пряжка; 16 — бусы.
1–12, 14 — бронза; 13, 16 — стекло; 15 — железо

Наконечники стрел из курганов С. Крыма 1895 г.

Памятник	Тип	L об	L гол	L лп	Ш гол	Ш вт	L б	Ложок	Вес, гр.	Материал	Рис.	Дата
К-н 1, погр. 1	БТ,3л	32,1			10,8		5,8	Свод	2,4	бронза	2,2,1	4-я четв. VI – 1 пол. V в. до н. э.
	БТ,3л	29,9			11,3		6,8	Свод	2,9		2,2,2	
К-н 1, погр. 2	ТП,3л	**48,8**	32		9,5	6,9	3,8	Свод	2,7		3,1,1	
	ТП,3л	44,2	26,5		9	6,3	5,8	Свод	2,6	железо	3,1,2	2-я пол. IV в. до н. э.
	ТП,3л	**44,2**	**34,2**		10	5,4	5,4	Свод	1,3		3,1,3	
К-н 2	ТП,3л	19,1	13,7		5,4	4	2,8	Свод	0,8		4,1	
	Т,3л	20,4	17,2		7,4	4,7	4,2	Свод	1,2		4,2	
	ТЖ,3л	27,6	23,5	24,6	7,2	5	13,6	П-обр	1,1		4,3	
	ТЖ,3л	27,4	24,2	24,7	6,5	4,4	5,4	Свод	1,7		4,4	
	ТЖ,3л	25,9	23,3	23,8	6,4	4,7	4,8	Свод	1,3		4,5	
	ТЖ,3л	22,6	16,5	17,2	6,9	3,6	3,8	Свод	1,5	бронза	4,6	V в. до н. э.
	БТ,3л	25			5,5		6	Свод	0,8		4,7	
	БТ,3л	25			8,4		2,4	Свод	1		4,8	
	БТ,3л	24,1			9,3		6,8	Свод	1,7		4,9	
	БТ,3л	22,3			5,9		9,6	П-обр	0,6		4,10	
	БТ,3л	18,3			7,8		5,4	Свод	0,8		4,11	
	БТЖ,3л	20,2		22	8		11,4	П-обр	1,1		4,12	

Условные сокращения:

Форма ложка головки наконечников:

П-обр — П-образная;

Свод — сводчатая;

Типы наконечников;

ТП,3л — трехлопастные с треугольной формой головки. Лопасти срезаны под тупым углом к выделенной втулке;

Т,3л — трехлопастные с треугольной формой головки. Лопасти прямо срезаны к выделенной втулке;

ТЖ,3л - трехлопастные с треугольной формой головки. Лопасти срезаны под острым углом к выделенной втулке, образуя жальца;

БТ,3л — трехлопастные базисные с треугольной формой головки;

БТЖ,3л — трехлопастные базисные с треугольной формой головки. Лопасти опускается ниже основания головки, образуя жальца.

Количественные признаки наконечников стрел:

L об — общая длина;

L гол — длина головки;

L лп — длина лопасти-жальца;

Ш гол — ширина головки;

Ш вт — ширина втулки;

L б — длина бойка.

Примечание.
Жирным шрифтом выделены реконструированные размеры наконечников.

С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов

СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАНАХ ЮГО-ЗАПАДНОГО КРЫМА

Статья посвящена публикации 14 скифских погребений из курганов Юго-Западного Крыма. Их полевые исследования начались в девяностые гг. XIX века, продолжались в XX веке и в нынешнем столетии. По своим характеристикам погребения мало отличаются от синхронных им погребальных комплексов Предгорного Крыма. В некоторых случаях, заметны прямые аналогии с погребениями из Северо-Западного Крыма. В этом плане интересны захоронения с орнаментированной керамикой и оружием уже известные как в предгорье, так и на Тарханкутской возвышенности. Возможно, особенностью юго-западного региона является отсутствие захоронений в каменных гробницах, столь характерных для предгорий, а так же восточной и северо-западной части Крымского полуострова.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, скифские погребения**,** территориальные особенности региона.

Юго-Западный Крым, насыщенный памятниками скифского времени, представляет собой часть предгорья, простирающуюся от реки Альма на севере до Гераклейского полуострова на юге. Характерной особенностью этого региона, является ориентация речных долин, по которым с востока на запад, к морю текут реки Черная, Бельбек, Кача и Альма. Та же географическая особенность характерна и для находящейся севернее Альмы предгорной реки Западный Булганак, что позволяет нам включить в этот регион и памятники, расположенные в Булганакской долине[1].

Изученность находящихся в этой части Крыма памятников кизил-кобинской и позднескифской культур, античности и средневековья, и количественно, и качественно отвечает современным требованиям археологии и исторической науки. Однако, этого нельзя сказать о предгорных курганах, которые исследовались лишь эпизодически без целеполагающей программы. При этом курганы Юго-Западного Крыма сравнительно многочисленны и занимают всю внешнюю горную гряду от Булганака до Бельбека. Часты они и во внешнем межгрядном понижении к югу от Альмы в направлении Бельбека (рис. 1).

Все 35 курганов, раскопанные здесь в конце XIX и в XX веке, содержали основные погребения эпохи бронзы [Тощев, 2007, с. 269–271, табл. 3]. Погребения скифского времени были впускными, так же как и немногочисленные погребения позднескифского и средневекового времени[2].

Отдельную группу памятников представляют собой курганы Гераклейского полуострова, расположенные близ Севастополя, однако скифских захоронений там не обнаружено [Колтухов, 1998, с. 17–18]. Не относится к числу скифских и знаменитый Шверинский курган [Stoyanov, 2009, p. 199–214]. Всего, на сегодняшний день, в курганах этой части Крымского полуострова раскопано не более 13 погребений. Одну часть из них, безусловно, можно отнести к скифским (группа «С»), а другую часть, содержащую лепную керамику кизил-кобинского типа, к скифо-кизил-кобинским погребениям (группа «КК») по классифика-

[1] Археологические границы региона изучались лишь по случаю, но можно уверенно говорить о том, что такие этнокультурные реперы как скифские памятники, известны вдоль речных долин от Западного Булганака, до Качи и весьма вероятны вплоть до Бельбека, а позднескифские от Западного Булганака до Бельбека.

[2] Впрочем, не исключено существование небольших курганов позднескифского времени на некрополях поселений. Так на некрополе Заячьего были раскопаны остатки кургана (?) с каменным склепом этого времени [Пуздровский, Труфанов, Медведев, 2010].

ции погребальной обрядности В. С. Ольховского [Ольховский, 1991, с. 93][3].

Погребения в курганах Альминско-Качинского междуречья

Материалы скифского времени обнаружены в курганах, располагавшихся у моря в низовьях р. Альма близ с. Вилино. Одно погребение исследовано в кургане эпохи бронзы у с. Кочергино в глубине междуречья Альмы и Качи (рис. 1*: 1–3*). Несколько погребений обнаружено в курганах, находившихся в юго-восточной части внешней горной гряды над р. Кача, близ современного с. Долинное.

Курганы у с. Вилино Бахчисарайского района. В 1983 и в 1985–1986 гг. над левым берегом р. Альма у с. Вилино были раскопаны 6 курганов эпохи бронзы, в двух из них обнаружены 4 погребения скифского времени.

Курган 1983 г. раскопан сотрудниками Бахчисарайского музея И. И. Вдовиченко и В. Н. Хоменко [Лобода, 2001, с. 4 и сл.] при участии одного из авторов этой статьи. Располагался он в 2 км от центра села на водоразделе над левым берегом р. Альма (рис. 1: *1*; 2: *1*) и относился к эпохе бронзы. Высота распахиваемой насыпи составляла 0,8 м, диаметр достигал 34 м [Колтухов, Вдовиченко, 1997, с. 6], в кургане обнаружено два впускных захоронения скифского времени.

1. *Погребение 1* находилось в центральной части насыпи, контуры могилы не прослежены (рис. 2: *2*). Верхняя часть костяка разрушена при ограблении. Судя по костям, сохранившимся в первоначальном положении, захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении головой на СВВ. Вокруг костей прослеживались следы древесного тлена. У перемещенного черепа обнаружены обломки железного ножа (рис. 2: *5*), серебряное кольцо (рис. 2: *3*), обломок стенки лепного сосуда. Близ костей ног найдены два трехгранных бронзовых наконечника стрел, форму сохранил только один из них (рис. 2: *4*).

Бронзовый трехгранный наконечник стрелы относится к типу базисных с треугольной формой головки и опущенными ниже основания лопастями-жальцами. Длина головки наконечника от верха бойка до основания 24,1 мм, длина лопасти-жальца 27,4 мм, ширина головки 9,1 мм. По классификации А. И. Мелюковой такие наконечники относятся к типу III,9,*4* четвертой хронологической группы [Мелюкова, 1964, с. 28, рис. 1]. Однотипный близкий по размерам наконечник найден в погребении Вишневка 3/3 конца второй четверти IV в. до н. э. [Колтухов, 2012а, с. 122, рис. 13, 2, 6].

Два железных обломка (рис. 2: *5*) размерами 3,5 х 1,5 см и 2,5 х 1,6 см, вероятно, относятся к типу ножей с горбатой спинкой, слегка вогнутым лезвием и штыревым выступом для крепления рукояти V – IV вв. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 128, 262, рис. 102, 2].

Серебряное, предположительно, литое кольцо (рис. 2: *3*) имеет сравнительно крупные размеры. Его внешний диаметр 2,4 см, внутренний — 1,9 см. Аналогии авторам неизвестны.

Таким образом, данное погребение с учетом датировки наконечника стрелы может быть отнесено ко второй – третьей четверти IV вв. до н. э.

2. *Погребение 6* находилось в центральной части насыпи. Могила овальная, шириной 0,7 м, со слегка наклоненными внутрь, но осыпавшимися стенками. Захоронение мужчины в возрасте 45–50 лет было совершено вытянуто на спине, головой на З (рис. 2: *6*). Погребального инвентаря нет. Судя по положению костяка, его ориентации плану и профилю могильной ямы, погребение может быть отнесено к скифскому времени, предположительно, к V – IV вв. до н. э.

3. *Еще одно полностью разрушенное погребение* скифского времени было обнаружено близ этого кургана, в 100–150 м к западу от него. Скорее всего, там находился полностью распаханный курган. Находки, поступившие в музей, представлены бронзовым наконечником стрелы и обломком бронзового копья.

От копья (рис. 2, *7*) сохранилась нижняя часть пера линзовидного в сечении и втулка. Общая реконструируемая длина копья — 38 см, длина втулки — 10 см, ширина и толщина пера — 5,5 и 1,3 см, внешний диаметр втулки 2,6–2,8 см. Подобные наконечники относятся к третьему отделу копий IV – III вв. до н. э. по классификации А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 42].

[3] По мнению С. Г. Колтухова термин «скифо-кизил-кобинский» отражает, не более чем, присутствие кизил-кобинской керамики в скифских по обряду погребениях. С. Н. Сенаторов поддерживает гипотезу В. С. Ольховского, рассматривающего присутствие кизил-кобинской (таврской) керамики в скифских по обряду погребениях как отражение процесса смешения «скифо-кизил-кобинского» (местного таврского и пришлого скифского) населения древнего Крыма [Ольховский, 1991, с. 80–93].

Аналогичный по форме наконечник известен в погребении О4 Марицинского могильника [Мелюкова, 1964, табл. 13, 8]. Погребения этого могильника датируются С. В. Полиным не позднее IV в. до н. э. [Полин, 2014, с. 368].

Трехгранный базисный наконечник (рис. 2: *7*) имеет вытянутую пирамидальную форму головки. Ее сравнительно узкое основание (ширина 5,4 мм) по отношению к общей длине (21,3 мм) придает стреле утонченный (грацильный или «карандашевидный») вид. Подобные наконечники А. И. Мелюкова относит к типу III,6,1 четвертой хронологической группы IV – III вв. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 28, рис. 1]. Близкие аналогии этому наконечнику авторам неизвестны.

Судя по имеющимся данным, это погребение может быть отнесено к IV в. до н. э.

Курган 2, 1986 г. относившийся к эпохе бронзы, был раскопан под руководством сотрудника Бахчисарайского музея И. И. Лободы. Он располагался в 2 км к юго-западу от села, в 1 км к западу от кургана, исследованного в 1983 г. Высота распаханной насыпи составляла около 0,4 м, диаметр достигал 24 м. Обнаружено два впускных погребения скифского времени [Лобода, 2001, с. 21–21, 24].

4. *Погребение 3* находилось в центре кургана. Обнаружено по остаткам заклада из песчаниковых плит. Могильная яма подпрямоугольной формы сужается к ногам погребенного. Размеры ямы: длина 2,0 м, ширина до 0,86 м, глубина 0,8 м. Захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на северо-запад-запад (рис. 2: *9*). На груди и в области шеи «… найдены бусы из синего и зеленого стекла биконические и пирамидовидные (рассыпались)» [Лобода, 2001, с. 22]. Справа у черепа находился лепной черпак со слегка возвышающейся над краем петлевидной ручкой круглой в сечении. Тулово сосуда округлой формы, венчик слабо отогнут наружу, дно плоское. Высота черпака 11 см, диаметр венчика 10 см (рис. 2: *10*).

По мнению А. Е. Пуздровского, погребение может быть отнесено к скифскому времени и датировано IV в. до н. э.[4], однако не исключена более широкая датировка в пределах второй половины V – первой половины IV в. до н. э.

5. *Погребение 6* находилось в центральной части насыпи. Могильная яма в виде неправильного овала длиной 1,94 м, шириной 0,8 м, глубиной более 1,75 м. Костяк взрослого (?) человека лежал в вытянутом положении на спине головой на ЮЗЗ (рис. 2: *11*). Под черепом прослежены следы камки, вероятно от истлевшей подушки. Справа от костяка у его плеча был найден лишь лепной одноручный кувшин кизил-кобинской культуры.

Сосуд (рис. 2: *12*) имеет слегка возвышающуюся над венчиком петлевидную ручку овальную в сечении. Ручка крепилась к краю венчика и плечу. Округлое слегка вытянутое тулово, плавно переходит к отогнутому наружу венчику. Плоское дно имеет отчетливо выраженную придонную часть («пятку»). Поверхность лощеная серого цвета. Высота сосуда 16 см, диаметр венчика 9 см, диаметр тулова 14 см, диаметр дна 7,5 см.

На плече и тулове кувшина расположен орнаментальный фриз из двух рядов заштрихованных треугольников, выполненных двузубой гребенкой. Верхний ряд треугольников опущен вершинами вниз, а нижний ряд — вершинами вверх, образуя, таким образом, т. н. «волчий зуб». На плече сосуда над треугольниками расположен горизонтальный ряд округлых вдавлений. Такая орнаментальная композиция характерна для раннего типа гребенчатого орнамента, который бытует на керамике третьего этапа кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV в. до н. э. [Сенаторов, 2002, с. 18].

Обломки аналогичного по форме, но меньшего по размерам кувшина (диаметр тулова 10,5 см) были найдены в Керкинитиде в доме 23 на полу помещения 123. Сосуд украшен гребенчатым орнаментом типа «волчьего зуба», который осложнен добавочными элементами. К этим элементам относятся два горизонтальных ряда округлых вдавлений, идущих сверху и снизу заштрихованных треугольников. Еще один ряд вдавлений нанесен по центру тулова между вершинами треугольников. Этот кувшин, по данным Э. А. Кравченко, был найден в слое середины – третьей четверти IV в. до н. э. [Кравченко, 2011, с. 35, 186, рис. 120, 17]. Однако, по устному сообщению А. Е. Пуздровского находки из этого слоя датируются второй половиной V – рубежом V-IV вв. до н. э.[5]

Вместе с тем, кизил-кобинская керамика с ранним гребенчатым орнаментом варианта 1а чаще встречается в закрытых комплексах различных памятников второй половины VI – первой половины V в. до н. э. [Сенаторов, 2011, с. 357, 359].

---

[4] Авторы выражают искреннюю благодарность А. Е. Пуздровскому за определение датировки этого погребения.

[5] Это личное мнение А. Е. Пуздровского, было изложено в устной беседе С. Г. Колтухову.

Таким образом, по особенностям декора вилинского лепного сосуда рассматриваемое погребение может быть датировано концом VI – V вв. до н. э. [Колтухов, 2004, с. 80, 106, рис. 5, 10] или концом VI – первой половиной V в. до н. э.

Курган у с. Кочергино Бахчисарайского района (рис. 1: *2*) эпохи бронзы был расположен в 750 м к югу от с. Кочергино. Раскопан в 1999 г. под руководством И. И. Неневоли сотрудниками Бахчисарайского историко-культурного заповедника [Неневоля, Волошинов, 2000, л. 1, 5][6]. Насыпь кургана, имевшая высоту около 1,0 м, была деформирована, а частью и разрушена при строительстве шоссе Бахчисарай – Отрадное. При доследовании разрушенного кургана обнаружено впускное погребение скифского времени.

6. *Погребение 8* было впущено в центральную часть насыпи. Могила ограблена, представляла собой грунтовую яму с закругленными углами, ориентированную с СЗЗ на ЮВВ, сужающуюся к одному из концов, с камнем в торце (рис. 3: *2*). Длина 2,0 м, наибольшая ширина 1,0 м, прослеженная глубина 0,4 м, стенки отвесные. В заполнении обнаружены обломки костей человека, бронзовый наконечник трехлопастной стрелы (рис. 3: *4*), фрагментированный железный нож (рис. 3: *3*) и обломки железной пластины с отпечатками дерева.

Фрагмент железного однолезвийного ножа (рис. 3: *3*) имеет горбатую спинку и слегка вогнутое лезвие треугольное в сечении. Ручка штыревидной формы. Сохранившиеся размеры ножа: общая длина 9,8 см, ширина лезвия у ручки 2,1 см, длина ручки 3 см, ширина ручки 0,9 см, ширина спинки лезвия 0,6 см. Однотипный нож найден в погребении Суворовское 6/1 середины – второй половины V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 41, 176, рис. 16, 16].

Бронзовый трехлопастной наконечник имеет треугольную в плане слегка вытянутую форму головки. Лопасти прямо срезаны к короткой втулке. Ложок П-образной формы. Длина наконечника 25,6 мм, ширина лопастей головки 7,2 мм, ширина втулки 5,1 мм, длина бойка от острия до ложка 12,4 мм. Такие наконечники можно отнести к типу II,4,3 [Мелюкова, 1964, с. 17, 28, рис. 1]. Однотипный близкий по размерам наконечник найден в погребении 12/1 Стеблевского могильника середины – второй половины V в. до н. э. [Скорый, 1997, с. 147, рис. 43, 5].

Судя по наконечнику стрелы, погребение может быть датировано серединой – второй половиной V в. до н. э.

Курганы у с. Долинное Бахчисарайского района (рис. 1: *3*). В 1895 г. Ю. А. Кулаковский исследовал четыре кургана к северо-западу от современного с. Долинное, находящиеся на внешней горной гряде над правым берегом р. Кача [ОАК-1895, с. 17–19]. В двух из них были обнаружены могилы скифского и позднескифского времени. Место расположения одного из этих курганов было точно установлено в 90-е гг. прошлого века [Колтухов, 1998, с. 17 и сл.]. Два кургана, располагались на плоской возвышенности в южной части Альминско-Качинского междуречья. Один небольшой с каменной бабой второй, получивший впоследствии имя исследователя, находился в непосредственной близости от него. Именно эта каменная баба отмечена в описании крымских древностей, принадлежащем П. И. Кеппену [Кеппен, 1837, с. 39], и судя по его карте, (рис. 3: *1*), она располагалась в месте соединения дорог, ведущих от деревни Отешель к деревням Калымтай и Актачи, лежащим в долине Качи. Точное местоположение еще двух курганов остается неясным[7].

Археологический памятник, известный под названием «Курган Кулаковского»[8] располагался вблизи кургана с каменной бабой. Его высота составляла 5 аршин (4,2 м), а диаметр достигал

---

[6] Авторы выражают искреннюю благодарность сотрудникам Бахчисарайского музея, любезно разрешивших использовать материалы их раскопок.

[7] В кургане с каменным изваянием, высота которого указана в 1 сажень, был обнаружен потревоженный каменный «склеп» [ОАК-1895, с. 17], под которым располагалось погребение эпохи бронзы. Какой-либо иной информации о «склепе» мы не нашли. Однако, судя по описанию погребений в кургане 1, склепами были названы разнообразные каменные гробницы [ОАК-1895, с. 19, 118] и этот термин не может быть использован для определения хронологии погребений. Третий курган эпохи бронзы, имел ту же высоту около 5 аршин, в нем обнаружены погребения эпохи бронзы, и, по меньшей мере, два вытянутых захоронения с западной ориентацией, которые по особенностям обряда и сопровождающему инвентарю [ОАК-1895, с. 18–19] можно отнести к захоронениям, называемым позднескифскими, а на территории Юго-Западного Крыма даже сарматскими. Первый курган высотой полтора аршина содержан погребения эпохи бронзы и два неопределенных захоронения [ОАК-1895, с. 19].

[8] Благодарим хранителя Государственного Эрмитажа А. Ю. Алексеева за помощь в работе с находками из этого кургана и ценные консультации.

25 аршин (18 м), достоверных данных о методике раскопок нет, скорее всего, это был обширный «колодец», занявший центральную часть курганной насыпи или траншея. Всего в кургане эпохи бронзы, по сообщению исследователя было раскопано 6 погребений, три из которых могут быть отнесены к скифскому времени [ОАК-1895, с. 18].

7. *Одно из них, пятое*, по определению исследователя, находилось в восточной поле кургана, где на глубине одного аршина был обнаружен потревоженный костяк человека, два бронзовых наконечника стрел и обломки бронзовых предметов. Место хранения находок неизвестно.

8. *Шестое погребение* по Кулаковскому находилось в центре кургана на небольшой глубине, вероятно над более ранним или синхронным ему (?) третьим погребением, было ли оно связано с ним, осталось неясным. Здесь в перекопе вместе с костями человека были найдены бронзовые наконечники стрел и железные удила. Находки из этого погребения в музейных коллекциях отсутствуют.

9. *Третья могила* [ОАК-1895, с. 118] содержала погребение с предметами вооружения скифского времени и украшения, выполненные в скифском зверином стиле. Благодаря найденной здесь оригинальной бронзовой бляхе с изображением свернувшегося хищника (рис. 4: *1*), «курган Кулаковского» прочно вошел в круг ярких скифских памятников Северного Причерноморья.

История изучения находок из этого погребения растянулась более чем на столетие.

Первоначально Ю. А. Кулаковским были опубликованы фотографии трех бронзовых предметов: двух блях и скипетра, выполненных в зверином стиле [ОАК-1895, с. 118, рис. 292–294; с. 17–18, рис. 32–34]. При этом скипетр был ошибочно определен как псалий.

Прорисовка большой бронзовой бляхи с изображением свернувшегося хищника была опубликована Е. Х. Миннзом в его энциклопедической монографии «Скифы и греки». Очевидно, именно эта публикация ввела курган Кулаковского в ряд всемирно известных памятников Евразии [Minns, 1913, p. 258, fig. 181].

Позднее А. А. Спицин в своей периодизации скифских памятников Крыма датировал бронзовую бляху Кулаковского V в. до н. э. [Спицин, 1918, с. 180]. Более ранним временем в рамках VII – VI вв. до н. э. предложил датировать эту бляху Г. И. Боровка [Boroffka, 1926, s. 380, 385, abb. 8; Borovka, 1928, p. 95, pl. 13]. К сожалению, исследователь не успел детально обосновать предложенную дату, отмечая, что опирается на собственные неопубликованные работы [Borovka, 1928, p. 91].

Почти в то же самое время П. Д. Рау опубликовал один бронзовый наконечник трехлопастной базисной стрелы из кургана Кулаковского. Исследователь датировал этот наконечник позднеархаическим временем последней трети VI – первой трети V в. до н. э. [Rau, 1929, p. 13, 93, taf. V, 1E].

Анализ материалов погребения с учетом архивных данных был предпринят Т. Н. Троицкой, которая первоначально датировала это захоронение в широких рамках VI – V вв. до н. э. [Троицкая, 1951, с. 90]. Позднее исследовательница, опираясь на аналогичные находки из скифских памятников Поднепровья и Прикубанья, сузила датировку до конца VI в. до н. э. При этом ею было опубликовано еще два бронзовых наконечника стрел из этого захоронения [Троицкая, 1957а, с. 226–227, рис. 4, 3].

Развернутое описание обеих бронзовых блях было предложено М. И. Артамоновым, который отметил ажурность этих изделий, а также их стилистические особенности, в полной мере сформировавшихся к концу V в. до н. э. [Артамонов, 1966, с. 19, рис. 24; с. 30; табл. 78].[9] Можно отметить также, что именно М. И. Артамонов присвоил данному скифскому погребению и кургану имя Ю. А. Кулаковского, раскопавшему этот памятник [Артамонов, 1966, с. 29–30; Артамонов, 1974, с. 76].

Исследуя особенности скифского звериного стиля, Э. В. Яковенко опубликовала рисунки каменного оселка, трех бронзовых наконечников стрел и скипетра, а также фотографии двух бронзовых бляшек свернувшихся хищников. По аналогии со скипетром из кургана 15 у с. Аксютинцы исследовательница датировала рассматриваемое погребение второй половиной VI – рубежом VI-V вв. до н. э. [Яковенко, 1976, с. 130, 132–133, рис. 5–7].

Интересно отметить также, что первоначально хищник на большой бляхе Кулаковского был определен А. А. Спициным как свернувшийся лев [Спицин, 1918, с. 180]. А. И. Мелюкова видела в хищнике этой бляхи образ пантеры, характер-

[9] В описании таблицы 78 ошибочно указаны размеры и шифр хранения малой бронзовой бляхи [Артамонов, 1966, с. 106].

ного для скифского звериного стиля V в. до н. э. [Мелюкова, 1989, с. 102]. Однако большинство исследователей, вслед за М. И. Артамоновым [Артамонов, 1966, с. 30], определяют свернувшего хищника как волкоподобного зверя.

Наконец, в последние годы 20 века была опубликована статья С. Г. Колтухова, полностью посвященная исследованию материалов кургана Кулаковского. Исследователем было установлено точное место расположения кургана на местности и подробно рассмотрен обряд захоронения. Детальный анализ находок с привлечением широкого круга аналогий позволили автору определить культурно-социальный статус погребенного как скифского воинского начальника и датировать погребение второй четвертью V в. до н. э. [Колтухов, 1998, с. 17–22].

Таким образом, благодаря исследованиям нескольких поколений специалистов материалы скифского погребения из кургана Кулаковского были введены в научный оборот и получили достаточно полное описание.

Однако накопленные к настоящему времени новые данные о скифских памятниках Северного Причерноморья, а также возможность использовать материалы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, позволяют предложить более детальное описание находок из кургана Кулаковского.

Открытая Ю. А. Кулаковским третья могила располагалась в центре курганной насыпи выше материка. Грунтовое погребальное сооружение было перекрыто деревом, однако ни форма могилы, ни характер перекрытия исследователем не описаны. Впрочем, есть основания для предположения о том, что это была грунтовая яма. После разрушения перекрытия, могила заполнилась камнями, первоначально лежавших на перекрытии. Подобную ситуацию исследователи неоднократно наблюдали в скифских погребениях Степного и Предгорного Крыма. Костяк человека лежал вытянуто на спине головой на восток. У правой руки были найдены две бронзовые бляхи в виде свернувшихся хищников (рис. 4: *1–2*). Там же находился бронзовый скипетр (рис. 4: *3*), рукоять которого, очевидно деревянная, не была прослежена, поэтому первоначально, он был охарактеризован как бронзовый псалий [ОАК-1895, с. 118]. У левой руки, скорее всего, на уровне таза находился каменный оселок (рис. 4: *5*). С левой стороны лежали железный меч (рис. 4: *6*) в ножнах и обломки железного наконечника копья (рис. 4: *7*). У колена левой ноги были найдены бронзовые (рис. 4: *4*) и круглые костяные наконечники стрел, которые, вероятно, лежали здесь в несохранившемся горите или колчане.

К сожалению, лишь часть найденных предметов этого погребения поступила на хранение в Эрмитаж (шифр Кр 1895 10/1-8).

Первая наиболее крупная бронзовая бляха представляет собой ажурное изделие размером 10,5 х 9,7 см с петлей на оборотной стороне (рис. 4: *1*). Изображение хищника свернувшегося кольцом, нередкое в евразийских степях, находит близкие аналогии в Степном Причерноморье, в изделиях, принадлежащих местным и греческим мастерам [Колтухов, 1998, с. 20]. Пасть волчьего хищника оформлена в виде бутона лотоса. Ухо отделено от круглого глаза ободком, в нижней части шеи между головой и плечом рельефная полоса жемчужника. Короткий рубчатый хвост, смыкающийся с пастью, завершен головкой птицы. Лапы заканчиваются строенными точками и когтями. На лопатке размещено миниатюрное изображение лежащего горного козла[10], а под ним на передней лапе ближе к центру композиции — головка лося. При этом когтистая оконечность задней лапы основного изображения примыкает к затылку лося, образуя его рога. Кроме того, на тазе хищника размещена головка грифа.

По мнению Е. В. Переводчиковой на этой бляхе отражен некий абстрактный «хищник вообще», сочетающий в себе голову волка и заднюю часть кошачьего животного с длинным хвостом [Переводчикова, 1994, с. 45].

От прочих изделий этого круга бляха отличается изображением фаллоса, что не характерно для скифского звериного стиля[11].

Технология производства этой бляхи с использованием сложной техники литья по утрачиваемым, вероятно восковым, моделям обстоятельно рассмотрена в работе Р. С. Минасяна. При этом исследователь впервые опубликовал фотографию оборотной стороны этого украшения [Минасян, 1990, с. 69–70, рис. 2, 1]. Кроме того, в этой же технике по наблюдению Р. С. Минасяна была изготовлена и близкая по форме и сюжету бронзовая бляха из погребения 6/1 у с. Ковалевка в Нижнем Побужье [Минасян, 1990, с. 69]. В этом погребении были найдены две бронзовые бляхи различной сохранности с аналогичным изобра-

[10] Э. В. Яковенко трактует это изображение как фигуру коня [Яковенко, 1976, с. 131].

[11] Э. В. Яковенко, в свое время, указала на античную переработку этого образа [Яковенко, 1976, с. 131].

жением свернувшегося хищника. Обе бляхи исследователи отнесли к предметам конской узды, а само погребение по бронзовым наконечникам стрел и аналогии с бляхой Кулаковского датировали первой половиной V в. до н. э. [Ковпаненко, Бунятян, Гаврилюк, 1978, с. 66–67, рис. 36, 3, 16; Ковпаненко, Бунятян, 1978, с. 136, 139–140, рис. 1, 39].

Прочие, не столь уж редкие в Северном Причерноморье бляхи с таким сюжетом относятся к сходному, но более простому (архаичному?) типу или варианту [Колтухов, 1998, с. 20–21].

Не менее интересна вторая полуовальная бляха размером 3,5 х 3,4 см с изображением свернувшейся пантеры (рис. 4: *2*). Голова хищника с круглым глазом и овальным ухом смыкается с выпрямленными задними лапами, однако передние лапы оригинально вывихнуты и размещены вверху между плечом и головой зверя. На плече присутствует дополнительный декор в виде головы лося. Передняя лапа зверя воспринимается как рога этого лося. Кроме того, на бедре пантеры имеется волютовидный завиток. Некоторые детали оформления лап хищника, по мнению Э. В. Яковенко, находят аналогии в тагарских древностях [Яковенко, 1976, с. 132].

При этом изображение головы зверя близко изображению на бляхе из Нимфейского кургана № 32, датированного Л. Ф. Силантьевой по предметам конской упряжи первыми тремя четвертями V в. до н. э. [Силантьева, 1959, с. 85–86, рис. 48, 1–2].

К близкому времени относится также бронзовый псалий из Прикубанья, происходящий из четвертого Семибратнего кургана в виде «вывихнутой» фигурки льва [Артамонов, 1966, с. 34, 37, рис. 60–61; Коровина, 1957, с. 186], датированный 460–425 гг. до н. э. [Алексеев, Боковенко, Васильев и др., 2005, с. 190].

Бронзовый чекан-скипетр (рис. 5) представляет собой основание в виде стержня круглого в сечении с втулкой, имеющей утолщенную муфту вокруг отверстия для насада рукоятки. Короткий конец — обушок чекана оформлен в виде копыта животного. Длинный конец стержня вместо лезвия завершается слегка наклонной вниз головкой, вероятно, коня, что придает всему предмету Г-образную форму. Длина чекана 8,6 см, диаметр стержня 0,6–0,8 см. Центр муфты-втулки расположен на расстоянии 3 см от края копыта. Внешний диаметр муфты-втулки 1,3 см, внутренний диаметр отверстия 0,8 см, высота втулки 1,3 см.

Первоначально длинный хищно изогнутый рот головки чекана исследователи связывали с головой орла [Ильинская, 1968, с. 155; Граков, 1971, с. 94; Яковенко, 1976, с. 130, 132, рис. 5, 3; Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 109]. Однако при детальном осмотре, выяснилось, что навершие чекана, вероятно, украшено головкой коня.

Необходимо заметить, что такой стиль украшений был распространен на костяных псалиях раннескифского времени [Ильинская, 1968, с. 107]. В то же время, о металлических предметах, выполненных в этом же стиле, известно гораздо меньше. В своей сводке А. И. Мелюкова приводит шесть бронзовых топориков-скипетров, выполненных в зверином стиле [Мелюкова, 1964, с. 68, табл. 21, 24–29]. Из них лишь один топорик из курганов Роменской группы украшен головкой коня и копытом [Мелюкова, 1964, табл. 21, 25]. Кроме того, известен бронзовый двухпетельчатый псалий из кургана Шумейко [Ильинская, 1968, с. 45, 108, рис. 24] второй половины VI в. до н. э., который также украшен на концах головкой коня и копытом [Могилов, 2008а, с. 33, 279, рис. 64, 16]. При этом важно отметить, что по наблюдению В. А. Киселя «сам образ копыта мог выступать символом принадлежности к племенной элите кочевников» [Кисель, 2013, с. 60].

Таким образом, рассматриваемый чекан-скипетр безусловно входит в круг скифских предметов, оформленных в зверином стиле. Небольшие размеры этого чекана позволяют соотнести его с бронзовыми миниатюрными топориками-скипетрами Лесостепного региона, которые В. А. Ильинская связывает с символами воинской власти [Ильинская, 1968, с. 156].

Железный меч[12] (рис. 6: *3*) сохранился в виде отдельных мелких обломков, которые позволяют однозначно определить однолезвийную форму клинка, а также место сужающегося перехода от клинка к более узкой основе рукоятки. Кроме того, на рукоятке сохранился фрагмент железного штыря-заклепки, которым насквозь крепилась двусторонняя накладка. На месте этой накладки ближе к концу рукоятки сохранился беловатый налет.

Реставратором Эрмитажа Н. А. Васильевой было установлено, что этот налет на рукоятке

[12] По мнению С. Г. Колтухова, это обломки сабли из погребения позднего кочевника, которое располагалось выше скифского погребения. Фрагменты же скифского меча находятся там же, где и положено — среди обломков меча и копья, происходящих из скифского погребения.

образовался в результате выхода соли (высола) из продольных волокон деревянной накладки, которая не сохранилась. Кроме того, микроскопические остатки дерева от этой накладки, замещенные железной коррозией, прослеживаются на нижнем крае рукоятки[13].

По определению А. Ю. Алексеева рассматриваемые железные фрагменты, вероятно, принадлежат однолезвийному мечу. Прямая спинка меча в разрезе имеет треугольную форму. Клинок сужается к кончику острия. На рукоятке с обеих сторон были деревянные накладки, которые крепились не менее чем тремя сквозными железными заклепками. Длина реконструируемого меча — 64 см, ширина клинка — 4 см, ширина плоской спинки — 1,5 см, длина и ширина рукоятки соответственно — 9,6 и 3,2 см, диаметр сквозных отверстий на рукоятке не менее 0,9 см.

Появление однолезвийных «гальштатских» мечей в Карпато-Подунавье С. А. Скорый отмечает еще в первой половине VI в. до н. э. [Скорый, 1983, с. 5]. Кроме того, однолезвийное рубящее оружие в раннескифское время было известно также и на Кавказе [Редина, 1999, с. 226].

К железным обломкам наконечника копья (рис. 6: *4*) однозначно относится лишь один фрагмент. Остальные обломки (17 экз.) могут относиться как к копью, так и к железному мечу (шифр Кр 1895 10/8). Однако реставраторы Эрмитажа создали реконструкцию этого наконечника, который аналогичен наконечнику копья из кургана № 7 у с. Аксютинцы VI в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 39, табл. 13, 2, тип I,3,1].

Бронзовые наконечники стрел представлены всего тремя экземплярами (рис. 6: *1*). Данные наконечники относятся к трехлопастным базисным стрелам с треугольной формой головки и сводчатыми ложками. По классификации А. И. Мелюковой такие стрелы относятся к типу II,5,*2* второй хронологической группы, датируемой второй половиной VI – первой половиной V до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 17, 28, рис. 1]. Однотипные близкие по размерам наконечники известны: 1) Рис. 6: *1,1* — Березань, СЗ район, участок Б, в слое на вымостке улицы с материалами последней четверти VI в. до н. э. (Бер. 87–172)[14]; Бобовича 3/2 1985 г. последней четверти VI – первой четверти V в. до н. э.[15]; 2) Рис. 6: *1,2* — Суворово 9/1 последней четверти VI – первой четверти V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 177, рис. 17, 13, 19]; 3) Рис. 6: *1,3* — Ольвия 1912/1 530–520 гг. до н. э. [Скуднова, 1988, с. 101, кат № 150]; Нимфей, погребение А171 конца VI в. до н. э. [Грач, 1999, с. 247, табл. 94, 5, 6].

В Центральном Крыму близкими особенностями характеризуются аналогичные стрелы из скифского погребения в кургане «Надежда» [Черепанова, 1985, с. 63; Полин, Колтухов, 2014]. Это захоронение, судя по найденной в нем амфоре, можно отнести либо к первой четверти – первой трети V до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 42], либо, что более вероятно, к рубежу VI – V или началу V в. до н. э. [Полин, Колтухов, 2014, с. 319].

Оселок сигаровидной формы (рис. 6: *2*) изготовлен из плотного песчаника серого цвета[16]. Поверхность заполирована. В верхней наиболее широкой части имеет овальную в сечении форму. К нижнему концу круглому в сечении оселок сужается. На расстоянии 0,5 см от края слегка скошенного торца просверлено сквозное отверстие диаметром 0,5 см. Общая длина — 13,8 см, верхний торец — 2,0 х 1,4 см, наиболее широкая часть на расстоянии 2,5 см от верхнего края — 2,3 х 1,7 см, диаметр нижнего края — 1,0 см. Как правило, оселки в скифских погребениях расположены в области пояса погребенного [Колтухов, 2012а, с. 68]. Эти предметы, предназначенные для заточки металлических предметов, появляются в погребениях Крыма еще предскифское время и известны в скифских воинских захоронениях по-

---

[13] Авторы выражают искреннюю благодарность реставратору ЛНРПИОМ (Лаборатория научной реставрации памятников прикладного искусства из органических материалов) ГЭ Н. А. Васильевой за проведенное ею трудоемкое и всестороннее исследование данного предмета.

[14] Материал готовится к публикации. Авторы выражают искреннюю благодарность хранителю Государственного Эрмитажа С. Л. Соловьеву за возможность использовать неопубликованные материалы.

[15] Материал готовится к публикации.

[16] По определению канд. геолог. наук Д. Л. Конопелько и ст. преподавателя И. А. Клишевич (Кафедра Региональной геологии Геологического ф-та СПбГУ) оселок из кургана Кулаковского «изготовлен из среднезернистых кварцевых песчаников Таврической серии верхнетриасового-нижнеюрского возраста. Отложения Таврической серии распространены в центральной части Крыма от Бахчисарая до Феодосии. Многочисленные гальки песчаников Таврической серии можно наблюдать в аллювии р. Альма». Авторы выражают искреннюю благодарность Д. Л. Конопелько и И. А. Клишевич за определение данного предмета.

следних десятилетий VI – V вв. до н. э. [Колтухов, 2012а, с. 79, 137, рис. 28, 31–35; Колтухов, 2012б, с. 129, 263, рис. 103, 1–4].

Таким образом, анализ погребального инвентаря дает основание отнести комплекс скифского погребения в кургане Кулаковского к последней трети / четверти VI – началу V в. до н. э. Судя по набору вещей, это небогатое, но явно не рядовое захоронение, принадлежало, вероятно, скифскому военачальнику.

Погребения в курганах над долиной Западного Булганака

Раскопки курганов над долиной Западного Булгнака впервые проводились еще в конце XIX века, а затем были продолжены экспедицией КОАЭ под руководством А. А. Щепинского в 1970 г.

Курган у с. Кояш. В 1890 г. Н. Ф. Романченко предпринял раскопки кургана расположенного в 18 верстах от Симферополя [Романченко, 1891, с. 62], в полуверсте от экономии Ф. Ф. Шнейдера под названием Кояш или Кангил-Кринички над долиной р. Западный Булганак и в 2,5 верстах, (к востоку?) от селения Булганак-Кроненталь (совр. с. Кольчугино). Судя по этим указаниям, курган находился на возвышенности с северной стороны речной долины в районе современного с. Лекарственное (рис. 1: *4*).

Диаметр кургана 26 сажен (54,6 м), высота не указана, однако отмечено, что он может быть отнесен к группе больших курганов. Судя по описанию методики раскопок, высота насыпи превышала 6 аршин (4,2 м). Со слов местных жителей было известно, что предшествующий Шнейдеру владелец имения разрывал его вершину с целью поиска клада. Романченко раскапывал курган траншеей шириной 8 аршин (16,8 м), ориентированной с северо-востока на юго-запад.

В центральной части насыпи кургана близ большой каменной плиты было найдено, по меньшей мере, 2 конских костяка и остатки не менее чем пяти полностью разрушенных человеческих скелетов. Под плитой обнаружено захоронение женщины в деревянном дощатом гробу, сопровождавшееся кремневой стрелкой (?), что само по себе вызывает сомнения в строгости описания погребения.

В центральной части кургана обнаружен еще один женский костяк, лежавший в вытянутом положении на спине головой на запад. Здесь найдена круглая бронзовая серьга с высокой дужкой и маленьким крючком на конце, типичная для средневековья и несколько обломков крупной черепицы. Скорее всего, погребения, описанные выше, также относились к средневековому времени.

10. *Среди многочисленных целых и разрушенных* костяков, обнаруженных в раскопочной траншее [Романченко, 1891, с. 64–74], для нас представляют интерес найденные в ее восточной части четыре разрозненных (?) человеческих черепа. Около каждого из них было зафиксировано по одному бронзовому наконечнику стрел, что позволяет датировать эти останки скифским временем.

Судя по описанию останков можно лишь предположить, что здесь было обнаружено ритуальное захоронение отдельных черепов. При этом нужно отметить, что перезахоронения костей при чистке гробниц коллективных погребений перед новыми захоронениями известны как в Предгорном, так и в Северо-Западном Крыму, однако здесь можно предполагать иной ритуал.

Из числа наконечников стрел в коллекции Эрмитажа хранятся лишь два экземпляра. Первый трехлопастной наконечник (рис. 7: *1*) имеет головку треугольной формы и выступающую втулку. Лопасти образуют небольшие жальца. Ложок сводчатой формы. Длина наконечника 31,2 мм, ширина головки 9,7 мм, ширина втулки 5,2 мм, длина бойка 4,7 мм. Стрела близка типу II,4,*2* по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 28, рис. 1]. Однотипные близкие по размерам стрелы найдены: 1) Ольвия 1911/52 третьей четверти VI в. до н. э.[17]; 2) Черноземное 1/3 второй половины V в. до н. э. [Колтухов, 2012а, с. 133, рис. 24, 17, 5].

Второй трехгранный базисный наконечник (рис. 7: *2*) имеет головку треугольной формы. Лопасти опускаются ниже основания головки, образуя жальца. Стрела относится к типу III,9,*2* [Мелюкова, 1964, с. 28, рис. 1]. Близкий по форме и размерам наконечник найден в погребении Ленино 10/1, который датируется IV в. до н. э. [Яковенко, Черненко, Корпусова, 1970, с. 152, рис. 8, 15, 11].

Возможно, один из наконечников относился к погребению второй половины VI – второй половины V в. до н. э., а другой — к погребению IV в. до н. э., хотя, учитывая ритуальный характер захоронения черепов, захоронение их следует отнести к IV в. до н. э.

---

[17] Авторы выражают искреннюю благодарность хранителю Эрмитажа Ю. И. Ильиной за датировку этого погребения и помощь в работе с материалами Ольвии.

Курганы у с. Кольчугино. Из заметки опубликованной А. А. Щепинским в АО-70 [1971, с. 232] было известно, что Крымская охранно-археологическая экспедиция в 1970 г. вела раскопки курганов в Предгорном Крыму у с. Кольчугино Симферопольского района (рис. 1: *5*). При этом были обнаружены погребения в вытянутом положении на спине, сопровождавшиеся лепной керамикой с геометрическим орнаментом, характерным для кизил-кобинской культуры. В отчетных материалах результаты этих раскопок не представлены, однако в краткой форме, сведения о трех могилах сохранились в личной картотеке В. А. Колотухина.

При сопоставлении плана курганной группы с картой масштаба 1:25 000, изданной в 1959 г. (т. е. до проведения раскопок), оптимальным местом для локализации курганов, исследованных А. А. Щепинским, можно считать курганную группу из четырех насыпей высотой 1–2 м. Эти курганы расположены в 1 км к северо-западу-западу от главного въезда в с. Кольчугино (рис. 7: *3–4*). С северной стороны шоссе расположен 1 курган, с южной стороны зафиксированы 3 кургана, расстояния и азимуты вполне соответствуют глазомерному плану, составленному исследователями в ходе раскопок. Отличается лишь ориентация оси шоссейной дороги, однако, других курганных групп, до такой степени отвечающих полевому плану, в районе с. Кольчугино нет, поэтому предполагаем, что при нанесении шоссе на план была допущена ошибка. Таким образом, судя по плану (рис. 5: *3*), группа из 4 курганов располагались над правым берегом р. Западный Булганак, у шоссе Симферополь-Николаевка.

Курган 1 имел диаметр 24 м, высоту 1,8 м, в нем обнаружено 7 погребений, основное относилось к эпохе бронзы. Диаметр кургана 2 составлял 22 м, высота 1,55 м. Сведений о количестве и хронологии обнаруженных в нем погребений нет, однако в картотеке В. А. Колотухина присутствуют данные об одном погребении скифского времени. Диаметр кургана 3 составлял 20 м, высота 1,65 м. Диаметр кургана 4 не превышал 6 м, высота достигала 0,7 м. В картотеке В. А. Колотухина обнаружен план погребения 4, относящегося к скифскому времени. Но на эту же карточку наклеена фотокопия плана кургана диаметром 21 м, высотой около 1,5 м, вероятно, это курган 3. Погребение 4 являлось в нем впускным, остальные 7 захоронений относились как к эпохе бронзы, так и к более позднему времени.

Общее количество погребений скифского времени, исследованных в этих курганах, остается неизвестным. В нашем же распоряжении есть сведения о трех захоронениях. Эти сведения хотя и не полные, но вполне достаточные для характеристики их погребального обряда.

11. *Курган 1 погребение 1,* впускное (?). Находилось в насыпи в центральной части кургана (рис. 8: *1*), разрушено в ходе проведения раскопок. Контур погребального сооружения не прослежен, положение костяка реконструировано как вытянутое на спине головой на запад. В погребении обнаружены фрагменты лепного черноглиняного сосуда с примесью толченой ракушки в тесте, а так же фрагменты железного меча и бронзовые трехгранные наконечники стрел. В ЦМТ из остатков коллекции А. А. Щепинского, к сожалению, сохранился лишь частично реставрированный лепной сосуд из этого погребения (рис. 9: *1*).

Сосуд может быть отнесен к категории кувшинов кизил-кобинской культуры. У него слегка сплюснутое подбиконической формы тулово, плавно переходящее в сравнительно узкое горло. Высокий венчик плавно отогнут наружу. Дно плоское. Сосуд имеет две симметричные петлевидные ручки, округлые в сечении, которые крепятся к краю венчика и плечу. Поверхность чернолощеная. На плече и тулове расположен орнаментальный фриз, состоящий из двух идущих друг над другом рядов заштрихованных треугольников. Орнамент нанесен трезубым штампом. Над фризом на плече сосуда находится прерывистый поясок насечек, выполненный этим же орнаментиром. Высота кувшина 18 см, диаметр венчика 13 см, диаметр горла 10,5 см, диаметр тулова 17,5–18,5 см, диаметр дна 8 см. Данный сосуд по своей форме уникален и не имеет точных аналогий в керамическом комплексе кизил-кобинской культуры. В то же время орнамент кувшина относится к раннему типу гребенчатого орнамента варианта Iб [Сенаторов, 2011, с. 355, 359, рис. 1, 2–3, 9].

Керамика с таким орнаментом найдена в закрытых комплексах Нимфея, Херсонеса и Керкинитиды второй половины VI – третьей четверти IV в. до н. э. Однако наибольшее распространение на кизил-кобинской керамике этот тип орнамента варианта 1б получил во второй половине V – первой половине IV в. до н. э. [Сенаторов, 2011, с. 359].

Вместе с тем, железный меч, найденный в этом погребении, является характерным атрибутом рядовых воинских захоронений Крыма V в. до н. э. Исходя из имеющихся данных, рассматриваемое погребение можно датировать второй половиной V в. до н. э.

12. *Курган 2, погребение 1.* Место расположения этого погребения в кургане неясно, учитывая то, что в курганах 1 и 4, планы которых известны, погребения скифского времени были впускными, можно предположить, что и в этом случае, могила не была основной.

Могильная яма прямоугольная с закругленными углами, сужалась к ногам. Ее длина 2,2 м, ширина от 0,8 до 0,6 м, глубина неизвестна. Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на юго-запад-запад (рис. 8: *2*).

Инвентарь характерен для воинских погребений. С правой стороны от локтя к бедру лежал сильно коррозированный фрагмент железного меча (рис. 8: *8*) с разрушающимся дуговидным навершием. Рядом с концом клинка меча у бедренной кости погребенного лежала бронзовая ворворка (рис. 8: *4*). Слева под тазом находился каменный сигаровидный оселок с отверстием для подвешивания (рис. 8: *7*). У левого локтя найдено литое широкое бронзовое кольцо — ворворка (рис. 8: *5*), а у запястья руки лежала бронзовая четырехгранная пирамидальная ворворка (рис. 8: *6*). Слева от бедренной кости у стенки могилы найдено 12 или 27 (?) бронзовых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел с внутренними втулками (рис. 8: *3*).

От железного меча (рис. 8, *8*) сохранилась лишь рукоятка с бабочковидным перекрестием и дуговидным навершием, а также верхняя часть двухлезвийного клинка. Рукоятка меча овальная в сечении. Длина меча, судя по чертежу погребения (рис. 8, 2), не менее 65 см. По классификации А. И. Мелюковой такие мечи относятся ко второму типу мечей с бабочковидным перекрестием второго отдела с простыми антенными навершиями [Мелюкова, 1964, с. 55]. Наличие у рукоятки дуговидного или серповидного навершия позволяет отнести данный меч ко второму варианту данного типа, которого нет в классификации А. И. Мелюковой. В скифских памятниках Крыма однотипные мечи датируются концом VI – концом V в. до н. э. [Колтухов, 2012а, с. 75; Колтухов, 2012б, с. 125].

В картотеке В. А. Колотухина из этого погребения сохранились рисунки лишь четырех бронзовых наконечников стрел трех типов.

К первому типу относится один трехлопастной базисный наконечник (рис. 8: *3/1*) с треугольной формой головки и сводчатым ложком. Длина наконечника 30,1 мм, ширина 10,3 мм, длина бойка 8,3 мм. Наконечник может относиться к типу II,5,*2* по классификации А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 28, рис. 1]. Аналогичный по форме и размерам наконечник известен в погребении 3 кургана в имении Бобовича второй половины VI – первой половины V в. до н. э.[18]

Второй тип наконечников (рис. 8: *3/2–3*) представлен двумя экземплярами базисных стрел с треугольной формой головки и опущенными ниже основания лопастями-жальцами. Ложки наконечников сводчатой формы. Длина головок наконечников 21,6 и 17,7 мм, длина лопастей-жалец 22,3 и 19,4 мм, ширина головки 8,5 и 7,2 мм, длина бойков 7,6 и 4,7 мм. Наконечники могут относиться к типу II,6,1 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 28, рис. 1]. Однотипные близкие по форме наконечники известны: 1) Рис. 8: *3/2*: а) Дальнее 7/1, датируемое IV в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 237, рис. 77, 9, 2]; б) Беш-Оба IV/2 второй четверти IV в. до н. э. [Колтухов, 2007, с. 202, рис. 3, 10, 23]; 2) Рис. 8: *3/3*: а) Херсонес, слой IV – первой трети III в. до н. э.[19]; б) Нимфей (НФ.39.391), участок А, кв. 1В, слой зеленого суглинка второй половины V – IV вв. до н. э.[20]

Третий тип представлен одним трехгранным базисным наконечником (рис. 8: *3/4*) вытянутой треугольной формы типа III,4,3 по А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 28, рис. 1]. Длина наконечника 22,6 мм, ширина в основании головки 8 мм. Однотипные близкие по размерам наконечники найдены: 1) Нимфей (Н.58.356), разбор каменной вымостки у святилища Афродиты в слое конца VI – V вв. до н. э.; 2) Херсонес, слой IV – первой трети III в. до н. э.

Три бронзовые ворворки различной формы, вероятно, связаны с предметами вооружения погребенного.

Первая ворворка (рис. 8: *4*) имеет усеченно-коническую форму со слегка вогнутыми сторонами. Диаметр ее основания 3,4 см, диаметр верха 1,6 см, высота 3,2 см. Судя по месту находки, эта ворворка, вероятно, относится к несохранившимся ножнам меча. Близкая по форме ворворка, связываемая С. Г. Колтуховым с подвеской меча,

[18] Раскопки Н. И. Веселовского в 1895 г. Материал готовится к публикации.

[19] Материалы готовятся к публикации.

[20] Авторы выражают искреннюю благодарность хранителю Эрмитажа О. Ю. Соколовой за помощь в работе с материалами Нимфея.

найдена в погребении Межводное 8/1 второй – третьей четверти V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 78, 263, рис. 103, 8].

Вторая ворворка (рис. 8: *5*) в виде кольца овально-биконической в сечении формы, очевидно, связана с несохранившимся колчаном. Ее диаметр 1,6–1,9 см, высота 1 см. Подобная бронзовая ворворка, найденная в Чигиринском уезде, вероятно, могла относиться и к конской узде [Могилов, 2008а, с. 77, 365, рис. 145, 9].

Наконец, третья ворворка (рис. 8: *6*) имеет четырехгранную усеченно-пирамидальную форму квадратную в основании. Возможно, эта ворворка также относилась к колчану или поясу погребенного. Ее размеры: основание 2,3 х 2,5 см, вершина 1,1 х 1,2 см, высота 2,1 см, диаметр отверстия 0,5 см. Две близкие по форме ворворки, связываемые исследователями с конской уздой, найдены в погребении Старый Мерчик 3/2 [Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 74, 149, рис. 9, 6], датируемый 80-ми годами IV в. до н. э. [Могилов, 2008а, с. 78, 366, рис. 146, 12–13].

Таким образом, судя по датировкам бронзовых наконечников стрел и железного меча, рассматриваемое погребение может датироваться в рамках второй половины – конца V в. до н. э.

13. *Курган 3, погребение 4.* Впускная могила расположена в центральной части кургана (рис. 8: *9*). Тип погребального сооружения, судя по чертежу (рис. 8: 10), может быть определен как подпрямоугольная грунтовая яма с закругленными углами, ориентированная с запада на восток. Ее длина 1,9 м, ширина 0,8 м, продольные стенки, за исключением, небольшого южного участка, наклонены внутрь[21], прослеженная глубина 0,6 м.

Захоронение взрослого человека совершено в вытянутом положении на спине головой на запад. В ногах, справа от костяка стоял лепной орнаментированный сосуд (рис. 9: *2*) кизил-кобинской культуры. Слева от костяка вдоль таза и левой ноги лежал длинный железный меч (рис. 8: *11*). С этой же стороны возле таза и у голени зафиксированы два скопления наконечников стрел. Под нижним скоплением находилось еще несколько предметов, не поддающихся интерпретации на основе имеющихся у нас данных.

Лепной сосуд (рис. 9: 2) относится к категории кувшинов. Наибольшее расширение тулова находится в средней части сосуда, венчик плавно отогнут наружу. Высота 19 см, диаметр венчика 11,5 см, диаметр тулова 17,5 см, диаметр плоского дна 9,5 см. На внешней подлощеной поверхности сосуда бурого цвета имеются многочисленные участки копоти. Орнаментальная композиция сосуда состоит из двух рядов чередующихся треугольников и углов, обращенных вершинами вверх и вниз. В одном месте треугольники образуют «песочные часы». Весь орнаментальный пояс занимает верхнюю и среднюю часть корпуса сосуда. Почти все фигуры выполнены и заштрихованы трезубой гребенкой-штампом. Однако имеются и пустые незаполненные углы. Над всей композицией в основании горла проходит разорванный поясок из насечек, нанесенных тем же трезубым штампом. Данный декор характерен для раннего типа гребенчатого орнамента варианта 1б второй половины V – первой половины IV в. до н. э. [Сенаторов, 2011, с. 359]. При этом можно отметить, что, судя по типу орнамента, данный сосуд близок по времени кувшину из описанного выше погребения 1/1.

Железный меч (рис. 8: *11*) длиной 97 см имеет бабочковидное перекрестие и волютовидное навершие. Меч с таким же оформлением рукоятки, но более короткий, найден в погребении Рылеевка 2/2 V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 126, 261, рис. 101, 3].

Судя по мечу и лепному сосуду, погребение можно датировать второй половиной – концом V в. до н. э.

Таким образом, среди 35 курганов, полностью или частично исследованных между Западным Булганаком и Качей, нет ни одного, в котором основное погребение можно было бы отнести к раннему железному веку, все они относились к эпохе бронзы. В ходе раскопок в курганах, расположенных на пологих западных склонах куэст между долиной Западного Булганака и Качей, исследовано 13 впускных погребений скифского времени. Вполне вероятно, что подобные же погребения будут обнаружены в междуречье Качи и Бельбека. Однако на площади к югу от Бельбека и западнее полотна железной дороги вплоть до Севастопольской бухты количество известных курганов резко сокращается [Смекалова, 2010, с. 156, рис. 111]. Лишь на Северной стороне Севастополя в 1,5 км северо-восточнее Братского кладбища 1854–1855 гг. Н. М. Печенкиным в на-

[21] Реконструкция могилы в виде подбоя, вызывает сомнения, она более похожа на грунтовую могилу с неодинаковым наклоном стен, такой тип погребальных сооружений широко распространен в Крыму в скифское время.

чале XX века был открыт курганный некрополь. В одном из его курганов оказалось одно основное погребение, вероятно, эпохи бронзы и 6 впускных римского времени [Печенкин, 1905, с. 34–35; Николаенко, 1999, с. 17; Кравченко, 2011, с. 238].

Далее к югу курганы появляются вновь только на Гераклейском полуострове. Однако и здесь погребения в них относятся либо к эпохе бронзы, либо связаны с населением античного Херсонеса и поселений его хоры [Николаенко, 2001, с. 148–157, прил. 1][22]. Скифских захоронений среди них пока не найдено. Тем не менее, нельзя исключать того, что вдоль узкой полоски прибрежной лесостепи в направлении Гераклейского полуострова, проходил маршрут связывавший Скифию с Херсонесом Таврическим, который мог и не маркироваться подкурганными захоронениями.

Рассмотренные выше материалы позволяют выделить три хронологические группы скифских погребений Юго-Западного Крыма (табл. 1).

К первой группе относятся два погребения (кат. № 5; 9) конца VI – первой половины V в. до н. э. Во вторую группу входят пять погребений (кат. № 6; 10,*1*; 11–13) второй половины – конца V в. до н. э. Третья группа включает в себя два погребения (кат. № 1; 4) первых трех четвертей IV в. до н. э. и еще три погребения (кат. № 2-3; 10,*2*) с широкой датой в пределах IV в. до н. э.

Кроме того, еще два без инвентарных погребения (кат. № 7–8) можно отнести к скифскому времени.

Материальная культура погребений Юго-Западного Крыма почти не отличается от скифских захоронений Северо-Западного и Центрального Крыма. При этом, судя по скромному погребальному инвентарю, большинство погребений, видимо, принадлежало рядовому сравнительно бедному населению. Особняком стоит лишь «Курган Кулаковского» с ярким материалом, характерным для Степной Скифии. Вероятно, в этом кургане был погребен военачальник, о чем свидетельствует находка здесь чекана-секиры.

При этом находки лепной орнаментированной керамики кизил-кобинской культуры, найденная в описанных погребениях V в. до н. э., существенно расширяют западный ареал ее распространения в скифских захоронениях группы «КК» по В. С. Ольховскому [Ольховский, 1991, с. 80 и сл.; Колтухов, 2012б, с. 124, 134–135]. На сегодняшний день этот ареал включает в себя весь Северо-Западный Крым, а также западную часть предгорий до района современного Симферополя.

Вместе с тем, отличительной особенностью данных погребений является отсутствие среди них захоронений в каменных гробницах. Это наблюдение служит аргументом в пользу скифской этнокультурной характеристики кочевого населения, поскольку местные таврские племена Горного и Предгорного Крыма традиционно использовали погребения именно в каменных ящиках [см. библиографию: Бондаренко, 2010, с. 18–20].

Интересно отметить также, что среди известных нам погребений нет «коллективных»

---

[22] На Гераклейском полуострове известны сведения о погребениях кизил-кобинской культуры в курганах балок Бермана и Верхне-Юхариной.

Однако первоначальная информация о наличии кизил-кобинского погребения в кургане балки Бермана, опубликованная по отчетным и устным данным автора раскопок С. Н. Сенаторова [Николаенко, 1987, с. 381–382] оказалась ошибочной. В начале раскопок в этом кургане были открыты погребения кеми-обинской и срубной культур. Впускной каменный ящик в центре кургана раскапывался позднее. Однако находки в верхнем слое насыпи кургана фрагментов кружальной керамики эллинистического времени и обломка греческого антропоморфного надгробия позволили автору раскопок сделать предположение о возможной принадлежности данного ящика к кизил-кобинской культуре. При дальнейших раскопках это предположение не подтвердилось.

Интересна информация об основном погребении в каменном ящике кургана 3 (группа II) Верхне-Юхариной балки [Савеля, 1994, с. 236–237]. «Среди инвентаря и в курганной насыпи» этого погребения была найдена кизил-кобинская, в том числе орнаментированная керамика, которую Э. А. Кравченко относит к горизонту УБ-V второй половины VIII – начала VII в. до н. э. [Кравченко, 2011, с. 71, 102, 253–254, Каталог № 55; с. 199, рис. 142, b, 1–9; с. 235, рис. 195]. К сожалению, в публикации материалов этого погребения не указано конкретное место находок керамики. Осталась также без комментария датировка более позднего впускного в этот курган погребения, которое О. Я. Савеля относит к концу II – началу I тысячелетия до н. э. [Савеля, 1994, с. 237]. Кроме того, опубликованная орнаментированная керамика данного кургана может относиться к первому этапу кизил-кобинской культуры XII – IX вв. до н. э. [Сенаторов, 2002, с. 14–16].

Таким образом, отношение находок бесспорно кизил-кобинской керамики к основному подкурганному погребению в Верхне-Юхариной балке требует дополнительного уточнения.

захоронений IV – II вв. до н. э. В то же время в остальной части Предгорного Крыма они распространены достаточно широко. Данную ситуацию можно объяснить сравнительно небольшим количеством раскопанных скифских памятников Юго-Западного Крыма. Однако не исключено, что объяснения этому явлению лежат в области взаимоотношений скифов с таврами и Херсонесом.

Abstract

S. G. Koltukhov, S. N. Senatorov

SCYTHIAN BURIALS IN BARROWS OF THE SOUTHWEST CRIMEA

Article is devoted to the publication of 14 Scythian burials from barrows of the southwest Crimea. Their field researches began in the ninetieth of the XIX century proceeded in the XX century and this century. According to the characteristics of burial a little differ from synchronous in it funeral complexes of the foothill Crimea. In certain cases, direct analogies to burials from the northwest Crimea are noticeable. In this plan burials with the ornamented ceramics and the weapon already known both in the foothills, and on the Tarkhankut height are interesting. Perhaps, feature of the southwest region is lack of burials in stone tombs, so characteristic for the foothills, and also east and northwest part of the Crimean peninsula.

Key words: southwest Crimea, Scythian burials, territorial features of the region.

Цветной рис. 1 расположен на стр. 585.

(Рис. 1. Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма.
1 — курганы у Вилино; 2 — курган у Кочергино; 3 — курганы у Долинного;
4 — курган у селения Кояш; 5 — курганы у с. Кольчугино)

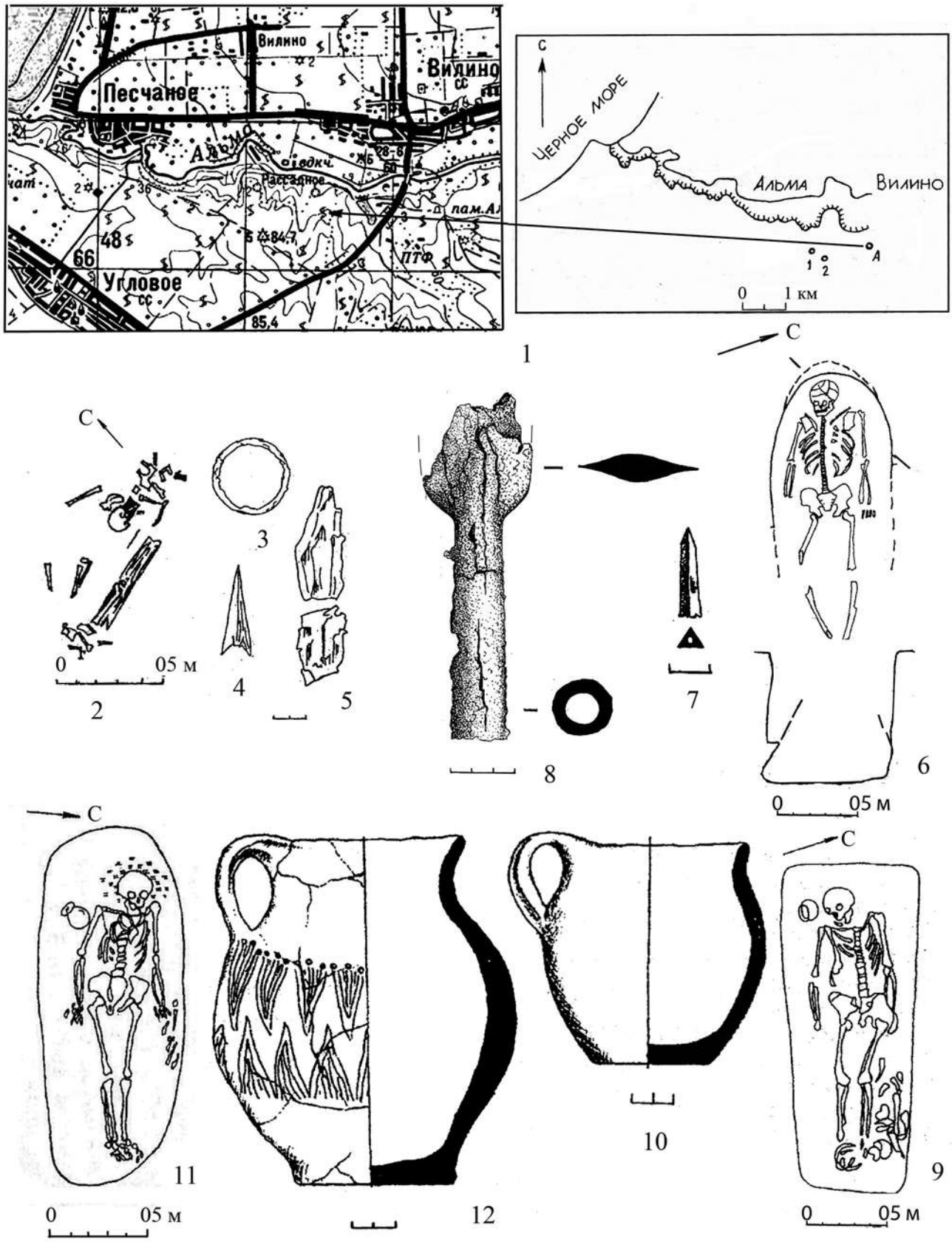
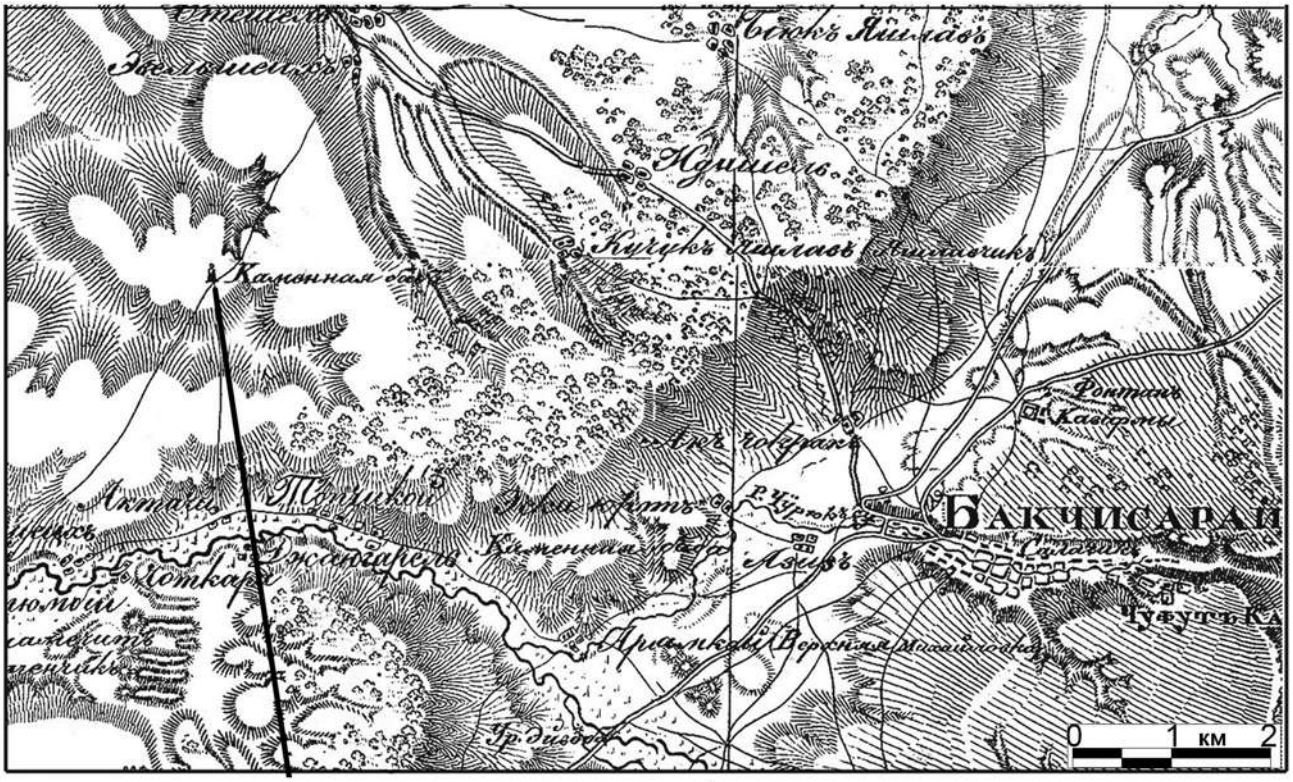
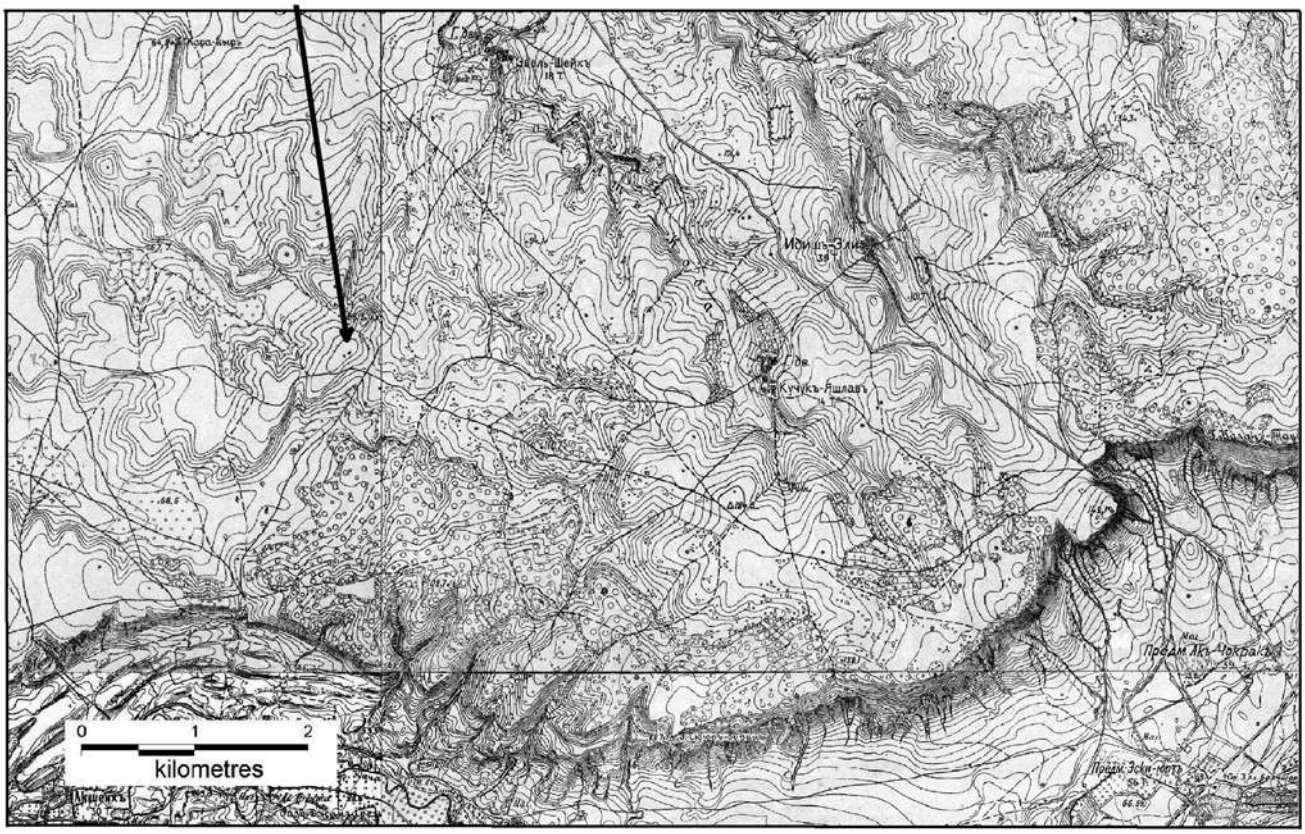


Рис. 2. Альминские курганы.
1 — местоположение курганов у с. Вилино; 2–4 — погребение 1, курган 1983 г.;
6 — погребение 6, курган 1983 г.; 7–8 — находки близ кургана 1983 г.; 9–10 — погребение 3, курган 2 1986 г.;
11–12 — погребение 6, курган 2 1986 г.



1



2

Рис. 3. Курганы в междуречье Альмы и Качи.
1 — расположение «Кургана Кулаковского» на карте Кеппена и верстовой карте конца XIX в. М 1:42 000;
2–4 — погребение в кургане у с. Кочергино

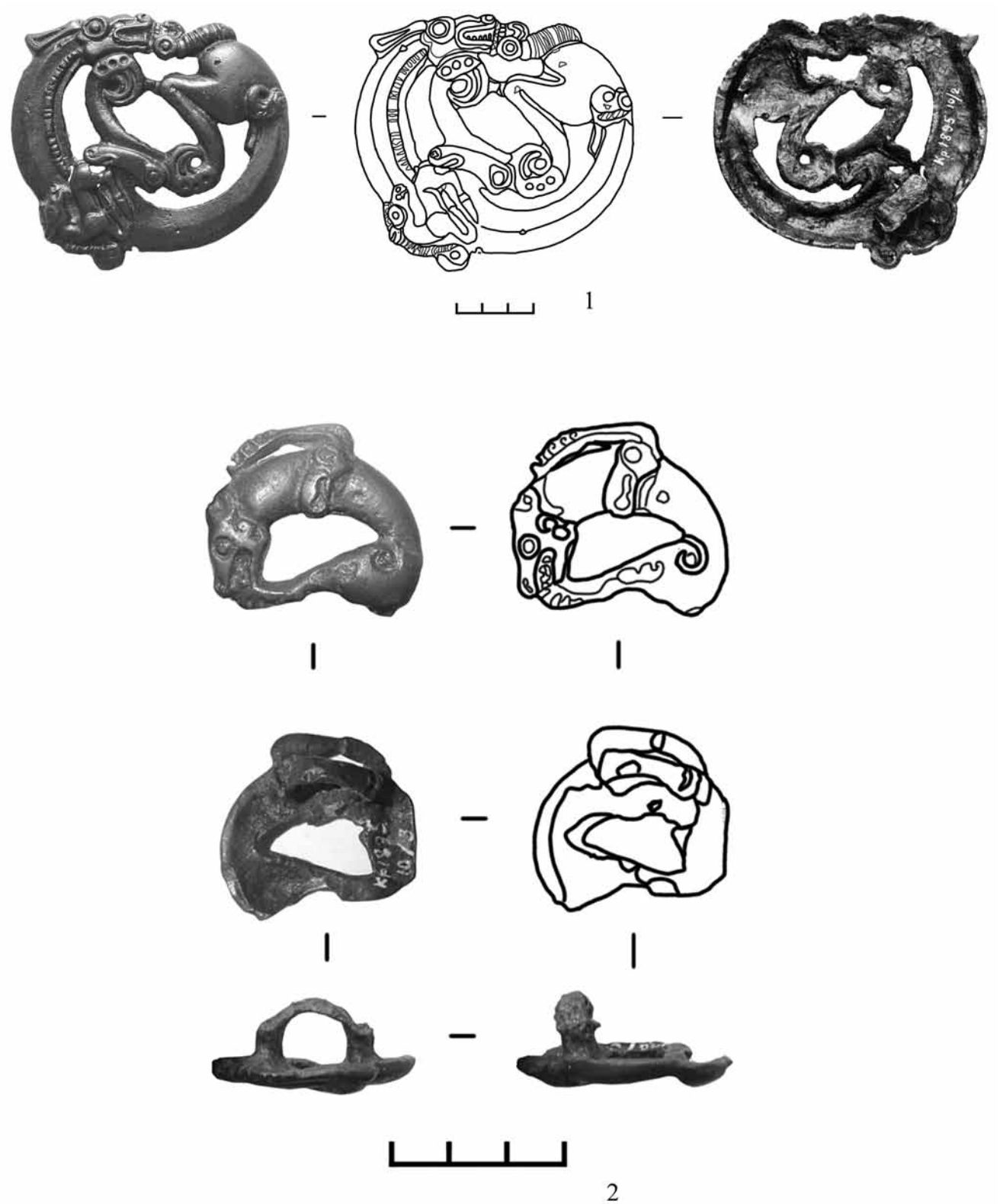


Рис. 4. Находки из погребения 3 в кургане Кулаковского.
1–2 — бронзовые бляхи в зверином стиле

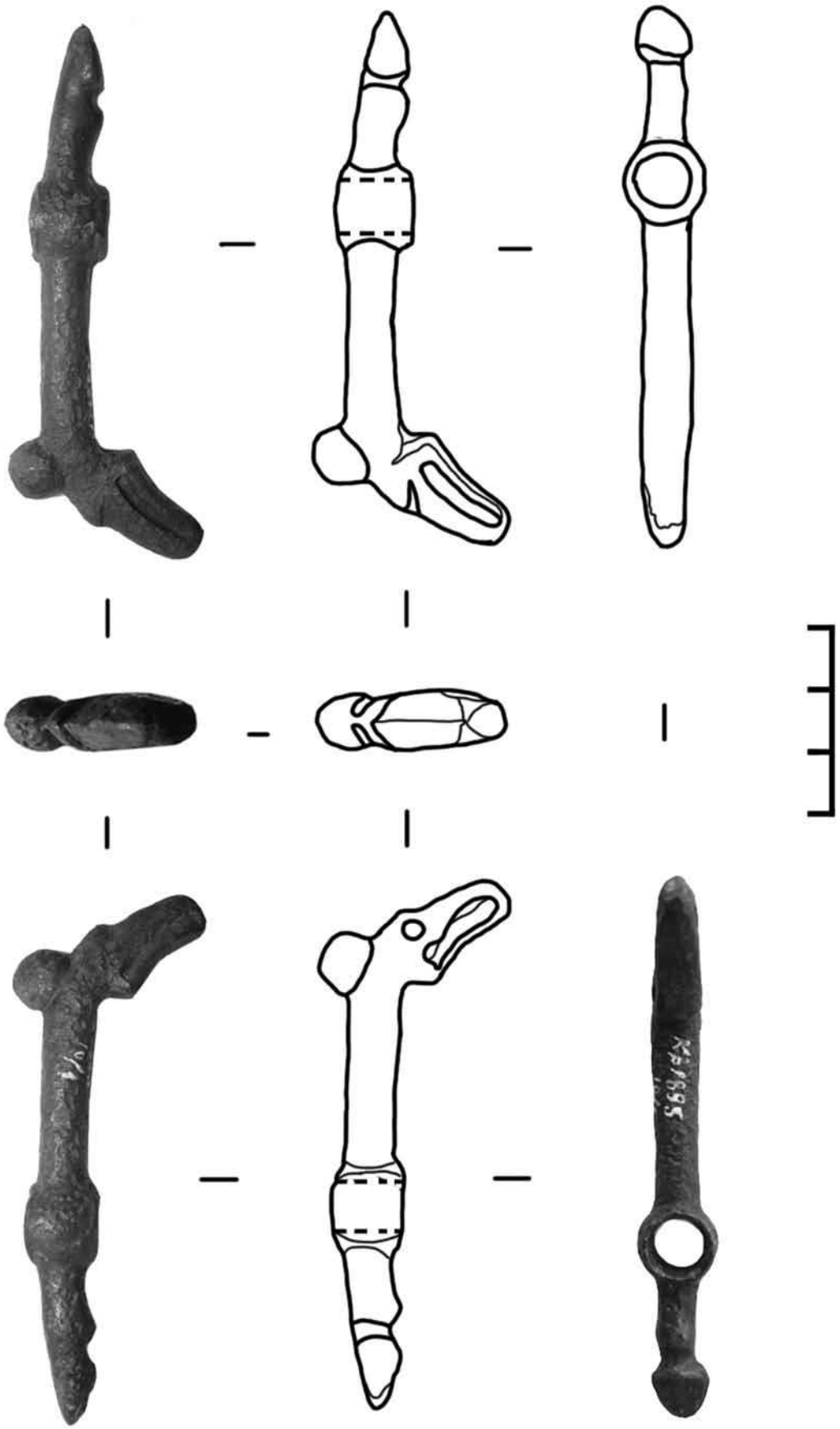


Рис. 5. Бронзовый чекан-скипетр из погребения 3 в кургане Кулаковского

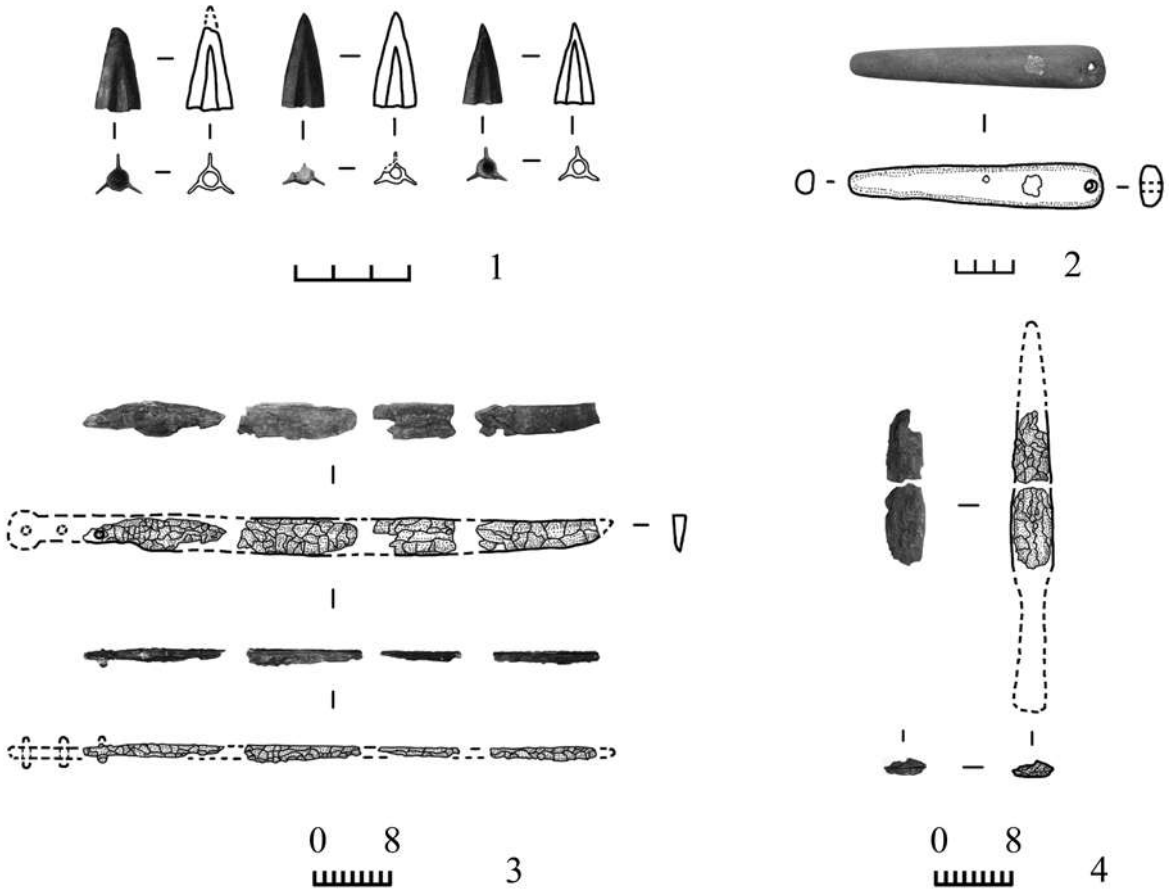
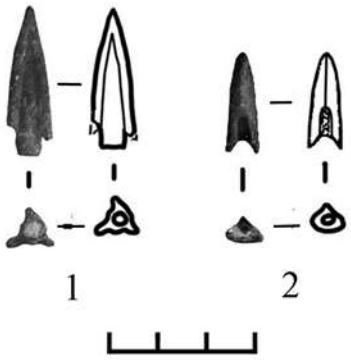
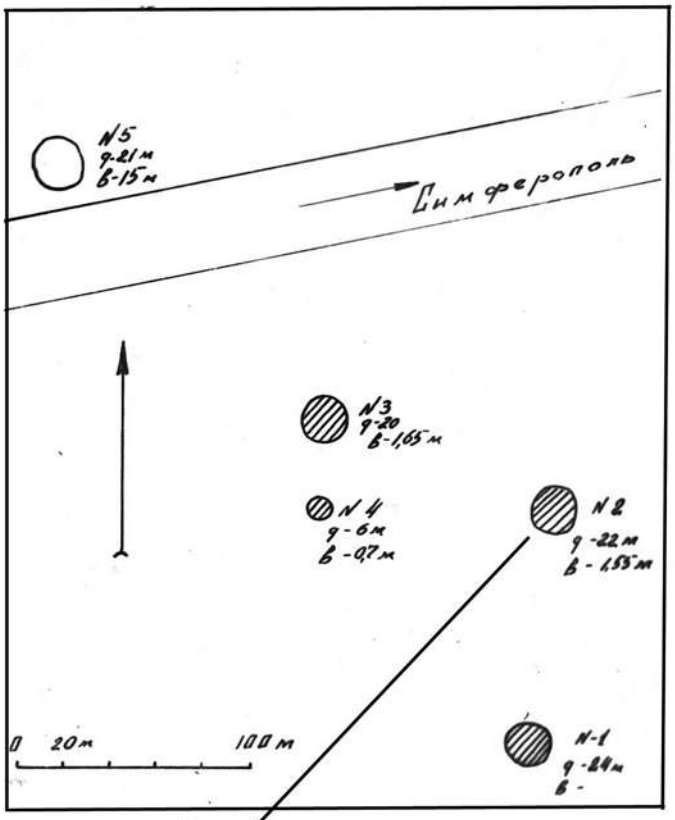


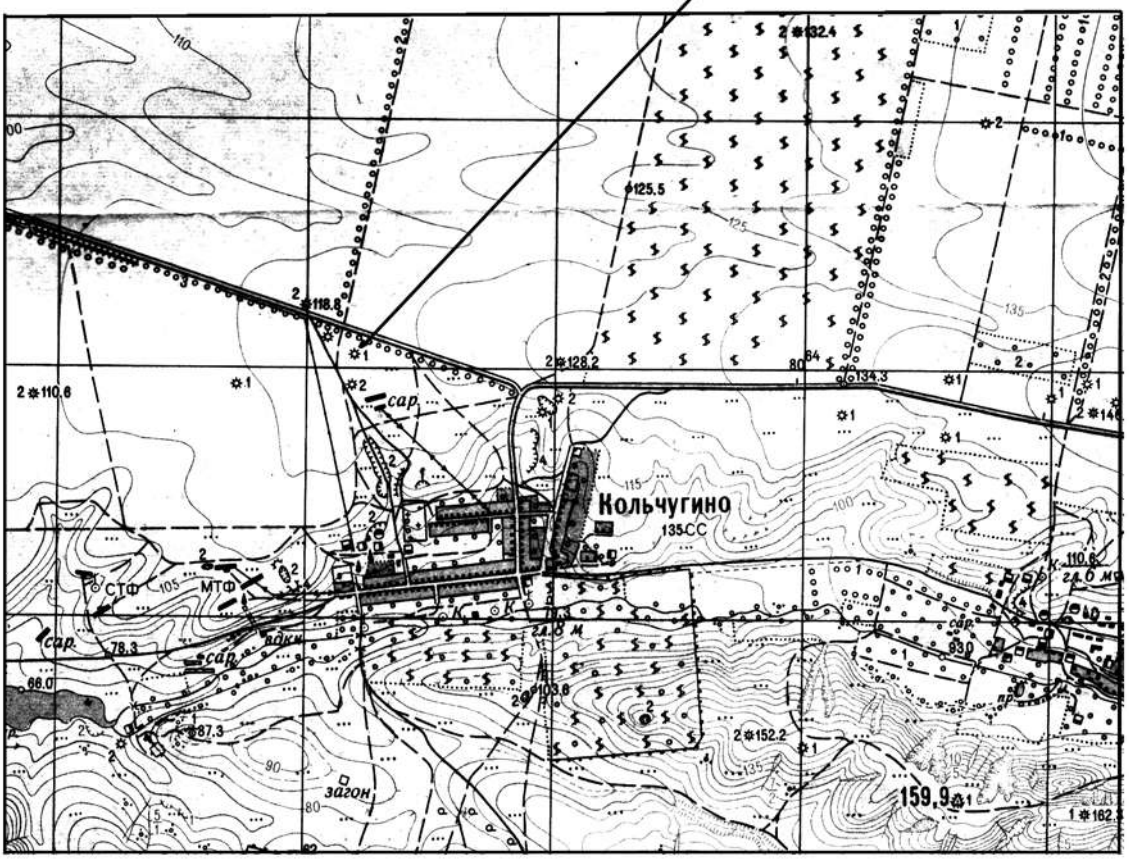
Рис. 6. Находки из погребения 3 в кургане Кулаковского.
1 — бронзовые наконечники стрел;
2 — оселок из песчаника;
3 — фрагменты железного меча;
4 — фрагменты железного наконечника копья



1 2



3



4

Рис. 7. Курганы на Западном Булганаке.
1–2 — наконечники стрел из кургана у с. Кояш;
3 — план расположения курганов исследованных в 1970 г. у с. Кольчугино;
4 — вероятная локализация курганов 1970 г. у с. Кольчугино на карте М 1:25 000

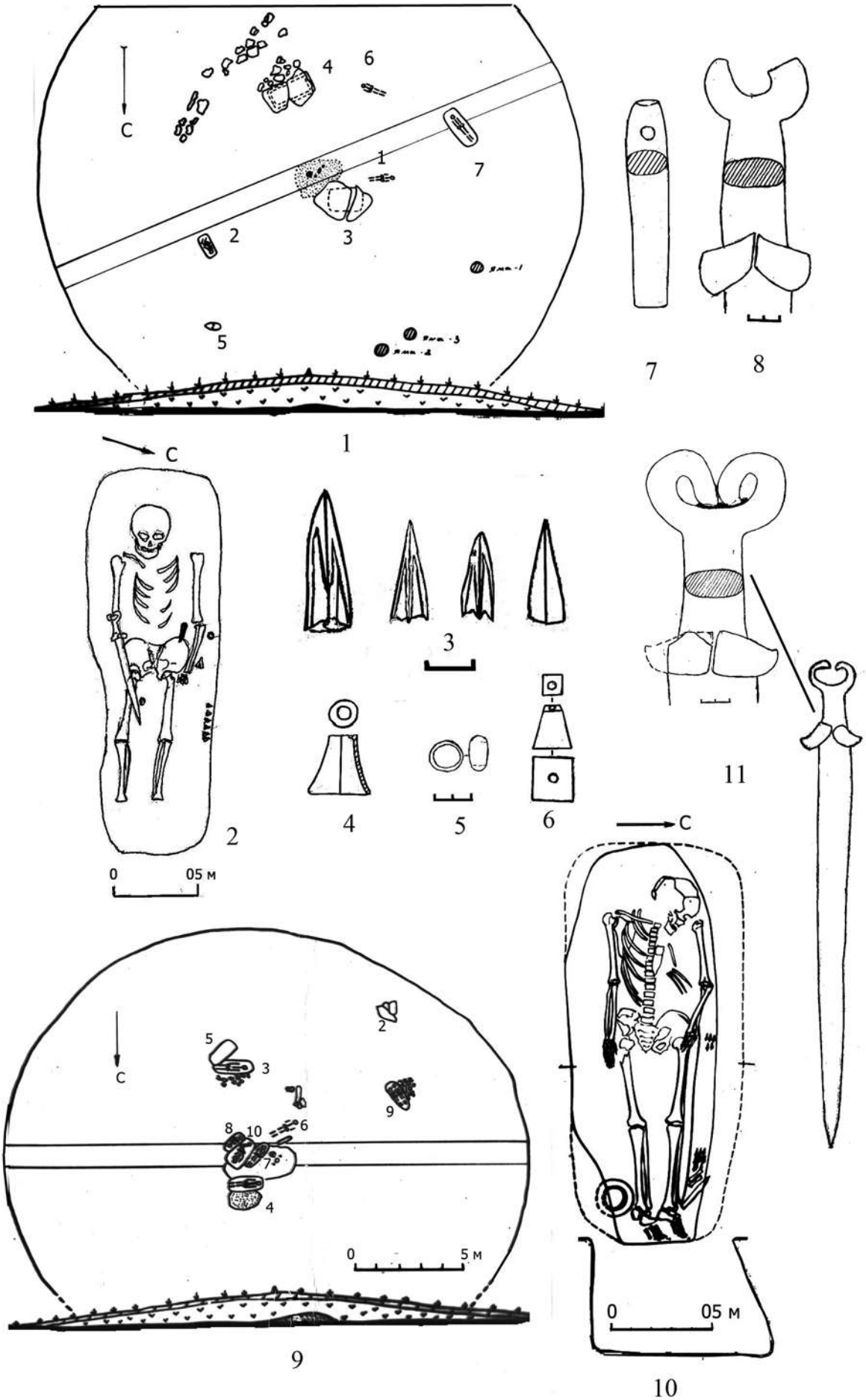
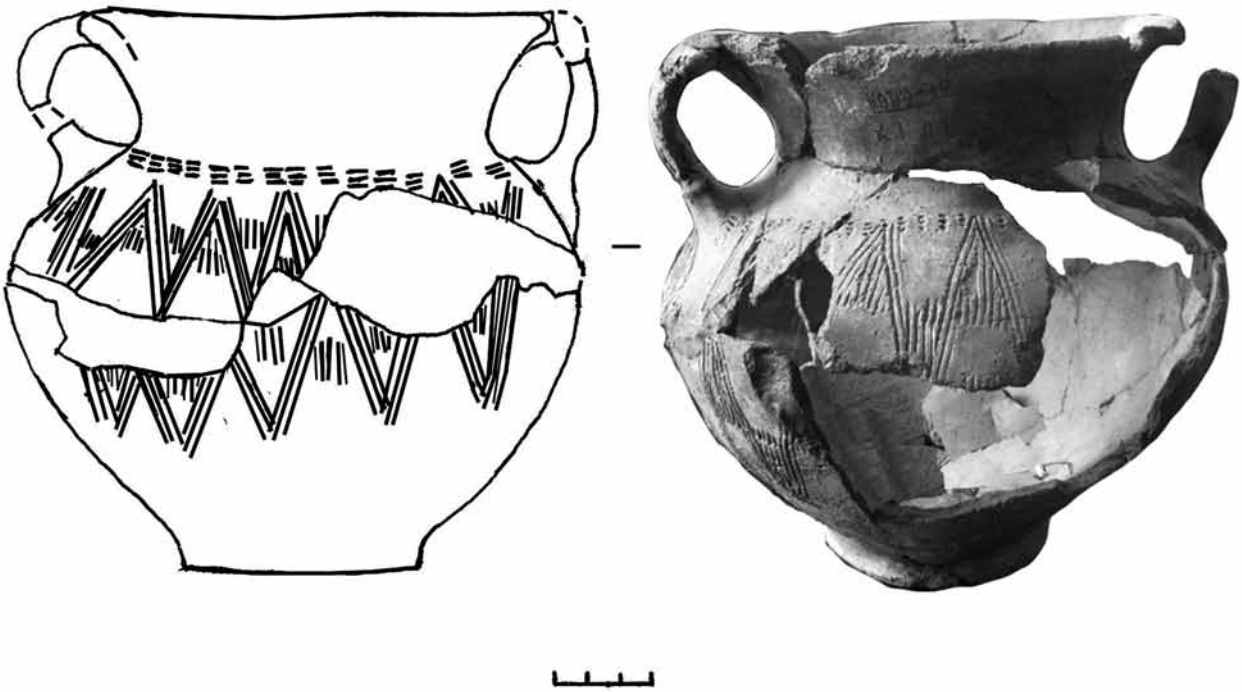
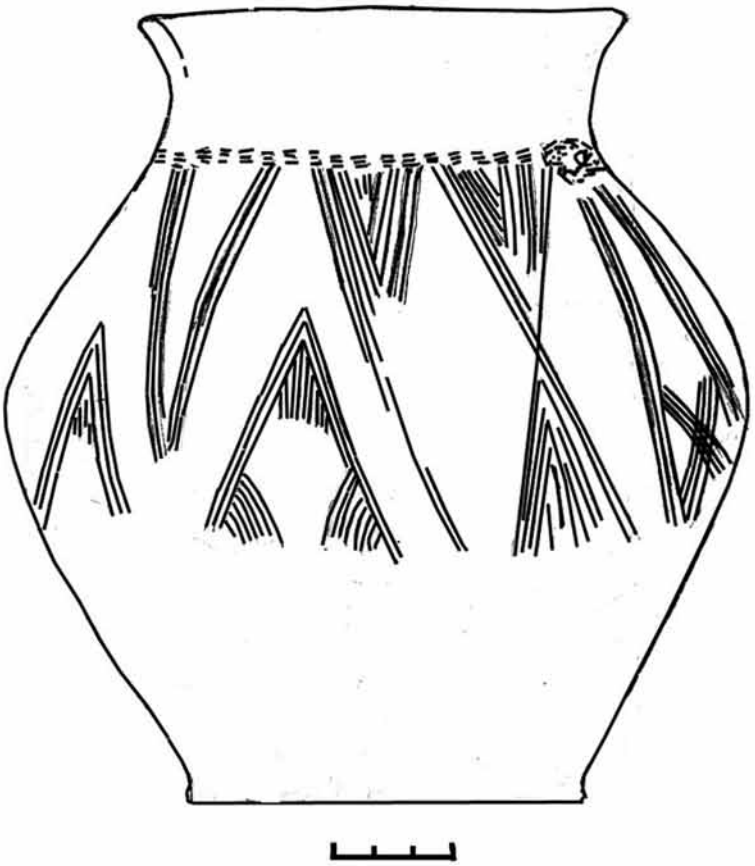


Рис. 8. Погребения в курганах у с. Кольчугино, чертежи и рисунки из картотеки В. А. Колотухина.
1 — план кургана 1; 2–8 — погребение 1 в кургане 2;
9 — план кургана 3; 10–11 — погребение 4 в кургане 3



1



2

Рис. 9. Лепные орнаментированные сосуды из курганов у с. Кольчугино. Рисунки из картотеки В. А. Колотухина. 1 — погребение 1, курган 2; 2 — погребение 4, курган 3

Хронологическая таблица скифских погребений Юго-Западного Крыма

№ п/п	№ Каталога погребений	Памятник Кург./погр.	№ Рис.	Дата, вв. до н. э.	Дата нижняя	Дата верхняя
1	9	Долинное 1895 г., 2/3 (Курган Кулаковского)	3, *1*; 4–6	послед. треть-четв. VI – нач. V	530	490
2	5	Вилино 1986 г., 2/6	2, *1,11–12*	конец VI – 1-я пол. V	510	450
3	10,1	Кояш 1890 г., 1/1	7, *1*	2-я пол. VI – 2-я пол. V	550	400
4	6	Кочергино 1999 г., 1/8	3, *2–4*	2-я пол. V	450	400
5	11	Кольчугино 1970 г., 1/1	7, *3–4*; 8, *1*; 9, *1*	2-я пол. V	450	400
6	12	Кольчугино 1970 г., 2/1	7, *3–4*; 8, *2–8*	2-я пол. V	450	400
7	13	Кольчугино 1970 г., 3/4	7, *3–4*; 8, *9–11*; 9, *2*	2-я пол. V	450	400
8	4	Вилино 1986 г., 2/3	2, *1,9–10*	2-я пол. V – 1-я пол. IV	450	350
9	1	Вилино 1983 г., 1/1	2, *1–5*	2–3 четв. IV	375	325
10	2	Вилино 1983 г., 1/6	2, *1,6*	V – IV	500	300
11	3	Вилино 1983 г., 2/1	2, *1,7–8*	IV	400	300
12	10,2	Кояш 1890 г., 1/2	7, *2*	IV	400	300
13	7	Долинное 1895 г., 2/5 (Курган Кулаковского)	3, *1*	скифское время	скифское время	скифское время
14	8	Долинное 1895 г., 2/6 (Курган Кулаковского)	3, *1*	скифское время	скифское время	скифское время

С. Г. Колтухов, С. Н. Сенаторов

СКИФСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ ДОРТ-ОБА*

В статье публикуются материалы из скифских захоронений, раскопанных Н. И. Веселовским в 1892 г. близ Симферополя. На основе архивных материалов, музейных коллекций и публикаций обстоятельно охарактеризованы четыре погребения курганного могильника Дорт-Оба. Основное внимание уделено аристократическому погребению в «Кургане Пастака» и женскому погребению в кургане Дорт-Оба 3. Рядовые погребения не богаты инвентарем, но близки по времени элитным захоронениям.

Ключевые слова: Предгорный Крым, ранний железный век, скифы аристократические погребения, курган Дорт-Оба.

Последнее десятилетие XIX века было первым и до сих пор наиболее плодотворным этапом изучения скифских древностей на Крымском полуострове. Именно в это время Н. И. Веселовским под Симферополем было исследовано несколько аристократических захоронений, позволивших М. И. Ростовцеву сравнить скифские древности Крыма с памятниками Нижнего Поднепровья [Ростовцев, 1925, с. 376, 401–402]. Столь же высоко оценивали материалы этих раскопок и остальные скифологи прошлого столетия, хотя и отмечали существенные отличия [см. Колтухов, 2008, с. 16].

Одним из наиболее ярких памятников исследованных Веселовским и членами ТУАК был курганный некрополь Дорт-Оба (рис. 1). Раскопки его проводились в 1892 г., результаты их были опубликованы исследователем в ОАК-1892, эти же курганы кратко описал в своей статье член ТУАК А. О. Кашпар (1892). Чуть шире освещает крымские раскопки рукописный отчет Веселовского [1892, л. 22–28]. Однако нужно сразу же отметить особенности методики исследователя[1] при раскопках курганов. Они копались траншеями шириной в несколько сажен, начинавшимися у центра кургана и шедшими в направлении полы. Изредка траншеи дополнялись небольшими раскопами, расположенными в других местах насыпи, или неглубокими минами. Соответственно полностью исследованными такие курганы считать нельзя, со всеми вытекающими отсюда выводами. При этом, отдельные погребения, располагавшиеся в насыпи и не имевшие иных признаков, кроме костей и погребального инвентаря, оказывались разрушенными[2] и находки из них фиксировались, как происходящие из насыпи.

До недавнего времени, локализация курганов была лишь условной и размещалась на небольшой карте-схеме В. С. Ольховского [1991, рис. 2, 283]. Несколько лет назад одним из авторов этой статьи курганы были точно локализованы у северо-западной окраины г. Симферополя на куэсте Внешней горной гряды на р. Салгир [Колтухов, 2008]. Год спустя эту локализацию подтвердила Т. Н. Смекалова [2009, с. 87, 95].

Для локализации курганов, прошлось провести работу с планами и картами. До этого времени единственным графическим документом был план курганной группы, составленный в 1892 г. членом ТУАК Х. А. Монастырлы (рис. 2). После уточнения ситуации, удалось выяснить, что курганная группа Дорт-Оба[3] располагается в поле, на расстоянии 4, 9 км к северо-востоку от тогдашней окраины г. Симферополя. В 2 км к юго-западу-западу от нее на той же оси расположены курганы,

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Греческие амфоры VI – II вв. до н. э. из собраний музеев Крыма», № 15-31-10128.

[1] Объективное, хотя возможно и слишком жесткое мнение о полевых работах Н. И. Веселовского недавно высказал С. В. Полин [Мозолевский, Полин, 2005, с. 25 и сл.].

[2] Разрушения происходили либо в древности, либо во время раскопок.

[3] С крымско-татарского название переводится как «четыре холма».

исследованные Веселовским в 1895 г. на землях С. Крыма. Сопоставление плана Монастырлы (рис. 2) с картой версткой Таврической губернии Л. XIII-13, масштаб 1:42 000, съемка 1895 г.[4] и с картой м 1:25 000 середины прошлого века (рис. 1) позволило локализовать все 7 курганов, исследованных в 1892 г. Одновременно с этим выяснилось, что нумерация курганов на плане Монастырлы и в рукописи Веселовского, не соответствует нумерации в ОАК [Колтухов, 2008, с. 20]. В своей работе мы пользуемся нумерацией с плана и из рукописи.

Итак, курганы располагались в границах земельного владения Карайлы-Кият, принадлежавшего И. О. Пастаку. Четыре кургана (№№ 1–4) находились на одной линии и на равном расстоянии друг от друга (рис. 1; 2). Общая протяженность цепочки составляет 620 м. Нумерация курганов от № 1 до № 4 велась с юго-запада на северо-восток, направление здесь определила ориентация гребня водораздела между балками. Курганы №№ 5–7 смещены к югу от этой линии. В 150 м к юго-юго-западу от кургана № 1 находится курган № 5, а курганы №№ 6 и 7 располагаются в этом же направлении, но в 450 м от кургана № 1, ориентированы с юго-запада на северо-восток. Расстояние между ними составляет 120 м. Все приведенные наблюдения позволяют утверждать, что раскопанная в 1892 г. группа Дорт-Оба локализована[5]. Такова топография памятника.

Культурная и хронологическая характеристика курганов, исследованных Веселовским, представляется следующей. Курган 1 эпохи бронзы, обнаружено одно основное погребение, относится к ямному времени. Курган 2 скифский, в литературе известен как «Курган Дорт-Оба» или «Курган Пастака». Основное погребение скифского времени. Курган 3, скорее всего скифский, центральное (основное?) погребение синхронно кургану 2. Однако при расчистке этой могилы было обнаружено «бронзовое копье» и костяное пряслице, которые могут относиться и к эпохе бронзы. Разрушенное впускное погребение можно отнести к познескифским. Курган 4 эпохи бронзы, основное погребение ямного времени, впускное погребение скифское. Курган 5 эпохи бронзы, основное погребение ямного времени, впускное погребение скифское. Курган 6 эпохи бронзы, обнаружены два погребения ямного времени, а два впускных захоронения не датированы. Курган 7 не датирован, в насыпи два погребения и каменная гробница из плит, скорее всего относящаяся к эпохе бронзы. Из 7 курганов, 5 могут быть отнесены к эпохе бронзы, два к скифскому времени. Судя по результатам раскопок Веселовского, могильник возник в эпоху ранней бронзы. Несомненно, при полном доследовании курганов здесь будет обнаружен весть спектр погребений характерных для крымской степи и предгорий, относящихся ко времени от эпохи бронзы до средневековья.

Скифских погребений в курганах Дорт-Обы обнаружено 4, два из них являются основными в курганах №№ 2 и 3, два были впускными в курганах №№ 4 и 5.

Курган 2 или «Курган Пастака», или «Курган Дорт-Оба»[6], исследованный Веселовским в 1892 г [ОАК-1982, с. 4], принадлежит к числу скифских аристократических курганов и, исходя из высотных и объемных характеристик, может быть отнесен к группе могил, которую Ю. В. Болтрик определяет как курганы «колпаконосцев» [Болтрик 2004, с. 87][7]. Судя по описанию [ОАК-1892, с. 4, 7], насыпь кургана Пастака была сложена из вальков, так как земля характеризовалась повышенной плотностью, отделялась кусками и имела оттенок ржавчины, что бывает при наличии в вальках растительной органики. Высота кургана до раскопок составляла около 5 м, так высота насыпи над центральной могилой указана в 2 саж, 1 арш. (497 см), в прошлом веке на картах она указывалась в 2, 7 м. Судя по фотографии раскопок и их описанию, исследование кургана велось от южной полы широкой глухой траншеей, доходившей до его центра [Смекалова, 2009, рис. 28; ОАК-1892, с. 7]. Оплывшие полы насыпи перекрывали каменную крепиду, сложенную из крупных обломков камня. Под насыпью кургана, судя по описанию Веселовского, располагался завал камней полусферической формы [ОАК-1892, с. 10; Веселовский, 1892, л. 22]. Диаметр кургана не указан, однако, судя по современным замерам, он достиг 45 м лишь в результате распашки полы.

[4] Съемку производил штабс-капитан Казимирский.

[5] Однако, не исключены ошибки в нумерации у самих исследователей курганов.

[6] Иногда ему давали № 1, но называли вторым в группе с запада. Причины такого сбоя в нумерации рассмотрел один из авторов [Колтухов, 2008, с. 20].

[7] Подобное определение уместно и потому, что в Степном Причерноморье, практически в это же время появляется курган Солоха, принадлежащий представителям высшей скифской аристократии.

Погребение в кургане было центральным и, судя по всему, основным. Могила (рис. 3: *1*), представляла собой грунтовую яму с заплечиками, четко обозначившимися с двух сторон, заполненную бутовым камнем [Кашпар, 1892, с. 116] и перекрытую древесными стволами (накатником?). Камни первоначально лежали на перекрытии, а позднее просели в заполнение могилы. Размеры верхней части могильной ямы, примерно, 2 х 2 саж. (4,2 х 4,2 м). Ее стенки сильно осыпались под давлением перекрытия и каменного сооружения над ним. В отчете Веселовского указаны иные размеры могильной ямы: длина 1 саж. 1 арш. (2,84 м), ширина 1 саж. 4 верш. (2,3 м). Вероятно, эти размеры были сняты по дну ямы. При этом глубина ямы составляла 2 саж. 10 верш. (4,7 м)[8]. Стены могилы и перекрытие (?) были покрыты истлевшим войлоком. В углах и вдоль стенок могилы были замечены глубокие круглые вертикальные отверстия диаметром около полутора вершков (около 7 см), заполненные сгнившим деревом. Скорее всего, это следы жердей, удерживавших деревянную облицовку (?) и войлочную драпировку стенок ямы, на существование которой прямо указывал Н. И. Веселовский, отмечая черные, «сажеподобные» следы истлевшего войлока под остатками деревянного перекрытия и по стенам могилы [Веселовский, 1892, л. 22]. Дно могилы не описано. Очевидно, оно было грунтовым и ровным.

Под северной стенкой могильной ямы было вырыто узкое, слегка заглубленное корытообразное «ложе», напоминающее подбой. Захоронение взрослого человека было совершено в вытянутом положении на спине головой на запад. Размеры ложа: длина 1 саж. 8 верш. (2,48 м), ширина 1 арш. 4 верш. (85 см), глубина 10 верш. (44 см). Над ним вдоль северной стены были отмечены углубления для трех полностью сгнивших бревен, лежавших одно над другим. Под этими бревнами располагался один ряд камней вставленных в стену. К сожалению, остается неясным для чего борт могилы над ложем закрепляли горизонтальными бревнами или брусьями, и что находилось под или за каменной выкладкой[9].

Погребальный инвентарь в могиле обилен и характерен для захоронений скифской аристократии классического времени. Мест хранения находок два. После завершения раскопок часть вещей Веселовский оставил в музее ТУАК. В фондах ЦМТ сохранились две амфоры из этого погребения (рис. 3: *2–3*), которые были атрибутированы и опубликованы С. Ю. Монаховым [Монахов, 1999, с. 209–210]. Прочие находки были переданы в Императорский Эрмитаж и частично в Институт археологии, основанный Веселовским. Позднее вещи из этого института также оказались в Эрмитаже.

Интересно, что в «насыпной земле, еще задолго до гробницы» [ОАК-1892, с. 8][10] были обнаружены 5 круглых медных (бронзовых) блях[11] со следами дерева и короткими цилиндрическими выступами, в которых были укреплены медные кольца (рис. 4: *2*). Исследователь кургана рассматривал их как навершия стягов, первоначально возвышавшихся над основной гробницей. Однако вопрос об их подлинном назначении и времени попадания в курган следует оставить открытым.

О расположении погребального инвентаря в могиле свидетельствуют записи Н. И. Веселовского и А. О. Кашпара, а также контурный рисунок из отчета Веселовского (рис. 3: *1*).

Находки на ровном участке дна могилы представлены гераклейскими амфорами, железным ножом, наконечниками копий и стрелами[12]. По Веселовскому, в яме было 5 амфор с клеймом АРГ|ЕІО. Четыре из них стояли в юго-восточном углу или в ногах погребенного, а одна — в северо-западном углу, или в головах [ОАК-1892,

---

[8] У А. О. Кашпара размеры иные: 2 саж. в длину, 2 арш. в ширину, ориентация с востока на запад. Глубина могилы 5 саж. Возможно, столь сравнительно большая глубина могилы отмечалась А. О. Кашпаром от вершины кургана.

[9] Здесь возможны несколько вариантов, проверить которые затруднительно. Основной версией, на сегодняшний день является идущее еще от Н. И. Веселовского предположение, что это часть некой внутренней деревянной конструкции, закрывавшей ложе.

[10] Мы не готовы вступить на шаткую почву предположений, однако вывода из этого пассажа напрашивается два. Либо бляхи обнаружены в грунтовой части насыпи кургана, это следует из описания и тогда они могут быть не связаны с основным погребением, либо они обнаружены в заполнении могилы, а это следует из контекста, и тогда они были частью погребального сооружения.

[11] По крайней мере, эти предметы привязаны ко дну ямы, в отношении остальных находок столь четких сведений нет.

[12] А. О. Кашпар упомянул лишь две бляхи [Кашпар, 1892, с. 117], тогда как на хранении их четыре.

с. 8; Кашпар, 1892, с. 117]. По Кашпару на одной из амфор было клеймо TAYRO [Кашпар, 1892, с. 117]. С. Ю. Монахов выделил две амфоры из этого погребения (рис. 3: *2, 3*). На горле одной из них клеймо АРГ|ЕІ КО, в первоначальном прочтении имя фабриканта Аргея и магистрата Коаса, на второй клеймо ΔАО (-), принадлежащее фабриканту Даосу [Монахов, 1999, с. 209]. В дальнейшем Н. А. Павличенко уточнила прочтение первого клейма, посчитав, что там присутствует лишь имя Аргея [Павличенко, 2009, с. 287–288]. В настоящее время, амфоры отнесены к концу 90-х – первой половине 80-х гг. IV в. до н. э., либо несколько шире, к 80–90-м гг. IV в. до н. э. [Монахов, 1999, с. 210, 578]. Близ амфор в углу ямы находились кости ноги и ребра быка и железный нож (рис. 4, *1*). В другой части могилы в пол были вбиты несколько железных наконечников копий, по Кашпару, они находились слева от груди погребенного [Кашпар, 1892, с. 117]. Судя по сохранившимся обломкам трех копий они были двухлопастными листовидными с длинными полыми втулками. В коллекции находятся многочисленные мелкие обломки втулок и втоков копий и одного наконечника пешни(?). В противоположной части могилы были обнаружены стрелы с бронзовыми наконечниками и куски кожи, вероятно, от горита.

В области «ложа» были обнаружены следующие находки: в головах погребенного были поставлены деревянные чаши[13] с золотыми аппликациями (рис. 5), интерпретированными исследователями кургана, как остатки головного убора («шапки»)[14]. По Веселовскому, здесь найдено 6 пластин: 4 гладкие и две узорчатые, прикрепленные серебряными гвоздями (рис. 5: *2*) с золотыми головками[15] [ОАК-1892, с. 8]. То же количество пластин упомянуто и Кашпаром. На хранении находится 7 золотых пластин. Четыре из них гладкие, а на трех изображена голова грифа[16]. Фрагменты еще одной аппликации, возможно, относились к четвертой пластине с головой грифа. Судя по записи № 129 в инвентарной книге Эрмитажа, в комплексе могла быть еще одна золотая накладная пластина с неопределимым рельефным изображением, от которой сохранились несколько фрагментов (рис. 4: *7*) и два гвоздика покрытых окисью серебра. Ее местоположение в отчете не зафиксировано.

По данным Веселовского [ОАК-1892, с. 8], возле головы стоял чешуйчатый железный панцирь, выступавший вверх на пол аршина (35 см). По-иному описывает эту находку Кашпар, считавший, что панцирь лежал под спиной и отчасти под головой погребенного [Кашпар, 1892, с. 117]. Похоже, что раскопщики имели дело с доспехом, состоявшим из нескольких частей. Одни части паноплии были разложены под телом, а какая-то часть была поставлена рядом [ср. Колтухов, 2012, с. 72]. Обломки наборного доспеха представлены фрагментом, средней части, состоящим из небольших пластин с отверстиями для крепления.

По свидетельству Веселовского на верхней части костяка до пояса располагались многочисленные золотые треугольные и ромбоидальные пластины с зернью (рис. 4: *4, 5*). Ромбоидальные лежали вдоль груди[17], а треугольные концентрировались на плечах. Общее количество бляшек 533, треугольных 491 — 7 обломков, ромбоидальных 35 [ОАК-1892, с. 8]. По Кашпару бляшек было 250 [Кашпар, 1892, с. 117], однако на хранении находится 34 бляшки ромбовидные и 488 треугольных. В Северном Причерноморье такое изобилие пластин известно лишь в кургане № 5 у Архангельской Слободы, синхронном и близком по статусным признакам кургану Пастака, где в боковом погребении 1 обнаружено более 500 нашивных пластин, из которых 286 аналогичных треугольных [Грібкова, 2009, с. 109].

Слева у бедра был положен горит, от которого сохранилось 5 золотых пластин (рис. 6), 4 из них с тисненным зооморфным декором, характерным для античных мастерских, поставлявших свою продукцию причерноморским варварам, пятая гладкая. В горите находились стрелы с бронзовыми наконечниками, иногда спаявшимися в пучки (рис. 4: *3*).

Но по наблюдениям Веселовского наконечники стрел, находились в двух разных колчанах. Первый «кожаный колчан» с золотыми накладными пластинами был найден возле тазовых костей погребенного воина. Колчан, подчеркивает Веселовский,

[13] Или чаша?

[14] Возможно, это и есть чаши номарха.

[15] На хранении 32 две золотые шапочки (?) от этих гвоздей.

[16] Одна из них полуразрушена.

[17] Вероятно, ими был обшит край кафтана.

«был полон стрел, лежавших совершенно правильно, с древками» [ОАК-1892, с. 8–9]. Расположение колчана позволяет предположить, что стрелы в нем лежали наконечниками вниз.

В рукописном отчете о раскопках кургана Дорт-Оба Веселовский отмечает находки стрел из этого колчана под № 40, без указания, к сожалению, их количества [Веселовский, 1892, л. 22]. В описи предметов, переданных исследователем в Императорскую археологическую комиссию, под № 40 отмечены «бронзовые наконечники стрел — 6 шт.» [Опись предметов…, 1892, л. 27]. В инвентарной книге бывшего «Эллино-Скифского отделения» под номером Кр-1892 № 1/3 числятся «Шесть наконечников стрел бронзовых трехгранных, длинных с двумя желобками на каждой грани, с слегка выступающей втулкой, концы ребер образуют острия».

От второго колчана, найденного в северо-западном углу гробницы, сохранились лишь наконечники стрел «скифского типа» и остатки кожи. В рукописном отчете Веселовский отмечает эти находки соответственно под № 32 и 33 без упоминания о колчане [Веселовский, 1892, л. 22]. Существование в кургане Дорт-Оба двух колчанов отмечают также В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 158].

Слева от костяка находился небольшой, полностью проржавевший железный меч, форма и размеры которого не были зафиксированы.

На правой руке по Кашпару или на левой по Веселовскому находилось медное кольцо, Веселовский отмечает, что оно разрушилось при прикосновении [ОАК-1892, с. 9].

Инвентарь: Гераклейская амфора (рис. 3: *2*) раннего первого типа [Монахов, 199, с. 209]. Метрические характеристики сосуда по С. Ю. Монахову: глубина 595 мм, высота верхней части 270 мм, диаметр тулова 255 мм, диаметр устья 75 мм, объем 9,50 л [Монахов, 1999, с. 616]. На горле рельефное клеймо ΔАО (-), определенное Монаховым, как клеймо фабриканта Даоса.

Гераклейская амфора (рис. 3: *3*) пифоидного типа варианта I–4 [Монахов, 2003, табл. 88, 8]. Метрические характеристики сосуда по Монахову: глубина 560 мм, высота верхней части 275 мм, диаметр тулова 256 мм, диаметр устья 72 мм [Монахов 1999, с. 617]. На горле энглифическое клеймо АРГ|ЕІ КО, оттиснутое дважды.

Обе амфоры хранятся в фондах ЦМТ, сведений о местонахождении остальных амфор нет. Монахов предложил датировать керамический комплекс погребения концом 90-х – первой половиной 80-х гг. IV в. до н. э. [Монахов, 1999, с. 210].

Бронзовые наконечники стрел Дорт-Обы впервые классифицировала А. М. Мелюкова, исследовательница выделила 110 наконечников из данного кургана[18]. Все эти наконечники были отнесены к четвертой хронологической группе IV – III вв. до н. э. и разделены на две группы.

В первую группу вошли 34 трехлопастных наконечника, относящиеся к варианту 4а 6-го типа 2-го отдела. Этот тип появляется еще в комплексах стрел второй хронологической группы. Он характеризуется как базисный с треугольной или «слегка» сводчатой головкой [Мелюкова, 1964, с. 23–24]. Вариант 4а этого типа появляется в третьей хронологической группе второй половины V – начала IV в. до н. э. При этом «концы обеих или одной лопасти вытянуты и заострены в виде шипа» [Мелюкова, 1964, с. 23–24]. Этот вариант бытует также и в четвертой хронологической группе [Мелюкова, 1964, с. 26–27, табл. IV].

Во вторую группу были включены 76 трехгранных наконечников 6-го варианта 8-го типа 3-го отдела. «Наконечники стрел 8-го типа … небольшие, правильной пирамидальной формы, с вырезом в основании граней и … углублениями на гранях. Чаще других встречаются наконечники стрел шестого варианта, с двумя вертикальными бороздками у основания» [Мелюкова, 1964, с. 25].

Таким образом, стрелы Дорт-Обы относятся к отделам трехлопастных и трехгранных наконечников (отделы II и III) с двух кратным преобладанием последних. Форма головки близка к треугольной и может быть узкой треугольной, «слегка сводчатой» или «правильной пирамидальной». При этом основание головки, по сути, является базисным с внутренней втулкой, а свисающие лопасти образуют шипы или жальца.

Всего же в рассматриваемом комплексе насчитывается не менее 157 бронзовых наконечников стрел. Сохранность 111 наконечников (70 %) плохая. Как правило, у них обломан боек или лопасти, а форма ложков не определяется однозначно. Однако, наличие у фрагментов наконечников основания головки позволяет предложить примерную реконструкцию их формы.

[18] Рассматриваемые наконечники стрел отмечены Мелюковой как происходящие из кургана № 1 в имении Пастака [Мелюкова, 1964, табл. IV, № 29, с. 27]. По уточненной Колтуховым топографии эти стрелы найдены в кургане № 2 в имении Пастака [Колтухов, 2008, с. 20–21].

Описание наконечников стрел кургана Дорт-Оба приводится по методике, предложенной А. И. Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 14–29] с небольшими дополнениями.

По форме насада все наконечники кургана Дорт-Оба делятся на две группы: 1) с выделенной втулкой (5 экз.) и 2) базисные с внутренней втулкой (152 экз.).

По форме поперечного сечения в наиболее широкой части головки [Куринских, 2011, с. 43–44] выделяются два отдела наконечников: 1) условно трехлопастных (154 экз.) и 2) условно трехгранных (3 экз.).

Трехлопастные наконечники в основании головки имеют ложки, а в верхней части — гладкий трехгранный боек. Ложки могут быть в виде: 1) двух сходящихся к острию неглубоких и узких линий — бороздок (двухлинейные — 60 экз.), 2) П-образной (30 экз.) и 3) сводчатой (67 экз.) формы. Наличие ложков позволяет рассматривать форму головки как трехлопастную с трехгранным бойком. Такие наконечники могут называться также трехгранно-трехлопастными [Очир-Горяева, 1996, с. 42] или трехлопастными с ложками [Куринских, 2011, с. 45].

У условно трехгранных наконечников две стороны с ложками и лишь одна сторона имеет гладкую грань. На основании наблюдения о том, что трехгранные наконечники являются хронологически более поздними по сравнению с другими формами сечения головок [Мелюкова, 1964, с. 24, табл. III; с. 26–27, табл. IV], такие наконечники условно отнесены к отделу трехгранных.

В плане форма головки всех наконечников является вытянутой треугольной. Основание головки может быть: 1) прямым (Т — 102 экз.), 2) с тремя опущенными жальцами (ТЖ — 18 экз.), 3) с одним опущенным жальцем (ТЖ1 — 37 экз.).

По сочетанию насада, поперечного сечения и формы головки выделяется 7 типов наконечников.

К первому типу (Т,3л, рис. 7: *14–15*) относятся всего два (1,3 %) трехлопастных наконечника с треугольной формой головки, прямо срезанными к втулке лопастями и сравнительно короткой выделенной втулкой. Ложки наконечников двух линейные и сводчатые. Острия наконечников не сохранилась, однако, судя по форме головки, можно предположить, что их общая длина составляла 40,5 и 39,0 мм[19], а ширина их головок 8,5 мм. Длина их втулок составляет 3,5 и 3,0 мм, а ширина обеих — 4,0 мм. При этом длина бойка от вершины до верхнего края ложка составляет 15 и 22 мм, а вес фрагментов — 2,4 и 2,3 грамма. По классификации Мелюковой [Мелюкова, 1964, с. 21, 23, 28, рис. 1] такие наконечники могут относиться к типу II,4,*7* и к типу III,3,*2*, которые характерны для третьей и четвертой хронологических групп.

Второй тип (ТЖ,3л, рис. 7: *16–17*) представлен также двумя (1,3%) трехлопастными наконечниками с короткой выделенной втулкой и узкой треугольной головкой с косо срезанными под острым углом к втулке лопастями-жальцами. Ложки наконечников П-образной и сводчатой формы. Длина одного наконечника 34,5 мм, длина другого (с обломанным острием), предположительно, 34 мм. Их ширина — 9 мм. Длина лопастей-жалец 31,5 и 31 мм. Длина втулок 3,0 и 2,5 мм, а ширина — 4 мм. Длина бойка 17,3 и 22,8 мм, вес — 2,4 и 3,1 гр. [Мелюкова, 1964, тип III,3,*1*].

Третий тип (ТЖ1,3, рис. 7: *18*) характеризуется одним трехлопастным наконечником с треугольной головкой (0,6 %). Две лопасти прямо подрезаны к короткой втулке, а третья лопасть-жальце опускается ниже основания головки. Ложок головки длинный, сводчатой формы. Во втулке сохранились остатки древка. Длина наконечника 41 мм, ширина 10 мм. Длина лопасти-жальца 43 мм. Длина втулки 2,5 мм, ширина 3,5 мм. Длина бойка 9,6 мм, вес — 3,3 гр. [Мелюкова, 1964, тип II,4,*2*].

В четвертый тип (БТ,3л, рис. 7: *1–3, 19–22*) входят трехлопастные базисные наконечники со скрытой втулкой и прямым основанием головки треугольной формы (96 экз., 61,1%). Ложки головок двух линейные (рис. 7: *1, 19*, 35 экз.), П-образные (рис. 7: *2, 20*, 24 экз.) и сводчатые (рис. 7: *3, 21*, 37 экз.). Длина наконечников колеблется в пределах от 45,5 до 19,5 мм, ширина — от 11 до 6 мм. Длина бойка от 6,9 до 34 мм, вес от 0,5 до 3,8 гр. Лопасть одного из наконечников этого типа заканчивается крюкастым шипом (рис. 7: *22*) [Мелюкова, 1964, тип II,5,*8*].

Пятый тип (БТ,3г, рис. 7: *23–25*) отличается от предыдущего лишь тем, что в поперечном сечении одна из сторон головки имеет трехгранное основание без ложка (3 экз., 1,9 %). На двух остальных сторонах головки имеют двух линейный ложок (рис. 7: *23*), П-образный (рис. 7: *24*) и сводчатый (рис. 7: *25*). Длина этих наконечников соответственно: 39,5, 35,5 и 31,5 мм, ширина: 12,0, 9,0 и 7,5 мм. Длина бойка от 23 до 32,3 мм, вес — от 1,6 до 3,4 г [Мелюкова, 1964, тип III,4,*1* и III,4,*3*].

[19] Измерения проводились с точностью до 0,5 мм.

Шестой тип (БТЖ,3л, рис. 7: *4–5, 26–27*) включает в себя трехлопастные базисные наконечники со скрытой втулкой, треугольной головкой и срезанными под острым углом к основанию тремя свисающими лопастями-жальцами (16 экз., 10,2 %). Ложки головок двух линейные (рис. 7: *4, 27,* всего 7 экз.) и сводчатые (рис. 7: *5, 26*, всего 9 экз.). Длина головки наконечников колеблется в пределах от 39,5 до 29 мм, ширина — от 11,5 до 8 мм. Длина лопастей-жалец от 40,5 до 30 мм. Длина бойка от 11,1 до 26,1 мм, вес — от 1,8 до 3,6 г [Мелюкова, 1964, тип II,6,*6* и III,8,*6*].

Седьмой тип (БТЖ1,3л, рис. 7: *6–13, 28–30*) по своей форме сходен с предыдущим типом и отличается от него лишь формой нижней части трехлопастной головки. Две лопасти этого типа срезаны вровень с основанием базисной треугольной головки, а третья свисает, образуя одну лопасть-жальце (37 экз., 23,6%). Ложки головок двух линейные (рис. 7: *6, 8, 10, 12, 28*, всего экз.), П-образные (рис. 7: *9, 13, 29,* всего 4 экз.) и сводчатые (рис. 7: *7, 11, 30,* всего 17 экз.). Длина головки наконечников колеблется в пределах от 44 до 28 мм, ширина — от 11,5 до 8 мм. Длина лопастей-жалец от 49 до 30,5 мм. Длина бойка от 8,4 до 32 мм, вес — от 1,2 до 3,3 г [Мелюкова, 1964, тип II,6,*4*; II,6,*4а* и III,9,*7*].

Характеризуя в целом наконечники стрел данной коллекции можно отметить наличие здесь сравнительно большого количества наконечников четвертого (61,1 %) и седьмого типов (23,6 %).

В ряде скифских памятников, а также некоторых погребениях Ольвии известны колчанные комплексы, в которых присутствуют сочетания таких типов. Однако в них количественно преобладающие наконечники четвертого типа сочетаются лишь с единичными экземплярами стрел седьмого типа. К таким комплексам относятся, например, стрелы из погребения № 400 у с. Журовка, датируемого А. Ю. Алексеевым первой четвертью V в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 19, табл. II,2, тип II,5,*4–5*, всего 409 экз. (99 %); тип II,6,3, всего 2 экз. (0,5 %); Алексеев, 2003, с. 296] и погребения № 37/1913 Ольвии, датируемого Ю. И. Ильиной[20] по античной керамике второй четвертью V в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 19, табл. II,47, тип II,5,*1,3,5–7,9,* всего 18 экз. (78,3 %); тип II,6,*4,* всего 1 экз. (4,3 %)].

И, наоборот, в комплексах, в которых количественно преобладают стрелы седьмого типа, встречены единичные экземпляры наконечников четвертого типа. Сюда, например, можно отнести стрелы из погребения в кургане № 423 у с. Журовка, датируемого С.В. Полиным концом VI – первой четвертью V в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 19, табл. II,6, тип II,5,*5,* всего 6 экз. (10,9 %); тип II,6,*4*, всего 48 экз. (87,3 %); Полин, 1987, с. 25, рис. 4, *15–16*]. В целом, сочетание в колчанном наборе Дорт-Обы относительно большого количества стрел четвертого и седьмого типа не характерно для скифских памятников.

Возвращаясь к условиям находок наконечников стрел Веселовским, можно заметить, что в состав первого основного колчана, вероятно, входили наконечники из 16 спекшихся кусков (52 экз.), лежавших компактно у левой ступни погребенного. Сюда же следует включить и 6 отдельных наконечников с одной опущенной лопастью-жальцем (рис. 7: *8–13*), которые отмечены в описи предметов, переданных исследователем в Императорскую археологическую комиссию под № 40 и которые отдельно хранятся в коллекции Государственного Эрмитажа.

Всего, таким образом, в состав первого колчана могло входить не менее 58 наконечников бронзовых стрел. Остальные стрелы (99 экз.), вероятно, входили в состав как второго, так, частично, и первого колчана. Оба колчана по численности наконечников четвертого (75,9 % и 52,5 %) и седьмого (20,7 % и 25,3 %) типов в основном совпадают. Отличием условно второго колчана является лишь наличие трехлопастных наконечников с выделенной втулкой 1–3 типов (рис. 7: *14–18*).

Таким образом, данные наблюдения позволяют предположить, что комплекс стрел Дорт-Обы находился в двух разных колчанах. К первому основному колчану относятся наконечники четвертого, шестого и седьмого типов из 16 спекшихся кусков и 6 отдельных наконечников (рис. 7: *1–13*). К условно второму колчану предположительно могли относиться наконечники первого – третьего и пятого типа, а отдельные стрелы четвертого, шестого и седьмого типов (рис. 7: *14–30*) в равной мере могли входить в состав обоих колчанов.

Железный однолезвийный нож (рис. 4: *1*) с дуговидной спинкой и прорезной рукоятью. Длина 23,7 см, длина рукояти 11 см, ширина клинка 2,4 см. Ножи и клинки с простыми и фигурными прорезными рукоятями не были в скифское время редкостью в древностях Центральной Азии и Сибири, изделие с прорезной рукоятью известно в скифском Крыму [Бессонова, Скорый, 1986,

[20] Авторы выражают искреннюю благодарность Ю. И. Ильиной за определение даты данного комплекса.

рис. 2, 8]. Однако, в нашем случае, намного более перспективным выглядит поиск аналогий в античных некрополях Северного Причерноморья. Например, ручка ножниц из комплекса 410–390 гг., происходящий из некрополя Панское, является аналогией ручке ножа из кургана Пастака, совпадая с ним и по форме, и по времени [ср. Рогов, 2011, рис. 48, 5; Stolba, Rogov, 2012, p. 336, K-69].

Золотые аппликации деревянных чаш представлены, четырьмя гладкими и, по меньшей мере, четырьмя рельефными пластинами. Количество чаш установлено не было, так как изначально исследователи рассматривали накладки в качестве украшений головного убора. Исходя из того, что накладки принадлежат к двум типам и характеризуются двумя диаметрами и имеют различные профили, можно предположить, что чаш было две: одна диаметром 19 см с ровными в верхней части стенками, ей принадлежали гладкие накладки (рис. 5: *1–4*). Вторая низкая диаметром 20 см, с расширением в средней части сосуда, была украшена накладками с рельефными изображениями головок грифов (рис. 5: *5–7*).

Четыре гладкие прямоугольные аппликации с загнутым внутрь верхним краем, дуговидным на срезе. Размеры 8,45–8,00 х 4,7–5,3 см. Толщина пластин не более 0,05 см. Диаметр чаш или чаши был близок 19 см. На каждой из пластин по периметру расположены 16 небольших отверстий для гвоздей, на некоторых прослеживаются следы круглых шляпок этих гвоздей диаметром не менее 0,7–0,8 мм. Очевидно, сохранившиеся 32 гвоздя с золотыми полусферическими шляпками диаметром около 0,8–1,0 см и серебряными шпеньками длиной 0,5 см крепили эти пластины к деревянной основе чаши. Несовпадения диаметров шляпок и их отпечатков на пластинах вызвано закруглением нижнего края шляпок.

Две рельефные аппликации удлиненной формы со скругленным нижним краем и загнутым внутрь верхним краем сохранились без существенных повреждений. Их размеры 6,3 х 8,1 см, а восстанавливаемый диаметр сосуда около 20 см. По периметру 15–16 небольших отверстий для маленьких золотых (серебряных?) гвоздей с миниатюрными шляпками (рис. 4: *6*). К этому же типу относится одна полуразрушенная аппликация, еще от одной, возможно такой же, уцелели два невыразительных обломка. Форма и декор достаточно точно устанавливаются у двух первых пластин. Развернутые вправо головки грифов характеризуются обращенным вниз волютообразным клювом, крупным глазом, окруженным волютообразным завитком, линейно-пуансонным декором надклювья и еще одним декоративным элементом круглой формы с окантовкой, расположенным левее глаза грифа. Между ним и клювом находится стилизованный цветок лотоса. Среди многочисленных накладных пластин с головой грифа известных в Степном и Лесостепном Причерноморье, а также в Крыму, к числу наиболее близких аналогий можно отнести пластины из кургана Арциз второй половины-конца V в. до н. э. [Алексеева, Охотников, Редина, 1995, с. 50, 53, рис. 4, 23–24]. Впрочем, не столь детальное сходство можно увидеть и в головках орлов на золотой обкладке горита из кургана у с. Ильичево на Керченском полуострове [Лесков, 1968; Лесков, 1972, рис. 12].

К украшениям костюма можно отнести ромбические и треугольные золотые бляшки с пуансонным орнаментом (рис. 3: *4, 5*). На хранении находятся 34 ромбовидные золотые бляшки. Их размеры 2,3 х 1,3 см. Площадь бляшек покрыта рядами пуансонного орнамента, который расположен симметрично короткой поперечной оси изделия. По сути, эти пластины являются двумя неразрезанными треугольными бляшками, о которых ниже. В целом, подобные предметы не являются редкостью в инвентаре погребений богатых скифов в конце V – IV вв. до н. э. Впрочем, количественно они преобладают в кургане Пастака, где использовались в качестве украшений короткого парадного «кафтана»[21].

От горита [см. Мартынов, 1991], общая высота которого составляла около 54,4 см [Артамонов, 1966, кат. 194], сохранились 5 накладок в виде тонких золотых пластин (рис. 6). Одна из них гладкая размером 36 х 12 см желобкоподобной формы [Мартынов, 1991, с. 33], очевидно покрывала боковую часть горита. Четыре накладки с рельефными изображениями были расположены на лицевой стороне и дне изделия. Анализ крепления металлических частей горита, проведенный А. И. Мартыновым, позволяет думать, что они соединялись сухожилиями и крепились на холстяную основу [Мартынов, 1991, с. 34]. Веселовский

[21] Например, в Солохе их найдено всего 95 [Манцевич, 1987, с. 65, кат. 43] и лишь в Архангельской слободе общее число бляшек близко в Дортобинскому. Очевидно, реконструкция короткого кафтана была бы близка реконструкции, предложенной К. А. Акишевым для костюма «Золотого человека» из кургана Иссык [Акишев, 1978, рис. 64].

упоминает и кусочки кожи, видимо, от горита. Золотые обкладки лицевой стороны горита или колчана представлены четырьмя пластинами, соединенными между собой.

На центральной пластине[22] размером 25 х 16,5 см (рис. 6) помещено изображение орла (?), над левым крылом которого расположена фигурка хищника, как бы висящей под клювом или в клюве, скорее всего это пантера, но уж точно не заяц [ср. Черненко, 1981, с. 58]. Можно предположить, что здесь изображена огромная птица, характерная для мифологии Переднего Востока и Ирана. Орел был популярен и у греков, однако представить себе ипостась Зевса, несущего в клюве пантеру, довольно сложно. Вдоль правой стороны пластины расположена полоса ов, разделенных стрелками. В верхнем правом выступающем углу — перьевой орнамент, имеющий аналогию на небольшой бляхе из Острой Томаковской Могилы [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 103, рис. 8].

На левой длинной пластине размером 35 х 5,5 см расположен фриз, состоящий из трех мифологических зверей. В центре атакующий грифон головой влево, справа и слева от него приготовившиеся к обороне и припавшие на переднюю ногу кони (?) с рогами антилоп (?). Судя по перьевому декору, расположенном на корпусе за передними ногами, у животных могли быть изображены небольшие крылья, однако не исключено, что это лишь элементы орнамента. Золотые пластины в виде протомы крылатых коней с рогами горного козла, украшающие налобную часть головного убора известны в сакском кургане Иссык [Акишев, 1978, рис. 9]. Можно думать, что этот фантастический зверь происходит из мифологии иранского мира и Передней Азии[23]. Верхний левый выступ пластины, продолжающий линию выступа на центральной пластине горита, украшен таким же, как и на ней, перистым орнаментом.

Верхняя правая пластина размером 13 х 11 см украшена изображением бегущего орлиноголового грифона с повернутой назад головой. В античной традиции изображения грифонов имеет широкие хронологические рамки, однако наиболее часто эти изображения встречаются на изделиях классического времени, периода самых активных контактов с империей Ахеменидов[24].

И наконец, нижняя почти округлая или же слегка удлиненная пластина диаметром 11 х 11,7 см. (рис. 6: *3*), которая, по мнению М. И. Артамонова [1966, с. 112, кат 194], служила дном горита. Е. В. Черненко предложил выделять особую группу горитов с вырезом для кармана и круглым дном [Черненко, 1981, с. 61–62], посчитав горит из кургана Пастака лучшим образцом этого типа. По предположению С. В. Полина изделия с округлым дном продолжают линию развития цилиндрических колчанов урарто-ассирийского типа [Мозолевский, Полин, 2005, с. 349].

По мнению А. И. Мартынова, дно горита было не круглым, а несколько удлиненным. При этом золотая накладка покрывала его не полностью, а отделение для стрел было более узким, чем отделение для лука, имевшее боковые выступы [Мартынов, 1991, с. 34–35].

Важно отметить, что края накладки загнуты везде кроме небольшого участка, очевидно ложившегося на плоскую поверхность дна. Нижняя часть основной накладной пластины имеет обломы, возникшие, предположительно, еще в древности, то есть, существуют явные признаки механического повреждения и реставрации [Мартынов, 1991, с. 34]. Поверить в то, что часть дна изначально не имела хорошо подогнанной обкладки сложно, это не в традициях античных мастеров. Поэтому, нельзя исключать, что первая каплевидная обкладка дна была утрачена, и ее заменили близким по форме изделием, впрочем, деформация могла стать и простым следствием ремонта нижней части колчана, без замены деталей. Само дно представляет собой почти круглую, чуть каплевидную пластину, разделенную на две симметричные части рельефным валиком и окруженную пояском пуансонного орнамента.

Внутренняя часть пластины покрыта сложным декором. Знакомство с аналогиями подсказывает, что это протома хищника (льва, судя по гриве) с выраженными круглыми глазами, надбровьями, опущенной вниз пастью с зубами и четко прочерченным контуром ноздрей. Грива передана косыми насечками, заканчивающимися завитками, похожими на архаичные изображения рогов

[22] Точная прорисовка изображений на пластинах (рис. 6: 2) взята из ОАК-1892, с. 9.

[23] Представления же о рогатых конях, распространены в Центральной Азии. Их образы, возможно, также отражены в рогатых масках коней из горноалтайских курганов.

[24] При этом образ львиноголового грифона довольно быстро исчезает, а изображение орлиноголового зверя бытует несравнимо дольше.

оленей[25]. Они близки элементам рогов, как на келермесском налучье, так и у кульобского оленя, которого можно датировать как V в. до н. э., так и 390–380 гг. до н. э.[26] При этом стилизованные небольшие сердцевидные уши, расположенные над гривой, близки изображениям животных в зверином стиле, в архаическое время известны на территории Ирана, Кавказа и Северного Причерноморья [Иванчик, 2001, рис. 33, 16; 34, 2–3]. Вместе с тем, совпадающий до мелких деталей контур ушей можно видеть только у хищников на обкладке ножен меча из Ушаковского кургана [Артамонов, 1966, рис. 323–325][27]. Меч по особенностям перекрестия вполне соответствует архаическим мечам [Шилов, 1966, с. 184–187], таким как Мельгуновский и Келермесский [Черненко, 1980, рис. 2, 3]. Однако форма навершия сближает его с рукоятью ахеменидского меча из Чертомлыка, датированного V в. до н. э. [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 99–102]. В декоре же ножен В. П. Шилов вполне обоснованно видел различные мотивы, в том числе и персидские [Шилов, 1966, с. 184–187].

Если перечисленные орнаментальные детали имеют архаизирующие признаки, то известные нам параллели изображению на дне колчана в целом, относятся к более позднему времени. Например, сходное изображение протомы льва существует на круглой золотой накладке на ножны меча из впускного погребения кургана Солоха [Манцевич, 1987, кат. 49]. Нечто системно близкое можно видеть на скифских пряжках-пронизях от конского убора с конца VI в. до н. э. [Переводчикова, 2000, рис. 2, 1–12; Могилов, 2008а, рис. 135, 5–7]. Небезынтересно в этом плане и налобье из кургана 1 у с. Волковцы [Ильинская, Тереножкин, 1983, с. 335], датированное второй четвертью – серединой IV в. до н. э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 529]. Однако самой близкой аналогией можно считать изображение хищника с удлиненной мордой на одном из налобников Большой Цимбалки [Артамонов, 1966, с. 54, 112, рис. 187], названное Артамоновым головой дельфина. По мнению С. В. Полина, конскую могилу с этим предметом можно датировать первой – началом второй четверти IV в. до н. э. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 525]. Впрочем, если правы исследователи, считающие конское захоронение связанным с разрушенным ранним погребением, то вещи из него могут датироваться временем близким рубежу V – IV вв. до н. э. В целом же, обстоятельное исследование горита из кургана Пастака, проведенное Мартыновым [Мартынов, 1991], свидетельствует о его близости к гориту из Солохи. Можно также добавить, что на обоих горитах присутствуют образы древневосточной мифологии: огромная птица и рогатые кони в Дорт-Обе, и львиноголовые рогатые грифоны в Солохе[28]. Датировка дортобинского горита концом V – началом IV в. до н. э. [Мартынов, 1991, с. 35] весьма вероятна и, в принципе, близка дате погребения, хотя нет никаких препятствий и для изготовления изделия во второй половине V в. до н. э. В целом, анализ комплекса находок погребения в кургане Пастака, позволяет предположить, что он сформирован из предметов второй половины V – рубежа V-IV вв. до н. э.

Захоронение в кургане Пастака является редким для Крыма, хорошо сохранившимся аристократическим воинским погребением конца V – начала IV вв. до н. э. Со столетним разрывом оно следует за могилой военного предводителя из Симферопольского Золотого кургана [Колтухов, 1999][29]. Можно думать, что оно несколько моложе аристократического воинского погребения в крымском кургане у с. Ильичево на Керченском полуострове [Лесков, 1968]. Впрочем, не меньше оснований считать их и близкими по времени[30].

---

[25] Их можно было бы, и принять за рога оленя, однако против этого отсутствие двусторонней симметрии относительно вертикальной оси пластины.

[26] Датировки см. [Бидзиля, Полин, 2012, с. 518].

[27] Датировка этого предмета до сих пор не уточнена. Исследователи исходящие из стилистических особенностей изображений датируют его от VII до V в. до н. э., при этом сам Ушаковский курган достаточно уверенно относят к концу V – первой половине IV в. до н. э. [Брашинский, 1980, с. 124, кат. № 149].

[28] Интересно, что этот образ у рубежа V – IV вв. до н. э. ненадолго появляется и в аттической вазописи [Шталь, 2000, рис. 38], впрочем, его быстро сменил орлиноголовый грифон.

[29] Многочисленные варварские погребения близкого времени в окрестностях Нимфея, по мнению авторов, представляют собой особую группу памятников, этнокультурная интерпретация которых все еще спорна.

[30] Датировка Ильичевского погребения первой половиной V в. до н. э., столь же вероятна, как и датировка его второй половиной этого столетия, поскольку сам комплекс разграбленной гробницы, от которой сохранились лишь остатки каменного ящика, исследовать не удалось.

По крайней мере, строгих хронологических реперов в комплексе из Ильичево нет. В свое время, Алексеев предложил выделять группу северопричерноморских погребений тяжеловооруженных воинов конца V – первых десятилетий IV в. до н. э., посчитав ее появление результатом собственно скифских усобиц [Алексеев, 2003, с. 210–211]. Одним из наиболее ярких погребальных памятников этой группы и является курган Пастака.

Небольшой, курган № 3[31] располагался в 200 шагах к северу от кургана Пастака (рис. 1; 2). Его высота составляла 2,1 м, диаметр в отчете не указан, насыпь была покрыта множеством мелких камней [Кашпар, 1892, с. 118; ОАК-1892, с. 10]. Раскопки кургана велись траншеей (?) с южной стороны[32]. Насыпь, в которой была найдена амфора и разбитый полированный (лощеный?) горшочек[33] была насыщена камнем. Среди камней найдено несколько десятков человеческих костяков, лежавших в груде, погребения безинвентарные [ОАК-1892, с. 10]. Видимо это остатки разрушенного коллективного погребения. Отсутствовал ли инвентарь или на мелкие предметы рабочие не обратили внимания, нам не ясно.

Основная могила (?) представлявшая собой каменный ящик, ориентированный с запада на восток [ОАК-1892, с. 10], находилась в центре кургана, в материке, стены и дно которой были прослежены. Ее размеры приводит Кашпар, длина 1 саж. 1 арш. (2,8 м), ширина 2 ½ арш. (1,8 м). Из текста не совсем понятен пассаж о том, что могила находилась на глубине в 1 арш. 12 верш. под материком[34] [1892, с. 117]. Судя по описанию, могила была заполнена грунтом с камнями. Стены были сложены из плитчатых известняковых камней[35] в 15 рядов на белой глине [ОАК-1892, с. 10; Кашпар, 1892, с. 118]. Их ширина достигала 1 арш. (около 70 см). Интересно, что вдоль стен могилы на дне, по сообщению Веселовского, лежали сильно сгнившие бревна, которые исследователь интерпретировал как остатки сруба [ОАК-1892, с. 10][36]. Выше были заметны следы заплечиков, на которое опиралось истлевшее бревенчатое перекрытие [ОАК-1892, с. 10]. Дно могилы было вымощено плитняком, но не полностью. На вымостке лежал костяк женщины. В описании его положения присутствуют различия. По мнению Веселовского, захоронение было совершено сидя, ногами на восток [ОАК-1892, с. 10]. Основанием для такого заключения послужило смещение черепа и костей грудной клетки к области таза. Кашпар пишет о захоронении в лежачем положении головой на запад [1892, с. 118].

На костяке были найдены золотые бляшки, по предположению Веселовского украшавшие или головной убор, или платье. По данным исследователя [ОАК-1892, с. 11], в могиле находилось несколько типов таких украшений. С изображением зайца — 38 экз. и три обломка, с изображением сфинкса 9 экз., химеры 18 экз., львов 2 экз. Близкую картину дает опись предметов, находящихся на хранении. Здесь учтено 9 сфинксов, 2 льва, 18 грифонов (химер?), 39 лежащих львов в профиль. Реальный набор персонажей ограничивается сфинксом, грифоном, козлом и львом.

Здесь же были найдены две золотые дутые серьги в виде калачиков с зернью, украшенных головой грифона.

В области шеи были найдены глазчатые стеклянные бусы, из них 6 шаровидных синих с белым ободком и 7 синих и черных с желтым ободком. Найден также фрагмент костяного предмета, в углубление которого была вставлена синяя бусина с белыми глазками[37]. В комплексе этого погребения, по описи числится и округлая янтарная бусина.

---

[31] Впрочем, настораживает упоминание бронзового копья, обнаруженного при расчистке скифского погребения, скорее всего в засыпи могилы. К сожалению, его нет в коллекции, однако нельзя исключать, что это нож эпохи бронзы, в таком случае курган может оказаться более ранним.

[32] Информация о погребении присутствует в Отчете Н. И. Веселовского (ОАК 1892 г.), и статье А. О. Кашпара (ИТУАК, 1892, № 16).

[33] Последующих сведений о них мы не нашли.

[34] Скорее всего, это замер вниз (1,24 м) от уровня, от которого фиксировалась каменная кладка стен, на которой лежало бревенчатое перекрытие.

[35] К сожалению, не ясно были ли они рваными по слою но не обработанными, об этом свидетельствует кладка в 15 рядов, ли небольшими обработанными плитами.

[36] В этой связи интересно и то, что в грунтовое погребальное сооружение кургана Пастака была встроена деревянная конструкция.

[37] Очевидно, бусина оказалась сильно вдавленной в обломок кости грудины.

По Веселовскому, при расчистке могилы был найден серебряный перстень с гладким щитком. По Кашпару же в могиле у левой руки лежало гладкое серебряное кольцо [1892, с. 118]. Коллекция Эрмитажа свидетельствует в пользу обнаружения перстня. Интересно также упоминание у Веселовского находки бронзового копья и костяного пряслица при расчистке этого погребения[38].

Судя по остаткам кожи, дерева и деревянных палочек, упомянутым в описи, рядом с костяком мог находиться горит или колчан, возможно с деревянными стрелами.

Все сосуды, происходящие из описываемого погребения, в коллекции Эрмитажа и нынешней коллекции ЦМТ отсутствуют. Амфор в могиле было три, в этом едины и Веселовский и Кашпар. По свидетельству Веселовского у западной стены была найдена одна из них, а у восточной две. Все они были разбиты камнями, попавшими в могилу после обрушения перекрытия [ОАК-1892, с. 10]. По Кашпару в южной части могилы по углам стояли две амфоры, а в северной у головы находилась еще одна, что в принципе не противоречит описанию Веселовского. Однако на одной из амфор исследователь отметил штемпель АРГЕІО [1892, с. 118]. Наблюдение Кашпара, надо полагать оно достоверно, позволяет синхронизировать курган 3 и курган Пастака, где также была амфора с таким клеймом.

Помимо амфор Веселовский упомянул несколько небольших сосудов, красноглиняную патеру (чашу) с железными стержнями, стоявшую в юго-западном углу, и два горшочка, находившихся в северо-западном углу. Один из них чернолаковый, с кусочком губки (?) внутри, второй описан как сосуд из черной глины со слабой поливой (сероглиняный лощеный?), оба сосуда были разбиты в мелкие кусочки [ОАК-1892, с. 10] и не реставрировались[39].

В юго-западном углу была положена часть туши барана (ребра и кости передней ноги) и железный нож с прорезной (?) рукоятью [ОАК-1892, с. 10], очевидно аналогичный ножу из кургана Пастака.

Сохранившийся погребальный инвентарь представлен исключительно предметами, переданными в Эрмитаж.

Серебряный перстень с удлиненно-овальным щитком и круглой в сечении дужкой имеет диаметр 1,9 см (рис. 8: *2*). Подобные изделия достаточно широко распространены в античное время в Северном Причерноморье и узкой хронологии не имеют.

Широко известные калачиковидные парные серьги (рис. 9) с головками грифонов отнесены В. Г. Петренко к варианту 5 типа 9, архаичному, но переделанному под вкусы IV в. до н. э. [1978, с. 30, табл. 19, 10, 10а]. Позднее, серьги были обстоятельно рассмотрены А. И. Мартыновым [1999, с. 36–38] и датированы второй половиной V в. до н. э. Особенностью серег указывающей на их длительное использование является потертость одной из сторон. В качестве ближайших аналогий им приведены серьги из могильника у с. Балабаны и из Нимфейского кургана 1868 г. [Мартынов, 1999, с. 37].

Наиболее интересны золотые аппликации, нашивавшиеся на одежду и (или) головной убор [ср. Артамонов, 1966, рис. 136–138].

Фигурные бляшки в виде лежащего льва (рис. 10: *3*) влево [Артамонов, 1966, рис. 136]. На хранении находится 2 экземпляра. Длина пластин 3,9 см. Прямых аналогий неизвестно, хотя сходные по размерам и стилю фигурки зверей не редкость в близких по времени богатых курганах Степного Причерноморья и Восточного Крыма.

Прорезные бляшки с контурной фигуркой бородатого сфинкса влево (рис. 10: *1*). Сохранность различная. На хранении находится 9 экземпляров. Размеры целых пластин 2,8 х 2,6 см. Крепление к основе осуществлялось через 4 отверстия. Близкие бляшки с более тщательным изображением сфинкса известны в кургане 24 некрополя Нимфея [Артамонов, 1966, с. 95, рис. 35].

Прорезные бляшки с вырезанной по контуру фигуркой стоящего грифона (химеры) влево (рис. 10: *2*). Полный профиль восстанавливается в 13 случаях. Сохранность различная. Крылья и хвост заканчиваются птичьими головками. Размеры 2,9 х 2,8 см. Крепление осуществлялось через 6 отверстий. Близких аналогий нам не известно.

Подовальные бляшки с изображением лежащего козла влево, 41 экземпляр. Размеры в среднем 1,8 х 1,6 см. На каждой бляшке 4 от-

[38] Не исключено, что «бронзовое копье» связано с разрушенным погребением иного времени, возможно скифскому кургану здесь предшествовал небольшой курган эпохи бронзы.

[39] В коллекциях эти сосуды, равно как и амфоры, не обнаружены.

верстия для пришивания. У 10 бляшек в нижние отверстия вставлены две, а в одном случае три золотые желудевидные подвески (рис. 8: *1, 3*). Можно предполагать, что с этими же украшениями связаны и три обломка золотых желудевидных подвесок, предположительно обнаруженных (№ 124 в описи) в одном из Талаевских курганов. Фигурки лежащего козла выполнены совершенно в том же стиле, что и фигурки лежащих хищников на головном уборе из кургана 45 у Любимовки [Лесков, 1972, рис. 16] и фигурки грифона (?) в одном из курганов, раскопанных в окрестностях Бельского городища [Кулатова, Супруненко, 2010, с. 76] и фигурки зайца в Первом Мгарском кургане [Кулатова, Супруненко, 1996, рис. 16–17]. Для таких изделий можно предполагать одну мастерскую.

Судя по некоторым деталям декора, все пластинки произведены, в двух мастерских или в одной, но двумя мастерами: сфинксы, грифоны и львы являются продукцией одной из них, фигурки козла изготовлены в совершенно ином стиле. Однако, в любом случае, это греческие изделия. Веселовский допускал, что украшения из третьего кургана Дорт-Обы происходят от головного убора. В пользу этого свидетельствует и тщательно прослеженный набор пластинчатых украшений погребения 2 из расположенного в Приазовье кургана 8 группы Волчанск I, относившихся как к головному убору, так и к ожерелью [Полин, Кубышев, 1997, рис. 8, 9]. Погребение отнесено исследователями к началу IV в. до н. э. [1997, с. 40, 41]. Наиболее близкую реконструкцию женского конусовидного головного убора предлагает для Бердянского кургана и Л. С. Клочко [1986, с. 19; 1999, с. 107, рис. 4], из этого же комплекса аппликаций происходят и достаточно близкие изображения животных. Не исключено, что в Дорт-Обе, так же как и в двух последних комплексах, часть бляшек украшала ожерелье или ворот платья. Вероятно, в таком же стиле была украшена одежда из погребения в Нимфейском кургане 17 [см. Уильямс, Огден, с. 132–135, кат. 76–80].

Округлые бусы из синего глухого стекла с многочисленными синими глазками с белым ободком относятся к типу 78 по Е. М. Алексеевой и датируются V – III вв. до н. э. [1975, с. 68]. К этому же типу можно отнести и меньшие по размеру глазчатые с желтоватым ободком бусы из синего и черного стекла (рис. 8: *4*).

Вероятно, к этому же погребению относятся обломки железных предметов, возможно стержней, упомянутых при описании «патеры» и фрагменты каких-то деревянных изделий.

В целом же женское погребение из кургана Дорт-Оба 3 может быть поставлено в ряд с небольшой серией богатых женских захоронений V – IV вв. до н. э. [ср. Клочко, 1986; Лесков 1972] из Степной и Лесостепной Скифии. Судя по амфоре с клеймом Аргея, оно синхронно кургану Пастака. На вопрос, почему это женское погребение не стало впускным в самом кургане Пастака, убедительного ответа нет. Можно лишь предполагать, что этому препятствовали какие-то традиции, требовавшие отдельного захоронения женщины.

Курган 4 эпохи бронзы, высота насыпи до раскопок 2 ½ арш. или 1,7 м [ср. Колтухов, 2008, с. 19]. Замыкал с северо-востока цепочку курганов Дорт-Обы (рис. 1; 2). Впускное погребение скифского времени было обнаружено в центре кургана. При его сооружении была разрушена основная (?) каменная гробница эпохи бронзы [ОАК-1892, с. 11]. Погребальное сооружение представляло собой подбойную могилу (рис. 11: *1*), ориентированную с запада на восток, размеры подбоя: длина 2 арш. 8 верш. (около 1,9 м) ширина 1 арш. 12 верш. (1,2 м) [Веселовский, 1892, л. 25], каменный заклад подбоя разобран при ограблении. Захоронение человека было совершено головой на запад [Кашпар, 1892, с. 118]. Помимо костей человека в могиле найдены кости быка [ОАК-1892, с. 11], вероятно остатки жертвенной пищи. Пучок стрел с бронзовыми наконечниками был найден у южной стены подбоя. Среди находок в подбое упомянуты бронзовые наконечники стрел, три железных наконечника копий, глиняный горшок, во входной яме фиксировали обломки глиняных горшков и патер, и бронзовые наконечники стрел. К сожалению, находки из этого кургана в музейных хранилищах не обнаружены. Судя по описанию могилы и находок, погребение могло относиться к V – IV вв. до н. э., скорее всего, оно синхронно известным нам скифским погребениям могильника Дорт-Оба.

Курган 5 эпохи бронзы, высота до раскопок 2 арш. 10 верш. (1,9 м). Располагался юго-западнее кургана 1 (рис. 1; 2). В насыпи было обнаружено разграбленное погребение скифского времени. Среди находок упомянуты человеческие кости, сетчатый лекиф без горлышка, костяное пряслице, несколько бронзовых наконечников стрел, бронзовые кольца [ОАК-1892, с. 13]. В числе находок, поступивших в музей ТУАК предметы из этого погребения не числятся [ИТУАК, 1892, 16,

с. 132]. В коллекции Эрмитажа находится 50 наконечников стрел, два кольца и перстень.

Бронзовое круглопроволочное кольцо с заходящими друг за друга концами, диаметр 3 см (рис. 11: *2*). Представляет собой либо серьгу, либо височное кольцо. Относится к типу широко распространенному в Скифии [Петренко, 1978, табл. 23–26].

Бронзовая серьга диаметром 1,5 см со сходящимися концами (рис. 11: *3*), один из которых приострен. Подобные изделия хорошо известны в Скифии ([Петренко, 1978, табл. 27]. В данном случае, равно как и в предшествующем, сколько-нибудь узких датировок не получается, а территория распространения серег столь же обширна.

Перстень серебряный, диаметр округлого щитка 1,7 см. Кольцо состоит из двух изогнутых стержней, отходящих от щитка (рис. 11: *4*). Изделия такого типа со щитками разной формы с декором и без него широко известны в Скифии [Петренко, 1978, табл. 51–52] в V – IV вв. до н. э.

Наконечники стрел более разнообразны. По форме насада они делятся на две группы: 1) с выделенной втулкой — 37 экз. и 2) базисные (Б) с внутренней втулкой — 13 экз.

По форме поперечного сечения в наиболее широкой части головки [Куринских, 2011, с. 43–44] выделяются два отдела наконечников: 1) трехлопастные (3л) — 46 экз. и 2) трехгранные (3г) — 4 экз.

Трехлопастные наконечники в основании головки имеют ложки, а в верхней части — гладкий трехгранный боек. Ложки имеют сводчатую (44 экз.) и П-образную (2 экз.) форму. Наличие ложков позволяет рассматривать форму головки как трехлопастную с трехгранным бойком. Такие наконечники могут называться также трехгранно-трехлопастными [Очир-Горяева, 1996, с. 42] или трехгранными с ложками [Куринских, 2011, с. 45].

Форма головки всех наконечников в плане является вытянутой треугольной. Основание головки может быть: 1) прямым (Т и БТ — 12 экз.), 2) с тремя опущенными ниже основания лопастями-жальцами (ТЖ и БТЖ — 38 экз.).

По сочетанию насада, поперечного сечения и формы головки выделяется 6 типов наконечников, которые по классификации А. И. Мелюковой относятся к третьей хронологической группе второй половины V – начала IV в. до н. э. [Мелюкова, 1964, с. 17, 28, рис. 1].

Первый тип (Т,3л, рис. 12: *1–6*) представлен шестью (12 %) трехлопастными (3л) наконечниками с треугольной формой головки, прямо срезанными к втулке лопастями и выделенной втулкой. Ложки наконечников сводчатой (5 экз., рис. 12: *2–6*) и П-образной (1 экз., рис. 12: *1*) формы. Размеры наконечников: длина от 22 до 31 мм, ширина от 6,4 до 8,6 мм, длина бойка от 3 до 9 мм, вес от 0,9 до 2,8 г [Мелюкова, 1964, тип II,4,*3*].

Подобные по типу и размерам наконечники встречены в скифских погребениях второй – третьей четверти V в. до н. э.: Рылеевка 2/2 [Колтухов, 2012б, рис. 60, 7, 22, 28], Калинино 3/3 [Колтухов, 2012а, рис. 9, 13, 4], Снежное ящик № 1 [Колтухов, 2012б, рис. 25, 19, 5]. Лишь один наконечник данного типа (рис. 12: *3*) находит ближайшие аналогии в погребении Ак-Таш 36/1 конца V – первой половины IV в. до н. э. [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 170, рис. 36, 7].

Ко второму типу (ТЖ,3л, рис. 12: *7–37*) отнесены трехлопастные наконечники с короткой выделенной втулкой и узкой треугольной головкой с косо срезанными под острым углом к втулке лопастями-жальцами (31 экз., 62%). Ложки наконечников в основном сводчатые и лишь один экземпляр имеет П-образную форму (рис. 12: *10*). Размеры наконечников: длина от 22,9 до 32 мм, ширина от 6,9 до 9,7 мм, длина бойка от 3 до 9,2 мм, вес от 0,9 до 2,5 г [Мелюкова, 1964, с. 17, 28, рис. 1, тип II,4,*6*]. Близкие по форме и размерам наконечники найдены, например, в погребениях Братское, Котельниково 1/5, Гвардейское 2/1, Сторожевой разъезд 1/3 и др. второй половины V – первой половины IV в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 245, рис. 85, 2, 20; Колтухов, 2014, с. 63, рис. 2, 11, 18; с. 68, рис. 7, 12, 14; Колотухин, 2000, с. 110, рис. 30, 19, 5].

Третий тип (БТ,3л, рис. 12: *38–41*) включает в себя четыре (8 %) трехлопастных базисных наконечника со скрытой втулкой и прямым основанием головки треугольной формы. Ложки головок сводчатые. Длина наконечников колеблется в пределах от 32,5 до 25 мм, ширина — от 9,5 до 8,1 мм. Длина бойка от 4,9 до 3,3 мм, вес от 0,6 до 0,4 гр. [Мелюкова, 1964, тип II,5,*9*]. Ближайшие аналогии этим наконечникам можно найти в погребениях: № 2 Двугорбой могилы, датируемой первой четвертью IV в. до н. э. [Привалова, Зарайская, Привалов, 1982, с. 158, 178, рис. 8, 14] или рубежом V – IV вв. до н. э. [Монахов, 1999, с. 162–163], Дальнее 8/3 первой половины V в. до н. э. и Дальнее 4/3 V – IV вв. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 237, рис. 77, 2, 2; с. 240, рис. 80, 4], Колоски 7/1 первой половины V в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 182, рис. 22, 14, 6].

Четвертый тип (БТ,3г, рис. 12: *42–43*) представлен двумя (4%) базисными трехгранными наконечниками с головкой треугольной формы без ложка. Длина наконечников 30,6–28,4 мм, ширина 8,5–8,1 мм. Вес 0,5–0,6 г [Мелюкова, 1964, тип III,4,*1*]. Аналогичные наконечники найдены в погребениях Дальнее 2/4 второй половины V – начала IV в. до н. э. [Колтухов 2012б, с. 241, рис. 81, 3, 21] и Львово 19/1 первой половины IV в. до н. э. [Кубышев, Николова, Полин, 1982, с. 145, рис. 15, 5].

Пятый тип (БТЖ,3л, рис. 12: *44–48*) включает пять (10%) трехлопастных базисных наконечников со скрытой втулкой, треугольной головкой и срезанными под острым углом к основанию тремя свисающими лопастями-жальцами. Ложки имеют сводчатую форму. Длина головки наконечника от вершины бойка до основания от 26,1 до 18,1 мм, ширина от 9,3 до 7,8 мм. Длина лопастей-жалец от 28,4 до 19,9 мм. Длина бойка от 5,3 до 2,1 мм [Мелюкова, 1964, тип II,6,7]. Подобные наконечники известны в погребениях Шубино 20/7 начала IV в. до н. э. [Колтухов, 2012а, с. 134, рис. 25, 8, 78, 81, 83] и Братское 7/3 второй половины V в. до н. э. [Колтухов 2012б, с. 245, рис. 85, 2, 23]. Лишь один наконечник данного типа (рис. 12: *48*) находит аналогии в погребении Котельниково 1/2 конца VI – первой половины V в. до н. э. [Колтухов, 2014, с. 63, рис. 2, 6, 2].

Шестой тип (БТЖ,3г, рис. 12: *49–50*) отличается от предыдущего лишь трехгранной формой в поперечном сечении головки. Сюда входят два (4%) наконечника без ложков. Длина головки наконечников от вершины бойка до основания 25,5 и 21,6 мм, ширина 7 и 7,7 мм. Длина лопастей-жалец 26,6 и 24,6 мм [Мелюкова, 1964, тип III,7,*7*]. Подобные наконечники известны в погребениях Братское 7/3 второй половины V в. до н. э. [Колтухов 2012б, с. 245, рис. 85, 2, 8], Дальнее 2/4 второй половины V – начала IV в. до н. э. [Колтухов 2012б, с. 241, рис. 81, 3, 5], Красноярское 11/9, начала IV в. до н. э. [Колтухов, 2012б, с. 214, рис. 54, 6, 14].

Датировка стрел данного колчанного набора в основном не выходит за рамки второй – третьей четверти V – первой половины IV в. до н. э. Лишь отдельные экземпляры (рис. 1: *39, 41, 48*) находят аналогии в отмеченных выше комплексах стрел конца VI – первой половины V в. до н. э.

Интересно, что по количеству стрел каждого типа, выраженному в процентах, наибольшее сходство с набором наконечников данного погребения имеет комплекс стрел колчана № 6 из кургана № 8 Елизаветовского могильника [Мелюкова, 1964, табл. IV, 46] второй половины 50-х – середины 30-х гг. IV в. до н. э. [Монахов, 1999, с. 362].

Таким образом, по приведенным аналогиям наконечники стрел кургана № 5 на землях Пастака можно расположить в широких рамках второй половины V – первой половины IV в. до н. э. В целом же, с учетом датировки скифских погребений этого могильника, датировка погребения возможна в хронологических рамках конца V – начала IV в. до н. э.

Результаты раскопок погребений курганного могильника Дорт-Оба в Предгорном Крыму свидетельствуют о том, что Н. И. Веселовский обнаружил в этих курганах небольшую группу близких по времени скифских погребений, среди которых выделяются захоронения скифской аристократии среднего уровня. Как мы уже указывали в описании богатых захоронений, они, исходя из датировки по С. Ю. Монахову, могут относиться к 90–80 гг. IV в. до н. э., хотя остальные находки свидетельствуют в пользу формирования комплексов из предметов второй половины – конца V в. до н. э. Однако недавно С. В. Полин незначительно понизил эту датировку предложив отнести Курган Пастака к 400–390 гг. до н. э. [2014, с. 306], видимо эту же дату следует принять и для кургана Дорт-Оба 3. Интересно, что погребения либо совпадают со временем непосредственно предшествующим началу Боспоро-Феодосийской войны, либо синхронны ее началу [ср. Колтухов, Сенаторов, 2014а; Колтухов, Сенаторов 2014б]. Следовательно, скифская аристократия среднего уровня, такая же, как и в Первом Завадском кургане, и в кургане 5 у Архангельской слободы, у рубежа V – IV вв. до н. э. постоянно присутствовала в Степном и Предгорном Крыму. Скорее всего, правители Боспора нашли в их лице новых союзников в борьбе с Феодосийским полисом и тут возникает вопрос, что же было обещано скифам? Однако это тема другой работы.

Abstract

S. G. Koltukhov, S. N. Senatorov

SCYTHIAN BURIALS IN THE BURIAL MOUND DORT-OBA

The results of the excavation of burials of the burial mound Dort-Oba in the foothills of Crimea give the evidence that N. I. Veselovsky found a small group of close time Scythian burials in these mounds, among them were the burials of the Scythian middle aristocracy. As we have already pointed out in the description of the rich graves: they (based on the dating of S. Y. Monakhov) may relate to 390–380 B.C. The rest of the findings give an evidence in favor of the formation of complexes of the subjects in the second half – the end of 5th B.C.

Recently S. V. Polin slightly lowered this date, suggesting the attribute the Pastak Barrow to 400–390 B.C. (2014, p. 306). Apparently the same date can be attributed to the Barrow Dort-Oba 3. It is interesting that the burials in these barrows coincide with the time preceding the beginning of the war between Bosporus and Theodosia or coincide with its beginning. Consequently, the Scythian middle aristocracy (the same as in the first Zavadsky mound and in the mound №5 near Arkhangelskaya Sloboda), constantly presented in the steppe and foothill Crimea at the turn of 5th – 4th century B.C. Most likely, the rulers of the Bosporus found new allies in their face in the fight against Theodosia and then the question arises, what was promised to the Scythians.

Key words: foothills of Crimea, early Iron Age, Scythian, aristocracy burials, burial mound Dort-Oba.

Цветной рис. 1 расположен на стр. 585.

(Рис. 1. Местоположение и план курганного могильника Дорт-Оба)

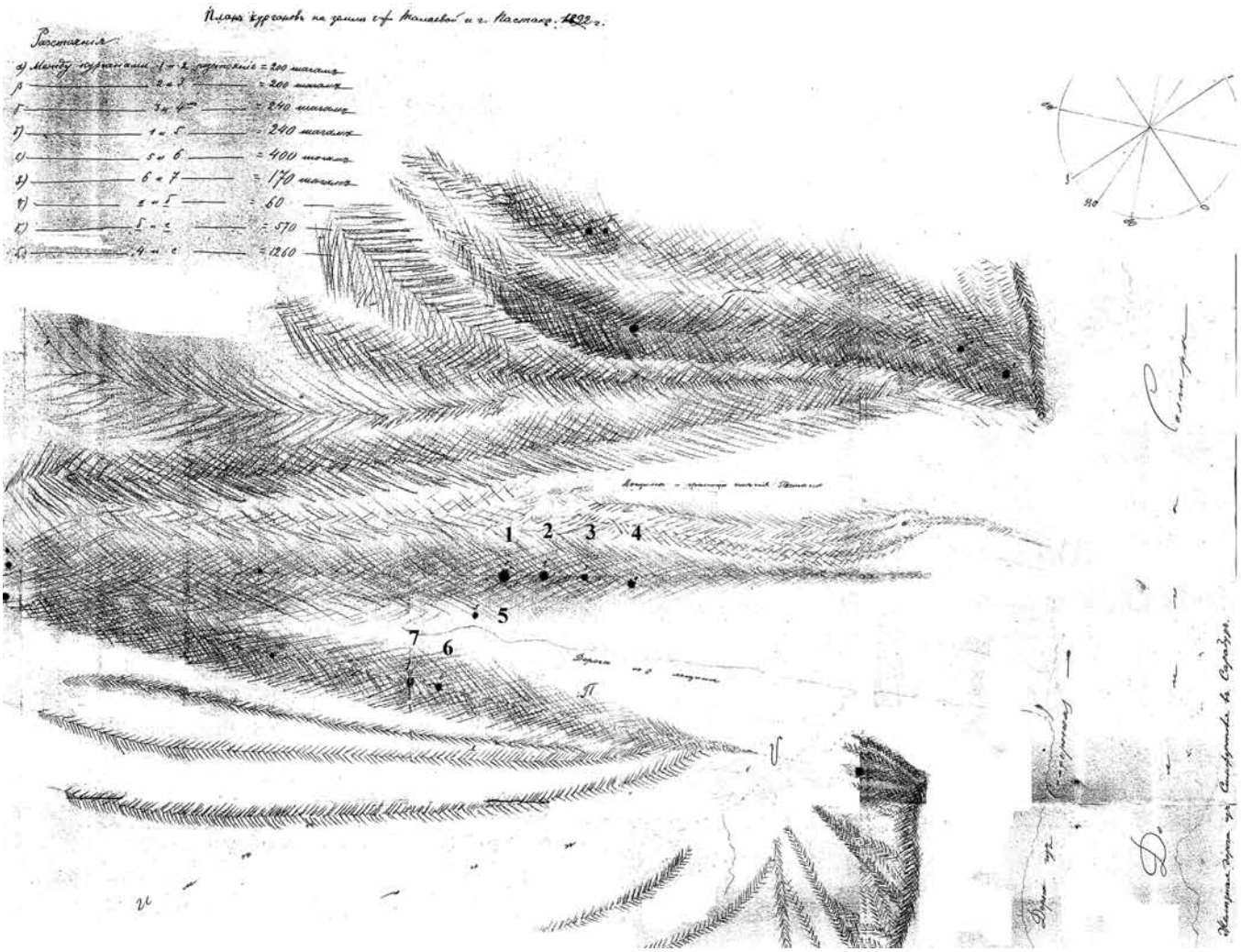


Рис. 2. План могильника по Х. А. Монастырлы, 1892 г.
Нумерация курганов продублирована С. Г. Колтуховым

Цветные рис. 4–6 расположены на стр. 586–588.

(Рис. 4. 1 — Железный нож. 2 — Изделия из бронзы. 3 — Комок бронзовых наконечников стрел. 4 — Ромбические золотые бляхи. 5 — Треугольные золотые бляхи. 6 — Серебряный гвоздик. 7 — Обломки накладной пластины.

Рис. 5. Чаши. 1–4 — чаша с гладкими накладками, 5–7 — чаша с рельефными накладками.

Рис. 6. Горит. 1 — Фотография горита. 2 — Прорисовка пластин горита (по ОАК-1892). 3 — Дно горита)

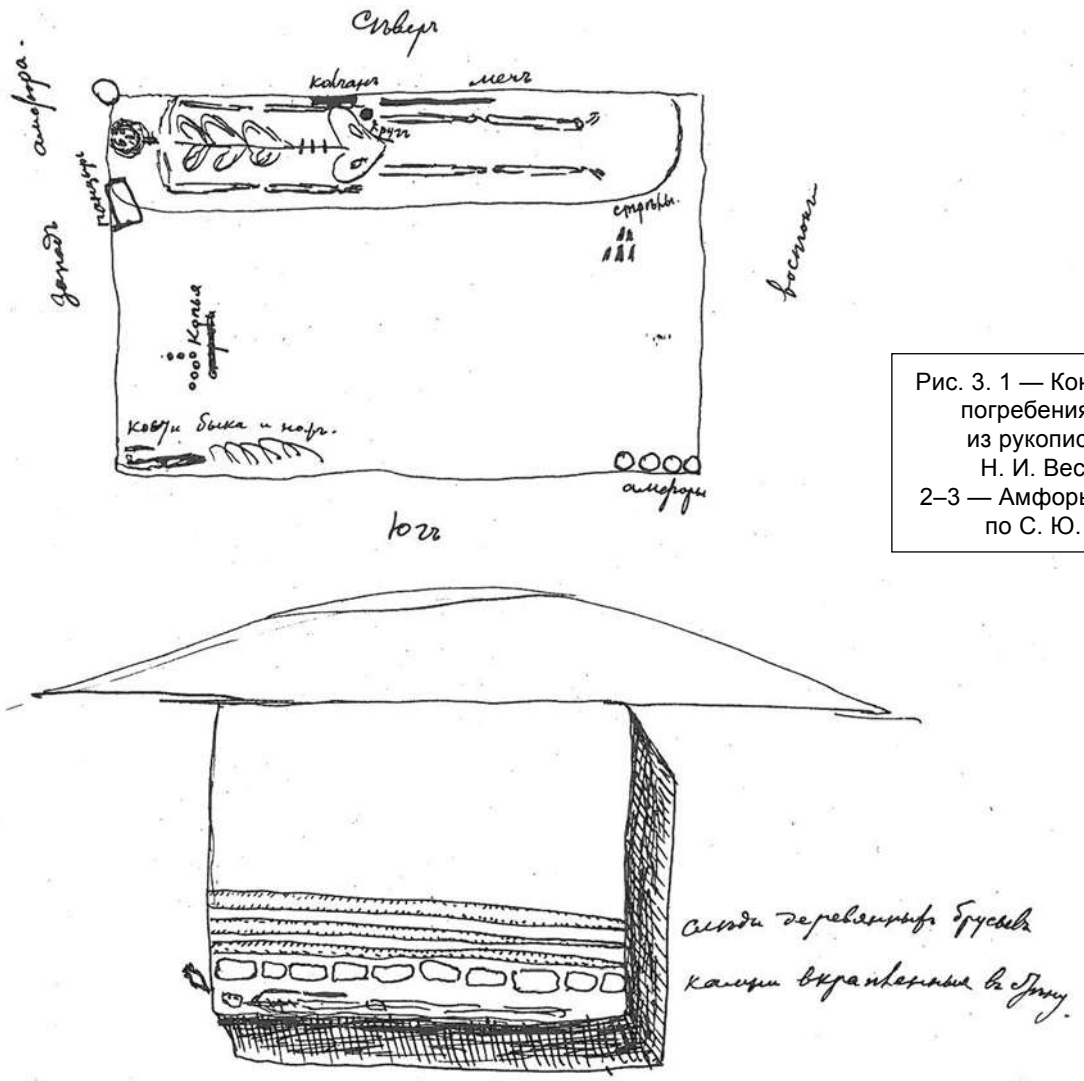
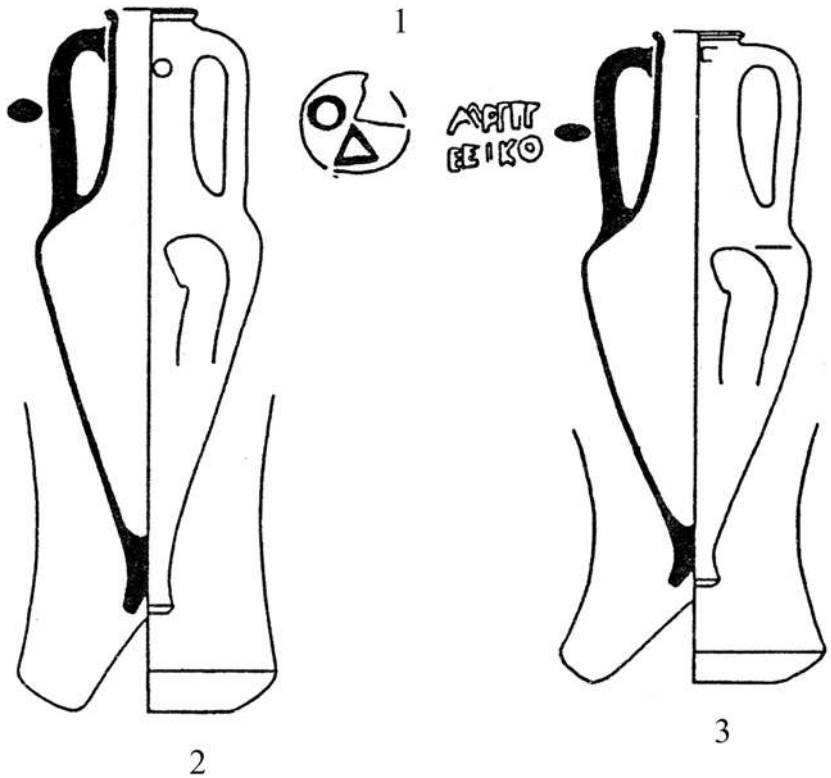


Рис. 3. 1 — Контурный рисунок погребения в кургане 2 из рукописного отчета Н. И. Веселовского. 2–3 — Амфоры из погребения по С. Ю. Монахову



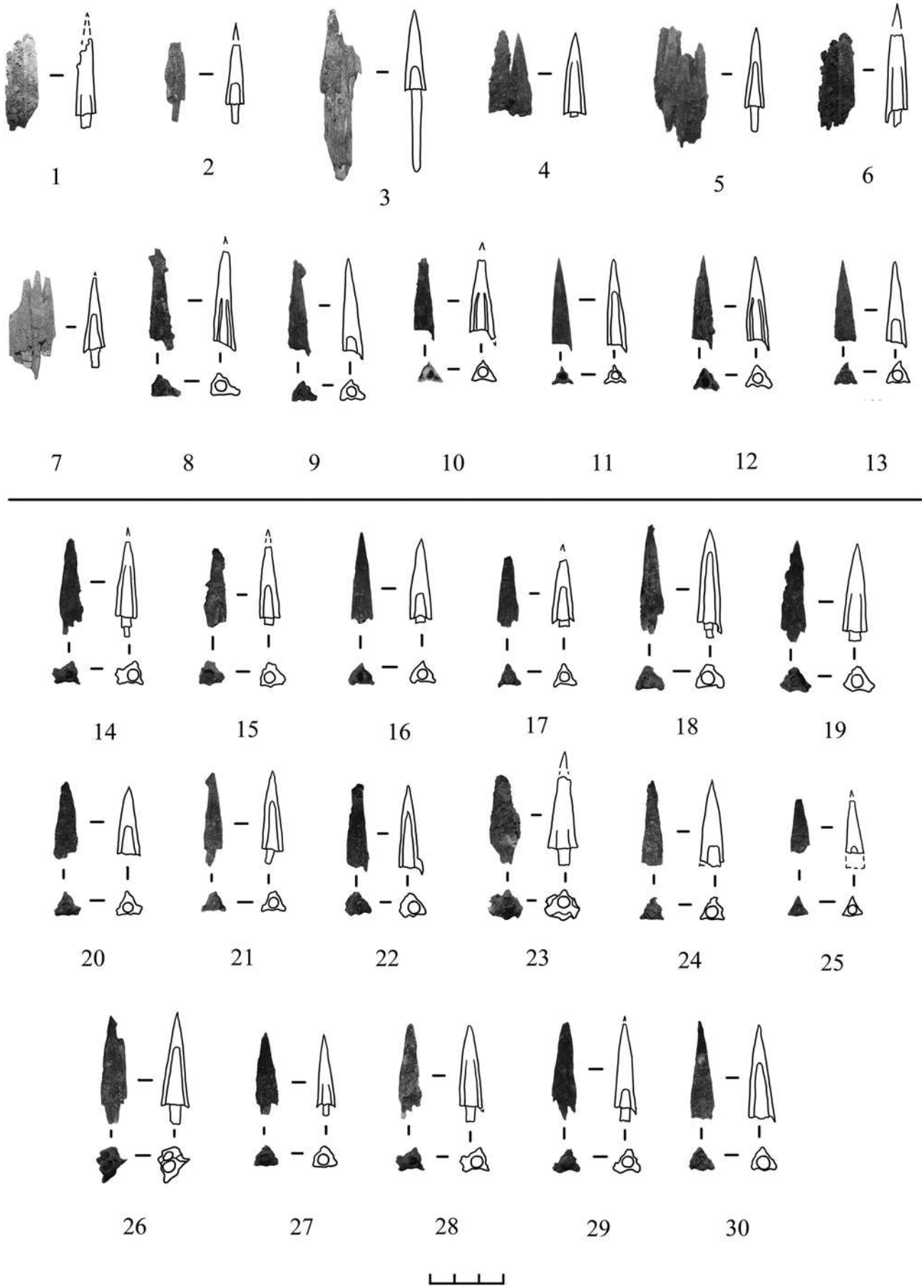
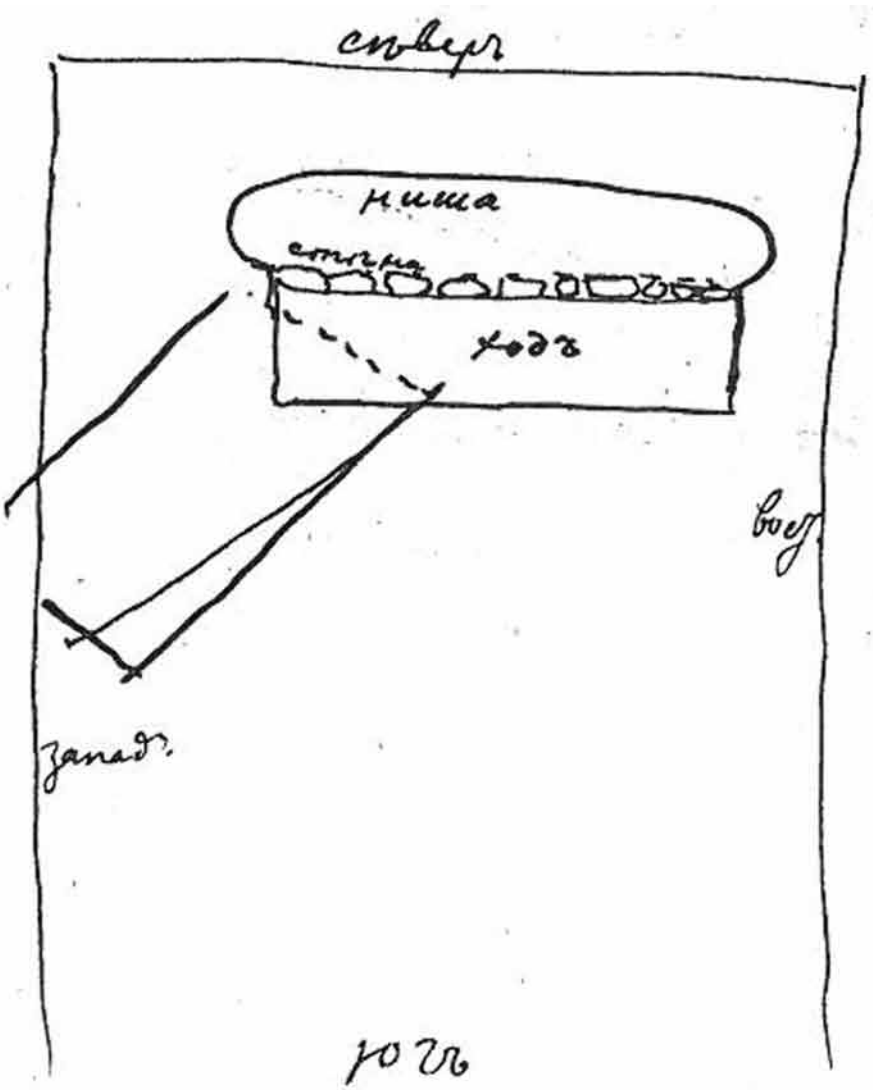


Рис. 7. Бронзовые наконечники стрел. 1–13 — колчан № 1; 14–30 — колчан № 2 (?)



Цветные рис. 8–10 расположены на стр. 589–591.

(Рис. 8. Украшения из кургана Дорт-Оба 3.
1 — Бляшки в виде фигурки лежащего козла, изделия дополнены желудевидными подвесками. 2 — Серебряный перстень с гладким щитком. 3 — Бляшки в виде фигурки лежащего козла. 4 — Глазчатые бусы из глухого стекла.

Рис. 9. Серьги из погребения кургана Дорт-Оба 3.

Рис. 10. Золотые украшения головного убора из кургана Дорт-Оба 3.
1 — Бляшки в виде сфинкса. 2 — Бляшки в виде грифона. 3 — Бляшка в виде льва (по: Артамонов, 1966).)

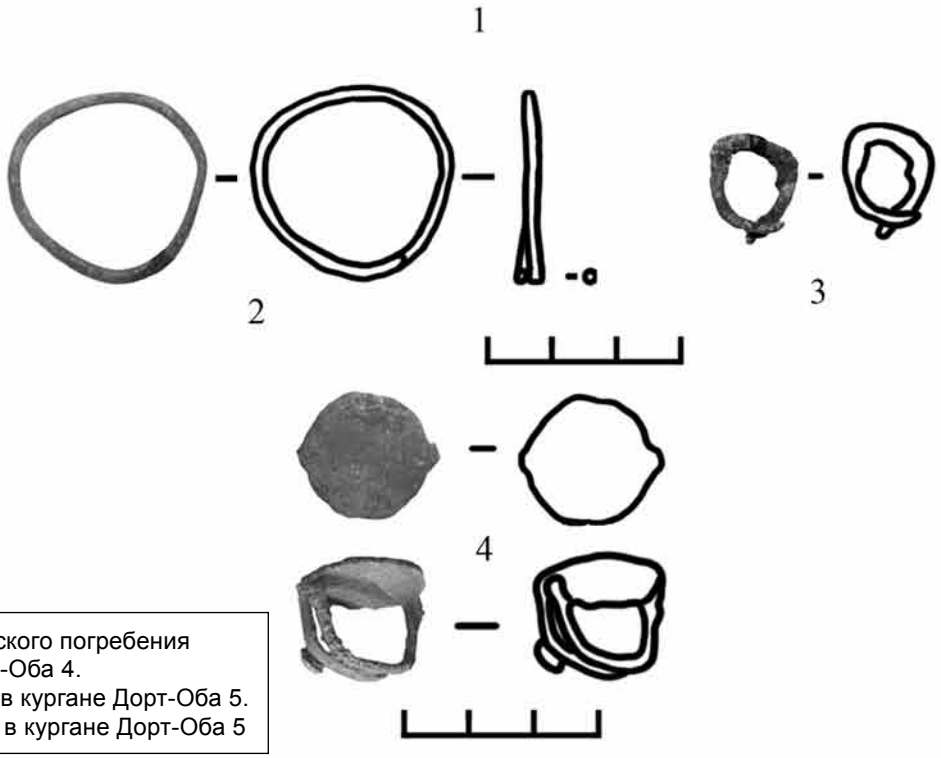


Рис. 11. 1 — План скифского погребения в кургане Дорт-Оба 4.
2–3 — Серьги из погребения в кургане Дорт-Оба 5.
4 — Перстень из погребения в кургане Дорт-Оба 5

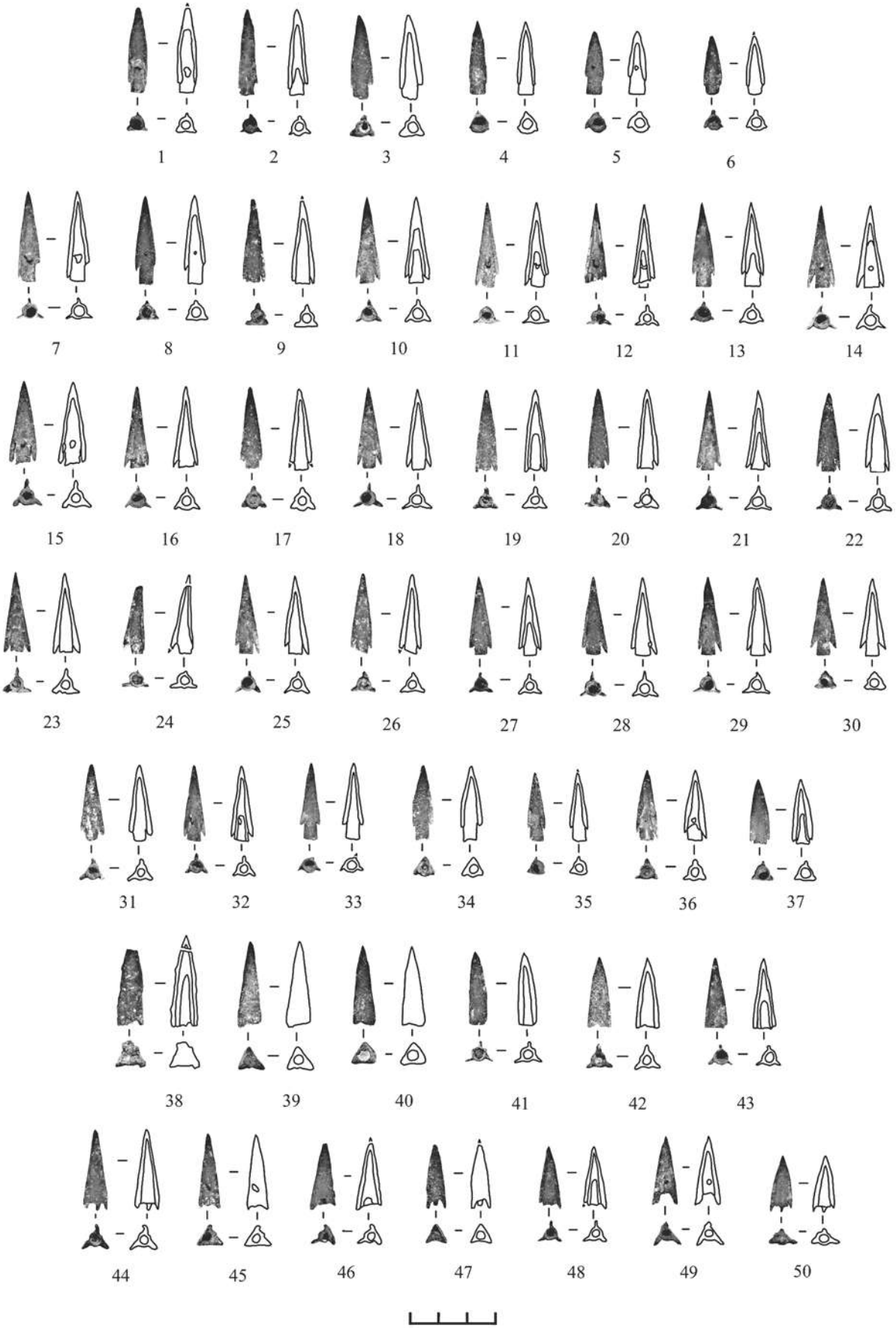


Рис. 12. Наконечники бронзовых стрел из погребения в кургане Дорт-Оба 5

В. А. Кутайсов

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

На археологической карте Северо-Западного Крыма в настоящее время значится несколько сотен археологических памятников, подавляющее большинство из них остаются для нас до настоящего времени анонимными. Античные авторы и эпиграфические документы донесли до нас лишь несколько исторических топонимов, на анализе которых мы остановимся ниже. Среди них: Каркинитида, Керкинитида, Калос Лимен, Дандака, Тамирака, Парасин, Гипакирис, Тракана, Тарга-Тарка, Каркинитский или Тамиракский залив, Кокино форос. К сожалению, из них только два урбонима надежно локализованы на конкретных археологических памятниках: Каркинитида-Керкинитида на античном городище, расположенном на Карантинном мысу в центре современной Евпатории, и Калос Лимен на северном берегу Ак-Мечетской в пгт. Черноморское.

Ключевые слова: Евпатория, Гипакирис, Дандака, Донузлав, Калос Лимен, Каркинитида, Каркинитский залив, Керкинитида, Кокино форос, Парасин, Тамирака, Тамиракский залив, Тарга-Тарка, Тарханкут, Тракана, Ак-Мечеть, Черноморское.

Прибрежная сторона северо-западного Крыма составляла отдаленную хору Херсонеса (χώραν …Χερσονασιτᾶν) [Латышев, 1909, с. 143; IosPE, I², 401; SYL³, 360]. Декрет в честь Дифанта называет более определенно: приморской полосой, приморским краем или побережьем (τά παραθᾶλάσσια) [IosPE, I², 352, SYL³, 709]. В переводе В. В. Латышева, С. А. Жебелева и Э. И. Соломоник — это приморские местности [IosPE, I², 352; Жебелев, 1953, с. 98; Соломоник, 1990, № 11]. Еще один почетный декрет конца II в. до н. э. упоминает местность возле Калос Лимена (κατὰ Καλὸν λι[μένα] τόπο[υ]ς [IosPE, I², 353]. И, наконец, упоминаемая в херсонеесской присяге и декрете в честь Агасикла равнина (τό πεδίον) [IosPE, I², 401; 418], под которой, безусловно, следует понимать западную часть равнинного Крыма с его бесконечными плодородными землями и хлебными нивами.

Crenica, Crerenichi, Crichiniri, Chiiti, Chirechiniti, Trinici. Атлас Таммара Луксора начала XIV в., портолан Грагиоза Бенинказы 1474 г., карта Г. Меркатора 1595 г. [Desimoni, Belgrano, 1867, p. 125; Desimoni, p. 250; Кордт, 1899, I; 1910, XI]. Генуэзское название античного города Каркинитиды или Керкинитиды. К. Десимони и Л. Т. Белграно и первоначально Ф. Брун располагали его в Козлове или Евпатории [Desimoni, Belgrano, 1867, p. 125; Брун, 1872, с. XXIII], К. Десимони и впоследствии Ф. Брун — возле озера Донузлав [Desimoni, 1867, p. 250; Брун, 1880, с. 7].

Δανδάκη (Dandace). Дважды упоминается авторами римской эпохи. Клавдий Птолемей во II в. до н. э. сообщает координаты населенного пункта [Ptol., Geogr., III, 6, 2], из которых становится ясным, что он располагался чуть западней и северней Херсонеса, восточней и южней Прекрасной Гавани. Аммиан Марцеллин в конце IV в. до н. э. называет Дандаку наряду с Евпаторией и Феодосией городами: «sunt autem quaedam per Tauricam civitates, inter quas eminet Eupatorie et Dandace et Theodosia» («В Таврике есть несколько городов, между которыми выдается Евпатория, Дандака, Феодосия» — пер. В. В. Латышева) [Amm., Marc. XXII, 8, 36]. Имя Дандаки по первым двумя буквам восстанавливается в 40-м фрагменте Афинского податного списка за 425 г. до н. э. среди Евксинских полисов: Δα[νδάκε] [Meritt, West, 1934, с. 69; ATL, 1939, p. 157, 460, 478–479].

Само это слово относится к исконному иранскому фонду: dantā — «зуб»; авест. dantan, староос. dandāk, ос. dœndag [Абаев, 1949, с. 161–162, 1958, с. 355]. Исходя из семантики слова, лингвисты полагают, что таким термином обозначался какой-то каменистый мыс или зубовидный выступ [Миллер, 1882, с. 47; Tomachek, 1901, s. 2099; Vasmer, 1923, s. 70; ATL, 1939, p. 478–479]. П. Н. Шульц располагал рассматриваемый урбоним на берегу озера Донузлав, с которым он воспринимал древнюю реку Каркинит [1941, с. 271]. Основываясь на линейных расчетах и геоморфологических особенностях, А. Н. Щеглов локализовал Дандаку на Усть-Альминском городище [1965, с. 110–113; 1968, с. 337, карты VI – VII], с чем согласились Д. С. Раевский [1968, с. 131, прим. 36] и первоначально В. Г. Зубарев [1998, с. 62]. Против такого отождествления античного города и конкретного археологического памятника выступила Т. Н. Высотская, где по ее мнению располагался древний Палакий [1972, с. 67–68; 1983, с. 116; 1994, с. 13]. В своей новой монографии В. Г. Зубарев расположил Дандаку на Булганакском городище, не исключая возможности обозначение таким же именем и реки Западный Булганак [2005, с. 207; ср.: Щеглов, 1965, с. 109–110]. И, наконец, один из авторов этих строк продолжает называть Дандакой самую оконечность скального Тарханкутского мыса. Невдалеке от последнего, в глубине Караджинской бухты и на берегу не существующего в древности озера, располагается одно из самых крупных античных городищ Северо-Западного Крыма — Караджинское [Кутайсов, 2013, с. 173–174].

Донузлав<Донкуз-леве. Первая часть названия этимологизируется из тюркского *доӈуз* — ʼсвинья; ʼ*лаб(лав)*ʼ — перс. ʼберегʼ, в переносном толковании названия ʼгрязный, топкий берегʼ [Суперанская, 1969, с. 192; Суперанская, Исаева, Исхакова, 1995, с. 159]. По А. Р. Кемаловой: «Домуз» — кабан, «лав» — гнездо — кабанье логово / пристанище [Кемалова, 2014, с. 159]. Однако не трудно в первой части гидронима прочитать скифское слово dānu — «река» [Абаев, 1949, с. 162]. «Элемент dānu в составе гидронима — такой же верный признак скифского присутствия как знаменитые трехгранные наконечники стел» [Абаев, 1990, с. 202]. По мнению названного автора, «переход dan — don произошел не ранее XIII – XIV вв., когда осетинский элемент массово не был уже представлен в Южной России» [Абаев, 1949, с. 203; 1958, с. 367]. Впрочем, по О. Н. Трубачеву такие топонимы как Донузлав и Тарханкут, не принадлежат ни к греческой, ни тем более к тюркской этимологии [Трубачев, 1999, с. 120].

Ἐυπατοριόν. Εὐπατορία πόλις. Eypatoria. Об Евпатории–Евпаторионе, основанном Диофантом, полководцем Митридата, впервые упоминает Страбон [Strabo., VII, 4, 7]. Вероятно, о том же городе, не называя его имени, сообщается в декрете в честь того же понтийского стратега. «τοὺς δὲ παροικοῦντας Ταύρους ὑ[φ᾽ ἑ] αυτὸν ποησάμενος καὶ πόλιν ἐπὶ τοῦ τόπου συνοικίζας» (подчинил себе окрестных тавров и основав город на том месте — пер. В. В. Латышева) [IosPE, I², 352; Syll³, 709]. По координатам Птолемея Евпатория город располагался чуть западней и северней Херсонеса, за перешейком у реки Каркинит в Понте [Ptol., Geogr., VI, 2]. Аммиан Марцелин перечисляет Евпаторию среди трех город Таврики [Amm. Mar. 35].

Д. С. Раевский локализовал Евпаторий в одной из наиболее ключевой точки Западного побережья Крыма, на современном городище Кара-Тобе, расположенном на стыке песчаных пересыпей двух крупных озер полуострова: Сакского и Сасык-Сивашского [Раевский, 1968, с. 132–133]. В. Г. Зубарев располагал ее на Чайкинском городище [2005, с. 204]. Однако в упомянутом херсонесском декрете вполне отчетливо сказано, что полис был основан на месте проживания окрестных тавров, то есть в ближайшей округи Херсонеса. В пользу сказанного можно привести и тот немаловажный факт, что к концу II в. до н. э. территория расселения названного этноса сильно сократилась по сравнению со времени труда Геродота, в сторону ее резкого уменьшения в южном направлении. В последнее время все больше исследователей склоняются к тому, что Евпаторий располагался поблизости Балаклавской бухты, возможно в западной части горы Кастрон [Херсонес Таврический, 2005, с. 254–256; Качарава, Квирквелия, 1991, с. 93–95].

Тем не менее, название древнего полиса сохранилось в топонимике Крыма до сих пор в наименовании одного из приморских городов на западном побережье полуострова, благодаря классически образованной администрации императрицы Екатерины II, переименовавшей турецко-татарский Гёзлев в Евпаторию [Кутайсов, 1992, с. 3–4; Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 107].

Καλὸς λιμήν (Calos limen). Прекрасная Гавань впервые упоминается на рубеже IV – III вв. до н. э. в гражданской присяге херсонеситов, где названа дважды и оба раза вместе с Керкинтидой [Латышев, 1909, с. 142–167; IosPE, I², 401; Syll², 360]. Вторым эпиграфическим документом конца

II в. до н. э., в котором упоминается Калос Лимен является декрет в честь полководца Митридата VI Евпатора Диофанта. Из него мы узнаем, что во время второго зимнего похода стратег «приступил к осаде жителей Прекрасного порта» («τοὺς δὲ τὸν Καλὸν λιμὲνα καταικοῦντας πολιορκεῖν ἐπεβάλετο») [IosPE, I², 352; Syll³, 709]. Третий документ — это псефизма в честь херсонеского ополчения, действовавшего в местах около Калос Лимена («κατὰ Καλὸν Λι[μένα] τόπο[υ]ς ») [IosPE, I², 353]. По всей видимости, херсонесский отряд сначала осадил, а затем и освободил Калос Лимен [Соломоник, 1990, № 12]. Современные исследователи относят диофантовы войны к периоду 113–111 гг. до н. э., а второй зимний поход полководца конкретно к 112 г. до н. э. [Виноградов, 1989, с. 249; Сапрыкин, 1996, с. 135]. М. И. Ростовцев восстанавливает в первой сохранившейся строчке надписи после упоминания скифов этноним сарматов: νικάσαν]τες παρατάξαει Σκύθας καὶ Σα[υρομάτας. Следовательно, около Калос Лимена произошла грандиозная битва между союзным варварским войском, Диофантом и херсонесским ополчением, благодаря которой был освобожден упомянутый городок и область вокруг него. Именно об этом сражении сообщает декрет в честь понтийского военачальника и Страбон [Ростовцев, 1915, с. 160–161; 1916, с. 6; Пальцева, 1988. с. 34].

Помпоний Мела около 44 г. н. э. ошибочно располагает Прекрасный Порт на южном берегу Крыма, в интервале между мысами Парфений и Криу Метоп [Pomp. Mela, II, 3]. Скорее всего, римский автор отождествил его с современной Балаклавской бухтой. Флавий Арриан, совершивший в 134 г. н. э. плавание по Понту, в своем перипле приводит завышенные линейные расстояния от Керкинитиды до Калос Лимена и от последней — до Тамираки. (30) «ἀπὸ Κερκινίτιδος ἐς Καλὸν λιμένα, Σκυθικὸν καὶ τοῦτον, ἄλλοι ἑπτακόσιοι.» (31) «Ἐκ δὶ Καλοῦ λιμένος ἐς Ταμυράκην τριακόσιοι» [Arr. PPE, 30–31]. Для нас особенно важно приводимое им уточнение, согласно которому он называет рассматриваемое поселение скифским. Ту же информацию в стадиях и милях повторяет анонимный автор: «Ἀπὸ δὲ Κορονίτιδος ἤτοι Κερκινίτιδος εἰς Καλὸν λιμένα Σκυθικὸν Χερσωνίτιδος στάδιοι φ, μίλια ϛγ, γ» [Ps. Arr. PPE., 83(57)]. Клавдий Птоломей в своем «Географическом руководстве» (II в. н. э.) приводит точные координаты Калос Лимен: 59°30′ – 47°45′ [Ptol., III, 5, 2].

Весьма путаную информацию приводит Страбон в «Географии» (7 г. до н. э.): «’Εκπλέοντι δ’εν ’αριστερᾶ πολίχνη και ’άλλος λιμην Χερρονησιτων» [Strabo., VII, 4, 2]. Г. А. Стратоновский переводит этот отрывок следующим образом: «При выходе из залива (тамиракского — *В.К.*), на левой стороне, лежит маленький городок и еще один залив херсонесцев» [Страбон, 1994, с. 282], а С. В. Мирошникова под редакцией В. В. Латышева: «Если плыть из Тамиракского (или Каркинитского) залива, то влево будет городок и другая гавань Херсонесцев» [Латышев, 1890, с. 123; 1909, с. 137]. В. В. Латышев полагал, что в тексте Страбона имеется довольно большая лакуна, в которой как раз и содержалось подробное описание побережья от выхода из Каркинитского залива до Херсонеса, где упоминался Калос Лимен и, быть может, Керкинитида. Под ’άllος λιμήν, по его мнению, Страбон подразумевал Севастопольскую бухту. «…если же названа «другая» гавань херсонесцев, то, значит, впереди было упоминание о какой-то первой по счету гавани их, под которой скорее всего мог быть назван Прекрасный порт» [Латышев, 1909, с. 132, 152]. Напротив, по мнению В. Г. Зубарева, под первой гаванью, то есть под πολιχνη, Страбон называл Калос Лимен, а под другой гаванью — Керкинитиду [Зубарев, 2005, с. 194–195]. Вместе с тем, в еще одном заливе херсонесцев можно видеть любую удобную гавань в интервале между Калос Лименом и Керкинитидой, например Караджинскую бухту, в самой западной точке Крымского полуострова. Сведения, приводимые Страбоном [Strab. XII, 3, 39], отличаются исключительной достоверностью, а сам он был родом из города Амасея на Понте, имеющей самые тесные торговые связи с Таврикой. Термином πολίχνιον Страбон всегда называет небольшие города — городки и никогда не путает их с деревнями κώμη [Грацианская, 1988, с. 125, прим. 117], а значит Калос Лимен обладал элементарной городской инфраструктурой: наличием крепостных стен, урбанистической жилой застройкой, культовыми постройками и т.д. [The Princeton Encyclopedia, 1979, p. 433; Литературу см.: Качарава, Квирквелия, 1991, с. 117–120].

Καρκινῖτις. «Καρκινῖτις πόλις Σκυθική» [Hec., fr. 153]. «Οι κατοικοῦντες Καρκινῖται» [Steph., Byz. s.v. Καρκινῖτις]. Каркинитида — город скифский; жители — Каркиниты. О том же пишет грамматик Элий Геродиан в сочинении «Об общей просодии» [IV, 195, 21].

«ἕκτος δὲ Ὑπάκυρις ποταμός, ὃς ὁρμᾶται μὲν ἐκ λίμνης, διὰ μέσων δὲ τῶν νομάδων Σκυθέων ρέων ἐκδιδοῖ κατὰ Καρκινῖτιν πόλιν» [Her., IV, 55].

«Шестая река — Гипакирис, которая устремляясь из озера и протекая посредине [области] скифов-кочевников, впадает [в море] близ города Каркинитида» (пер. И. А. Шишовой) [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 121].

«ἀπὸ Ἴστριυ αὕτη ἤδη (ἤ) ἀρχαίη Σκυθίη ἐστί, πρὸς μεσαμβρίην τε καὶ νότον ἄνεμον κειμένη, μέχρι πόλιος Καρκινίτιδας καλεομένης» [Her., IV, 99]. «От Истра идёт уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Каркинитидой» (пер. И. А. Шишовой) [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 139].

Рассматриваемый урбоним, по всей видимости, следует восстанавливать по первым двум буквам в Афинском податном списке за 425 г. до н. э. среди перечня понтийских полисов [πόλες] έκ το Εὐ[χσείνο]. Причем первоначально издатели документа воспроизводили имя полиса в форме Κα[ρκίνε], что вряд ли справедливо, так как в такой форме город называется только у римских авторов [Meritt, West, 1934, p. 69]. При повторной публикации наименование города интерпретируется как Κα[ρκινῖτις] [ATL, I, 1939, p. 157, 496–498]. Следует обратить внимание на тот факт, что в списке 429/428 гг. до н. э. Понтийский податной округ отсутствует, а, следовательно, причерноморские колонии могли быть инкорпорированы в Афинский морской союз в такой короткий промежуток времени, например, в 428 г. до н. э. [Meiggs, Lewis, 1969, с. 199]. Примерно в те же годы в Каркинитиде были отлиты монеты с дематикон в виде К – КА, находящиеся в обращении на протяжении последней трети V в. до н. э. Написание имени апойкии через вторую букву альфа засвидетельствовано на чеканенных монетах середины IV в. до н. э. – KAPK – KAPKINI [Кутайсов, 2013, с. 130 сл.].

В основе корня рассматриваемого топонима использовано название зоологического подтипа καρκίνος («рак или краб»), но так же terminus technicus — «щипцы, клещи») или личное имя Καρκίνος. Отсюда и несколько различающееся объяснение разными учеными семантики самого слова. Н. Надеждин понимал смысл урбонима как «город-клешня». Правда, исследователь располагал древний город на Кинбурнской косе, за пределами Крыма [Надеждин, 1844, с. 55, прим. 66]. По мнению В. А. Кутайсова название города определялось формой бухты, на берегу которой располагалась колония [1992, с. 55]. Следует, однако, заметить, что очертания побережья во время основания апойкии в середине VI в. до н. э. при более низком уровне моря несколько отличалось от современного: она не глубоко проникала в сушу. «По обилию водившихся здесь вплоть до недавнего времени крабов» происхождение названия колонии следует понимать как «Крабий» город [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 359]. К сожалению, названные авторы не обратили внимание на замечание А. А. Белецкого, объясняющего один из южнобережных топонимов Каркинеис как «место, где много крабов» [1969, с. 207].

Некоторые авторы предполагают, что своим названием Каркинитида обязана специфическому географическому положению на берегу Каркинитского залива. Так, «в соответствии с правилами древнегреческого словообразования и семантикой основы, что населенный пункт получил свое название от какого-то водного пространства, т.е. Καρκινῖτις (πόλις) от Καρκινίτης (κόλπος)» [Белецкий, 1969, с. 203, 207]. По интерпретации М. В. Скржинской, Каркинитида — место и город у Крабового залива или, что более предпочтительно, она названа по Каркинитскому заливу [1991, с. 165; 1998, с. 26]. И, наконец, Каркинитида, как полагает О. Д. Дашевская, обязана своим наименованием некому гераклейскому ойкисту Каркину [Дашевская, 1970, с. 125]. Литературу см.: [Качарава, Квирквелия, 1991, с. 122–123].

Κάρκινα πόλις. Oppidum Carcine. В таком написании урбоним впервые упоминается в 77 г. н. э. Плинием Старшим, называющий Каркину, прежде всего, укреплением (oppidum), расположенном на реке Пакирис [Plin., NH, IV, 84]. Помпоний Мела в 44 г. н. э. более определенно подчеркивает, что Каркина — это город (urbs) на берегу Каркинитского залива [Mela, II, 4]. Согласно приведенным Клавдием Птолемеем координатам Каркина располагалась западней и севернее Херсонеса [Ptol., Geogr., III, 5, 13]. По всей видимости, Каркина — сокращенное наименование города Каркинитида Гекатея и Геродота, с произведениями которых хорошо были знакомы просвещенные авторы римского времени. К аналогичному выводу пришел В. Г. Зубарев, по мнению которого таким несколько видоизмененным именем Каркина могло называться новое поселение на берегу Евпаторийской бухты, расположенное чуть в стороне от руин более ранней Керкинитиды Арриана [Зубарев, 2005, с. 199–200]. Литературу см.: [Качарава, Квирквелия, 1991, с. 121–122].

Καρκινίτης κόλπος. По Страбону (начало I в. н. э.) Каркинитский или Тамираксий залив располагается сразу за Тамиракским мысом и простира-

ется к северу на 1000 или значительно более стадий [Strabo., VII, 3, 18–19]. Причина в таких расхождениях кроется, по всей видимости, в том, что в силу своей мелководности залив в своих верховьях был просто не судоходен. Недаром в генуэзских лоциях он называется некропилом, то есть мертвыми воротами. Sinus Carcinites упоминается в 77 г. н. э. Плинием Старшим [Plin., NH, IV, 84] и в 44 г. н. э. Помпонием Мелой [Mela, II, 4]. Каркинитский залив дважды в третьей четверти II в. н. э. называется при описании Северного Причерноморья Птолемеем [Ptol., Geogr., III, 5, 2; III, VI, 1]. Каркинитским заливом, по мнению В. Ф. Столбы, первоначально называлась Евпаторийская бухта и только значительно позднее им стали именовать Тамиракский залив [Stolba, 2004, p. 61]. Названный автор полагает, что до средневекового периода Тарханкут считался не полуостровом, а все западное побережье Крыма воспринималась как более или менее прямая линия. Только на более поздних картах Каркинитский залив мигрировал на место Тамиракского, расположенного значительно северней. Однако такое объяснения перемещения гидронима иначе как абсурдом назвать нельзя. Ведь еще в начала IV в. до н. э. вдоль берега современного Каркинитского залива возникли первые ионийские поселения, такие как Калос Лимен, Панское I, не принимая во внимание Дандаку и Тамираку. С конца же IV в. до н. э. все побережье залива было покрыто сплошной цепочкой херсонесских населенных пунктов. Трудно представить, что бы прекрасные мореплаватели и граждане дорийского полиса не замечали резкий изгиб берега на северо-восток

Καρκινίτης ποτᾰμός. Клавдий Птолемей шесть раз в качестве одного из основных географических ориентиров называет реку Каркинит [Ptol., Geogr., III, 1–4, 13; VI, 2]. Обычно за данным гидронимом понимают позднейшее название реки Гипакирис, впадающей в море около города Каркинитида. Недавно В. Г. Зубарев отождествил Каркинит с современной рекой Чатырлык, впадающей в Каркинитский залив к югу от Перекопского перешейка [Зубарев, 2005, с. 191, 197, 198]. Отметим к месту, что Чатырлык — это не река, а сухоречье.

Κερκινῖτις. Такое правописание урбонима через вторую букву эпсилон впервые засвидетельствовано в Херсонесской присяге и на чеканенных местных монетах в форме ΚΕΡ – ΚΕΡΚΙ на рубеже IV – III вв. до н. э. [IosPE, I², 401; Syll³, 360]. Затем он встречен и декрете в честь Диофанта конца II в. до н. э. [IosPE, I², 352; Syll³, 709], а так же в периплах Арриана середины II в. до н. э. [Arr. P. Pont., 30] и Анонимного автора V в. до н. э. [Anonym., P. Pont., 83 (57)].

Смена огласовки в наименовании апойкии с α на ε еще Г. Диттенбергер объяснял региональными диалектными особенностями языка граждан Херсонеса [Syll³, 201, note 8; 709, note, 13]. По Б. Н. Гракову орфография названия города через ε «характерна для местного херсонесского произношения» [1939, с. 244, № 6], а ЛИ Κερκῖνος более всего свойственно мегарским черноморским колониям [1926, с. 182; 1954, с. 82]. Изменение первой гласной в названии города Καρκινῖτις на Κερκινῖτις, по мнению современных исследователей, была связана с переводом наименования с ионийского на дорийский диалект после присоединения колонии к Херсонесскому государству, что могло произойти не ранее конца третьей четверти IV в. до н. э. [Vinogradov, 1987, p. 33; Ланцов, Павленков, 1988, с. 182; Кутайсов, 1992, с. 15; Виноградов, 1995, с. 19; The Princeton Encyclopedia, 1979, p. 449]. Совсем иную в полном смысле точку зрения высказала О. Д. Дашевская: замена одной буквы в имени полиса она объясняла эвфемией, то есть употребление более благопристойного выражения вместо грубого [1970, с. 125]. Такая гипотеза была подвергнута обстоятельной критике со стороны Ю. Г. Виноградова и А. Г. Щеглова, по мнению которых смена огласовки вызвана переводом дематикона с ионийского на дорийский диалект после включение Керкинитиды в состав Херсонесского государства [1990, с. 359].

Сам рассматриваемый топоним не является чем-то редким в античном мире. Он засвидетельствован в северной Македонии в форме Κερκίνη — это необитаемая гора, горная цепь [Thuc., II, 98], озеро Κερκινῖτις возле города Амфиполиса, в низовьях реки Стримон [Arr., An, I, 11, 3], а так же два острова в заливе Малый Сирт, у африканского побережья — Κέρκινα-Κέρκιννα с одноименным городом на нем и другой поменьше — Κερκιννῖτις [Plut., Dio., 25, 3; Strabo., II, V, 20; XVII, III, 12, 16–17]. Нетрудно заметить, что название озера в Македонии и небольшого островка у африканского побережья полностью совпадают с позднейшим наименованием херсонесской Керкинитиды. Исходя из сказанного Аполлодор, сын Аполлония, керкенит, упомянутый в аттическом декрете в честь эфебов 119/118 гг. до н. э., мог быть родом из одного из трех упомянутых мест: Македонии, Африки или Крыма? [Граков, 1939, № 6].

Керкинитида ни в одном из нарративных источников ни разу не была названа полисом, а только лишь топонимом без какого-либо наме-

ка на политический статус самого населенного пункта, что , вряд ли, случайно? Литературу см.: [Качарава, Квирквелия, 1991, с. 128–133].

Κόκκῖνος φάρος, c. Rosofar, Eskiforos, Tarkhankoute, Тарханкут (греч. — пурпурно-красный, багряный маяк; лат. — мыс красный фонарь: тат.-греч. — старый маяк; тат. — тарханный угол [Taitbout de Marigni, 1830, p. 58–59; 1856, p. 113; Бжишкян, 1830, 49 об.]. А. А. Шахматов необоснованно разделил вполне прозрачный топоним capo Rosofar на два имени: «Roso (Rosso) или capo Rossa для мыса Карамруна и far для находившегося рядом мыса Тарханкут маяка» [Шахматов, 1924, с. 174]. Д. Л. Талис абсолютно безосновательно переводил термин Rossofar как росский маяк, от имени проживающих на полуострове россов. Еще более странным выглядит локализация объекта у с. Окуневка, где А. Н. Щеглов, действительно, раскрыл руины средневекового маяка VIII – IX вв. [Талис, 1974, с. 97, прим. 85]. Тарханкутский маяк является ключевой точкой в современной навигации Северо-Западного Причерноморья, не говоря уже о древнем мореплавании. В. Ф. Гайдукевич доказал существование краткого пути плавания от устья руки Истра и до Крымского побережья [Гайдукевич, 1969, с. 13]. Уточнения требует только одна деталь: корабли от Истра должны были плыть не прямо на мыс Криу Метопон, а сначала на Коккино форос, как это происходит и в настоящее время. Однако Тарханкутский мыс представляет для мореходов и большую опасность: к западу от него на расстоянии одной мили простирается каменистый кряж (гряда), своего ряда некрополь древних и современных кораблей. На краю его, на самой западной оконечности, примерно на глубине чуть более 3 м находятся развалины античного маяка, обозначенного навалом крупных каменных глыб. При более низком уровне моря в античную эпоху западный край скальной гряды выступал над урезом воды, где и был устроен навигационный знак [Кутайсов, 2006. с. 5–6; Кутайсов, Смекалова, 2012, с. 25; Поспелов, 2011, с. 324–325]. Автор данной статьи локализовал возле Тарханкутского мыса город Дандаку, что пока, однако, не получило археологического подтверждения [Кутайсов, 2013, с. 173–174].

Κορονῖτις. Наименование встречено только однажды у Безымянного автора V в. до н. э. [Anonym., P. Pont., 83(57)]. По всей видимости, является искаженным от Κερκινῖτις.

Ναπίταν φρούρι[ον]. Данный термин встречен в декрете в честь какого-то чествуемого лица, который в критическое для Херсонеса период, когда город был тесним врагами, оказал полису особые услуги по ликвидации военной угрозы, в том числе восстановил за собственный счет оборонительные стены. Среди его заслуг особое значение для нас является указание в конце надписи на то, что он выступил против крепости Напит или Напитов [Соломоник, 1964, № 1; 1990, № 13]. Рассматриваемый документ и надпись в честь осады и взятия Калос Лимена херсонесским отрядом [IosPE, I², 353] были вырезаны рукой одного мастера, а следовательно декрет относится ко времени походов Диофанта в конце II в. до н. э. Все три почетных декрета были начертаны в один и тот же год и выставлены совместно. Причем, если декрет в честь полководца был высечен на постаменте статуи, то более скромные заслуги херсонесского ополчения — на скромных плитах без обрамляющих их рамок. Причем, Напит, так же как и Палакий, Хабеи и Неаполь у Страбона названы крепостями (τὰ φρούρια). Логика развития военных кампаний Диофанта не оставляет сомнения в том, что Напит находился в западной части Крыма [Соломоник, 1964, с. 12]. Такой же топоним приводится в «Географическом словаре» Стефана Византийского, где он, правда, назван деревней (Νάπις, κώμη Σκυθίας) [Steph. Byz., s. v. Νάπις]. Такое противоречие Э. И. Соломоник объясняет тем, что Стефан Византийский воспользовался более ранним источником, а Скилур и его сыновья лишь укрепили некоторые поселения, расположенные в стратегически важных пунктах, превратив их в крепости [Соломоник, 1964, с. 14–15]. По Д. С. Раевскому напы — общинники: наименование одного из двух социальных категорий скифского общества [1976, с. 105].

Παλάκιόν. Παλακικὸν. Taurorum civitas Placia. Как видно, в двух случаях урбоним упоминается авторами римской эпохи. Еще один раз — на херсонесском надгробии. Страбон назвал Палакион наряду с Хабоном и Неаполисом термином τὰ φρούρια, т.е. крепости или укрепления [Strabo., VII, 4, 7]. Плиний Старший определил Плакию как город (civitas) [Plin., IV, 86]. Э. И. Соломоник в стихотворной эпитафии фрагментарной надписи на надгробии II в. до н. э. восстановила топоним Палакикон [Соломоник, 1964, № 44]. Новая находка в 1971 г. верхней части мраморной плиты от того же надгробия существенно уточнила смысл всей надписи. Это надгробие Айхмона, сына Зарея, командира армянских лучников, погибшего во время походов Диофанта и погребенного в Херсонесе [Виноградов, 1989,

с. 254, прим. 113; Сапрыкин, 1986, с. 210–211; 1996, с. 138; Saprykin, 1997, p. 268–269]. Полный текст надписи был опубликован только И. А. Макаровым [2005]. По его мнению, в ней упоминается царь Палак в прилагательном Παλακικὸν («принадлежащий (относящийся к) Палаку», «Палаков»). Как один из вариантов реконструкции интересующего нас отрывка названный автор предлагает Παλακικὸν ἄστυ («Палаков город»), то есть опять-таки Палакий [Макаров, 2005. с. 243]. Такой перевод не исключала и Э. И. Соломоник [1964, с. 94]. В таком случае Παλακικὸν следует исключить из перечня топонимов.

Большинство исследователей выводят происхождение наименования поселения от имени сына скифского царя Скилура. Только Д. С. Раевский предложил иное весьма оригинальное и довольно правдоподобное объяснение этимологии названия урбонима: Палакий — «крепость воинов», Палак — «воин», а Палы — обозначение одного социального слоя — воинов, военной аристократии [1976, с. 105].

Все источники упоминают Палакий в связи со скифо-херсонесскими войнами во второй половине – конце II в. до н. э. Поскольку Палакий назван Страбоном первым среди других крепостей, то он, по мнению Э. И. Соломоник, находился ближе всего к Херсонесу [1964, с. 97; 1977, с. 59]. Т. Н. Высотская и В. Г. Зубарев располагали рассматриваемую нами крепость на конкретном памятнике — Усть-Альминском городище [Высотская, 1983, с. 116; 1994, с. 13; Зубарев, 2005, с. 231–232]. О. Д. Дашевская не исключала возможности локализации Палакия на скифском городище Керменчик в Симферополе [1958, с. 150], а Д. С. Раевский уже в этом нисколько не сомневался [1976, с. 105–106]. Однако из географического описания Плиния Старшего вполне очевидно следует, что Плакия-Палакий располагался между мысом Парфений и портом Символов, т.е. в самой ближайшей округе Херсонеса, на побережье современного Гераклейского полуострова. В таком случае становится понятным расположение «крепости воинов» на передовом рубеже борьбы с Херсонесским полисом, а так же последующим основанием Диофантом на берегу Балаклавской бухты города Евпатория-Евпаториона.

Παρόστα. Parasinum. «in Taurorum paeninsula in civitate Parasino terra est qua sanantur omnia vulnera» [Plin., NH, II, 210]. Клавдий Птолемей приводит координаты Паросты, из которых следует, что она располагалась северней Каркины, Прекрасной гавани и Тамираки, но восточней Калос Лимена и западней Каркины и Тамираки [Ptol., Geogr., III, 6, 5]. Еще Ю. А. Кулаковский на основании того, что рассматриваемый географический пункт располагался в западной части Крымского полуострова, не сомневался в том, что поселение это находилось на берегах Сакского озера с его целебными грязями [Кулаковский, 1896, с. 1–2]. Плиний, как полагает М. В. Скржинская, буквально перевел термин πόλις своего греческого источника на латинское civitas, не придавая термину гражданско-политического значения [Скржинская, 1977, с. 70, 72]. Названный автор справедливо полагает, что Парасин находился в IV – III вв. до н. э. на херсонесской хоре, а, следовательно, контролировался дорийским полисом. В. Г. Зубарев локализовал интересующий нас урбоним на поселении у деревни Ново-Отрадное в Восточном Крыму [Зубарев, 2005, с. 273–275]. Скорее всего, Парасин-Пароста является наименованием одного из поселений Херсонесской хоры у названного водоема, специализирующегося на использовании уникальных целебных возможностей лечебных грязей [Ланцов, 1994, с. 89–90; Кутайсов, 2013, с. 176–177; ср.: Качарава, Квирквелия, 1991, с. 216].

Σκυθικόν, т.е. гавань и порт «Скификон»: (εἰς) ΣΚΥΘΙΚΟΝ (ἐμπόριον vel. λιμένα). Так, по мнению С. Ю. Сапрыкина, по крайней мере, в первой половине III в. до н. э. назывался захваченный скифами Калос Лимен, что документально засвидетельствовано на херсонеских клеймах, Аррианом и Анонимным автором [Сапрыкин, 1996, с. 132, 135; Saprykin, 1996, p. 366, 369]. Однако, как показали раскопки, Прекрасная Гавань не была в конце IV – III вв. до н. э. захвачена скифами, хотя городок и был подвержен нападению варваров [Кутайсов, 2011. с. 5].

Ταμυράκη. Ταμυράκη, πόλις Σαρματίας τῆς ἐν Ἐυρώπη. τό ἐθνικόν Ταμυρακηνός [Steph. Byz.]. В отличие от Каркинитиды, где жители города обозначены словом οι κατοικοῦντες, в данном случае они названы термином τό ἐθνικόν, что, однако, может быть связано с общим название работы византийского автора. Страбон упоминает Тамиракский мыс с пристанью и Тамиракский залив [Strabo, VII, 3, 19]. Клавдий Птолемей располагает Тамираку за пределами современного Перекопского перешейка [Ptol., Geogr., III, 5, 2]. Периплы Арриана и Анонимного автора однозначно свидетельствуют о том, что Тамирака располагалась на крымском побережье Каркинитского залива. В лоциях обоих античных авторов приведена одна весьма существенная географическая особенность местности, на которую не обращали

должного внимания наши предшественники, а именно: внутри Тамираки есть небольшое озеро или болото [Arr., P.Pont, 31; Anonym., P. Pont, 83 (57)]. В настоящее время и, вероятно, в античное так же, единственным местом, обладающим столь выразительными геоморфологическими чертами, является Бакальская коса. Она состоит из двух смыкающихся между собой песчаных кос, между которыми располагалась мелководная лагуна. Мощность донных илистых отложений озера позволяет предполагать его существование и в античную эпоху. Конечно, конфигурация водоема несколько отличалась, но неизменным остается только то, что он являлся исторической реальностью [Зенкович, 1960, с. 117–126]. По мнению А. А. Шахматова, на генуэзских порталанах Бакальская коса обозначалась как mega glosida, la crosca, la groxea, la groxida, groxida, от греческого γλῶσσα, уменьш. γλωσσίς в значении «язык», «коса» [Шахматов, 1916, с. 173].

Дематикон рассматриваемого полиса по первым двум буквам вполне уверенно восстанавливается наряду с другими северопонтийскими городами в Эвксинском округе Афинского податного округа за 425 г. до н. э. [Meritt, West, 1934, p. 69; ATL, I, 1939, p. 157, 553]. Еще в 1902 г. австрийским нумизматом Ф. Имхоф-Блюмером были опубликованы серебряная и бронзовая монеты, на реверсе которых помещена аббревиатура ΤΑΜ, что позволило ему располагать колонию на берегах одноименного залива [Imhoof-Blumer, 1902, S. 527, Taf. XIX, 25–26]. Полное сходство типов реверса монет Тамираки и второй серии Левкона позволяет В. А. Анохину их чеканку относить около 380–370 гг. до н. э. [Анохин, 1999, с. 58–59; 2011, №№ 597–599]. По мнению В. А. Кутайсова, их изготовление осуществлялось не позднее первой четверти IV в. до н. э. [2013, с. 175].

Итак, топонимом Ταμυράκη в античных источниках обозначается город-полис, мыс с пристанью или какой-то ландшафтный объект, внутри которого находится озеро, и, наконец, залив. По мнению О. Н. Трубачева, этот «блуждающий» топоним относится не к конкретному пункту, а к Тарханкутскому побережью в целом [1981, с. 126] либо к участку побережья между рекой Каркинит и Прекрасной Гаванью [1999, с. 28]. В литературе сложилось, в основном, две точки зрения на локализацию Тамираки: за пределами Крыма либо на полуострове, в районе Бакальской косы [Брун, 1872, с. 22; 1880, с. 7, 46; Качарава, Квирквелия, 1991, с. 249–251; Кутайсов, 2004, с. 105; 2013, с. 174]. П. Н. Шульц отождествлял Тамираку с одним из самых крупных памятников Тарханкута Кульчукским городищем, а Донузлавское озеро с рекой Каркинитом [1937, с. 253; 1941, с. 271]. Л. А. Ельницкий располагал рассматриваемый урбоним на берегу одноименного или иначе, Каркинитского залива, близ современного селения Джарылгач, ныне Межводное [Ельницкий, 1961, с. 161]. В. Г. Зубарев первоначально локализовал мыс Тамираку в 6-ти км к северу от села Кумово [1998, с. 62], затем на мысу Тарханкут, в самой западной точке Крыма [2005, с. 186, 190, 193, 194, 198]. Нам же представляется, как мы пытались показать выше, рассматриваемый город и географический пункт располагались в районе Бакальской косы.

Ταμυράκης κόλπος. Страбон в начале I в. н. э. дважды упоминает Тамиракский залив и всегда как второе название Каркинитского залива. В более ранее время такой гидроним в источниках не встречается [Strabo., III, 3, 18–19].

Τράκανα. Упоминается Птолемеем по реке Каркиниту на один градус западней и северней Каркины города [Ptol., Geogr., III, 5, 13]. По мнению С. Р. Тохтасьева, Τράκανα александрийского географа «есть древнее название места, где находилось святилище Тарги/Тарки», расположенного на Джангульском оползневом побережье на Тархакутском полуострове [Тохтасьев, 2013, с. 193–196]. В. П. Яйленко связывает топоним с фракийской основой thrak — «фрак(ийский)». Такие термины встречаются в удаленных от Фракии областях, где пребывали фракийцы [Яйленко, 2014, с. 539]. Весь комплекс керамических находок свидетельствует о том, что археологический объект существовал в пределах II в. до н. э. [Щеглов, 1988, с. 274–275]. В. Г. Зубарев определял местоположение рассматриваемого пункта в районе современного города Старый Крым, возможно, в горном массиве Агармыш на вершине г. Яман-Таш [Зубарев, 2005, с. 226–227, 442, № 75, рис. 4]. По мнению С. Ю. Сапрыкина, святилище богини Ταργα, Ταργη, Ταρκη располагалось на высоком скальном обрыве современного Джангульского побережья. «В основе почитания местной богини Тарги – Тарки лежал культ Верховной женской богини производительных сил природы и всего сущего, богини, покровительствовавшей всему живому и душам умерших». Однако в данном случае важнейшее значение приобретали ее функции как спасительницы на море и покровительницы мореплавания вдоль берегов Западной Таврики [Сапрыкин, 2014, с. 22–23]. Однако отождествлять теменос с городом внутри

страны по реке Каркиниту весьма затруднительно. Гидрология шельфа у западной оконечности Таврики такова (подводная каменистая гряда, протяженностью в одну милю), что, действительно, у древних моряков были все основания подносить посвящения некой местной богини за спасения от гибели. Упомянутый автор весьма метко подметил нескифское происхождение культа богини, коль оно прекратило свое существование после присоединения данного побережья к позднескифскому царству [с. 23][1]. Об иных локализациях см.: [Качарава, Квирквелия, 1991, с. 281].

Ὑπάκυρις ποταμός. Pacyris. Ypacares. «Кажется ни одна река из упомянутых Геродотом в его описании Скифии, — пишет П. Н. Кречетов, — не странствовала так по карте Российского государства как река Гипакирис с приморским городом Каркинитом, лежащим при ее устье» [Кречетов, 1889, с. 472]. Она настолько загадочная, что лишь однажды упоминается в специальном исследовании Г. Шрама о реках Северного Причерноморья [1997, с. 86]. Шестая по счету с запада на восток рек Скифии, которая протекая посредине скифов-кочевников, впадает в море около города Каркинитиды [Herod., IV, 55]. Весьма существенно замечание историка о том, что главные реки Скифии доступны для кораблей со стороны моря [Herod., IV, 47]. Нет сомнений, что Плиний Старший в 77 г. н. э. именует тот же самый гидроним на латинский лад Pacyris [Plin., NH, IV, 84], Ypacares [Mela., II, 4]. В основном, в литературе преобладает две точки зрения по вопросу отождествления Гипакириса: за шестую реку Геродота принимают либо Каланчак на материке либо озеро Донузлав на западном побережье Крыма [Библ.: Кречетов, 1889, с. 474–475; Брун, 1899, с. 220–222; Ельницкий, 1961, с. 199; Щеглов, 1978, с. 22–23; Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, прим. 371, с. 287–289; Кутайсов, 1990, с. 8; Думшин, 1852, с. 60–61]. Единственным гидрологическим объектом, имеющим вид ярко выраженной речной долины, является глубоководное озеро Донузлав, простирающееся вглубь крымского полуострова на расстояние 27 км. В античную эпоху при более низком уровне моря устье озера имело меньшую ширину и еще более напоминало речную долину [Щеглов, 1978, с. 22]. По мнению П. Н. Кречетова, именно Донузлавское озеро есть остаток реки Гипакириса, открытой во времена Геродота в море [1889, с. 478–479]. Однако, как свидетельствуют геологические данные, Донузлав в классическое и эллинистическое время был отшнурован от моря песчаной пересыпью и мог соединяться с Понтом только посредством временных и узких проток. О том же свидетельствует отсутствие вдали от побережья античных поселений, которые в большом количестве известны в устьях, например, Тираса и Борисфена [Ланцов, 2004, рис. 2, с. 64; 2004а, рис. 3, с. 139; Смекалова, 2012, рис. 2]. Против такого отождествления, как будто, свидетельствует замечание Геродота о судоходности в нижнем течении главных рек Скифии?

Совсем отличным является мнение Дж. Хайнда, воспринимавшего за Гипакирис реку Салгир, нижним течением которого было озеро Сасык-Сиваш [Hind, 1990, p. 130–131]. О невозможности такой идентификации уже отмечалось в литературе [Кутайсов, 2004, с. 102; 2013, с. 170; Stolba, 2004, p. 50]. Совсем недавно и совсем безосновательно с рекой Каркинит Т. Н. Смекалова отождествила Ортинский и Тюменский лиманы Сасык-Сивашского озера, которые, по ее мнению, в античное время имели непосредственный выход в море [Кутайсов, Смекалова, 2012, с. 72, прим. 1].

Varangolimen или uarangolimen. Встречается на европейских картах с XIII и по начало XVII веков. Большинство исследователей связывают гидроним с Ак-Мечетским заливом, А. А. Шахматов с бухтой Ярылгач, на морском пути варягов Днепра и до Херсонеса [Шахматов, 1924, с. 173–175]. Этимология топонима — прозрачна. Тем более странным выглядит его перевод как «варяжская пристань или озеро» [Талис, 1974, с. 97].

Итак, с северо-западным побережьем Таврики связано три десятка топонимов разных исторических эпох: из них большая часть урбонимов (*Crenica, Crerenichi, Crichiniri, Chiiti, Chirechiniti, Trinici*, *Δανδάκη (Dandace), Ἐυπατόριόν. Εὐπατορία πόλις. Eypatoria, Καρκινῖτις, Κάρκινα πὸλις, Oppidum Carcine, Κερκινῖτις*, *Κορονῖτις, Καλὸς λιμήν (Calos limen), Νάπις, Παλάκιόν., Παρόστα, Parasinum, Σκυθικόν, Ταμυράκη, Τράκανα, Varangolimen),* меньшая гидронимов *(Донузлав<Донкуз-леве, Καρκινίτης κόλπος, Καρκινίτης ποτᾶμός. Ταμυράκης κόλπος, Ὑπάκυρις ποταμός. Pacyris. Ypacares*) и

[1] Выводить название современного Тарханкутского мыса от Тарги – Тарки абсолютно невозможно в силу того, что первый топоним исключительно тюркского происхождения: Тархан – ханская ярлык-грамота, предоставляющая привилегии мусульманскому духовенству на пользование землей, кут – угол [Кемалова, 2013, с. 155].

один — наименование маяка (*Κόκκῖνος φάρος, c. Rosofar, Eskiforos, Tarkhankoute, Тарханкут*). Однако если сократить общее количество названий одного топонима в разной транскрипции, то таковых останется всего 15. Если отсюда вычесть топонимы явно не связанные с северо-западным побережьем полуострова (Евпаторион, Скютикон, Тракана), то останется всего 11 географических наименований. Среди них в первую очередь следует назвать Каркинитиду-Керкинитиду, Калос Лимен, Дандаку, Тамираку, Каркинитский или Тамиракский залив, реку Гипакирис–Донузлав, Красный маяк и с определенным сомнением Пароста-Парасин.

Все географические объекты рассматриваемого нами региона, наверняка, у древних эллином имели свои историко-географические наименования. Сказанное в первую очередь относится к природным урочищам, чем-то выделяющимся из окружающей среды ландшафтам, сухоречьям, долинам, балкам, мысам, заливам и, наконец, важнейшим в жизни греков озер. Страбон называет Гнилое озеро (Σαπρὰ λίμνη) к востоку от перешейка Таврического полуострова [Strabo., VII, 4, 1]. Озеро Бук (lacus Buces; τῇ Βύκῃ λίμνη) на севере Крыма упоминают Плиний Старший [Plin., IV, 84] и Клавдий Птолемей [Ptol., Geogr., III, 5, 2, 3, 11]. Трудно себе даже представить, что такие крупнейшие и живописные озера как Сакское, Сасык-Сивашское, Мойнакское, Тереклы-Конрат, Ойбурское, Джарылгачское не имело у греков собственных гидронимов? А так необходимые для каботажной навигации мысы, разделительные точки побережья и многое другое?

Многие географические ориентиры западного побережья полуострова обладают столь выразительной геологической структурой, что у нас почти нет сомнений в том, современные тюркские топонимы в той или иной мере отражают прежние генуэзские, а последние конечном счете древнегреческие названия местности. К примеру, Желтый мыс и Карамбурун по сторонам от входа в современный Ярылчаский залив. Первый из них в основе своей сложен из пористого известняка меотического яруса желтого цвета; второй в верхней части своей состоит из темного чернозема и, к тому же, почти всегда находится в тени. Вряд ли, такие особенности природного ландшафта оставались незамеченными древними мореплавателями. На протяжении тысячелетней истории объекты эти меняли только их лингвистические названия, смысл которых оставался неизменным.

Анализ всех известных нам топонимов позволяет прийти нам к однозначному выводу: Каркинитида получила свое название не от Каркинитского залива как считают некоторые ученые (П. О. Бурачков, А. А. Белецкий), а наоборот. Урбоним известен в географической номенклатуре еще рубежа VI – V вв. у Гекатея Милетского, а гидроним только с первых веков нашей эры (Страбон, Плиний, Помпоний Мела, Клавдий Птолемей).

Такие географические названия глубоких балок, заканчивающихся небольшими уютными бухтами, как Большой и Малый Кастель, несомненно, несут в себе какое-то историческое зерно. Генуэзские мореплаватели могли лицезреть на крутых берегах названных долин монументальные руины каких-то древних (в данном случае — эллинистических херсонесских) крепостей, что и могло послужить основой для появления новых топонимов [Пушкарев, 2005, с. 193; 2008, с. 128].

Abstract

V. A. Kutajsov

HISTORICAL TOPONYMICS OF THE NORTHWEST CRIMEA DURING THE ANTIQUE ERA

On the archaeological map of the Northwest Crimea some hundreds of archaeological monuments appear now, the vast majority of them remain for us anonymous so far. Antique authors and epigrafic documents informed to us some historical toponymos on which analysis we will stop below. Among them: Karkinitida, Kerkinitida, Kallos Limen, Dandaka, Tamiraka, Parasin, Gipakiris, Trakana, Targa-Tarka, Karkinitsky or Tamiraksky gulf, Kokino foros. Unfortunately, from them only two urbonim are reliably localized on concrete archaeological monuments: Karkinitida-Kerkinitida on the

antique ancient settlement located on the Quarantine cape in the center of modern Yevpatoria, and Kallos Limen on the northern coast Ak-Mechet bay in Chernomorskoye.

Key words: Yevpatoria, Gipakiris, Dandaka, Donuzlav, Kallos Limen, Karkinitida, Karkinitsky gulf, Kerkinitida, Kokino foros, Parasin, Tamiraka, Tamiraksky gulf, Targa-Tark, Tarkhankut, Trakana, Ak-Mechet, Chernomorskoye.

Рис. 1.
Карта Западного Крыма в античную эпоху
с обозначением предполагаемого
местоположения исторических топонимов

В. А. Кутайсов, Т. Н. Смекалова

ИТОГИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ ОРТЛИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ (раскопки 2012–2014 гг.)*

Западно-Крымская экспедиция Крымского филиала Института археологии продолжила третий год подряд систематические исследования античного поселения Ортли, расположенного на восточном берегу Ортинского лимана, на северной стороне Сасык-Сивашского озера, в Сакском районе Республики Крым. Судя по геомагнитной съемке, поселение представляло собой блок из четырех сгруппированных вместе разных по площади усадеб. Археологические исследования 2012–2014 гг. затронули только северо-восточный комплекс, размерами 22,5 х 24,5 м, то есть около 540 м².

Ключевые слова: Аттика, Гераклея, Керкинитида, Пантикапей, Синова, Херсонес, оз. Сасык-Сиваш, башня, усадьба, амфоры, клейма, монеты.

Основной целью раскопок являлось полное раскрытие башни, фланкирующей северо-восточный угол поселения (рис. 2–4). Для решения поставленной задачи с западной стороны раскопа было разбито три новых пятиметровых квадрата, что и позволило, в конечном счете, полностью выявить руины древнего фортификационного сооружения, установить стратиграфию исследованного участка, подтвердить ранее предложенную датировку объекта (рис. 8). Площадь раскрытого участка за все годы исследования памятника составила около 250 м², мощность культурных напластований 1,3–1,4 м [Кутайсов, Смекалова, 2012а, с. 68–72; 2013; 2013а, с. 100–105; 2014, с. 165–218; 2014а, с. 61–74; 2014б, с. 53–54; 2015, с. 48–51; Смекалова, 2014, с. 90–91].

Поскольку памятник однослойный, стратиграфия поселения предельно проста: полы здания, плитовая вымостка расположенного с востока двора и дневные поверхности по сторонам постройки перекрывались слоем пожара, последний сплошным слоем желтого суглинка — развала сырцовых стен. Их накрывал гумусовый слой.

Судя по геомагнитной съемке поселение представляло собой блок из четырех сблокированных вместе четырех разных по площади усадеб (рис. 4). Археологические исследования затронули только северо-восточную усадьбу комплекса, размерами 22,5 х 24,5 м (540 м²). В результате раскопок последнего года были полностью раскрыты руины северо-восточной угловой башни всего поселения и северо-восточной усадьбы [Кутайсов, Смекалова, 2013, рис. 7–12; 2014, рис. 3–4; Смекалова, Кутайсов, 2014, рис. 10–11]. Она почти квадратной формы, размерами по внешнему контуру фундамента с севера на юг 10,10 м и с запада на восток — 9,61 м (9,37/9,84), то есть приблизительно 30 х 31 дорийский фут (рис. 5–8). Площадь ее застройки составляет, таким образом, около 97 м².

От внешних кладок башни сохранился преимущественно in situ нижний цокольный ряд, сложенный из крупных плоских известняковых плит, толщиной 0,18–0,30 м, полностью утопленных в материковую глину. Лишь только их абсолютно горизонтальная поверхность на несколько сантиметров выступает под погребенной почвой. Внутренняя тычковая сторона известняковых плит была облицована мелким плосколежащим постелистым бутом (рис. 5: *2*). Толщина цоколя внешних стен башни составляет в кладке № 11 — 0,95 м, № 12 — 0,86–1,00 м, № 14 — 0,93–0,99 м, № 15 — 0,90–0,92 м. От лицевого ряда кладок осталось только четыре крупных известняковых

* Статья написана при финансовой поддержке грантов РГНФ-а(ц) № 15-31-10107 и РФФИ-а № 14-06-00022.

блока в западной ***стене № 15,*** высотой 0,38 м. Их размеры с юга на север составляют соответственно: длина — 0,82, ширина — 0,86 м; 0,80 х 0,90 м; 0,98 х 0,77 м; 1,66 х 0,78 м (рис. 6: *1*; 7: *1*). Каменотесы не стали стесывать грубую тычковую сторону блоков, оставив ее в первородном состоянии. Зато они тщательно отесали блоки сверху: абсолютно горизонтальная поверхность этого ряда позволяет утверждать, что вышележащий ряд имел толщину 0,73–0,74 м. Как показывает практика, на уровне первого лицевого ряда башня несколько уже цоколя.

Внутреннее пространство башни было разделено кладками №№ 7–9 на три смежных между собой помещения №№ 1–3 (рис. 8). Западное самое крупное из них имело в плане форму вытянутого во всю ширину башни с юга на север прямоугольника, площадью около 27 м² (8,21/8,26 х 3,20/3,31). Северо-восточный и юго-восточный углы постройки занимают два одной площади (около 14 м²) помещения №№ 1–2: соответственно размерами 3,80 х 3,90 м. Внешний дверной проем располагался в западной стене. С этой же стороны к башне примыкал вымощенный плитами двор.

Примерно посредине в стене № 15 находился дверной проем, шириной 1,18 м, обозначенный плитой порога и южным откосом (рис. 6: *1*; 8). В качестве порога использована известняковая плита длиной 1,50 м, шириной 0,52 м, толщиной 0,28 м. Причем южный край плиты на 0,32 м утоплен под блок лицевого ряда стены. Вдоль западного края плиты была сделана врезка для установки дверного косяка, шириной 0,12 м и глубиной 0,12–0,13 см. Поскольку северо-восточный угол южного от входа блока сточен, дверь открывалась внутрь башни, а дверное полотно крепилось с северной стороны.

Глинобитный пол помещения № 3 располагается на глубине 1,38–1,46 м от современной поверхности (рис. 5: *2*; 6: *1*; 7: *1*; 8). В центре комнаты на небольшой площади пол был вымощен плитовой вымосткой. Слой пожара в центральной части достигает толщины 1,10–1,15 м, у южной стены — 0,60–0,70 м, у северной — 0,80–0,85 м (рис. 5: *1*). Перекрывающий его слой суглинка уменьшается с севера на юг от 0,60 и до 0,39 м, посередине уменьшается всего до 0,20–0,25 м. Выше залегающий гумусовый слой составляет всего 0,14–0,16 м [Кутайсов, Смекалова, 2013, с. 16, рис. 25].

Наиболее важным для нас является вопрос наличие внутри постройки лестницы на второй этаж, так как каменного основания, состоящего из нескольких нижних ступеней лестничного марша, зафиксированного in situ не было. Вместе с тем, таковые были открыты почти во всех аналогичных башен, известных на Гераклейском и Тарханкутском полуостровах. В свете сказанного, нам представляется, что в качестве каменной цоколя деревянной лестницы могла использоваться известняковая плита справа от входа, примыкающая к западной стене № 15, размерами 0,73 х 1,02 м, толщиной 0,25 м (рис. 5: *2*; 8).

Чуть южней основания так называемой лестницы находился колодец. Его устье представляло собой цельную известняковую плиту почти квадратной формы, размерами 0,74 х 0,76 м, толщиной 0,30 м. В центре ее было выдолблено круглое отверстие диаметром, 0,44–0,46 м. Заполнение колодца было выбрано до уровня грунтовых вод, выступивших на глубине 2,70 м от поверхности пола описываемого помещения. Шахта колодца расширялась ко дну, где составляло в диаметре 0,74–0,80 м. Стенки шахты были выложены из обколотых известняковых плит с четко выдержанной порядовкой. Всего до уровня воды — 9 рядов, толщиной сверху вниз: 0,26; 0,22; 0,30; 0,26; 0,24; 0,24; 0,22; 0,28; 0,26 м (рис. 9а). Заполнение колодца состояло из развала сырцовых стен, фрагментов обгорелых сырцовых кирпичей и немногочисленных кусков черепицы.

Между кладкой № 15 и верхней плитой колодца была уложена еще одна плита сложной в плане конфигурации: внутри помещения № 3 в ней было вытесано своего рода корыто подпрямоугольной формы со стороной 0,45 м, глубиной 0,10 м. От него сквозь кладку № 15 к другому корыту, расположенному во дворе, вел канал, шириной 0,14 м. Такое несложное инженерное приспособление позволяло переливать воду из колодца прямо в каменную емкость — поилку для домашних животных, а, следовательно, последние содержались внутри усадьбы (рис. 6: *1*; 8).

Между скоплением камней у кладки № 15 было открыто еще одно непонятное для нас инженерное сооружение. Оно состояло из вертикальной шахты глубиной 1,0 м и шириной 0,50 м и примыкающего с севера короткого туннеля, протяженностью всего 1,0 м и высотой 0,78 м. Он сужался к низу от 0, 52 и до 0,35 м, был перекрыт крупным блоком, длиной 0,80 м, шириной 0,56 м и толщиной 0,32 м. Последний был в свою очередь накрыт плитой порога основания лестницы. Стенки туннеля были обложены камнем (рис. 9б). Назначение данного сооружения для нас остается открытым. В процессе раскопок сотрудниками

экспедиции высказывалось предположение, что оно могло являться своего рода погребом для хранения скоро портящихся продуктов? В заполнении туннеля были найдены фрагменты херсонесских амфор и кувшинов, стенок чернолаковых сосудов.

Небольшой интервал в 0,60 м между устьем колодца и плитой основания лестницы был заложен небольшой однослойной стеной №19, шириной 0,40 м, высотой 0,45 м в три ряда плоских камней. Причем края стены перекрывают верхнюю плиту колодца и лестницы. Поскольку поверхность верхних плит сильно обожжена, следовательно данная кладка вряд ли возвышалась выше. Основная цель ее сооружения заключалась в том, чтобы закрыть узкий промежуток между названными выше объектами.

С пола помещения № 3, у подошвы верхней плиты колодка, происходит херсонесская бронзовая монета типа Дева, поражающая копьем лань — бодающий бык над палицей самого конца IV – начала III вв. до н. э. (о. м. № 10).

Северная часть помещения № 3, площадью около 8 м², была отгорожена от остальной части однослойной сырцовой стеной № 13 (рис. 8; 10). Она — протяженностью 2,5 м, толщиной 0,22–0,23 м, сохранилась в высоту от трех до семи рядом, то есть от 0,30 и до 0,64 м. Сами кирпичи — нестандартных размеров: толщиной 9–11 см, длиной — от 0,22 и до 0,67 м. Ее восточный край примыкал к северному торцу дверного проема в помещение № 1, западный находился на уровне северного торца дверного проема в стене №15. Ширина прохода между кладками №№ 13 и 15 составляет всего 0,80 м. Подошва стены установлена поверх тонкого глинобитного пола и темной по цвету золы, толщиной 0,20 м.

Глинобитный пол, толщиной, 8–12 см, был прокален до яркого оранжево-коричневого цвета и наслаивался над строительным отесом, толщиной у стены № 11 до 0,15 м. На расстоянии 0,60 м от северного края сырцовой стены № 13 на полу находился глинобитный сильно прокаленный огнем прямоугольный очаг открытого типа, размерами 0,77 х 0,80 м. Он возвышался в момент раскрытия над уровнем пола всего на 7–8 см. К сожалению, его восточная часть разрушена, а, следовательно, длина определена предположительно. Между юго-западным углом очага и стеной №13 был установлен на ребро сырцовый кирпич, длиной 0,41 м, толщиной 0,08 м и сохранившейся высотой 0,08 м. Напротив очага к сырцовой стене был прислонен полностью сохранившийся сырцовый кирпич прямоугольной формы, диной 0,67 м, высотой 0,37 м и толщиной 0,095 м. Возможно, в промежутке между этим сырцовым кирпичом и очагом собирали золу с поверхности последнего для дальнейшего удаления из помещения. Напомним, что напротив очага в стене № 7 была устроена ниша [Кутайсов, Смекалова, 2013, рис. 54–55]. Нам осталось ответить на вопрос: какое назначение северной части помещения № 3? Присутствие здесь очага, ниши, сильно прокаленный от огня пол и большое количество золы, позволяет нам предполагать, что здесь находилась кухня и пекарня? Высота же тонкой сырцовой стены вряд ли была намного выше, чем 1 м.

Пол описываемого помещения перекрывался, как уже сказано, самым мощным в башне слоем пожара, достигающим в центре чуть более 1 м. Он состоял из перекаленного до оранжевого цвета суглинка, темной по цвету золы, огромного количества прокаленных до полукерамического состояния сырцовых кирпичей, большого количества разбитой на мелкие фрагменты кровельной черепицы, в основном, синопского производства (керамид и калиптеров), различного по размерам камня и, наконец, многочисленных обломков керамики (амфор, столовой посуды). Его перекрывает разный по мощности развал сырцовых стен, представляющий собой в геологическом отношении суглинок плотной структуры и желтый по цвету. В слое пожара внутри помещения № 3 были найдены:

1. Два херсонесских клейма, имена астиномов на которых не восстанавливаются.

2. Кубаревидная ножка амфоры последней трети IV – начала III вв. до н. э. аналогичная тем, что были обнаружены ранее [Кутайсов, Смекалова, 2013, с. 18; рис. 73, 2; 75, 5–7].

3. Светильник с отбитым носиком и ручкой (рис. 22: *15*).

4. Бусина глазчатая из египесткого фаянса (рис. 22: *14*).

5. Наконечник бронзовой трехгранной стрелы (рис. 22: *4*).

К западу от башни, между кладками №№ 16 и 17, находился двор усадьбы, протяженность которого с юга на север составляла 9,64 м, то есть практически равный 30 дорийским, в данном случае херсонесским футам (рис. 5: *2*; 8).

Кладка № 16 ориентирована строго по линии запад-восток и заканчивается с восточной стороны вертикальным торцом. Между последним и кладкой № 15 располагался узкий проем, шириной 0,63–0,70 м, через который можно было протиснуться только боком. Затем он был заложен бутом

(рис. 8). Описываемая стена — двухпанцирная, толщиной 0,60–0,70 м, сохранившейся высотой 1,10–1,16 м, раскрыта на протяжении 1,6 м, сложена целиком из бутового камня без соблюдения какой-либо порядовки. Через стену был проложен желоб водостока, прямоугольный в вертикальном сечении, размерами 0,22/0,24 х 0,34 м (рис. 5: *2*). Его поверхность покрыта плоскими плитами, толщиной 0,16–0,18 м. Любопытно, что канал пересекал описываемую стены наискось, с севера на юг. Назначение водостока вполне очевидно: он выводил дождевую воду из двора в аналогичный канал к югу от башни и далее через калитку за пределы комплекса.

Кладка № 17 являлась внешней северной оградой усадьбы и заканчивалась с востока вертикальным торцом вровень с северо-западным углом башни, на расстоянии 0,50 м от последнего (рис. 8). Она двухпанцирная, толщиной 0,65–0,70 м, высотой 1,10 м с абсолютно ровной горизонтальной поверхностью, служившей основанием для возвышающейся над ней сырцовой кладки. В ее внешнем северном панцире уложены три выдержанных ряда обколотых с внешней стороны известняковых камней. Высота рядов снизу вверх составляет соответственно: 0,30; 0,22–0,23; 0,40 м у восточного вертикального торца кладки в верхнем ряду уложен крупный известняковый блок, размерами 0,60–0,65 м в ширину, 1,00–1,02 м в длину и 0,40 м в высоту. Небольшой промежуток между описанной стеной и углом башни был закрыт небольшим отрезком кладки 17а, сложенной вперевязь со стеной № 17.

Из западного борта раскопа на 0,40 м выступает торец ***кладки № 20,*** толщиной 0,76 м, состоящей из двух крупных хорошо отесанных блоков известняка (рис. 5: *2*; 6: *1*; 8). Верхний блок — толщиной 0,48 м, нижний 0,44 м. На нижней поверхности нижнего блока имеется паз, шириной 0,10 м, глубиной 0,08 м, абсолютно аналогичный тому, что зафиксирован на верхнем блоке в стене № 10. Следовательно, данные блоки вторичного использовании. Подошва кладки № 20 на 0,16–0,20 м выше основания кладки № 17 и расположена примерно на уровне плитовой вымостки двора. Однако, как мы не всматривались в стратиграфию западного бора раскопа выявить какую-либо поверхность, примыкающую в подошве описываемой стены, нам не удалось. Между торцом кладки № 20 и западной стеной башни находился проем, шириной 1,20 м. Описываемая стена находится на расстоянии 1,6 м от внешней северной стены № 17 усадьбы. Его явно недостаточно для размещения здесь помещения.

К западу от башни, на расстоянии 6,40 м к северу от кладки № 16, располагался мощенный плоскими плитами двор, раскрытый пока в ширину 1,8–2,0 м. У северного края прямо на вымостку была установлена ***кладка № 21,*** протяженностью 1,3 м (рис. 8). Она — двухпанцирная, толщиной 0,60 м. От нее сохранилось всего четыре поставленных на ребро подтесанных известняковых плит, высотой 0,40 м.

Плитовая вымостки двора располагается на глубине 1,26–1,32 м от современной поверхности. Она перекрывалась слоем золистого суглинка, толщиной 0,10–0,16 м. На поверхности последнего залегает слой пожара, толщиной от 0,10 и до 0,25 м, состоящий из черной по цвету золы, древесного угля и многочисленных фрагментов кровельной черепицы. Поверхность последнего перекрывает самый мощный пласт желтого суглинка, толщиной 0,60–0,86 м: продукт разрушения сырцовых стен. Над ним образовался гумусовый слой, толщиной 0, 22–0, 24 м (рис. 5: *2*).

В слое пожара были найдены следующие находки.

1. Две небольшие чернолаковые аттические солонки с загнутым краем 325–300 гг. до н. э. (рис. 17,б,в) [Rotroff, 1997, №№ 175–179].

2. Три чернолаковые аттические чашки с отогнутым утолщенным краем 300–290 гг. до н. э. Одна с граффити на внешней стороне поддона — EY (рис. 12; 14: *1–2*) [Rotroff, 1997, №№ 870–871].

3. Канфар чернолаковый аттический 325–300 или около 300 гг. до н. э. (рис. 16) [Rotroff, 1997, №№ 39–41].

4. Канфар чернолаковый аттический с каннелюрованным туловом с вертикальным слегка вогнутым краем, украшенный в верхней части лавровой ветвью, нанесенным жидким ангобом 285–275 гг. до н. э. (рис. 15) [Rotroff, 1997, № 42].

5. Канфар чернолаковый аттический с каннелюрованный поверхностью и утолщенным краем около 300 г. до н. э. (рис. 17а) [Rotroff, 1997, № 42; к. о. 26].

6. Рыбницы чернолаковой аттической фрагмент с полным профилем 290–275 гг. до н. э. [Rottroff, 1997, №№ 716–718].

7. Гуттус чернолаковыйл аттический 325–300; 300–290; ок. 285 гг. до н. э. (рис. 18) [Rotroff, 1997, №№ 1140–1142].

8. Херсонесский ангобированный кувшин последней четверти IV – первой трети III вв. до н. э.,

украшенный по тулову тремя краями горизонтальными линиями (рис. 20).

9. Две костяные проколки (рис. 22: *11–12*).

10. Два железных трехгранных наконечника стрел с длиной втулкой и острой головкой конца IV – начала III вв. до н. э. (рис. 22: *3, 6*) [Дашевская, 1978, с. 212, рис. 4, 11; 6, 18–23; 2014, таб. 5, 8–24; 137, 2–3; Колтухов, 2001, с. 69, с. 69; рис. 5, 11; 6, 4; Пуздровский, 2007, рис. 10, 6–10; Савченко, 2004, с. 201–202, рис. 13–15; Яковенко, 1974, рис. 36, 16; 37, 15–19].

Из слоя развала сырцовых стен происходят следующие находки.

1. Херсонесское клеймо астинома Матона, которое не значится в каталоге-определителе В. И. Каца.

2. Херсонесское клеймо астинома Матриоса сына Агасикла 272–266 или 270–264 гг. до н. э. [Кац, 2007, с. 326, табл. 20, с. 442, прил. X] .

3. Бронзовый трехгранный наконечник стрелы IV – III вв. до н. э. (рис. 22: *8*).

К внешнему северному панцирю кладки № 17 была впритык пристроена полукруглая в плане ***стена № 18***. К сожалению, ее края расположены за пределами раскопа, что не позволяет нам дать ее полную характеристику (рис. 5: *2*; 8). По всей видимости, восточный край описываемой кладки примыкал к стене № 3 помещения № 4. Стена — двухпанцирная, толщиной 0,56 м. Раскрыт только юго-восточный панцирь, сохранившейся в высоту четырех рядов (0,60–0,70 м). Он сложен из необработанного бута без выдержанной порядовки. Ее подошва на 0,16–0,20 м выше основания кладки № 17. Данное строение связано с несколько более поздними постройками, расположенными северней башни.

На глубине 1 м от современной поверхности, над северной частью помещения № 3, было открыто женское захоронение (рис. 11). На такой глубине погребальная яма имела овальную в плане форму, размерами 0,9 х 1,4 м, глубиной 0,30 м. Костяк лежал на правом боку в скорченном положении головой на юго-запад. Череп отделен от основного костяка на 10 см. Возраст погребенного по определению В. Ю. Радочина составлял 45–50 лет. Погребальный инвентарь состоял из железного остроконечного предмета неясного назначения (проколка?), длиной 7,5 см (рис. 22: *16*), и четырех византийских электровых скифатным номисм. Три из них принадлежат чекану императора Никифора III Ботаниата (1078–1081) и одна — самому началу правления императора Алексея I Комнина (1081–1118). Более того, дату монетного клада можно сузить до 1082/1083 гг. (см. статью В. А. Сидоренко). Следовательно, данное погребение, скорее всего, является половецким. Сами номисмы, безусловно, являются частью платы из казны империи кочевникам, охраняющим отдаленные рубежи Византии в Таврике. Следовательно, данное погребение является половецким и относится ко времени правления названного императора. Сами номисмы, безусловно, являлись частью дани, которую Византия регулярно платила кочевникам. В связи со сказанным, следует вспомнить обнаруженный «черными археологами» в котловане, расположенном южнее раскопа, золотой колт XI – XII вв., весом 28 г. Следовательно, на территории античного поселения мог располагаться половецкий могильник. Естественно, рассматриваемое захоронение должно было быть впущено с поверхности развала сырцовых стен башни.

Два кочевнические погребения XI – XII вв. были открыты на расположенном вблизи Ортли городище Кара Тобе, третье — впускное в кургане возле последнего. Погребение в кургане было ориентировано, как и в нашем случае, головой на юго-запад [Лагутин, 1998, с. 156–163; Бужилова, Внуков, Антипина, 1999, с. 229–245]. В женском захоронении на городище была обнаружена фрагментированная половецкая баба. Половецкий могильник второй половины XIII – XIV вв. был исследован на территории садово-дачного кооператива на берегу Богайского залива Сасык-Сивашского озера в нескольких километрах к западу от нашего памятника [Анохин, Приднев, 2014, с. 435–453].

В слое пожара к северу от башни, между кладками №№ 3, 6, 11, 17, 18, на глубине 1,0–1,2 м были сделаны следующие находки:

1. Впервые встречено два новых штампа на синопских керамидах астинома Посейдония и фабриканта Синопа сына Антисфена, которые датируются Н. Коновичи 312–308 или 307–303 гг. до н. э.; Н. Федосеевым 333 г. до н. э.; И. Гарланом 322–315 гг. до н. э. и В. И. Кацем — концом 20-х IV – началом III в. до н. э. [Conovici, 1998, p. 33, 51, №№ 43–47; Fedoseev, 1999, 34, tab. 1; Garlan, 2004, p. 79, III A, №№ 33–40, tab. VI; Кац, 2007, рис. 17–19, группа III, подг. Б, с. 261, 465].

2. Бронзовый трехгранный наконечник стрелы конца IV – начало III в. до н. э. (рис. 22: *7*).

3. Железный трехгранный наконечник стрелы с длиной втулкой и острой головкой IV – III вв. до н. э. (рис. 22: *1*).

4. Полностью склеенный горшок с шарообразным туловом с вертикальным воротникообраз-

ным краем и двумя горизонтальными ручками (рис. 19).

5. Херсонесская ангобированная чашка с полным профилем.

Из слоя серого золистого суглинка над пожаром происходит трехгранный бронзовый наконечник стрелы (рис. 22: *7*). Из других раритетных предметов из раскопок следует, безусловно, отметить находку из траншеи над кладкой № 15 фрагмент терракотовой статуэтки херсонесского производства сидящей на скале женской фигуры (рис. 12). Ее голова и правая нога — отбиты. Поверх хитона перекинут гимматий со слабо обозначенными складками, край которого перекинут через правое плечо. Поверхность предмета покрыта белой краской. В слое пожара к югу от башни были обнаружены два железных трехгранных наконечника стрел с длиной втулкой IV – III вв. до н. э. (рис. 22: *2, 5*) и два бронзовых трехгранных наконечника стрел того же времени (рис. 22: *9, 10*).

В 2014 г. была предпринята попытка зачистить современный котлован от выборки суглинка в юго-восточном углу памятника, размерами 5 х 7 м (рис. 3–4). Однако раскопки эти были прекращены в связи с окончанием работы экспедиции. Заполнение котлована состояло из гумусованного переотложенного суглинка темного цвета с многочисленными известняковыми камнями. Из него происходит две бронзовые монеты: одна херсонесская, другая — пантикапейская. Первая — с изображением биги с девой на лицевой стороне и льва с копьем на оборотной. Первоначально В. А. Анохин датировал ее 330–320 гг. до н. э., затем около 350 г. до н. э. (о. м. 11). Вторая монета — с изображением головы бородатого сатира на аверсе и протомы грифона на осетром на реверсе 314–310 гг. до н. э. (о. м. 12). Здесь же было обнаружено ручка синопской амфоры с клеймом астинома Полихарма и фабриканта Каллистена. Н. Ф. Федосеев относит его к 325–320 гг. до н. э., другие авторы датируют концом IV – началом III вв. до н. э.

Башня сгорела в пожаре, а, следовательно, весь ее комплекс находок представляет собой закрытый комплекс, относящийся ко времени около 325–270 гг. до н. э. Все предметы соответствуют ранее обнаруженным. Новыми являются только фрагменты двух синопских черепиц с клеймами астинома Посейдония и фабриканта Синопа сына Антисфена с эмблемой змея-колос, амфорное синопское клеймо астинома Полухарма и фабриканта Каллисфена. Они датируются так же, как и большинство синопских штампов астинома Гиррита и фабриканта Теодора, то есть 20-ми годами IV в. до н. э. Не противоречит такой дате и три найденных в отчетном году монеты; первая типа Дева, поражающая копьем лань — бодающий бык 300–290 гг. до н. э. (о. м. № 10); вторая типа бига, управляемая Девой с факелом — лев с копьем в пасти 350 или 330–320 гг. до н. э. (о. м. № 11). И, наконец, монета Пантикапея 314–310 гг. до н. э. типа голова бородатого сатира — протома грифона (о. м. № 12). Все бронзовые и железные наконечники стрел происходят из слоя пожара и развала сырцовых стен, то есть относятся к концу первой трети III в. до н. э. (рис. 22: *1–10*). Железные наконечники с длинной втулкой и острой головкой широко представлены на Дону [Савченко, 2004, с. 201–202].

Главное место в комплексе из четырех усадеб занимала башня в северо-восточном углу поселения (рис. 21). Нижняя часть стен на высоту 1,30 м была каменной, верхняя, судя по мощным развалам сырцовых стен — сырцовой. К сожалению, от лицевой части внешних капитальных стен, сохранилась всего четыре крупных блока в западной стене башни (№ 15). Именно, такие мощные квадры были выломаны для вторичного употребления. Вполне возможно, они были использованы при сооружении внутренней поперечной стены Керкинитиды, построенной в 60-е годы III в. до н. э. или каких-либо иных построек отдаленной хоры Херсонеса, после губительных ее разрушений в конце первой трети названного столетия.

Весьма интересные результаты получены из очень скромной по своему объему выборки палеоботанических материалов, обработка которых была проведена Г. А. Пашкевич. Из нее следует, что основной зерновой культурой являлась голозерная мягкая пшеница (Triticum aestivum s. l.). Именно она была основной экспортной пшеницей как в столицу полиса Херсонес, так во внешней торговле. Второе место в пробах, резко уступая мягкой пшенице, занимает двузернянка (Triticum dicoccum). Тем не менее, по всей видимости, она высевалась в чистых посевах. Вероятно, полба употреблялась для разнообразия рациона проживающих на поселении греков и в ритуальных целях, поскольку не служила экспортной культурой [Кутайсов, 2013, с. 28]. Единичные зерновки ячменя в данной пробе, безусловно, не отражают истинного его значения в севообороте. Как показывают выборки с других поселений Северо-Западного Крыма, данная культура занимала второе место в севообороте и являлась ведущей

кормовой культурой. В нашей пробе встречено 7 зерновок ржи (Secale cereale). Столь небольшое количество зерен не позволяет однозначно утверждать: была ли она сорно-полевой или посевной культурой, то есть была засорителем посевов пшеницы или высевалась в чистых посевах. И, наконец, в наших пробах встречено семена бобовых: вики эрвилии и гороха. Как известно, вика высевалась в междурядье винограда и обогащала почву азотом. Для нас это имеет исключительное значение, поскольку виноградник открыт в непосредственной близи от поселения в 180 м к востоку, что подтверждает предложенную интерпретацию [Смекалова, Кутайсов, 2014, с. 72–74, рис. 16].

Поселение Ортли является эталонным аграрным памятником античной эпохи и конкретно отдаленной херсонесской хоры. Безусловно, исследуемый археологический объект подлежит дальнейшему систематическому исследованию.

Abstract

V. A. Kutajsov, T. N. Smekalova

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDYING OF THE ANTIQUE SETTLEMENT ORTLI IN NORTHWEST OF CRIMEA (excavation of 2012–2014)

The West Crimean expedition of the Crimean branch of Institute of archeology continued the third year in a row systematic researches of the antique settlement of Ortli located on east coast of the Ortinsky estuary, on North side of the Sasyk-Sivashsky lake in the Saksky region of the Republic of Crimea. Judging by geomagnetic shooting the settlement represented the block from four estates, grouped together different in the area. Archaeological researches of 2012–2014 affected only a northeast complex, the sizes of 22,5 x 24,5 m, that is about 540 m ².

Key words: Attica, Gerakleya, Kerkinitida, Panticapaeum, Sinova, Chersonese, Lake Sasyk-Sivash, tower, estate, amphora's, brands, coins.

Опись монет с античного поселения Ортли 2012–2014 гг.

1.	Л.с. ХЕР. Дева. Поражающая копьем лань влево, в левой руке рук. О.с. Бодающий бык на палице влево. Внизу имя — ΕΥΔΡΟΜΟΥ, лук и колчан. Медь. Дихалк.	2012 г. Помещение № 1. Слой пожара. **300–290 гг. до н. э.** *Анохин, 1977, V, 77; 2011, № 700;* **Конец IV в. до н. э.** *Столба, 1989, 67*; **305–300 гг. до н. э.** *Туровский, 1997, № 77.*
2.	Л.с. Квадрига вправо, в колеснице Дева с факелом. О.с. ХЕР. Коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Дифферент не читается. Дихалк. 4,69 г.	2013 г. Помещение № 1. Слой пожара. Гл. 1 м. **350–330 гг. до н. э.** *Анохин, 1977, I I –III, 35–56; 2010, с. 97–98; Туровский, 1997, №№ 31–55.*
3.	Л.с. Коленопреклоненная Дева вправо, с луком и стрелой. О.с. ХЕР. Грифон влево. Имя магистрата не читается. Дихалк. 4,38 г.	2013 г. Помещение № 3. Слой пожара. Гл. 1,2 м. **320–310 гг. до н. э.** *Анохин, 1977, IV – V, 68–74;* **315–305 гг. до н. э.** *Туровский, 1997, №№ 64–71*
4.	Л.с. Квадрига вправо, в колеснице Дева с факелом. О.с. ХЕР. Коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Дифферент не читается. Дихалк. 3 .80 г.	16.10.2013 г. Кв. А-3. Слой пожара к востоку от кладки № 14, у северного борта. Гл. 1,0 м. См. № 2.
5.	Пантикапей (?). Типа Сатир-лев (?). 4,94 г.	Квадрат к западу от основного раскопа. **294–284 гг. до н. э.** *Анохин, 1986, таб. 4, 125.*
6.	Л.с. Квадрига вправо, в колеснице Дева с факелом. О.с. ХЕР. Коленопреклоненный воин со щитом и копьем влево, на голове шлем. Дифферент не читается. Дихалк. 4,63 г.	Сборы с территории памятника. Передана В. В. Сусловым. См. № 2.
7.	Л.с. Грифон влево. О.с. ХЕР. Коленопреклоненная Дева вправо. Буквы — КРА. Дихалк. 5,67 г.	Сборы с территории памятника. Передана В. В. Сусловым. **330–320 гг. до н. э.** *Анохин, 1977, IV, 61;* **325–320 гг. до н. э.** *Туровский, 1997, № 62.*
8.	Л.с. ХЕР. Грифон влево. О.с. Коленопреклоненная Дева вправо, с луком и стрелой. Имя магистрата не читается. Дихалк. 7,34 г.	Сборы с территории памятника. Передана В. В. Сусловым. **310–300 гг. до н. э.** *Анохин, 1977, V, 75–76;* **315–305 гг. до** н. э. *Туровский, 1997, № 75–76.*
9.	Рассыпалась при чистке. П.о. 300.	17.10.2013 г. Кв. А-3. Помещение № 1. Слой пожара. Гл. 1,0–1,2 м.
10.	Л.с. ХЕР. Дева, поражающая копьем лань влево, в левой руке лук. О.с. Бодающий бык на палице влево, внизу имя ? Медь. Дихалк	2014 г. Помещение № 3. С пола, у подошвы обкладки колодца, к востоку от кладки № 19. Гл. 1,4 м. **300–290 гг. до н. э.** *Анохин, 1977, V, 77–81;* ***конец IV в. до н. э.*** *Столба, 1989, с. 67;* ***305–300 гг. до н. э.*** *Туровский, 1997, №№ 77–81, с. 56.*
11.	Л.с. Бига вправо, в колеснице Дева с факелом. О.с. ХЕР. Лев с копьем в пасти влево, вверху буквы — ПА. Медь. Халк.	22.05.2014 г. Раскоп. 2. **330–320 гг. до н. э.** *Анохин, 1977, IV, 66–67*; **около 350 г. до н. э.** *Анохин, 2010, с. 97–98, рис. 16;2011, №№ 659–660;* **325–320 гг. до н. э.** *Туровский, 1997, №№ 58–59*
12.	Л.с. Голова бородатого сатира вправо. О.с. ΠΑΝ. Протома грифона влево, внизу осетр. Медь. Тетрахалк.	22.05.2014 г. Раскоп 2. Пантикапей (П-24**).** **Около 314–310 гг. до н. э.** *Анохин, 1986, № 111.*

Цветной рис. 1 расположен на стр. 592.

(Рис. 1. Северное и северо-восточное побережье озера Сасык-Сиваш на космическом снимке из ресурса Google Earth, сделанном 16 июля 2010 г. Показаны древние Керкинитида и усадьба Ортли.)

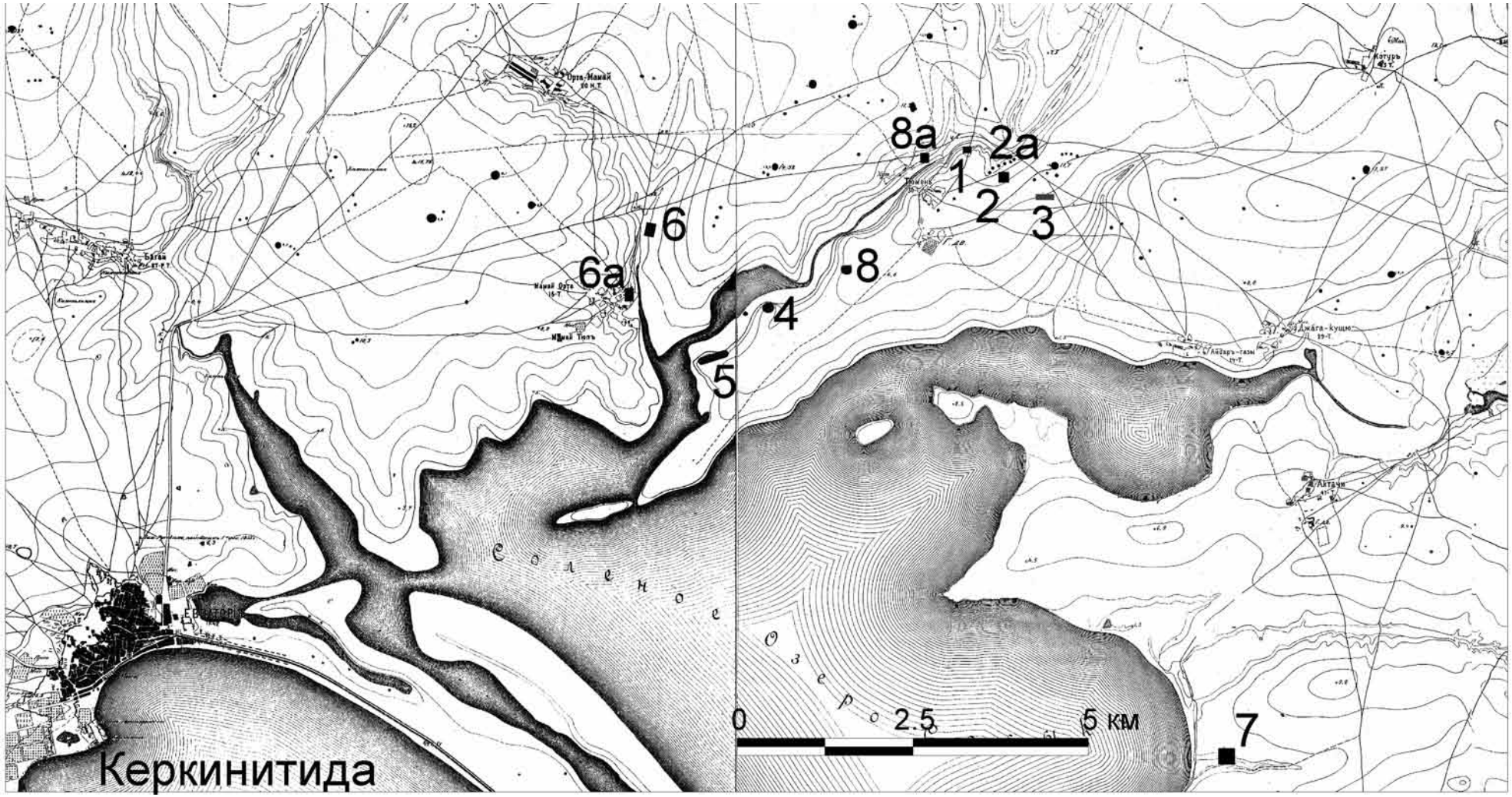


Рис. 2. Северное и северо-восточное побережье озера Сасык-Сиваш на полуверстовой карте 1898 г.
а — античные поселения, *б* — поселения местных племен раннего железного века, *в* — поселения позднего бронзового века.
Цифрами нанесены следующие археологические памятники: *1* — Античная усадьба Тюмень 1; *2* — античная усадьба Тюмень 2; *2а* — могильник Тюмень 2а; 3 — поселение позднего бронзового века Тюмень 3; *4* — поселение раннего железного века Тюмень 4; *5* — поселение раннего железного века Тюмень 5; *6* — античное поселение Ортли; 6а — античное поселение Мамай-Тюп, 7 — поселение Гаршино, 8 — поселение эллинистического времени Тюмень 6; 8а — эллинистическая усадьба Тюмень-Хутор

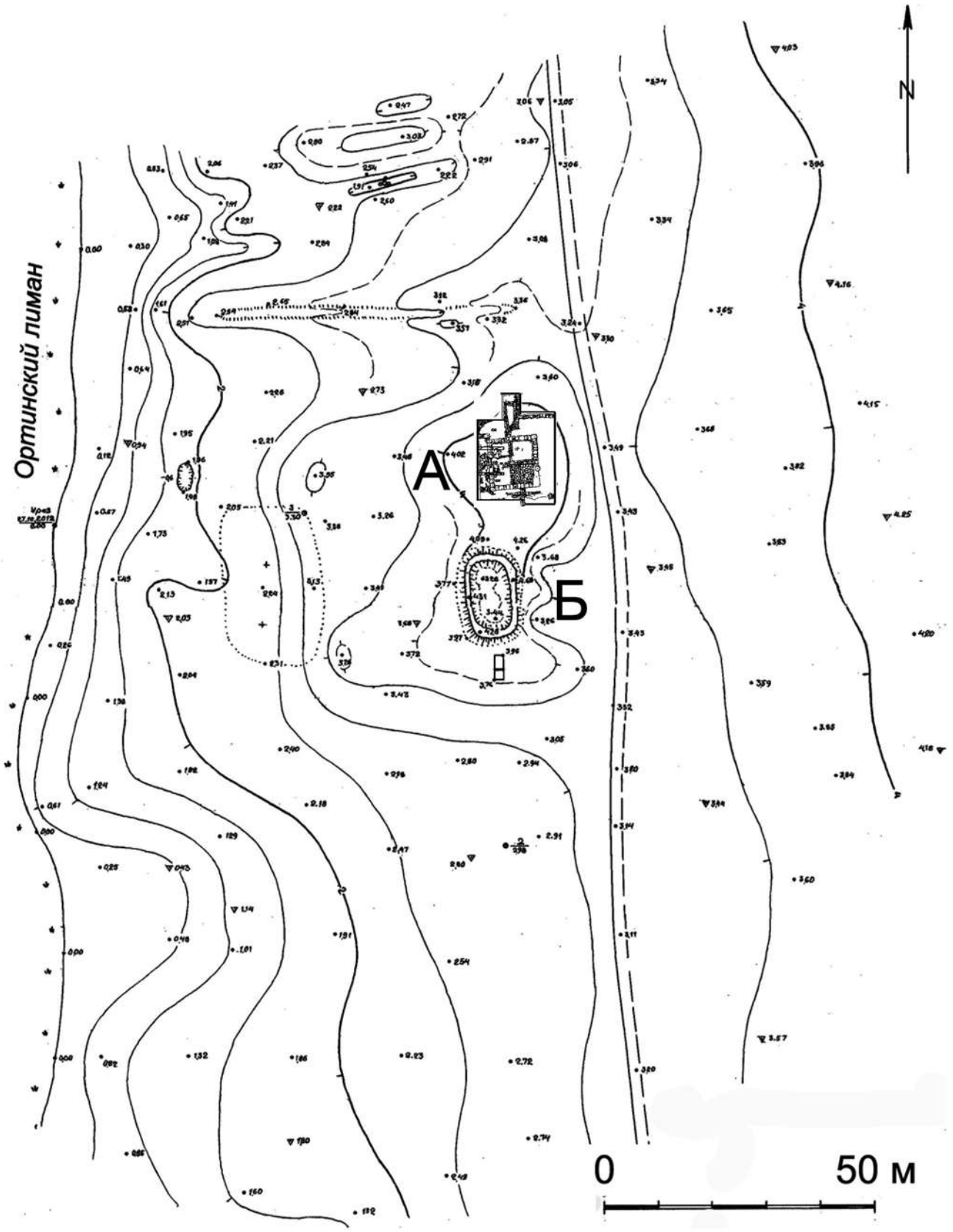


Рис. 3. Ортли. Топографический план памятника с обозначением местоположения раскопа.
А — раскоп 2012–2014 гг., Б — котлован.
План выполнен В. В. Семеновым и Е. Ф. Чикалкиным

Цветные рис. 4, 5 расположены на стр. 593, 594.

(Рис. 4. Геомагнитная съемка античного поселения Ортли и его интерпретационный план. Съемка Т. Н. Смекаловой, А. В. Чудина, В. В. Власова. Чертеж Т. Н. Смекаловой.

Рис. 5. Общий вид на северо-восточную башню усадьбы с востока.
1 — снимок 2013 г.; 2 — снимок 2014 г. Фото А. Е. Пасуманского.)

Рис. 6. Общий вид на северо-восточную башню усадьбы с запада (верхний снимок) и с севера.
Фото А. Е. Пасуманского

Рис. 7. Общий вид на северо-восточную башню усадьбы с юга (верхний снимок) и с северо-востока. Фото А. Е. Пасуманского

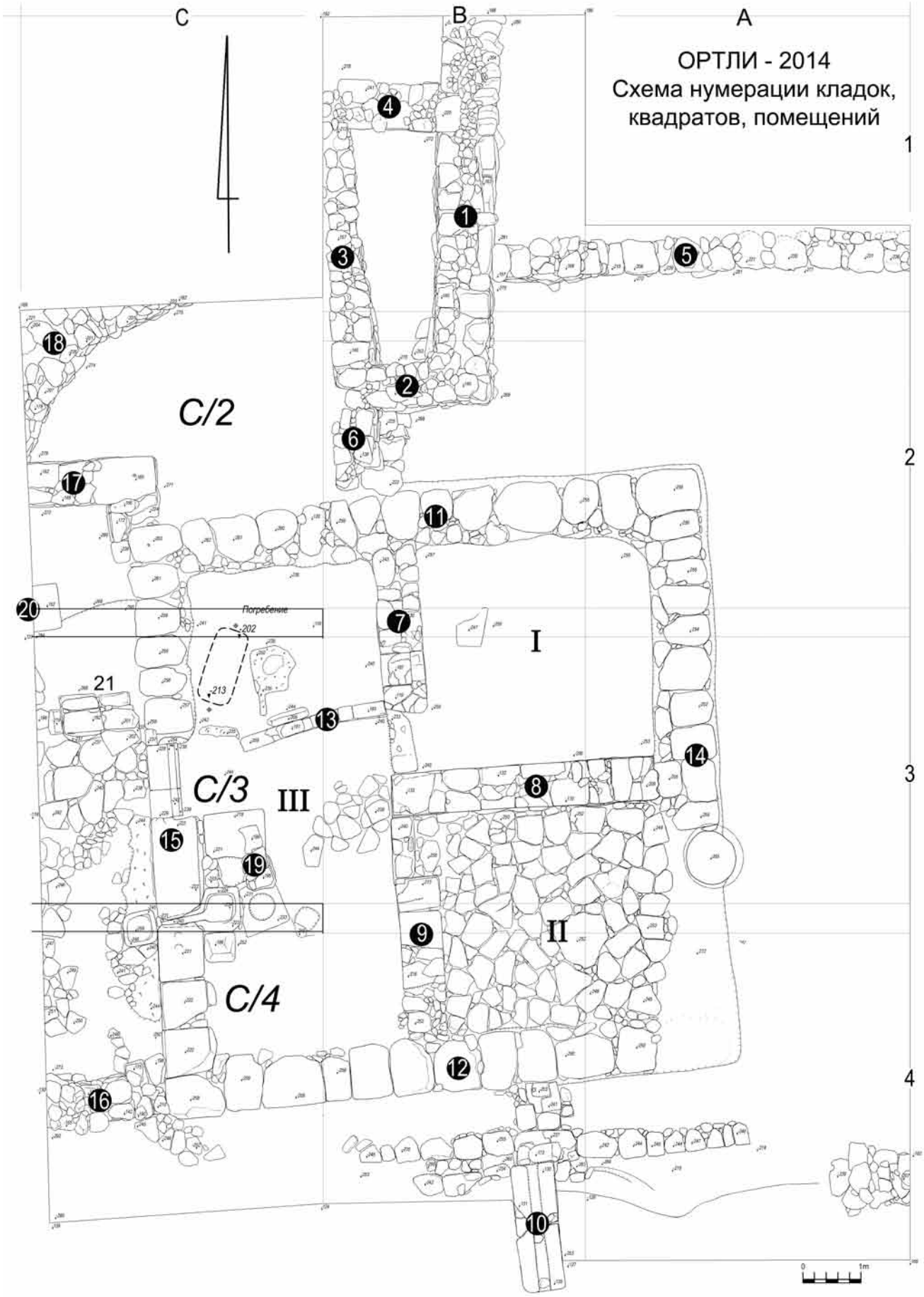


Рис. 8. Общий план раскопа 2012–2014 гг. Чертеж С. А. Мульда

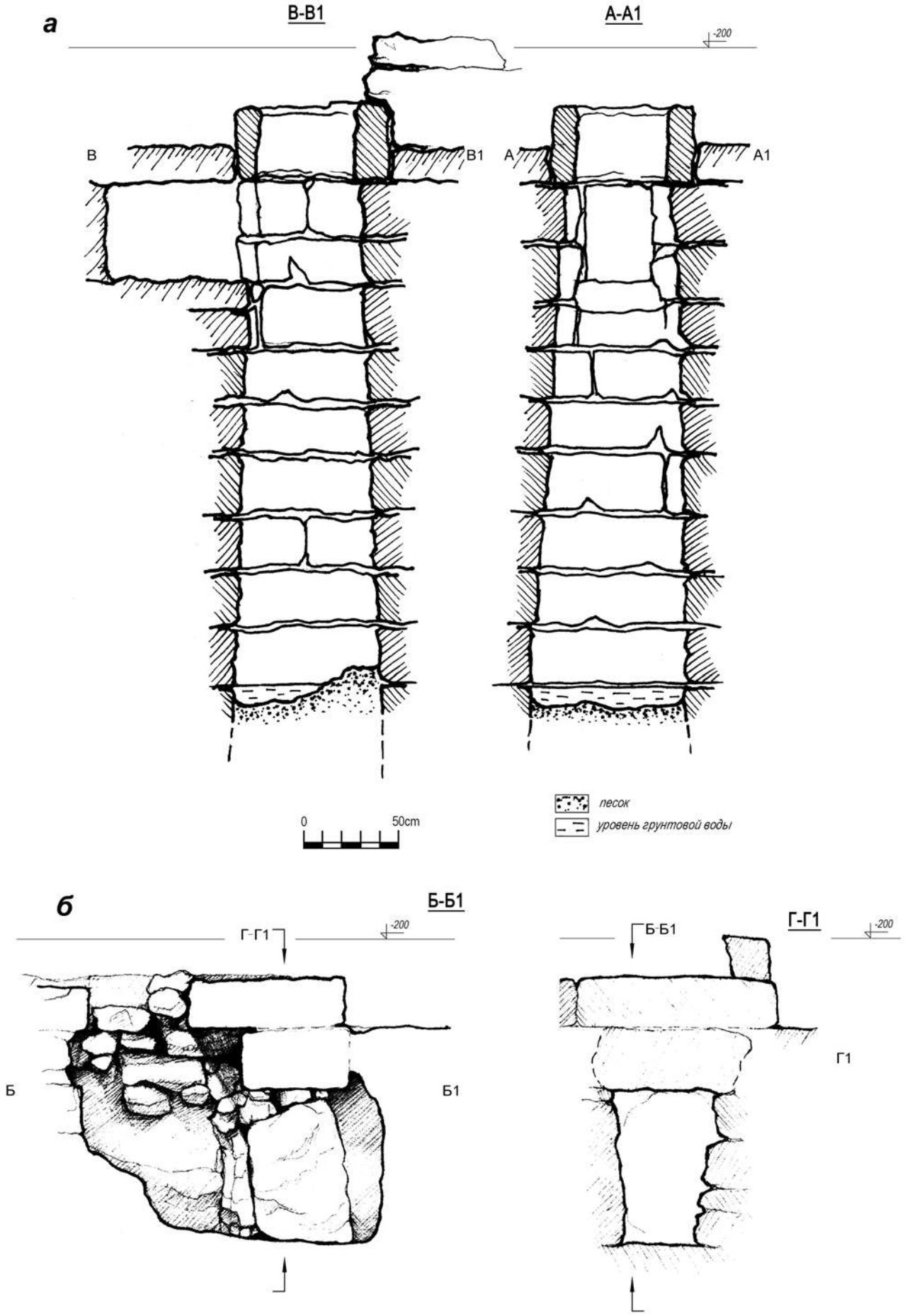


Рис. 9. Разрезы колодца и подземного инженерного сооружения внутри северо-восточной башни усадьбы. Чертеж Р. С. Кецко

Рис. 10. Северная часть помещения № 3 (кухня или пекарня?). 1 — вид с северо-востока; 2 — вид с севера. Фото А. Е. Пасуманского.

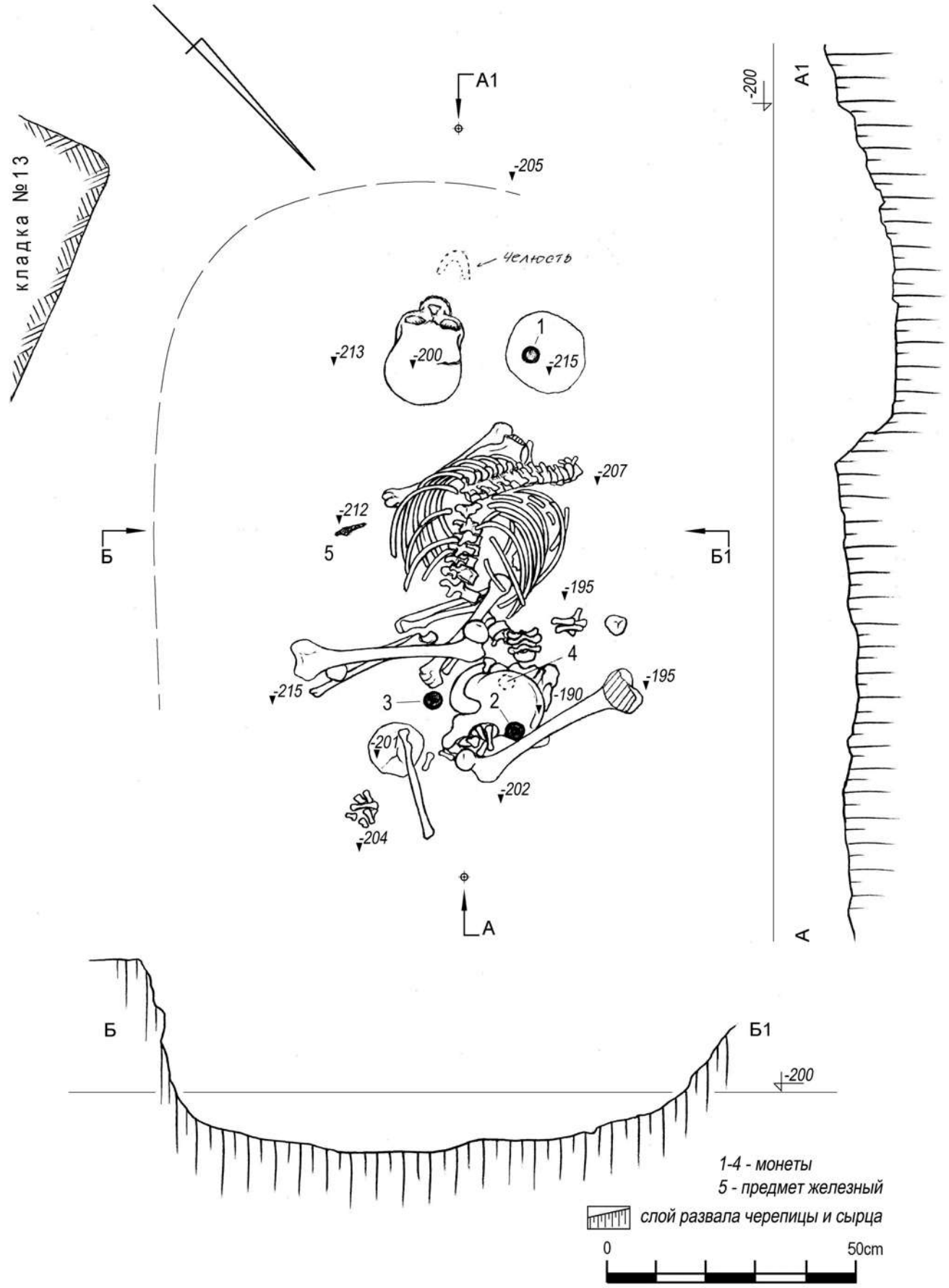


Рис. 11. План половецкого погребения XI века внутри башни.
Чертеж С. А. Мульда

Цветные рис. 12–18 расположены на стр. 595–601.

(Рис. 12. Терракотовая статуэтка херсонесского производства из траншеи над кладкой № 15. Фото А. Е. Пасуманского.
Рис. 13. Чернолаковая чашка 300–290 гг. до н. э. с граффити, найденная во дворе усадьбы. Рисунок Р. С. Кецко.
Рис. 14. Чернолаковые чашки 300–290 гг. до н. э. из слоя пожара во дворе усадьбы.
Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского.
Рис. 15. Чернолаковый аттический канфар 285–275 гг. до н. э. из слоя пожара во дворе усадьбы.
Фото А. Е. Пасуманского.
Рис. 16. Чернолаковый аттический канфар 325–300 гг. до н. э. из слоя пожара во дворе усадьбы.
Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского.
Рис. 17. Чернолаковые солонки и канфар из слоя пожара во дворе усадьбы.
Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского.
Рис. 18. Чернолаковый аттический гуттус 300–290 гг. до н. э. из слоя пожара во дворе усадьбы.
Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского.)

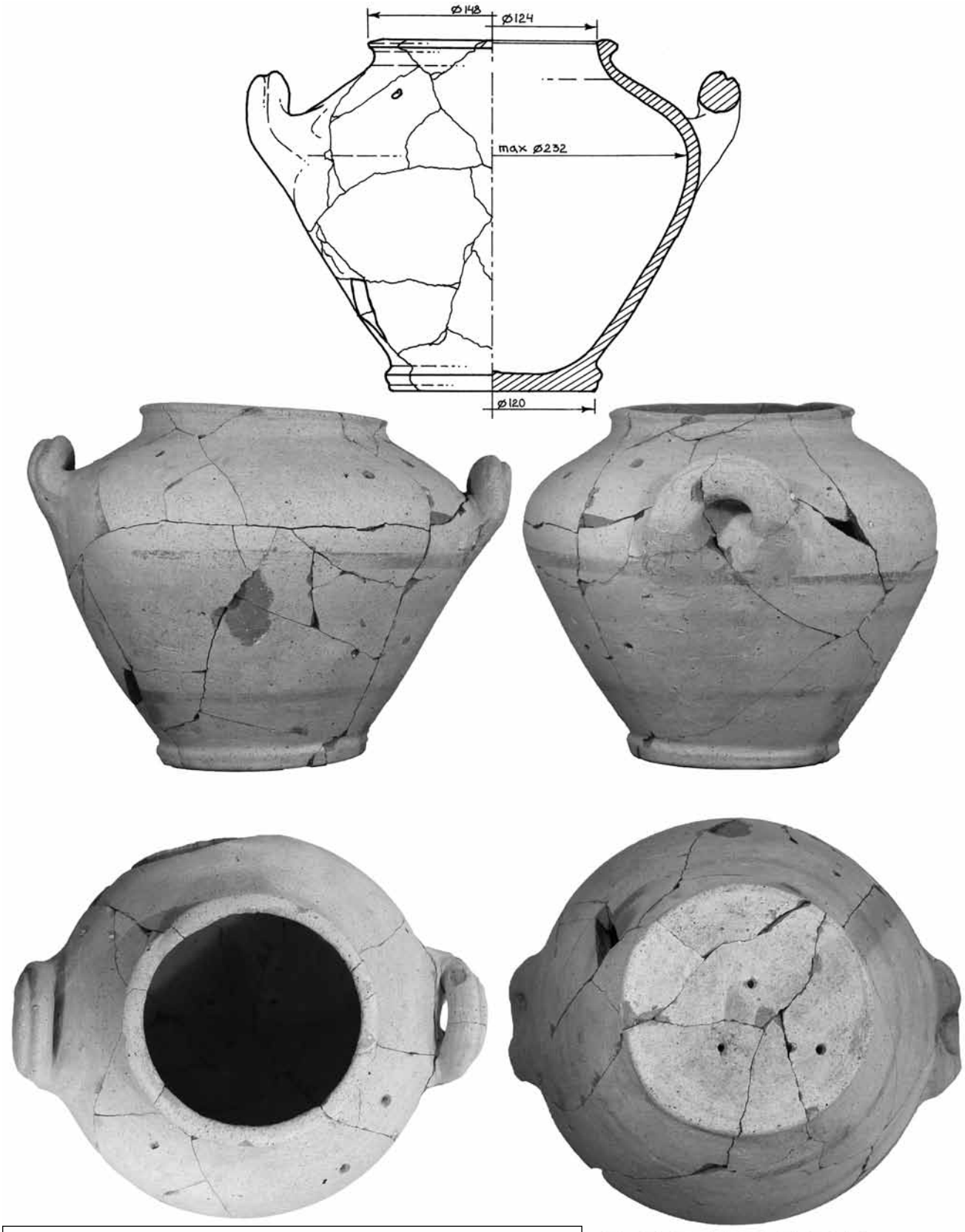


Рис. 19. Херсонесский горшок из слоя пожара к северу от кладки № 11 башни. Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского

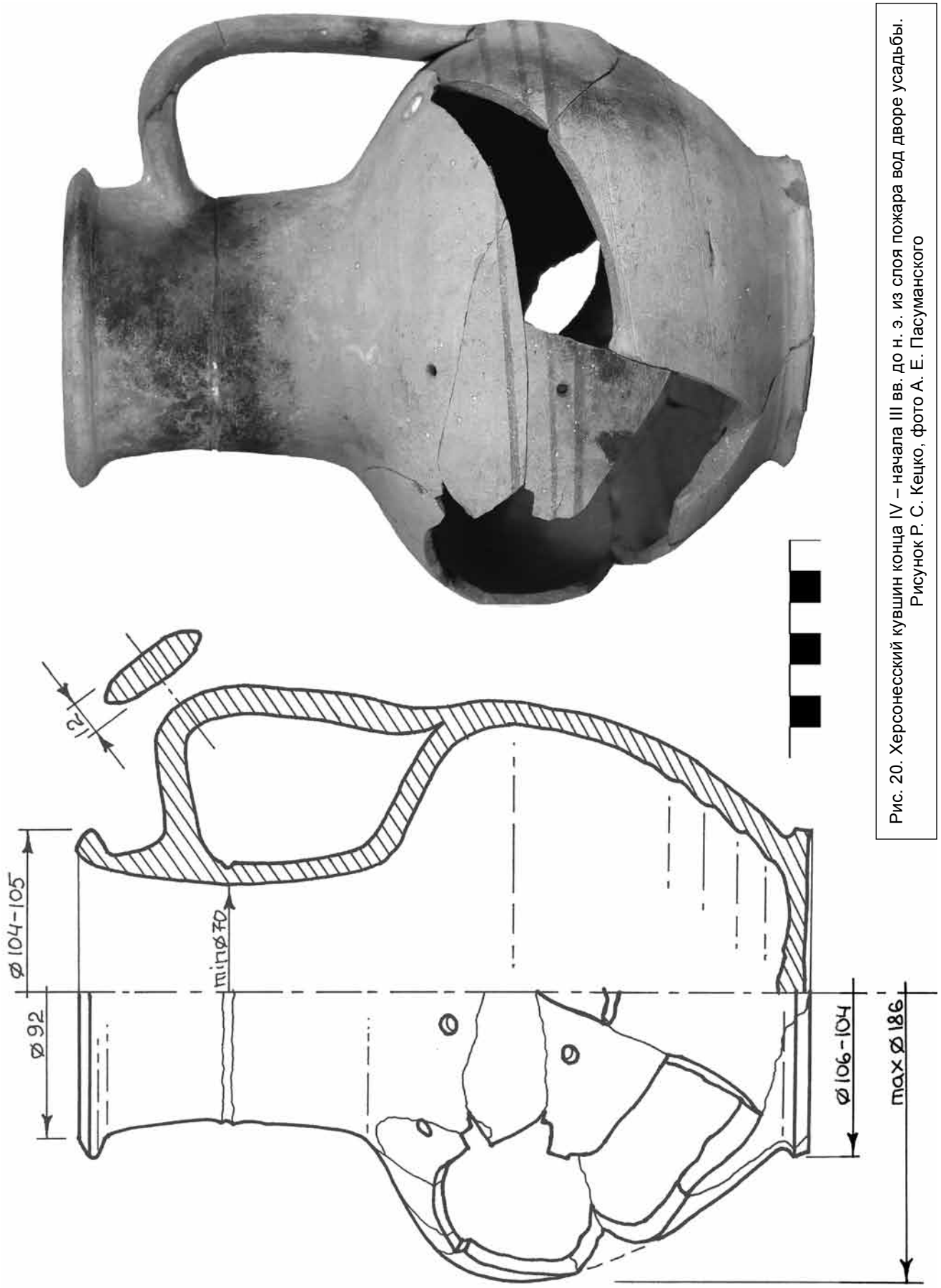


Рис. 20. Херсонесский кувшин конца IV – начала III вв. до н. э. из слоя пожара вод дворе усадьбы. Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского

Цветной рис. 21 расположен на стр. 602.
(Рис. 21. Вариант объемной реконструкции усадьбы. Автор Р. С. Кецко.)

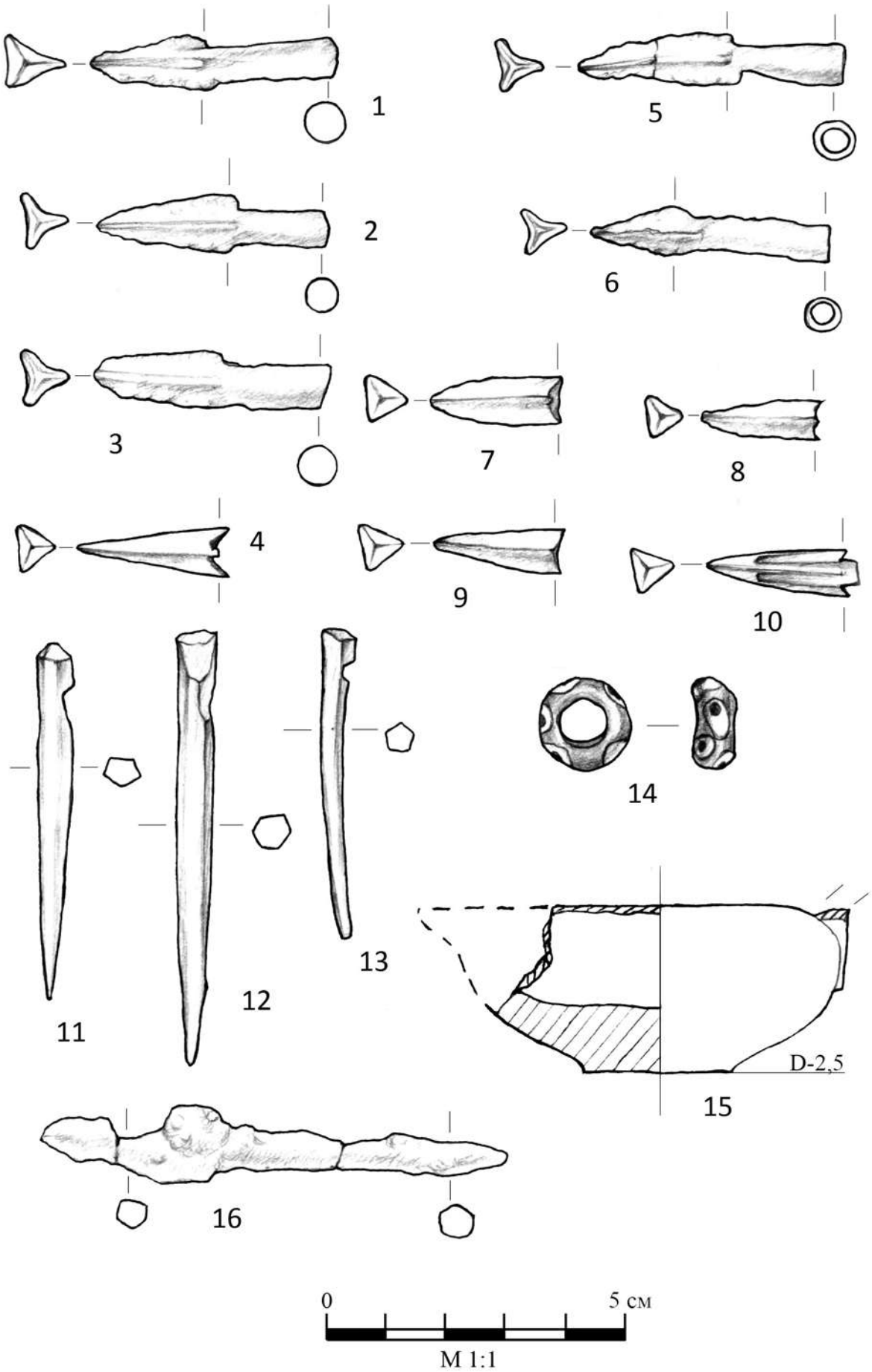


Рис. 22. Археологические находки из раскопок 2014 г.
Изделия из металла (*1–3, 5, 6* — железо; *4, 7–10* — бронза); *11–13* — кости;
14 — глазчатая бусина из египетского фаянса; *15* — светильник; *16* — железное изделие из половецкого погребения.
Рисунок И. О. Калицкой

Г. А. Пашкевич

ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ИЗ АНТИЧНОЙ УСАДЬБЫ ОРТЛИ В 2014 г.

Статья посвящена публикации результатов палеоботанических материалов пробы из слоя пожара одной из усадеб античного поселения Ортли, расположенного на северном берегу озера Сасык-Сиваш в Крыму. Полученные данные дополняют наши знания о составе культурных злаков, используемых в севообороте древними греками на отдаленной хоре Херсонеса.

Ключевые слова: античность, палеоботанические данные, ископаемые культурные растения (пшеница, ячмень, рожь, вика эрвилия, горох посевной), хора Херсонеса.

На анализ поступил образец объемом 425 мл, состоящий из смеси обугленных зерновок, их обломков, окатанных комочков земли, угольков. Из образца отобрана для анализа средняя проба в 40 мл. В ней было выявлено 534 целых зерновки, объем которых составил 17 мл. Оставшиеся 23 мл — это сильно разрушенные зерновки, не поддающиеся определению, угольки, небольшие окатанные комочки земли.

Состав средней пробы следующий:

Злаки:

Пшеница однозернянка (*Triticum monococcum*) — 6 зерновок;

Пшеница двузернянка (*Triticum dicoccum*) — 27 зерновок;

Пшеница голозерная (*Triticum asetivum* s.l.) — 481 зерновка;

Пшеница спельта (*Triticum spelta*) — 3 зерновки;

Ячмень пленчатый (*Hordeum vulgare*) — 1 зерновка;

Ячмень голозерный (*Hordeum vulgare var. coeleste*) — 4 зерновки;

Рожь посевная (*Secale cereale*) — 7 зерновок.

Бобовые:

Вика эрвилия (*Vicia ervilia*) — 3 семени;

Горох посевной (*Pisum sativum*) — 2 семени.

Зерновки имеют следующие размеры:

Пшеница двузернянка: 7.0 x 2.4 x 2.0 мм;

Пшеница голозерная: 4.32 x 3.12 x 2.4 мм;

Ячмень пленчатый: 6.4 x 3.2 x 2.4 мм;

Ячмень голозерный: 5.2 x 4.0 x 3.2 мм;

Вика эрвилия: d = 4 мм.

Среди зерновок абсолютное преимущество имеют зерновки пшеницы голозерной (481 зерновка). Зерновки имеют типичные морфологические признаки: округло-удлиненную, с широкой верхушкой и основанием форму, глубокую брюшную бороздку. Средние размеры зерновок (по 20-ти измерениям): 4.32 x 3.12 x 2.4 мм.

Примесь зерновок остальных культур очень незначительна. В ее составе — зерновки трех пленчатых пшениц: пшеницы двузернянки (27), пшеницы однозернянки (6) и пшеницы спельты (3), ячменя пленчатого (1) и ячменя голозерного (4), ржи (7). Представлены также единичные семена бобовых — гороха посевного (2) и вики эрвилии (3).

Зерновки пленчатых пшениц в материалах из Ортли: однозернянки, двузернянки, спельты имеют типичные морфологические признаки. У них удлиненное, более узкое тело, чем у зерновок голозерных пшениц, заостренное с двух концов. У зерновок пшеницы однозернянки брюшная сторона выпуклая или прямая, у пшеницы двузернянки — прямая или немного углубленная; спинная сторона у первой значительно приподнята, благодаря чему высота зерновки больше, чем ее ширина, зерновка сплюснута с боков, что придает ей

своеобразный вид. У пшеницы двузернянки спинная сторона более плоская.

Зерновки ржи по своей форме значительно отличаются от общеизвестных в ископаемых материалах. Они мелкие, укороченные, довольно широкие. Такие зерновки описаны З. В. Янушевич в материалах из поселений Северо-Западного Крыма Панское 1 и Маслины, и, по ее мнению, относятся к сорно-полевой ржи, засорявшей посевы пшеницы [Янушевич, 1976. с. 135–137].

Палеоэтноботанические материалы, полученные в результате исследования греческих колониальных образований Северного Причерноморья, свидетельствуют о том, что наибольшее количество обнаруженных зерновок принадлежит двум зерновым культурам — пшенице голозерной и ячменю пленчатому. Преобладание их наблюдается в материалах всех греческих полисов, начиная с VI в. до н. э. и до II – III вв. н. э. [Янушевич, 1986, с. 41, 46; Пашкевич, 1995, с. 98–99; Pashkevich, 2001, p. 530–531, 540; Пашкевич, 2006]. Очевидно, что пшеница голозерная и ячмень пленчатый были не только теми растениями, зерновки которых преобладали в находках и хорошо сохранились, но и были основными в ассортименте. Вполне вероятно, что греки, поселившись на новых землях, использовали известный и привычный им состав растений, который они принесли с собою. Большое сходство в размерах зерновок голозерных пшениц, установленное на материалах разновременных памятников, свидетельствует о том, что на протяжении всего периода греческой колонизации выращивалась однотипная популяция этой пшеницы.

Голозерная пшеница, по имеющимся палеоэтноботаническим данным, до появления греческих поселенцев на северных берегах Черного моря (горный Крым, степная зона Северного Причерноморья) не была в числе выращиваемых культур. Основными зерновыми культурами на обширной территории степной зоны были пленчатые пшеницы (преимущественно двузернянка) и пленчатый ячмень.

На территории Крыма палеоэтноботанических данных доколониального времени немного. Известна находка в погребении катакомбной культуры в Северном Крыму у с. Болотное близ Сиваша (раскопки В. А. Корпусовой). Колоски пшеницы однозернянки находились в мешке в смеси с колосками пшеницы двузернянки [Янушевич, Корпусова, Пашкевич, 1981]. Вторая находка происходит из Юго-Западного Крыма. На поселении кизил-кобинской культуры у с. Штурмовое (Черная речка) в яме с керамикой VII – V в. до н. э. обнаружено более двух тысяч обугленных зерновок (раскопки О. Я. Савели). Тысяча девятьсот восемьдесят зерновок (то есть 99 %) принадлежит однозернянке и только 12 зерновок — пшенице двузернянке и 10 — пленчатому ячменю [Янушевич, Кузьминова, Савеля, 1988, с. 14–16].

Существует предположение, что на территории Украины голозерные пшеницы появились двумя путями. Один из них — в Северное Причерноморье с Кавказа, а второй — из малой Азии. В последнем случае появление голозерной пшеницы на территории Украины, прежде всего Северного Причерноморья, связано с приходом сюда греческих колонистов в конце 1-го тыс. до н. э. Придя на новые земли с территории Малой Азии, они принесли известный им ассортимент вместе с прогрессивными приемами его выращивания.

З. В. Янушевич полагала, что голозерная пшеница появилась в Крыму через Кавказ и Северо-Западное Предкавказье из Передней Азии [Янушевич 1986, с. 48]. Однако, для подтверждения этого предположения нет достаточных данных.

По мнению А. М. Щеглова, голозерная пшеница в Северное Причерноморье попала из Карпато-Дунайского бассейна. В качестве подтверждения он ссылается на находку голозерной пшеницы на поселении Орловка в Одесской области. Это поселение фракийской культуры Карпато-Дунайского региона, имеющее дату VI в. до н. э. Зерновки голозерной пшеницы в находке преобладают в массе (400 мл) обугленного зерна [Пашкевич, 1991, с. 2]. В средней пробе среди 428 зерновок этой пшеницы была только 1 зерновка пшеницы двузернянки и 1 зерновка проса.

Фракийский элемент отмечен на ряде поселений Нижнего Побужья (Березань, Ольвия). В соответствии с существующим сообщением, металлообрабатывающее производство Березанского поселения также было связано с северо-балканским (фракийским?) миром [Доманский, Марченко, 2004, с. 28].

Со временем ассортимент, используемый греческими поселенцами, очевидно, изменялся. Среди известных грекам зерновых культур на определенном этапе греческой колонизации возрастало значение пленчатых пшениц. Если в начале колонизации эти растения могли засорять посевы голозерной пшеницы или ячменя, т.е. были сорняками, то позже, в периоды ухудшающихся

условий жизни (например, войны), эти пшеницы могли поступать в греческие города из горных районов, где их выращивание было обычным для местного населения. Возможно, что греческие поселенцы также перешли к выращиванию пленчатых пшениц, учитывая их агробиологические свойства.

Смесь необугленных колосков двух пленчатых пшениц — однозернянки и двузернянки найдена в 2010 г. в амфоре III в. н. э. при раскопках греческого города-колонии Нимфей. Паллас в XVIII в. находил двузернянку на Керченском полуострове в районе Феодосии. Есть сведения о выращивании ее в Перекопском уезде. В 20-х годах XX ст. эту пшеницу выращивали в татарских селах Байдарской долины и около Бахчисарая (в с. Биюк-Яшлау) как в чистых посевах в виде белоколосой разновидности, так и в виде примеси в посевах пшеницы однозернянки.

Пшеницу однозернянку выращивало в Крыму местное население еще в начале XX в. в значительном количестве, благодаря тому, что это растение дает надежные урожаи на каменистых горных склонах, а также благодаря нетребовательности к качеству обработки почвы, устойчивости к грибковым заболеваниям, к полеганию, к засухам и морозам. Толстые пленки, в которых находится зерновка, защищают ее от птиц и обеспечивают ее набухание при прорастании даже в неблагоприятных условиях недостатка влаги. Благодаря такой большой устойчивости, однозернянка в неурожайные годы сменяла мягкую пшеницу и, как считали татары, даже превосходила ее в урожайности, будучи посеянной в тех же условиях, т.е. на каменистых горных почвах.

Н. А. Дроздов нашел в 20-х годах XX в. культурную однозернянку около поселения Кояш-Бодрак, в 18 км от г. Симферополя. Это было заброшенное кукурузное поле, где однозернянка росла самосевом. Известно, что на десять лет раньше татарское население Бодрака выращивало однозернянку, а потом посевы ее исчезли в результате утраты семян. Около с. Байдары татары в 20-х годах XX в. высевали однозернянку и называли ее «каплы богдай», что значит «одетая», «укутанная». Использовали зерновки этой пшеницы для приготовления крупы и употребляли в виде каш. Зерновки в колосках сохраняли как посевной материал, давали лошадям и крупному рогатому скоту. Лошади отдавали такой пище предпочтение перед ячменем [Дроздов, 1922, с. 515–519]. Из зерновок, кроме каш, готовили муку, пиво, укус. По количеству белков зерновка однозернянки почти в два раза превосходит мягкую пшеницу. Длинная солома однозернянки прочная и упругая. Ее использовали в качестве дешевого кровельного материала для жилищ и хозяйственных построек, а также для плетения вещей домашнего употребления.

Однозернянка — яровая культура, но известны также ее озимые посевы. В горнах районах Армении, Дагестана, Азербайджана выращивают однозернянку в смешанных посевах вместе с двузернянкой. П. М. Жуковский пишет, что «...экологически все же однозернянки как культурные, так и дикие — нагорные растения. Культура их локализовалась только в ... холодных горных районах (без орошения)» [Жуковский, 1964, с. 102].

Замена пленчатых пшениц голозерными на Ближнем Востоке и Средиземноморье произошла довольно рано и уже в период поздней бронзы эти пшеницы имели предпочтение перед пленчатыми [Zohary, Hopf, 2000, p. 50]. Однако в районах Европы пленчатые пшеницы еще долго преобладали в посевах. Голозерные пшеницы вместе с рожью стали главными зерновыми культурами только в V – VI веках.

В последние десятилетия отношение к пленчатым пшеницам изменилось. Они привлекли к себе внимание как источник «экологически чистой» пищи. В Эфиопии пшеница двузернянка является обычным злаком, которому издавна отдано предпочтение [Perrino et al., 1996, с. 106–109]. Встречаются ее посевы на западе Турции. Увеличиваются посевы пленчатых пшениц в странах Европы, в горных районах Германии, Швейцарии, Испании, на Балканском полуострове.

Abstract

G. A. Pashkevich

PALEOETNOBOTANIC RESEARCHES OF MATERIALS FROM THE ANTIQUE ESTATE ORTLI in 2014

Article is devoted to the publication of results the paleobotanic materials of test from a layer of the fire of one of estates of the antique settlement of Ortli located on the northern coast of the Lake Sasyk-Sivash in the Crimea. The obtained data supplement our knowledge of structure of the cultural cereals used in a crop rotation by ancient Greeks on remote chorus of Chersonese.

Key words: antiquity, paleobotanic data, fossil cultural plants (wheat, barley, rye, Vika Erviliya, sowing campaign peas), chorus of Chersonese.

С. Б. Ланцов, В. П. Власов, С. Л. Смекалов, М. С. Шапцев

ПЕРВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МОГИЛЬНИКА «МАРЬИНСКОЕ» (ДЖАН-БАБА) В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ[1]

В статье охарактеризованы результаты полевых работ Донузлавской экспедиции Крымского филиала Института археологии в 2014 г. на некрополе городища «Марьинское (Джан-баба)», расположенном в Черноморском районе Республики Крым. На предполагаемой территории нахождения некрополя городища «Марьинское» (Джан-баба), после предварительной геомагнитной разведки и обнаружения аномалий, на месте одной их них был заложен раскоп площадью около 20 м^2.

Впервые точно локализован могильник, который связан с расположенным рядом греко-скифским городищем «Марьинское» (Джан-баба) и двумя селищами, предварительно датируемыми IV в. до н. э. – I-II вв. н. э. В раскопе зафиксированы надматериковые отложения, состоящие из двух культурно-хронологических горизонтов. Верхний горизонт датируется VIII – X вв. и связан с салтово-маяцкой археологической культурой. В нижнем горизонте преобладали находки рубежа эр и первых вв. н. э., соотносящиеся с позднескифской археологической культурой.

В материке была обнаружена подбойная могила № 1. Входная яма забутована камнем. В камере зафиксированы разновременные погребения младенца и 2-х подростков, совершенные в рамках I в. н. э. скорее всего во второй половине столетия. Это первое открытое на некрополе Джан-баба позднескифское погребальное сооружение.

Ключевые слова: Херсонес, поздние скифы, Северо-Западный Крым, полуостров Тарханкут, эллинизм, городище Марьинское (Джан-баба), некрополи, могильники.

Донузлавской экспедицией Крымского филиала Института археологии в 2014 г. были произведены небольшие раскопки на некрополе городища «Марьинское» (Джан-баба), расположенном в Черноморском районе Республики Крым [Ланцов, 2014, л. 1–91; Ланцов, Власов, Смекалов. Шапцев, 2014, с. 191; Зубарев, Смекалов, Ланцов, 2015, с. 63, рис. 2; с. 66]. Данный археологический комплекс, включающий греко-скифское поселение «Марьинское» (Джан-баба) с селищами и могильником IV в. до н. э. – первых вв. н. э., расположен на южном берегу Тарханкутского полуострова к западу от села Марьино (бывшее Джан-баба) Окуневского сельского поселения (рис. 1–7). Он отделен от села глубокой балкой, впадающей в море.

Городище находится на останце обтекания, ограничено со стороны суши двумя глубокими балками с крутыми склонами, а с моря — береговым клифом, подверженном интенсивной абразии. Высота над уровнем моря — до 15 м. Юго-западное селище также расположено на береговом клифе, ограничено с востока балкой, с юга — морем. Могильник находился к северу и северо-востоку от городища на месте поля, с восточной стороны примыкающего к балке. Точное его расположение и границы не были определены до работ 2014 г. Предполагалось, что могильник состоял из грунтовых могил и курганов. На государственный учет была поставлена территория с земляными насыпями, которые, как выяснилось в результате разведок Донузлавской экспедиции ИА НАН Украины в 2009 г. оказались зольниками рубежа эр [Ланцов, 2010, л. 174–177; Ланцов, 2010а, с. 262–265; Смекалов, 2010, с. 178–185] (рис. 4–6; 9).

[1] Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 14-06-90403 «Исследование грунтовых античных некрополей Западного и Восточного Крыма при помощи магнитометрии».

Первоначальное греческое поселение (усадьба) возникло здесь в результате освоения Херсонесом Северо-Западного Крыма и включения его в состав единого государства во второй половине IV в. до н. э. Греческое поселение просуществовало до II в. до н. э. Затем его захватили крымские поздние скифы, которые построили на руинах усадьбы своё собственное укрепление. К западу от него, через балку возникло селище (рис. 4–6; 11). Гибель позднескифского поселения «Марьинское» традиционно относят ко II в. н. э. Судя по подъемному материалу VIII – X вв. н. э., к северу от городища предположительно существовало селище салтово-маяцкой культуры.

Впервые территория памятника осмотрена в 1933 году экспедицией ГАИМК и Евпаторийского музея под руководством П. Н. Шульца, в ходе археологического обследования Евпаторийского района. Памятник был определен как скифо-сарматское укрепление с примыкающим с севера могильником, но без селища [Шульц, 2010, с. 20; Шульц, 1937, с. 253; 1941, с. 270, 272]. Был также составлен план и разрезы памятника [Шульц, 2010. С. 56, рис. 41; С. 57, рис. 42].

В 1958 году в Симферопольский областной музей поступило сообщение от одного из жителей с. Марьино о находке плиты с изображениями. После осмотра местности и рельефа с надписью П. Н. Шульц решил, что памятник был найден ещё в 1938 г. во время распашки кургана к северу от городища Джан-Баба [Шульц, 1963, с. 3], однако такой уверенности сейчас нет. Во-первых, насыпи, принимаемые тогда за курганы, и сейчас неплохо сохранившиеся, оказались древними зольниками. Во-вторых, устные сведения деревенских жителей о находке плиты с надписью записаны в полевом археологическом дневнике П. Н. Шульца еще в 1933 г. [2010, с. 20]. Стела существует, она достоверная, относится к конкретному могильнику, но точные дата (до 1958 г.) и место находки точно не определены.

Надгробие представляет собой плиту из мшанкового известняка, продолговатой, четырехугольной формы, которая сужается книзу и заканчивается шипом. Высота надгробия с шипом — 1,18 м, ширина вверху — 0,66 м, внизу — 0,55 м, толщина — 0,22 м. Рельефные изображения расположены по двум ярусам. На верхнем — всадник с копьем и женщина; на нижнем — олень, преследуемый собакой. Кроме того, на рельефе содержатся 3 надписи на греческом языке (рис. 8) [Шульц, 1963, с. 3-10; Соломоник, 1963, с. 10–15]. Надгробие хранится в Центральном музее Тавриды (Симферополь). Шульц продатировал памятник рубежом II – III в. н. э.

Эта находка рельефа стала чуть ли не определяющим аргументом в плане решения ИА СССР начать широкое археологическое исследование Северо-Западного Крыма, в целом, и античных поселений южного побережья Тарханкута, в частности [Щеглов, 985, с. 3]. До настоящего времени указанная стела оставалась единственной находкой, являвшейся реальным свидетельством существования могильника античного времени вблизи с. Марьино.

В 1959 г. А. Н. Щеглов осмотрел городище, два селища (юго-западное и северо-западное) и предполагаемую территорию могильника, а также составил общий план комплекса, описал кладки и собрал подъемный материал, датированный в широком хронологическом диапазоне от III – II вв. до н. э. до III – IV вв. н. э. [Щеглов, л. 22-32].

Материалы этих исследований были им использованы в обобщающем труде «Северо-Западный Крым в античную эпоху» [Щеглов 1978, с. 35, 39, 40; рис. 9, III; 10] и ряде других публикаций [Щеглов, 1961, с. 71,77; 1970, с. 20]. Отметим, что в публикациях о комплексе он не упоминал северо-западное селище, вероятно из-за небольшого количества хроноиндикаторов, обнаруженных в ходе сборов на современной дневной поверхности и нечетких границ памятника.

В 2002 г. подчистки, обмеры и фотофиксация разрушающихся прибрежных кладок производились сотрудником Западно-Крымской экспедиции Крымского филиала ИА НАНУ С. В. Придневым [2004, с. 50–54]. Тогда же ведущий инженер Института археологии Крыма В. В. Семёнов выполнил общую геодезическую съемку территории расположения археологического комплекса в масштабе 1:500. Этот топографический план 2002 г. был ими дополнен в 2012 г., в ходе проведения Донузлавской экспедицией новой государственной паспортизации памятников археологии Северо-Западного Крыма (рис. 6).

В 2009 году Донузлавской экспедицией было проведено научно-поисковое археологическое обследование земельных участков общей площадью 10 га, планируемых для ведения личного крестьянского хозяйства в непосредственной близости от предполагаемых границ могильника. Это обследование с применением геофизической разведки и шурфовкой в местах магнитных аномалий позволило уточнить северную границу охранной зоны комплекса [Ланцов, 2010, л. 174–177; 186–213; Смекалов, 2010, л. 178–185] (рис. 5; 9; 11).

В 2013 г. на городище Джан-баба были проведены небольшие раскопки экспедицией Института археологии НАН Украины (начальник Д. С. Гречко). Здесь наряду с многослойными культурными отложениями, насыщенными артефактами и строительными остатками позднеэллинистического — раннеримского времени обнаружены два захоронения грудных младенцев в амфорах начала н. э. [Гречко, Викторова, 2014, с. 34-35; Гречко, 2015, с. 177-190]. Кроме того, определен весь обнаруженный остеологический материал [Маркова, 2015, с. 250–252].

Могильник городища «Марьинское (Джан-баба)» расположен на покрытом травянистой растительностью равнинном поле, примерно, в 125 м к северо-востоку от городища и в 120–150 м к западу от с. Марьино и отделен от села глубокой впадающей в море балкой (рис. 2-7).

Полевым работам предшествовали ознакомление с архивными, музейными и литературными материалами, характеризующими указанные выше памятники, а также проведение двух геомагнитных съемок территории некрополя и прилегающих к нему участков 2009 и 2014 гг. (см. выше). Границы и размеры некрополя и сейчас точно не установлены. Предположительно, он имеет форму прямоугольника со сторонами 120 м с севера на юг и 90 м с запада на восток, примерной площадью 0,7 га (рис. 4–6).

До 2012 г. значительную территорию могильника занимал загон для лошадей, располагавшийся рядом с недавно построенной частной конюшней, которая и сейчас находится в северной части археологического памятника. На 2014 г. забора загона не было, что позволило беспрепятственно провести намеченные исследования. До наших работ существование здесь некрополя предполагалось лишь на основании случайно обнаруженной надгробной стелы (см. выше), и определялось по наличию вблизи курганов, а также большого количества камней на поверхности поля, которые, как считалось, являлись забутовкой входных ям могил и были вывернуты при вспашке.

Подъемный материал, собранный на территории некрополя относился к VIII – X вв., свидетельствуя о наличии здесь в средневековую эпоху периодически функционировавших стойбищ или временных поселков (зимников) носителей салтово-маяцкой археологической культуры.

В результате работ Донузлавской экспедиции Крымского филиала ИА НАН Украины в 2009 г. по обследованию прилежащей к могильнику территории удалось определить приблизительные границы некрополя, а также установить на основании данных магнитометрии и шурфовки на месте аномалий, что предполагаемые курганы на самом деле оказались античными зольниками. Проведенные рядом с ними раскопки не выявили здесь и грунтовых погребальных сооружений (рис. 4–5; 9; 11).

Летом 2014 г. С. Л. Смекалов сделал магнитометрическую съемку территории собственно предполагаемого некрополя. На участке размером 90 х 80 м выявлено три области геомагнитных аномалий, которые, вероятно, имели археологический характер (рис. 5; 10). Критерием выделения данных областей было наличие либо положительных аномалий (на пример, связанных с засыпанными ямами), либо переходной зоны от отрицательной к положительной аномалии, возможно связанной с границей между развалом известнякового камня и поверхностным грунтом. С целью проверки данных магнитометрии на месте аномалии в точке 11 был заложен шурф, размерами 2 х 2 м (рис. 5–6; 10; 12).

Методика раскопок состояла в последовательном снятии дерна и прокапывании нижележащих слоев (пластами по 0,2 м) с изъятием археологических предметов, а также последующим выходом на уровень предматерикового суглинка и материка. При зачистке предматерикового суглинка, проявлялись пятна заполнения ям и камни. Поскольку крупные размеры пятен обнаруженных заполнений ям могли свидетельствовать о том, что это остатки древних сооружений, целостность которых нарушать нельзя, раскопки здесь были прекращены. После зачистки контуров, а также последующей графической и фото-фиксации обнаруженных объектов, их засыпали до будущих исследований, а выявленное древнее погребение, следуя методическим рекомендациям, было доследовано.

В процессе исследования стратиграфических контекстов культурного слоя в шурфе, а также для проверки отвалов применялся металлодетектор. Полученный археологический материал отбирался, учитывался и описывался в полном объеме. Коллекционные находки, а также все профильные и орнаментированные фрагменты керамических изделий были зарисованы, а отобранные в коллекцию предметы еще и сфотографированы. Коллекционные находки с территории некрополя городища «Марьинское» (Джан-баба) в 2014 г. сданы на хранение в фонды КРУ ИАЗ «Калос Лимен» (пгт. Черноморское). Костные остатки людей, зафиксированные при полевых работах,

взяты для антропологических определений (см. приложение 1).

Шурф, размером 2 х 2 м, ориентированный по странам света, заложили в восточной части некрополя, примерно в 45 м к югу от конюшни, на месте аномалии в точке 11 (рис. 5–6; 10).

Толщина задернованной поверхности в шурфе составляла около 0,1 м (рис. 12, I). Сразу под ней начинался культурный слой. На глубине около 0,2 м стали появляться как отдельно лежащие, так и образующие два крупных скопления камни. Камни одного из них, залегавшие в серо-желтом золистом суглинке, уходили в западный и, частично, в северный борта шурфа, а каменный развал в гумусированном суглинке — в его восточный борт, ближе к юго-восточному углу (рис. 12, II). Для того чтобы определить границы каменных развалов и выяснить каким объектам они принадлежали, первоначальный шурф был расширен с 4 м² до 20 м².

Общая мощность надматериковых напластований составила 0,7 м (рис. 13–14). Из дерна (толщина — 0,025–0,1 м), помимо современного бытового и строительного мусора, происходят единичные находки стенок гончарных сосудов XVIII – XIX вв., покрытых глазурью зеленого цвета.

Разбор каменных завалов, открытых на более широкой площади, показал, что камни лежали на разных уровнях без какого-либо порядка и не образовывали кладок. Не являлись они и забутовками могильных ям. Культурные отложения, в которых залегали камни, достигали 0,6 м и состояли из двух культурно-хронологических горизонтов.

В верхнем горизонте (толщина — до 0,5 м) гумусированного суглинка (рис. 13–14) были найдены отдельные фрагменты стенок раннесредневековых амфор, на одном из которых зафиксировано граффити (рис. 15, 1), и кости животных. Из индивидуальных находок из этого слоя назовем керамическое пряслице с необработанными краями, изготовленное из черепка красноглиняной амфоры (рис. 15, 2). Датируется данный горизонт VIII – X вв., подтверждая прежние представления о проживании здесь в указанное время населения, являвшегося носителями салтово-маяцкой археологической культуры.

Состав и структура нижнего горизонта оказались неоднородными. На меньшей по площади юго-западной части раскопа залегал постепенно сходящий «на нет» в восточном направлении массив (до 0,35 м) довольно плотного серо-желтого золистого суглинка, включавшего измельченную материковую глину желто-коричневого цвета и камни (рис. 13; 14, II), в котором практически отсутствовали находки. По всей вероятности, это выброс перемешанного грунта, образовавшийся при рытье каких-то сооружений.

На большей по площади северо-восточной части раскопа располагался слой рыхлого серого золистого суглинка с камнями (толщина — до 0,45 м) (рис. 13; 14, I), содержавший обильный керамический материал: фрагменты амфор (рис. 16, 1–7), краснолаковой (рис. 16, 8, 9) и невыразительной лепной посуды.

Слой рыхлого серого золистого суглинка с камнями почти вдоль всего северного борта подстилала прослойка чистой серо-черной золы (толщина — 0,05–0,1 м) (рис. 14, I). Несмотря на заметно меньшую толщину, в ней присутствовало значительно большее количество обломков амфор (рис. 17, 1–10), простых гончарных (рис. 17, 11), краснолаковых (рис. 17, 12–14) и лепных (рис. 18) сосудов, которые залегали друг на друге плотными слоями.

Единичные находки из нижнего горизонта относятся к эпохе эллинизма и позднеримскому времени, а основное количество — к рубежу эр и к I – II вв. н. э. Фаунистические материалы представлены костями мелкого и крупного рогатого скота. Нижний горизонт соотносится с носителями позднескифской археологической культуры.

Охарактеризованные стратиграфические контексты нижнего горизонта культурного слоя перекрывали стерильный в археологическом отношении литологический слой предматерикового светло-коричневого суглинка, толщиной около 0,2 м (рис. 14, II). После выхода на уровень этого суглинка по всей площади раскопа, была произведена зачистка его поверхности. В восточной части шурфа в насыщенном золой заполнении лежали камни, позволяющие определить контуры нескольких довольно больших округлых в плане ям, похожих или на хозяйственные, или на полуземлянки (рис. 19). В северо-западном углу шурфа в предматериковом суглинке четко обозначилось округлое в плане скопление камней диаметром около 1,2 м, которое более всего напоминало характерную для позднескифского погребального обряда забутовку могил или их входных ям (рис. 19).

Для того чтобы не нарушать целостность остатков древних сооружений, раскопки на восточном участке раскопа были прекращены, а предполагаемую могилу полностью исследовали. Выемка камней показала, что они действительно

являлись забутовкой выкопанной в материковой глине, но впущенной с уровня предматерикового суглинка, детской (судя по размерам) подбойной могилы. Поскольку ранее археологических полевых работ на территории некрополя городища Джан-баба не проводилось, могила получила порядковый номер 1.

Могила № 1. На уровне предматерикового суглинка входная яма и верхняя часть погребальной камеры могилы № 1 были заполнены забутовкой из уложенных горизонтально в два ряда необработанных камней средних размеров (рис. 20). Округло-овальная в плане входная яма ориентирована с севера на юг с небольшим отклонением. Ее размеры — 1,25 х 0,75–1,05 м, глубина от уровня предматерикового суглинка — 0,4 м, от современной дневной поверхности — 1 м (рис. 19–23). Подбой обнаружили в восточном секторе входной ямы по отличавшемуся от материковой глины составу грунта ее заполнения — рыхлый коричневый золистый суглинок. Заклад, разделявший входную яму и погребальную камеру, отсутствовал. Подбой, сегментовидный в плане, вырублен в восточной стенке входной ямы. Ориентирован он по линии северо-запад – юго-восток. Его размеры — 1,06 х 0,42 м. Пол подбоя располагался на 0,15 м ниже дна входной ямы, переход от входной ямы к подбою оформлен в виде ступени (рис. 20; 22; 23).

В камере обнаружены погребения ребенка и двух младенцев[2], расположенные друг над другом в 3 яруса (рис. 21–24). Сохранность их отдельных костей не очень хорошая, а анатомический порядок костяков нарушен грызунами, многочисленные кротовины которых обнаружены при расчистке могилы. По этой же причине не всегда точно можно установить принадлежность предметов погребального инвентаря конкретному погребению.

Погребение 1 (нижнее) совершено на дне подбоя в вытянутом положении на спине, головой на юг. Под погребенным зафиксированы слой тлена морской камки (0,005 м), а за его черепом лежала каменная плита (рис. 24–25). Очевидно, при совершении захоронения умершего положили на подстилку из морской травы, подложив под голову своеобразную «подушку» в виде плоского камня. Справа от черепа обнаружена бронзовая проволочная серьга с петлей на конце (рис. 25; 28, 6; 30, 4), датирующаяся по аналогиям I – II вв. н. э. [Высотская, 1994, с. 107]. В области шейных позвонков и вокруг черепа расчищены коротко цилиндрический бисер из египетского фаянса (рис. 25; 29, 4; 31, 1), относящийся, в основном, к типу 3 (вариант Г), по классификации Е. М. Алексеевой [1975, с. 31], датирующемуся I – II вв. н. э.[2] Найденные здесь же бусы, вероятно, входили в состав одного ожерелья. Они представлены сердоликовыми в форме параллелепипеда (тип 2, вариант А) I в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 15] (рис. 25; 29, 2, 5; 30, 12; 31, 7), шаровидными поперечно сжатыми из египетского фаянса (тип 3, вариант Г) I – II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 31] (рис. 25; 29, 7; 31, 9), цилиндрической с тремя поперечными рядами бугорков из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой (Тип 18) [Алексеева, 1978, с. 32] (рис. 25; 29, 9; 31, 6) и бочковидной продольно вытянутой из глухого стекла бирюзового цвета (рис. 25; 29, 10; 31, 4). Коротко цилиндрический бисер из египетского фаянса (рис. 25; 29, 4; 31, 1), шаровидная гагатовая бусина и шаровидные поперечно сжатые пронизи из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой, объединенные в нерасчлененные столбики по 2–5 экземпляров (рис. 25; 29, 6; 31, 2) зафиксированы также в области коленных суставов и бедренной кости правой ноги. На правую руку, а также на правую ногу погребенного были надеты бронзовые проволочные браслеты с завязанными концами, широко датирующиеся I в. до н. э. – II в. н. э. (тип III по Т. Н. Высотской) [1994, с. 109–110] (рис. 25; 28, 3, 4; 30, 7, 8).

Погребение 2 (среднее) совершено близ ступеньки входной ямы на спине с повернутыми вправо и согнутыми в коленных суставах ногами, головой на юго-восток (рис. 24; 26). Полусогнутая в локтевом суставе левая рука лежит на тазу и бедре. От нижнего костяка погребение 2 отделяла прослойка грунта толщиной 0,05–0,2 м (рис. 24), что говорит об их асинхронности. Обращает на себя внимание отсутствие костей правой руки погребенного 2, а также явно смещенное положение его позвоночного столба и некоторых других костей скелета. На правой ключице и в области шеи погребения 2 лежали бронзовые одночленные, лучковые подвязные фибулы: одна с расши-

[2] См антропологическое определение в приложении 1 — В. Ю. Радочин. Определение антропологического материала из могилы № 1 некрополя Джан-баба в 2014 г.

[3] Благодарим А. А. Стоянову за помощь оказанную в определении бус из могилы № 1 могильника Марьино и В. В. Масякмна за реставрацию бронзовых украшений и помощь в их описании.

ренной пластинчатой овальной в плане спинкой, узкой ножкой и верхней тетивой (т. н. «лебяжьинской» серии, группа 4, серия IV, вариант 2 по В. В. Кропотову) второй половины I в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 159–165; Симоненко, 2004. с. 144; Пуздровский, 2007, с. 86, 176] (рис. 26; 28, 2; 30, 2); другая — с нижней тетивой, подпрямоугольной в сечении спинкой с фрагментом обмотки, и плоским массивным приемником (группа 4, серия I, вариант 2 по В. В. Кропотову) (рис. 26; 28, 10; 30, 1). Подобные лучковые подвязные фибулы датируются второй половиной I в. н. э. – рубежом (началом) II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 72–74]. Слева от черепа расчищены бронзовая проволочная серьга с петлёй и крючком на концах (рис. 26; 28, 9; 30, 5), на которую была надета аналогичная, но меньшая по размеру серьга (рис. 26; 28, 8; 30, 6). Указанные серьги аналогичны украшению из погребения 1 (рис. 25; 28 6; 30, 4) и также относятся к I – II вв. н. э. [Высотская, 1994, с. 107]. В области шейных позвонков и вокруг черепа зафиксированы коротко цилиндрический бисер из египетского фаянса (рис. 26; 29, 4; 31, 1) (см. выше); стрелковидные подвески из гагата (тип 84 по Алексеевой), датирующиеся I в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 18] (рис. 39; 42, 1; 43, 11); продольно вытянутая, бочковидная бусина из сердолика I в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 15] (рис. 26; 29, 3; 31, 8), шаровидные поперечно сжатые бусы из стекла, относящиеся к типу I по Алексеевой [1978. с. 62–63], широко датируемому I – IV вв. н. э. (рис. 26; 29, 8); а также шаровидные поперечно сжатые пронизи из прозрачного бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой, объединенные в нерасчлененные столбики по 2–5 экземпляров (рис. 26; 29, 6; 31, 2) (см. выше). Бронзовый проволочный браслет с разомкнутыми заходящими концами (рис. 26; 28, 7; 30, 9), по всей видимости, был надет на правую руку. Он относится к типу VI по Высотской [1994, с. 111] и датируется I в. н. э.

Погребение 3 (верхнее) совершено в вытянутом положении на спине, головой на юго-восток (рис. 24; 27). Руки уложены вдоль туловища, правая нога прямая, левая полусогнута в коленном суставе. Сильно фрагментированный череп смещен почти на 0,2 м к юго-востоку от своего анатомического местоположения. Смещены также и отдельные кости левых руки и ноги. Погребение 3 самое позднее в могиле, поскольку оно перекрывало погребение 2, располагаясь на разделявшей их грунтовой подсыпке толщиной 0,15–0,25 м (рис. 24). В области шеи присутствовали бронзовая гривна, свитая из трёх отрезков проволоки с застежкой в виде крючка и петли (рис. 27; 28, 1; 30, 3). Аналогий этому изделию пока не найдено. Витые гривны до сих пор в Крыму не встречались, простые проволочные и псевдовитые гривны были обнаружены в могильниках Битак, Усть-Альма, Неаполь, Перевальное [Пуздровский, 2007, с. 148]. Около шеи также располагались коротко цилиндрический бисер из египетского фаянса (рис. 27; 29, 4; 31, 1), вытянутая цилиндрическая пронизь из глухого стекла типа 4 по Алексеевой [1978, с. 30] I – II вв. н. э. (рис. 27; 29, 11; 31, 5) и коротко цилиндрическая бусина из гагата. В нижней части грудной клетки найдены коротко цилиндрический бисер из египетского фаянса (рис. 27; 29, 4; 31, 1) и искривленная цилиндрическая пронизь из стекла (рис. 27; 29, 12; 31, 3) [Алексеева, 1978, с. 30] I – II вв. н. э. На нижней части бедренной кости правой ноги (над коленным суставом) лежал бронзовый проволочный браслет с разомкнутыми концами и утолщением на одном из них (рис. 27; 28, 5; 30, 10), тип VII, по типологии Высотской [1994, с. 111], широко датируемый I – III вв. н. э.

Могила № 1 принадлежит позднескифской археологической культуре, а обнаруженный инвентарь, позволяет говорить, что детские захоронения в ней были последовательно совершены, очевидно, во второй половине I в. н. э.

После завершения исследования могилы № 1 и контрольной прокопки материка раскоп был засыпан отработанным грунтом из отвалов и снивелирован по уровню современной дневной поверхности.

Благодаря новым работам Донузлавской экспедиции Института археологии Крыма в 2014 г. на территории некрополя городища «Марьинское» (Джан-баба) положено начало изучению еще одного давно известного археологического памятника Северо-Западного Крыма. Археологическим раскопкам предшествовали магнитометрические изыскания, которые продемонстрировали довольно высокую степень точности обнаружения подземных антропогенных структур.

В надматериковых слоях заложенного шурфа встречен довольно многочисленный археологический материал, в основном представленный керамикой. Подавляющее большинство находок — это фрагменты амфор. Продукция Херсонеса среди них, датирующаяся концом IV – началом III вв. до н. э., единична; немногим больше черепков коричневоглиняной тары, а абсолютно преобладают обломки светлоглиняных, а также

красноглиняных амфор рубежа эр и первых веков н. э. Примечательно, что среди них встречены и фрагменты амфор боспорского производства III – IV вв. н. э. Определение верхней даты функционирования Марьинского античного поселения подтверждает наблюдения А. Н. Щеглова, сделанные им еще в ходе визуальных разведок 1959 г. [Щеглов, 1959, л. 22–32]. Как известно, на греко-варварских памятниках Северо-Западного Крыма керамические материалы позднеримского времени встречаются крайне редко (на пример, на соседнем городище Тарпанчи и др.).

Самые ранние амфорные находки связаны с греками, которые основали в данной местности поселение дальней хоры Херсонеса. Возможно, к греческому периоду относятся также и обломки простой гончарной посуды херсонесского производства. В конце II в. до н. э. с обжитых мест греков вытеснили поздние крымские скифы. Именно их жизнедеятельностью обусловлено наличие большого числа фрагментов светлоглиняных амфор с двуствольными и сложнопрофилированными ручками, красноглиняной тары, а также обломков краснолаковых и лепных сосудов. Несомненно, к позднескифской археологической культуре принадлежат и погребения в могиле № 1.

Средневековые находки (VIII – X вв.) из довольно мощного средневекового горизонта культурного слоя свидетельствуют о проживании на территории греко-скифского некрополя какого-то полукочевого населения (вероятнее всего, это носители салтово-маяцкой археологической культуры), устраивавшего здесь сезонные стойбища.

В результате археологических исследований 2014 г. на месте магнитной аномалии в точке 11 впервые были открыты и исследованы культурные напластования двух разных культурно-хронологических горизонтов, а также первое на территории некрополя городища «Марьинское» (Джан-баба) погребальное сооружение. Остается неясным, что именно отразила указанная аномалия: развалы камней, следы интенсивного горения (зола) или каменную забутовку подбойной могилы № 1. Более аргументированные выводы о целесообразности использования методов геомагнитной съёмки при поиске древних погребений можно будет сделать в ходе дальнейшего археологического изучения некрополя Джан-баба. Последующие раскопки, очевидно, позволят объяснить и присутствие на нем перекрывающего погребальные сооружения насыщенного находками культурного слоя, связанного с поздними скифами.

Abstract

S. B. Lantsov, V. P. Vlasov, S. L. Smekalov, M. S. Shaptsev

THE FIRST STUDIES OF THE CEMETERY “MARYINSKOE” (JAN-BABA) IN THE NORTH-WEST CRIMEA

The article describes the results of Donuzlav archaeological expedition of the Crimean Branch Institute of Archaeology in 2014 at the necropolis of the settlement “Maryinskoe” (Jan-baba) that located in Chernomorskiy region of the Republic of Crimea. There was a preliminary geomagnetic exploration, which resulted in the anomaly detected on the territory of the supposed location of the settlement’s necropolis “Maryinskoe” (Jan-baba). It was laid excavation in area of about 20 square meters at place of one of the anomalies.

At first time the cemetery was precisely localized that is associated the near location of the Greek-Scythian settlement “Maryinskoe” (Jan-Baba) and two settlements dating back to the IVcentury BC – I-II centuries AD.

At the excavation are fixed over the sterile soil sediments which consist of two cultural-historical horizons. The upper horizon dated to the VIII – X centuries and related to the Saltovo-Mayackaya archaeological culture. The findings of the era’s frontier and few first centuries of the new era are dominated in the lower horizon and related to the late Scythian archaeological culture.

Niche grave № 1 was discovered in the sterile soil. It was filled of stones. It’s camera recorded different time burials of 2 teenagers and baby completed within the I century AD, probably in the second half of the century. This is the first late Scythian burial construction that was open at the necropolis of Jan-Baba.

Key words: Hersonessos, late Scythians, North-West Crimea, Tarkhankut peninsula, Hellenism, settlement “Maryinskoe” (Jan-Baba), necropolis, cemeteries.

Приложение 1

В. Ю. Радочин

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ИЗ МОГИЛЫ № 1 НЕКРОПОЛЯ ДЖАН-БАБА В 2014 г.

Приложение включает в себя описание полученных палеоантропологических остатков из детской подбойной могилы № 1 некрополя греко-варварского городища «Марьинское» (Джан-баба) и определение возраста погребенных. Выяснить их половую принадлежность и палеопатологические особенности не представляется возможным. Возраст погребенных определялся по состоянию развития зубной системы, размерам длинных костей скелета и особенностей развития костей детского возраста.

Все три погребения совершены в вытянутом положении, на спине, головой на юго-восток. При совершении захоронений тела не стягивались.

Погребение 1 (нижнее). Получены фрагменты детского черепа, ключица и длинные кости руки и ног, а также множественные фрагменты ребер и позвонков.

Череп разрушен. Фрагменты грацильные. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 0,1 балла. Отмечена поротизация в области слухового прохода. Cribra orbitalia. Зубы соотносятся с возрастом 6 мес.

Кости посткраниального скелета грацильные, рельеф длинных костей выражен слабо. Длина ключицы — 55 мм. Длина плечевой кости — 97 мм. Длина бедренной кости — 117 мм. Длина большеберцовой кости — 96 мм. Ширина подвздошной кости — 43 мм. Развитие костей посткраниального скелета соотносится с возрастом 6–8 месяца.

Погребение 2 (среднее). Получены фрагменты детского черепа, верхняя и нижняя челюсти, ключицы, кости лопаток, длинные кости рук и ног, а также множественные фрагменты ребер и позвонков.

Череп разрушен. Фрагменты грацильные. Верхний глазничный край острый. Сосцевидные отростки 0,2 балла. Отмечена поротизация в области слухового прохода. Альвеолярная часть параболическая. Нижний край грушевидного отверстия инфантильной формы. Нижняя челюсть округлой формы. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 4 года. Ширина носа — 18 мм. Длина нижней челюсти от углов — 42 мм. Мыщелковая ширина — 77 мм. Угловая ширина — 63 мм. Высота ветви — 30 мм. Передняя высота — 21 мм. Угол ветви нижней челюсти 127 градусов.

Кости посткраниального скелета грацильные, рельеф длинных костей выражен слабо. Лопаточная вырезка второго варианта. Длина ключицы — 67 мм. Лопатка (1–64 мм, 2–46 мм, 7–35 мм). Длина плечевой кости — 135 мм. Длина локтевой кости — 110 мм. Длина лучевой кости — 95 мм. Длина бедренной кости — 175 мм. Длина большеберцовой кости — 134 мм. Длина малоберцовой кости — 134 мм. Развитие костей посткраниального скелета соотносится с возрастом 3–4 года.

Погребение 3 (верхнее). Получены фрагменты детского черепа, фрагменты нижней челюсти, левая ключица, кости лопаток, длинные кости рук и ног, фрагмент левой подвздошной кости. Множественные фрагменты ребер, позвонков, мелких костей.

Череп разрушен. Фрагменты грацильные. Верхний глазничный край острый. Нижняя челюсть округлой формы. Развитие зубной системы соотносится с возрастом 1–1,5 мес.

Кости посткраниального скелета грацильные, частично разрушены. Длина ключицы — 46 мм. Длина плечевой кости — 67 мм. Длина локтевой кости — 65 мм. Длина лучевой кости — 56 мм. Длина бедренной кости — 80 мм. Длина большеберцовой кости — 70 мм. Ширина подвздошной кости — 37 мм. Развитие костей посткраниального скелета соотносится с возрастом 1–1,5 месяца.

Цветные рис. 1–7 расположены на стр. 603–607, 609.

(Рис. 1. Карта полуострова Тарханкут с указанием места расположения комплекса «Марьинское» (Джан-баба).

Рис. 2. Фрагмент карты Северо-Западного Крыма с указанием местоположения комплекса «Марьинское» («Джан-баба»).

Рис. 3. Фрагмент карты Северо-Западного Крыма с указанием местоположения комплекса «Марьинское» (Джан-баба) и селища «Марьино-1». 1 — городище; 2 — селище; 3 — могильник; 4 — селище «Марьино-1».

Рис. 4. Ситуационная схема комплекса Джан-баба с обозначением границ отдельных объектов и общей охранной зоны. 1 — городище Джан-баба; 2 — юго-западное селище; 3 — северо-западное селище (по отчету А. Н. Щеглова 1959 г.); 4 — зольник; 5 — курган (?); 6 — могильник; 7 — конюшня.

Рис. 5. Геодезическая съемка местности с обозначением границ и площади охранной зоны городища, селищ и некрополя Джан-баба, а также картами магнитных съемок 2009 и 2014 гг. с нанесенными на них шурфами: 1 — городище Джан-баба; 2 — юго-западное селище; 3 — северо-западное селище; 4 — курган (?); 5 — конюшня; 6 — шурф 2014 г.

Рис. 6. Геодезическая съемка местности с обозначением границ и площади охранной зоны городища, селищ и некрополя Джан-баба, а также шурфа 2014 г.: 1 — городище Джан-баба; 2 — юго-западное селище; 3 — северо-западное селище; 4 — зольник; 5 — курган (?); 6 — могильник; 7 — конюшня; 8 — шурф 2014 г.

Рис. 7. Городище и могильник Джан-баба. Вид с востока.)

Рис. 8. Надгробная стела из могильника Джан-баба (по: Э. И. Соломоник, 1963, с. 11, рис. 2)

Цветные рис. 9–11 расположены на стр. 608–610.

(Рис. 9. Интерпретационный план аномалий магнитного поля геомагнитной съемки 2009 г. на территории к западу от некрополя Джан-баба (по: С. Л. Смекалов).

Рис. 10. Карта магнитной съемки с точками аномалий и шурфом на территории некрополя Джан-баба в 2014 г. Шаг изолиний 1 нТл (по: С. Л. Смекалов).

Рис. 11. Схема выявленных участков культурного слоя в окрестностях комплекса Джан-баба по результатам геофизических и археологических обследований на космическом снимке из ресурса Google Earth (по: С. Б. Ланцов, 2009 г.))

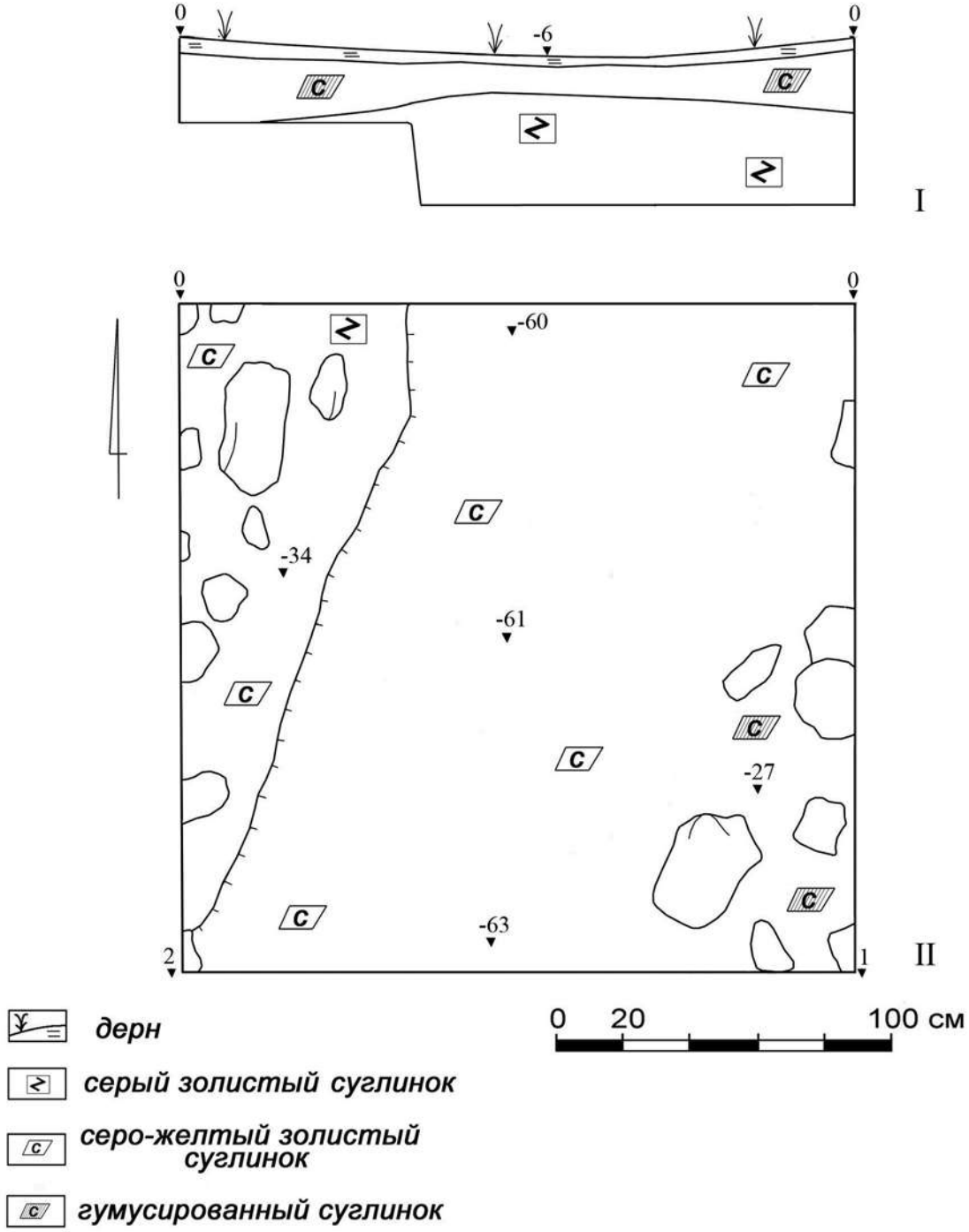


Рис. 12. Некрополь Джан-баба. Шурф 4 м².
Стратиграфия северного борта (I) и план на уровне серо-желтого золистого суглинка (II)

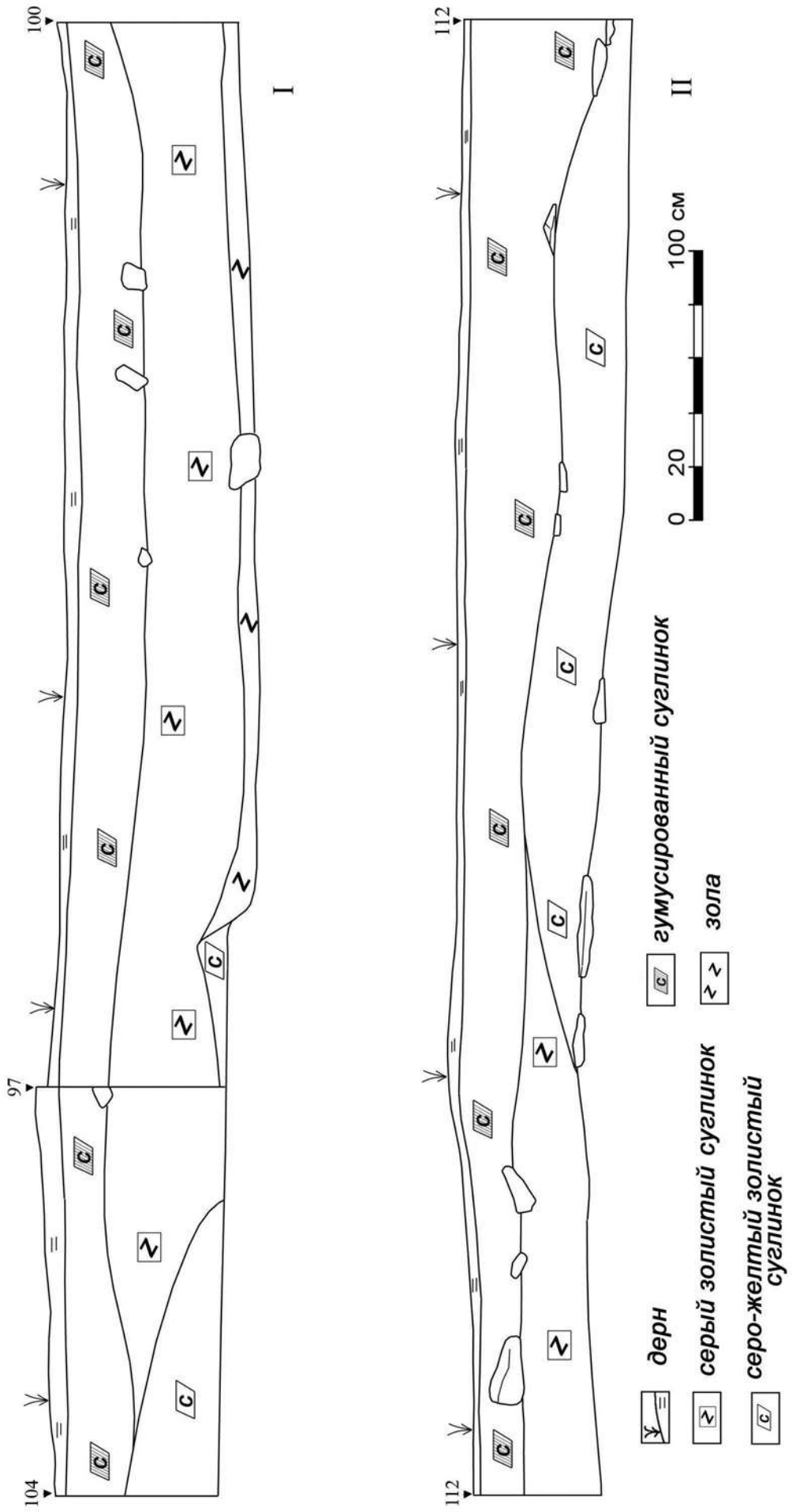


Рис. 13. Некрополь Джан-баба. Раскоп 20 м². Стратиграфии северного (I) и южного (II) бортов

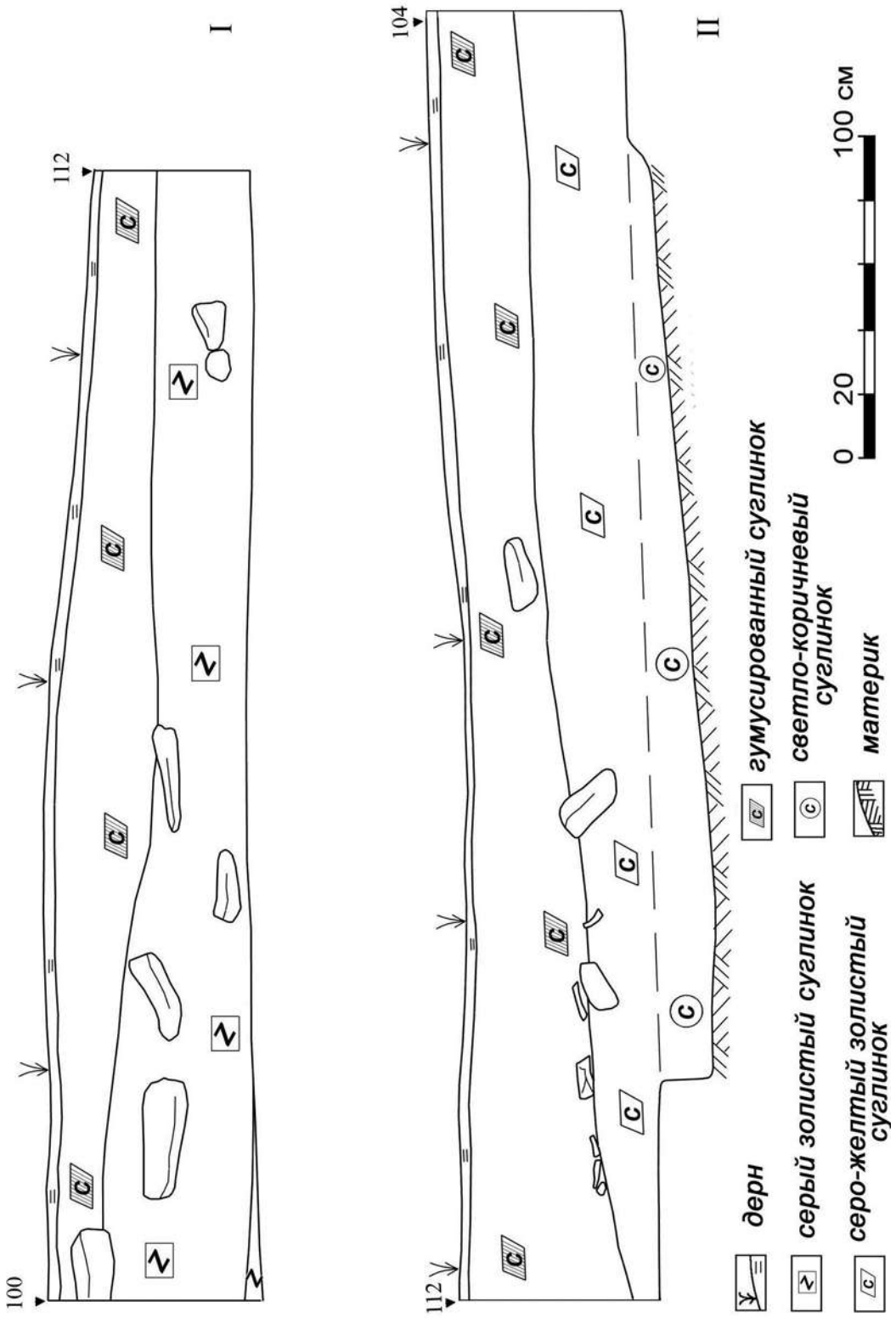


Рис. 14. Некрополь Джан-баба. Раскоп 20 м². Стратиграфии восточного (I) и западного (II) бортов.

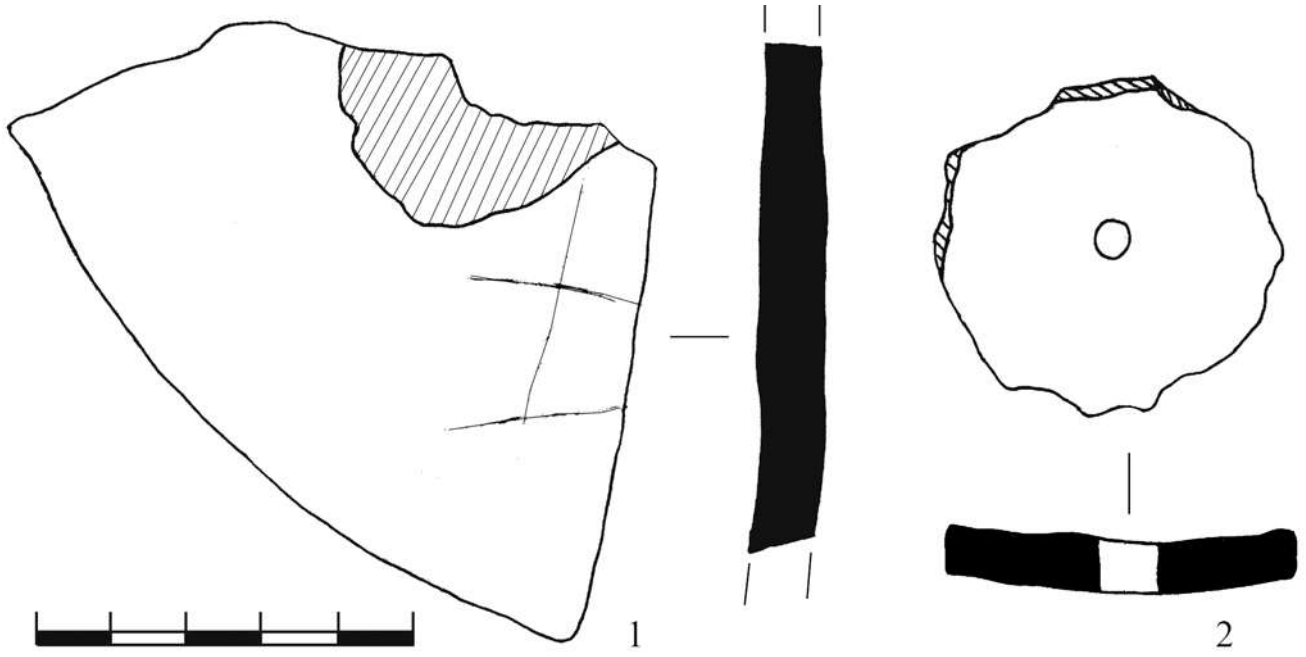


Рис. 15. Некрополь Джан-баба.
Находки из слоя гумусированного суглинка: фрагмент стенки амфоры с граффити (1), пряслице (2)

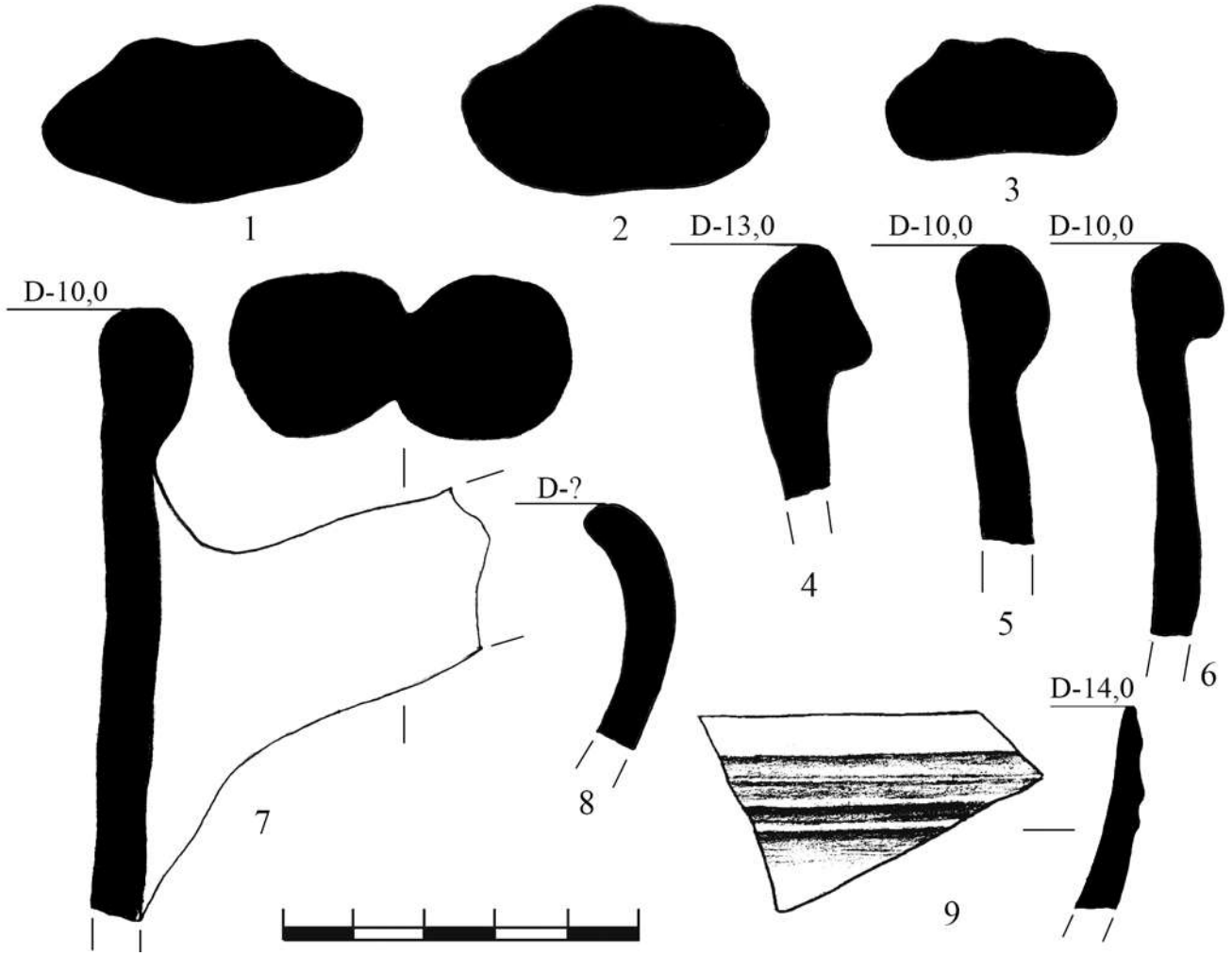


Рис. 16. Некрополь Джан-баба.
Находки из слоя серого золистого суглинка: фрагменты амфор (1–7) и краснолаковой (8; 9) посуды

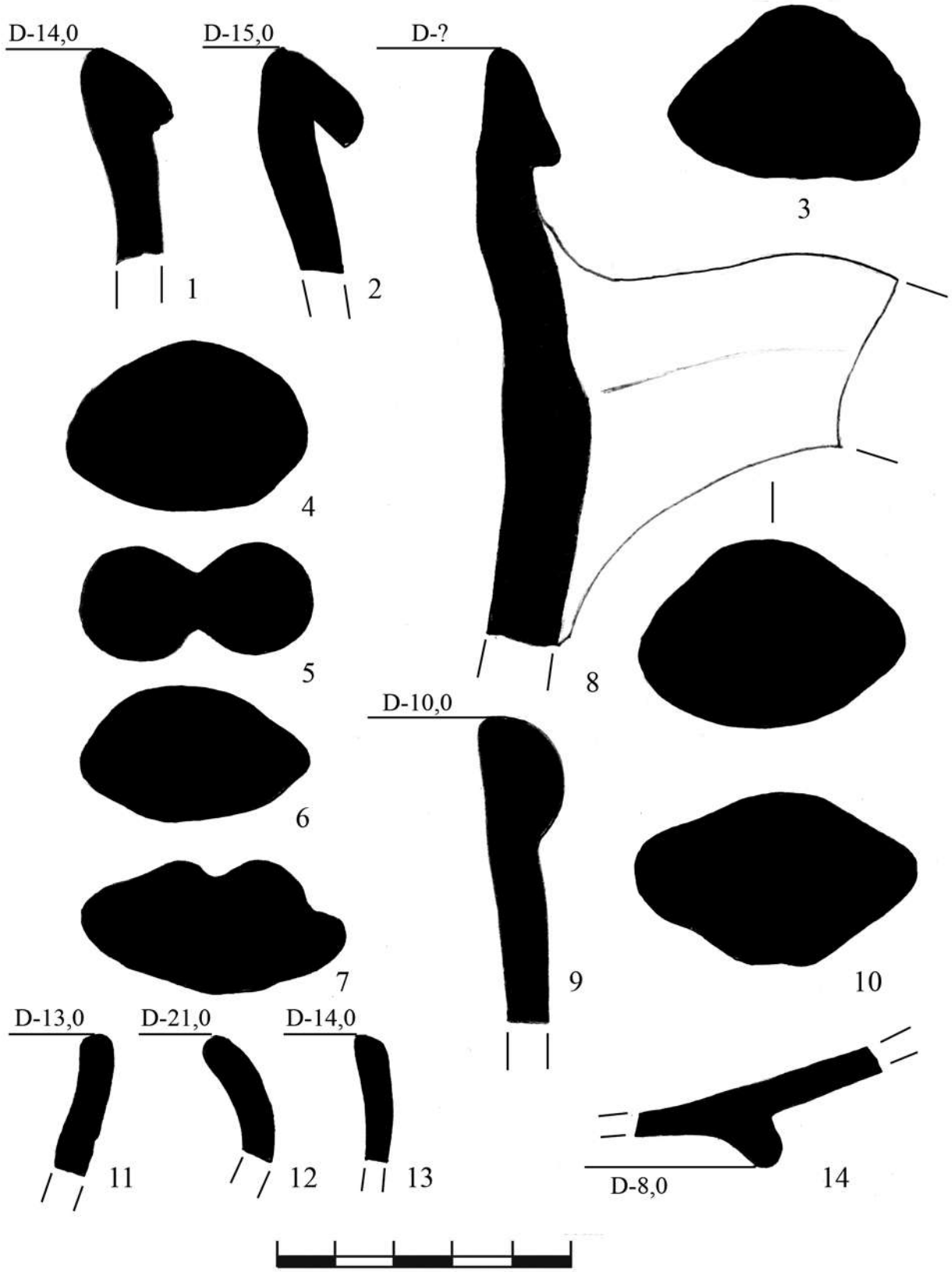


Рис. 17. Некрополь Джан-баба.
Находки из прослойки серо-черной золы:
фрагменты амфор (1–10), простой гончарной (11) и краснолаковой (12–14) посуды

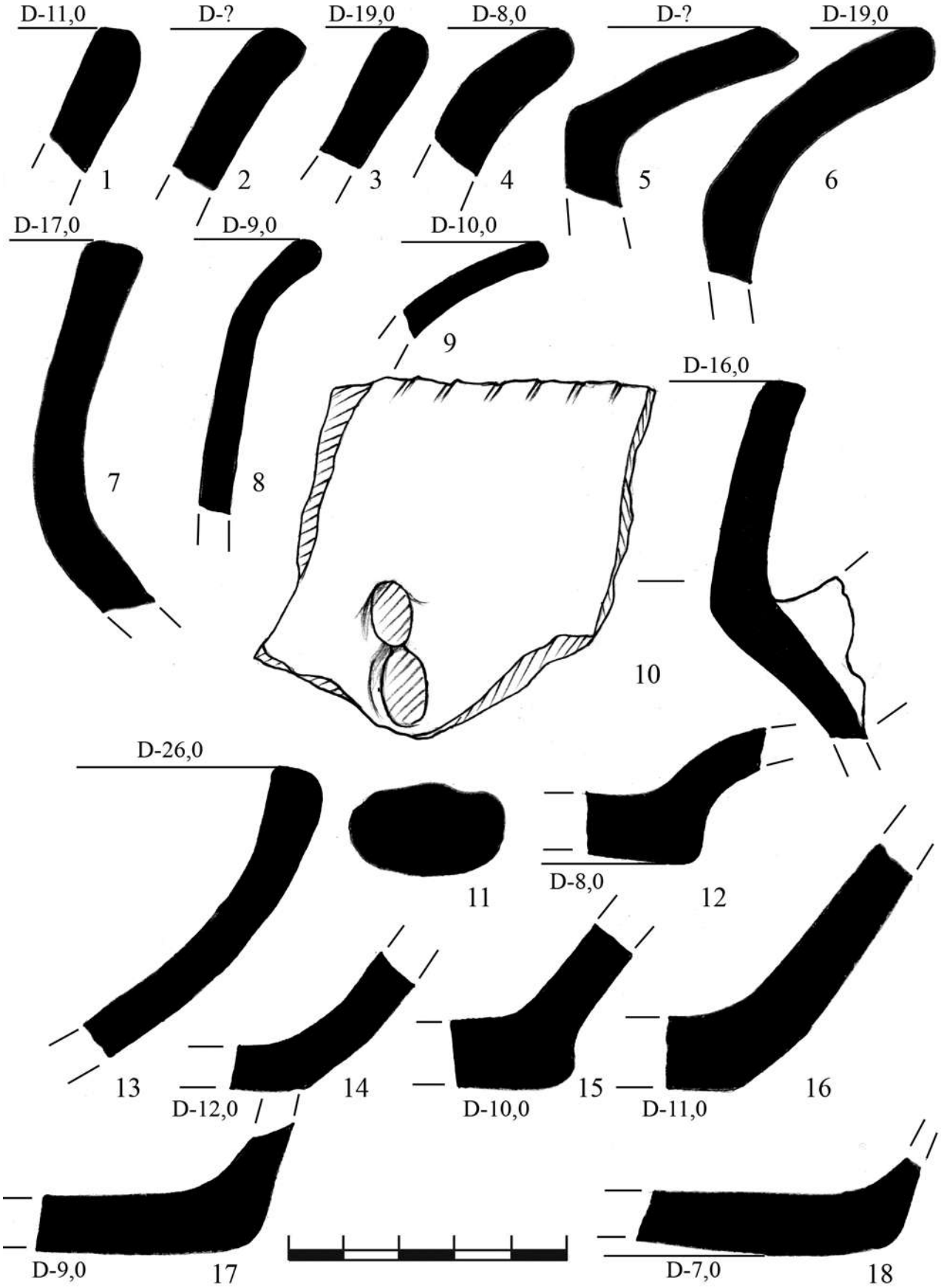


Рис. 18. Некрополь Джан-баба.
Находки из прослойки серо-черной золы: фрагменты лепной посуды

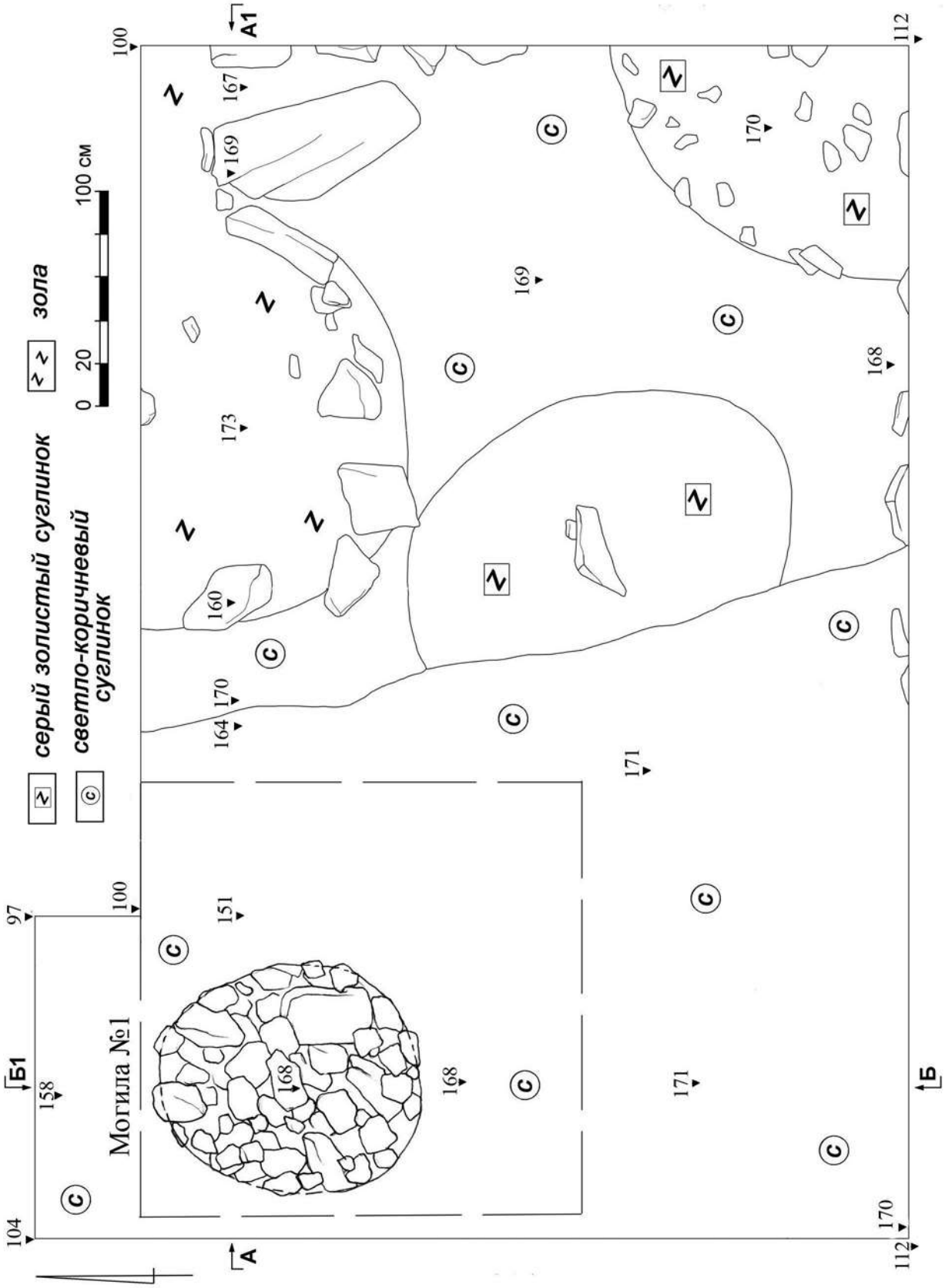


Рис. 19. Некрополь Джан-баба. План раскопа на уровне предматерикового суглинка (пунктирной линией показан контур шурфа 4 м²).

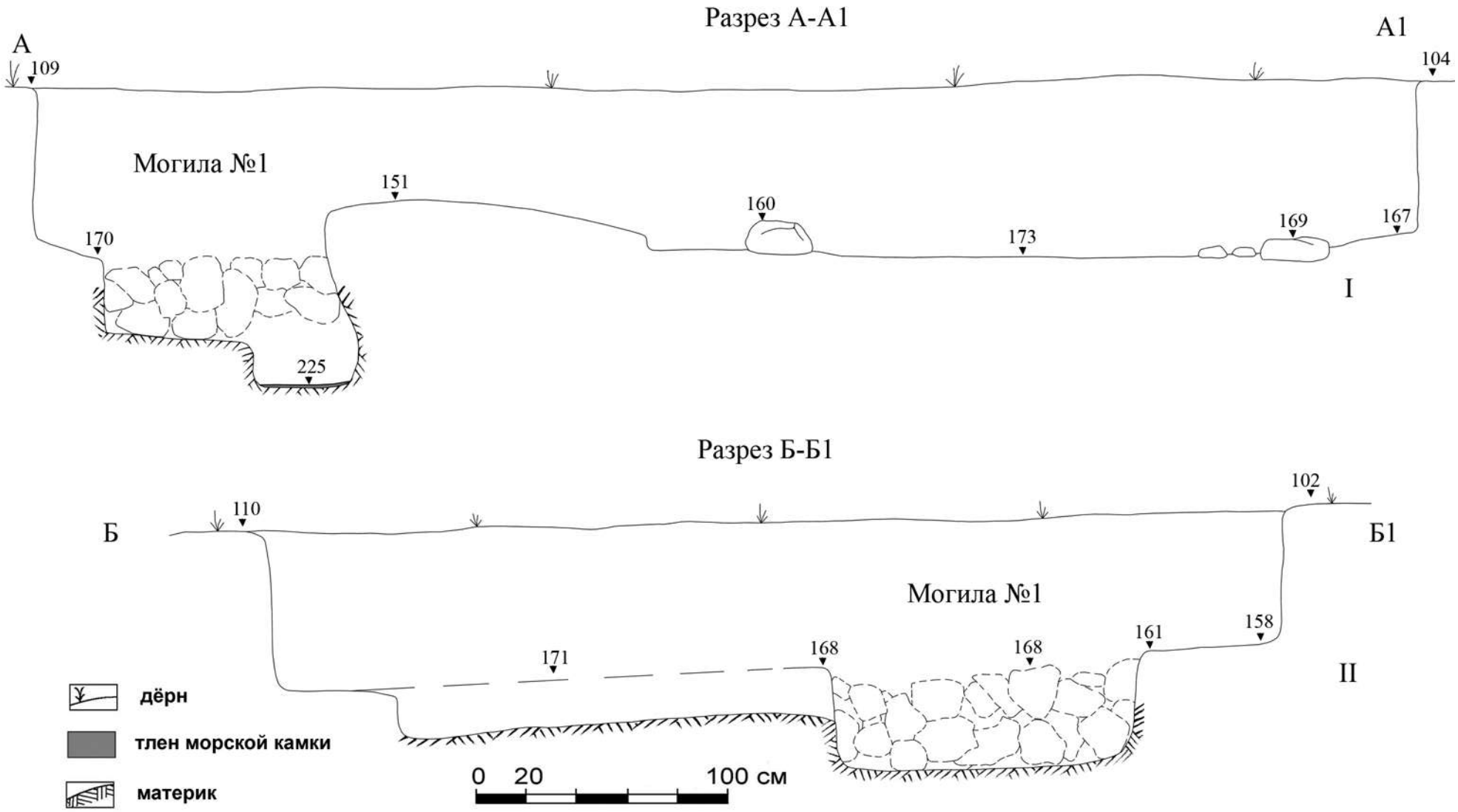


Рис. 20. Некрополь Джан-баба. Разрезы А-А1 (I) и Б-Б1 (II)

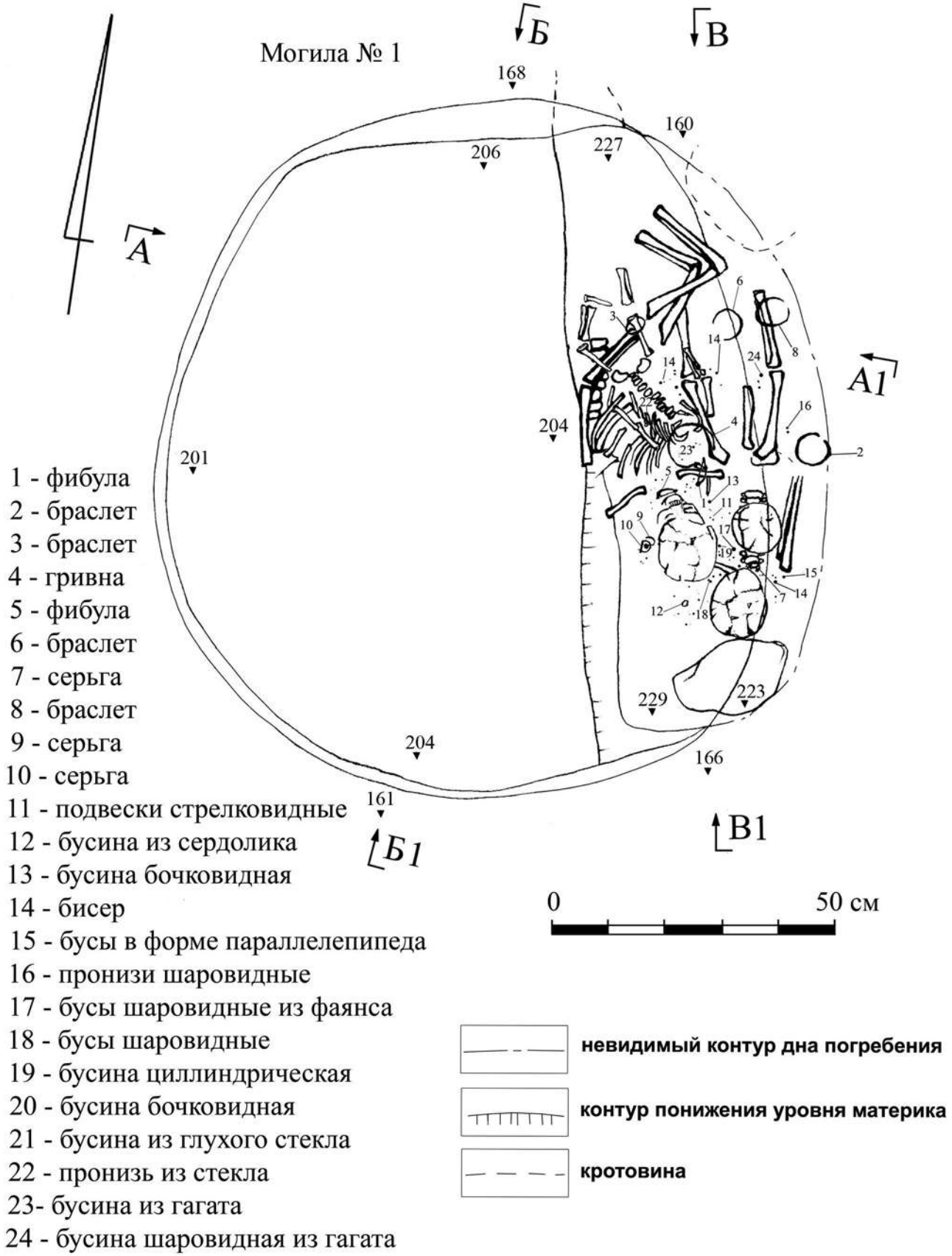


Рис. 21. Некрополь Джан-баба.
Могила № 1. План с погребениями 1–3.

Цветные рис. 22, 23 расположены на стр. 611.
(Рис. 22. Некрополь Джан-баба. Могила № 1. Погребения 1-3. Вид с юга.

Рис. 23. Некрополь Джан-баба. Могила № 1. Погребения 1–3. Вид с северо-запада.)

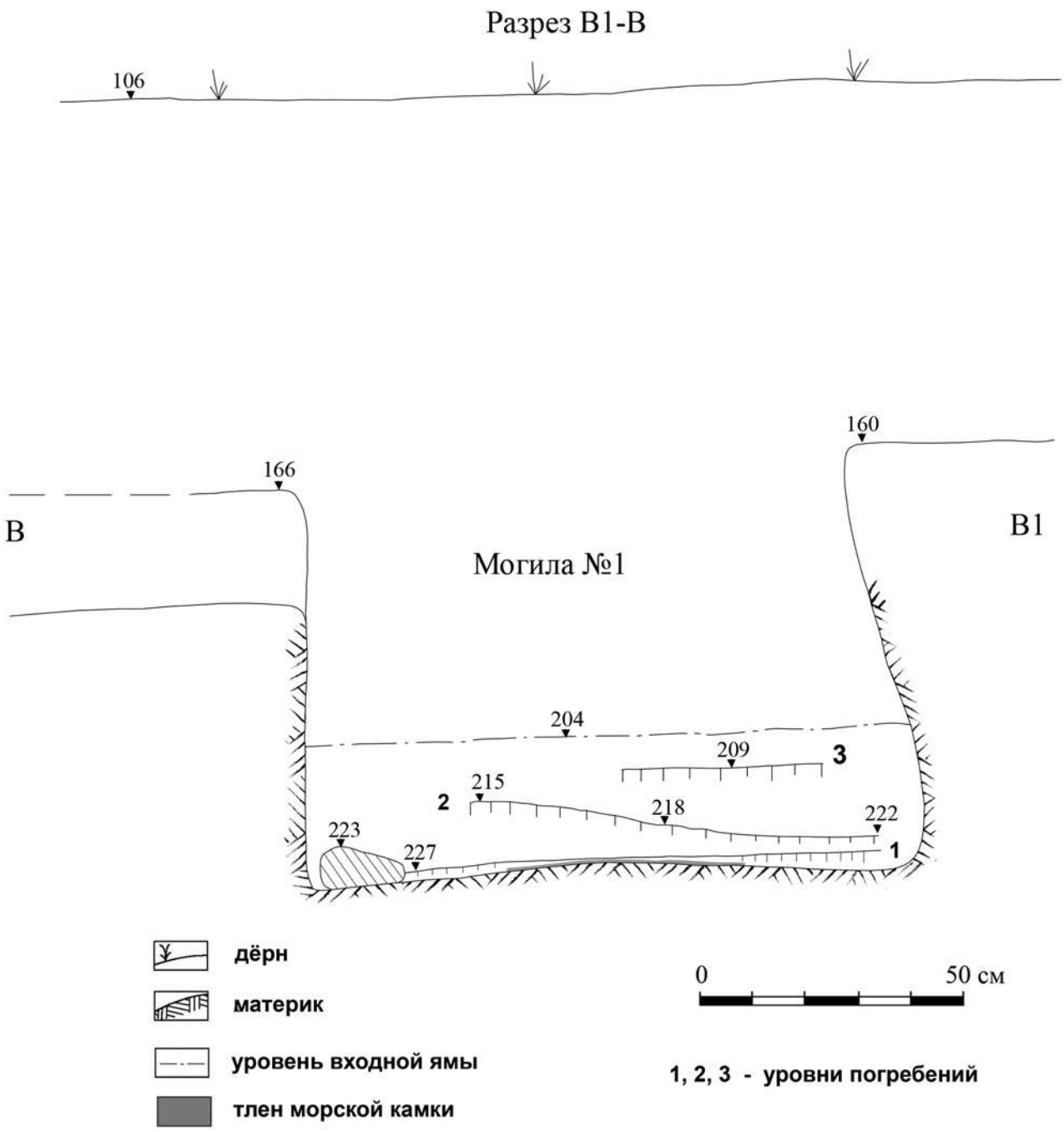


Рис. 24. Некрополь Джан-баба.
Могила № 1. Разрез В-В1 с уровнями погребений 1–3

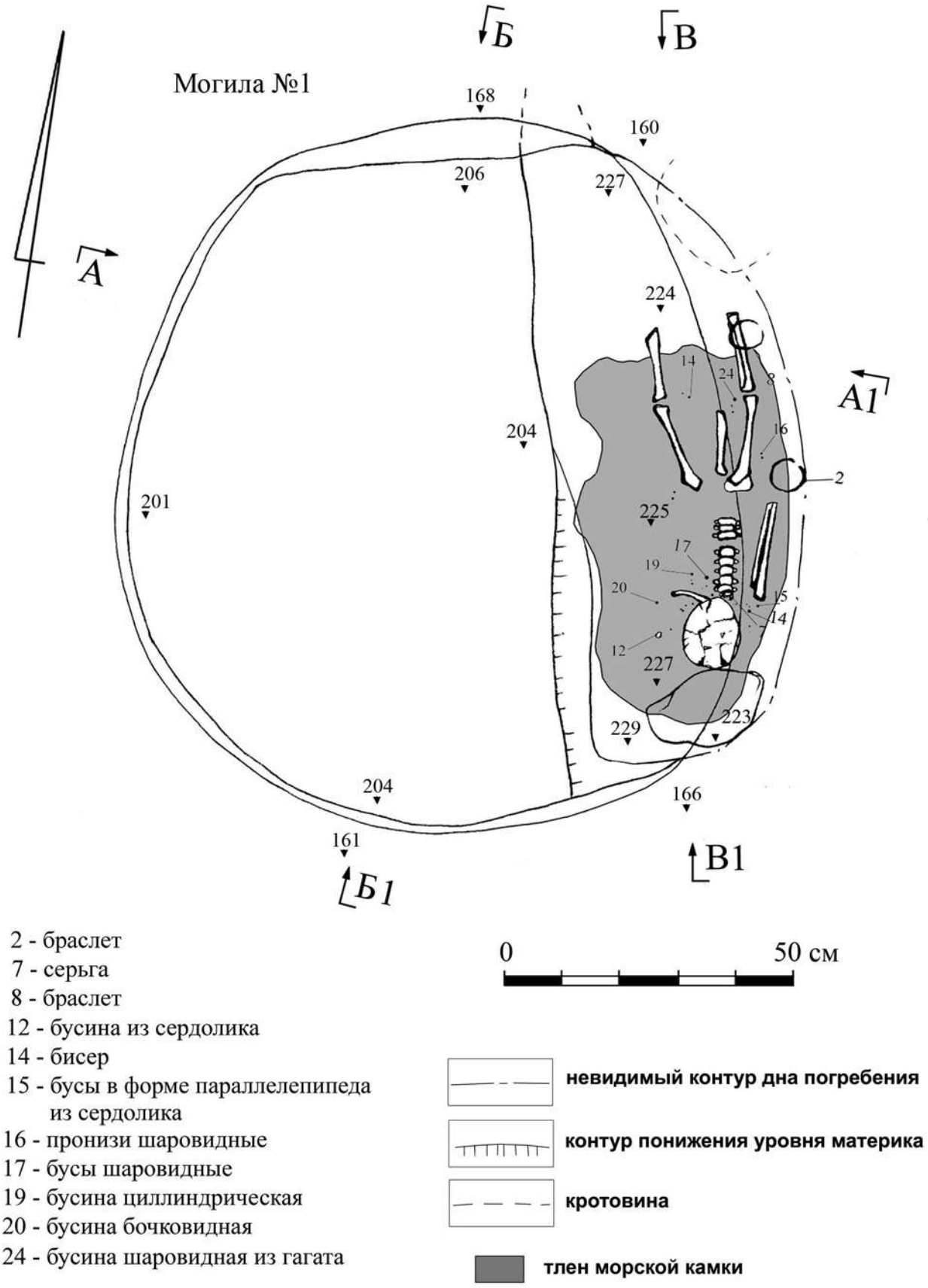
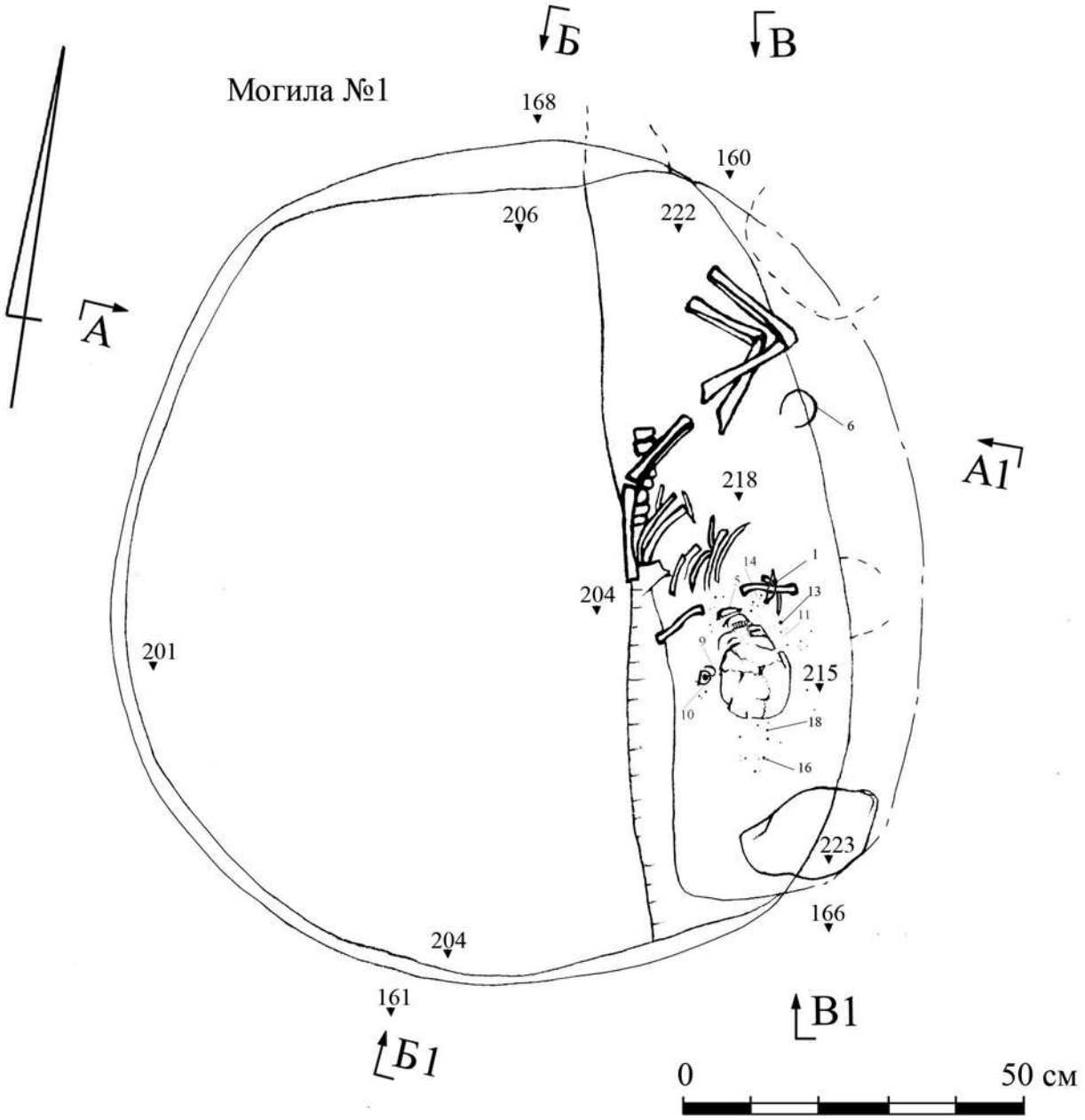


Рис. 25. Некрополь Джан-баба.
Могила № 1. Погребение 1 (нижнее)



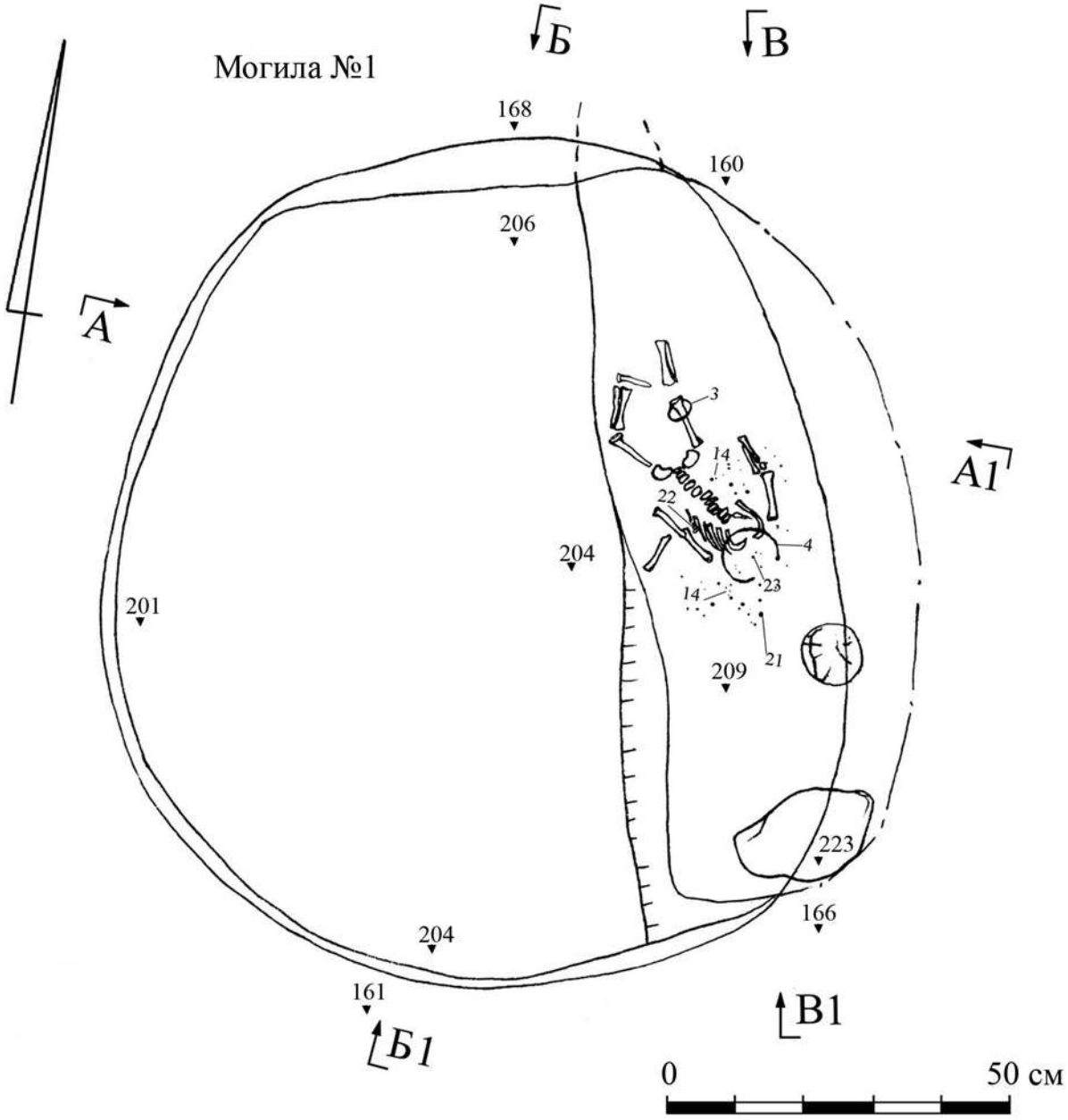
1 - фибула
5 - фибула
6 - браслет
9 - серьга
10 - серьга
11 - подвески стрелковидные
13 - бусина бочковидная
14 - бисер
16 - пронизи шаровидные
18 - бусы шаровидные

невидимый контур дна погребения

контур понижения уровня материка

кротовина

Рис. 26. Некрополь Джан-баба.
Могила № 1. Погребение 2 (среднее)



3 - браслет
4 - гривна
14 - бисер
21 - бусина
22 - пронизь
23 - бусина из гагата

невидимый контур дна погребения

контур понижения уровня материка

кротовина

Рис. 27. Некрополь Джан-баба.
Могила № 1. Погребение 3 (верхнее)

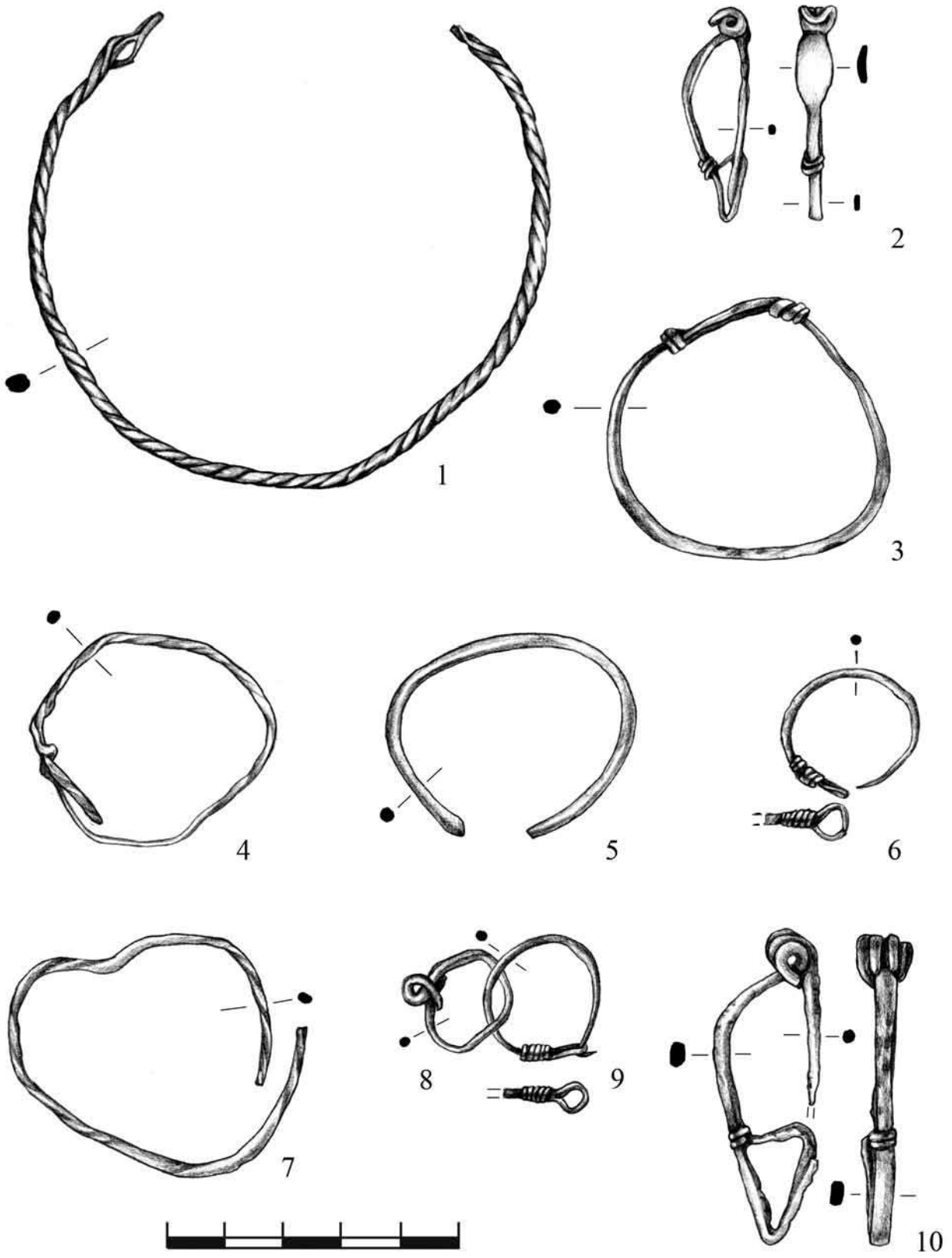


Рис. 28. Некрополь Джан-баба.
Могила № 1. Погребальный инвентарь: бронзовые гривна (1), фибулы (2, 10), браслеты (3–5, 7), серьги (8, 9)

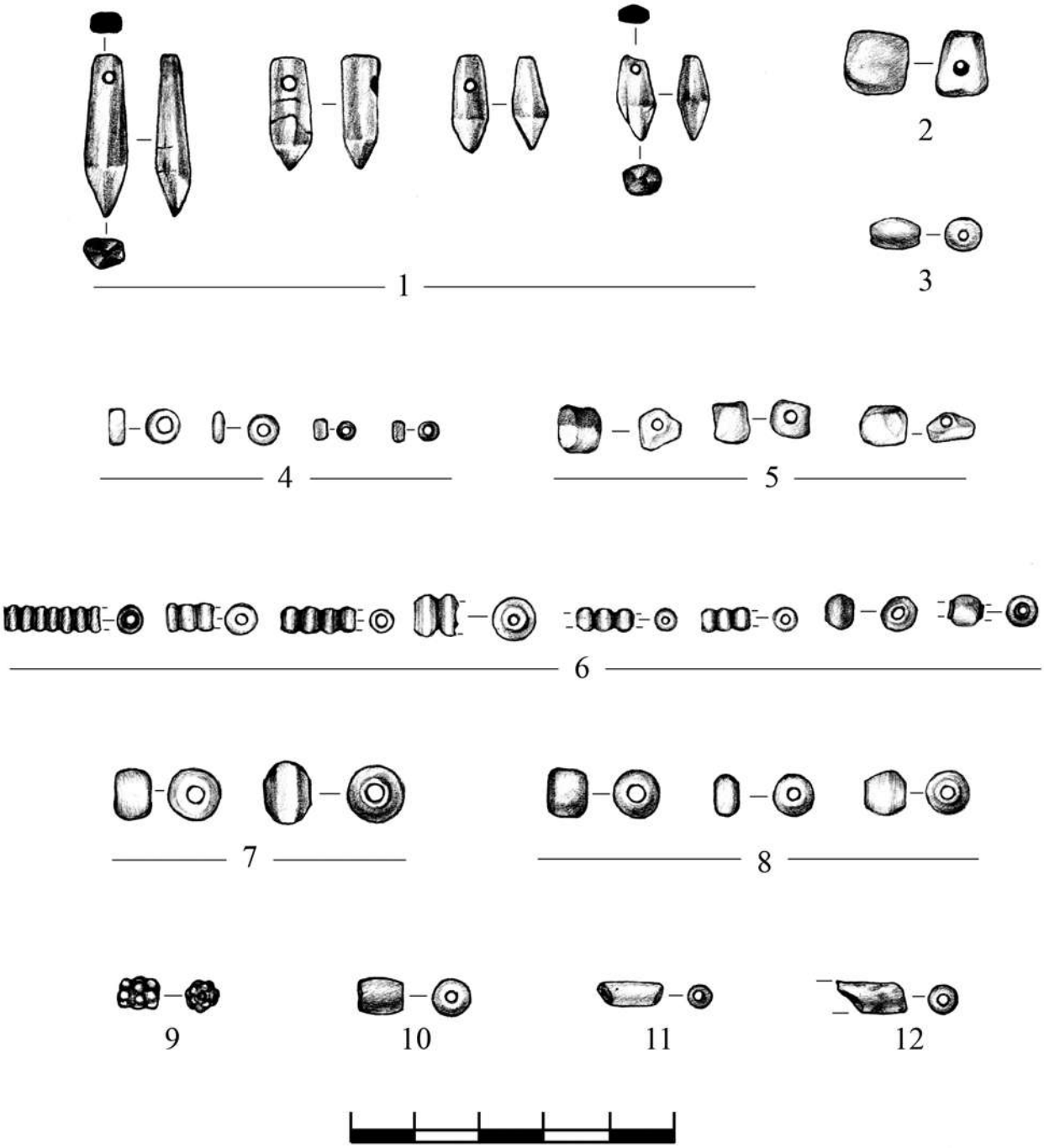


Рис. 29. Некрополь Джан-баба.
Могила № 1. Погребальный инвентарь: подвески, бусы и пронизи

Цветные рис. 30, 31 расположены на стр. 612–613.
(Рис. 30. Некрополь Джан-баба. Могила № 1.
Погребальный инвентарь: изделия из бронзы (1–10), подвески (11), бусы (12).

Рис. 31. Некрополь Джан-баба. Могила № 1.
Погребальный инвентарь: бисер (1), пронизи (2–6), бусы (7–9).)

А. В. Гаврилов, И. В. Шонов

НЕИЗВЕСТНЫЕ ТИПЫ ЗОЛОТЫХ СТАТЕРОВ БОСПОРСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ II в. до Р. Х.

Статья посвящена малоизвестным боспорским статерам времени правления царицы Камасарии (первая половина II в. до Р. Х.) и статерам, выпущенным в первые годы правления Митридата VI Евпатора на Боспоре. Монограммы монет указывают, что их чеканка осуществлялась не только в Византии, но и в Пантикапее. На основе монетных монограмм откорректированы некоторые даты царствования и жизни указанных боспорских правителей.

Ключевые слова: статеры лисимаховского типа, монограммы, денежное обращение, Боспор, Византий, Пантикапей, Перисад III, Перисад IV, Спарток V, Камасария, Аргот, Митридат VI Евпатор.

В последнее десятилетие значительно пополнилась исследовательская база монетного дела Боспора, однако, исследователям по сей день остаются неизвестными золотые статера, принадлежащие чеканке боспорских правителей III – II вв. до Р. Х. В этом значительном хронологическом периоде ученым известны лишь отдельные монеты, выпущенные с именами царей Боспора, в частности это оболы, тетрахалки и дихалки Левкона II [Зограф, 1951, с. 182]. Из золотых и серебряных монет пантикапейкого чекана этого времени опубликованы: золотой статер и серебряная драхма с именем архонта Гигиенонта, серебряная дидрахма с именем царя Спартока, также золотые статеры и единственный экземпляр серебряной тетрадрахмы с именем царя Перисада [Анохин, 1986, табл. 5, № 161]. С другой стороны, до нас не дошло ни одного золотого статера с именами Левкона и Спартока.

Известно, что в начале III в. до Р. Х. выпуск золотых и серебряных монет на Боспоре прекращается. Поскольку государство не могло обходиться без золотой монеты, то в обращение вошли иногородние золотые статеры александровского и лисимаховского типов. К концу III в. до Р. Х. на Боспоре и прилегающих к нему территориях Северо-Восточного Причерноморья в хождении были статеры лисимаховского типа, выпускавшиеся в Византии, а также их варварские подражания [Зограф, 1951, с. 183; Гаврилов, 2003, с. 22].

Карл Мюллер привел 565 разновидностей монограмм на серебряных тетрадрахмах и золотых статерах лисимаховского типа [Müller, 1857, табл. I – IX]. Из этих разновидностей на Боспоре и Кавказе отмечено 17 видов монограмм, причем находки монет с этими монограммами встречаются довольно часто. Серебряные тетрадрахмы с такими же монограммами, за очень редким исключением, практически отсутствуют, что свидетельствует о хождении на указанной территории преимущественно золотых статеров александровского и лисимаховского типов.

Исследователями отмечена тесная связь между статерами лисимаховского типа византийской чеканки и статерами боспорских царей Перисадов II – V, что указывает на определенный параллелизм их развития [Зограф, 1951, с. 183–184]. Поэтому изучение золотых статеров чеканки Византия позволило исследователям хронологически правильно сгруппировать статера боспорских правителей III – II вв. до Р. Х. В свою очередь правильная хронологическая компоновка боспорских статеров вышеуказанного периода является важнейшей научной задачей, стоящей перед антиковедами и нумизматами. Это позволит продвинуть вперед, по-новому рассмотреть и решить многие проблемы, связанные с хронологией главных событий и династической историей

Боспора, а также историей межгосударственных отношений в Северном Причерноморье и Восточном Средиземноморье.

В данной статье мы рассмотрим два типа золотых статеров, которые относятся ко времени правления на Боспоре царицы Камасарии Филотекны, правившей на Боспоре в первой половине II в. до Р. Х. До 1997 года нумизматы относили их выпуск к 190–170 гг. до Р. Х [Auction: 382, f. 20, № 110; Auctions: 383; 384; 385]. Франсуа де Каллатай отнес их чеканку ко времени Митридата VI Евпатора, хотя данные монеты, судя по объему кружка и художественному исполнению, все-таки были выпущены в начале II в. до Р. Х. [Callataÿ, 1997, pl. XXXVIII, H, I]. Уделим также внимание золотым статерам, выпущенным в первые годы правления Митридата VI Евпатора на Боспоре.

В античной мифологии и истории широко известны кровнородственные отношения в правящих династиях [Фрэзер, 1928, с. 47; Грейвс, 1992, с. 48]. Подобные деяния исследователи объясняют стремлением правящей элиты сохранить имущество и власть в рамках одной семьи (рода) и, кроме того, желанием царствующего клана обожествить своих потомков, уподобляясь в этом смысле (кровосмешение, инцест) богам. По нашему мнению, это нашло отражение в однотипности изображений портретов боспорских царей (под видом Лисимаха) и монограмм (одинаковых в своей основе) на золотых статерах лисимаховского типа, выпущенных в Византии и на Боспоре во II в. до Р. Х.

В ряде государств Древнего Мира царская кровь и, соответственно, власть передавалась исключительно через представительниц женского рода. Царем можно было стать, лишь связав себя узами брака с представительницей и носительницей священной крови царского рода. Поэтому, зачастую правитель получал корону и власть, женившись на собственной сестре. Этим отсекались инородные представители, претендующие на руку царевны, престол и власть в государстве [Фрэзер, 1928, с. 43].

Известно, что представители династии Спартокидов (Левконидов) на протяжении своей истории являлись царями-жрецами. Ко II в. до Р. Х. эти функции на Боспоре были сосредоточены в руках одного рода, что было следствием длительной поддержки брачно-родственных отношений на всем протяжении существования и формирования династии Спартокидов. На Боспоре, в случае смерти царя и отсутствия претендентов мужского пола на трон, его занимала царица (вдова). Ее новый супруг имел власть архонта (царя) до того момента, пока была жива царица. После смерти царицы царь возвращал власть прямым представителям правящей династии. Это был закон наследования, обязывающий монарха не царской крови, оставить трон после смерти своей супруги-царицы. Если царь хотел сохранить за собой трон, ему не оставалось другого выхода, как вступить в брак с ближайшей родственницей, умершей жены.

В мифологии иранцев-скифов известно, что кровнородственные отношения у них были запрещены. Так, у скифов мотив кровосмешения фигурирует только при описании начала мира, как проявление первоначального хаоса. По-видимому, исключением являлась царская семья, где подобные браки практиковались. Каждый новый скифский царь являлся воплощением первого скифского царя Колаксая и, как потомок Таргитая, он, в соответствии с мифом, вступал в брак со своими сестрами [Фрэзер, 1928, с. 51–52]. По-видимому, подобные отношения и правила существовали в царском роду поздних Спартокидов (Левконидов).

Хронология и последовательность правления поздних Спартокидов точно не установлена, что породило большое количество разных версий и гипотез. Общим для них всех является положение о приходе к власти около 200-го г. до Р. Х. Спартока V – отца Камасарии [КБН, 1965, с. 832; Виноградов, 1987, с. 61–66; Яйленко, 1990, с. 306–307; Молев, 1994, с. 17–22; Анохин, 1999, с. 236]. В зависимости от этих неоднозначных, порой чисто умозрительных заключений исследователей находятся последующие выводы о конкретных датах правления царей этой династии. Этот важный вопрос оставался бы и далее дискуссионным, если бы в ряду боспорских правителей не оказалось царицы Камасарии. Именно с её правлением связаны некоторые точные даты, которые служат надежным хронологическим репером для установки более определенной хронологии этого темного, но насыщенного событиями периода Боспорского царства [Русяева, 2002, с. 110].

Некоторое время Спарток V правил совместно со своим зятем Перисадом III. Очевидно, Перисад III был уже в преклонном возрасте (около 60 лет) и не отличался крепким здоровьем. Возможно, это было одной из причин, давших основание Спартоку V править совместно с Перисадом III. О правлении царя Перисада III и царицы Камасарии Филотекны, дочери царя Спартока известно из дельфийской проксении [Граков, 1939, с. 250]. В. А. Анохин называет Перисада III «безродным», основываясь на отсутствии у него

отчества [1999, с. 90–93]. Это, возможно, было одной из причин их совместного правления. По-видимому, Перисад III являлся близким родственником Камасарии, возможно, её дядей. По нашему мнению, на это указывает одна серебряная дидрахма, которая упоминается в работе В. А. Анохина [1986, с. 142, табл. 5, № 152; табл. 40, № 3]. Еще одна такая монета с изображением на аверсе трезубца известна по публикации К. В. Голенко [1982, с. 50–55, табл. III, II; Тункина, 2002, с. 365]. Данная дидрахма подтверждает присутствие на троне именно Перисада III, что при помощи нимфейских граффити доказал В. П. Яйленко, отнеся её ко второй половине III в. до Р. Х. [1995, с. 255–256]. На дидрахме, кроме имени и царского титула царя Спартока V нанесена монограмма ⌂, принадлежащая Перисаду III. Это показывает, что на момент выхода монеты он являлся лишь соправителем Спартока V, но не царем. Таким образом, находит подтверждение мнение В. А. Анохина о «безродности» Перисада III, т. е. он не являлся прямым царским потомком. Нужно отметить, что и Спарток V на момент женитьбы Переисада III на Камасарии также не являлся царем [Яйленко, 1995, с. 256]. Этот брак дал обоим правителям возможность узаконить свое царствование на Боспоре. Царская титулатура Спартока V на дидрахме подтверждает, что мужская линия Спартокидов сохранилась в скифской среде. После смерти Перисада III продолжается совместное правление отца и дочери: Спартока V и Камасарии.

Хождение на Боспоре статеров лисимаховского типа, выпущенных в Византии, свидетельствует, что эта монета хорошо зарекомендовала себя на рынках античных государств Причерноморья и боспорские правители широко пользовались ей в торговых операциях на внутреннем и внешнем рынке. Византий в то время был торговым представителем Боспора на международном рынке товаров и услуг. Полибий, описывая торговые связи Византия с другими городами, перечисляет виды товаров на его рынках, среди которых главным является уже не хлеб, а рабы. Он говорит о большом количестве городов, объединенных экономическими и военными договорами и входящих в союз с Византием [Polyb., IV 38. 1–10]. Начало правления на Боспоре Камасарии и Спартока V Византий отметил выпуском золотых статеров с монограммами этих двух боспорских соправителей (отца и дочери), которые, по-видимому, становятся также мужем и женой (рис 1: *1*).

Первый тип статера имеет монограмму из двух букв **К/Ф** на реверсе под рукой Афины (рис. 1: *1, 2*). Также этот тип выделяется буквой **Σ** на аверсе, расположенной внизу под шеей Спартока V (рис. 1: *1*). Статер этого типа выпущен после смерти Перисада III и не встречен на территории бывшего Боспорского царства, что позволяет нам отнести его к чеканке Византия. Еще одна такая монета весом 8,37 грамм с изображением трезубца на аверсе происходит из собрания Американского нумизматического общества, она известна по публикации К. В. Голенко [1982, с. 50–55, табл. III, II; Тункина, 2002, с. 365]. Трезубец и два дельфина по бокам, являлись символом союза городов Причерноморья и указывали на общий централизованный рынок, находящийся в Византии.

Второй тип статера сохраняет изображение на реверсе без изменений, но с аверса исчезает буква Σ, а портрет несет женские черты, что по-нашему мнению, указывает на самостоятельное правление Камасарии после смерти Спартока V (рис. 1: *2, 3*). Данный тип статера, по нашему наблюдению, также не встречается на территории Боспора и, очевидно, выпускался в Византии. Одновременно Византий чеканит серебряную тетрадрахму с такой же монограммой, которую Ф. де Каллатай ошибочно отнес ко времени Митридата VI Евпатора [Callataÿ, 1997, pl. XXXII, D2–R2a].

На бывшей территории Боспорского царства находят статеры лисимаховского типа, но чеканены они другими штемпелями (рис. 1: *3*). По нашему мнению, они были выпущены в Пантикапее во время захвата владений Византия ордами галатов и фракийцев, которые разорили окрестности и разрушили укрепления в округе полиса [Polyb., IV, 46. 3]. Дань, которой откупились византийцы от врагов, достигла огромной суммы в 80 талантов [Dion. Byz., fr. 58; Polyb., IV, 46. 3]. Разрушение и дезорганизация торговой и финансовой деятельности Византия негативно отразилось на экономике Боспора. В то время Камасария, уже была женой скифского царя Аргота, что известно из надписи, найденной в 1999 году на Неаполе Скифском [Виноградов, Зайцев, 2003, с. 44–53; Зайцев, 2003, с. 52, рис. 37, 1, 40–41]. Более точно и корректно эта надпись переведена В. А. Сидоренко [2005, с. 59–70]. Данный документ несет дополнительную информацию о событиях того времени и указывает на подчинение Боспору многих городов и народов Причерноморья, в том числе фракийцев.

О царствовании Камасарии, Аргота и Перисада IV также известно из боспорской надписи № 75: «…за архонта и царя Перисада, сына царя Перисада Филлометора, за царицу Камасарию, дочь Спартока, Филотекну, и за Аргота, сына

Исанфа, супруга царицы Камасарии, посвятили этот памятник Афродите Урании, владычице Апатура…» [КБН, 1965, с. 84–85]. Данная надпись перечисляет всех членов царской семьи последних Спартокидов, в том числе Аргота, который ко времени данного посвящения, по-видимому, исполнил все просьбы Камасарии: освободил Византий от фракийцев, снова покорил меотов, а также вернул в состав Боспора Херсонес Таврический. Эти деяния послужили основанием для заключения династического брака и вхождения Аргота в состав царской семьи Спартокидов. Появление новой царицы с династическим именем «Камасария», которая вместе со своим отцом Спартоком V проживала в среде крымских скифов, возможно, прольет свет на странное «исчезновение» синдов Тамани.

Известны приношения царицы Камасарии в 178/7 г. до Р. Х. в храм Аполлона Дидимейского: «…царицы Камасарии…золотой венок, весом в сто восемьдесят семь с половиной золотых статеров…» [Гракова, 1939, с. 266]. В это время Аргот уже был ее мужем, по-видимому, в эти же годы состоялся его поход на фракийцев. После освобождения Византия Боспор продолжает выпускать золотые статеры лисимаховского типа с монограммой Византия и с монограммой **К/Ф,** расположенной под рукой Афины. Их чеканка продолжается вплоть до прихода к власти Перисада IV Филометора в 155/4 г. до Р. Х. [Яйленко, 1995, с. 256].

Таким образом, нумизматический материал позволяет построить нам следующую хронологическую схему царствования поздних Спартокидов. Перисада III, мужа Камасарии уже к 200 году до Р. Х. не было в живых. Правление Спартока V, отца Камасарии относится к 200–190 гг. до Р. Х., а самой Камасарии — к 190–155 гг. до Р. Х. [Яйленко, 1995, с. 256]. Именно преклонный возраст Перисада III и младенческий возраст Перисада IV и стали причиной соправления Спартока V и Камасарии. На период самостоятельного правления этой царицы (190–170 гг. до Р. Х.) и приходится чеканка статеров с её монограммой сначала в Византии, а приблизительно со 178 г. до Р. Х. — в Пантикапее. Камасария начинает править совместно с сыном Перисадом IV в 170 г. до Р. Х. Царица была старше Аргота, поэтому и умерла первой в 155 г. до Р. Х., Аргот же умирает приблизительно в 154 г. до Р. Х. Этот год является первым годом единоличного правления Перисада IV. На статерах с его именем исчезают монограммы, находящиеся под рукой Афины в виде букв: сначала — **К** *(Камасария)*, а к 154 году — **А** *(Аргот)* [Анохин, 1999, с. 184–185, № 1286; с. 182–183, № 1280].

Исходя из этого, можно сделать некоторые заключения о царствовании Камасарии. Так, предположение о ее регентстве над малолетним Перисадом IV неверно, поскольку из перечня особ в надписи № 75 КБН (царь Перисад, царица Камасария и ее супруг Аргота, царь Скифии) следует, что Камасария правила вместе со своим сыном — Перисадом IV. Также, можно полагать, что прекращение династического брака Аргота и Камасарии вследствие естественной смерти супруги произошло не позднее 154 г. до Р. Х. [Сидоренко, 2005, с. 69].

Золотые статеры второго боспорского правителя, которые мы рассмотрим далее, принадлежат Митридату VI Евпатору (рис. 1: *5*). По нашему мнению, они чеканены в Пантикапее. Этот тип статера так же довольно часто встречается среди нумизматических находок на территории бывшего Боспорского царства. В целом же, эти две рассматриваемые нами многочисленные группы статеров участвовали в денежном обращении на Боспоре и в Причерноморье единовременно, вплоть до середины I в. до Р. Х. Данные статера могут попадаться в кладовых комплексах вместе, что совершенно нормально.

Тема установления боспоро-понтийских контактов сложна и до конца не разработана. Мы не имеем никаких конкретных свидетельств о существовании этих контактов, что дает право исследователям предполагать их полное отсутствие до Митридата VI Евпатора или ссылаться на их спорадический характер [Молев, 1994, с. 106–109; Сапрыкин, 1996, с. 95]. Поскольку царица Камасария и ее сын Перисад IV имели сходные с понтийскими правителями прозвища, то вполне вероятно, что они демонстрировали их ради укрепления контактов с царским домом Митридатидов [Русяева, 2002, с. 121].

В 110 г. до Р. Х. Митридат VI Евпатор подчиняет Херсонес и Боспорское царство. Перед этим царь царей покоряет понтийских эллинов, колхов и других варваров. У него появляются союзники, в числе которых скифы, тавры, бастарны, фракийцы, сарматы, т. е. все племена от Танаиса до Истра [App., Mithr., 15]. Области, которые он подчинил, управлялись его наместниками [Strab. VII, 4, 18]. Так, на Боспоре с 110 по 108 г. до Р. Х. управлял, его соправитель Перисад IV. После т. н. восстания Савмака в 107 г. до Р. Х. и убийства Перисада IV, к власти на Боспоре снова приходит Митридат VI

Евпатор и правит царством без каких-либо соправителей и наместников [IPE, 35, СТК. 43–44]. Его правление продолжается со 106 по 87 г. до Р. Х., когда на боспорский трон был назначен сын Митридата VI Евпатора — Махар [Plut., Sulla, XI]. На наш взгляд на правление Митридата VI Евпатора указывают чеканенные на Боспоре золотые статеры с монограммой **Є** (рис. 1: *5*). Хотя 107 г. до Р. Х. отмечен выпуском статера лисимаховского типа, не имеющего под рукой Афины никакой монограммы (рис. 1: *4*), что, по-видимому, указывает на отсутствие в Пантикапее Митридата VI Евпатора. Известно, что в этом году управлением и наведением порядка на Боспоре занимался полководец царя — Диофант.

Все статеры имеют одну и ту же монограмму Митридата VI Евпатора с разворотом ее вправо, влево, вверх, вниз, обозначая этим самым четыре крупных эмиссии этих статеров (рис. 1: *5*). Что самое интересное в иконографии этих статеров, так это изображение Ники, которая в отличие от классического варианта развернута вправо и обращена к Афине (рис. 1: *4, 6*). Серебряные тетрадрахмы с похожими монограммами, чеканенные в Византии, имеют Нику, стоящую на руке Афины и обращенную влево [Callatay, 1997, PL. XXXIII, XXXIV, XXXV, XXXVI]. Это изображение отличает византийские тетрадрахмы от пантикапейских статеров времени Митридата VI Евпатора.

К данной группе золотых статеров примыкает статер с монограммой Митридата VI Евпатора (рис. 1: *6*). Такая же монограмма, но в более сложной форме, ставится на серебряных и медных монетах Пантикапея, она читается, как «царствующий» [Анохин, 1999, с. 106, рис. 27, № 10–13, табл. 27, № 18, 20, 21]. Этот статер, причисляемый В. А. Анохиным к чеканке Пантикапея [Анохин, 1999, с. 186–187, № 1300], Франсуа де Каллатай относит к выпуску городов Понта [Callataÿ, 1997, pl. I, Di-R1a].

Похожая монограмма встречается на тетрадрахмах Митридата VI Евпатора, которые В. А. Анохин относит к чеканке Херсонеса [1999, с. 124–125, № 824–826]. Схожая монограмма имеется на статерах Гигиэнонта [Анохин, 1986, с. 142, табл. 5, № 148; 40, № 1, 2]. По нашему мнению, эти тетрадрахмы также выпущены в Пантикапее в 74–72 гг. до Р. Х. К чеканке Пантикапея относится еще одна тетрадрахма Митридата VI Евпатора, выпущенная в 63 г. до Р. Х., когда царь уже потерял все свои владения в Южном Причерноморье и у него осталось только Боспорское царство (рис. 1: *7*). Данную тетрадрахму сопровождает монограмма, которая обозначает имя боспорского чиновника Атота времени правления Митридата VI Евпатора [КБН, № 170]. Эти тетрадрахмы находят на территории бывшего Боспора, также именно эти два типа были найдены на святилище Гурзуфское седло [Новиченкова, 2015, с. 50, рис. 82]. Таким образом, статеры лисимаховского типа являлись на Боспоре и в Причерноморье общепризнанной международной монетой. Их однотипность, как и тетрадрахм Митридата VI Евпатора, была необходимостью, вызванной торгово-экономическими соображениями. Чеканку статеров наряду с Византием осуществлял и Пантикапей, что зависело от конкретной политико-экономической ситуации.

Abstract

A. V. Gavrilov, I. V. Shonov

UNKNOWN TYPES OF GOLD STATER BOSPOR GOVERNORS OF THE II CENTURY BC.

Article is devoted to little-known bospor stater of time of board of the queen Kamasariya (the first half of the II century BC) and the stater which are let out in the first years of board of Mitridat VI Evpator on Bospor. Monograms of coins specify that their stamping was carried out not only in Byzantium, but also in Panticapaeum. On the basis of monetary monograms some dates of reign and life of the governors specified the bospor are modified.

Key words: stater of lisimakh type, monogram, monetary circulation, Bospor, Vizanty, Panticapaeum, Perisad III, Perisad IV, Spartok V, Kamasariya, Argot, Mitridat VI Evpator.

Цветной рис. 1 расположен на стр. 614.

(Рис. 1. Статеры лисимаховского типа. 1 — статер Камасарии и Спартока V, чеканка Византия; 2 — статер периода самостоятельного правления Камасарии, чеканка Византия; 3 — статер периода самостоятельного правления Камасарии, чеканка Пантикапея; 4 — статер Митридата VI Евпатор 107 г. до Р. Х., чеканка Пантикапея; 5, 6 — статеры Митридата VI Евпатора, чеканка Пантикапея; 7 — тетрадрахма Митридата VI Евпатора, чеканка Пантикапея. Размеры монет изменены.)

А. Е. Пуздровский

СКЛЕП С ЭЛИТНЫМИ ВОИНСКИМИ ПОГРЕБЕНИЯМИ ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ[1]

В отчетном году[2] получены важные данные о погребальном обряде и инвентаре населения Усть-Альминского городища в I – III вв. н. э. Самым значительным результатом сезона следует считать исследование богатых воинских захоронений в склепе 777.

Изучение памятника велось на семи раскопах. Особое внимание было сосредоточено на спасении тех участков могильника, где были отмечены недавние следы ограбления, либо предполагалось найти участки с погребениями знати.

Полевые исследования отчетного сезона проводились по уже традиционной для Усть-Альминского некрополя методике. Ориентация раскопов подчинена рельефу местности и направлению рядов лесопосадки. Конфигурация раскопов обусловлена необходимостью максимального изучения площадей между грабительскими воронками.

Раскоп 4. Выбор места был обусловлен теми же причинами, что и в предыдущем случае[3]: удалось заложить квадрат 5 х 5 м на свободном от грабительских воронок участке и в одной сетке координат с раскопом 3. Снятие грунта на глубину 0,6–0,7 м и зачистка поверхности практически на всей площади раскопа не выявили никаких

[1] В 2001 г. в центральной части Усть-Альминского некрополя был обнаружен и исследован склеп, который по размерам и по богатству обнаруженных в нем находок выделялся не только из общего ряда раскопанных к тому времени погребальных сооружений, но и из так называемых элитных комплексов, которых на Усть-Альме уже было известно не мало. Даже спустя годы, когда число раскопанных склепов Усть-Альмы исчисляется десятками, аналога этому погребальному сооружению нет. Руководитель Альминской экспедиции А. Е. Пуздровский считал его, если можно так выразиться, «главным захоронением Усть-Альминского некрополя» и говорил об этом неоднократно. Он относился к нему с особенным интересом, но долгое время откладывал публикацию, объясняя, что не хочет заниматься этим на скорую руку. Краткая информация о некоторых находках с рисунками и фотографиями была дана им в монографии [Пуздровский, 2007, с. 130, 132, 136, 140, 147, рис. 87, 1, 2, 8; 93, 6; 96, 5, 15; 167, 3; 170, 2, 6; вклейки 11, 12], но этим все ограничилось. Наконец, в начале 2015 г. Александр Евгеньевич официально включил написание статьи о склепе 777 в план своих работ на текущий год и начал с того, что попросил меня заново перерисовать находки. К сожалению, А. Е. Пуздровский скончался, не успев осуществить этот замысел. Я счел своим долгом подготовить задуманную им статью к печати. Можно было бы, основываясь на отчете, написать ее самостоятельно, но я пошел по иному пути. Мне хотелось, чтобы весь публикуемый текст от начала до конца принадлежал ушедшему из жизни исследователю, и рядом с заглавием с полным основанием стояло имя одного автора. Поэтому данная статья представляет собой текст, полностью взятый из отчета [Пуздровский, 2002], написанный самим А. Е. Пуздровским, (убраны только номера коллекционной описи). Все дополнения, которые я счел нужным внести, содержатся в комментариях, помещенных в сносках. Остается добавить, что в раскопках склепа 777 вместе с А. Е. Пуздровским участвовали сотрудники Альминской экспедиции Г. В. Медведев и А. Е. Соломоненко. (А. А. Труфанов).

[2] 2001 г.

[3] Подразумевается выбор места для раскопа 3, сопровождающийся пояснением: «разбивка раскопа на этом месте была обусловлена тем, что грабители провели здесь зондаж щупами и даже вырубили кое-где кустарник».

погребальных сооружений. Только у северного борта обнаружена яма овальной формы размером 1,25 х 0,75 х 0,5 м, ориентированная по линии З–В и заполненная чистым суглинком, а в западном борту — заполнение входной ямы склепа. Путем прирезки к западу (2,75 х 2,25 м) была определена ее ширина и направление — СЗ–ЮВ — в сторону грабительского раскопа над камерой склепа. Перспективы доследования были не самыми радужными, тем не менее, мы решились на этот шаг и наши ожидания оправдались.

Склеп 777

По западному борту прирезки была оставлена стратиграфическая бровка, позволившая проследить контуры древнего и современного перекопов, а выборка заполнения камеры происходила через грабительскую траншею 2,6 х 1,3–1,6 м.

Входная яма имела размеры 4,2 х 1,4 м при глубине до 1,8 м (рис. 1). Ее габариты позволили предположить, что размеры камеры ей соответствовали. Это значительно повлияло на принятие решения о доследовании камеры. В восточной части входная яма имела несколько ступенек, общая длина которых 2,0 м, высота — 1,5 м. В западной она плавно опускалась ко входному отверстию. На высоту до 1,0 м входная яма была забита разнокалиберным бутом, среди которого встречались и достаточно крупные обломки вперемешку с чистым желто-коричневым суглинком. Выше, до отметки 1,7 м от дна камни почти не встречались. Однако на глубину до 1,4 м от современной дневной поверхности входная яма была заполнена плотным черноземом вперемешку с бутом — признак древнего перекопа. Современные грабители, нащупав стенки входной ямы, прошли своим шурфом сквозь древний перекоп и на глубине 1,4 м вышли на чистое суглинистое заполнение входной ямы. Отступив в западном направлении 1,5 м, они прокопали шурф размером 2,6 х 1,3–1,6 м, который, сужаясь книзу, вывел их на дно камеры.

Закладная плита из известняка прямоугольной формы со скругленными углами размером 1,25 х 0,8 х 0,2 м была отброшена древними грабителями во входную яму и покоилась на ее заполнении. Вокруг нее прослежено несколько крупных плитчатых обломков. Входное отверстие сохранилось только в нижней части, его размеры приблизительно 1,0 х 0,75 м, длина дромоса 0,4–0,5 м. В камеру вел крутой спуск в виде массивной ступеньки трапециевидной формы размером 1,4–2,0 х 1,3 м высотой 1,15 м. Ее форма в значительной степени повреждена грабительскими перекопами.

Камера трапециевидной формы, длинная ось ее (СВ–ЮЗ) перпендикулярна оси входной ямы, размеры: 4,5–5,6 х 3,6 м, дно ровное. Верхняя часть вырыта в материковой глине, нижняя — около 0,2 м — в слое песчаника. Глубина от современной дневной поверхности — 4,5 м. Сохранившаяся высота стен — до 1,3 м. Свод, вероятно, плавно повышался ко входному отверстию, большая его часть обрушилась в древности, до ограбления, а в образовавшейся воронке начал накапливаться керамический бой I – II вв. н. э. — от тризны с соседних участков. Он представлен преимущественно стенками и профильными частями узкогорлых светлоглиняных амфор, светлоглиняных синопских амфор, красноглиняных с воронковидным горлом (рис. 3: *4*). Весь этот материал при прокопке современного грабительского шурфа и после осыпания бортов, попал на дно камеры склепа. Над сводом в древности было совершено несколько конских захоронений. Судя по торчащим в обрезе костям, они ориентированы головой на северо-запад. Большая часть конских остовов обрушилась в древности вместе со сводом, поэтому конские кости встречались на различной глубине при выборке заполнения камеры.

На стене справа от входа, на высоте 1,0 м сохранилась ниша в виде горизонтально расположенного треугольника размером 0,35 х 0,2 х 0,2 м.

В древности на полу камеры, у входа, были оставлены приношения умершим в виде еды и питья в гончарной столовой посуде и амфорах, которые были разбиты во время ограбления. В нижней части засыпи камеры и над дном зачищены в разных местах крупные фрагменты не менее пяти светлоглиняных широкогорлых амфор с двуствольными ручками (рис. 3: *1–3, 6, 7, 9–12*), на одной из горловин граффити — Х (рис. 3: *2*), а также обломки гончарного херсонесского кувшина, покрытого светлым ангобом (рис. 3: *13, 14*). На высоте 1,0 м от дна, также в засыпи, лежали обломки краснолаковой чашки[4], которые собрались в полный профиль (рис. 7: *1*). Дойдя до дна камеры и обнаружив разбитую посуду и тару, современные грабители не предприняли дальней-

[4] Реконструируемые размеры сосуда: диаметр венчика 15,0 см, диаметр поддона 8,5 см, высота 2,8 см. Верхний край венчика украшен двумя врезными линиями.

ших попыток докопать камеру, чем занялись мы. В результате, после снятия обрушившегося свода 2-х метровой толщины, были обнаружены шесть мужских захоронений, пять из которых оказались не потревоженными древними грабителями, а от седьмого — ребенка сохранились лишь отдельные кости и инвентарь. Характер шести захоронений (близость обряда и инвентаря) позволяет предположить их одновременность. Проблематичным является и подзахоронение ребенка[5], поскольку габариты входной ямы, ее плотная забивка на высоту до 1,0 м камнем (до уровня верха закладной плиты), очевидно, не предполагали ее повторное открытие.

Вся площадь камеры была в древности четко поделена на несколько секторов. В северо-восточной части камеры лежали трое умерших (погребения I – III), в северо-западной части — также трое (погребения IV – VI), между этими группами захоронений, по оси входной ямы, была оставлена широкая полоса — до 2,0 м (рис. 2). В ЮЗ и ЮВ частях находились приношения и предметы погребального инвентаря.

Погребение I. Находилось в 1,5 к северу от входа. Умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, руки вдоль туловища. На грудине сохранилось отверстие, вероятно, от удара копья или дротика. Возможно, что погребение было совершено на легком деревянном помосте, установленном на плоские камни, лежавшие под костяком. Вокруг черепа веером залегали золотые листочки погребального венка (диадемы) (рис. 2: *1*; 4: *1*), а среди них — золотые лицевые пластины — два наглазника и нагубник (рис. 2: *2*; 4: 2). На правой стороне грудной клетки зачищена круглая стеклянная пронизь[6] (рис. 2: *4*; 4: *4*). С правой стороны, у бедра лежал железный меч с кольцевым навершием[7] (рис. 2: *8*; 8: *3*), который, вероятно, крепился к портупее с помощью железной пряжки или кольца (рис. 4: *5*). Слева, вдоль туловища лежал длинный двуручный меч с коротким прямым перекрестием и рукоятью-штырем[8] (рис. 2: *7*; 8: *1 а, б*), в раскрашенных красной краской деревянных ножнах. Между ним и тазом найден железный предмет в форме ножа[9] (рис. 2: *3*; 4: *3*), а возле перекрестия и рукояти — янтарные бусы[10] (рис. 1: *5*; 4: *6*) и оселок (рис. 2: *6*; 4: *7*)[11].

С погребением I связывается следующий инвентарь, найденный на расстоянии около 1 м от него, в юго-восточном углу: краснолаковые тарелка[12] (рис. 2: *10*; 7: *6*; 10: *14*) и в ней кувшин[13] (рис. 2: *9*; 7: *2*; 10: *13*), колчанный набор (около 150 шт.)[14] железных трехлопастных наконечников стрел, распавшийся из цилиндрической «пачки» диаметром около 0,12 м на несколько частей (рис. 2: *11*; 8: *2*). Колчан мог висеть на стенке склепа.

Погребение II. Находилось к северу от погребения 1. Сохранившиеся камни предполагают установку деревянного помоста или гробовища. Умерший лежал в вытянутом положении, на спине головой на юго-запад, руки согнуты в локтях, а кисти рук были уложены на среднюю часть туловища, либо заведены за спину. Кости таза неестественно вывернуты, ноги скрещены в коленях, при этом тазобедренные суставы также неестественно вывернуты. Впечатление, что тело умершего серьезно пострадало в какой-то битве и сложено по частям. Вокруг черепа, как и в погребении I, лежали золотые трилистники погребального венка (рис. 2: *12*; 4: *9*) и лицевые пластины (рис. 2: *13*;

---

[5] Речь идет о т. н. «погребении VII» (см. ниже).

[6] Округлая бусина из синего прозрачного стекла.

[7] Общая длина меча 47,3 см, длина лезвия 33,7 см, максимальная ширина лезвия 4,7 см.

[8] Общая длина меча 90,5 см, длина лезвия 71,0 см, длина рукояти 17,8 см, максимальная ширина лезвия 3,9 см.

[9] Данный предмет не кажется мне похожим на нож. Это прямая железная пластина, длиной 10,3 см, шириной 1,1–1,2 см, без признаков режущей поверхности. Он был найден у бедра, рядом с мечом, так что, возможно, имел отношение к конструкции крепления меча, являясь, например, наконечником ремня.

[10] Янтарные бусы: коротко-цилиндрические с выступающими торцами (3 экз.) типа 11 [Алексеева, 1978, с. 24] и цилиндрическая (1 экз.).

[11] Помимо того, согласно коллекционной описи, с погребением I связано бронзовое кольцо (рис. 4: 8), местонахождение которого на плане не отмечено.

[12] Диаметр венчика 27,3 см, диаметр поддона 9,9 см, высота 6,1 см. На внутренней стороне дна имеется концентрический орнамент в виде насечек.

[13] Диаметр венчика 8,4 см, диаметр поддона 8,4 см, высота 23,0 см.

[14] Всего в скипевшихся обломках «пачки» мне удалось насчитать 146 наконечников.

4: *10*), справа от черепа — краснолаковая чашечка[15] (рис. 2: *16*; 7: *3*; 10: *11*), под тазом и левой (?) бедренной костью железный меч с кольцевым навершием[16] (рис. 2: *17*; 8: *4*), на щиколотках ног фаянсовый бисер[17] (рис. 2: 14; 4: 11) и янтарные бусы[18] (рис. 2: *15*; 4: *12*).

Погребение III. Находилось у северной стенки склепа. Умерший лежал в вытянутом положении, головой на юго-запад, руки вдоль туловища. Как и в предыдущих случаях, тело, вероятно было уложено на деревянный помост, а последний установлен на плоские камни. Оседание помоста привело к тому, что правая рука оказалась выше остальной части скелета из-за нахождения под ней камня-подпорки, а левая верхняя часть костяка несколько сместилась к стене склепа.

Вокруг черепа и частично на верхней части грудной клетки обнаружены смятые золотые трилистники погребального венка (диадемы), некоторые из них в обрывках со следами мышиных зубов (рис. 2: *18*; 5: *1*), что подтверждает предположение об их креплении крючками к кожаной ленте, представлявшей интерес для грызунов. Рядом с черепом лежали золотые лицевые пластины (рис. 2: *20*; 5: *3*) и золотая пластина прямоугольной формы с двумя отверстиями по краям и рельефным изображением женского божества в высоком головном уборе[19] (рис. 2: *19*; 5: *2*). Последняя, вероятно, была в центре композиции диадемы. На тазу обнаружена серебряная пряжка «маркоманнского» типа[20] (рис. 2: *22*; 5: *6*; 10: *5*), а под правым плечом — серебряный наконечник ремня[21] (рис. 5: *5*; 10: *4*), вместе составлявшие гарнитур. У правого бедра лежал сильно фрагментированный железный меч с кольцевым навершием (рис. 2: *25*; 8: *6*), на коленных суставах — обрывки ажурных золотых пластин, с орнаментом в виде листьев плюща и аканфа[22] (рис. 2: *21*; 5: *4*). Последние, вероятно, смещены со своего первоначального местоположения и были сильно повреждены грызунами, т. к. вероятно крепились на кожаную основу, т. е. были украшением пояса (?). В ногах стояла краснолаковая тарелка[23] с граффити в виде пучка линий (рис. 2: *24*; 7: *5*; 10: *12*), в которой лежала кость животного (рис. 2: *23*).

Погребение IV. Располагалось в СЗ части камеры, у стенки. Умерший лежал в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад, руки вдоль туловища, ноги были связаны в щиколотках, подняты коленями вверх и распались ромбом. Под черепом и в ногах зафиксированы плоские камни, на которые, вероятно, был установлен помост с телом. Слева от черепа и вдоль левой руки зафиксированы золотые трилистники от погребального венка (рис. 2: *26*; 6: *1*), справа стояла краснолаковая чашечка[24] (рис. 2: *31*; 7: *4*; 10: *10*). У правого бедра лежали обломки плохо сохранившегося железного меча или кинжала без перекрестия (рис. 2: *32*; 8: *5*), в районе таза — железная «маркоманнская» пряжка (рис. 2: *27*; 6: *2*; 10: *6*). При разборке костяка, в средней части грудной клетки был обнаружен железный трехлопастной наконечник стрелы (рис. 2: *30*; 6: *6*; 10: *8*), у кисти правой руки — бусы из янтаря, стекла и гагата[25] (рис. 2: *29*; 6: *4*), у стоп

---

[15] Диаметр венчика 7,8 см, диаметр поддона 3,8 см, высота 3,0 см.

[16] Общая длина меча 48,7 см, длина лезвия 34,2 см, максимальная ширина лезвия 3,6 см.

[17] Биконические фаянсовые бусы (21 экз.) типа 11 [Алексеева, 1975, с. 33].

[18] Коротко-цилиндрические янтарные бусы с выступающими торцами (2 экз.) типа 11 [Алексеева, 1978, с. 24].

[19] Размеры пластины 2,8 х 4,0 см. В монографии А. Е. Пуздровского по поводу этой находки сказано: «пластина прямоугольной формы с рельефным погрудным изображением женской фигуры Великой богини (Кибелы? Анахиты?) в высоком головном уборе» [Пуздровский, 2007, с. 147].

[20] Длина рамки 6,0 см, максимальная ширина 2,8 см, задняя часть язычка с лицевой стороны украшена врезными линиями.

[21] Длина изделия 5,7 см, ширина 1,3 см.

[22] Размеры изделий: 28,4 х 3,4 см и 28,4 х 3,5 см. Орнамент в виде листьев плюща, но не аканфа.

[23] Диаметр венчика 14,2 см, диаметр дна 12,0 см, высота 1,5 см. Лак покрывает всю поверхность сосуда, внутренняя сторона дна украшена концентрическими врезными линиями. Граффити прочерчено на внешней стороне дна.

[24] Диаметр венчика 8,9 см, диаметр поддона 4,4 см, высота 3,9 см.

[25] Округлая и поперечно сжатая из зеленого глухого стекла (1 экз.) (рис. 6: 4а), коротко-цилиндрические янтарные с выступающими торцами (2 экз.) типа 11 [Алексеева, 1978, с. 24] (рис. 6: 4 б, в), гагатовая (1 экз.) (рис. 6: 4 г).

ног стеклянные глазчатые бусы[26] (рис. 2: *28*; 6: *3*).

Погребение V. Находилось к югу от погребения IV. Умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, руки прижаты к туловищу, ноги перекрещены в щиколотках. Как и в предыдущих случаях, зафиксированы подпорные камни для гробовища или помоста. Комплект золотых лицевых пластин найден справа от черепа (рис. 2: *34*; 6: *8*), а золотые трилистники диадемы — вдоль правой руки (рис. 2: *33*; 6: *7*). Здесь же, у локтевой кости при разборке костяка найдена стеклянная бусина (рис. 2: *36*; 6: *10*). На грудной клетке лежала плохо сохранившаяся железная «маркоманнская» пряжка (рис. 2: *37*; 6: *11*), а на стопах ног — железная шпора[27] (рис. 2: *35*; 6: *9*; 10: *7*).

Погребение VI. Находилось к югу от погребения V. Ограблено в древности. Подпорные камни зафиксированы под костяком, что предполагает наличие помоста. Череп смещен со своего первоначального места, как и большинство костей, а верхняя часть скелета переброшена на нижнюю. Тем не менее, версия об ориентировке умершего головой на юго-запад кажется более близкой к истине. Инвентаря не обнаружено. Возможно, с этим погребением связаны осколки краснолаковой чашки (рис. 7: *1*), найденные над ним, в заполнении камеры (см. выше).

«Погребение VII». Находилось под северной стенкой камеры, по оси с входной ямой, между погребениями III и IV. Сохранность детского костяка очень плохая, он сильно поврежден обвалом и норами грызунов, которые растащили кости и погребальный инвентарь. По расположению нескольких позвонков, длинных костей и ребер можно предположить, что умерший младенец (длина костяка вряд ли превышала 0,5–0,6 м) лежал головой на северо-восток[28]. При зачистке костных останков обнаружены: бронзовая монета с отверстием[29] (рис. 2: *40*; 9: *3*; 10: *2*), бронзовый наконечник стрелы с шипом (рис. 2: *38*; 9: *1*; 10: *9*), кольцо с выступами (рис. 2: *41*; 9: *4*; 10: *1*), более 100 бусин из сердолика, янтаря, стекла и фаянса (бисер), среди которых преобладают последние[30] (рис. 2: *39*; 9: *2*). К югу от «погребения VII» лежали два комплекта железных удил с инкрустацией в некоторых местах бронзовой проволокой и железные детали сбруи (рис. 2: *42*; 9: *5, 7*; 10: *3*). Среди них обнаружены четыре серебряных колокольчика[31] конической формы (рис. 2: *43*; 9: *6*).

Дата: середина — третья четверть I в. н. э.

---

[26] Округлые и поперечно сжатые бусы из синего стекла с глазками, состоящими из синего центра на белом фоне (2 экз.).

[27] В коллекционной описи среди находок, связываемых с погребением IV, значится также осколок обработанного кремня (рис. 6: 5).

[28] И в отчете и в своей монографии [2007, с. 140, рис. 96, 15] А. Е. Пуздровский обозначил данный предмет как шпору, однако в период подготовки материалов склепа к публикации высказывал некоторые сомнения по этому поводу, задаваясь вопросом: не ручка ли это от деревянной шкатулки?

[29] По словам участвовавшего в раскопках склепа А. Е. Соломоненко, сохранность этих костей была очень плохой: фрагменты были настолько мелкими, что даже вызывали сомнения относительно их принадлежности скелету человека. Возможно, за остатки захоронения младенца были приняты кости какого-нибудь небольшого животного, прорывшего нору в заполнении погребальной камеры. Мне известно, что в существовании «погребения VII» впоследствии сомневался и сам А. Е. Пуздровский, поэтому я позволил себе взять это слово в кавычки.

[30] Поверхность монеты потерта и сильно повреждена коррозией, только на одной из сторон сохранились фрагменты изображения: согнутая шея какого-то животного с короткой гривой, обращенного головой влево, с двумя поднятыми кверху крыльями. Более всего данный фрагмент напоминает изображение Пегаса на монетах Амиса выпуска 85–65 гг. до н. э.: голова Персея вправо — Пегас, пьющий воду, влево [Sylloge…, 1993, pl. XLV, 1212–1215].

[31] Бусы: из черного стекла с орнаментом из желтых волнистых линий (1 экз.) (рис. 9: 2 а), округлая из прозрачного стекла с металлической прокладкой (1 экз.) типа 1 [Алексеева, 1978, с. 29, 30] (рис. 9: 2 б), коротко-цилиндрическая из стекла неопределенного цвета (1 экз.) (рис. 9: 2 в), бочковидные стеклянные с орнаментом из чередующихся разноцветных полос, расположенных наклонно по отношению к продольной оси (3 экз.) типа 249 [Алексеева, 1978, с. 47] (рис. 9: 2 г), фаянсовые биконические (57 экз.) типа 11 [Алексеева, 1975, с. 33] (рис. 9: 2 д), фаянсовые коротко-цилиндрические (34 экз.) типа 9 [Алексеева, 1975, с. 32] (рис. 9: 2 е), округлая сердоликовая (1 экз.) типа 2 [Алексеева, 1982, с. 15] (рис. 9: 2 ж) и янтарная коротко-цилиндрическая (1 экз.) (рис. 9: 2 з).

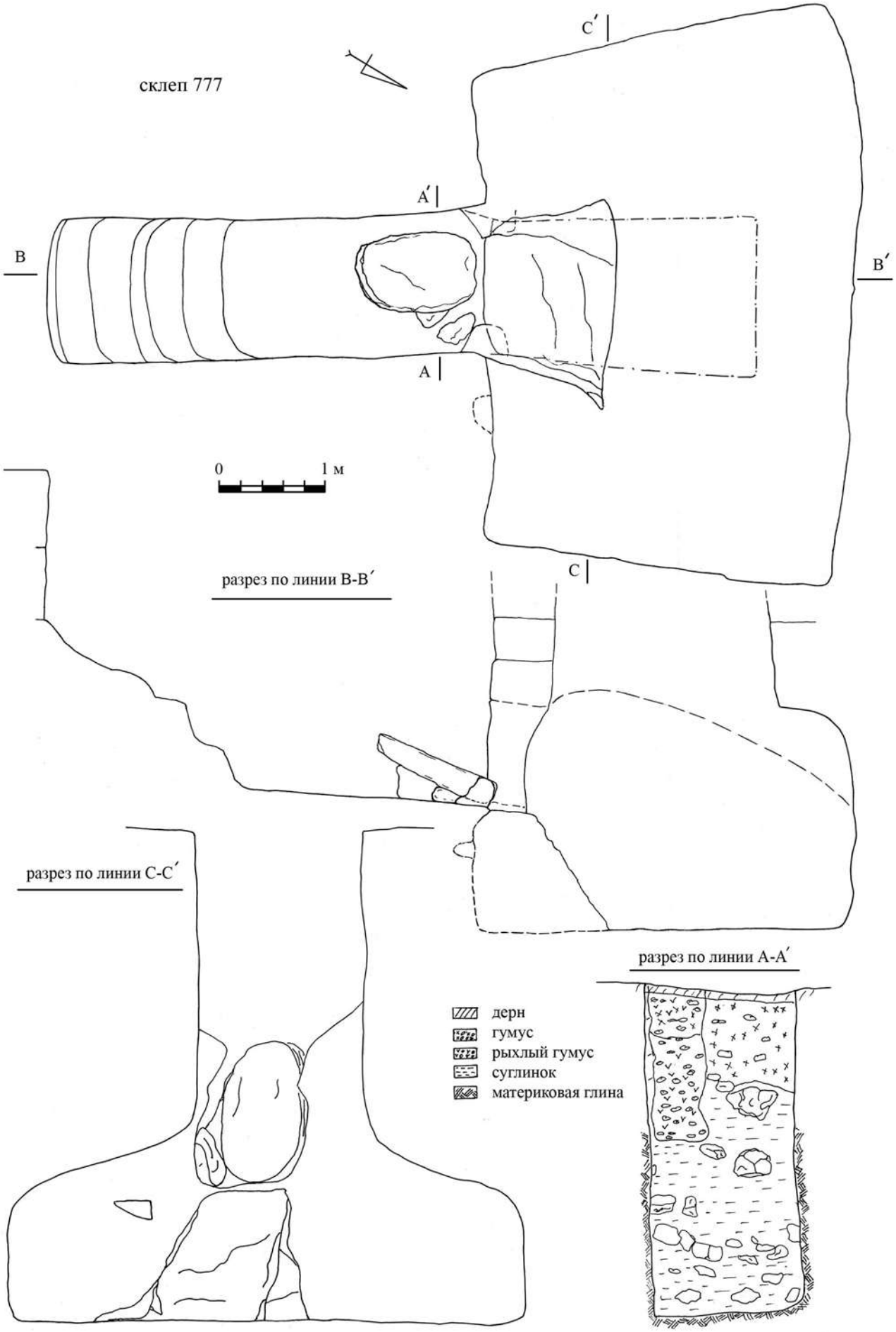
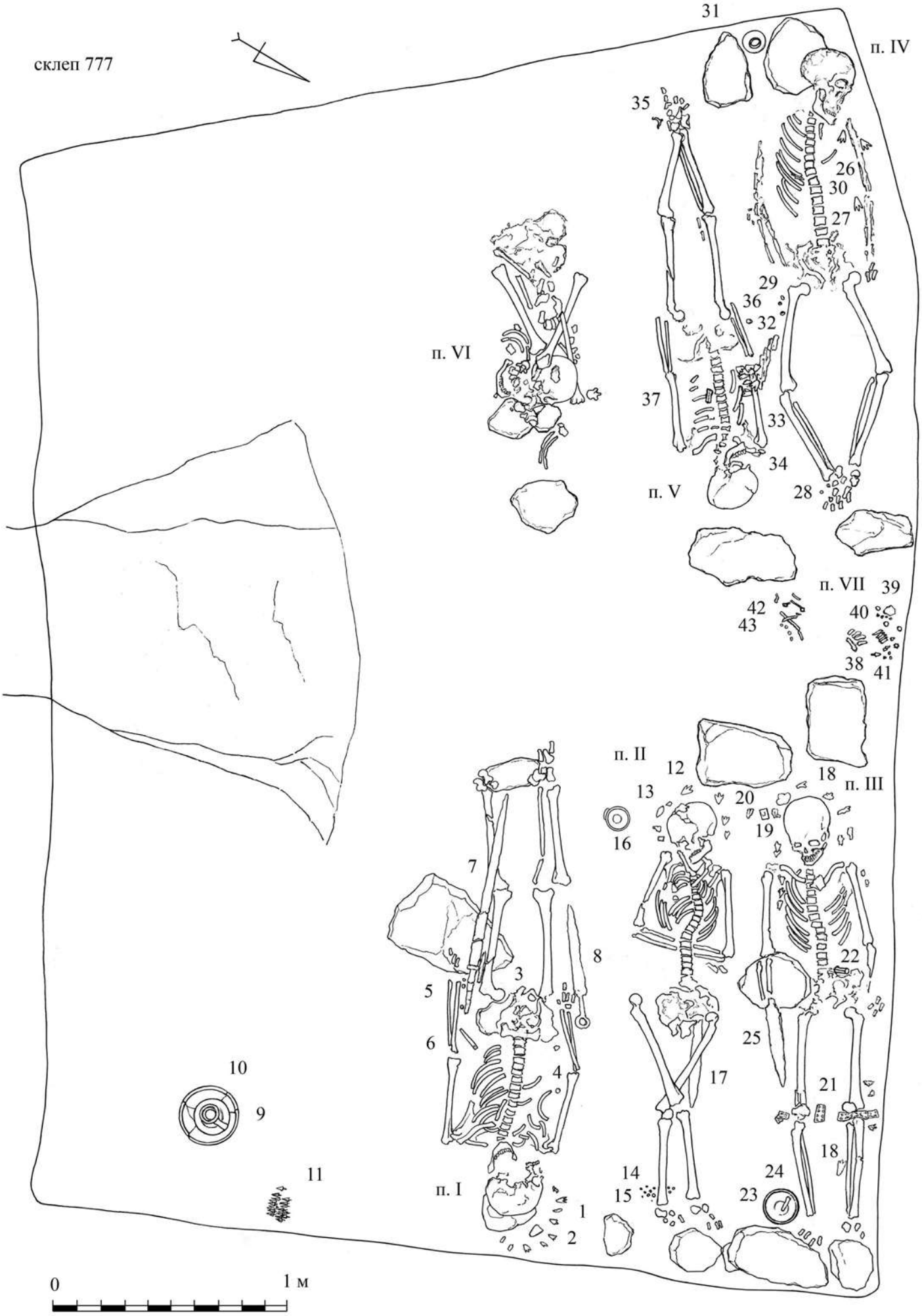


Рис. 1 Склеп 777. План, разрезы


склеп 777
31
п. IV
35
26
30
27
29
36
32
п. VI
37
33
34
п. V
28
п. VII
39
42
43
40
38
41
п. II
12
18
13
20
п. III
16
19
7
8
22
3
5
6
25
10
4
17
21
9
18
11
14
24
п. I
15
23
1
2
0
1 м

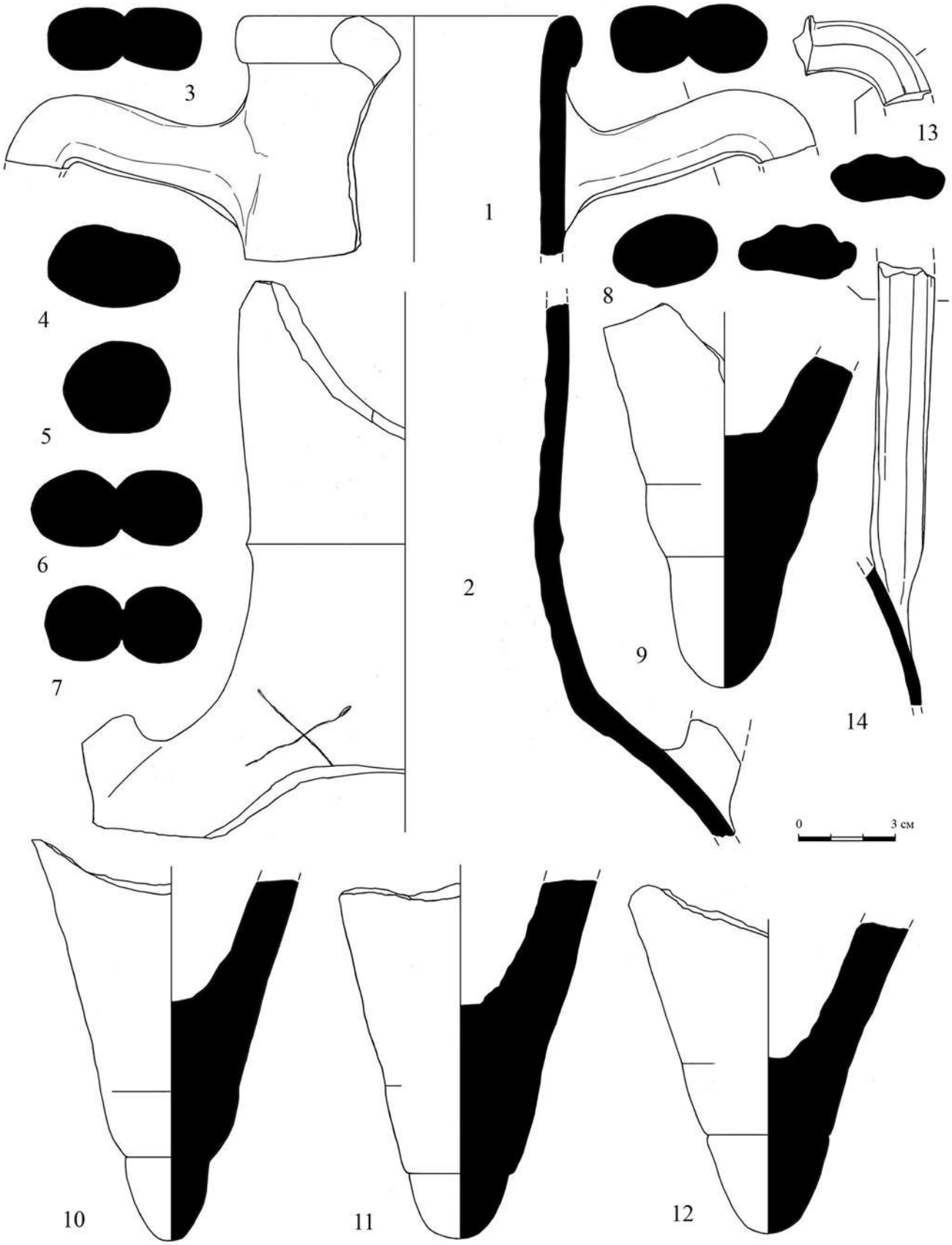
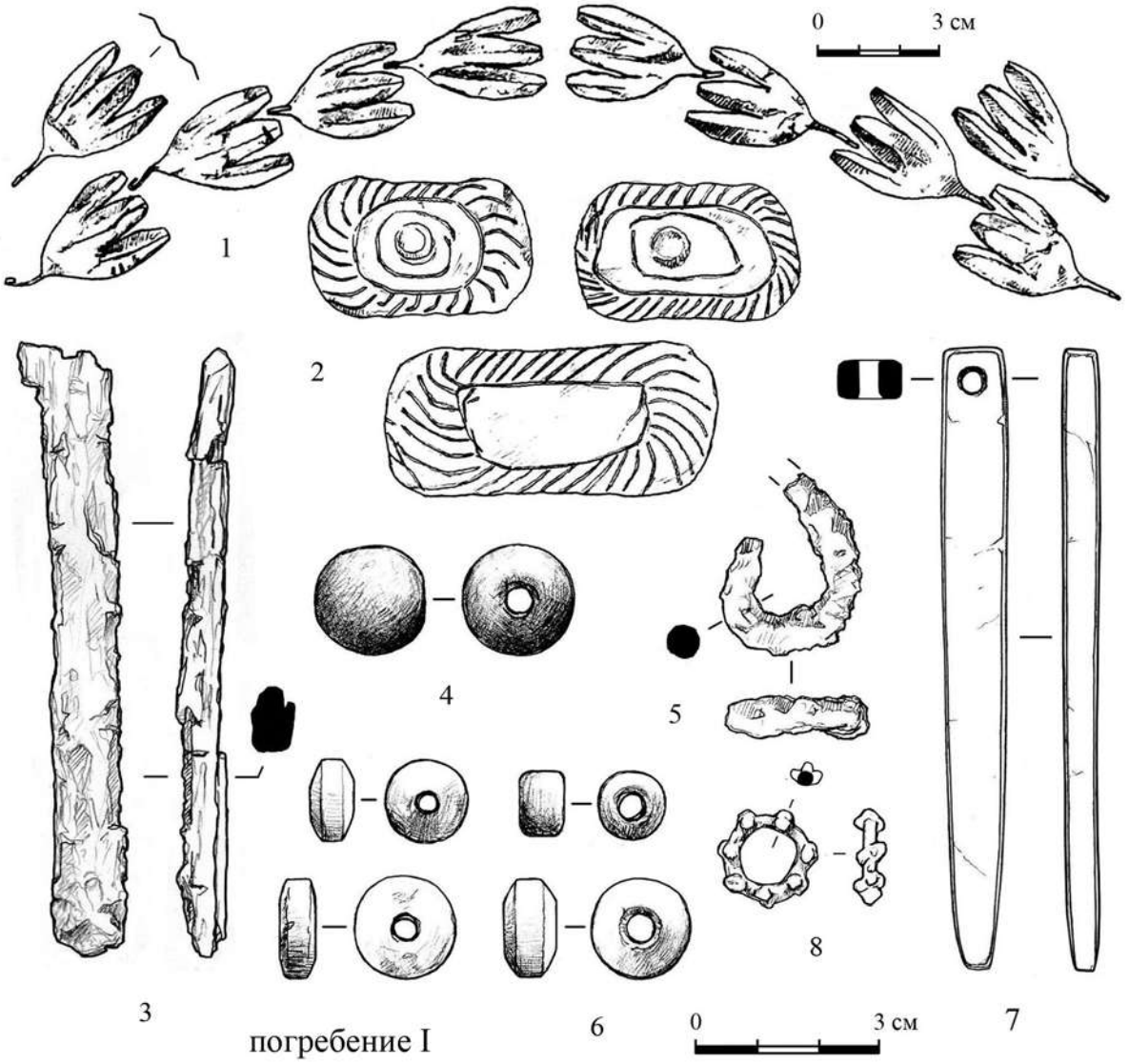
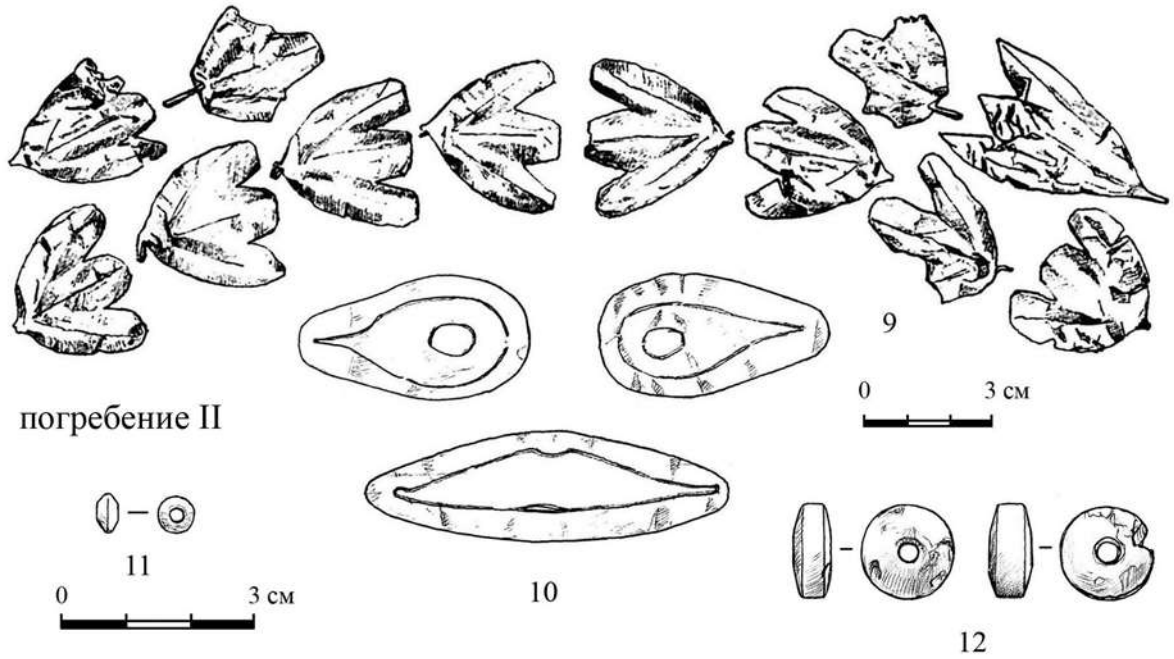


Рис. 3. Склеп 777. Фрагменты керамики из заполнения погребальной камеры

Рис. 2. Склеп 777. План погребений: погребение I: 1 — листья венка, 2 — лицевые пластины, 3 — предмет железный, 4 — бусина, 5 — бусы, 6 — оселок, 7 — длинный меч, 8 — меч с кольцевым навершием, 9 — кувшин, 10 — тарелка, 11 — набор наконечников стрел; погребение II: 12 — листья венка, 13 — лицевые пластины, 14 — бусы, 15 — бусы, 16 — чашка, 17 — меч; погребение III: 18 — листья венка, 19 — пластина с изображением, 20 — лицевые пластины, 21 — ажурные пластины, 22 — пряжка, 23 — кость животного, 24 — тарелка, 25 — меч; погребение IV: 26 — листья венка, 27 — пряжка, 28 — бусы, 29 — бусы, 30 — наконечник стрелы, 31 — чашка, 32 — меч или кинжал, погребение V: 33 — листья венка, 34 — лицевые пластины, 35 — шпора (?), 36 — бусина, 37 — пряжка; погребение VII: 38 — наконечник стрелы, 39 — бусы, 40 — монета с отверстием, 41 — кольцо, 42 — удила, 43 — «колокольчики»


0 3 см
1
2
3
4
5
6
7
8
погребение I
0 3 см


9
0 3 см
погребение II
11
0 3 см
10
12

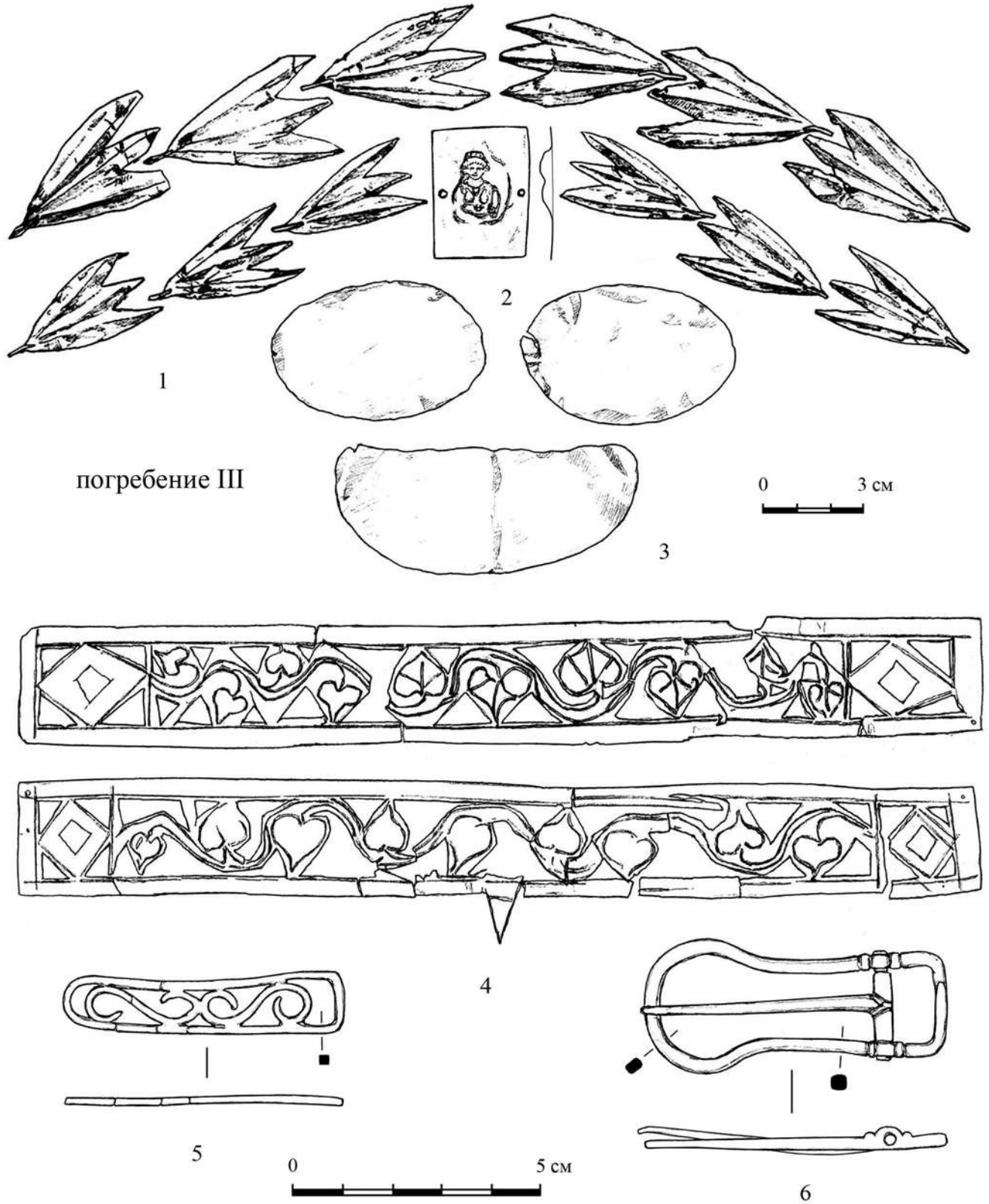
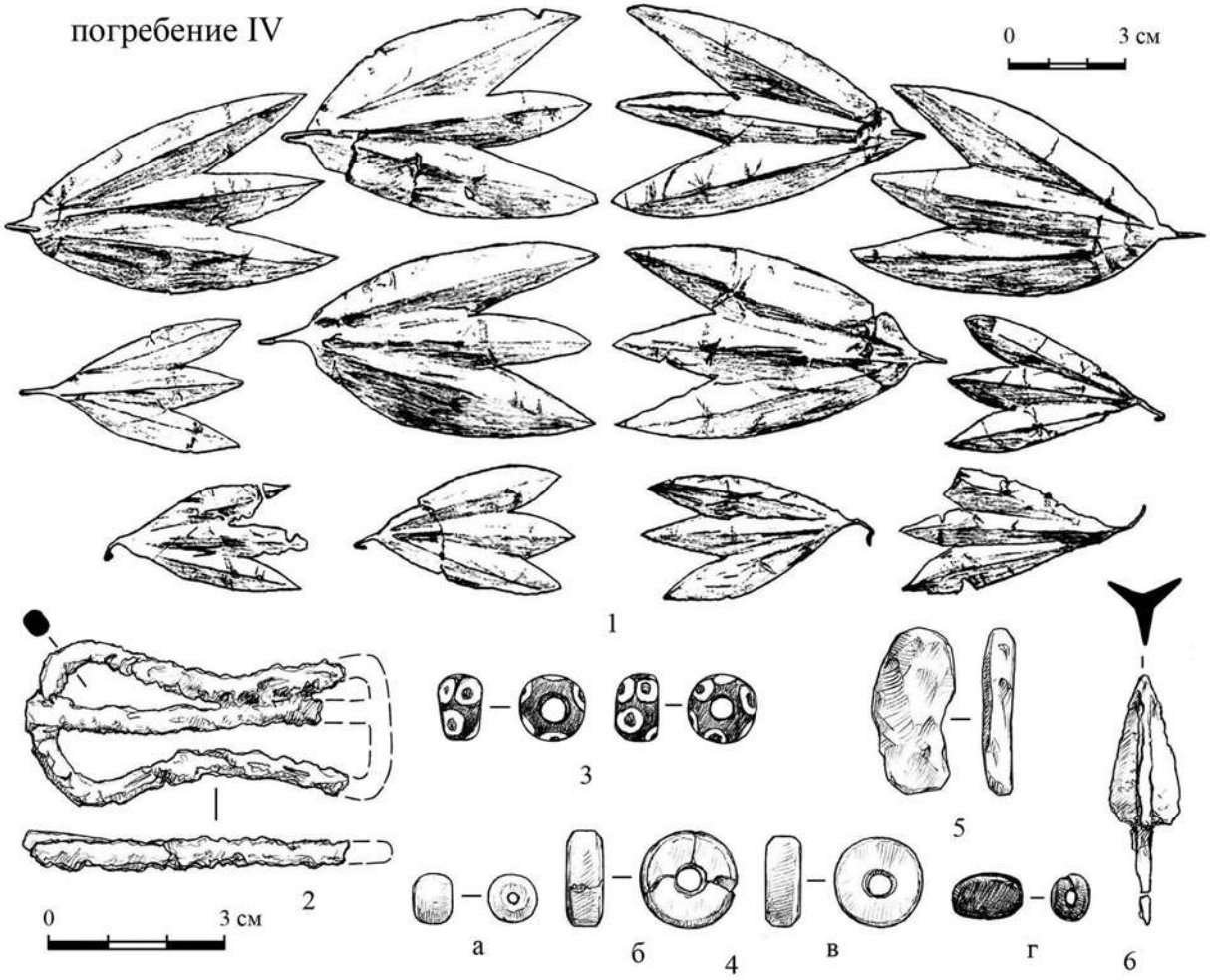
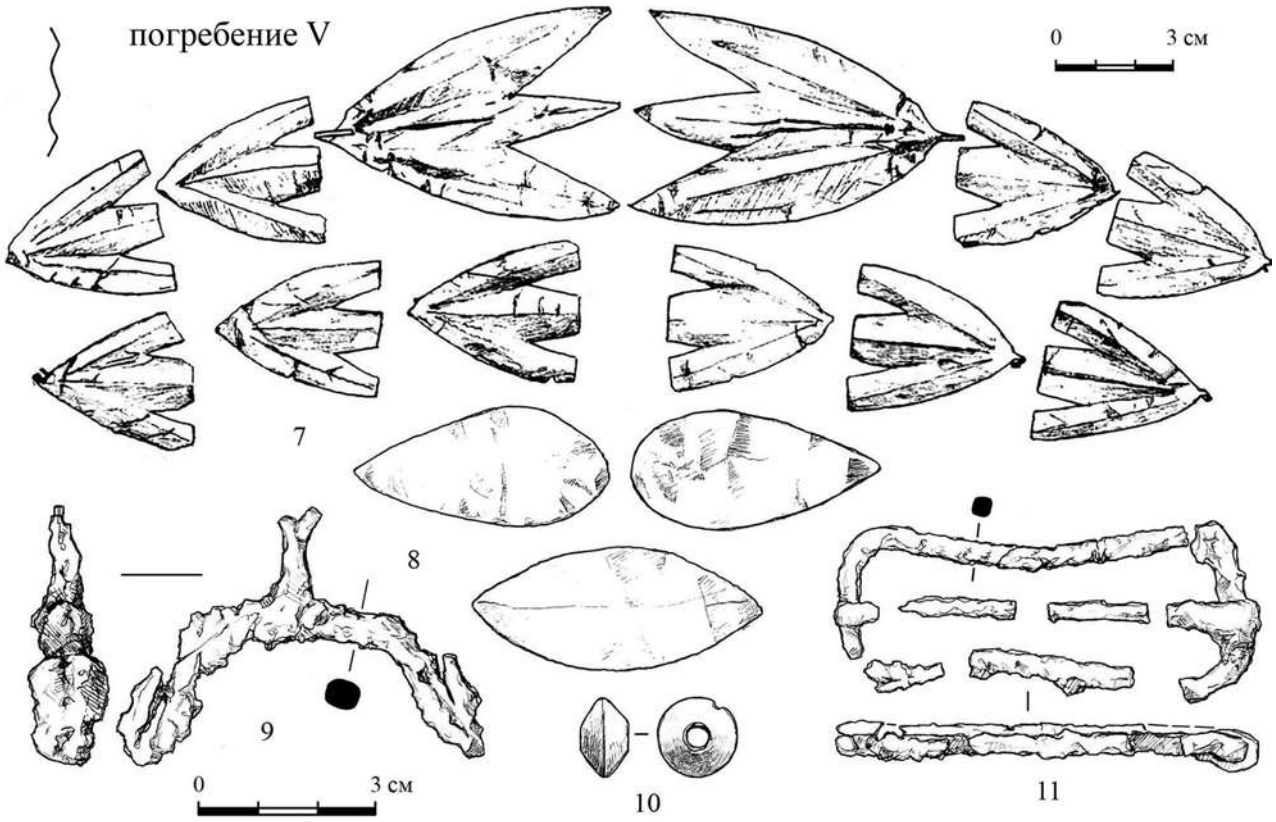


Рис. 5. Склеп 777. Находки: погребение III: 1 — листья золотого венка, 2 — пластина золотая, 3 — золотые лицевые пластины, 4 — золотые пластины, 5 — наконечник ремня серебряный, 6 — пряжка серебряная

Рис. 4. Склеп 777. Находки: погребение I: 1 — листья золотого венка, 2 — золотые лицевые пластины, 3 — предмет железный, 4 — бусина стеклянная, 5 — крюк железный, 6 — бусы янтарные, 7 — оселок, 8 — кольцо бронзовое; погребение II: 9 — листья золотого венка, 10 — золотые лицевые пластины, 11 — бусы фаянсовые, 12 — бусы янтарные


погребение IV
0 3 см
1
2
3
4
5
6
а
б
в
г
0 3 см


погребение V
0 3 см
7
8
9
10
11
0 3 см

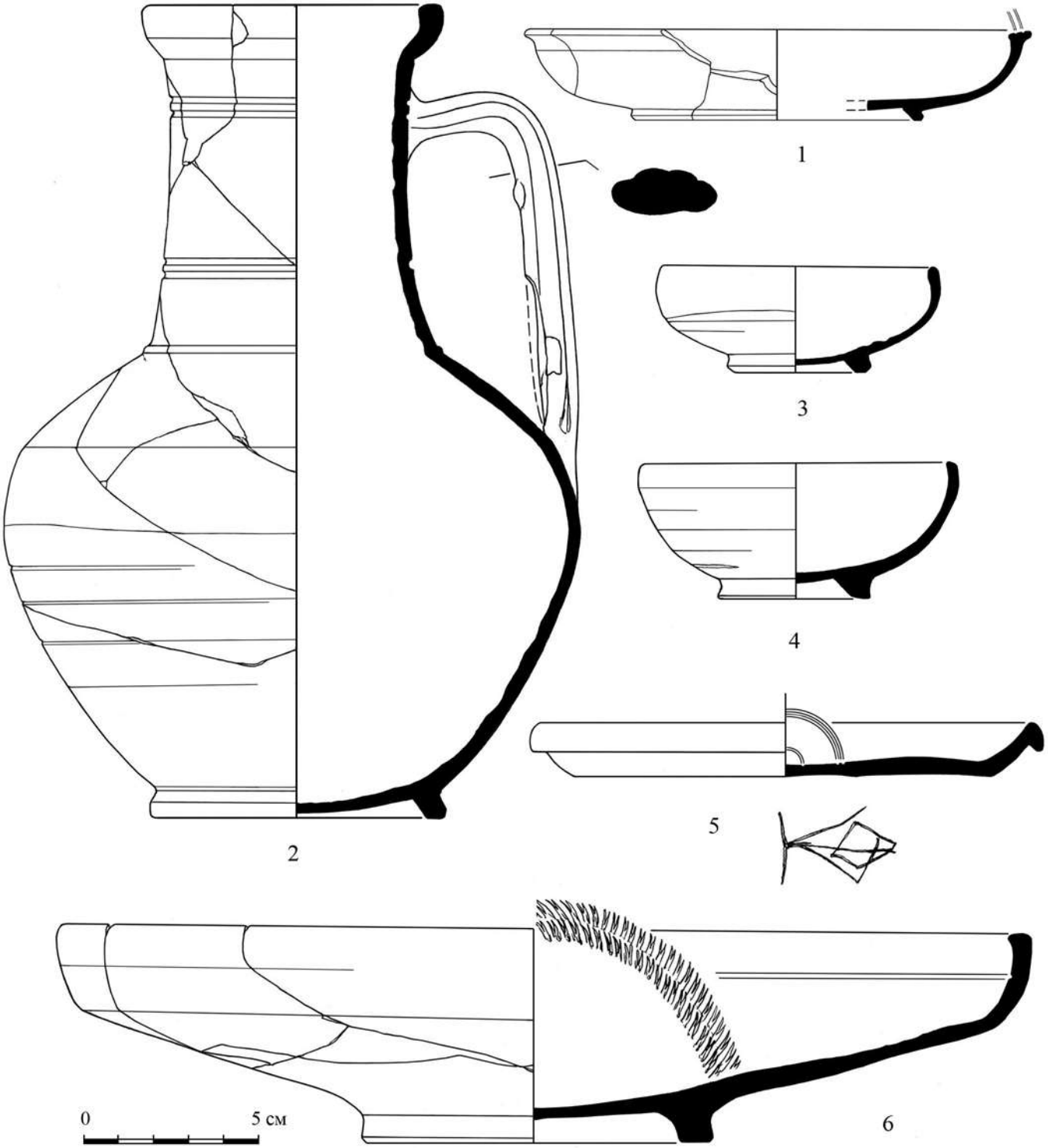


Рис. 7. Склеп 777. Краснолаковая керамика: 1 — тарелка (погребение VI?), 2 — кувшин (погребение I?), 3 — чашка (погребение II), 4 — чашка (погребение IV), 5 — тарелка (погребение III), 6 — тарелка (погребение I?)

Рис. 6. Склеп 777. Находки: погребение IV: 1 — листья золотого венка, 2 — пряжка железная, 3 — бусы стеклянные, 4 — бусы (а — стекло, б, в — янтарь, г — гагат), 5 — осколок кремня, 6 — наконечник стрелы железный; погребение V: 7 — листья золотого венка, 8 — золотые лицевые пластины, 9 — шпора (?) железная, 10 — бусина стеклянная, 11 — пряжка железная

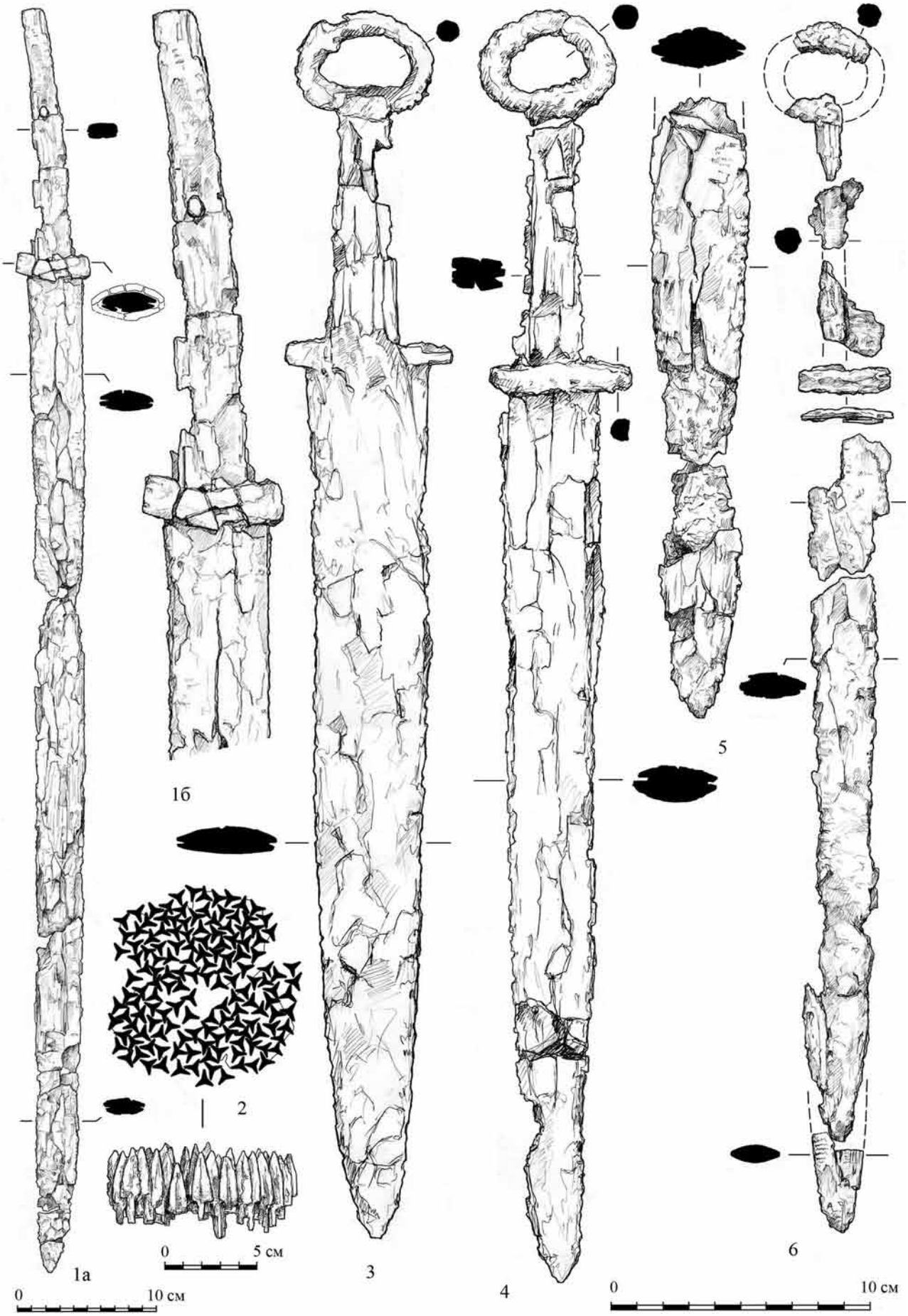


Рис. 8. Склеп 777. Оружие: 1 — длинный меч (погребение I), 2 — набор наконечников стрел (погребение I?), 3 — меч (погребение I), 4 — меч (погребение II), 5 — фрагментированный меч или кинжал (погребение IV), 6 — фрагменты меча (погребение III)

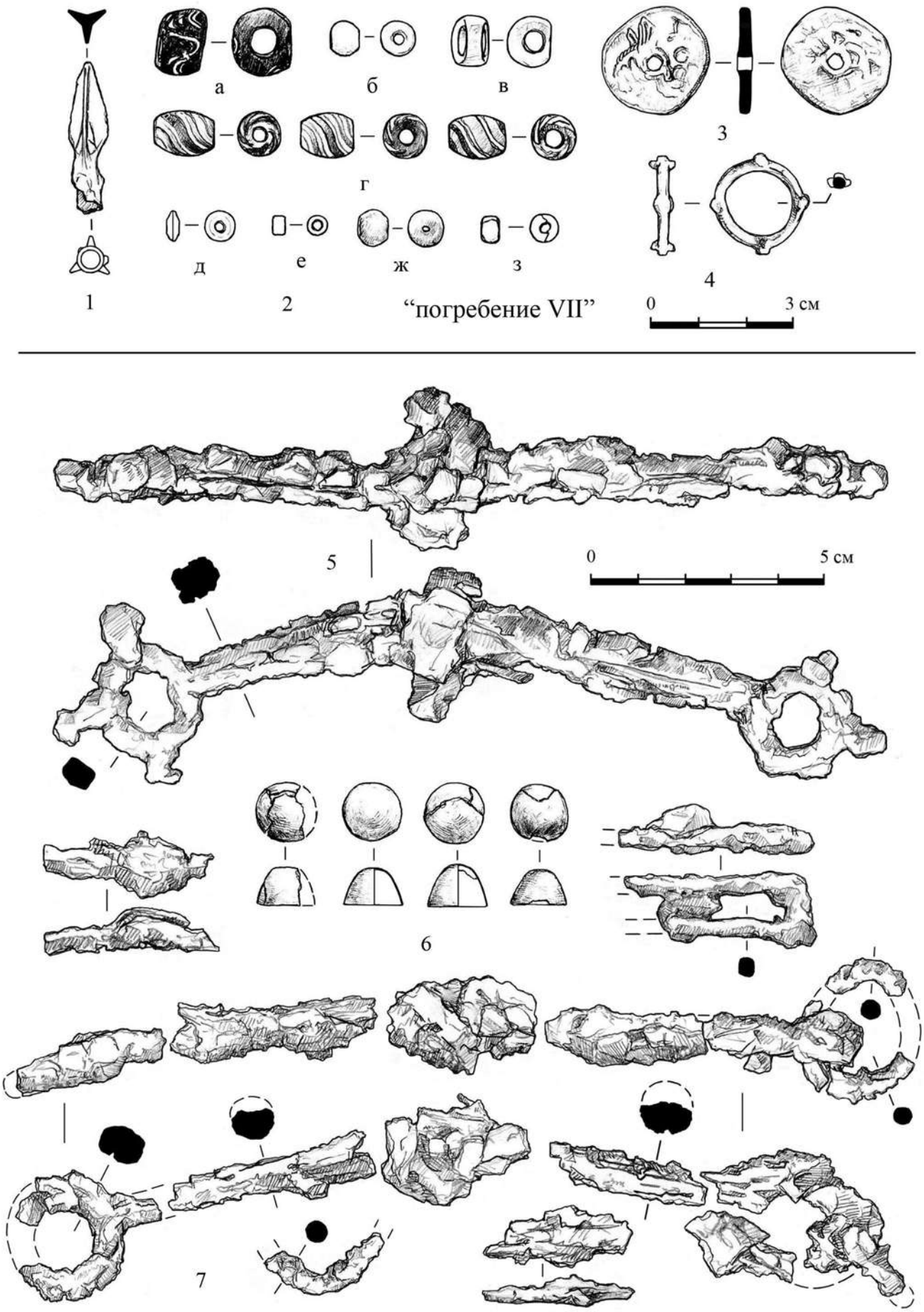


Рис. 9. Склеп 777. Находки: погребение VII: 1 — наконечник стрелы бронзовый, 2 — бусы (а – г — стекло, д, е — фаянс, ж — сердолик, з — янтарь), 3 — монета бронзовая с отверстием, 4 — кольцо бронзовое; 5 — удила железные, 6 — «колокольчики» серебряные, 7 — фрагменты железных удил

Цветной рис. 10 расположен на стр. 615.

(Рис. 10. Склеп 777, находки: 1 — кольцо, 2 — монета, 3 — удила, 4 — наконечник ремня, 5 — пряжка, 6 — пряжка, 7 — шпора (?), 8 — наконечник стрелы, 9 — наконечник стрелы, 10 — чашка, 11 — чашка, 12 — тарелка, 13 — кувшин, 14 — тарелка).

А. Е. Пуздровский, А. А. Труфанов

ДВА СКЛЕПА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Статья посвящена публикации материалов раскопок склепов 1067 и 1068 из Усть-Альминского могильника, исследованных в 2014 г. Данное сооружение состояло из двух погребальных камер соединенных общей входной ямой. Обнаруженные находки позволяют датировать функционирование склепов в пределах I – первой половины II в. н. э.

Ключевые слова: позднескифский Усть-Альминский некрополь, склепы, погребения, фибулы, бусы, пряжки, краснолаковая посуда.

Во время полевых исследований Усть-Альминского позднескифского некрополя в 2014 г. в его центральной части было обнаружено и исследовано погребальное сооружение с двумя камерами и общей входной ямой. В соответствии с продолжающейся нумерацией открываемых погребальных сооружений, этот объект вошел в отчет о полевых исследованиях под наименованием склепов 1067 и 1068 (рис. 1).

Погребальные сооружения, состоящие из двух камер, связанных общей входной ямой, уже встречались на территории Усть-Альминского могильника, но таких объектов известно немного. Среди них, например, склепы 550 и 551, а также 973 и 974 (рис. 16: *1, 2*).

Известно, что склепы с двумя камерами и общей входной ямой сооружались и использовались носителями позднескифской культуры Крыма во II – I вв. до н. э. [Дашевская, 1983, с. 25, табл. 40, 1; Сымонович, 1983, с. 37, 38, 47, 48; Храпунов, 2008, рис. 9; Гаврилов, Труфанов, 2001, с. 43–70]. Возможно, в данном факте следует видеть сохранение ранней традиции использования «двойных» склепов в погребальной практике варварского населения Крыма на протяжении длительного времени.

Входная яма склепов 1067 и 1068 была обнаружена при доследовании современного грабительского шурфа, прослеживавшегося визуально еще до начала работ и имевшего вид широкой, диаметром около 2,50 м, воронки, заплывшей грунтом и заросшей растительностью. Дальнейшие исследования показали, что этот шурф через входную яму вел в камеру склепа 1068. Его заполнение состояло из темного рыхлого грунта с большим количеством фрагментов керамики (рис. 9–12) и разрозненных человеческих костей, а также с примесью современного мусора. Помимо того здесь же было найдено несколько обломков бронзовых изделий: двух фибул и двух браслетов (рис. 15: *1–4, 6*). В срезе грунта к западу от шурфа прослеживались контуры узкой (шириной до 0,70–0,75 м) ямы с вертикальными стенками, заполненной плотным темным грунтом. Стратиграфия среза указывала на то, что эта яма является могилой, находившейся над входом в камеру склепа 1068 и прорезанной грабительским шурфом. Найденные в заполнении шурфа фрагментированные бронзовые предметы, скорее всего, составляли погребальный инвентарь разрушенного захоронения. Этой разрушенной могиле, согласно ведущейся нумерации, был дан порядковый номер 1069 (см. ниже).

Входная яма ориентирована по оси ЮВВ–СЗЗ. Стенки ямы оказались сильно поврежденными, особенно в верхней части, что затрудняет определение точных изначальных параметров. Некоторые нарушения, по-видимому, были вызваны сооружением могилы 1069, но в большей степени связаны с грабительским шурфом.

Погребальные камеры, находящиеся по краям входной ямы, располагались не по ее оси, а с небольшим отклонением. Длина северной стенки

составляла 1,05 м, а южной 1,20–1,25 м, что соответствует расстоянию между камерами. Ширина ямы по причине деформации и наклона стенок тоже различна. В западной части ее размеры составляют: вверху около 0,65 м, у дна 0,43–0,45 м, в восточной части яма расширяется: вверху до 0,74–0,85 м, у дна до 0,60–0,65 м.

В юго-восточном секторе входной ямы, у дна осталась незатронутая грабительским шурфом часть заполнения в виде забутовки, состоящей из многочисленных обломков камней и плотного грунта. Дно в этой части ямы имело небольшое (до 0,05 м) углубление, причем его четкие, относительно ровные границы позволяют предполагать, что оно, возможно, является результатом небольшой подрубки, проделанной при совершении захоронений в камере склепа 1067.

Склеп 1067. Под каменной забутовкой, оставшейся в юго-восточной части входной ямы, находилась закладная плита, размерами 0,96 х 0,83 х 0,11 м, закрывавшая вход в камеру склепа 1067. Плита располагалась почти в вертикальном положении, с наклоном в сторону камеры, и была укреплена по краям более мелкими обломками камней.

Расположенная к востоку от входной ямы погребальная камера склепа 1067 трапециевидных очертаний, размерами 3,40 х 2,43–3,28 м. Ее дно на 1,20–1,36 м ниже уровня дна входной ямы, на глубине 3,98–4,05 м от уровня современной поверхности, с понижением к противоположной от входа стенке. Спуск в камеру оформлен в виде выступа с двумя ступенями, размерами 0,81–0,96 х 0,60–0,64 м, высотой 0,62 м, устроенного у западной стенки. В центральной части противоположной от входа восточной стенки камеры, на высоте 0,35 м от уровня дна вырублена ниша, размерами 0,21 х 0,24 м, глубиной 0,07 м.

Свод склепа был пробит широким грабительским шурфом, имеющим вид воронки, который вел до самого дна погребальной камеры. Шурф был заполнен рыхлым темным грунтом, в котором, помимо современного мусора, было найдено относительно небольшое количество обломков керамики. Все указывало на то, что этот шурф был выкопан в относительно недавнее время. Среди найденной тут керамики[1] осколки красноглиняных амфор (рис. 3: *2–4*) фрагменты краснолаковых сосудов (рис. 3: *5–7*) и лепного горшка (рис. 3: *8*), а также несколько фрагментов узкогорлых светлоглиняных амфор, в числе которых осколки профильных частей амфор типа С (рис. 3: *1 а, б*). В нижней части заполнения шурфа, в перемешанном грунте присутствовали обломки песчаника, некоторые из которых довольно крупных размеров. Здесь же была обнаружена фрагментированная, изготовленная из песчаника надгробная плита (рис. 2). Сглаженные края сколов, имеющихся в верхней части плиты, указывают на то, что она попала сюда в уже фрагментированном состоянии.

Внутри камеры в плотном грунте, отличающемся от заполнения шурфа, к югу от ступени, на высоте около 0,70 м от уровня дна была найдена раздавленная при обрушении свода краснолаковая ойнохоя (рис. 5: *3*). Данная находка, свидетельствует о том, что склеп 1067, скорее всего, был т.н. «многоярусным», погребения в котором располагались одно над другим в несколько уровней, но верхние и соответственно самые поздние захоронения были полностью уничтожены в результате ограбления. Только в западной части камеры, по обеим сторонам от ступени, у дна и на самом дне сохранились участки, оказавшиеся незатронутыми грабителями.

В **северо-западном секторе** погребальной камеры удалось выявить остатки, по меньшей мере, четырех захоронений (рис. 4: **погребения 1–4**). Здесь же, среди костей было обнаружено несколько керамических сосудов и других предметов, но их местоположение не всегда позволяет однозначно связывать находки с определенным погребением.

Погребение 1 (рис. 4). В 0,65 м к юго-востоку от северо-западного угла погребальной камеры удалось проследить контуры фрагментированного черепа, небольшие размеры которого указывают на то, что он, скорее всего, принадлежал ребенку или подростку. К востоку от черепа в придонном грунте заполнения были выявлены отпечатки длинных стенок гроба, шириной около 0,52–0,55 м. В пределах этих выявленных контуров зачищены берцовые кости, а рядом с остатками черепа, за пределами границ гроба находилась смещенная правая плечевая кость. Исходя из местоположения костей, можно заключить, что погребенный был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на запад. В пределах очертаний

[1] Всего в шурфе, ведущем в камеру склепа 1067, и в перемешанном заполнении самой камеры было найдено 34 фрагмента керамики, из них 16 осколков узкогорлых светлоглиняных амфор, 4 — красноглиняных амфор, 1 — гончарного кувшина, 9 — краснолаковых сосудов и 4 — лепных сосудов.

гроба найдены две крупные бусины из фаянса и гагата (рис. 4: *7*; 7: *3*), чуть в стороне от них еще одна фаянсовая бусина (рис. 4: *6*; 7: *1*) и железный нож (рис. 4: *17*; 6: *10*). В 0,10 м к северу от черепа находилась подвеска в форме лунницы из желтого металла с сердоликовой вставкой (рис. 4: *19*; 6: *8*). Помимо того, в пределах границ гроба была обнаружена железная пряжка с прикипевшими к ней остатками ткани (рис. 4: *16*; 6: *4*) и бронзовыми заклепками (рис. 4: *16*; 6: *5*), однако ее отнесение к рассматриваемому детскому захоронению вряд ли правомерно, поскольку такие изделия, как правило, являются принадлежностями поясного набора взрослых погребений.

В 0,20 м к северо-востоку от черепа погребения 1, за пределами границ гроба было найдено бронзовое кольцо с креплением (рис. 4: *14*; 6: *6*). С юго-западной стороны от черепа погребения 1 лежал краснолаковый кувшин (рис. 4: *13*; 6: *1*), рядом стоял гончарный канфар (рис. 4: *12*; 5: *1*). Возможно, оба сосуда связаны с данным погребением, но не исключено, что они относятся к погребению 2, череп которого находился в 0,10–0,20 м к северо-западу от них.

Погребение 2 (рис. 4). На расстоянии 0,25 м к СЗЗ от черепа погребения 1, под западной стенкой камеры находились фрагменты черепа взрослого человека или подростка. Возможно, к этому же погребению относятся кости ног, обнаруженные в 0,70–1,20 м к востоку от черепа, к северу от остатков захоронения 1. В 0,12 м к востоку от черепа найдена бронзовая фибула (рис. 4: *10*; 6: *2*), но о связи ее с погребением 2 говорить можно лишь в предположительной форме.

Погребение 3 (рис. 4). В 0,70 м к юго-востоку от черепа погребения 1 найдены фрагменты черепа взрослого человека. Рядом с черепом лежала раздавленная краснолаковая ойнохоя (рис. 4: *4*; 5: *4*), а в 0,15 м к северо-западу от него найдена фаянсовая бусина (рис. 4: *5*; 7: *2*).

Погребение 4 (рис. 4). В 0,45 м к северо-востоку от черепа погребения 1 зачищены фрагменты черепа ребенка. Рядом найден фрагмент железной фибулы (рис. 4: *11*; 6: *3*). К востоку от остатков черепа зафиксировано пятно древесного тлена, в границах которого лежала бронзовая фибула (рис. 4: *8*; 6: *9*), рядом найдены бронзовое кольцо с остатками крепления (рис. 4: *9*; 6: *7*) и бронзовая круглая бляшка (рис. 4: *9*; 6: *12*).

Кроме того, в северо-западном углу камеры, в 0,30 м к северу от черепа захоронения 2, рядом с лежащем на дне обломком песчаника был обнаружен железный нож (рис. 4: *15*; 6: *11*).

Среди костей и под костями в северо-западном секторе погребальной камеры, на дне лежало несколько небольших обломков песчаника, расположенных двумя скоплениями. Одно из них находилось под погребением 1 и за его пределами, причем под одним из камней лежала кость животного. Другое скопление камней располагалось к востоку от пятна древесного тлена, выявленного рядом с черепом погребения 4.

В **юго-западном секторе** погребальной камеры были прослежены остатки трех захоронений (рис. 4: **погребения 5–7**).

Погребение 5 (рис. 4). В юго-западном углу камеры обнаружены остатки черепа ребенка, погребенного головой на запад. В 0,10–0,25 м к востоку от контуров черепа находились фрагментированные кости грудной клетки и левой руки. Рядом с черепом обнаружена бронзовая проволочная серьга с нанизанными на нее мелкими стеклянными бусинами (рис. 4: *23*; 7: *6*), а в области шеи зачищено скопление бус из гагата, стекла, сердолика, фаянса и горного хрусталя (рис. 4: *21*; 8: *1*). Поблизости от черепа, в самом углу камеры, на дне лежал небольшой обломок песчаника.

Погребение 6 (рис. 4). Под костями погребения 5, на дне камеры, у ее южной стенки, находились кости ног взрослого человека, захороненного в вытянутом положении на спине, головой на восток. Рядом с правой бедренной костью, под стенкой лежал фрагмент стенки крупного лепного сосуда, вероятно, горшка[2] (рис. 4: *3*; 7: *4*). Между бедренными костями найдены фрагменты бронзового подвески в виде «ведерок» (рис. 4: *1*; 7: *7*), рядом зафиксировано большое скопление бус (рис. 4: *2*; 7: *8*), расположение которых указывает на то, что нити с этими бусами лежали компактно, возможно, находились в мешочке. Местонахождение данных бус в равной мере позволяет связывать их как с погребением 6, так и с детским погребением 5.

Погребение 7 (рис. 4). В 0,20–0,30 м к северу от костей погребения 6 на дне камеры были обнаружены кости левой ноги взрослого человека. Вдоль берцовой кости зафиксирована поло-

[2] Местоположение фрагмента допускает вероятность того, что он не имел отношения к погребениям, а попал в камеру вместе с засыпью грабительского шурфа.

са древесного тлена от доски деревянного гроба или настила. Рядом лежал крупный обломок стенки светлоглиняной амфоры[3] (рис. 4: *22*; 7: *5*). Поверх берцовой кости и рядом с ней зачищено скопление мелких стеклянных бус (рис. 4: *20*; 8: *2*), вероятно, являвшихся расшивкой края платья. Принимая во внимание расположение костных останков и наличие бус, можно предположить, что погребение 7 принадлежало женщине, захороненной в вытянутом положении, головой на восток.

Кроме того, в перемешанном при ограблении грунте, у самого дна погребальной камеры, возле ступени были найдены фрагменты тулова тонкостенного гончарного сосуда с вмятинами на корпусе (рис. 4: *24*; 5: *2*).

При просеивании грунта, выбранного из камеры, были найдены фрагменты железных гвоздей (рис. 8: *4*) и несколько бусин из стекла и фаянса (рис. 8: *3*).

Находки из погребальной камеры склепа 1067:

В результате ограбления кости многих захоронений оказались смещенными со своего первоначального местоположения. Несмотря на то, что остатки некоторых костяков остались непотревоженными, за принадлежность найденных рядом с ними предметов именно к этим погребениям в большинстве случаев ручаться нельзя. Исключение составляют лишь отдельные скопления бус, которые можно связать с ожерельем, с расшивкой нижнего края платья или обуви. Поскольку принадлежность многих найденных в склепе предметов к тому или иному погребению не всегда очевидна, целесообразно рассматривать их вместе, единым массивом.

Среди этих находок краснолаковая ойнохоя (рис. 5: *3*), найденная значительно выше уровня дна камеры, намного выше горизонта расположения обнаруженных погребений. Этот сосуд находился в плотном, непотревоженном при ограблении грунте в раздавленном состоянии, вероятно, он был раздавлен обвалившимся сводом. Стратиграфическое расположение находки, таким образом, позволяет относить ее к заключительному периоду функционирования склепа 1067, связывая с каким-то полностью уничтоженным при ограблении погребением из верхнего горизонта. При этом дата ойнохои будет определять время совершения последнего захоронения в камере. Некоторая условность определения этого захоронения именно как последнего заключается в том, что в камере могли присутствовать и другие, еще более поздние погребения, от которых в результате ограбления не осталось ни следа.

Рассматриваемая ойнохоя представляет собой сосуд со сферическим туловом и выраженным горлом, на кольцевом поддоне. На горле и тулове прочерчены врезные линии. Высота сосуда составляет 17,7 см, диаметр поддона 6,8 см. Глина темно-оранжевая, лак красный, покрывающий всю внешнюю поверхность сосуда кроме поддона.

Среди керамики, найденной в погребениях Усть-Альминского могильника, краснолаковые ойнохои являются относительно редкими находками. Всего среди сотен краснолаковых сосудов здесь обнаружено не более полутора десятка ойнохой, и все они имеют свои индивидуальные формальные характеристики, что затрудняет типологизацию, поэтому приходится прибегать к довольно отдаленным аналогиям и их датировкам, которые не всегда надежны. Например, похожая по форме, но несколько меньшая по размерам ойнохоя происходит из некрополя Илурата вместе с материалом, датированным «концом I – III в. н. э… или уже – II в. н. э.» [Хршановский, 1998, с. 80, табл. 1, 1.7], однако проверить эту датировку нельзя, поскольку материал полностью не опубликован.

Вторая ойнохоя, найденная в склепе 1067, является краснолаковым сосудом с грушевидным туловом и коротким горлом, на кольцевом поддоне (рис. 5: *4*). Высота изделия составляет 13,3 см, диаметр поддона 5,8 см. Глина бледно-оранжевая, лак темно-оранжевый, коричневатого оттенка, местами с темно-коричневыми пятнами, покрывающий почти всю внешнюю поверхность сосуда, за исключением нижней части с поддоном.

Другая находка — краснолаковый кувшин с яйцевидным туловом, цилиндрическим горлом и профилированным венчиком, на кольцевом поддоне (рис. 6: *1*). Горло, плечики и тулово украшены поясами врезных линий. Диаметр венчика 8,5 см, высота сосуда 20,6 см, диаметр поддона 7,1 см. Глина темно-оранжевая, лак оранжево-красный, покрывающий только верхнюю часть сосуда до середины тулова. Похожий кувшин с та-

[3] Глина этого черепка по цвету, плотности и видимым включениям такая же, как у узкогорлых светлоглиняных амфор.

кими же зонами врезных линий на тулове и горле, но несколько иной формой венчика, происходит из погребения 2 в могиле 958 (Усть-Альма), датированного «последней четвертью – концом I в. н. э.» [Медведев, 2011, с. 294, рис. 6, 2].

Примечателен гончарный канфар (или кубок), найденный рядом с кувшином. Это двуручный сосуд с воронковидным горлом, слегка приплюснутым сферическим туловом и плоским дном (рис. 5: *1*). Под венчиком, на горле и на тулове проведены врезные линии. Диаметр венчика 6,9 см, высота сосуда 9,1 см, диаметр дна 4 см. Глина оранжево-коричневая. Сосуд покрыт тонким и неравномерным слоем обмазки бурого цвета. Данная находка не имеет аналогий среди массовой краснолаковой посуды стандартных форм, представленной материалами Усть-Альминского некрополя и других могильников Крыма. Похожий, но не вполне аналогичный канфар происходит из склепа 138 (Усть-Альма) [Высотская, 1994, табл. 47, 4].

Другой интересной находкой является фрагментированное сферическое тулово тонкостенного гончарного сосуда с овальными вмятинами с четырех сторон (рис. 5: *2*). Верхняя и нижняя части утрачены. Сохранившаяся высота 6,9 см, ширина тулова 6,6 х 7,5 см. Глина оранжево-коричневая, местами с розовым оттенком. Аналогии данному изделию найти не удалось, поэтому судить о его полной форме трудно.

Следующей категорией находок являются металлические изделия.

Бронзовая лучковая подвязная фибула с верхней тетивой, четырехвитковой пружиной и узкой ножкой (рис. 6: *9*). Высота застежки составляет 4,4 см. В типологии А. К. Амброза данное изделие соответствует лучковым подвязным проволочным фибулам (группа 15, серия I) 1-го варианта, датировку которых исследователь определил в рамках I в. н. э. («возможно, больше его первая половина») [Амброз, 1966, с. 48, 49]. В типологии В. В. Кропотова такие фибулы (группа 4, серия I) включены в вариант 2 и датируются от середины I до начала II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 72, 74]. В пределах этого хронологического отрезка датируются и застежки, найденные в погребениях Усть-Альминского могильника. При этом следует отметить, что большая часть комплексов с бронзовыми фибулами, подобными застежке, найденной в склепе 1067, может быть датирована более узко: серединой – третьей четвертью I в. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 171, 177, рис. 69, 4, 10].

Бронзовая фибула смычковой конструкции с пластинчатой спинкой и широким сплошным приемником, с верхней тетивой и четырехвитковой пружиной (рис. 6: *2*). Игла утрачена. Высота изделия составляет 2,9 см. Данная находка представляет собой застежку от пружинной фибулы-броши, щиток которой оказался утраченным. Она соответствует изделиям группы 15 в типологии В. В. Кропотова, основное время существования которых, по мнению этого автора, приходится на вторую половину I – первую половину III в. н. э.[4] [Кропотов, 2010, с. 293–295]. Возможно, в попытке датировать фибулу из склепа 1067 более узким отрезком времени, следует обратить внимание на форму ее спинки. В этом отношении она очень близка застежке из Аккермана, которую В. В. Кропотов отнес ко второй половине I – началу II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 294, рис. 87, 7].

Фрагмент железной лучковой подвязной фибулы с верхней тетивой (рис. 6: *3*). Высота сохранившейся части изделия 2,8 см. Согласно типологии А. Е. Амброза данная находка относится к лучковым подвязным проволочным фибулам (группа 15, серия I) [Амброз, 1966, с. 48–51], но определение ее варианта затруднено в связи с утратой ножки и приемника. Ясно лишь, что эта фибула, судя по размерам фрагмента и изгибу спинки, не может относиться к наиболее поздним 4 и 5 вариантам. Следовательно, ее датировка, скорее всего, должна определяться в рамках I – первой половины II в. н. э.

Железная пряжка удлиненной формы с выделенной передней частью и подвижным язычком (рис. 6: *4*). Длина рамки 5,7 см, ширина ее передней части 2,8 см. На поверхности изделия сохранились остатки прикипевшей ткани. Вероятно, к конструкции поясного ремня, частью которого являлась данная пряжка, относятся также фрагменты одной или двух бронзовых заклепок с круглыми шляпками (рис. 6: *5*), найденные рядом. В типологии К. Раддаца такие пряжки включены в тип С [Raddatz, 1957, p. 27, 28, karte 2]. Ранее отмечалось, что северо-причерноморские находки изделий этой формы (тип 3, вариант А), судя по датируемым комплексам, могут относиться ко второй трети или третьей четверти I в. н. э.

[4] В тексте монографии указана дата: вторая половина I – первая половина III в. «до н. э.» [Кропотов, 2010, с. 295], что, несомненно, является опечаткой.

[Труфанов, 2004, с. 164, 165, 168[5]]. Датировка Усть-Альминских погребений с подобными пряжками, судя по найденным вместе с ними вещам, определяется в рамках середины – третьей четверти I в. н. э. Две такие находки происходят из склепа 612, среди датирующих вещей из которого лучковая фибула с узкой ножкой, гончарный флакон и краснолаковая чашка группы ES-B-2 [Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, abb. 8, 2; 11, 12; Пуздровский, 2007, рис. 96, 3; Труфанов, 2004, с. 165, рис. 3, 6]. Две пряжки этой же формы (железная и бронзовая) найдены в погребениях 21 и 35 склепа 550 [Пуздровский, 2007, рис. 96, 6, 8; Труфанов, 2004, с. 165, рис. 3, 9, 10], железная пряжка происходит из могилы 918 [Медведев, 2010, с. 222, 226, рис. 10, 15].

Бронзовые кольца с креплениями в виде узкой перегнутой пластины с расширяющимися концами, скрепленными заклепкой (рис. 6: *6, 7*), скорее всего, относятся к деталям поясного набора, возможно — портупеи [Пуздровский, 2007, с. 139]. Одно из этих колец было найдено вместе с пластинчатым креплением, а у другого оно отсутствовало, но сохранившиеся остатки прикипевшей к кольцу пластины свидетельствуют о том, что обе находки относятся к изделиям одного типа. В числе наиболее ранних находок подобных вещей кольцо с креплением из склепа 38 (Беляус), погребения в котором совершались от второй четверти или середины II по вторую половину I в. до н. э. [Дашевская, 2014, с. 31, табл. 62, 7]. Но большая часть комплексов с такими изделиями относится к более позднему времени. В частности, на Усть-Альминском могильнике бронзовые кольца с узкими пластинчатыми креплениями встречены в ряде погребений, датирующихся в пределах третьей четверти I в. н. э. [Высотская, 1994, табл. 40, 5; Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, abb. 20, 3, 4, 9–11; Пуздровский, 2007, рис. 91, I, II]. В усть-альминском склепе 120 такое кольцо найдено в одном комплексе (погребение 17) с длинной дугоконечной пряжкой, похожей на пряжку из склепа 1067, но относящуюся к иному варианту [Высотская, 1994, табл. 40, 5, 12; Труфанов, с. 165, 166, рис. 4, 6]. Возможно, и в данном случае рассматриваемые кольца и пряжка относились к одному погребению, являясь частями единого поясного набора.

Найденная в склепе бронзовая проволочная серьга (рис. 7: *6*) представляет собой простую проволочную петлю с загнутыми концами, отличаясь от широко распространенных стандартных изделий, концы которых оформлены в виде петли и крючка. Другой особенностью этой серьги является наличие двух нанизанных на проволоку мелких стеклянных бусин. Обе они округлые и поперечно сжатые, изготовленные из белого глухого стекла, относящиеся к типу 2 по Е. М. Алексеевой [1978, с. 63].

Еще одной находкой является бронзовая подвеска в виде сдвоенных «ведерок», изготовленная из S-видно перегнутой пластины, с припаянным пластинчатым «дном» и петлями для подвешивания (рис. 7: *7*). Ведерковидные подвески из крымских погребений, без разделения их по формальным отличиям и материалу, из которого они изготовлены, датируются в широких пределах от I в. до н. э. до IV в. н. э. [Стоянова, 2004, с. 296–298]. Но бронзовые сдвоенные подвески, подобные изделию, найденному в склепе 1067, происходят из комплексов более узкого хронологического периода. Учтенные комплексы с такими подвесками (тип 25) Е. М. Алексеева датировала I в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 25]. Т.Н. Высотская, не разделяя одиночные и сдвоенные изделия, обнаруженные в погребениях Усть-Альминского могильника, отметила, что большинство находок происходит из комплексов I в. н. э., и лишь несколько — из комплексов, которые могут быть датированы первой половиной II в. н. э., или в рамках II в. н. э. в целом [Высотская, 1994, с. 128]. Если же из опубликованных ею материалов рассматривать только комплексы со сдвоенными бронзовыми изделиями, то их датировка укладывается в пределы второй половины I – первой половины II в. н. э. [Высотская, 1994, табл. 9, 13; 15, 1, 24; 31, 27]. Примечателен также способ изготовления рассматриваемой подвески путем S-видного изгиба пластины. В ряде других случаев корпус сдвоенных ведерковидных подвесок изготавливался из пластины, согнутой в виде «восьмерки» [Корпусова, 1983, табл. XI, 18; XXII, 15; Гущина, 1982, с. 24, рис. 11, 17].

Золотая подвеска в форме «двурогой» лунницы с петлей (рис. 6: *8*). Лицевая сторона подве-

[5] Перечень учтенных крымских находок данного типа изделий [Труфанов, 2004, с. 164, 165] следует пополнить недавно опубликованной пряжкой из склепа 138 (Беляус), которая вместе с лучковой фибулой относилась к погребению XVIII, самому позднему в погребальной камере. По мнению О. Д. Дашевской, захоронения в склепе совершались в первой половине I в. н. э., и при такой датировке погребение с пряжкой должно относиться к заключительной части этого отрезка времени [Дашевская, 2014, с. 50, табл. 123, 9].

ски украшена выпуклой сердоликовой вставкой овальных очертаний и орнаментом из напаянных проволочных завитков в обрамлении витой проволоки. По краю лунницы напаян бортик из узкой ленты, к оборотной стороне припаяна рифленая пластинчатая петля. Концы подвески не симметричны: один из них острый, а другой широкий, украшенный полусферической «шляпкой». Ширина изделия 2,5 см, высота от основания лунницы до края петли 1,5 см. Нижняя часть треугольных зубчиков, удерживающих вставку, утрачена.

Похожие, но не аналогичные золотые подвески-лунницы со вставками известны по находкам из Усть-Альминского (склепы 54 и 120) [Высотская, 1994, с. 106, табл. 15, 37; 38, 10], Чернореченского (могила 37/87) [Бабенчиков, 1963, с. 111, табл. VII, 4; XIV, 2] и Заветненского (погребение 286) [Гущина, Журавлев, Фирсов, 2001, рис. 6, 8] могильников, а также из некрополей Нейзац (могила 103/2) [Храпунов, 2011, с. 39, рис. 35, 5] и Красная Зоря [Древние сокровища…, 2005, кат. № 54, 69]. Помимо отличий в оформлении лицевой части, вставки у этих подвесок полусферические[6], изготовленные из стекла.

Чернореченская могила 37/87 по сочетанию найденных в ней же краснолаковых сосудов: двуручного кувшина и тарелки с вертикальным бортиком[7] типа III-Г-3 [Труфанов, 1997, с. 188] датируется в пределах II в. н. э.

Погребение 2 из могилы 103 (Нейзац) по сферической ажурной подвеске типа 1-а [Рыжова, 2005, с. 283] и орнаментированному зеркалу-подвеске [Храпунов, 2011, рис. 3, 7; 4, 14], а также отсутствию в комплексе бус поздних типов, может быть датировано в рамках II в. н. э. Но принимая во внимание находки из более позднего, верхнего погребения в этой же могиле — лучковую фибулу с нижней тетивой и сплошной обмоткой проволочной спинки, а также ригель в форме гермы от шкатулки [Храпунов, 2011, рис. 4, 10, 22], в качестве возможной даты захоронения с лунницей более предпочтительной представляется вторая половина II в. н. э.

В могиле 286 (Заветное) помимо лунницы находилось орнаментированное зеркало-подвеска с боковой петлей [Гущина, Журавлев, Фирсов, 2001, рис. 7, 4], что дает возможность датировать этот комплекс от начала II до первой половины III в. н. э. включительно. При этом орнамент зеркала, наиболее характерный для изделий, происходящих из комплексов II в. н. э. [вариант 6-А по: Труфанов, 2007, с. 178], позволяет допускать, что погребение в могиле 286 было совершено именно в это время.

В склепе 54 (Усть-Альма) лунница находилась в составе вещей, связываемых с погребением 22, от которого сохранились только остатки черепа[8]. Помимо лунницы к этому погребению отнесены также фрагменты золотого венка, бронзовая ложечка [Высотская, 1994, табл. 15, 37–41] и бусы «из янтаря, сердолика и пасты», найденные в 0,25–0,30 м от черепа, предположительно — в области груди погребенного. Под участком, занимаемым погребением 22, на дне камеры располагалось захоронение 25, сопровождавшееся помимо прочего пружинной и шарнирной фибулами-брошами с круглыми щитками, дисковидным зеркалом, браслетами, перстнями и бусами [Высотская, 1994, табл. 15, 42–51]. По шарнирной броши второй половины I – начала II в. н. э. [форма 1 по: Кропотов, 2010, с. 302, 314, рис. 89] и дисковидному зеркалу погребение 25 датируется второй половиной I в. н. э., следовательно, погребение 22 с золотой лунницей было совершено не ранее этого времени. Над погребением 22 находились остатки захоронения «Ж»[9] с орнаментированным зеркалом-подвеской[10] последней трети I – начала II в. н. э. [вариант 5 по: Труфанов, 2007, с. 177]. Исходя из датировок нижнего и верхнего погребений, захоронение 22, к которому относится золотая лунница, должно быть отнесено ко времени не ранее второй половины I в. н. э. и не позже последней трети I – начала II в. н. э.

---

[6] Хотя у лунницы из Чернореченского могильника вставка выпала, но по иллюстрациям видно, что она была круглых очертаний [Бабенчиков, 1963, с. 111, табл. VII, 4; XIV, 2].

[7] Оба сосуда хранятся в фондах Бахчисарайского музея.

[8] Информация о склепе 54 взята из отчета Т. Н. Высотской о раскопках Усть-Альминского могильника [Высотская, 1971, с. 1–14].

[9] В отчете Т. Н. Высотской остатки погребений, черепа которых не сохранились, имеют буквенные обозначения.

[10] Иллюстрация этого зеркала есть в отчете [Высотская, 1971, с. 7, рис. 17]. В таблице находок из склепа 54, приведенной в монографии, ее почему-то нет, но упоминание об этом зеркале есть в тексте, а изображение представлено на отдельном рисунке [Высотская, 1994, с. 118, рис. 35, 8].

Лунница из склепа 120 (Усть-Альма) относилась к вещевому набору женского погребения 5 (ярус II), в состав которого, помимо этой подвески, входили две фибулы (одна из которых — шарнирная фибула-брошь в виде птицы, украшенная эмалью), остатки золотого венка, золотые бляшки, бусы и другие находки [Высотская, 1975, с. 4–15, рис. 32; 34; Высотская, 1994, табл. 38, 9–20, 22–35; 39, 1–4, 11]. По мнению В. В. Кропотова, фибула-брошь из склепа 120 (группа 16, форма 24) на основании стилистических особенностей может быть отнесена к изделиям, встречающимся в восточно-европейских комплексах заключительной части II – первой половины III в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 307, 315, рис. 89, форма 24]. Однако в отношении погребения 5 столь поздняя датировка представляется неприемлемой. В самом верхнем ярусе захоронений склепа 120, рядом со входом лежала узкогорлая светлоглиняная амфора типа С (поздний С по А. А. Пуздровскому) [2007, с. 186], следовательно, захоронение 5, к которому относится лунница, находившееся в нижерасположенном ярусе, не может датироваться позже второй половины II в. н. э. Кроме того, к погребению относились остатки золотого венка и золотые нашивные каплевидные бляшки, украшенные по краю валиком с насечками, подобные которым «обычно не встречаются позже первой четверти II в. н. э.» [Пуздровский, 2007, с. 189, рис. 109, 6, 14]. Непосредственно под погребением 5 находилось захоронение 8, а еще ниже располагалось погребение 13 с шарнирной фибулой «с крестовидной спинкой» [Высотская, 1975, с. 12; 1994, табл. 39, 40]. В. В. Кропотов высказал мнение о том, что на юге Восточной Европы такие изделия (группа 13, форма 7), в отличие от более ранних западноевропейских находок, датируются «большей частью II н. н. э.» [Кропотов, 2010, с. 267, 268, 274, рис. 78, 4]. Такие же фибулы известны в нескольких усть-альминских комплексах, отнесенных к первой половине II н. н. э. [Труфанов, 2009, с. 201, 202, рис. 52, 12–14]. Принимая во внимание вероятные датировки предшествующих и последующих захоронений в склепе 120, а также сам комплекс находок из погребения с лунницей, можно предполагать, что оно было совершено в первой половине II н. н. э.

Судя по приведенным выше датировкам, погребения с золотыми подвесками-лунницами совершались в Крыму на протяжении второй половины I – II в. н. э., при этом подвески из склепов 54 и 1067 (Усть-Альма) относятся к числу ранних находок изделий этой формы. Их датировка определяется в пределах второй половины I – начала II в. н. э. и является более ранней по сравнению с находками таких изделий, происходящими из склепа 120 (Усть-Альма), а также из Нейзаца и Черноречья.

В довольно большом количестве среди находок из склепа 1067 представлены бусы, изготовленные из различных материалов.

Бусы из северо-западного сектора погребальной камеры:

Фаянсовые округло-ребристые бусы бирюзового цвета (3 экз.) типа 16 [Алексеева, 1975, с. 33, 34] (рис. 7: *1, 2, 3б*).

Крупная сферическая гагатовая бусина (диаметр 3 см, высота 2,7 см) (1 экз.) (рис. 7: *3а*). По бокам, с четырех сторон проделаны узкие сквозные отверстия.

Бусы, относящиеся к погребению 5 (рис. 8: *1*):

Гагатовые стрелковидные подвески типа 84 [Алексеева, 1978, с. 18] (рис. 8: *1а*). Некоторые экземпляры по причине плохой сохранности материала частично разрушились, всего было собрано 20 целых и фрагментированных бусин этого типа. По мнению Е. М. Алексеевой, учтенные ею комплексы с такими подвесками «относятся главным образом к I в. н. э.», хотя известны и более ранние находки [Алексеева, 1978, с. 18].

Гагатовые коротко-цилиндрические бусы (16 экз.) типа 27 [Алексеева, 1978 с. 13–15] (рис. 8: *1б*).

Округлая и поперечно сжатая бусина (1 экз.) (рис. 8: *1в*). Внешне материал, из которого она изготовлена, похож на «египетский фаянс», но, возможно, правильнее считать его глухим стеклом бирюзового цвета и в этом случае бусину следует относить к изделиям типа 13 [Алексеева, 1978, с. 64].

Сердоликовые бочковидные продольно вытянутые бусы мелких (5 экз.) и средних (4 экз.) размеров типа 4 [Алексеева, 1982, с. 16] (рис. 8: *1г, д*).

Бусы яйцевидной формы из горного хрусталя (2 экз.) типа 4 [Алексеева, 1982, с. 9] (рис. 8: *1е, ж*).

Округлая и поперечно сжатая бусина из синего прозрачного стекла (1 экз.) типа 15 [Алексеева, 1978, с. 64, 65] (рис. 8: *1з*).

Округлая и поперечно сжатая бусина из голубого глухого стекла (1 экз.) типа 16 [Алексеева, 1978, с. 65] (рис. 8: *1и*).

Цилиндрическая бусина из красного глухого стекла (1 экз.) типа 57 [Алексеева, 1978, с. 67] (рис. 8: *1к*).

Длинные цилиндрические пронизи из прозрачного бесцветного стекла с золотистой металлической прокладкой (6 экз.) типа 33 [Алексеева, 1978, с. 33] (рис. 8: *1л*).

Длинные цилиндрические пронизи из глухого темного, черного на вид стекла (2 экз.) (рис. 8: *1м*).

Бусина в виде плакетки из глухого светло-зеленого глухого стекла с растительным орнаментом в центре: на черном фоне цветок с желтой серединой и красными лепестками на белом фоне, обрамленный полосой из черных квадратов с желтыми пятнами в центре (1 экз.) (рис. 8: *1н*). По форме и орнаментации она близка бусам типов 474–476 по Е. М. Алексеевой [1982, с. 42], но полностью им не соответствует, отличаясь отдельными элементами орнамента и расцветкой.

Скопление бус, расположенное среди остатков **погребений 5 и 6** (рис. 7: *8*):

Округлые и поперечно сжатые бусы из синего прозрачного стекла с белой волнистой линией в поперечнике (2 экз.) (рис. 7: *8а*). По расцветке и орнаментации соответствуют бусам типа 303 [Алексеева, 1978, с. 51].

Округлая и поперечно сжатая бусина из темно-лилового прозрачного стекла с глазчато-крестовидным орнаментом, состоящим из перекрещенных белых линий и трех глазков с желтым центром в обрамлении синего и желтого колец (1 экз.) (рис. 7: *8б*). В типологии Е. М. Алексеевой округлые бусы с глазчато-крестовидным орнаментом составляют типа 390–393 и 395 [Алексеева, 1978, с. 56], но данный экземпляр по расцветке не совпадает с описанием ни одного из них.

Округлая и поперечно сжатая бусина из синего прозрачного стекла с глазчато-крестовидным орнаментом, состоящим из перекрещенных золотистых линий и находящихся между ними трех глазков с красным центром в обрамлении синего и желтого колец (1 экз.) (рис. 7: *8в*). Соответствует бусам типа 395 по Е.М. Алексеевой [1978, с. 56].

Крупная округлая и поперечно сжатая бусина из синего прозрачного стекла, украшенная узкой белой полосой и глазками (центр из бесцветного прозрачного стекла в обрамлении белого и красного колец) (1 экз.) (рис. 7: *8г*).

Округлая бусина с мелким ковровым орнаментом из мелких квадратиков белого, красного, темно-лилового и желтого цветов (1 экз.) (рис. 7: *8д*) типа 439 по Е.М. Алексеевой, указывавшей на то, что они употреблялись «с рубежа н. э. по II в. н. э.» [Алексеева, 1982, с. 40].

Округлые и поперечно сжатые, подцилиндрические бусы из темно-лилового, на вид почти черного стекла с двумя глазками, состоящими из черного центра в обрамлении белого кольца (4 экз.) (рис. 7: *8е*).

Округлая и поперечно сжатая бусина из синего глухого стекла с глазками, состоящими из желтого центра в обрамлении синего, белого и красного колец (1 экз.) (рис. 7: *8ж*).

Бочковидные стеклянные бусы с орнаментом из чередующихся полос зеленого, белого и красного цветов, расположенных наклонно по отношению к продольной оси (2 экз.) типа 249 [Алексеева, 1978, с. 47] (рис. 7: *8з*).

Округлая и поперечно сжатая бусина из темно-лилового, почти черного стекла с редкими маленькими белыми пятнами (1 экз.) (рис. 7: *8и*). По форме и расцветке данное изделие подходит под описание бус типа 13 [Алексеева, 1975, с. 57, 58], но отличается значительно меньшим количеством пятен.

Округлая и поперечно сжатая бусина из синего глухого стекла (1 экз.) (рис. 7: *8к*). Поверхность бусины покрыта неровностями, возможно, она была украшена глазками, которые выпали или истерлись. Если же считать ее монохромной, то следует относить к типу 15 [Алексеева, 1978, с. 64, 65].

Фрагментированная округлая и поперечно сжатая бусина из красного глухого стекла (1 экз.) типа 3 [Алексеева, 1978, с. 63] (рис. 7: *8л*). Края скола сглажены, что указывает на использование бусины именно в таком состоянии.

Округлая и поперечно сжатая бусина из монохромного стекла неопределенного цвета, имеющего грязно-серый оттенок (1 экз.) (рис. 7: *8м*).

Округлая и поперечно сжатая, подцилиндрическая бусина из темно-лилового, почти черного стекла (1 экз.) типа 4 [Алексеева, 1978, с. 63] (рис. 7: *8н*).

Округлая и поперечно сжатая бусина из прозрачного стекла с металлической прокладкой (1 экз.) типа 1-б [Алексеева, 1978, с. 29, 30] (рис. 7: *8о*).

Бочковидная бусина с валиками по краям из красного глухого стекла (1 экз.) типа 170 [Алексеева, 1978, с. 73] (рис. 7: *8п*).

Фрагментированная округлая и поперечно сжатая фаянсовая бусина (1 экз.) (рис. 7: *8р*).

Сердоликовая бочковидная продольно вытянутая бусина (1 экз.) типа 4 [Алексеева, 1982, с. 16] (рис. 7: *8с*).

Бусы, относящиеся к **погребению 7** (рис. 8: *2*) являются изделиями одного типа. Это округлые и

поперечно сжатые бусы из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой типа 1-б [Алексеева, 1978, с. 29, 30]. Некоторые из них одиночные (3 экз.), остальные в виде нерасчлененных столбиков: по две (10 экз.), по три (42 экз.), по четыре (4 экз.) и по пять (2 экз.).

Бусы из просеянного грунта заполнения камеры (рис. 8: *3*):

Призматическая пронизь из прозрачного зеленого стекла (1 экз.) типа 120 или 122 [Алексеева, 1978, с. 70] (рис. 8: *3а*) и призматическая бусина из красного глухого стекла (1 экз.) типа 117 [Алексеева, 1978, с. 70] (рис. 8: *3б*). Учтенные комплексы со стеклянными призматическими пронизями из прозрачного зеленого и красного глухого стекла (типы 120, 122 и 117) Е.М. Алексеева датировала II – III вв. н. э. и IV в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 70]. Проведенная впоследствии корреляция комплексов из могильников предгорного Крыма показала, что погребения с подобными бусами датируются в пределах второй половины II – середины III в. н. э. [Труфанов, 2009, с. 253]. Учитывая то, что две рассматриваемые бусины, несомненно, относятся к более позднему времени, чем остальные предметы, найденные в склепе, есть основания считать их попавшими в камеру при ее ограблении. Датировка этих бусин вполне соответствует хронологии находок, относимых к разрушенной могиле 1069, так что, возможно, они оказались в заполнении грабительского шурфа вместе с частью перемещенного грунта из могилы. Это тем более вероятно, что бусы этих же самых типов, причем в большем количестве, найдены в заполнении шурфа, ведущего в камеру склепа 1068 и разрушившего могилу 1069 (рис. 14: *12 ж, з*).

Биконические фаянсовые бусы фаянса бирюзового цвета (5 экз.) (рис. 8: *3в*). Соответствуют бусам типа 11 по Е.М. Алексеевой, датировавшей их I – II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 33].

Склеп 1068 (рис. 1). Погребальная камера склепа 1068 расположена к северо-западу от входной ямы. Склеп был ограблен современными грабителями, проникнувшими в погребальную камеру через шурф, выкопанный во входной яме, который разрушил часть ее дна у самого спуска в камеру. Закладная плита отсутствовала.

Погребальная камера прямоугольных очертаний, размерами 2,77 х 3,38 м, со скругленными углами, приближающаяся в плане к овалу. Ее дно расположено на 1,55–1,60 м ниже уровня дна входной ямы, на глубине 4,25–4,30 м от уровня современной поверхности, и незначительно понижается в направлении противоположной от входа стенки. Свод камеры в центральной части был прорезан могилой 1069, а заполнение представляло собой рыхлый, перемешанный при ограблении грунт с фрагментами костей из разрушенных погребений и необычайно большим количеством обломков разнообразной керамики[11]. Среди материала, обнаруженного в перемешанном заполнении камеры, обломки узкогорлых светлоглиняных амфор (рис. 9: *1–15*), светлоглиняной широкогорлой амфоры (рис. 10: *4*), красноглиняных амфор (рис. 10: *1–3, 5–9, 11, 12*), гончарных кувшинов (рис. 10: *10*), а также обломок железного ножа (рис. 14: *7*). Кроме того, здесь было найдено довольно много фрагментов краснолаковых (рис. 11: *1–8*) и лепных (рис. 10: *13–17*; 12: *1–3*) сосудов, некоторые из которых впоследствии удалось склеить в более крупные части (рис. 11: *3, 6*; 12: *1–3*).

Найденные в заполнении шурфа обломки узкогорлых светлоглиняных амфор, насколько это можно судить по профильным частям, в большинстве своем относятся к сосудам типа С (рис. 9: *5–8, 10*), но отдельные находки могут являться фрагментами амфор типа В (рис. 9: 4).

Несколько фрагментов относятся к большим гончарным биконическим кувшинам из оранжево-коричневой глины с плоской ручкой, на высоком кольцевом поддоне (рис. 10: *10*). Подобные сосуды известны среди материалов раскопок ряда северо-причерноморских, и в том числе крымских памятников. Опубликованные находки из Усть-Альминского некрополя происходят из комплексов второй четверти – середины II в. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 186, рис. 160, 3, 4; Пуздровский, Соломоненко, 2007, с. 209, рис. 3, 1, 2].

Обломки краснолаковой посуды относятся к сосудам различных форм. Некоторые из них определяются как обломки чашек или мисок с плавно загнутым внутрь венчиком (рис. 11: *3–5*) с широкой датировкой.

Один из фрагментов представляет собой обломок верхней части тарелки с вертикальным бортиком (рис. 11: *1*). Ввиду отсутствия полного про-

[11] Всего в шурфе и в перемешанном заполнении камеры склепа 1068 было найдено 340 фрагментов керамики, в основном стенок небольших или мелких размеров. Из них узкогорлых светлоглиняных амфор — 71, светлоглиняной широкогорлой амфоры — 1, красноглиняных амфор — 162, гончарных кувшинов с плоской ручкой — 10, гончарных столовых сосудов — 3, краснолаковых — 44, лепных — 49.

филя его датировка определяется лишь в широких пределах от начала II до первой половины III в. н. э. включительно [Труфанов, 1997, с. 186–189].

Фрагмент полусферической чашки или миски с отогнутым наружу, заостренным верхним краем (рис. 11: *2*) по профилю сохранившейся части напоминает чашки формы 24.3 по Д. В. Журавлеву, датированные этим исследователем последней четвертью I в. н. э. [Журавлев, 2007, с. 381, 382, рис. 7, 60], но этот сосуд, по-видимому, был чуть крупнее и более приземистым.

Среди прочих находок два фрагмента краснолаковой усеченно-конической чашки с отогнутым венчиком (рис. 11: *6*). О полной форме этого сосуда позволяет судить находка такой же чашки в разграбленном склепе 1040 Усть-Альмиского некрополя, на дне которой имеется оттиск штампа круглой формы, что позволяет датировать ее в пределах последней трети I – первой половины II в. н. э.

Наиболее ранний облик во всем комплексе имеет фрагмент нижней части сосуда на массивном, четко профилированном поддоне (рис. 11: *8*). Похожим образом оформлены поддоны двуручных чаш из могильника Золотое, происходящие из погребений, датированных В. Н. Корпусовой в пределах I в. до н. э. – начала I в. н. э. [Корпусова, 1983, с. 104, 107, табл. XXX, 4; XXXVI, 6].

В нижней части перемешанного заполнения камеры было найдено множество стеклянных и гагатовых, а также несколько фаянсовых бус (рис. 14: *12*), три кремневых отщепа (рис. 14: *3*), фрагмент железного ножа (рис. 14: *6*) и мелкие обломки различных бронзовых предметов, среди которых фрагменты согнутых пластин (рис. 14: *10*), дисковидного зеркала (рис. 14: *5*), пластинчатого перстня (рис. 14: *9*), кольца (рис. 14: *8*) и проволочного браслета (рис. 14: *4*). Здесь же был обнаружен фрагментированный бронзовый колокольчик (рис. 15, *5*), но, принимая во внимание относительно позднюю датировку подобных вещей, следует полагать, что он имел отношение к разрушенному погребению в могиле 1069. То же самое, по-видимому, касается найденных в заполнении камеры бус поздних типов (рис. 14: *12*). Разумеется, перечисленным находкам с поздней датировкой может быть дано и другое объяснение, состоящее в том, что в рассматриваемом склепе после значительного перерыва в его функционирования могло быть совершено позднее захоронение, однако убедительных оснований для такого предположения нет. Зато наличие над сводом камеры остатков разрушенной могилы и обнаружение в заполнении грабительского шурфа обломков поздних фибул и браслетов делают возможным сведение находок с поздней датировкой в единый комплекс.

На самом дне, у северо-западной стенки погребальной камеры было прослежено пятно тлена от разложившегося органического материала. Здесь же, в придонной части заполнения камеры найден раздавленный краснолаковый двуручный сосуд (рис. 13), бронзовая лучковая фибула (рис. 14: *1*), обломки железных гвоздей (рис. 14: *11*) и лепное пряслице биконической формы (рис. 14: *2*). Все эти вещи, по-видимому, были сдвинуты к стенке грабителями вместе с перемешанным ими грунтом.

Из числа найденных в склепе вещей наибольший интерес представляет фрагментированная краснолаковый чашка (рис. 13). Это сосуд усеченно-конической формы с прямым, слегка скошенным внутрь бортиком и далеко выступающими горизонтальными ручками, на кольцевом поддоне. Диаметр венчика 18,2 см, высота изделия 7,7 см, диаметр поддона 6,7 см. На внутренней стороне дна имеются четыре сделанных по кругу оттиска штампа в виде пальметок. При этом несимметричное расположение оттисков показывает, что всего для полного кругового орнамента их должно было бы быть пять или шесть, но небрежность исполнения привела к тому, что недостающие изображения не отпечатались. Глина сосуда плотная, пережженная до серого цвета. Лак серо-коричневый, матовый, покрывающий только верхнюю часть изделия с внешней его стороны.

Орнаментация данного сосуда напоминает декор внутренней поверхности дна чернолаковых изделий, но отличается как формой и размерами пальметок, так и небрежностью сделанных отпечатков. Среди краснолаковой посуды каких-либо аналогий этому орнаменту найти не удалось. Поэтому в попытке определить датировку чашки из склепа 1068 приходится опираться только на его формальное сходство с известными находками. Рассматриваемый сосуд имеет далеко выступающие ручки, чем отличается от чашек из комплексов второй половины I в. н. э., ручки которых прижаты к бортику. По далеко выступающим ручкам, что считается признаком ранних изделий, он напоминает чашки, происходящие из погребений Беляусского могильника, найденные в комплексах второй половины II – начала I в. до н. э. и конца I в. до н. э. – начала I в. н. э. [Дашевская, 2014, с. 19, 23, 24, 36, 57, табл. 26,

6; 37, 2; 80, 9; 139, 4]. По этому же признаку с ним сопоставимы фрагментированные лаковые сосуды из керамических комплексов третьей четверти II в. до н. э. из Неаполя скифского [Зайцев, 1998, с. 52, 57, рис. 2, 12, 13] и конца II – первой половины I в. до н. э. из Пантикапея [Толстиков, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 292, 293, 289, рис. 9, 1]. Ручки сосудов из усадьбы Хрисалиска тоже отставлены от бортика, но не так далеко [Сокольский, 1976а, рис. 53, 3, 4].

Важной для определения даты функционирования склепа является и бронзовая фибула, представляющая собой лучковую подвязную застежку с верхней тетивой, четырехвитковой пружиной и узкой ножкой (рис. 14: *1*). Высота изделия составляет 4,8 см. Эта застежка, так же как и упомянутая выше находка из склепа 1067, соответствует лучковым подвязным проволочным фибулам (группа 15, серия I) 1-го варианта по А. К. Амброзу [1966, с. 48, 49] и изделиям 2-го варианта (группа 4, серия I) по В. В. Кропотову, датировавшему их от середины I до начала II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 72, 74].

Бронзовое дисковидное зеркало, фрагмент которого найден в погребальной камере склепа 1068 (рис. 14: *5*), судя по изгибу края, было диаметром около 7–8 см. Подобные зеркала известны во многих погребениях позднескифского времени, но в комплексах, датируемых позже конца I в. н. э., не встречаются.

Бусы, найденные в заполнении камеры склепа 1068 (рис. 14: *12*), относятся к разным хронологическим группам. Находок, которые могли бы быть отнесены исключительно к раннему времени (в рамках I – II вв. н. э.), крайне мало (рис. 14: *12м, н*). Из прочих бус одни относится к типам изделий с широкой датировкой, другие же датируются более узко, в пределах второй половины II – середины III в. н. э. (рис. 14: *12б, в, е ж, з, и*).

Представлены изделия следующих типов:

Длинные цилиндрические бусы из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой (2 экз.) типа 33 [Алексеева, 1978, с. 33] (рис. 14: *12а*).

Цилиндрические бусы из белого глухого стекла (12 экз.) типа 55 [Алексеева, 1978, с. 67] (рис. 14: *12б*).

Цилиндрические бусы из красного глухого стекла (48 экз.) типа 57 [Алексеева, 1978, с. 67] (рис. 14: *12в*).

Округлая и поперечно сжатая бусина из белого глухого стекла (1 экз.) типа 2 [Алексеева, 1978, с. 63] (рис. 14: *12г*).

Бусина веретеновидной формы из белого стекла (1 экз.) типа 46 [Алексеева, 1978, с. 66] (рис. 14: *12д*).

Призматическая пронизь из белого глухого стекла (1 экз.) типа 116 [Алексеева, 1978, с. 69] (рис. 14: *12е*).

Призматические пронизи из красного глухого стекла (5 экз.) типа 117 [Алексеева, 1978, с. 70] (рис. 14: *12ж*).

Призматические пронизи из прозрачного зеленого стекла (11 экз.) типа 120 или 122 [Алексеева, 1978, с. 70] (рис. 14: *12з*).

Бусы в форме четырнадцатигранников из зеленого прозрачного стекла (11 экз.) типа 131 или 137 [Алексеева, 1978, с. 70, 71] (рис. 14: *12и*).

Бусина в форме четырнадцатигранника из лилового прозрачного стекла типа 137 [Алексеева, 1978, с. 70, 71] (1 экз.) (рис. 14: *12к*).

Округлая и поперечно сжатая бусина из голубого глухого стекла (1 экз.) типа 16 [Алексеева, 1978, с. 65] (рис. 14: *12л*).

Округлая стеклянная бусина с чередующимися продольными полосами черного, белого и зеленого цвета (1 экз.) (рис. 14: *12м*). По форме и характеру орнаментации она похожа на бусы типа 194 [Алексеева, 1978, с. 43], но отличается от них расцветкой. По мнению Е. М. Алексеевой, бусы типа 194 «характерны для I в. н. э., но, по-видимому, заходят и во II в. н. э.». Если эта датировка распространяется и на рассматриваемую бусину, то ее следует считать относящейся к одному из разрушенных погребений склепа 1068.

Фаянсовая биконическая бусина бирюзового цвета (1 экз.) (рис. 14: *12н*) относится к типу 11 по Е. М. Алексеевой, датировавшей такие изделия I – II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 33].

Коротко-цилиндрическая фаянсовая бусина (рубленый бисер) бирюзового цвета (1 экз.) типа 9 [Алексеева, 1975, с. 32] (рис. 14: *12о*).

Гагатовые коротко-цилиндрические бусы (22 экз.) типа 27 [Алексеева, 1978, с. 13–15] (рис. 14: *12п*).

Бочковидная бусина с валиками по краям из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой (1 экз.) типа 170 [Алексеева, 1978, с. 73] (рис. 14: *12р*).

Бочковидная бусина из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой (1 экз.) (рис. 14: *12с*).

Округлая и поперечно сжатая бусина из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой (1 экз.) (рис. 14: *12т*).

Округлые и поперечно сжатые мелкие бусы из прозрачного бесцветного стекла с металлической прокладкой типа 1-б [Алексеева, 1978, с. 29, 30] (рис. 14: *12у*). Среди них одиночная (1 экз.) и в виде нерасчлененных столбиков: по две (9 экз.) и по три (1 экз.).

Датировка. К сожалению, ни стратиграфия, ни конструктивные особенности изученного объекта не дают достаточных оснований для определения того, какая из погребальных камер была сооружена раньше, а какая позже. Поэтому, в попытке прояснения данного вопроса приходится апеллировать только к археологическому материалу.

На основании рассмотренных находок из склепа 1067 можно заключить, что наиболее ранние погребения в его камере были совершены в третьей четверти I в. н. э. О датировке позднейших захоронений судить сложно, ввиду того, что часть захоронений, и в том числе, возможно, расположенных выше, была уничтожена при ограблении. Но если в своих рассуждениях отталкиваться только от имеющихся находок, то можно прийти к выводу о том, что прекращение функционирования склепа произошло в конце I – начале II в. н. э.

Сложнее решить вопрос о времени сооружения и продолжительности функционирования склепа 1068. Поскольку этот склеп оказался полностью разграбленным, основанием для его датировки могут служить лишь находки лучковой фибулы и краснолаковой чаши. Бронзовая лучковая фибула по форме аналогична застежке из склепа 1067 и, так же как и она, скорее всего, датируется в пределах середины – третьей четверти I в. н. э. Датировка чаши ввиду отсутствия полных аналогий затруднена, но, принимая во внимание ее архаический облик, можно предположить, что этот сосуд был изготовлен в период, предшествующий середине I в. н. э., возможно — еще в I в. до н. э. Если она не является вещью, чрезвычайно долго бывшей в обращении, то начало функционирования склепа 1068 должно приходиться на время до середины I в. н. э., т.е. предшествовать сооружению склепа 1067 и совершению в его камере первых захоронений.

Столь же мало данных для определения времени окончания функционирования склепа 1068. Единственным указанием здесь может служить только лучковая фибула. Ее однотипность с застежкой из камеры склепа 1067 допускает два возможных варианта решения этого вопроса. Первый из них заключается в том, что около середины I в. н. э. склеп 1068 был «законсервирован», при этом с другой стороны от входной ямы вырубили новую погребальную камеру и начали хоронить в ней. Второй вариант допускает возможность того, что обе камеры некоторое время функционировали одновременно.

Позднее, уже после того, как в них перестали хоронить, над входом в погребальную камеру склепа 1068 было совершено новое захоронение (могила 1069).

Могила 1069. Значительная часть могилы оказалась разрушенной современным грабительским шурфом, который вел в камеру склепа 1068, что затрудняет определение размеров этого погребального сооружения. Судя по контурам перекопа, выявленного в срезе грунта, ширина могилы составляла около 0,70–0,75 м, при этом ориентирована она была, как и большинство могил на данном участке могильника, по оси ЮВ–СЗ, возможно, с незначительным отклонением.

Весь массив грунта, в котором была выкопана могила, после обрушения свода склепа 1068 просел вниз, кроме того нижняя часть могилы была уничтожена грабительским шурфом, так что ее первоначальная глубина остается невыясненной. Кроме того, невозможно определить, к какому именно типу погребальных сооружений относилась эта могила. Лишь, принимая во внимание контуры сохранившейся части ямы и отсутствие в ее заполнении крупных каменных обломков, которые можно было бы принять за разрушенную грабителями каменную конструкцию заклада или перекрытия, можно допускать, что могила 1069, представляла собой простую грунтовую яму. При этом нельзя исключать и того, что остатки каменной конструкции были полностью удалены при ограблении склепа 1068.

Как отмечалось выше, в перемешанном заполнении грабительского шурфа, ведущего в камеру склепа 1068, в непосредственной близости от прослеженных в срезе грунта контуров могилы было найдено несколько предметов, датирующихся более поздним временем, чем большинство прочих находок из камеры склепа. Это позволило предположить, что они имели отношение к разрушенному погребению в могиле 1069. Среди этих находок обломки двух бронзовых браслетов (рис. 15: *4, 6*) и, по меньшей мере, двух фибул (рис. 15: *1–3*). Вероятно, с погребением из могилы также связаны фрагментированный бронзовый колокольчик (рис. 15: *5*) и бусы поздних типов (рис. 14: *12*), найденные в заполнении камеры склепа. Судя по этим находкам,

можно заключить, что разрушенное погребение в могиле 1069 было женским.

Важной для датировки всего комплекса вещей, связываемых с могилой 1069, является бронзовая фибула с узкой пластинчатой спинкой, украшенной проволочной обмоткой в виде наложенной «змейки», с четырехвитковой пружиной и нижней тетивой (рис. 15: *1*). Такие фибулы А. К. Амброз отнес к изделиям 2-го варианта «инкерманской» серии (группа 15, серия II) и датировал второй половиной II – III в. н. э. [Амброз, 1966, с. 52]. В типологии В. В. Кропотова среди лучковых фибул с нижней тетивой (группа 4, серия II) им соответствуют застежки варианта 4, формы 3, отнесенные к хронологической группе изделий последней четверти или конца II – первой половины III в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 135, 333]. О том, что погребения с подобными фибулами относятся к концу II –середине III в. н. э., свидетельствуют и данные, полученные при корреляции комплексов из могильников предгорного Крыма [Труфанов, 2009, с. 128, 213, рис. 57, 1–4].

Другой находкой является фрагмент бронзовой лучковой подвязной фибулы с четырехвитковой пружиной с верхней тетивой и фигурной обмоткой проволочной спинки (рис. 15: *2*). К ней же, вероятно, относится обломок приемника с прикипевшей к нему иглой (рис. 15: *3*). На основании относительно крупных размеров и по изгибу спинки данное изделие можно относить к фибулам 4-го варианта (группа 15, серия I) по А. К. Амброзу, который считал, что их следует датировать второй половиной II и, возможно, началом III в. н. э. [Амброз, 1966, с. 50]. В типологии В.В. Кропотова подобные застежки включены в вариант 4, форму 1 (группа 15, серия I) и датируются, так же, как и фибулы «инкерманской» серии, в пределах заключительной части II – первой половины III в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 77, 80].

Прочие находки, связываемые с могилой 1060, датируются не столь узко. Фрагментированные бронзовые браслеты (рис. 15: *4, 6*) по ромбовидной форме расплющенных окончаний могут быть сопоставлены с изделиями II – первой половины III в. н. э. [Труфанов, 2001, с. 75, 76, рис. 1, 31–58]. Бронзовый тонкостенный колокольчик с отогнутым, расширяющимся нижним краем (рис. 15: *5*) относится к типу изделий, известных по ряду комплексов второй половины II – первой половины III в. н. э. из Усть-Альминского некрополя, могильников Заветное и Дружное [Айбабин, 1994, рис. 13, 7; Труфанов, 2009, с. 237, рис. 67, 29, 36, 42; Зайцев, Волошинов, Кюнельт, Масякин, Мордвинцева, Фирсов, Флесс, 2007, с. 255, рис. 17, 29]. Возможно, к этому же периоду времени относятся погребения с подобными колокольчиками из могильника Нейзац [Храпунов, 2011, рис. 42, 4, 6].

На основании всего вышесказанного комплекс находок, причисляемых к могиле 1069, датируется концом II – первой половиной III в. н. э.

Заканчивая анализ материалов исследования склепов 1067 и 1068, представляется нужным обратить внимание еще на один аспект. В заполнении грабительского шурфа, ведущего в камеру склепа 1068, среди прочей фрагментированной керамики найдено довольно много обломков крупных лепных горшков. Некоторые из них впоследствии удалось склеить в более крупные части. Конфигурация этих крупных фрагментов исключает возможность того, что они наряду с мелкими обломками керамики, составляющими накапливающийся над могильником культурный слой, попали в заполнение шурфа случайным образом — вместе с натечным грунтом или засыпкой грабительской ямы грунтом, взятым поблизости. Напротив, можно думать, что в заполнение шурфа данные фрагменты попали сразу или почти сразу после того, как сами горшки были разбиты. Иначе трудно объяснить наличие столь крупных частей.

Было бы логичным предположить, что эти горшки были помещены в камеру склепа вместе с захоронениями и были разбиты во время ограбления, но полному принятию этого предположения мешает ряд обстоятельств. Дело в том, что на Усть-Альминском некрополе, несмотря на большое количество изученных погребальных сооружений, в не подвергавшихся ограблению склепах с непотревоженными погребениями лепных горшков столь крупных размеров до сих пор не найдено. Иногда рядом с погребенным находился обломок днища или стенки лепного или же гончарного сосуда, который выполнял функцию импровизированной емкости, используясь как плошка или светильник (порой со следами копоти на внутренней поверхности). Обычно же роль погребальной посуды выполняют краснолаковые или простые гончарные столовые сосуды, реже — лепные изделия небольших размеров. Все находки фрагментов от крупных лепных сосудов происходят из склепов, подвергшихся (в древности?) ограблению. Поэтому сложно определить, являлись ли эти горшки погребальной посудой, помещенной в склеп при совершении погребения, или же попали в заполнение каме-

ры в виде больших обломков, то есть в разбитом виде, не будучи напрямую связанными с погребальным обрядом[12].

Находки обломков больших лепных сосудов в перемешанном грунте заполнения грабительских шурфов для Усть-Альминского могильника не редки. При этом в заполнении таких шурфов большой лепной сосуд ни разу не найден археологически целым. Это всегда фрагменты, пусть и довольно большие, которые удается склеить в еще более крупные части, но все же со значительными утратами. Создается впечатление, что фрагменты, о которых идет речь, попали в заполнение при засыпке выкопанных грабителями ям. Вряд ли это были современные грабители, решившие засыпать шурф и специально искавшие керамику для сброса ее в яму. К тому же им негде было бы взять такие большие фрагменты крупных лепных горшков, ведь керамика из культурного слоя на территории могильника представлена в основном небольшими обломками, к тому же среди нее фрагментов лепной посуды немного.

Этим находкам должно существовать какое-то иное объяснение. Например, можно было бы считать их частью битой керамики, принесенной с городища или специально для засыпки вырытых грабителями ям, или в целях удаления лишнего мусора с городища. Но тогда непонятно, почему в этом же грунте вместе с обломками керамики нет заметного количества костей животных. Возможно иное: яма какое-то время была открытой и в нее бросали обломки сосудов, разбитых поблизости, на территории некрополя. В этом случае обломки лепных горшков, так же, как и фрагменты прочей керамики (амфор, краснолаковой посуды), должны восприниматься как остатки поминальных тризн, происходивших поблизости. Как бы то ни было, есть основания полагать, что эти крупные фрагменты керамики попали в заполнение камеры не в процессе постепенного затекания грунта, а были брошены туда вскоре после того, как были разбиты. Если же рассматривать эти находки в качестве датирующего материала, то по наиболее поздним и многочисленным фрагментам весь комплекс засыпи шурфа может быть датирован в пределах второй половины II в. н. э. Это означает, что засыпка шурфа, через который произошло ограбление склепа 1068, была осуществлена именно в это время.

Примечательно, что этим же временем датируется и наиболее поздняя керамика из заполнения шурфа, ведущего в склеп 1067. Возможно, что первое ограбление обеих камер произошло в одно и то же время, т.е. во второй половине II в. н. э., а когда они вновь подверглись ограблению (в недавнее время), то новый, более широкий шурф, ведущий в камеру склепа 1067, полностью уничтожил следы древней грабительской ямы. Но не исключено, что склеп 1067 в древности не подвергался ограблению. В таком случае можно предположить, что он был ограблен лишь в недавнее время, одновременно с повторным ограблением склепа 1068, и керамика попала в заполнение его камеры вместе с перемешанным грунтом из грабительского шурфа, выкопанного во входной яме и ведущего в камеру склепа 1068. Отсюда синхронность фрагментированного керамического материала из заполнения ограбленных камер. Но тогда трудно объяснить находку в заполнении камеры склепа 1067 надгробной плиты, если только она не являлась частью конструкции разрушенной могилы 1069, что теоретически возможно, но маловероятно, поскольку таких случаев на Усть-Альминском могильнике не выявлено.

Известно, что к середине II в. н. э. подавляющее большинство склепов Усть-Альминского могильника прекратило функционировать. Жители городища перестали хоронить в них умерших и не сооружали новых склепов, перейдя к обряду захоронений в могилах. Есть основания полагать, что при этом происходили случаи случайного или намеренного обнаружения камер «законсервированных» склепов. В некоторых случаях в камере такого склепа могло быть совершено позднее захоронение, порой оно совмещалось с разграблением предшествующих погребений, а иногда, по-видимому, находчики ограничивались только ограблением. Так, по-видимому, и случилось со склепом 1068 (возможно, и со склепом 1067).

[12] Например, в 2015 г. на Усть-Альминском некрополе был раскопан подвергавшийся разграблению и в древности и в недавнее время склеп 1070. В придонной части заполнения камеры было найдено скопление обломков лепной посуды, в том числе довольно больших размеров. В процессе раскопок казалось, что эти фрагменты относятся к сосуду, связанному с одним из погребений, но после камеральной обработки стало ясно, что здесь представлены обломки не менее трех разных посудин, причем ни одну из них не удалось собрать даже на четверть.

В конце II – первой половине III в. н. э. на участке, расположенном над входом в камеру склепа 1068, было совершено погребение (могила 1069), которое позже вместе с грунтом просело внутрь камеры. В 90-е гг. XX в. оба склепа опять подверглись ограблению.

Abstract

A. E. Puzdrovsky*, *A. A. Trufanov

TWO CRYPTS IN THE CENTRAL PART OF UST' AL'MA NECROPOLIS

Article is devoted to the publication of materials of excavation of crypts 1067 and 1068 of the Ust-Alminsky burial ground, investigated in 2014. This construction consisted of two funeral cameras connected by the general entrance hole. The found finds allow to date functioning of crypts within I – the first half of the II century AD.

Key words: late Scythian Ust-Alminsky necropolis, crypts, burials, fibula, beads, buckles, red slip ware.

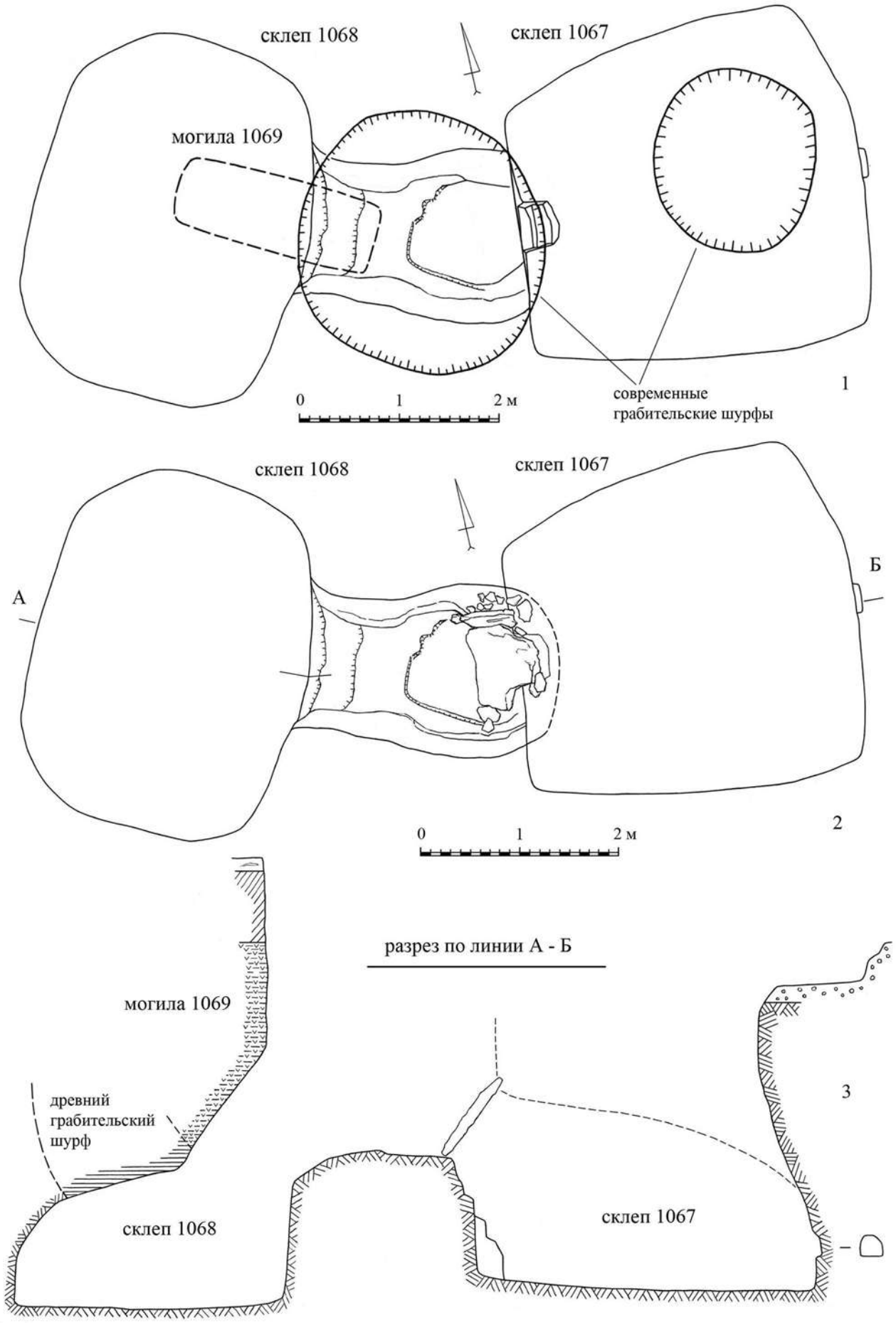


Рис. 1. Склепы 1067 и 1068. Планы, разрез

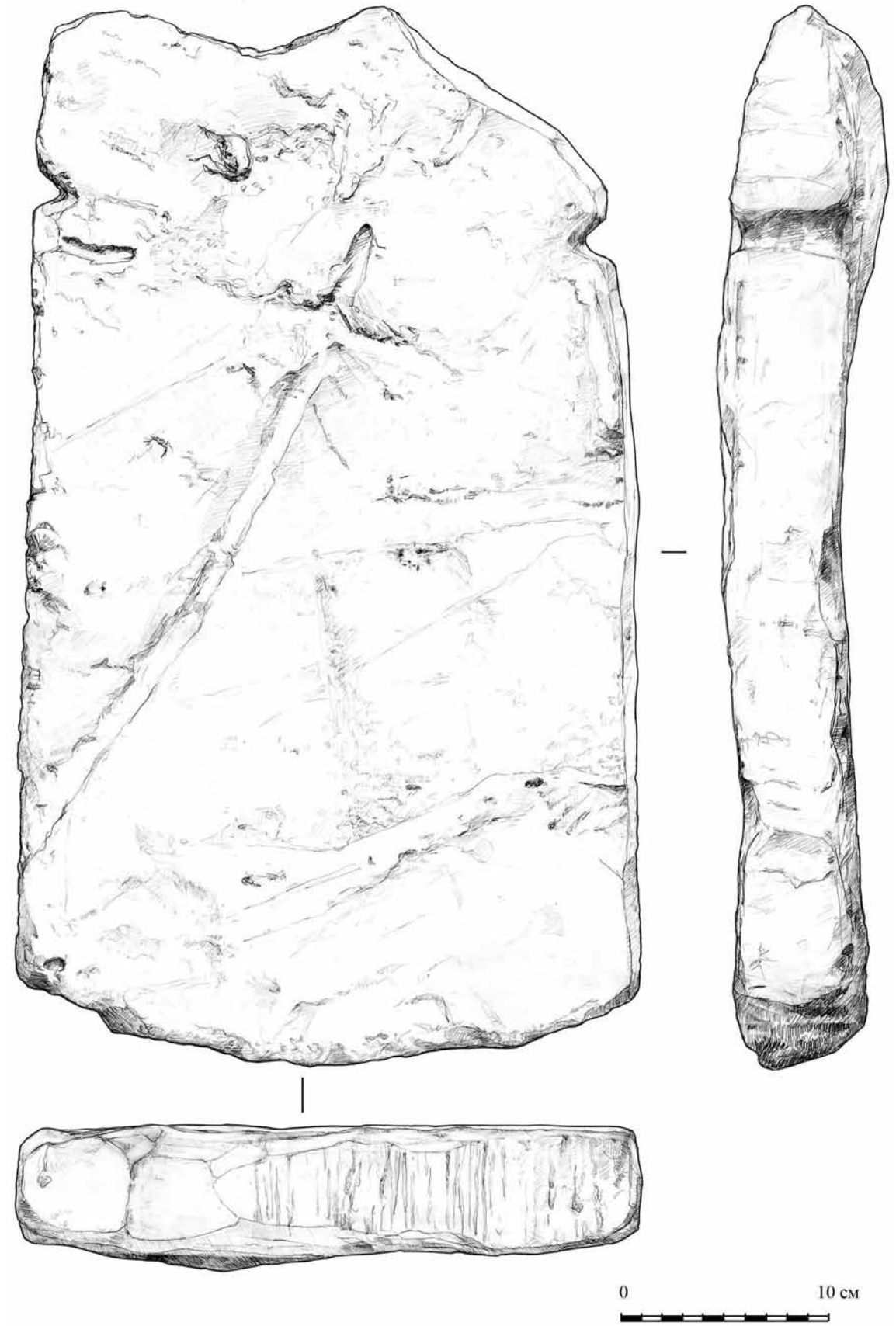


Рис. 2. Склеп 1067. Надгробная плита из заполнения грабительского шурфа

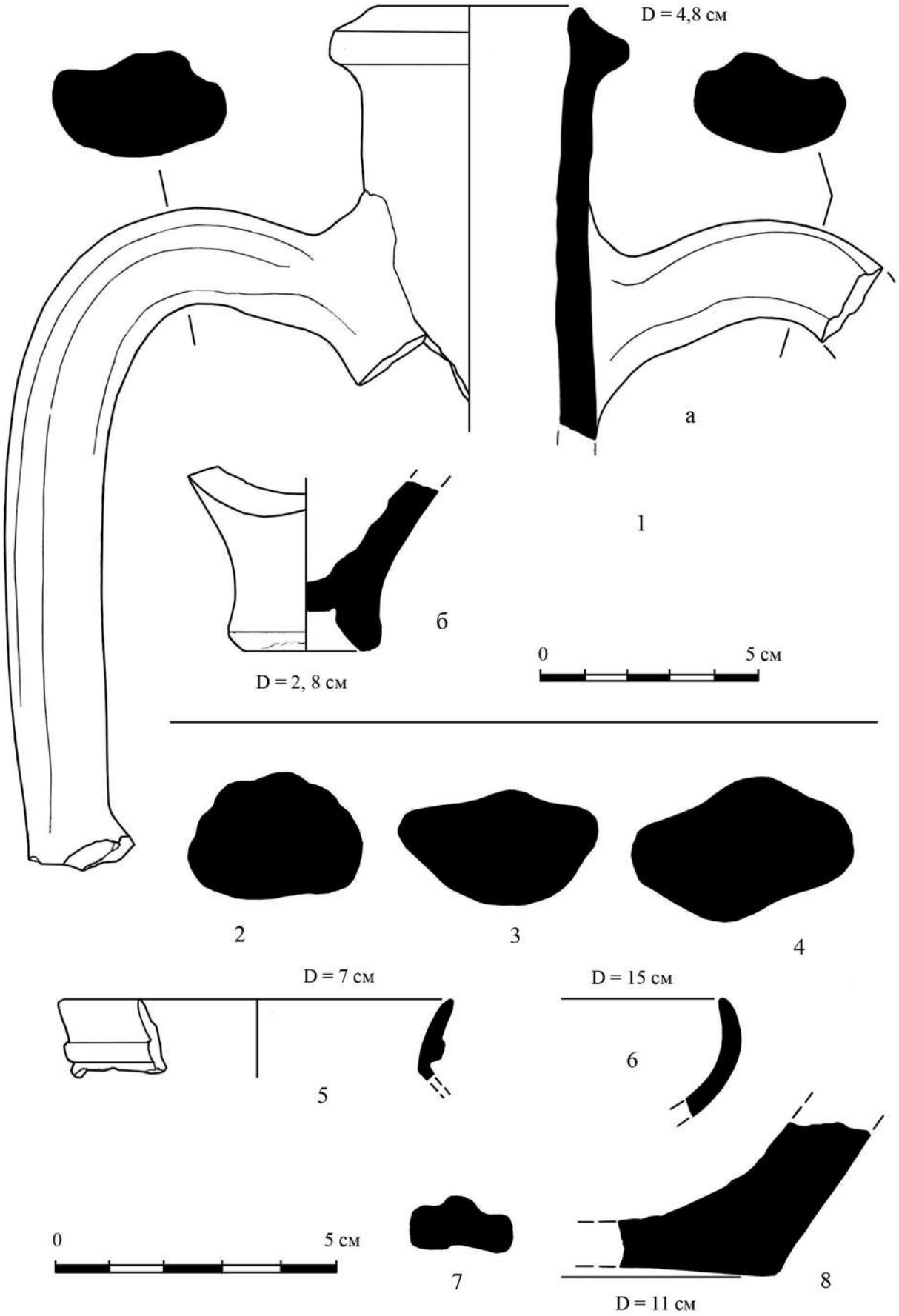


Рис. 3. Склеп 1067. Фрагменты керамики из заполнения грабительского шурфа:
1 — узкогорлая светлоглиняная амфора, 2–4 — красноглиняные амфоры,
5–7 — краснолаковые сосуды, 8 — лепной горшок

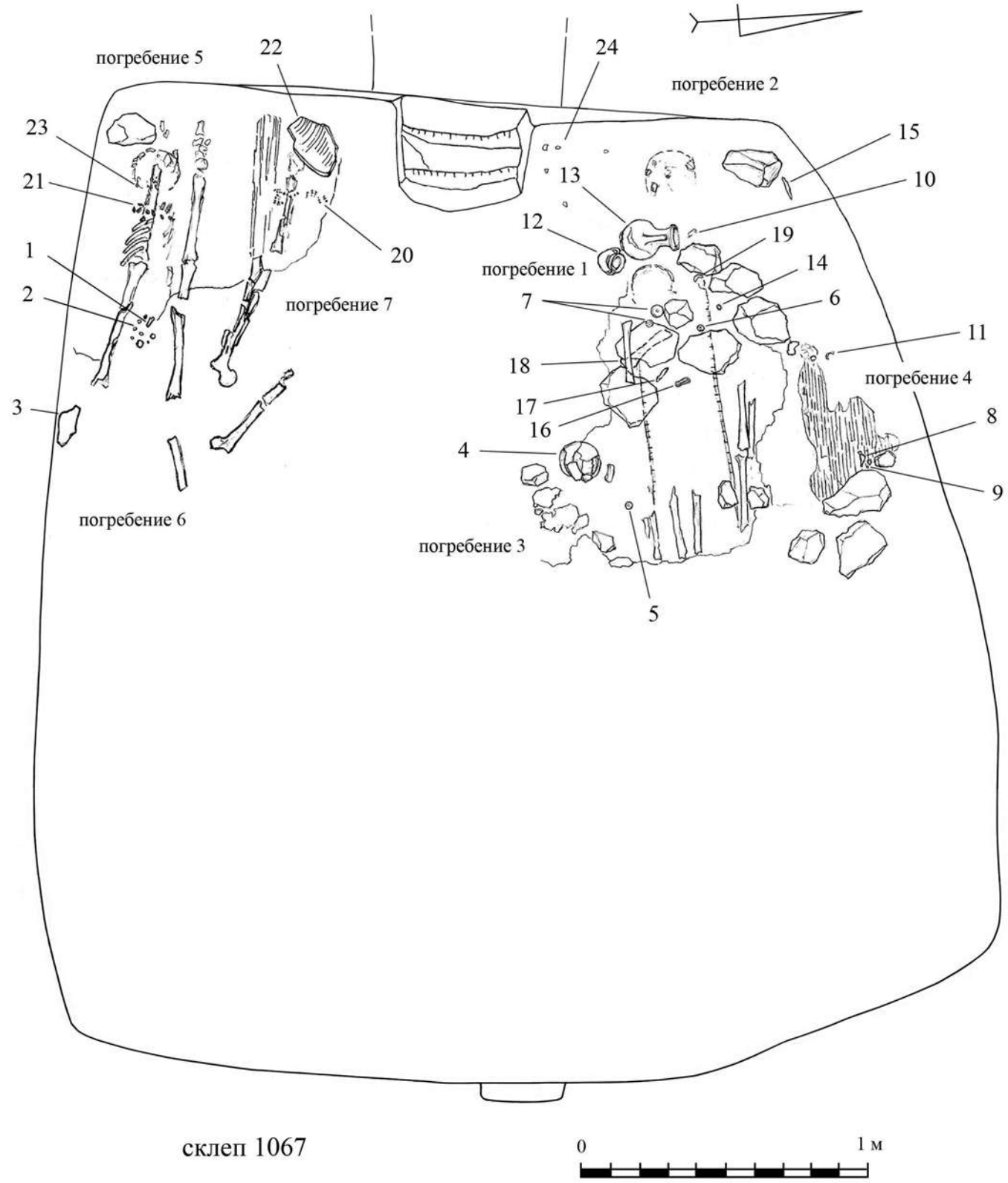


Рис. 4. Склеп 1067. Остатки захоронений в погребальной камере.
План: 1 — бронзовая подвеска-«ведерки», 2 — бусы, 3 — фрагмент лепного горшка, 4 — краснолаковая ойнохоя, 5 — бусина, 6 — бусина, 7 — бусы, 8 — бронзовая фибула, 9 — кольцо и пластина бронзовые, 10 — фибула бронзовая, 11 — фрагмент железной фибулы, 12 — гончарный канфар, 13 — краснолаковый кувшин, 14 — кольцо бронзовое с креплением, 15 — железный нож, 16 — железная пряжка и бронзовые заклепки, 17 — железный нож, 18 — кость животного, 19 — золотая подвеска-«лунница», 20 — бусы, 21 — бусы, 22 — фрагмент амфоры, 23 — бронзовая серьга, 24 — фрагменты гончарного сосуда

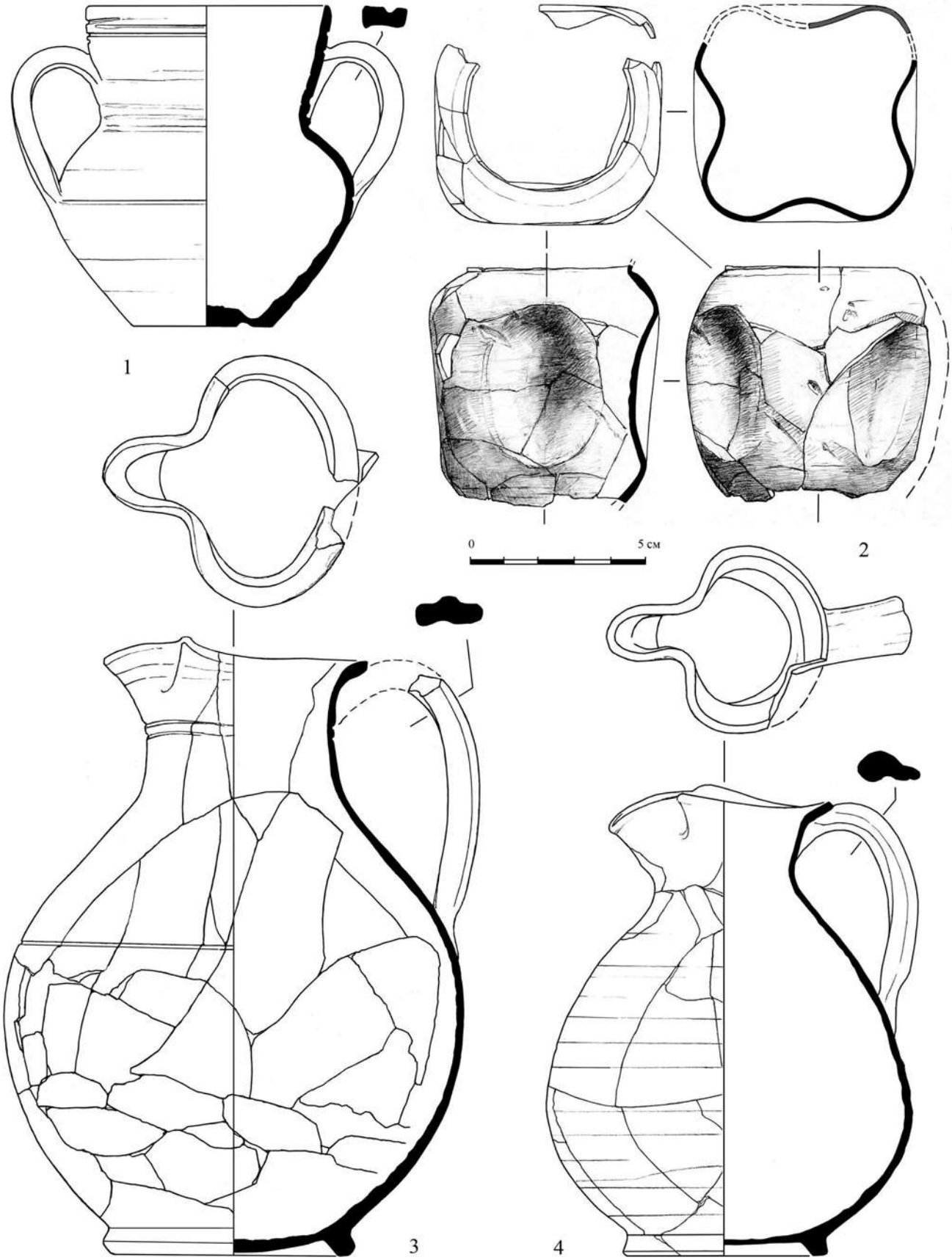


Рис. 5. Склеп 1067. Краснолаковая посуда

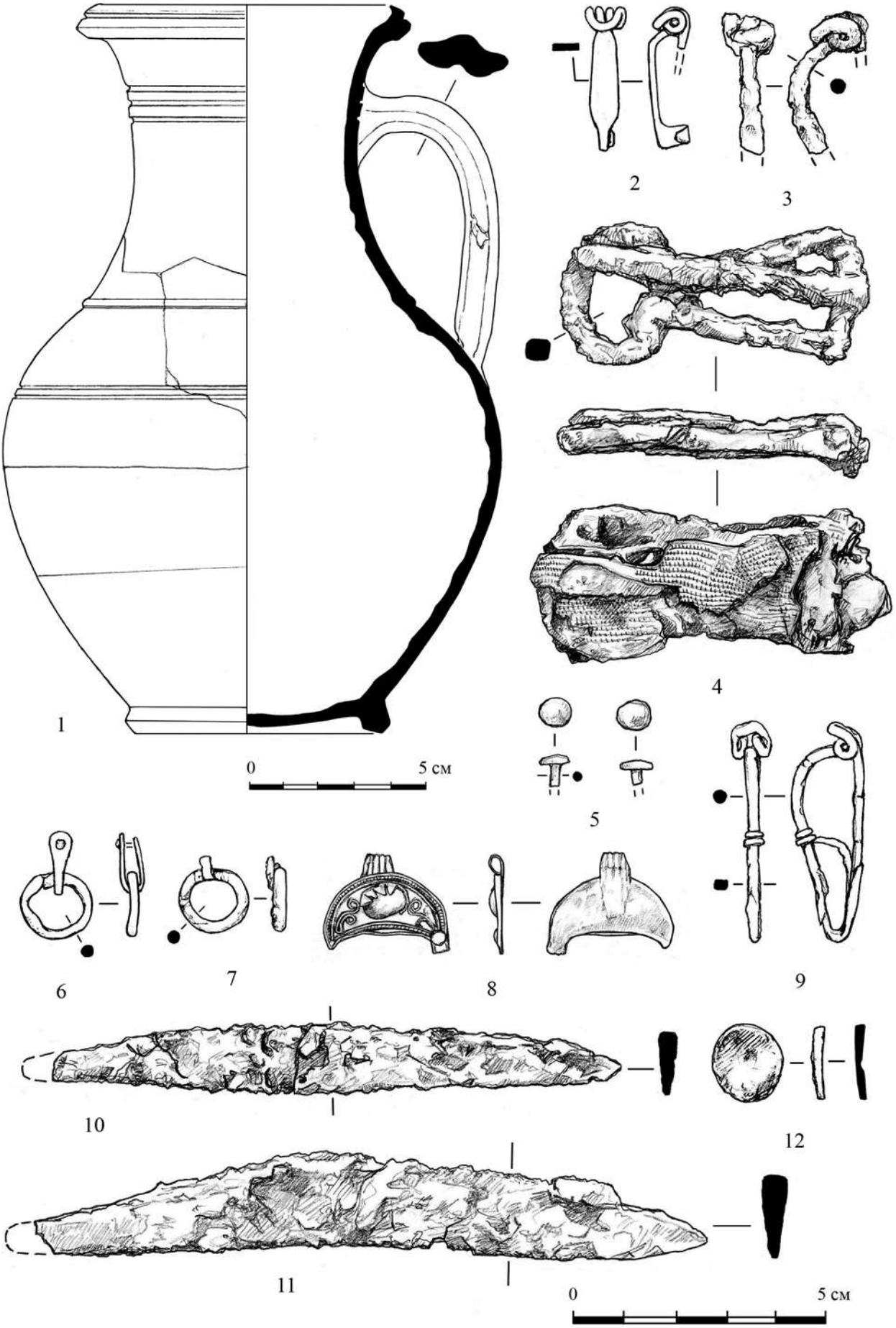


Рис. 6. Склеп 1067. Находки

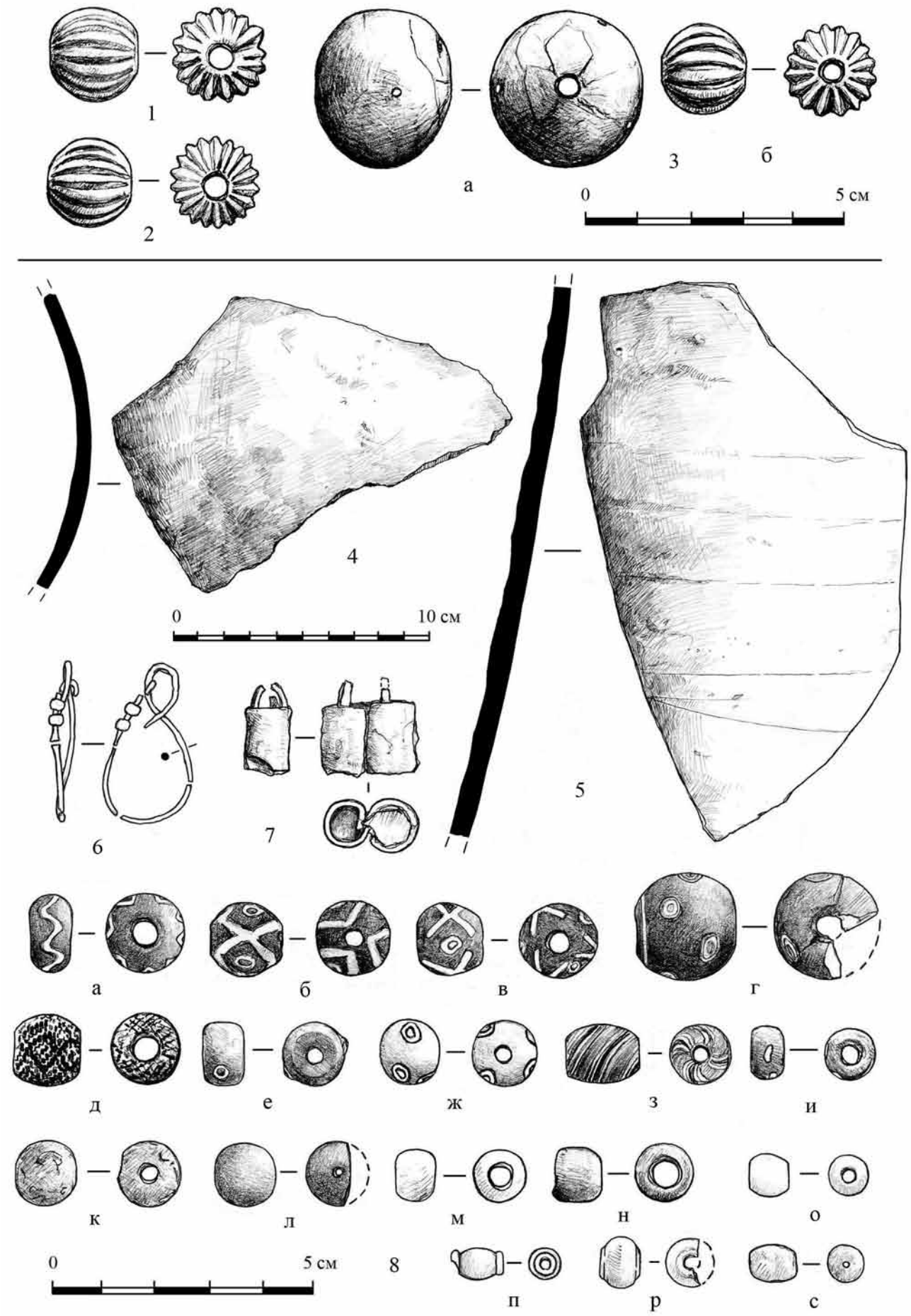


Рис. 7. Склеп 1067. Находки

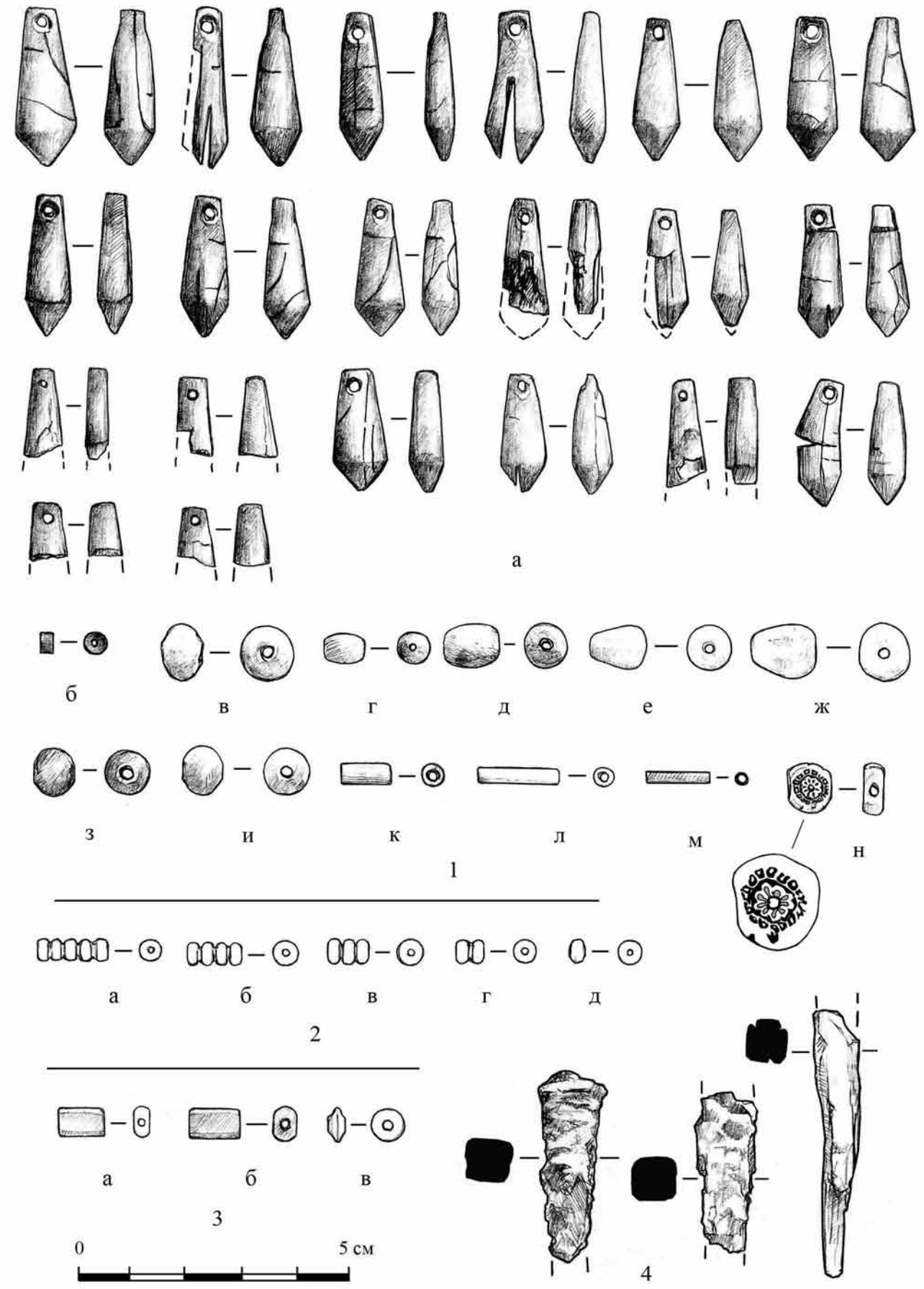


Рис. 8. Склеп 1067. Находки

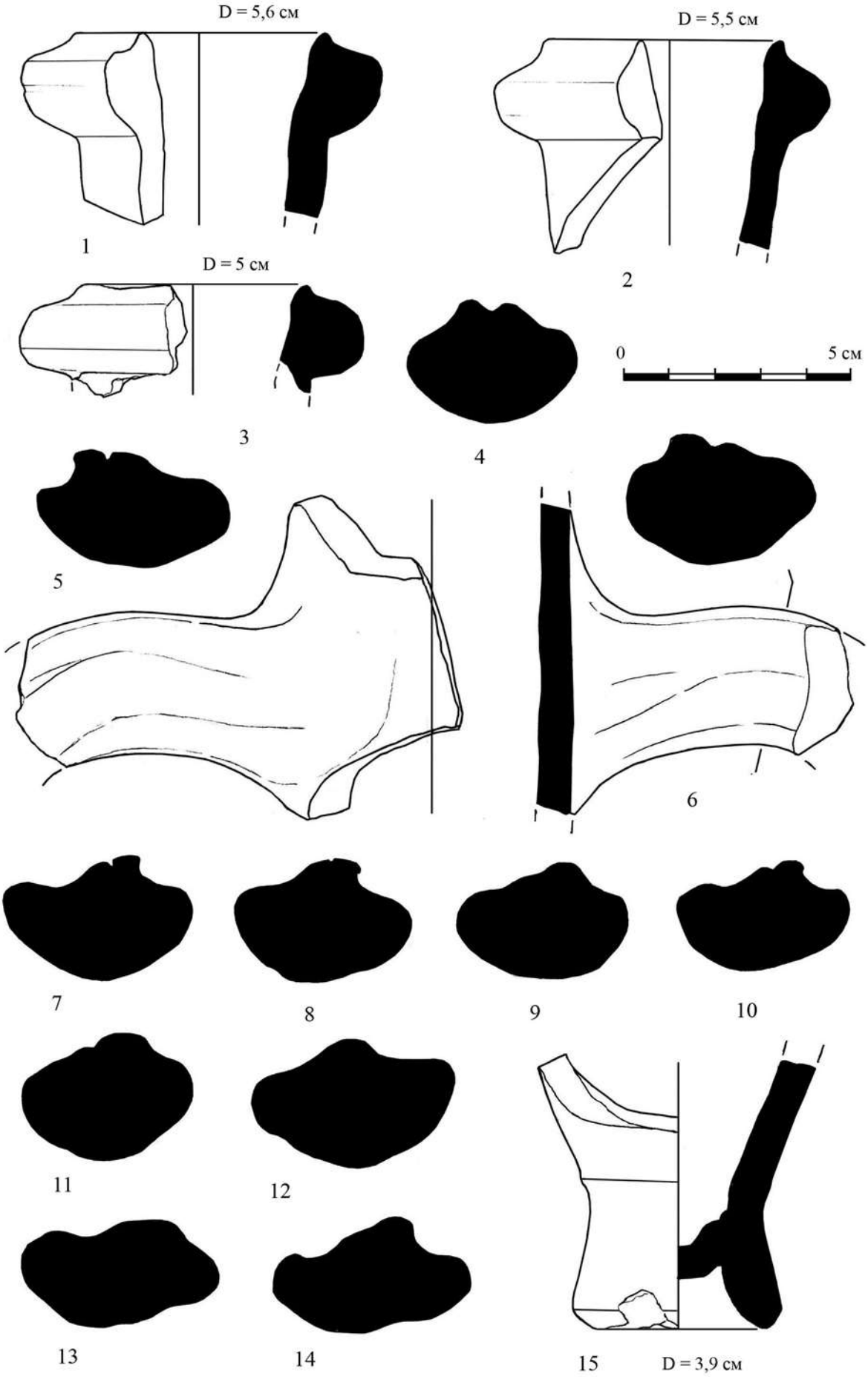


Рис. 9. Склеп 1068. Фрагменты узкогорлых светлоглиняных амфор из заполнения грабительского шурфа

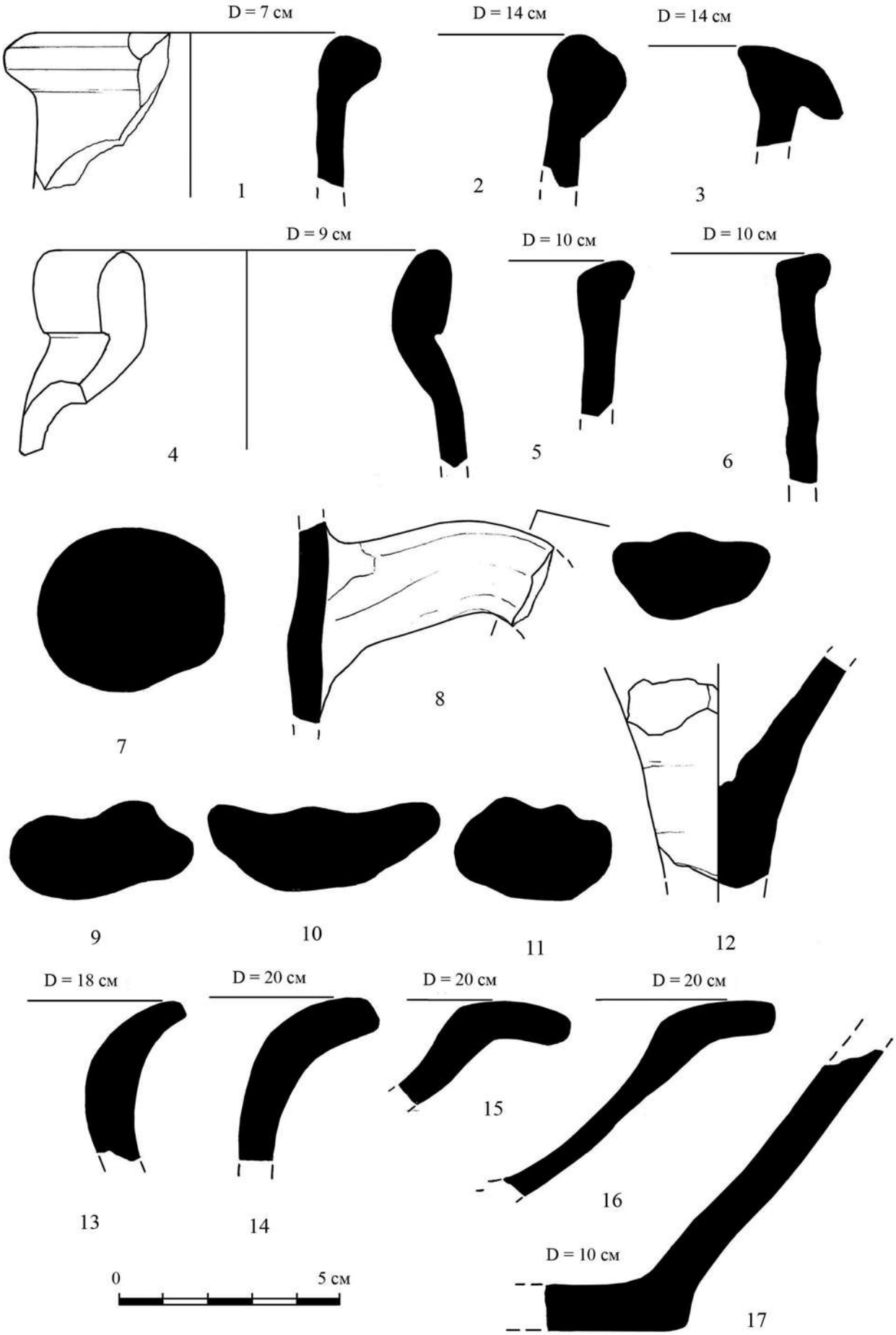


Рис. 10. Склеп 1068. Фрагменты керамики из заполнения грабительского шурфа:
1–9, 11, 12 — красноглиняные амфоры, 10 — коричневоглиняный гончарный кувшин, 13–17 — лепные сосуды

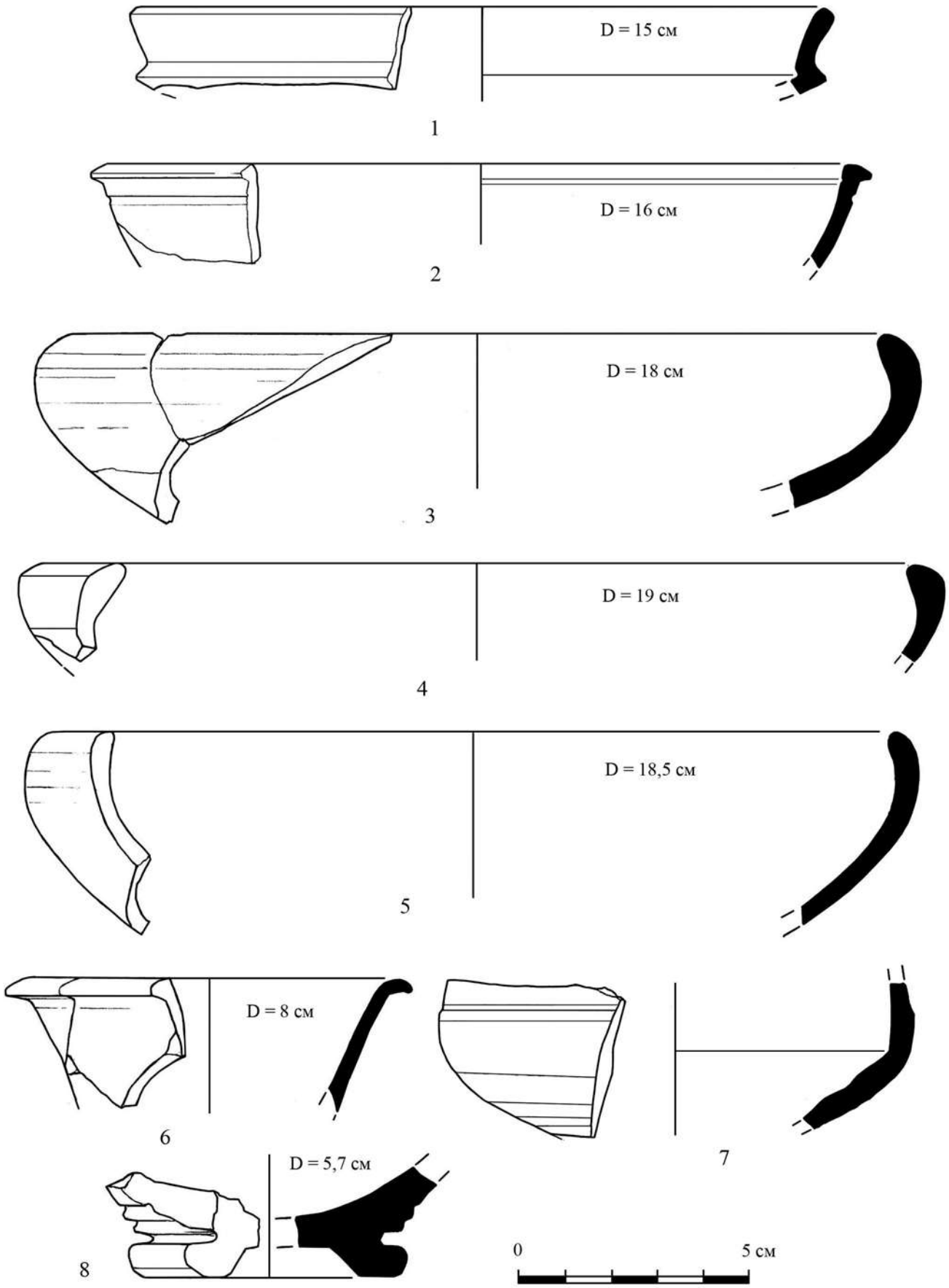


Рис. 11. Склеп 1068. Фрагменты краснолаковых сосудов из заполнения грабительского шурфа

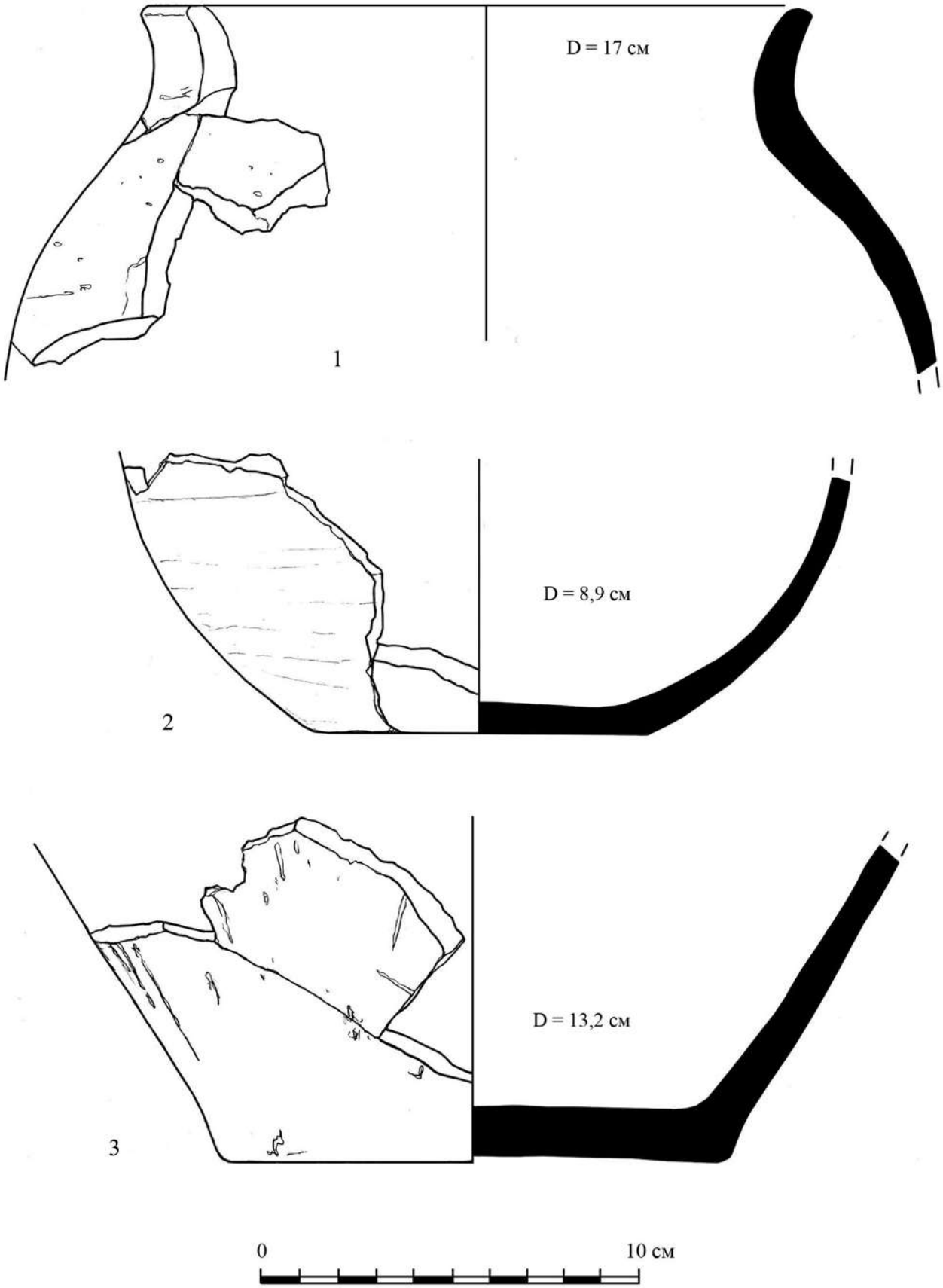


Рис. 12. Склеп 1068. Фрагменты лепных горшков из заполнения грабительского шурфа

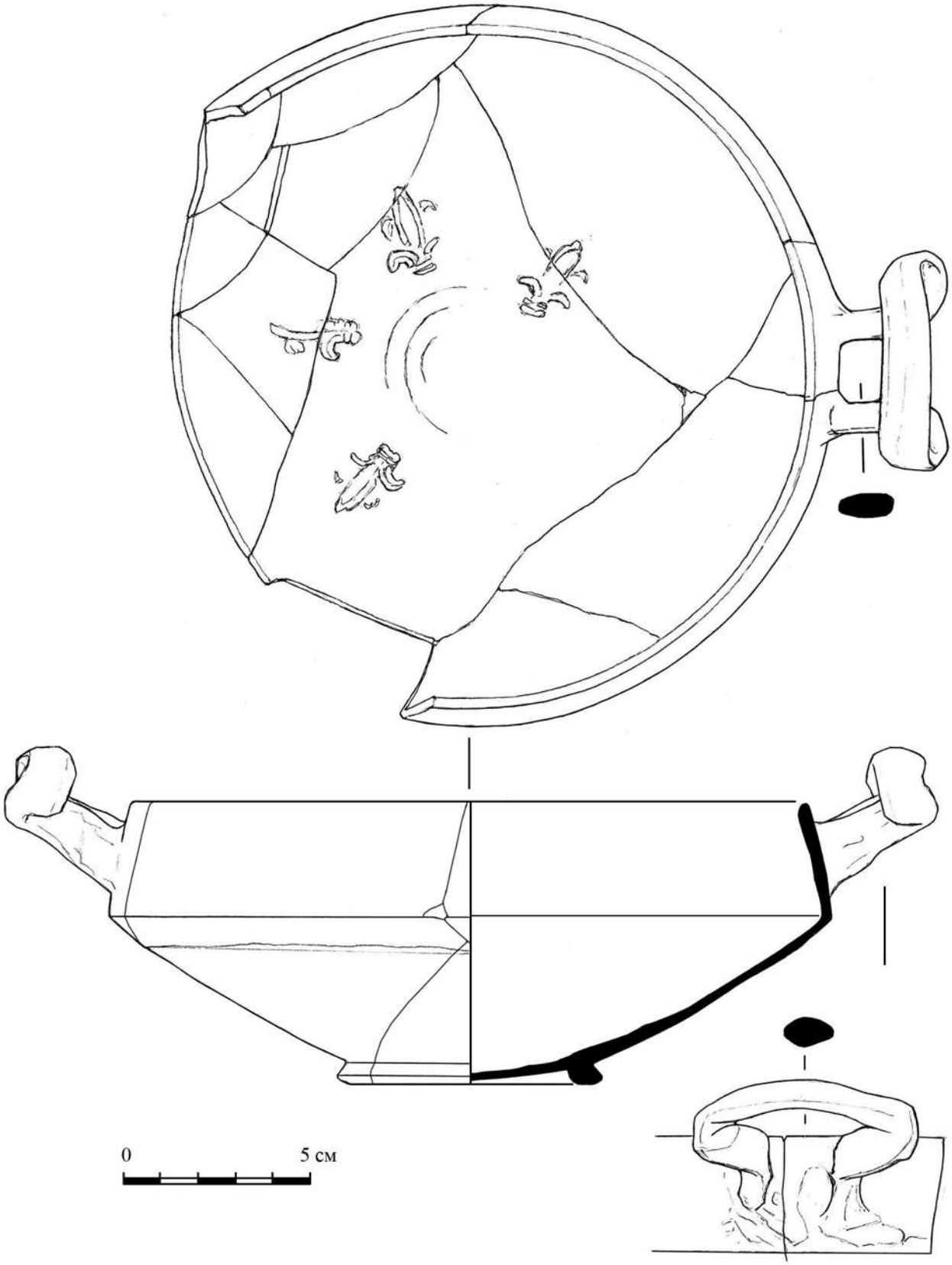


Рис. 13. Склеп 1068. Краснолаковая чашка

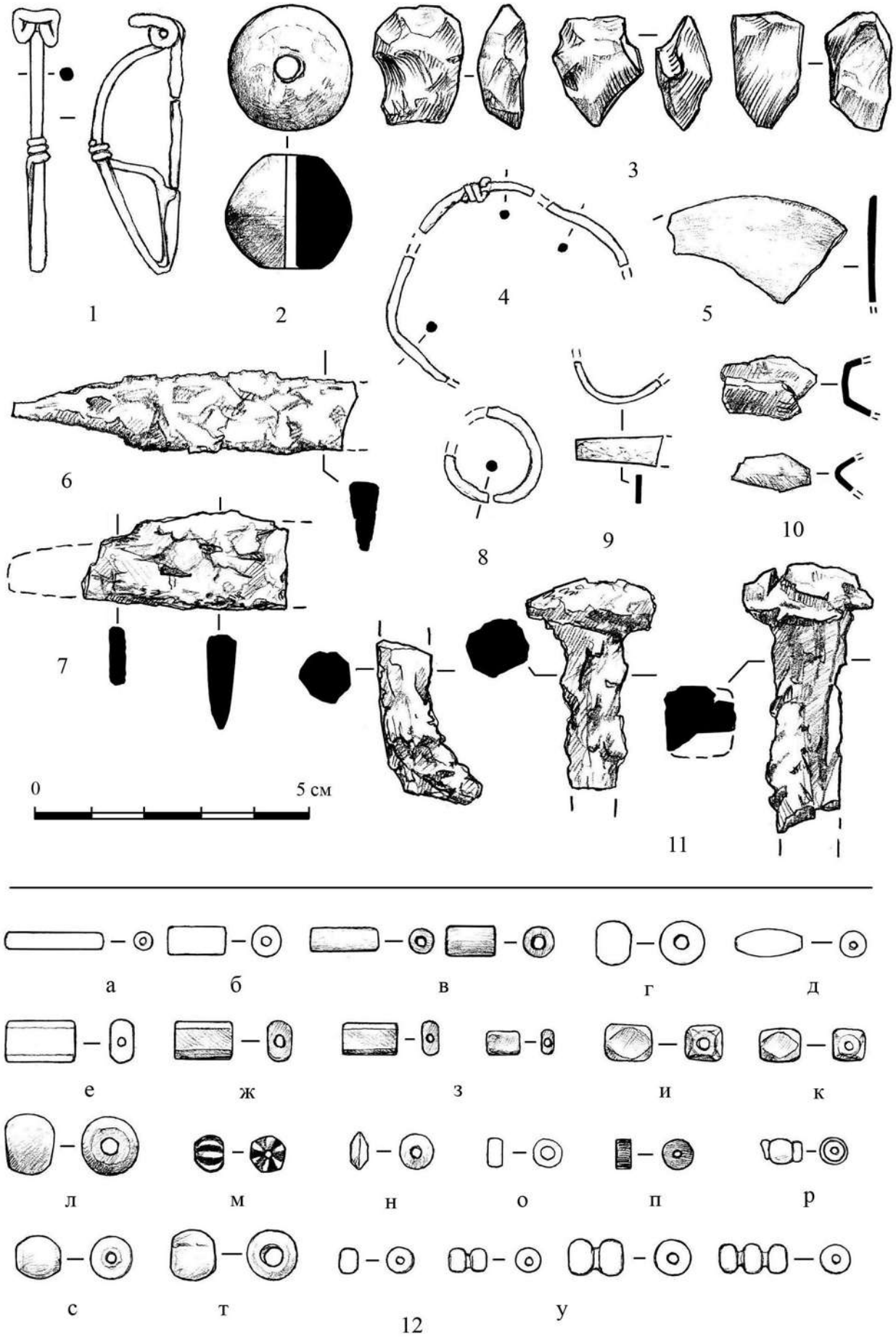


Рис. 14. Склеп 1068. Находки

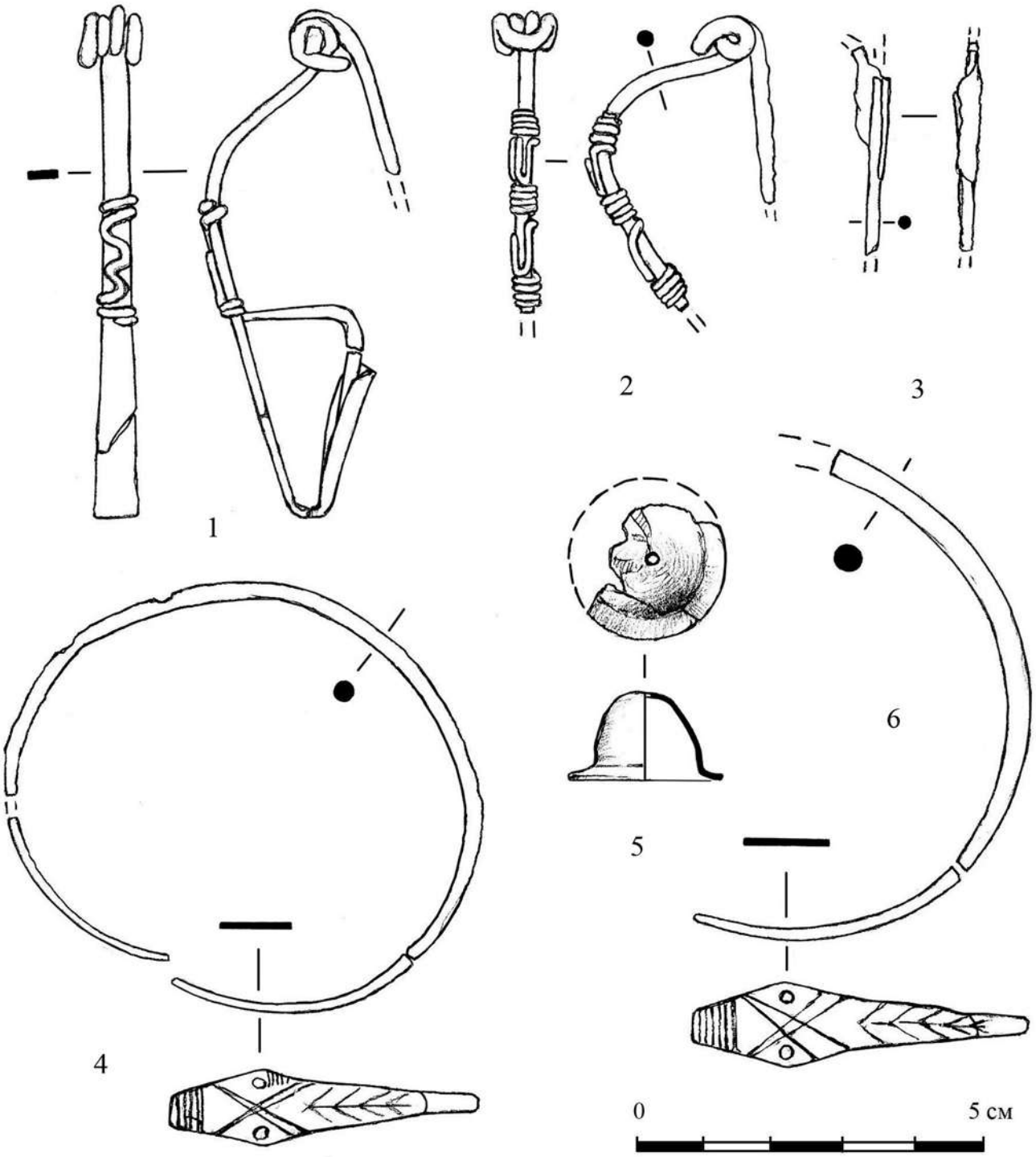


Рис. 15. Могила 1069. Фрагменты бронзовых изделий из заполнения грабительского шурфа

Цветные рис. 17–19 расположены на стр. 616–618.
(Рис. 17. Краснолаковая и гончарная посуда из склепа 1067.
Рис. 18. Находки из склепа 1067.
Рис. 19. Находки из склепа 1068.)

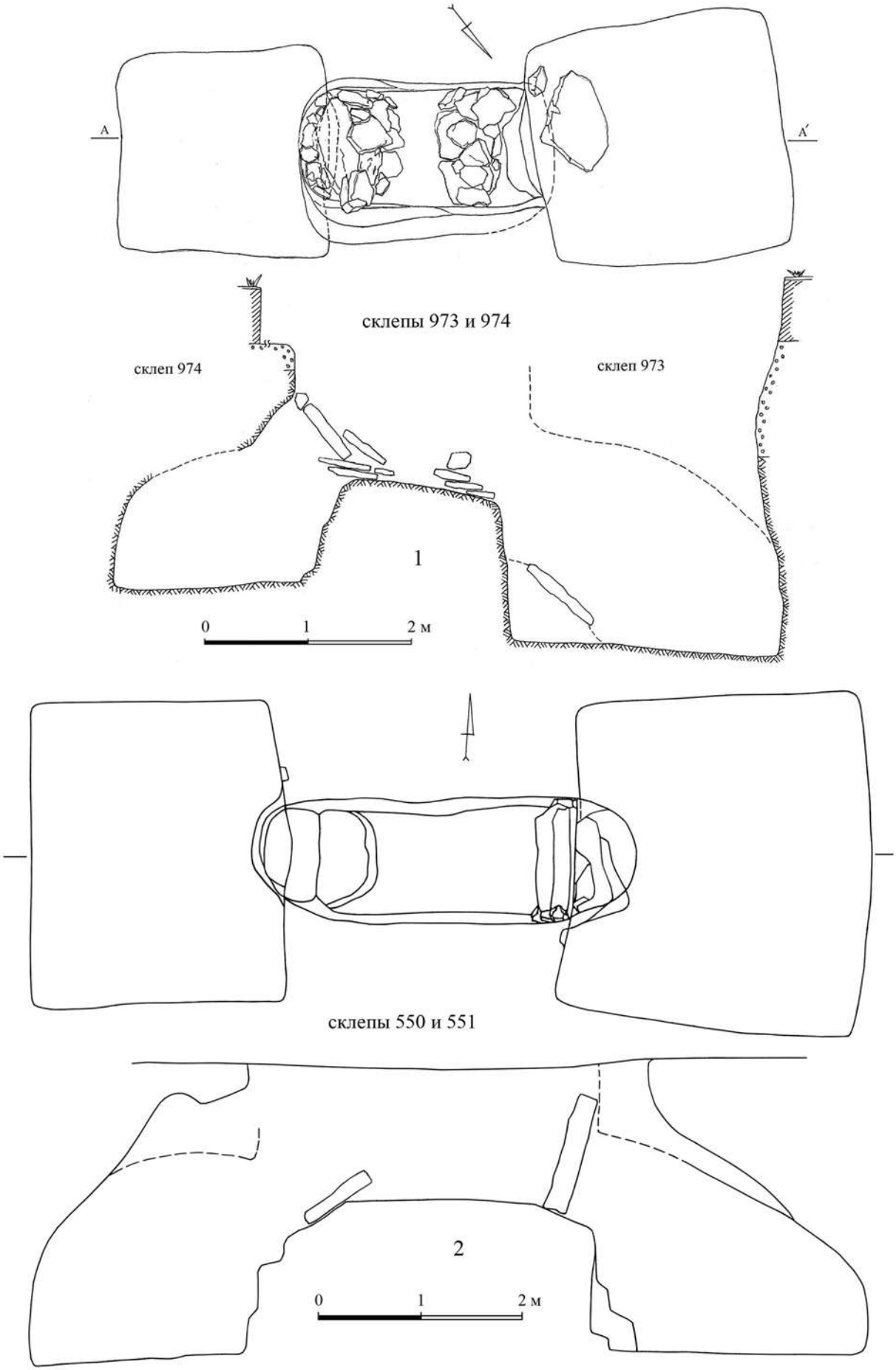


Рис. 16. 1 — склепы 973 и 974 (план, разрез); 2 — склепы 550 и 551 (план, разрез)

А. А. Труфанов

СКЛЕП 977 ИЗ ПОЗДНЕСКИФСКОГО УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Статья посвящена публикации материалов погребений из склепа 977 из Усть-Альминского позднескифского могильника, расположенного в Юго-Западном Крыму. В склепе находились 9 погребений, расположенных в три яруса. Погребения содержат находки, датирующие склеп в рамках последней трети I – первой трети II в. н. э.

Ключевые слова: позднескифский Усть-Альминский некрополь, погребения, фибулы, бусы, краснолаковая посуда.

Продолжающиеся на протяжении многих лет исследования позднескифского Усть-Альминского могильника позволяют получать новую информацию о материальной культуре варварского населения Юго-Западного Крыма I в. до н. э. – середины III в. н. э. К настоящему времени на территории некрополя найдено и изучено более тысячи погребальных сооружений. Принимая во внимание то, что ряд сооружений представляет собой могилы с двумя и более погребенными, а также склепы с большим количеством захоронений, число погребенных на территории некрополя было весьма значительным. При этом сколько-нибудь точную цифру назвать не представляется возможным, так как могильник в разные времена подвергался разграблению различной степени интенсивности. Большая часть исследованных погребений относится к I – середине III в. н. э. Все это дает основание считать Усть-Альминский некрополь наиболее крупным позднескифским могильником, и полагать, что в первые века н. э. связанное с ним городище представляло собой один из самых многолюдных населенных пунктов на территории Крымской Скифии.

Результаты раскопок Усть-Альминского могильника, проводившихся в течение 1968–1977 гг., были опубликованы в монографии Т. Н. Высотской [1994]. Среди представленных материалов значительное место занимают находки из склепов с большим количеством захоронений, но вещи при этом были опубликованы общей массой, без разделения на отдельные комплексы, так что ни из текста, ни из иллюстраций нельзя почерпнуть информацию о составе погребального инвентаря каждого отдельного захоронения. Позже публиковались склепы, подвергшиеся значительному разграблению [Пуздровский, Соломоненко, 2007, с. 207–228], и обнаруженные в них находки по причине полного разрушения захоронений невозможно было разделить на отдельные комплексы.

В ходе раскопок, проводившихся в 2008 г., в юго-западной части некрополя был открыт грунтовый склеп 977 с девятью захоронениями. Несмотря на то, что склеп подвергся частичному разграблению, большинство его захоронений остались нетронутыми. Данный склеп функционировал несколько десятилетий, более поздние захоронения в его погребальной камере совершались поверх ранних, частично или полностью их перекрывая. Такое расположение дает возможность судить об относительной последовательности совершения того или иного погребения.

Входная яма склепа обнаружена при доследовании шурфа, выкопанного современными грабителями. Данный шурф частично разрушил юго-западную стенку ямы, но до входа в камеру не доходил. Второй грабительский шурф, расположенный к юго-востоку от первого, находился над камерой склепа. Именно через него современные грабители проникли в погребальную камеру и разрушили часть верхних захоронений. При выборе грунта из этого шурфа была найдена фрагментированная краснолаковая тарелка с вертикальным,

слегка отогнутым бортиком и с оттиском штампа planta pedis в окружении двух концентрических врезных линий на дне (рис. 5: *1*), вероятно, относящаяся к одному из погребений верхнего яруса. Диаметр венчика этой тарелки 18,9 см, высота 4,0 см, диаметр поддона 9,2 см. Данный сосуд относится к форме 1.1 по Д. В. Журавлеву, датировавшему такие тарелки в пределах последней четверти I – первой четверти II в. н. э. [2005, с. 142, 143, рис. 1].

Входная яма, ведущая к погребальной камере, прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 2,30 х 0,95 м, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Дно ямы понижается к входному отверстию, вырубленному в ее юго-восточной стенке. Участок дна, примыкавший к входному отверстию, находился на глубине 2,40 м от уровня современной поверхности. В центральной части дна зафиксирована ступень, высотой до 0,10 м. Возможно, первоначально дно ямы было ровным, а ступень появилась в процессе осуществления позднейших подзахоронений. В засыпи и на дне входной ямы находилось скопление обломков известняка разной величины, в том числе отодвинутая от входного отверстия закладная плита, размерами 0,90 х 0,88 х 0,15 м. Помимо того, в засыпи входной ямы были найдены фрагменты керамики. Среди них обломки светлоглиняных узкогорлых амфор, в том числе ручек амфор типов В (рис. 1: *2*) и С (рис. 1: *3, 4*) по Д. Б. Шелову [Шелов, 1978, с. 18, рис. 4; 6], фрагменты красноглиняных амфор и краснолаковых сосудов, представленных осколками стенок, венчиков и поддонов (рис. 1: *5–11*).

Погребальная камера трапециевидной формы, размерами 3,10–2,70 х 2,40 м, расположена к юго-востоку от входной ямы. В камеру вел вертикальный спуск (перепад высот между уровнями дна входной ямы и дна камеры составляет 1,35 м) со ступенью полукруглых очертаний. Высота ступени 0,50 м, ширина в придонной части 0,80 м. Дно камеры находится на глубине 3,75–3,90 м от современной поверхности.

Восточная часть свода камеры склепа 977 соприкасалась с погребальной камерой склепа 981, образуя, таким образом, проем, который был перекрыт кладкой из необработанных камней. От этой кладки сохранился один ряд камней, уложенных по оси ЮЮЗ–ССВ на высоте 1,10–1,20 от уровня дна склепа. Судя по характеру расположения камней, проем между камерами был заложен с СЗЗ стороны, то есть при сооружении склепа 977, когда склеп 981 уже существовал. К сожалению, склеп 981 оказался полностью разграбленным, что не позволило использовать его материалы при установлении относительной датировки сооружения склепа 977.

В камере склепа 977 найдены остатки 9 погребений, находящихся на разной глубине и условно разделенных на три яруса. Все захоронения, судя по размерам скелетов, принадлежали взрослым людям.

Ярус I (верхний) (рис. 2).

Погребение 1 находилось в центральной части камеры. Умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Нижняя часть скелета от костей таза до ступней разрушена грабительским шурфом. Зафиксирован древесный тлен от гроба, ширина которого, судя по прослеженным контурам, составляла около 0,50 см. На черепе погребенного лежал бронзовый браслет (рис. 2: *1*; 5: *2*), вероятно, смещенный со своего первоначального местоположения при разграблении склепа. Возможно, изделие следует относить именно к данному захоронению, но утверждать это, не имея на то достаточных оснований, нельзя. В области шеи найдены три бусины (рис. 2: *2*; 5: *4*), на груди лежала бронзовая фибула (рис. 2: *3*; 5: *3*).

Бронзовый браслет представляет собой проволочное изделие с завязанными концами (рис. 5: *2*). Внутренний диаметр составляет 6,4–7,0 см. В типологии браслетов из погребений Усть-Альминского могильника, составленной Т. Н. Высотской, такие изделия составляют тип III и датируются I в. до н. э. – II в. н. э. [Высотская, 1994, рис. 33].

Бронзовая сильно профилированная одночленная фибула с семивитковой пружиной относится к типу застежек с «бусинами» на гладкой дужке и с нижней тетивой (рис. 5: *3*). Высота изделия 4,6 см. А. К. Амброз датировал такие фибулы (серия II, вариант 1) II в. н. э. [Амброз, 1966, с. 42]. Рассматриваемая находка соответствует фибулам нижнеднепровской серии (группа 10, серия III) в типологии В. В. Кропотова, согласившегося с их датировкой в рамках «большей части II в. н. э.» и указавшего на их бытование преимущественно в Западном Причерноморье [Кропотов, 2010, с 248, 249].

Три бусины (рис. 5: *4*), найденные в районе шейных позвонков, изготовлены из стекла, янтаря и гагата:

Округлая, поперечно сжатая бусина из темного стекла неопределенного цвета (1 экз.) (рис. 5: *4а*).

Янтарная пронизь неправильной формы (1 экз.) типа 44 [Алексеева, 1978, с. 25, 26] (рис. 5: *4б*).

Округлая, поперечно сжатая гагатовая бусина с широким каналом отверстия (1 экз.) типа 2-г [Алексеева, 1978, с. 11] (рис. 5: *4в*). По Е. М. Алексеевой, такие бусы существуют в I – II вв. н. э., «но, возможно, заходят и в III в. н. э.».

Погребение 2 (рис. 2), почти полностью разрушенное грабителями, располагалось к северо-востоку от погребения 1. Сохранились лишь кости ног, по расположению которых можно определить, что умерший был захоронен в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Погребальный инвентарь, который можно было бы связать с данным захоронением, не обнаружен.

Погребение 3 (рис. 2) находилось к юго-западу от погребения 1, у ЮЗ стенки камеры. Нижняя часть скелета разрушена грабительским шурфом. По сопровождающему инвентарю, характерному для женских захоронений, погребение 3 может быть определено, как женское. Умершая была погребена в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Череп повернут вправо, руки вытянуты вдоль тела, плечевая кость левой руки слегка сдвинута. К ЮЗ от правой руки прослежен древесный тлен от стенки гроба. В области груди зачищены бронзовая проволочная серьга (рис. 2: *10*; 6: *6*) и фрагментированное бронзовое зеркало (рис. 2: *9*; 6: *2*). Между грудной клеткой и правой плечевой костью находилась бронзовая фибула (рис. 2: *8*; 6: *5*). В районе запястья правой руки найден бронзовый браслет (рис. 2: *4*; 6: *1*), рядом лежали два бронзовых кольца с выступами (рис. 2: *5*; 6: *3*) со вставленными в каждое из них стеклянными полихромными бусинами (рис. 6: *7г*). Здесь же зафиксировано скопление прочих бус из стекла, гагата и янтаря (рис. 2: *6*; 6: *7*), а также массивная стеклянная полихромная пронизь (рис. 2: *7*; 6: *4*).

Бронзовый браслет (рис. 6: *1*) изготовлен из согнутого в кольцо круглого в сечении стержня с раздвоенными концами. Судя по аналогиям, можно прийти к выводу о том, что данный браслет сделан из инструмента, предназначенного для плетения сетей, подобного найденным на Боспоре [Кругликова, 1966, рис. 49] и в Ольвии [Крапивина, 1993, с. 130, 131, рис. 88, 7]. При этом изделие согнули в кольцо, а его раздвоенные окончания сомкнули друг на друге. Внутренний диаметр браслета составляет 7,5 х 9,0 см.

Бронзовая одночленная пружинная фибула с пластинчатой спинкой и нижней тетивой с четырехвитковой пружиной (рис. 6: *5*). Высота изделия 3,2 см. Возможно, данную находку следует сопоставлять со «смычковыми» фибулами группы 14 по А. К. Амброзу, датировавшему их концом I – III в. н. э. и предположившему, что «у одночленных фибул I – II вв. чаще пластинчатая спинка, чем у фибул III в.» [Амброз, 1966, с. 47]. Однако не менее вероятно, что рассматриваемая находка представляет собой застежку от пружинной фибулы-броши, щиток которой был полностью утрачен. На это предположение наводит формальная схожесть застежки с фибулами, найденными в погребении 9 из этого же склепа, рядом с которыми зафиксированы обломки щитков (см. ниже). Впрочем, учитывая то, что основной диапазон бытования пружинных фибул-брошей (группа 15 по В. В. Кропотову) приходится на вторую половину I – первую половину III в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 293–295], существенной коррективы в датировку находки это не привносит.

Фрагментированное бронзовое зеркало с боковой петлей для подвешивания (рис. 6: *2*) относится к типу IX по А. М. Хазанову [1963, с. 65–67]. Фрагменты изделия сильно коррозированы, поэтому был ли на внешней стороне зеркала орнамент — определить не удалось.

Бронзовые кольца с тремя рядами выступов (2 экз.) (рис. 6: *3*). Такие изделия присутствуют почти на всех могильниках Крымской Скифии, существовавших в I – III вв. н. э., особенно часто они встречаются в погребениях середины I – конца II вв. н. э. При этом различаются кольца большого (7–9 см), среднего (5–6 см) и маленького (2–3 см) диаметра. К наиболее ранним крымским комплексам с такими кольцами относятся погребение 18 из склепа 155 (Битак), датированное А. Е. Пуздровским первой половиной I в. н. э. [2003, с. 137, рис. 8, 2], и могила 469 (Усть-Альма) с фибулой типа «Алезия» [Пуздровский, 2007, рис. 194, 3а; Труфанов, 2009, с. 235, рис. 82, 2, 3]. Внутрь колец, найденных в склепе 977, были вставлены полихромные стеклянные бусины одного и того же типа, в чем вряд ли можно видеть случайность, скорее всего это было сделано намеренно. Пара маленьких колец со вставленными в них бусами найдена, например, в погребении 62 из некрополя «Совхоз 10» [Стржелецкий и др., 2005, табл. 9, 62].

Бусы (рис. 6: *7*):

Крупная пронизь бочковидной формы из белого глухого стекла с рядами неправильных прямоугольных «глазков» с синим центром, светло-зеленым и красным ободками (1 экз.) (рис. 6: *4*). Длина 4,4 см, диаметр 3,4 х 3,6 см.

Округлая, поперечно сжатая бусина из белого глухого стекла (1 экз.) типа 2 [Алексеева, 1978, с. 63] (рис. 6: *7а*).

Округлая бусина из голубого глухого стекла (1 экз.) типа 16 [Алексеева, 1978, с. 65] (рис.6: *7б*).

Цилиндрическая ребристая бусина из белого стекла (1 экз.) типа 142 [Алексеева, 1978, с. 71] (рис. 6: *7в*).

Округлые, поперечно сжатые бусы из светло-зеленого глухого стекла со сложно орнаментированным поперечным поясом (2 экз.) (рис. 6: *7г*). Тип орнамента определить не удалось, визуально в нем прослеживаются пятна белого, красного и желтого цвета, а также темно-синие (или черные) короткие полосы. На основании этих признаков данный орнамент сопоставим с оформлением бус типов 401–421 [Алексеева, 1982, с. 38, 39].

Фрагмент бусины уплощенной формы из полихромного стекла (1 экз.) неопределенного типа (рис. 6: *7д*).

Янтарная пронизь неправильной формы (1 экз.) типа 44 [Алексеева, 1978, с. 25, 26] (рис. 6: *7е*).

Гагатовые бусы бочковидной, поперечно сжатой формы (2 экз.) типа 9 [Алексеева, 1978, с. 12] (рис. 6: *7ж*).

Гагатовые цилиндрические бусы (2 экз.) типа 26 [Алексеева, 1978, с. 13–14] (рис. 6: *7з*).

Погребение 4 (рис. 2) расположено к северо-востоку от погребения 2, у СВ стенки погребальной камеры. Верхняя часть скелета разрушена грабителями. Умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль тела, ноги сомкнуты в щиколотках. У правой ключицы зачищены стеклянные бусы (рис. 2: *11*; 7: *4*), у левого запястья — три пронизи (одна стеклянная и две бронзовые, лежащие по обеим сторонам от нее) (рис. 2: *17*; 7: *3*). В 0,20 м к северо-западу от черепа, у СЗ стенки камеры стояла краснолаковая тарелка (рис. 2: *14*; 7: *6*) с находящимися внутри нее крупной костью животного (рис. 2: *16*) и железным ножом (рис. 2: *15*; 7: *5*), рядом лежали краснолаковый кувшин (рис. 2: *12*; 7: *2*) и раздавленный краснолаковый кубок (рис. 2: *13*; 7: *1*).

Краснолаковый кувшин с утолщенным вертикальным венчиком, цилиндрическим горлом и биконическим туловом, на кольцевом поддоне (рис. 7: *5*). Диаметр венчика 5,8 см, высота 19,9 см, диаметр поддона 7,3 см. Лаковое покрытие оранжевого цвета. Такие кувшины известны в ряде позднескифских погребений, датирующихся в пределах последней трети I – первой половины II в. н. э., причем несколько экземпляров найдено именно на Усть-Альминском некрополе [Труфанов, 2009, с. 128, 186, рис. 42]. Могилы 110 и 132 с такими кувшинами из некрополя Заветное (форма K-1b) Е. Кюннельт отнесла к последней трети I – первой четверти II в. н. э. [Kühnelt, 2008, p. 178, 179].

Большая краснолаковая тарелка с вертикальным, чуть отогнутым бортиком (рис. 7: *6*). На дне просматривается плохо отпечатавшийся оттиск штампа planta pedis в окружении двух кольцевых поясков насечек. Диаметр венчика 29,1 см, высота 6,7 см, диаметр поддона 14,7 см. Лаковое покрытие темно-оранжевое. Данный сосуд сопоставим с тарелками формы 3.1.1 в типологии Д. В. Журавлева, предложенная дата которых — «вторая половина I, возможно, начало II в. н. э.» [Журавлев, 2005, с. 145].

Краснолаковый тонкостенный плоскодонный кубок с отогнутым венчиком, биконическим туловом и кольцевидной ручкой (рис. 7: *5*). Диаметр венчика 7,1 см, высота 8,8 см, диаметр дна 3,4 см.

Бусы и пронизи (рис. 7: *1, 2*):

Пронизи бронзовые в виде коротких цилиндров (2 экз.) типа 5 (рис. 7: *1а*). Большая часть известных комплексов с подобными пронизями, по мнению Е. М. Алексеевой, датируется в пределах I – II вв. н. э. [Алексеева, 1982, с. 23].

Крупная пронизь в форме четырнадцатигранника из глухого белого стекла (1 экз.) типа 126 (рис. 7: *1б*). Такие изделия Е. М. Алексеева датировала II в. н. э. [1978, с. 70].

Округлая бусина из голубого глухого стекла (1 экз.) типа 16 [Алексеева, 1978, с. 65] (рис. 7: *2а*), подобная бусине, найденной в составе вещевого набора погребения 3 (рис. 6: *7б*).

Округлые стеклянные полихромные бусы (3 экз.) (рис. 7: *2б*). Плохая сохранность изделий не позволила определить их тип.

<u>Ярус II (средний).</u>

Погребение 5 (рис. 3). Расположено у ЮЗ стенки погребальной камеры, частично перекрывалось более поздним захоронением 3. Умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль позвоночника, кисть правой руки находилась на правом бедре, череп повернут вправо. К северо-востоку от костяка прослежены остатки стенки гроба. У черепа найдена бронзовая проволочная серьга (рис. 3: *23*; 8: *3*), в области ключиц зачищено скопление сердоликовых бус (рис. 3: *19*; 8: *2*), на запястье левой руки находился бронзовый браслет (рис. 3: *20*; 8: *1*), среди фаланг пальцев найден

фрагментированный бронзовый перстень (рис. 3: *24*; 8: *4*). В центральной части погребения, среди костей зачищены три фрагмента тулова краснолакового кувшина, в том числе с нижним прилепом ручки (рис. 3: *18*; 8: *5*). Судя по сохранившимся обломкам, сосуд имел сферическое тулово с двумя врезными желобками на плечиках и может быть отнесен к типу кувшинов, известных по комплексам последней четверти I – начала II в. н. э. [Пуздровский, 2007, рис. 173, 3].

Бронзовый браслет из круглого в сечении стержня с сомкнутыми, заведенными друг за друга слегка утолщенными концами (рис. 8: *1*). Внутренний диаметр изделия составляет 6,0 х 6,4 см. Тип V по Т. Н. Высотской [1994, с. 110]. В Крыму бронзовые браслеты с разомкнутыми утолщенными концами в основном встречаются в погребениях первой половины III в. н. э. [Труфанов, 2009, с. 226], но находка из склепа 977 показывает, что такая форма возникает раньше.

Сердоликовые округлые, поперечно сжатые бусы (28 экз.) относятся к типу 2 [Алексеева, 1982, с. 15] (рис. 8: *2*).

Погребение 6 (рис. 3). Находилось к северо-востоку от захоронения 5, частично перекрывалось позднейшим погребением 3. Центральная часть костяка разрушена грабительским шурфом. Умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Прослежены остатки деревянного гроба, размерами около 1,70 х 0,45 м. К северо-востоку от черепа, у левой ключицы была найдена бусина (рис. 3: *21*), рассыпавшаяся при зачистке, среди фаланг пальцев левой руки находился бронзовый перстень со стеклянной полусферической вставкой (рис. 3: *22*; 8: *6*).

Погребение 7 (рис. 3) располагалось у СВ стенки камеры и было перекрыто более поздним захоронением 4. Погребенный лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты воль туловища, ноги скрещены в голенях. Прослежены остатки гроба, размерами около 1,85 х 0,45–0,55 м. Рядом с ключицами погребенного зачищена нитка бусин и пронизей от ожерелья (рис. 3: *25*; 8: *7*), в районе груди найдена фибула (рис. 3: *27*; 8: *8*), на запястье правой руки находился браслет (рис. 3: *26*; 8: *9*).

Бронзовая шарнирная фибула с узкой ленточной спинкой, украшенной рядом штампованных «глазков», и кнопкой на конце сплошного приемника (рис. 8: *8*). Высота изделия 3,6 см. По мнению В. В. Кропотова, такие фибулы (форма 27), не находящие аналогий среди западноевропейских образцов, вероятно, следует выделять в «особую восточноевропейскую серию», а их датировка определяется исследователем в рамках второй половины I – начала II в. н. э. [2010, с. 271, 274].

Бронзовый проволочный браслет с завязанными концами (рис. 8: *9*) по форме аналогичен тому, что был найден на черепе погребения 1, но отличается от него более толстой проволокой. Внутренний диаметр изделия 6,5 х 7,0 см.

Бусы и пронизи (рис. 8: *7*), находившиеся в составе ожерелья, представлены изделиями нескольких типов:

Пронизь бронзовая в виде короткого цилиндра (1 экз.) типа 5 [Алексеева, 1982, с. 23] (рис. 8: *7а*).

Бочковидная поперечно сжатая бронзовая пронизь (1 экз.) типа 3 [Алексеева, 1982, с. 23] (рис. 8: *7б*).

Округлая бусина из красного глухого стекла с поперечной полосой из темного, черного на вид стекла, украшенной желтой веткой с листьями (1 экз.), типа 415 (рис. 8: 7в). Согласно Е. М. Алексеевой, такие бусы имеют широкую датировку, в пределах конца I в. до н. э. – II в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 38].

Фаянсовые округло-ребристые пронизи (2 экз.) типа 16г в основном встречаются в комплексах I – II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 33, 34] (рис. 8: *7г*).

Округлые поперечно сжатые бусы из полихромного стекла (2 экз.) плохой сохранности (рис. 8: *7д*), по-видимому, являются «глазчатыми», но точно установить их тип не удалось.

Гагатовые бочковидные поперечно сжатые бусы (2 экз.) типа 9а (рис. 8: *7е*) [Алексеева, 1978, с.12].

Обращает на себя внимание парность перечисленных типов бус (если принимать за такую же пару две бронзовые пронизи). По-видимому, в этом ожерелье каждая пара располагалась по бокам от полихромной бусины (рис. 8: *7в*), занимающей центральное место.

Ярус III (нижний).

Погребение 8 (рис. 4). Находилось у ЮЗ стенки камеры, под захоронением 5. Представляло собой скелет взрослого человека, погребенного в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми вдоль тела руками. Череп слегка повернут влево. Прослежены остатки деревянного гроба, размерами 1,80 х 0,35–0,48 м. В области шейных позвонков найдена гагатовая бусина (рис. 4: *29*; 9: *16*), на запястье левой руки был надет бронзовый браслет (рис. 4: *28*; 9: *17*).

Гагатовая бочковидная поперечно сжатая бусина (рис. 9: *16*) относится к типу 9а [Алексеева, 1978, с. 12].

Бронзовый браслет из круглого в сечении стержня с разомкнутыми концами относится к типу изделий с биконическими «шишечками» на концах (рис. 9: *17*). Его внутренний диаметр составляет 6,0–6,2 см. Соответствует типу II по Т. Н. Высотской, полагавшей, что такие браслеты на Усть-Альминском некрополе появляются в первой половине I в. н. э. и исчезают во второй половине II в. н. э. [Высотская, 1994, с. 110].

Погребение 9 (рис. 4) располагалось в СВ части камеры. Представляло собой захоронение женщины (судя по набору сопровождающего инвентаря), погребенной в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища. Отмечены остатки деревянного гроба, размерами около 1,70 х 0,50 м. В районе ключиц находились бусы (рис. 4: *32*; 9: *13*), маленькая золотая подвеска в виде лунницы (рис. 4: *34*; 9: *11*) и фрагменты двух бронзовых пружинных фибул-брошей, щитки которых разрушились (рис. 4: *31*; 9: *7, 9*). В области запястий отмечены два скопления бус (рис. 4: *37, 39*; 9: *12, 14*). Рядом с локтем левой руки находилась группа вещей, состоящая из фибулы (рис. 4: *35*; 9: *8*), а также связанных вместе при помощи узкого кожаного ремешка бронзовых предметов: ажурной подвески (рис. 4: *36*; 9: *1*), кольца с тремя рядами выступов (рис. 4: *36*; 9: *6*) и гладкого кольца (рис. 4: *36*; 9: *10*). Среди фаланг пальцев левой руки найдены три перстня со вставками, из которых два бронзовых (рис. 4: *38*; 9: *3, 4*) и один железный (рис. 4: *38*; 9: *2*). Еще один бронзовый перстень, вставка которого оказалась утраченной, был надет на фалангу одного из пальцев правой руки (рис. 4: 33; 9: 5). На берцовых костях, у щиколоток зачищены две замкнутые нити мелких фаянсовых бус коротко-цилиндрической формы (рис. 4: *40*), полностью рассыпавшихся при зачистке. Судя по контурам расположения бус, они могли являться обшивкой края штанов или обуви, или же представлять собой нечто вроде ножных браслетов. В районе ступней были найдены фрагменты круглого в сечении железного стержня (рис. 4: *41*; 9: *15*), вероятно, от шила. Рядом зафиксированы остатки неопределенного вещества желтоватого цвета, по-видимому, какого-то пигмента (рис. 4: *42*).

Бронзовая ажурная подвеска сферической формы с петлей (рис. 9: *1*) относится к изделиям, считающимся амулетами. Высота подвески 4,1 см, диаметр 3,2 см. По большому количеству вертикальных колец и наличию горизонтального кольца эта находка сопоставима с подвесками типа 3, варианта b в типологии Л. А. Рыжовой, датировавшей их концом I – первой половиной II в. н. э. [Рыжова, 2005, 284], отличаясь от них сферической формой.

Фрагменты трех бронзовых фибул (рис. 9: *7–9*) представляют собой обломки пружинных застежек с плоской спинкой. Относительно, по крайней мере, двух из них (рис. 9: *7, 9*) можно утверждать, что это были пружинные фибулы-броши, щитки которых разрушились. Эти фибулы соответствуют изделиям группы 15 по В. В. Кропотову, основное время бытования которых приходится на вторую половину I – первую половину III в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 293–295]. Возможно, третья застежка (рис. 9: *8*) тоже имела щиток, но нельзя исключать и того, что конструкция фибулы такой щиток изначально не предполагала. В этом случае изделие должно быть отнесено к группе «смычковых» фибул [Амброз, 1966, с. 47].

Миниатюрная золотая подвеска в виде лунницы с утолщениями на концах и пластинчатой петлей (рис. 9: *11*). Подобные золотые подвески на территории Усть-Альминского некрополя найдены в нескольких погребениях второй половины I в. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 152, рис. 126, 8, 10, 11].

Бусы, найденные в районе запястий (рис. 9: *12, 14*):

Фрагментированная янтарная бусина неправильной формы (1 экз.) типа 44 [Алексеева, 1978, с. 25, 26] (рис. 9: *12а*).

Сердоликовые округлые, поперечно сжатые бусы (14 и 11 экз.) типа 2 [Алексеева, 1982, с. 15] (рис. 9: *12б, 14б*).

Гагатовая продольно вытянутая бусина в форме параллелепипеда (1 экз.) типа 42, подобная изделиям, встречающимся в комплексах I – II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 16, табл. 22, 54] (рис. 9: 12*в*).

Гагатовые цилиндрические бусы (6 и 7 экз.) типа 26 [Алексеева, 1978, с. 13–14] (рис. 9: *12г, 14а*).

Гагатовые короткоцилиндрические бусы (39 экз.) типа 27 [Алексеева, 1978, с. 14–15] (рис. 9: *12д*).

Гагатовая продольно вытянутая, усеченно-бипирамидальная бусина (1 экз.) типа 56 (рис. 9: *12е*). Комплекс с такими бусами Е.М. Алексеева отнесла к I – началу II в. н. э. [1978, с. 17, табл. 22, 39].

Скопления бус, найденные у запястий, существенно различаются количественно и качественно, так что, вероятней всего это была не симметричная расшивка рукавов, а своеобразные браслеты.

Скопление бус, обнаруженных в районе щиколоток (рис. 9: *13*), состояло из гагатовых коротко-цилиндрических пронизей (18 экз.) типа 27 [Алексеева, 1978, с. 14–15] (рис. 9: *13а*) и одной сердоликовой округлой, поперечно сжатой бусины типа 2 [Алексеева, 1982, с. 15] (рис. 9: 13б).

Между погребениями 8 и 9, в центральной части камеры, на дне зафиксированы следы от двух досок, уложенных плашмя под разными углами по линии ЮВ–СЗ. Судя по общему плану, они, скорее всего не являлись частями гробов, а были уложены рядом в процессе совершения обряда захоронений нижнего яруса. На одной из досок (планиграфически — под погребением 6), рядом с ведущей в камеру ступенью лежало бронзовое зеркало с боковой петлей (рис. 4: *30*; 9: *18*). У самой ступени на дне камеры находились два небольших обломка известняка.

Бронзовое зеркало с усеченно-коническим выступом в центре, валиком по краю и боковой петлей (рис. 9: *18*). Диаметр 5,0 см, высота вместе с петлей 7,3 см. Соответствует зеркалам типа IX по А. М. Хазанову, полагавшему, что неорнаментированные изделия с коническим выступом датируются в основном I – II вв. н. э. [1962, с. 65–67]. От большинства из них рассматриваемая находка отличается несколько меньшими размерами, широкой петлей и уплощенной вершиной конического выступа. Для определения точных хронологических границ бытования таких зеркал на территории Крыма данных не достаточно. В предположительной форме высказывалось предположение об их существовании в рамках второй половины I в. н. э., притом, что похожие неорнаментированные зеркала меньших размеров и с более короткой петлей известны в комплексах конца I – начала II в. н. э. и II в. н. э. [Труфанов, 2007, с. 175].

Датировка. По мнению А. Е. Пуздровского, на протяжении многих лет занимающегося исследованием Усть-Альминского некрополя, большинство грунтовых склепов из познескифских могильников Крыма (Неаполь, Битак, Усть-Альма), сооруженных около середины I в. н. э., продолжали функционировать до начала II в. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 110]. На Усть-Альминском могильнике, помимо того, раскопан ряд склепов, сооруженных в последней трети I в. н. э. В таких склепах находилось по несколько погребений, располагавшихся ярусами по всей площади камеры, что свидетельствует о многократном использовании этих погребальных сооружений. Захоронения в этих склепах продолжали совершаться и в первой половине II в. н. э., а прекращение функционирования приходится на время до середины века.

Наиболее ранние из узко датирующихся вещей, найденных в склепе 977, относятся ко второй половине I в. н. э. В их числе золотая подвеска в форме лунницы и бронзовая шарнирная фибула, согласно предложенной датировке подобных изделий, относящаяся ко второй половине I – началу II в. н. э. [Кропотов, 2010, с. 271, 274].

Датировка других находок может быть определена в пределах последней трети I – первой трети II в. н. э. В их числе краснолаковая керамика (кувшин, тарелки, фрагменты кувшина) и бронзовая ажурная подвеска. Если учесть, что эта ажурная подвеска и золотая подвеска-лунница относятся к одному погребению, то датировка этого комплекса может быть сужена до последней трети I в. н. э.

Самую позднюю датировку имеет сильно профилированная фибула, попадание которой в склеп должно означать, что в нем продолжали хоронить, по крайней мере, в начале II в. н. э., а, может быть, и в более позднее время.

Как отмечалось выше, в заполнении входной ямы склепа были найдены обломки ручек узкогорлых светлоглиняных амфор типа С (рис. 1: *3, 4*). По С. Ю. Внукову амфоры типа С (вариант С-IVC в его типологии) характерны для комплексов «второй четверти – конца (?) II в. н. э.» [Внуков, 2006, с. 167]. Схожее мнение было высказано А. Е. Пуздровским, предположившим, что начало производства амфор «варианта раннего С» приходится на 20–30-е гг. II в. н. э. [Пуздровский, 2007, с. 186]. Если принимать во внимание находки этих фрагментов из заполнения входной ямы, то последнее захоронение в склепе должно было быть совершено в конце первой трети II в. н. э., или чуть позже.

Учитывая достаточно большое количество погребенных, следует думать, что склеп функционировал не менее двух или трех десятилетий.

Самыми ранними в склепе 977, вероятно, являются захоро*н*ения 8 и 9. Они были расположены на дне камеры, причем погребение 8 находилось под стенкой, так что, возможно, именно оно появилось в склепе раньше. Сложнее решить вопрос о том, когда было совершено погребение 7. С одной стороны, оно находилось у стенки, а значит должно быть отнесено к числу самых ранних и

предшествовать погребению 9, но с другой — расположено чуть выше по уровню (на 0,05–0,10 см), чем захоронения 8 и 9.

Позднейшим или одним из позднейших захоронений в склепе являлось погребение 1. Оно располагалось в центральной части погребальной камеры, у самого входа, загораживая доступ внутрь, так что проникнуть в камеру для совершения последующего погребения, не повредив при этом погребения 1, было бы трудно. Но нельзя исключать и того, что самым поздним захоронением в склепе являлось погребение 2, от которого сохранились лишь кости ног. Об этой возможности свидетельствует то, что уровень залегания сохранившихся костей данного погребения был несколько выше уровня расположения погребения 1. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что вся верхняя часть костяка была уничтожена грабителями, чего не случилось с погребением 1, а это значит, что вся уничтоженная часть погребения 2, скорее всего, располагалась выше по уровню.

Исходя из планиграфии и принимая во внимания спорные моменты, последовательность совершения захоронений в камере склепа 977 представляется следующей. В юго-западной части камеры: погребение 8 — погребение 5 — погребение 6 — погребение 3; в северо-западной и центральной части камеры: погребения 7 и 9 — погребение 4 — погребения 1 и 2.

Интересной находкой, происходящей из склепа, является браслет, изготовленный из инструмента, предназначенного для плетения рыболовных сетей. Любопытным представляется сам факт использования утилитарной вещи для создания украшения, каким является браслет. Можно предположить, что он был изготовлен из подручного материала, каким в данном случае оказался рабочий инструмент. Вопрос в том, носилось ли это украшение при жизни, или было создано по случаю похорон?

Если верно первое предположение, то кажется странным, что вместо приобретения обычного браслета, предпочтение было отдано громоздкому и довольно неудобному, надо полагать, при ношении на запястье, предмету. Вряд ли это объясняется отсутствием средств на приобретение готового украшения, так как во всех остальных отношениях погребение нельзя отнести к числу таких уж бедных. К тому же, нельзя забывать о том, что при изготовлении этого импровизированного украшения была испорчена вещь, стоимость которой, по-видимому, была не ниже стоимости бронзового браслета, по крайней мере, судя по весу.

Кажется более вероятным, что украшение было изготовлено в процессе похорон экспромтом теми, кто участвовал в погребальном обряде. Именно они сочли нужным, чтобы на запястье умершего был надет браслет, которого изначально не было. Для этой цели было использовано то, что оказалось под рукой, вероятно — из того, что нашлось среди личных вещей покойного, а это ведет к предположению о том, что этот умерший человек занимался плетением рыболовных сетей (если только предмет не попал к нему в результате обмена в качестве платы по весу бронзы).

По мнению Т. Н. Высотской, жители Усть-Альминского городища, хоть и занимались рыболовством, но рыба не занимала большого места в их пищевом рационе — рыбные кости найдены в незначительном количестве [Высотская, 1994, с. 38]. Известно несколько находок рыболовных крючков, найденных на городище и в могилах, так что это ограниченное количество рыбы могло добываться и без применения сетей. При этом следует упомянуть о находках двух предметов, считающихся грузилами для рыболовных сетей [Высотская, 1994, с. 38, рис. 13, 6]. По сути это простые утяжелители, но действительно могли использоваться для утяжеления сети. Однако обращает на себя внимание сам факт наличия всего двух таких находок на прибрежном городище, для жителей которого море, казалось бы, должно быть существенным источником пищи.

Вероятно, тех, кто занимался плетением сетей, среди обитателей городища было немного. Совсем не так, как это бывает в рыбацких поселках, где занятия, связанные с рыболовством — части многоступенчатого процесса, в который вовлечена большая часть работоспособного населения. Возможно, именно этим объясняется столь бесцеремонное обращение с инструментом для плетения сетей после смерти владельца, ведь в глазах окружающих этот предмет утратил свою утилитарную ценность. Как бы то ни было, среди захоронений Усть-Альминского могильника другие комплексы с аналогичными изделиями пока не известны, на настоящий момент эта находка уникальна.

Abstract

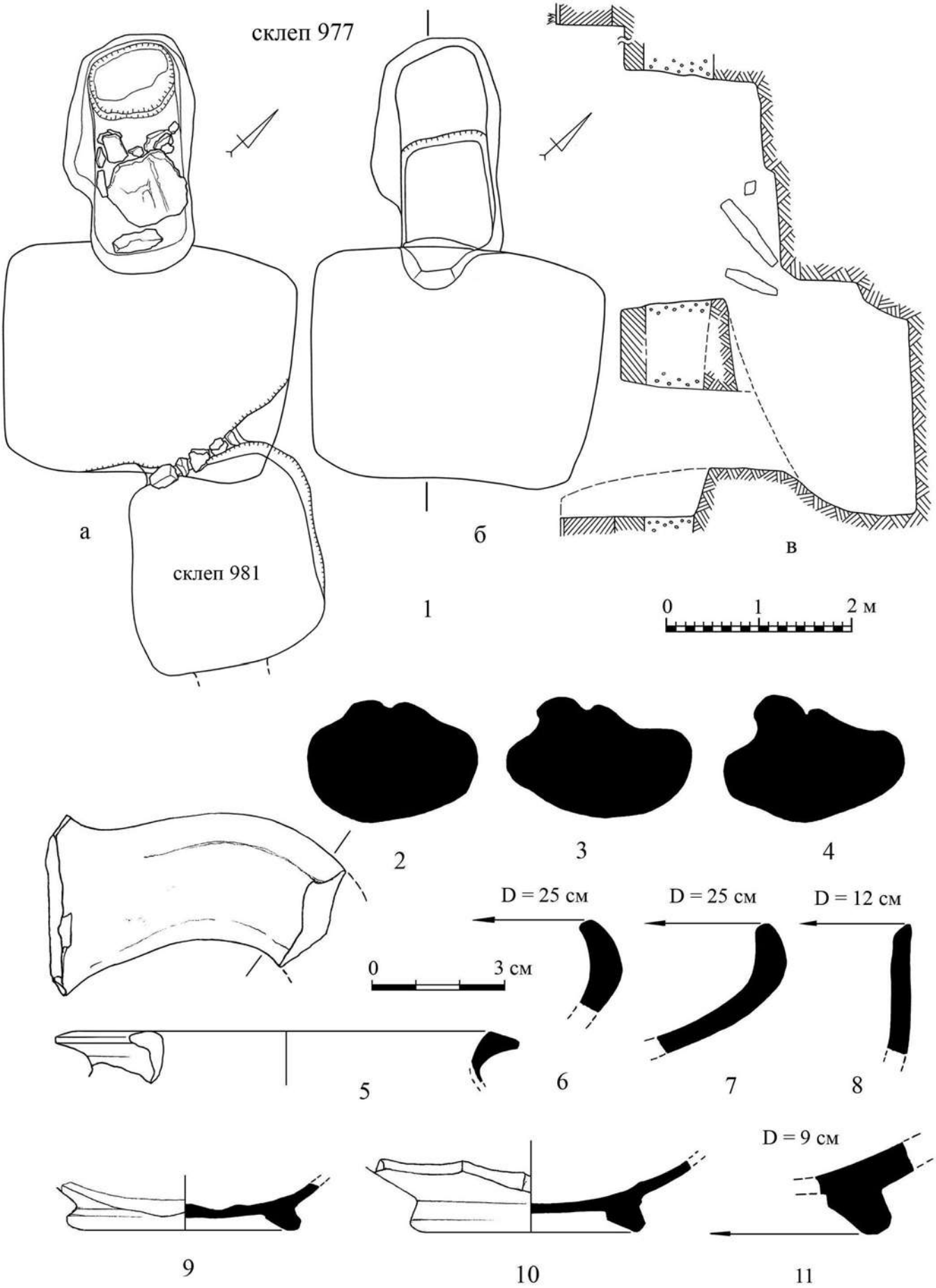
A. A. Trufanov

CRYPT 977 FROM LATE SCYTHIAN UST' AL'MA NECROPOLIS

Article is devoted to the publication of materials of burials from a crypt 977 of the Ust-Alminsky late Scythian necropolis located in Southwest of the Crimea. In a crypt there were 9 burials located in three circles. Burials contain the finds dating a crypt within the last third of I – the first third of the II century AD.

Key words: late Scythian Ust-Alminsky necropolis, burials, fibula, beads, redslip ware.

Рис. 1. Склеп 977 (Усть-Альма). 1а — план склепа с обломками камней во входной яме; 1б — план склепа; 1в — разрез; 2–11 — обломки керамики из входной ямы


склеп 977
а
б
в
склеп 981
1
0 1 2 м
2
3
4
D = 25 см
D = 25 см
D = 12 см
0 3 см
5
6
7
8
D = 9 см
9
10
11

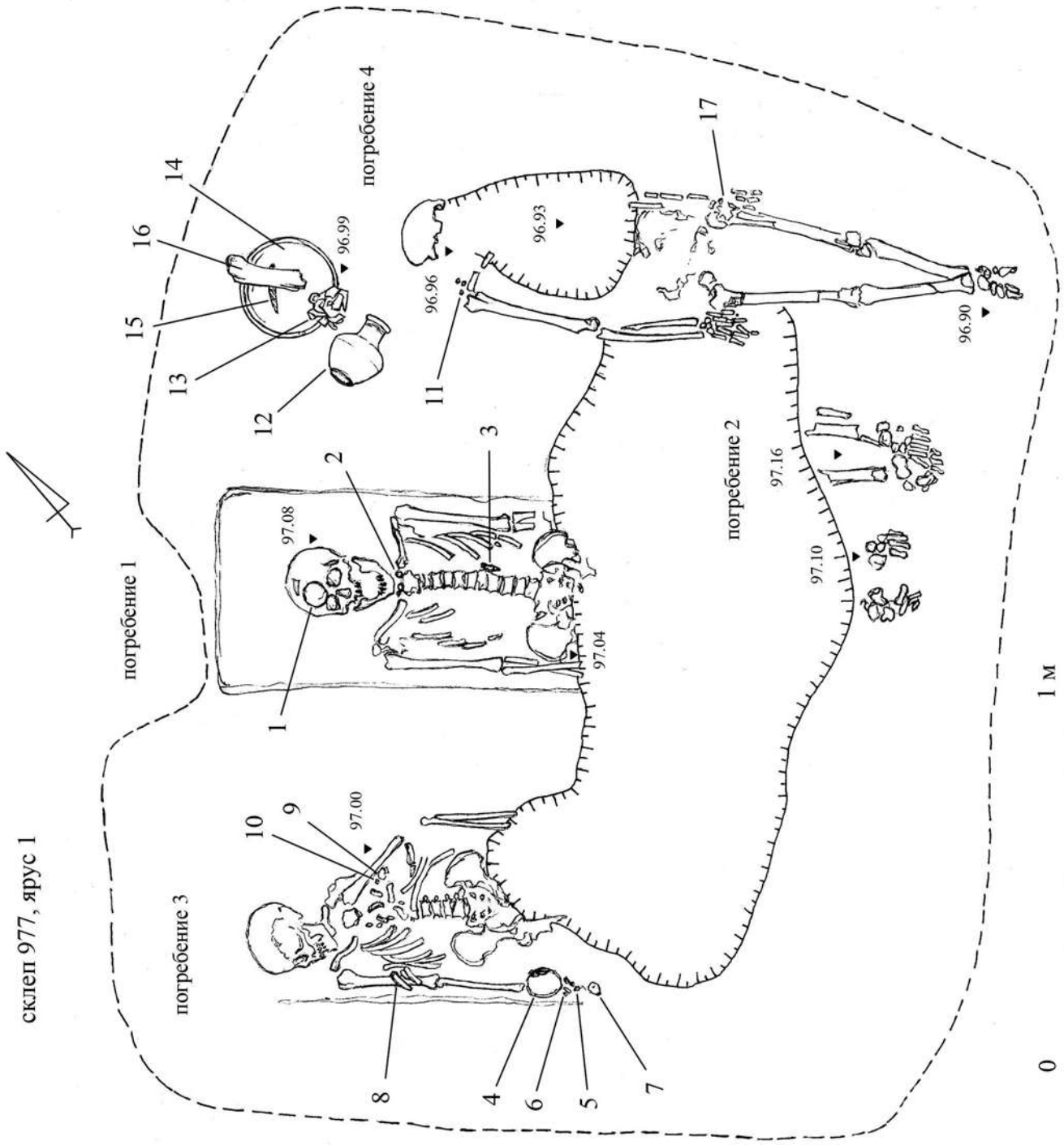


Рис. 2. Склеп 977 (Усть-Альма). План погребений 1 (верхнего) яруса:

погребение 1: 1 — бронзовый браслет, 2 — бусы, 3 — фибула; погребение 3: 4 — бронзовый браслет, 5 — бронзовые кольца с продетыми в них стеклянными бусами, 6 — бусы, 7 — пронизь стеклянная, 8 — фибула, 9 — фрагменты бронзового зеркала, 10 — бронзовая серьга;

погребение 4: 11 — бусы, 12 — кувшин краснолаковый, 13 — кубок краснолаковый, 14 — тарелка краснолаковая, 15 — нож железный, 16 — кость животного, 17 — пронизи бронзовые и стеклянная

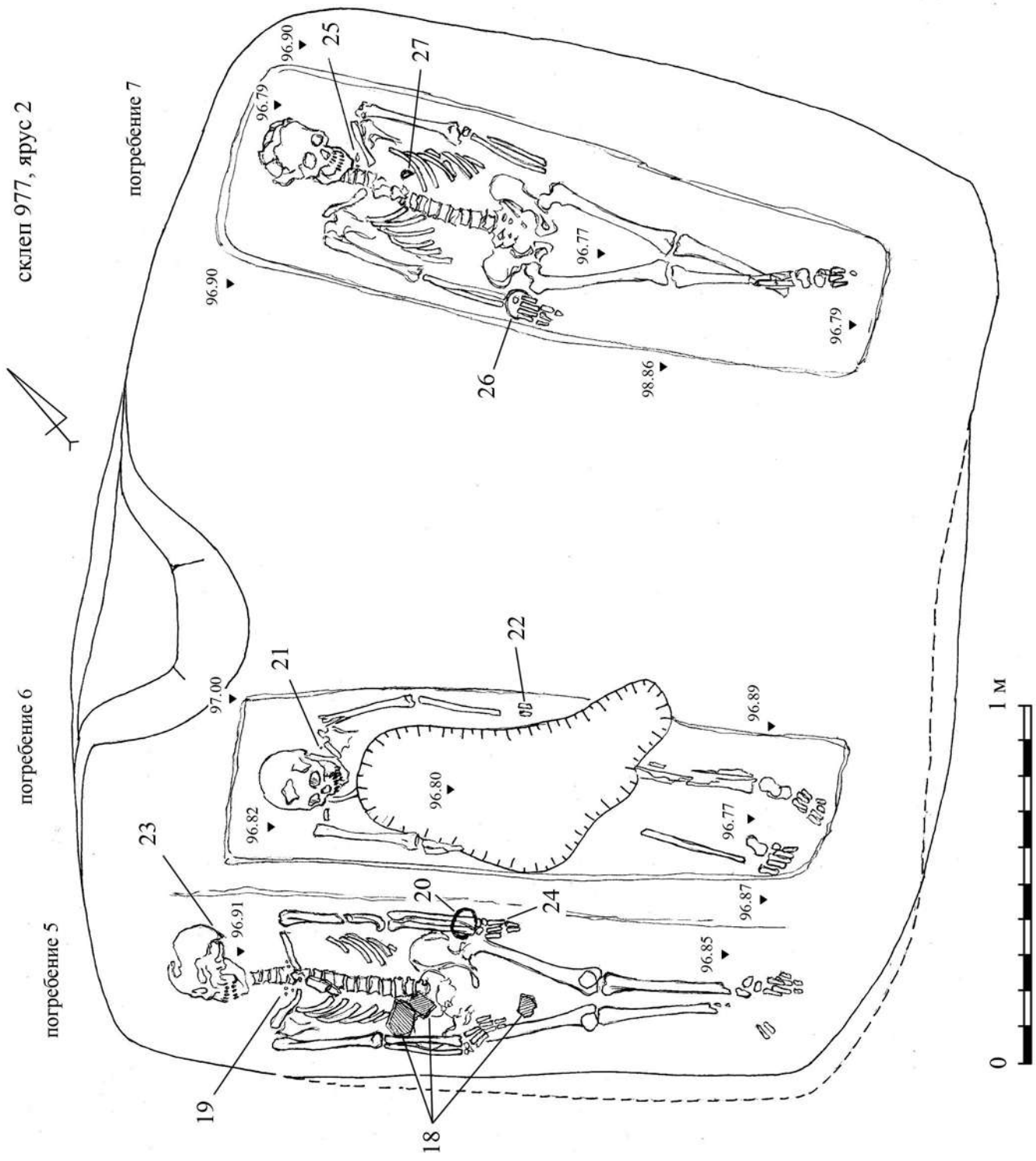


Рис. 3. Склеп 977 (Усть-Альма). План погребений 2 (среднего яруса:

погребение 5: 18 — фрагменты краснолакового кувшина, 19 — бусы, 20 — бронзовый браслет, 23 — бронзовая серьга, 24 — перстень;

погребение 6: 21 — бусина, 22 — перстень;

погребение 7: 25 — бусы, 26 — бронзовый браслет, 27 — бронзовая фибула

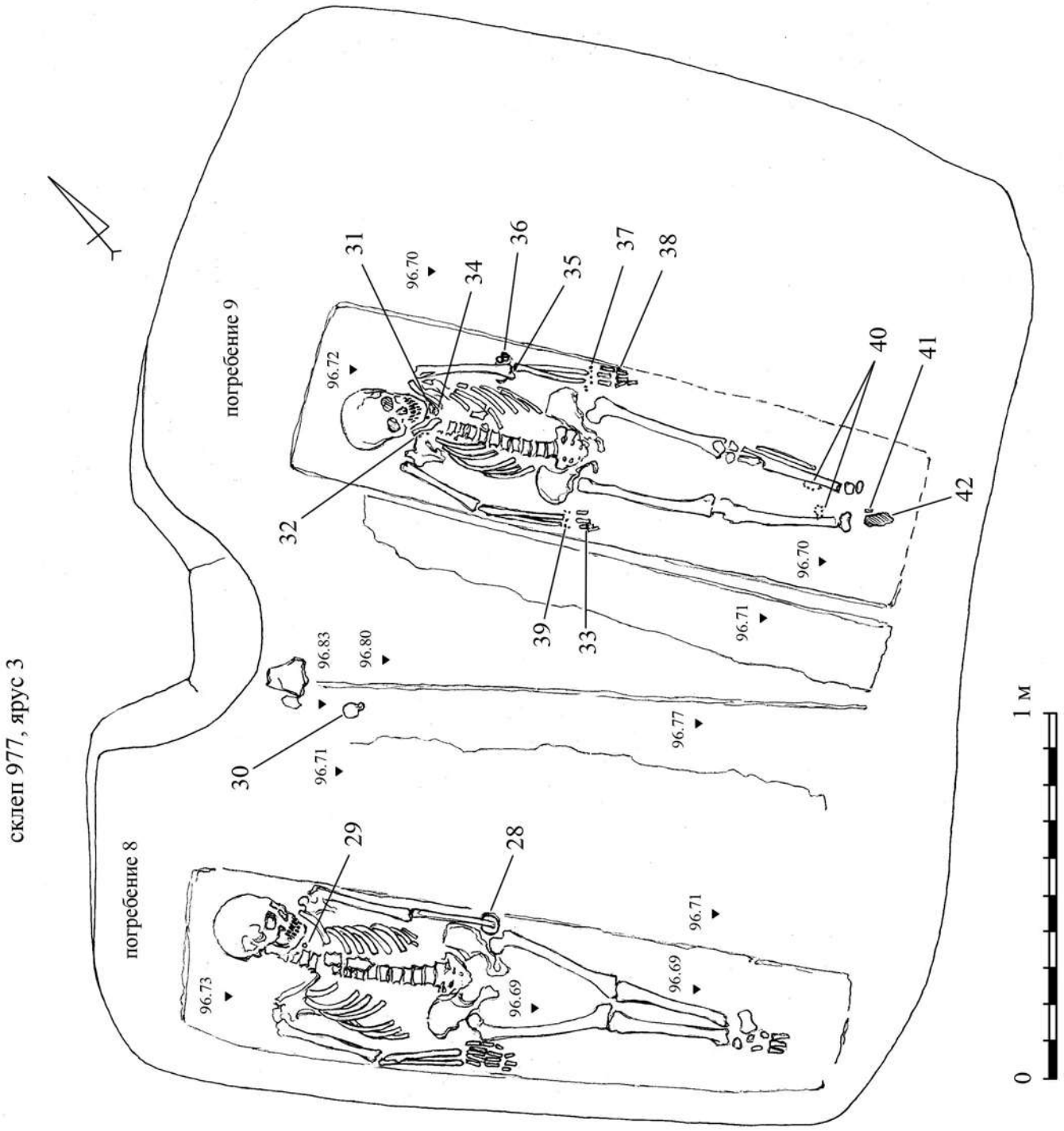


Рис. 4. Склеп 977 (Усть-Альма). План погребений 3 (нижнего) яруса:

погребение 8: 28 — бронзовый браслет, 29 — бусина, 30 — бронзовое зеркало;

погребение 9: 31 — фрагменты фибул-брошей, 32 — бусы, 33 — бронзовый перстень, 34 — золотая подвеска-лунница, 35 — бронзовая фибула, 36 — бронзовое кольцо, ажурная подвеска и кольцо с выступами на кожаном ремешке, 37 — бусы, 38 — бронзовые и железный перстни, 39 — бусы, 40 — бусы, 41 — железное шило, 42 — остатки желтого вещества

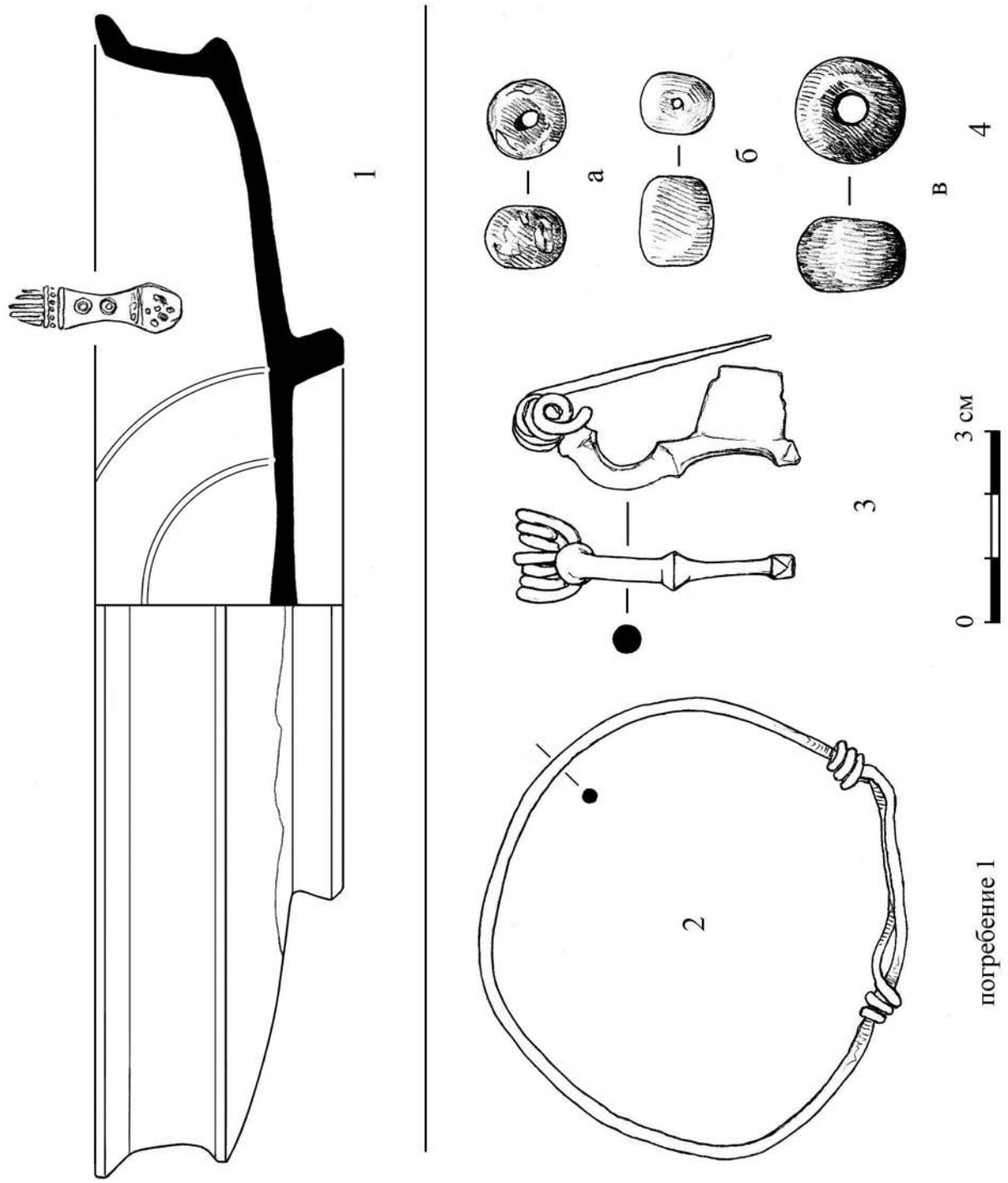
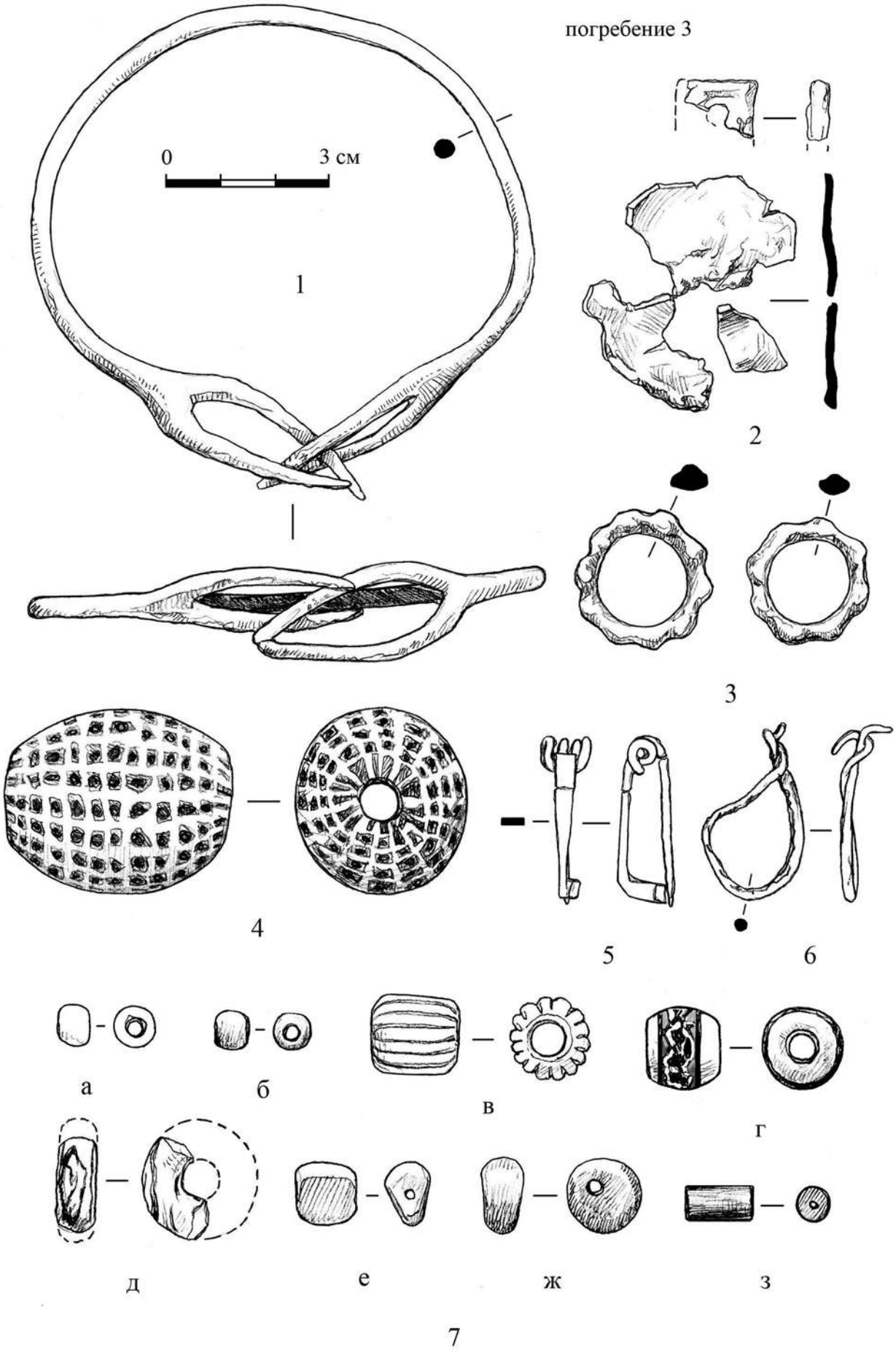


Рис. 5. Склеп 977 (Усть-Альма). 1 — краснолаковая тарелка;
находки из погребения 1: 2 — бронзовый браслет, 3 — бронзовая фибула, 4 — бусы
(а — стекло, б — янтарь, в — гагат)


погребение 3
0
3 см
1
2
3
4
5
6
а
б
в
г
д
е
ж
з
7

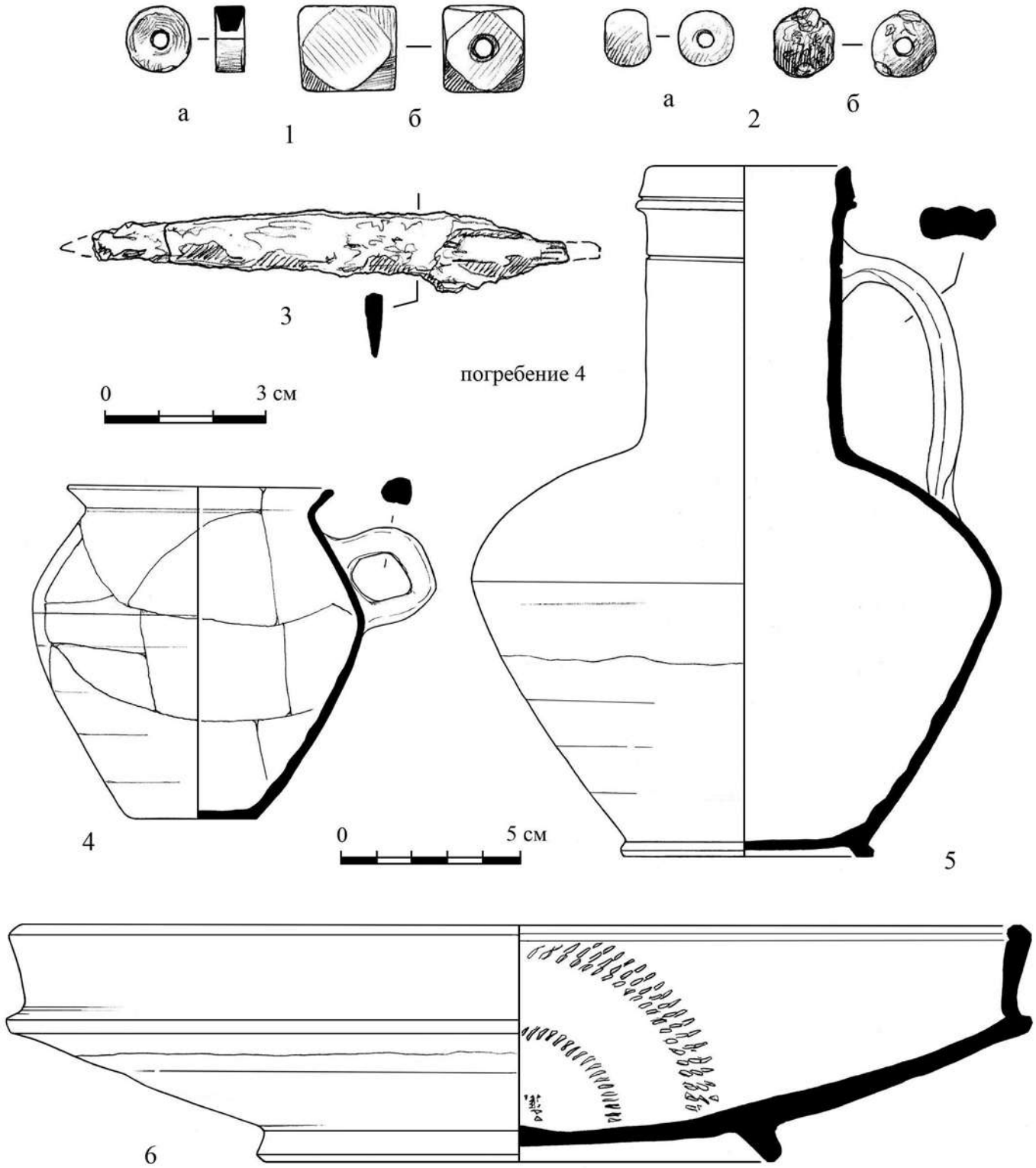


Рис. 7. Склеп 977 (Усть-Альма). Находки из погребения 4: 1 — бусы (а — бронза, б — стекло), 2 — стеклянные бусы, 3 — железный нож, 4 — краснолаковый кубок, 5 — краснолаковый кувшин, 6 — краснолаковая тарелка

Рис. 6. Склеп 977 (Усть-Альма). Находки из погребения 3: 1 — бронзовый браслет, 2 — фрагменты бронзового зеркала, 3 — бронзовые кольца, 4 — стеклянная пронизь, 5 — бронзовая фибула, t6 — бронзовая серьга, 7 — бусы (а–д — стекло, е — янтарь, ж–з — гагат)

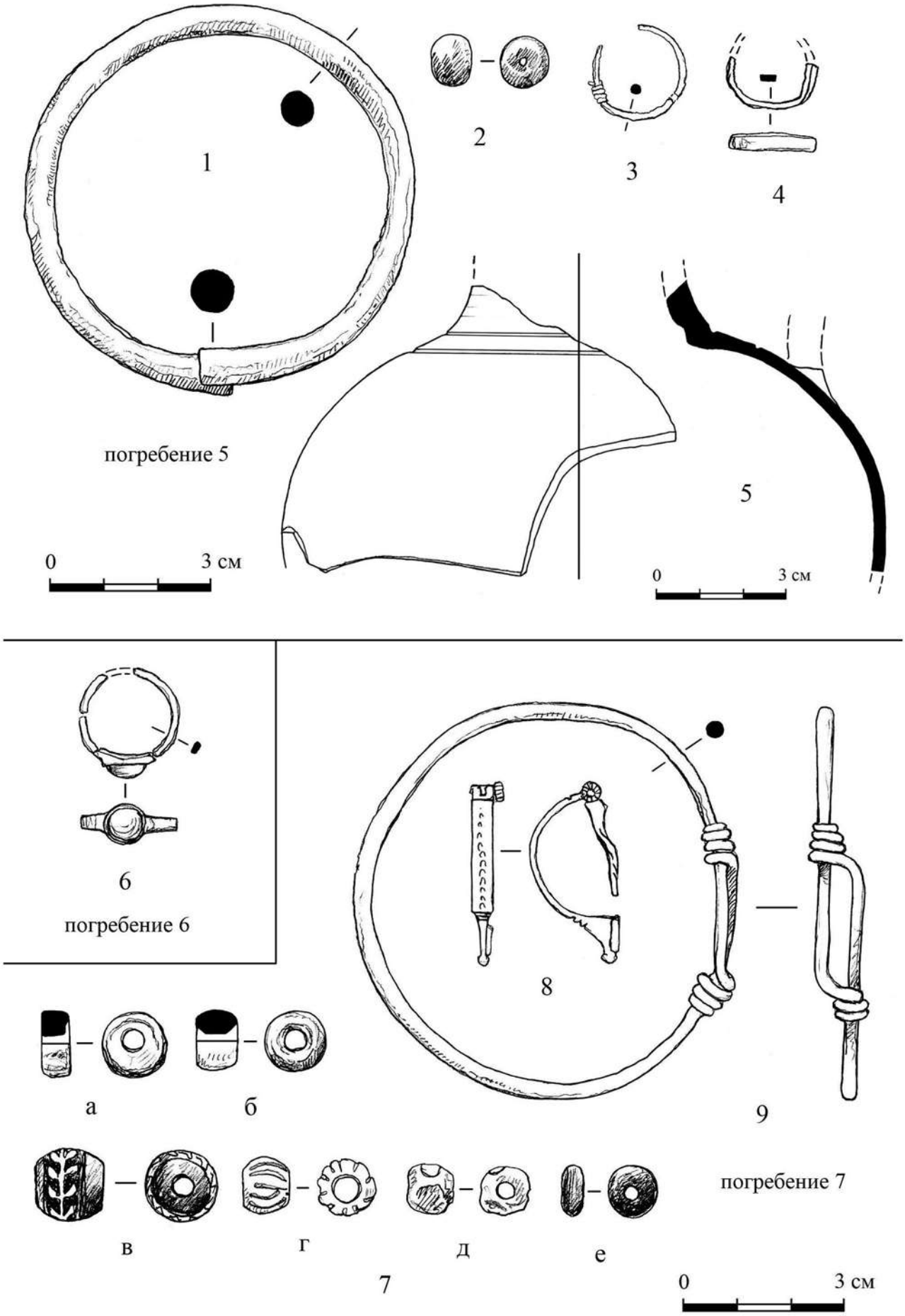
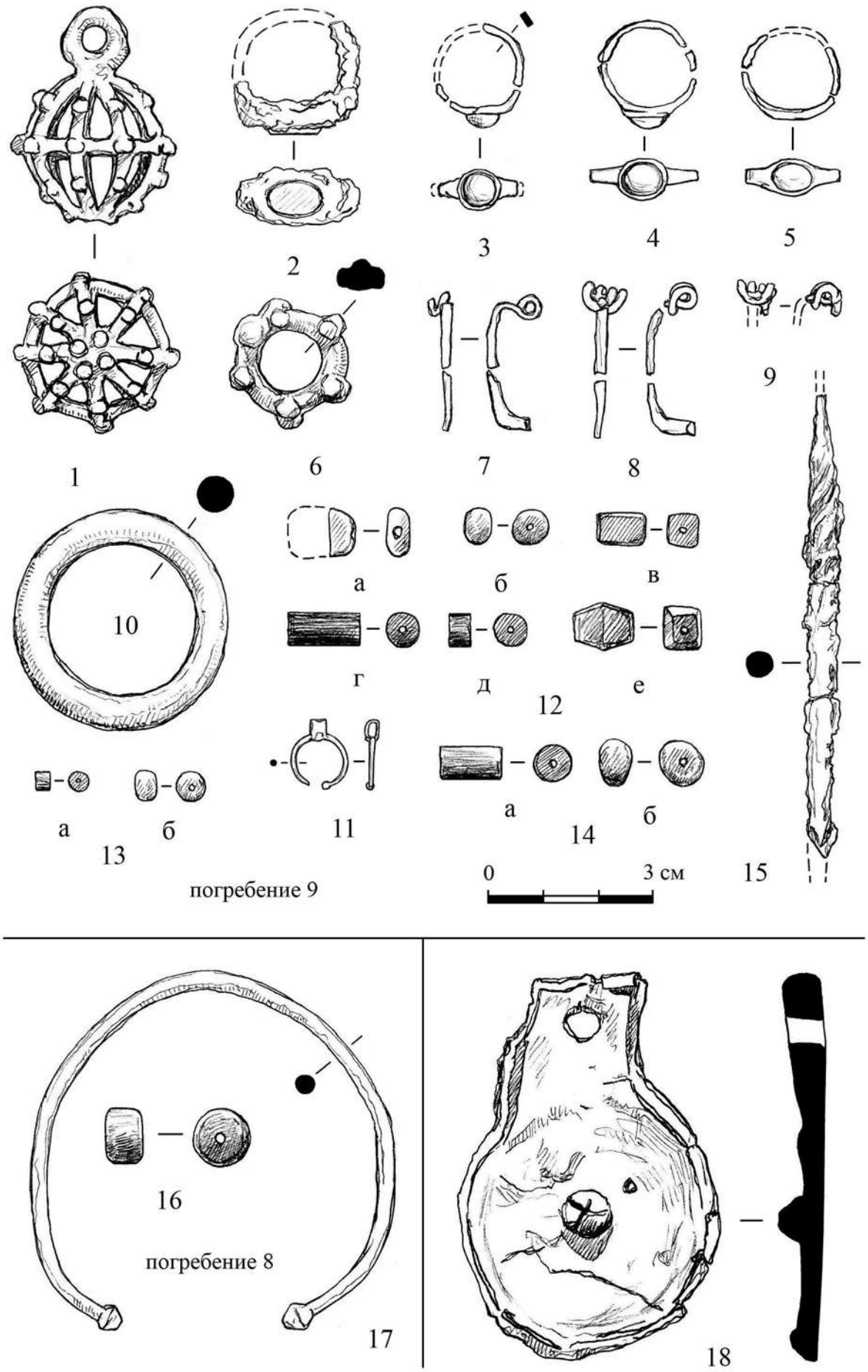


Рис. 8. Склеп 977 (Усть-Альма).
Находки из погребения 5: 1 — бронзовый браслет, 2 — сердоликовые бусы, 3 — бронзовая серьга, 4 — фрагмент бронзового перстня, 5 — фрагменты краснолакового кувшина;
6 — перстень из погребения 6;
находки из погребения 7: 7 — бусы (а, б — бронза, в, д — стекло, г — фаянс, е — гагат), 8 — бронзовая фибула, 9 — бронзовый браслет



Цветной рис. 10 расположен на стр. 615.
(Рис. 10. Склеп 977 (Усть-Альма). Находки)

Рис. 9. Склеп 977 (Усть-Альма).
Находки из погребения 9: 1 — бронзовая подвеска, 2 — железный перстень со стеклянной вставкой, 3–5 — бронзовые перстни со стеклянными вставками, 6 — бронзовое кольцо, 7–9 — фрагменты бронзовых фибул, 10 — бронзовое кольцо, 11 — золотая подвеска, 12 — бусы (а — янтарь, б — сердолик, в–е — гагат), 13 — бусы (а — гагат, б — сердолик), 14 — бусы (а — гагат, б — сердолик), 15 — железное шило; находки из погребения 8: 16 — бусина гагатовая, 17 — бронзовый браслет; 18 — бронзовое зеркало

А. Е. Пуздровский, Г. В. Медведев

ПАРНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ПЕРВЫХ ВЕКОВ н. э. НА УСТЬ-АЛЬМИНСКОМ НЕКРОПОЛЕ

В статье публикуются и анализируются комплексы могил, содержащих парные погребения и подзахоронения во входных ямах из Усть-Альминского некрополя (раскопки 2000, 2001, 2005 гг.). Данный обряд не типичен для традиции индивидуальных погребений первых веков н. э., хотя и встречается в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма. На Усть-Альминском и Битакском могильниках отмечается значительно большее количество могил, содержащих парные погребения, в сравнении с другими могильниками Центрального и Юго-Западного Крыма этого же периода. Данный погребальный обряд связан с процессами ассимиляции поздних скифов с сарматами, а также с вопросами семейной структуры и социальных отношений в позднескифской культуре.

Ключевые слова: парные погребения, краснолаковая посуда, могилы, фибула.

Проблемы изучения позднескифской культуры Крыма в первые века нашей эры напрямую связаны с исследованиями погребальных сооружений и погребального обряда.

На протяжении более чем 40 сезонов, на Усть-Альминском некрополе было исследовано свыше тысячи погребальных сооружений, среди которых достаточно часто встречаются могилы с многократными погребениями. Данные сооружения содержали два и более погребенных. Использование могилы для двух или нескольких погребений нетипично для традиции индивидуальных погребений, имевшей распространение в позднескифской культуре в первые века. н. э [Медведев, 2010, с. 219; 2011, с. 291].

Впервые на такие погребальные сооружения обратил внимание Д. С. Раевский [1971, с. 66, прим. 31]. Задачей данного исследования является публикация и анализ комплексов из Усть-Альминского некрополя, исследовавшихся в период с 1993 по 2012 гг., а также данные предыдущих лет (1967–1983 гг., 1988, 1990–1991гг.), в которых встречены парные погребения и подзахоронения во входных ямах. Публикуемые комплексы хорошо иллюстрируют данный погребальный обряд.

Могила 752. Подбойная, с двумя камерами. Обнаружена на глубине 0,8 м. Входная яма была размером 2,3 х 0,9 х 0,6 м и ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Из нее в камеры вели ступеньки высотой 0,2 и 0,3 м. Каменные заклады прослежены с обеих сторон на высоту до 0,7 м (рис.1).

Первоначально был вырыт подбой 1 (к северу от входной ямы), его размеры составили 2,2 х 0,5 х 0,4 м. Однако его заклад был нарушен грабителями (в древности) в западной части. Судя по расположению сохранившихся остатков черепа и длинных конечностей, умерший был ориентирован головой на ЮВ. В области нижней части костяка зачищены мелкие бусы из стекла.

В подбое 2 размером 2,2 х 0,55–0,7 х 0,5 м. совершено два погребения (взрослого и ребенка) в деревянном гробу, от которого сохранились следы дерева под костяком и железные гвозди (рис.1: *4*).

Погребение 1. Умершая (вероятно женщина) лежала в вытянутом положении, кисти рук прижаты к тазу, ноги сближены. К югу от черепа стоял краснолаковый кувшин (рис. 1: *1*), а рядом с ним — на ребре — краснолаковая тарелка (рис. 1: *2*) с ножом внутри (рис. 1: *3*). На груди зачищены две стеклянные пронизи (рис. 1: *5*), у коленного сустава левой ноги находилась железная пряжка, (рис. 1: *6*) вероятно от ремня, которым были связаны ноги.

Погребение 2. Умерший ребенок (рис. 1) лежал поверх ног взрослого и был ориентирован головой на ЮВ. В районе грудной клетки зафиксированы стеклянные бусы (рис. 1: *8*), бронзовый колокольчик (рис. 3: *7*), обломок бронзовой лун-

ницы (рис. 1: *10*), у кисти левой руки лежал бронзовый браслет из витой проволоки (рис. 3: *9*).

Инвентарь погребений:

Погребение№1

1. Краснолаковый кувшин с узким горлом с плавным переходом в грушевидное тулово, с петлевидной ручкой на кольцевидном поддоне. Диаметр венчика 6,0 см, высота 16,0 см, диаметр поддона 6,0 см. (рис. 2: *1*). Данный сосуд можно отнести к типу 7 первого варианта. [Труфанов, 2011, с. 177, рис. 34]. Подобные кувшины встречаются на Усть-Альминском некрополе [Высотская, 1994, таб. 27, 41; Пуздровский, 2007, рис. 180, 3]. Аналогичные кувшины известны в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма [Сымонович, 1983, таб. VI, 5,7,13; Высотская, 1994, с. 78]

2. Краснолаковая тарелка (чашка) округло-конической формы с плавно загнутым венчиком на высоком поддоне. Диаметр венчика 18,7 см, диаметр поддона 7,8 см, высота ее 5,8 см (рис. 2: *2*). Данный тип чашек достаточно часто встречается в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма [Высотская, Махнева, 1983, рис. 6, 2, 3; Сымонович, 1983, таб. IX; Высотская, 1994, таб. 12, 2; 13, 13; Зайцев, Мордвинцева, Неневоля, Фирсов, Радочин, 2005, с. 171–172, с. 187, 188, рис. 9, 10]. Такие чашки встречаются в погребениях от конца I в. н. э до середины III в. н. э [Журавлев, 2007, с. 376–377, рис. 5; Пуздровский, 2007, с. 460, рис. 186, 12; Труфанов, 2009, рис. 10,9]. Данный экземпляр скорее всего относится к первой половине III в. н. э.

3. Железная пряжка с овальной рамкой и подвижным язычком Диаметром 1,7 см X 1,2 см (рис. 3: *3*). Данные пряжки появляются в первой половине III в. н. э. [Труфанов, 2009, с. 218–221, рис. 60, 61].

4. Стеклянные бусы двух типов: 1) цилиндрические бусы из глухого белого стекла (1 экз.) типа 55 (рис. 3: *4а*) распространены в I – III в.н. э. [Алексеева, 1978, с. 67] или тип 1 [Стоянова, 2004, с. 268]. 2) Округло-ребристая стеклянная (1 экз.) типа 150 или тип 3 (рис. 3: *4б*), известны в первые века н. э. [Алексеева, 1978, с. 71; Стоянова, 2004, с. 275,276].

5.Фрагменты железных гвоздей (28 экз.) (рис. 3: *5*).

Погребение №2

1. Браслет бронзовый из витой проволоки с несомкнутыми концами. Диаметр 4,0 см (рис. 3: *6*).

2. Стеклянные бусы двух типов: 1) цилиндрические бусы из глухого белого стекла (2 экз.) типа 55 (рис. 3: *7а*) аналогичные найденным в первом погребении. 2) Округлая из глухого белого стекла (1 экз.) типа 2 (рис. 3, *7б*). Большая часть погребений с такими бусами имела распространение в I – II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 63].

3. Маленький бронзовый колокольчик округло-конической формы с отогнутым краем. Размеры 1,8 х 1.8 см (рис. 3: *8*), встречается в погребениях со второй половины Iв. н. э – до первой половины III в. н. э. [Труфанов, 2009, с. 235].

4. Фрагмент бронзовой лунницы (рис. 3: *9*).

5. Ножа железного фрагменты (рис. 3: *10*).

Погребения 1 и 2, судя по датировке инвентаря, были совершены в первой половине III в. н. э.

Могила 753. Подбойная. Обнаружена на глубине 0,6 м. размеры входной ямы 1,5 х 0,8 м, была ориентирована по линии СЗ–ЮВ, глубина составила 0,8 м. По всей глубине входная яма была забита крупными и средними обломками известняка и песчаника (рис. 4) Из входной ямы в подбой вела ступенька, высота которой составила 0,3 м; вдоль нее были уложены камни заклада в 5–6 рядов на высоту 0,5 м и образовали кладку «насухо». Подбой был размером 2,2 х 0,4 х 0,5 м, в нем находилось два погребения одно над другим (рис. 4).

Погребение 1 (верхнее). Было обнаружено в заполнении входной ямы на глубине 1,12 м, костяк лежал на камнях. Этот умерший был погребен последним. Поскольку над костяком располагался слой камней, толщина которого 0,5 м, и соответственно кости оказались раздавленными. Но несмотря на плохую сохранность, позу и ориентацию установить удалось. Умерший лежал в вытянутом положении, на спине, головой на ЮВ, кисть правой руки прижата к тазу, кисть левой — на тазу. На берцовых костях были расположены стеклянные бусы (рис. 4: *7*).

Погребение 2 (верхнее в камере). Умерший находился в вытянутом положении, головой ориентирован на ЮВ, кисти рук прижаты к тазу (рис. 4). В области костей грудной клетки находились стеклянные бусы (рис. 4: *1*), рядом с ними — бронзовая фибула (рис. 4: *2*), в ногах к северо-западу лежала краснолаковая тарелка (рис. 4: *5*) с краснолаковой чашкой внутри (рис. 4: *3*).

Погребение 3 (нижнее в камере). Умерший лежал на дне могилы и был ориентирован головой на ЮВ, ноги сближены в голенях (рис. 4). Судя по находке железного гвоздя (рис 4: *4*), погребенный, скорее всего, лежал в деревянном гробу. К погребению 3, скорее всего, относится нижняя тарелка (рис. 4: *5*) и краснолаковый кувшин, расположенный в головах у ЮВ стенки (рис. 4: *6*) у костей ног

(ступней) погребенного найден фаянсовый бисер, вероятно, им была расшита обувь (рис. 4: *7*).

Рассмотрим инвентарь погребений:

Погребение 2

1. Краснолаковая тарелка (чашка) округлоконической формы с плавно загнутым венчиком на высоком поддоне. Диаметр венчика 11,3 см, диаметр поддона 4,0 см, высота 5,0 см (рис. 5: *1*). Данная чашка аналогична найденной в могиле 753.

2. Фибула бронзовая лучковая (во фрагментах) (рис. 5: *2*). Относится к 4 варианту [Амброз, 1969, с. 252]. Были распространены в Центральном и Юго-Западном Крыму [Сымонович, 1983, таб. XXVII; Пуздровский, 2007, с. 479, рис. 205; Труфанов, 2009, с. 210, 211, рис. 56].

3. Бусы и пронизи

1). Округлая из глухого белого стекла (1 экз.) типа 2 (рис. 5: *3а*). Наибольшее распространение имели в I – II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 63; Стоянова, 2004, с. 264].

2). Цилиндрические бусы из глухого одноцветного стекла (2 экз.) типа 55 (рис. 5: *3б*). Имеют широкое распространение в I – III вв.н. э. [Алексеева, 1978, с. 67] или тип 1 [Стоянова, 2004, с. 268].

3). Бусы призматические из прозрачного синего стекла (рис.5: *3в*) тип 109 или тип 6 [Алексеева, 1978, с. 69; Стоянова, 2004, с. 271].

4). Бусы в форме четырнадцатигранника из прозрачного зеленого стекла (2 экз.) тип 131 или тип 5 по (рис. 5: *3г*). Характерны для II – IV вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 70; Стоянова, 2004, с. 272].

Погребение 3

1. Краснолаковая миниатюрная тарелка с прямым вертикальным бортиком, со скругленным выступом в верхней части, ребро заостренное выступающее. Диаметр венчика 10,4 см, диаметр поддона 3,6 см, высота 3,0 см (рис. 5: *4*). Данный тип тарелок близок к найденным на Битакском и Усть-Альминском некрополях в могилах 802 и 835 [Пуздровский, 2007, с. 458, рис. 184, 1,2,3]. Скорее всего тарелку можно отнести к типу III-Е [Труфанов, 1997, с. 189–190],

2, Краснолаковый кувшин с узким горлом с плавным переходом в грушевидное тулово с петлевидной ручкой на кольцевидном поддоне. Диаметр венчика 5,3 см, диаметр поддона 4,4 см, высота 14,3 см (рис. 5: *5*). Данный кувшин аналогичен найденному в могиле 752 [Труфанов, 2009, с. 177, рис. 34].

3 Фаяновый бисер коротко-цилиндрической формы (50 экз.) типа 9 или тип 2 (рис. 5: *6*). Большее распространение данные бусы имели в I – II вв.н. э. [Алексеева, 1975, с. 32; Стоянова, 2004, с. 287].

Погребения 2 и 3 были совершены в пределах конца II в. н. э. – середины III в. н. э.

Могила 778. Грунтовая с заплечиками и каменным перекрытием. Была расположена под могилой 774, на глубине 1,4–1,5 м. Она имела прямоугольную форму и ее размеры составили 2,0 х 1,0 м и была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. По длинным сторонам имелись заплечики, на которые опирались плиты перекрытия. Большая часть плит либо просела внутрь могилы, либо была смещена при подзахоронении. Глубина могилы 0,65 м, в ней было погребено двое умерших, находившихся в «валетообразном» положении (рис. 6).

Погребение 1 (верхнее). Умершая (женщина ?) лежала несколько небрежно (небольшое смещение), скорее всего это связано с особенностями при захоронении, когда плиты перекрытия полностью не вскрывались. Костяк находился в вытянутом положении на спине, головой ориентирован на СЗ. Ноги сближены и перекрещены в щиколотках, скорее всего, были связаны (рис. 6). В области костей правой ключицы находилась бронзовая фибула (рис. 6: *1*), а на костях кисти правой руки — бронзовый браслет (рис. 6: *2*) и гагатовые бусы (рис. 6: *3*).

Погребение 2 (нижнее). Погребенный (мужчина ?) лежал в вытянутом положении головой на ЮВ (рис. 6). Под костяком прослеживается темно-коричневый тлен от кошмы или гроба. В области грудной клетки лежала бронзовая фибула (рис. 6: *4*) и крупная реберчатая фаянсовая пронизь (рис. 6: *5*). В восточном углу могилы стояла на ребре краснолаковая тарелка (рис. 6: *6*), внутри которой была кость животного (рис. 6: *7*) и железный нож (рис. 6: *8*).

Инвентарь погребений:

Погребение 1

1.Фибула бронзовая лучковая (во фрагментах). Размеры фибулы 3,5 х 1,3 (рис. 7: *1*). Относится ко 2 варианту [Амброз, 1966, с. 49; 1969, с . 251; Труфанов, 2009, рис. 55].

2. Браслет бронзовый несомкнутый с уплощением на концах в виде змеиных головок (рис. 7: *2*). Диаметр,7,0 см. Скорее всего можно отнести к типу III. Данные браслеты известны с середины I в. н. э. до рубежа I – II вв. н. э [Труфанов, 2001, с. 75, табл. 1].

3. Бусы гагатовые цилиндрические (6 экз.) (рис. 7: *3*) относятся к типам 26 и 27 или тип 4 и имеют широкое распространение в первые века н. э. [Алексеева, 1975, с. 13–15; Стоянова, 2004, с. 289].

Погребение 2

1. Краснолаковая тарелка (миска). Диаметр венчика 21 см, диаметр поддона 7,2 см, высота 7,0 см (рис. 7: *4*). Относится к группе посуды *pontic sigilata* и известна в комплексах Усть-Альминского некрополя [Пуздровский, 2007, рис. 175, 6] и встречается в период от середины I в. н. э. до первой четверти II в. н. э. [Журавлев, 2005, с. 148; Труфанов, 2009, с. 152, рис. 18].

2. Фибула бронзовая лучковая (во фрагментах), ее размеры 3,7 х 1,2 (рис. 7: *5*). Относится к 2 варианту [Амброз, 1966, с. 49; 1969, с. 251]. Достаточно известна в могильниках Западного и Центрального Крыма и непосредсвенно на Усть-Альминском некрополе [Труфанов, 2009, с. 208, рис. 55].

3. Нож железный (рис. 7: *5*).

4. Бусина фаянсовая округло-ребристая из египетского фаянса (1 экз.) (рис. 7: *6*) тип 16б или 4. Известна в погребальных комплексах с III в до н. э. до первой половины II в. н. э. Преобладает в I в. н. э [Алексеева, 1975, с. 33,34; Стоянова, 2004, с. 287].

Захоронения в могиле, скорее всего, совершены в конце I – начале II в. н. э.

Могила 855. Подбойная, с двумя камерами. Входная яма находилась на глубине 0,6 м, вырыта в материковом суглинке, ее глубина 1,2 м и была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Над входной ямой и погребением 1 обнаружено большое количество обломков гончарной керамики, преимущественно амфор и краснолаковой посуды конца I – начала III вв. н. э. Судя по всему, это остатки тризны (рис. 8). Первоначальные размеры входной ямы 2,6 х 1,5 м и глубина — 1,2 м. В северо-западной части могилы зафиксирован грабительский перекоп. Погребальные камеры отделялись от входной ямы закладами, которые состояли из известняковых (вертикально стоящих) плит, высота которых была до 1,0 м. В северном подбое №1 часть (западная) заклада нарушена — вероятно через этот грабительский лаз погребение было ограблено. Плиты (южного) подбоя №2 находились практически в горизонтальном положении, вероятно упали при обрушении свода камеры (рис. 8). В погребальные камеры вели ступеньки высотой 0,2–0,3 м. В нижней части заполнения входной ямы найден фрагмент поддона краснолаковой тарелки. После захоронений в подбоях, через значительный промежуток времени во входной яме было совершено впускное погребение 1 (рис. 8).

Погребение 1. Находилось на глубине 0,6 м, во входной яме. Могила прямоугольной формы с округлыми углами, ее размеры 2,0 х 1,1 м, глубина составила 0,35 м (рис. 8). Погребение ориентировано головой на ЮВ. Костяк лежал вытянуто на спине, ноги в коленях слегка согнуты и отклонены вправо, кисть левой руки располагалась на тазовых костях (рис. 9). К юго-востоку от черепа находилась краснолаковая чашка с костью животного внутри (рис. 9: *1,6*). Рядом с чашкой лежал фрагмент железного ножа (рис. 9: *2*) и кремневый отщеп (рис. 9: *5*). На шейных позвонках и берцовых костях погребенного находился фаянсовый бисер (рис. 9: *3,4*). На тазовых костях найден фрагмент лопатки овцы (?) (рис. 9: *7*). В заполнении над погребением обнаружена верхняя часть светлоглиняной узкогорлой амфоры, аналогичной фрагментам из тризны.

Погребение 2. Было расположено в северном подбое (камере), его размер 2,5 х 0,8 м. От костяка in situ сохранился лишь фрагмент правой плечевой кости, судя по расположению которой можно предположить, что умерший лежал на спине и был ориентирован головой на ЮВ (рис. 8). У ЮВ стенки камеры обнаружен обломок (полный профиль) краснолаковой тарелки (рис. 8: *1*).

Погребение 3. Находилось в южном подбое, размеры которого 2,6 х 0,9 м. Умерший лежал головой на ЮВ вытянуто на спине, ноги скрещены в голенях, кисть правой руки — на тазу (рис. 8). На левой стороне в районе грудной клетки находилась бронзовая лучковая фибула (рис. 8: *5*). У восточной стенки могилы справа от черепа стояла краснолаковая тарелка с костью животного внутри (рис. 8: *1,2*), рядом — краснолаковые кувшин (рис. 8: *3*) и канфар (рис. 8: *4*).

Инвентарь из погребений:

Погребение 1

1. Краснолаковая чашка округдо-конической формы с плавно загнутым венчиком. Диаметр венчика 12,0 см, диаметр дна 5,0 см, высота 6,5 см (рис. 10: *1*). Данная чашка аналогична найденным в могилах 752 и 753 [Журавлев, 2007, с. 376–377, рис. 5; Пуздровский, 2007, с. 460, рис.186, 12; Труфанов, 2009, рис.10, 9].

2. Бисер фаянсовый коротко-цилиндрической формы (226 экз.) типа 9 или тип 2 (рис.10: *2*). [Алексеева, 1975, 32; Стоянова, 2004, с. 287].

3. Ножа железного фрагмент (рис. 10: *3*).

4. Кремневый отщеп размерами 4,0 х 7,0 см. (рис. 10: *4*).

Погребение 2

1. Тарелки краснолаковой полный профиль с отогнутым бортиком, загнутым внутрь краем и оттиском штампа на дне в виде концентричес-

ких кругов из насечек. Диаметр венчика 26,0 см, диаметр поддона 8,0 см, высота 7,3 см. (рис. 10: *5*). Близкие по аналогии блюда обнаружены в склепах 690 и 777 Усть-Альминского некрополя. Исследователи относят их к середине I в. н. э. [Пуздровский, 1997, с. 172, рис. 170, 1,2].

Погребение 3

1. Канфар краснолаковый с полусферической формой тулова с рельефным орнаментом в виде растительной гирлянды в стиле «барботин». Диаметр венчика 8,5 см, диаметр поддона 3,3 см высота 7,8 см (рис. 10: *6*). Данный кубок можно отнести к типу 2 и характерен для I в. н. э [Журавлев, 1998, с. 36, табл.3; Труфанов, 2009, с. 160, рис. 22, 3–5].

2. Фибула бронзовая лучковая со слегка прогнутой спинкой и узкой ножкой, размерами 4,5 см х 1,5 см (рис. 10: *7*). Относится к 1 варианту [Амброз, 1969, с. 250]. Данный экземпляр, скорее всего, можно отнести к середине второй половины I в. н. э.

3. Кувшин краснолаковый одноручный со слабо прогнутым венчиком, с узким горлом, в верхней части которого расположен пояс врезных линий тулово сферической формы. Верхний конец ручки прикреплен к горлу. Диаметр венчика 7,0 см, диаметр поддона 8,5, высота 30,5 см (рис. 11: *8*). Вероятнее всего данный кувшин близок к кувшинам типа 12 первого варианта, [Труфанов, 2009, с. 178, 186]. Похожие кувшины известны в Усть-Альминском некрополе [Пуздровский, 2007, рис. 166, 1,2; Труфанов, 2009, рис. 40, 1,2].

4. Тарелка краснолаковая, с отогнутым бортиком, загнутым внутрь краем и оттиском штампа на дне в виде концентрических кругов. Диаметр венчика 29,0 см, диаметр поддона 9,5 см, высота 7,0 см. (рис. 11: *9*). Аналогичная тарелка происходит из погребении 2 данной могилы, она также относится к I в. н. э. [Пуздровский, 1997, с. 172, рис. 170, 1,2].

Погребения 2–3 скорее всего совершены в период около середины I в. н. э. Погребение 1 совершено после значительного перерыва, в первой половине III в. н. э.

Рассмотрим погребальный обряд. Обряд повторных погребений известен в различных типах могил, наиболее широко используются подбойные могилы и грунтовые, реже всего используются плитовые [Медведев, 2010, с. 229; 2011, с. 304]. *На Усть-Альминском* некрополе известны 463 погребения, совершенные по обряду многократных погребений: в 195 погребальных сооружениях (могилах), что составляет 22 % от общего количества исследованных на данном памятнике, 262 погребения составляют парные, которые совершены в 132 могилах.

По типам могил: в грунтовых могилах исследовано 31 погребение, в могилах с заплечиками — 44, в плитовых — 7 погребений, в подбойных —48 (33 с одной камерой, 17 с двумя).

Половозрастные данные: Мужских погребений определено 29, женских — 81, подростковых — 11 и детских — 81, и неопределенных 55. *На Битакском* некрополе исследовано 129 повторных погребения в 52 могилах, что составляет 37,1 % от общего количества исследованных [Медведев, 2011, с. 304], из них 64 парные погребения, которые находились в 32 подбойных могилах (из них в 23 с двумя камерами).

Половозрастные данные: мужских 13, женских 26, подростковых 7, детских 14 и неопределенных 14 (табл. 1). Могилы с парными погребениями, как и коллективные, имели распространение на Усть-Альминском некрополе с I в. н. э – до первой половины III н. э. в. [Медведев, 2011, с. 304].

Наиболее широко распространен данный обряд со второй половины I в. н. э. по первую половину II века н. э. В этот период на Усть-Альминском некрополе в целом фиксируется наибольшее количество погребений. Это, скорее всего, связано с притоком нового населения и общим увеличением его количества в этот период [Пуздровский, 2001, с. 108]. Преобладает юго-восточная ориентация погребенных.

Рассмотрим обряд опубликованных комплексов:

Могила 778 грунтовая с заплечиками с каменным перекрытием ориентирована СЗ–ЮВ. В могиле находилось два погребения в данном положении. Из парных погребений на Усть-Альминском некрополе в «валетообразном» положении исследовано 32 случая, в Битакском могильнике — 7 случаев. (табл. 1). Аналогичная ситуация, для примера, была зафиксирована (на Усть-Альме) в грунтовой могиле с заплечиками №967 [Медведев, 2011, с. 299, рис. 12]. На Восточном некрополе Неаполя Скифского исследована подбойная могила с двумя детскими погребениями в «валетообразном положении [Пуздровский, 1992, с. 184, рис. 2]. В могильнике у с. Заветное Бахчисарайского района из 6-ти парных погребений 3 могилы содержали «валетообразные» погребения [Зайцев, Волошинов, Кюнельт, Масякин, Мордвинцева, Фирсов, Флесс, 2007, рис. 16, 25, 28]. Могилы с парными погре-

бениями в «валетообразном» положении в большей степени характерны для сарматской культуры [Мошкова, 1963, с. 22; Корпусова, 1983, с. 24, 93; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 27–29; Абрамова, 1989, с. 273]. Парные «валетообразные» погребения, в большинстве своем, встречаются в подбойных могилах с узкой входной ямой и камерой. Данные могилы исследователи больше связывают с позднесарматской культурой. По всей вероятности эти могилы не были первоначально предназначены для более, чем одного погребения [Пуздровский, 1989, с. 36; Пуздровский, Медведев, 2005, с. 274]. Для парных и повторных погребений больше приспособлены подбойные могилы с широкой входной ямой и камерой и характерны для более раннего периода [Храпунов, Масякин, Мульд, 1997, с. 124]. На Усть-Альме встречаются до конца I в. н. э. – начала II в. н. э [Медведев, 2011, с. 294, рис. 1–3].

Могила 752 подбойная с двумя камерами с каменными закладами ориентирована СЗ–ЮВ. Камера №1 была ограблена. В подбое №2 находилось погребение матери и ребенка в вытянутом положении головой на юго-восток. Погребение ребенка расположено на ногах взрослого.

На Усть-Альминском некрополе подбойных могил с двумя камерами 60, из которых в 17 содержалось только по два погребения. На Битакском некрополе из 50 могил с повторными погребениями 30 подбойных имели две камеры [Пуздровский, 2001, с. 122], из них 16 парные. На Битакском некрополе вообще подбойная могила является основным типом погребальных сооружений помимо склепов. В могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма подбойные могилы с двумя камерами не очень частое явление в сравнении с Усть-Альминским и Битакским некрополями. На Восточном некрополе открыты несколько подбойных духкамерных могил [Сымонович, 1983, с. 60, 63, рис. 14, 1,3; Пуздровский, 1992, с. 183–188, рис. 2, 4]. Во время охранных работ на могильнике у с. Левадки (1997) исследовано 6 подбойных могил, все они оказались ограбленными. Такие же могилы известны в могильниках у сел Дружное и Фонтаны [Храпунов, Мульд, Хайрединова, 2004, с. 100, 188–194; Храпунов, Стоянова, Мульд, 2001, с. 105–168; Храпунов, 1994 с. 256, 257]. В Юго-Западном Крыму в могильнике у с. Брянское исследована одна подбойная могила с двумя камерами, в ней находились погребения женщины и мужчины [Труфанов, 2005, с. 316, рис. 4]. В могильнике Бельбек IV известно 7 [Богданова, 1982, с. 23; Гущина, 1997, с. 30, рис. 310], Скалистом III — две, в Заветном — в одном подбое женский костяк, в другом — два младенца-близнеца [Богданова, 1982, с. 23]. На могильнике Болта-Чокрак исследовано четыре такие могилы, почти все были ограблены [Зайцев, Мордвинцева, Неневоля, Фирсов, Радочин, 2005, с. 170–175, рис. 5, 8,10,15].

Среди парных погребений известны 24 случая захоронения матери и ребенка в одной могиле (камере): на Усть-Альме, в Битакском могильнике 4 таких случая (табл. 1). Расположение ребенка встречается различное: в ногах, на груди, сбоку. В одном случае было совершено погребение матери с тремя младенцами. Данный обряд иногда встречается в могильниках Центрального и Юго-Западного Крыма. В могильнике Красная Заря Бахчисарайского района в могиле 25 находились погребения женщины (?) и ребенка, расположенного в ногах у матери [Волошинов, Масякин, Неневоля, 2007, с. 303, 304, рис. 2]. В Беляусском могильнике среди исследованных подбойных могил известен один случай захоронения взрослого и подростка, погребенных на рубеже эр. [Дашевская, 1984, рис. 2, 1; 2014, с. 75, таб. 158, 2; 2014, рис. 158, 1]. Данный обряд также известен у сарматов Нижнего Поволжья [Богданова, 1982, с. 35].

На Усть-Альминском некрополе среди парных погребений определены 22 случая как совместные погребения мужчины и женщины. 25 случаев парных детских погребений. На Битакском некрополе зафиксировано 12 случаев совместных мужских и женских погребений и 5 случаев парных детских погребений. На некрополе Неаполя Скифского исследованы парные захоронения в подбойных могилах, где находились парное, мужское и женское погребения [Пуздровский, 1992, с. 190,191, рис. 7, 8]. Обряд парных погребений, как и коллективных, в первую очередь отражал, родственные отношения умерших, муж — жена, мать — ребенок [Богданова, 1969, с. 23, табл. 11,13], но не исключаются случаи, связанные необходимостью более эффективного использования площади могильника, например, из-за плотности расположения могил, например, случай в могиле 855 [Пуздровский, Медведев, 2005, с. 275]. Совместное захоронение помимо родственных связей могло отражать социальные отношения. Во взрослых парных погребениях инвентарь был достаточно беден [Богданова, 1982, с. 36]. В 9 случаях в могильнике Заветное в парных погребениях, более раннее захоронение смещалось [Богданова, 1982, с. 36]. Такие случаи известны в могильнике у с. Фронтовое, погребения V – III вв. до н. э. [Яковенко, 1974, с. 35–36].

Рассмотрим 2 могилы с погребениями во входной яме, то есть вне самой камеры.

В Могиле 753 подбойной с каменным закладом. Была ориентирована по линии СЗ–ЮВ. В ней находились 2 взрослых погребенных в вытянутом положении на спине и ориентированных головами на юго-восток, расположенных один на другом, а во входной яме среди камней заклада располагалось 3-е погребение.

Могила 855 подбойная с двумя камерами с каменными закладами ориентирована СЗ–ЮВ. Камера №1 ограблена. В подбое №2 находилось погребение в вытянутом положении головой на юго-восток (аналогично остаткам от погребения в подбое №1). Через значительный промежуток времени во входной яме было совершено 3-е погребение в вытянутом положении со слегка согнутыми ногами влево.

Погребений во входной яме на Усть-Альминском некрополе выявлено 13 случаев, из них — пять в подбойных могилах с двумя камерами, три — с одной камерой, один — в плитовой, — три в грунтовых могилах. Как правило, захоронения выявлены в подбойных могилах или над закладом в грунтовых и плитовых, то есть вне самой могилы (камеры). В Битакском некрополе 4 случая погребений во входной яме подбойных могил с одной камерой. Данные погребения сопровождал достаточно скромный инвентарь либо отсутствовал как таковой. В одном случае можно предположить о характере насильственной смерти погребенного во входной яме подбойной могилы 826а [Пуздровский, Медведев, 2005, с. 272]. Погребения во входных ямах могут свидетельствовать, в отличие от парных и коллективных, о более низком социальном статусе умерших. Об этом же свидетельствует и то, что погребение совершено вне могилы (камеры), над закладом, а также отсутствие или минимальное количество сопровождающего инвентаря [Пуздровский, Медведев, 2005, с. 271; Медведев, 2011, с. 305]. Данный погребальный обряд может свидетельствовать о наличии зависимой или подчиненной части населения с низким положением в социальной структуре позднескифского населения.

Парные погребения имели распространение в некрополях Центрального и Юго-Западного Крыма. На Усть-Альминском и Битакском некрополях данный обряд имел более широкое распространение, чем на остальных некрополях. На Усть-Альминском некрополе данный обряд имел большое разнообразие — встречаются практически во всех типах могил и составляет 12,3%. В Битакском могильнике обряд парных и коллективных погребений более однообразен и известен только в подбойных могилах и составляет 18% от общего количества погребенных. Подбойные могилы на Битакском некрополе являются одним из основных типов могил (известно всего несколько грунтовых могил). Среди сарматских погребений Кубани в раннеэллинистическое время (по результатам многомерного анализа) до 10% могил содержали парные и тройные погребения [Берлизов, Винидиктов, Пьянков, Зеленский, 2001, с. 54]. В результате сравнительного анализа погребений оседлого населения Кубани во II – I вв. до н. э. с синхронными позднескифскими, большая их часть имела сходство с познескифскими и меотскими комплексами, «по характеру и набору нюансов погребального обряда», среди которых достаточно парных и коллективных погребений. В первые века н. э. ситуация не сильно изменилась [Берлизов, Винидиктов, Пьянков, Зеленский, 2003, с. 133, 173].

Обряд парных как и многократных погребений может свидетельствовать об ассимиляционных процессах в среде местного населения в результате межэтнических браков, возможно, отражал семьи со смешанными браками, типичен для поздних скифов и типичен для погребений в склепах. Могилы с парными погребениями, в том числе и «валетообразные», в большей степени характерны для сарматской культуры [Мошкова, 1963, с. 22; Корпусова, 1983, 24, 92; Бессонова и др., 1988, с. 27–29; Абрамова, 1989, с.273]. Сходство позднескифских памятников с синхронными сарматскими погребениями на территории Кубани (по результатам сравнительного анализа) подтверждают тезис о сарматском влиянии на погребальный обряд поздних скифов, а возможно и взаимном влиянии. Для проверки и подтверждения данного тезиса необходимы дальнейшие исследования, связанные с проведением сравнительного анализа на широком массиве материала и сравнение его с погребениями и обрядом из склепов.

Таблица 1

Тип могил					Пол и возраст				Расположение				Неопред..
Грунтовая	С заплеч.	Подбойные		Плитовые	Мужские	Женские	Подростки	Детские	Валет	Жен.+реб.	Во вход. яме	М + Ж	
		С 1 кам	С 2 кам										
31	44	33	17	7	29	81	11	81	32	24	13	22	56

Таблица 2

Тип могил					Пол и возраст				Расположение				Неопред..
Грунтовая	С заплеч.	Подбойные		Плитовые	Мужские	Женские	Подростки	Детские	Валет	Жен.+реб.	Во вход. яме	М + Ж	
		С 1 кам	С 2 кам										
		15	23	0	13	26	7	14	7	4	4	12	14

Таблица 3

Усть-Альма

Тип могил					Пол и возраст				Расположение				Неопред..
Грунтовая	С заплеч.	Подбойные		Плитовые	Мужские	Женские	Подростки	Детские	Валет	Жен.+реб.	Во вход. яме	М + Ж	
		С 1 кам	С 2 кам										
31	44	33	17	7	29	81	11	81	32	24	13	22	55
			114		**118**	**124**	**45**	**228**				**463**	

Таблица 4

Битак

Тип могил					Пол и возраст				Расположение				Неопред..
Грунтовая	С заплеч.	Подбойные		Плитовые	Мужские	Женские	Подростки	Детские	Валет	Жен.+реб.	Во вход. яме	М + Ж	
		С 1 кам	С 2 кам										
		15	23	0	13	26	7	14	7	4	4	12	14
					70	**65**	**45**	**58**				**131**	

Abstract

A. E. Puzdrovsky*, *G. V. Medvedev

PAIRED BURIALS OF THE FIRST CENTURIES AD THE NECROPOLIS OF THE UST-ALMA

The article publishes and analyzes complexes containing pairs of burials and pits with buried later in the Ust-Alma necropolis (excavations 2000,2001, 2005.). This rite is not typical for the tradition of individual burials first centuries, although it is found in the burial grounds of the Central and South-Western Crimea. The Ust-Alma and the Bitak cemeteries showed a significant larger number of graves containing paired burials compared with other cemeteries in the Central and South-Western Crimea of the same period. This funeral rite is associated with the processes of assimilation of late Scythians with Sarmatians, as well as with the issues of family structure and social relations in the late Scythian culture.

Key words: pairs of burials, red slip ware, burials, fibula.

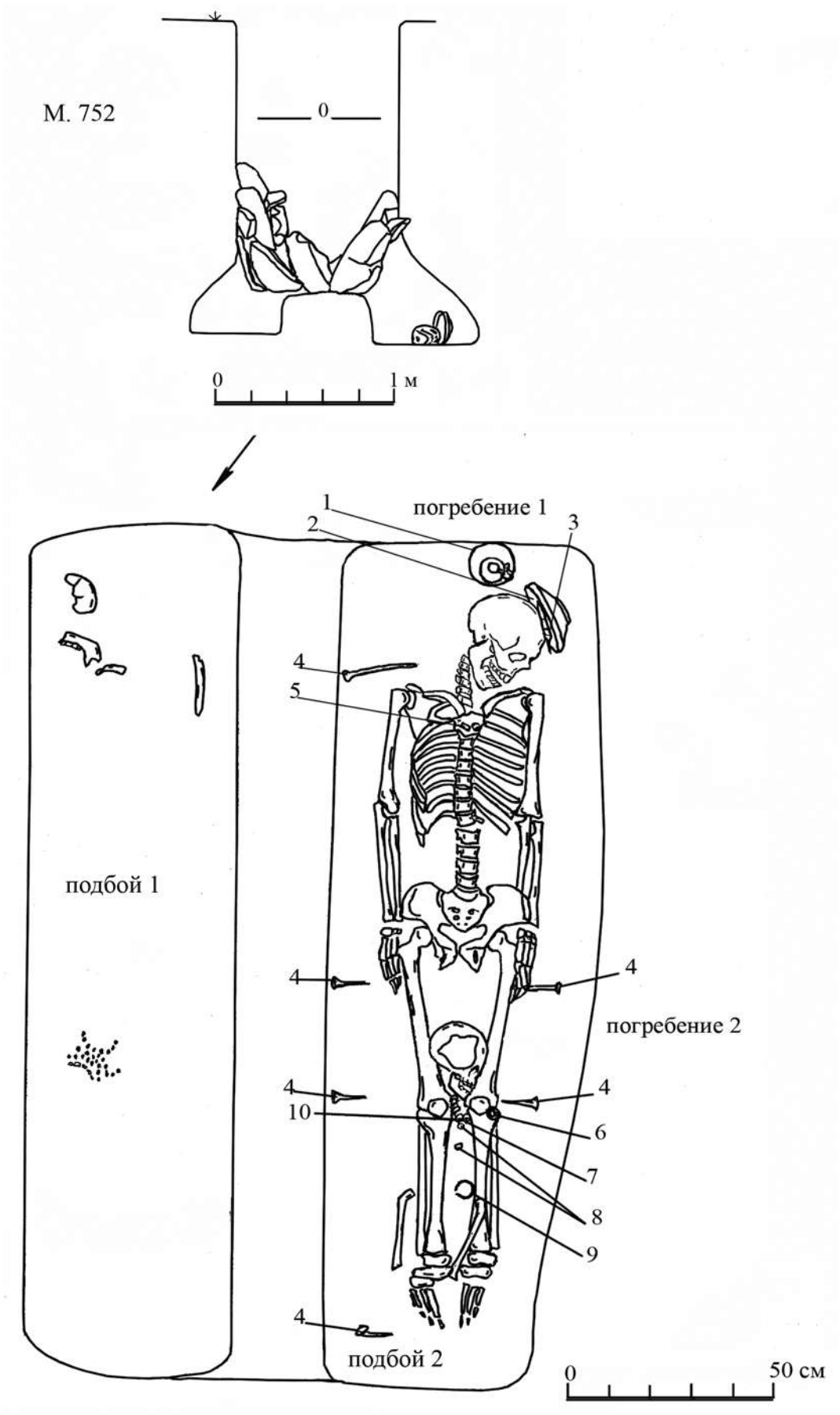


Рис. 1. Могила 752. План и разрез.
Погребение 1: 1 — кувшин краснолаковый, 2 — чашка краснолаковая, 3 — нож железный, 4 — гвозди железные, 5 — пронизи стеклянные, 6 — пряжка железная. *Погребение 2:* 7 — бронзовый колокольчик, 8 — стеклянные бусы, 9 — бронзовый браслет, 10 — лунницы бронзовой фрагмент

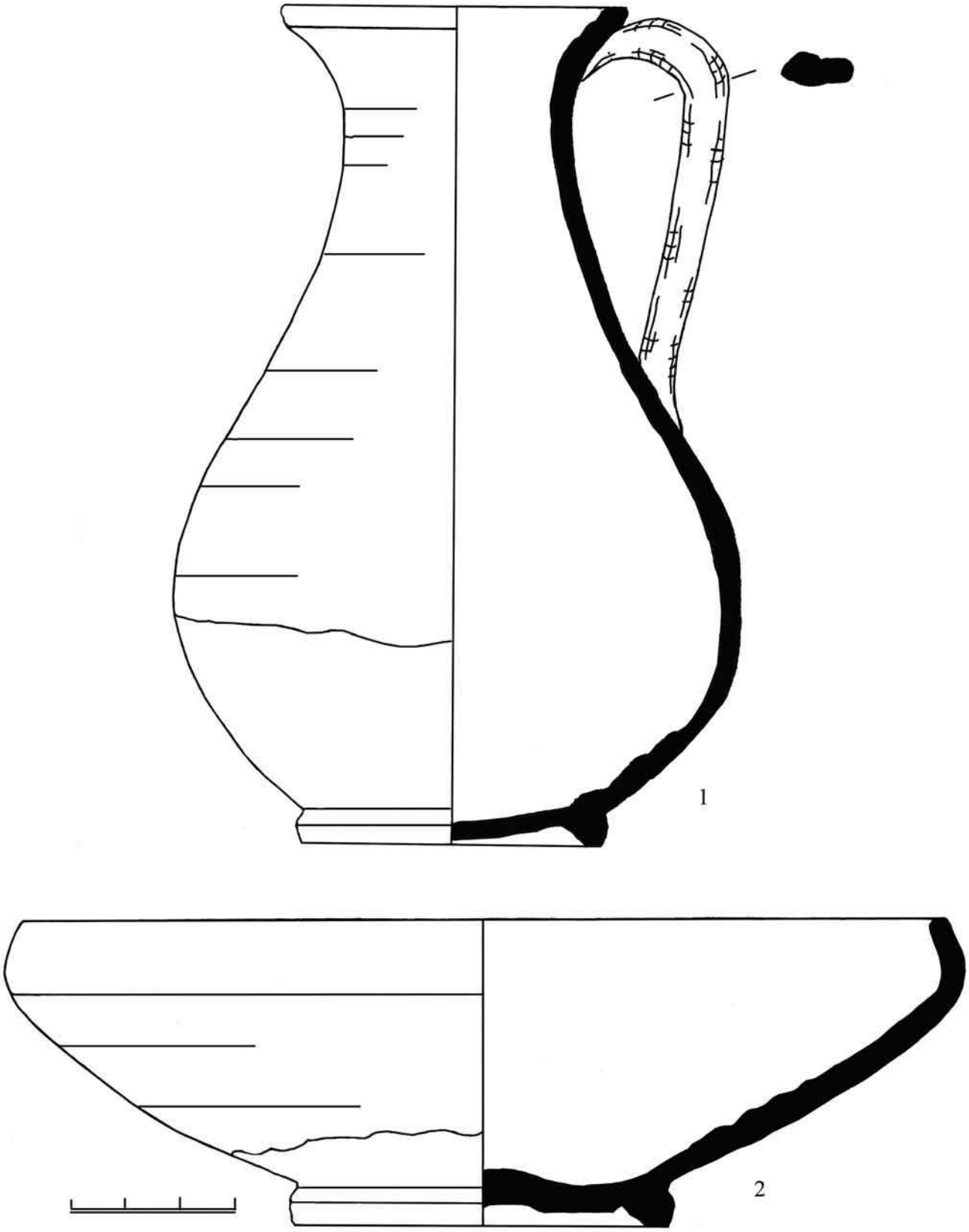


Рис. 2. Могила 752. Краснолаковая посуда из погребения 1.
1 — кувшин, 2 — чашка

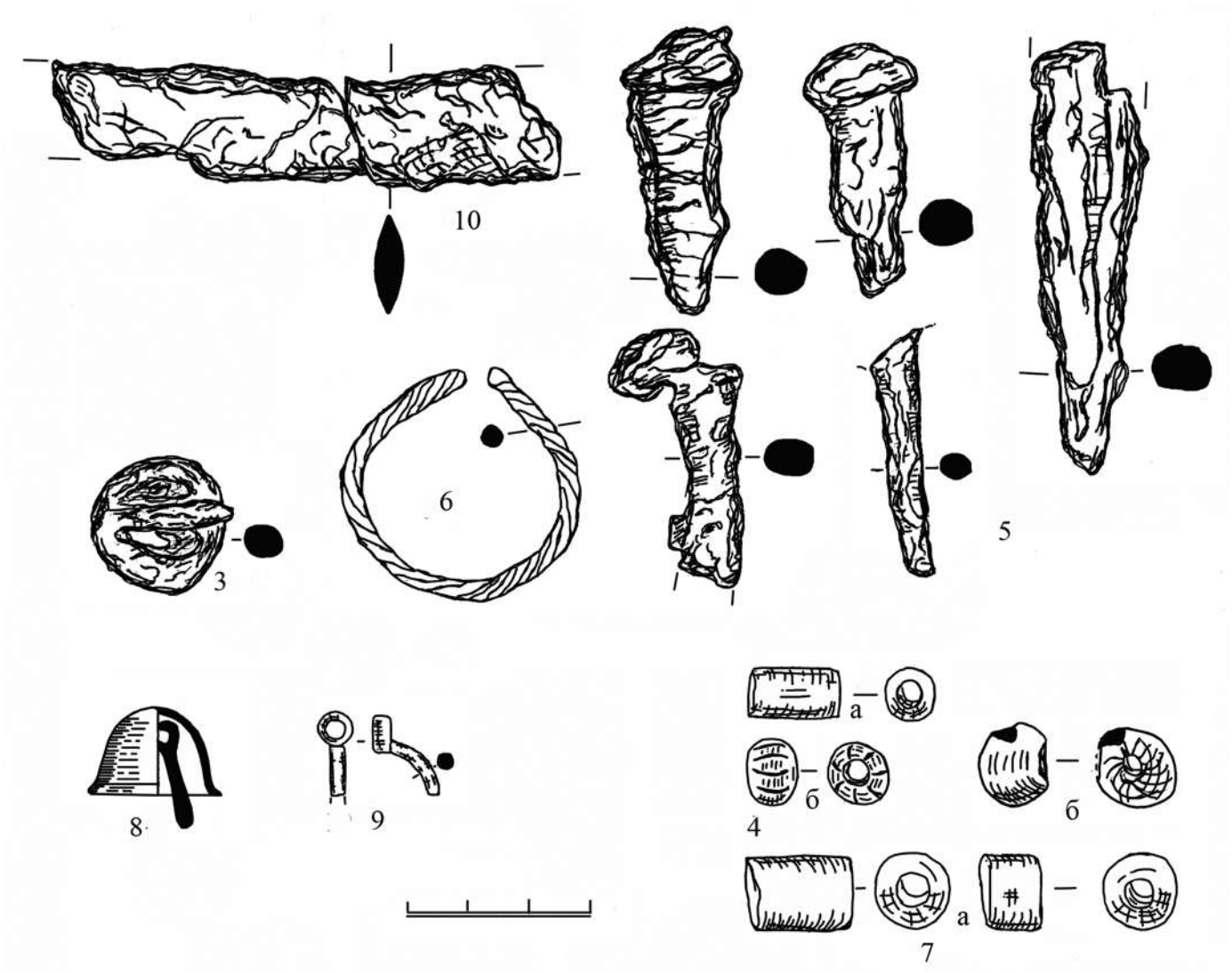


Рис. 3. Могила 752. Инвентарь из погребений.

Погребение 1: 3 — пряжка железная, 4 а, б — бусы стеклянные, 5 — гвозди железные.

Погребение 2: 6 — браслет бронзовый миниатюрный, 7 — бусы стеклянные, 8 — колокольчик бронзовый, 9 — лунницы бронзовой фрагмент, 10 — нож железный (во фрагментах)

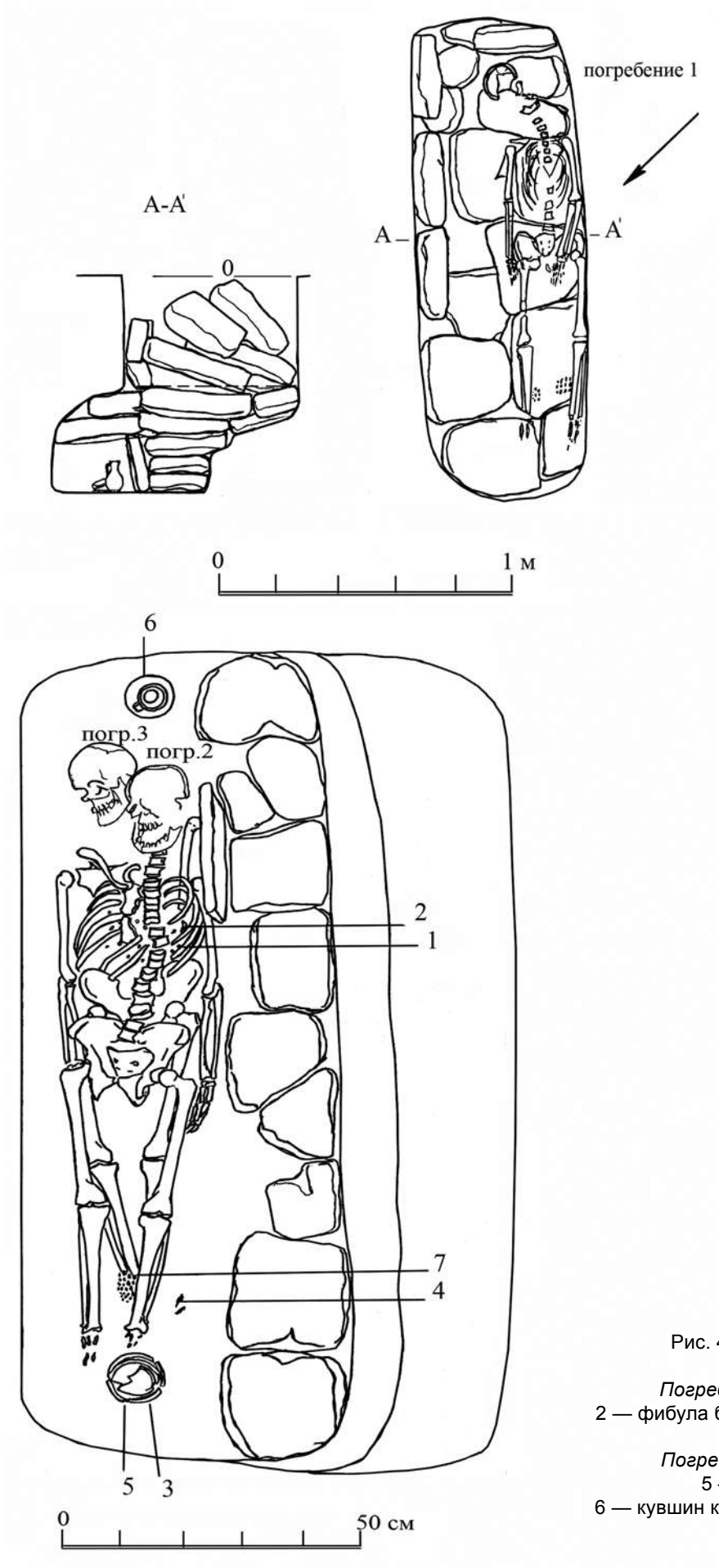


Рис. 4. Могила 753. План и разрез.

Погребение 2: 1 — бусы стеклянные,
2 — фибула бронзовая, 3 — краснолаковая чашка.

Погребение 3: 4 — гвоздь железный,
5 — краснолаковая тарелка,
6 — кувшин краснолаковый, 7 — бисер фаянсовый

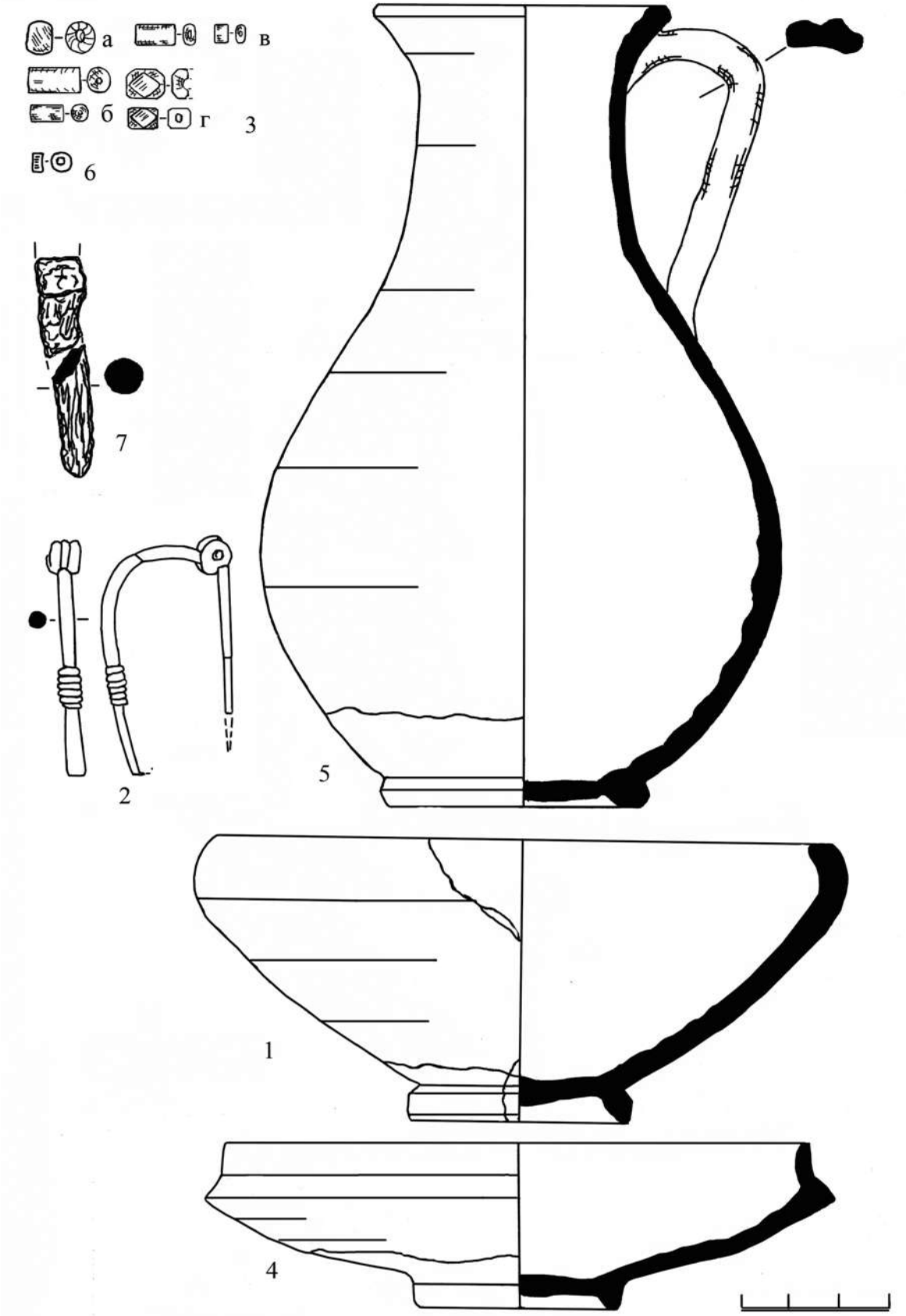


Рис. 5. Могила 753. Инвентарь из погребений.

Погребение 2: 1 — чашка краснолаковая, 2 — фибула бронзовая, 3 — бусы стеклянные.

Погребение 3: 4 — краснолаковая тарелка, 5 — кувшин краснолаковый, 6 — бисер фаянсовый, 7 — гвоздь железный

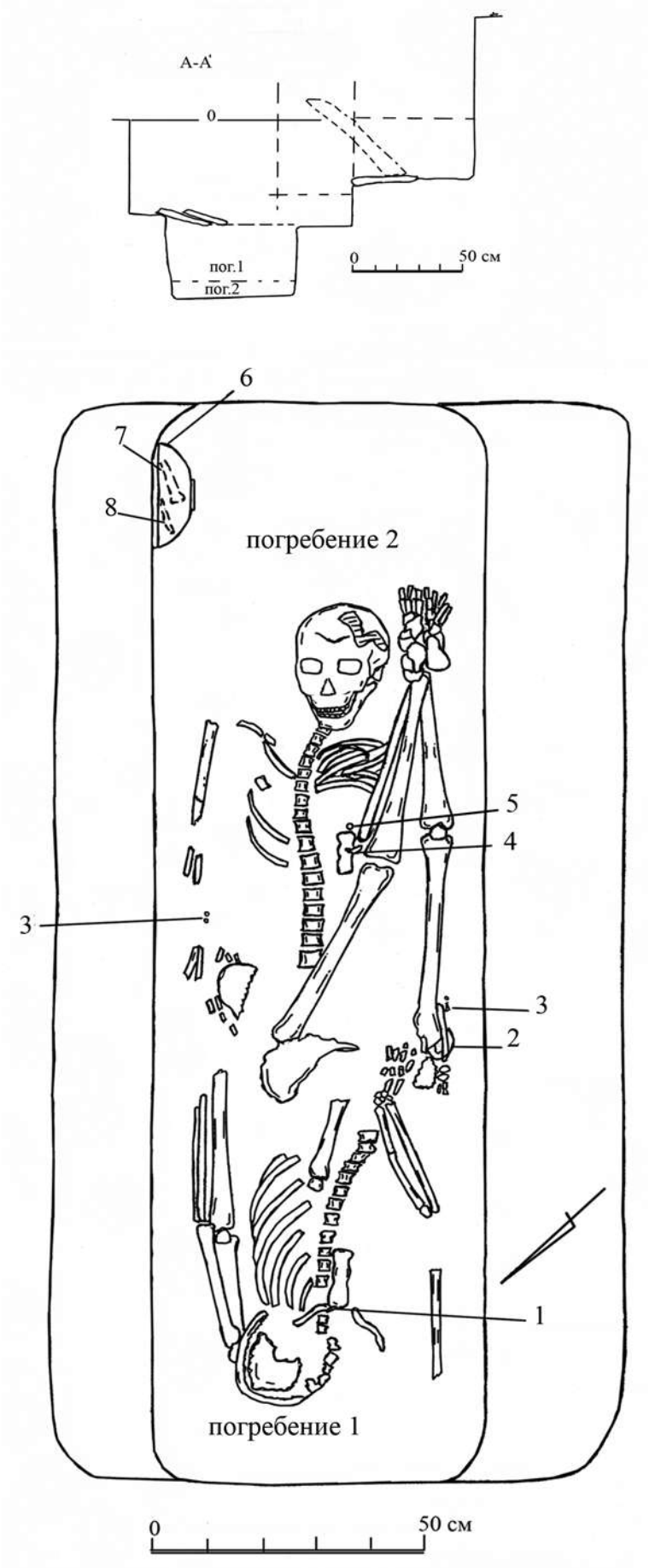


Рис. 6. Могила 778. План и разрез.

Погребение 1: 1 — фибула бронзовая,
2 — браслет бронзовый,
3 — пронизи гагатовые.

Погребение 2: 4 — фибула бронзовая,
5 — бусина фаянсовая,
6 — тарелка краснолаковая,
7 — кость животного, 8 — нож железный

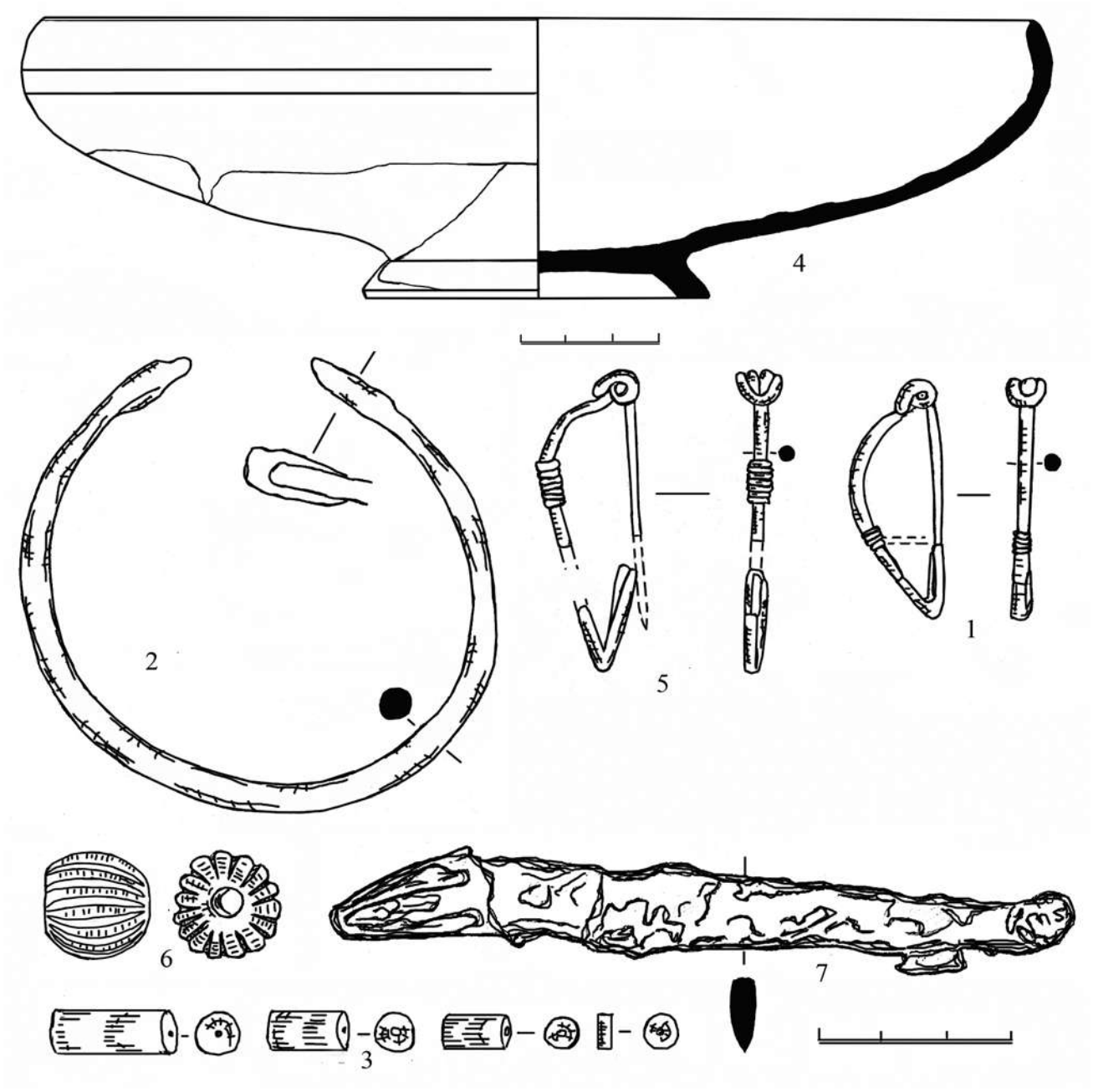


Рис. 7. Могила 778. Инвентарь из погребений.

Погребение 1: 1 — фибула бронзовая, 2 — браслет бронзовый, 3 — пронизи гагатовые.

Погребение 2: 4 — тарелка краснолаковая, 5 — фибула бронзовая,
6 — бусина фаянсовая, 7 — нож железный

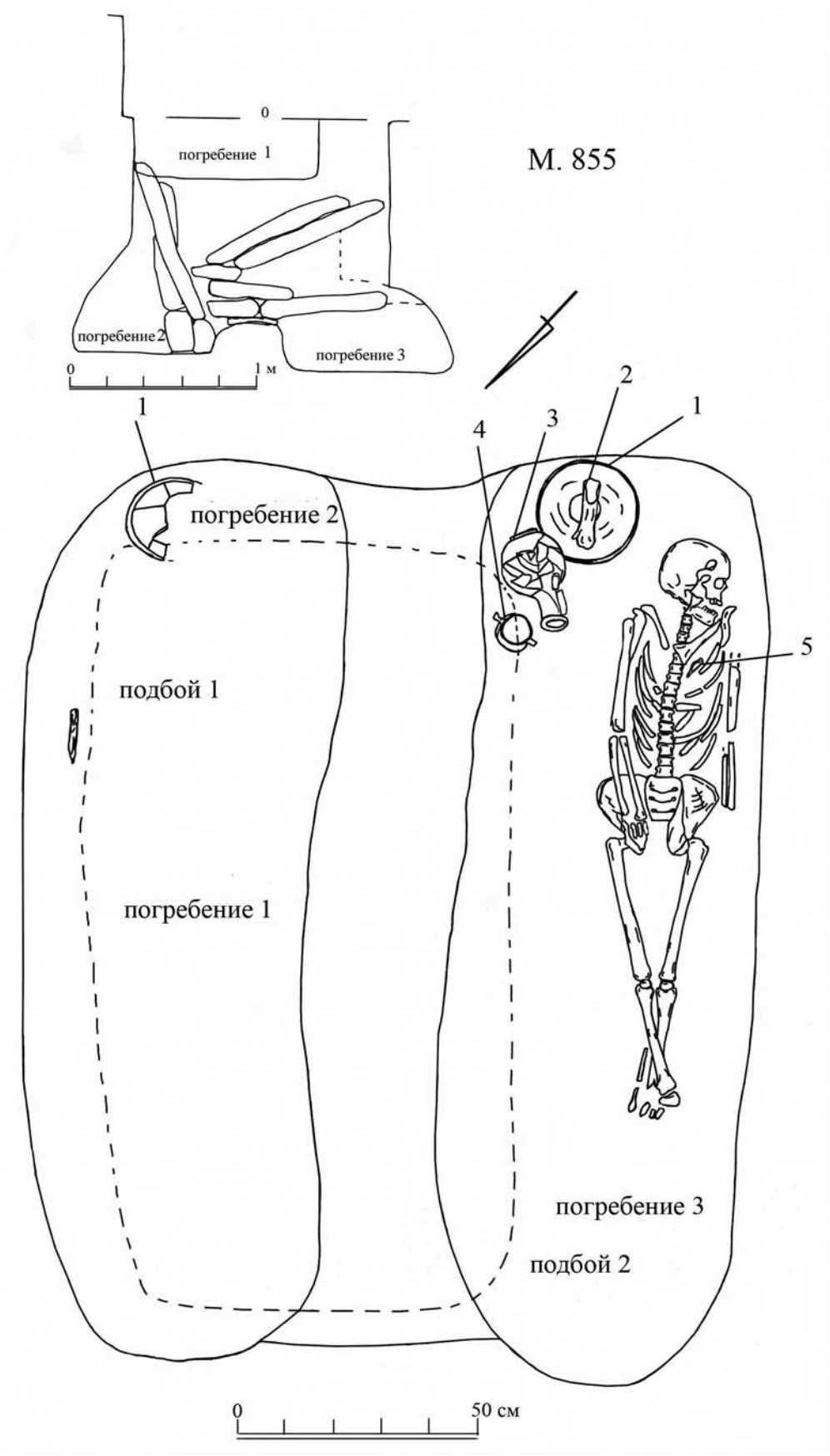


Рис. 8. Могила 855. План и разрез.
Погребение 2: 1 — тарелки краснолаковой полный профиль.
Погребение 3: 1 — тарелка краснолаковая, 2 — кость животного, 3 — кувшин краснолаковый, 4 — канфар краснолаковый, 5 — фибула бронзовая

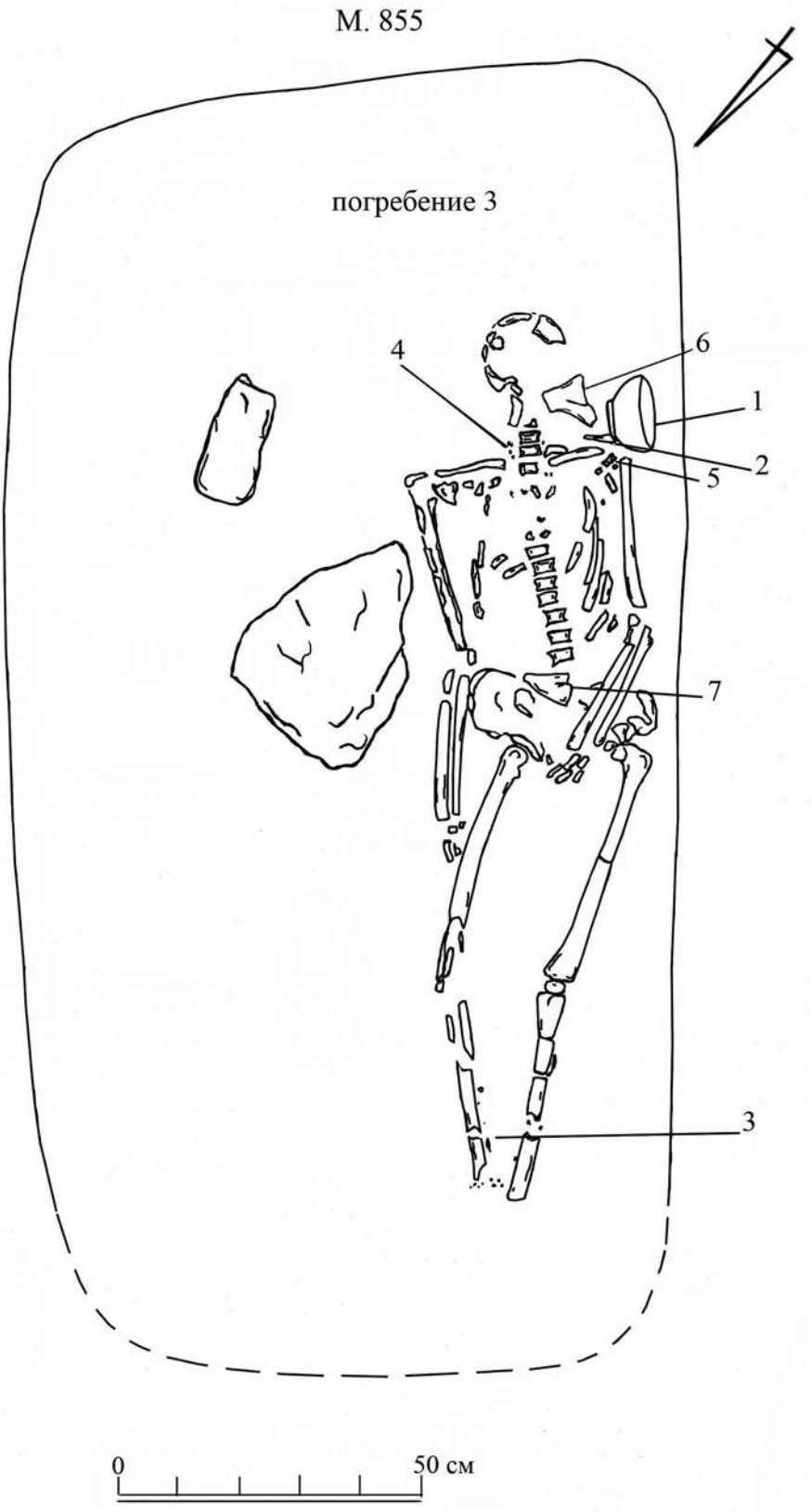


Рис. 9. Могила 855. План погребения 3.
1 — чашка краснолаковая, 2 — ножа железного фрагмент, 3–4 — бисер фаянсовый, 5 — кремневый отщеп, 6 — кость животного, 7 — кость животного (овцы?)

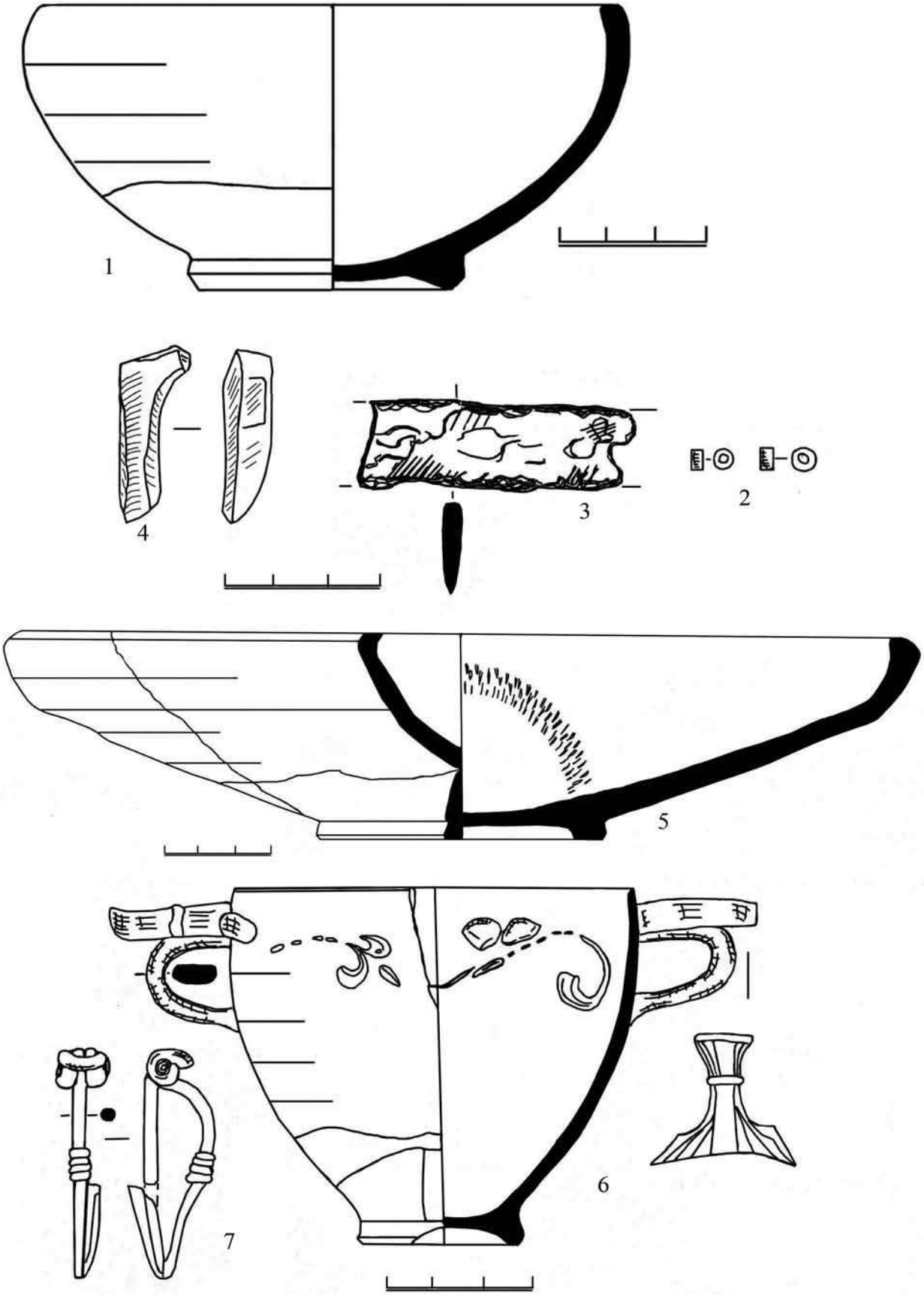


Рис. 10. Могила 855. Инвентарь из погребений 1–3.
Погребение 1: 1 — чашка краснолаковая, 2 — бисер фаянсовый, 3 — ножа железного фрагмент, 4 — кремневый отщеп.
Погребение 2: 5 — тарелка краснолаковая.
Погребение 3: 6 — канфар краснолаковый, 7 — фибула бронзовая

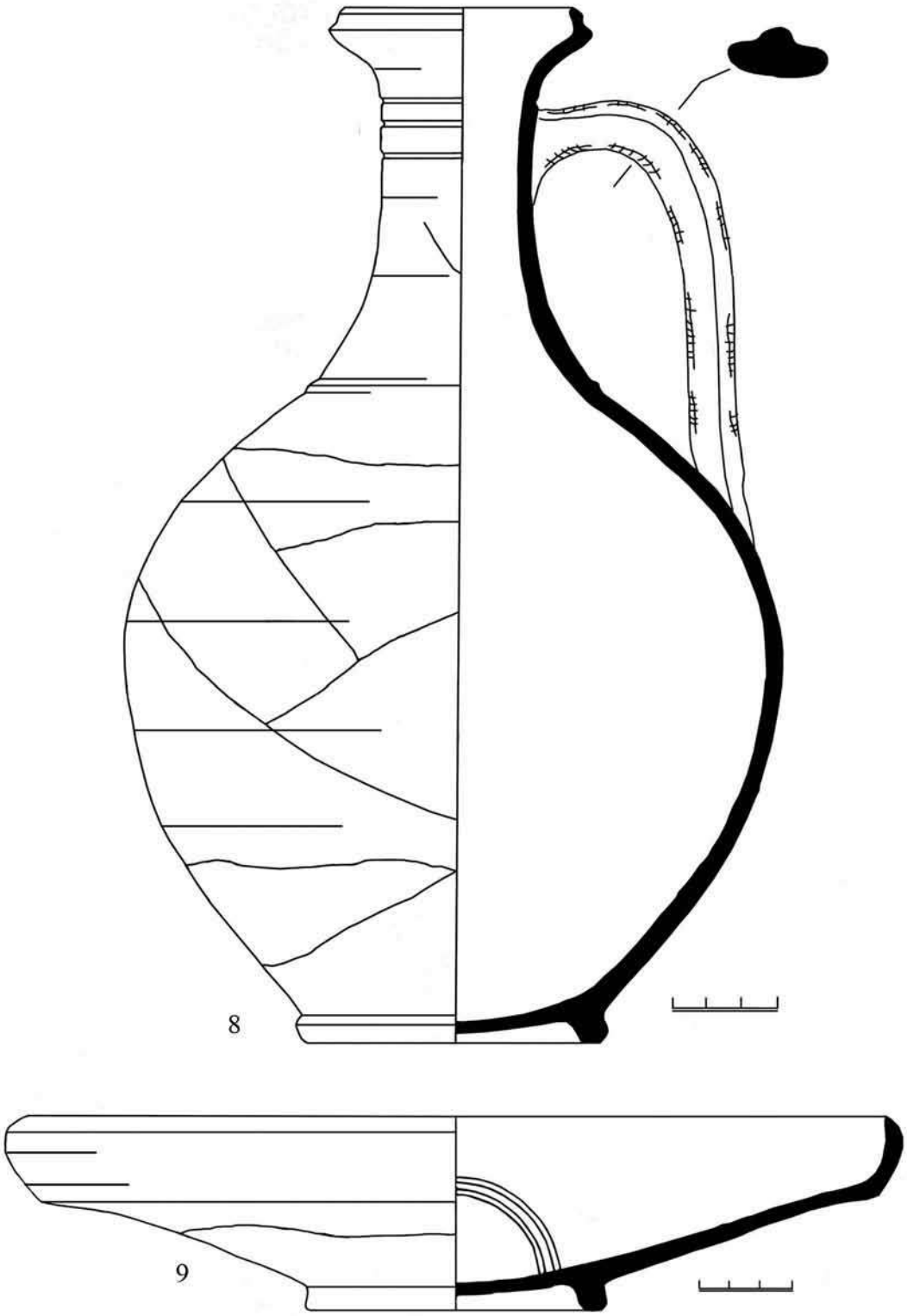


Рис. 11. Могила 855. Краснолаковая посуда из погребения 3.
8 — кувшин краснолаковый, 9 — тарелка краснолаковая

А. А. Волошинов

НАДГРОБНАЯ И ВОТИВНАЯ СКУЛЬПТУРА ГОРОДИЩА АЛМА-КЕРМЕН И ЗАВЕТНИНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Статья посвящена памятникам скульптуры, найденным при раскопках городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника в период 50-х гг. XX в. – 2009 г. В публикации учтено 14 предметов, датировка и культурная принадлежность которых различна. Варварские изваяния I – III вв. н. э., найденные, главным образом, на территории некрополя, представлены рельефом и антропоморфными изваяниями, часть из них демонстрирует тесную связь с ранней скифской скульптурой. С присутствием римского гарнизона на городище во II – III вв. н. э. связаны фрагменты вотивных мраморных табличек и стопы известняковой статуи. Таким образом, публикуемая коллекция иллюстрирует основные хронологические этапы существования городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника, являясь одним из крупнейших собраний скульптуры с территории варварских городищ и некрополей.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, городище Алма-Кермен, Заветнинский могильник, позднескифская скульптура, варварские изваяния.

Городище Алма-Кермен занимает вершину небольшого холма на левом берегу р. Альма, у северной окраины с. Заветное Бахчисарайского района. В 0,25 км к юго-западу от городища находится Заветнинский могильник. Впервые городище Алма-Кермен под именем «Кала» было упомянуто в «Крымском сборнике» П. И. Кёппена [1837, с. 347], исследовалось в 1954 г. Н. А. Богдановой, в 1959–1967 гг. Т. Н. Высотской. Ю.П. Зайцевым в результате раскопок 2004–2009 гг., было выделено несколько хронологических этапов (горизонтов) жизни городища, два из них связаны с существованием позднескифского поселения (горизонт «D», «E»), а три («A», «B», «C») — с присутствием на городище римского гарнизона. Раскопки позднескифского некрополя велись в 50–80-х гг. XX в. Н. А. Богдановой, а затем, в 2004–2006 гг. Ю. П. Зайцевым и позволили исследовать 339 могил I – III вв. н. э. [Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 56–59].

В ходе археологических раскопок Заветнинского могильника Н. А. Богдановой удалось проследить несколько способов отметки могил на поверхности. Погребения обозначались стелообразными камнями в северо-восточном конце могил, овальными или прямоугольными вымостками из плоских, грубо обработанных плит, уложенных параллельными рядами или хаотически. Погребения знати были отмечены крестообразными кладками [Богданова, 1982, с. 34; Богданова, 1989, с. 20, 21, 23]. Эти сооружения «имели, по-видимому, двоякое значение: служили опознавательными знаками над могилами, поэтому, видимо, так редки разрушения одной могилы другой, и кроме того, охраняли живых от умерших» [Богданова, 1982, с. 34]. Еще одним способом отметки могил была установка антропоморфных изваяний и рельефов.

В долине р. Альма и ее притоке — р. Бодрак находки памятников подобного рода не единичны. Они известны на могильнике Скалистое, Скалистое-III [Баранов, Гарбуз, 2013, с. 178], могильнике Брянское [Волошинов, 2001, с. 153] и на ряде археологических памятников, исследовавшихся под руководством А. Е. Пуздровского — Усть-Альминском городище и могильнике, городище Вилино, Поле Альминского сражения [Пуздровский, 2007, с. 416, рис. 142, 3, 4; Пуздровский, Медведев, Ляшук, 2010, с. 356; Пуздровский, Ляшук, 2011, с. 19].

Коллекция антропоморфных стел и рельефов из раскопок городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника является одним из крупнейших собраний скульптуры с террито-

рии варварских городищ и некрополей Крыма и хранится в Государственном бюджетном учреждении Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник». Она насчитывает 12 изваяний. Одно изваяние (№ 14) находится на временном хранении в государственном бюджетном учреждении Республики Крым «Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский». На некрополе у с. Заветное было найдено также 3 плиты-базы для установки надгробных памятников [Богданова, 1989, с. 60], однако место хранения их неизвестно. Не установлено местонахождение и антропоморфной стелы № 7.

Первые семь памятников (рис. 1: *1–4*; 2: *5, 6*; 4–6; 7: *7*) были найдены на территории могильника и вблизи него во время работы экспедиции Н. А. Богдановой. Шесть из них были опубликованы [Богданова, 1961; 1965; 1989], им были присвоены порядковые номера, в соответствии со временем обнаружения[1]. Широкую известность коллекции принесли стелы №№ 1–4, представляющие особый интерес для исследователей. Памятники были включены в сводные работы по скульптуре и в отдельные работы, посвященные позднескифской проблематике [Дашевская, 1989, с. 134, табл. 53, 1, 2; Дашевская, 1991, с. 27, 28, табл. 42, 1–4, 6, 10; Попова, 1976, с. 116, рис. 9; Ольховский, 2005, с. 131, ил. 129, 1, 2; Яценко, 2014, с. 46, 47]. Некоторые из них рассматривались исследователями как результат «сарматизации» населения Крыма или, наоборот, как отражение скифских традиций в позднескифской скульптуре [Гущина, 1967, с. 61; Попова, 1976; Попова, 1984][2]. Одно изваяние (№ 7) было вскользь упомянуто в одной из работ Н. А. Богдановой [Богданова, 1989, с. 22] и публикуется впервые.

Семь памятников (рис. 2: *8,9*; 3; 7: *8–10*; 8; 9) найдено в процессе археологических исследований 2004–2009 гг.[3] В этот период впервые были обнаружены фрагменты скульптуры на городище — антропоморфное изваяние (№ 8), стопы статуи (№№ 12, 14), вотивные рельефы (№№ 11, 13).

Таким образом, коллекция памятников скульптуры из Алма-Кермен была сформирована из предметов, найденных исключительно в процессе археологических раскопок, что существенно повышает ее значение. Однако, как и на других варварских некрополях этого региона, ни одно надгробное изваяние не было найдено *in situ*. Это обстоятельство не позволяет установить точную дату памятников, но благодаря изображенным атрибутам, имеющимся аналогиям и археологическому контексту, основную часть памятников следует отнести к I – III вв. н. э.

Мраморные рельефы (№№ 11, 13), вероятнее всего, были доставлены на городище в готовом виде. К большому сожалению, из-за фрагментарности они не дают четкого представления об изображенных сюжетах. Но даже в такой сохранности они имеют большое значение, поскольку являются еще одним из свидетельств присутствия на Алма-Кермене воинов XI Клавдиева легиона. Косвенным подтверждением римского присутствия являются стопы статуи (№№ 14, 15).

Ряд заветнинских изваяний (№№ 1–10) имеет особое значение для изучения варварской скульптуры. Все они выполнены из мшанкового известняка, месторождения которого имеются вблизи с. Заветное. Исходя из особенностей обработки

---

[1] В данной публикации эта нумерация продолжена. Памятники, найденные в 1965, 2004–2009 гг. для удобства описания разделены на две условные группы: антропоморфные изваяния (№№ 7–10), рельефы и статуи (№№ 11–13).

[2] Схематичность и условность иллюстративного материала, использованного для публикаций заветнинских изваяний №№ 1–6 привели к неверным трактовкам отдельных иконографических деталей и памятников в целом. Тем не менее, именно на эти иллюстрации опираются современные исследователи [см. Одробінський, 2010, рис. 124–130, 134, 136, 179–182; Яценко, 2014, с. 42, рис. 4]. Это приводит к иллюстративным компиляциям, а также к появлению новых, несуществующих деталей, в частности сарматских знаков, иногда целыми группами [Одробінський, 2010, рис. 127]. Между тем, В. С. Ольховский обратил внимание исследователей [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 6] на необходимость тщательного подхода к изготовлению иллюстративного материала, от качества которого напрямую зависят результаты анализа объекта [Ольховский, 2005, с. 15]. Соответственно, если не выяснены обстоятельства находки, неверно воспроизведен памятник, то и он будет неверно описан и интерпретирован, будут нарушены основные этапы исследования изваяния.

[3] Приношу благодарность директору государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский», к.и.н. Ю. П. Зайцеву за разрешение опубликовать эту группу памятников.

и морфологии, а также высокого качества камня можно предположить, что для изготовления памятников скульптуры использовались заготовки, добываемые в специальных каменоломнях. Характер обработки указывает на существование определенного набора инструментов. В частности, заметны следы шпунта и скарпели с шириной лезвия около 2,5–3 см. Заметны также следы разметки изображения и абразивной обработки (заглаживания царапин и следов подтески). Для создания сюжета использовались различные виды резьбы: горельефная, барельефная, плоскостная. Лицевая, а иногда и боковые поверхности, зашлифовывались.

Морфология. Варварская скульптура из Алма-Кермен представлена следующими морфологическими видами[4]:

- Антропоморфная плита (№№ 2, 4, 6, 7, 9).
- Антропоморфный столб (№ 1).
- Плоская скульптура (№№ 4, 5, 10)[5].
- Статуарный (монументальный) рельеф (№ 3).
- Менгир (рис. 6), найденный вместе со стелой № 6.

Определить морфологическую принадлежность стелы № 8 не представляется возможным из-за плохой ее сохранности.

Иконография. По степени воплощения образа памятники распределены следующим образом:

- Полуфигуры (№№ 1, 4).
- Бюсты (№№ 5–10).
- Силуэтные изваяния (№ 5?).
- Полная фигура (№№ 2, 3).

Единственным изобразительным мотивом варварских памятников Алма-Кермен является человеческая фигура с набором различных атрибутов.

Атрибуты изображений на рельефах и антропоморфных изваяниях образуют следующие группы:

1) одежда и головной убор (стелы №№ 1, 3).

2) оружие и доспех (стелы №№ 1, 2, 4)[6].

3) ритуальные сосуды (ритон, изображенный на антропоморфных стелах №№ 1 и 4 в правой руке, а на рельефе № 3 в левой).

Не исключено, что некоторые атрибуты и антропоморфные детали изображались с помощью раскраски и штукатурки, следы которых не сохранились.

Этнокультурная принадлежность. Варварские изваяния из Заветнинского могильника с одной стороны демонстрируют тесную связь со скифской скульптурой VII – III вв. до н. э., с другой — являются свидетельством изменений, произошедших в позднескифской скульптуре, прежде всего, под влиянием соседних греческих полисов. Однако к единому мнению, в отношении этнокультурной принадлежности этой группы изваяний, исследователи не пришли.

В связи с особым интересом в отечественной историографии к этнокультурным вопросам, в 40–70-е годы XX в. каменным изваяниям позднескифской культуры приписывалась различная «этническая» принадлежность. Так, Н. А. Богданова три из шести опубликованных ею стел отнесла к сарматской скульптуре [Богданова, 1961, с. 251; Богданова, 1965, с. 235–237; Богданова, 1989, с. 60, 61, 66]. С сарматской принадлежностью этих стел согласился и П. Н. Шульц [Богданова, 1989, с. 60; Шульц, 1967, с. 199–201; Шульц, Зубарь, 1986, с. 270–273], а также И. И. Гущина [Гущина, 1967, с. 51]. Одним из оснований для такого определения послужило наличие на двух из них т.н. «сарматских знаков». По мнению Н. А. Богдановой, эти знаки указывают на «принадлежность погребенного к знатному сарматскому роду» [Богданова, 1989, с. 66]. В. С. Драчук считал эти знаки именными тамгами [Драчук, 1975, с. 103]. По мнению Э. И. Соломоник, они заменяли надписи, указывая на принадлежность к роду или семье [Соломоник, 1983, с. 85]. Однако при этом надо учитывать, что т.н. сарматские знаки были распространены довольно широко, и пользоваться ими могли не только сарматы [Попова, 1976, с. 119]. Ю. Одробинский считает схематичность изображения на заветнинских стелах признаком развития знаковой системы у сармат, в частности знака-образа «человек-воин» [Одробінський, 2010, с. 115].

Аргументом в пользу сарматской принадлежности стел послужила и сарматская, по мнению

[4] Э. И. Соломоник разделила изваяния из Заветного на два типа: с рельефным или прорезанным изображением человека и в форме более примитивных антропоморфных изваяний [Соломоник, 1983, с. 87]. В настоящей публикации использована классификация В. С. Ольховского, позволяющая в более полной мере отобразить все особенности изваяний [Ольховский, Евдокимов, 1994; Ольховский, 2005].

[5] Стела № 4 занимает промежуточное положение между антропоморфными плитами и плоской скульптурой.

[6] Не исключено, что в левой руке персонажа стелы № 4 и под правой рукой на стеле № 3 изображено копье. Возможно, на лицевой части стелы № 4 изображен меч, а на боковой ее стороне – кинжал.

некоторых исследователей, принадлежность изображенного на них оружия [Гущина, 1967, с. 49]. Однако, как показала Е. А. Попова, наличие изображений оружия определенных типов может служить только хронологическим, но не этническим индикатором [Попова, 1976, с. 115, 116; Попова, 1984, с. 84].

На стеле № 2, по мнению Н. А. Богдановой и И. И. Гущиной, изображен тавр, а сама стела была изготовлена таврским мастером [Богданова, 1961, с. 252; Гущина, 1967, с. 51].

Е. А. Попова, изучив особенности стел и рельефов Алма-Кермена, считает их позднескифскими, продолжающими скифские традиции [Попова, 1984, с. 84, 85; Попова, 1989, с. 88–92]. Исходя из иконографических и морфологических особенностей, наиболее яркими примерами продолжения скифских традиций являются стелы №№ 1 и 4 (рис. 1: *1*, *4*). На одну из них (№ 4) был нанесен т.н. «сарматский знак».

Назначение памятников. Большая часть варварских изваяний была найдена на территории некрополя или неподалеку от него, поэтому можно утверждать, что первоначальное использование памятников носило надгробный характер. Неизвестно, могли ли использоваться эти изваяния в святилищах или в качестве путевых знаков-фетишей, «охранных знаков», служивших для утверждения права на определенную территорию [Бессонова, 2002, с. 99].

Сохранность и способы использования. Большинство изваяний имеют многочисленные сколы, борозды и царапины, нанесенные сельскохозяйственной и землеройной техникой. Отдельные памятники были преднамеренно повреждены в древности и сохранились только их фрагменты. Некоторые изваяния на местах сломов и непосредственной близости от них, несут следы инструмента в виде тонких углублений (длиной 5–6 см) или пазы (для ремонта?), а также выщерблины и скопления ямок. Наиболее часто встречающимся способом повреждения было обезглавливание, которое, возможно, является отголоском древнего скифского обычая [Волошинов, 2001, с. 154]. По мнению П. Н. Шульца, оно происходило в половецкое время [Шульц, 1968, с. 330, 331].

Некоторые изваяния использовались вторично. Среди публикуемых памятников можно выделить следующие способы вторичного использования поврежденных изваяний:

1. Нанесение повторного изображения на лицевую сторону памятника (возможно, было доработано туловище на стеле № 2, вторично нанесены знаки на стелы №№ 4 и 6).

2. Обработка поврежденной поверхности памятника (стела № 10).

3. Использование в качестве отметки над могилой (стела № 6).

4. Использование в конструкции могил в качестве плит перекрытия (стелы №№ 3 и 7).

Не исключено, что в случае со способами №№ 2–4, памятники использовались просто как строительный материал, а помещенным на них изображениям уже не придавалось какого-либо значения. С другой стороны, повторное использование надгробных памятников и их повреждение, возможно, было связано с определенным сроком действия изваяний. Повторное использование антропоморфов на Боспоре Н. В. Молева связывает с их хтоническим значением [Молева, 2002, с. 104–107]. Возможно, этим можно объяснить наличие чашевидных углублений на тыльных сторонах изваяний №№ 2, 7 и 10.

На антропоморфной скульптуре Заветнинского могильника, в целом, продолжает проявляться традиция изготовления ранних скифских изваяний [Попова, 1975, с. 115–117; Попова, 1984, с. 83–85]. Как и в более ранний период [Раевский, 1985, с. 140; Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 7], основной идеей изваяния остается передача обобщенного образа человека в виде объемной фигуры, либо его замены — столбообразной (менгироподобной) стелы.

КАТАЛОГ

«Стела № 1»

Обстоятельства находки. Найдена во время раскопок на территории могильника в 1958 г. (рис. 1: *1*; 4: *1, 5*). Обнаружена при снятии гумусного слоя тяжелой землеройной техникой. Находилась в горизонтальном положении, изображением вверх, головой на запад, на глубине 0,2 м от современной поверхности (рис. 4: *5*).

Н. А. Богданова предположила, что изваяние было установлено над подбойной могилой № 146, так как оно было найдено в 1,5 м к северо-востоку от нее[7]. Камера этого погребального сооружения была ориентирована по оси север-юг и содержала остатки двух погребенных вытянуто на спине (рис. 4: *2*). В более раннем мужском погребении, были найдены

[7] Впрочем, как видно из плана могильника, гораздо ближе к стеле были открыты погребения №№ 143 и 147 [Богданова, 1958, табл. 2].

фрагменты железного меча с заклепками от деревянной рукояти (рис. 4: *3*), а также нож с кольцевидным навершием, бусы, бронзовый перстень и остатки бронзовой лучковой фибулы с подвязным приемником (рис. 4: *4*) [Богданова, 1958, с. 34, 35, табл. 26, 27; Богданова, 1961, с. 250, 251; Фирсов, 2006, с. 50–52, рис. 1, 4, 5].

Датировка. Согласно изображенным атрибутам и морфологическим особенностям стела может быть датирована I – II вв. н. э.

Инвентарный номер. № КП 6109. Инв. № АА I-573. Старый № 5825 [Лазаренко, 1993, с. 260, 261, № 29].

Сохранность. Лицевая сторона изваяния была повреждена тяжелой землеройной техникой. В результате была стерта центральная часть и правая половина лица (нос, борода, обе щеки); имеются также достаточно крупные сколы левого угла изваяния (повреждена голова, туловище, рука, меч). Есть многочисленные потертости и царапины, допущенные при транспортировке памятника.

Материал и размеры. Изготовлена из мшанкового известняка. Высота — 112 см, наибольшая ширина в основании — 26 см, толщина — 17–18 см.

Технология изготовления и обработки. Стела изготовлена из плиты в форме вытянутой трапеции. Ее поперечное сечение близко к квадрату. Все грани изваяния тщательно отесаны и зашлифованы. Тыльная сторона и нижняя часть памятника, рассчитанная на впуск в землю, обработаны грубо.

Основным изобразительным способом является плоский рельеф, с помощью которого изображены ободок (кайма головного убора?), овал лица, нос, руки, атрибуты. Глазные впадины изображены контррельефом. Врезной линией обозначены контуры глаз, рот, борода (?), пальцы, детали меча, копья и головного убора.

На всех сторонах изваяния, в особенности на нижней его части, заметны следы инструмента (скарпели) с шириной лезвия около 3 см в виде продолговатых выемок толщиной 1–1,5 см, а на правой боковой стороне — в виде более узких параллельных насечек, оставленных орудием с аналогичной шириной лезвия.

Морфология. Вытянутая по вертикали плита, имеющая форму слабовыраженной трапеции. В верхней, более узкой части выделен овальный выступ-голова. Он обозначен без выделения шеи, с помощью коротких покатых плеч. Затылочная часть головы закруглена. Наиболее близкой аналогией по морфологическим признакам является стела № 6 Алма-Кермен (рис. 2: *6*). Согласно классификации В. С. Ольховского, изваяние следует отнести к антропоморфным столбам [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 49, 50]. О.Д. Дашевская относит памятник к каменным бабам и фигурам с оружием и другими атрибутами, без ног [Дашевская, 1989, с. 134; Дашевская, 1991, с. 27].

Иконография. На лицевой части выступа-головы изображено овальное лицо с округлыми глазами. Надбровные дуги образованы глазными впадинами. Ниже подтреугольного носа двумя (дуговидной вверху и прямой внизу) горизонтальными линиями обозначен рот или граница усов и рта. Двумя вертикальными, идущими параллельно к подбородку, переданы детали (пряди?) бороды.

На боковых гранях изваяния в виде прямых полос изображены руки, согнутые под прямым углом. Их кисти сложены в области живота. Длинные пальцы вытянуты и разделены прямыми линиями.

Согласно классификации В. С. Ольховского, изваяние по вариации позы может быть отнесено к фигуре стоящей, по степени воплощения образа — к полуфигуре [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 53, 54]. Согласно классификации Е. А. Поповой, стелу можно отнести к памятникам 1 варианта, в которых заметна связь со скифскими VI – III вв. до н. э. [Попова, 1976, с. 117; Попова, 1984, с. 81–84].

Исходя из иконографических особенностей и набора изображенных атрибутов, можно предположить, что на изваянии представлен образ «обожествленного предка», родоначальника, либо воина.

Кисть правой руки придерживает ритон, очень узкое и остроконечное донышко которого загнуто под прямым углом. Левая кисть держит меч, изображенный вертикально. Прямая рукоять, имеющая закругленное навершие, отделена от сужающихся к низу ножен тонкой горизонтальной линией. По центральной части ножен и рукояти обозначены две вертикальные параллельные линии, очевидно являющиеся элементом декора или деталью конструкции[8]. Рядом, вертикальной, слегка изогнутой полосой изображено копье с длинным листовидным наконечником. Ниже ее на древке расположены три короткие горизонтальные линии, удаленные друг от друга на приблизительно одинаковое расстояние.

[8] Изображения мечей с подобными ножнами известны по некоторым херсонесским надгробиям I в. н. э. [АСХ, 1976, с. 100, № 316, рис. 132; Петерс, 1984, табл. LXXXIV, 16]. В АСХ перепутаны подписи к иллюстрациям стел №№ 316 и 336.

Не исключено, что эти линии — остатки предварительной разметки изображения.

Теменная часть, затылок и шея охвачены тонким рельефным ободком с короткими насечками. Н. А. Богданова предположила, что таким образом передана кайма головного убора. Наиболее вероятным представляется, что на голове изображен придерживаемый веревкой (жгутом) капюшон плаща (башлык?) или головная накидка[9]. Расходящиеся к поясу границы плаща переданы рельефом на лицевой части памятника.

По мнению Н. А. Богдановой [Богданова, 1958, с. 35; Богданова, 1961, с. 261] и И. И. Гущиной [Гущина, 1967, с. 49, рис. 4], копье и меч, изображенные на изваянии следует отнести к сарматскому типу вооружения.

Этнокультурная принадлежность. По мнению Н. А. Богдановой, памятник следует отнести к сарматской скульптуре [Богданова, 1965, с. 236; Богданова, 1989, с. 61, 66]. П. Н. Шульц сопоставил его с антропоморфными стелами «сарматского круга» [Шульц, 1967а, с. 197, 199–201, рис. 4, 8]. Е. А. Попова считает, что стела продолжает типологический ряд, образованный ранними скифскими изваяниями [Попова, 1984, с. 84].

Использование. Наиболее вероятное использование — в качестве надгробного памятника.

«Стела № 2»

Обстоятельства находки. Найдена в 120 м к югу от могильника (на южной его окраине?) (рис. 1: *2*; 5: *2*). Обнаружена в 1959 г. трактористом А. Д. Гондаренко при вспашке поля под посев ячменя [Богданова, 1959, табл. 37, фото 44; Богданова, 1961, с. 251, 252, рис. 1, *2*; 2, *2*].

Датировка. Стела может быть датирована I – III вв. н. э. — хронологическими рамками существования городища и некрополя.

Инвентарный номер. № КП 6113 (старый № 5827). Инв. № АА I-996 [Лазаренко, 1993, с. 260, 261, № 31].

Сохранность. Памятник сохранился полностью. На лицевой части, в особенности на правой стороне и выступе-голове, многочисленные выбоины, сколы, потертости и царапины, стесаны левая нога и обе стопы. В нижней части лицевой и на тыльной сторонах памятника — глубокие борозды, оставленные, вероятно, плугом или бороной. На тыльной стороне памятника — выбоины и сколы, а также четыре воронкообразных углубления.

Материал и размеры. Изготовлена из мшанкового известняка. Высота — 90 см, наибольшая ширина — 32 см, толщина плиты — 16–17 см. Высота человеческой фигуры — 56 см, высота лица с бородой — 22 см.

Технология изготовления и обработки. Стела изготовлена из трапециевидной в плане, прямоугольной в сечении плиты. Все грани изваяния были хорошо отесаны, углы фасетированы, поверхность тщательно зашлифована.

Контур лица, глазные впадины и правая половина туловища выделены с помощью контррельефа. Рельефом переданы щеки, ямками — глаза и рот; плоским рельефом — нос, туловище, руки, ноги, фаллос, атрибуты; врезной линией трактована граница шеи, пальцы рук.

На тыльной стороне памятника сохранились следы скарпели с шириной лезвия около 3 см.

Морфология. Плита оформлена в форме сильно вытянутой, слабовыраженной трапеции. В верхней, более широкой части, расположен полуовальный выступ-голова, от которого отходят короткие плечи, незначительно скошенные к боковым граням плиты.

Е. А. Попова отнесла этот памятник к рельефам [Попова, 1989, с. 89]. Согласно классификации В. С. Ольховского, стелу следует отнести к антропоморфным плитам [Ольховский, 1994, с. 48, 49].

Иконография. На лицевой поверхности плиты изображена стоящая мужская фигура в фас. Голова вытянута, изображена непропорционально крупной по отношению к туловищу. Волосы не выделены. Надбровные дуги образованы глазными впадинами. Глаза обозначены в форме горизонтально вытянутых овалов. Нос изображен в форме вытянутого прямоугольника, щеки — рельефными окружностями, рот — в виде горизонтально вытянутого овала, ниже изображена короткая клинообразная борода. От центра бороды к плечам расходятся две прямые линии, изображающие шею.

Правая рука согнута в локте и поднята в замахе; левая, утолщенная, согнута в локте и опущена. От прямоугольного туловища отходят прямые ноги, сближенные в стопах. В клиновидной паховой области, в форме вертикально вытянутого овала изображен фаллос.

В правой руке персонаж держит палкообразный предмет (копье?), нижняя часть которого изо-

[9] Подобный вид распашной одежды отмечен на женских изваяниях скифского времени [Ольховский, Евдокимов 1994, с. 34, кат. 123, илл. 74].

бражена с помощью рельефа, верхняя (над кистью руки) — врезной линией; в левой руке изображен округлый предмет (щит?).

На правой грани изваяния сохранилось несколько линий, две из которых идут параллельно от левого плеча. Линия подобной толщины и направления есть и на лицевой стороне памятника, в нижнем левом углу[10].

Согласно классификации В. С. Ольховского, поза воплощаемого образа может быть определена как «фигура стоящая», а по степени воплощения отнесена к полной фигуре [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 53–55]. Таким образом, «стела № 2» является единственным варварским антропоморфным памятником с изображением полной фигуры. Уникальным является и сам сюжет, поскольку персонаж находится в движении, с поднятой рукой, изображен фаллос.

Н. А. Богданова предположила, что на стеле изображен мужчина-воин, являющийся обожествленным героем, прародителем местного населения [Богданова, 1961, с. 251, 252; Богданова, 1989, с. 61]. О. Д. Дашевская отнесла памятник к стелам с примитивными фигурами [Дашевская, 1989, с. 134; Дашевская, 1991, с. 27].

Стилистические особенности. В изображении персонажа ярко выражена диспропорция. Е. А. Попова отнесла памятник ко 2-ой стилистической группе позднескифских рельефов, выполненных в условно-схематическом стиле [Попова 1989, с. 89, 90].

Этнокультурная принадлежность. Н. А. Богданова предположила, что на стеле изображен тавр, а сама стела была изготовлена таврским мастером [Богданова, 1961, с. 251, 252]. По определению Е. А. Поповой, памятник является позднескифским [Попова, 1989, с. 89, 90].

Использование. Основное использование изваяния — в качестве надгробного памятника. Воронкообразные углубления позволяют предположить, что тыльная сторона плиты использовалась для жертвенных возлияний.

«Стела № 3»

Обстоятельства находки. Найдена в 1962 г. во время раскопок юго-западной части некрополя, на холме № 5 (рис. 1: *3*). Находилась в горизонтальном положении, изображением вверх на глубине 0,2 м от современной поверхности. Служила плитой перекрытия могилы № 218 [Богданова, 1962, с. 13, 32, табл. XX, 1–3; Богданова, 1965, с. 233, 234, рис. 1; Богданова, 1989, с. 60, 61]. Безинвентарное погребение содержало костяк взрослого человека вытянуто на спине, головой на запад, северо-запад (рис. 5: *3а*).

Конструкция погребального сооружения точно не определена. Наиболее вероятно, это была простая грунтовая яма, либо грунтовая могила с заплечиками.

Датировка. Учитывая отсутствие инвентаря в погребении, стела может быть датирована I – III вв. н. э. — хронологическими рамками существования некрополя.

Инвентарный номер. Инв. № 10511 [Лазаренко, 1993, с. 260, 261, № 32].

Сохранность. Сохранился крупный фрагмент рельефа с изображением стоящей человеческой фигуры. Отбиты голова, голени и стопы ног, левая рука от запястья и выше, правая — от плеча. На всей поверхности памятника заметны многочисленные мелкие выбоины, незначительные потертости и царапины.

Материал и размеры. Изготовлена из мшанкового известняка. Высота — 96 см, ширина в верхней части — 51 см, толщина плиты — 15–17 см, высота рельефа — 6–10 см.

Технология изготовления и обработки. Для изготовления памятника была использована подпрямоугольная в сечении плита. Поверхность памятника тщательно зашлифована. Все детали рельефа, кроме каймы, переданной врезными линиями, обозначены с помощью рельефа. Фигура передана с помощью горельефа.

Тыльная сторона не обработана, что указывает на исключительно фронтальный характер обозрения. Не исключено, что памятник был предназначен для установки у стены.

Морфология. Согласно классификации В. С. Ольховского памятник следует отнести к статуарным рельефам. Фрагментарность изваяния не позволяет установить первоначальную форму плиты [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 50, 51].

Иконография. Изображена человеческая фигура, обращенная вправо и держащая в левой согнутой руке ритон. Правая рука приподнята и

[10] Не исключено, что это следы первоначальной разметки стелы, на которой вместе с уже проработанной головой, вероятно, предполагалось изобразить руки на боковых гранях и атрибуты на лицевой стороне, как на стелах №№ 1 и 4. То есть в первоначальном виде на стеле могло быть изображено только лицо, туловище же доработано позже. В такой реконструкции находит объяснение сильно выраженная диспропорция головы и туловища персонажа, а также различная техника их проработки.

отведена в горизонтальном положении в сторону поворота фигуры. Ноги полусогнуты в коленях и передают движение персонажа вперед, что подчеркнуто слегка выступающими коленными чашечками.

По мнению П. Н. Шульца, на рельефе изображен идущий влево скиф-воин [Шульц, 1967, с. 330]. Персонаж одет в нераспашную расширяющуюся от талии одежду, не доходящую до колен. На груди остроугольный вырез, заходящий на верхнюю часть плеча и украшенный каймой, которая обозначена четырьмя параллельными линиями. Н. А. Богданова высказала мнение, что стела «изображает мужчину в длинном кафтане с треугольным вырезом на груди» [Богданова, 1989, с. 61], т.е. определяет тип одежды как распашной. С. А. Яценко напротив считает, что изображенное на персонаже одеяние, расширяющееся от талии и не доходящее до колен является нераспашным [Яценко, 1985, с. 30, 31, рис. 3в].

В кисти левой руки персонажа зажат ритон с узким остроконечным донышком, загнутым под углом 80–85˚ и имеющим утолщение на конце. На запястье сохранилось изображение браслета; под правой рукой — изображение предмета[11] в виде вертикальной рельефной полосы.

Наиболее близкие аналогии изваянию из с. Заветное обнаруживаются среди раннескифских изваяний Предкавказья IV – III вв. до н. э., перекликаясь, прежде всего, с т.н. Краснодарскими изваяниями [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 35, илл. 75, 125] и изваянием № 1, найденном у г. Ставрополье [Белинский, Ольховский, 1996, с. 61, 62, рис. 1].

Согласно классификации В. С. Ольховского, поза воплощаемого образа может быть определена как «фигура стоящая», а по степени воплощения образа отнесена к полной фигуре [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 53–55]. Согласно классификации Е. А. Поповой, стелу можно отнести к памятникам со скифской традицией, но с сильным греческим влиянием [Попова, 1976, с. 117].

Как предполагается [Чореф, Шульц, 1972, с. 140–141; Попова, 1976, с. 116; Богданова, 1989, с. 61; Волошинов, 2004, с. 151], переданный на рельефе сюжет изображал сцену побратимства, известную по изделиям скифской торевтики IV в. до н. э., а также по другому изваянию первых веков н. э. из Анапы [Козыренко, 1957, с. 93, 95, табл. I, *4*; Соломоник, 1959, с. 76, № 31]. О. Д. Дашевская отнесла стелу к каменным бабам позднего типа [Дашевская, 1989, с. 134; Дашевская, 1991, с. 27].

Стилистические особенности и этнокультурная принадлежность. Следует отметить мягкие очертания изображенной фигуры.

По мнению автора публикации Н. А. Богдановой, памятник по мотиву и стилю следует отнести к скифской и позднескифской скульптуре [Богданова, 1965, с. 234]. Е. А. Попова отнесла рельеф к 1-ой стилистической группе позднескифских рельефов выполненных в примитивно-реалистическом стиле [Попова, 1989, с. 89, 90], с чем согласился и В. С. Ольховский [Ольховский, 2005, с. 131, ил. 129, *1*].

Использование. Возможно парадный рельеф, передающий какую-то эпическую сцену. Нельзя исключить и надгробный его характер. Изваяние в уже поврежденном виде было использовано вторично в качестве перекрытия могилы. С. А. Яценко предположил вторичное использование поврежденного изваяния в качестве оберега, «защищавшего» могилу [Яценко, 2014, с. 46].

«Стела № 4»

Обстоятельства находки. Обнаружена в 1962 г. в мягком золистом грунте, на территории кроликофермы совхоза им. Чкалова, недалеко от юго-западного склона возвышенности, на которой расположено городище (рис. 1: *4*; 5: *4*) [Богданова, 1962, с. 34, табл. 47; Богданова, 1965, с. 235, рис. 2].

Датировка. Стела может быть датирована I – III вв. н. э. — хронологическими рамками существования городища и некрополя.

Инвентарный номер. Инв. № 10510 [Лазаренко, 1993, с. 262, 263, № 33].

Сохранность. Сохранилась средняя часть изваяния. Отбиты голова, плечи и шип. На всех гранях памятника есть многочисленные сколы, потертости, выбоины и царапины. На лицевой стороне три глубокие и две слабозаметные пересекающиеся борозды от плуга или бороны. Сильно повреждена левая грань стелы, изображение руки на ней не сохранилось.

Материал и размеры. Изготовлена из мшанкового известняка. Высота — 84 см, ширина — 47 см, толщина плиты — 14 см.

Технология изготовления и обработки. Прямоугольная в плане плита с прямоугольным поперечным сечением. В нижней части расположен выступ-шип, предназначенный для установки памятника в каменное основание-базу. Все грани

[11] Возможно, копья [Шульц 1967, с. 330].

памятника отесаны, поверхность со следами подтески тщательно зашлифована. Все детали изображенного сюжета переданы с помощью врезной линии.

В нижней части плиты сохранились следы подработки в виде полос шириной около 1 см и средней длиной 1,5–2 см; на тыльной стороне их размеры чуть крупнее — полосы достигают ширину до 2 см и длину до 3 см.

Морфология. Подпрямоугольная, вытянутая по вертикали плита. Согласно классификации В. С. Ольховского, изваяние следует отнести к антропоморфным плитам или к плоской скульптуре [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 48–50]. Более точное определение морфологического вида не представляется возможным из-за плохой сохранности памятника.

Иконография. Изваяние схематически воспроизводит человеческую фигуру с прямоугольным туловищем без ног.

Сохранившаяся на одной из боковых граней правая рука полусогнута. Кисти рук изображены в районе живота, левая расположена чуть выше правой. Пальцы вытянуты и широко расставлены. Над правой кистью сохранилось шесть вертикальных и одна горизонтальная врезные линии. Несмотря на сильное повреждение современными бороздами, Н. А. Богданова считает эти линии сарматским знаком, определяющим принадлежность к знатному сарматскому роду [Богданова, 1965, с. 235; Богданова, 1989, с. 61, 66.]. Подобные знаки есть на стенах пещеры Ак-Кая № 2 и зеркале из Танаиса [Соломоник, 1958, с. 118, 119, 141, 169, № 58, 97; Драчук, 1975, табл. V, 316, 317][12].

Кисть правой руки придерживает ритон. Узкое донышко сосуда загнуто под углом 80–85°. Оно имеет округлое утолщение на конце с гравированным точечным углублением по центру. Левая кисть прижимает расположенный вертикально предмет (меч или копье), изображенный в виде прямоугольной полосы с прямоугольным в плане утолщением (навершием, наконечником?) в верхней части[13].

На левой боковой грани памятника в наклонном положении изображен вытянутый по вертикали крестообразный предмет. Он вычерчен в виде полосы с горизонтальным перекрестием в верхней части и небольшим горизонтальным прямоугольным окончанием в нижней. Величина и форма предмета позволяет предположить, что здесь может быть изображен кинжал, либо короткий меч в ножнах.

Согласно классификации В. С. Ольховского, изваяние, по степени воплощения образа, следует отнести к полуфигуре [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 54]. Н. А. Богданова предположила, что на стеле изображен героизированный воин [Богданова, 1989, с. 61]. О. Д. Дашевская отнесла стелу к фигурам с оружием и другими атрибутами, без ног [Дашевская, 1989, с. 134; Дашевская, 1991, с. 27].

Стилистические особенности. Яркой особенностью памятника являются схематичность и использование для моделировки изображения исключительно врезной линии. Это позволяет предположить, что на плите сохранился только чертеж-разметка для последующей рельефной проработки.

Этнокультурная принадлежность. Н. А. Богданова считает, что стелу следует отнести к памятникам сарматской скульптуры [Богданова, 1965, с. 235]. К антропоморфным стелам сарматского круга отнес стелу П. Н. Шульц [Шульц 1967а, с. 197–201, рис. 4, 10]. Е. А. Попова отнесла стелу к памятникам, в которых заметна генетическая связь со скифскими VI – III вв. до н. э. [Попова, 1976, с. 117] и к первому варианту позднескифской скульптуры [Попова, 1984, с. 81, 82, 84]. По классификации, предложенной А. А. Волошиновым, памятник можно отнести к группе позднескифских антропоморфных стел (Тип I) [2001, с. 145]. К позднескифским памятникам отнесла стелу и О. Д. Дашевская [Дашевская, 1989, с. 134; Дашевская, 1991, с. 27].

Использование. Наиболее вероятно использование стелы в качестве надгробного памятника. Учитывая место находки, можно предположить, что

[12] «Сарматский знак» заветнинской стелы № 4 учтен и в работах В. С. Драчука, Э. И. Соломоник, С. А. Яценко, однако прорисован он был неверно [Драчук, 1975, с. 118, табл. V, 322; Соломоник, 1983, с. 85, 86, рис. 3, 1; Яценко, 2014, с. 47, рис. 4, 1]. По мнению Э. И. Соломоник, сочетание этого знака с фигурой человека подтверждает его семейно-родовой характер [Соломоник, 1983, с. 85]. С. А. Яценко считает, что тамга на заветнинской стеле № 4 принципиально важна «для понимания статуса умерших, которым полагались подобные памятники». Он соотносит ее с «одним из самых политически активных и мощных кланов на огромной территории Сарматии I – II вв.». Он считает, что изваяние было посвящено предводителю «местных клановых отрядов ополчения в случае войны» [Яценко, 2014, с. 47].

[13] Похожий меч I в. н.э. был найден в могиле № 344 на некрополе Алма-Кермен [Волошинов, Масякин, 2007, с. 293, рис. 7; 8, 8].

памятник мог быть использован вторично в качестве строительного материала.

В верхней части плиты, в центральной части древнего слома сохранилась небольшое, прямоугольное в плане углубление (следы ремонта?). Подобные пазы известны на некоторых боспорских рельефах, например, стеле Агафа, датируемой 476 г. боспорской эры (179 н. э.) [Кобылина, 1948, с. 86; Блаватская, 1948, с. 80].

«Стела № 5»

Обстоятельства находки. Найдена в 1963 г. при раскопках Заветнинского могильника (рис. 2: *5*). В первой публикации указано, что она была вкопана в гумусный слой на глубину 0,4 м от современной поверхности; поддерживалась в вертикальном положении плоской горизонтально положенной плитой, захоронения под которой обнаружено не было [Богданова, 1965, с. 235, рис. 2][14]. В более поздней работе сказано, что стела была использована в закладе подбойной могилы [Богданова, 1989, с. 60, 61].

Датировка. Стела может быть датирована I – III вв. н. э. — хронологическими рамками существования могильника.

Инвентарный номер. Инв. № 10509 [Лазаренко, 1993, с. 262, 263, №34].

Сохранность. Сохранилась верхняя часть памятника. Отбита верхняя часть головы с лицом, утрачен фрагмент нижней части, предназначенной для установки памятника. Имеются следы выветривания, многочисленные царапины и выбоины.

Материал и размеры. Изготовлена из мшанкового известняка. Высота — 80 см; ширина в плечах — 42 см, толщина — 15 см.

Технология изготовления и обработки. Внешние очертания стелы были частично подчинены форме каменного блока, из которого изготавливался памятник. В верхней части плиты путем подработки боковых и лицевой граней, была выделена голова, шея и плечи. Боковые грани фасетированы. Нижняя (около 25 см) часть плиты, подработанная более грубо, была предназначена для установки.

В районе груди, на боковых и тыльной гранях стелы сохранились следы подтески в виде горизонтальных параллельных полос шириной 1–2 см и шириной около 3 см. На месте слома головы заметны следы инструмента с тонким лезвием шириной 5–6 см. Не исключено, что они свидетельствуют о преднамеренном повреждении памятника в древности.

Морфология. Стела антропоморфных очертаний с четко обозначенной головой, покатыми плечами и туловищем, проработанным до области локтевых суставов. Изображен достаточно реалистический силуэт человеческой фигуры, с соблюдением близких к реальности пропорций человеческого тела. Согласно классификации В.С. Ольховского, изваяние следует отнести к плоской скульптуре [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 50].

Иконография. Основным элементом памятника является изображение бородатого человеческого лица в верхней части плиты. Борода имеет клиновидную форму. В центральной и левой части бороды, в области рта сохранилось четыре вертикальных линии, возможно, изображающих пряди[15]. Двумя линиями, идущими от правого плеча в сторону бороды, по мнению Н. А. Богдановой и С. А. Яценко, могла быть изображена шейная гривна или ворот одежды [Богданова, 1965, с. 235; Яценко, 2014, с. 47][16]. Она также предположила, что здесь был изображен бородатый мужчина в высоком колпаке с меховой опушкой [Богданова, 1989, с. 61][17].

Ближайшими аналогиями являются антропоморфная стела, найденная М. Я. Чорефом в

[14] В отчете Н. А. Богдановой какие-либо данные о стеле отсутствуют.

[15] Не исключено, что эти линии являются свидетельством намеренного повреждения деталей лица.

[16] Впрочем, ближайшее рассмотрение памятника заставляет усомниться в таком предположении, так как на левом плече никаких следов «гривны» не просматривается. Наиболее вероятно, что эти линии являются следами повреждения памятника плугом или бороной. В этом случае находит объяснение и асимметричность плечей.

[17] С. А. Яценко считает, что это шлем, а изображенный персонаж изображен сидящим, аргументируя это тем, что «часть рельефа ниже уровня бедер расширена». На каждой из щек персонажа он отмечает татуировку из двух параллельных полос, «известную на изображениях ранних кочевников у значимых персонажей». «На коленях», по его мнению, в горизонтальном положении изображен крупный предмет, напоминающий лук. Он считает, что изваяния были посвящены предводителю местных клановых отрядов ополчения в случае войны» [Яценко, 2014, с. 47]. Такой достаточно большой набор предположений, очевидно, связан с изначальной схематичностью и условностью рисунка [Яценко, 2014, рис. 4, 8].

1972 г. на территории Краснозоринского некрополя [Чореф, 1973, с. 9; Волошинов, 2008, рис. 6, 3] и одно из т.н. «синдских» надгробий [Сокольский, 1976, с. 190, 192, рис. 2, 3; 6]. Известны аналогии и среди раннескифских изваяний Крымской группы (стела из с. Котовского) [Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 56 (93)].

Согласно классификации В. С. Ольховского, памятник по степени воплощения образа следует отнести к бюстам или силуэтным изваяниям [Ольховский, Евдокимов 1994, с. 54, 55]. Более точное определение не представляется возможным из-за плохой сохранности памятника. О. Д. Дашевская отнесла памятник к стелам с примитивными фигурами [Дашевская, 1989, с. 134; Дашевская, 1991, с. 27].

Этнокультурная принадлежность. По мнению автора публикации Н. А. Богдановой, изваяние по мотиву и стилю следует отнести к скифской скульптуре [Богданова, 1965, с. 234, 236; Богданова, 1989, с. 61]. Согласно классификации Е. А. Поповой, стелу можно отнести к памятникам, в которых заметна генетическая связь со скифскими VI – III вв. до н. э. [Попова, 1976, с. 117] и к первому варианту позднескифской скульптуры [Попова, 1984, с. 81, 82].

Использование. Наиболее вероятное использование — в качестве надгробного памятника. Изваяние в уже поврежденном виде было установлено на одном из участков могильника в качестве отметки, либо использовано как один из камней заклада подбойной могилы.

«Стела № 6»

Обстоятельства находки. Найдена в 1963 г. при раскопках могильника, на холме 1 (рис. 2: *6*). Была установлена вертикально в изголовье грунтовой могилы № 265[18], вместе с менгироподобным камнем (1,1 х 0,4 м) на глубину 0,3 м от современной поверхности. Могила ограблена в древности. В ее заполнении встречены фрагменты краснолакового кубка, который может быть датирован II – III вв. н. э. (рис. 6) [Богданова, 1963, табл. 44; Богданова, 1965, с. 235, рис. 2; Лазаренко, 1993, с. 262, 263, № 35].

Датировка. Поскольку не установлено, входил ли кубок в состав погребального инвентаря, либо попал в могилу во время ограбления, стелу следует датировать I – III вв. н. э. — хронологическими рамками существования могильника.

Сохранность. Сохранилась верхняя часть памятника. Многочисленными сколами и выбоинами повреждена лицевая и тыльная сторона, в меньшей степени повреждены боковые.

Материал и размеры. Мшанковый известняк. Высота — 83 см; ширина в плечах — 30,5 см, толщина — 20 см.

Технология изготовления и обработки. Для изготовления памятника, вероятно, была использована плита прямоугольных очертаний. Лицевая и боковые грани были тщательно подтесаны, следы подтески зашлифованы.

Морфология. Стела антропоморфных очертаний с четко обозначенной головой без выделения шеи, короткими покатыми плечами и подпрямоугольным туловищем.

Согласно классификации В. С. Ольховского, изваяние следует отнести к антропоморфным плитам [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 48, 49]. По мнению Е. А. Поповой, стела напоминает по своим очертаниям херсонесские антропоморфные надгробия [Попова, 1984, с. 85]. Наиболее близкой аналогией по морфологическим признакам является стела № 1 Алма-Кермен (рис. 1: *1*).

Иконография. Основным элементом памятника, очевидно, являлась голова.

В верхней левой части выступа-головы, на лицевой, сильно поврежденной стороне памятника сохранились остатки дуговидной линии, которая, возможно, служила для обозначения границы головного убора или прически. В центральной части головы изображение в виде креста, в нижней части стелы — две параллельные горизонтальные и две параллельные вертикальные (с загнутыми в противоположные стороны концами) линии образующие, по мнению исследователей т.н. сарматский знак (высота — 10,5 см). Н. А. Богданова, ссылаясь на Э. И. Соломоник [Соломоник, 1958, с. 162, рис. 150; Соломоник, 1983, с. 86, 87][19], считает, что это изображение напоминает знак на кувшине из могилы № 15 Алма-Кермен [Богданова, 1965, с. 236]. По мнению В. С. Драчука и С. А. Яценко, крестообразный знак относится ко вторичному использованию стелы [Драчук, 1975, с. 102, 120, табл. VI, 380; XXXI, рис. 8, 1; Яценко, 2014, с. 46]. Э. И. Соломоник, не отрицая его вторичный характер, считает, что знак мог быть нанесен одно-

[18] Э. И. Соломоник, по неизвестной причине, называет эту могилу подбойной [Соломоник, 1983, с. 85].

[19] В этих работах Э. И. Соломоник знак прорисован неточно.

временно с «основным». Она предположила, что «небольшое перекрестие в верхней части плиты восходит к древнейшему символу, связанному с культом солнца» [Соломоник, 1983, с. 86, 87].

Согласно классификации В. С. Ольховского, памятник по степени воплощения образа следует сопоставить с бюстами [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 54, 55]. Н. А. Богданова предположила, что памятник передает абстрактный образ умершего [Богданова, 1989, с. 61].

Этнокультурная принадлежность. О. Д. Дашевская отнесла стелу к примитивным позднескифским изваяниям с сарматскими знаками [Дашевская, 1989, с. 134; Дашевская, 1991, с. 27]. П. Н. Шульцем стела была включена в список антропоморфных стел сарматского круга [Шульц, 1967а, с. 197–201, рис. 4, 7]. По мнению Е. А. Поповой, подобные памятники были безосновательно отнесены к сарматской скульптуре, она считает памятник позднескифским [Попова 1984, с. 79, 85].

Использование. Наиболее вероятное первоначальное использование — в качестве надгробного памятника. Позже он был использован в качестве каменной отметки над могилой № 265, либо был просто сброшен в нее после ограбления. С. А. Яценко предположил вторичное использование поврежденного изваяния в качестве оберега [Яценко, 2014, с. 46].

Стела № 7

Обстоятельства находки. Найдена в 1965 г. при раскопках могильника (рис. 7: *7*). Стела являлась одной из плит перекрытия плитовой могилы № 2 (269). Могила ограблена в древности. Найдены обломок железного кольца, стеклянные бусы (в том числе с выпуклыми глазками) и бусы из египетского фаянса [Богданова, 1965а, с. 3, рис. 14, 16, 17; Богданова, 1982, с. 32; Богданова, 1989, с. 22].

Датировка. По сопутствующему материалу стела может быть датирована I в. н. э. Н. А. Богданова группу могил подобной конструкции относит к II – III вв. н. э. [Богданова, 1982, с. 32; Богданова, 1989, с. 21, 22][20].

Место хранения памятника неизвестно.

Сохранность. Многочисленные сколы и выбоины на поверхности. Отбита часть основания стелы.

Материал и размеры. Известняк. Высота — 60 см; ширина — 26 см, толщина — 12 см.

Морфология. Изваяние антропоморфных очертаний с четко обозначенной головой без выделения шеи, короткими плечами и подпрямоугольным туловищем.

Согласно классификации В. С. Ольховского, памятник следует отнести к антропоморфным плитам [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 48, 49]. Наиболее близкой аналогией по морфологическим признакам является стела № 9 Алма-Кермен (рис. 2: *9*). Аналогичные по форме и размерам изваяния известны как в скифской [Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 18, 68], так и боспорской скульптуре [Молева, 2002, табл. Тип 1–3, 10, 14, 15] и использовались на протяжении IV – II вв. до н. э.

Иконография. Основным элементом памятника являлась голова. Согласно классификации В. С. Ольховского, памятник, по степени воплощения образа, следует сопоставить с бюстами [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 54, 55].

Использование. Наиболее вероятное использование — в качестве надгробного памятника. Позже изваяние было использовано в качестве «покровной» плиты (плиты перекрытия?)[21].

Стела № 8

Обстоятельства находки. Найдена в 2005 г. при раскопках городища (рис. 2: *8*; 7: *8*), в заполнении хозяйственной ямы № 8.

Датировка. По сопутствующему материалу и условиям находки фрагмент может быть сопоставлен с «1-м позднескифским» горизонтом «Е», датируемым I в. до н. э. – рубежом эр [Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 59].

Инвентарный номер. Инв. № 2069, КП 10470.

Сохранность. Сохранился незначительный фрагмент антропоморфной стелы (левая часть головы). На поверхности заметны многочисленные сколы и царапины.

Материал и размеры. Стела изготовлена из мшанкового известняка. Высота — 18,6 см; ширина — 11,6 см, толщина 14,2 см.

---

[20] Впрочем, в другом варианте отчета о раскопках могильника Н. А. Богданова называет могилу подбойной [Богданова, 1965а, с. 2, рис. 13, 15]. К сожалению, фотографии, представленные в отчете, не дают ясного представления о конструкции могилы.

[21] Зафиксированное, горизонтальное положение камней, среди которых была найдена стела, вероятно, связано с ограблением могилы в древности. Таким образом, стела могла находиться среди плит заклада или использована как отметка над погребальным сооружением.

Иконография. На уплощенной поверхности фрагмента несколькими врезными линями образовано изображение, контур которого напоминает человеческий глаз. На боковой грани заметны остатки вертикальной дугообразной врезной линии, служившей, вероятно, для обозначения края прически или головного убора.

Использование. Наиболее вероятное первоначальное использование — в качестве надгробного памятника. На городище фрагмент попал, вероятно, в качестве строительного материала.

Стела № 9

Обстоятельства находки. Найдена в 2005 г. на территории могильника в грабительском отвале могилы № 335а (рис. 2: *9*; 7: *9*). Очевидно, была использована в конструкции могилы вторично, в качестве одного из камней заклада, перекрывавшего нишу подбоя. Могила ограблена в древности, при устройстве средневекового погребения № 335б.

Датировка. Погребальный инвентарь (бронзовый колокольчик и бусина) позволяет установить верхнюю дату изготовления и повреждения стелы II – III вв. н. э. По морфологическим особенностям памятник следует отнести к I в. н. э.

Инвентарный номер. Инв. № 2044, КП 10469.

Сохранность. Многочисленные сколы, выбоины и царапины на всех гранях изваяния.

Материал и размеры. Стела изготовлена из мшанкового известняка. Высота — 30,5 см; наибольшая ширина головы — 24,8 см, толщина 17–20 см.

Морфология. Стела антропоморфных очертаний с четко обозначенной головой и прямыми плечами. Шея не выделена.

Согласно классификации В. С. Ольховского, изваяние следует отнести к антропоморфным плитам [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 48, 49]. Наиболее близкой аналогией по морфологическим признакам является стела № 7 Алма-Кермен. Аналогичные по форме и размерам изваяния известны как в скифской [Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 23, 24, 68], так и боспорской скульптуре [Молева, 2002, Тип 14, 15] и использовались на протяжении IV – II вв. до н. э.

Иконография. Основным элементом памятника являлась голова. Согласно классификации В. С. Ольховского, памятник по степени воплощения образа относился, вероятно, к бюстам [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 54, 55].

Использование. Наиболее вероятное первоначальное использование — в качестве надгробного памятника. Позже памятник был использован в конструкции заклада ниши подбоя могилы № 335а.

Стела № 10

Обстоятельства находки. Найдена в каменном завале над могилой № 346, открытой на некрополе в 2006 г. (рис. 3: *10;* 7: *10*).

Датировка. Могила ограблена в древности, по своей конструкции может быть датирована II – III в. н. э. [Богданова, 1982, с. 32; Пуздровский, 1994, с. 116]. Под могилой № 346 была открыто более древнее погребение I в. н. э. — могила № 347. Таким образом, датировка стелы по ближайшим погребальным сооружениям может быть определена в границах I – III вв. н. э.

Инвентарный номер. Инв. № 2272, № КП 10610.

Сохранность. Отбита верхняя часть выступа-головы, левая боковая (плечо) и нижняя части изваяния. Многочисленные сколы, потертости, выбоины и царапины на всех гранях памятника. Наиболее крупные выбоины имеются на лицевой стороне.

Материал и размеры. Изготовлена из мшанкового известняка. Высота — 66,5 см, наибольшая ширина — 34 см, толщина плиты — 10–24 см.

Технология изготовления и обработки. Для изготовления памятника была выбрана плита неравномерной толщины. На тыльной стороне изваяния — чашевидные углубления, а также следы разметки в виде прямой, отделяющей шею от головы.

Все грани памятника отесаны, лицевая подшлифована. Боковые грани подработаны таким образом, что на лицевой и тыльной сторонах (шея и туловище-пьедестал) они создают фасетки. Подобные фасетки есть и на некоторых боспорских надгробиях [Иванова, 1950, с. 245, рис. 8, 9].

На лицевой стороне и боковых сторонах памятника сохранились следы инструмента с шириной лезвия 2,5–3 см.

Морфология. Стела антропоморфных очертаний с вытянутым по горизонтали выступом-головой и четко обозначенной длинной шеей, короткими покатыми плечами и подпрямоугольным туловищем-пьедесталом. Согласно классификации В. С. Ольховского, памятник следует отнести к плоской скульптуре [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 50].

Иконография. Изваяние схематически воспроизводит человеческую фигуру с прямоугольным туловищем без ног. Согласно классификации

В. С. Ольховского, памятник по степени воплощения образа следует отнести к бюстам [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 54].

Подобные стелы происходят из Пантикапея, Нимфея, Китея, Горгиппии и мыса Такиль [Молева, 1999, с. 317, 319, кат. 8; Ермолин, 2004, с. 212, 217, рис. 5]. Н. В. Молева относит их к 19 типу боспорских антропоморфных изваяний. Наиболее вероятная дата для памятников этого типа I в. до н. э. – I в. н. э. определяется датировкой надгробия, найденного в дромосе склепа Деметры [Молева, 2002, с. 63, Тип 19]. По мнению Н. В. Молевой, надгробия с хорошо выраженной шеей принадлежали мужским погребениям, а такой признак, как слегка уплощенная в верхней части голова, позволяют датировать стелу № 10 I – II вв. н. э. [Молева, 1983, с. 115, 122].

Подобные памятники на Боспоре имеют остатки штукатурки и водяных красок [Молева, 2002, с. 25]. При пропитке поверхности заветнинской стелы водой, на лицевой поверхности проступили следы раскраски в виде красно-коричневого пятна, напоминающего по очертаниям бороду.

Стилистические особенности. Фасетированный характер вертикальных граней шеи и основания (пьедестала?).

Использование. Наиболее вероятно использование стелы в качестве надгробного памятника. После повреждения изваяния лицевой угол поврежденной грани был заново отесан, чем объясняется асимметрия выделенных плеч.

Рельеф № 11

Обстоятельства находки. Найден в 2005 г. при раскопках городища. Обнаружен при выборке слоя между пожарами 1 и 2 в квадрате № 4 (рис. 3: *11*; 8: *11*).

Датировка. По условиям находки фрагмент может быть сопоставлен с римским подгоризонтом В 2, датируемым последней четвертью II – началом III вв. н. э. [Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 58].

Инвентарный номер. Инв. № 10470.

Сохранность. Памятник был разбит в древности, сохранилась его нижняя часть (возможно, левый угол). Имеется слабый известковый налет.

Материал и размеры. Рельеф был изготовлен из крупнозернистого мрамора. Высота — 6,3 см; наибольшая ширина — 10,2 см; толщина — 2,8 см, высота рельефа до 0,9 см.

Технология изготовления и обработки. Тыльная грань памятника плоская, и следов обработки не несет. Поверхность тщательно зашлифована. Рельефные части фигуры выделены с помощью барельефа. Заметно незначительное понижение плоскости плиты-фона к рельефно выступающим ногам.

Морфология. Барельефное изображение нанесено на плоскую плиту, являющуюся фоном композиции, т.е. задним ее планом. Памятник относится к рельефам или так называемым вотивным табличкам.

Иконография. Памятник представлен незначительным фрагментом, поэтому определить сюжет сложно. В определении общей иконографической схемы можно выдвинуть два основных варианта:

1) Лошадь развернута вправо (со стороны зрителя). Сохранившаяся часть рельефа, воспроизводит заднюю ногу лошади, скачущей вправо и заднюю поджатую лапу собаки, либо только лапы собаки или ноги лошади [Inscriptiones Graecae…, MCMLVIII, Tabula 6, № 501; Volumen IV, Tabula 84, № 2120 (1); Kazarow 1938, taf. I, 3]. Подобный сюжет известен по вотивным табличкам с изображением Дианы [Inscriptiones Graecae…, MCMLVIII, Tabula 6, № 501; Volumen IV, Tabula 84, № 2120 (1); Kazarow 1938, taf. I, 3; Щеглов 1967, 255, рис. 1] или фракийского всадника. При этом собака терзает добычу (кабана, косулю, лань) [Inscriptiones Graecae…, MCMLXI, Tabula 189, № 1405; 210, № 1460; 189, № 1501; Kazarow 1938, p. 88, № 424, taf. XL, 236].

2) Лошадь развернута влево. Сохранившаяся часть рельефа воспроизводит передние ноги лошади, скачущей влево. Подобным образом переданы ноги лошадей на многих вотивных рельефах с изображением скачущего фракийского всадника [Inscriptiones Graecae…, MCMLXX, Tabula 195, № 350; 132, № 258; Inscriptiones Graecae…, MCMLXI, Tabula 190, № 1405; 22, № 922].

Использование. Наиболее вероятно, памятник относится к вотивным рельефам.

Фрагмент стопы статуи № 12

Обстоятельства находки. Найден в 2007 г. при раскопках городища. Обнаружен в засыпи котлована в шурфе 2007–2008 гг. (рис. 3: *12*; 8: *12*).

Датировка. По сопутствующему материалу и условиям находки фрагмент может быть сопоставлен с 3-им римским подгоризонтом «А 2», датируемым первой половиной III века н. э. [Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 57].

Сохранность. Памятник был разбит в древности. Поверхность камня имеет серый оттенок, вероятно, фрагмент побывал в пожаре. Имеется слабый известковый налет.

Материал и размеры. Мшанковый известняк. Высота — 5,5 см; наибольшая ширина — 8,7 см; длина — 7,4 см.

Технология изготовления и обработки. Поверхность памятника тщательно зашлифована.

Иконография. Фрагмент принадлежал правой ступне, четыре пальца которой были закрыты. Сохранился большой палец с рельефно проработанным ногтем. Над большим пальцем видны остатки рельефного изображения с выделяющимся прямым углом (см. фрагмент стопы № 14).

Рельеф № 13[22]

Обстоятельства находки. Найден в 2007 г. в секторе XIV северо-западной части городища Алма-Кермен (рис. 3: *13*; 8: *13*).

Датировка. По условиям находки рельеф может быть датирован первой половиной – серединой III в. н. э.

Сохранность. Памятник был разбит в древности, сохранилась его левая половина. В момент находки имелся значительный известковый налет.

Материал и размеры. Крупнозернистый мрамор с серо-голубой прожилкой в верхней части (проконесский?). Высота — 21 см; наибольшая ширина — 10,7 см; толщина — 2,4 см.

Технология изготовления и обработки. Сохранившиеся детали изображения выделены с помощью врезных линий и уплощенного рельефа, а затем отшлифованы. На боковых гранях и поле рельефа сохранились следы подработки.

Морфология. Памятник следует отнести к рельефам или так называемым мраморным табличкам. Барельефное изображение нанесено на плоскую плиту, являющуюся фоном композиции. Верхняя грань памятника незначительно повышается к центральной части фронтона.

Иконография. Сохранилась левая часть фронтонной композиции с пилястром и боковым акротерием. Плита была оформлена в виде фронтонного наиска, фланкированного по бокам пилястрами. Углы фронтона акцентированы боковыми акротериями в виде плоских двойных полупальмет. Ордер наиска — упрощенный ионический, пилястр завершен антовой капителью со схематически проработанным обратным ионийским киматием. Капитель украшена рельефным декором в виде чередующихся овов, а также вертикальных и горизонтальных сегментов. В основании пилястра рельефным выступом схематически передана база. В стилистическом отношении прорисовка ов и разделяющих стрелок характерна для II – III вв. н. э. Сходная манера прорисовки ов характерна для памятников первых веков н. э. из различных античных центров.

Подобные акротерии есть на херсонесских надгробиях, в частности Феагена и Макарии (I – II вв. н. э.) [Kieseritzky, Watzinger, 1909, Nr. 355, Taf. XXIV], а также на надгробии Севера (начало III в. н. э.) [АСХ, 1976, с. 116, 117, рис. 145, кат. 363].

Архитектурное обрамление плиты точных аналогий не находит. Отдельные его элементы нередко присутствуют на рельефах с изображением т.н. фракийского всадника [Inscriptiones Graecae…, MCMLXX, Tabula 54, № 86; 60, № 103; 198, № 354; Inscriptiones Graecae…, MCMLVIII, Tabula 6, № 501; Kazarow, 1938, taf. XIII, 77; XXIII, 136; XLIII, 251; LXXV, 449]. Однако, значительное пространство свободного от изображения поля — ниши эдикулы, позволяет предположить, что на табличке было изображено какое-то отдельно стоящее божество, как на рельефах с изображением Апполона, Артемиды, Асклепия, Гекаты, Геркулеса [Inscriptiones Graecae…, MCMLVIII, Tabula 11, № 512; 22, № 562; Inscriptiones Graecae…, MCMLXI, Tabula 206, № 1173, 1174; 209, № 1458; Inscriptiones Graecae…, MCMLXX, Tabula 55, № 88; 132, № 258; Ростовцев, 1911, табл. V, рис. 13].

Использование. Памятник следует отнести к вотивным рельефам.

Фрагмент стопы статуи № 14

Обстоятельства находки. Найден в 2009 г. в квадрате 15 (заполнение котлована оборонительной стены) (рис. 9).

Датировка. По сопутствующему материалу и условиям находки фрагмент может быть сопоставлен с 3-им римским подгоризонтом А 2, датируемым первой половиной III в. н. э. [Смекалова, Колтухов, Зайцев, 2015, с. 57].

Инвентарный номер. Находится на временном хранении в государственном бюджетном учреждении Республики Крым «Историко-археологический музей-заповедник «Неаполь Скифский» в составе коллекции из раскопок городища Алма-Кермен в 2009 г. (к.о. 30).

---

[22] Благодарю А. В. Буйских за помощь при работе с этой частью каталога.

Сохранность. Памятник был разбит в древности. На отдельных участках поверхности имеется известковый налет.

Материал и размеры. Плотный мшанковый известняк. Высота — 10,9 см; наибольшая ширина — 10,2 см; длина — 9,3 см. Статуя была изготовлена в масштабе 1:1.

Технология изготовления и обработки. Поверхность стопы тщательно зашлифована. На поверхности постамента сохранились следы троянки и скарпели с шириной лезвия около 1,1–1,5 см. Слабозаметные, зашлифованные следы скарпели видны и на обуви. Подошва ступни отделена от постамента с помощью врезной линии шириной 0,2 см.

Иконография. Фрагмент принадлежал левой ступне, четыре пальца которой были закрыты обувью. Сохранился большой палец с рельефно проработанным ногтем, над ним видна рельефная полоска (шириной 3,3–3,4 см, толщиной 0,3–0,6 см) с усеченным наискось краем и округлым в плане выступом (заклепкой, кнопкой?) сверху (диаметр 1,6–1,9 см, высота — 0,4 см). Подошва ступни находится на плоском (высотой до 3,5 см) постаменте статуи, имевшем округлые, либо овальные очертания.

Absstract

A. A. Voloshinov

GRAVESTONE AND VOTIV SCULPTURE OF ANCIENT SETTLEMENTS ALMA-KERMEN AND ZAVETNINSKY NECROPOLIS

Article is devoted to the sculpture monuments found at excavation of the ancient settlement Alma-Kermen and the Zavetninsky necropolis during the 50th of the XX century – 2009. In the publication 14 subjects are considered, dating and which cultural accessory is various. The barbarous sculptures of the I – III centuries AD found, mainly, in the territory of a necropolis are presented by a relief and anthropomorphous sculptures, the part from them shows close connection with an early Scythian sculpture. Fragments the votive marble plates and foot of a calcareous statue are AD connected with presence of the Roman garrison on the ancient settlement in the II – III centuries. Thus, the published collection illustrates the main chronological stages of existence of the ancient settlement Alma-Kermen and the Zavetninsky burial ground, being one of the largest meetings of a sculpture from the territory of barbarous ancient settlements and necropolises.

Key words: Southwest Crimea, ancient settlement Alma-Kermen, Zavetninsky burial ground, late Scythian sculpture, barbarous sculptures.

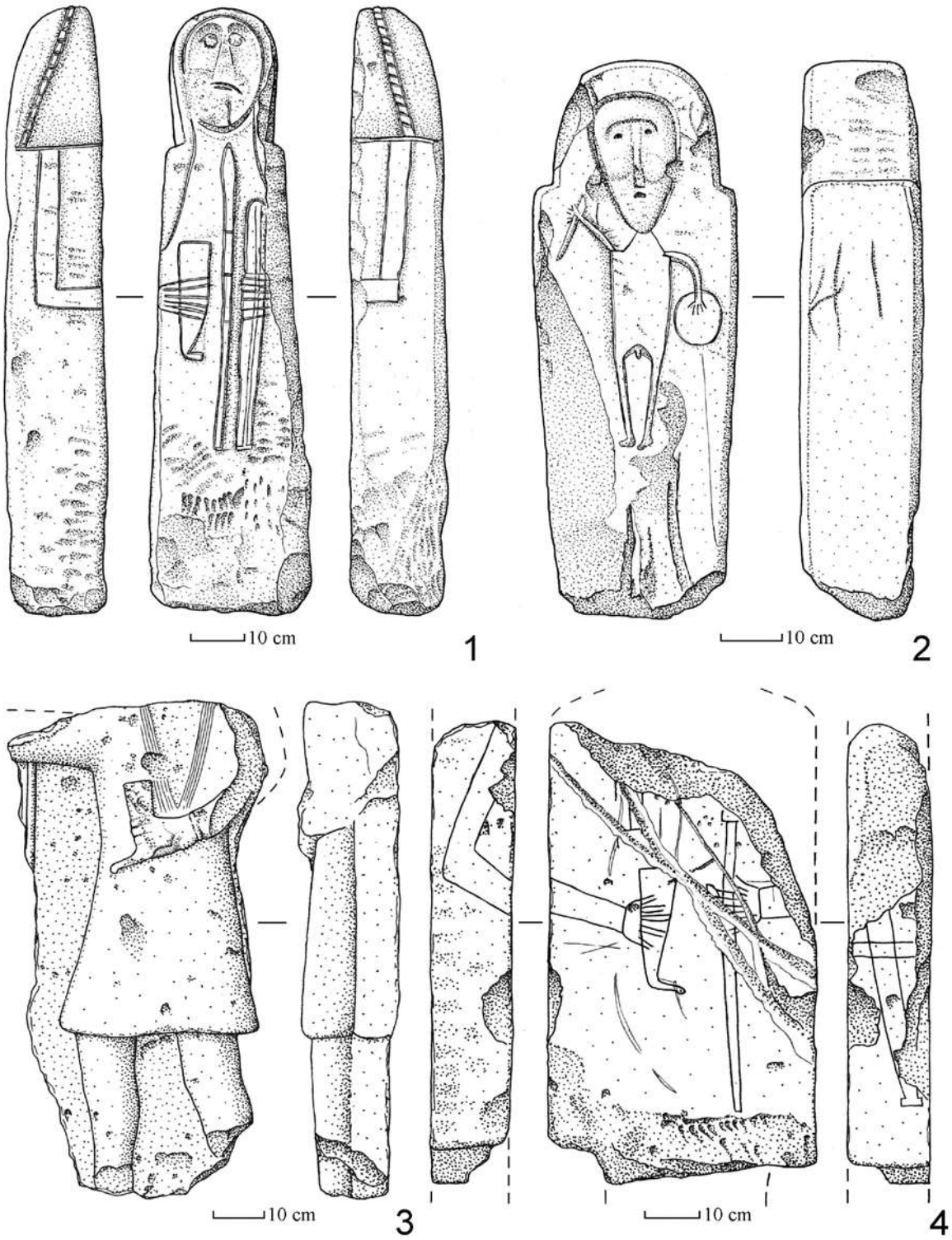


Рис. 1. Стелы №№ 1–4. Рисунки А. А. Волошинова

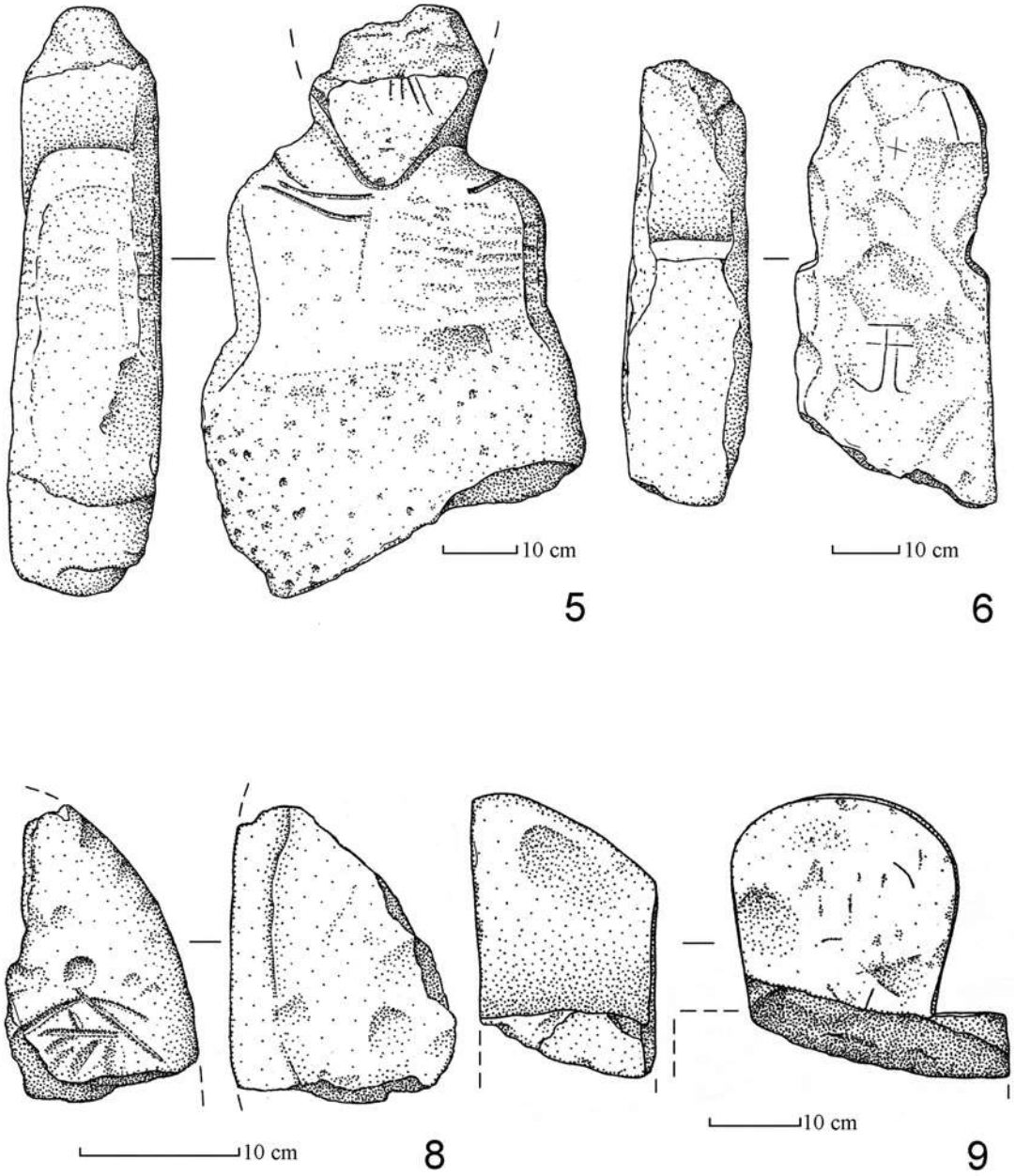


Рис. 2. Стелы №№ 5, 6, 8, 9. Рисунки А. А. Волошинова

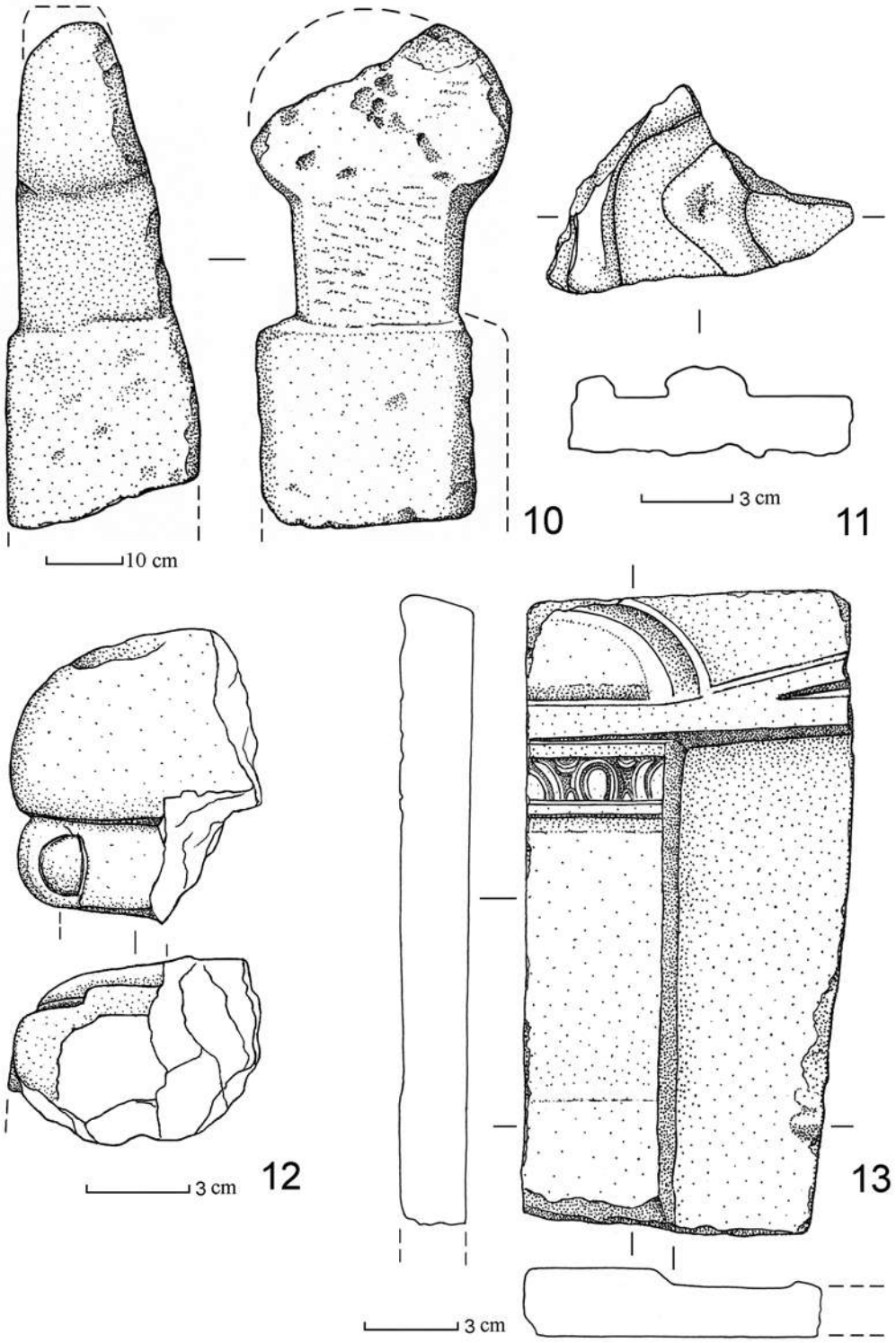


Рис. 3. Стелы №№ 10–13. Рисунки А. А. Волошинова

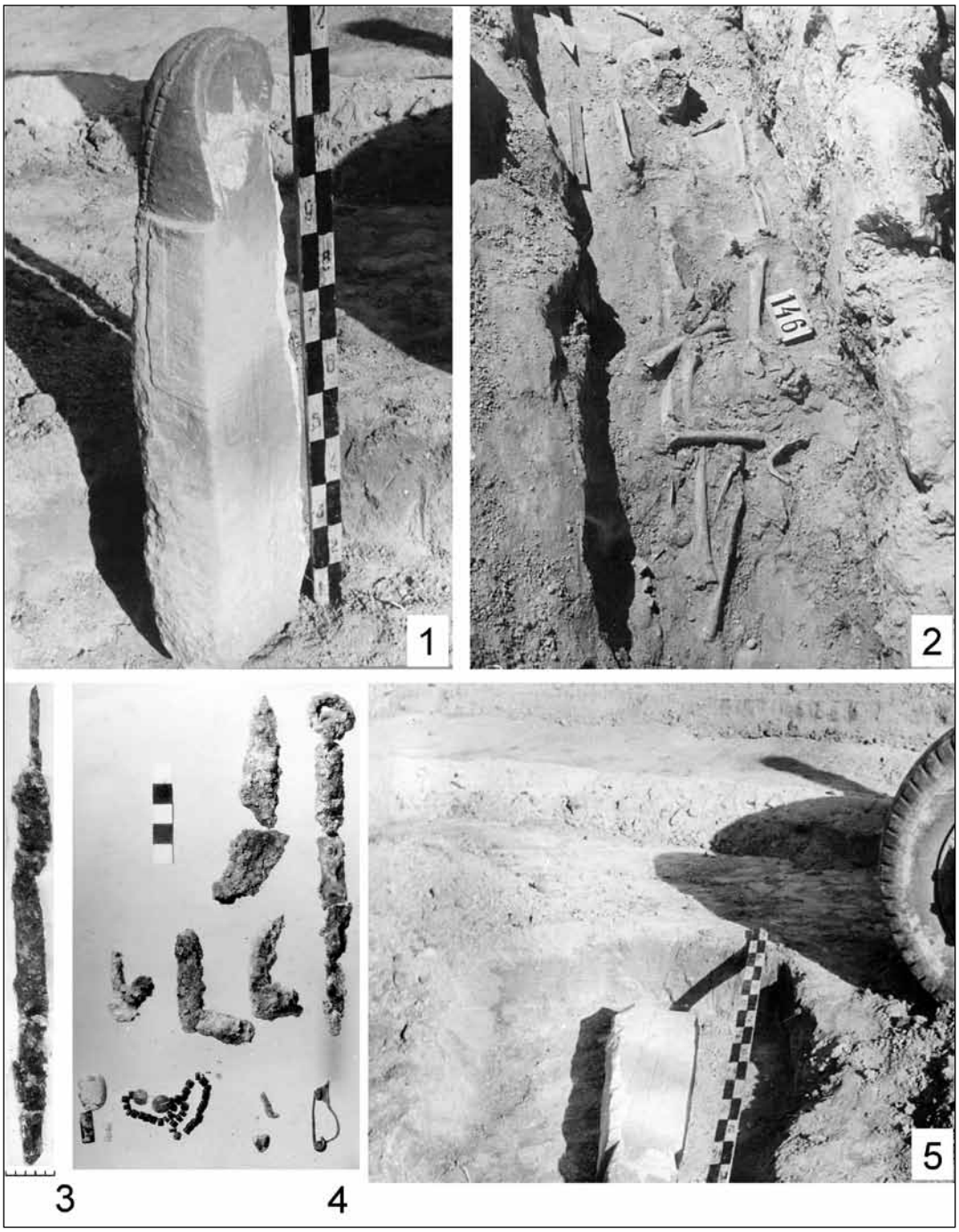


Рис. 4. Стела № 1. Фото из отчета Н. А. Богдановой

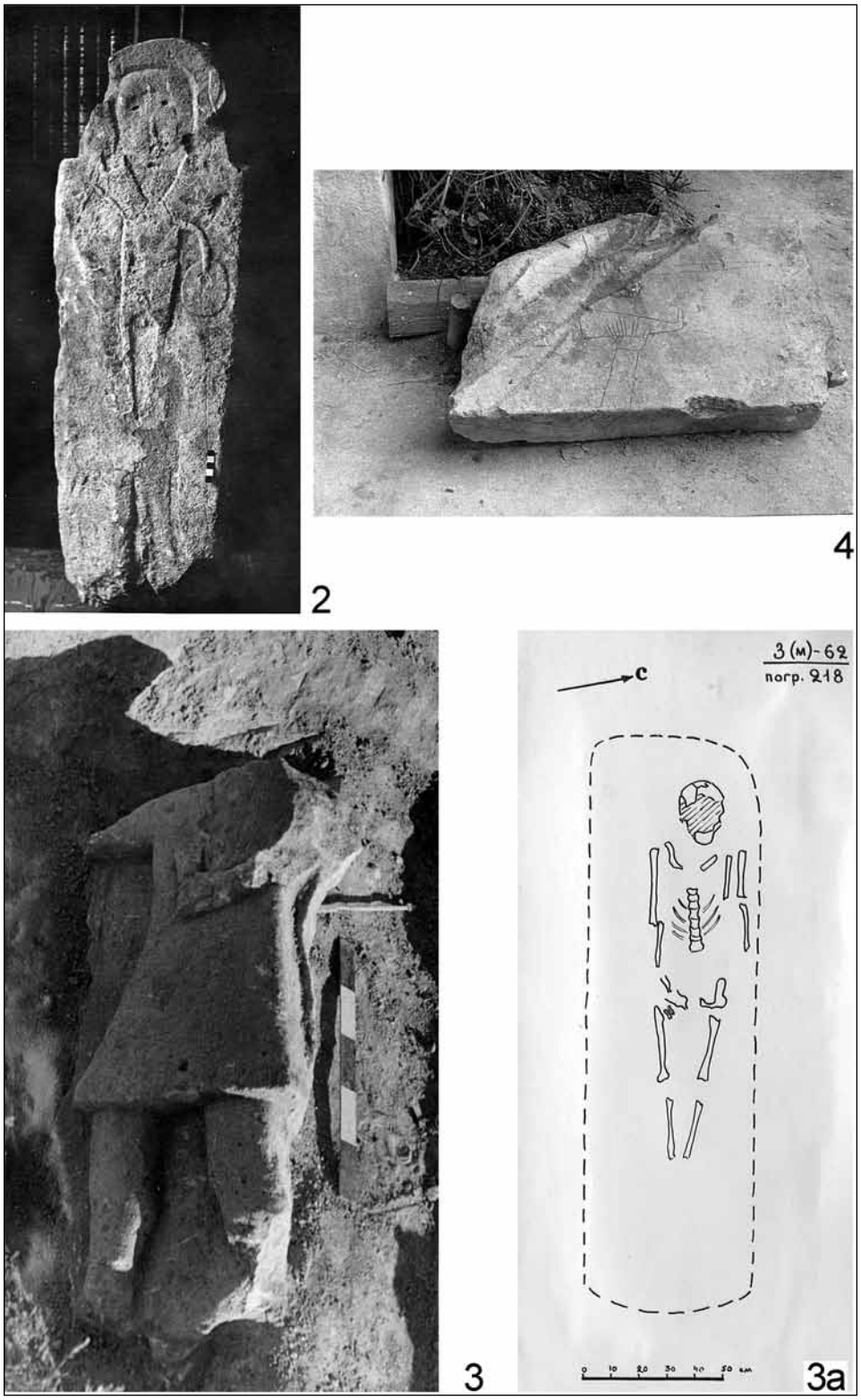


Рис. 5. Стелы №№ 2–4. Фото из отчетов Н. А. Богдановой

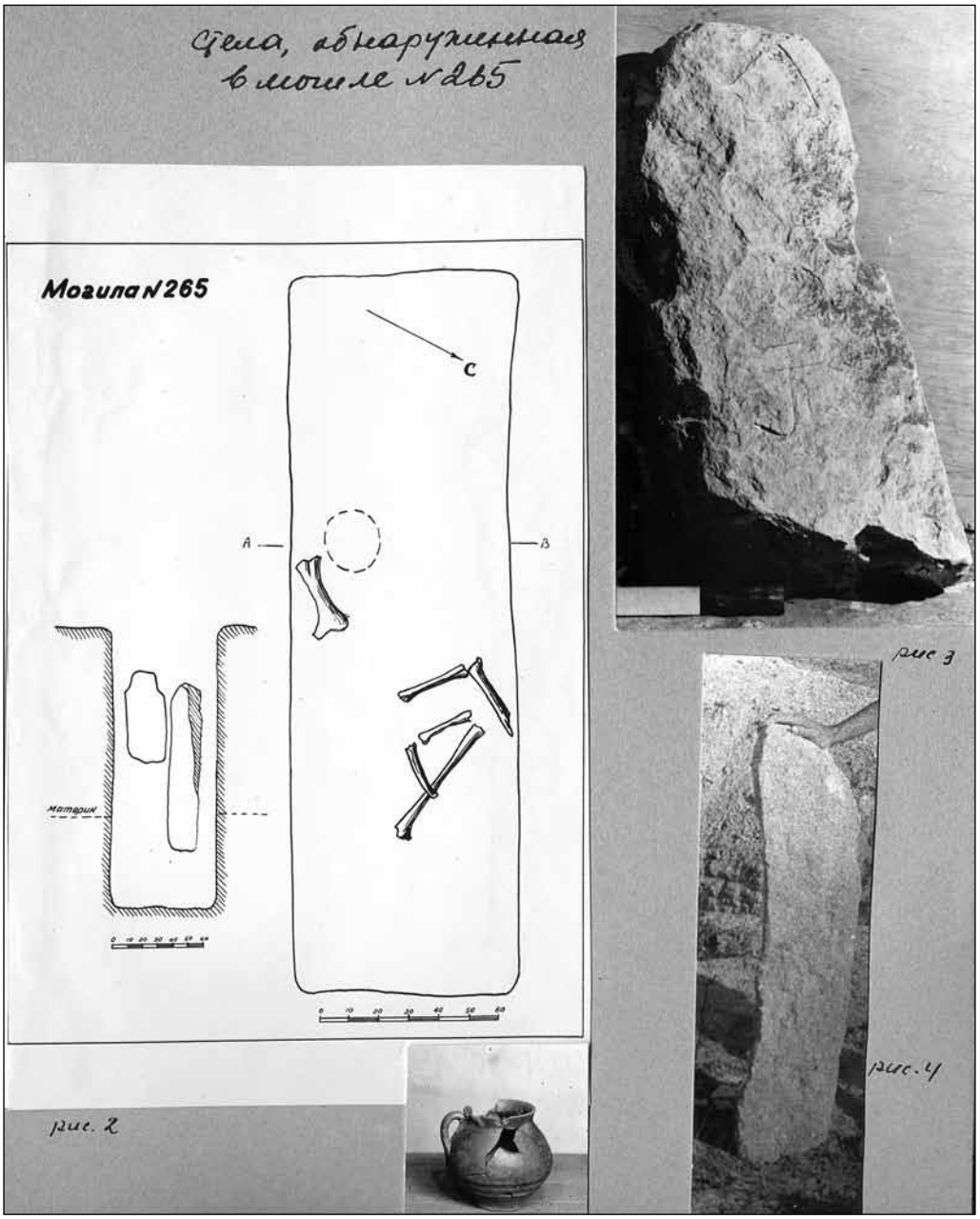


Рис. 6. Стелы № 6. Страница из отчета Н. А. Богдановой

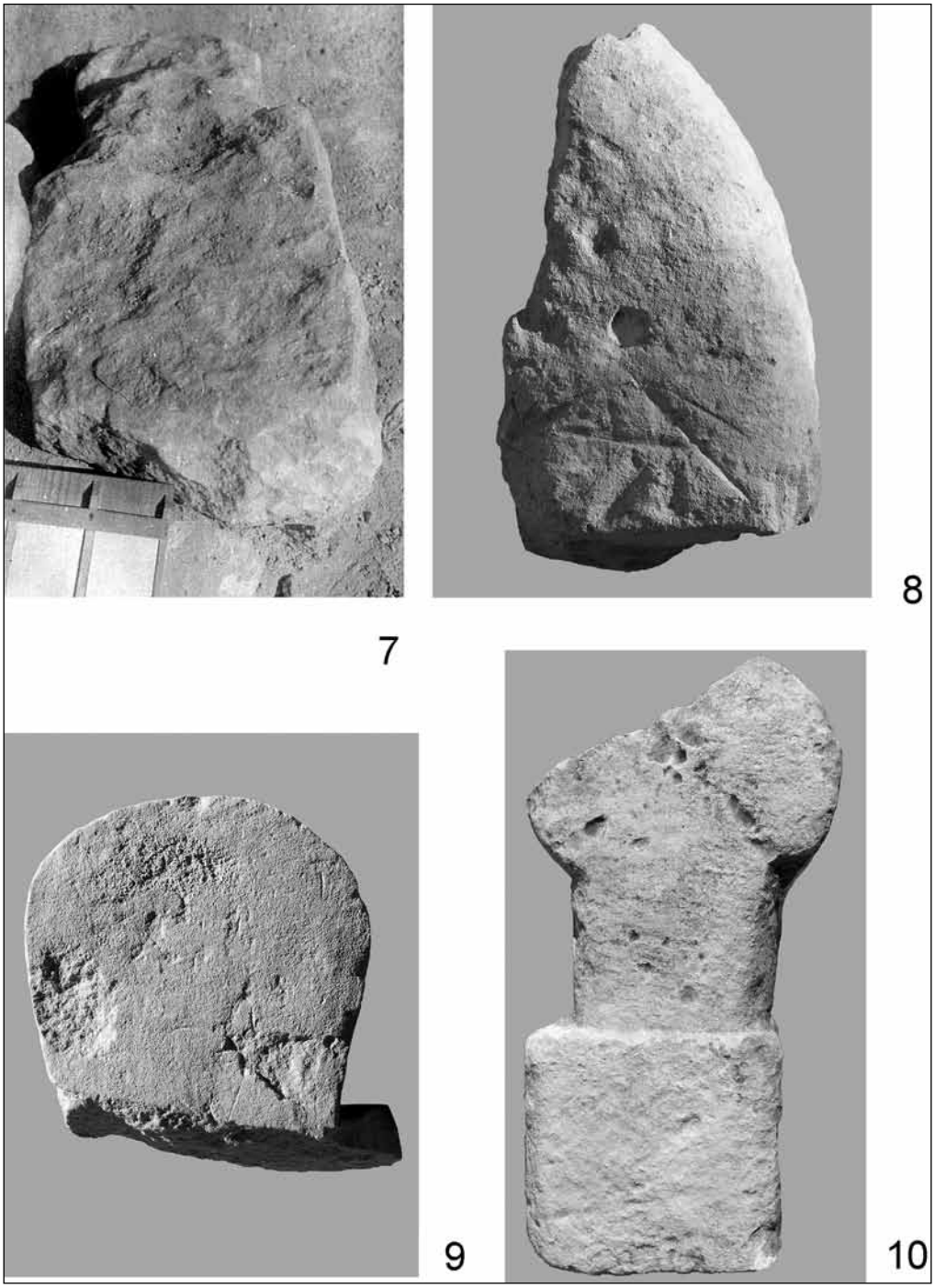


Рис. 7. Стелы №» 7–10. Фото (7 — из отчета Н. А. Богдановой, 8–10 — фото А. А. Волошинова)

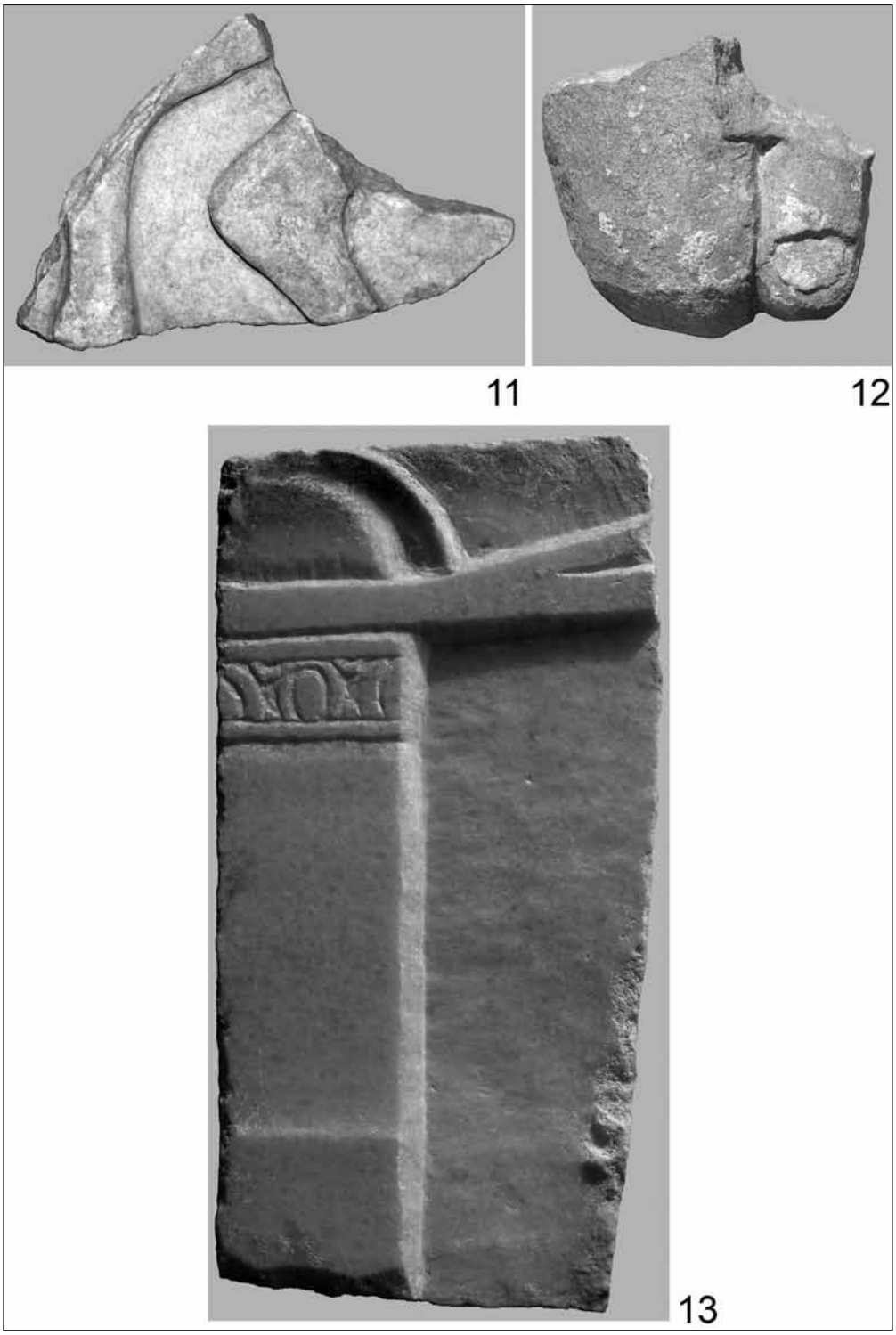


Рис. 8. Стелы №№ 11–13. Фото А. А. Волошинова

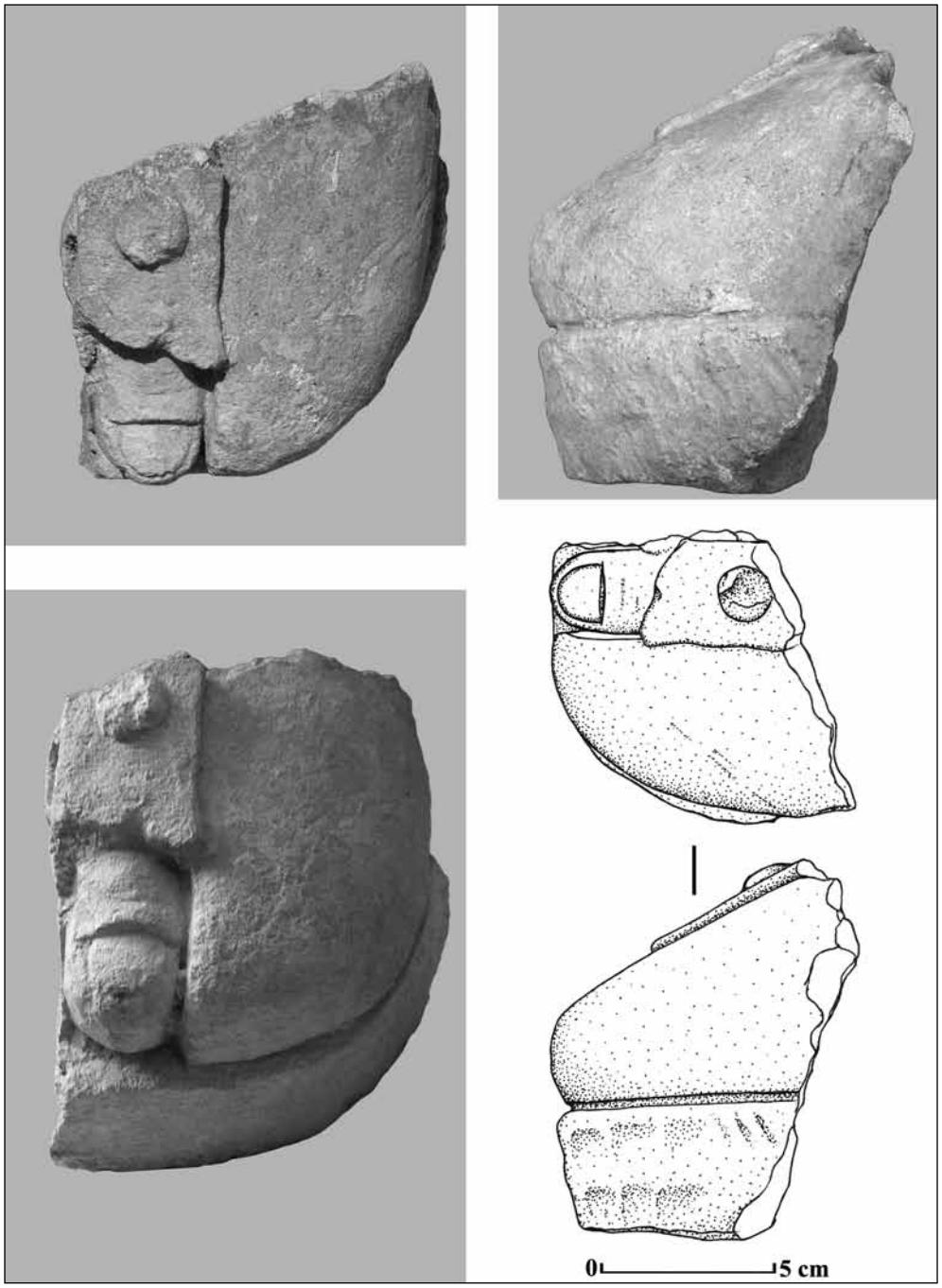


Рис. 9. Фрагмент стопы статуи № 14

А. В. Лысенко, В. В. Масякин, В. И. Мордвинцева

МОГИЛА № 1 НЕКРОПОЛЯ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ЛУЧИСТОЕ-2 (ЮЖНЫЙ КРЫМ)

Некрополь Лучистое-2 — пока единственный известный в районе Южного берега Крыма археологический объект с погребальными комплексами раннеримского времени. В результате проведенных на нем небольших исследований получено общее представление о размерах и хронологической позиции памятника, а также о погребальном обряде, этнографическом костюме и культурных связях использовавшего могильник населения. Анализ этих материалов в сопоставлении со сведениями о местоположении некрополя, а также информацией эпиграфических документов и античной нарративной традиции об этой территории в римское время, позволяют корректно синтезировать данные археологических и исторических источников при характеристике обитавших в Таврике социумов. Использование полученного таким образом нового знания в научных разработках в перспективе будет способствовать существенному повышению достоверности реконструкций этнополитической ситуации в Таврике римского времени.

Ключевые слова: южный Крым, Некрополь Лучистое-2, раннеримское время, этнополитическая ситуация.

Некрополь Лучистое-2 расположен в центре Южной части Горного Крыма, на северо-восточной окраине с. Лучистое, в северной части Алуштинского горно-приморского амфитеатра, в левом борту долины речки Демерджи, в 5,1 км от берега Черного моря, на возвышенности Биязь-Таш[1] (высота — 681 м н.у.м.)[2] — юго-юго-западном отроге горы Южная Демерджи, отделенном от её склона пологой седловиной (рис. 1; 2: *1*).

Первые сведения об объекте поступили в 2011 г. от жителей с. Лучистое. С их слов на северо-восточной окраине села, на небольшой по площади территории помимо разнообразного металлолома 2 пол. XX в. периодически находили изделия из бронзы, которые могли быть элементами погребального костюма и/или инвентаря, переотложенными из разрушенных могил римского времени. В ноябре 2013 г. в пределах выявленного ранее пятна подъемного материала при земляных работах, связанных со строительством, был вскрыт и частично разрушен древний погребальный комплекс — гробница с трупоположением [Тесленко, Лысенко, Масякин, 2014, с. 4]. В том же году исследование могилы (№ 1) провели сотрудники разведочного отряда Горно-Крымской экспедиции КФ ИА НАН Украины [Тесленко, Лысенко, Масякин, 2014а][3]. В 2014 г. в процессе осмотра территории некрополя был зафиксирован факт повреждения земляными работами двух могил с урновыми захоронениями остатков кремаций (№№ 2 и 3) [Лысенко, Мордвинцева, Сударев и др., 2014].

Общая характеристика некрополя

Некрополь находится на куполообразной вершине холма, с которой открывается вид на обширную долину и окружающие её горные массивы. До середины XX в. занимаемая им территория,

[1] Ороним взят с рукописной топонимической карты И. Л. Белянского [см. Беляев, 2010, с. 33–34].

[2] Сложен верхне-юрскими конгломератами [см. Юдин, 2009, J3+].

[3] Авторы выражают благодарность к.и.н. И.Б. Тесленко (КФ ИА НАНУ) за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал, а также всем активным участникам раскопок могилы № 1 некрополя Лучистое-2 и камеральной обработки полученного материала: А. Ф. Ганоцкому (г. Алушта), В. И. Дворченко (с. Лучистое), С. В. Лукину (г. Донецк), А. Е. Соломоненко (г. Симферополь), Н. П. Туровой (ЯГОИЛМ).

видимо, интенсивно не использовалась. Известно лишь, что в конце XIX в. в непосредственной близости от нее проходили дороги из с. Димерджи (Θοῦνα, Fonna, Demurgi) на летнее пастбище (в урочище Джурла и далее на Демерджи-Яйлу) и в с. Улу-Узень (Megapotamo, Ulu Özen, Улу Озен, Генеральское) [см. Карта… 1890–1897, л. XVI-15], которые, судя по датам возникновения населенных пунктов (не позже XIV в.), могли использоваться по крайней мере с эпохи позднего средневековья. Естественный ландшафт и рельеф большей части этой местности наиболее существенно изменились в середине – второй половине XX в. в результате земляных работ, связанных с планированием полей под сельскохозпользование. Территория могильника, видимо, не распахивалась, но с её части бульдозерами сдвинули грунт и крупные камни. Позже здесь обустроили пункт ремонта сельскохозяйственной техники. К началу XXI в. вершина холма представляла собой задернованный пустырь с редкой кустарниковой растительностью, вытянутой по линии ССЗ–ЮЮВ искусственной грядой смещенных каменных глыб (в основном конгломерат, отдельные плиты песчаника) и несколькими разномерными оплывшими углублениями.

Площадь пятна подъемного материала, видимо маркирующего некрополь — не менее 0,25 га. По рассказам местных жителей у его юго-восточного края на глубине около 0,25 м от современной дневной поверхности находится линза рыхлого грунта, насыщенного золой, диаметром около 5 м. В пределах объекта и в его ближайших окрестностях помимо предметов новейшего времени обнаружены артефакты трех эпох, разделенных существенными хронологическими хиатусами.

Эпоха камня представлена фрагментом медиальной части кремневой (из серого кремня) пластинки с нерегулярной притупляющей билатеральной ретушью. Изделие может быть сопоставлено с индустрией, характерной для слоев Va–Vb стоянки Таш-Аир, предварительно отнесено к неолиту и предположительно датировано 8–6 тыс. до н.э.[4]

Среди вещей, более или менее уверенно ассоциируемых с эпохой средневековья, литая свинцовая пронизь (рис. 3: *13*) и подвеска из византийского фоллиса времени императора Константина VIII 1025–1028 гг. (рис. 2: *4*).

Характер использования человеком вершины холма Бияз-Таш в эти периоды по имеющимся данным определить сложно в связи с единичностью находок и отсутствием сведений об их стратиграфическом контексте.

Большинство найденных предметов относится к римскому времени и, вероятно, связано с некрополем Лучистое-2. Среди них помимо прочего присутствуют оплавленные металлические изделия (рис. 3: *10–12*). Керамическая тара представлена обломком ручки красноглиняной амфоры. Обнаружены также свинцовые «заплаты», видимо использовавшиеся при ремонте керамических сосудов (рис. 3: *8*). Из платежных средств выявлена истертая «медная» боспорская монета (скорее всего сестерций Савромата I 93/94–123/124 гг.) (рис. 2: *3*). Среди функциональных элементов костюма — фрагмент бронзовой фибулы «с завитком на конце пластинчатого приемника» второй половины I – II вв. (рис. 3: *4*). Наиболее многочисленны украшения: браслет с окончаниями в виде змеиных голов и обломки еще двух подобных изделий, одно из которых может быть датировано первой половиной II – первой половиной III вв. (рис. 3: *17, 18, 20*), бронзовая бусина (рис. 3: *9*), подвеска в виде бронзового кольца с выступами и обломки еще двух подобных изделий (рис. 3: *15, 16, 19*), четыре подвески из медных истертых монетных кружков (рис. 3: *1–3, 5*), бронзовый перстень (рис. 3: *14*).

Исходя из хронологических позиций перечисленных артефактов, а также материалов изучения погребальных комплексов некрополь был предварительно датирован первой половиной I – первой половиной – второй третью III вв.

В целом с учетом полученных к настоящему времени данных (в том числе результатов полевых исследований 2015 г.) можно заключить, что памятник представляет собой «биритуальный» «грунтовый» некрополь с захоронениями трупоположений и остатков кремаций[5].

---

[4] Определение н. с. КФ ИА НАНУ к. и. н. С. А. Телиженко.

[5] Ранее предполагалось, что выявленные на территории некрополя объекты образуют два культурно-хронологических горизонта, кардинально различающихся между собой по направленности действий стадии 1 некрологического цикла. Считалось, что «нижний» горизонт, предварительно датированный раннеримским временем, маркирован могилой с трупоположением [Тесленко, Лысенко, Масякин, 2014], а «верхний», отнесенный к «позднеримскому» времени, представлен структурами, демонстрирующими признаки ритуала, предусматривавшего кремацию тел умерших.

Описание могилы № 1

Погребальный комплекс выявлен в бортах вырытой до начала археологического исследования некрополя ямы, частично разрушившей южный край гробницы. Углубление подовальной в плане формы, ориентировано по линии ССВ–ЮЮЗ, длиной 2,7 м, шириной 1,0–1,4 м, глубиной 0,7–1,2 м. Отвалы из него залегали тут же. При осмотре в них найдены обломки археологически целого буролакового канфара (рис. 2: 2) и фрагмент черепа человека.

Архитектура. Могила представляет собой грунтовую яму со стенками, облицованными каменными кладками и перекрытием из каменных плит. Ориентирована субмеридионально. Яма в плане подпрямоугольная со скругленными углами, размером около 2,00x2,84 м, глубиной не менее чем 1,00–1,08 м от современной дневной поверхности (рис. 4–7). Южная её стенка образована естественным выходом конгломератовой скалы, нижняя часть северной — выступающей внутрь углубления подрубленной конгломератовой скалой, верхняя часть — возможно, грунтовая. Западная и восточная стенки, видимо, земляные.

Погребальная камера гробницы в плане подпрямоугольная, размером по дну 0,80 x 2,05 м. Кладки её стен вплотную приставлены к стенкам ямы, однолицевые, видимо одно- / двухслойные, шириной до 0,6 м. Возведены из необработанного камня, на одну высоту (ок. 0,75–0,85 м). Морфологически большая часть кладочного материала — разномерные глыбы с округлыми краями. По породному составу абсолютно преобладает местный верхне-юрский конгломерат, который, вероятно, добыт при копке могильной ямы и/или собран в её ближайших окрестностях. Встречено также несколько экземпляров крупной гальки песчаника (возможно, происходит из конгломерата) и верхне-юрского известняка, который мог быть доставлен из русла р. Демерджи либо добыт из останца одной из её древних террас. Кладка иррегулярная, велась практически без учета размера и особенностей формы материала, насухо или на грязи. Пригонка неплотная, зазоры между камнями у стыков большие, признаков их целенаправленной зачеканки не отмечено. Вертикальная перебивка швов в большинстве случаев отсутствует. Перевязь между кладками смежных стен наблюдается в единичных случаях. Лицевые поверхности выражены слабо. Некоторые камни «второго» («внутреннего») слоя кладок в местах примыкания к стенкам ямы установлены «на ребро». Южная стена погребальной камеры немного наклонена наружу — повторяет естественный контур конгломератовой скалы, к которой приставлена (рис. 6). В качестве северной служила подрубленная скальная стенка могильной ямы, не облицованная кладкой. В целом можно заключить, что общая прочность стен погребальной камеры гробницы, видимо, была незначительной. Вероятно, стабильность конструкции в основном обеспечивало мощное перекрытие.

В перекрытии использован иной материал — разномерные тонкие плиты мелкоструктурного песчаника[6], доставленные со стороны[7]. Они были уложены по крайней мере в три-четыре слоя общей толщиной не менее 0,25 м. Наиболее крупные в большинстве вытянутой, иногда подпрямоугольной формы, располагались над погребальной камерой, в основном перпендикулярно её продольной оси, и опирались на стены, а также друг на друга. Достоверно зафиксированы две плиты, видимо залегавшие параллельно длинным стенам гробницы: в среднем центральном и нижнем северном слоях заклада. На короткие стены элементы перекрытия, вероятно, заходили лишь краями, а длинные были покрыты ими полностью. Плиты верхнего слоя «восточной» и «западной» частей заклада (в основном сравнительно небольшие, относительно аморфные) краями залегали за пределами могильной ямы, видимо на древней дневной поверхности. Поверх крупных плит, по контуру стен погребальной камеры («в створ» с ними), были уложены в один ряд камни средних размеров, вероятно дополнительно обеспечивавшие надежность фиксации перекрытия (рис. 6).

Стратиграфия. Комплекс впущен, видимо, с поверхности нижнего горизонта относительно плотного красновато-коричневого грунта с мелким делювием верхне-юрских конгломератов, отдельными обломками стенок лепных сосудов и амфор римского времени, прослеженного за пределами погребального сооружения (рис. 6: слой 8). Могила прорезала также плотный красновато-коричневый грунт с очень большим количеством делювия верхне-юрских конгломератов (рис. 6: слой 2) и, возможно, край глыбы верхне-юрского конгломерата (на глубину до 0,8 м) (рис. 6: слой 1).

[6] Верхнетриасовый – нижнеюрский? [см. Юдин, 2009, T3–J1].

[7] Ближайшее известное местным жителям месторождение такого камня (ручей Акустанны-Кешме, «Крабий») располагается в 0,4–0,5 км к северо-западу и примерно на 100 м ниже некрополя.

Изначально могила содержала лишь останки погребенного, инвентарь, оболочки дублирующих объемов погребального сооружения (относительно рыхлый коричневый грунт с очень большим количеством мелкого делювия верхнеюрских конгломератов мощностью до 0,15 м — подсыпка пола(?) (рис. 6: слой 3), стены и перекрытие гробницы), а также оказавшиеся между некоторыми из них в процессе ритуальных действий, сопровождавших захоронение, отдельные обломки керамических сосудов и древесные угли.

После завершения формирования комплекса заполнение могилы подверглось модификации в результате действия естественных сил и антропогенных факторов.

На дне гробницы залегал рыхлый грунт с мелким делювием верхне-юрских конгломератов, отдельными мелкими раковинами наземных моллюсков, древесными углями, костями человека и их фрагментами, многочисленными изделиями из стекла, камня и металла, а также древесным, кожаным, костным и, возможно, иным тленом различной фактуры и окраски, видимо, представляющий собой остатки погребения (рис. 7: слой 4). Наибольшую площадь (в юго-западной части погребальной камеры) занимает белесый тлен неясного происхождения (рис. 8; 9). Вероятно, практически весь посткраниальный скелет и большая часть черепа погребенного, а также изготовленные из органических и некоторых органогенных материалов элементы его костюма, истлели в незаполненной грунтом погребальной камере вследствие повышенной влажности, постоянного контакта с воздухом и, возможно, химических свойств подстилающих пород.

Выше прослежен слой рыхлого коричневого грунта с мелким делювием верхне-юрских конгломератов (рис. 7: слой 5). Возможно, он сформировался в результате постепенного разрушения стен гробницы (в основном термогравитационные отложения?). Не исключено также, что этот грунт проник в погребальную камеру через пустоты между плитами перекрытия.

Над ним располагались напластования, содержавшие многочисленные смещенные остатки стен и перекрытия погребального сооружения, образовавшиеся в процессе их разрушения. Стратиграфически наиболее ранние из них отмечены в северной части могилы. Это относительно плотный коричневый грунт с мелким делювием верхнеюрских конгломератов (рис. 7: слой 6А). Обломки перекрытия здесь залегали под острыми углами к горизонтали, в частности субвертикально. Вероятно, плиты по всему профилю заклада треснули и провалились в течение сравнительно короткого промежутка времени. У южного края погребального сооружения плиты среднего и нижнего слоев заклада располагались субгоризонтально. Видимо, они проседали более или менее постепенно. Пространство между ними заполнял относительно рыхлый серо-коричневый грунт с мелким делювием конгломератов, отдельными крупными древесными углями, обломками гончарных сосудов римского времени и значительным количеством раковин наземных моллюсков рода Helix (рис. 7: слой 6Б). Некоторые плиты верхнего горизонта перекрытия здесь залегали субвертикально, находясь в основном в вышележащих напластованиях. Вероятно, эти камни оказались в таком положении в результате воздействия сверху, например, при неких земляных работах. Среди обнаруженных в слое артефактов обломки стенки розовоглиняной амфоры (возможно, типа 90 по И. Б. Зеест. I в. до н.э. – VI в. н.э.), стенок одной или двух красноглиняных амфор и двух краснолаковых кувшинов, а также стенки с венчиком светлоглиняной краснолаковой чашки. Поскольку фрагменты четырех сосудов единичны, можно предполагать, что они не имеют прямого отношения к могиле № 1 и оказались между плит перекрытия случайно, например, в результате инфильтрации из вышележащих напластований. С ритуальными действиями, осуществлявшимися при образовании рассматриваемого комплекса, возможно, связаны лишь пять обломков одного из кувшинов.

Выше изучены отложения, сформировавшиеся после завершения масштабной деформации перекрытия и стен гробницы. На плитах юго-западной части комплекса локализовалась линза относительно рыхлого коричневого грунта с очень большим количеством мелкого делювия верхнеюрских конгломератов (рис. 7: слой 7). Её перекрывал слой относительно плотного красновато-коричневого грунта с мелким делювием верхнеюрских конгломератов, отдельными обломками стенок лепных сосудов и амфор римского времени, а также обрывком стальной проволоки второй половины XX в. (рис. 7: слой 8Б). Максимальной мощности этот грунт достигал над подстилающей его линзой. Над северным краем перекрытия гробницы отмечен относительно плотный красновато-коричневый грунт с мелким делювием верхнеюрских конгломератов, отдельными обломками стенок лепных сосудов и амфор римского времени (рис. 7: слой 8А). Подобные отложения просле-

жены и за пределами погребального сооружения (рис. 6: слой 8). В целом в слоях 8, 8А и 8Б обнаружены фрагменты не менее чем восемнадцати керамических сосудов: пяти-шести красноглиняных, двух светлоглиняных и одной-двух розовоглиняных амфор; красноглиняной (?) гончарной миски; крупного гончарного красноглиняного краснолакового сосуда открытой формы и еще одного неидентифицированного красноглиняного краснолакового изделия; краснолакового кувшина, большинство обломков которого найдено в слое 6Б; четырех других гончарных красноглиняных и двух лепных сосудов.

Гипотетически процесс образования этих напластований можно реконструировать следующим образом. Через достаточно длительный после совершения захоронения промежуток времени, в результате обвала участка перекрытия и стен, на которые он опирался, сформировалось заполнение северного края могилы (рис. 7: слой 6А). Южная часть погребальной камеры долгое время оставалась свободной от грунта. Перекрывавшие её плиты проседали постепенно, пространство между ними медленно заполнялось делювием (рис. 7: слой 6Б). Параллельно сюда проникали наземные моллюски, которые, видимо, использовали пустоты между плитами как место укрытия в период зимней и/или летней диапауз. При этом они иногда погибали[8]. Таким образом, не исключено, что перекрытие могилы достаточно долго было свободно от грунта и лишь впоследствии постепенно покрылось седиментом. Значительно позже над центральной частью гробницы появилось углубление (рис. 4). Возможно, оно возникло вследствие земляных работ середины XX в., связанных с планированием полей под сельскохозпользование, например, в процессе сдвига крупных камней бульдозером. При этом, вероятно, частично были смещены естественные напластования, сформировавшиеся ранее над перекрытием (рис. 7: слой 8А), и изменено положение нескольких залегавших горизонтально плит верхнего слоя заклада. На дне «поздней» ямы началась аккумуляция делювия (рис. 7: слой 7). Затем территория, прилегающая к могиле № 1, видимо, была снивелирована. Углубление заполнили переотложенным грунтом (рис. 7: слой 8Б).

В целом сопоставление данных, полученных в результате исследования архитектурных особенностей и стратиграфии заполнения погребального сооружения, позволяет предполагать следующее. При совершении захоронения могилу грунтом не заполняли[9]. Над перекрытием грунт, вероятно, также отсутствовал. В связи с этим не исключено, что первоначально комплекс выглядел как располагавшаяся на дневной поверхности ориентированная субширотно подпрямоугольная в плане вымостка из песчаниковых плит, на которой находилась ориентированная субмеридионально своеобразная «оградка» из одного ряда камней, повторявшая контур погребальной камеры.

Погребение[10]. Останки погребенного практически полностью истлели. Обломки черепа[11] обнаружены в отвале из ямы, разрушившей южный край комплекса. Три зуба[12] найдены примерно в центре южной части погребальной камеры среди артефактов (рис. 8: А; 10: А). In situ удалось зафиксировать остатки локтевой (?) кости левой

---

[8] Возможно также, что моллюски являлись частью ритуальной трапезы, сопровождавшей погребение, а их раковины осознано были помещены в пространство между плитами при обустройстве перекрытия. Однако каких-либо подтверждающих это предположение данных нет. В то же время концентрация раковин в нижней (наиболее укромной) части заклада скорее свидетельствует о том, что моллюски проникали в заполнение могилы самостоятельно.

[9] Об отсутствии изначального грунтового заполнения помимо прочего свидетельствует, например, наличие камней в южной части слоя 4 (обвалились со стен гробницы) и особенности положения плит перекрытия и их обломков в слое 5 (провалились в «пустоту») (рис. 7).

[10] В описании дефиниции «право» и «лево» «взяты» относительно погребенного.

[11] По определению заведующего отделом Биоархеологических исследований НЗХТ к. и. н. А. В. Иванова зафиксированы фрагмент лобной кости (часть у левой височной области) и мелкие обломки левой теменной кости. Сохранившийся участок венечного шва открыт, однако в височном отделе наблюдается начало процесса облитерации. В целом такая ситуация соответствует возрастному диапазону 30–35 лет.

Лобная кость довольно толстая, лобный бугор не выражен, лоб относительно покатый. Эти признаки при определении половой принадлежности останков обычно рассматривают как «мужские», однако для окончательных выводов данных недостаточно.

[12] По определению А. В. Иванова два из них — предкоренной и первый или второй моляр (поражен кариесом). Зубы довольно сильно стерты (3–4 б).

руки внутри надетых на нее браслетов (рис. 8: Б; 10: Б), одну из фаланг пальца левой кисти внутри надетого на нее перстня (рис. 8: В), части правой бедренной (?) (рис. 8: Г) и левой берцовой (?) (рис. 8: Д) костей. Исходя из особенностей их положения можно предполагать, что в могиле совершено одно погребение, умерший залегал головой на юг–юго-восток, его руки были вытянуты вдоль тела (левая кисть — в области бедра, правая слегка отставлена), а ноги находились в северо-западной четверти погребальной камеры (общая ориентация — ЮЮВ–ССЗ, близко к диагонали гробницы). Рост умершего составлял около 1,50–1,55 м (рис. 9).

При изучении погребения обнаружено 283 связанных с ним артефакта и остатки еще одного практически полностью разрушившегося предмета из органического материала. 47 из них переотложены в новейшее время: 1 — до начала исследования (буролаковый канфар, рис. 2: *2*), 46 — в процессе его проведения. В сите выявлены: бронзовая фибула (рис. 13: *6*); фрагменты бусины из глухого или полупрозрачного бирюзового стекла с глазчатым орнаментом (рис. 16: *7*; 21: *1*); 2 бусины из прозрачного желтоватого стекла (рис. 16: *8, 9*; рис. 21: *2, 3*); бусина из прозрачного грязно-бурого стекла (рис. 16: *10*; 21: *4*); 9 бусин из прозрачного бесцветного стекла с внутренним золочением (рис. 16: *15*; 21: *9*); 6 бусин из сердолика (рис. 16: *25, 28, 37*; 21: *19, 22, 31*); 10 бусин из горного хрусталя; 16 бусин из янтаря. Более или менее адекватное представление о первоначальном положении большинства этих вещей с некоторой степенью приближения может быть составлено по аналогии с предметами тех же категорий и материала, зафиксированными in situ. Сложнее обоснованно определить место единственного в комплексе гончарного сосуда — буролакового канфара (рис. 2: *2*; 11). Исходя из документированных обстоятельств[13] можно предполагать, что он находился в области левого плеча погребенного.

Прочие артефакты обнаружены на останках. Они располагались в южной и центральной частях погребальной камеры, на участке длиной примерно 1,5 м. Точное местоположение многих предметов из-за легкости грунта при зачистке зафиксировать не удалось. Определен лишь участок погребения, из которого они происходят (рис. 8–10: Ia-b, IIa-d, III, IVa-d, V). Кроме того, обломки по крайней мере четырнадцати фрагментированных сложных металлических изделий (рис. 13: *2, 3, 7, 8*; 14: *7, 8*; 15: 3, *5–13*) выявлены на некотором, иногда значительном (0,3–0,6 м) расстоянии друг от друга. Смещены, вероятно, и некоторые другие вещи. Однозначно реконструировать обстоятельства, повлекшие возникновение такой ситуации, сложно. Это могло произойти либо в процессе ритуальных действий, сопровождавших погребение, либо в результате посмертных изменений трупа и/или деятельности проникших в погребальную камеру животных, например мышевидных грызунов. Однако многие предметы, видимо, залегали in situ. Об этом свидетельствует их локализация в «традиционных» для соответствующих категорий вещей частях предполагаемого контура тела и/или явная упорядоченность их размещения. По особенностям ассортимента и расположения артефактов условно можно выделить пять более или менее обособленных участков, соответствующих области головы (рис. 8–10: Ia-b), груди (рис. 8–10: IIa-d), пояса (рис. 8–10: III), кистей рук — таза — бедер — коленей (рис. 8–10: IVa-d), а также голеней — стоп погребенного (рис. 8–10: V). К собственно погребальному инвентарю уверенно может быть отнесен лишь канфар (рис. 2: *2*), а также, возможно, истлевший деревянный вытянутый предмет длиной не менее 50 см (размер поперечного сечения — не более 2 см) (жезл?), залегавший вплотную к левому боку погребенного (на участке плечо — кисть) (рис. 8–10). Большинство же изделий в той или иной мере представляет собой элементы костюма.

В области головы выявлены 2 бронзовые фибулы (рис. 8–9: *13, 17*; 13: *13, 17*), бронзовый орнитоморфный щиток от фибулы-броши (рис. 8–9: *7*; 13: *7*), игольный аппарат которой возможно располагался в области груди, бронзовый перстень (рис. 8–9: *46*; 15: 12В), вставка от которого найдена в области левого бедра – колена погребенного, а также 64 целых и 3 фрагментированных бусины: горный хрусталь — 36 шт. (рис. 16: *38–*

[13] 1. Яма частично разрушила заполнение южного края погребальной камеры, т. е. сосуд происходит из этой части комплекса. 2. Все сколы на обломках канфара свежие, т. е. он разбился, видимо, при копке ямы. 3. В южной части погребальной камеры над остатками погребения в слое 5 практически по всей площади залегали вывалившиеся из стен камни, которые при падении, скорее всего, раздавили бы хрупкий сосуд. Свободным от них оставался небольшой участок погребальной камеры под её западной стеной. Здесь, вероятно, и располагался канфар.

46; 21: *32–40*); сердолик — 16 шт. (рис. 16: *31–36*; 21: *25–30*); бесцветное (желтоватое) прозрачное стекло — 3 шт. (рис. 16: *12*; 21: *6*); стекло с внутренней позолотой — 9 шт. (рис. 16: *16, 17*; 21: *10, 11*); янтарь — 11 обломков не менее чем трех бусин. Большая часть этих артефактов обнаружена у юго-восточного угла погребальной камеры (рис. 8–9: Ia). Хрустальные и сердоликовые бусы были более или менее равномерно распространены по всей площади этого скопления, а пронизи с внутренней металлической прокладкой концентрировались в его северной части. Видимо, они украшали головной убор умершего (нашиты на него?). Янтарные бусы залегали под бусами прочих разновидностей, вероятно ближе к области груди.

В области груди[14] найдены закрытый крышкой серебряный флакон (возможно, находился во вместилище из органического материала, украшенном бронзовыми сферосегментовидными бляшками) (рис. 8–10: *56*; 19: *1*; 20: *1*), 3 серебряные лунницы (рис. 8–10: *25–27*; 14: *4–6*), 1 серебряная серьга (в положении «закрыто») (рис. 8–10: *24*; 14: *3*), 1 бронзовый перстень со стеклянной вставкой (рис. 8–10: *32*; 14: *11*) и 1 стеклянная вставка от перстня, обнаруженного в области левой кисти (рис. 8–10: *29*; 14: *8A*), 1 серебряная (рис. 8–10: *12*; 13: *12*), 1 аурихалковая (рис. 8–10: *22*; 14: *1*) и 14 бронзовых/медных (рис. 8–10: *2–4, 9–11, 14–16, 18–21*; 13: *1–3, 9–11, 14–16, 18–21*) фибул (все в положении «закрыто»), а также 107 бусин: янтарь — 66 шт. (рис. 16: *47–56*; 21: *41–48, 50–63*; 19: *3–7*), в том числе одна подвеска из сломанной бусы, скрепленной бронзовой проволокой; бесцветное (желтоватое) прозрачное стекло — 3 шт.; стекло с внутренней позолотой — 16 шт. (рис. 16: *14, 18, 19*; 21: *8, 12, 13*), из них 1 — в области правого плеча (рис. 16: *13*; 21: *7*); сердолик — 5 шт. (рис. 16: *29–30*; 21: *23–24*); гагат — 4 шт. (рис. 16: *20–23*; 21: *14–17*); горный хрусталь — 2 шт.; прозрачное грязно-бурое стекло — 1 шт. (рис. 16: *11*; 21: *5*). Здесь зафиксировано многослойное залегание, а также явная упорядоченность в размещении артефактов (рис. 10). На «верхнем» уровне прослежено 2 субсимметричных относительно некой продольной оси (позвоночника?) ориентированных под острыми углами к ней ряда металлических предметов (сходятся к области головы погребенного, расстояние между ними — 3–8,5 см, длина — около 8–8,5 см). У их «южных» («верхних») краев располагались серебряные украшенные зернью лунницы (видимо изначально залегали «рогами» к ногам погребенного), а далее к северу — ориентированные субперпендикулярно рядам фибулы (по 4 шт., справа сверху вниз — рис. 13: *12, 11, 2, 16*, слева — рис. 13: *1, 9, 19, 20*), изначально, видимо, залегавшие головками попеременно вправо и влево. В левом ряду, севернее фибул, отмечена также крупная серебряная серьга. Стратиграфически ниже (?) прослеживаются по крайней мере две дугообразные линии янтарных бус (между второй и третьей с юга парами фибул, а также на уровне или севернее четвертой пары). В северной части их скопления располагались наиболее крупные экземпляры. Здесь же обнаружены гагатовая, несколько сердоликовых, с внутренней позолотой и из грязно-бурого стекла бусин, а также находившиеся на продольной оси скопления подвеска из поломанной янтарной бусины (скреплена бронзовой проволокой), серебряная украшенная зернью лунница, бронзовая фибула, серебряный флакон[15] (залегал на органическом тлене) и несколько бронзовых сферосегментовидных бляшек. В центральной части помимо янтарных выявлены бусы с внутренней позолотой, а в южной — 2 гагатовые бусины и несколько пронизей из стекла с внутренней металлической прокладкой. Под основной массой бус располагалось 2 субпараллельных позвоночнику и субсимметричных относительно него ряда залегавших субпараллельно ему же фибул (по 3 шт. в каждом, справа сверху вниз — рис. 13: *18, 14, 22*, слева — рис. 13: *15, 10, 21*, верхние головками вверх, нижние — головками вниз). Расстояние между рядами — около 5 см. Помимо этого правее скопления артефактов в области груди найден бронзовый перстень, а левее — стеклянная вставка от крупного серебряного перстня.

В области пояса погребенного обнаружены железный нож с костяной (?) рукоятью в кожаных (?) ножнах с бронзовыми оконцевателем и окантовкой устья с петлей для подвешивания, украшенных бронзовыми сферосегментовидными бляшками (рис. 8–10: *57*; 19: *8*; 20: *2*), а также

[14] В области груди и пояса в слое 4 зафиксировано повышенное содержание различного (костного, кожаного и проч.) тлена, а также тонких корней растений.

[15] Нельзя исключать того, что обнаруженные здесь же зубы человека изначально содержались во флаконе как амулеты и, возможно, в анатомическом смысле не принадлежали умершему [см. Пуздровский, 2011, с. 287–288].

8 бусин из стекла с внутренним золочением (серебрением?) и 1 — из глухого черного стекла. Нож располагался на теле слева, под небольшим углом к воображаемой горизонтали пояса (острие севернее рукояти), острием вправо, лезвием к северу. На рукояти прослежены остатки кожаного (?) ремня (был обернут вокруг нее?), который, возможно, предназначался для крепления ножен. Некоторые из бус залегали впритык к ножнам, под острым углом к их продольной оси. Возможно, они представляют собой элементы нашивного декора. Исходя из отсутствия явных признаков наличия ремня (в частности, пряжки) на предполагаемой линии пояса не исключено, что нож был уложен на тело без крепления к костюму. Левее ножа, в области левого локтя погребенного, найдена серебряная серьга (рис. 8–10: *23*; 14: *2*).

В области правой кисти погребенного выявлены 2 бронзовых браслета двух типов (рис. 8–10: *51, 54*; 17: *2*; 18: *3*), которые, видимо, были надеты на запястье («северный» залегал окончаниями вверх, «южный» — вниз-вправо). Севернее — бронзовый перстень (рис. 8–10: *47*; 15: *13B*), находившийся, возможно, на фаланге пальца (вставка от него обнаружена в области голеней — стоп погребенного).

В области левой кисти — 3 бронзовых браслета двух типов (рис. 8–10: *50, 52, 53*; 17: *1*; 18: *1, 2*), которые, видимо, были надеты на запястье (два «южных» залегали окончаниями вверх, «северный» — вверх-влево). Внутри них — бронзовая «фибула»[16] в положении «закрыто» (рис. 8–10: *5, 5a*; 13: *4, 5*), ориентированная головкой на юг (залегала под остатками костей руки) (рис. 12: *1*). С северо-востока к браслетам непосредственно примыкал обломок шинки крупного серебряного перстня (рис. 8–10: *29*; 14: *8B*) (вставка от него найдена левее области груди), а также вставка от подобного изделия из темно-синего прозрачного стекла (рис. 8–10: *28*; 14: *7A*; 16: *2*). Севернее, от запястья примерно до левого колена, располагалось 10 целых и фрагментированных перстней (рис. 8–10: *30, 31, 33–36, 40, 43, 44, 48*; 14: *9–10, 12–13*; 15: *1–2, 6, 9–10, 14*; 16: *3, 6*), шинка перстня, вставка от которого выявлена у левой кисти (рис. 8–10: *28*; 14: *7B*; 16: *1*), а также 3 вставки перстней, шинки которых найдены между запястьями (рис. 8–10: *42*; 15: *8A*), правее ступней (рис. 8–10: *45*; 15: *11A*) и в области головы (рис. 8–10: *46*; 15: *12A*). Здесь же обнаружены бронзовый щиток от фибулы-броши с сюжетным изображением (рис. 8–10: *8*; 12: *2*; 13: *8*), залегавший лицевой стороной вверх, в то время как сама фибула (рис. 13: *2 или 3*) выявлена в области груди, и дисковидное зеркало из белого металла (рис. 8–10: *55*; 18: *4*), которое располагалось примерно между бедер, рабочей частью вверх. Очевидно, что по крайней мере часть перстней была надета на пальцы умершего, поскольку внутри одного (рис. 8–10: *45*; 15: *11*) выявлена кость фаланги (рис. 8–10: B), а два (рис. 8–10: *35, 36*; 15: *1, 2*) обнаружены «прикипевшими» окислами друг к другу (видимо долгое время располагались рядом на пальце)[17]. Некоторые предметы (зеркало, щиток броши), судя по их расположению, возможно, изначально находились в некой емкости из органического материала (мешок?).

Между запястьями погребенного, примерно на продольной оси дна гробницы, обнаружены 3 бронзовых перстня (рис. 8–10: *39, 41, 42*; 15: *5, 7, 8*; 16: *4, 5*) (вставка с гнездом от одного из них (рис. 15: *8A*) залегала в области левого бедра — колена), хрустальная (рис. 8–10: *29*; 21: *49*), фаянсовая (рис. 19: *2*) и фрагмент сердоликовой бусины (рис. 21: *31*), а также обломок бронзовой иглы, возможно от фибулы, найденной в области головы (рис. 13: *13*).

В области голеней — стоп умершего найдены 3 «комплектных» бронзовых перстня (рис. 8–10: *37, 38, 49*; 15: *3, 4, 15*; 16: *6*), шинка перстня, вставка от которого выявлена в области левого бедра — колена (рис. 8–10: *45*; 15: *11B*), а также 2 вставки перстней, шинки которых обнаружены между запястий (рис. 8–10: *41*; 15: *7A*) и в области правой кисти погребенного (рис. 8–10: *47*; 15: *13A*). Здесь же найдены янтарная и 7 сердоликовых (рис. 16: *24, 26, 27*; рис. 21: *18, 20, 21*) бусин. Последние по форме и размеру образуют компактную группу, отличающуюся от сердоликовых бус, выявленных в области головы.

[16] В процессе камеральной обработки материала выяснилось, что этот предмет представляет собой подобранные по размеру обломки двух фибул, из которых составлен «макет» (?) целой застежки (был закреплен на рукаве одежды погребенного?).

[17] Эти перстни обнаружены в 0,36 м к северу от браслетов, ассоциирующихся с левым запястьем погребенного. Исходя из того, что это расстояние явно превышает длину кисти руки, можно предполагать, что артефакты смещены. Произошло это, видимо, спустя достаточно длительный период после разложения связок и хрящей, соединявших кости, поскольку перстни за это время окислились и «прикипели» друг к другу.

В целом, костюм характеризуется большим количеством бус (особенно из полудрагоценных камней), фибул и перстней. Тип одежды по имеющимся данным однозначно определить сложно. Исходя из того, что большинство фибул скорее всего не предназначалось для скрепления её частей, а одна из них, «бутафорская», находилась на левом запястье (рис. 12: *1*), нельзя исключать того, что одежда «накладная»[18] с длинным рукавом. Головной убор, возможно, застегивался или монтировался посредством фибул и был декорирован (расшит?) бусами, причем основную его часть относительно равномерно покрывали хрустальные и сердоликовые, а на небольшом участке его нижнего края (в области лба или правого уха) акцентировано группировались бусы с внутренним золочением. На передней части туловища располагалось многослойное ожерелье из двух «ниток» бус и металлических элементов («верхняя» нитка — в основном янтарь и стекло с внутренним золочением, а также серебряные лунницы и серьги (?), «нижняя» — янтарь с добавлением сердолика, серебряная лунница и серебряный флакон в кожаном (?) вместилище, украшенном бронзовыми сферосегментовидными бляшками), вероятно в «развернутом» виде крепившееся к одежде посредством серебряной, аурихалковой и бронзовых фибул, которые также образовывали элементы орнаментальной композиции. Кисти рук украшали бронзовые браслеты, а также бронзовые и серебряные перстни (по крайней мере в некоторых случаях по два на пальце, крупные серебряные экземпляры со вставками из темно-синего стекла, возможно, симметрично располагались на больших пальцах обеих рук). На щиколотках (на одной из них?), возможно, находилось некое украшение из бус (браслет?). Среди дополнительных аксессуаров — железный нож в ножнах из органического материала, декорированных бронзовыми бляшками и, возможно, расшитых бусами, с ремнем, а также зеркало из белого металла, которое, вместе с брошью от фибулы и частью перстней, возможно, находилось в неком мешке. Цветовое решение сохранившейся части костюма выглядит следующим образом: область головы — хрусталь, сердолик, золото; область груди — янтарь, бронза, золото, сердолик; кисти рук — бронза, зеленоватое, желто-коричневое и темно-синее полупрозрачное стекло.

Исходя из ассортимента сохранившихся элементов костюма можно предполагать, что он женский, а погребенный — скорее всего женщина[19].

Анализ артефактов

1. Столовая гончарная посуда

Сосуд гончарный открытой формы, двуручный, на кольцевом поддоне (рис. 2: *2*; 11) (высота — 10 см, диаметр по венчику — 15,5 см). Черепок относительно рыхлый, на изломе бежевого цвета. В тесте отдельные зерна мелкого песка: золотистые блестки, плотные минералы темно-серого/черного и белого полупрозрачного цвета. Форма тулова близка к полусферической, но его верхняя часть слегка вогнута вовнутрь и отделена от нижней сглаженным ребром. Венчик невысокий, в сечении подромбовидный, слегка отогнут и выступает наружу. Ручки петлевидные, в сечении уплощенно-овальные, поверху профилированы двумя продольными бороздками, крепятся под венчиком и выше ребра тулова. Поддон низкий, в сечении подтреугольный. Под венчиком, на уровне верхних прилепов ручек — орнамент в виде врезной субгоризонтальной линии. На поверхностях изделия — лаковое покрытие, наносившееся по крайней мере в три приема (при этом сосуд, видимо, удерживали за поддон и погружали в жидкий ангоб). Поддон, дно и низ тулова снаружи без покрытия. На средней части — серо-бежевый (полупрозрачный?) ангоб. На верхней — видимо покрывающий его жидкий красно-коричневый лак. Вместилище сосуда покрыто буро-коричневым лаком, его потеки видны и на внешней стороне изделия.

Кубок схож с посудой группы «Понтийская сигиллята А», форма 33 по Д. В. Журавлеву [Журавлев, 2010, с. 63–64, табл. 31: 242]. Как отмечает исследователь, тонкостенная керамика такого рода известна на территории Южной Италии, Испании, Кипра, аналогичные изделия находили в могильниках Юго-Западного Крыма — Бельбек II, Бельбек IV, Усть-Альминском, а также в Пантикапее [Журавлев, 2010, с. 64]. Он относит

[18] О термине см. [Популярная…, 1986, с. 73].

[19] Выявить общие особенности позы и ориентировочно оценить отдельные антропометрические показатели, а также охарактеризовать в целом костюм погребенного удалось по взаиморасположению некоторых его элементов и по результатам совмещения плана местоположения обнаруженных в могиле предметов с контурами «среднего» скелета соответствующего пола, взятого на одном из интернет-ресурсов [http://kbogdanov4.narod.ru/hips.htm].

могилы, содержащие сосуды этой формы, к последней четверти / концу I – середине II вв. По А. А. Труфанову, это канфар типа 5, который датируется последней третью I – началом II вв. [Труфанов, 2005–2009, с. 160].

2. Функционально-декоративные элементы костюма (фибулы)

Фибулы являются, с одной стороны, функциональными элементами костюма, скрепляя части одежды. С другой, металлические детали, несомненно, выполняли также декоративную функцию. Об этом, в частности, свидетельствует их расположение на груди, в рядах бус, и наличие на многих из них орнамента. В погребении обнаружены фибулы пяти типов.

I. Фибулы-броши

В комплексе найдены две броши: 1) с круглым щитком, украшенным сюжетным изображением (рис. 12: *2*; 13: *8*); 2) с орнитоморфным щитком (рис. 13: *7*).

Первый предмет — кружок из тонколистовой бронзы (размер — 2,68 х 2,92 см, толщина — 0,02 см) с тисненым по твердой модели (штампованным?) изображением. Вероятно, был снабжен припаянным с тыльной стороны «смычковым» игольным аппаратом (возможно, одна из фибул на рис. 13: *2, 3*). Орнаментальное поле щитка обрамлено точечным ободком и заполнено сюжетной композицией. В её центре — стоящая женская фигура анфас, обращенная влево. Изображенная стоит опершись на правую выпрямленную ногу (левая слегка согнута в колене). На голове либо «убор» с полусферическим верхом и широкими скошенными вниз полями («петас»? шлем?) либо сложная прическа. На туловище — хитон, собранный в складку («sinus»?) и подпоясанный под грудью таким образом, что край его подола находится на уровне колен. На ногах — высокие сапоги (края голенищ — немного ниже колен). Левая рука опущена, полусогнута в локте. В ней изображенная удерживает ориентированный вертикально (тетивой к фигуре) изогнутый лук за один из «рогов» (по композиции «нижний»), тетива при этом опирается на внутреннюю часть предплечья. «Верхний» «рог» лука — на уровне шеи. Из-за спины персонажа выступает некий предмет (возможно колчан или горит, висящий на левом плече). Положение правой руки не вполне ясно (вытянута вдоль тела?), уверенно определить отсутствие или наличие в ней каких-либо атрибутов сложно. Справа от центральной фигуры виден выступающий из-за её ног примерно на 2/3 обращенный вправо силуэт невысокого животного на прямых ногах. Его небольшая с крупными настороженными ушами голова развернута назад, слегка приподнята и обращена мордой к антропоморфному персонажу (собака в «позе внимания»?). Слева от изображенной — не вполне ясный элемент композиции. Возможно, это каменный алтарь с вздымающимися над ним тремя высокими языками пламени (достигают уровня подбородка фигуры). Судя по набору атрибутов (лук и горит, собака, алтарь) изображенная — богиня Артемида. Согласно «Иконографического лексикона классической мифологии», рассматриваемое изображение относится к группе «Артемида в коротком хитоне» и, видимо, может быть сопоставлено с типом V — «Артемида Дадофора (факелоносица), вооруженная» [LIMC II.2, p. 622, 654–658; Cat. 407–453]. Наиболее близко ему по композиции изображение с мраморного рельефа эпохи Антонинов (Рим, Капитолий), где справа от богини находится алтарь из камней, а слева — собака [LIMC II.2, p. 655, Cat. 416]. Подобный сюжет представлен также на реверсах меди города Патры (Пелопонесс, Ахайя) времени императоров второй половины I – начала III вв. (Нерона, Домициана, Адриана, Луция Вера, Коммода, Каракаллы). По мнению специалистов на монетах изображена упомянутая Павсанием Периегетом в «Истории Эллады» (ок. 180 г.) выполненная из слоновой кости и золота древняя статуя Артемиды Лафрии работы скульпторов из Навпактуса Менехма и Соида (сер. V в. до н. э.?), которую Август «взял» в Этолии, а затем подарил жителям Патр [Imhoof-Blumer, Gardner, 1964, p. 76–77, Taf. Q: VI – XI; Paus., VII, 18, 6].

Брошь относится к варианту «простых» типа 1 («округлые броши с пружиной или «шарниром» из проволочной петли») группы 8 по классификации А. К. Амброза [Амброз, 1966, с. 30–31]. Они обнаружены в некрополях греческих городов Северного Причерноморья, на территории Северного Приазовья (Танаис), Центрального, Северо-Западного, Юго-Западного и Восточного Крыма (Неаполь скифский, Битак, Беляус, Усть-Альма, Золотое), в Прикубанье. Прототипом таких предметов, по мнению А.К. Амброза, были греческие украшения [Амброз, 1966, с. 30]. На Боспоре броши с круглыми щитками появляются уже в начале III в. до н.э. [Treister, 2002, Abb. 1: 1–2].

На щитках брошей, происходящих из Крыма, чаще всего присутствуют фигуры греческих божеств [Zaytsev, 2004, fig. 109: 5; 122: 1;

Пуздровский, 2007, рис. 196: 4, 5; Дашевская, 2014, с. 213, рис. 104: 14, 15; с. 242, рис. 133: 1], хотя известны и изображения, выполненные в зверином стиле — в виде хищника, свернувшегося в кольцо [Высотская, 1994, с. 100–101; Корпусова, 1983, рис. 19: 5; Мордвинцева, 2003, с. 208, рис. 93: 1–3]. По наблюдениям М. Ю. Трейстера, находки медальонов (в том числе брошей) с изображением бюста Артемиды концентрируются в Херсонесе и варварских погребениях Юго-Западного Крыма (Усть-Альминский могильник), в то время как синкретический образ Афродиты-Артемиды используется для украшения медальонов и диадем из Горгиппии и окрестностей в конце I – первой половине II вв. н.э. [Mordvinceva, Treister, 2007, S. 90–91]. Сюжет, изображенный на броши из Лучистого, отмечен впервые.

К щиткам брошей эллинистического времени (II – I вв. до н.э.), как правило, крепился двуигольный аппарат [Zaytsev, 2004, fig. 109: 2, 5; 122: 1; Дашевская, 2014, с. 172, рис. 63: 2] или фибула среднелатенского типа [Дашевская, 2014, с. 152, рис. 43: 7; с. 242, рис. 133: 1]. К экземплярам первых веков н.э. обычно припаивалась застежка в виде фибулы «смычкового» типа. В связи с этим брошь из Лучистого следует датировать временем не ранее I в.н.э.

Вторая брошь представляет собой изделие из раскованной, фигурно обрезанной и изогнутой бронзовой пластины (толщина — 0,02–0,04 см), образующей сильно схематизированное изображение (вид сверху) птицы с «треугольным» хвостом и сложенными крыльями. «Шея» показана в виде стержня с не менее чем четырьмя поперечными насечками на лицевой стороне (рис. 13: *7*). Длина предмета — 3,71 см, ширина — 1,26 см. Подобная брошь, в виде «сидящего голубя», хранится в Одесском государственном археологическом музее (депаспортизована, № А-44245). А. К. Амброз отнес ее к варианту «шарнирных провинциальных со щитком в форме животного» типа 5 группы 8 [Амброз, 1966, с. 34–35, табл. 15: 21]. Дата данного варианта определена им «в основном II в.н.э.» [Амброз, 1966, с. 34]. У броши из Лучистого шарнирный аппарат застежки отсутствует. Видимо, к щитку была припаяна «смычковая» фибула (возможно, одна из изображенных на рис. 13: *2, 3*). Аналогичные изделия, украшенные гравированными линиями, найдены в погребениях некрополя Совхоз 10, датирующихся I – II вв. (могила 62) и II в. (могила 116, с монетой Траяна 98–117 гг.) [Стржелецкий, Высотская и др., 2005, с. 161 тип XIIIa табл. 9: 14, 16: 78; Кропотов, 2010, с. 296, № 9, 17]. Фибула этого типа обнаружена и в Чернореченском некрополе [Бабенчиков, 1963, табл. IX: 3].

II. Смычковые фибулы

В комплексе обнаружены пять проволочных одночленных фибул с высоким и узким пластинчатым приемником, прямой спинкой и 4-витковой пружиной с нижней тетивой («смычковые») (рис. 13: *1–4, 6*) (размеры — 2,36–3,82 х 0,23–0,36 см). На спинках двух (рис. 13: *2, 3*) видны остатки припоя. Видимо, они использовались как застежки брошей (рис. 13: *7, 8*). Возможно, к типу «смычковых» относится и фрагментированная бронзовая проволочная одночленная фибула с пружиной с верхней тетивой (очень редко встречается на «смычковых» застежках), от которой сохранилась часть пружины и игла (рис. 13: *5*). С использованием этого обломка (длиной 3,62 см) и фрагмента другой фибулы (рис. 13: *4, 5*) при погребении (?) был составлен «макет» целой застежки.

Подобные изделия относятся к группе 14 по А. К. Амброзу [Амброз, 1966, с. 47, табл. 6: 11–12]. Они характерны в основном для Крыма и особенно многочисленны на юго-западе полуострова [см. напр. Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 143], встречаются также на Кубани и Нижнем Днепре. Общая дата — I – III вв. н. э. [Амброз, 1966, с. 47], ср.: вторая половина I / начало II – вторая половина III / IV вв. [Кропотов, 2010, с. 169–182].

III. Фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника

Из могилы происходит одиннадцать одночленных фибул с пластинчатым приемником, украшенным завитком, с треугольной плавно изогнутой пластинчатой спинкой и 4-витковой пружиной (рис. 13: *9–19*) (размеры — 3,28–4,09 х 0,51–0,82 см). Они незначительно отличаются материалом, конструкцией и декоративным оформлением спинки и завитка. Большинство застежек бронзовые, одна (рис. 13: *12*) изготовлена из белого металла. Семь из них — с нижней тетивой (рис. 13: *9–11, 13, 16, 18, 19*), четыре — с верхней (рис. 13: *12, 14, 15, 17*). У пяти фибул завиток S-видный (рис. 13: *9, 10, 12–14*), у двух — спиралевидный (рис. 13: *15, 16*), у четырех — обломан (рис. 13: *11, 17–19*). По особенностям орнаментации спинки выделяются следующие разновидности: 1) 3 шт., на спинках по три продольно ориентированные сходящиеся к приемнику часто «изломанные» линии, «накатанные» колесиком-штампом (рис. 13: *9, 17, 18*); 2) 1 шт., в центре 2 продольно

ориентированные сходящиеся к приемнику часто «изломанные» линии (возможно, «накатаны» колесиком-штампом) (рис. 13: *10*); 3) 2 шт., на спинках по ряду часто расположенных по продольной оси выполненных пунсоном точек (рис. 13: *11, 13*); 4) 2 шт., по центру нанесенные частым пунсоном «змейки» (рис. 13: *16, 19*); 5) 1 шт., выполненные пунсоном (или накатанные зубчатым колесом) точки по периметру и «змейка» по центру (рис. 13: *15*); 6) 1 шт., расположенные по периметру «жемчужины» (нанесены пунсоном с внутренней стороны), у приемника на обеих продольных сторонах спинки на линии орнамента видны волны, направленные внутрь (друг к другу), в связи с чем в целом «жемчужины» образуют фигуру, сходную с вытянутой восьмеркой (рис. 13: *12*); 7) 1 шт., спинка сравнительно массивная, узкая, у пружины довольно резко изогнута, орнаментирована густой «ёлочкой» (ориентирована вершиной к пружине) (рис. 13: *14*).

Застежки относятся к группе 13 по А. К. Амброзу, вариантам 2 («маленькие с S-видным завитком» на конце приемника) и 3 («маленькие со спиральным завитком» на конце приемника) [Амброз, 1966, с. 55, табл. 5: 15–21], к группе 8 серии 1 (небольшие плавно изогнутые — «причерноморские») форме 2 (с S-видным завитком и ленточной спинкой) и форме 3 (со «спиральным» завитком) по В. В. Кропотову [Кропотов, 2010, с. 182–185]. Ареал распространения таких фибул — Крым (особенно многочисленны на Боспоре [см. напр. Корпусова, 1983, с. 66, 68], северо-восточное Приазовье (Танаис), Прикубанье. Общая дата — вторая половина I – II вв.

IV. Фибулы с кнопкой на конце приемника

В могиле найдены две бронзовые одночленные фибулы с 4-витковой пружиной с верхней тетивой и пластинчатым приемником, украшенным «кнопкой». Одна застежка с широкой выпуклой спинкой, на внешней стороне которой по длинной оси расположена линия «накатанного» штампом «жемчужного» орнамента (длина 6,61 см, ширина спинки — 1,34 см) (рис. 13: *20*). У второй фибулы спинка пластинчатая, на её внешней стороне — орнамент в виде трех продольно ориентированных субпараллельных часто «изломанных» линий, «накатанных» штампом (6,84 х 0,99 см) (рис. 13: *21*).

Такие застежки относятся к вариантам 4а и 4б группы 12 («пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника») по А. К. Амброзу [Амброз, 1966, с. 43–44, табл. 5: 6–11], к группе 9 («с кнопкой на конце приемника») варианту 2 (крупные с высоко и плавно изогнутым корпусом, широкой выпуклой пластинчатой спинкой) по В. В. Кропотову [Кропотов, 2010, с. 209–213]. Распространены в Крыму, на Нижнем Днепре, Кубани, Северном Кавказе, Нижнем Поволжье. В Крымское Предгорье, по мнению некоторых специалистов, они попали со стороны Боспора [Пуздровский, 2007, с. 188]. А. К. Амброз датировал подобные фибулы второй половиной II – III вв. н.э. [Амброз, 1966, с. 44]. Эта дата многими исследователями считается завышенной [Косяненко, 1987, с. 49–53; Пуздровский, 2007, с. 181, 185, 188]. В. В. Кропотов датирует второй вариант группы 9 большей частью II в. [Кропотов, 2010, с. 213].

V. Шарнирная фибула

Фибула из аурихалка (?), дуговидная, шарнирная (длина 4,61 см, ширина спинки 0,89 см) (рис. 14: *1*). Спинка литая, массивная, сверху профилирована высоким подтрапециевидным в сечении валиком и украшена тремя рядами рельефных выступов: два — вдоль длинных сторон спинки, образованы удлиненными выступами, ориентированными под небольшим углом к длинной оси фибулы; один — на центральном валике, образован сглаженными «жемчужинами». Верхняя часть спинки расклепана и кольцеобразно загнута наружу, образуя крепление шарнира. Горизонтальный участок верхней части спинки профилирован поперечным рядом «косых» удлиненных выступов. Между ним и шарниром у краев спинки — два глубоких декоративных конических углубления, выполненных пунсоном. Приемник пластинчатый, с «биконической кнопкой» на конце. Ось шарнира железная. По краям фиксировалась железными «кнопками» (одна утрачена). Застежка относится к «классическому» варианту раннеримских шарнирных дуговидных фибул типа Aucissa и по классификациям, разработанным для различных регионов Римской империи, соответствует типам 22b2 по М. Фёжеру, 29 по Э. Эттлингер, 5.2.1 по Э. Рихе, 10.1.a1 по М. Марине Исидро [Feugère, 1985, p. 312; Ettlinger, 1973, S. 29; Riha, 1979, S. 114; Mariné Isidro, 2001, p. 213].

Фибулы Aucissa являлись, прежде всего, военными застежками и распространялись, в первую очередь, вместе с римской армией. В связи с этим наличие значительного количества таких артефактов за пределами римских границ объясняется, чаще всего, военными контактами. С другой стороны известно, что в римских провинциях эти фибулы использовались и гражданским населением, в том числе в женском костюме, и могли

распространяться в результате торговых контактов [Ettlinger, 1973, S. 159; Martin-Kilcher, 1993, S. 199–200, Abb. 16]. В качестве примера показательны находки в некрополях Северной Италии, где многие подобные застежки обнаружены в женских погребениях [Buora, 2008, p. 32].

Фибулы «классического» варианта появляются в 20–10 гг. до н.э., но пик их распространения приходится на 1 пол. I в. н.э. Массовое производство таких застежек прекращается до конца правления Клавдия (41–54 гг.) [Feugère, 1985, p. 323]. В то же время, исследователями отмечается несоответствие датировок, принятых для территории Римской империи и хронологии комплексов с фибулами «Авцисса» из Северного Причерноморья [Симоненко, 2011, с. 21; Кропотов, 2010, с. 272–273]. А. В. Симоненко, исходя из принадлежности таких застежек военному костюму, полагает, что они могли оказаться в античных городах Северного Причерноморья и у варварского населения лишь после появления здесь римских воинских контингентов, и связывает их распространение в регионе с событиями римско-боспорской войны 45–49 гг. [Симоненко, 2011, с. 21]. Близкой точки зрения о «запаздывании» фибул этого типа в Северном Причерноморье придерживается В. В. Кропотов, отмечая их совстречаемость в погребальных контекстах с местными категориями находок второй половины I – начала II вв. [Кропотов, 2010, с. 272–273]. Вероятно, кроме проблем методического характера, связанных с попытками согласования дат импортных и местных вещей в археологических комплексах [см. например, Кропотов, 2001, с. 90–95; Журавлев, 2001, с. 99–118], а также со степенью корректности сопоставления информации археологических и письменных источников, существуют и объективные причины возможной поздней датировки. Фибулы «Авцисса» являются наиболее массовым типом застежек, произведенных на территории Римской империи. Очевидно, что после прекращения производства, значительная часть этих изделий продолжала использоваться и постепенно выходила из употребления. Фибулы типа «Авцисса» в контекстах второй половины I – начала II вв. фиксируются и на территории Империи. Показательно, что основным типом застежек, найденных в слое разрушения г. Помпеи, т. е. использовавшихся непосредственно перед извержением Везувия в 79 г., были «Авциссы» [Feugère, 1985, p. 330; Guidobaldi, 2003, p. 174, F5; Buora, 2008, p. 32]. Находки подобных фибул в Румынии С. Кочиш относит к нач. II в. и связывает их появление с завоеванием Дакии Траяном в 101–106 гг. [Cociş, 2004, p. 78]. Серию фибул «Авцисса», обнаруженных в Дура-Европос в Сирии, исследователи соотносят с кратковременным пребыванием в городе римского гарнизона во время «восточной» кампании того же императора против Парфии в 114–117 гг., не исключая более длительного существования этого типа в восточных провинциях [Frisch, Toll, 1949, p. 48; James, 2004, p. 55].

На памятниках варварского населения Крыма найдено 15 экземпляров застежек рассматриваемого типа. Девять из них обнаружены в погребениях «позднескифских» некрополей Неаполь скифский (2 шт.) [Сымонович, 1983, табл. XXVI: 1, 2], Усть-Альма (4 шт.) [Высотская, 1994, табл. 28, 32; Loboda, Puzdrovskij, Zajcev, 2002, Abb. 15: 21; Пуздровский, 2007, рис. 194: 5, 6; Пуздровский и др., 2012, рис.1: 5], Кара-Тобе (1 шт.) [Внуков, Лагутин, 2001, рис. 7: 6], Заветное (1шт.) [Масякин, 2007, рис. 1: 1], Бельбек IV (1 шт.) [Zhuravlev, 2003, Fig. 10: 9], Опушки (1шт.) [Khrapunov, 2012, fig. 76], 5 — в святилищах Гурзуфское Седло (3 шт.) [Новиченкова, 2002, рис. 23: 3, 6, 7] и Эклизи-Бурун (2 шт.) [Лысенко, Тесленко, 2006, рис. 25: 28, 29], 1 — в культурных отложениях городища Чайка [Нефедова, 1991, рис. 2: 4]. По степени доступности для анализа хронологии погребальные контексты, из которых происходят перечисленные находки, подразделяются на три группы: 1) опубликованные отдельные погребения из склепов (Усть-Альма, склеп 620; Кара-Тобе, склеп 11); 2) опубликованные склепы с коллективными захоронениями без разделения инвентаря по отдельным погребениям (Усть-Альма, склеп 88; Неаполь скифский, склепы 36, 79); 3) не опубликованные комплексы (Усть-Альма, склепы 450, 1050; Бельбек IV, могила 313; Заветное, могила 210; Опушки). Для контекстов группы 3 в ряде случаев известны краткие описания обстоятельств находок и отдельные сопутствующие предметы. К этой же группе относятся застежки из святилищ Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун, а также из городища Чайка. С учетом этих данных представляется возможным распределить рассматриваемую группу фибул по пяти хронологическим периодам.

1. Конец I в. до н. э. – рубеж эр: одна из фибул святилища Гурзуфское Седло, обнаруженная в слое «ритуального комплекса с ямками» [Новиченкова, 2002, с. 140, рис. 23: 3].

2. Вторая четверть или 20-е – 40-е гг. I в. н. э.: две фибулы из святилища Гурзуфское Седло, найденные в ямках №№ 163 и 171 с монетами, наи-

более поздние из которых — денарий Тиберия (14–37 гг.) и медь Митридата VIII (39–44 гг.) [Новиченкова, 2002, с. 143, рис. 23: 6, 7]; два экземпляра из святилища Эклизи-Бурун. Одна из этих фибул — со штампом в виде надписи «AVCISSA» [Lysenko, Masyakin, 2012, p. 22–23]. Традиция использовать штамп относится к позднему периоду производства «Авцисс», ко времени около 20–40 гг. н.э. [Böhme-Schönberger, 1998, S. 351–356]. Необходимо отметить хорошую сохранность застежек из святилищ, что, вероятно, свидетельствует об относительной краткости промежутка времени между их изготовлением и археологизацией.

3. Вторая-третья четверти I в. н.э., возможно около середины столетия: находки из некрополей Усть-Альма (склепы 88, 620) и Кара-Тобе (склеп 11) [Труфанов, 2005–2009, с. 276–277]. Вероятно, уточнить нижнюю хронологическую позицию комплексов этой группы позволяет сервиз из римских бронзовых сосудов, выполненных в одном стиле и представленных ойнохоей типа Эггерс 125 и патерой типа Эггерс 155. Начало производства подобных сервизов типа E (Millingen) по классификации Г. Нубера [Nuber, 1972, S. 45] относится к 35–40 гг. н.э. [Petrovszky, 1993, S. 110–113].

4. Первая половина II в. н.э.: Бельбек IV, могила 313 [Журавлев, 2010, с. 133, Кат. № 77, табл. 13].

5. Вторая половина II – начало III вв. н.э.: Заветное, могила 210. Фибула найдена без иглы, в детском погребении и, вероятно, использовалась как амулет [Масякин, 2007, с. 126].

В целом, находки из святилищ синхронны основному времени бытования «Авцисс» «классического» варианта на территории Римской империи. Погребальные комплексы с такими фибулами относятся к финальному периоду производства этих изделий и их постепенному выходу из употребления в середине I – первой половине II вв. н.э. Вероятно, это связано с их более длительным использованием.

Во всех случаях, когда можно судить о составе погребального инвентаря, фибулы типа «Авцисса» найдены с артефактами (бусы и подвески, металлические украшения, зеркала), характерными для женских или детских погребений.

В отношении механизмов появления «Авцисс» в Северном Причерноморье существуют две основных гипотезы: «военная», объясняющая находки непосредственными военными контактами римских военнослужащих с местным населением [Симоненко, 2011, с. 21], и «торговая» [Амброз, 1966, с. 93; Гороховский, 1985, 19–21; Лимберис, Марченко, 2004, с. 229]. Сторонники «торговой» гипотезы предполагали различные пути проникновения таких изделий. По мнению А. К. Амброза, «Авциссы» поступали из западных римских провинций [Амброз, 1966, с. 93], Е. Л. Гороховский, Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко считают их импортом из восточных провинций [Гороховский, 1985, с. 19–21; Лимберис, Марченко, 2004, с. 229]. Это мнение может быть подтверждено количественным распределением находок в различных регионах. Их число возрастает с Запада на Восток: на территории варварского населения Крыма — 15 экземпляров, на Европейском и Азиатском Боспоре — 17 [Масякин, 2011, с. 171][20], на Нижнем Дону — 25, в Прикубанье — 17, в Центральном Предкавказье — 42 [Лимберис, Марченко, 2004, с. 229]. В то же время, находки фибул типа «Авцисса» крайне малочисленны в «сарматских» погребениях (2 шт.) [Симоненко, 2011, с. 21], в Ольвии (3 шт.) [Кропотов, 2010, с. 276, №№ 10–12] и Херсонесе (2 шт.) [Костромичев, 2012, с. 54]. Примечательно, что на территории варварского населения Крыма и Боспора пока найдена только одна фибула с надписью (Эклизи-Бурун), в отличие от Нижнего Дона, Прикубанья и Северного Кавказа, где такие застежки многочисленны. Известно, что на территории западных провинций Империи находки фибул с надписью характерны для Италии, Далмации и Британии и относительно редко встречаются в Галлии, Германии и Испании [Feugère, 1985, fig. 46]. Данные о восточных провинциях крайне ограничены. Возможно, на Боспор и к варварам Крыма поступали изделия мастерских, расположенных в тех регионах Империи, где традиция штамповки фибул не получила распространения.

3. Украшения костюма

Серьги

Две кольцеобразные серьги из белого металла (диаметр — 3,29–3,72 и 3,35–3,66 см) (рис. 9: *9–10*). Изготовлены из литой, впоследствии раскованной заготовки, либо из литого округлого в сечении дрота. Одно из его окончаний загнуто в виде крючка, второе петлеобразно изогнуто. У петли — ориентированное к ней вершиной утолщение субпирамидальной формы, на внешней стороне основания профилированное треугольным в сечении углублением, придающим изделию зооморфный вид.

[20] В статье были учтены 13 экземпляров «Авцисс». К настоящему времени стали известны ещё 4 находки.

Находки сходных изделий концентрируются на вершинах и южном макросклоне центральной части Главной гряды Крымских гор (святилища Гурзуфское Седло и Эклизи-Бурун, поселение Чатыр-Даг 2, могильник Лучистое-2) [Новиченкова, 2002, с. 72, рис. 32: 15; Лысенко, 2004, рис. 2: 10; Лысенко, Тесленко, 2006, с. 12, 79–80, рис. 24, 27: к. о. 50]. По конструкции застежки серьги датируются I – II вв. н.э.

Подвески-лунницы

В комплексе обнаружены три лунницы из белого металла с ушками для подвешивания, украшенные зернью (рис. 14: *4–6*) (размеры без ушек соответственно 2,12 х 2,70, 1,69 х 2,09 и 1,74 х 2,22 см). Лунницы овальные, подграненые, форма сечения близка к ромбу, концы не сомкнуты, расклепаны. У двух изделий они затем плотно загнуты, образуя утолщения (уплощенные «бусины») (рис. 14: *5, 6*). Ушки и зернь были припаяны напротив промежутков между окончаниями подвесок, «в стык» друг с другом, на смежных верхних гранях. У двух экземпляров этот участок выделен двумя продолговатыми, листовидными «в плане» выемками (рис. 14: *4, 5*). Ушко одной лунницы (рис. 14: *4*) изготовлено из петлевидно изогнутой бронзовой (?) пластины. По отпечатку на окислах в месте перегиба видно, что в него была продета округлая в сечении проволока. У второй лунницы (рис. 14: *5*) ушко выполнено из кольцеобразно изогнутой пластины белого металла, по внешней поверхности профилированной двумя желобками. Третье ушко утрачено. Зернь во всех случаях оформлена в виде пирамидок, образованных 4-мя спаянными каплями металла.

Лунницы — один из наиболее распространенных металлических элементов ожерелий I – начала II в. н.э. [Mordvinceva, Treister, 2007, S. 96–97]. Они изготавливались из золота и серебра, представлены двумя основными типами. К первому относятся пластинчатые подвески, украшенные филигранным орнаментом, с широкой пластинчатой петлей для подвешивания, профилированной вертикальным рифлением. Такие артефакты особенно многочисленны в погребальных комплексах середины I – начала II вв. н. э., относимых к Позднескифской археологической культуре Юго-Западного Крыма — могильники Чернореченский, Заветное, Усть-Альминский, Красная Зоря [Mordvinceva, Treister, 2007, Kat. Nr. A80.2, A115.1, A282.2, A288.2, A371.1]. Сходное украшение выявлено в погребении второй половины II – первой половины III вв. некрополя Нейзац [Храпунов, 2007, рис. 5: 21]. Аналогичный предмет обнаружен при раскопках святилища у перевала Гурзуфское Седло [Mordvinceva, Treister, 2007, Kat. Nr. A66.11]. Подобные подвески также известны за пределами Северного Причерноморья — на территории современных Турции и Румынии [Mordvinceva, Treister, 2007, S. 96].

Лунницы второго типа литые, массивные, четырехгранные в сечении, с шишечками или зернью на концах. Использовались как центральные подвески ожерелий в I – II вв. н.э. Золотые экземпляры происходят, в частности, из Юго-Западного Крыма: из некрополя Херсонеса [Пятышева, 1956, с. 55–56, № 5, рис. 16] и могильника у с. Заветное[21]. Аналогичная подвеска найдена на Неаполе Скифском, в зольнике, относящемся к горизонту В, датированному второй половиной I – серединой / третьей четвертью II вв. [Зайцев, 2003, с. 19, рис. 111: 4]. Подобные лунницы обнаружены на восточном побережье Черного моря в разрушенном погребении у поселка Лоо [Воронов, 1979, с. 75, рис. 37: 3], в Нижнем Поволжье, в кургане 11 могильника Авиловский II [Сергацков, 2000, с. 86, рис. 102: 3–5] и у с. Косика [Дворниченко, Федоров-Давыдов, 1993, рис. 20: 11]. По три аналогичные серебряные подвески происходят из могилы 310/1 некрополя у с. Заветное [Зайцев, Волошинов, Кюнельт и др., 2007, рис. 17: 11–13] и из раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло [Новиченкова, 2002, рис. 33: 19, 20]. К этому типу относятся и лунницы, найденные в могиле № 1 у с. Лучистое. Примечательно, что здесь также выявлено три экземпляра. Однотипные серебряные лунницы известны по материалам исследования царского дворцового комплекса Дедоплис Гора I в. до н. э. – I в. н.э. в Грузии [Gogiberidze, 2008, pl. 72, cat. 148, 151, 152]. Кроме того, подвески, сходные с рассматриваемыми, обнаружены на территории Римской империи, в том числе в Помпеях [Pirzio Biroli Stefanelli, 1992, p. 106 № 70; p. 107 № 71; p. 162 № 173; p. 202 № 246]. Их изображения присутствуют на погребальных портретах II в. н.э. из Фаюма [Pirzio Biroli Stefanelli, 1992, p. 163, № 174; Фаюмский портрет, 1965, табл. VIII]. Возможно, лунницы, найденные в Северном Причерноморье, являются имитацией римских подвесок.

Браслеты

В могиле найдены пять бронзовых браслетов с несомкнутыми концами трех типов.

[21] Могила 298, раскопки Ю. П. Зайцева и В. И. Мордвинцевой, материалы не опубликованы.

I. Браслеты с окончаниями в виде змеиных голов

Два браслета из округло-овального в сечении массивного дрота (рис. 17: *1, 2*) (диаметр соответственно 6,24–6,41 и 6,22–6,56 см) с ромбовидно расклепанными окончаниями, оформленными в виде стилизованных змеиных голов. Каждое из них и прилегающие к ним участки браслетов (на их внешних и боковых сторонах) украшены четырьмя орнаментальными поясами. На «головах», на их боковых «передних» гранях частым крупным пунсоном показаны зубастые пасти пресмыкающихся. Верхние челюсти массивнее нижних и выступают над ними. На внешней поверхности голов парами концентрических дуговидных врезных линий обозначены глаза, а по их продольным осям проведены линии из частых точек (накатаны зубчатым штампом). «Шеи» змей обозначены узкими полосами, ограниченными поперечными врезными линиями. В центре поля каждой из них — «коптский глазок», обрамленный врезными субпараллельными наклонными (с каждой стороны — от центра к краю) линиями. «Туловища» украшены врезными наклонными пересекающимися линиями, образующими 6 рядов ромбов. В центрах ромбов пяти «лицевых» рядов (кроме внутреннего) — «коптские глазки». Эти орнаментальные части заканчиваются узкими поясками, ограниченными поперечными врезными линиями. Поле каждого из них заполнено пятью «коптскими глазками», расположенными напротив «лицевых» рядов ромбов «туловища». Части браслетов напротив стыков окончаний лишены декора.

Браслеты со змеевидными окончаниями широко представлены в погребениях, относимых к Позднескифской археологической культуре Крыма I – III вв.н.э. По наблюдениям Т. Н. Высотской, которая объединила все браслеты со змеевидными головками независимо от их дополнительного декора в тип IX, наиболее ранние экземпляры датируются I в. до н.э. – I в. н.э. [Высотская, 1994, с. 112]. По формальным признакам — размерным характеристикам и особенностям орнаментации — браслеты из Лучистого схожи с типом V по А. В. Труфанову [Труфанов, 2001, с. 75] и датируются I – первой половиной II вв. н.э. Уточнить хронологическую позицию публикуемых изделий позволяют находки браслетов с аналогичным декором из погребения 191 некрополя Бельбек IV [Гущина, 1997, рис. 12: 4] и могилы 144 некрополя Совхоз 10 [Стржелецкий, Высотская и др., 2005, табл. 19: 36]. В первом из них, среди «узко» датируемых находок — краснолаковая тарелка «понтийской» группы с клеймом в виде розетты последней четверти I – начала II вв. [Журавлев, 2010, с. 113 форма 21.1 табл. 13: 74], во втором — краснолаковый кувшин конца I – начала II вв. [Стржелецкий, Высотская и др., 2005, табл.19: 38; Журавлев, 2010, с. 79 форма 11.1 табл. 48].

II. Браслеты с шишечками на концах

Два браслета из округлого в сечении дрота, с биконическими «шишечками» на концах (рис. 18: *1, 2*) (диаметры соответственно 6,19–6,39 и 6,14–6,18 см).

Подобные изделия известны в некрополях Северного Причерноморья и Восточной Европы с V в. до н. э. По классификации Т. Н. Высотской относятся к типу II [Высотская, 1994, с. 110]. Наибольшее распространение они получили в I – начале II вв. [Труфанов, 2005–2009, с. 225, рис. 102а].

III. Браслет с утолщенными окончаниями

Браслет из массивного округлого в сечении дрота, с утолщенными окончаниями (рис. 18: *3*) (диаметр 6,45–6,87 см). У окончаний декорирован врезными наклонными пересекающимися линиями, образующими 5–6 рядов ромбов. Орнаментированные части предмета, возможно, ограничены поперечными врезными линиями. В центрах ромбов — глубокие небольшого диаметра «коптские глазки», выполненные штампом в виде тонкой трубки. Браслет окислен. У окончаний видны «швы», по которым расслаивается неоднородный металл.

Такие украшения были широко распространены в первые века н.э. Относятся к типу V по Т. Н. Высотской [Высотская, 1994, с. 110–111]. Известны экземпляры, изготовленные из золота, серебра и бронзы. Многочисленным находкам бронзовых браслетов этого типа из некрополей античных городов и поселений Северного Причерноморья, а также «позднескифских» и «сарматских» могильников посвящены многочисленные публикации [например, Арсеньева, 1970, с. 138–139; Корпусова, 1983, с. 57–59; Трейстер, 1983, с. 121–122, рис. 2]. Сходные по форме, но золотые браслеты известны по раскопкам богатых погребений Усть-Альминского некрополя I в. н. э. [Puzdrovskij, 2013].

Перстни

В могиле № 1 некрополя Лучистое-2 обнаружено большое количество перстней (22 шт.). По формальным признакам и технологии изготовления их можно подразделить на четыре основных типа.

I. Полые перстни с овальным щитком

Представлены двумя крупными изделиями, аналогичными по конструкции и использованным материалам (рис. 14: *7, 8*). Шинка одного из них (рис. 14: *7*) представляет собой подтреугольный в сечении тонкостенный пустотелый корпус из листового белого металла, расширяющийся к гнезду для вставки и переходящий в него (спаян из двух частей — внешней выпуклой и внутренней «плоской»). Корпус и нижняя часть гнезда заполнены довольно тяжелой бело-серой массой. Гнездо к верху расширяется. При сборке перстня вставка укладывалась на поверхность «наполнителя» и закреплялась путем «обжима» краями гнезда. Вставка отлита из темно-синего прозрачного стекла, овальная, в сечении полуовальная. Внутренний диаметр шинки — 1,89–1,99 см. Размер гнезда — примерно 1,41–1,53 х 2,17 см. Размер вставки — 0,48 х 1,52 х 1,76 см. Корпус местами разорван коррозией наполнителя. На вставке видны царапины от обжима краями гнезда. Второй экземпляр обнаружен в сильно фрагментированном виде (рис. 14: *8*). От него сохранилась внешняя выпуклая часть корпуса шинки с остатками наполнителя и вставка. Длина фрагмента корпуса — 6,4 см, ширина — 0,37–1,37 см. Размер вставки — 0,50 х 1,37 х 1,75 см.

Перстни в пустотелой оправе с широкой расширяющейся кверху шинкой известны в некрополях античных городов и варварского населения Северного Причерноморья с эпохи позднего эллинизма [Mordvinceva, Treister, 2007, Kat. A6.16 Taf. 78; Kat. A159.23 Taf. 33, Abb. 19]. Эта форма в целом типична для позднеэллинистического времени [Plantzos, 1999, p. 37], хотя встречается и в погребениях первых веков н.э. [Mordvinceva, Treister, 2007, S. 158–159]. Такие предметы являлись более дешевой версией изделий, шинка которых полностью отливалась из драгоценного металла. Золотые перстни со вставками из полудрагоценных камней с резными изображениями представлены, в основном, находками в некрополях боспорских городов [Максимова, 1957, с. 77–78]. Иногда встречаются они и в погребениях варварской знати на Нижнем Дону и в Юго-Западном Крыму, в частности в Усть-Альминском могильнике [Puzdrovskij, 2013, S. 318 Kat. VII.93]. Серебряные персти этого типа малоизвестны, возможно, из-за частого разрушения их вследствие окисления [см. напр. Новиченкова, 2002, с. 72, рис. 32: 10].

II. Перстни цельнометаллические с плавно расширяющейся к щитку шинкой

К данному типу относятся 5 бронзовых перстней со стеклянными вставками (рис. 14: *9*; 15: *1, 2, 3, 14*). По технологии изготовления они подразделяются на два варианта.

Вариант 1 объединяет три изделия, у которых шинки и гнезда для вставок монолитные. Кольца в сечении полуовальные, к гнездам расширяются. Переход к щиткам плавный. Вставки крепятся путем «обжима» краями гнезд и/или посредством светлой пасты на их дне. У одного из перстней вставка шаросегментовидная, литая из бесцветного прозрачного стекла. Внутренний диаметр шинки — 1,67 см. Диаметр видимой части вставки — 0,63–0,67 см (рис. 14: *9*). У второго вставка — литик из светлой синевато-зеленой стеклообразной пасты (практически полностью разрушена). Внутренний диаметр шинки — 1,41–1,63 см. Внешний размер гнезда — 0,83 х 1,10 см (рис. 15: *1*). У третьего вставка представляла собой, видимо, литик сложной формы из светло-кремовой блестящей стеклообразной (?) пасты. Судя по остаткам и отпечаткам, чуть больше половины линии его контура — полуовал, а контур второй половины образует угол величиной около 100°. Пространство между сторонами этой части вставки и гнездом заполнено плотной, «рыхлой» на изломе массой (припой?). Внутренний диаметр шинки — 1,92 см. Внешний размер гнезда — 1,10 х 1,30 см (рис. 15: *14*).

Вариант 2 представлен двумя перстнями с составными гнездами для вставок. Их шинки и верхние части гнезд, видимо, изготовлены из одной заготовки (на стенках гнезд виден «шов», т. е. они, возможно, состоят из двух половинок, соединенных «внахлест» и спаянных). Дно полостей гнезд образовано припаянными изнутри кольца пластинами. Кольца на большей части длины в сечении округлые, у гнезд — прямоугольные со скругленными боковыми сторонами (расклепаны). Внутренние диаметры шинок перстней соответственно 1,48–1,74 и 1,71–1,95 см. Внешние диаметры гнезд — 1,05 и 1,18 см. Вставки плоские, изготовлены из фрагментов стенок сосуда из темно-синего прозрачного стекла (рис. 15: *2, 3*). На внешней поверхности обеих вставок видны следы холодной обработки (прошлифованные полосы). На внутренней поверхности одной (рис. 15: *3*) — частые субпараллельные ряды мелких пузырьков (видимо, фрагмент принадлежал сосуду закрытой формы). Над краями гнезд вставки не возвышались, удерживались за счет их загнутых вовнутрь краев. Снизу они, вероятно, упирались в округлые пластинки, которые, возможно, были припаяны к внутренним частям стенок гнезд.

По форме подобные предметы близки изделиям предыдущего типа, известны по материалам раскопок некрополей римского времени в контекстах конца I – начала II вв. [Высотская, 1994, с. 114–115]. Особый случай — перстни варианта 2 (рис. 15: *2, 3*). Учитывая идентичность технологии их изготовления можно предполагать, что они выполнены одновременно, одним мастером. Вставки из стенок стеклянных сосудов (синего и розоватого цветов) зафиксированы на украшениях Усть-Альминского могильника [Mordvintseva, 2002]. Вероятно, такие вещи изготавливались в варварской среде местными ювелирами.

III. Перстни цельнометаллические с выделенным круглым или овальным щитком

В комплексе содержалось 6 таких перстней — бронзовых со стеклянными вставками (рис. 14: *10–13*; 15: *4, 15*). Шинки и гнезда для вставок, видимо, монолитные. Шинки в сечении полуовальные, к гнезду расширяются. Вставки у большинства изделий полусферические из полупрозрачного светлого стекла. У одного экземпляра — из стекла светлого зеленоватого глухого (?) цвета (практически полностью разрушена) (рис. 15: *15*). Размеры соответственно: внутренний диаметр шинки — от 1,50 до 1,88 см; внешний диаметр гнезда — от 0,70 до 0,89 см; высота гнезда — от 0,10 до 0,14 см.

Наиболее широко распространенный в Северном Причерноморье тип перстней [Высотская, 1994, с. 113–114]. Известны бронзовые и серебряные экземпляры. Датируются широко: I – III вв. н. э. [Труфанов, 2005–2009, с. 222].

IV. Перстни с пластинчатой шинкой и напаянным сложносоставным щитком

В могиле найдено 9 таких перстней, изготовленных из бронзы и белого металла (рис. 15: *5–13*; 16: *5*). Шинки — из узких пластин (в основном со скругленными краями) со сведенными концами. Щитки состоят из не менее чем трех элементов: гнездо (округлое, в сечении, видимо, подтрапециевидное, книзу вероятно слегка расширяется), образованное кольцеобразно изогнутой полуовальной в сечении пластиной, обычно соединенной «внахлест»; обжимающее его и припаянное к нему кольцо, чаще всего из округлой в сечении проволоки, соединенной «встык»; округлая, полуовальная или сегментовидная в сечении стеклянная вставка. По способу оформления гнезда и крепления вставки они подразделяется на два варианта.

Вариант 1. 5 бронзовых экземпляров. Вставки удерживаются за счет плотного обжима загнутыми вовнутрь гладкими краями гнезд. По особенностям монтажа шинки и щитка среди них выделяется три разновидности.

А) 2 шт., концы шинок слегка расклепаны, сведены «встык» и соединены посредством напаянной поверх них округлой пластины, на которую напаяны металлические части щитка. Вставки из коричневого (рис. 15: *5*; 16: *5*) и сиреневого (рис. 15: *6*) прозрачного стекла. Размеры соответственно: внутренний диаметр шинки — 1,69–1,99 и 1,70–1,79 см, общий диаметр щитка — 1,48–1,53 и 1,18–1,24 см.

Б) 1 шт., концы шинки сильно расклепаны в полуовальные площадки, сведены «встык» и соединены посредством припаянного сверху щитка. Вставка из темно-синего прозрачного стекла (рис. 15: *11*). Внутренний диаметр шинки — около 1,7 см. Общий диаметр щитка — около 1,20 см.

В) 2 шт., на концах шинок — овальные площадки (в одном случае — вырезанные, во втором — расклепанные), сведенные и спаянные внахлест. На верхнюю напаяны металлические элементы щитков. Вставки из темно-синего прозрачного стекла (рис. 15: *9, 10*). Размеры соответственно: внутренний диаметр шинки — 1,74–1,90 и 1,76–1,91 см, общий диаметр щитка — 1,12–1,18 и 1,17–1,19 см.

Вариант 2. Вставки удерживается зубцами края гнезда и, возможно, некой стеклообразной пастой или припоем.

Представлены бронзовый (рис. 15: *8*) и биметаллический (шинка изготовлена из белого металла, по внешней поверхности местами профилирована «разорванной» тисненой (?) бороздкой) (рис. 15: *7*) экземпляры. На концах шинок — полукруглые площадки (видимо вырезаны), сведенные «встык» и соединенные посредством припаянного сверху щитка. У бронзового изделия с внешней стороны одной из площадок — усечено-конический (?) в сечении выступ. Гнезда для вставок зубчатые по верхнему краю (орнамент «волчий зуб»), обжимающие их кольца — из подпрямоугольного в сечении дрота. Вставки из бесцветного и темно-синего прозрачного стекла. Размеры соответственно: внутренний диаметр шинки — 1,82–2,12 и 1,79–1,92 см, общий диаметр щитка — 1,39 х 1,42 и 1,34 см.

Вероятно, к этому же типу относятся и фрагменты перстней со вставками, гнезда которых не сохранились (рис. 15: *12, 13*).

Особенностью рассматриваемых перстней является их «конструктивность». Вставки, укрепленные в пластинчатых кастах, могли припаи-

ваться к ювелирным украшениям различных категорий — перстням, серьгам, брошам и пр. [см., например, Mordvinceva, Treister, 2007, Kat. A36.1, A39.2, A71.1, A159.8, A209.4, A221.1, A305a.1, B13.7–8; Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, Кат. 119, 227, 229, 464, 586]. Такие украшения найдены в основном в греческих и варварских некрополях Северного Причерноморья первых веков н. э. При этом обрамление «волчий зуб» в большей степени характерно для изделий позднеэллинистического времени.

Обращает на себя внимание парность многих перстней, обнаруженных в могиле: крупные серебряные полые, бронзовые со вставками из стенок стеклянных сосудов, со вставками в зубчатом обрамлении. Очевидно, состав перстней не случаен и специально подбирался при подготовке погребального костюма. На один палец одевались украшения разных типов, в том числе, видимо, и элементы разных пар (см. рис. 8–10: *35, 36*; 15: *1, 2*).

Бусы

В могиле обнаружено 215 бус не менее чем 27 типов (по Е. М. Алексеевой).

1. Бусина округло-ребристая из египетского фаянса бирюзового цвета. Фактура основы изделия плотная, светло-серая. Дольки асимметричные, ориентированы в одну сторону, в разрезе образуя «бегущую волну». Количество долек — 13. Диаметр — 1,78 см. Длина — 1,63 см (рис 19: *2*). По формальным признакам сопоставима с типом 16г бус из египетского фаянса. Большинство таких изделий датируют I – II вв. н. э. [Алексеева, 1975, с. 33–34].

2. Бусина фрагментированная из глухого или полупрозрачного бирюзового стекла с глазчатым орнаментом. Сохранились глазки (на одном из них — частицы основы). Они слоисто-щитковые, состоят из наслоенных друг на друга чередующихся трех глухих белых, двух полупрозрачных светло-коричневых (янтарных) и одного глухого темно-синего дисков (рис. 16: *7*; 21: *1*). Судя по профилю фрагментов, форма бусины поперечносжатая либо вытянутая бочковидная. Точно определить изделие сложно. Наиболее близок к нему тип 53в многоцветных бус. Такие встречены в контекстах IV в. до н. э. и второй половины I в. до н. э. – I в. н. э. [Алексеева, 1975, с. 65].

3. Бусина бочковидная из прозрачного желтого стекла (рис. 16: *8*; 21: *2*). Диаметры отверстия по краям разные. У меньшего — закраинка, края большего гладкие. Диаметр — около 1,09 см. Длина — 1,11 см. Примерно половина изделия утрачена. Может быть сопоставлено с типом 23 бус из одноцветного стекла. Такие артефакты встречены в комплексах второй половины I в. до н. э. – III в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 65].

4. Пронизь уплощенная из желтоватого прозрачного стекла (рис. 16: *9*; 21: *3*). Диаметр — 1,23 см. Длина — 0,43 см. Диаметр отверстия— около 0,3 см. По формальным признакам может быть сопоставлена с типом 32 бус из одноцветного стекла. Единственный учтенный в своде Е. М. Алексеевой датированный комплекс с таким изделием отнесен ко второй половине III в. н. э. [Алексеева, 1978, с. 66].

5. Бусы округлые из прозрачного грязно-бурого стекла. 3 шт. (рис. 16: *10, 11*; 21: *4, 5*). Структура ядра продольная. Диаметр — 0,41–0,51 см. Длина — 0,43–0,44 см. Такие изделия в своде Е. М. Алексеевой, видимо, не учтены. Наиболее близок к ним тип 19 бус из одноцветного стекла, характерный для I – II вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 65].

6. Бусы округлые из бесцветного (желтоватого) прозрачного стекла. 5 шт. (рис. 16: *12*; 21: *6*). Сохранившийся диаметр — 0,40–0,45 см. Длина — 0,42–0,51 см. Сопоставимы с типом 17 бус из одноцветного стекла, характерным для I – II вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 65].

7. Бусы округлые из прозрачного бесцветного стекла с внутренней позолотой. 2 шт. (рис. 16: *13*; 21: *7*). Диаметр — 0,63–0,64 см. Длина — 0,52–0,54 см. Сопоставимы с типом 1б бус с внутренней металлической прокладкой, характерным для первых веков н.э. [Алексеева, 1978, с. 29–30].

8. Пронизи длинные, цилиндрические, из прозрачного бесцветного стекла с внутренним золочением. 8 шт. (рис. 16: *14, 15*; 21: *8, 9*). Диаметр — 0,23–0,28 см. Длина — 1,48–2,09 см. Сопоставимы с типами 4 и 33 бус с внутренней металлической прокладкой, характерными в основном для эллинизма и I – II вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 30, 33].

9. Нерасчлененные столбики округлых бус из прозрачного желтоватого стекла. Количество бусин в одном столбике от 2 до 5. 13 шт. (рис. 16: *16, 17, 19*; 21: *10, 11, 13*). Диаметр — 0,31–0,36 см. Длина 0,65–1,77 см. Сопоставимы с типом 31 бус с внутренней металлической прокладкой, встреченным в комплексах I в. до н.э. – первой половины II в. н.э., но наиболее характерным для второй половины I в. н.э. [Алексеева, 1978, с. 33].

10. Нерасчлененные столбики цилиндрических бус из прозрачного желтоватого стекла. Количество бусин в одном столбике от 1 до 5. 11 шт. (рис. 16: *18*; 21: *12*). Диаметр — 0,29–

0,34 см. Длина — 0,4–1,80 см. Сопоставимы с типом 32 бус с внутренней металлической прокладкой, встреченным в комплексах римского времени, в основном I – II вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 33].

11. Бусина гагатовая, сложной формы: бочковидная, «поперечносжатая», отчасти усечено–коническая, отчасти биконическая (рис. 16: *20*; 21: *14*). Канал цилиндрический, однако других явных признаков двустороннего сверления не заметно. Края отверстий «деталями» не отмечены. Поверхность матовая, обстругана, а затем заполирована. Диаметр — около 0,60 см. Длина — 0,41 см. Видимо может быть сопоставлена с типом 9в бус из гагата, зафиксированным в контекстах I – II вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 12].

12. Бусы гагатовые, округлые, поперечносжатые. 2 шт. (рис. 16: *21, 22*; 21: *15, 16*). Канал отверстия сравнительно узкий, близок к цилиндрическому (других явных признаков двустороннего сверления не заметно). Края отверстий подтесаны с наклоном внутрь канала. Поверхность блестящая. Диаметр — 1,10 и 1,14–1,17 см. Длина — 0,70 и 0,73 см. Видимо могут быть сопоставлены с типом 2е бус из гагата, зафиксированным в контекстах I – III вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 10–11].

13. Бусина гагатовая, в целом округлая, поперечно-сжатая (рис. 16: *23*; 21: *17*). В деталях форма более сложная: у отверстий подграненая; с одной стороны искривленная (видимо изъян сырья). Контур одного из устьев отверстий выраженно подовальный. Канал неправильной формы, к центру, видимо, немного сужается. Сверление двустороннее. Поверхность блестящая. Диаметр — 1,12–1,26 см. Длина — 0,93 см. Видимо условно может быть сопоставлена с типом 2г бус из гагата, зафиксированным в контекстах I – II и, возможно, III вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 10–11].

14. Бусы сердоликовые, бочковидные, продольно-вытянутые. Канал отверстия узкий, усечено-конический. Сверление одностороннее. 10 шт. (рис. 16: *24–27, 29*; 21: *18–21, 23*). Диаметр — 0,51–0,55–0,63–0,67 см. Длина — 0,63–0,92 см. Сопоставимы с типом 3а сердоликовых бус, наиболее характерным для контекстов I – II вв. н. э. [Алексеева, 1982, с. 16].

15. Бусина сердоликовая, биконическая, продольно-вытянутая (рис. 16: *28*; 21: *22*). Канал отверстия узкий, усечено-конический. Сверление одностороннее. Разметочные бороздки у обоих устьев канала. Диаметр — 0,60–0,62 см. Длина — 0,78 см. У Е. М. Алексеевой такие не учтены.

16. Бусы сердоликовые, бочковидные, продольно-вытянутые. Канал отверстия узкий. Сверление двустороннее. Места его начала отмечены бороздками. 3 шт. (рис. 16: *30*; 21: *24*). Диаметр — 0,62–0,69–0,87 см. Длина — 0,88–1,21 см. Сопоставимы с типом 3б сердоликовых бус, характерным для контекстов эллинистического и римского времени [Алексеева, 1982, с. 16].

17. Бусы сердоликовые, округлые, поперечносжатые. Канал отверстия узкий, усечено-конический. Сверление одностороннее. 17 шт. (рис. 16: *31–34*; рис. 21: *25–28*). Диаметр — 0,74–0,78–1,07–1,09 см. Длина — 0,60–0,95 см. Сопоставимы с типом 2а сердоликовых бус, наиболее характерным для контекстов I – II вв. н.э. [Алексеева, 1982, с. 15].

18. Бусы сердоликовые, округлые, поперечносжатые. Канал отверстия широкий, усечено-конический. Сверление двустороннее. 2 шт. (рис. 16: *35, 36*; 21: *29, 30*). Диаметр — 1,40–1,41 и 1,27–1,30 см. Длина — 0,71 и 0,98 см. Сопоставимы с типом 2б сердоликовых бус, встреченном в контекстах I – II вв. н.э. [Алексеева, 1982, с. 15].

19. Фрагмент сердоликовой, округлой, поперечно-сжатой бусины (рис. 16: *37*; 21: *31*). Канал отверстия узкий. Сверление двустороннее. В месте «стыковки» — уступ. У обоих отверстий — следы бороздок. Диаметр — 1,01 см. Длина — 0,87 см. Сопоставима с типом 2в сердоликовых бус, встреченном в контекстах I в. до н.э. – I в. н. э. [Алексеева, 1982, с. 15].

20. Бусы из горного хрусталя округлые. Канал отверстий узкий. Сверление одностороннее. 47 шт. (рис. 16: *38–45*; 21: *32–39*). Диаметр — 0,81–0,87—1,38–1,39 см. Длина — 0,61–1,18 см. Сопоставимы с типом 2а бус из горного хрусталя, наиболее характерным для контекстов I – II вв. н. э. [Алексеева, 1982, с. 7].

21. Бусина из кварцита(?) округлая, поперечносжатая (рис. 16: *46*; 21: *40*). В качестве канала без дополнительной обработки (?) использована естественная жеода, частично заполненная кристаллами. Диаметр — около 0,88 см. Длина — 0,61 см. В своде Е. М. Алексеевой такие бусы не представлены.

22. Бусина янтарная короткоцилиндрическая (рис. 16: *49*; 21: *42*). Канал цилиндрический. Диаметр — 0,73–0,74 см. Длина — 0,41 см. Может быть сопоставлена с типом 7 янтарных бус, зафиксированном в контекстах IV в. до н.э. – IV в. н. э., в основном I – IV вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 24].

23. Уплощенные янтарные пронизи. 2 шт. (рис. 16: 50; рис. 21: 44). Канал цилиндрический. Диаметр — 0,92 и 1,30–1,32 см. Длина — 0,38 и 0,49 см. Сопоставимы с типом 5 янтарных бус, наиболее характерным для контекстов I – III вв. н. э. [Алексеева, 1978, с. 24, табл. 23: 32, 33].

24. Бусина янтарная, усечено-биконическая, поперечно-сжатая. Канал цилиндрический. Диаметр — 1,02 см. Длина — 0,43 см. Сопоставима с типом 13 янтарных бус, зафиксированным в контекстах I – IV вв. н.э., среди которых преобладают объекты III – IV вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 24].

25. Бусы янтарные бочковидные, поперечно-сжатые. Канал цилиндрический. 2 шт. (рис. 16: *48*; 21: *43, 50*). Диаметр — 1,14 и 1,58–1,60 см. Длина — 0,77 и 0,81 см. Сопоставимы с типом 5 янтарных бус, наиболее характерным для контекстов I – III вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 24].

26. Бусы янтарные, неправильной формы. 71 шт. (рис. 16: *52–56*; 19: *3–7*; 21: *46–49, 51–63*). Среди них представлены подграненые, близкие к усечено-пирамидальной форме, округлые, каплевидные, уплощенно-конические, уплощенно-пирамидальные, уплощенно-овалоидные, уплощенно-каплевидные. Длина — 0,76–3,03 см. Размер поперечного сечения — 0,39x0,75–1,66x2,72 см. Сопоставимы с типом 44 янтарных бус, наиболее характерным для контекстов I – II вв. н. э. и особенно рубежа этих веков [Алексеева, 1978, с. 25–26, табл. 24: 34, 37, 39].

27. Бусина янтарная усечено-конической (?) формы (рис. 16: *47*; 21: *41*). Канал цилиндрический (?). Диаметр — 0,88 см. Сохранившаяся длина — 0,43 см. Сопоставима с типом 10 янтарных бус, встреченным в контекстах второй половины II – III вв. н.э. [Алексеева, 1978, с. 24].

В целом в наборе заметно преобладают изделия из полудрагоценных камней (около 75 %). Среди сердоликовых бус наиболее широко представлены формы, характерные для I – II вв. н. э. [см. Алексеева, 1982, с. 14]. На этот же период приходится пик распространения особенно многочисленных в могиле № 1 хрустальных [см. Алексеева, 1982, с. 7] и янтарных бус неправильной формы типа 44 [см. Алексеева, 1978, с. 22]. По составу комплекс выделяется среди наборов, встречающихся в других женских погребениях Крыма первых веков н.э. Прежде всего, это касается количества бус из горного хрусталя (47 шт.), составляющих 21,9% от общего количества. Е. М. Алексеевой было учтено всего 207 экземпляров бус из этого материала, найденных в Северном Причерноморье, среди которых 107 относятся к тому же типу (2а), что и публикуемые. Отмечена редкость подобных украшений [Алексеева, 1982, с. 6–7]. При этом в работе Е. М. Алексеевой использованы материалы лишь двух варварских некрополей Крыма — Беляусского и Совхоза 10. В последнем бусы из горного хрусталя составляют 0,33 % [Высотская, Рыжова, 1999, с. 127–128]. Близкие статистические показатели (в пределах 1 % от общего количества бус) выявлены и по материалам других «позднескифских» некрополей, доступных для анализа: в могильнике Бельбек IV — 0,15 % [Столярова, 2001, табл. 1], в Скалистом III — 0,83 % [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 143]. Схожая ситуация фиксируется и в некрополях римского времени на Боспоре и его периферии. В Ново-Отрадном бусы из горного хрусталя составляют 0,8 % рАлексеева, 1970, с. 164–165], в Цемдолинском — 1,08 % [Довгалюк, 2008, с. 188, табл. 23], в некрополе Южная Озерейка — 0,1 % [Колпакова, 1999, табл. 1].

Почти во всех случаях в погребениях обнаружено от 1 до 3 бусин из этого материала. В памятниках Позднескифской археологической культуры удалось выявить единственный набор, сопоставимый с публикуемым — в погребении 5 некрополя Заветное, где зафиксировано ожерелье, состоявшее из 33 хрустальных и 24 сердоликовых бусин [Богданова, 1989, с. 44]. Комплекс датируется 2 пол. I в. н.э. [Kühnelt, 2008, S. 260, № 337]. Еще один близкий набор, образованный 15 бусинами из горного хрусталя и 34 сердоликовыми, происходит из могилы 43 некрополя Золотое, относящейся к II – I вв. до н.э. [Корпусова, 1983, с. 102]. Примечательно, что эти бусы, как и в могиле №1 Лучистого-2, располагались в области черепа и, очевидно, служили украшением головного убора. Таким образом, набор бус из горного хрусталя в исследованном комплексе является одним из наиболее крупных среди учтенных в Северном Причерноморье. Важно отметить, что большое количество бус из этого камня (70 шт.) обнаружено в святилище у перевала Гурзуфское Седло [Новиченкова, 2002, с. 77].

В варварских захоронениях римского времени в Центральной Европе находки бус из горного хрусталя единичны [Tempelmann-Maczynska, 1985, S. 89–90], что, вероятно, подтверждает гипотезу о восточном (индийском) происхождении этих изделий [Довгалюк, 2008, с. 224]. Также не характерны для погребений Центральной Европы и Прибалтики янтарные бусы неправильной формы, изготовленные из подправленной янтарной гальки (тип 44), встречающиеся в большом коли-

честве в Северном Причерноморье [Алексеева, 1978, с. 25–26]. Вероятно, такие бусы производились в местных мастерских из сырья, поступавшего из ближайших месторождений, например, с территории современных Украины и Белоруссии [см. Савкевич, Шакс, 1970, с. 267].

4. Орудия труда

В комплексе найден железный нож с костяной (?) рукоятью в кожаных (?) ножнах с бронзовыми оконцевателем и обоймой с петлей для подвешивания, украшенных бронзовыми сферосегментовидными бляшками (рис. 19: *8*; 20: *2*) и, возможно, расшитых нерасчлененными столбиками округлых и цилиндрических бус, а также длинными цилиндрическими пронизями из прозрачного бесцветного стекла с внутренним золочением. Ножны крепились на кожаном (?) ремне. По крайней мере часть бляшек располагалась с обеих сторон ножен по периметру. Нож, видимо, входил в ножны вместе с рукоятью.

Нож (рис. 19: *8C*; 20: *2B*). Клинок к острию сужается. Кончик обломан. Спинка прямая, лезвие прямое, с дуговидным завершением к острию. Сечение подтреугольное. Пятка клинка сужается к черенку. Черенок, подпрямоугольный в сечении, сужается к окончанию. Длина клинка — 11,5 см, толщина — 0,6 см. На черенке и внутренней поверхности ножен сохранились остатки материала (светлый, слоистый — кость?), из которого была изготовлена рукоять. Она, видимо, была монолитная, с глубокой выемкой под черенок, длиной не менее 4 см, в сечении подпрямоугольная, размером примерно 0,80 х 2,40 см.

Остатки ножен и ремня (рис. 19: *8A,B,E*; 20: *2B,C*). Сохранились на верхней части черенка ножа. Форма ножен не ясна. Они, вероятно, были изготовлены из тонкой кожи (её толщина, реконструируемая по расстоянию между низом орнаментальных бляшек и изгибом «усиков» для их крепления — 0,15 см). Сохранившаяся часть ремня петлеобразно обернута вокруг ножен. Длина их сохранившейся части — 4,8 см, ширина — 1,7 см. Общая реконструируемая длина (без петли для крепления) — не менее 15,5 см. Длина сохранившейся части ремня — 3,5 см, ширина — 1,5 см, толщина — 0,2 (?) см.

Оковка устья ножен изготовлена из согнутой вдвое тонкой пластины. В месте стыка она и край вставленных в нее ножен соединены с перпендикулярно («вверх») направленной петлей. Петля из округло-овального в сечении дрота с раскованными концами, в которых пробиты отверстия для штифта, служившего для крепления к оковке. Её реконструируемая длина — 3,2 см. Длина петли — 2,3 см.

Оконцеватель ножен трапециевидной формы, выполнен из согнутой бронзовой пластины, с продольным швом с тыльной стороны. Длина — 3 см.

Бляшки из тонкого листового металла (рис. 19: *8D*; 20: *2A*). Крепились к кожаной основе при помощи двух пластинчатых «усиков», припаянных к каждой бляшке с внутренней стороны и зафиксированных посредством пастообразной (?) массы серого цвета. Цементирующий состав заполнял весь объем тыльной стороны бляшек, местами выступал за его пределы, плотно примыкал к коже ножен, возможно «заливался» непосредственно в процессе монтажа бляшек на ножны. Бляшек с «усиками» учтено 41 шт. Их диаметр — 0,64–0,74 см.

Оконцеватели ножен, подобные обнаруженному в могиле №1 некрополя Лучистое-2, известны, в основном, по раскопкам «позднескифских» могильников Крыма [Сымонович, 1983, с. 95; Дашевская, 1991, с. 36; Зайцев, 1999, с. 137, сноска 59; Зайцев, 2011, с. 591 рис. 2: 27–37], святилищ Гурзуфское Седло и Туар-Алан [Новиченкова, 2002, рис. 28: 13; Гаврилов, Труфанов, 2014, рис. 24: 1–6; 25: 1, 2]. Находили их также в комплексах Северного Предкавказья [Абрамова, 1993, с. 77, 78] и Молдавии [Смирнова, Мегей, 2000, рис. 5: 36, рис. 7: 55]. Дата — преимущественно II – I вв. до н.э. [Зайцев, Мордвинцева, 2003а, с. 148–149]. Аналогичные детали обнаружены в синхронных дакийских погребениях [Котигорошко, 2009, рис. 14: 1], причем, изделия такой же формы, но большего размера, служили оконцевателями ножен дакийских однолезвийных мечей — сик [Котигорошко, 2009, рис. 24: 7; Sîrbu, Luca, Roman, 2007 fig. 8, 8e]. Однотипный наконечник ножен происходит из воинского погребения рубежа эр дружинного некрополя Мутин в Сумской области Украины, имеющего «западное» германское происхождение [Terpilovskiy, Zharov, 2013, fig. 3: 5].

Бронзовые бляшки, украшавшие ножны, характерны для погребальных контекстов II – I вв. до н. э. Обычно подобные бляшки находят среди остатков кожаных изделий, при этом на них отсутствуют отверстия для крепления. Основной ареал их распространения — Прикубанье и Северный Кавказ [Керефов, 1985, рис. 10: 28/5; 11: 42/12; 15: 17/18; Марченко, 1996, рис. 60: 12; 85: 4; 97: 12; 107: 8; 109: 7]. Кроме того, они обнаружены в мавзолее Неаполя скифского, в мужских погребениях нижнего яруса (саркофаги I и II) [Погребова,

1961, рис. 8: 7, 10: V], а также в погребении 1 кургана 31 у с. Виноградное Токмакского района Запорожской области, где такие украшения были найдены у правого бедра воина [Симоненко, 1994, с. 36, рис. 32: 1]. Бронзовыми бляшками было украшено некое вместилище (сумочка?) в элитном женском погребении Ногайчинского кургана [Зайцев, Мордвинцева, 2003б, с. 80, рис. 12; Зайцев, Мордвинцева, 2007, с. 341–342].

Таким образом, все декоративные элементы ножен датируются позднеэллинистическим временем. Они найдены, в основном, в мужских, а в исключительных случаях — в женских погребениях варварской элиты.

5. Экстраутилитарные предметы

Серебряный флакон

Флакон из тонколистового белого металла (снаружи, возможно, позолочен). Состоит из трех частей: емкости, крышки и запорного устройства. Тулово предположительно усеченно-каплевидной формы (кверху сужается). Дно округлое. Под венчиком — рельефный «тисненый» выступ полукруглого профиля, образующий «закраину» для крышки. Край венчика не выделен. Между ним и закраиной — две пары диаметрально противопоставленных по субперпендикулярным осям отверстий (приемные для запорного устройства, пробиты довольно небрежно, снаружи, заусенцы не обработаны). Крышка усеченно-коническая, упиралась в «закраину». Край не выделен. Между ним и верхом крышки — расположенные рядом два отверстия (приемные для запорного устройства). Одно из них «аккуратное» (практически идеально круглое, заусенцы по краям заклепаны и зашлифованы) и, видимо, было пробито в процессе производства изделия. Второе не вполне «правильной» формы, пробито с внешней стороны, заусенцы не обработаны (видимо появилось позже, возможно в процессе ремонта сосуда). На верхней части крышки видны остатки припоя — крепления некоего утраченного элемента (петли для подвешивания?). Запорное устройство представляет собой тонкую бронзовую проволоку. Ко времени находки флакон находился в положении «закрыто»: крышка была «на месте», запорное устройство — внутри сосуда, концами в приемных отверстиях (на крышке — в «позднем»). Емкостная часть флакона богато декорирована чеканкой и тиснением снаружи. Выступ под венчиком украшен косыми насечками. Ниже — ряд несомкнутых ов. Центр изделия покрыт орнаментом из трех сплошных субпараллельных волнистых линий, от верхней и нижней отходят соответственно вверх и вниз завитки («бегущая волна», ориентирована вправо). Выше и ниже этого пояса — субгоризонтальные (слегка огибающие завитки) ряды пунсонных точек. Особый орнаментальный пояс, отделенный от тулова двумя субпараллельными линиями, образует днище. Его заполняет схематичное изображение цветка: круг в центре, пять исходящих из него лепестков и расположенные между ними «тычинки» на длинных нитях, увенчанные стилизованными «пыльниками» в виде треугольников (ориентированы основаниями к центру цветка), выполненных пунсонными точками[22]. Высота флакона — около 3,4 см. Диаметр — около 2,8 см. Диаметры крышки — 1,00–1,23 см. Высота — 0,42–0,44 см.

Исходя из того, что вблизи флакона зафиксировано значительное количество органического тлена, нельзя исключать того, что он изначально располагался во вместилище из органического материала. В связи с этим возможно, что обнаруженные здесь же бронзовые шаросегментовидные бляшки из тонкого листового металла представляют собой элементы декора этого вместилища. По форме и, видимо, способу крепления они подобны фурнитуре, украшавшей ножны ножа (рис. 19: *8*; 20: *2*). Учтено 3 бляшки. Их диаметр — 0,70 см. Сохранившаяся высота — 0,17–0,19 см.

Флаконы-подвески, изготовленные из золота и серебра, появились в Северном Причерноморье еще в позднеэллинистическую эпоху [Зайцев, Мордвинцева, 2003б, с. 93], а широкое распространение получили в первые века н.э. Обычно такие сосуды снабжены пластинчатыми петлями на тулове и крышках для продевания шнура, при помощи которого флаконы подвешивались на шее. Некоторые подвешиваются через совмещающиеся сквозные отверстия на горле и крышке флакона [Mordvinceva, Treister, 2007, Kat. Nr. A27.1 Taf. 23]. К. М. Скалон выделила пять групп таких изделий [Скалон, 1961]. Большинство экземпляров она датировала II – III вв. н. э. и предположила их изготовление в мастерских Боспора и Иберии [Скалон, 1961, с. 138–139]. Проделанный М. Ю. Трейстером анализ погребальных комплексов, из которых происходят флаконы-

[22] Веночек цветка актиноморфный (полисимметричный), раздельнолепестковый. Лепестки коготковые. Тычинковые нити простые. По формальным признакам это цветок какого-то однодомного (?) двудольного растения [см. Хржановський, Пономаренко, 1985, с. 112–114, 116, 232–233].

подвески первых трех типов по классификации Скалон, позволил датировать их в пределах второй половины I – первой половины II в. н.э. [Treister, 2004, p. 143–144]. В отдельных случаях флаконы обнаружены завернутыми в ткань и вложенными в коробочку из луба [Городцов, 1907, с. 254, рис. 62]. Все флаконы найдены в женских погребениях варварской элиты, локализованных в Прикубанье и Приазовье.

По особенностям орнаментации и технике изготовления флакон из Лучистого отличается от прочих известных экземпляров. Он относится к «Причерноморскому графическому» стилю, наиболее характерными элементами которого являются «овы», штампованные пунсоном-полутрубочкой, и валик с косыми насечками [Mordvinceva, 2001, S. 37]. Большая часть изделий этого стиля относится к категории фаларов конской упряжи и обнаружена в степном Поднепровье, Подонье и на Кубани. Комплексы с этими предметами датируется в пределах II – I вв. до н.э. Иные категории вещей Причерноморского графического стиля до сих пор были представлены только поясной пластиной, обнаруженной в кургане у хутора Водный на кубанском Правобережье в контексте I в. н. э. [Мордвинцева, Хачатурова, Юрченко, 2010, Кат. 61]. Показательно украшение вместилища, в котором предположительно находился флакон, бронзовыми бляшками, аналогичными тем, которыми декорированы ножны ножа (рис. 19: *8D*; 20: *2A*), что позволяет синхронизировать время их изготовления и использования — II – I вв. до н.э.

Зеркало

Зеркало литое, дисковидное, из белого металла. Рабочая поверхность изделия слегка выпуклая, заполирована. Оборотная сторона слегка вогнута, дополнительно не обработана. Гурт скошен наружу, не обработан. Диаметр диска — 7,81–8,16 см, толщина — 0,08–0,12 см. Такие зеркала относятся к типу VI по А. М. Хазанову [Хазанов, 1963, с. 8], типу 1 отдела I по М. Г. Мошковой [Мошкова, 1963, табл. 27], типу I.1 по А. С. Скрипкину [Скрипкин, 1990, с. 93, рис. 34, 44]. В целом они датируются от III – II вв. до н.э. до нач. II в. н. э. [см. Труфанов, 2005–2009, с. 254].

Хронологическая атрибуция

Наиболее ранние из перечисленных вещей — ножны и серебряный флакон. Верхняя граница хронологической позиции таких предметов не выходит за рамки первой половины I в. н. э. Однако одновременное бытование абсолютного большинства артефактов из могилы № 1 наиболее вероятно на рубеже I – II вв. н. э. Этим периодом, видимо, и следует датировать комплекс. Его можно считать занимающим промежуточное положение между группами 3 и 4 погребений системы хронологии Позднескифской археологической культуры, время формирования которых относят соответственно к последней трети I [см. Труфанов, 2005–2009, с. 277–278, 292, рис. 102а] и первой половине II вв. н.э. [см. Труфанов, 2005–2009, с. 292–293, рис. 102а][23]. Наличие «запаздывающих» вещей, возможно, объясняется принадлежностью его к женской субкультуре, архаичной в сравнении с мужской. Такое явление в целом присуще погребальному обряду варварского мира [Бажан, Еременко, 1992, с. 15–16][24]. В рассматриваемом случае, например, не исключено, что флакон и нож в ножнах, сходные по элементам декора вместилищ, образуют «гарнитур» и получены погребенной «в наследство». В целом эти обстоятельства, видимо, свидетельствуют о том, что костюм, остатки которого изучены в могиле № 1 некрополя Лучистое-2, мог формироваться в течение длительного времени.

Социальный статус погребенной в могиле № 1

Рассматриваемая гробница — пока единственный полноценно документированный погребаль-

[23] Такая датировка несколько не соответствует разработанной недавно (2007 г.) на репрезентативном фактическом материале системе хронологии могильников Позднескифской археологической культуры, так как в рассматриваемом комплексе обнаружены крупные бронзовые фибулы со слабо выраженной кнопкой, наиболее ранние из которых согласно упомянутой системе зафиксированы в поздних контекстах погребений группы 4 (примерно рубеж певой и второй третей II в.) [см. Труфанов, 2005–2009, с. 199, 293, рис. 102а: Хр-66]. Поскольку гомогенность комплекса могилы № 1 некрополя Лучистое-2 сомнений не вызывает, объяснить это явление сложно. Возможно, застежки этого типа в небольшом количестве появились в Таврике еще в начале II в. н.э.

[24] Например, использование «запаздывающих» деформированных элементов римского военного снаряжения в качестве украшений детского и женского костюма известно по материалам исследования некрополей Крыма римского времени. Подобные случаи отмечены, в частности, в комплексах Позднескифской археологической культуры [Костромичев, Масякин, 2004, с. 196–197; Масякин, 2012, с. 167–171].

ный комплекс «раннеримского» времени некрополя Лучистое-2 и Южной части Горного Крыма в целом. В связи с этим сложно оценить все аспекты социального статуса захороненного в ней индивидуума. Однако высокая информативность этого объекта позволяет, путем сравнения материалов его изучения с данными по различным синхронным комплексам, исследованным за пределами Южной Таврики, осуществить количественный и качественный анализ погребального инвентаря из могилы № 1 и сделать некоторые общие выводы о возможной социальной роли погребенной в ней женщины.

В сравнении с большинством женских захоронений Крыма соответствующего хронологического пласта, могила № 1 из Лучистого-2 выделяется обилием и разнообразием инвентаря, что позволяет определить ее ранг как более высокий, чем «средний». Как правило, археологическими признаками погребений высокого социального статуса могут выступать: а) необычная локация и конструкция могилы; б) наличие специфических категорий погребального инвентаря — инсигний, предметов из драгоценных металлов, импортных изделий, редких и необычных артефактов; в) избыточное количество предметов одной категории.

Ввиду недостаточной изученности могильника Лучистое-2, сведения об особенностях местоположения в его структуре исследованной гробницы отсутствуют. По той же причине нет возможности объективно оценить относительную сложность конструкции этого погребального сооружения в сравнении с другими объектами некрополя. В то же время набор инвентаря могилы № 1 достаточно показателен — в его составе зафиксированы специфические категории предметов и избыточное количество вещей одной категории.

В комплексе отсутствуют известные по письменным и изобразительным источникам инсигнии — знаки отличия определенного социального слоя. Однако можно предполагать, что к таковым относится деревянный предмет (жезл?), располагавшийся вплотную к левому боку погребенной, между плечом и кистью. Кроме того, среди инвентаря представлены художественные изделия из бронзы и серебра (фибула-брошь с изображением Артемиды, флакон-подвеска), которые известны по женским погребальным наборам высокого социального ранга. Обнаруженный в могиле нож в ножнах, декорированных бронзовыми бляшками, является элементом мужской субкультуры. Его находка в женском комплексе также указывает на неординарность социального статуса погребенной. Элитные женские захоронения с такими предметами локализуются, в основном, в Прикубанье и Приазовье. Экстраординарным для женских погребений Крыма является и набор бус, среди которых высокий процент составляют хрустальные.

Признаком особого, относительно высокого социального статуса является также Überausstattung — наличие избыточного количества предметов определенных категорий погребального инвентаря [Hansen, 2002], в данном случае перстней и фибул. Подобная ситуация зафиксирована также в некоторых женских погребениях других крымских могильников, например у с. Заветное [Богданова, 1989, с. 37, 41–42], Скалистое III [Богданова, Гущина, Лобода, 1976, с. 143–144, рис. 6: 47–116; 7: 55–89] и Золотое [Корпусова, 1983, с. 64, 66, 111, табл. X]. При этом в захоронении у с. Лучистое они представлены еще большим количеством экземпляров и/или типов. За пределами Крымского полуострова такой признак не отмечен. Видимо, это локальное проявление демонстрации высокого социального статуса.

В отсутствие сведений о погребальном обряде всего могильника Лучистое-2 сложно определить сферу деятельности (производственная, управленческая, идеологическая [см. Куббель, 1986, с. 190], в рамках которой сформировался и реализовался социальный статус погребенной в могиле № 1 женщины. В то же время не исключено, что сочетание вещей, по крайней мере часть которых может быть отнесена к разряду «ритуального инвентаря» (деревянный жезл, зеркало, фибула-брошь с изображением Артемиды у алтаря, архаичные флакон-подвеска (возможно с человеческими зубами) и очевидно не связанный с заупокойной пищей нож в ножнах) свидетельствует об исполнении ею при жизни жреческих функций [ср. Пуздровский, 2011, с. 288].

Культурная атрибуция некрополя Лучистое-2

Информация, полученная в результате изучения подъемного материала и могилы № 1 некрополя Лучистое-2, содержит следующие признаки, которые могут корректно использоваться при культурной атрибуции археологических объектов: особенности погребального обряда, женский этнографический погребальный костюм (в целом и отдельные его элементы), а также место-

положение и хронологическая позиция могильника.

Полные аналогии конструкции исследованной гробницы среди известных синхронных крымских древностей пока не обнаружены. В целом, она может быть сопоставлена с некоторыми структурами, встречающимися на некрополях, оставленных, видимо, в основном оседлым населением полуострова римского времени — например, с грунтовыми прямоугольными ямами[25] погребальных сооружений «сельских» могильников Юго-Западного Крыма, большинство из которых соотносят с Позднескифской археологической культурой [Богданова, 1982, с. 31–32], либо с грунтовыми могилами с каменной обкладкой стен и перекрытием из некрополя Золотое на территории Боспорского государства [Корпусова, 1983, с. 17–19].

Костюм погребенной в могиле № 1 отражает её вовлеченность в несколько «кругов моды» различного масштаба. К наиболее узкому кругу относятся, видимо, особым образом оформленные серебряные серьги, ареал распространения которых не выходит пока за пределы центра Южной части Горного Крыма. Довольно специфично и использование в сложном нагрудном украшении набора из трех небольших серебряных подвесок-лунниц, отмеченное в комплексах юго-запада Предгорий (в некрополях Позднескифской археологической культуры) и центра Южной части Горного Крыма. Для Предгорного Крыма и запада Европейского Боспора характерно наличие в погребальной одежде браслетов со змеевидными окончаниями, сравнительно многочисленных фибул и перстней [см., например: Зайцев и др., 2007], а также комбинирование достаточно большого количества хрустальных и сердоликовых бус, в частности в отделке головных уборов. Для населения этой территории, а также восточной части Северного Причерноморья (Северный Кавказ / Прикубанье) рубежа I – II вв. н.э. присуще эпизодическое использование в женском костюме сходных с обнаруженными в могиле № 1 лунниц. В этом же регионе в предшествующий хронологический период зафиксировано декорирование кожаных изделий бронзовыми бляшками и орнаментация предметов торевтики в Причерноморском графическом стиле. Браслеты с шишечками на концах и утолщенными окончаниями, гончарные краснолаковые кубки и дисковидные небольшого/среднего размера зеркала встречаются в погребениях на территории всего Северного Причерноморья и за его пределами.

Исходя из местоположения и хронологической позиции могильника можно констатировать, что он располагался в «Таврике» (в «узком» смысле) — между полисом Херсонес и Боспорским государством, у юго-восточной границы известной части ареала Позднескифской археологической культуры [Лысенко, 2012, с. 86–91; Лысенко, 2014, с. 107]. Явных и достаточных признаков «цивилизации» и «государства» [см. Крадин, 2012] при его изучении пока не зафиксировано, в связи с чем предварительно можно предполагать, что некрополь оставлен «варварским» «безгосударственным» социумом. Возможно, некоторые из его членов были носителями Позднескифской археологической культуры, инкорпорированными в сферу культурного влияния Боспорского государства. Судя по наличию в комплексе могилы № 1 специфических предметов инвентаря, известных в погребальной традиции Прикубанья / Северного Кавказа, Боспорское царство, видимо, выступало по отношению к социумам, расположенным на его восточной (Прикубанье / Северный Кавказ) и западной (Таврика) периферии, в качестве своеобразной контактной зоны [см. Ulf, 2009, p. 92], через и посредством которой осуществлялся трансфер групп населения, идей и предметов материальной культуры.

Сопоставление данных археологии с информацией письменных источников делает вероятным предположение, что некрополь использовало население, в античной нарративной традиции фигурировавшее как «скифо-тавры» [Plin. NH. IV, 85–86; Arr. PPE. 30]. Другие соотносимые с ними известные археологические объекты представлены святилищами Гурзуфское Седло [Новиченкова, 2002] и Эклизи-Бурун [Lysenko, 2013] «раннеримского» времени, среди вотивов которых обнаружены аналогии многим артефактам из могилы № 1. Материалы изучения этих памятников указывают на выраженный военный характер святилищ и позволяют сделать заключение, что их адепты происходили из более или менее оседлых социумов с племенной организацией и представляли собой

[25] При изучении некоторых из них зафиксированы выступающие за контур могилы прямоугольные каменные вымостки, в какой-то мере сходные с вымосткой над могилой № 1 некрополя Лучистое-2.

достаточно эффективную военную силу (профессиональные воины-грабители), независимую от Римской империи, других античных государств и относительно развитых (сложных) «варварских» политий [Lysenko, Masyakin, in print]. Один из этих объектов (Эклизи-Бурун) находится в 9,5 км к западу от могильника Лучистое-2, в прямой видимости от него (рис. 1: *2*). Это обстоятельство позволяет считать высокой вероятность того, что люди, использовавшие некрополь Лучистое-2, совершали жертвоприношения на святилище Эклизи-Бурун раннеримского времени[26].

Abstract

Lysenko, V. Masyakin, V. Mordvintseva

GRAVE 1 OF THE NECROPOLIS LUCHISTOE-2 OF THE ROMAN PERIOD (THE SOTHERN CRIMEA)

There are published results of study of the grave 1 excavated in the necropolis of Luchistoe-2, which is yet the only known archaeological site of the Southern Crimea with burial structures of the Early Roman period. As a result there is proposed a general idea about the size and chronological position of the necropolis, as well as about the funeral ceremony, ethnographic costume, and cultural connections of the society using the burial ground. There was established that the published grave contained a burial of a woman of a high social status (probably, a priestess), which was committed at the late 1st or early 2nd century AD. The analysis of the archaeological material in comparison with the information about location of the necropolis and the data of contemporary epigraphic documents and ancient narrative tradition, leads to the conclusion that the burial ground was located in 'Taurica' — the territory between the Greek polis of Chersonesos and the Bosporan kingdom. It was used by the population, which was named in written sources as Scytho-Taurians [Plin. NH. IV, 85–86; Arr. PPE. 30]. Evidently, these peoples were bearers of the so-called Late Scythian archaeological culture, and were incorporated in the sphere of cultural influence of the Bosporan state. This information can be used in further reconstructions of the ethno-political situation in the Crimea in Roman times.

Key words: Southern Crimea, necropolis of Luchistoe-2, Early Roman period, ethno-political situation.

[26] Примечательно, что судя по рассказу Павсания [Paus., VII, 18, 7], совершавшиеся в римское время в городе Патры в рамках праздника в честь Артемиды Лафрии (статуя которой, возможно, является прототипом изображения на броши из могилы № 1) ежегодные жертвоприношения по форме основных этапов в какой-то мере схожи с реконструируемыми по археологическим материалам элементами варианта комплекса ритуальных действий, практиковавшегося на святилище раннеримского времени у перевала Гурзуфское Седло (нивелировка площадки, установка столбов по её периметру, массовое сожжение домашних и диких животных) [см. Лысенко, 2005–2009, с. 378–381, 390]. Видимо, сведения о культе Артемиды Лафрии и, возможно, других подобных культах [см. Новиченкова, 2002, с. 173–174], были достаточно широко распространены в античном мире. Сложно оценить степень доступности этой информации для варваров Южной Таврики и, соответственно, возможность и существенность её влияния на их ритуальную культуру. В то же время для цивилизованных носителей античной культуры, интересовавшихся соседними политически субъектными варварскими социумами и, скорее всего, осведомленных о характерных особенностях нагорных святилищ скифо-тавров, соответствие этих данных греческой ритуальной практике, вероятно, помимо прочего, служило дополнительным основанием к формированию представлений о населении Таврики в контексте греческой мифологии, в ключе, заданном нарративной традицией еще со времен Геродота [см. Лысенко, 2014, с. 104–105, 116–117].

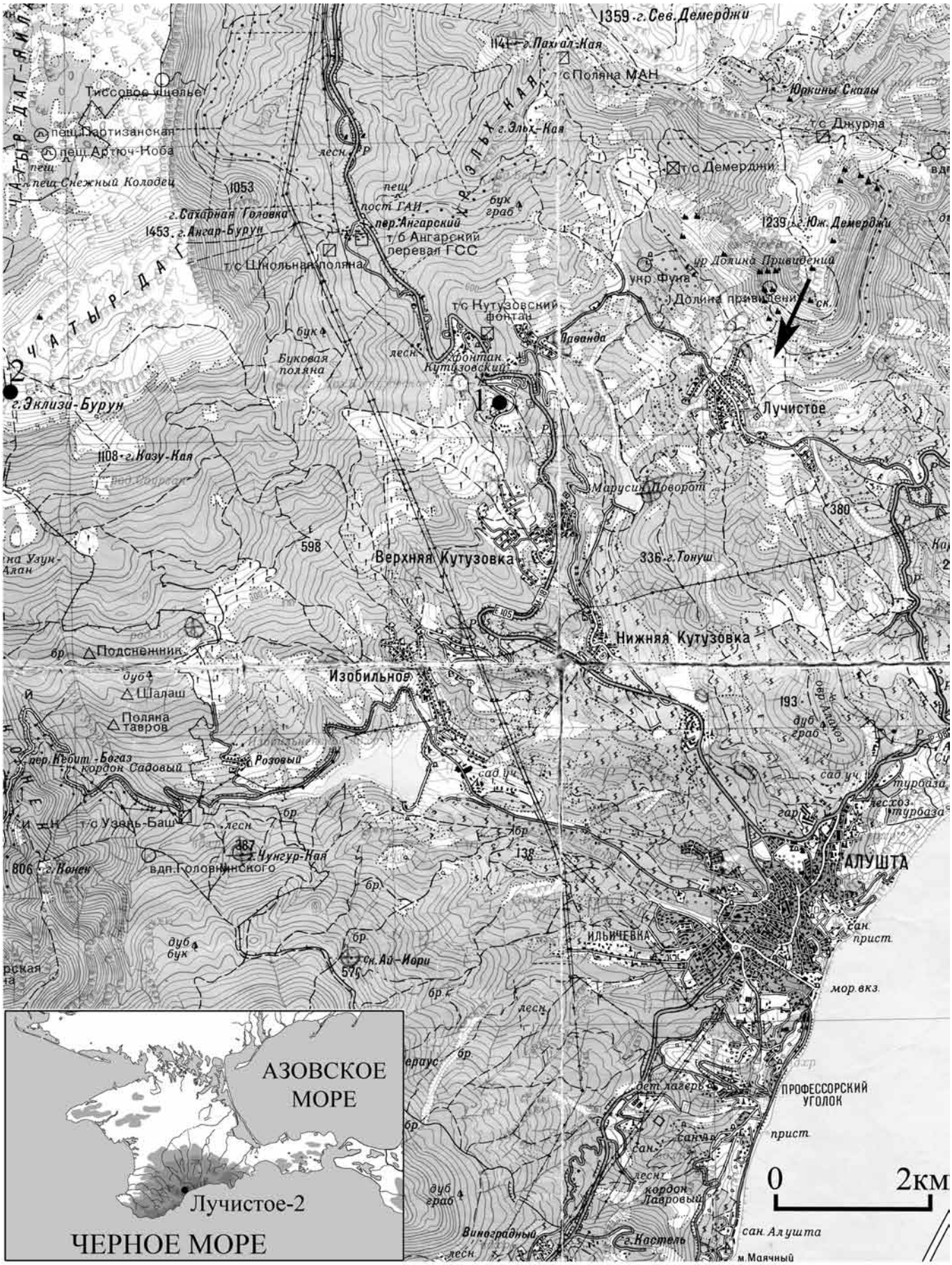
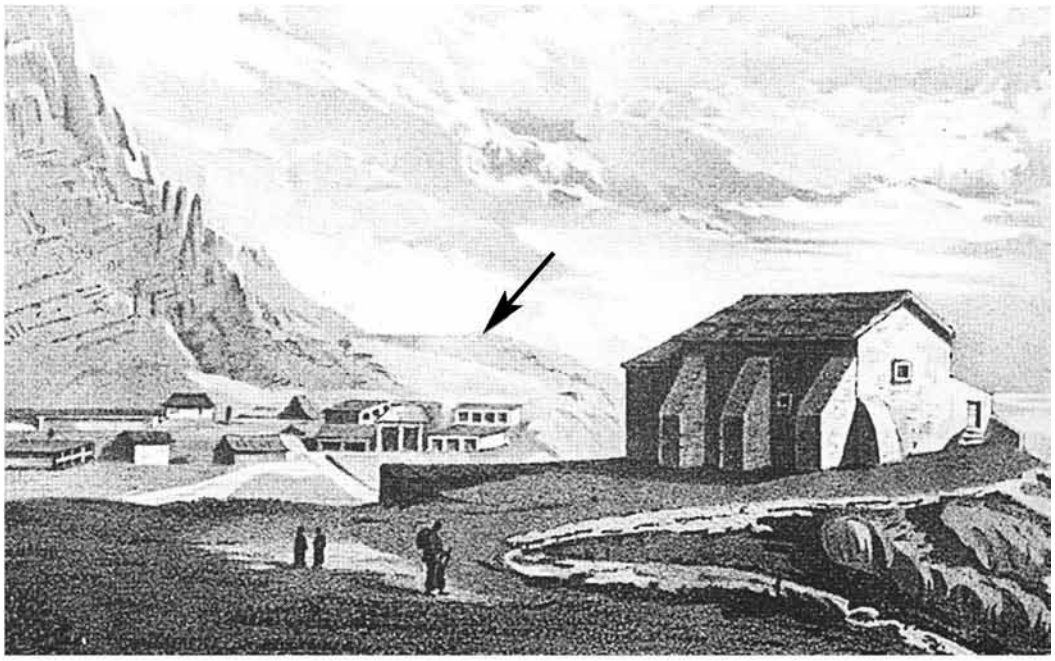


Рис. 1. Некрополь римского времени Лучистое-2.
Местоположение (с современной туристической карты, М 1:50 000) указано стрелкой.
1 — Чатыр-Дагский некрополь. 2 — святилище Эклизи-Бурун



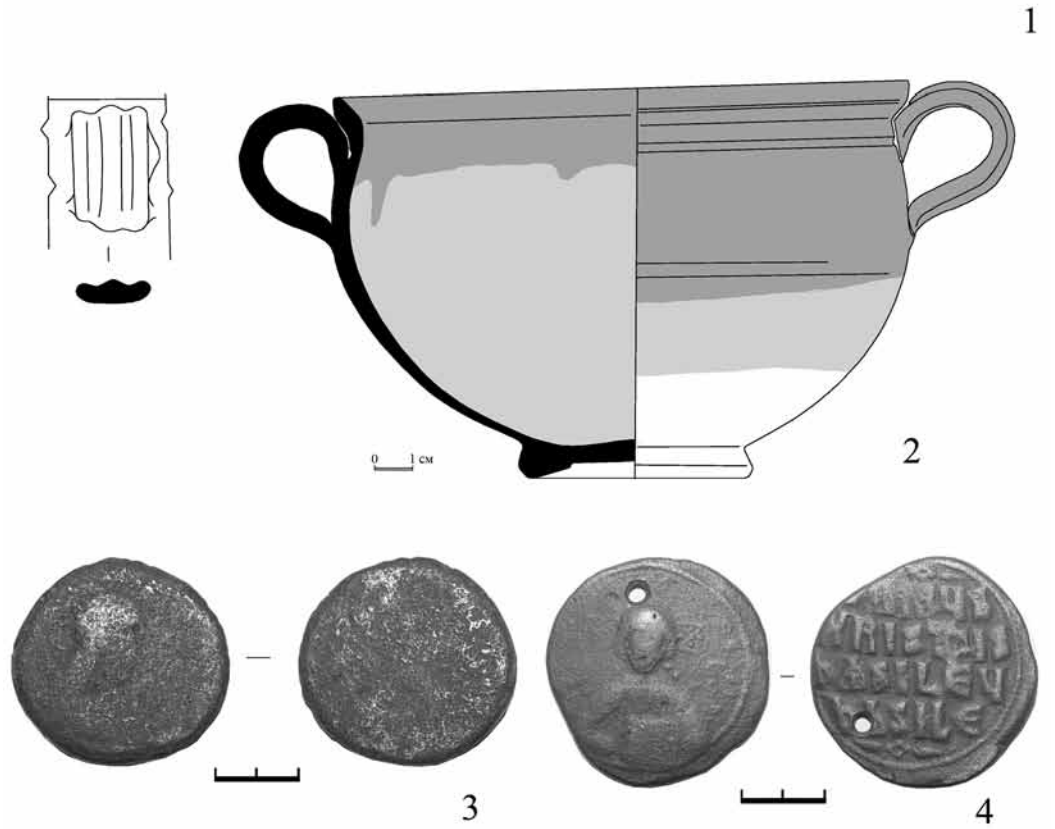


Рис. 2. Некрополь римского времени Лучистое-2.
1 — Местоположение. Вид с СЗ, от с. Демерджи, с литографии нач. XIX в. (Дюбуа де Монпере, 2009, л. XLVI). Указано стрелкой.
2 — Буролаковый канфар из могилы 1. 3 — «Медная» боспорская монета (подъемный материал).
4 — Подвеска из византийского фоллиса времени императора Константина VIII 1025–1028 гг. (подъемный материал)

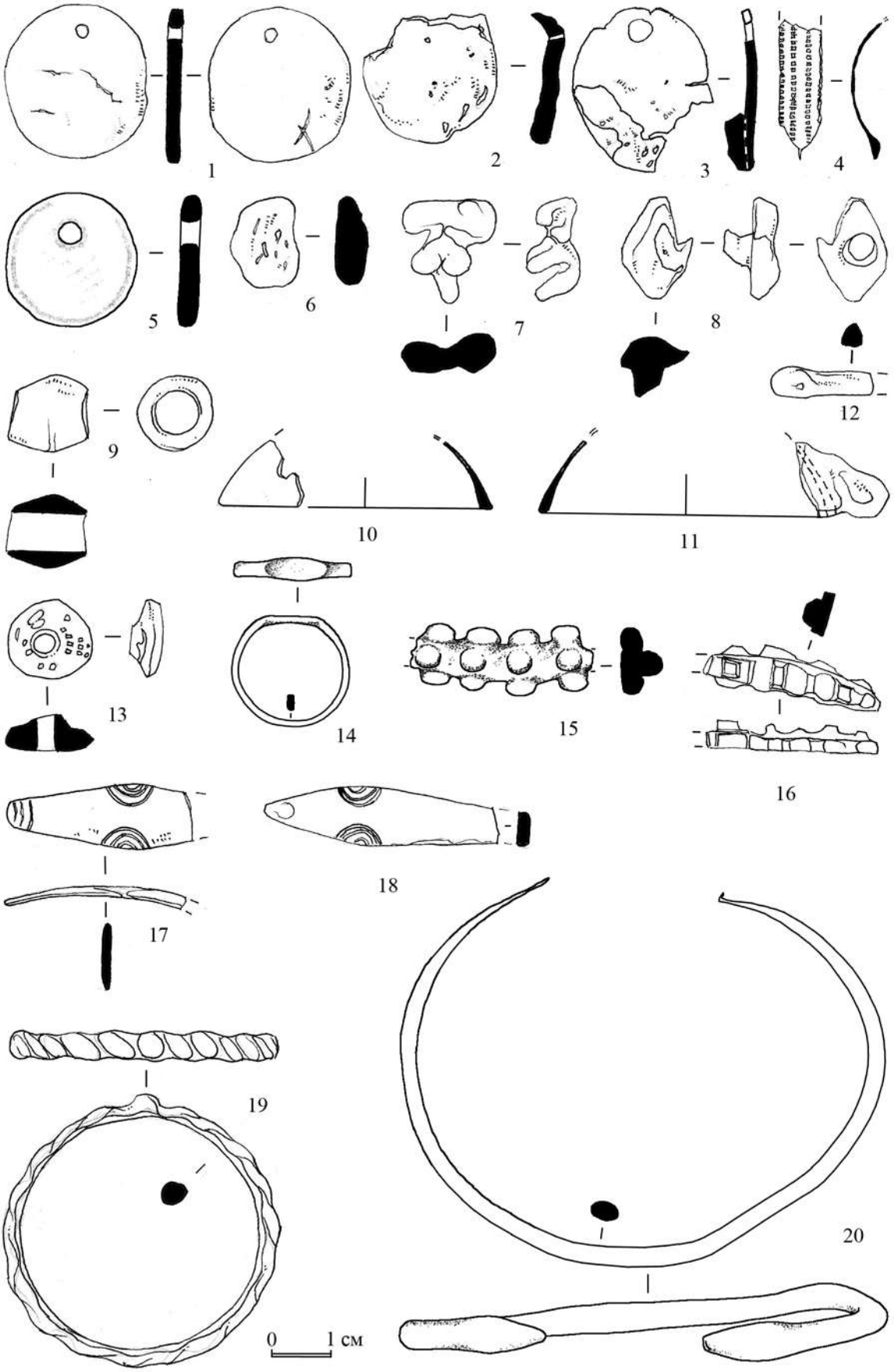


Рис. 3. Некрополь римского времени Лучистое-2. Подъемный материал.
1–3, 5 — Подвески из истертых монетных кружков. 4 — Обломок фибулы.
6–7, 10–12 — Деформированные оплавленные металлические предметы.
8 — Заплаты, образовавшиеся при ремонте керамических сосудов. 9 — Бусина.
13 — Пронизь эпохи средневековья (?). 14 — Перстень.
15, 16, 19 — Подвески в виде колец с выступами и их обломки. 17, 18, 20 — Браслеты и их фрагменты

Цветные рис. 4, 5 расположены на стр. 620, 621.

(Рис. 4. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
План сохранившейся части верхнего слоя перекрытия гробницы. М 1:25.
Рис. 5. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
План гробницы после удаления смещенных частей перекрытия. М 1:25.)

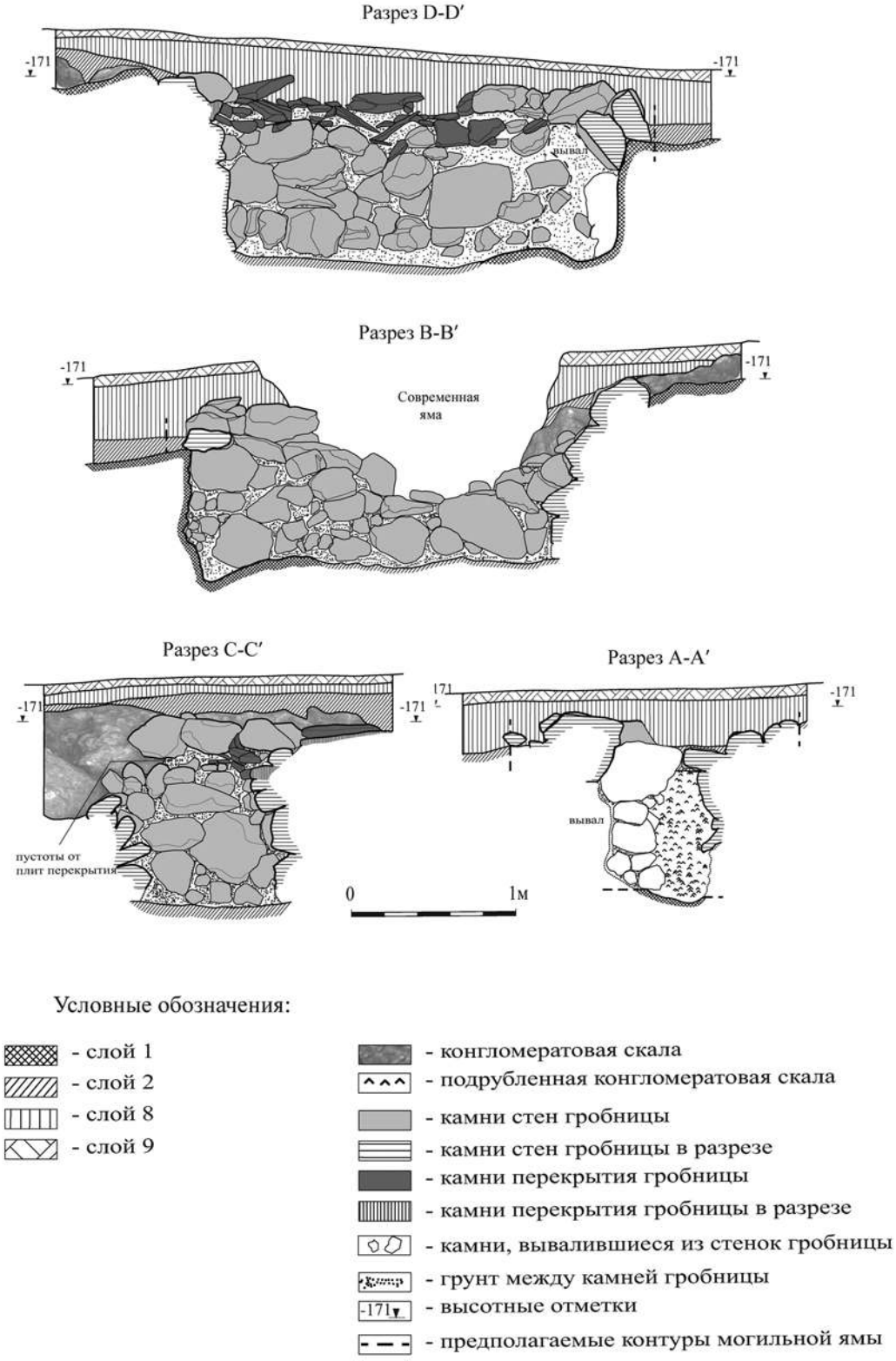


Рис. 6. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
Фасировки стен гробницы, совмещенные с разрезами и стратиграфиями напластований, вскрытых в бортах шурфа. М 1:25t

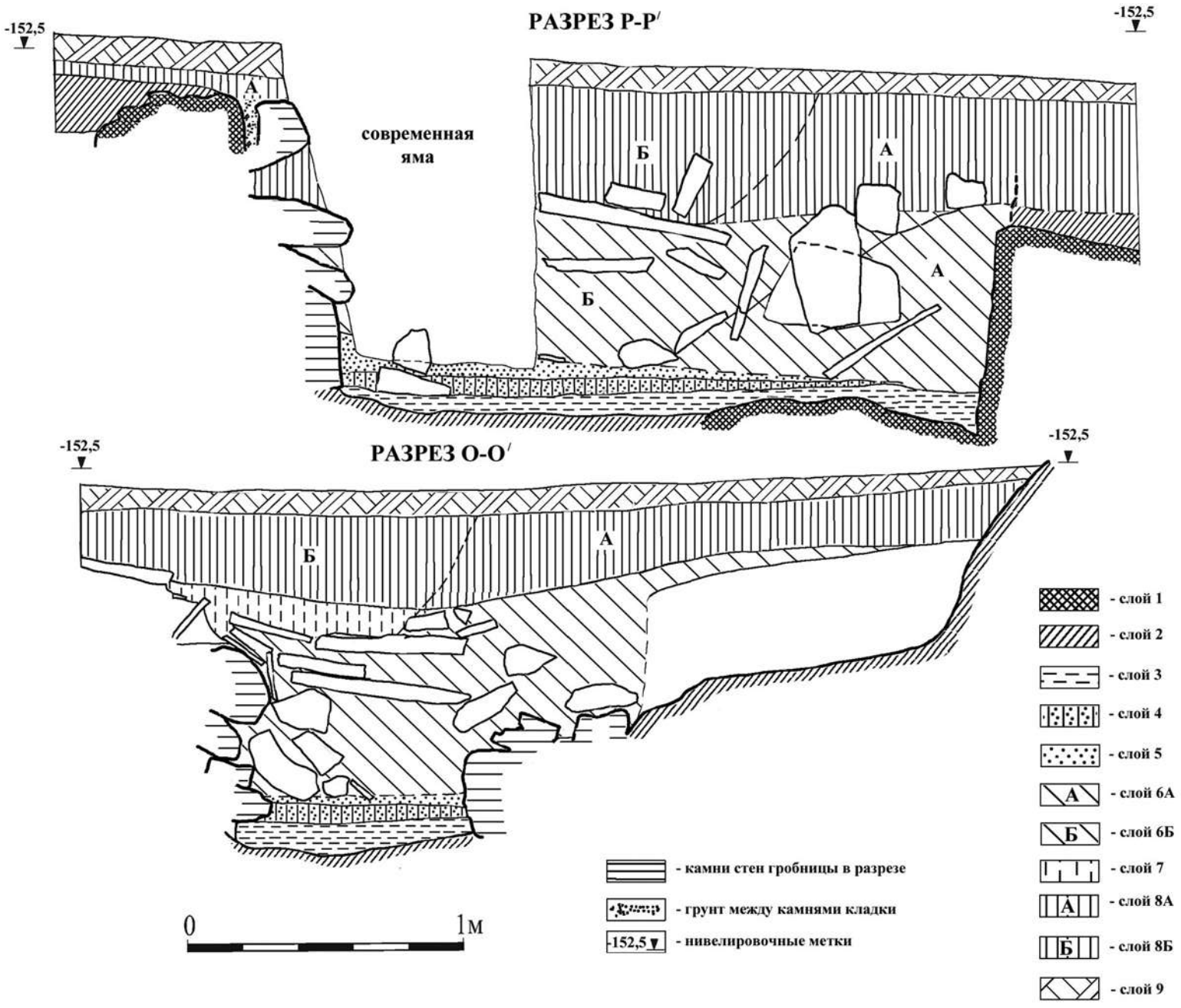


Рис. 7. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. Разрезы. Стратиграфия слоев

Цветные рис. 8–12 расположены на стр. 622–626.

(Рис. 8. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. План местоположения вещей, обнаруженных при исследовании погребения. М 1:8,5.
Рис. 9. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. План местоположения вещей, обнаруженных при исследовании погребения, совмещенный с контуром «среднего» женского скелета. М 1:8,5.
Рис. 10. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. План местоположения вещей, обнаруженных в области груди, пояса, таза и кистей рук погребенного. М 1:4.
Рис. 11. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. Буролаковый канфар.
Рис. 12. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. 1 — «Макет» (?) фибулы и браслеты на запястье левой руки погребенной.
2 — Брошь с изображением Артемиды.)

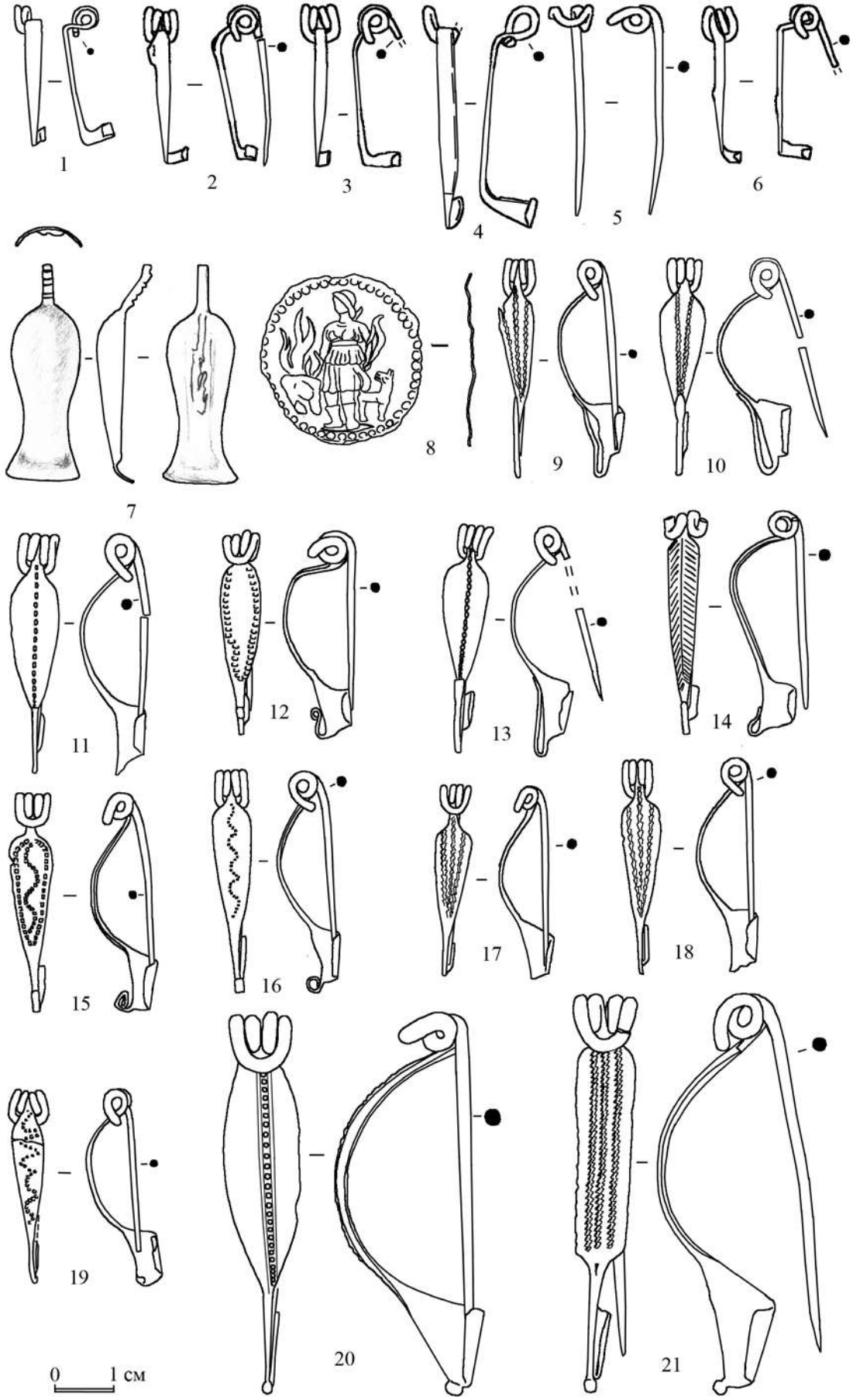


Рис. 13. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. Фибулы

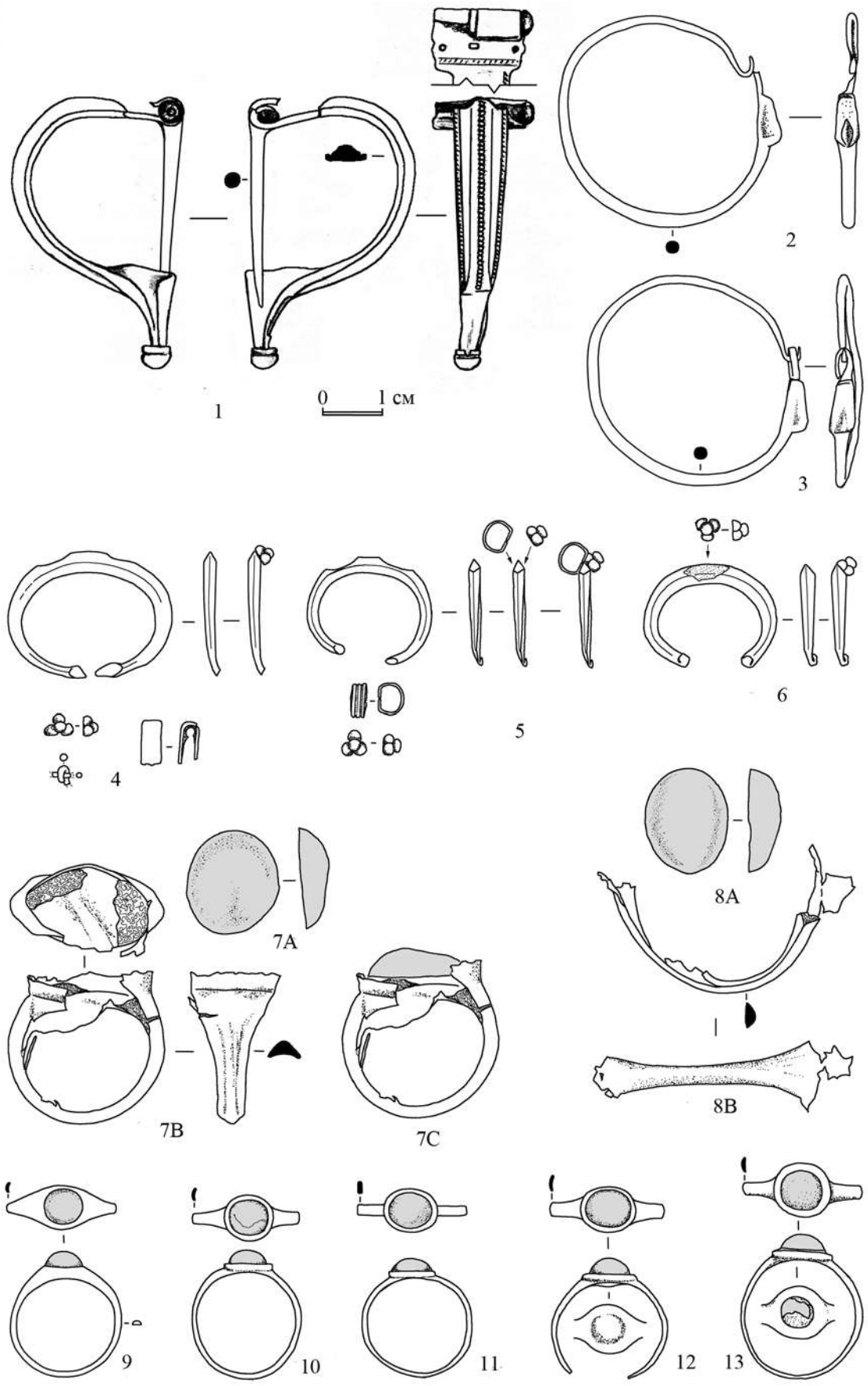


Рис. 14. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
1 — Фибула «Авцисса». 2, 3 — Серебряные серьги. 4–6 — подвески-лунницы. 7–13 — перстни

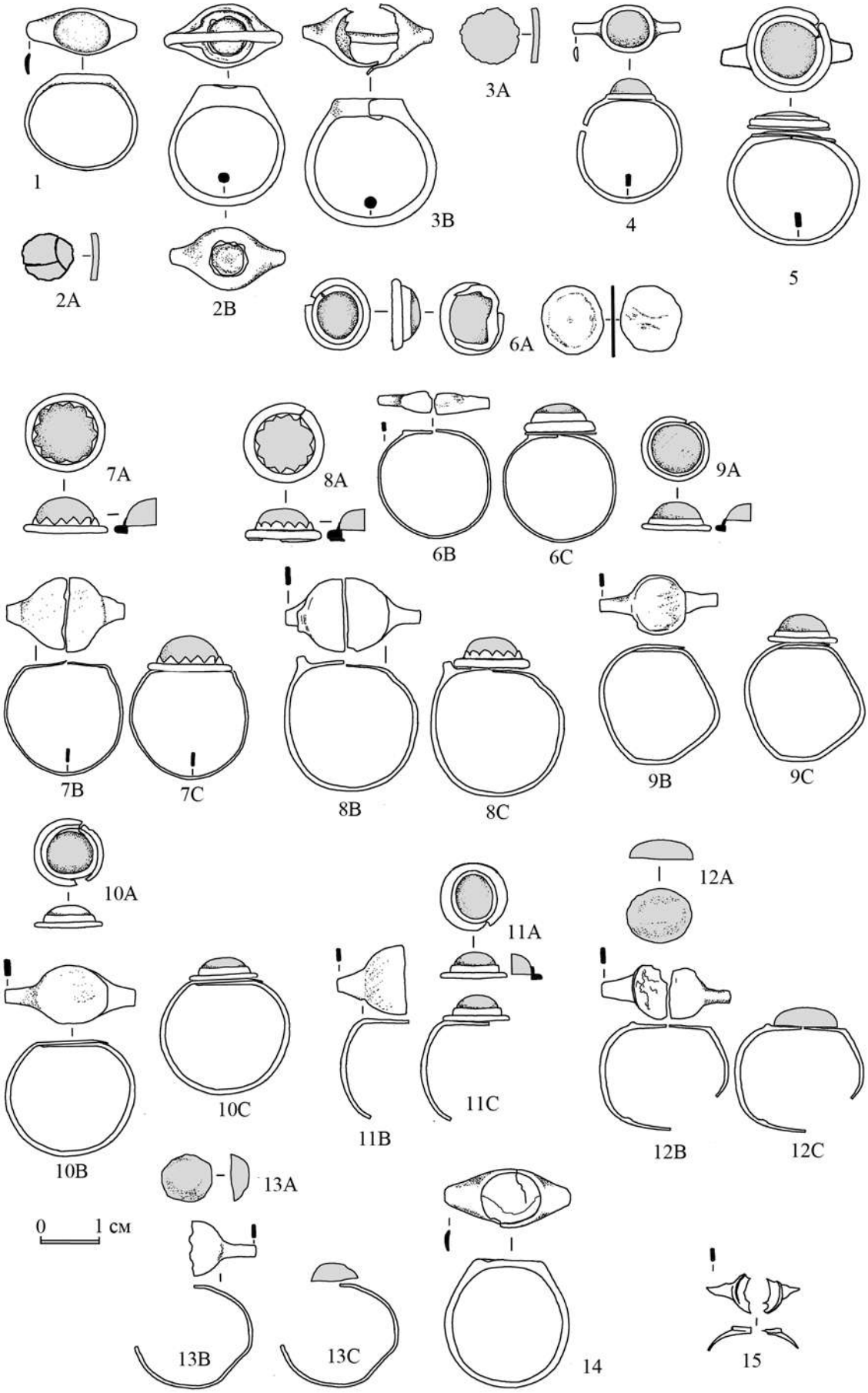
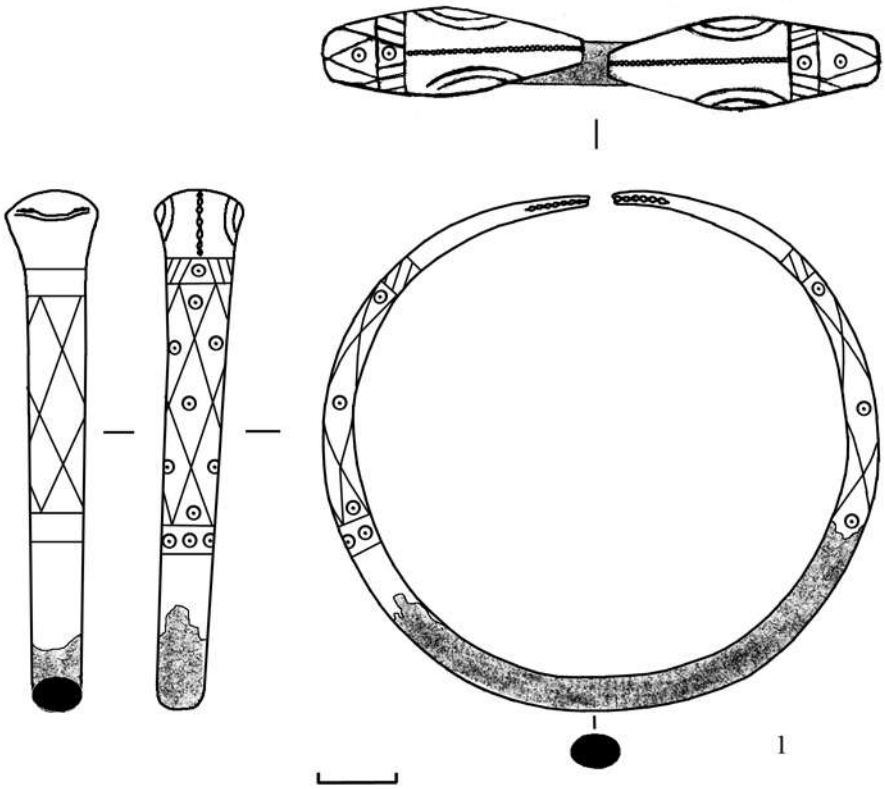


Рис. 15. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. Перстни

Цветной рис. 16 расположен на стр. 627.

(Рис. 16. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. 1–6 — Перстни. 7–56 — Бусы.)



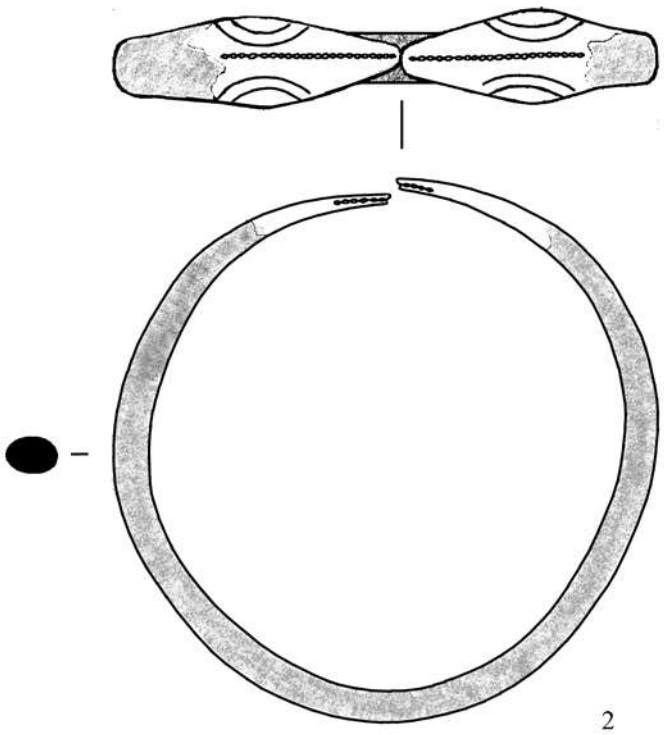


Рис. 17. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. Браслеты

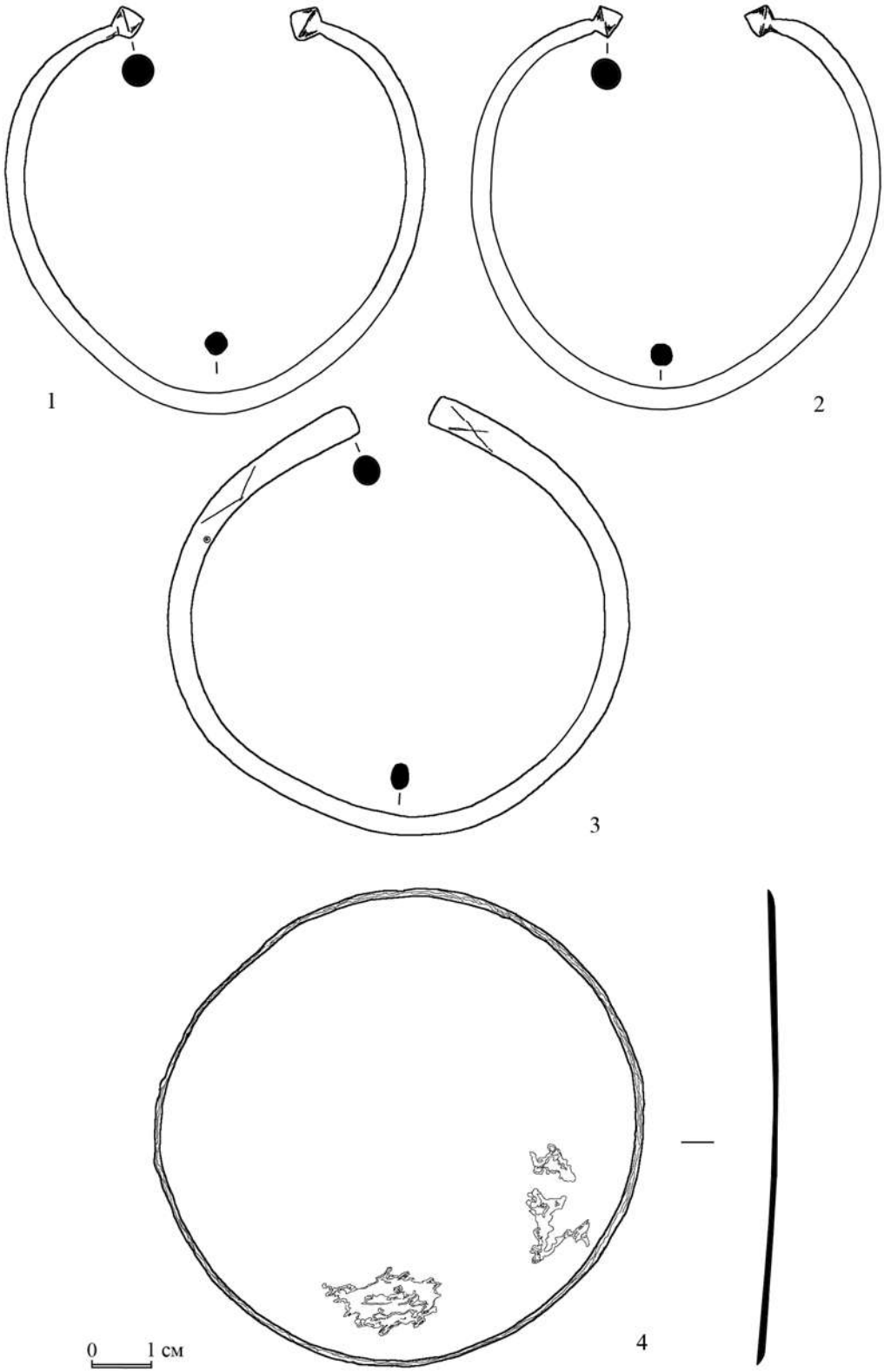


Рис. 18. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. 1–3 — Браслеты. 4 — Зеркало

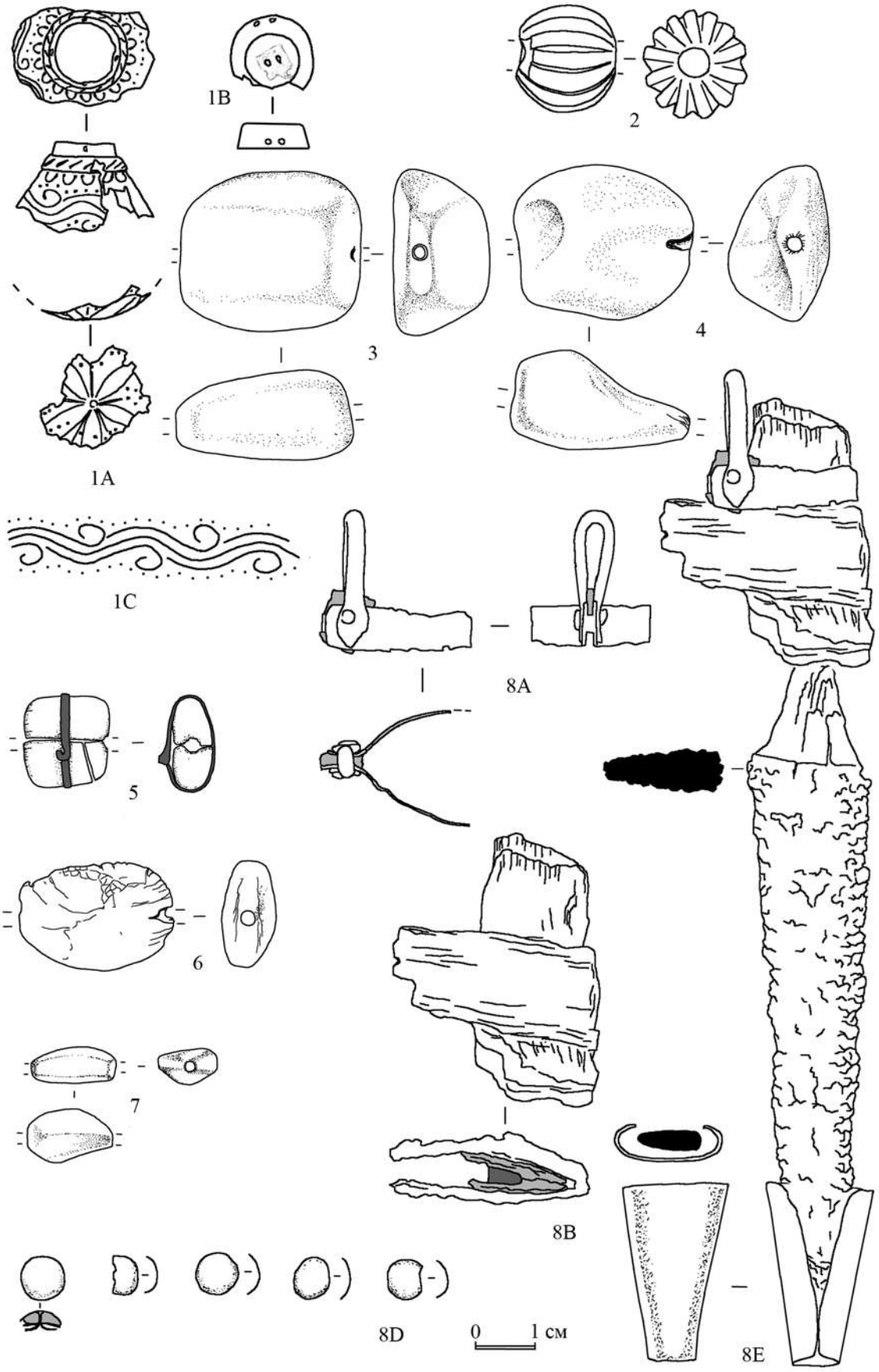


Рис. 19. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
1 — Серебряный флакон. 2–7 — Бусы. 8 — Нож в ножнах с бронзовым оконцевателем

Цветной рис. 20 расположен на стр. 628 .

(Рис. 20. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
1 — Серебряный флакон. 2 — Нож в ножнах с бронзовым оконцевателем.)

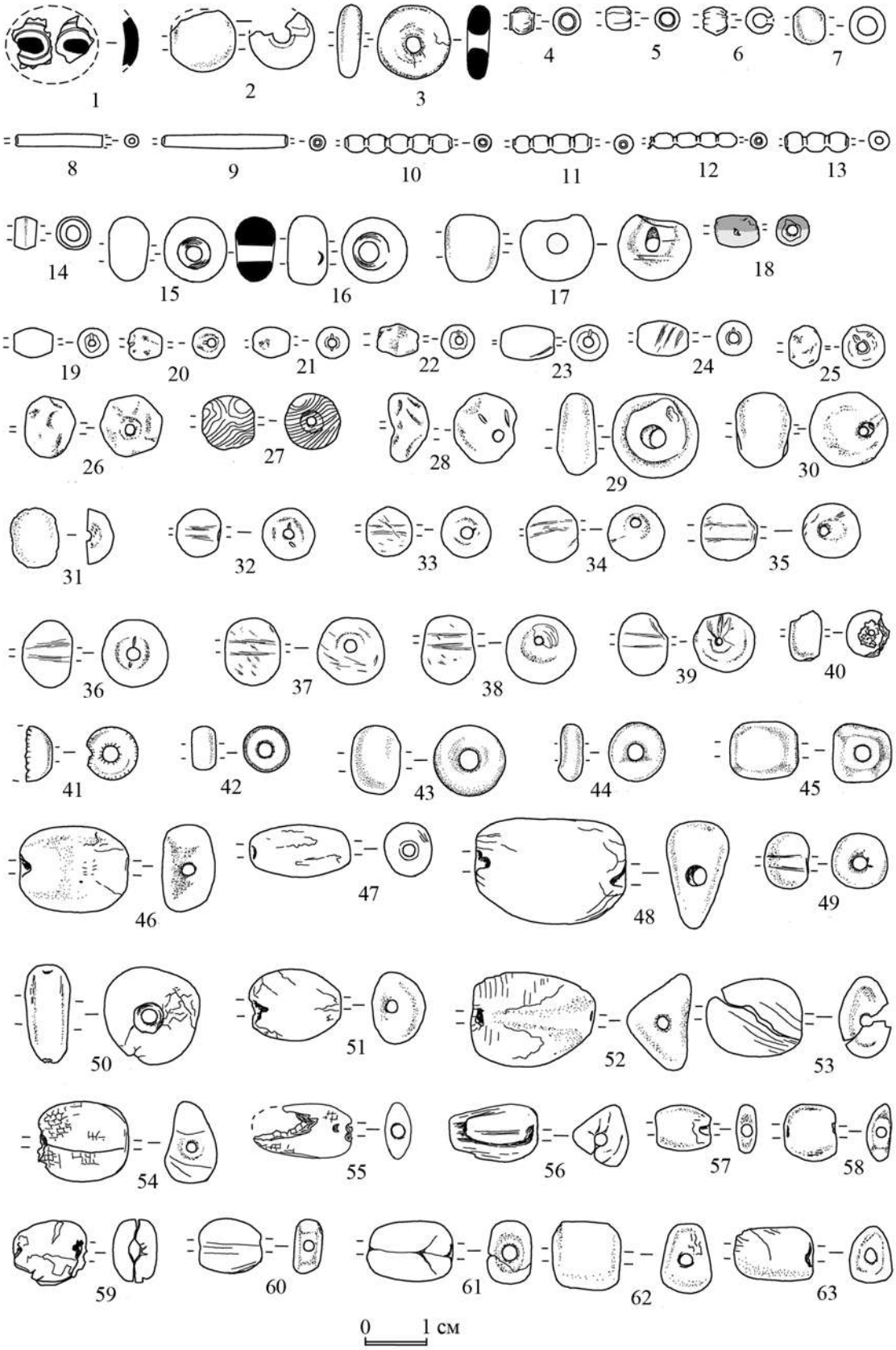


Рис. 21. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. Бусы

Д. В. Бейлин, Л. Ю. Пономарев

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЗАВАЛ-ВОСТОЧНОЕ НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (по материалам разведок 2009–2010 гг.)

В 2009–2010 гг. Керченской комплексной экспедицией Крымского филиала ИА НАН Украины было обследовано поселение Завал-Восточное, расположенное на северо-восточной оконечности Керченского полуострова. Полученный в процессе разведок археологический материал относится к трем хронологическим периодам, один из них к эпохе бронзы, а два к эпохе раннего средневековья. Хронологические границы ранневизантийского периода предварительно определяются между V/VI – VII вв. Не ранее середины – второй половины VIII в. на этом месте возникло салтово-маяцкое поселение. Отдельные находки указывают на то, что оно функционировало, по крайней мере, до второй половины – конца IX в.

Ключевые слова: Керченский полуостров, поселение Завал-Восточное, раннее средневековье, салтово-маяцкая культура.

Впервые археологические разведки на северо-восточной оконечности Керченского полуострова в 1925 г. осуществил директор Керченского музея К. Э. Гриневич, но в силу собственных научных интересов и в рамках поставленных задач основное внимание уделил античным памятникам [Гриневич, 1927, с. 47–52]. В 1936 г. разведочные работы в этом районе провел В. Ф. Гайдукевич. В частности, им было обследовано античное городище в районе бывшей деревни Джанкой, античный колодец в с. Аджимушкай, поселение на мысе Змеиный и окрестности городища Мирмекий [Гайдукевич, 1941а, с. 261–265]. В 1941 г. В. Ф. Гайдукевич опубликовал материалы раскопок А. Е. Люценко на Темир-горе, рядом с которой в 1870 г. им была открыта т. н. «villa rustica» [Гайдукевич, 1941б, с. 45–60]. Во второй половине прошлого столетия исследования памятников эпохи неолита, бронзы и античного времени в этом районе проводили И. Т. Кругликова, В. В. Веселов, В. Э. Кунин, С. А. Семенов, Л. Г. Мацкевой, Л. П. Требушенко, Д. С. Кирилин, А. А. Масленников, О. Д. Чевелев, В. Н. Корпусова, В. Н. Зинько [Бейлин, Столяренко, 2011, с. 57–61; Веселов, 1952, с. 227–238; Веселов, 1957, с. 35–39; Веселов, 1959, с. 227–244; Кругликова, 1958, с. 219–220, 232–233; Кругликова, 1975; Семенов, Кунин, 1962, с. 257–262; Мацкевой, 1977; Зинько, 1992, с. 29–30; Зинько, 1994а, с. 153–158].

Раннесредневековые памятники северо-восточной оконечности Керченского полуострова привлекли внимание исследователей только в послевоенные годы. С 1949 по 1964 гг. В. В. Веселов зафиксировал в этом районе 45 поселений и мест скопления керамики, на территории которых был собран подъемный материал, датированный им VIII – IX вв. Большая часть из них располагалась на берегу Азовского моря, Керченского пролива и Керченского залива в окрестностях с. Глейки, пос. Подмаячное, пос. Сипягино, пос. Капканы, с. Осовины и с. Юркино. Остальные поселения были обнаружены во внутренних районах северо-восточной оконечности полуострова, в том числе в окрестностях Темир-горы, с. Бондаренково, с. Глазовка, с. Аджимушкай и бывшего с. Тархан. К сожалению, материалы разведок В. В. Веселова своевременно не публиковалась, и только единицы из открытых им раннесредневековых памятников были упомянуты на страницах научных изданий [Веселов, 1959, с. 236–240]. Большая же часть его рукописного наследия, включая «Сводную ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в

1949–1964 гг.», в научный оборот введена недавно [Веселов, 2005].

В 1962 г. к разведкам на Керченском полуострове приступил Приазовский археологический отряд Ленинградского Государственного университета под руководством А. В. Гадло [Гадло, 1963, с. 1–5; Гадло, 1968, с. 59–60]. Поставленная перед ним задача предусматривала изучение раннесредневековых памятников в районах, примыкающих к Азовскому морю с севера и юга. План работ включал в себя: обследование известных и выявление новых памятников салтово-маяцкой культуры, поиск хронологически и генетически предшествующих им памятников, а также памятников эпохи Тмутараканского княжества. Приоритетным первоначально избрали «тмутараканское» направление, поэтому особое внимание сосредоточили на северо-восточной оконечности Керченского полуострова, обследовав прибрежные участки от м. Ени-Кале до м. Фонарь, где еще в XIX – начале XX вв. были найдены моливдовулы наместника князя Всеволода в Тмутаракани Ратибора и архонтиссы «России» Феофано Музалон. Вопреки ожиданию, памятников эпохи Тмутараканского княжества найти так и не удалось, в связи, с чем основные работы были развернуты на салтово-маяцких памятниках, открытых незадолго до этого В. В. Веселовым. Однако на северо-восточной оконечности Керченского полуострова их поиски также не увенчались успехом. Лишь в районе крепости Ени-Кале были найдены два обломка стенок причерноморских амфор с мелким зональным рифлением VIII – XI вв. [Зинько, Пономарев, 2013, с. 437, рис. 2, 8, 9]. Других находок, указывавших на то, что здесь могло располагаться раннесредневековое поселение, зафиксировать не удалось. Тем не менее, на археологическую карту «Южное Приазовье в период хазарского каганата», опубликованную А. В. Гадло в 1968 г., этот пункт был нанесен и получил название по близлежащему поселку — Опасное [Гадло, 1963, с. 5, рис. 3, № 1; Гадло, 1968, рис. на с. 60, пункт 45].

В последующие несколько десятилетий целенаправленных попыток изучения раннесредневековых памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова, никто, так и не предпринял. Сложившаяся ситуация привела к тому, что длительное время в этом районе археологам-медиевистам был известен только один салтово-маяцкий памятник — поселение, разместившееся на античном городище Мирмекий [Якобсон, 1970, с. 29, № 82; Баранов, 1990, рис. 1, 3]. Городище исследовалось Мирмекийским отрядом Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР (ИИМК РАН) под руководством В. Ф. Гайдукевича и Ю. А. Виноградова (1934–1938, 1946–1950, 1956–1966, 1982–1994 гг.), с 1999 г. Мирмекийской экспедицией Государственного Эрмитажа, под руководством А. М. Бутягина. В 1936–1937 гг. на участке «Б» в центральной части городища исследована однокамерная постройка и участок огороженного двора с хозяйственной ямой [Гайдукевич, 1940, с. 304; Гайдукевич, 1952, с. 177–179], а на участке «В» остатки еще одного наземного жилища [Гайдукевич, Леви, Прушевская, 1941, с. 137]. В послевоенные десятилетия на участке «И» В. Ф. Гайдукевич частично раскопал двухкамерный дом, а на участках «Н» и «О» ритуальное захоронение и зольник [Гайдукевич, 1987, с. 148, 165, 166]. В начале 90-х гг. прошлого столетия Ю. А. Виноградовым на участке «С» исследована круглая, облицованная камнем полуземлянка и несколько хозяйственных ям, датированных IX в. [Виноградов, 1991, с. 13]. Позднее в юго-западной части этого же участка была обнаружена еще одна, одновременная им, хозяйственная яма, а к востоку от скального выступа Карантинного мыса раскопано четыре безинвентарных конских захоронений, датированных А. М. Бутягиным VIII – IX вв. [Бутягин, 2003а, с. 126; Бутягин, 2003б, с. 64; Бутягин, Чистов, 2004, с. 77; Бутягин, Виноградов, 2006, с. 47]. Результаты многолетних исследований на городище Мирмекий, позволяют предположить, что разместившееся на его территории салтово-маяцкое поселение, как и многие другие поселения этой культуры на Керченском полуострове, представляло собой беспорядочное скопление отдельных, расположенных на большом расстоянии друг от друга жилищ, между которыми находились хозяйственные и ритуальные комплексы.

В конце 70-х годов XX столетия незначительные остатки салтовского поселения были открыты А. А. Масленниковым при раскопках городища Зенонов Херсонес на мысе Зюк. В процессе работ частично или полностью удалось исследовать около 50% доступной для раскопок территории городища, но археологических комплексов и находок второй половины VIII – первой половины X вв. обнаружено было немного, в их числе остатки постройки и характерная для этого периода керамика [Масленников, 1992, с. 167]. Здесь же на раскопе «Пригород южный» была открыта одиночная плитовая могила, в которой было совершено детское захоронение, содержавшее типичный для салтово-маяцкой культуры погребальный ин-

вентарь [Масленников, 1992, с. 167, рис. 17, 10–14]. Среди других интересных находок упомянем набор из семи накладок, изготовленных из медного сплава, датирующийся последними десятилетиями VII в. [Масленников, 1992, рис. 17, 1–7; Гавритухин, 2004, с. 89–91].

В конце 80-х гг. – начале 90-х гг. прошлого столетия к числу исследованных салтово-маяцких памятников на северо-восточной оконечности Керченского полуострова добавилось поселение Осовины-I, открытое В. В. Веселовым в 1950 г. [Веселов, 2005, с. 11, № 42]. В ходе его раскопок, проводившихся в 1989–1993 гг. В. Н. Зинько, были выделены два периода существования поселения — античный и раннесредневековый. С последним периодом стратиграфически связан золистый слой, содержащий многочисленную керамику VIII – первой половины X вв. Этим же временем следует датировать три грунтовые могилы и позднеантичный двухкамерный жилой дом, вновь использованный в качестве жилища между VIII – первой половиной X вв. [Зинько, 1994б, с. 128; Зинько, 1997, с. 40; Зинько, Пономарев, 2007, с. 183–196].

В 2009–2011 гг. работы в северо-восточной части Керченского полуострова продолжил разведочный отряд Керченской комплексной экспедиции КФ ИА НАН Украины. В итоге было обследовано свыше 200 памятников эпохи бронзы, античного и средневекового периодов (в том числе и курганов). Часть из них впервые нанесена на археологическую карту.

Среди раннесредневековых памятников особое место заняло поселение Завал-Восточное [Бейлин, Куликов, Бейлина, 2010, с. 30; Бейлин, Бейлина, Пономарев, 2012, с. 17–24]. Открыто оно в 1954 г. В. В. Веселовым, трактовавшим его как небольшое поселение «эллинистического, римского и раннесредневекового времени». В 1960 г., при повторном осмотре памятника, исследователь собрал разновременный подъемный материал, среди которого преобладала керамика VIII – первой половины X вв., в том числе причерноморские амфоры и салтово-маяцкие горшки [Веселов, 1959, с. 240; Веселов, 2005, с. 21, 112, № 55/47-1].

Расположено поселение на юго-восточном склоне урочища Большой Вал в 4,05 км к северо-западу от с. Юркино (рис. 1; 2). Северная его часть уничтожена береговой абразией (рис. 3). С юго-востока оно ограничено устьем глубокой балки Бычки, по дну которой протекает ручей. В береговых обрывах прослежены обнажения культурного слоя, развалы известнякового бута из кладок каменных построек, небольшие участки каменных вымосток и хозяйственные ямы (рис. 3). Многочисленные фрагменты керамики фиксируются также в пределах пляжа и полосе прибоя. Площадь поселения около 5,1 га (170 × 300 м). В пределах этой территории на задернованной поверхности зафиксированы скопления бутового камня, выходы золистого грунта и немногочисленные фрагменты керамики. В 170 м к северо-западу от балки, в береговом обрыве обнаружена разрушенная абразией плитовая могила, ориентированная по линии СВ-ЮЗ[1] (рис. 4).

Подъемный материал представлен в основном керамикой V – VII вв. и VIII – первой половины X вв. На юго-восточной окраине поселения собрано несколько десятков фрагментов лепных сосудов эпохи бронзы, часть которых украшены орнаментом, нанесенным гребенчатым штампом.

Среди ранневизантийской керамики преобладают красноглиняные амфоры типа 98а по И. Б. Зеест, бытовавшие в VI – VII вв. [Зеест, 1960, с. 120, табл. XXXIX, 98а; Сазанов, 1991, с. 61; Смокотина, 2008, с. 109], коричневоглиняные амфоры типа 103 по И. Б. Зеест IV – VII вв. (рис. 5: *12–14*) [Зеест, 1960, табл. XXXIX, 103; Сазанов, 1991, с. 66] и светлоглиняные амфоры типа LRA-1 по Райли с рифлением типа «набегающая волна», датирующиеся последней третью/концом IV – третьей четвертью VII вв. (рис. 5: *11*) [Сазанов, 1991, с. 64]. Встречаются также светлоглиняные узкогорлые амфоры типа «Е» по Д. Б. Шелову IV – V вв. [Шелов, 1978, с. 19, рис. 9; см.: Иванова, 2011, с. 303–304] и светлоглиняные амфоры типа «carottes», время бытования которых определяется между V – VI вв. или второй четвертью VI – первой половиной (концом) VII вв. (рис. 5: *10*) [Кузманов, 1985, с. 17; Сазанов, 1995, с. 186].

Керамика VIII – первой половины X вв. представлена в основном причерноморскими амфорами с бороздчатым (желобчатым) рифлением на тулове (рис. 5: *1–5, 7, 8*). Время их появления относится не ранее чем ко второй половине VIII в., а основной период бытования приходится на IX – X вв. [Науменко, 2009а, с. 46]. Гораздо реже встречаются причерноморские амфоры с мелким зональным рифлением на корпусе, хронологические рамки, которых, соответственно, охватывают вторую по-

[1] Ранее в научных публикациях этот могильник уже упоминался, но не имел названия и был топографически привязан к урочищу Большой Вал [Пономарев, 2002, с. 145].

ловину VIII – XI вв. (рис. 5: *6, 9*) [Науменко, 2009а, с. 43]. Отсюда же происходят высокогорлые кувшины с плоской ручкой, датирующиеся не ранее второй половины IX в. (рис. 6: *2*) [Науменко, 2009б, с. 57]. На ручке одного из них, изготовленного из глины, приобретшей после обжига оранжевый цвет, процарапано граффити в виде двух букв — «ФН» (рис. 6: *1*). Помимо поселения Завал-Восточное на Керченском полуострове высокогорлые кувшины с буквенными граффити обнаружены на салтово-маяцких поселениях Пташкино и Героевка-2 [Гадло, 1980, с. 141, рис. 8; Зинько, Пономарев, 2005, с. 239, рис. 4, 12].

Столовая посуда этого периода представлена ойнохоями «скалистинского» типа с пальцевым вдавлением на ручке (рис. 6: *3*) и лощеными салтовскими сосудами. Среди последних выделяется стенка коричневоглиняного лощеного сосуда, с редким для этой группы салтовской керамики орнаментом, нанесенным оттисками гребенки в виде зубчатых штампов (рис. 6: *4*) [ср.: Красильников, 2009, с. 121; Шаповалов, 1995, с. 191, рис. 4, 3].

Комплекс кухонной керамики характеризуют коричневоглиняные и сероглиняные салтово-маяцкие горшки, изготовленные на ручном гончарном круге (рис. 6: *6*). Венчик одного из них орнаментирован «семечковидными» вдавлениями (рис. 6: *5*), а стенки других горшков — одиночной волной или сплошным и зональным горизонтальным рифлением (рис. 6: *7*).

Среди других находок отметим пряжку, поясную бляшку, перстень с монограммой и четыре византийских монеты VII – VIII вв.

Монеты определены А. В. Куликовым: 1. Бронзовая монета. Византия. Фоллис. Тиберий III Апсимар. 698–705 гг. Л. ст.: Погрудный фасовый портрет императора в лорике с копьем и щитом. На голове диадема. По кругу легенда. Об. ст.: в центре поля большая буква номинала: М (40 нуммий). Над ней крест. По сторонам легенда (неразборчива). Перечеканена. На л. ст. и об. ст. следы прежних изображений (рис. 7: *1*).

2. Бронзовая монета. Византия. Фоллис. Тиберий III Апсимар. 698–705 гг. Л. ст.: Погрудный фасовый портрет императора. По кругу легенда. Об. ст.: в центре поля большая буква номинала: М (40 нуммий). Над ней крест. По сторонам легенда (неразборчива). Монета имеет прямоугольную форму (рис. 7: *3*).

3. Фрагмент бронзовой монеты. Византия. Фоллис. VII в. Л. ст.: Погрудный фасовый портрет императора с державой в правой руке. Об. ст.: в центре большая буква номинала: М (40 нуммий). Над ней крест. По сторонам легенда (неразборчива) (рис. 7: *2*).

4. Монета бронзовая. Византия, VIII в. Л. ст.: Неразборчива. Об. ст.: в центре поля большая буква номинала: М (40 нуммий). Над ней крест. По сторонам легенда (неразборчива). Сохранилась в виде двух половинок (рис. 7: *4*).

До этого на северо-восточной оконечности Керченского полуострова было обнаружено только две ранневизантийские монеты. Одна из них — фоллис Константа II и Константина IV, перечеканена на монете Фоки, найдена в 1960 г. в районе Боспорской загородной усадьбы примерно в 2 км к северо-западу от городища Мирмекий [Кропоткин, 1965, с. 175, № 56(529); Кропоткин, 1971, с. 218, приложение 2, № 4; Иванина, Куликов, Холодков, 2006, с. 160–161, 171, табл. IX, № 30; Сидоренко, 2003, с. 376]. Вторая монета — фоллис Константина IV, обнаружена Е. Е. Люценко в окрестностях бывшей дер. Джанкой к северо-западу от пос. Сипягино [Гайдукевич, 1941а, с. 261; Якобсон, 1958, с. 470, прим. 1]. Однако, на месте их находок культурный слой ранневизантийского периода достоверно не зафиксирован.

Перстень изготовлен из бронзы. Уплощенная массивная шинка разделена поперечными врезками на рельефные сегменты. В центре круглого плоского щитка помещен крест и крестообразная «зеркальная» монограмма из греческих букв, гравированная под оттиск, и, соответственно, обозначавшая личное имя владельца: ΚΑΛϹ (Калос, Калас, Калис, Калнс, но для византийского времени преобладает имя Калос)[2]. Использовался он как именной перстень — печать и, вероятно, как и большинство других византийских бронзовых и золотых перстней-инсигний, может быть датирован VII в. (рис. 7: *5*) [ср.: Репников, 1907, с. 111, 143, 145, рис. 95; Комар, 2006, с. 49, рис. 13; 54; Наследие…, 2011, с. 175, 456, № 62; Меч…, 2012, с. 152, 173, № 379, 419; Залесская, 2001, с. 94–95; Byzantium…, 2012, p. 132–138].

Византийская бронзовая пряжка с овальным кольцом и изображением листьев аканфа на щитке относится к типу «Сиракузы» (рис. 7: *6*). А. К. Амброз датировал их второй половиной VII – VIII вв. [Амброз, 1971, с. 116, 118; Амброз, 1992, с. 84]. По мнению А. И. Айбабина, выделившего их в вариант II4-1, они бытовали на протяжении почти всего VII в. [Айбабин, 1990, с. 43;

[2] Приносим глубокую благодарность А. В. Комару за консультации и помощь в прочтении монограммы.

Айбабин, Хайрединова, 2008, с. 56, 58]. Этим же временем следует датировать бронзовую бляшку, представляющую собой парную поясную деталь к малым византийским пряжкам VII в. (рис. 7: *7*)

В целом, собранный подъемный материал, позволяет уверенно охарактеризовать памятник как довольно крупное прибрежное поселение ранневизантийского и «хазарского» периода. Предположение В. В. Веселова о наличии на нем античного культурного слоя подъемным материалом подтвердить пока не удалось, хотя, в юго-восточной его части, возможно, находилось небольшое поселение эпохи бронзы.

В 2010 г. в северной и южной части поселения были заложены два шурфа размерами 2 × 1 м. Мощность культурных напластования в шурфе № 1 составила 1,07 м (рис. 8: *1–4*). Ниже дерново-гумусного слоя залегал суглинистый слой коричневого оттенка мощностью 0,11–0,22 м, из которого происходили невыразительные обломки оранжевоглиняных и светлоглиняных (южнопонтийских) амфор, столовых сосудов, лепной посуды, створки мидий и раковины улиток. Его подстилал рыхлый золистый слой серого оттенка, насыщенный обломками раковин улиток. Мощность его варьировалась в пределах 0,14–0,29 м. Датирующей для слоя является керамика, бытовавшая в VIII – первой половине X вв. Среди нее преобладали обломки причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 9: *2–7*). За ними в количественном отношении следуют салтово-маяцкие горшки, изготовленные из глины, приобретшей после обжига темно-серый оттенок. Венчики большинства из них украшены наклонными насечками, а стенки — орнаментом в виде одиночных волнистых линий (рис. 9: *8–12*). Аналогичные горшки найдены на поселении Осовины-I и на городище Тиритака [Зинько, Пономарев, 2007, с. 188, рис. 5, 2, 3; Зинько, Пономарев, 2009, рис. 170, 1; 192, 1; 193, 24]. Как «примесь снизу» следует рассматривать обломок ручки светлоглиняной узкогорлой амфоры типа «Е» по Д. Б. Шелову (рис. 9: *1*).

Ниже слоя рыхлого золистого грунта прослежен слой суглинка желто-серого оттенка, мощностью 0,40–0,55 м. При его зачистке прослежена прослойка пережженного суглинка с примесью шлака. Археологический материал из слоя представлен фрагментом красноглиняной керамиды, обломками причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 10: *1, 2, 4–6*), салтово-маяцких горшков (рис. 10: *7–9*), фрагментами стенок светлоглиняных амфор с рифлением на корпусе в виде «набегающей волны» (рис. 10: *3*), обломками ручек красноглиняных и светлоглиняных узкогорлых амфор. Среди других находок отметим крышку (?), изготовленную из стенки амфоры (рис. 10: *11*), пращевое ядро из песчаника (рис. 10: *10*), кусок шлака (отходы бронзолитейного производства?) и обломок неопределенного изделия из бронзы.

Примерно такая же стратиграфическая ситуация прослежена в шурфе № 2, заложенном в южной части поселения (рис. 8: *5–8*). Сверху залегал дерново-гумусный слой, мощностью 0,15–0,22 м. Его подстилал слой плотного золистого грунта коричневого оттенка, содержащий большое количество мелкодробленых створок мидий и раковин улиток. Мощность слоя варьировалась в пределах 0,16–0,24 м. Археологический материал представлен мелкими фрагментами красноглиняных, оранжевоглиняных и светлоглиняных (южнопонтийских) амфор, столовой посуды и лепных сосудов. Ниже золистого грунта коричневого оттенка залегал слой суглинка желто-серого оттенка, мощностью 0,19–0,27 м. Из слоя происходят немногочисленные мелкие обломки стенок оранжевоглиняных и светлоглиняных (южнопонтийских) амфор и фрагменты стенок салтово-маяцких горшков.

Таким образом, предварительные результаты обследования памятника, позволяют нанести на археологическую карту северо-восточной оконечности Керченского полуострова новое поселение ранневизантийского времени и салтово-маяцкой культуры. Особый интерес представляет комплекс находок ранневизантийского времени, поскольку до этого, культурные напластования этого периода в рассматриваемом районе были надежно зафиксированы только на городище Зенонов Херсонес в северо-восточной части мыса Зюк [Масленников, Чевелев, 1981, с. 82; Масленников, 1992, с. 164–167][3t]. Полученный

[3] Возможно, к этому же периоду относится городище к северу от ныне не существующей деревни Джанкой (с. Каменка). По сведениям Е. Е. Люценко, его площадь составляла не менее 5,5 га, а свита культурных напластований представлена античными и «византийскими» слоями. В верхнем, раннесредневековом слое, охарактеризованном как «груды мусора, дикарных камней, глиняных черепков грубой посуды, черепиц, золы, угля, костей животных, разрушенных фундаментов», по словам исследователя, «изредка встречаются византийские монеты». Одна из них, уже упоминавшаяся выше, монета Константина IV, описание других монет не приведено [Гайдукевич, 1941а, с. 261].

в процессе разведок археологический материал, свидетельствует о том, что, в отличие от некоторых других городков и поселений Керченского полуострова, которые, как считают, погибли или были оставлены в первой трети или третьей четверти VI в. [Масленников, 1992, с. 167; Масленников, 2007, с. 212; Мокроусов, Сазанов, Масленников, 1998, с. 130; Сазанов, Мокроусов, 1999, с. 187–193; Масленников, 2001, с. 98; Голенко, 2007, с. 264; Молев, Сазанов, 1991, с. 70; Сазанов, 2004, с. 175–182], поселение Завал-Восточное, как Боспор, Тиритака и, возможно, некоторые другие населенные пункты, пережили вторжение тюркютов и утигуров и продолжали функционировать в VII в. [Айбабин, 1999, с. 137, 141; Сидоренко, 2003, с. 375–376; Зинько, 2008, с. 336–337; Зинько, 2011, с. 253]. Нижняя хронологическая граница этого периода для поселения Завал-Восточное предварительно определяется между V – VI вв. Не ранее середины – второй половины VIII в. на его месте возникло салтово-маяцкое селище, к северо-западу от которого, возможно, сформировался плитовый могильник. Установить верхнюю хронологическую границу поселения гораздо сложнее, но находки фрагментов высокогорлых кувшинов указывают на то, что оно функционировало, по крайней мере, до второй половины – конца IX в.

Abstract

D. V. Bejlin, L. Yu. Ponomarev

EARLY MIDDLE SETTLEMENT ZAVAL-EAST ON THE KERCH PENINSULA (on the materials of archaeological examined 2009–2010)

In 2009–2010 Kerch complex expedition of the Crimean branch of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine were examined Zaval-East settlement, located in the north-eastern end of the Kerch Peninsula. Obtained during reconnaissance of archaeological material is related to three chronological periods, one of them to the Bronze Age, and two to the early middle periods. Chronological boundaries early Byzantine period between the pre-defined 5th / 6th – 7th cc. Not before the middle – in the second half of the 8th cc at this point there was Saltovo-Majaki settlement. Certain findings suggest that it functioned, at least until the second half – the end of the 9th cc.

Key words: Kerch Peninsula, Zaval-East settlement, early middle period, Saltovo-Majaki culture.

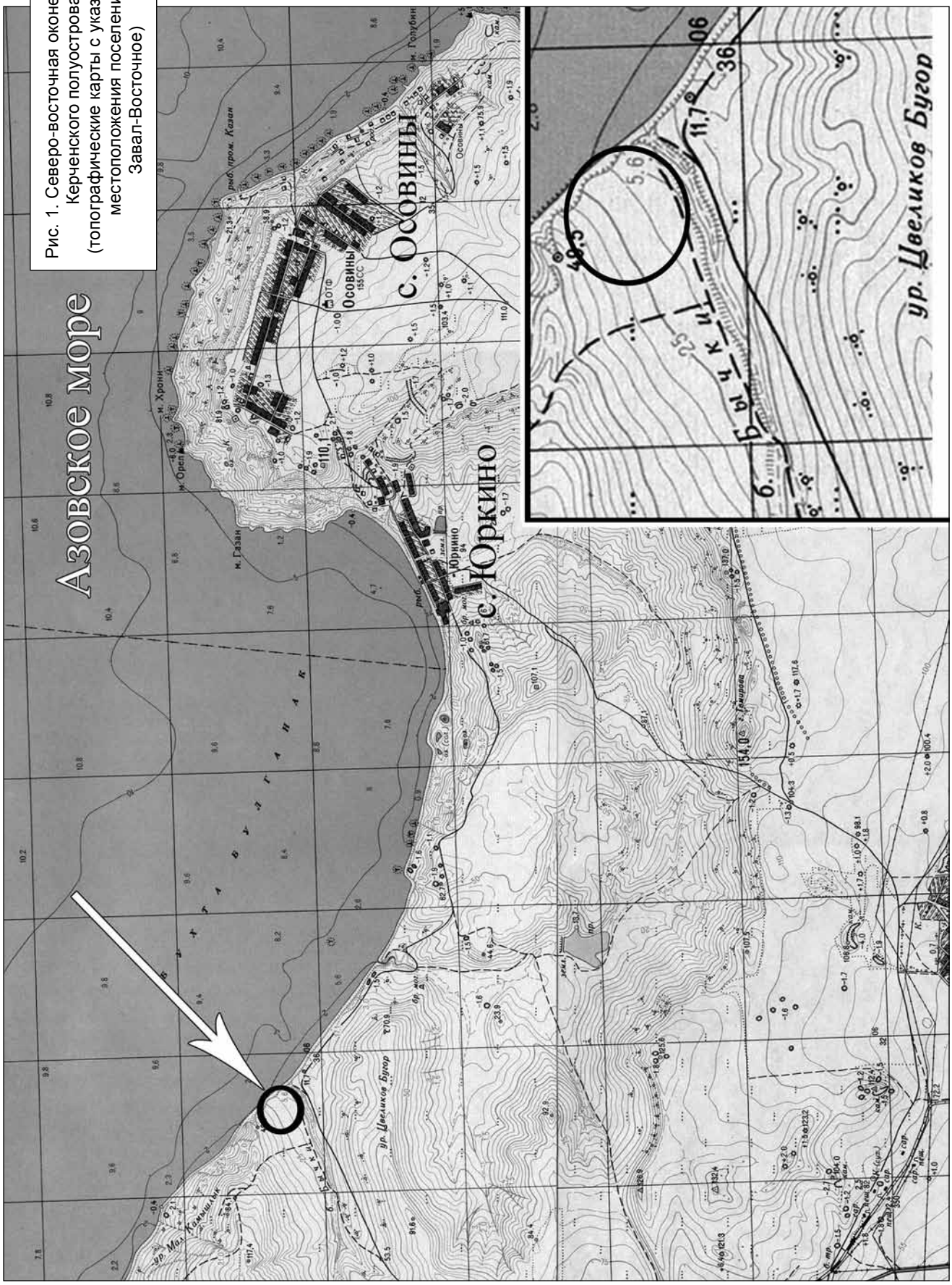


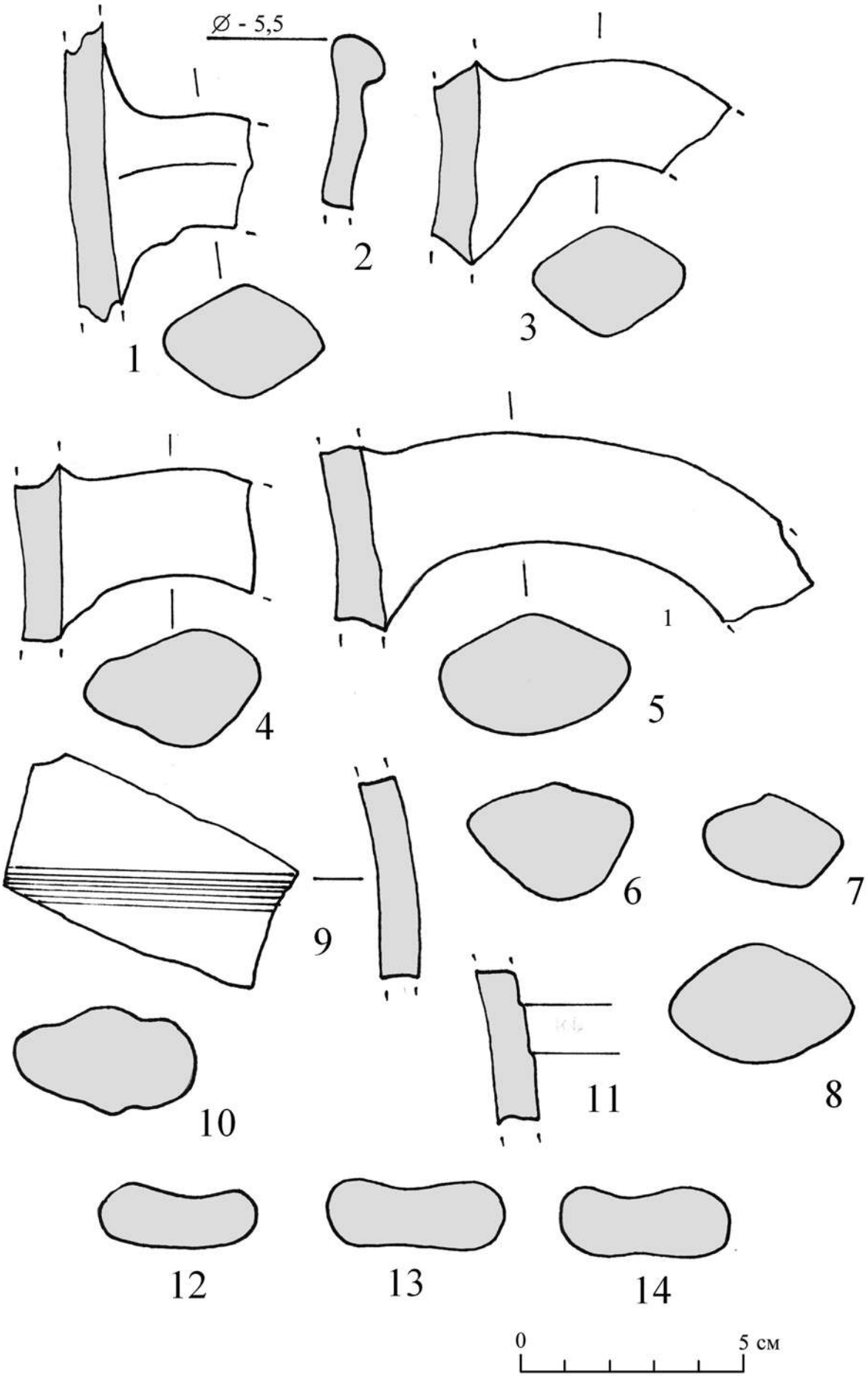
Рис. 1. Северо-восточная оконечность Керченского полуострова (топографические карты с указанием местоположения поселения Завал-Восточное)

Рис. 2. Поселение Завал-Восточное. Вид с юго-востока (Фото Д. В. Бейлина, 2011 г.)

Рис. 3. Поселение Завал-Восточное.
Обнажения культурного слоя, развалы каменных построек, участки каменных вымосток в береговых обрывах.
(Фото Д. В. Бейлина, 2011 г.)

tРис. 4. Разрушенная абразией плитовая могила к северу от поселения (Фото Д. В. Бейлина, 2011 г.)

Рис. 5. Подъемный материал с поселения Завал-Восточное


Ø - 5,5
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
0
5 см

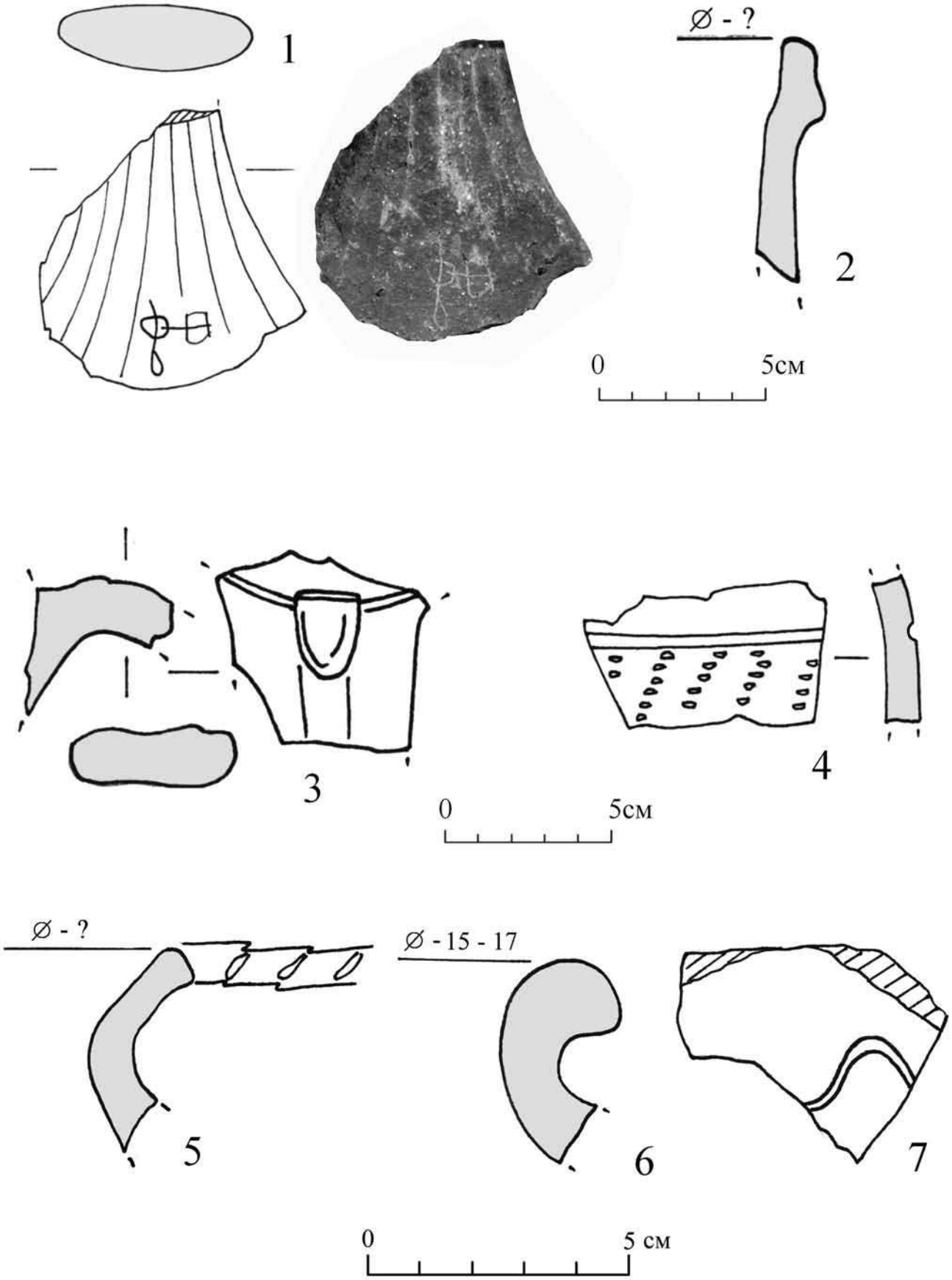


Рис. 6. Подъемный материал с поселения Завал-Восточное

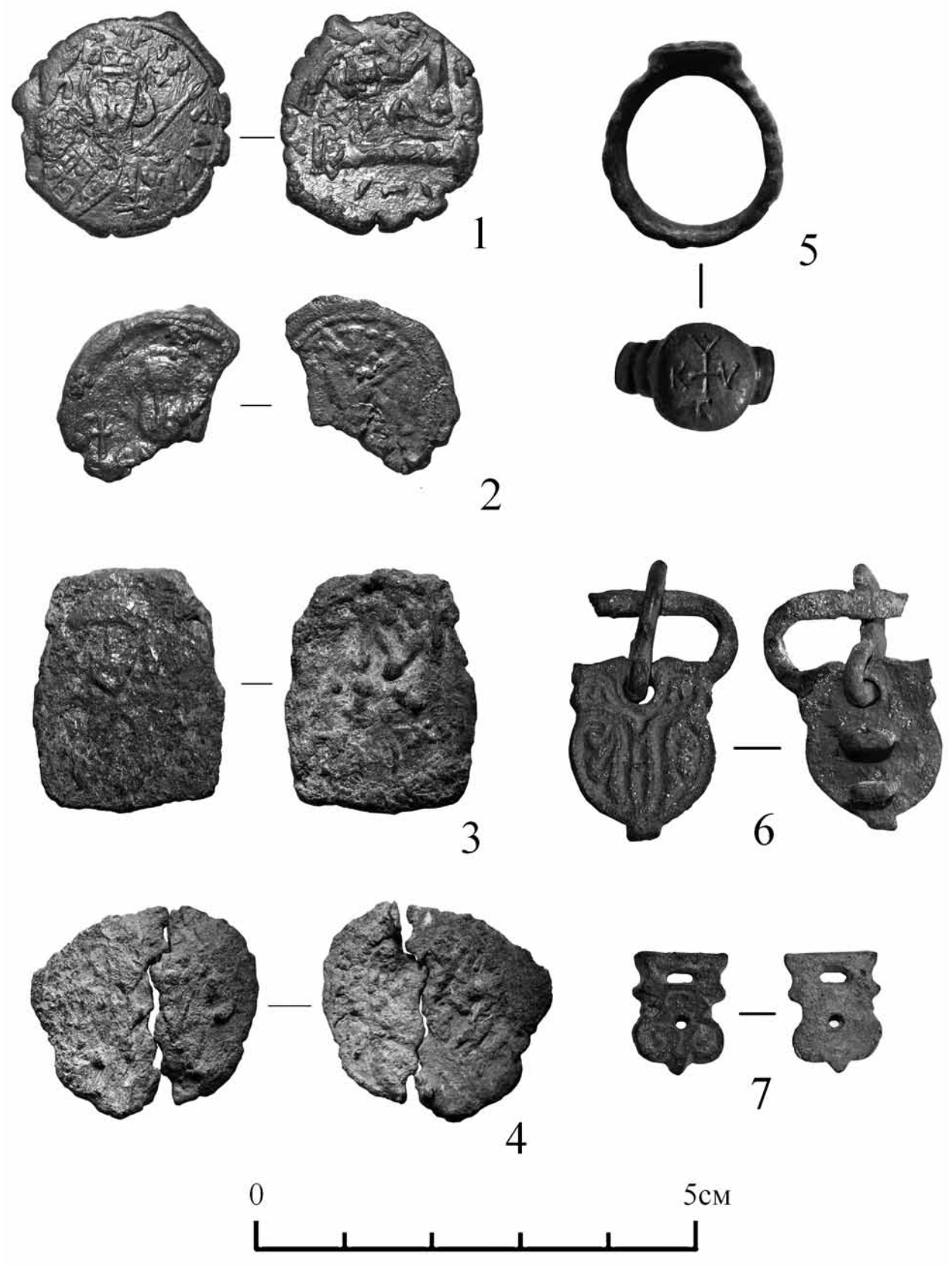


Рис. 7. Подъемный материал с поселения Завал-Восточное

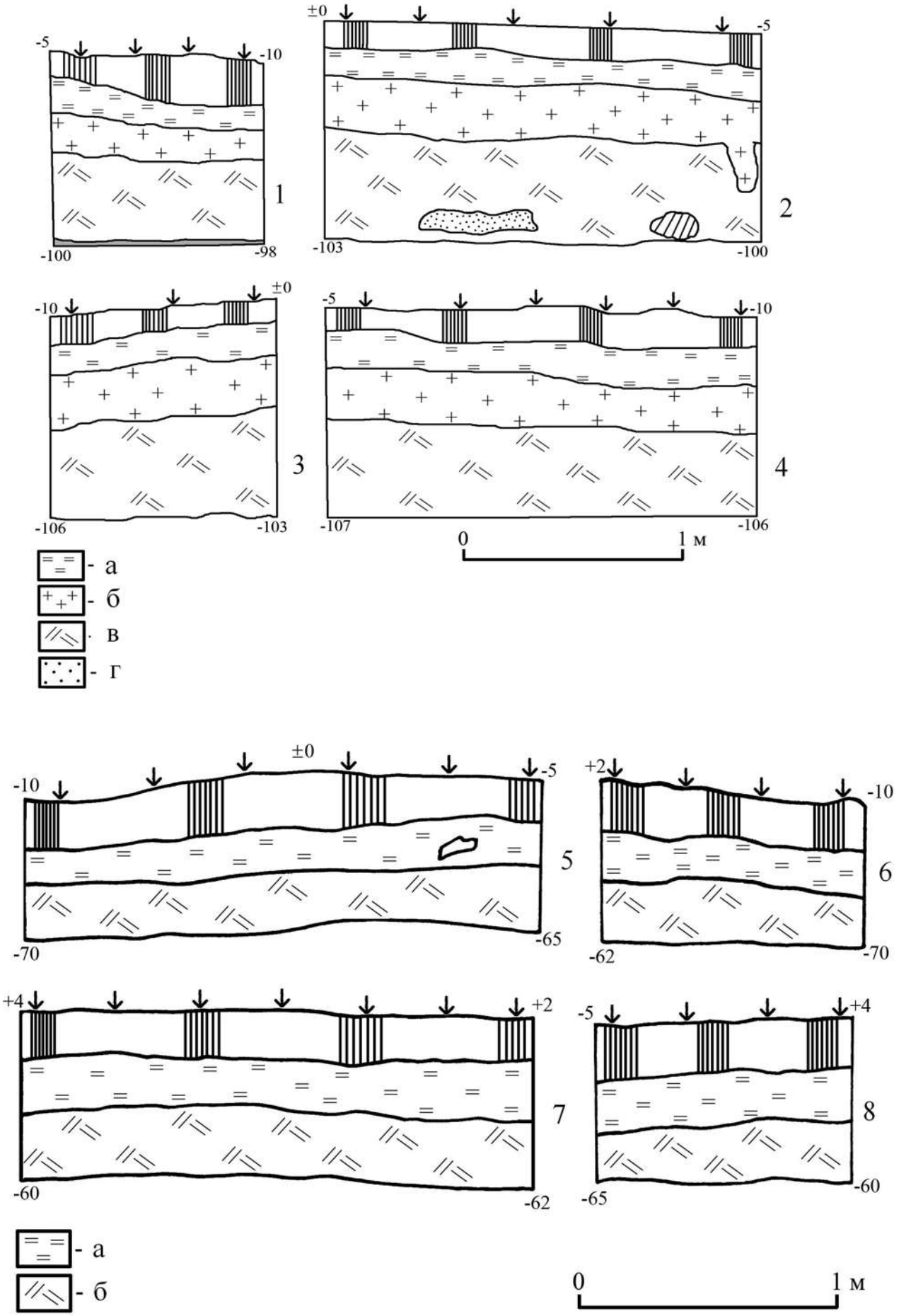


Рис. 8. Стратиграфия шурфов № 1 и № 2. Шурф № 1.
1 — восточный борт; 2 — северный борт; 3 — западный борт; 4 — южный борт;
а — суглинистый слой коричневого оттенка; б — рыхлый золистый слой серого оттенка;
в — суглинок желто-серого оттенка; г — прослойка обожженного суглинка с примесью шлака. Шурф № 2.
5 — восточный борт; 6 — северный борт; 7 — западный борт; 8 — южный борт;
а — слой плотного золистого грунта коричневого оттенка; б — слой суглинка желто-серого оттенка

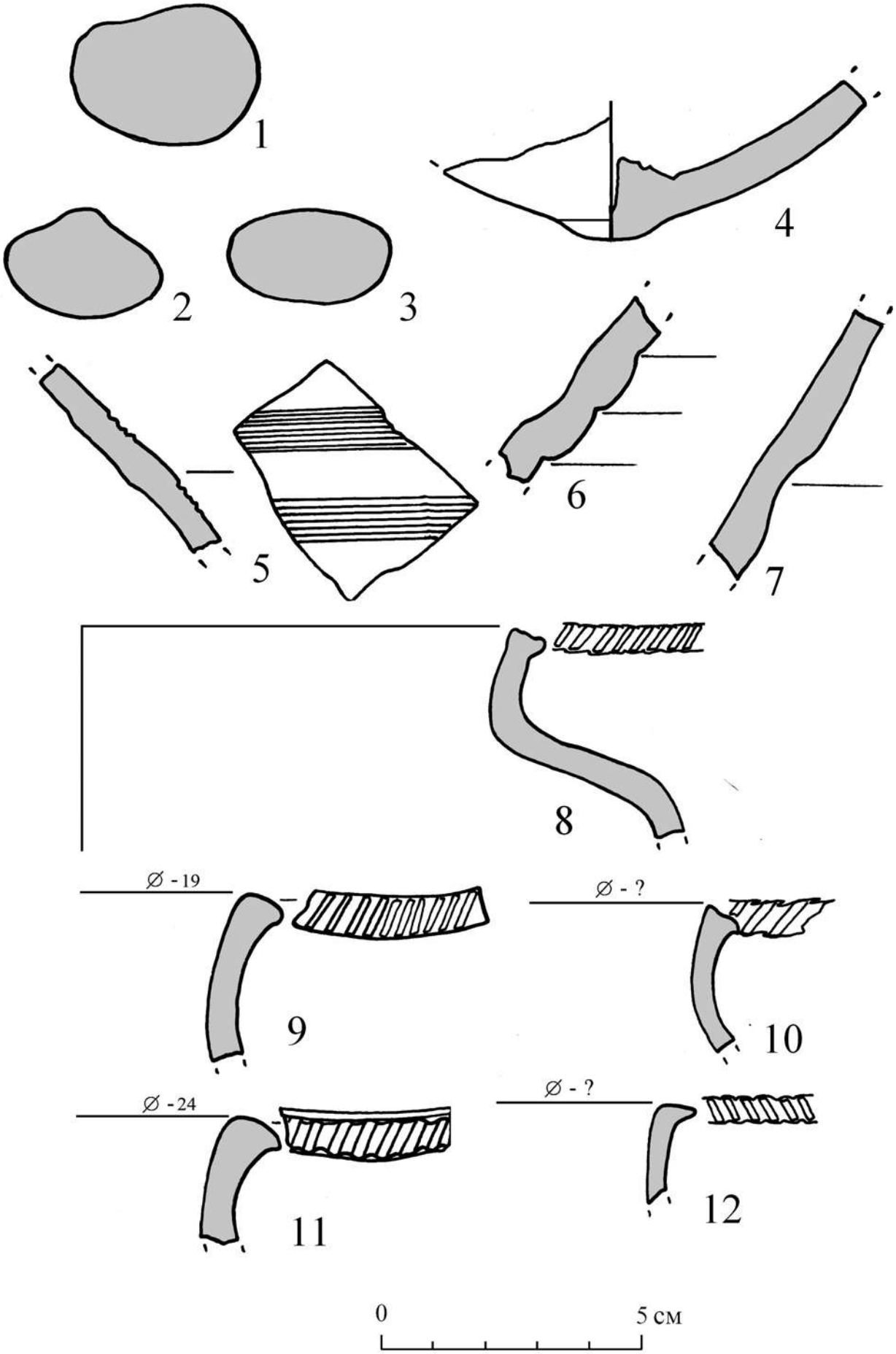


Рис. 9. Шурф № 1. Керамика из рыхлого золистого слоя серого оттенка

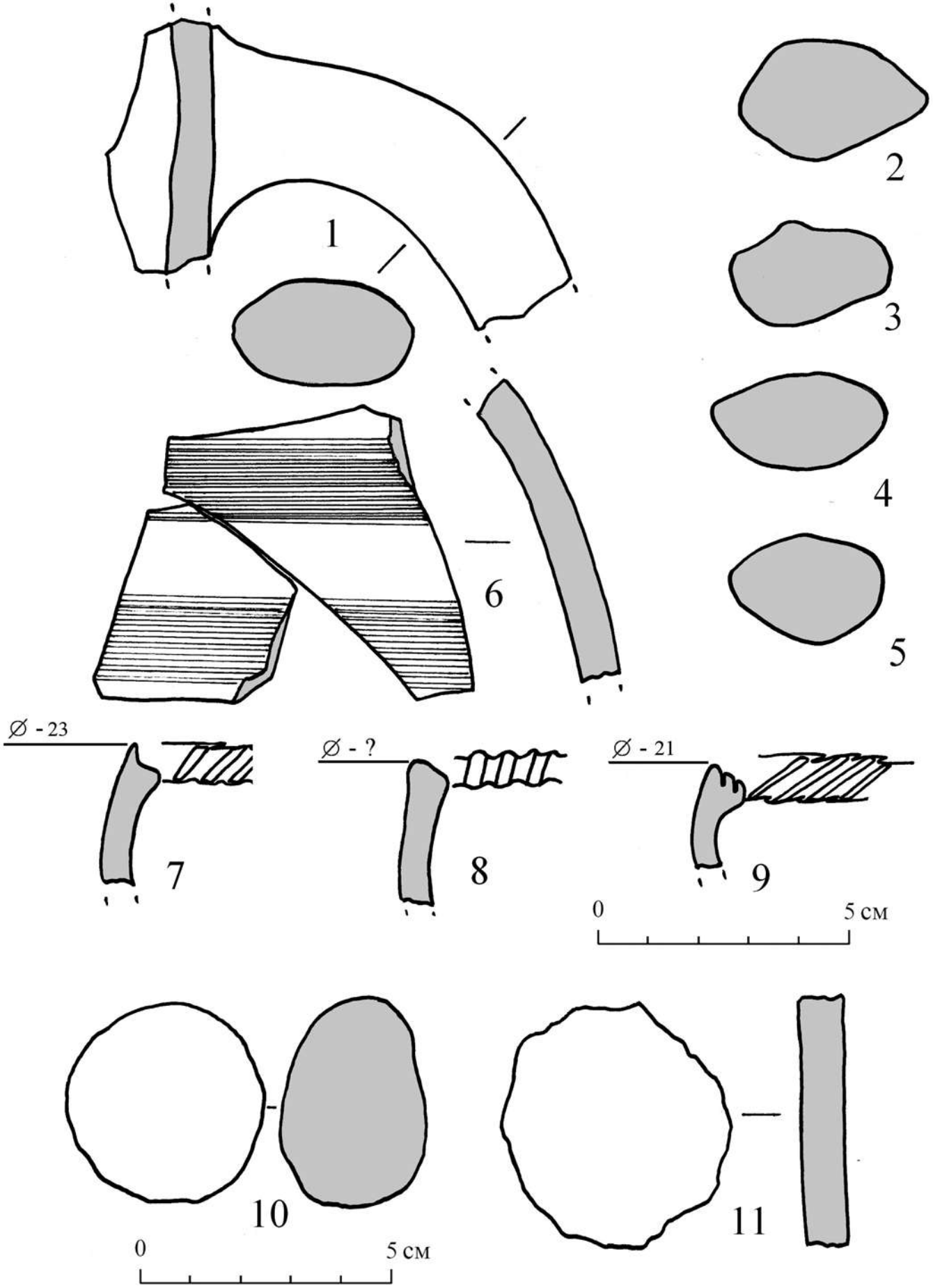


Рис. 10. Шурф № 1. Находки из слоя суглинка желто-серого оттенка

В. В. Лавров

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧИ-КАЛЬОНА в 1954 г. (По материалам архива Е. В. Веймарна в Бахчисарайском заповеднике)

Разведки Е. В. Веймарна, которые дали, хоть и небольшой по количеству комплекс материала, на данный момент являются единственными информативными исследованиями о пещерном городе Качи-Кальон. Даже при обработке столь скудного по количеству материала, можно предположить, что пещерный город Качи-Кальон, собственно, как и другие пещерные города, является многослойным памятником, имеющим, как минимум 2 периода функционирования в пределах VII — X и XIV — XV вв. Наличие же материала более позднего времени говорит об использовании пещер и гротов в качестве кошар, и функционировании скита св. Анастасии. Безусловно без систематических и детальных археологических исследований делать точные выводы кажется преждевременным.

Ключевые слова: Пещерные города Крыма, Качи-Кальон, Е.В. Веймарн, хронология.

Городище Качи-Кальон относится к группе так называемых «пещерных городов» Крыма. Городище расположено в Бахчисарайском районе близ современного с. Баштановка Верхнереченского сельского совета, на юго-западном склоне г. Фыцки-Кая-Баш (рис. 1). На сегодняшний день, согласно памятникоохранной документации из научного архива Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (далее — БИКАМЗ), Качи-Кальон представляет собой комплексный объект археологии и архитектуры общей площадью 12,5 га, на территории которого расположено пять естественных гротов и 118 искусственных пещерных сооружений. Во многих пещерах вырублены хозяйственные помещения — подвалы, стойла, а также хозяйственные ямы и тарапаны. Именно большое количество давилен, на данный момент насчитано более 120, и выделяет Качи-Кальон среди других «пещерных городов». Одновременно такое количество давилен могло перерабатывать более 250 т винограда [Веймарн, Чореф, 1976, с. 36].

В пещерах и гротах городища были высечены и культовые сооружения — усыпальницы и церкви. Всего на Качи-Кальоне сохранились небольшая по размеру церковь св. Софии, находящаяся в отдельном обломке скалы, пять частично вырубленных в скале и три наземных со скальными деталями. В литературе достаточно полно освещено расположение храмов и описание их с фиксацией [Могаричев, 1997, с. 80–82], что избавляет нас от повторения.

Впервые памятник привлек к себе внимание профессиональных историков и путешественников в конце XVIII в. Шведский историк И. Э. Тунманн, посетивший Крым между 1774 и 1777 гг., вскользь упомянул Качи-Кальон, говоря об обрубленной вниз горе, и что в ней высечены с середины до вершины пещеры [Тунманн, 1784, с. 33].

П. И. Кеппен обращает внимание на наличие стены, а в стене находятся ворота, войдя в которые можно увидеть пещеры в несколько ярусов и источник св. Анастасии [Кеппен, 1837, с. 307].

Ф. Дюбуа де Монпере первый указывает на то, что на Качи-Кальоне «находятся приспособления, явно служившие виноградными прессами…», говоря о явном сходстве с херсонесскими. В некоторых зерновых ямах еще находились «зерна пшеницы, почерневшие от времени» [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 263–264]. Дюбуа де Монпере зарисовывает два христианских надгробия. В некоторых из крипт находились кости, но исследователь считает, что ни одна из них не служила церковью, и предполагает, что пещерный город предшествовал христианству, лишь позже «обитатели его, став христианами, пожелали иметь храм, они задумали высечь в огромной отделившейся глыбе…» [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 264].

Г. Э. Караулов упоминает о Качи-Кальоне, как об обширном пещерном городе в несколько ярусов, где еще можно проследить улицы и переулки [Караулов, 1872, с. 72–73].

В. Х. Кондараки приписывал сооружение пещер «Тавро-скифам» [Кондараки, 1875, с. 73]. Крипты, по его мнению, были казармами части войск, котороя должна была защищать проход со стороны моря. Кондараки услышал рассказ местного греческого населения о том, что название «Кальон» появилось в связи с тем, что «здесь существовало какое-то капище с истуканом этого имени» [Кондараки, 1875, с. 68].

Первые научные исследования на Качи-Кальоне прошли в 1930 г. Е. В. Веймарном и Н. И. Репниковым. Исследователи по подъемному материалу и зачистки наслоений возле стены считали, «что существование поселения на месте укрепления восходит к VI – VII вв.» [Репников, 1932, с. 205–206]. Затем Н. И. Репников публикует отдельную статью [Репников, 1935, с. 102–114] посвященную этому памятнику, где уже детально описывает его.

Вход к укрепленному комплексу перекрывает линия «мощной стены, поднимающейся по склону и примыкающей к западному краю обрыва массива Качи-Кальонского утеса. Кладка стены частично из тесаных камней, но местами использованы обломки-дикари» [Репников, 1935, с. 105]. По обмерам Е. В. Веймарна в данной статье были даны схемы некоторых пещерных сооружений [Репников, 1935, с. 104, рис. 63, с. 105, рис. 64, с. 107, рис. 66]. Территория мыска перед Четвертым гротом перекрывает оборонительная стена, которая «проходит вдоль доступного края площадки, там, где к ней из долины поднимается ложбина-балка.» [Репников, 1935, с. 109]. С западной стороны находилась башня, с которой производился обстрел подхода, от башни осталось только основание. С восточной стороны стены находилась входная калитка [Репников, 1935, с. 110, рис. 69]. По данным Н. И. Репникова стена стоит на скале, в специальной вырубке. Состоит из крупных неравных по величине тесаных блоков на известковом растворе. «Изнутри к ним примыкает бутовая кладка из неровных камней, на таком же растворе. Толщина стены в среднем — 1 м» [Репников, 1935, с. 109]. В кладке стены был обнаружен фрагмент столбообразного надгробия с рельефным крестом. Была дана стратиграфическая ситуация после расчистки за стеной (рис. 3): верхний пласт земли с камнями и фрагментами желтой и зеленой поливной керамики, затем слой овечьего помета, зольная прослойка и нижний землистый слой с камнем и «керамикой конца I тыс. н.э.» [Репников, 1935, с. 110].

На площадке располагается небольшой некрополь, на осыпи была найдена медная пряжка. Н. И. Репников отнес ее к типу «Суук-су» (рис. 3) [Репников, 1906, табл. X, 19], но если верить рисунку в таблице, то эта пряжка больше похожа на тип «Сиракузы», датируемой второй половиной VII в. [Айбабин, 1990, с. 43, рис. 42, 6, 7]. Далее в статье автор ставит вопрос о боеспособности укрепления, «когда сверху, с бровки плато, как на ладони, видно все, что делается внизу» [Репников, 1935, с. 111]. В 1930 г. Е. В. Веймарн выполнил рекогносцировку плато над укреплением, и удалось установить, что вдоль юго-западного его края тянется стена. Кладка «циклопическая», без связующего раствора, камни нетесаные. Н. И. Репников отнес это укрепление ко времени «таврской поры». В «Материалах к археологической карте юго-западного нагорья Крыма» Н. И. Репников [Репников, 1939–1940, с. 286–294] фактически дублирует статью из ИГАИМКа 1935 г.

Можно предположить, что исследования Н. И. Репникова проходили с целью подготовки документации для включения в 1937 г. городища Качи-Кальон в состав музея пещерных городов, основанного на базе Севастопольского музейного объединения. Затем, после образования Бахчисарайского музея пещерных городов в 1940 г., памятник вошел в его состав. В 1979 г. решением Крымского областного исполнительного комитета принят на государственный учет, а в 1980 г. утверждена охранная зона объекта (рис. 1).

В 1954 г. были проведены разведки Е. В. Веймарном. Он считает, что этот «археологический объект не может быть крепостью» [Веймарн, 1954, с. 30], т.к. легко мог быть пораженным сверху. По наличию некрополя и остатков церквей автор предположил, что здесь находился монастырь, а за стеной, которую Н. И. Репников принял за оборонительную, находилось открытое раннесредневековое поселение. По мнению Веймарна, данное поселение крайне интересно в аспекте изучения сельского хозяйства средневековья в связи с большим количеством тарапанов. В результате разведок было насчитано и пронумеровано 60 тарапанных комплексов, некоторые из которых были зачищены.

Тарапаны, зерновые ямы, пещеры даны по нумерации Е. В. Веймарна [Веймарн, 1954, с. 31–35]. По описанию в отчете Е. В. Веймарна «счет идет от источника, находящегося в большом гро-

те» [Веймарн, 1954, с. 31], если автор имел в виду грот с источником св. Анастасии, то удается проследить первые три тарапана, затем лишь только по чертежам отчета можно определить давильни 13 и 14, и давильню 34 (рис. 2: 4*, 5, 6*). Нахождение давильни 9 и 54 с зерновыми ямами установить не удалось, но зерновые ямы находятся и рядом с гротом св. Анастасии и дальше к с. Баштановка (рис. 2).

Материал, полученный в ходе зачистки, хранится в фондах БИКАМЗ, всего 215 единиц хранения:

	Наименование	фр-в	%
1	Материал VII – X вв.	12	6%
2	Материал XIV – XV вв.	151	70%
3	Материал позднее XV в.	5	2%
4	Не имеет точной атрибуции или являются не датирующим	40	19%
5	Индивидуальные находки	7	3%
	Всего единиц хранения	**215**	

Необходимо отметить, что в отчете Е. В. Веймарна отсутствует стратиграфическая ситуация в ходе зачисток. Среди исследуемых объектов следует выделить давильню 14, 34 и пещеру у давильни 9 (рис. 2), т.к. материал, полученный из этих комплексов, исключительно позднесредневековый — XIV – XV вв.

Давильня 14 (рис 5: *II*; 6) — размер давильной площадки 2 х 1,5 х 0,7 м, размер сливной камеры 0,8 х 1 х 1,5 м, хорошей сохранности.

При зачистке было найдено 57 обломков керамики. Строительная керамика — 2 фрагмента керамиды, сформированные из плотного теста с примесью шамота, железистых частиц. Тарная керамика представлена 4-мя фрагментами стенок пифосов, сформированных из плотного теста светло-оранжевого цвета с примесью известняка, железистых частиц, по характеру теста принадлежат одному сосуду. А также плоскодонными коричневоглиняными кувшинами, с невысоким венчиком-воротничком и широкими плоскими ручками с росписью линиями светлого ангоба (рис. 7: *5*), изготовленные из плотного теста с включениями известняка, толченной галки и песка. Такие виды сосудов характерны для комплексов второй – третьей четверти XV в., что подтверждают исследования на других памятниках Крыма — Мангуп-Кале [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 382; Герцен, Науменко, 2009, с. 395], Фуны [Кирилко, 2005, с. 67], Чембало [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, с. 171], Алустона [Мыц, 2002, с. 157].

Синхронна этому времени и бытовая неглазурованная керамика, которая составляет большую часть находок (69 %). Представлена фрагментами шаровидных горшков с отогнутым венчиком, украшенных врезными концентрическими линиями, которые известны по раскопкам Мангуп-Кале [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 384; Герцен, Науменко, 2009, с. 395], Фуны [Кирилко, 2005, с. 67], Алустона [Мыц, 2002, с. 157]. Несколько шире хронология сосудов (кувшинов?), украшенных гребенчатым волнистым и линейным рифлением, в археологических комплексах Мангупского городища укладывается в пределы XIV – XV вв. [Герцен, Науменко, 2009, с. 395].

Глазурованная керамика из давильни 14 представлена фрагментами мисок — Monochrome (Yellow or Green) Glazed Wares (рис. 7: *3*) и Monochrome (Yellow — Brown) Sgraffito Ware (рис. 7: *4*) [Vroom, 2005]. Поливная керамика аналогичная этой широко известна по позднесредневековым памятникам Крыма [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 386] и является важнейшим датирующим материалом. Производство данных типов сосудов принадлежит местным гончарным центрам, которые сохранили принципы декора и основные морфологические принципы поздневизантийской поливной посуды. Следы производства данного вида керамики обнаружены в ходе раскопок Мангупа [Герцен, Иванова, Науменко, Смокотина, 2007, с. 245, рис. 44, 2], Чембало [Адаксина, Кирилко, Мыц, 2003, рис. 81; Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, рис. 104, 119; Адаксина, Кирилко, Мыц, 2006, рис. 80], Фуны [Кирилко, 2005, с. 49, рис. 40, 8], Алустона [Тесленко, 2005, с. 324–333, рис. 1–14] и др., а период бытования относят ко второй половине XIV – последней четверти XV вв.

Давильня 34 находится на отдельном обломке скалы возле пещерной церкви (рис. 2), хорошей

сохранности. При исследовании было обнаружено 10 фрагментов керамики. Среди них, уже упомянутые выше плоскодонные коричневоглиняные кувшины (рис. 7: *8*), фрагменты красноглиняных сосудов (кувшинов?), украшенных гребенчатым волнистым и линейным рифлением и фрагмент донца миски под монохромной зеленой глазурью.

В ходе исследования Е. В. Веймарна была зачищена **пещера у давильни 9**. Найдено 22 фрагмента керамики. Из неглазурованной керамики — стенки шаровидных горшков со следами ремонта и фрагменты стенок плоскодонных коричневоглинянных кувшинов. Поливная керамика представлена фрагментами мисок и тарелок — под монохромной желтой или зеленой глазурью (рис. 8: *1, 14*), под полихромной глазурью зеленого и коричневого цветов (рис. 8: *12, 13, 15, 16*).

В остальных объектах исследования был обнаружен материал разного времени, условно его можно разделить на три периода VII – X, XIV – XV вв. и материал после XV в.

Давильня 13 (рис. 5: *I*) — размер давильной площадки 2,9 х 2,4 м, размер сливной камеры 1,2 х 1,1 м, борта слегка разрушены.

В процессе зачистки было найдено восемь фрагментов керамики. К раннесредневековому материалу следует отнести фрагмент стенки «причерноморской» амфоры, сформированный из плотного теста с примесью известняка и мелких карбонатов, к сожалению, из-за сильной фрагментарности находки отнести ее к какому-либо классу не представляется возможным. К позднесредневековой керамике принадлежат, уже описанные тарные плоскодонные коричневоглинянные кувшины, с невысоким венчиком и широкими плоскими ручками с росписью линями светлого ангоба (рис. 7: *1, 2*). Группу позднесредневековой кухонной посуды составляют горшки, сформированные из красноглиняного рыхлого теста с включениями известняка, карасана и пироксена. Из-за отсутствия профильных частей, лишь по составу теста можно отнести к группе горшков с шаровидным туловом, невысоким и рельсовидным венчиком, время бытования которых согласно исследованиям на Мангуп-Кале [Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 383–384], Алустоне [Мыц, 2002, с. 157], Чобан-Куле [Кирилко, Мыц, 2004, с. 212, 221–223, рис. 22, 2] можно отнести к XV в.

Зерновая яма у давильни 54 (рис. 2; 4: *Б*) — по описанию Е. В. Веймарна находится за дорогой. При зачистке было найдено 46 единиц хранения. Индивидуальные находки — 2 фрагмента донышек стеклянных стаканов, подкова железная. Из раннесредневекового материала фрагмент венчика и ручки (рис. 8: *10, 11*) «причерноморской» амфоры типа класс 24 по ХК-95, сформированного из плотного теста с примесью с примесью известняка и мелких карбонатов, венчик плоско срезанный, ручки овальные в сечении с продольным ребром. Этот вид керамических изделий широко известен на многих памятниках Крыма — Кыз-Кермен [Белый, Назаров, 1992, с. 139–140; Белый, 2001, с. 200], Бобровка, Поляна, Гончарное, Передовое, Горный Ключ, Поворотное [Якобсон, 1970, с.41, 72, 95, 105, 113], Мангупского городища [Науменко, 1997, с. 326–332; Герцен, Землякова, Науменко, Смокотина, 2006, с. 396–399] и др., и является наиболее массовым материалом Таврики периода VIII – X вв.

Тарный материал XIV – XV вв. представлен коричневоглиняными кувшинами, описанными выше (рис. 8: *6, 7, 8*). Среди обломков столовой керамики — фрагменты стенок сосудов (кувшинов?), украшенных гребенчатым линейным и волнистым орнаментом. Примерно четверть находок из этого комплекса составляет глазурованная керамика. Представлена фрагментами мисок и тарелок — под монохромной глазурью желтого и коричневого цветов (рис. 8: *2, 3*), под полихромной поливой коричневого и зеленого цветов, выполненной в технике «сграффито» (рис. 8: *9*). Отметим, что техника гравировки 2–3 резцами, хоть и появляется в XIV в., но получает наибольшее распространение именно в XV в. и составляет абсолютное большинство среди сосудов под полихромной поливой с орнаментом сграффито [Тесленко, 2010, с. 228]. Среди поливной керамики следует выделить фрагмент ручки кувшина (рис. 8: *4*), под монохромной глазурью, изготовление которых относят к XV в. [Герцен, Науменко, 2009]. Также во время зачистки был найден более поздний материал — это фрагменты черепицы типа «татарка», и фрагмент фаянсовой миски с подглазурной росписью зеленого цвета производства XIX в.

Подъемный материал — 72 единицы хранения. Группа раннесредневекового материала представлена следующими видами изделий:

Фрагмент ручки амфоры (рис. 10: *6*) типа LR 1 [Riley, 1979]. Тесто ярко оранжевого цвета с большим количеством включений известняка и шамота. Амфоры этого типа являются одними из широко распространенных в бассейнах Средиземного и Черного морей. На территории полуострова данные типа сосудов имеют сроки бытования с конца

IV до середины VII вв. В Крыму амфоры известны по раскопкам Мангуп-Кале [Иванова, 2011, с. 268–287], Херсонеса [Голофаст, Рыжов, 2011], Боспора [Смокотина, 2014, с. 68–78] и других памятниках синхронных этому времени.

Фрагмент ручки «причерноморской» круглодонной амфоры типа класс 24 по ХК-95. Сформированы из плотного теста с примесью с примесью известняка и мелких карбонатов (рис. 10: *14*).

Фрагмент ручки кувшина «скалистинского» типа (рис. 10: *3*), плоская в сечении, с дыркой для подвешивания, сформированная из плотного хорошо промешанного теста, приобретшего после обжига светло-коричневый цвет. В Юго-Западной Таврике сосуды «скалистинского» типа являются наиболее массовым материалом среди столовой керамики, особенно для периода VIII – X вв., хотя общая хронология данного вида изделий обычно укладывается в пределах VI – XI вв. Наиболее характерны находки кувшинов «скалистинского» типа на раскопках южной и юго-восточной части полуострова — Эски-Кермен [Репников, 1932, с. 168–169], Тепсеньское городище [Бабенчиков, 1958, с. 132, рис. 24, 1], Бакла [Романчук, Рудаков, 1975, с. 221, рис. 4; Талис, 1982, с. 59–60, рис. 7; 8, 1–3; 11, 7–14; 13, 1–3, 7, 8], Скалистое [Якобсон, 1979, с. 20–21, 62, рис. 6, 1–2; 33, 3–4; Веймарн, Айбабин, 1993, с. 191–192], Кыз-Кермен [Белый, Назаров, 1992, с. 140; Белый, 1993, с. 54, рис. 9, 1–2], Ходжа-Сала [Науменко, 1997, с. 337–338, рис. 4, 7], Херсонес [Рыжов, Седикова, 1999, с. 320, рис. 6, 1, 2, 8], Судак [Майко, 2007, с. 153, 155, 168–169, 187, рис. 102, 7; 103, 13; 106, 8; 107, 18; 115; 120].

Позднесредневековый материал:

Строительная керамика представлена 8-ю фрагментами, из них керамид — 7 фрагментов, калиптера — 1. В целом выделить керамиды определенного типа не представляется возможным, в виду отсутствия целых форм и сильной фрагментарности находок. Но по составу теста можно разделить на группы: сформированные из плотного теста с примесью шамота, железистых частиц и рыхлого плохо промешанного теста с большим содержанием известняка.

Тарная керамика представлена, уже описанными, плоскодонными коричневоглинянными кувшинами (рис. 10: *4, 5, 8, 10, 11*).

Группа бытовой неглазурованной керамики, которая составляет большую часть находок представлена фрагментами шаровидных горшков, украшенных врезными концентрическими линиями (рис. 9: *8, 9*), сосудами (кувшинами?), украшенными гребенчатым волнистым и линейным рифлением (рис. 9: *3, 4, 6*).

Находки более позднего времени представлены 2-мя фрагментами черепицы типа «татарка».

Abstract

V.V. Lavrov

ARCHAEOLOGICAL EXPLORATIONS OF KACHI-KALON IN 1954
(by the materials of E. V. Weimarn archive in the Bakhchsarai reserve)

Explorations of E.V. Weimarn, which gave, though a small number of complex materials, are currently the only one informative study. Even when processing such a meager quantity of material it can be assumed that the cave city Kachi-Kalon, in fact, like other cave towns is a multi-layered monument, having at least 2 periods of operation of the settlement within the VII – X and XIV – XV c. The presence of the material later time means about the use of caves and grottos as sheepyards and functioning of the monastery of St. Anastasia. Certainly without systematic and detailed archaeological researches to make accurate conclusions seem premature.

Key words: cave city of Crimea, Kachi-Kalon, E. V. Weimarn, chronology.

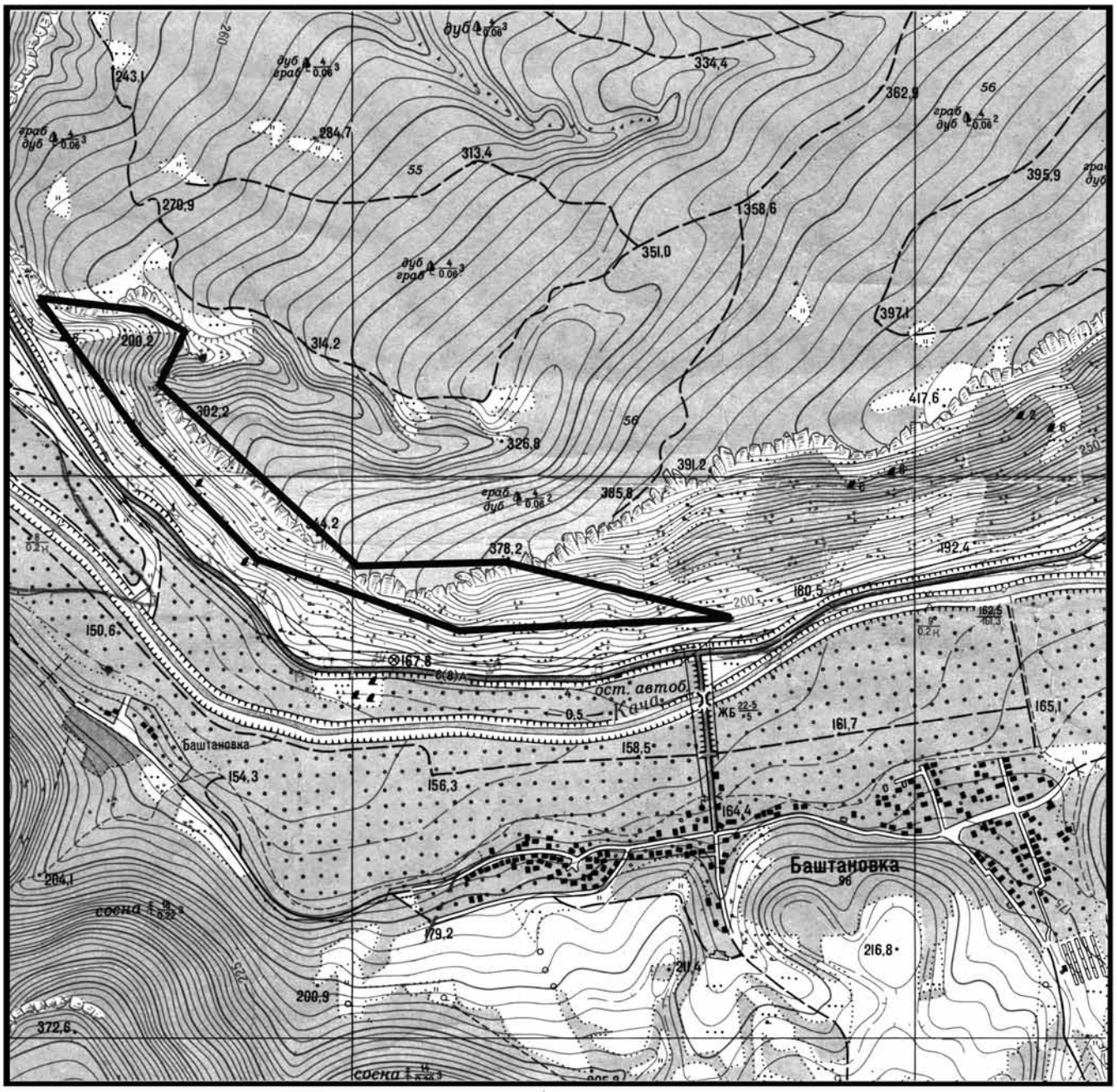
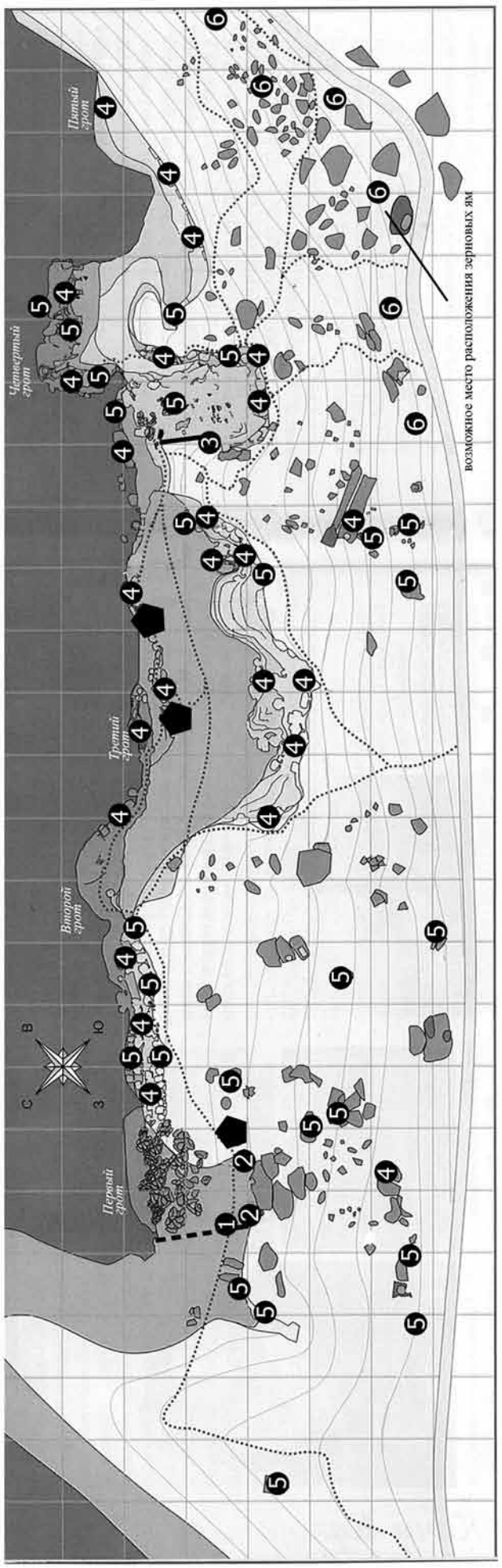


Рис. 1. План-схема. Место расположения городища Качи-Кальон.



1. Внешний пояс стен.
2. Пещерная церковь и усыпальница в отдельных обломках камня.
3. Цитадель.
4. Жилые, культовые и хозяйственные пещеры и вырубленные строения.
5. Вырубленные винодавильни (тарапаны), ⬟ - отмечены давильни 13, 14, 34 (справа налево).
6. Руины жилой и культовой застройки

Рис. 2. План-схема. Расположение внутрикомплексных объектов

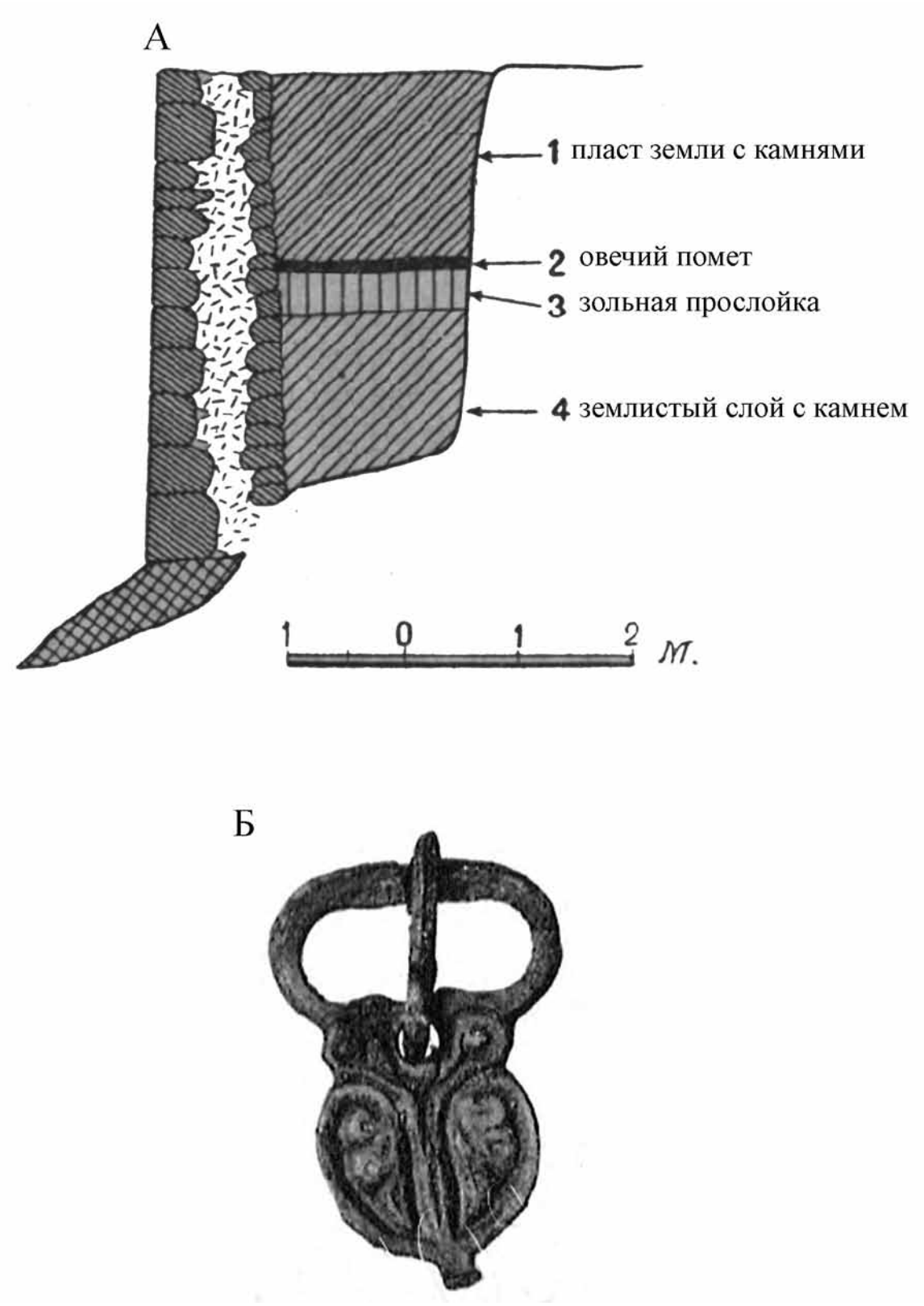


Рис. 3. А — стратиграфия по Н. И. Репникову, Б — пряжка типа «Сиракузы»

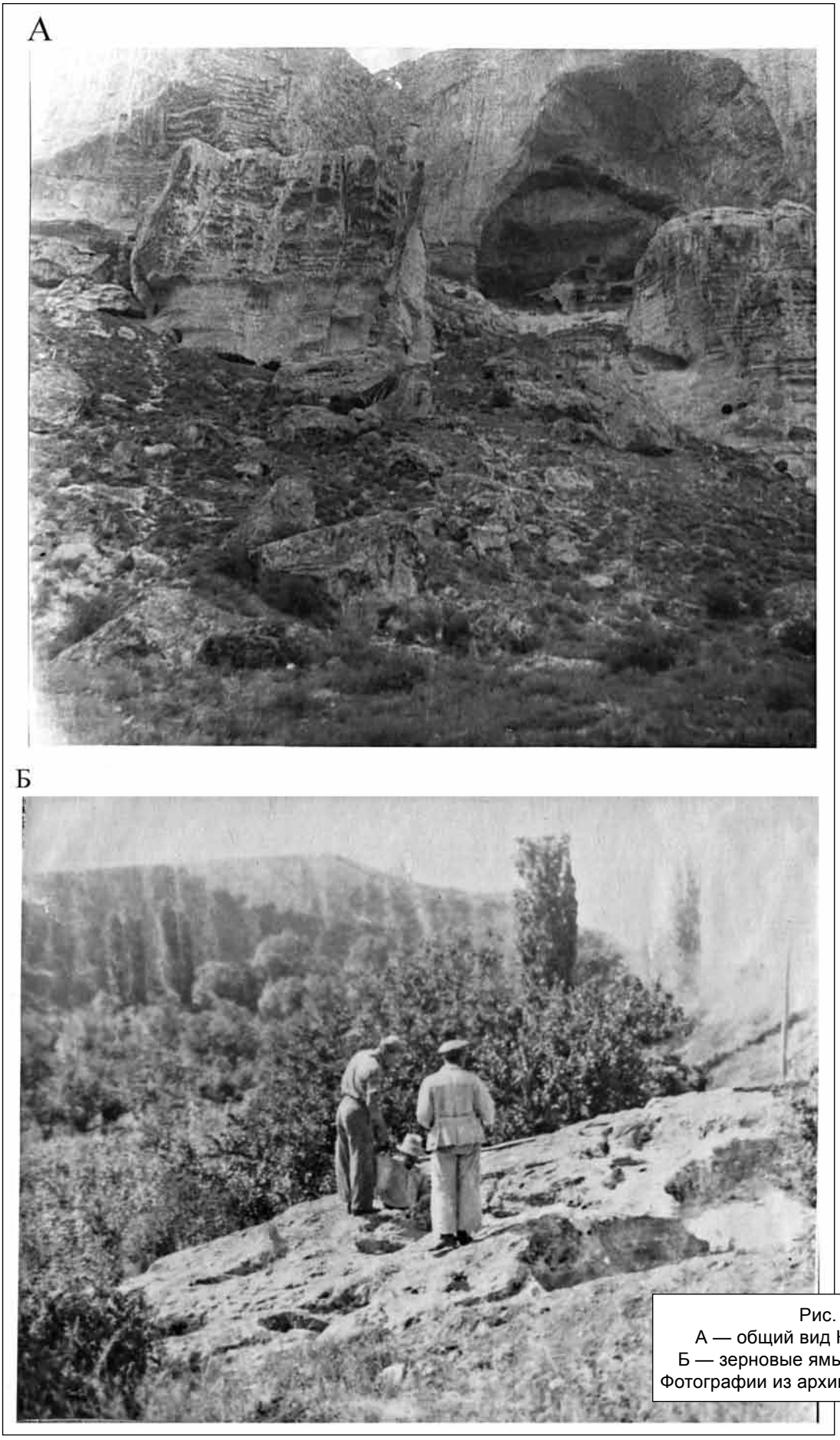


Рис. 4.
А — общий вид Качи-Кальона,
Б — зерновые ямы у давильни 54.
Фотографии из архива Е. В. Веймарна

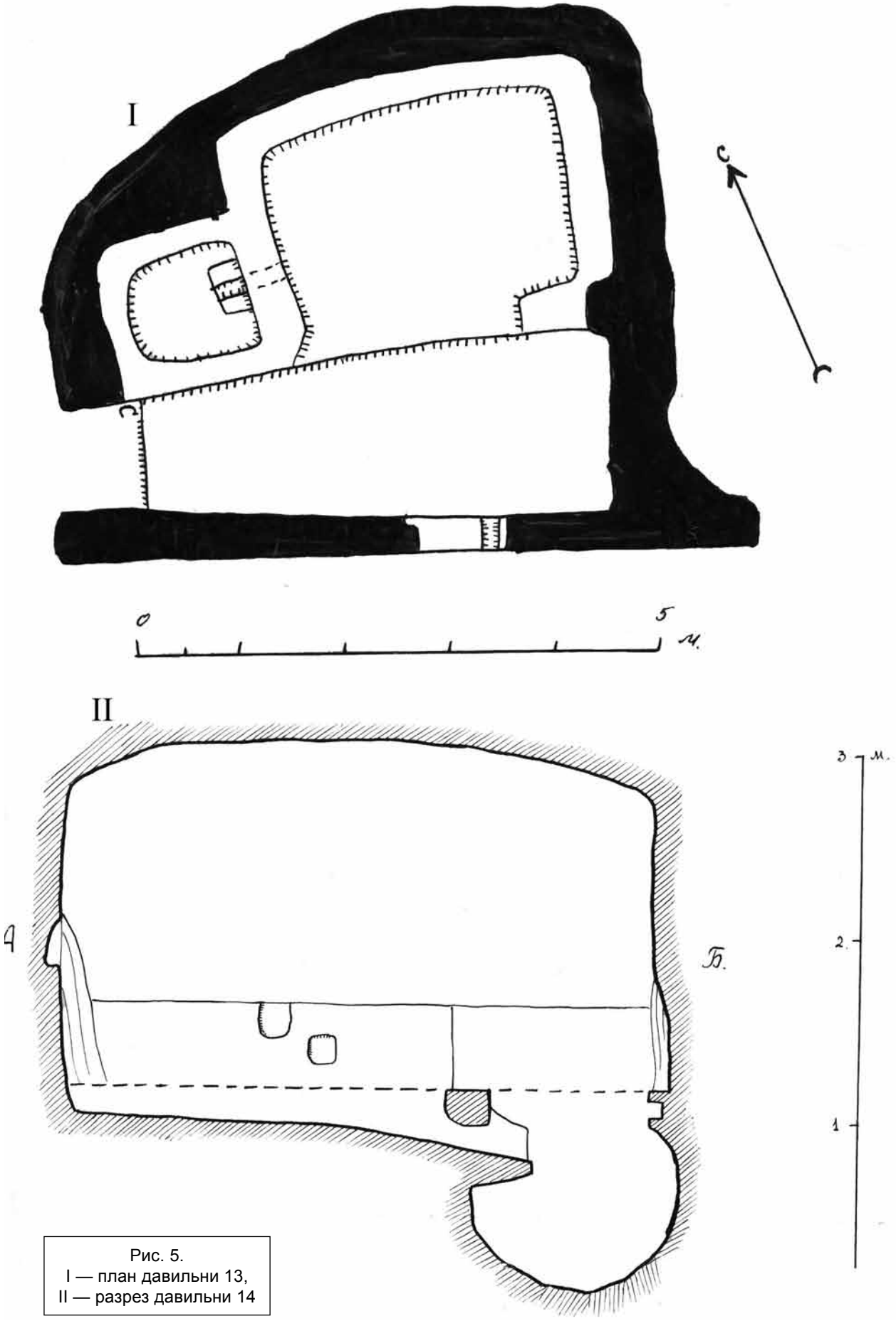


Рис. 5.
I — план давильни 13,
II — разрез давильни 14

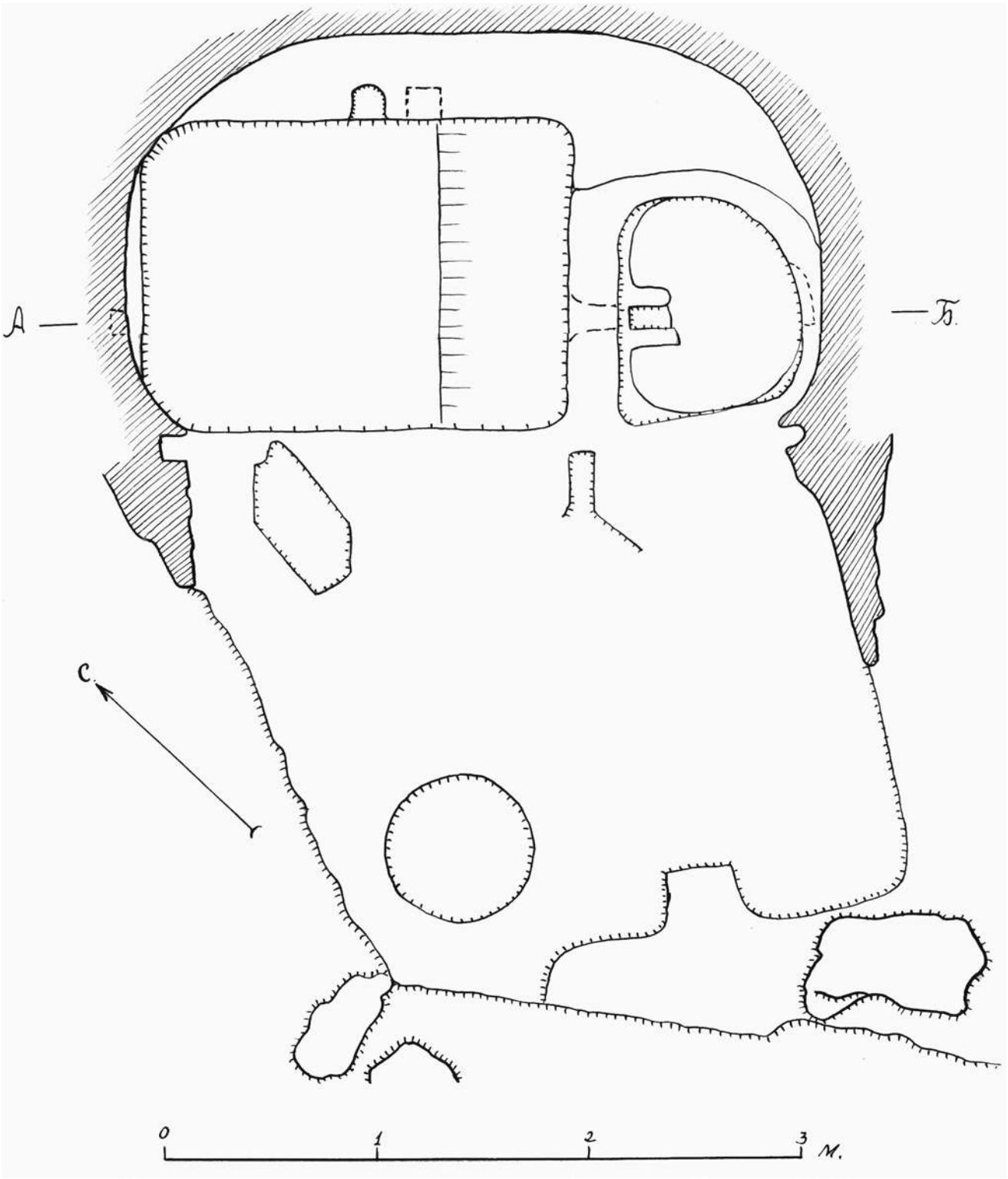


Рис. 6. План давильни 14

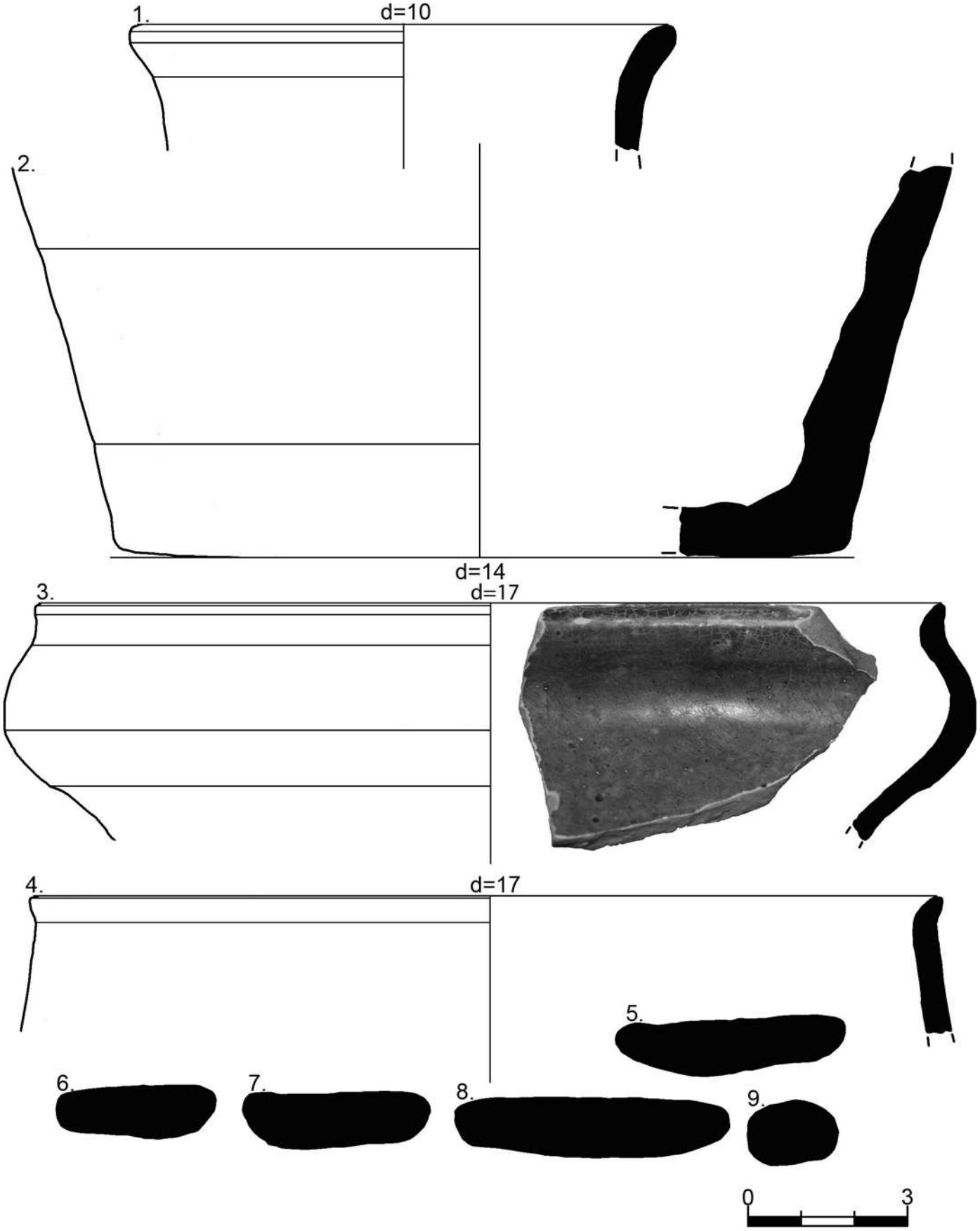


Рис. 7. Материал из давилен 13, 14, 34

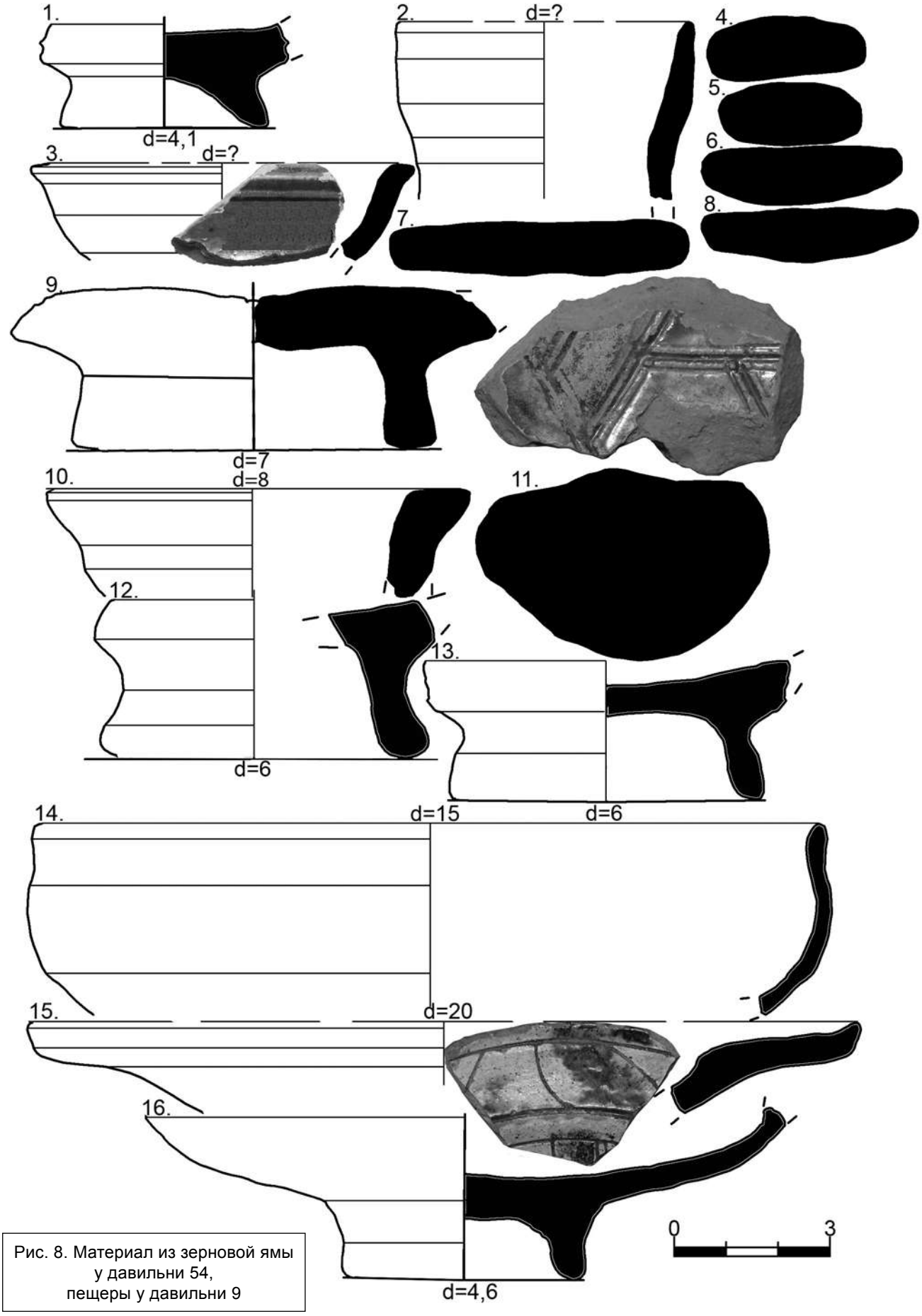


Рис. 8. Материал из зерновой ямы у давильни 54, пещеры у давильни 9

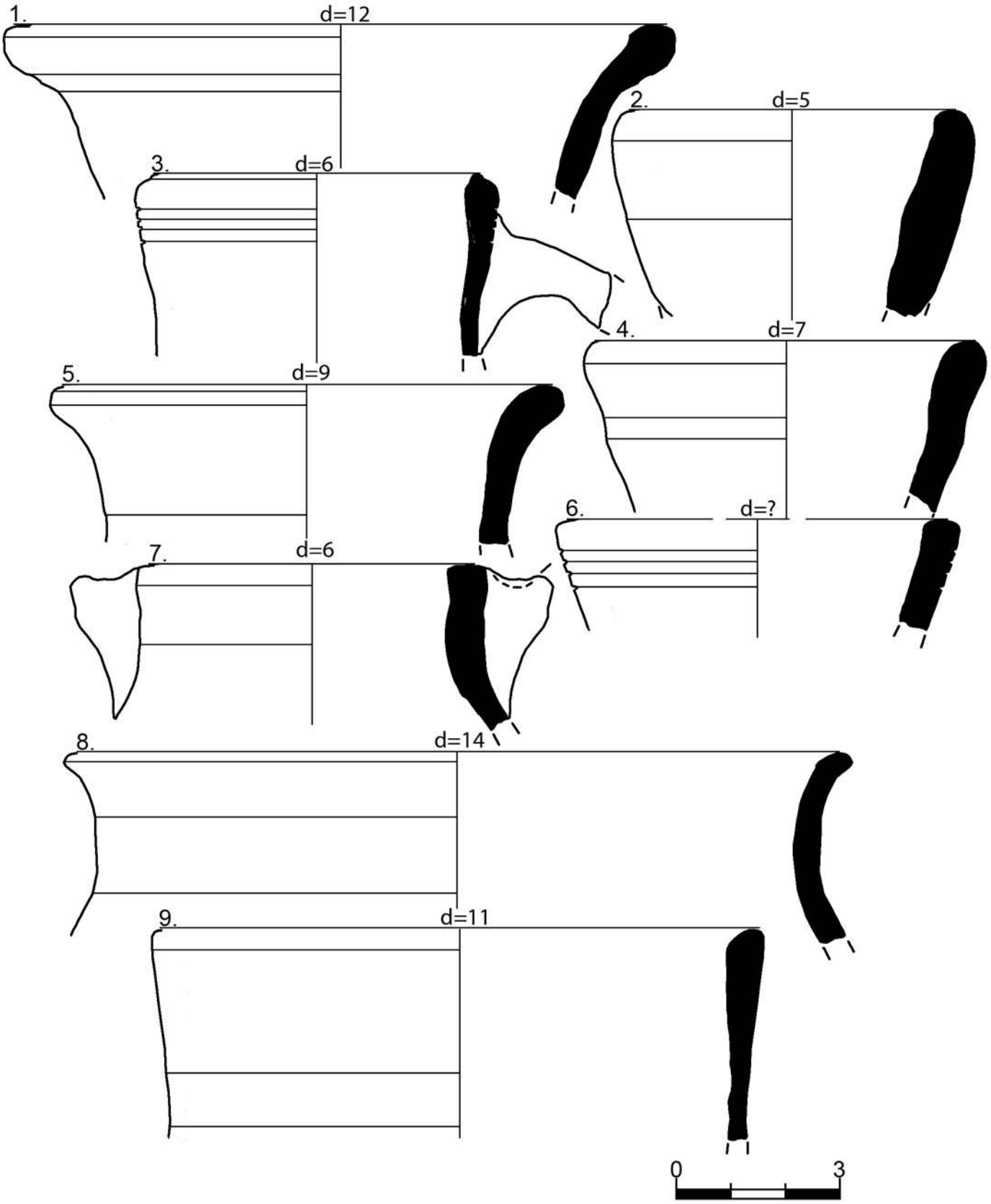


Рис. 9 Подъемный материал

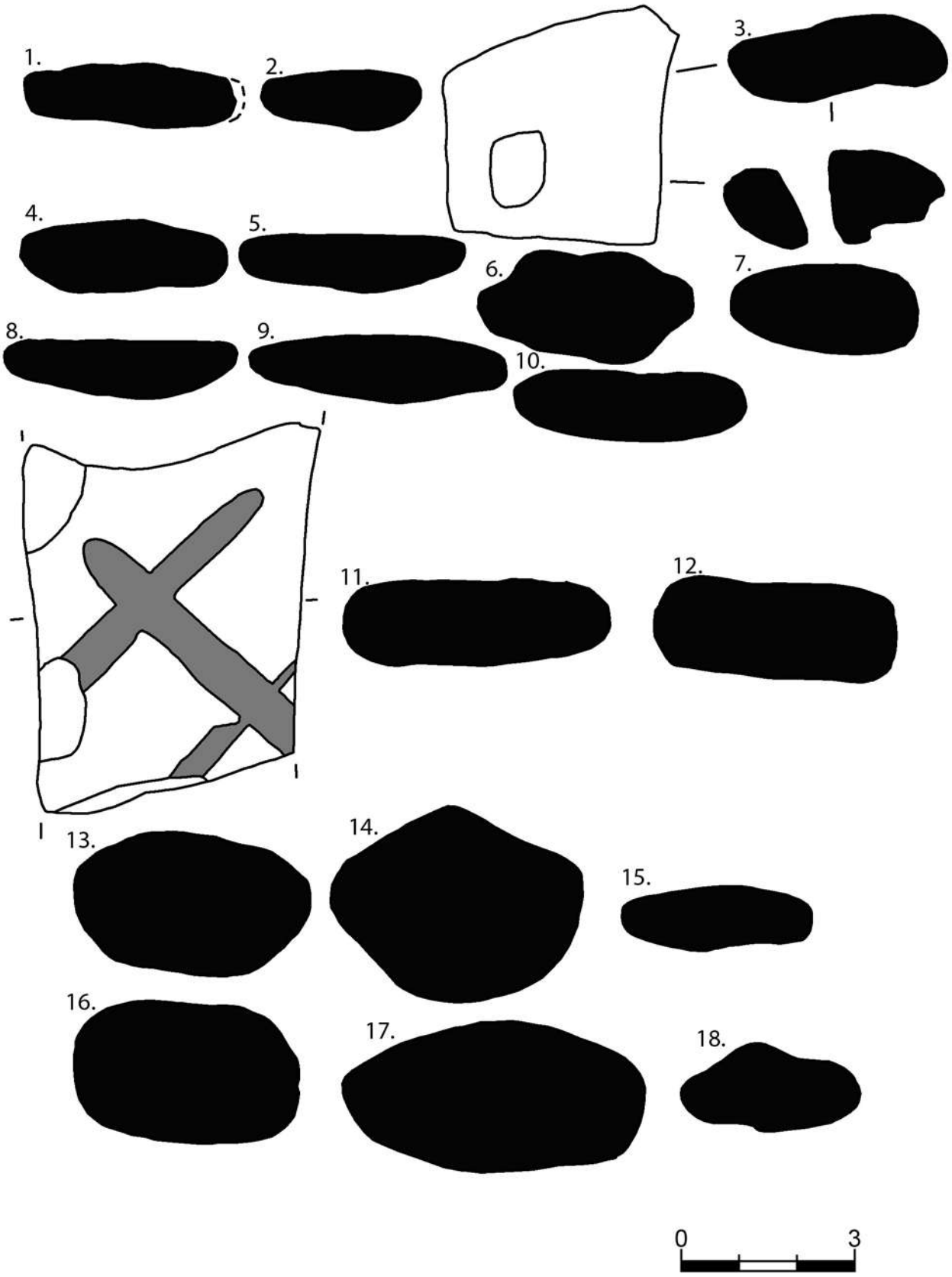


Рис. 10. Подъемный материал

Н. И. Сударев, В. В. Майко

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАМАТАРХИ-ТМУТАРАКАНИ 2012 г. СТРАТИГРАФИЯ И ХРОНОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ

В статье публикационного характера впервые вводятся в научный оборот средневековые материалы охранных археологических исследований 2012 г. проводившихся Восточно-Боспорской экспедицией Института археологии РАН на территории Таманского городища. Выявленные культурные горизонты и археологические объекты относятся к трем основным периодам истории памятника. Период хазарской Таматархи представлен в основном культурными горизонтами на участке раскопа VII. Средневизантийский период Тмутаракани характеризуется насыщенными археологическим материалом горизонтами и остатками жилого комплекса. Исследованная его часть включала в себя каменный дом с отопительными сооружениями и хозяйственные ямы. Полученный комплекс находок последнего периода функционирования дома одинтиз наиболее ярких для Таманского городища второй половины XI – начала XII вв. Позднесредневековый османский период Таманского городища представлен девятью хозяйственными ямами и некрополем. Полученный археологический материал дополняет наши представления о топографии городища османского времени и материальной культуре ее жителей.

Ключевые слова: Таманское городище, хазарский, византийский и османский периоды, хронология комплексов.

История средневековой Таматархи-Тмутаракани и материальная культура ее жителей в последние годы привлекает значительный интерес специалистов. Многолетние археологические исследования памятника были относительно недавно обобщены в монографии В. Н. Чхаидзе [Чхаидзе, 2008]. Тем не менее, продолжающиеся раскопки Таманского городища дают новые результаты, позволяющие дополнить существующие представления обо всех периодах его функционирования. В этой связи безусловный интерес представляют охранные археологические исследования, проводившиеся в июле – августе 2012 г. сотрудниками Восточно-Боспорской экспедиции Института археологии РАН. Работы велись на территории Западного некрополя древнего городища Гермонасса, а также в восточной части ст. Тамань, вплоть до земляных укреплений XVIII в. «Суворовская крепость». Было обследовано побережье на участке от Коровьего брода (западная окраина территории Таманского городища) до глубокой обширной балки — Железная балка, которая является восточной границей недавно созданного развлекательного туристического комплекса «Атамань». На западном участке Западного некрополя Гермонассы было заложено пять новых раскопов (Раскоп II Западный, Раскоп II Восточный, Раскоп III, Раскоп IV и Раскоп V), продолжены исследования на Раскопе II Центральный 2011 г. и заложены новые раскопы VI и VII**.** Наиболее яркие и информативные средневековые материалы были обнаружены на Раскопах II Восточный и Центральный, Раскопах IV и VII. Перейдем к их описанию.

Раскоп VII «Коровий брод» площадью 35 м^2 разбит в верхней части небольшого оползневого мыса, расположенного на восточном склоне устья глубокой балки «Коровий брод» в районе предполагаемого строительства водоотводного сооружения № 4 (рис. 1: *3*).

Стратиграфия раскопа представлена пятью основными слоями, прослеженными на максимальную глубину до 4,86 м (западный борт раскопа) (рис. 2: *4*). Верхний дерновый слой прослежен по

всей площади раскопа. Его мощность не превышает 0,05 м. Ниже слоя дерна прослежен *слой суглинистого грунта темно серого оттенка* со значительным добавлением в нижней части золы. Не исключено, что он является оплывшими отвалами раскопа Б. А. Рыбакова 1952–1953 гг. Совершенно очевидно, что слой образовался в послевоенные годы. Тем не менее, основная масса сильно фрагментированного археологического материала, достаточно однородна и датируется в пределах второй половины X – XI вв. (рис. 3: *А*). Она представлена фрагментами сфероемкостных амфор Константинопольского производства (рис. 3: *1*), кухонных тонкостенных горшков разных типов (рис. 3: *2, 3*) и преобладающих высокогорлых кувшинов с ленточными ручками (рис. 3: *4*). Отметим фрагмент кольцевого поддона поливной тарелки изготовленной из глины светло-розового цвета с рельефным цветочным орнаментом (рис. 3: *5*). Фрагменты археологического материала VIII – первой половины X вв. — единичны.

Данный горизонт подстилает *слой суглинка темно-желтого оттенка*. Помимо прослоек гумусированного грунта, содержит и многочисленные прослойки золистого грунта, насыщенного и археологическим, и остеологическим материалом. Сырцово-суглинистые слои разделены между собой прослойками гумусированного грунта, что свидетельствует о нескольких, как минимум, четырех этапах перестройки или ремонта западной оборонительной стены средневековой Таматархи, которая исследовалась Б. А. Рыбаковым в 1952–1953 гг. Основная масса керамического материала так же достаточно однородна и датируется в пределах VIII – первой половины X вв. (рис. 3: *Б*). Она представлена крупными фрагментами кухонных горшков с линейным оранментом с косо срезанным достаточно архаичным венчиком (рис. 3: *8, 9*) и крупными фрагментами высокогорлых кувшинов с ленточной ручкой (рис. 3: *6*). Фрагменты археологического материала второй половины X в. (рис. 3: *7*) — единичны.

Ниже слоя суглинка темно-желтого оттенка прослежен *слой суглинистого грунта светло-коричневого оттенка*. Археологический материал из этого слоя датируется в широких рамках второй половины VIII – начала X вв. (рис. 3: *В*; рис. 4: *А*) и представлен фрагментами кухонных горшков с разннобразным венчиком (рис. 3: *11, 12*; рис. 4: *1, 3*) и высокогорлых кувшинов (рис. 3: *10*). Обратим внимание на находку верхней части оранжевоглиняного лощеного сосуда с пролощенными вертикальными полосами (рис. 4: *2*).

В западной части раскопа, при исследовании этого слоя на глубине 2,3 м от уровня современной дневной поверхности выявлено несколько хорошо сохранившихся сырцовых кирпичей in situ (рис. 2: *1*). Вполне возможно, что они являлись частью стены, расположенной на склоне балки. В процессе расчистки сырцовых кирпичей, южнее, были зачищены уложенные на плоскую широкую грань пять камней размерами от 0,04 х 0,1 х 0,14 м до 0,8 х 0,13 х 0,21м. В результате неоднократных (?) оползней, либо подвижек грунта стена или кладка сильно деформировалась и разрушилась. В настоящее время сделать какие-либо выводы об ее изначальной ориентации, длине и мощности не представляется возможным. Хорошо сохранились лишь три сырцовых кирпича. Археологический материал из слоя на уровне подошвы сырцовой конструкции представлен мелкими фрагментами кухонных сосудов разных типов, датировать которые можно в широких хронологических рамках VIII – IX вв. (рис. 6: *1–5*). Не сужают эти рамки и находки двух керамических крышек и прясла (рис. 6: *8–10*). Непосредственно в слое сырцовой конструкции были обнаружены лишь фрагменты нижних частей высокогорлых кувшинов с ленточными ручками (рис. 6: *6, 7*).

Неоднородность данного горизонта может быть связана с тем, что именно в него была впущена хозяйственная яма 1. Она зафиксирована в процессе снятия северного борта раскопа в его северо-восточном углу (рис. 2: *3*). Горловина ямы зачищена на глубине 0,57 м от уровня современной дневной поверхности. Объект исследован лишь частично, поскольку большая его часть уничтожена в результате процесса разрушения берега. Заполнена яма золистым грунтом светло-серого оттенка. Яма имеет в плане округлую форму, а в разрезе колоколовидную. Диаметр горловины ямы составлял не менее 0,65 м, а ее дна — не менее 1,27 м. Прослеженная глубина ямы — 1,31 м. Яма вырыта в слое суглинка светло-коричневого оттенка. Археологический материал из заполнения (рис. 17: *Б*) представлен красноглиняным кувшином с узким рифленым горлом т. н. группы имитаций горшков с рельсовидным венчиком (ГРВ) [Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 497, рис. 5, 12,13] (рис. 17: *15*), верхней частью оранжевоглиняного тарного кувшина с манжетовидным или «клювовидным» венчиком т. н. группы «Крым» [Волков, 1992, с. 15–10] (рис. 17: *16*), имеющим аналогии, как в Крыму [Герцен и др., 2006, с. 385, рис. 12: 3; Алядинова, 2012, с. 256, рис. 6; Тесленко, 2012, с. 232], так и в Самбуле

[Hayes, 1992, p. 291, fig. 123: *h 26.1–3*; 136: 76] и светлоглиняными полусферическими тарелкой и чашей т. н. группы «Крым» под поливой зеленого цвета (рис. 17: *14, 17*), имеющие датированные аналогии в Крыму [Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 500, рис. 8, 2,3; Тесленко, 2012, с. 237, рис. 6; Алядинова, 2015, с. 451–481]. Подобные керамические комплексы, судя по закрытым датированным комплексам Крыма, существуют в первой половине XVI – XVII вв.

Описанный горизонт подстилает *слой золистого грунта темно-серого оттенка*. Археологический материал достаточно разнообразен и может датироваться в широких хронологических рамках середины VIII – начала X вв. Ранний материал представлен фрагментами венчиков крупных раннегончарных кухонных сосудов (рис. 4: *6, 13*), а так же разнообразным набором остальных типов кухонной посуды (рис. 4: *4, 5, 7, 9*). Фрагменты высокогорлых кувшинов — единичны (рис. 4: *8, 15*). Керамический комплекс дополняет нижняя часть красноглиняной ойнахойи с шаровидным туловом (рис. 4: *10*). Индивидуальные находки представлены фрагментами оконных стекол зеленоватого оттенка, нижней частью стеклянного сосуда (рис. 4: *11*), фрагментом железного ножа (рис. 4: *12*) и пряслом, изготовленным из стенки амфоры (рис. 4: *14*).

Нижний, предматериковый *слой суглинка темно-коричневого оттенка* с вкраплениями мела и карбонадов, прослежен на глубине — 4,5–4,6 м. Мощность слоя составляет — 0,2–0,4 м. Археологический материал в нем не встречен. В этом слое в восточной части раскопа выявлено углубление (котлован) подпрямоугольной в плане формы глубиной 0,4–0,5 м. Углубление выявлено не полностью, т. к. большей своей частью уходит в восточный борт раскопа, а его северная часть разрушена береговой абразией. В направлении С-Ю котлован прослежен на длину до 3,15 м, а в направлении З-В его прослеженная длина составила не менее 3,25 м. Глубина котлована колеблется от 0,35 м до 0,43 м. Котлован вырыт в слое предматерика и в материке. Заполнение котлована представляет собой относительно плотный золистый грунт с прослойками суглинка зеленоватого оттенка, а также с прослойками золы и древесного угля. Археологический материал из заполнения представлен крупными фрагментами кухонных сосудов с линейно-волнистым орнаментом, в основном с полусферическим венчиком (рис. 5: *2, 3, 5, 6, 9, 10*). Они характерны для позднего этапа салтово-маяцкой культуры и могут датироваться концом IX – первыми десятилетиями X вв. Остальные типы кухонных сосудов единичны (рис. 5: *4*). Немногочисленны и фрагменты высокогорлых кувшинов с ленточными ручками (рис. 5: *1*). Индифидуальные находки представлены двумя пряслами и пирамидальными грузилами с одним и двумя отверстиями (рис. 5: *7, 8, 11, 12*). Последние являются достаточно частой находкой при раскопках Таманского городища [Чхаидзе, 2008, с. 226, рис. 127, 26–28] и свидетельствуют о высоком уровне развития ткачества. В целом, исходя из однородного состава археологического материала и данных стратиграфии, заполнение котлована можно рассматривать, как закрытый комплекс.

Под этим горизонтом залегает слой желто-коричневой глины с активными включениями извести, т. н. «глина-белоглазка». На большей части памятников археологии Таманского полуострова именно такая глина является археологическим материком.

Анализ стратиграфии и керамического материала дает основания говорить о нескольких этапах отсыпки склона балки «Коровий брод» и существовании на склоне, либо в непосредственной близости от него хозяйственных (или жилищно-хозяйственных) комплексов VIII – IX вв.

Хронологически наиболее ранним объектом является котлован, сооруженный, вероятно, во второй половине VIII – середине IX вв. Во второй половине IX в. происходит его единовременная засыпка, в течение короткого времени перекрытая невилировочным слоем золистого грунта темно-коричневого оттенка. В течение второй половины IX в. непродолжительное время накапливается слой золистого грунта темно-серого оттенка. Следующий стратиграфический горизонт суглинистого грунта светло-коричневого оттенка, так же датирующийся в рамках второй половины IX в., связан с работами по ремонту западной сырцовой оборонительной стены средневековой Таматархи. Данный строительный горизонт перекрыт неоднородным слоем суглинка темно-желтого оттенка сявзанный уже со средневековой Тмутараканью. В его составе присутствует небольшое количество материала второй половины X в. Неоднородность и перемещенность слоя подтверждает хозяйственная яма 1 с материалами позднесредневекового времени. Следующий стратиграфический горизонт в целом может быть датирован второй половиной X – XII вв. Этот горизонт так же сильно потревожен о чем свидетельствуют находки керамики XVII – XVIII вв., а так же бытовой мусор

XIX – первой половины XX вв. и винтовочные гильзы времен Второй мировой войны. Помимо этго в дерновом слое зафиксированы современные перекопы и хаотическая, несанкционированная свалка бытового и хозяйственного мусора.

Раскоп IV площадью около 320 м^2 расположен в 226 м к западу от устья балки Коровий брод в непосредственной близости от берегового обрыва. С юга раскоп ограничен забором частного приусадебного участка и пешеходной тропой, а с севера — непосредственно береговым обрывом. Длинной осью раскоп ориентирован в направлении запад-восток. В береговом обрыве отчетливо читались культурные напластования, мощность которых достигала 1,6 м. Изначально было разбито три квадрата размерами 5 х 2,5 м, что было обусловлено общим расстоянием от берегового обрыва до забора частного приусадебного участка. Затем к северному и восточному борту квадрата 3 на мысу обрыва был прирезан квадрат 4 имеющий размеры 5 х 5 м, к южному борту которого была сделана новая прирезка (кв.№5 размером 2,5 х 5м) и северная прирезка размером 2,5 х 5 м с целью исследования культурных напластований разрушающегося мыса. Затем с восточной стороны были прирезаны еще два квадрата — 6 и 7 (рис. 7). Материк был отмечен на глубине до 2,3 м от уровня современной дневной поверхности. Общая стратиграфия раскопа представлена тремя основными слоями, а так же микрослоями и прослойками (рис. 8).

Верхний *слой гумусированного опесчаненного грунта светло-коричневого оттенка*. Археологический материал, происходящий из слоя, по большей части сильно фрагментирован и перемешан. Находки VIII – IX вв. единичны и представлены фрагментами кухонных горшков (рис. 9: *8*). К X – XI вв. относятся фрагменты грушевидных и сфероемкостных византийский амфор (рис. 9, *1–4*) и фрагмент стеклянного браслета (рис. 9: *5*). Единичны и фрагменты керамики второй половины XIV в. (рис. 9: *7*). Большее количество керамического материала представлено столовыми и кухонными сосудами первой половины XVI – XVII вв. (рис. 9: *6, 7, 9*). Среди них отметим фрамент венчика относящегося к недавно выделенной т. н. группе толстостенных чаш с бихромной расцветкой [Тесленко 2012, с. 242; Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 500, рис. 8, 2,3]. К этому же времени можно отнести и фрагменты железных кованых гвоздей. В целом слой можно датировать временем не ранее середины XVI в. Исключение составляет западная часть раскопа, откуда происходит материал X – XIV вв. Однако, он мог попасть в слой как «примесь снизу».

Ниже данного горизонта по всей площади раскопа зафиксирован *слой опесчаненного суглинка светло-серого оттенка*, где присутствует примесь золистого грунта. Археологический материал, происходящий из слоя, так же перемешан, но в значительно меньшей степени. Основная его масса представлена находками второй половины X – XI вв. Это фрагменты венчиков и ручек манжетовидных амфор, как ранних, так и поздних вариантов (рис. 9: *10, 13, 14*). Обратим внимание на фрагмент венчика оранжевоглиняного крупного лощеного кувшина (рис. 9: *11*) и фрагменты подправленных на круге кухонных сосудов кочевнического облика (рис. 9: *17, 18*). К этому же времени можно отнести и керамические крышки (рис. 9: *12, 16*). В этом горизонте в небольшом количестве присутствует и позднесредневековый материал первой половины XVI – XVII вв., в частности бронзовая накладка конской упряжи, щиток которой украшен цветком в центре (рис. 9: *15*), которая и датирует весь горизонт.

По всей площади раскопа данный горизонт подстилает *опесчаненная золистая прослойка*. Наиболее ярко она выражена в западной части раскопа в пределах квадратов 1–3 (Рис. 8). Керамика из слоя представлена немногочисленными фрагментами стенок поливных сосудов XVI – XVII вв. С этим слоем и прослойкой стратиграфически связаны позднесредневековые археологические комплексы. Они представлены хозяйственными ямами 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11.

Хозяйственная яма 1 расположена в восточной части квадрата 3 в 1,03 м к северу от южного борта квадрата (рис. 7: *2*). Горловина ямы, зафиксирована на глубине 0,34 м от уровня современной дневной поверхности, а дно — на глубине 0,54 м. В плане яма имеет неровные округлые очертания, а в разрезе — прямоугольные. Размеры верхней, выявленной части ямы составляют 1,5 х 2 м, а размеры дна — 1,43 х 1,97 м. Максимальная глубина ямы — 0,25 м. Яма зафиксирована на уровне своей придонной части. Верхняя же ее часть не фиксировалась при раскопках. Яма была заполнена рыхлым золистым грунтом светло-серого оттенка. На основании сильно фрагментированного материала яму можно датировать второй половиной XVI – XVII вв.

Хозяйственная яма 2 расположена на границе квадратов 2 и 3 в 1,03 м к северу от южного борта квадрата (рис. 7: *2*). Горловина ямы, зафиксирована на глубине 0,58 м от уровня современ-

ной дневной поверхности, а дно — на глубине 1,48 м. В плане яма имеет круглые очертания, а в разрезе — прямоугольные. Размеры верхней, выявленной части ямы составляют 1,56 х 1,48 м, а размеры дна — 1,51 х 1,63 м. Максимальная глубина ямы — 0,96 м. Яма зафиксирована на уровне своей верхней части и была заполнена неоднородным рыхлым золистым грунтом светло-серого оттенка. Археологический материал из заполнения представлен редким типом красноглиняных кувшинов т. н. группы митаций горшков с рельсовидным венчиком (ГРВ) с носиком слива под ангобом из глины более темного цвета с горизонтальным рифлением на горле, подчеркнутым ангобом более темного цвета (рис. 15: *6*), фрагментом светлоглиняной тарелки под поливой зеленого цвета под венчиком (рис. 15: *2*), фрагментами оранжевоглиняных тарных кувшинов с манжетовидным или «клюововидным» венчиком т. н. группы «Крым» (рис. 15: *3, 4*) и верхней частью бронзового бубенчика (рис. 15: *5*). Как уже указывалось, подобный керамический комплекс, на основании датированных монетами закрытых комплексов Таврики датируется первой половиной XVI – XVII вв.

Хозяйственная яма 4 расположена в квадрате 5 в 1,03 м к северу от южного борта и в 1,0 м от западного борта квадрата (рис. 7: *2*). Придонная сохранившаяся часть ямы, зафиксирована на глубине 0,62 м от уровня современной дневной поверхности, а дно — на глубине 1,23 м. В плане яма имеет аморфные очертания, а в разрезе — линзовидные. Размеры верхней, выявленной части ямы составляют 3,4 х 2,3 м, а размеры дна — 2,2 х 2,0 м. Максимальная глубина ямы — 0,58 м. Яма зафиксирована на уровне своей придонной части и была заполнена рыхлым золистым грунтом светло-серого оттенка с прослойками опесчаненного суглинка светло-коричневого оттенка. Археологический материал представлен фрагментом поливного конусовидного сосоуда с прямоотогнутым уплощенным венчиком (рис. 15: *7*), мелкими фрагментами оранжевоглиняных тарных кувшинов с манжетовидным или «клюововидным» венчиком т. н. группы «Крым» (рис. 15: *8*), рифленым венчиком красноглиняного кувшина т. н. группы митаций горшков с рельсовидным венчиком (ГРВ) (рис. 15: *9*), керамическими пробками (рис. 15: *11, 12*), и фрагментом кашинного сосуда (рис. 15: *10*), который можно рассматривать в качестве «примеси снизу». По составу находок комплекс синхронен заполнению ямы 2.

Хозяйственная яма 5 расположена в пределах квадратов 3 и 4 (рис. 7: *2*). Исследована была лишь северная часть ямы. Южная же её часть уходит в южный борт раскопа. Сохранившаяся часть ямы, зафиксирована на глубине 0,31 м от уровня современной дневной поверхности, а дно — на глубине на глубине 0,96 м. В плане яма имеет аморфные очертания, а в разрезе — линзовидные (ближе к аморфным). Размеры верхней, выявленной части ямы составляют 2,9 х 1,96 м, а размеры дна — 2,4 х 1,63 м. Максимальная глубина ямы — 0,75 м. Заполнена яма рыхлым золистым грунтом светло-серого оттенка, прослойками сырца, морской травы (камка) и бутовым камнем. Археологический материал немногочисленен и представлен фрагментом оранжевоглиняного с вытянутым овалоидным туловом кувшина под ангобом темно-красного цвета (рис. 16: *4*) т. н. группы митаций горшков с рельсовидным венчиком (ГРВ) [Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 497, рис. 5, 11] и кольцевыми поддонами красноглиняных поливных тарелок под монохромной поливой (рис. 16: *2, 3*). Судя по фрагменту кувшина, яма датируется широкими хронологическими рамками последней четверти XV – XVI вв.

Хозяйственная яма 6 расположена в северной части квадрата 3 в 4,5 м к северу от южного борта квадрата и в 1,6–2,62 м от линии берегового обрыва (рис. 7: *2*). Верхняя часть ямы (горловина), зафиксирована на глубине 0,28 м от уровня современной дневной поверхности, а дно — на глубине на глубине 0,96 м. Горловина ямы имеет в плане округлые очертания, а дно ямы — подпрямоугольные. В разрезе яма прямоугольная. Размеры верхней, выявленной части ямы составляют 2,17 х 2,0 м, а размеры дна — 1,7 х 1,5 м. Максимальная глубина ямы — 1,90 м. Заполнения ямы неоднородное. В стратиграфии заполнения четко прослеживаются: золистый рыхлый грунт светло-серого оттенка, прослойки сырца и морской травы (камка), бутовый камень, древесный уголь. Археологический материал из заполнения богат и разнообразен. Он представлен археологически целым оранжевоглиняным кувшином под ангобом темно-красного цвета (рис. 16: *6*) т. н. группы митаций горшков с рельсовидным венчиком (ГРВ) [Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 497, рис. 5, 11], разными вариантами светлоглиняных поливных кувшинов с шаровидным туловом и широким горлом (рис. 16: *5, 7*), двуручным гигиеническим горшком с широким, близким к цилиндру туловом т. н. группы «Крым» (рис. 16: *12*), датированные аналогии которым, хорошо известны в Стамбуле [Hayes, 1992, p. 286, fig. 105; pl. 46: a, d; 49: e], фрагментом ручки импортной турецкой «урны

с горизонтальными ручками» или куфа (рис. 16: *8*) [Волков, 1992, с. 17; Волков, 2005, с. 484–485; Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 496, рис. 4, 2], мелкими фрагментами красноглиняных поливных тарелок (рис. 16: *9, 11*) и манжетовидного или «клювовидного» венчика оранжевоглиняного тарного кувшина т. н. группы «Крым» (рис. 16: *10*). Помимо керамического материала были найдены железные гвозди и фрагменты каменных зернотерок, в одном из которых «впечатан» кремневый скребок с ретушированной гранью. Керамический комплекс является одним из наиболее ярких для позднесредневековых археологических объектов, но так же может быть датирован широкими рамками последней четверти XV – XVI вв.

Хозяйственная яма 8 расположена в северной части квадрата 6 в 3,5 м к северу от южного борта квадрата и в 1,6–2,76 м от восточного борта квадрата 6 (рис. 7: *2*). Верхняя часть ямы (горловина), зафиксирована на глубине 0,21 м от уровня современной дневной поверхности, а дно — на глубине 0,61 м. Горловина ямы имеет в плане форму овала, а дно ямы — округлое. В разрезе яма трапециевидная. Размеры верхней, выявленной части ямы составляют в направлении восток-запад — 1,3 м, а в направлении север-юг — 1,52 м. Размеры дна — 0,9 х 0,96 м. Максимальная глубина ямы — 0,4 м. Заполнения ямы однородное, золистое. Судя по малочисленному и сильно фрагментированному материалу, она синхронна остальным объектам.

Хозяйственная яма 9 расположена в южной части квадрата 6 в 0,32 м к востоку от западного борта квадрата (рис. 7: *2*). Большей своей частью яма уходит в южный борт раскопа. Верхняя часть ямы зафиксирована на глубине 0,54 м от уровня современной дневной поверхности, а дно на глубине 0,91 м. Судя по открытой части, яма имеет в плане форму овала?, а дно ямы — округлое. В разрезе яма трапециевидная. Размеры верхней, выявленной части ямы составляют в направлении восток-запад — 1,04 м, а в направлении север-юг — не менее 0,65 м. Размеры дна — 0,92 х 0,58 м. Максимальная глубина ямы — 0,43 м. Заполнения ямы однородное, золистое. Судя по малочисленному и сильно фрагментированному материалу, она также синхронна остальным объектам.

Хозяйственная яма 10 расположена в северо-восточной части квадрата 7 в 1 м к западу от восточного борта квадрата (рис. 7: *2*). Сохранилась только южная часть ямы. Северная часть уничтожена береговой абразией. Верхняя сохранившаяся часть ямы имела в плане форму овала. В разрезе яма трапециевидная. Размеры верхней, выявленной части ямы составляют в направлении восток-запад — 2,18 м, а в направлении север-юг — не менее 1,5 м. Размеры дна — 1,65 х 1,4 м. Максимальная глубина ямы — 1 м. Заполнения ямы неоднородное. Судя по малочисленному и сильно фрагментированному материалу, она также синхронна остальным объектам.

Хозяйственная яма 11 расположена в северо-западной части квадрата 7 в 1,53 м к югу от северного борта квадрата (урез от берегового клифа) (рис. 7: *2*). Горловина и дно ямы в плане имеют форму круга. В разрезе яма трапециевидная. Размеры верхней, выявленной части ямы составляют в направлении восток-запад — 1,46 м, а в направлении север-юг — не менее 1,45 м. Размеры дна — 2 х 1,88 м. Максимальная глубина ямы — 1,78 м. Заполнения ямы неоднородное. Археологический материал представлен археологически целым двуручным гигиеническим горшком с широким, близким к цилиндру туловом т. н. группы «Крым» (рис. 17: *12*), верхней частью крупного красноглиняного кувшина (рис. 17: *7*), фрагментами светлоглиняных и красноглиняных поливных тарелок под монохромной поливой (рис. 17: *2, 4, 9, 10*), фрагментом горла поливного кувшина и керамической пробкой, изготовленной из стенки высокогорлого кувшина (рис. 17: *8, 11*). Помимо керамического материала, в слое были найдены фрагменты восьми железных гвоздей и круглое каменное ядро. Керамический комплекс, несмотря на многочисленность находок, может быть датирован только широкими рамками последней четверти XV – XVI вв.

Ниже рассмотренного слоя опесчаненного суглинка светло-серого оттенка и связанных с ним хозяйственных ям расположен основной на раскопе горизонт *опесчаненного суглинка темно-коричневого оттенка* (рис. 8). Археологический материал из этого слоя богат и разнообразен. Тарная керамика представлена фрагментами манжетовидных амфор, как ранних, так и поздних вариантов (рис. 10: *1–3*). Сфероемкостные амфоры Константинопольского производства встречены в виде курпных фрагментов и развалов верхних и нижних частей (рис. 10: *5–10*). Вероятно, слой продолжал накапливаться длительное время, о чем свидетельствуют фрагменты венчиков переходных вариантов к амфорам с высокоподнятыми ручками (рис. 10: *4*). Среди фрагментов манжетовидных амфор традиционно встречено значительное количество разнообразных граффити, представленных отдельными греческими буквами

(рис. 14: *2, 7*), знаками, в том числе тризубцами (рис. 14: *1, 3–6*) и греческими лигатурами (рис. 14: *8, 9*). Кухонная керамика представлена фрагментами горшков с ленточной ручкой, аналогичной по технологии изготовления высокогорлым кувшинам (рис. 11: *1–6, 8*). Встречены и единичные фрагменты крупных двуручных бордовоглиняных кувшинов (рис. 11: *9*). Столовая керамика представлена верхней частью оранжевоглиняного грушевидного кувшина со сплошным лощением по тулову (рис. 11: *7*). Совершенно очевидно, что данный слой, который датируется в широких хронологических рамках второй половины X – первой половиной XII вв., не являлся первоначальным на этом участке городища. Об этом свидетельствуют находки мелких фрагментов кухонных сосудов разных типов середины – второй половины IX в. (рис. 12: *7, 8*), а так же мелкие фрагменты раннегончарных сосудов с венчиком, орнаментированным по краю защипами первой половины – середины VIII в. (рис. 12: *1–6*).

К материалам второй половины X – первой половиной XII вв. можно отнести и ряд индифидуальных находок представленных, прежде всего, многочисленными керамическими крышками, изготовленными из стенок амфор, высокогорлых кувшинов и раннегончарных сосудов (рис. 12: *9–16*). Обнаружена и стенка амфоры с просверленным отверстием, которая является заготовкой для прясла (рис. 12: *17*). В качестве датирующего материала можно рассматривать фрагменты стеклянных браслетов (рис. 13: *4–7*). К этому же хронологическому периоду относится, вероятнее всего, вращающийся колчанный крючек с небольшим подвижным кольцом, которым заканчивался ремень, прикрепленный к самому колчану, служивший в качестве крепежного приспособления на седле (рис. 13: *2*). [Медведев, 1966, с. 20; Кирпичников, Медведев, 1985, с. 314; Руденко, 2000, с. 51]. Традиционно считается, что колчаны с подобными крючками являлись принадлежностью конного воина [Кирпичников, Медведев, 1985, с. 313–314]. Наиболее близкие аналогии известны на территории Волжской Булгарии [Руденко, 2000, с. 82, рис. 6, 4]. В целом, территория их распространения чрезвычайно широка. Отметим и находку квадратной бронзовой весовой византийской гири (рис. 13: *3*), свидетельствующей о развитости торговых операций. Среди индивидуальных находок отметим так же фрагмент заготовки оселка, изготовленного из плотного песчаника (рис. 13: *9*), красноглиняное грузило со сквозным отверстием (рис. 13: *10*) достаточно редкого типа, фрагмент костяной массивной ручки от нагайки (рис. 13: 12) и фрагменты железных гвоздей (рис. 13: *11*).

Помимо материала середины VIII – начала X вв. в данном слое в качестве естественной «примеси сверху» присутствует немногочисленный материал синхронный заполнению позднесредневековых ям. Наиболее яркими находками являются фрагмент курительной трубки середины XVI – XVII вв. (рис. 13: *8*) и высокий двухчастный, профилированным снаружи ярко выраженным валиком венчик импортной коричневоглиняной турецкой двуручной урны или куфа [Алядинова, Тесленко, Майко, 2015, с. 496, рис. 4, 1] (рис. 13: *1*).

К археологическим комплексам, связанным с вышеописанным слоем, можно предварительно отнести жилой дом I с двумя отопительными сооружениями (печь №1 и печь №2) и предпечной ямой (яма 3), связанную с жилым домом хозяйственную яму 7, погребения №№ 80 и 83, а также траншею.

Частично раскопанный долговременный *жилой дом I* зачищен в западной части раскопа в пределах квадратов 1 и 2. Открыта только его восточная часть, западная и южная — уходят в борта раскопа, северная — разрушена береговой абразией. От жилого дома сохранился фрагмент западной стены в непосредственной близости от которой, зафиксирован участок глинобитного пола, примыкавший к кладке с востока, сохранившейся площадью 1,8 х 2 м (рис. 24: *2*). Северная и восточная стены не сохранились, а южная — находится за пределами раскопа на территории частного землевладения. Установить размеры дома не представляется возможным. Пол представляет собой плотно утрамбованный суглинок с практически ровной поверхностью. Мощность утрамбованного суглинка достигает 0,05 м. При его зачистке выразительного археологического материала не обнаружено. Можно лишь отметить, что большинство обломков керамики принадлежат стенкам оранжево и красноглиняных манжетовидных и сфкроемкостных византийских амфор XI – первой половины XII вв. Сохранившийся фрагмент западной стены сложен из рваных и слегка подтесанных плит сланца-песчаника, а так же бутовых камней на глинистом растворе (рис. 24: *1*). В качестве естественной примеси сверху в заполнении сохранившейся части дома обнаруже немногочисленный фрагментированный материал середины XVI – XVII вв.

Совершенно очевидно, что глинобитный пол относится к последнему периоду функционирования дома. К первоначальному периоду можно отнести печь №1, расположенную возле внутреннего панциря сохранившегося фрагмента западной стены. От печи сохранился под, зачищенный на глубине 0,5–0,57 м от уровня современной дневной поверхности. Он был сложен из плоских плит песчаника размером до 0,2 х 0,17 х 0,02–0,03 м фрагментов стенок красноглиняных и коричневоглиняных высокогорлых кувшинов с ленточными ручками (рис. 24: *3*). Поверхность камней и обломков стенок кувшинов имеет закопченный коричнево-красный оттенок вследствие термического воздействия. Так же в стратиграфии пода печи прослеживается прослойка золистого грунта серого цвета мощностью до 0,05 м, которая подстилает слой плотного суглинка желто-коричневого оттенка. Сохранившиеся размеры пода печи составляют в направлении восток-запад 1,74 м, а в направлении север-юг — 1,1 м. Северная часть пода печи частично разрушена, а южная — уходит в южный борт раскопа. Археологический материал из заполнения пода печи представлен достаточно многочисленными, но сильно фрагментированными стенками высокогорлых кувшинов и амфор.

После прекращения функционирования печь была перекрыта глинобитным полом. Новое отопительное сооружение было перенесено севернее (печь №2) (рис. 7: *1*). Сооружение грушевидное в разрезе, заполнение которого представляло собой золистый слой и рушенные фрагменты обмазки печи. Стенки имели кирпично-красный оттенок. Северная часть печи была разрушена вследствие береговой абразии. Верхняя часть печи (ее горловина) зачищена на глубине 1,05–1,17 м от уровня современной дневной поверхности. Толщина стенок печи достигает 0,12 м. Размеры дна печи в направлении восток-запад составляют 1,56 м, в направлении север-юг — не менее 1,1 м (рис. 24: *4*). Высота печи, зафиксированная в береговом обрыве, составляла не менее 0,9 м, однако при проведении археологических исследований (расчистка трещиноватого берегового уреза) верхняя часть ямы была утрачена. Сохранившаяся часть ямы имела высоту до 0,57 м. Заполнение печи многослойное. Основными слоями заполнения являются золистый слой и прослойки прокаленного опесчаненного суглинка. Так же в заполнении присутствует достаточно мощные прослойки печной обмазки (рис. 24: *4*). Форма дна печи и ее внешние контуры дают основание предполагать, что печь представляет собой «тандыр», возможно для выпечки хлеба. В заполнении печи были обнаружены мелкие фрагменты манжетовидных византийских амфор (рис. 24: *8*), кухонных горшков с ленточной ручкой (рис. 24: *86*) и высокогорлых кувшинов (рис. 24: *7*). Индивидуальные находки представлены керамической крышкой из стенки манжетовидной амфоры (рис. 24: *5*), фрагментом бронзового медальона с тремя отверстиями (рис. 24: *11*) и свинцовой гирей прямоугольной формы, на одной из поверхностей которой выбиты три точки; на оборотной стороне — две (рис. 24: *10*). Встречено и несколько фрагментов керамики второй половины IX в. (рис. 24: *9, 12*).

Возле южной границы печи 2 располагалась предпечная яма (яма 3) (рис. 7: *2*). Яма сохранилась полностью. Горловина ямы имеет в плане форму вытянутого в восточном направлении овала размерами 1,92 х 1,3 м. Размеры дна ямы составляют 1,58 х 1,12 м. Глубина ямы достигает 1,19 м. В разрезе яма колоколовидная. Заполнения ямы неоднородное, многослойное. Археологический материал, происходящий из заполнения разновременен. Большинство составляют фрагменты амфор с манжетовидным венчиком позднего варианта. Помимо керамики в заполнении ямы было обнаружено 2 фрагмента железных гвоздей и куски обмазки печи.

С домом 1 вероятнее всего связана *хозяйственная яма 7* расположенная в центральной части квадрата 5 предположительно к востоку от несохранившейся восточной стены дома. Яма сохранилась практически полностью. Горловина ямы обрушилась. Верхняя часть ямы зафиксирована на глубине 1,78 м от уровня современной дневной поверхности (рис. 18: *2, 3*). Верхняя сохранившаяся часть ямы имела в плане неправильную круглую форму. Дно ямы также имеет круглую форму. В разрезе яма трапециевидная. Стенки ямы в придонной части скруглены. Размеры верхней, выявленной части ямы составляют в направлении восток-запад — 2,48 м, а в направлении север-юг — 2,38 м. Размеры дна — 3,65 х 3,46 м. Максимальная глубина ямы — 3 м. Заполнения ямы неоднородное (рис. 18: *1*). Помимо золистого заполнения ямы в ее стратиграфии фиксируются слои супесчаного грунта светло-коричневого оттенка мощностью до 0,5–0,7 м, прослоек рушенной печной обмазки, вкраплений древесного угля. Мощность прослоек варьируется в пределах от 0,03 м до 0,25 м.

Археологический материал, происходящий из заполнения ямы, по количеству и разнообразию находок представляет чрезвычайно ценный

комплекс для средневековой Тмутаракани. В его состав входит 2120 фрагментов керамики и около 700 фрагментов остеологического материала. Основная часть заполнения ямы накапливалась непродолжительное время. На основании амфорной тары оно достаточно четко может быть датировано второй половиной XI – первой четвертью XII вв. Остановимся на характеристике материала подробнее.

Строительная керамика представлена единичными фрагментами черепицы-керамиды, в том числе профильными частями (рис. 23: *15*) и так же крупными единичными фрагментами печной обмазки, некторые из которых, возможно, специально обработаны (рис. 23: *14*).

Тарная керамика состоит из мелких фрагментов оранжевоглиняных рифленых пифосов с т-образным венчиком. Некоторые их них имеют традиционные отверстия на поверхности венчика (рис. 18: *4*). В целом количество фрагментов пифосов составляет не более 14,7 % от общего количества керамических фаргментов.

Более 66 % керамического комплекса составляет амфорная тара. Последняя представлена подавляющим большинством фрагментов амфор с манжетовидным венчиком. Это сосуды с вытянутым грушевидным туловом, высоко поднятыми подовальными в сечении ручками и слабо выраженным манжетовидным венчиком. На плечиках и в приданной части присутствет рифлением в виде нескольких неглубоких линий. Все они относятся к поздним вариантам подобных амфор. В основном амфорный материал сильно фрагментирован (рис. 19: *1–14*), что затрудняет отнесение их к конкретному варианту, но встречены и крупные фрагменты верхних и нижних частей (рис. 18: *5*; рис. 19: *12*), а так же археологически целый экземпляр (рис. 18: *8*). Хорошим репером для выяснениия верхней хронологической границы накопления основной части заполнения ямы является присутствие в составе амфорной тары самого позднего варианта манжетовидных амфор. У сосудов этого варианта манжетовидный венчик трансформируется в каплевидный, подовальный или простой уплощенный, горло высокое и сильно зауженное в средней части, иногда со следами рифления (рис. 18: 6; рис. 19: *10, 11, 13, 14*). Традиционным для этой категории амфорной тары является чрезвычайно большое количество граффити на всех частях тулова. На археологически целом сосуде граффити, выполненное в виде одной строки на месте наибольшего расширения тулова, состоит из набора хорошо известных простых и сложных знаков, чередующихся с греческими буквами и лигатурами (рис. 18: *8*). Другое полностью сохранившееся граффити представляет сложную монограмму, в которой так же сочетаются греческие буквы и разнообразные знаки (рис. 19: *12*). Помимо этого традиционно встречены граффити в виде отдельных греческих букв (рис. 18: *7*; рис. 20: *10, 21*) и лигатур (рис. 20: *15, 16, 20*). Особенностью комплекса является преобладание граффити в виде разнообразных простых и сложных знаков, аналогии которым, в большинстве случаев хорошо известны (рис. 20: *1–9, 11–14, 18, 19, 22–27*). Выделим граффити в виде свастики (рис. 20: *17*). Характерной особенностью данных амфор, помимо огромного количества граффити, является уникальность клейм. В рассматриваемой коллекции встречено всего одно в виде хорошо известного простого овала (рис. 19: *15*). На территории Таврики, в материалах Измира и кораблекрушения в Средиземном море в Серче-Лимани подобные клейма встречены только на ранних вариантах амфор с манжетовидным венчиком [Зеленко, 2001, с. 86, рис 4 1,2; Gunsenin, 1990, fig. 43; Doorninch, 1989, p. 254, fig. 3, 28]. Вероятно, данный тип клеймения существовал длительное время.

В отличие от манжетовидных, другие типы амфор встречены в единичных экземплярах. Это мелкие фрагменты сфероемкостных амфор Константинопольского производства, часть из которых хронологически более ранняя, чем материал из основной части заполнения (рис. 21: *3–5*).

Характерной особенностью комплекса заполнения мы, носящей локальный характер, является крайне незначительный процент высокогорлых кувшинов с ленточными ручками (рис. 21: *6–9*). Не исключено, однако, что это и своеобразный хронологический показатель. Не исключено, что к рубежу XI – XII вв. они постепенно начинают выходить из употребления.

К тарной керамике можно отнести и фрагменты плоских венчиков бордовоглиняных массивных кувшинов с коническим горлом и округлыми в сечении ручками (рис. 21: *1, 2*). Этот тип кувшинов в закрытых комплексах восточной Таврики встречается вместе с наиболее поздними вариантами манжетовидных амфор. Видимо в это время они только начинают производиться.

Кухонная керамика малочисленна и представлена в основном различными вариантами тонкостенных горшков с плавно отогнутым уплощенным венчиком, изготовленных из пористого теста с примесями песка и дресвы (рис. 21: *10–12, 16,*

17). Помимо состава глины наиболее характерным их отличием является ленточная ручка, отходящая непосредственно от края венчика аналогичная ручкам высокогорлых кувшинов [Майко, 2014, с. 374–377, рис. 107–110]. Представлены и редкие для этого типа керамики двуручные сосуды (рис. 21: *18*). Их местное производство не вызывает сомнений. Остальные типы кухонных сосудов, изготовленные, в отличие от рассмотренных, на скоростном гончарном круге из однородного теста с малочисленными примесями, единичны (рис. 21: *13–15*). Реконструировать их форму затруднительно. Вероятно, данное соотношение в составе набора кухонной керамики характерно для памятников средневизантийского времени Таманского полуострова. В восточной Таврике в синхронных комплексах кухонные горшки с ленточной ручкой не составляют большинства, а преобладают остальные типы тонкостенных сосудов с каплевидным или т-образным венчиком.

В данном комплексе единичными экземплярами представлены оранжевоглиняные лощеные по всему тулову кувшины, реконструировать которые из-за фрагментарности находок затруднительно.

Отдельной составляющей керамического комплекса, требующей специального анализа, является набор лепной и подправленной на круге керамики. Она очень малочисленна и составляет не более 3,3 % от общего количества керамического материала. Предварительно ее можно разделить на две условные группы. Первая представлена крупными фрагментами верхних частей сероглиняных узгогорлых горшков вытянутых пропорций с плавно отогнутым уплощенным венчиком (рис. 23: *1–3*). Тулово сосудов украшено сплошными горизонтальными и хаотическими вертикальными рядами расчесов, часто в сочетании с наколами. Вторую образуют так же сероглиняные сосуды с широким горлом и уплощенным венчиком, так же украшенные горизонтальными и вертикальными расчесами по тулову (рис. 23: *4–6*).

Керамику первой группы можно отнести к выделенному В. Н. Чхаидзе типу Г [2008, с. 184, рис. 99, 1–10], сосуды, образующие который, в отличие от других, отличаются более вытянутыми пропорциями. Ближайшие ей аналогии обнаруживаются в керамическом комплексе средневековых поселений Западного Закубанья, в частности поселения «Жукова» Крымского района Краснодарского края [Ларенок, 2012, с. 88]. На этом основании логичный вывод о присутсвии Закубанских племен в составе жителей Тмутаракани получает дополнительное подтверждение.

Керамика второй группы на территории Таманского городища отнесена В. Н. Чхаидзе к типу В [2008, с. 183, рис. 98, 6,8]. Ближайшие ей аналогии известны в кочевнических комплексах Саркела-Белой Вежи X – XI вв. [Плетнева, 1959, с. 234, рис. 19: 10,11,16,17], подкурганных средневековых погребениях [Станко, 1960, с. 231, рис. 1: 1; Пономарев, 2004, с. 165], городских комплексах восточного Крыма [Майко, 2014, с. 397, рис. 130]. По мнению С. А. Плетневой подобные горшки могли принадлежать поживавшим в городе кочевникам [Плетнева, 1963, с. 68], вероятно, огузам или торкам. П. А. Ларенок отмечает, что наибольшее сходство с основной массой печенежско-гузской и «кочевнической» керамики Тмутаракани так же обнаруживает упомянутая выше керамика поселения «Жукова» [Ларенок, 2012, с. 88]. Здесь так же встречены горшки с орнаментацией в виде хаотического горизонтального орнамента [Ларенок, 2012, с. 103, рис. 12, 3; с. 101, рис. 10, 13], или наколов и черточек [Ларенок, 2012, с. 102, рис. 11, 1,2; с. 104, рис. 13, 2].

В целом именно эта раннегончарная керамика позволяет еще раз поставить вопрос об этнической неоднородности жителей Тмутаракани и предположить в их составе местные племена, втом числе и Западного Закубанья. Не исключено и проживание в городе оседавших на землю кочевников, возможно огузов или печенегов. В целом именно эта керамика позволяет говорить о меньшей степени византинизации материальной культуры жителей Тмутаракани по сравнению с материальной культурой городов восточного Крыма.

Индивидуальные находки малочисленны. В основном они представлены разнообразными по морфологическим параметрам и тщательности обработки керамическими крышками (рис. 22: *1–10*). Традиционны находки фрагментов стеклянных браслетов (рис. 22: *13, 14*) и пирофилитовых прясел древнерусского производства (рис. 22: *11, 12*). Помимо этого в заполнении ямы было найдено восемь железных гвоздей (рис. 22: *16, 17*), каменное шаровидное ядро, четыре округлые каменные гальки и массивную небрежно обработанную глиняную крышку с сохранившейся ручкой (рис. 22: *15*). Не исключено, что последняя использовалась для закрывания тандыра.

Археологический материал VIII – начала X вв., характерный для хазарского периода, встречен в заполнении в виде единичных фрагментов и составляет не более 4 % от общего количества

керамики. Это фрагменты амфор причерноморского типа, фляги, сероглиняного лощеного кувшина и разновременных кухонных сосудов, в том числе с линейно-волнистым орнаментом (рис. 23: *7–13*). Помимо этого на уровне горловины ямы обнаружен единичный позднесредневековый археологический материал, датирующийся в рамках первой половины XVI – XVII вв., который можно рассматривать а качестве естественной «примеси сверху».

Таким образом, основная часть заполнения ямы может быть достаточно уверенно датирована в рамках последней четверти XI – начала XII вв.

При зачистке нижнего уровня слоя опесчаненного суглинка темно-коричневого оттенка в западной части раскопа в пределах квадрата 2 был обнаруже объект, получивший условное название *Траншея* (рис. 14: *10*). Ориентирована она в направлении СЗ-ЮВ. Длина выявленной части составляет 3,76 м. Ширина объекта в его верхней части составляет от 0,68 м до 0,86 м. Ширина же ложа — от 0,59 м до 0,69 м. Максимальная глубина траншеи составляет 0,62 м. В разрезе траншея имеет форму перевернутой трапеции (рис. 14: *11*). Пятно заполнения объекта было выявлено на глубине 1,32 м от уровня современной дневной поверхности. Дно зачищено на глубине 1,81 м от уровня современной дневной поверхности. Заполнение траншеи-арыка представляло собой однородный плотный супесчаный суглинок светло-коричневого оттенка.

Археологический материал, происходящий из заполнения траншеи сильно фрагментирован и переемешан. Большая часть находок относится к периоду севедины – второй половины IX в. Они представлены фрагментами рифленых амфор причерноморского типа (рис. 14: *13, 15*), высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, лощеных столовых кувшинов, разновременных кухонных горшков (рис. 14: *12, 14*). Керамика второй половины X – XII вв. обнаружена в меньшем количестве и представлена так же мелкими фрагментами манжетовидных амфор, оранжевоглиняными кувшинами со сплашным лощением тулова. Таким образом датировать траншею достаточно сложно, не исключено, что она является на данном раскопе первоначальной и возникает еще в хазарский период. Это не значит, что траншея не использовалась и в византийский период, в качестве дренажной канавы, и входила в комплекс каменного дома.

При исследовании слоя опесчаненного суглинка темно-коричневого оттенка, а именно, при зачистке подошвы этого слоя в восточной части раскопа было выявлено два пятна заполнения грунтовых могил прямоугольной в плане формы (рис. 7: *1*). Могилы (№№80, 83) безинвентарные, возможно относятся к средневекому времени.

Раскоп II «Восточный». Нв площади раскопа исследован позднесредневековый некрополь, перекрывший западный участок Западного некрополя античной Гермонассы. Зачищено 18 погребений №№46–48, 51–57, 60, 69–71, 74–75, 77, 78[1]. Основная масса выявленных могил относится к позднесредневековому времени. Практически все они ориентированы по оси запад-восток с некоторыми сезонными отклонениями и совершены в грунтовых могилах, контуры которых не читались в слое (рис. 25: *1*). В некоторых могилах сохранились остатки деревянных гробов и железных гвоздей от них. Все погребения этого периода, за исключением четырех погребений (№№50, 57, 59, 63), были безинвентарными. Наиболее яркий погребальный инвентарь содержало погребение 57, выявленное в южной части кв. №05–06. Зачищены только фрагменты черепа погребенного. Очевидно, что большая часть погребения №57 находится за пределами участка, в южном борту кв. №05–06 и возможно, будет в будущем доисследована. При расчистке погребения были обнаружены оранжевоглиняный керамический кумган под белым ангобом и плохо сохранившейся поливой светло-зеленого цвета (рис. 25: *5*), 2 бусины из стеклопасты (рис. 25: *4*) и бронзовая подвеска (рис. 25: *3*). Подобные кувшины традиционно датируются не ранее последней четверти XV в. Вероятно рассматриваемый некрополь связан с турецким периодом в истории городища.

Остается добавить, что при снятии северной бровки **Раскопа II «Центральный»** в слое опесчаненного суглинка светло-коричневого оттенка был найден целый высокогорлый кувшин с плоскими ручками, имеющий сильно вытянутые пропорции с широким горлом (рис. 25: *2*). Данная морфология сосуда более характерна для второй половины X – XI вв.

Подоводя итог охранно-спасательным археологическим исследованиям на территории Таманского городища можно уверенно утверждать, что исследованные средневековые культурные напластования и археологические комплексы

[1] Нумерация погребений продолжена согласно нумерации погребений, выявленных в 2009–2011 году.

относятся к трем основным периодам истории городища. С хазарской Таматархой с уверенностью можно связать только культурные напластования на участке раскопа VII в восточной части городища. Несмотря на естественную для памятника примесь в данный слоях материала второй половины X – XII вв. они дали разнообразный дополнительный материал для построения хронологической шкалы Таматархи.

Значительная часть культурных напластований и открытых комплексов относится к Тмутараканскому периоду. В основном они открыты на площади раскопа IV. Здесь частично исследован долговременный жилой комплекс и связанная с ним хозяйственная яма 7. Совершенно очевидно, что дом строится во второй половине X в. и существует, как минимум до первой половины – середины XII в. Вероятно с данным комплексом связана и значительная часть находок из синхронного времени функционирования постройки культурного слоя. Уникальным для периода второй половины XI – начала XII вв. данного памятника является заполнение хозяйственной ямы 7, которое можно рассматривать в качестве условного закрытого комплекса.

Наибольшее количество исследованных объектов относится к наиболее позднему турецкому периоду в истории городища, безусловно, связанному с османской крепостью Хункала. Исследовавший этот период В. Н. Чхаидзе отмечает присутствие на территории крепости фрагментированной керамики XVI – XVIII вв., в составе которой отмечены и турецкие импорты. По справедливому замечанию исследователя синхронный крепости Хункала позднесредневековый слой Таманского городища сильно перекопан. Однако в 2012 г. на раскопе «Нагорный» была исследована яма 4, при разборе которой был открыт богатый по составу находок керамический комплекс [Чхаидзе, 2014, с. 396–397]. Открытые на раскопе IV археологические объекты так же представлены 9 хозяйственными ямами и связанным с ними незначительным культурным слоем. Заполнение некоторых ям богато, разнообразно и дополняет сведения о материальной культуре турецкого периода Таманского городища. На основании керамических комплексов все хозяйственные объекты пока могут быть датированы только широкими хронологическими рамками первой половины XVI – XVII вв. Помимо хозяйственных ям на площади раскопа II «Восточный» открыт позднесредневековый некрополь, вероятно, синхронный хозяйственным объектам. Он пока является единственным наиболее полно исследованным могильником позднесредневекового периода Таманского городища.

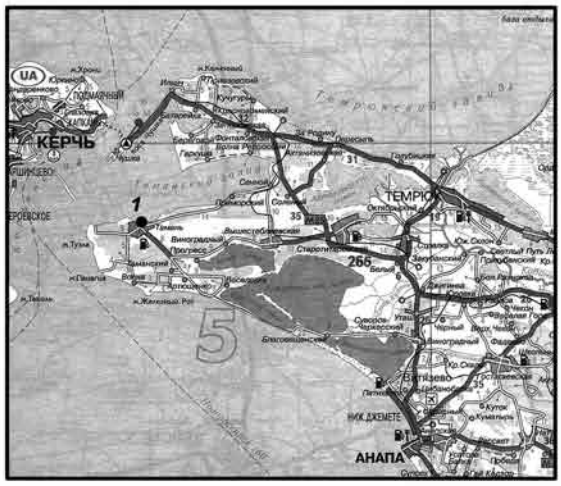
Abstract

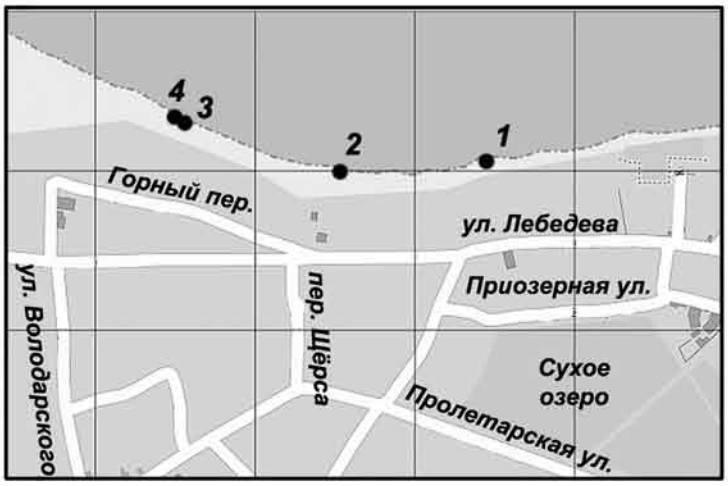
N. I. Sudarev, V. V. Maiko

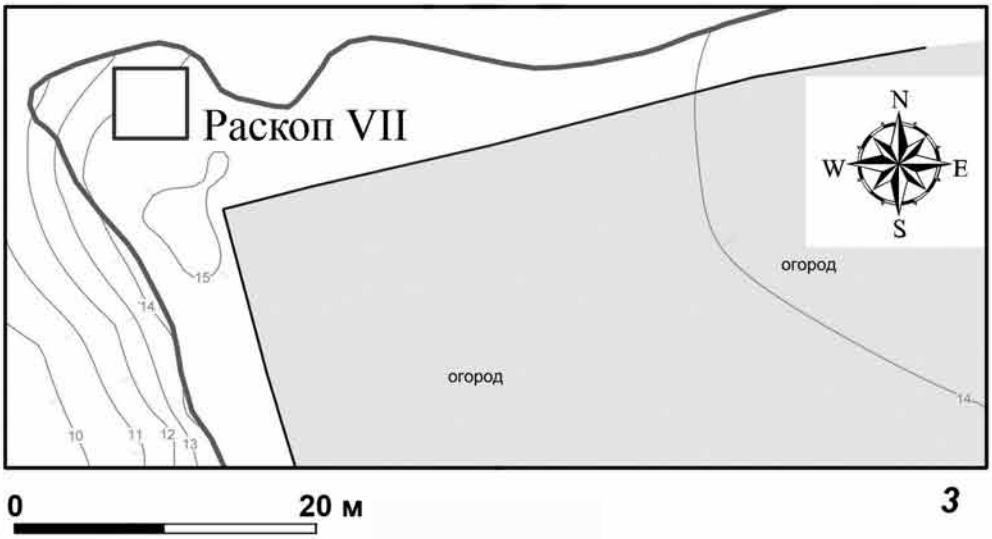
ARCHAEOLOGICAL RESEARCHES OF TAMATARHA-TMUTARAKAN OF 2012. STRATIGRAPHY AND CHRONOLOGY OF COMPLEXES

In article of publication character medieval materials of security archaeological researches of 2012 of conducted Vest-Bospor expedition of Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences in the territory of the Taman ancient settlement are for the first time introduced into scientific circulation. The revealed cultural horizons and archaeological objects belong to three main periods of history of a monument. The period of Khazar Tamatarkha is presented by generally cultural horizons on a site of an excavation VII. The middle Byzantine period of Tmutarakan is characterized by the horizons sated with archaeological material and the remains of a housing estate. The studied its part included the stone house with heating constructions and economic holes. The received complex of finds of the last period of functioning of the house one of the brightest for the Taman ancient settlement of the second half of XI – the beginning of the XII centuries. The late medieval Ottoman period of the Taman ancient settlement is presented by nine economic holes and a necropolis. The received archaeological material supplements our ideas of topography of the ancient settlement of Ottoman time and material culture of its inhabitants.

Key words: Tamanskoe settlement, Hazaria, Byzantine and Ottoman periods, chronology of complexes.







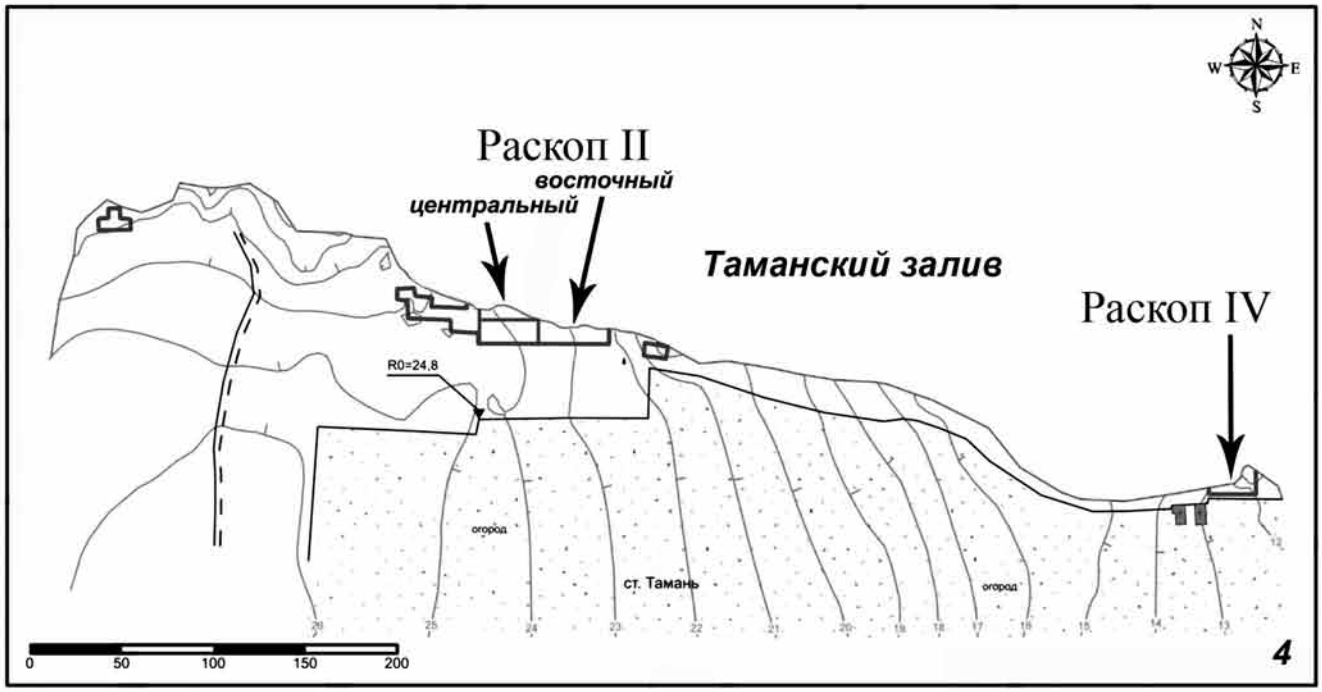


Рис. 1. Месторасположение раскопов на территории Таматархи-Тмутаракани.
1 — месторасположение городища; 2 — расположение раскопов 2012 г. на плане Тамани;
3 — месторасположение раскопа VII 2012 г.; 4 — месторасположение раскопов II и IV 2012 г.

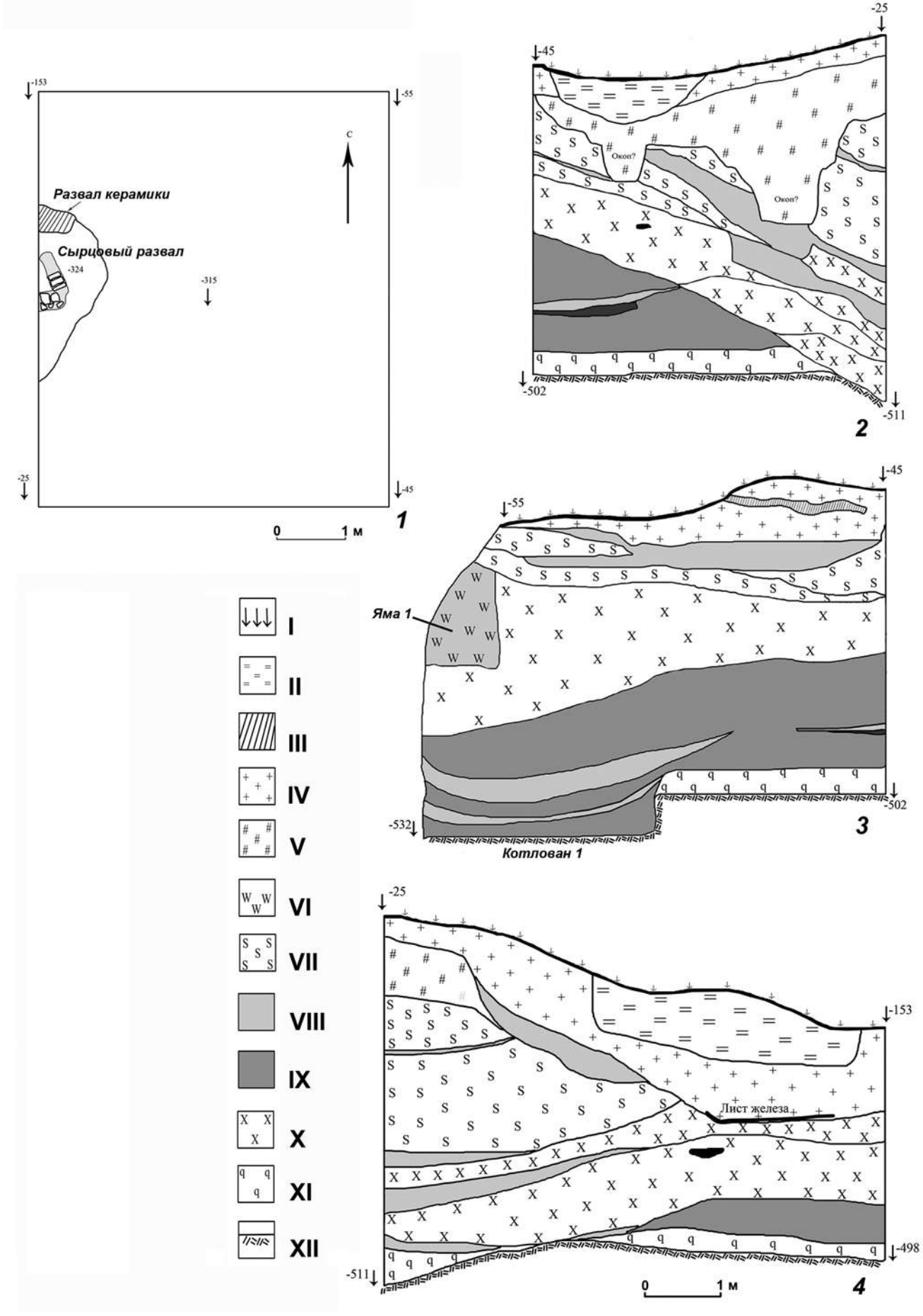


Рис. 2. План и стратиграфия бортов раскопа VII 2012 г.
1 — план раскопа VII на уровне сырцовых конструкций; 2 — южный борт; 3 — восточный борт; 4 — западный борт.
I — современная дневная поверхность; II — современные ямы и перекопы; III — прослойка морской травы;
IV — современные переотложенный грунт; V — слой суглинисто-золистого грунта серого оттенка;
VI — заполнение ямы; VII — слой суглинка темно-желтого оттенка; VIII — золистые слои и прослойки серого цвета;
IX — слой золистого грунта темно-серого оттенка; X — слой суглинка светло-коричневого оттенка;
XI — предматерик; XII — материк

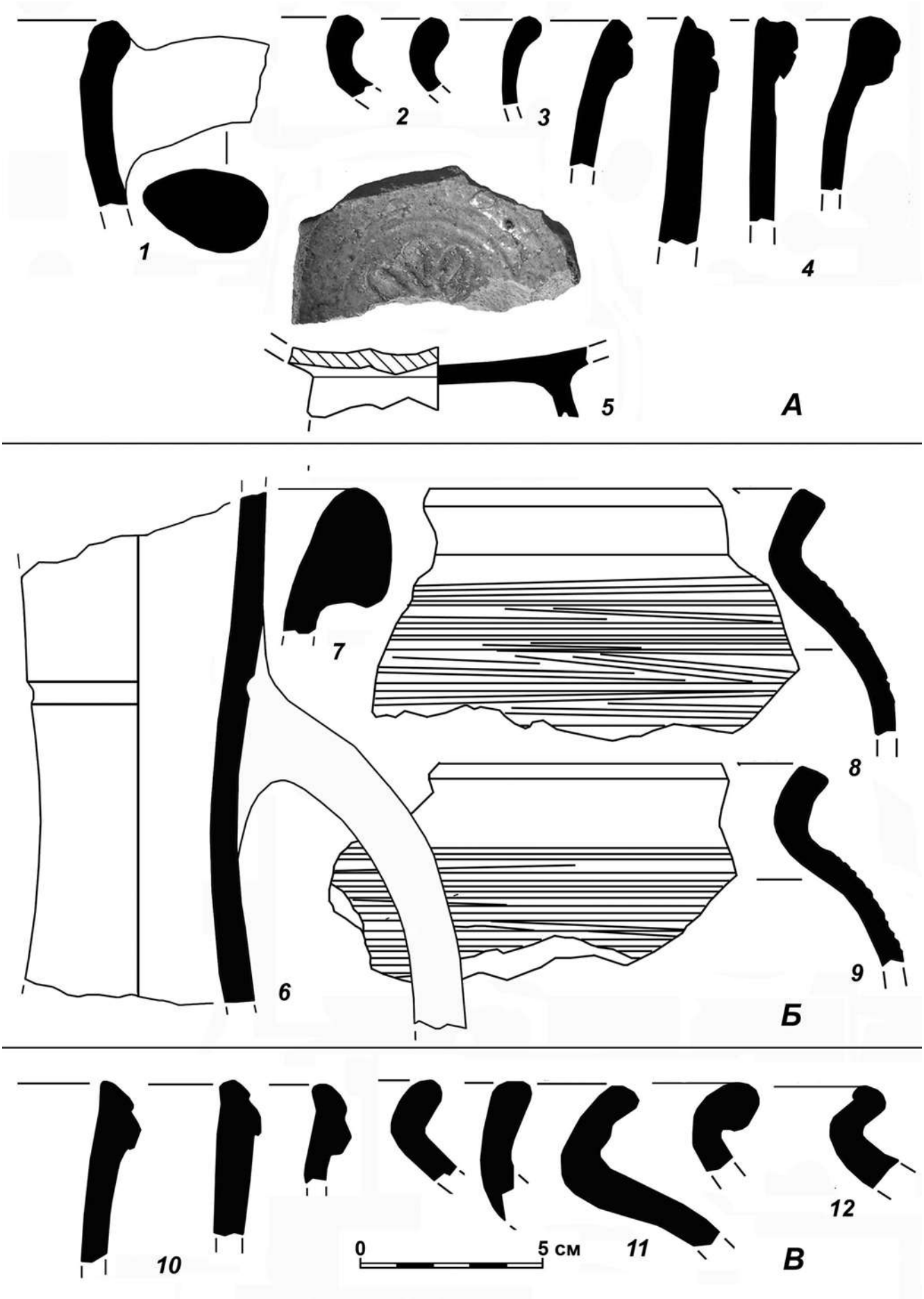


Рис. 3. Раскоп VII 2012 г. Керамический материал из стратиграфических горизонтов.
А — из слоя суглинисто-золистого грунта серого оттенка; Б — из слоя суглинка темно-желтого оттенка;
В — из слоя суглинистого грунта светло-коричневого оттенка

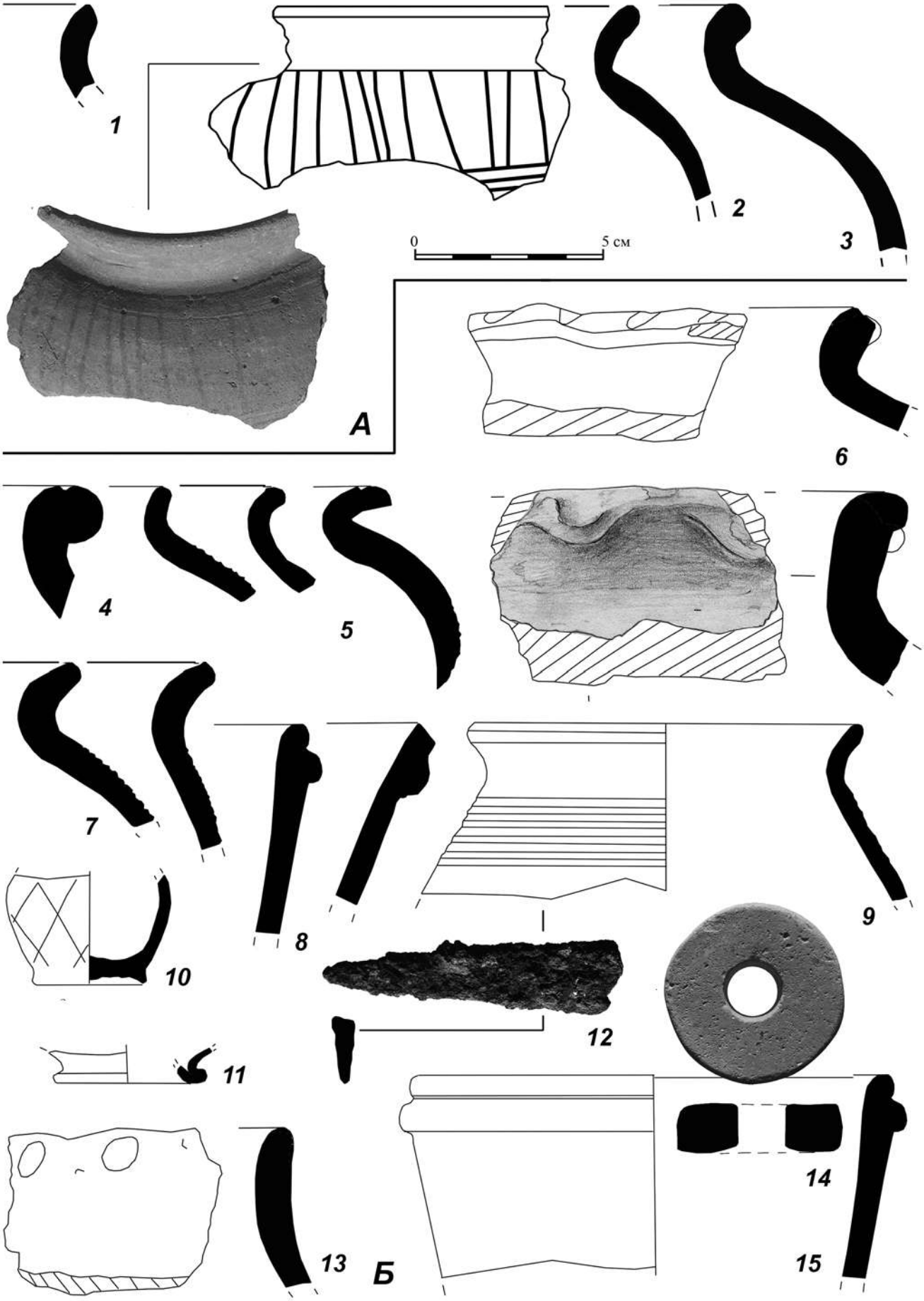


Рис. 4. Раскоп VII 2012 г. Археологический материал из стратиграфических горизонтов.
А — из слоя суглинистого грунта светло-коричневого оттенка;
Б — из слоя золистого грунта темно-серого оттенка

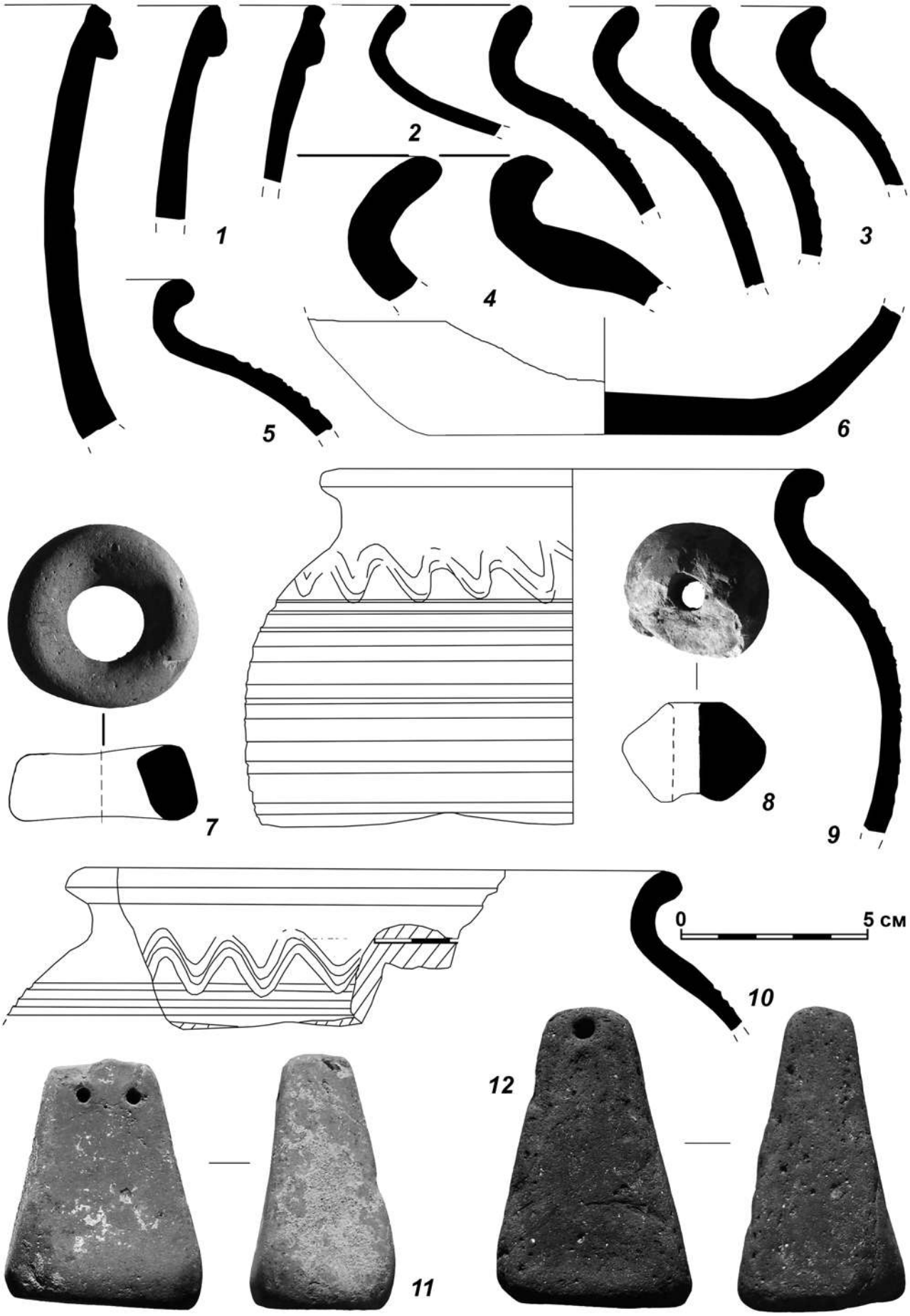


Рис. 5. Раскоп VII 2012 г. Археологический материал из заполнения котлована

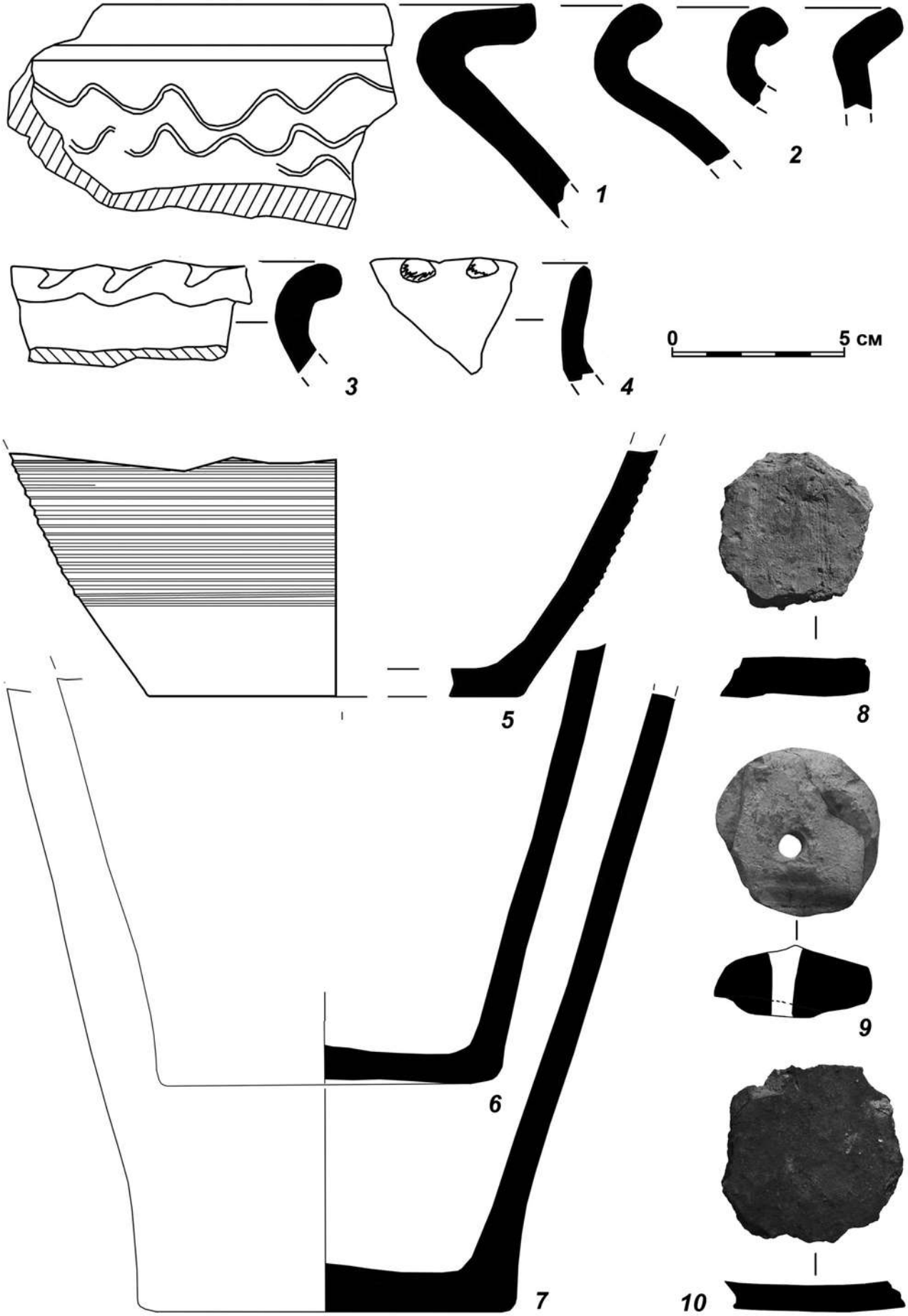


Рис. 6. Раскоп VII 2012 г. Археологический материал из стратиграфических горизонтов.
1–5, 8–10 — из слоя керамического завала на уровне подошвы сырцово-каменного развала;
6, 7 — из сырцово-каменного развала

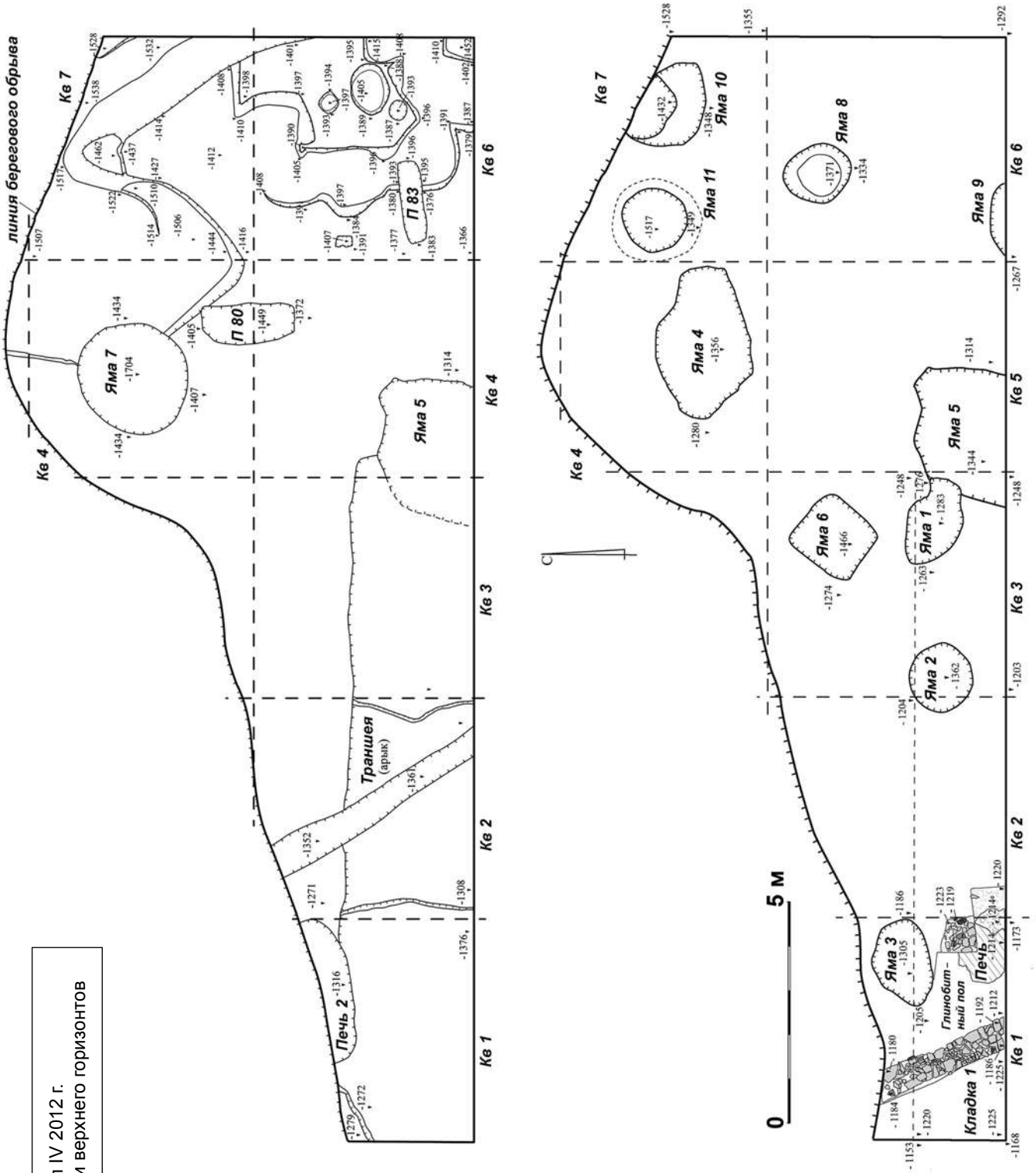


Рис. 7. Раскоп IV 2012 г.
План на уровне нижнего и верхнего горизонтов

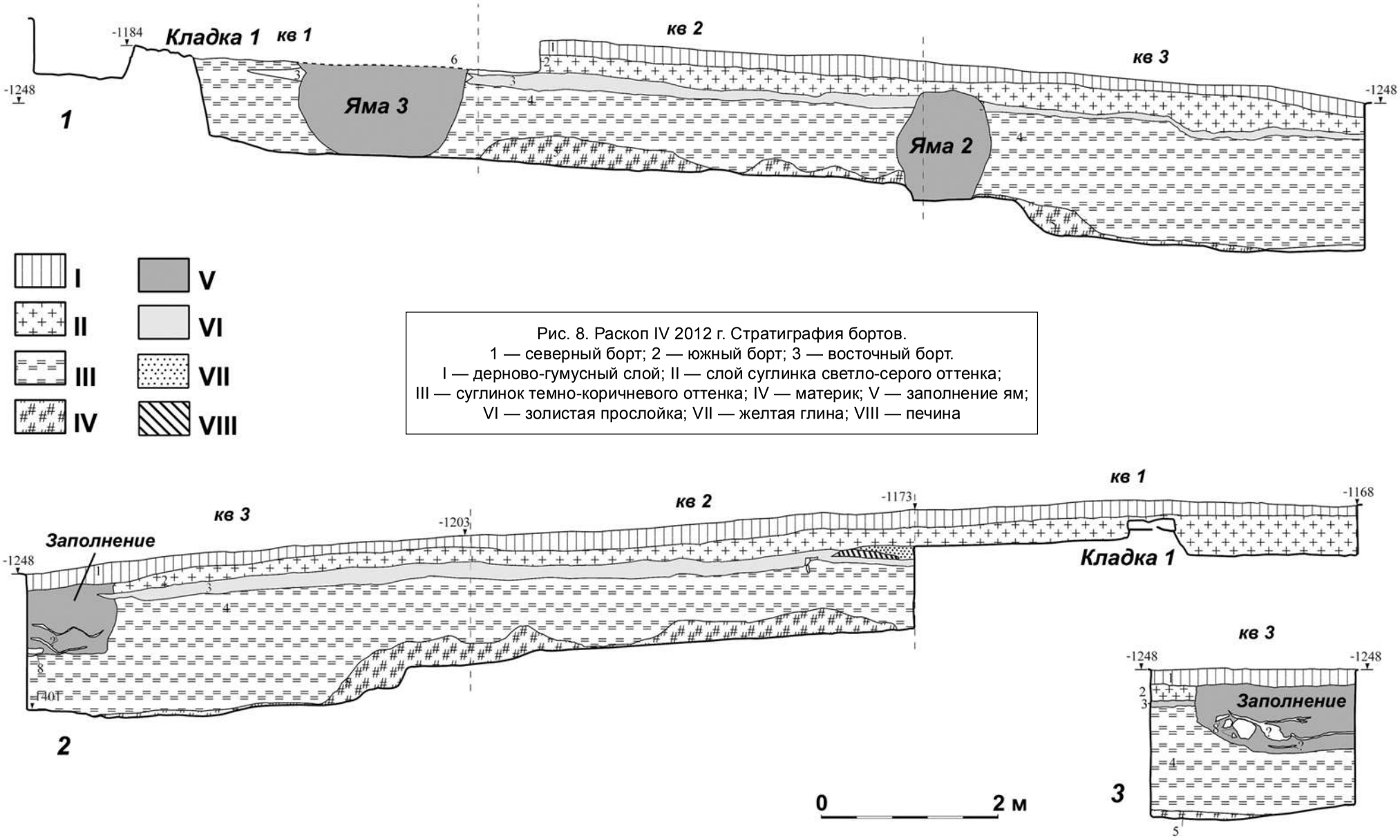


Рис. 8. Раскоп IV 2012 г. Стратиграфия бортов.
1 — северный борт; 2 — южный борт; 3 — восточный борт.
I — дерново-гумусный слой; II — слой суглинка светло-серого оттенка;
III — суглинок темно-коричневого оттенка; IV — материк; V — заполнение ям;
VI — золистая прослойка; VII — желтая глина; VIII — печина

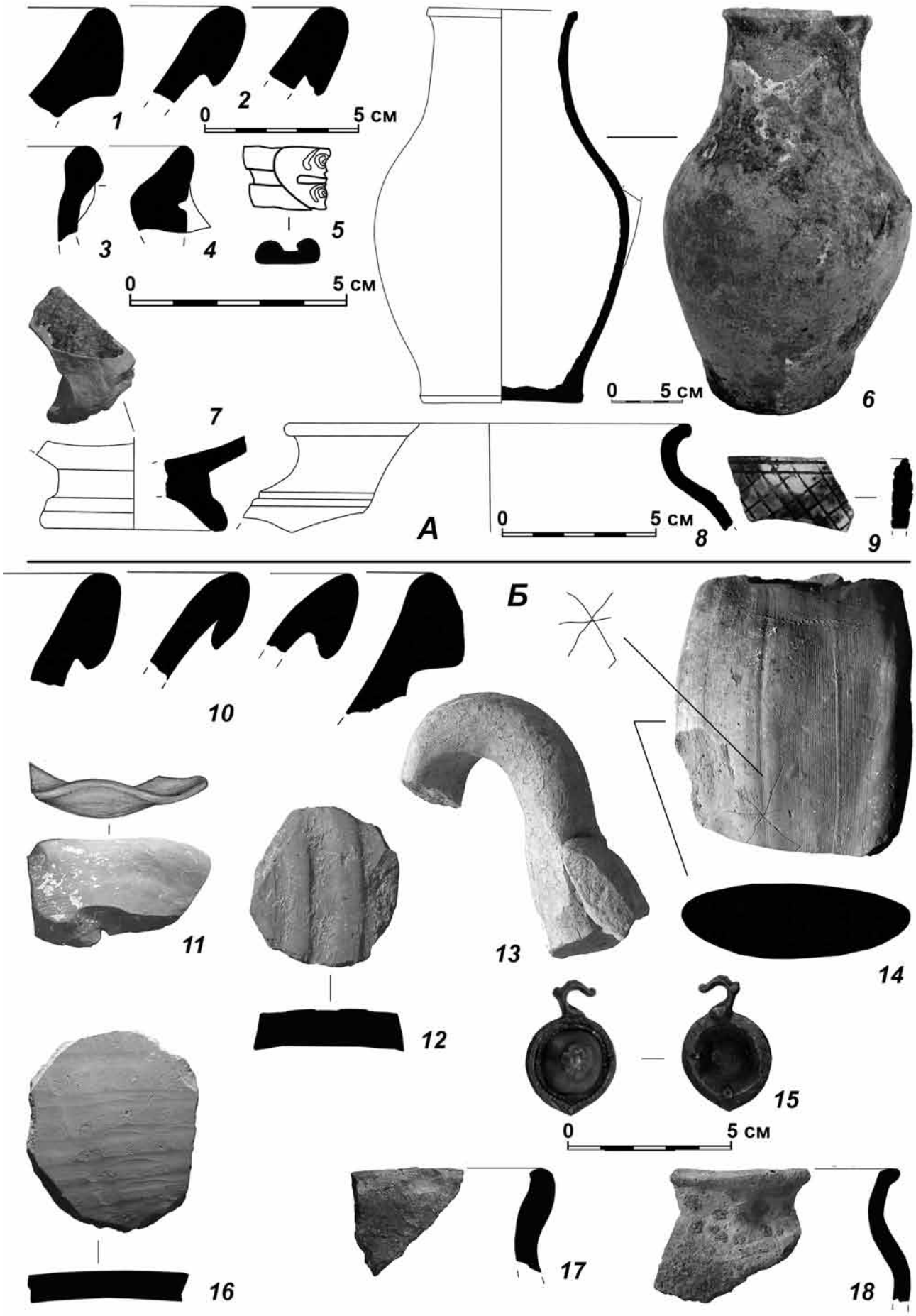


Рис. 9. Раскоп IV 2012 г. Археологический материал из стратиграфических горизонтов.
А — из слоя гумусированного опесчаненного грунта светло-коричневого оттенка;
Б — из слоя суглинка светло-серого оттенка

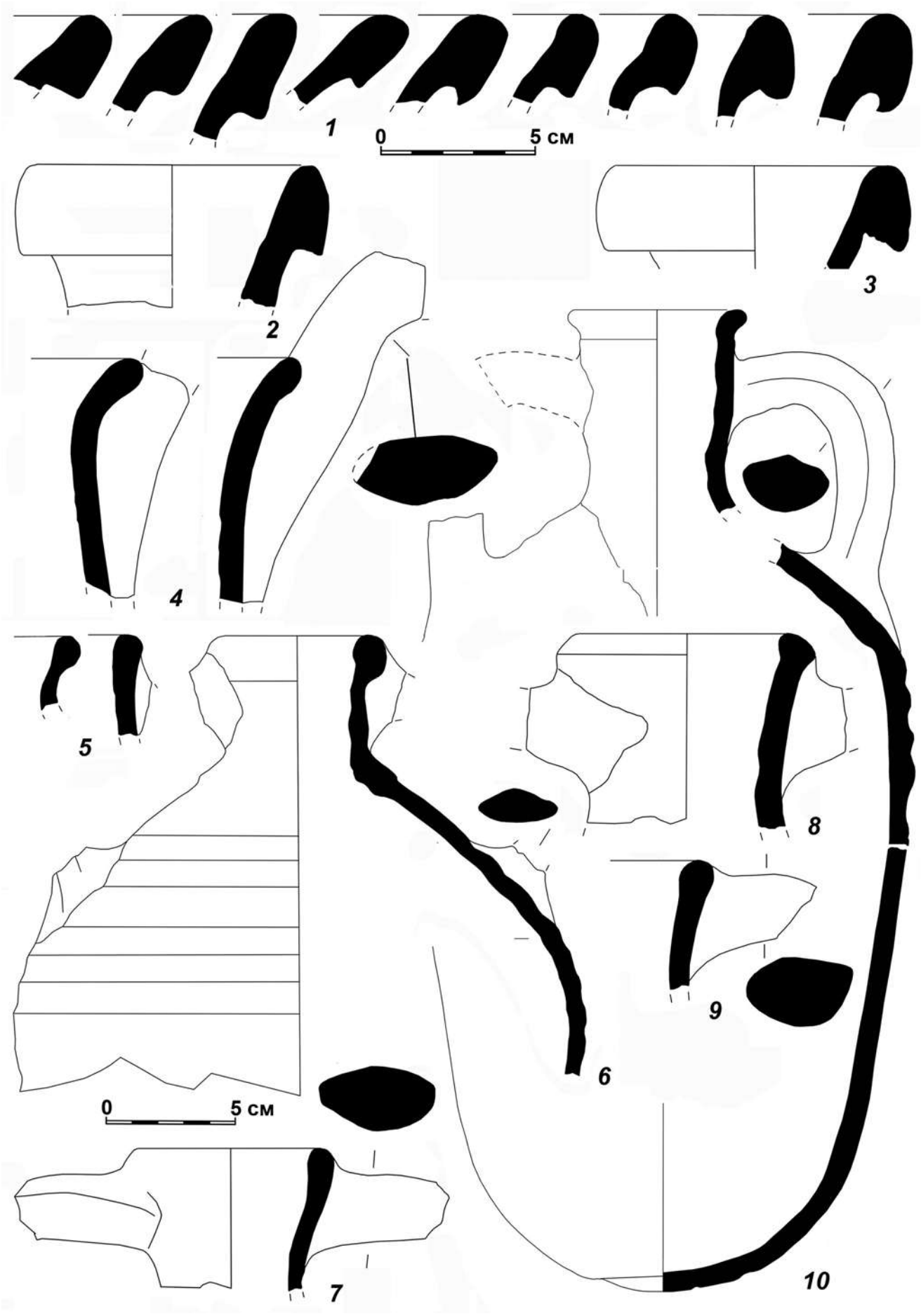


Рис. 10. Раскоп IV 2012 г.
Амфорный материал из слоя суглинка темно-коричневого оттенка

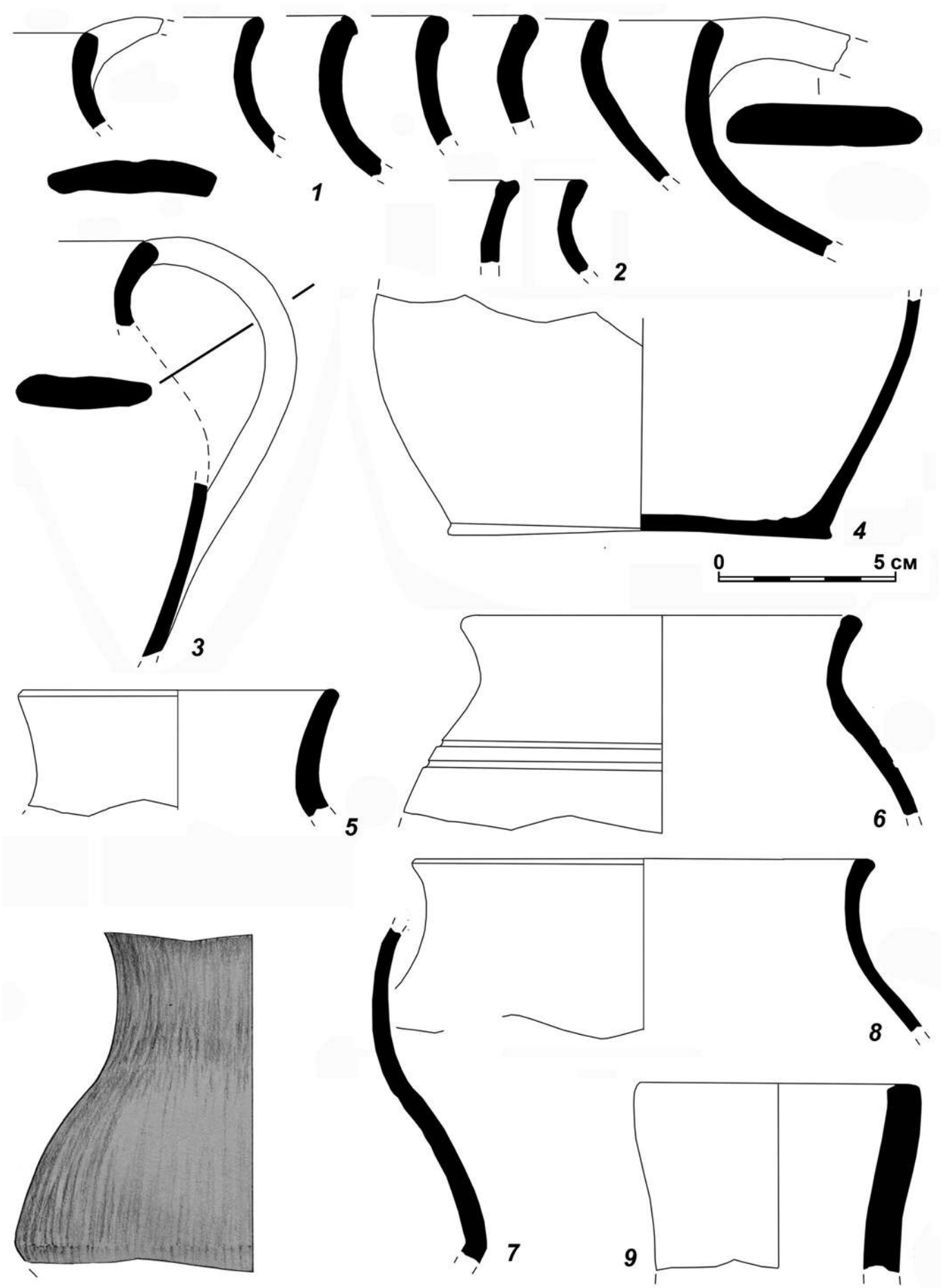


Рис. 11. Раскоп IV 2012 г. Кухонная и столовая керамика из слоя суглинка темно-коричневого оттенка

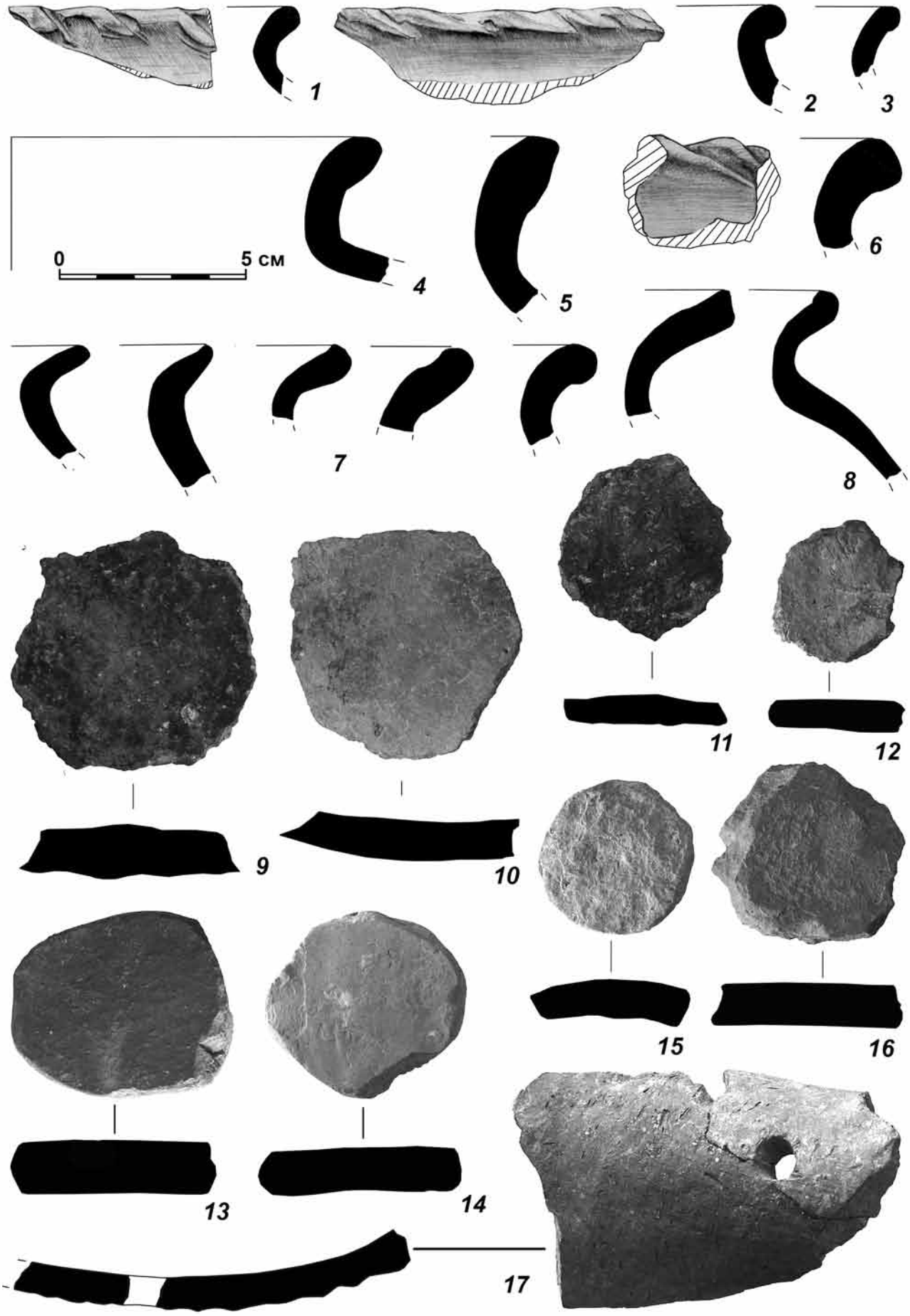


Рис. 12. Раскоп IV 2012 г.
Салтово-маяцкая керамика и изделия из глины из слоя суглинка темно-коричневого оттенка

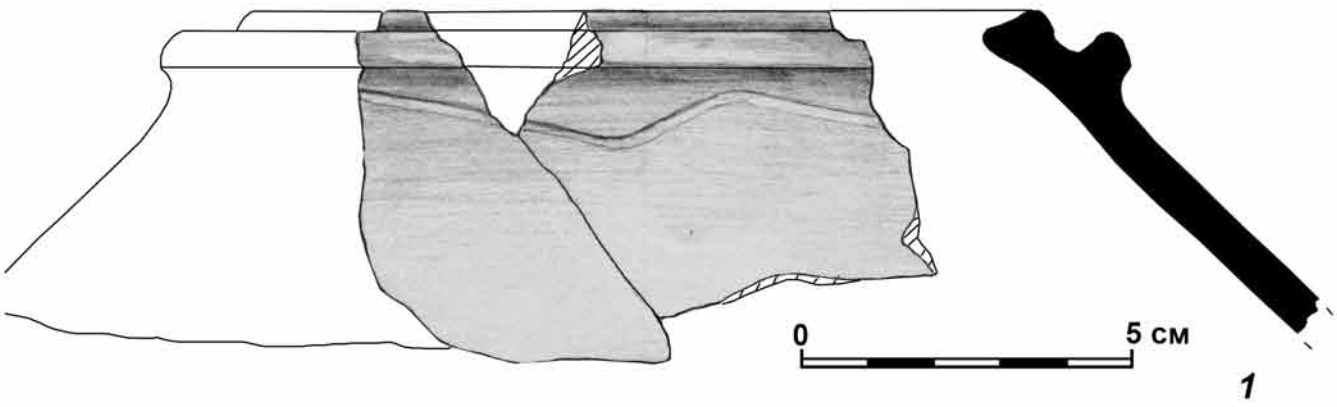
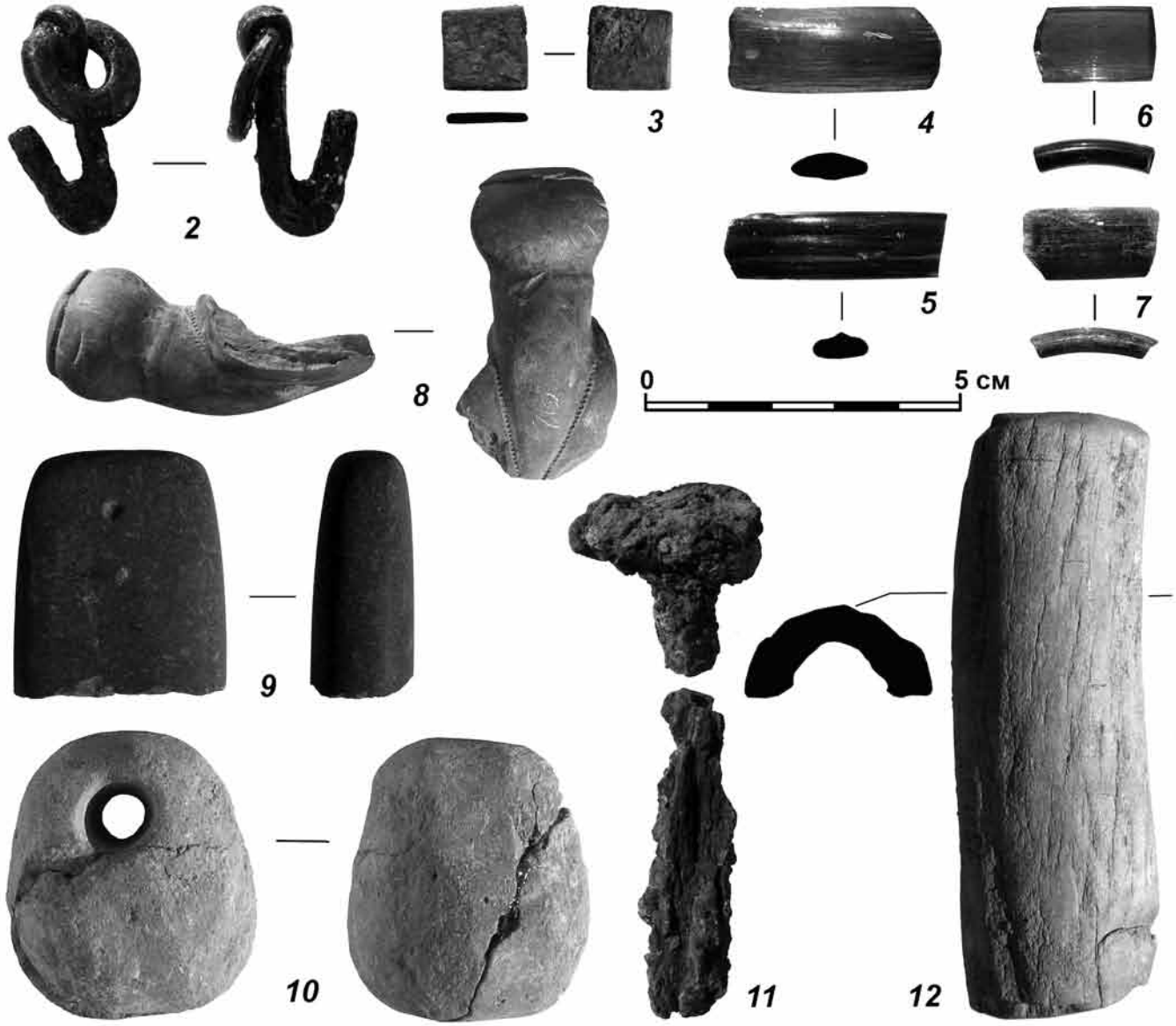


Рис. 13. Раскоп IV 2012 г.
Позднесредневековая керамика и индивидуальные находки широкого хронологического диапазона из слоя суглинка темно-коричневого оттенка



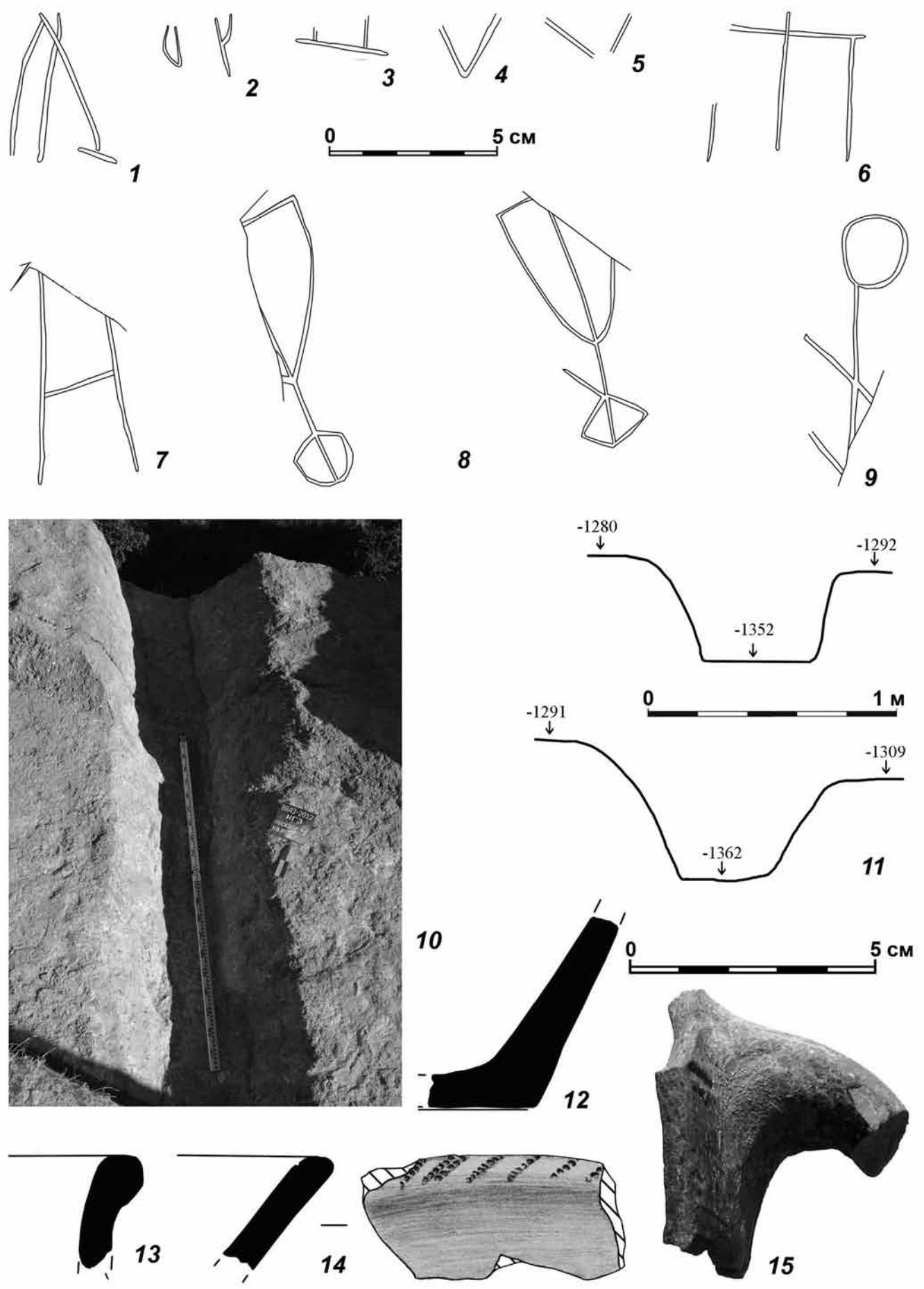


Рис. 14. Раскоп IV 2012 г. Археологический материал из стратиграфических горизонтов и комплексов.
1–9 — граффити на амфорах из слоя суглинка темно-коричневого оттенка;
10–15 — общий вид, разрезы и археологический материал из заполнения траншеи-арыка нижнего горизонта

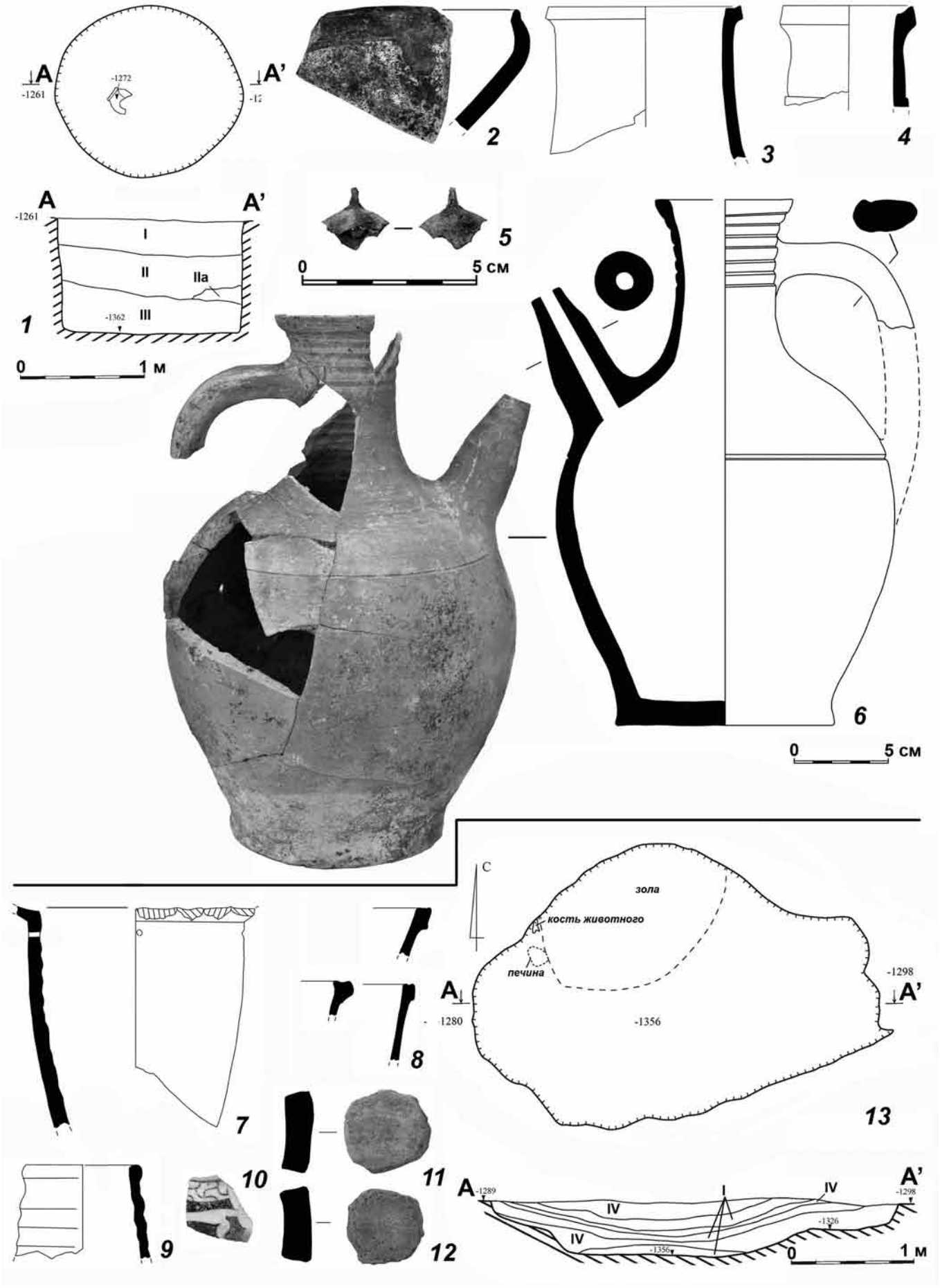


Рис. 15. Раскоп IV 2012 г. Планы, стратиграфия заполнения и археологический материал из хозяйственных ям позднесредневекового времени.
1–6 — хозяйственная яма 2; 7–13 — хозяйственная яма 4.
I — светло-серый золистый слой; II — светло-белый золистый слой; IIa — печина;
III — темно-серый золистый слой; IV — светлая глина

Цветные рис. 16–18 расположены на стр. 629–631.

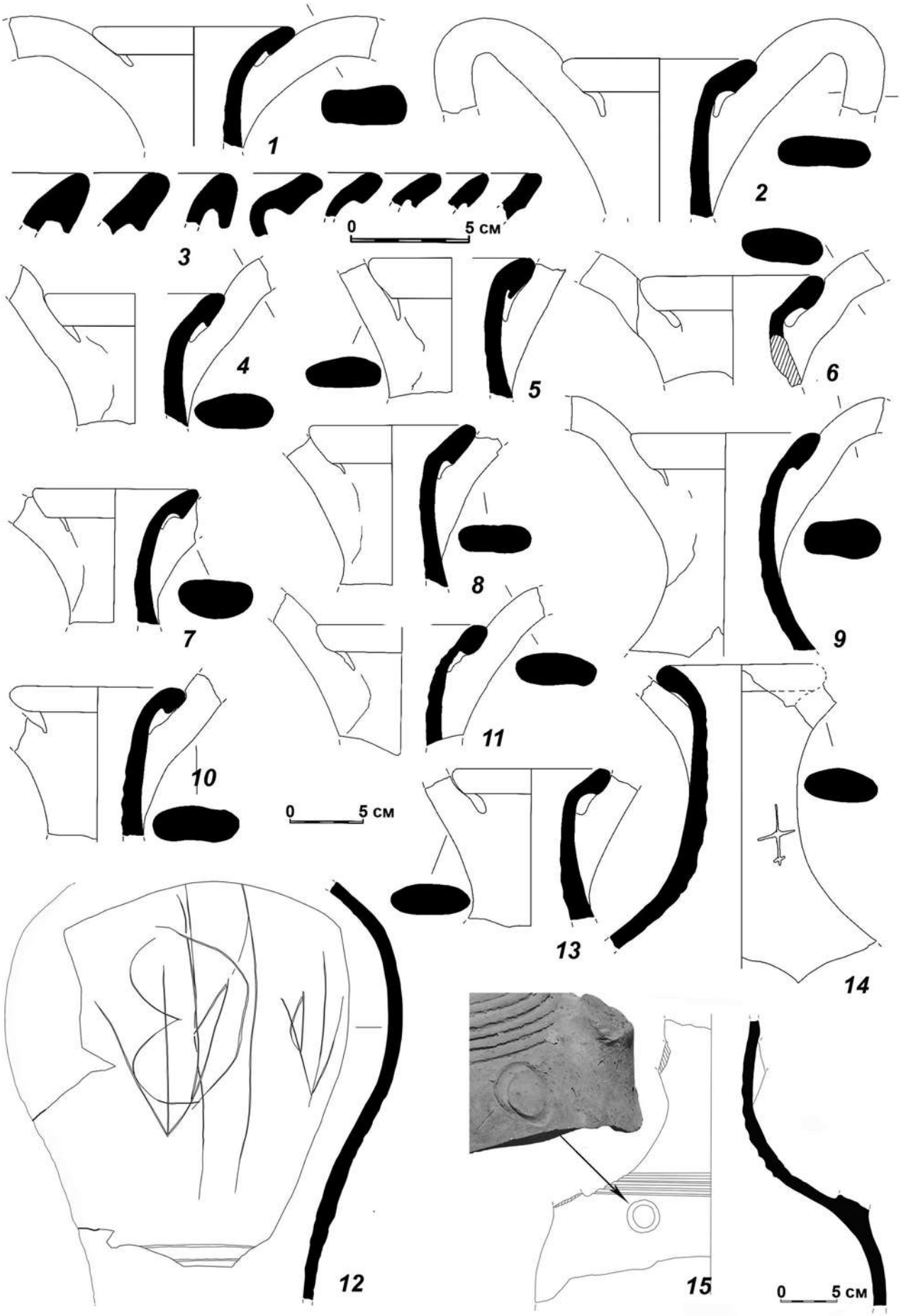


Рис. 19. Раскоп IV 2012 г. Амфорный материал из заполнения хозяйственной ямы 7

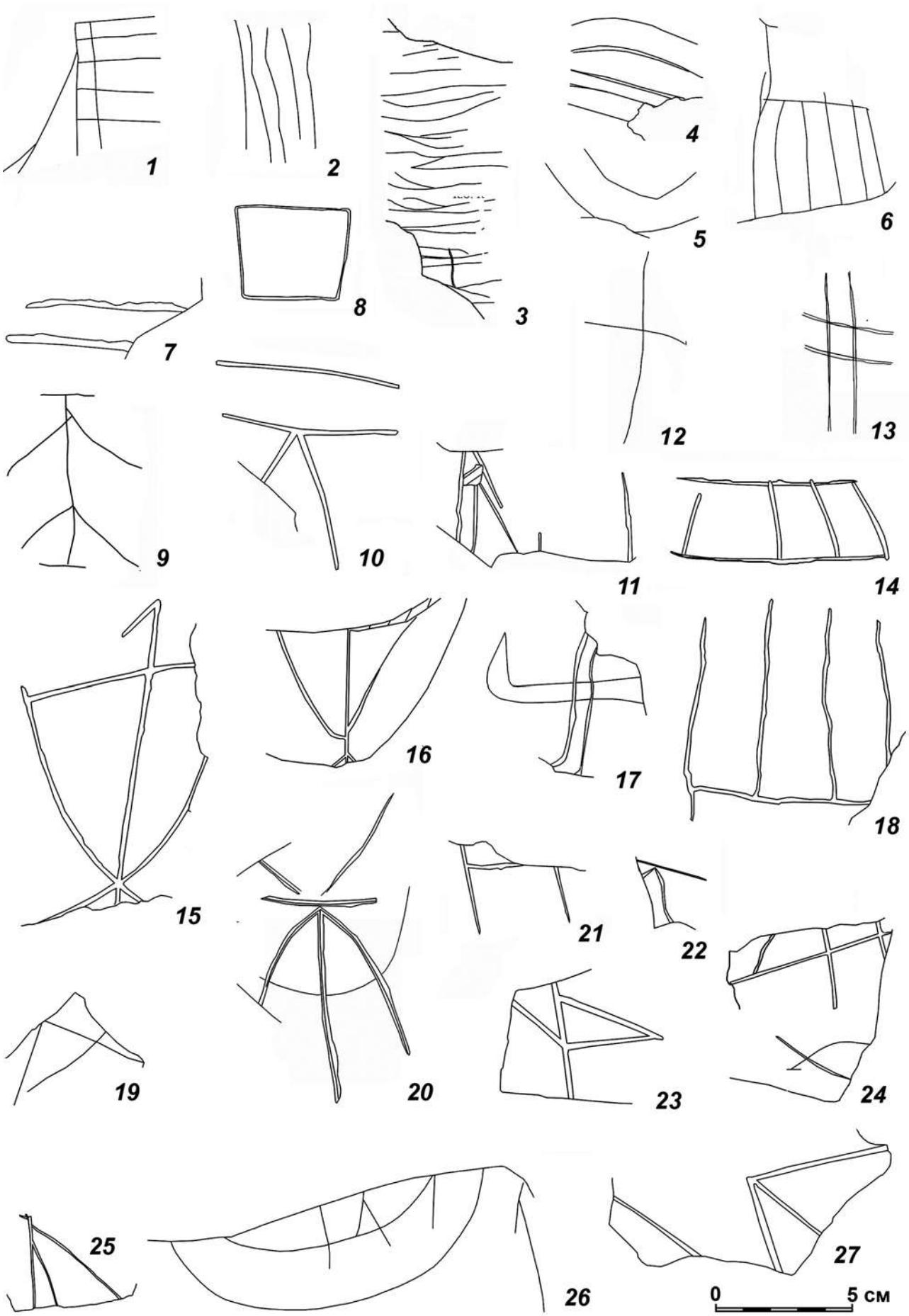


Рис. 20. Раскоп IV 2012 г. Граффити на амфорах из заполнения хозяйственной ямы 7

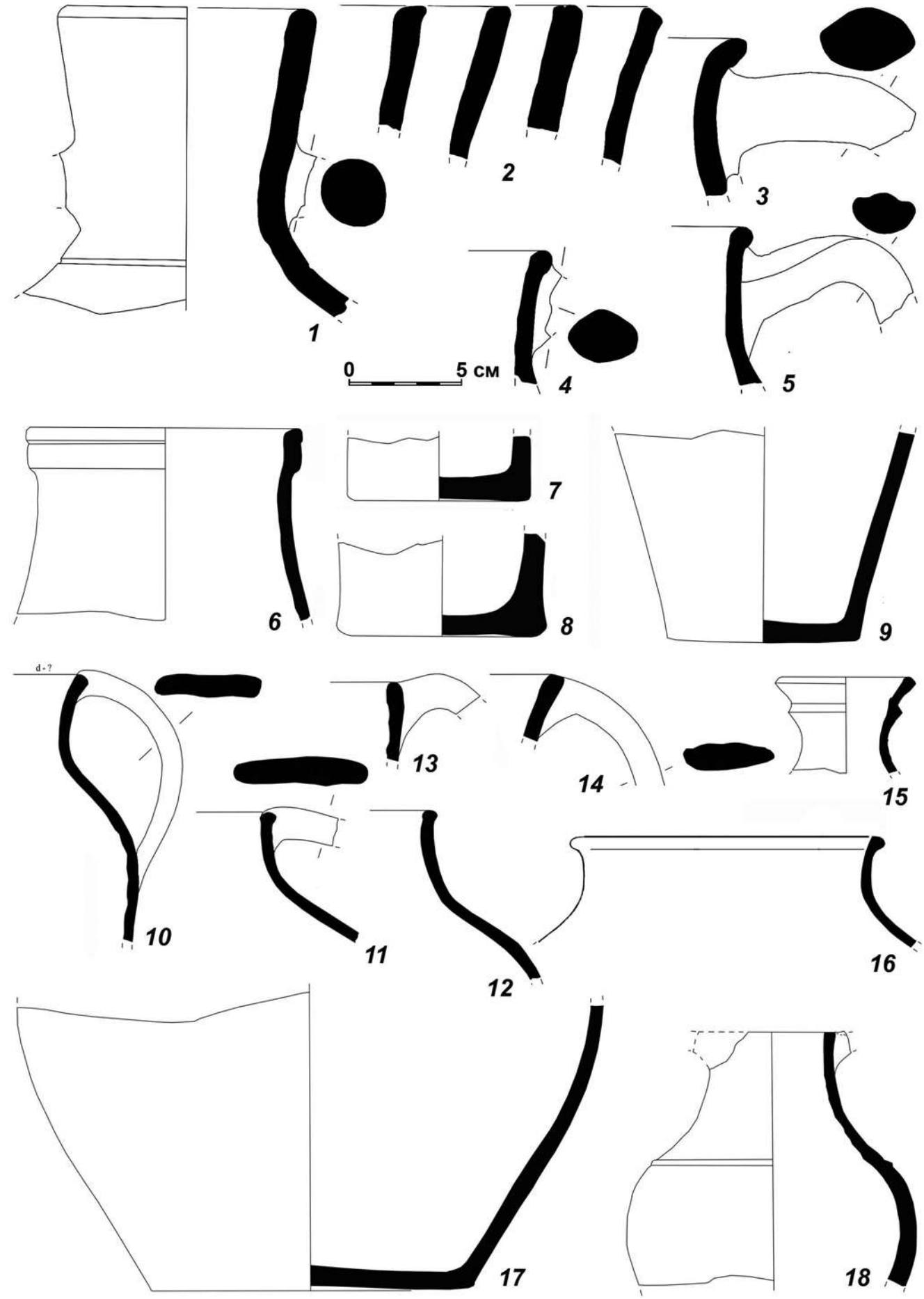


Рис. 21. Раскоп IV 2012 г. Тарная и кухонная керамика из заполнения хозяйственной ямы 7

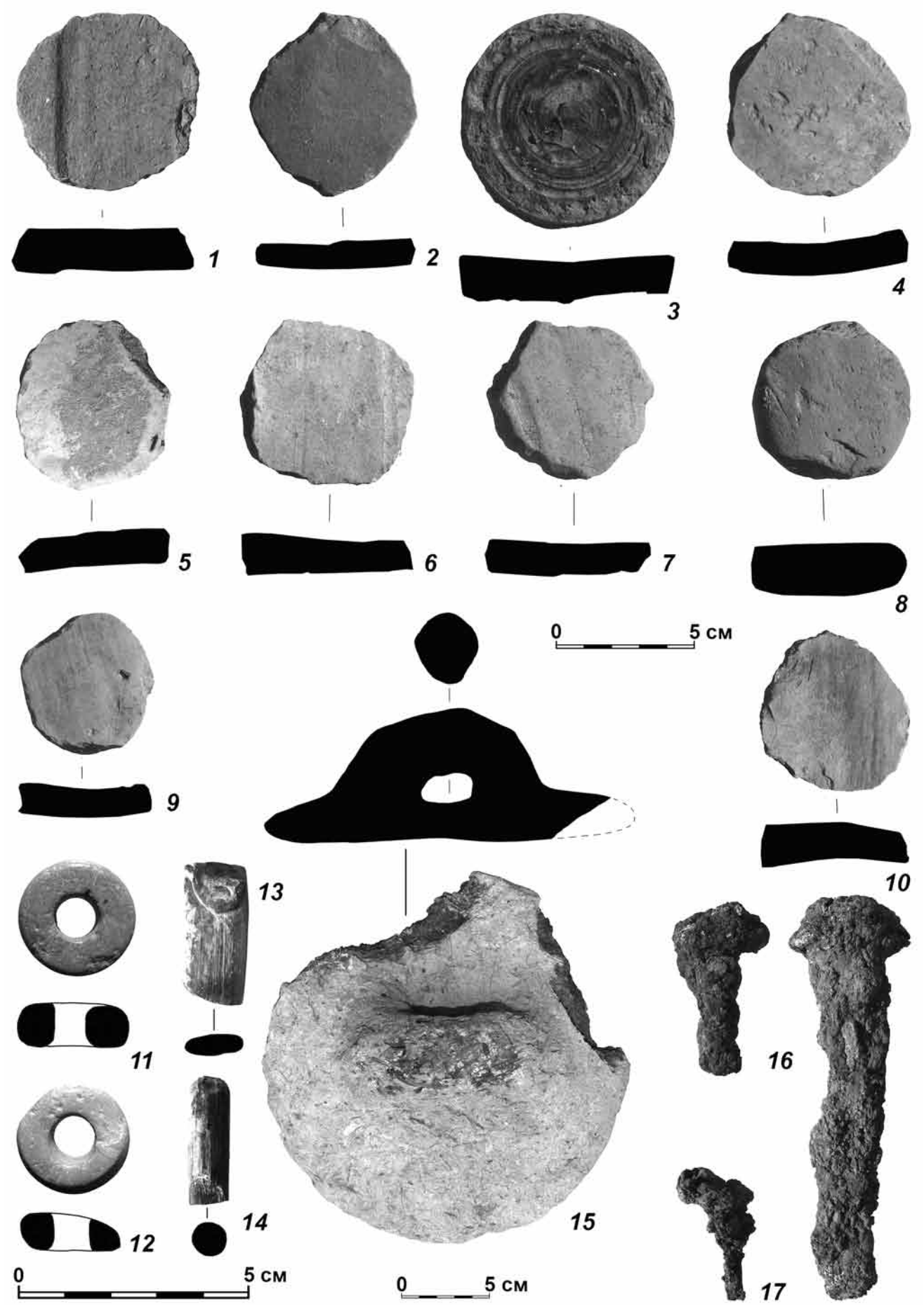


Рис. 22. Раскоп IV 2012 г. Индивидуальные находки из заполнения хозяйственной ямы 7

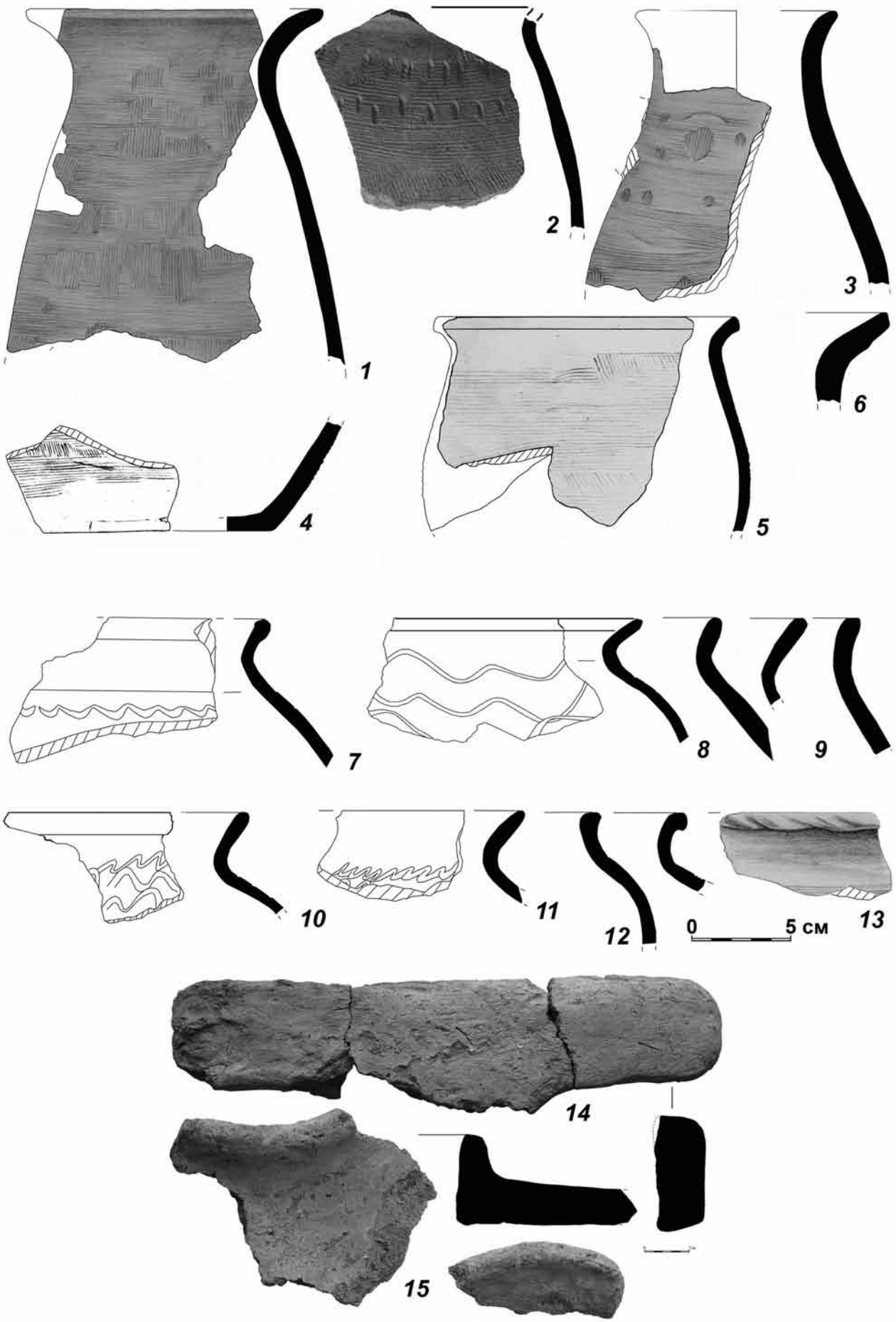


Рис. 23. Раскоп IV 2012 г.
Лепная керамика, салтово-маяцкая керамика и изделия из глины из заполнения хозяйственной ямы 7

Цветной рис. 24 расположен на стр. 632.

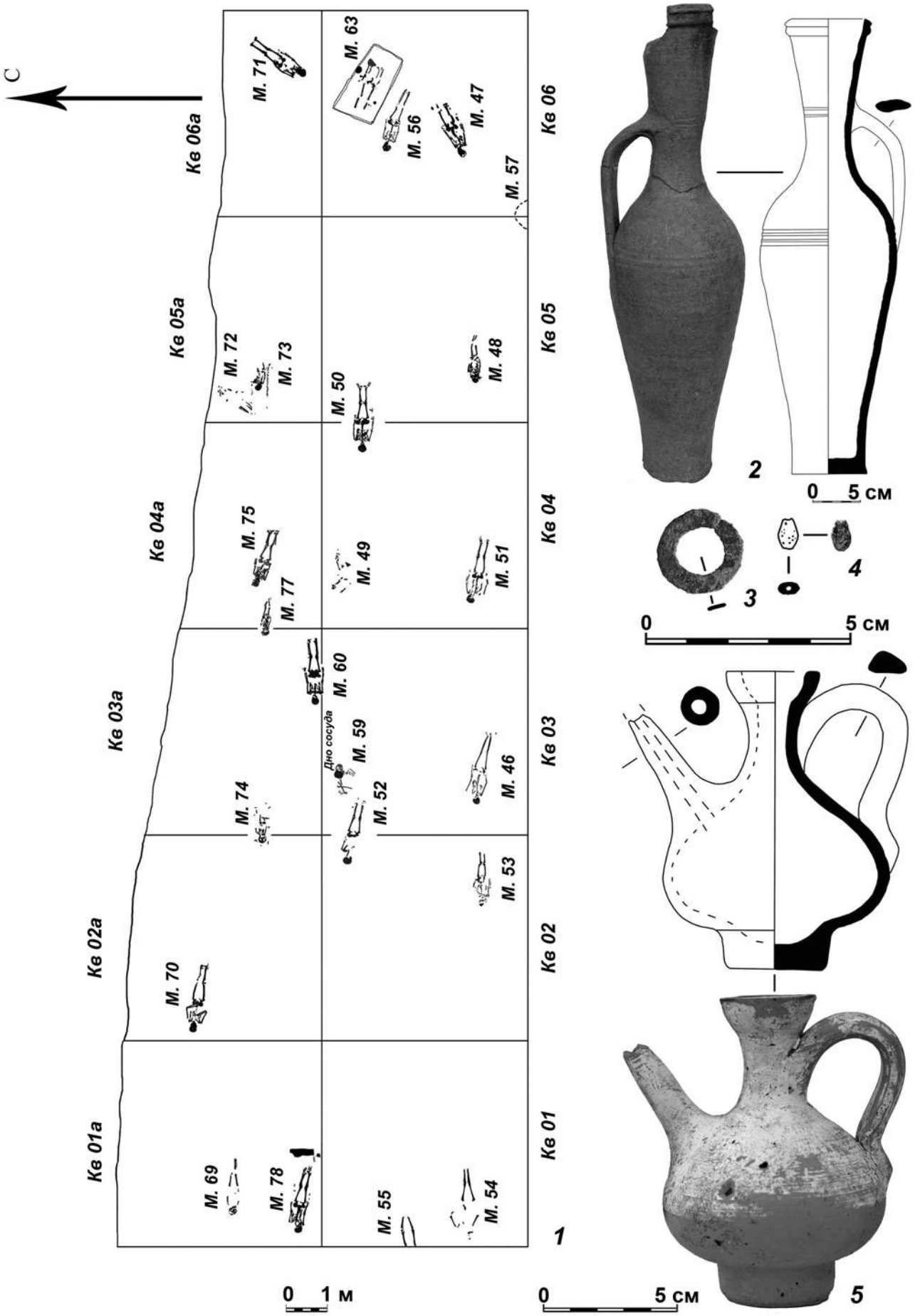


Рис. 25. Раскоп II 2012 г. План и археологический материал из комплексов и стратиграфических горизонтов.
1 — план некрополя позднесредневекового времени на раскопе II «Восточный»;
2 — высокогорлый кувшин из разборки северной бровки раскопа II «Центральный»;
3–5 — погребальный инвентарь могилы 57 некрополя на раскопе II «Восточный»

В. А. Сидоренко

МОНЕТНЫЙ КЛАД ВРЕМЕНИ АЛЕКСЕЯ I КОМНИНА (1081–1118 ГГ.), НАЙДЕННЫЙ НА АНТИЧНОМ ПОСЕЛЕНИИ ОРТЛИ

Статья посвящена публикации клада из четырех электровых скифатных номисм: трех — времени Никифора III Ботаниата (24.03.1078–4.04.1081 гг.) и одной — Алексея I Комнина (5.04.1081–15.08.1118 гг.). Клад был найден во впускном погребении на античном поселении Ортли на северном берегу Сасык-Сивашского озера и мог быть связан с выплатами Византией денежных сумм наемникам-печенегам.

Ключевые слова: монетный клад, византийские монеты, Никифор III Ботаниат, Алексей I Комнин.

Небольшой клад, состоявший из четырех византийских электровых номисм, был найден при раскопках В. А. Кутайсова во впускном погребении на античном поселении Ортли на северном берегу Сасык-Сивашского озера. Монеты, представлявшие скифатную чеканку времени Никифора III Ботаниата (24.03.1078–4.04.1081 гг.) и Алексея I Комнина (5.04.1081–15.08.1118 гг.), поступили на хранение в фонды Евпаторийского краеведческого музея. Состав находки следующий:

1. Византийская империя, Никифор III Ботаниат (24.03.1078–4.04.1081 гг.), электр, скифатная номисма: 4,44 г; с. о.: ↓.

Лиц. ст.: сидящая на троне фигура Христа, трон без спинки, по сторонам нимба IC – XC, двойной ободок.

Об. ст.: +NIKHΦ ΔЄC TωBOTANIAT, фигура Никифора III, стоящая на подиуме в рост, держащая длинный крест и сферу, двойной ободок. Сфера и свисающий отворот плаща — со следами смещения повторного оттиска [Bellinger, Grierson, 1973, p. 826, 3a, pl. LXIX, 3a; Morrisson, 1970, 1–7; Ratto, 1959, pl. IL, 2052; Sear, 1996, No. 1881; Wroth, 1966, 7 II].

1

2. Византийская империя, Никифор III Ботаниат (24.03.1078–4.04.1081 гг.), электр, скифатная номисма: 4,32 г; с. о.: ↓.

Лиц. ст.: сидящая на троне фигура Христа, трон без спинки, по сторонам нимба IC – XC, двойной ободок.

Об. ст.: +NIKHΦ ΔЄC TωBOTANIAT, фигура Никифора III, стоящая на подиуме в рост, держащая длинный крест и сферу, двойной ободок [Bellinger, Grierson, 1973, p. 826–827, 3b, pl. LXIX, 3b; Morrisson, 1970, 1–7; Ratto, 1959, pl. IL, 2051; Sear, 1996, No. 1881; Wroth, 1966, 7 II].

2

3. Византийская империя, Никифор III Ботаниат (24.03.1078–4.04.1081 гг.), электр, скифатная номисма: 4,14 г; с. о.: ↓.

Лиц. ст.: сидящая на троне фигура Христа, трон без спинки, по сторонам нимба IC – XC, двойной ободок.

Об. ст.: +NIKHΦ ΔЄC TωBOTANIAT, фигура Никифора III, стоящая на подиуме в рост, держащая длинный крест и сферу, двойной ободок [Bellinger, Grierson, 1973, p. 826–827, 3b, pl. LXIX,

3b; Morrisson, 1970, 1–7; Ratto, 1959, pl. IL, 2051; Sear, 1996, No. 1881; Wroth, 1966, 7 II].

4. Византийская империя, Алексей I Комнин (5.04.1081–15.08.1118 гг.), электр, скифатная номисма: 4,42 г; с. о.: ↓.

Лиц. ст.: фигура Христа, сидящего на троне со спинкой, по сторонам спинки трона IC – XC, двойной ободок.

Об. ст.: +AΛЄIωΔЄC ПОТ TωKM погрудное изображение Алексея Комнина, держащего лабарум и сферу, двойной ободок [Ratto, 1959, pl. IL, 2062; Sear, 1996, No. 1893].

Все скифаты отличает отличное состояние поверхности поля и рельефа, характерное для монет, которые не участвовали в торговом обороте, а попали в сокровище вскоре после чеканки. На подобный характер указывает и высокий вес монет Никифора III, представляющих два из четырех известных вариантов монетного типа. Комплектация находки отражает состояние монетного обращения на начало правления Алексея I Комнина, когда монетный двор Константинополя только прекратил чеканку монет короткого правления предшественника. Для Крыма находки скифатных золотых и электровых монет не уникальны, но малочисленны, и, как можно наблюдать, связаны с кочевническими погребениями печенегов. Время Алексея I Комнина завершает в целом выплаты варварам, находившимся в лемитантных отношениях с Византийской империей. Выпуск скифатных номисм Алексея I Комнина с изображением Христа на троне со спинкой относится к началу его правления, что позволяет сузить датировку клада до 1082 г.

В сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Константин Багрянородный, 1989; Constantini Porphirogeniti, 1949], составленном в 948–952 гг., подробно обрисована территория печенежских владений времени расцвета их политического объединения, представлявшего в течение столетия реальную силу, с которой были вынуждены считаться как соседи (росы, хазары, тюрки), так и Византия. По сообщению трактата: «Пачинакия отстоит от Узии и Хазарии на пять дней пути, от Алании — на шесть дней, от Мордии — на десять дней, от Росии — на один день, от Туркии — на четыре дня, от Булгарии — на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе» [Константин Багрянородный, 1989, с. 156/157; Constantini Porphirogeniti, 1949, p. 168/169]. После того как в 1036 г. Ярослав Мудрый разбил под Киевом печенежское войско, основная часть печенегов откочевала к границам Византии. После ряда поражений некоторым из отделившихся от племенного объединения ордам были предоставлены для кочевий пограничные с византийскими владениями степи. В середине XI в. ранее принадлежавшие печенегам степи Подонья и Приазовья наводнила новая волна кочевников — кипчаков (половцев), которые уже в 1055 г. вплотную продвинулись к юго-восточной границе русских княжеств. Но печенеги в Таврике в это время продолжали находиться как наемники, охранявшие степные рубежи Византийской империи.

Константин Багрянородный сообщал: «По сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии, у переправ через эту реку, имеются пустые крепости: первая крепость названа пачинакитами Аспрон (Ἄσπρον), так как ее камни кажутся совсем белыми; вторая крепость Тунгаты (Τουγγάται, Τουγγᾶται), третья крепость Кракнакаты (Κρακνακάται), четвертая крепость Салмакаты (Σαλμακάται), пятая крепость Сакакаты (Σακακάται), шестая крепость Гиайукаты (Γιαιονκάται, Γιαιονκαᾶται). Посреди самих строений древних крепостей обнаруживаются некие признаки церквей и кресты, высеченные в песчанике, поэтому кое-кто сохраняет предание, что ромеи некогда имели там поселение» [Константин Багрянородный, 1989, с. 156/157; Constantini Porphirogeniti, 1949, p. 168/169]. Поскольку в первой древней крепости усматривается располагавшаяся у днепровского лимана Тира (с XIII в. на ее месте возводится средневековый Маврокастрон, Монкастро, Аккерман, современный Белгород-

Днестровский), то и другие, возникшие в эллинистическое и римское время и заброшенные к X в. крепости могли находиться в южных пределах владений печенегов, в том числе и отдаленных от Днестра. Косвенно на это указывает отсутствие такого количества античных фортификационных памятников на левом берегу Днестра. Если предположить, что наименования крепостей и рек, используемые затем кипчаками и татарами, ориентировались по созвучию на исторические, известные печенегам, то первая крепость Аспрон — Тира (новая, возведенная на ее месте в XIII в. крепость Аспрокастрон сохраняла топоним), Тунгаты — это, возможно, античный Танаис у впадения Дона в Азовское море, остальные находят отзвуки своих названий на Таврическом полуострове: Кракнакаты — Каркинита, Салмакаты — Алма, Сакакаты — Саки, Гиайукаты — очевидно, не сохранившее прежнего топонима укрепление. Если отбросить окончание — каты, что означало «крепость», то образующие корневые основы названий составят Кракна (Каркина), Салма (Алма?), Сака (Саки), Гиайу (?). В числе наиболее близких угадывается созвучие в названиях Κρακνακάται и античной Каркиниты (Керкиниты, Керкинитиды). Найденный в 12 км. к юго-востоку от нее клад электровых номисм начала правления Алексея I Комнина может рассматриваться как сокровище, принадлежавшее кому-то из кочевников-печенегов, также и как не принимавшие участия в монетном обращении платежные средства, поступившие непосредственно из казны Византийской империи, иными словами, часть платы, полученной печенегами-наемниками от Византии в 1082 г. Возможно, это была одна из последних выплат, поскольку в дальнейшем противостоять вторжению кипчаков в степи Таврики печенеги не смогли.

Abstract

V. A. Sidorenko

COINS HOARD OF THE TIMES ALEXIUS I COMNENUS (1081–1118) FROM THE ANCIENT TOWNSHIP ORTLY

The article is sanctified to the publication of hoard from four electrum histamenon nomismas: three — to time of Nicephorus III Botaniates (1078–1081) and one — Alexius I Comnenus (1081–1118). Treasure was found in the inlet burial on the ancient township Ortly on the north bank of the Sasyck-Sivash lake and could be related to payments by Byzantium of money sums to the hirelings-pechenegs.

Key words: Coins hoard, Byzantine coins, Nicephorus III Botaniates, Alexius I Comnenus.

С. В. Ушаков, С. В. Данилова, В. В. Дорошко

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ НА ТЕРРИТОРИИ БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ» В ХЕРСОНЕСЕ [1]

Херсонес является уникальным памятником античности и средневековья. В северо-восточном районе Херсонеса (квартал XCIX) находится так называемая базилика «Крузе», которая пережила, по меньшей мере, три периода исследования. В ходе новейшего этапа археологических работ (1998, 2005–2013 гг.) были выяснены многие интересные особенности памятника, а также открыт и исследован средневековый некрополь. Он возник в начале XI в. и функционировал до XIII в. включительно. Аналогичная ситуация характерна и для многих других христианских храмов Херсонеса.

Ключевые слова: Херсонес, базилика «Крузе», некрополь XI – XIII вв.

В настоящее время только один памятник в истории нашего Юга носит гордое имя «Русские Помпеи»: это всем известный Херсонес Таврический как уникальный образец античности и средневековья. Только он до сегодняшнего дня производит впечатление города, пережившего за свое долгое двухтысячелетнее существование периоды подъёма и упадка, смены религии и культуры. Наглядно видно (и исследования это подтверждают), что его долгая жизнь явственно отразилась на военной, гражданской и сакральной архитектуре, погребальных обычаях. Среди всего массива источников по истории античного Херсонеса — византийского Херсона первостепенное, важнейшее значение имеют, конечно, данные археологии.

Позволим напомнить, что археологические раскопки Херсонеса начались более 180-ти лет назад: в 1827 году по распоряжению главного командира Черноморских портов города Севастополя вице-адмирала С. А. Грейга под непосредственным руководством плантера Черноморского департамента корабельных инженеров подпоручика Карла Крузе [Тункина, 2002, с. 511–513] были проведены первые исследования. Раскопщиком было открыто три храма, два из которых были достаточно полно описаны, а вот о третьем (№ 7 по нумерации Императорской археологической комиссии, который и носит теперь его имя) он лишь скромно упоминает [Золотарёв, Коробков, Ушаков, Пюльц, 1999, с. 3–4]. Отметим, что хотя в научной, а особенно в научно-популярной литературе до сих пор нет единства мнений по поводу личности первооткрывателя этого храма, более обоснованным нам представляется, что его звали именно Карлом.

Следующий период в истории исследования базилики № 7 («Крузе») наступил через много лет, когда в первом году последнего десятилетия XIX века здесь были проведены новые раскопки. Работами руководил известный представитель Императорской археологической комиссии в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинич. В ходе археологических работ был выявлен план храма [Золотарёв, Коробков, Ушаков, Пюльц, 1999, с. 5] и открыто 19 погребений (№№ I – XIX) на его территории (рис. 1), восемь из которых были устроены в нартексе [Косцюшко-Валюжинич, 1891, с. 17]. В кратком отчёте о раскопках К. К. Косцюшко-Валюжинич упомянул основные находки и высказал мнение о принадлежности этих могил к раннему периоду существования храма [Косцюшко-Валюжинич, 1891, с. 17].

После этих работ базилика долгое время не исследовалась, а лишь упоминалась или кратко опи-

[1] Значительно расширенный вариант доклада, почитанного на IV (XX) Всероссийском археологическом съезде в Казани [Ушаков, Данилова, 2014, с. 341–342].

сывалась в научной литературе [Айналов, 1905, с. 67–70], и лишь в середине XX века А. Л. Якобсоном был представлен новый план памятника (рис. 2). Исследователь также описал работы своих предшественников и предоставил, как казалось, достаточно убедительные доказательства его раннего возведения — в V в. по сирийским образцам [Якобсон, 1959, с. 187–190, рис. 91–93]. Дальнейшее внимание к храму долгие годы хоть и было, но в общем, незначительное — в научной литературе в виде кратких описаний [См.: Романчук, 2000, с. 222; Сорочан, 2013, с. 53–58].

Современный этап его исследования начался уже на исходе XX века (в 1998 году в рамках научного сотрудничества с австрийскими коллегами) [Золотарёв, Коробков, Ушаков, Пюльц, 1999, с. 2]. В том полевом сезоне были проведены небольшие археологические работы, в ходе которых в южном нефе храма была обнаружена и исследована могила (рис. 3), незамеченная в своё время К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Впоследствии она получила условный номер 1. Эти работы не получили своего продолжения, а регулярные раскопки возобновились чуть позднее, в 2005 году и продолжаются до настоящего времени экспедицией КФ ИА, НЗХТ и Филиала МГУ в г. Севастополе.

Несколько слов еще о самом храме. Базилика «Крузе» расположена в Северо-восточном районе Херсонеса (XCIX квартал) и по своей архитектурной схеме существенно не отличается от других раннесредневековых базилик с нартексом, тремя нефами и алтарной частью. В храм можно было войти с продольной улицы, ведущей из портового района города. Однако у этого храма с массивными стенами (толщина — до 0,90 м) есть свои редкие для Херсонеса особенности: 1) ширина его практически равна длине; 2) форма алтарной части — триконхиальная, укреплённая внешним поясом кладки; 3) относительно узкие боковые нефы (левый или северный неф — 2,9 х 10,5 м шириной, правый или южный — 2,7 х 10,5 м, ширина центрально нефа — 8 м) [Золотарёв, Коробков, Ушаков, Пюльц, 1999, с. 8–10]; 4) отсутствие правого бокового входа (рис. 4). Перед базиликой не было прихрамовой площади, и она почти вплотную примыкала к жилым кварталам, отделяясь с северо-запада от них массивной оградой (от которой сохранился фундамент).

В ходе наших археологических работ удалось выяснить и основные этапы застройки этой территории города. До постройки базилики здесь находились жилые дома позднеклассического-эллинистического времени. В римское время на этом месте появляется рыбозасолочный комплекс. Это две цистерны (одна обнаружена под центральным нефом базилики, вторая — перед входом в храм), а также многочисленные пифосные ямы с остатками тары. В юстиниановскую эпоху рыбозасолочный комплекс прекратил свое существование, территория была снивелирована и на этом месте возведена базилика.

Время постройки самого храма, как показали раскопки последних лет, определяется многочисленными и разнообразными археологическими материалами и монетами из-под пола южного, центрального нефов, помещения I и из засыпи цистерны перед базиликой [Ушаков, Дорошко, 2012, с. 111–112; Ушаков, 2013, с. 590–596], — это время правления императора Юстиниана Великого (527–565 гг.) [Ушаков, 2014, в печати], что связано с активным укреплением христианства по всей Византийской империи.

Просуществовал храм примерно до рубежа X – XI вв. На его руинах возникает некрополь, который действовал до конца существования Херсона как города. Ныне можно с уверенностью утверждать, что некрополь возник после разрушения базилики (как и значительной части города), возможно, в результате катастрофического землетрясения. О разрушении, а не просто о перестройке храма свидетельствует тот факт, что вся дорогая мраморная и мозаичная отделка осталась внутри базилики и побилась при обвале. Так, ещё во время раскопок 1891 г. были найдены 2 мраморные резные капители, 2 мраморные базы, 152 больших, 234 средних и 484 малых обломков плит колонн и карнизов; также найдены 205 кусочков смальты [Косцюшко-Валюжинич, 1891, с. 18–19]. Добавим, что и во время раскопок 1998 и 2005–2010 гг. также были обнаружены многочисленные фрагменты (почти все — в виде небольших осколков) мраморного убранства храма, смальта и фрагмент раннехристианской надписи на обломке мраморной плиты. Аналогичная ситуация прослеживается и в случае с некоторыми другими базиликами Херсона.

Как уже отмечалось выше, раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича было вскрыто 19 могил, а работами, проводимыми нами в 1998, 2005–2010, 2013 гг. было найдено ещё 19 погребений (№ 1–19) (рис. 5), по мере открытия всей площади храма. Информация о погребениях, исследованных нашим предшественником, в целом малоинформативна, и мы не будем их касаться в данной статье, а сосредоточимся на рассмотре-

нии тех могил, что мы изучили в 1998 и 2005–2013 гг.

Могила № 1 (1998 г.) (рис. 6). Прямоугольная в плане. Внутренние размеры — 2,25 х 0,85 м. Вдоль северного продольного и западного поперечного бортов сохранилась обкладка из блоков известняка. По верхней границе кладки частично сохранилась черепичная обкладка из фрагментов соленов. Могила имела полукруглый свод, покрытый расписной штукатуркой (найдены четыре камня свода и фрагменты расписной штукатурки). В погребении были обнаружены останки восьми взрослых и не менее десяти детей, расположенные ярусами. В относительном анатомическом положении лежал самый нижний костяк. В заполнении могилы были обнаружены 16 медных (часть с позолотой) литых и полых пуговиц-бубенчиков, колечки, разновес. Возле одного из черепов — парные подвески-«серьги» и раковина каури (рис. 7). Эти находки, как и все последующие, хранятся в фондах Херсонесского заповедника. Соотнести вещи (многие из которых находятся сейчас в совершенно неудовлетворительном состоянии) с конкретными костяками не представляется возможным [Подр. см.: Золотарев, Коробков, Ушаков, Пиленгер, Пюльц, 2003, с. 238–240, 243–244].

Могила № 2 (2005 г.). У юго-западного края квадрата № 1 обнаружена могила (рис. 8; 9), боковые стороны которой были обложены плоскими камнями. В этой могиле (на разрушенном полу нефа) зачищен костяк взрослого человека. Эта могила получила порядковый № 2, продолжая общую нумерацию могил со времени раскопок 1998 г. Костяки в этой могиле залегали двумя ярусами[2]. Могила была безинвентарна.

Могила № 3 (2005 г.). Там же, в северной части квадрата № 2, между могилами 1 и 2, примерно в одном метре от кладки, разделяющей центральный и боковой нефы, было найдено еще одно безинвентарное детское погребение (№3). Костяк сохранился в анатомическом порядке, за исключением нижних частей ног (рис. 8–10). Эта могила также была устроена в полу нефа, и опять оказалось, что к моменту совершения захоронения мраморные плиты нефа были уже удалены.

Могила № 4 (2005 г.). Обнаружена в центральной части квадрата № 2 (южный неф храма) (рис. 11). Сохранились две (северо-западная и северо-восточные) стены могилы, напоминающей по своим конструктивным особенностям могилу №1. В могиле найдены разрозненные останки не менее 9 взрослых и пяти детей. Кости вынимались послойно, с графической (рис. 12) и фотофиксацией всех этапов расчистки. Несмотря на сильное разрушение могилы, можно определенно сказать, что костяки погребенных располагались 3–4 ярусами. Археологический материал в могиле крайне немногочисленен. Там найдены бронзовые ажурная подвеска, пуговица-бубенчик и серебряная восточная монета (рис. 13). Монета очень плохой сохранности и определению не подлежит. Среди нижнего яруса костей обнаружена еще одна монета с монограммой «ро» на лицевой стороне и крестом — на оборотной. Монета относится к херсоно-византийскому литью выпуска Херсона конца XI – начала XII в. Эта находка может служить некоторым основанием для определения времени совершения захоронений.

Могила № 5 (2006 г.). Перед базиликой (рис. 14) был зачищен стратиграфический срез (южный борт квадрата Vв) и рядом было найдено одиночное безинвентарное захоронение хорошей сохранности (рис. 15). Погребенный был положен вытянуто на спину, головой на запад, руки были сложены на поясе. Могила овальной формы. Можно назвать две находки в верхнем слое засыпи могилы. Это фрагменты глазурованных светлоглинянных сосудов — закраины миски, покрытой зеленой поливой, и кольцевой поддон блюда, покрытого поливой желтого цвета. Учитывая эти находки, захоронение можно предположительно отнести к XIII в.

Могила № 6 (2007 г.). В могиле №6 (под стеной базилики) (рис. 16) было обнаружено парное захоронение. Костяки хорошей сохранности. Погребенные лежали головой на юг (рис. 17). Один костяк еще в древности был сдвинут к западной стенке могилы. Поэтому анатомический порядок сохранился только у позднего костяка. Между его колен была обнаружена бронзовая монета (очень плохой сохранности и не была определена) и пуговица-бубенчик (рис. 13).

Могила № 7 (2007 г.) была выявлена после зачистки второго слоя на этом же участке (рис. 16; 18). Её стенки были выложены из тесаных камней известняка (рис. 19). В западной части зафиксированы кости погребены. Некоторые из костяков сохранили анатомический порядок. Среди остатков одного из них — погребения младенца — были найдены бронзовые пуговицы-бубенчики (рис. 13). Костяки из могилы вынимались ярусами. Каждый ярус, как правило, содержал один

[2] Чертежи большинства погребений выполнены В. В. Дорошко, фотофиксация — С. В. Ушаковым.

костяк. Находки были редки, к примеру, на фаланге пальца одного из них обнаружено бронзовое кольцо (рис. 13). Всего в могиле находились костяки погребенных общим числом более десятка. В целом обе могилы (№ 6 и № 7) можно отнести к XII – XIII вв. Скорее всего, последние погребения перед храмом были совершены уже во второй половине XIII в.

В районе южного нефа (на месте квадрата II) первоначально были последовательно удалены два слоя грунта ниже верхнего сохранившегося ряда кладки стены («стилобата»), разделяющей правый и центральный нефы. Мощность каждого из них — до 0,20 м. Эти работы показали, что характер грунта на пространстве квадрата II меняется — у южной стены храма он оказался рыхлым. Оттуда, с глубины 1,2 м (считая от верхнего «пола» нефа) была извлечена свинцовая пуля Куликовского времени Крымской войны. Это может говорить о том, что К. К. Косцюшко-Валюжинич мог производить небольшую шурфовку этого участка стены.

Именно там, у этой южной стены был обнаружен и зачищен хорошо сохранившийся человеческий костяк, располагавшийся в анатомическом порядке головой на запад (рис. 20). Мы обозначили это захоронение как **могила № 8** (2007 г.). Погребенный лежал на спине. Ноги вытянуты, руки согнуты в локтях (рис. 20). Череп in situ не сохранился — был украден современными грабителями. Уцелел фрагмент кровельной черепицы, игравшей роль своеобразной «подушки». Какой-либо другой инвентарь в погребении отсутствовал.

Могила № 9 (2008 г.). Безинвентарна. Расположена в северо-западной части квадрата IIIа снаружи у южной внешней стены базилики. Костяк хорошей сохранности (череп не сохранился — похищен современными грабителями). Погребенный лежал на спине головой на запад (рис. 21).

Могила № 10 (2009 г.). Обнаружена в малой северной конхе (апсиде), содержала одиночное грунтовое погребение. Костяк ориентирован головой на запад – юго-запад (рис. 22). Засыпь могилы содержала невыразительные фрагменты керамики разных эпох, а также в большом количестве небольшие обломки известкового раствора. В районе грудины погребенного обнаружено медное кольцо диаметром 16–18 мм.

Могила № 11 (2009 г.). Южная (правая) конха (малая апсида) оказалась раскопанной нашими предшественниками не полностью, и под слоем дерна частично сохранился слой, сформировавшийся еще при постройке базилики. От границы конхи начались раскопки нового квадрата Iб. Здесь мы нашли остатки, вероятно, грабительского перекопа, который частично уничтожил могилу № 11 с двойным (один над другим) погребением (рис. 23). Оба костяка были ориентированы головами на юг. Южный край могилы упирался в стену между нефами. С севера могила была оформлена квадратной известняковой плитой. Боковые стены могилы и её дно были земляными и хорошо утрамбованы. В анатомическом порядке сохранились лишь кости ног и частично таза. На тазовых костях одного из погребенных была обнаружена крупная бронзовая поясная пряжка в форме кольца с язычком (рис. 13) с сохранившимися фрагментами ткани одежды и кожи ремня. В засыпи могилы найден также фрагмент дна стеклянного сосуда на полом кольцевом поддоне, не имеющего отношения к самому захоронению. Анатомия нижнего костяка была нарушена при погребении верхнего, о чем свидетельствуют его разбросанные кости по могиле, однако сохранился порядок костей его ног, что позволило сделать вывод о такой же ориентации головой на юг, как и у верхнего костяка.

Кроме могил 10 и 11, на описываемом участке (см. рис. 5) были обнаружены могилы №№ 12, 13 и 13а. Грунтовая **могила № 12** (2009 г.) содержала плохо сохранившееся безинвентарное погребение младенца (костяк находился очень близко от современной дневной поверхности) (рис. 24).

Могила № 13 (2009 г.). В могиле № 13 исследовано сориентированное головой на север погребение взрослого человека (рис. 25). В обеих могилах обнаружены небольшие обломки мрамора, цемянки и даже кубики смальты, что лишний раз доказывает, что эти могилы были сооружены на развалинах храма.

Могила № 13-а (2009 г.). Расположена в квадрате Iв. В могиле был погребен младенец. Сохранность костяка плохая. Ориентирован соответственно погребению № 13 на север. Контур могильной ямы не фиксируется. Дно ямы располагалось в 5–10 см от дневной поверхности. Вещи в погребении отсутствовали.

Могила № 14 (2010 г.). Находится в юго-восточном углу квадрата IIIб. Является погребением двух младенцев. Один частично перекрывает другого (рис. 26). Оба сориентированы головами на запад. В результате позднего нарушения слоя, черепа погребенных оказались разрушенными. Несмотря на плохую сохранность костяков, хо-

рошо видно, что руки были согнуты в локтях, а запястья скрещены на поясе. На верхнем костяке находились 2 бронзовых кольца диаметром около 17 мм, сделанных из проволоки (рис. 13). Одно кольцо располагалось на правом плече, а второе — возле левого локтя. Также в этой могиле у ее северного края обнаружены остатки куриного яйца.

Могила № 15 (2010 г.). Названа нами так условно. Расположена в квадрате IIIв (рис. 27). Это выброс костных останков, которые оказались вне ближайших могил (по всей видимости, №№ IX – XI) (рис. 5), как мы предполагаем, в результате раскопок 1891 г. Они были частично закрыты обломками мраморных половых плит и бутовых камней. О том, что это произошло не в период средневековья, свидетельствуют находки среди костных останков стекол Нового времени и рыхлая, темного цвета земля.

Могила № 16 (2010 г.). Это также условное наименование. Расположена в квадрате IIв (рис. 28). Это ещё один выброс костных останков, которые оказались вне могил (предположительно №№ XI и XII) в результате раскопок 1891 г. и были закопаны в траншее вдоль северного стилобата со стороны центрального нефа. Об этом можно говорить на основании того, что в нижнем ярусе останков была найдена железная овальная кокарда фуражки конца XIX – начала XX вв. Никаких предметов, связанных с погребениями XI – XIII вв., при них обнаружено не было.

Могила № 17 (2010 г.). Расположена в центральном нефе базилики (рис. 31). Яма в плане прямоугольная со скругленными углами, размером 2,25 х 0,65 м. Глубина от уровня пола базилики — 0,70 м. Могильная яма прорезала остатки известковой «подушки» пола базилики. Засыпь состояла большей частью из крупных тесаных и бутовых камней (рис. 29–30). Это единственное погребение из описываемых, где зафиксированы остатки деревянного гроба (сохранились очень плохо), углы которого скрепляли 4 гвоздя. Он имел форму вытянутой трапеции длиной около 0,17 м и короткими сторонами по 0,55 и 0,30 м. Могильщику пришлось расширить контур ямы в западном направлении из-за того, что в его восточном конце обнажился массивный блок позднеантичной кладки (рис. 31). Погребенный ориентирован головой на запад. Руки согнуты в локтях. Кисть левой руки положена на правое бедро, а кисть правой — на левое плечо. Ноги располагались близко к друг другу, но не вплотную. Инвентарь в погребении отсутствовал. В засыпь ямы попали 2 монеты, вероятно не имеющие отношения к самому погребению (плохой сохранности и определению не подлежали).

Могила № 18 (2010 г.). Расположена в квадрате IIб вплотную к южному стилобату базилики. Одиночное грунтовое погребение (рис. 32). Впущено в известковую «подушку» пола и имеет форму вытянутой трапеции размерами 0,35 х 1,57 х 0,23 м. Глубина от дневной поверхности, в среднем, — 0,40 м. Погребенный положен вплотную ко всем стенкам могилы, головой ориентирован на запад. Кисти рук скрещены на тазе. Правая кисть лежит под нижней частью левой плечевой кости, а левая положена на середину правой плечевой. Стопы ног плотно примкнуты одна к другой. Какие-либо вещи в могиле не обнаружены.

Могила № 19 (2013 г.). Именуется так условно. У северо-восточной стены помещения I, пристроенного с северо-восточной внешней стороны базилики, были зачищены разрозненные остатки мужского костяка (череп, длинные и тазовые кости) (рис. 33).

***

Как можно заметить, все обнаруженные могилы весьма разнообразны. Захоронения, исследованные нашей экспедицией, можно условно разделить на 3 типа: одиночные грунтовые погребения (№№ 2, 3, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 19); погребения с двумя костяками (№№ 6, 11, 14); многоярусные (более 7 ярусов) (№№ 1, 4, 7). В некоторых могилах, наряду с останками взрослых индивидов, встречаются и останки детей (№№ 3, 12, 13а, 14). Так называемые погребения № 15, 16 и 19 являются выбросами костных останков, осуществлённые раскопщиками в XIX в.

Ориентация костяков преимущественно западная, но встречаются погребения, ориентированные на север (№№ 6, 13) и юг (№ 11). В тех захоронениях, в которых сохранился анатомический порядок строения костяков, погребённые лежали на спине со сложенными на поясе или согнутыми в локтях костями рук.

Погребения в преобладающем большинстве безинвентарны. Лишь в некоторых встречаются немногочисленные находки: пуговицы-бубенчики (могилы №№ 1, 4, 6, 7), проволочные кольца (№№ 10, 14), пряжка (№ 11), бронзовая ажурная подвеска (№ 4), бронзовое кольцо (№ 7) и три монеты (№№ 4 и 6). В захоронении № 8 у покойного под головой находился большой фрагмент черепицы, использованный в качестве своеобразной

«подушки», а в могиле № 17 обнаружены остатки гроба и скреплявшие его железные гвозди.

Эти находки, например, пуговицы-бубенчики — обычны для средневекового Херсонеса (XI – XIII вв.). Они были найдены как в погребениях, так в верхних слоях городища, как, например, в кварталах С (100) и XCVII (97) его северо-восточной части. Такие же бубенчики обнаружены и в погребениях некоторых памятников Крыма. Упомянем в качестве примеров погребения могил трехнефной церкви на восточном краю мангупского городища [Веймарн, Лобода, Пиоро, Чореф, 1974, рис. 5, *1*], склеп у главных ворот Судакской крепости [Баранов, 1991а, рис. 3, *1, 3, 4, 13*]. За пределами Крыма подобные находки хорошо известны на Северном Кавказе [Степи Евразии…, рис. 94, *33–53, 105–108, 193, 198*)] и на Руси [Меч и златник, 2012, № 278], как, например, в погребениях Новгорода [Седова, 1981, рис. 61, *3–7*, 62, *11,16,17*; с. 155–156 — слои рубежа XI – XII – XIV вв.].

Монет, как мы указывали, немного. Из тех, что удалось определить, например, из могилы № 5 — Херсоно-византийская с монограммой «ро» конца XI – начала XII вв. по В. А. Анохину [Анохин, 1977, с. 166, №№ 472–474].

Костные остатки — некоторые хорошей сохранности и в настоящее время являются предметом детального анализа антропологов.

Традиция погребения умерших на территории храмов получила своё широкое распространение, как считает ряд исследователей, начиная с IX века, что повлекло за собой перестройку базиликальных комплексов [Иванов, 2012, с. 212]. Тем не менее, один из авторов настоящей статьи, опираясь на стратиграфические наблюдения и характер находок в засыпи нартекса (ранневизантийская краснолаковая керамика), высказал предположение, что на базилике «Крузе» это произошло еще в пределах VI в. [Ушаков, 2010].

В заключение нужно сказать, что херсонесские базилики имели важное значение для жителей города и его округи не только во время их функционирования, но также и позднее, после разрушения. Средневековые некрополи, устроенные на территории бывших базилик, — для Херсонеса обычное дело. Такие места использовались для погребения местных жителей вне зависимости от половой принадлежности и возраста.

На территории базилики «Крузе» нами не было зафиксировано какие-либо перестройки храма. В конце X – начале XI вв. базилики в Херсонесе (как и базилика «Крузе») были разрушены (возможно, из-за природных катаклизмов, например, землетрясения) и на их месте были сооружены некрополи с маленькими хамами-«часовенками» [Иванов, 2012]. В пределах бывшей базилики «Крузе» место расположения (в центральном нефе) такого малого храма можно предполагать только гипотетически. Само средневековое кладбище было устроено как бы вокруг него на месте храмового комплекса, которое мы до сегодняшнего дня называем по имени его возможного первооткрывателя.

Abstract

S. V. Ushakov, S. V. Danilova, V. V. Doroshko

MEDIEVAL NECROPOLIS IN THE TERRITORY OF THE BASILICA “CRUZE” IN CHERSONESE

Chersonese is a unique monument to antiquity and the Middle Ages. In the northeast district of Chersonese (quarter XCIX) there is a so-called basilica “Cruze” which endured, at least, three periods of research. During the newest stage of archaeological works (1998, 2005–2013) found out many interesting features of a monument, and also the medieval necropolis is open and investigated. It arose at the beginning of the XI century and functioned till XIII century inclusive. The similar situation is characteristic and for many other Christian temples of Chersonese.

Key words: Chersonese, basilica “Cruze”, necropolis of the XI – XIII centuries.

Цветной рис. 1 расположен на стр. 633.

(Рис. 1. Базилика «Крузе» (№ 7) по итогам раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича 1891 г. Архив НЗХТ.)

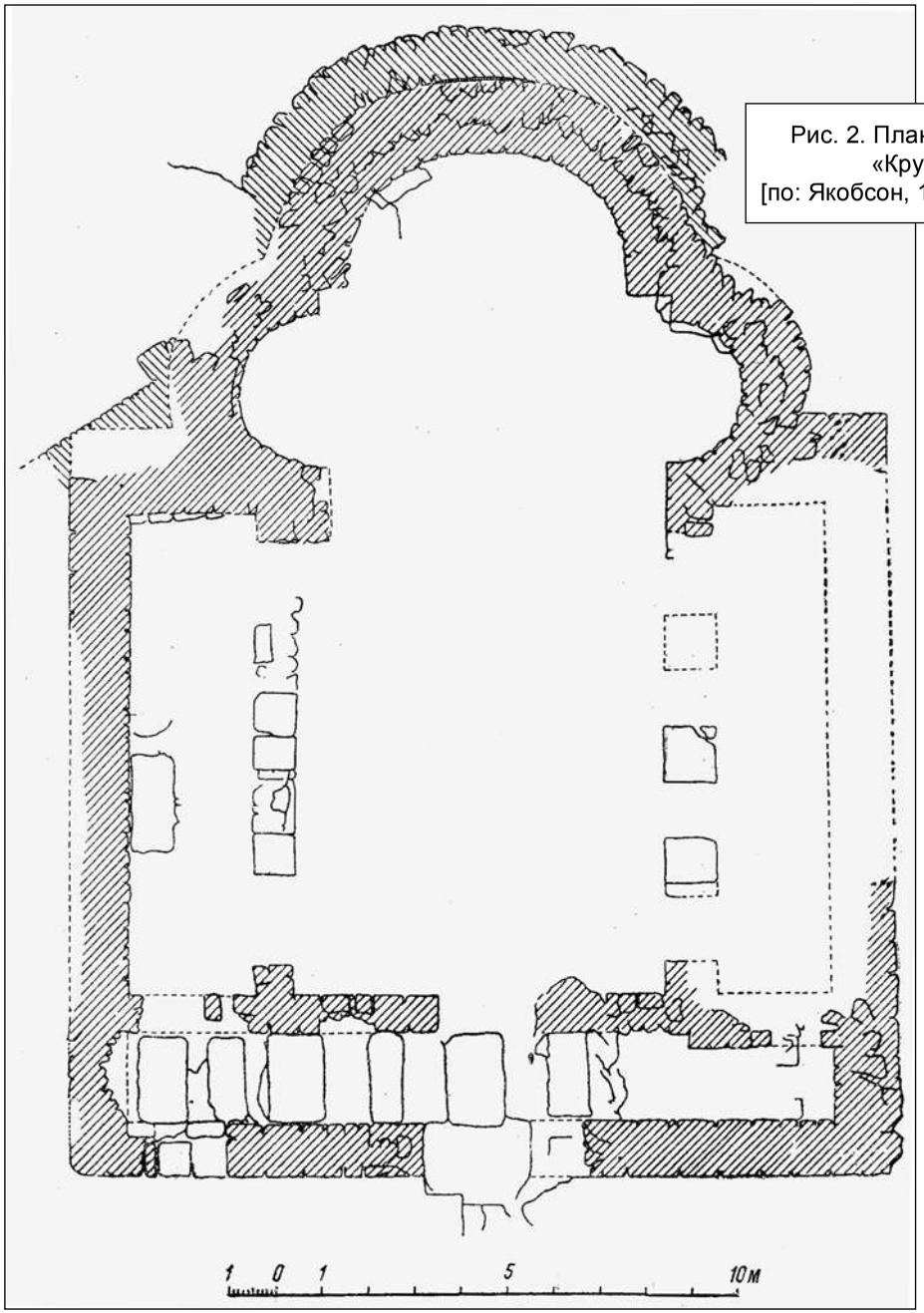
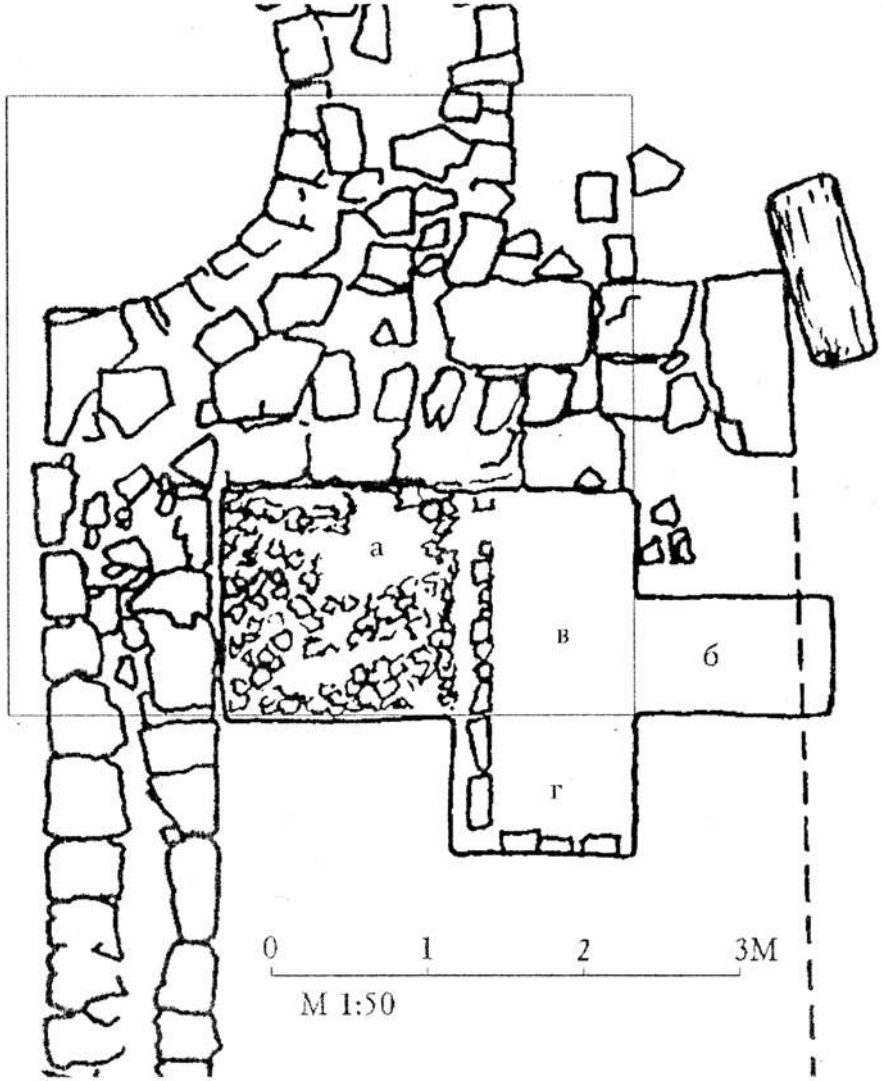


Рис. 2. План базилики «Крузе» [по: Якобсон, 1959, рис. 91]



Буквами на плане обозначены:

а - участок субструкции пола
б - южная прирезка (Probe 1)
в - центральная и восточная части могилы
г - западная прирезка (trench 1), западная часть могилы

Рис. 3. Базилика «Крузе». Раскопки 1998 г. [по: Золотарев, Коробков, Ушаков, Пиленгер, Пюльц, 2003, рис. 4]

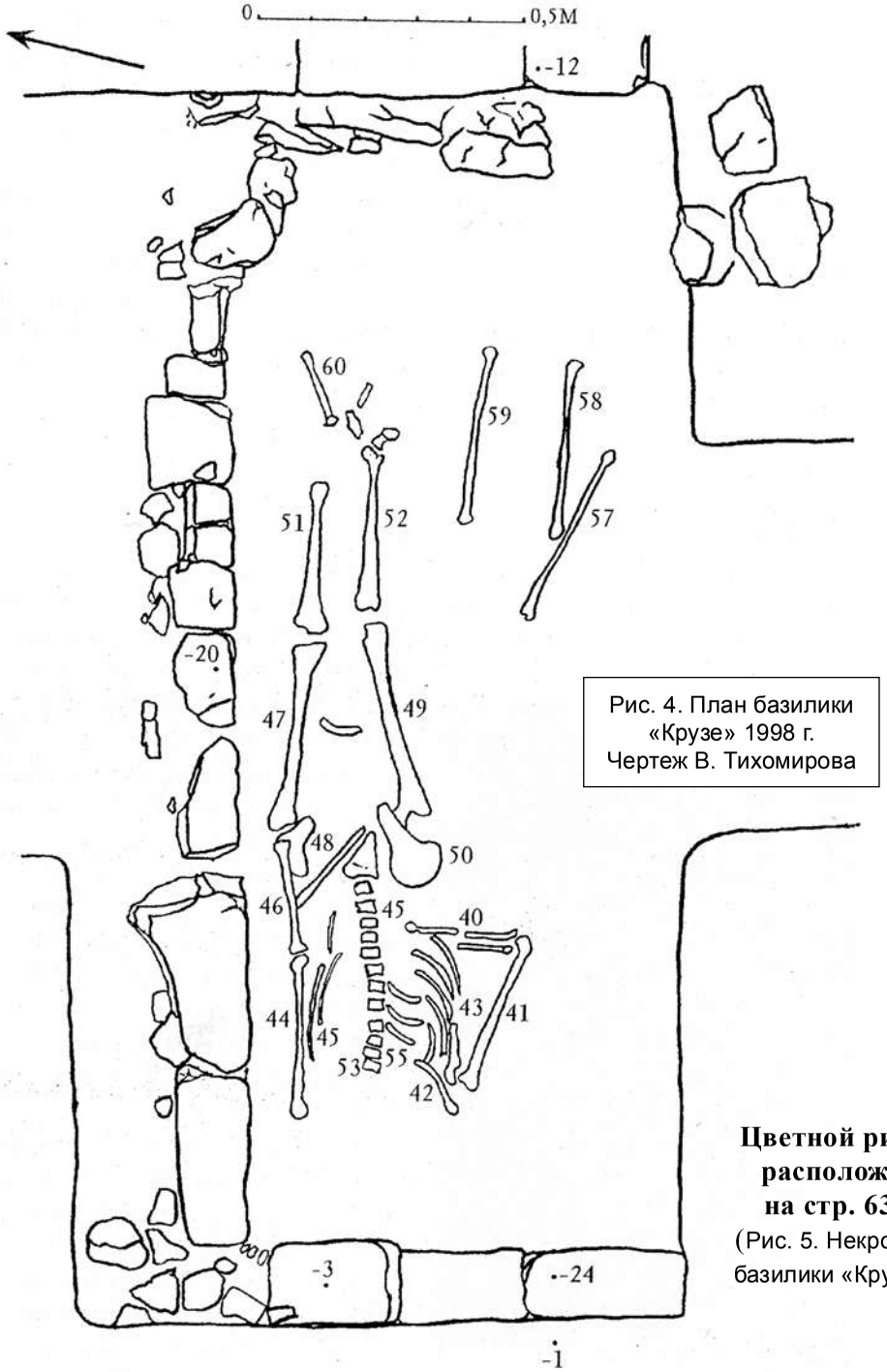


Рис. 4. План базилики «Крузе» 1998 г. Чертеж В. Тихомирова

Цветной рис. 5 расположен на стр. 634.

(Рис. 5. Некрополь базилики «Крузе».)

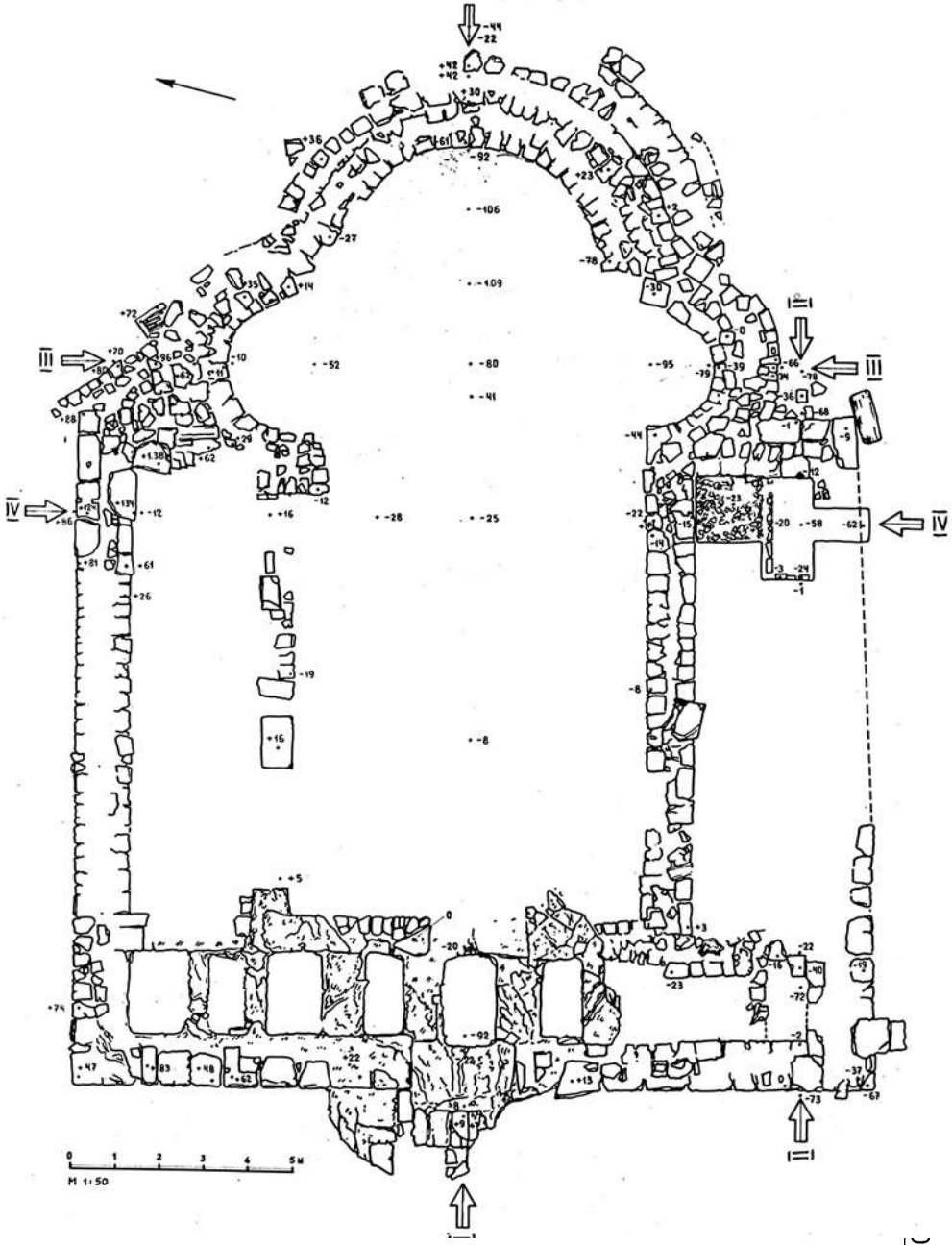


Рис. 6. План «нижнего» погребения могилы № 1
[по: Золотарев, Коробков, Ушаков, Пиленгер, Пюльц, 2003, рис. 8]

Цветной рис. 7 расположен на стр. 635.
(Рис. 7. Вещевой инвентарь из могилы № 1 (фонды НЗХТ). Фото К. В. Зыковой.)

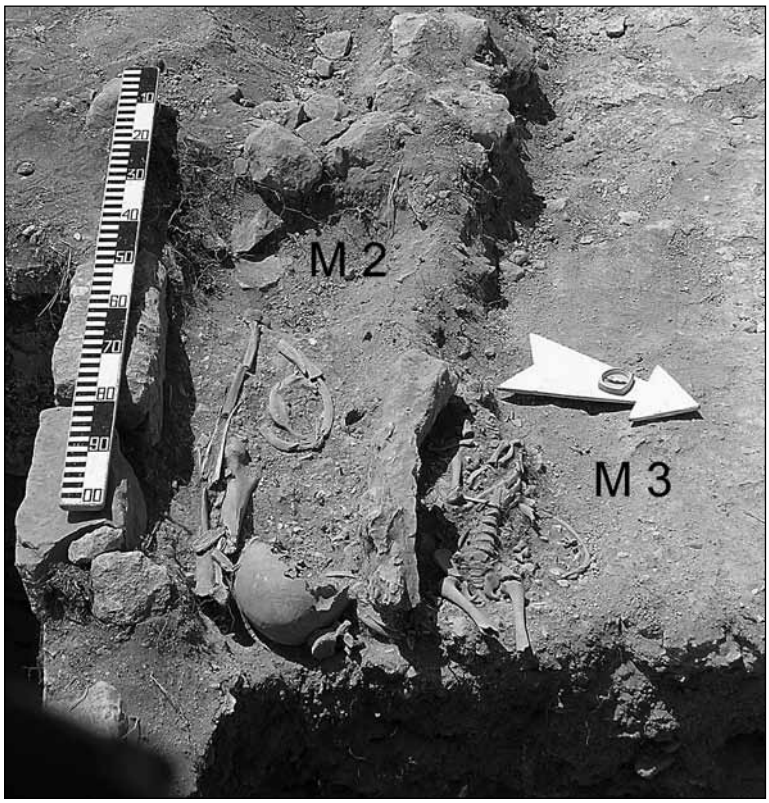


Рис. 8. Могилы № 2 и № 3. Вид с востока

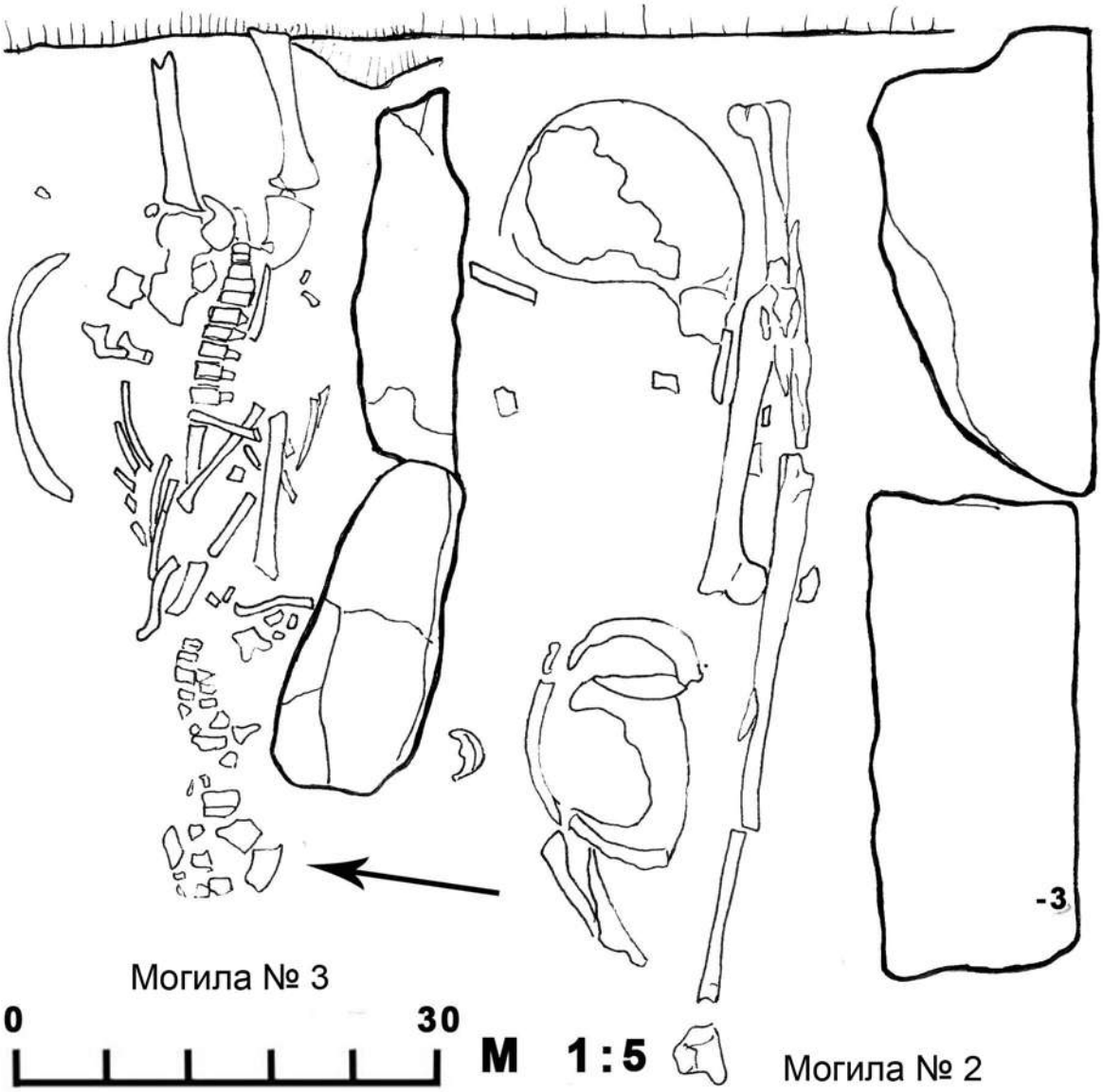


Рис. 9. Могилы № 2 и № 3. План

Рис. 10. Детское погребение № 3

Рис. 11. Южный неф базилики «Крузе». Раскопки 2005 г.
Вид с юго-запада. На переднем плане могила № 4

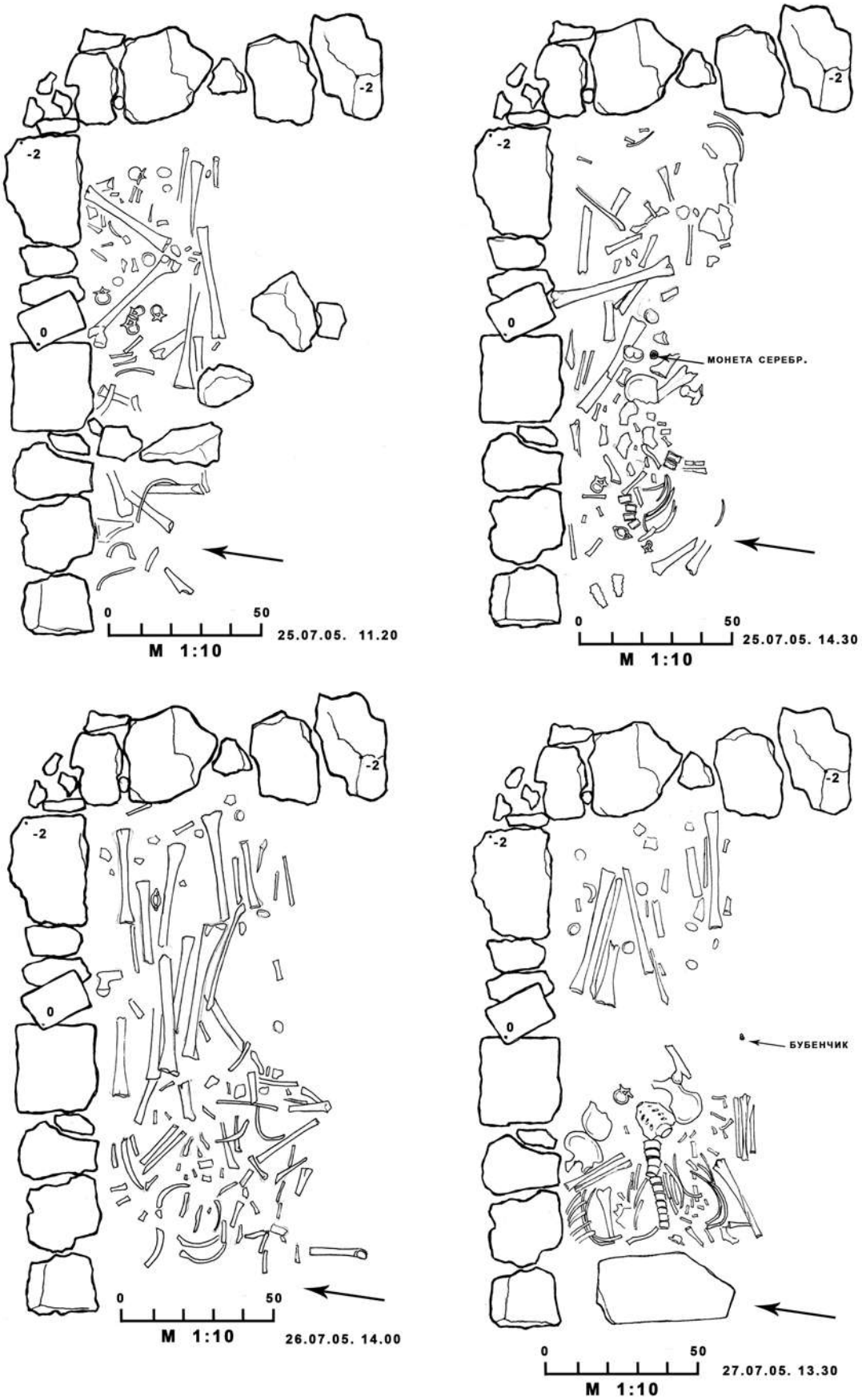


Рис. 12. Ярусы залегания костяков в могиле № 4

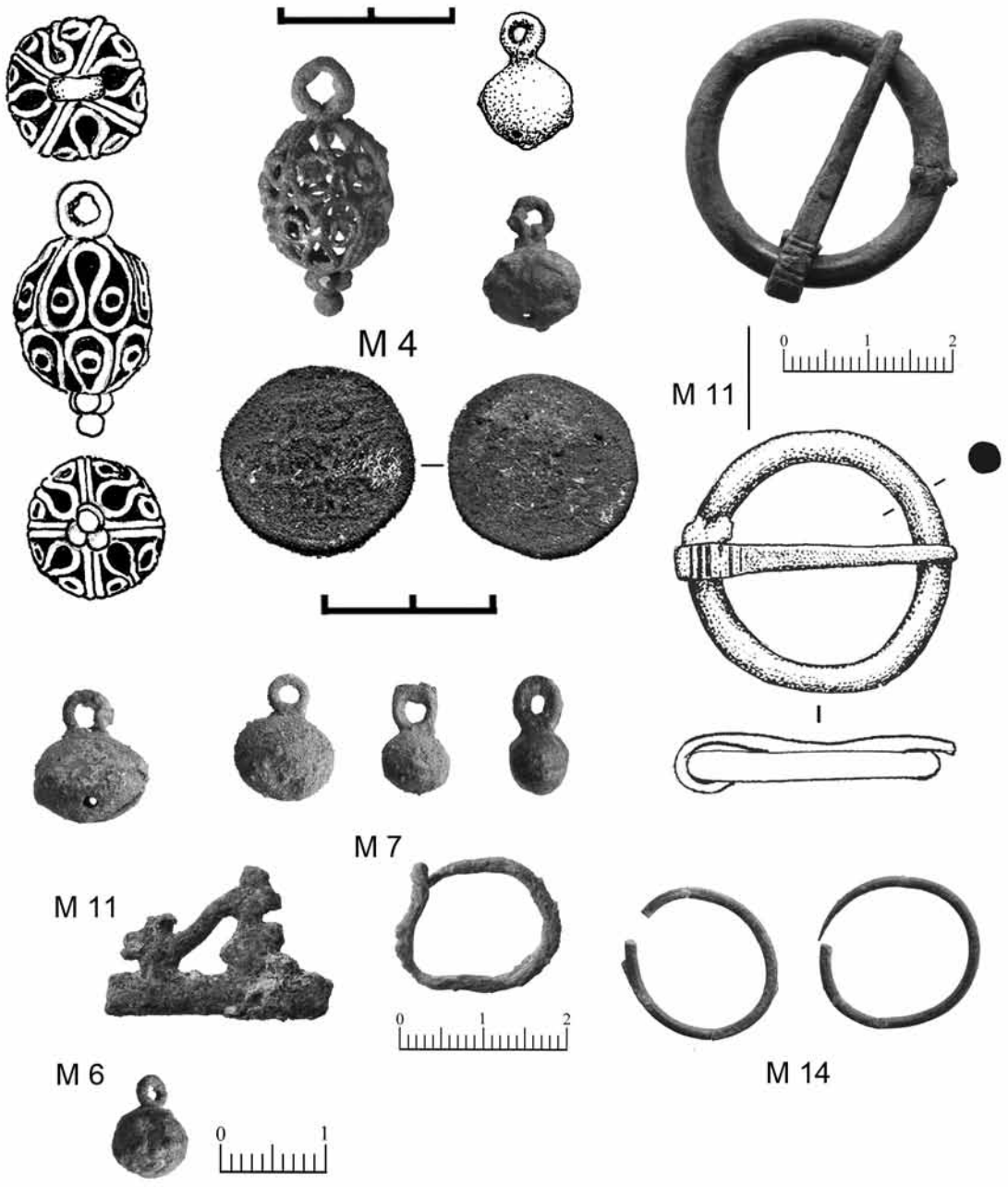


Рис. 13. Находки из могил №№ 4, 6, 7, 11, 14 (фото К. В. Зыковой, рис. В. В. Дорошко)

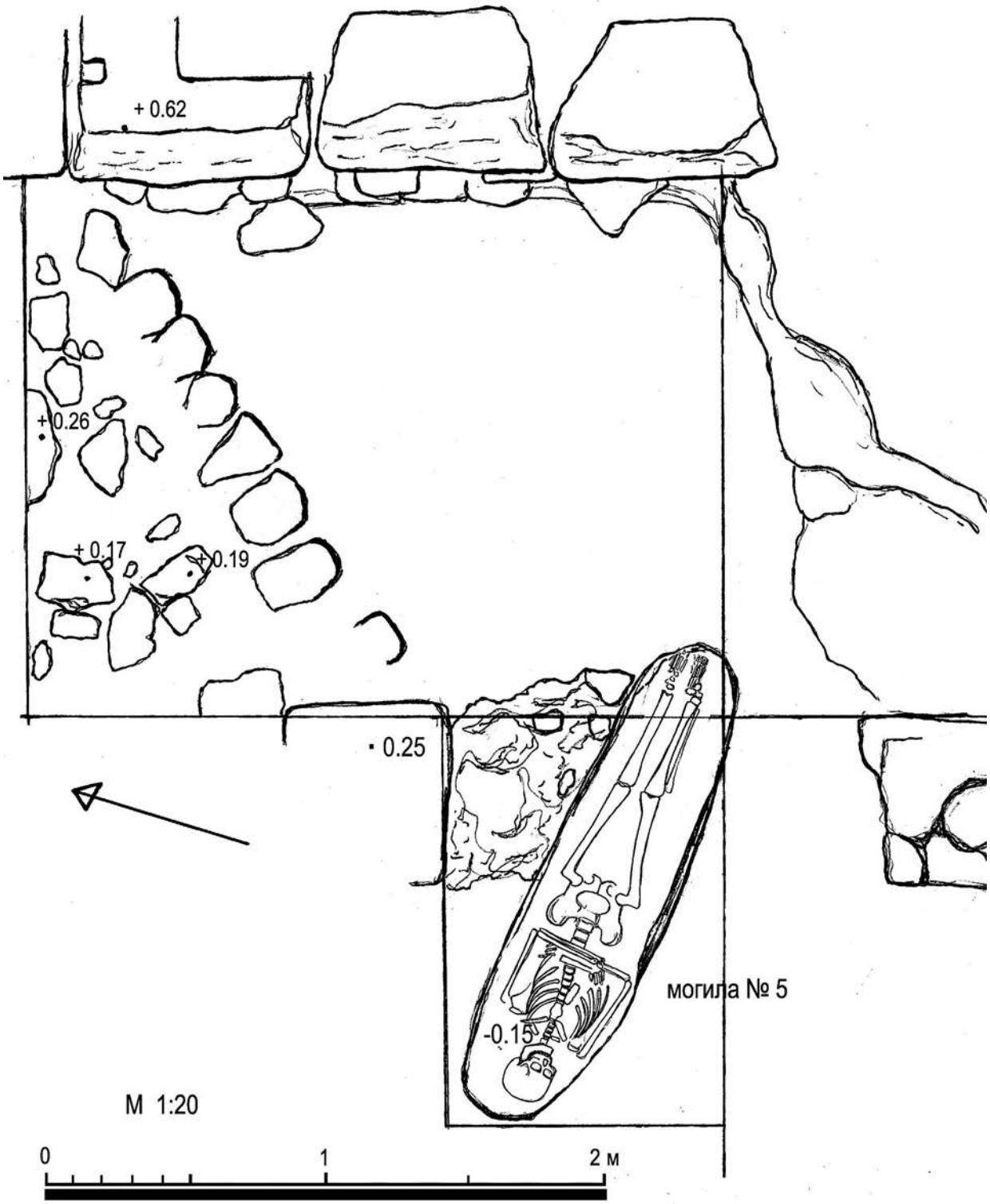


Рис. 14. Место расположения могилы № 5 (перед базиликой)

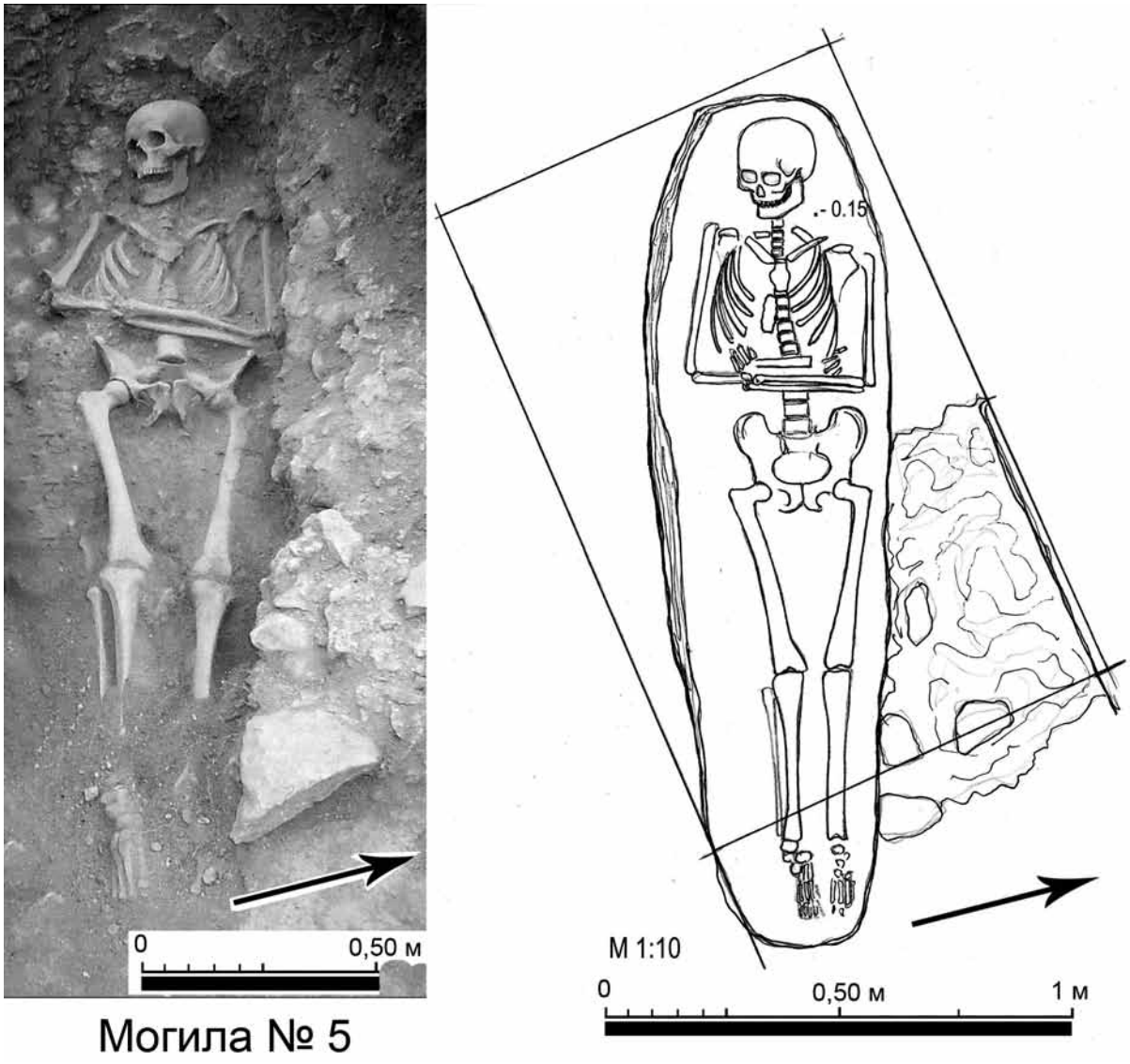


Рис. 15. Могила № 5. Фото и план

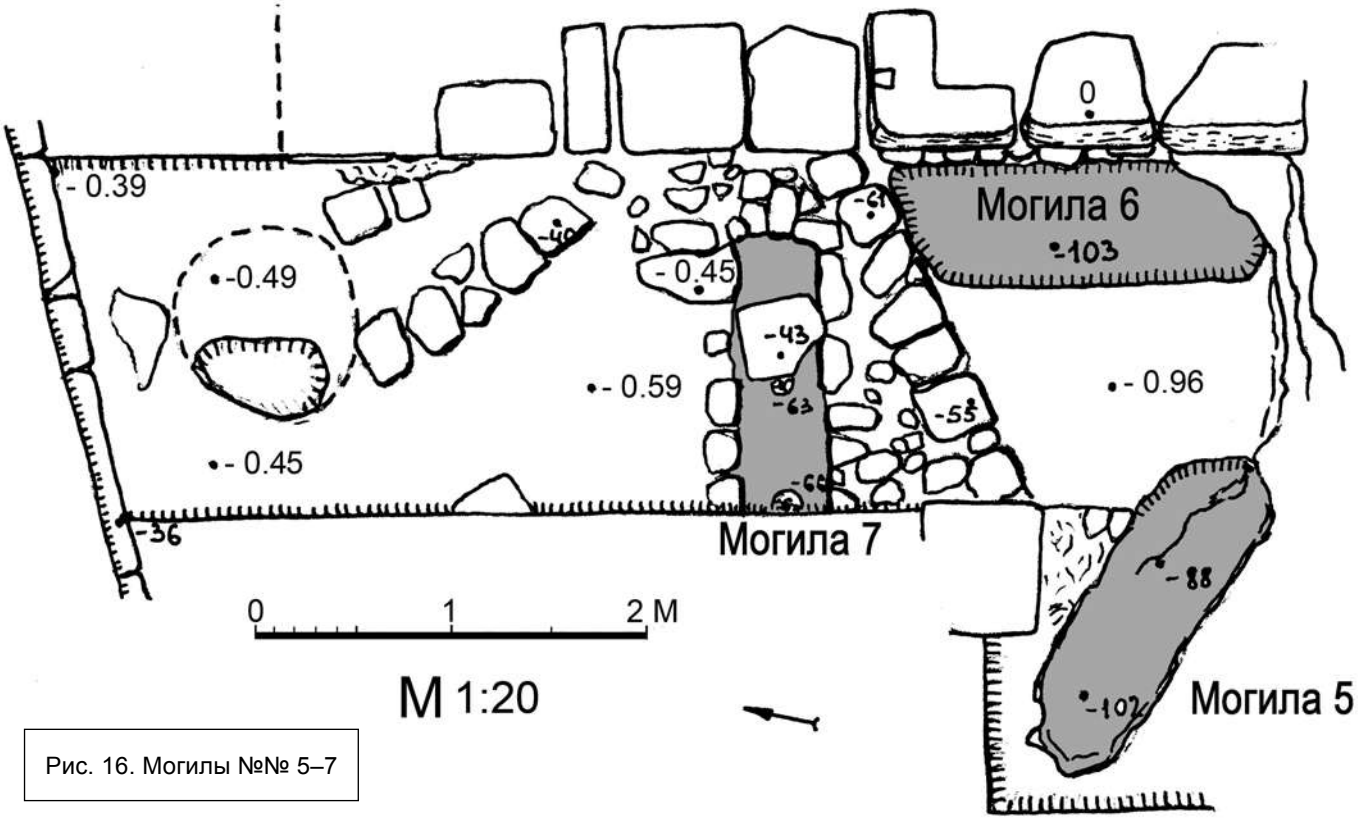


Рис. 16. Могилы №№ 5–7

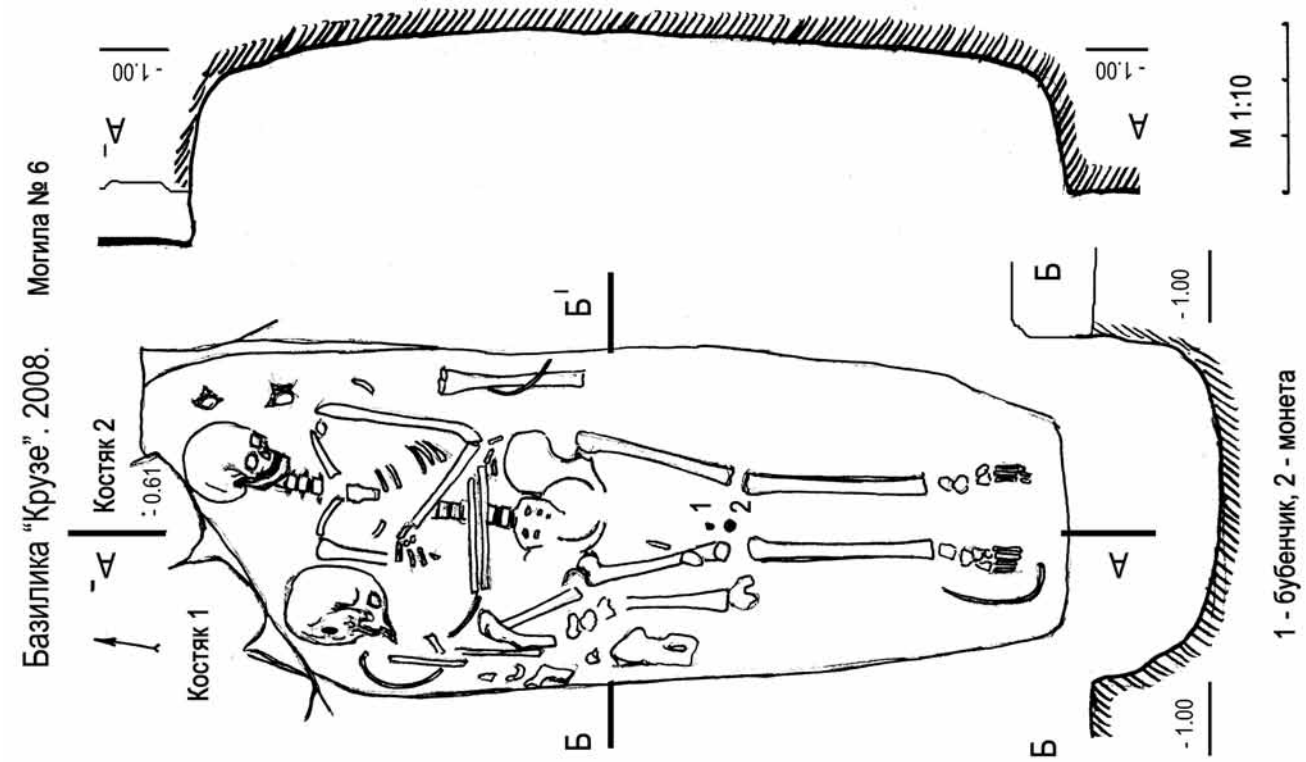


Рис. 17. Могила № 6. Фото и план.

Могила № 6

Рис. 18. Костяки в могиле № 7

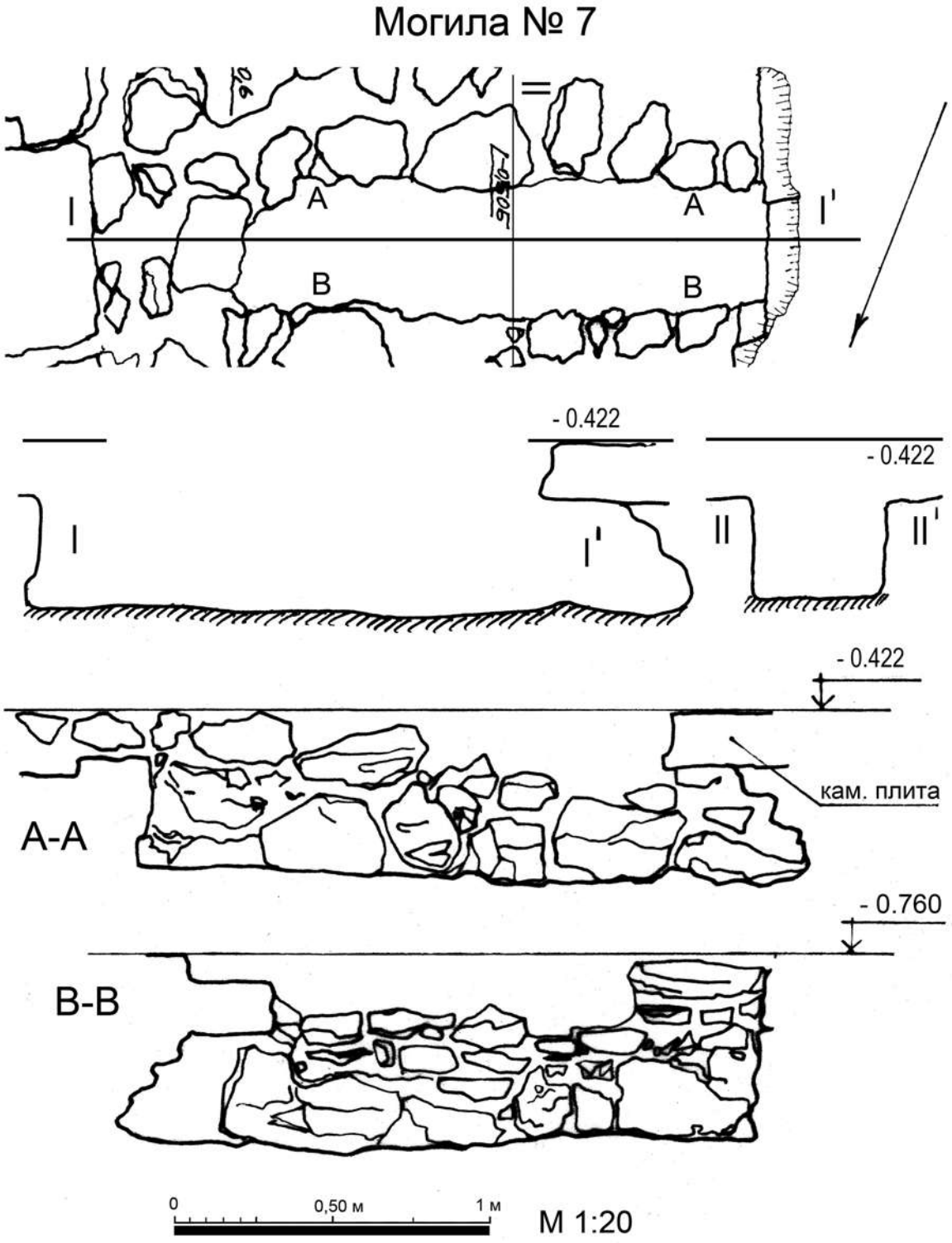


Рис. 19. Могила № 7. План, разрезы, фасировки стен

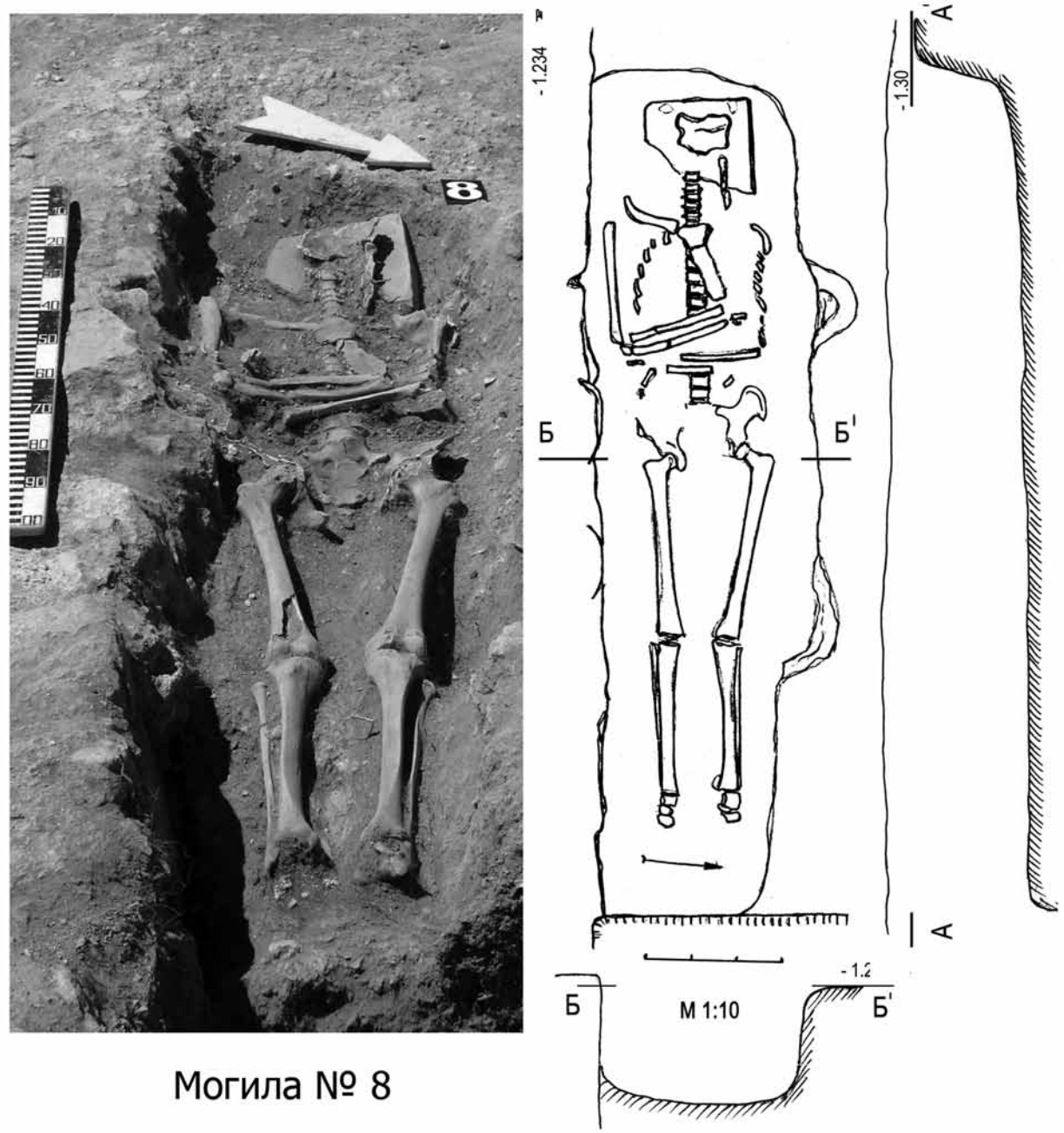


Рис. 20. Могила № 8. Фото, план и разрезы

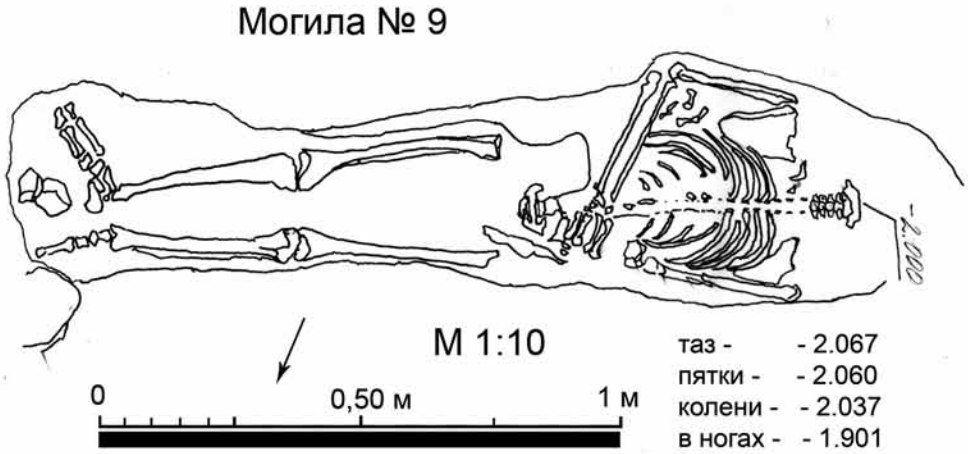
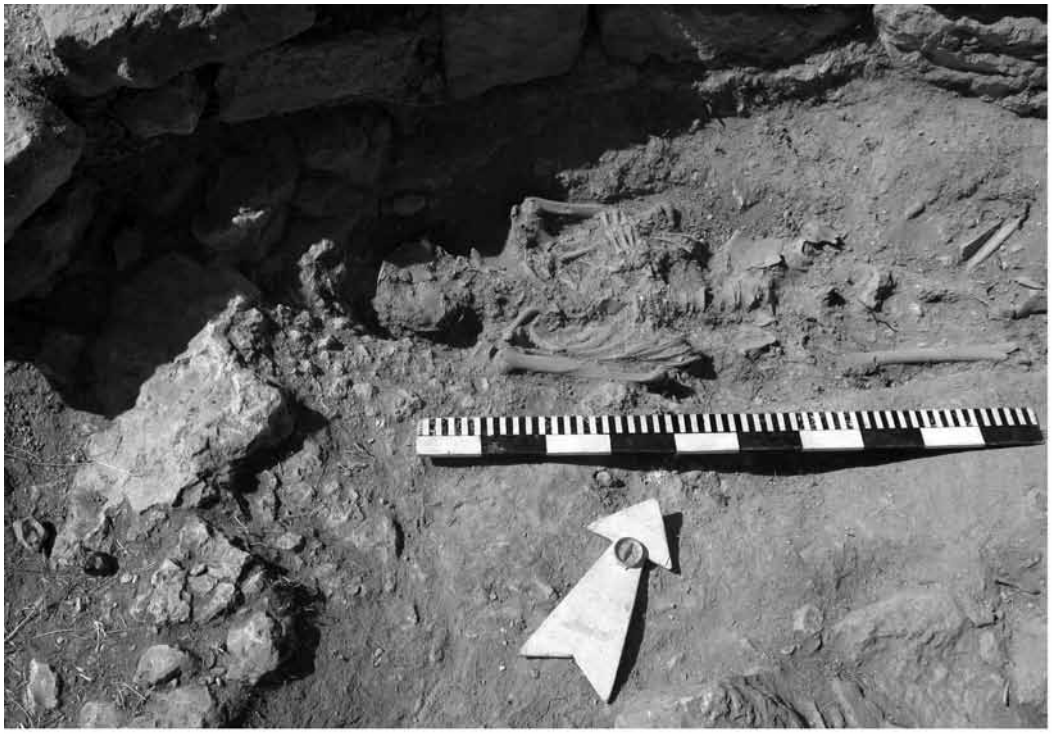
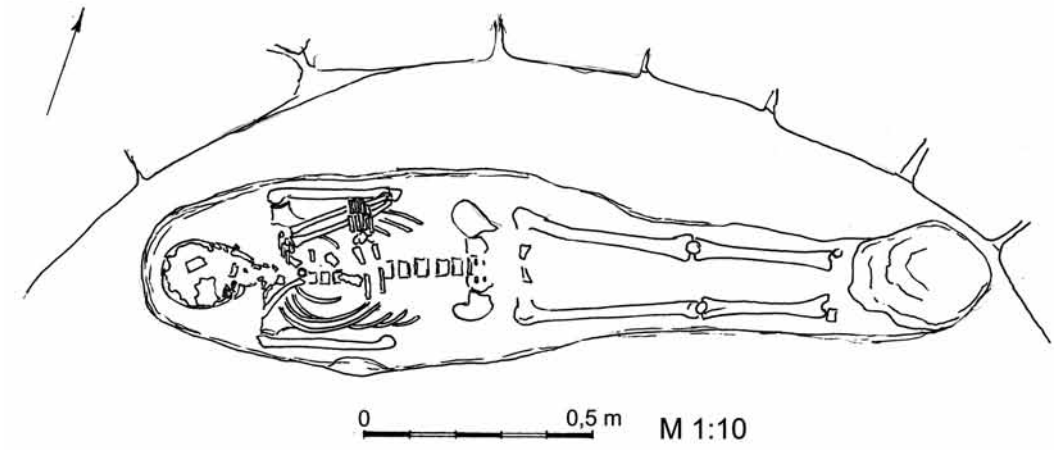


Рис. 21. Могила № 9. Фото и план





Могила № 10

Рис. 22. Могила № 10 в левой конхе. Фото и план

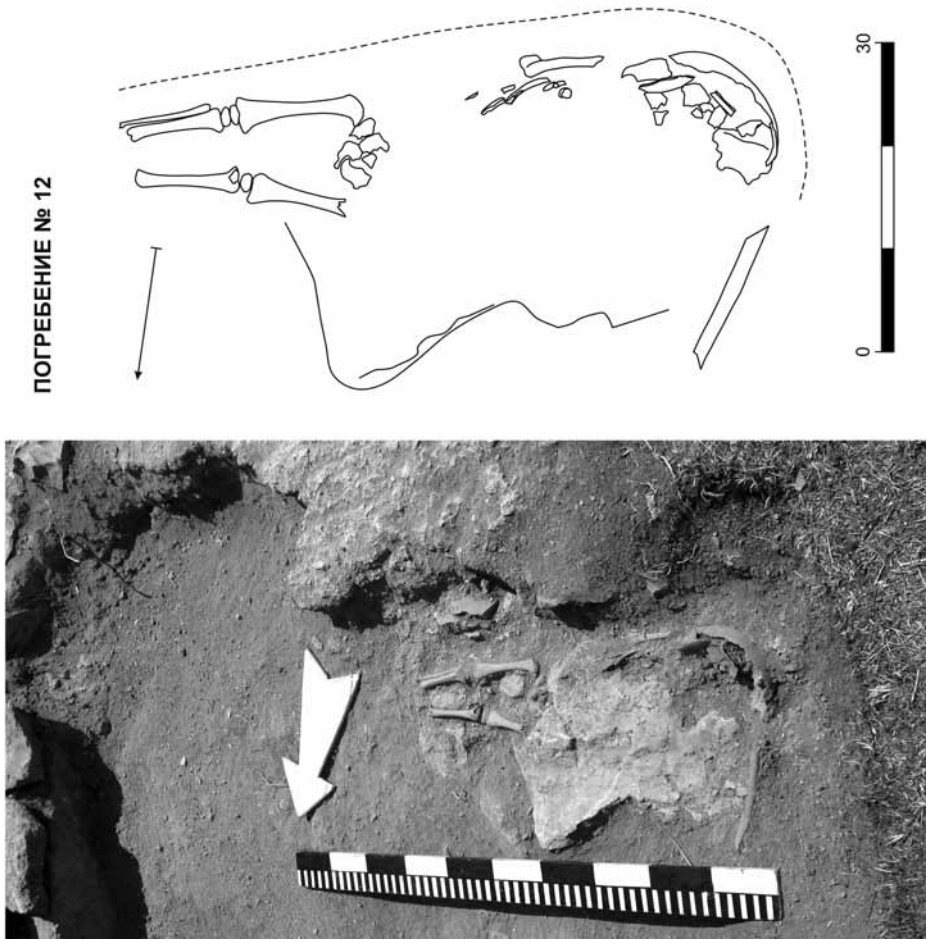


Рис. 24. Могила № 12. Фото и план

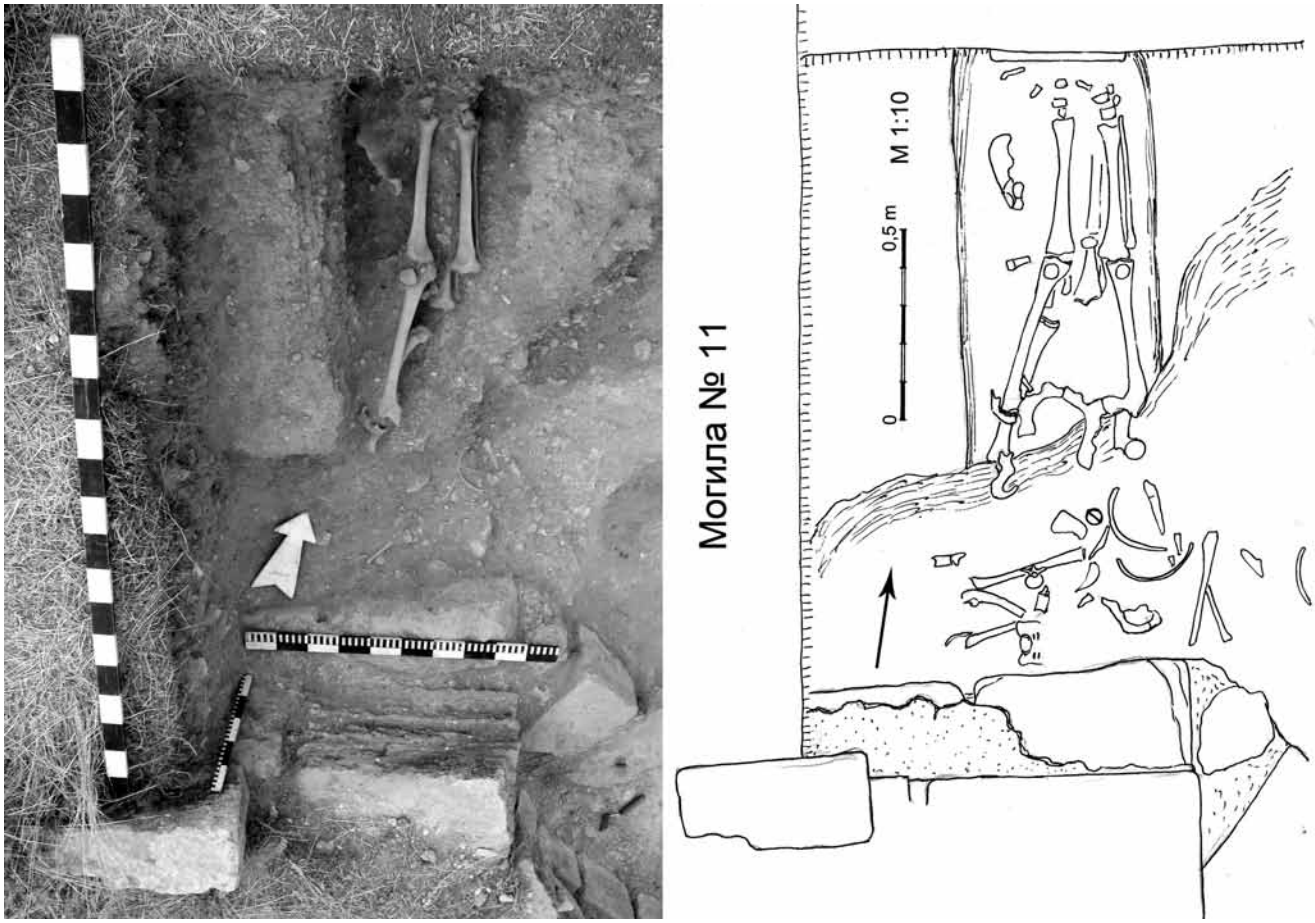
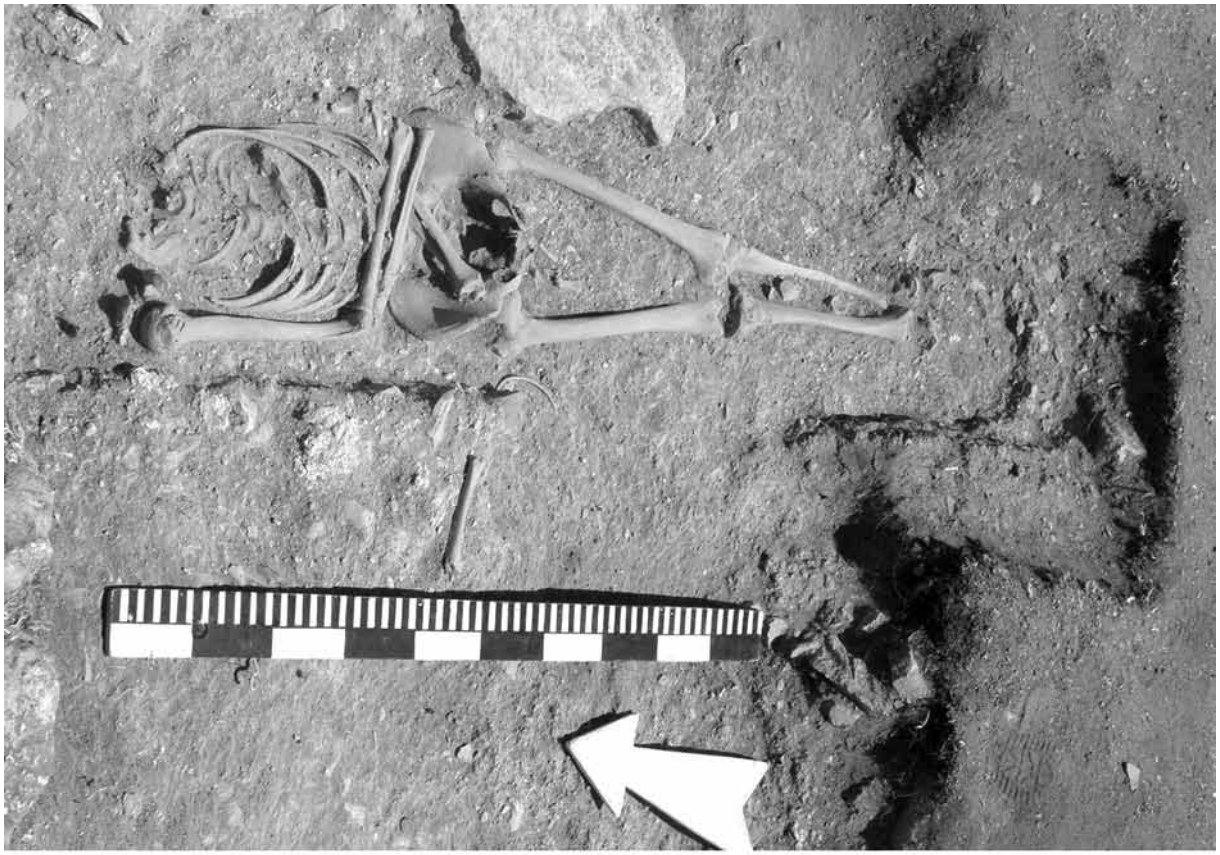


Рис. 23. Могила № 11. Фото и план



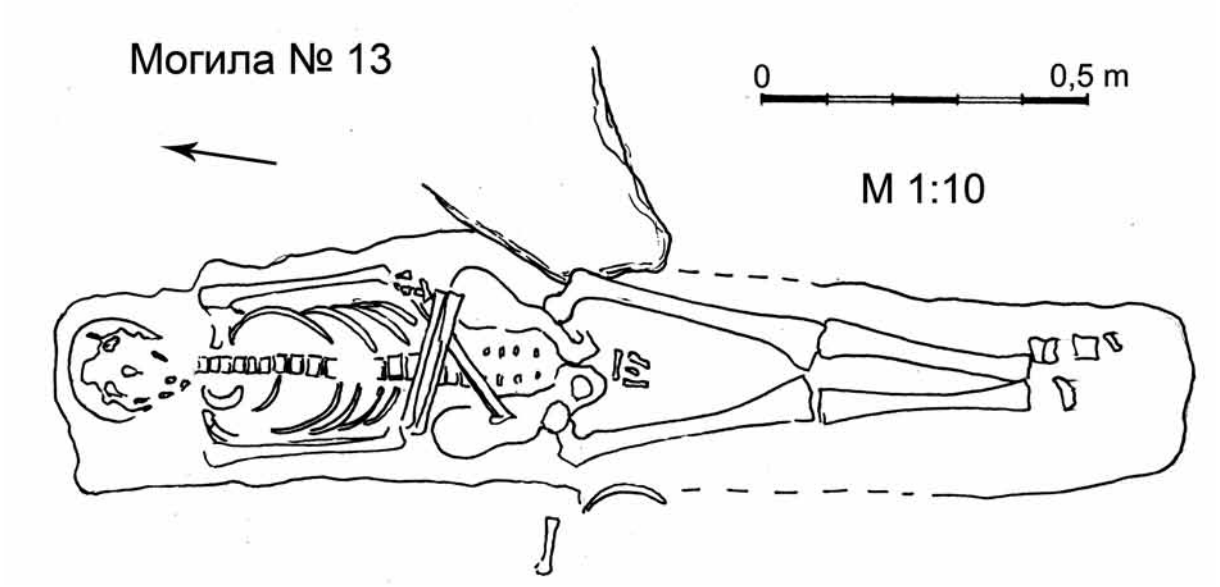


Рис. 25. Могила № 13. Фото и план

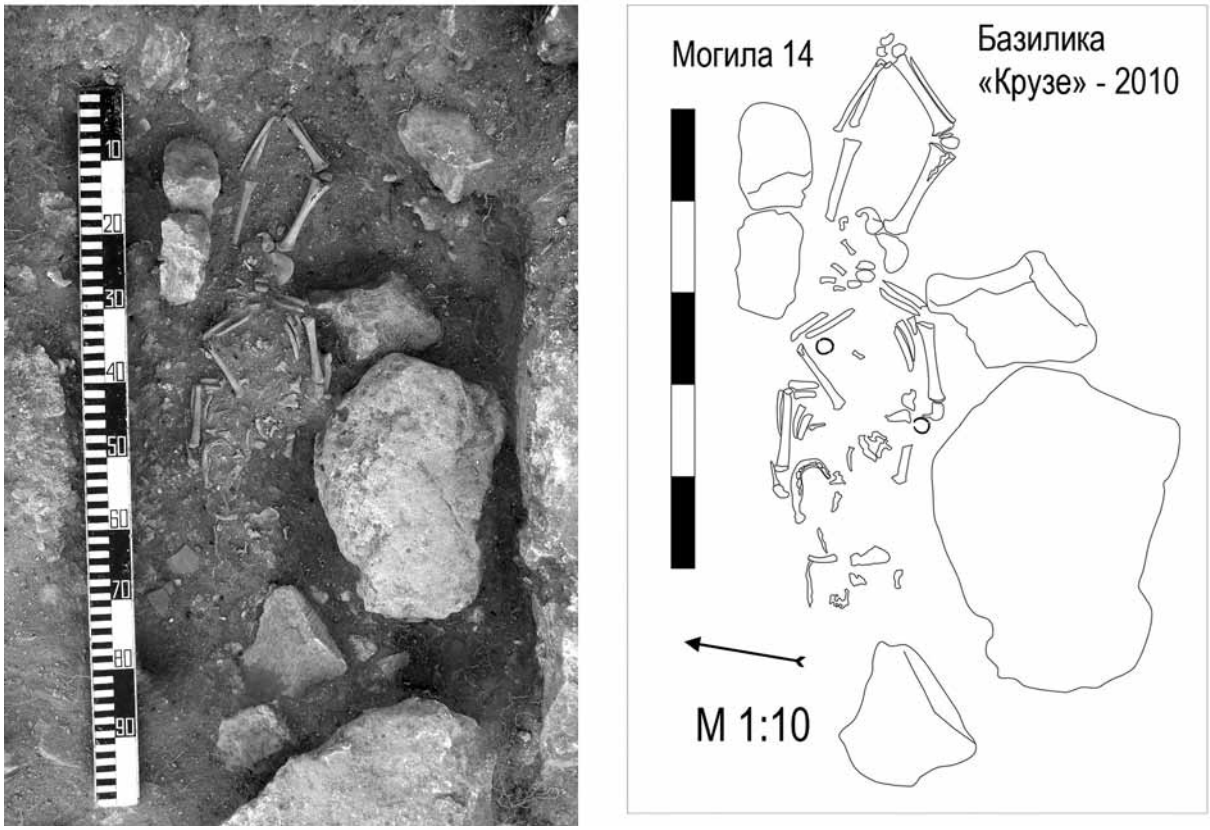


Рис. 26. Могила № 14. Фото и план

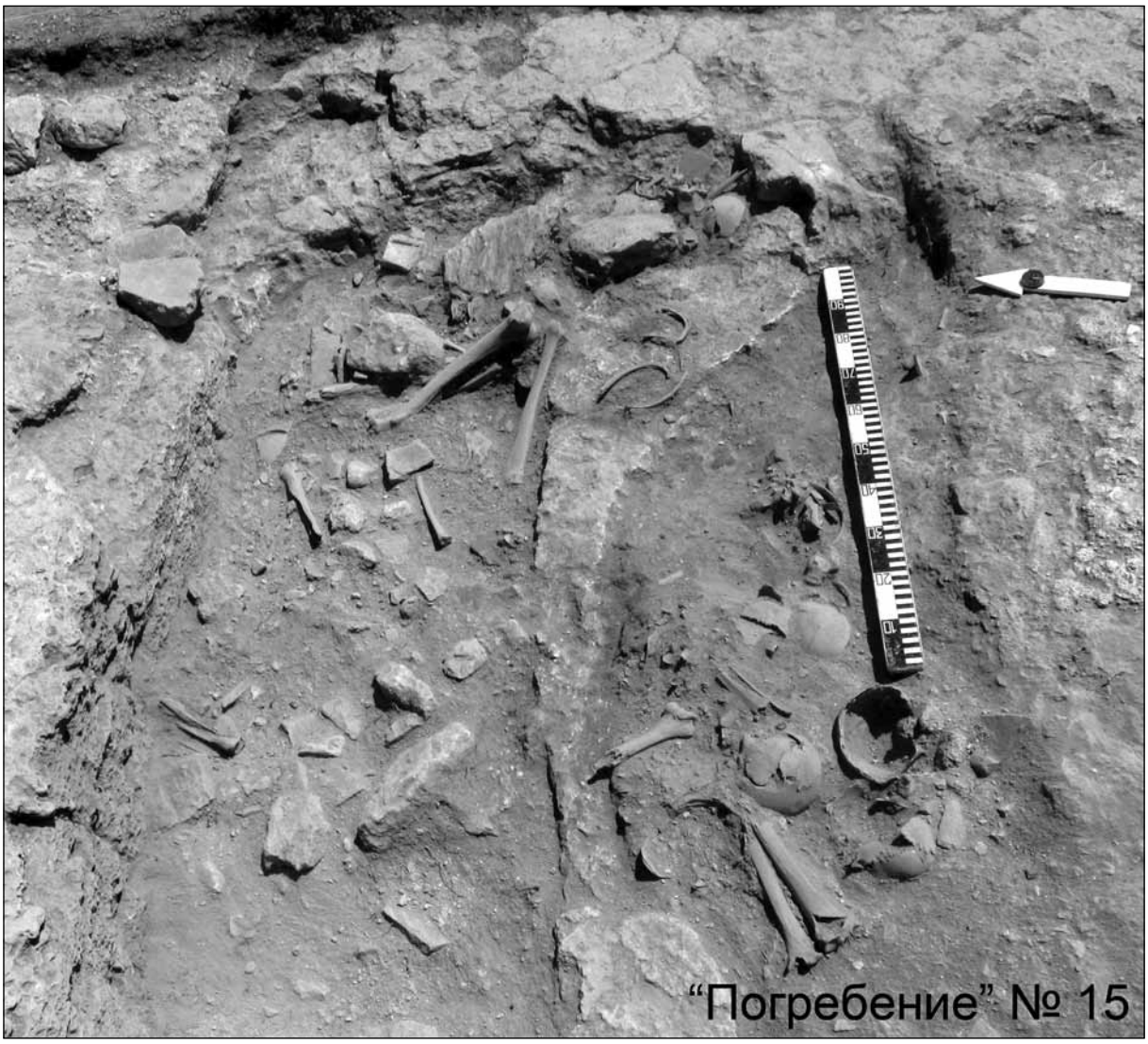


Рис. 27. Костяки у могил IX и X («погребение» № 15)

Рис. 28. «Погребение» № 16

Рис. 29. Могила № 17. Камни в заполнении и костяк на дне. Вид с запада

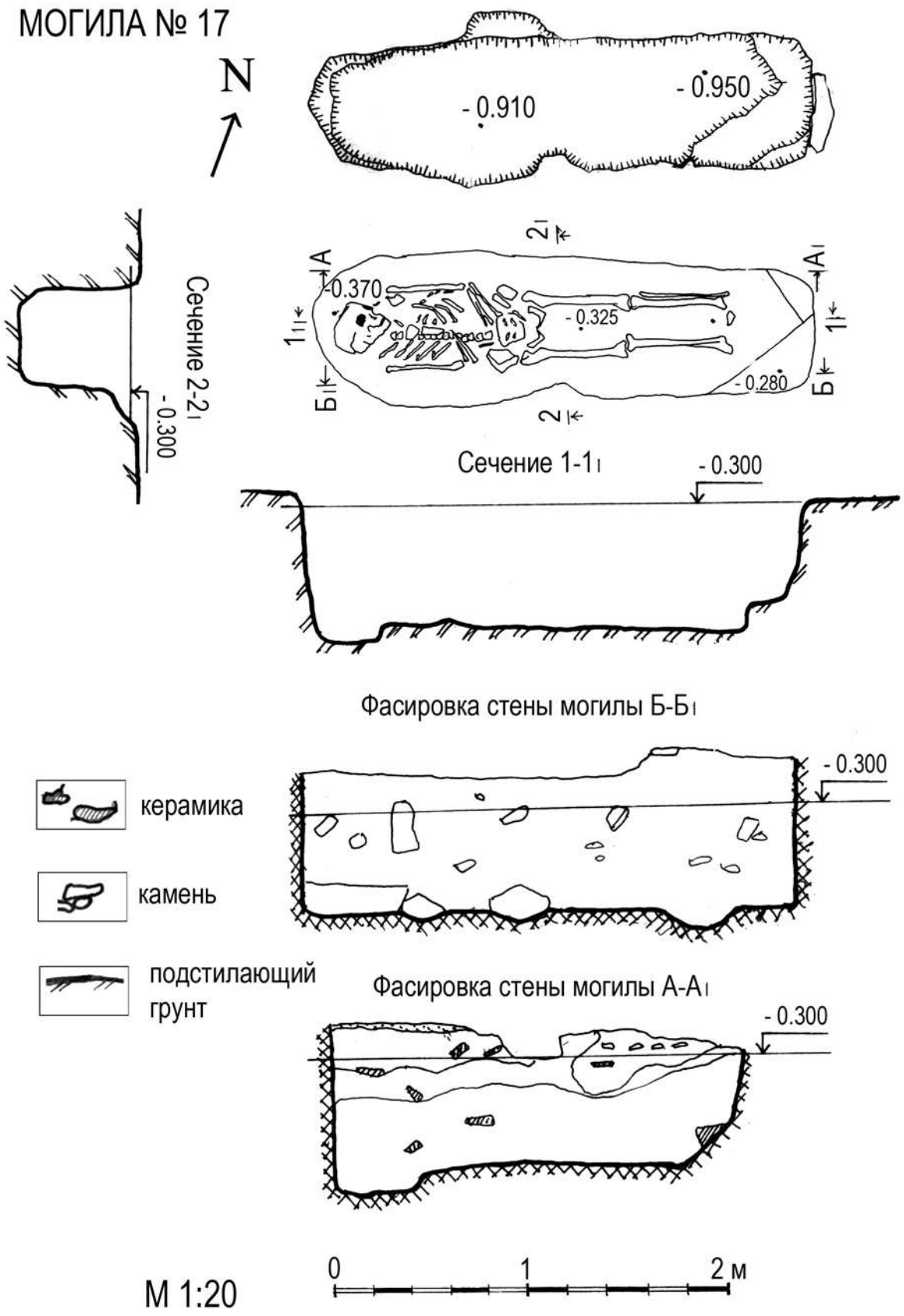


Рис. 30. Могила № 17. План, разрезы и фасировки стен

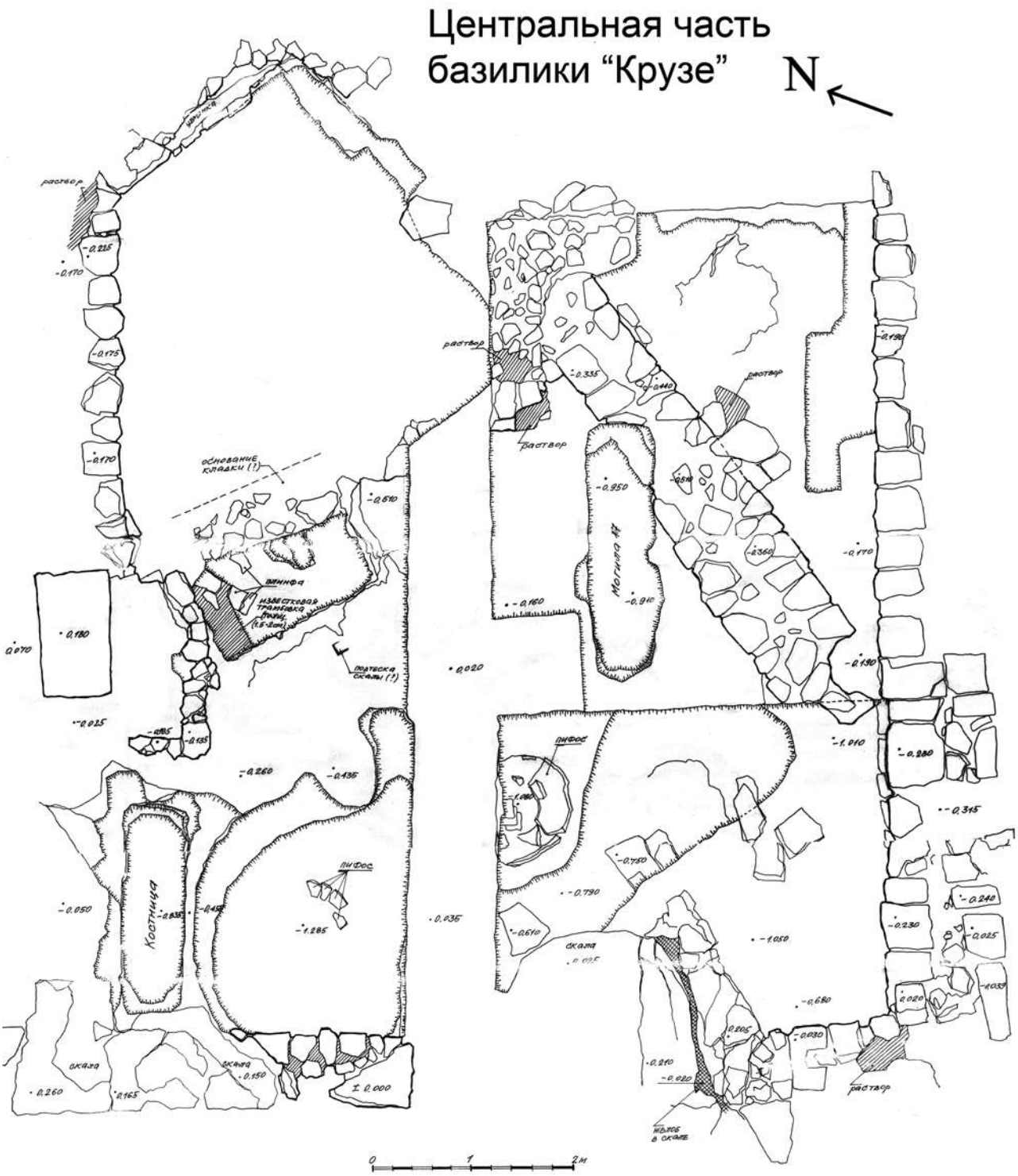


Рис. 31. Центральная часть базилики с могилой № 17

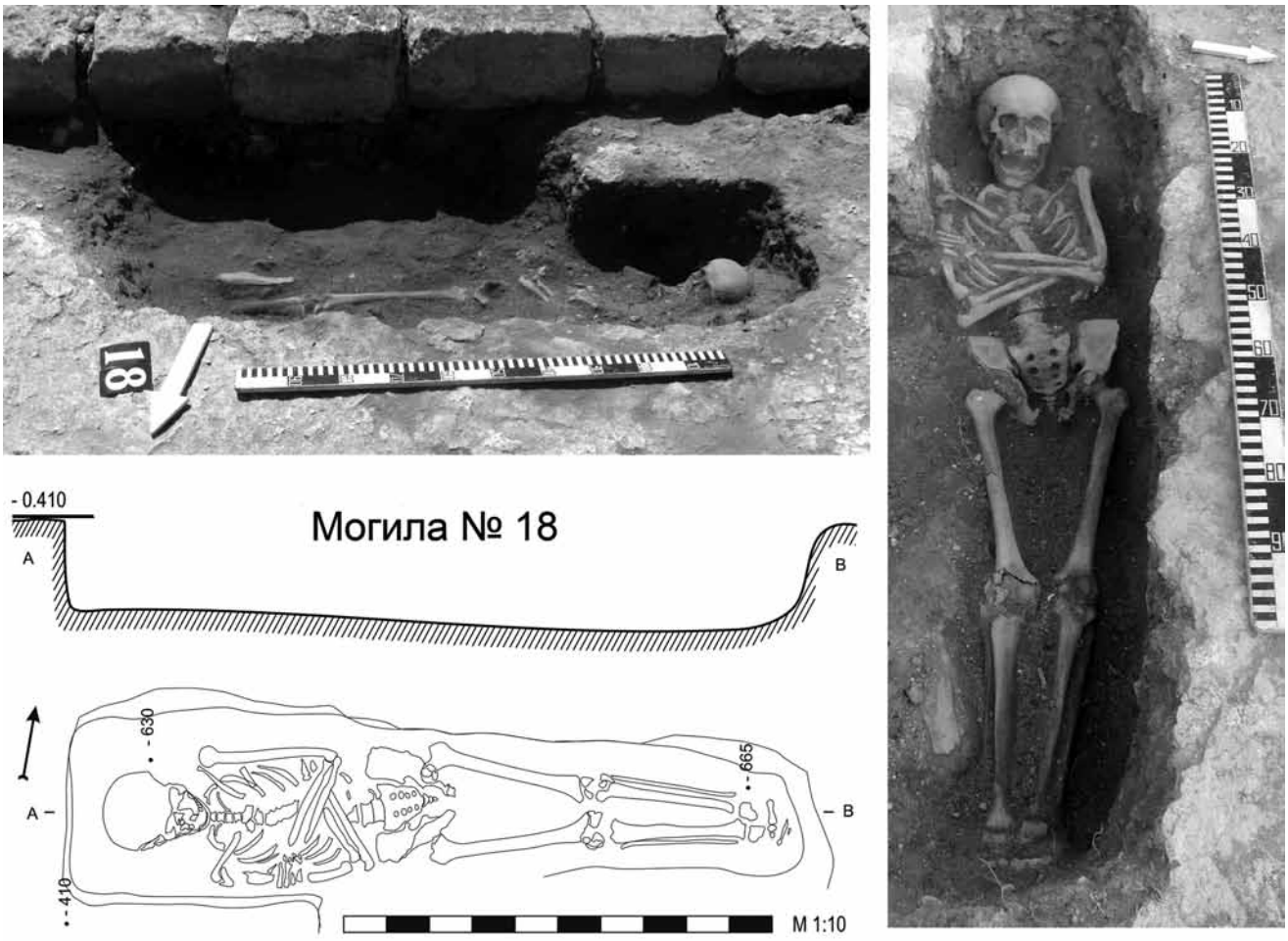


Рис. 32. Могила № 18

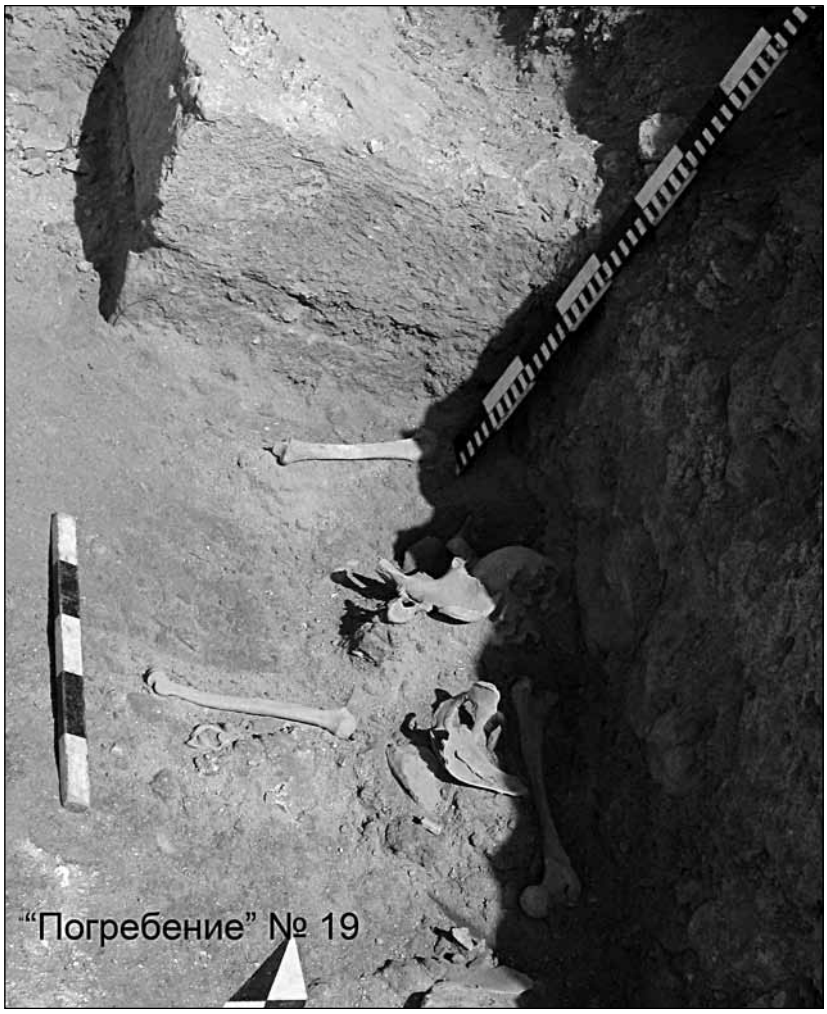


Рис. 33. «Погребение» № 19

И. Б. Тесленко

ОДНА ИЗ ГРУПП НЕПОЛИВНОЙ КЕРАМИКИ КРЫМА XV В.: ХРОНОЛОГИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ[1]

В статье рассмотрены вопросы хронологии и развития одной группы кухонных судов, ярким представителем которой являются горшки с рельсовидным венчиком с мелкими остроугольными примесями блестящего песка в глине (группа ГРВ). Эта группа керамики еще не рассматривалась, как отдельная единица классификации. Хронология, происхождение и эволюция этих сосудов не были проанализированы исследователями. Все эти проблемы, впервые отмеченные автором публикации, рассматриваются на основе материалов собственных раскопок памятников южного побережья Крыма. Вследствие тщательной фиксации керамики группы ГРВ в различных археологических контекстах появилась возможность определить период их бытования в Таврике и показать особенности морфологии и хронологии типов. Предполагается, что эти сосуды происходят с территории современной Турции, где они в большом количестве были найдены в разнообразных позднесредневековых слоях.

Кухонные суда группы ГРВ появились в Крыму не ранее середины XV в. в то же время, что и глазурованная столовая посуда производства Изника (так называемые «Miletus Ware»). Период их жизни в Крыму синхронен к периоду турецкого доминирования в Черноморском регионе и проливах и продолжается до катастрофы турецкой Империи в последней четверти XVIII в. Керамика группы ГРВ, а также «Miletus Ware» может использоваться в качестве хронологических индикаторов. Эти индикаторы позволяют датировать археологические комплексы в Крыму не ранее середины или второй половины XV в.

Ключевые слова: южный берег Крыма, середина XV в., кухонный горшки группы ГРВ, хронология и эволюция.

В студиях по позднесредневековой археологии Крыма уделяется значительное внимание изучению керамики. В широком спектре разнообразных гончарных изделий этого периода интерес исследователей в первую очередь привлекают глазурованные сосуды. В особенности — богато орнаментированные, с сюжетными изображениями или монограммами, представляющие собой как продукцию местных мастерских, так и импорт из отдаленных регионов [лит. см.: Тесленко 2009; 2010; 2012а]. Но при этом недостает работ, посвященных неполивной посуде. Среди них к настоящему времени можно отметить четыре специальных исследования Л. П. Ивашуты, Д. Л. Таллиса, Д. Ю. Алядиновой и автора настоящей статьи, в которых рассмотрены неполивные изделия поздневизантийского Херсона [Ивашута, 1975] и городищ Горного Крыма [Таллис, 1983], а также проанализированы одна из гончарных традиций Таврики XIV – XV вв. [Тесленко, 2014а] и керамика из раскопок комплексов второй половины XV – середины XVII вв. из Судака [Алядинова, 2012]. Отдельные дополнительные сведения о неглазурованной керамике обозначенного периода можно получить из обобщающих трудах по результатам раскопок [Айбабина, Бочаров 1994, рис. 1; Джанов, 1998, рис. 4: 1; Мыц, 2002, рис. 22: 1; Кирилко, Мыц, 2004, рис. 22: 2; Адаксина, Кирилко, Мыц, 2005, рис. 113: 9; 2006, рис. 65: 3; 72: 1; Кирилко, 2005, рис. 56: 4; Герцен и др.,

[1] Настоящая работа представляет собой переведенный на русский язык, расширенный и дополненный с учетом новых материалов, вариант статьи, опубликованной на украинском языке в журнале «Археологія» в 2011 г. [Тесленко, 2011].

2006, рис. 10: 6; Адаксина, Мыц, 2007, рис. 142: 1; Герцен, Науменко, 2009а; Тесленко, 2012б, с. 225–233, рис. 3, 4, 5: II; Воронин и др., 2014, с. 460, рис. 12; др.] или статей, посвященных публикациям обнаруженных в сосудах кладов [Мыц, 1999; Козлов и др., 2003].

В то же время именно простая столовая и кухонная посуда составляет значительную часть вещевого комплекса археологических объектов рассматриваемого периода. Она довольно разнообразна по морфологическим и стилистическим признакам и являлась не менее важным элементом бытовой культуры позднесредневекового населения полуострова, чем поливная керамика. В ее составе выделяются различные по происхождению группы[2], детальное исследование которых позволяет выявить их морфолого-хронологические особенности. Ярким представителем одной из них являются горшки «рельсовидным» профилем массивного венчика. Именно благодаря этому специфическому признаку вся группа, в состав которой входят эти горшки, получила название «группы горшков с рельсовидным венчиком» (далее ГРВ)[3].

Морфологическая характеристика. Сосуды изготовлены на гончарном круге путем вытягивания из комка глины по донно-емкостной программе. Для глиняного теста изделий характерна примесь значительного количества мелкого остроугольного блестящего песка черного цвета (пироксена?), создающего шероховатую поверхность черепка, и вкрапления частиц рыхлого железистого минерала. Эти хорошо заметные особенности позволяют уверенно отсортировывать даже небольшие фрагменты ГРВ из общей массы добытых при раскопках обломков неполивной керамики. Стенки изделий тонкие (2,5–4 мм в месте максимального утончения), на днищах фиксируются следы подсыпки песком и небольшой бортик вдоль края, вероятно от выступа-платформы на плоскости гончарного круга или специальной подставки. Внешняя поверхность заглажена, с внутренней стороны — отчетливые следы ротации. Обжиг равномерный, преимущественно сквозной, в местах максимального утолщения часто трехслойный (черепок в изломе с серой прослойкой). Цвет обожженного черепка от желто-красного до красно-коричневого. Встречаются изделия, частично пережженные до темно-коричневого или темно-серого цвета, что может быть результатом вторичного пребывания в огне в процессе использования или археологизации. Иногда внешняя поверхность покрыта темным красно-коричневым ангобом. Изредка, преимущественно в верхней части сосудов, видны остатки стекловидной массы, тонким слоем покрывающей черепок. Возможно, это покрытие — результат спекания верхних слоев керамики под воздействием высокой температуры в горне. Не исключено специальное глазурования отдельных партий сосудов для улучшения их гидроизоляции, так как черепок изделий гигроскопичный.

В комплексах XV в. группа ГРВ представлена сосудами закрытой формы двух видов: горшками и кувшинами.

1. *Горшки*. Тулово сферическое, иногда слегка вытянутое к днищу. Горло средней высоты, цилиндрической или усеченно-конической формы. Венчик массивный, с желобком по центру и с утолщением по обе стороны от него. Ручки вытянуты из одного куска глины, форма в сечении близка к овалу. Дно плоское, с небольшим бортиком вдоль края.

Подавляющее большинство этого вида посуды группы ГРВ составляют одноручные горшки без дополнительных украшений внешней поверхности (тип. 1.1) (рис. 1; 2). Верхний прилеп ручки крепится к венчику, нижний — примерно к середине высоты тулова. К настоящему времени удалось определить объем девяти частично или полностью реконструированных горшков из раскопок укреплений в Алуште, на Фуне, Чабан-Куле и Чуфут-Кале (рис. 1; 2; табл. 1). Ассортимент сосудов по объему (от 0,6 до 6,6 л) составил не менее 6 единиц (табл. 1) и был, вероятно, рассчитан на удовлетворение самых разнообразных запросов потребителей. Возможно, в производстве горшков группы ГРВ существовали определенные

[2] Под группой подразумевается изделия, сходные по технологии изготовления, визуально определимому составу формовочных масс, технике формовки и принципам оформления внешней поверхности, представляющие собой продукцию одной или родственных гончарных мастерских.

[3] Как уже упоминалось ранее, начало использования термина «горшки с рельсовидным венчиком» при обработке коллекций керамики из раскопок средневековых объектов Южного Крыма, восходит примерно к 50–60-х гг. XX в., хотя в публикациях это и не отражено [Тесленко, 2011]. В 2007 г. И. В. Волков предложил назвать эту же группу – «Черный Ерик» (сокращенно «ЧЕ»), по месту ее находки на одноименном могильнике в плавнях р. Кубань [Волков, 2007, с. 26–32].

стандарты объема, однако сейчас все еще не достаточно сведений, чтобы об этом судить с уверенностью.

Другой тип горшков (1.2) — крупные двуручные сосуды с рельефным декором — представлены, пока, всего двумя фрагментированными экземплярами из раскопок зольника на руинах башни Орта-Куле Алуштинской крепости (рис. 3: *3*) и перемещенных отложений конца XV – XVI вв. на юго-восточном склоне мыса Тэшкли-Бурун (Мангуп) [Мыц, 2002, рис. 22: 1; Герцен и др., 2006, рис. 10: 6]. Горло низкое, цилиндрическое, с небольшим сужением кверху. Ручки в сечении овальные, уплощенные, крепятся к венчику под прямым углом. Горло и корпус украшены вертикальными налепными валиками с пальцевыми вдавлениями. Точная датировка сосудов затруднительна. Археологизация изделий произошла в диапазоне с конца XV по конец XVI вв. Период их бытования, вероятно, приходится на вторую половину XV в. – начало XVI вв., не исключено, что уже и на османский период (после 1475 г.).

2. *Кувшины*. Единственный опубликованный археологически целый кувшин группы ГРВ, который с уверенностью можно отнести к XV в., происходит из раскопок адыгского могильника в устье р. Кубань [Волков, 2007, с. 31, рис. 3: 2]. Кувшин плоскодонный, одноручный (тип 2.1). Тулово овалоидное, оформлено вертикальными вмятинами (канелюрами). Горло средней высоты, цилиндрическое, в нижней части профилировано валикообразным выступом. Венчик утолщенный, округлый, выступает наружу. Ручка в сечении овальная, крепится чуть ниже середины горла и к середине тулова.

В слоях первой-третьей четверти XV в. памятников Таврики ни одного целого или частично реконструированного сосуда этого вида к настоящему времени не зафиксировано. Известны находки фрагментов горлышек с венчиками и верхних частей кувшинов из раскопок храма с некрополем на южной окраине с. Малый Маяк [Тесленко, 2012б, с. 229, рис. 4: 3] (рис. 3: *1*), зольника на руинах башни Орта-Куле в Алуште [Полевая опись…, 1993; 1998], а также позднесредневековых объектов в портовой части Сугдеи [Алядинова, 2012, с. 245, рис. 5: 5–9]. Они обнаружены в слоях и комплексах, нижний хронологический рубеж которых определяется временем не ранее второй половины – конца XV – XVI вв. [Тесленко, Лысенко, 2004, с. 267–270; Мыц, Адаксина, Кирилко, 1992; Мыц и др., 1993; Тесленко, Семин, 1998; Алядинова, 2012]. Точная датировка самих изде-

Таблица 1

Параметры горшков группы ГРВ, тип 1.1

№ п/п	Шифр, рисунок	H горшка, см	H горла, см	D тулова, см	D дна, см	D горла, см	D венчика, см	V, литр
1	Фн-90/712, рис. 2: 8	12,8	2,5	12	7	7	8	0,6
2	Фн-94/88, рис. 2: 6	14,6	3,1	13,7	7,2	8,5–9	8,9	1,2
3	Фн-95/74, рис. 2: 4	16,8	3,2	16,4		11–11,6	11,6	1,8
4	Фн-90/50, рис. 2: 3	18,4	3,6	16,4	7,2	10,4	11,7	1,8
5	Чбк-93/44, рис. 1: 4	22	4	19,6	8,8	11,4–12,2	12,8	3,3
6	Ал-92/228, рис. 1: 2	23	3,8	19,8	9	11–12	12	3,8
7	Фн-90/51, рис. 2: 2	24	4,2	21	9	12,6	14	4,0
8	Фн-90/549, рис. 1: 1	27,6	4	24,2	9,7	14	14,8	6,6
9	Чуфут-Кале, рис. 1: 3			20	9,6			3,8

лий в таком контексте затруднительна, некоторые из них, безусловно, могли быть переотложены из более ранних наслоений.

Дисбаланс в количестве найденных сосудов типов 1 и 2 группы ГРВ можно объяснить тем, что, вероятно, горшки пользовались большим спросом, чем кувшины, поэтому они в большем количестве поступали на рынок.

Хронология, распространение, происхождение. До недавнего времени группу ГРВ вообще не рассматривали как самостоятельную классификационную единицу, и вплоть до конца XX – начала XXI столетий в публикациях материалов из памятников Таврики и ближайших окрестностей о горшках с рельсовидным венчиком информации крайне мало. Единственный рисунок профильных частей двух горшков, найденных на поселении в урочище Кокия, был обнаружен в рукописном фонде ГБНУ РК «Институт археологии Крыма» на иллюстрации к неопубликованной статье В. М. Маликова «Об археологических памятниках на урочище, примыкающем к мысу Айя», выполненной 27 января 1951 г. [Маликов, 1951, рис. 12–16]. Какие-либо специальные комментарии к находкам отсутствуют. В статье по керамике из разведочных работ 60-х гг. Южнобережного отряда Крымской экспедиции ИА АН УССР горшки с рельсовидным венчиком не рассматриваются [Паршина, 1974, с. 56–94]. Хотя в коллекции материалов этих разведок, хранящейся в фондах ЯИЛМ, удалось идентифицировать два обломка горшков группы ГРВ из Ласпи (шифр: ЯКМОСН 5331 (2)/5 А1 1053; ЯКМОСН 5331 (2)/6 А1 1056).

О том, что керамика группы ГРВ была распространена на территории Таврики достаточно широко, можно судить по публикациям отдельных профильных частей и реконструируемых форм из Мангупа [Герцен и др., 2006, с. 383–384, рис. 10: 6–9; 11: 1–3], Балаклавы [Адаксина и др., 2005, рис. 113: 9; 2006, рис. 65: 3, 72: 1; Адаксина, Мыц, 2007, рис. 142: 1], Алушты [Мыц, 2002, с. 154, рис. 22: 1; 24: 5], Фуны [Кирилко, 2005, рис. 58: 1], Чабан-Куле [Мыц и др., 1994, с. 207; Кирилко, Мыц, 2004, с. 212, рис. 22: 2], Судака [Джанов, 1998, с. 88, рис. 4: 1; Алядинова, 2012, с. 249–256, рис. 3–5], Каффы [Айбабина, Бочаров, 1994, с. 19, рис. 1], а также по устной информации коллег-медиевистов, исследующих позднесредневековые памятники от Херсонеса до Керчи. Однако, вопросам детальной хронологии, происхождения и генезиса этой группы керамики, а также вычислениям ее процентного содержания в массе кухонной посуды не уделялось должного внимания.

Впервые на эти проблемы обратила внимание автор настоящей публикации на материалах собственных раскопок крепости в Алуште в 1998 г., а также храмов с некрополями на г. Аю-Даге в 1999 г. и в с. Малый Маяк в 2003 г. На всех трех памятниках при обработке артефактов из различных отложений тщательно отсортировывались и отдельно учитывались фрагменты керамики группы ГРВ. Благодаря этому удалось проследить некоторые закономерности их археологизации.

Так, в процессе исследования генуэзской Лусты (Алусты) с внешней стороны куртины последней линии обороны крепости, на площади около 20 кв. м изучена пачка культурных отложений, формировавшихся непрерывно, начиная примерно с начала третьей четверти XV в. — времени строительства последней линии обороны крепости и перепланировки напольного пространства и до XVI – XVII вв. В слоях, залегавших ниже дневной поверхности периода строительства куртины (60-е гг. XV в.), фрагменты сосудов группы ГРВ не зафиксированы, притом, что другая керамика, характерная для комплексов XIV – XV вв. (группа ЮЗК, поливная керамики ЮВК «каффинского круга») найдена в большом количестве [Тесленко, Семин, 1999, с. 18–20]. Но уже в заполнении траншеи под куртину обнаружен один, а в водосточной канаве, проложенной вдоль стены — 11 фрагментов тонких стенок ГРВ с темно-коричневым ангобным покрытием. В слое разрушения крепостной стены (нижняя дата 1475 г.) найдено 26, а в нижнем горизонте залегающего над ним зольника (верхняя дата — конец XVI – начало XVII вв.) — 298 фрагментов сосудов группы ГРВ [Тесленко, Семин, 1999]. При раскопках храмов с некрополями на поляне Ай-Констант (г. Аю-Даг) и на южной окраине с. Малый Маяк фрагменты керамики группы ГРВ появляются в отложениях не ранее середины – второй половины XV в. и достигают наибольшей концентрации в слоях конца XVI – XVIII вв. (табл. 2).

Реконструированные сосуды из Алушты, замков Фуна и Чабан-Куле происходят из комплексов не ранее третьей четверти XV в. [Мыц и др., 1994, с. 207; Мыц, 2002, с. 154, рис. 24: 5; Кирилко, Мыц, 2004, с. 212, рис. 22: 2; Кирилко, 2005, рис. 58: 1]. Другие известные по публикациям горшки обнаружены в отложениях хронологического диапазона от конца XV до конца XVI или XVIII вв. [Айбабина, Бочаров, 1994, с. 19, рис. 1; Мыц, 2002, с. 154, рис. 22: 1; Адаксина и др., 2005, рис. 113: 9; 2006, рис. 65: 3, 72: 1; Герцен и др., 2006, с. 383–384, рис. 10: 6–9; 11: 1–3;

Таблица 2

Распределение находок керамики группы ГРВ в культурных слоях археологических объектов на поляне Ай-Констант (г. Аю-Даг) и на южной окраине с. Малый Маяк

Характер отложений	Датировка слоев	Группа ГРВ		
		Кол-во фр-тов	Кол-во реконстр. форм	% в общей массе неполивной посуды
Храм с некрополем на поляне Ай-Констант (г. Аю-Даг)				
Слои, образовавшиеся в процессе активного функционирования некрополя возле храма	Середина – вторая половина XIV – середина XV в.	0	0	0 %
Слои, образовавшиеся на площадке перед входом после прекращения погребений возле апсиды (№№ 11–15)	Вторая половина – конец XV – 40–50-е гг. XVI в.	6	0	0,9%
	Первая половина – середина XVI в.	4	0	1,7 %
	Середина – 3-я четверть XVI в.	137	0	39,2 %
Слои, связанные с разрушением храма (4, 4А, 5, 5А, 6, 7, 8)	Последняя четверть XVI – начало XVII в.	151 (в т.ч. 118 от 1 кувш.)	1(кувшин)	51,7 %
Храм с некрополем на южной окраине с. Малый Маяк				
Отложения, связанные с сооружением храма и обустройством первых погребальных сооружений.	Конец XIV – первая пол. XV в.	0	0	0 %
Слои, связанные с функционированием храма и могильника	Конец второй четверти-середина XV – третья-четвертая(?) четверти XV в.	42	0	3,6 %
Отложения, образовавшиеся при частичном разрушении храма	Последняя четверть XV – нач. XVI в.	7	0	3,9 %
Отложения и погребальные комплексы внутри периметра храма, связанные с функционированием кладбища после частичного разрушения церкви	Нач. XVI – последняя четверть XVII в.	134	0	45,1 %
Слои и погребальные комплексы снаружи храма, связанные с функционированием кладбища после частичного разрушения церкви	Вторая половина XVI в.	372	2	42,8 %
	Конец XVI – XVII в.	884		28,2 %
	XVII – первая пол. XVIII в.	117		37,1 %
	Третья четверть XVIII в.	89		37,5 %
Отложения, связанные с окончательным разрушением остатков церкви и погребениями на руинах	Конец третьей – четвертая четверть XVIII в.	103	0	41,1 %

Герцен и др., 2007, рис. 35: 10; Адаксина, Мыц, 2007, рис. 142: 1; Алядинова, 2012, с. 249–256, рис. 3–5]. Только в статье А. Джанова встречена более ранняя датировка керамического комплекса, включающего верхнюю часть корпуса горшка с рельсовидным венчиком [Джанов, 1998, с. 88, рис. 4: 1]. Сосуд происходит из заполнения ямы № 1, исследованной М. А. Фронджуло в 1974 г. на территории гончарного центра по производству поливной керамики. Автор публикации, опираясь на находку фрагмента испанской чаши с росписью люстром, предложил датировать материал из заполнения ямы первой половиной XV в. [Джанов, 1998, с. 88]. Однако такая датировка не соответствует действительности, так как испано-мавританские фаянсы, украшенные в манере, аналогичной росписи на судакской находке, получают распространение во второй половине – конце XV в. [Тесленко, 2004, с. 477]. Соответственно и весь комплекс следует датировать временем не ранее второй половины XV столетия.

Исходя из имеющихся сведений, можно заключить, что фрагменты посуды группы ГРВ в отложениях первой половины XV в. до настоящего времени не зафиксированы. Первые находки на памятниках Крыма встречаются в культурных слоях, начиная примерно с середины XV в. Количество их возрастает к концу XVI – началу XVII в. и вплоть до третьей четверти XVIII в. составляет в среднем около 39–46 % в общей массе фрагментов неполивной кухонно-столовой посуды (табл. 2). При этом, отчетливо прослеживается эволюция профиля рельсовидного венчика. Начиная примерно с середины – второй половины XVI в. появляются сосуды с более вытянутым венчиком. Характерная для XV в. «рельсовидность» профиля в последующие столетия постепенно трансформируется в форму, близкую к прямоугольной со слегка вогнутой внешней поверхностью и уплощенным или чуть углубленным верхом, иногда с небольшим выступом вовнутрь (рис. 3: *4, 7, 8*). Судя по материалам из Судака, Алушты и Малого Маяка, в османский период — с конца XV – начала XVI в. и вплоть до второй половины XVIII в. — наряду с горшками получают распространение кувшины с аналогичным профилем венчика (рис. 3: *7, 8*) [Алядинова, 2012, с. 254, рис. 3: 1–6], что не было характерно для группы ГРВ середины – третьей четверти XV в. Кроме того, в османском Крыму появляются другие новые виды и типы керамики этой группы: большие тарные двуручные сосуды, так называемые «урны с горизонтальными ручками» [Волков, 2005, с. 484–485; Алядинова, 2012, с. 254, рис. 3: II]; горшки с широким устьем и т-образным венчиком; кувшины вытянутых пропорций с высоким цилиндрическим горлом и узкими плечиками, резко переходящими в практически вертикальные стенки тулова; кувшины с широким, достаточно высоким цилиндрическим горлом и эллипсоидальным приземистым туловом [Алядинова, 2012, с. 254, рис. 5: 3, 4, 10, 11, 12], др. (рис. 4). Таким образом, очевидно, что ассортимент изделий группы ГРВ начиная с конца XV – начала XVI в. значительно расширяется. Выход же их из обращения на территории Таврики приходится на последнюю четверть XVIII в. По крайней мере, наиболее поздняя известная здесь к настоящему времени стратифицированная находка археологически целого сосуда, обладающего характерными признаками группы ГРВ (рис. 3: *7*), происходит из культурного слоя, отражающего начальный этап функционирования Нижней мечети в Алуште и датирующегося в рамках конца XVIII – первой половины XIX вв. [Тесленко и др., 2009, с. 28, рис. 81]. Таким образом, прекращение поступления керамики группы ГРВ на рынки Таврики совпадает с крахом турецкого господства в Причерноморье и потерей Портой контроля над торговыми операциями в регионе и, скорее всего, каким-то образом связано с этими событиями.

Место изготовления керамики группы ГРВ пока не установлено. К настоящему времени не обнаружены какие-либо следы производства этой посуды ни на территории Таврического полуострова, ни в других местах Причерноморского региона. Технология формовки изделий (на специальной подставке с подсыпкой мелким песком) и характерные включения большого количества черного блестящего остроугольного песка в тесте не характерны для синхронной керамики местного производства (группы Юго-Западного и Юго-Восточного Крыма) [см. напр.: Тесленко, 2014а].

Точно определить регион распространения изделий группы ГРВ также довольно сложно, так как публикации кухонной керамики XV – XVIII вв. уделялось очень мало внимания. В настоящее время, кроме Таврики, находки ГРВ известны на адыгских поселениях Прикубанья, куда они завозились, вероятно, генуэзцами вместе с другой керамической посудой [Волков, 2007, с. 31–32]. Значительное количество горшков и кувшинов с близкими морфологическими характеристиками происходит также из раскопок слоев XVI – XVII вв. квартала Сарачханы в Стамбуле [Hayes, 1992, p. 277, 287, 306, 308, 312, 319, 323, fig. 116: e, 3.1; 136: 75; 138: 48, e 13.2; 140: 67].

Все они отнесены Дж. Хейсом к группе “Ware R”, в целом распространенной здесь с середины XVI до начала XVIII в., для которой, как и для ГРВ, характерны песчанистые формовочные массы (песок темный), образующие грубую шероховатую поверхность. При этом Дж. Хейс указывает на возможность более раннего бытования неглазурованных вариантов горшков с рельсовидным венчиком [Hayes, 1992, с. 277]. По мнению турецкой исследовательницы Нурсен Озкул Финдик, занимающейся раскопками Изника, такие кухонные сосуды были хорошо известны в Анатолии буквально во все периоды ее средневековой истории[4]. Вполне вероятно, что и происхождение их следует связывать с этим регионом. Следует отметить, что перевозка кухонных горшков на дальние расстояния не являлась каким-то неординарным событием [Масловский, 2006, с. 353–354] и упоминается в турецких источниках [Галенко, 2005, с. 502].

Таким образом, на основании приведенных сведений можно заключить, что начало бытования керамики группы ГРВ в Таврике датируется временем не ранее середины XV в. Именно в этот период появляются первые ее типы — одноручные горшки (1.1) и, видимо, кувшины (2.1), которые находятся в обращении вплоть до конца XV – начала XVI вв., постепенно эволюционируя по пути удлинения и упрощения профиля венчика. В дальнейшем, в XVI – XVIII вв., на их основе появляются новые типы сосудов. Интересно отметить, что группа ГРВ входит в обращение практически синхронно с поливной керамики группы «Miletus Ware» изникского производства [Тесленко, 2005а, с. 392–394]. Вполне возможно, что она также происходит с территории Малоазийского полуострова. Бытование группы ГРВ в Таврике синхронно периоду турецкого господства в Черноморском бассейне и завершается вместе с крахом Порты. Обе группы керамики, как ГРВ, так и «Miletus Ware», могут использоваться в качестве хронологических индикаторов, позволяющих датировать археологические комплексы временем не ранее середины – второй половины XV в.

Abstract

I. Teslenko

ONE GROUP OF UNGLAZED POTTERY OF THE 15TH CENTURY FROM CRIMEA: C

The questions of chronology and evolution of one group of cooking vessels that bright representative by pots with «rail-form» rim and brilliant black sands in the clay (PRR group) are presented in the article. This group of ceramics did not consider yet as a separate classification unit. The chronology, origin and genesis of this wares was not investigated by researchers. All these problems were marked for the first time by the author of the publication on the base of materials from own excavation of monuments of Southern coast of Crimea. Owing to carefully fixing of PRR group ceramics in the various archaeological contexts it was possible to determine its period of life in Taurika, to reveal features of morphology and chronology of types. It is assumed that these vessels occur from the territory of modern Turkey where they were found in a plenty and a variety in the late medieval layers.

Kitchen vessels of PRR group appeared in the Crimea not earlier the middle of 15th century at the same time as glazed tableware of Iznik manufacturing (so-called «Miletus Ware»). The period of their life in the Crimea is synchronous to the period of Turkish domination above the Black Sea region and the passages and comes to the end together with crash of the Turkish imperia in last quarter of the 18th century. The ceramics of PRR group as well as «Miletus Ware» can be used as the chronological indicators. These indicators allow dating the archeological complexes in Crimea not earlier the middle or second half of the 15th century.

Key words: Southern coast of Crimea, middle of 15th century, kitchen vessels of PRR group, chronology and evolution.

[4] Благодарю исследовательницу за устную консультацию.

Цветные рис. 1, 2 расположены на стр. 636, 637.

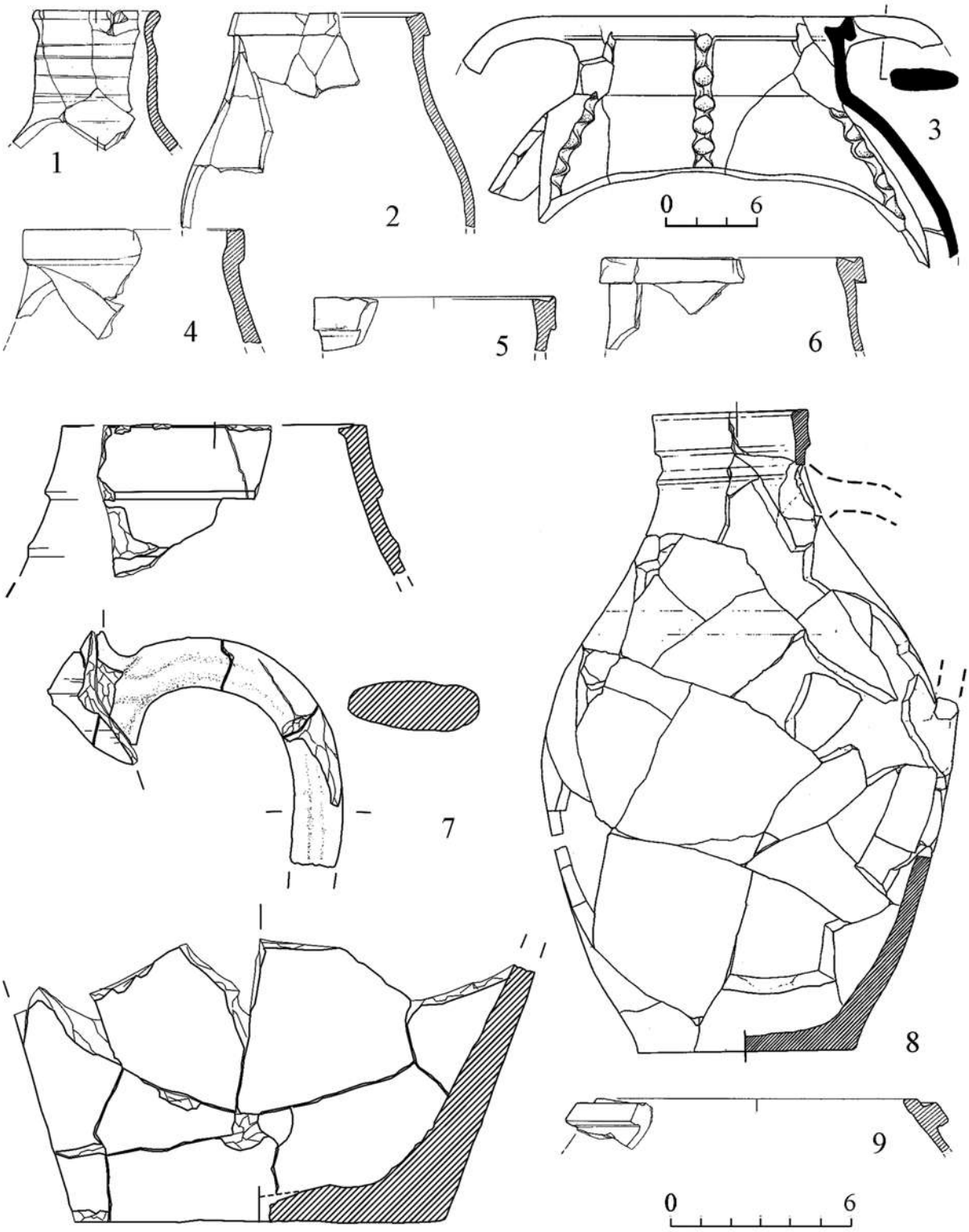


Рис. 3. Сосуды группы ГРВ XV – начало XVI вв.: типы 1.1 (2, 4–6); 1.2 (3); 2.1 (1).
Сосуды группы ГРВ XVII – XVIII вв. (7–9).
Крепость Алустон, зольник на руинах башни Орта-Куле (3). Алушта, Нижняя мечеть (7).
Храмы с могильниками в с. Малый Маяк (1, 2, 4–6, 9) и на северо-восточном склоне г. Аю-Даг (8)

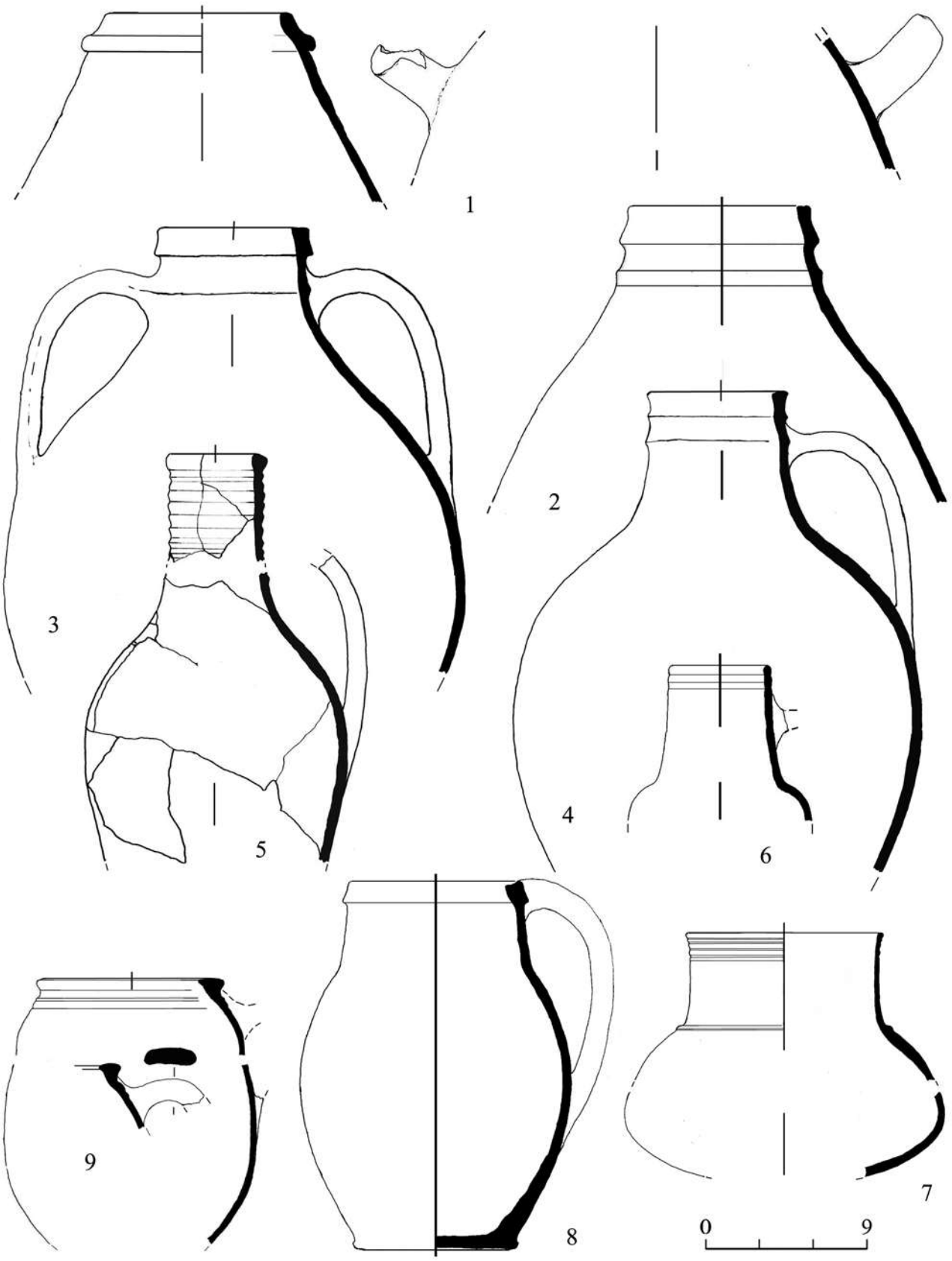


Рис. 4. Основные виды и типы сосудов группы ГРВ рубежа XV/XVI – XVII вв., по материалам из раскопок в портовой части Сугдеи [по: Алядинова, 2012, с. 249–256, рис. 3–5]

С. В. Приднев

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСТАТКОВ ФУНДАМЕНТА КРЕПОСТНЫХ ВОРОТ «ОДУН БАЗАР КАПУСУ» г. ГЕЗЛЕВА (ЕВПАТОРИИ) в 2003 году

Статья посвящена исследованию остатков фундамента крепостных ворот «Одун Базар Капусу» в городе Евпатории в 2003 г. Крепостные ворота или Одун-базар капусу (ворота Дровяного базара), размещались в восточной части города Гезлева (Евпатории), на пересечения современных улиц Караимской и Караева. Предположительной датой их строительства можно считать вторую половину XVI века. Ворота были разрушены в 1959 году. В процессе исследования удалось выявить фундаменты ворот и раскрыть сохранившийся участок боковой (северной) стены. На основе исследований был основательно скорректирован проект реконструкции ворот и музеефикации их северной стены.

Ключевые слова: Евпатория, Гезлев, фортификация, крепостные ворота.

Татаро-турецкий Кёзлев (Гезлев, Гёзлев, Кеслеве, Юзлеве, город переименованный в 1784 г. в Евпаторию[1]), по словам известного турецкого путешественника Эвлии Челеби, (посетившего город в 1666 году) был обнесён крепостной стеной с 24 покрытыми черепицей башнями и 5 воротами [Книга путешествия…, 1999 с. 20]. Обратим внимание на то, что на планах XVIII века башен не более 14, скорее всего цифра 24 — поэтическое преувеличение Челеби ибн Мехмеда Зилли Дервиш.

Строительство крепостных стен Кёзлева было начато вскоре после 1478 года. Как сообщает Челеби, каффинский визирь Санджеван-паша прибыл в гёзлёвский залив и заметил, что на этом побережье можно устроить порт и по поступлению султанского фирмана начал строить «на углу порта» крепость на тысячу аршин в окружности, но не достроил, затем её достраивал Сахиб Гирей хан (1532–1550 гг.), но окончательно крепость была достроена после его смерти [Книга путешествия…, 1999 с. 20]. Далее в тексте Челеби пишет о сооружении Мехмед-Гиреем (1577–1584гг.), рва вырубленного в скале. Уточним, что это противоречит данным префекта Кафы д'Асколи, который в 1634 году отметил в Кёзлеве невысокую крепостную стену безо рва [Описание…, 1902, с. 119]. Но ров, с устроенными в нем христианскими могилами, был зафиксирован в 1990 г в траншее коллектора по улице Караева. Он показан на планах и разрезах XVIII в. Возможно, в 1634 году ров был засыпан мусором.

Крепостные сооружения Кёзлева мало соответствуют фортификационным требованиям даже XVI в., когда сами турки при штурме крымских укреплений широко используют огнестрельное оружие. Толщина куртины составляла всего 1,07 м. Башни были узкие и не приспособлены для ведения пушечной стрельбы. И хотя известно, что при занятии города в 1736 году военные трофеи российских войск составили 21 медную пушку [Памятная книжка…, 1867, с. 248], эффективно размещать их можно было лишь в прибрежной, портовой части города и возможно, на первых этажах некоторых из ворот.

Наиболее укреплёнными являлись Одун-базар капусу (ворота Дровяного базара), размещавшиеся в восточной части крепости, на пересече-

[1] Высочайшие указы и рескрипты Екатерины II князю Г. А. Потёмкину Таврическому по управлению вверенными ему губерниями. 1778–1790 гг. «Указ Нашему Сенату» от 8 февраля 1784 года // РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 798. Л. 127.

ния современных улиц Караимской и Караева. Их ширина составляла 11,87 м, а длина проезда 12,5 м.

Первоначальная высота ворот с башней определяется косвенно, она примерно равна высоте башен крепостной стены. Судя по сохранившимся, очень приблизительным, фасировкам стен на плане XVIII в.[2] (рис. 1) высота стен составляла 2/3 от высоты башен. Высота стены определяется по чертежу «профиль чрезъ каменную стену и ров» в правом нижнем углу плана 1771 года[3] (рис. 2), по которому она равнялась 21 футу (6,4 м) при толщине стены — 1,07 м. Ширина рва перед ней составляла от 4,24 м до 4,75 м, а его глубина — 3 м. На ещё одном плане 1771 года[4], уже на другом участке стены, её высота составляет 7,3 м, отсюда можно вывести среднюю высоту стен — 6,85 м, то есть высота башен составляла около 9 метров. Учитывая то, что минимальный размер стороны башни между куртинами приблизительно равна 4,8 м, т. е. 6 турецким строительным локтям[5], можно остановиться на высоте башни равной её двойной стороне — 9,6 м или около 12 турецких строительных локтей.

Ворота Дровяного базара, с располагавшимися к юго-западу от них воротами Пристани (Искеле капусу), охраняли юго-восточную часть города, наиболее насыщенную торгово-ремесленными объектами: рынками, постоялыми дворами, кузнечными и слесарными рядами, винными погребами. На отрезке современной улицы Караимской от ворот Дровяного базара до пересечения с современной улицей Красноармейской на наиболее подробном плане 1784 года[6] (рис. 3), располагалось четыре «хана» — постоялых двора. Обе стороны улицы заняты согласно экспликации к плану «купеческими лавками с товаром».

Попутно отметим, что Караимская улица была важной транспортной и торговой артерией города. Она проходит в пределах крепостных стен Кёзлева, прорезая всю восточную часть старого города от восточных ворот Дровяного базара до северных ворот «Ак-мулла капусу» (ворота Белого муллы, находились на перекрестке с современной улицей Дмитрия Ульянова). На том же плане 1784 года квартал напротив ворот Дровяного базара занят мясными рядами. Еще в 1950-х гг. улица, ведущая от ворот к северу, называлась Мясницкой (в настоящее время это отрезок ул. Караева от ворот до комплекса теккие). Участок улицы Матвеева идущий от ворот к востоку, в начале XX века носил название ул. Базарной.

Дровяной базар перед воротами существовал уже во времена посещения Кёзлева Эвлией Челеби, который также упоминает, расположенные у восточного участка стен города, два мусульманских и два христианских квартала с армянской церковью [Книга путешествия…, 1999, с. 20]. Эта застройка (предположительно возникшая в начале 17 века) существенно снижала фортификационную роль куртин и башен. Поначалу это не имело большого значения, ведь внутри полуострова происходили лишь трайболистские стычки. Но в 1604 году начались морские набеги казаков. В 1633 г. состоялся самый разрушительный набег казаков на город, во время которого «…казаки похитили все, что нашли, а затем подожгли и самый город, четверть которого, самая торговая часть, сгорела...» [Описание…, 1902, с. 98]. Видимо с этим или аналогичным пожаром можно связать красный (обгорелый) цвет известняковых камней сохранившейся до нашего времени северной стены. Но конечно, пожар мог быть и в более позднее время, например в 1736 году, когда 16-го июня, «...вступив в город, войска наши нашли его оставленным не только неприятельскими войсками, но жителями, а предместья обращенными в пепел. Бежавшие татары не пощадили также домов, принадлежавших купцам-христианам. Многие из этих домов еще горели в то время, когда войска наши заняли город…» [Памятная книжка…, 1867, с. 248].

---

[2] План города Козлова с показанием вокруг оного каменной стены в плане и фасаде // РГПБ (СПб.) Отдел рукописей. Ф. 342. № 161.

[3] План турецкаго города Козлова лежащего в полуострове Крыме при Черном море, который занят был российскими войсками июля 22 дня 1771 года // РГВИА. Ф. ВУА ГУГШ. Д. 21913.

[4] План города Козлова с показанием внутри и вне его строений, который от российских войск занят был 1771 года июня 21 дня. Сочинен 1771 года // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ед. хр. 21914. Л. 1.

[5] 1 турецкий строительный локоть равнялся 0,798 м.

[6] План города Козлова снятый 1784 года апреля дня // РГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 5470.

[7] Кезлёвский порт, вначале принадлежавшим туркам, был передан хану Сахиб-Гирею в 1539/40 году [Смирнов, 1887, с. 415].

В связи с набегами на «первую стоянку Татарии» [Описание…, 1902, с. 104][7] обновляются крепостные стены, а в приморской части для охраны судов и товаров строится в 1634 г. хорошо укрепленный караван-сарай. Но к середине 17 столетия город вновь пришел в запустение и уже Ислам Гирей III (правил в 1644–1654 гг.) издаёт приказ о восстановлении и ремонте мечети в Кёзлеве, подведении воды и о восстановлении самого обветшавшего города [Сенаи, 1998, с. 65]. Челеби в 1666 году отмечает вокруг города пять новых железных ворот [Книга путешествия…, 1999, с. 20], (очевидно имея в виду обитые полосами железа створки ворот).

Во время русских походов XVIII века в Крым Кёзлев дважды был взят русскими войсками (в 1736 г. фельдмаршалом Б. К. Минихом и в 1771 г. — войсками генерал-майора Брауна). Естественно при этом страдали и укрепления города, но не столько башни и ворота, сколько стены, пробив из пушки стену толщиной всего 1,07 м, можно было легко войти в город. Ворота могли получить повреждения и в 1777 году, во время пушечного обстрела города с четырёх кораблей, поддерживающих хана Шагин Гирея [Рабби Азарья, 1856, с. 119–120].

Судя по планам крепости, к югу от ворот, где был устроен фланкирующий поворот стены с дополнительной башней,[8] (рис. 1, 4) могла находиться калитка для вылазок в тыл атакующего створки ворот противника. При описании ворот о ней упоминает армянский путешественник Минас Бжишкян, посетивший в конце 1820-х годов Евпаторию: «…Одун Базар Капуси (Деревянные базарные ворота), что до сих пор стоит посреди рынка; у них имеется башня и маленькая дверь, называемая Тешик, на которой высечены двойные груди в качестве эмблемы...» [Бжишкян, 1996, с. 283]. Свидетельство Бжишкяна следует принимать критично, ведь большинство городских ворот в это время уже было разрушено, и вероятно он пользовался ранним письменным источником или рассказами старожилов. В. Х. Кондараки, основываясь на устных преданиях или на собственном воображении, называет ворота Хиз-кулеси (крепость девы), упоминая эмблему с изображением женского лица [Кондараки, 1875, с. 21].

В 1784 г. Екатериной II «Высочайшим рескриптом» от 10 февраля было приказано «…в Козлове устроить вновь и возобновить старые укрепления»[9], и хотя справочник «Городские поселения в Российской империи» пишет о «возобновлении старого замка» [Городские поселения…, 1864, с. 673], но, судя по планам XVIII века, существенного оборонительного строительства не проводилось (кроме ремонта редутов к западу и востоку от города), боевые действия проводились уже вдали от Крыма. Но в отношении ворот «Одун базар» рескрипт был выполнен следующим образом: внутреннее пространство ворот было расчленено на семь частей — проезд, перекрытый цилиндрическим сводом, усиленным подпружными арками и примыкающими к нему с двух сторон шестью помещениями с цилиндрическими сводами. Вероятно, из-за этой реконструкции ворота получили ещё одно название: «Кемер-капу»[10] — (Арочные ворота). После устройства боковых помещений, расчленивших северную и южную стены на три части, уже было невозможно разместить во внутреннем пространстве ворот пушки, две бойницы для которых сохранились по настоящее время в арках северной стены. Боковые помещения просто не успели послужить и «нишами для стражи» [Драчук, Кара, Челышев, 1977, с. 48], а сразу использовались как лавки (разве что для городовых в XIX веке для хранения взяток с примыкающего к воротам рынка).

Менее чем через десять лет, в июле 1794 года в Евпатории побывал академик П. С. Паллас [1999, с. 169], он застал оборонительную стену города уже в развалинах. О том же пишет Павел Сумароков в 1799 году: «…от крепких стен его окружавших, и высоких при них башен остались в редких только местах поврежденные оных части...» [Сумароков, 1800, с. 128]. Последний раз крепостные стены встречаются на очень схема-

[7] Кезлёвский порт, вначале принадлежавшим туркам, был передан хану Сахиб-Гирею в 1539/40 году [Смирнов, 1887, с. 415].

[8] План города Козлова с показанием вокруг оного каменной стены в плане и фасаде // РГПБ (СПб.) Отдел рукописей. Ф. 342. № 161. План части города Евпатории с показанием карантинного дома и распологаемым строением. Сочинен 1796 года // РГВИА. Ф. ВУА. Ед. хр. 21919.

[9] Высочайший рескрипт Екатерины II от 10 февраля 1784 г. // РГВИА. Ф. 349. Оп. 2. Ед. хр. 869. Л. 80 об.

[10] О собрании сведений о всех вакуфных имуществах, находящихся в г. Евпатории. 1886 г. // ГАРК. Ф. 681. Оп. 1. Д. 224. Л. 9.

тичном плане города, составленном губернским землемером Мухиным в 1811 г.[11], но на плане есть и сооружения уже стоящие на разобранных куртинах, например, Святониколаевский храм, построенный греческой общиной в 1805 году. Историк Николай Мурзакевич в 1837 году писал о городских укреплениях: «…ныне уже не находится городских стен, пролегавших от одного берега до другого верст на пять: после разрушения их российскими войсками (в 1736 году, 15 июня) под началом графа Миниха уцелела от них лишь незначительная часть с проезжими воротами на большом базаре, прочее же направление их обозначает обвалившийся и постепенно заваливаемый ров…» [Мурзакевич, 1837, с. 626]. Отметим, что Миних просто не имел времени на разрушение всех крепостных сооружений. Если что и было им разрушено, так это, похожий на крепость, гостиный двор в юго-восточной части города. Да и длина стен в пять вёрст (5,334 км) — явное преувеличение. Периметр оборонительной стены по плану конца XVIII в. — 2,898 км[12].

Судя по рисунку 1836 года, составленном штатным смотрителем Евпаторийского уездного училища И. Якубинским[13] (рис. 5) сохранившаяся на то время крепостная стена имела длину около 67 метров и проходила вдоль современной ул. Интернациональной, на северо-запад. Из верхнего яруса ворот, через крытый переход, можно было попасть на крепостную стену. Башня над воротами и вообще какое-либо их завершение уже отсутствовали. Если верить масштабу на рисунке, высота ворот составляла тогда около 5 сажен (10,6 м), а высота стены 4,3 сажени (9,17 м), что совершенно не совпадает с высотой на разрезах стен вышеупомянутых планов города конца XVIII в. Вероятно масштаб на рисунке относится только к горизонтальным расстояниям.

В 1837–1841 гг., в связи с аварийным состоянием ворот, были произведены большие ремонтные работы[14].

В январе 1837 года в Евпаторию был направлен помощник Таврического губернского архитектора Химотченко. 8 января он отправляет Таврическому губернатору А. И. Казначееву рапорт о состоянии ворот, в котором отмечает, что «…в передней (восточной — *С.П.*) части ворот, в своде оных по всей арке сделалась столь значительная трещина, …что передняя часть ворот отклонилась от своей оси и впоследствии угрожала падением… Были отвалены углы и вывалы камней на наружной и внутренней частях сооружения. На наружной (восточной — *С.П.*) части ворот имелись деревянные ворота, створы которых были обиты полосным железом с наружной стороны...»[15]. Ближайшая аналогия — облицовка ворот Чуфут-Кале под Бахчисараем. Деревянные створки ворот в декабре 1837 г. по решению думы г. Евпатории были проданы с публичных торгов за 20 рублей

Ремонтом ворот было поручено заниматься инженер-поручику М. Коршунову. Судя по «Рабочему журналу по исправлению крепостных ворот»[16], внешняя, восточная часть сводов и восточная стена были полностью переложены. Коршунов 17 июля 1837 г. составил смету «исправления древних ворот», по которой высота восточной стены ворот равнялась 4 сажени (8,54 м), ширина — 4 сажени и 1 ¼ аршина (9,43 м), ширина камней переложенной стены — ¾ аршина (0,53 м), а диаметр восточной арки «переднего высшего свода» — 2 сажени (4,27 м), что на 0,65 м шире диаметра арки на последнем перед разрушением ворот чертеже 1955 года (рис. 6). На фотографиях ворот конца XIX – XX вв. (рис. 7–10) над арками проезда и с западной, а более того с восточной стороны видна еще одна арка, заложенная в массив щековой стены. Возможно, после ремонта 1837 года был еще один ремонт (например, после Крымской войны 1853–56 гг.), во время которого под аварийную арку и весь проём был подведен снизу новый свод. На фотографиях

[11] План города Евпатории 1811 г. Составлен губернским землемером Мухиным // ЦГА ВМФ России. Ф. 3. Оп. 24. Д. 944. Л. 46.

[12] План города Козлова с показанием вокруг оного каменной стены в плане и фасаде // РГПБ (СПб.) Отдел рукописей. Ф. 342. № 161.

[13] План Евпатории и древних в ней сооружений. Составлен штатным смотрителем уездного училища И. Якубинским. 1836 г. «Крепостные ворота, называемые по татарски Одун базар капусы, с частью крепостной стены» // Отдел рукописей ЦИБ АН Украины. Д. 5-714.

[14] «Дело об исправлении древних крепостных ворот в Евпатории» // ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 421. Л. 3–49.

[15] Там же, л. 3.

[16] Там же, лл. 48–49.

восточного фаса ворот видно, что участок стены между верхней и нижней арками грубо заполнен необработанными камнями.

Для освидетельствования работ в Евпаторию в 1839 году был командирован архитектор 2 части Южного берега Крыма Дево. Он нашел существенные недоделки и ведомственная переписка, а вместе с ней и сам ремонт ворот, затянулись до 1841 г.

К началу XX в. относится наиболее интенсивный период разрушения памятника. С северной и южной сторон к воротам, взамен дощатых овощных лавок, пристраиваются двухэтажные дома (рис. 8; 9). В 20-е годы была проведена выравнивающая разборка верхних рядов кладки, понизившая её на полметра. На фотографиях восточного фаса обращает внимание грубо процарапанный крест на арке. Источник начала XX в. отмечает над воротами более позднюю мраморную доску с грубо процарапанным крестом[17]. Все эти «граффити» относятся уже к XIX веку.

В XIX веке с юга к воротам было пристроено здание кофейни (рис. 7), затем в XX веке её фундамент был перекрыт двухэтажным домом (рис. 11, постройка справа от ворот, верхний этаж — жилой, нижний — угольный склад). Односкатная кровля дома и стена второго этажа были положены на южную стену ворот. Предварительно кладка южной стены была разобрана до высоты 4 м от уровня мостовой. В помещениях северной половины ворот была размещена мастерская сапожника. С юго-запада деревянные лавки перестраиваются в одноэтажные жилые дома. С юго-востока часть фасада ворот закрывало одноэтажное здание жестяной мастерской (в 1950-х гг. — парикмахерской).

В 1935 г. аварийный дом (гостиница?) примыкающий с севера к воротам национализируется и расширяется к западу в связи со строительством хлебозавода. При этом восточная и западная щековые стены были оставлены на высоту 7,15 м, но сам массив ворот выборкой для окон второго этажа хлебозавода понижен почти до 5 м.

Через два года после строительства хлебозавода, в 1937 г. городской инженер Т. Н. Братчиков, инженер Евпаторийской конторы Крымгоспроекта С. М. Михайлов, архитектор Голландский и директор Евпаторийского музея Я. Г. Благодарный составили заключение о состоянии сохранности евпаторийских архитектурных памятников. По воротам отмечалось многочисленные дефекты в своде, трещины и вывалы стен, падение арок, вымывание раствора[18]. Было отмечено, что «…В настоящее время охрану этого фрагмента древности приходится свести к поддержанию от падения наружных щековых арок, внутренних подпружных и цилиндрического свода между ними...»[19]. Кладка и плоская кровля ворот были частично закреплены цементом. Аналогичный акт технического осмотра с выводами об аварийном состояние памятника был составлен в 1951 году старшим инженером инспекции Госархстройконтроля В. Ш. Цибулевской и директором Евпаторийского музея Б. А. Ермаком, который неоднократно обращался в различные инстанции с предложением немедленно провести капитальный ремонт крепостных ворот. Еще ранее, в 1947 г., в рамках подготовки генплана Евпатории Управлением по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР, памятник был обследован и взят на учет[20]. По заказу директора Евпаторийского краеведческого музея в 1950 году был выполнен макет ворот (рис. 12). В 1955 г. произведено архитектурное обследование ворот архитектором Е. М. Пламеницкой (рис. 6). На фотографии 1957 года (рис. 13), видно, что верх восточной стены выровнен и снижен по отношению к кровле примыкающего с юга здания, примерно до высоты 4,8 м. Над сводом арки осталось всего пять рядов камня, что уже грозило его обрушением.

---

[17] Циркулярные письмо Таврического губернского статистического комитета о предоставлении сведений о древних крепостных, подземных сооружениях, о преданиях и рассказах, существующих о пещерах, разбойничьих кладах, подземных ходах, о провалах почвы и др. 1914 г. // ГАРК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 60. Л. 47.

[18] Заключение о состоянии сохранности Евпаторийских архитектурных памятников и мерах их технического поддержания в целостности. 1936 год // Архив ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Фонд архитектора Голландского. Ч. 2. С. 15–16.

[19] Там же, С. 15.

[20] Список памятников архитектуры в городе Евпатории. 1947 г. Под № 4 — Памятник архитектуры XV в. — «Ворота крепости Гезлёв». Охранный № 5372 // ГАРК. Ф. Р-4440. Оп. 1. Д. 2. с. 3. Генплан Евпатории в масштабе 1:5000 с нанесенными памятниками был утвержден Постановлением СМ РСФСР № 1310 от 28 декабря 1948 г. Ворота под № 29.

В 1959 году, по решению Евпаторийского горисполкома, ворота были снесены при помощи техники, под предлогом того, что они мешают движению автотранспорта по улице Матвеева (ныне Караимская). К сожалению, при этом был снесен и культурный слой на примыкающей к памятнику территории, что не позволяет установить дату его сооружения. Фотографии сноса ворот (рис. 14, 15) позволяют уточнить их конструкцию: на южной стене, так же как и на северной, находились две арки с пушечными амбразурами. На рисунке 15 справа у юго-восточного угла внутреннего пространства ворот виден невысокий дверной проем, перекрытый стрельчатой аркой. Возможно, именно этот выход Минас Бжишкян описал как калитку — «тешик» [Бжишкян, 1996, с. 283]. Хотя проём мог быть устроен и в конце XVIII – первой трети XIX века, как выход из юго-восточного угла внутреннего помещения ворот в пристроенную снаружи к восточной стене кофейню.

Торцевая, северная стена ворот, сохранившаяся в виде выступа толщиной 80 см из стены здания хлебозавода, была выровнена по фасу камнем ракушечником (0,50 х 0,20 м) с заполнением арок строительным мусором и оштукатурена.

Пробный шурф 1979 года в южной половине ворот (сотрудник Евпаторийского музея А. С. Бирюков, В. В. Марченко, С. В. Приднев) и наблюдения за траншеями, прорезающими фундамент ворот, не дали материала, датирующего постройку ворот. Одной из задач 1979 года был поиск подземного хода, якобы ведущего в крепостной ров из юго-восточного угла ворот. Но сам угол ворот был перекрыт 8 кв. кабелем, и работы были прекращены.

В последующие годы фундамент ворот был нарушен двумя траншеями силовых электрокабелей, телефона, канализационного коллектора (1990 г.) и, наконец, весной 2000 г. траншеей газопровода (рис. 16а; 16б), прорезавшей под острым углом северо-восточный край фундамента. При этом, несмотря на многочисленные напоминания строителям, представители института археологии в момент разрытия вызваны не были, а сам проект составлен с максимальным ущербом для памятника.[21]

В 1990 году Украинский специальный научно-реставрационный проектный институт «Укрпроектреставрация» начал подготовку реставрационной документации по крепостным воротам Кёзлева. Главным архитектором проекта был Ю. Г. Лосицкий. К сожалению, из-за отсутствия средств, эта работа не была завершена.

В 1994 году распоряжением № 4-Р от 27.06.94 г. председателя Госкомитета Республики Крым по охране и использованию памятников истории и культуры А. Г. Литвиненко был утверждён «Перечень вновь выявленных объектов — зданий и сооружений, представляющих историко-культурную ценность и подлежащих государственному учету и охране в г. Евпатории». Под номером 72 в нём отмечены «Руины и фундаменты крепостных ворот «Одун базар Капусу» г. Гезлева».

Летом 2003 года были начаты работы по исследованию фундамента «Одун базар капусу» в связи с намечавшейся застройкой ворот. Археологические исследования проводились Крымским филиалом института археологии НАН Украины (представитель С. В. Приднев)

Целью археологического исследования были архитектурные обмеры памятника и археологическое изучение остатков конструкции и техники сооружения ворот, их культурных отложений, а также выявление юго-восточного участка крепостной стены.

Финансирование исследований проводилось заказчиком — ООО «Берекет». Директор ООО «Берекет». Мамбетов Делявер Меджитович оказывал всестороннюю помощь в процессе археологических исследований. Земляные работы выполнены рабочими ООО «Берекет».

В результате исследований 2003 года был составлен план сохранившейся части фундамента ворот в масштабе 1:50 (рис. 17) и фасировки стен, в том числе северной стены в масштабе 1:20. Выполнены стратиграфические срезы культурных отложений в масштабе 1:20.

Общая площадь раскопа составила 195,5 м^2 при глубине до 1,4 м. Условно конструкция фундамента ворот была разделена на три участка: северная половина, проезд и южная половина.

Судя по остаткам фундамента, первоначально конструкция ворот состояла из четырёхугольника стен (рис. 17, кладки №№ 1, 3, 8, 11), разделённых по высоте деревянными межэтажными перекрытиями. В западной и восточной стенах (рис. 17, кладки №№ 1, 3) сооружены проёмы для проезда. В северной и южной стенах (рис. 17, кладки №№ 8, 11) под арками были устроены по две пушечных бойницы для напольного боя (рис. 18–19).

[21] Проект газопровода выполнен Евпаторийской проектной группой «ЧП Марголин», после вмешательства Управления архитектуры г. Евпатории была согласована лишь надземная часть газопровода.

Как отмечалось выше, в восьмидесятых годах XVIII в. ворота перестраиваются, проезд перекрывается полуциркульным сводом, стены проезда были расчленены тремя помещениями с каждой стороны, также перекрытыми сводами. Взамен деревянного межэтажного перекрытия, пространство над сводами проезда и «ниш» заполняется бутовым камнем с суглинком[22]. К этому периоду относятся кладки №№ 2, 4–7 образующие помещения №№ 1–3, которые использовались для «городских»[23] лавок.

Помещение 3а — туалет сапожной мастерской XX в. Оно было заполнено гуммированным грунтом с обрезками кожи, заготовками подошв и т. п. материалом.

От южной половины ворот сохранился лишь фундамент южной стены (рис. 17, кладка 8), примыкавшие к ней помещения и продолжение кладок №№ 1, 3 к югу были уничтожены канализационным коллектором в 1990 году. Отметим, что бетонный коллектор диаметром около метра, нанесший столько вреда средневековому фундаменту не проработал ни одного дня. Из-за ошибки проектантов он вообще не обеспечивал стока канализационных вод в каком-либо направлении. При демонтаже коллектора представилась возможность зачистить до предскальника юго-восточный, внутренний угол ворот, где по рассказам старожилов, был устроен подземный ход (потерна для выхода в ров?). Кроме того, в 8 метрах к юго-востоку от ворот при прокладке коллектора 1990 года была задета конусообразная в сечении галерея. Но поиски потерны не увенчались успехом, можно уверенно сказать, что каких-либо подземных сооружений, кроме туалета сапожника (помещение 3а) на территории ограниченной фундаментом не существует. Вышеупомянутая галерея слишком узка (0,5 м) для выхода человека и служила скорее для сброса нечистот в ров.

Примерно в центр южного фаса кладки 8 врезан фундамент кофейни (рис. 17, кладка 12). К западу к кладке 8 пристроена кладка 10 — насухо положенный фундамент дома XX века.

К юго-западному углу фундамента ворот (рис. 17, кладка 8), примыкал небольшой участок фундамента крепостной стены (рис. 17, кладка 9) шириной около сажени (2,1 м). Фундамент идет под углом 205^0 к юго-западу, что совпадает с конфигурацией стены на плане «города Козлова с показанием вокруг оного каменной стены в плане и фасаде»[24], для проверки фрагмент плана XVIII века совмещен с космической съёмкой района ворот августа 2007 г. (с сайта http://maps.google.com (рис. 32). Дальнейшее протяжение крепостной стены и рва на юг скорее всего не сохранилось. Судя по плану города 1940-х гг. (рис. 30), территория к югу от ворот была сплошь застроена домами.

Еще до начала раскопок фундамента и расчистки северной стены ворот был составлен проект их «реконструкции». К сожалению, автор проекта В. С. Марголин («Крымагропроект») не посчитал необходимым согласовать свой труд со специалистами Рескома или института археологии, и поэтому в ходе работ в первоначальный проект с железобетонными стенами, покрытыми плиткой из судакского камня, вносились коррективы по строительным материалам и размерам сооружения над сохранившимися фундаментами ворот. Показательно, что именно Марголину принадлежит проект газификации хлебокомбината в 2000 году, когда траншеей газопровода был уничтожен северо-восточный угол фундамента ворот. Из-за насыщенности восточного фундамента ворот коммуникациями, было принято решение сместить современный фундамент к западу. Кроме того, проект Марголина предусматривал возведение современных стен на месте старого фундамента, что окончательно уничтожало его. Во избежание этого, современный фундамент был сдвинут к югу. Южный фас ворот наоборот был сдвинут на метр к северу от первоначального фундамента (рис. 31).

Диаметры арок, их стрела подъёма, ширина проезда и прочие детали конструкции ворот были взяты с чертежа Пламеницкой, архивных фотоматериалов из фондов Евпаторийского музея, архива министерства архитектуры АРК и коллекции Б. С. Батозского.

В настоящее время, после сооружения кафейни-музея «Одун базар капусу», площадь музеефицированной северной стены ворот составляет около 500 м^2, а площадь открытых строительных остатков северной половины ворот — более 33 м^2.

---

[22] В связи с этим уместно упомянуть воспоминание очевидца разрушения ворот в 1959 году А. С. Бирюкова: «Их техникой толкнули, они и посыпались, как будто сложенные на грязи».

[23] «Дело об исправлении древних крепостных ворот в Евпатории» // ГААРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 421. Л. 3.

[24] План города Козлова с показанием вокруг оного каменной стены в плане и фасаде // РГПБ (СПб.) Отдел рукописей. Ф. 342. № 161.

Abstract

S. V. Pridnev

RESEARCH OF THE REMAINS OF THE BASE OF FORTRESS GATE "ODUN BAZAR KAPUSU" OF GEZLEV (EVPATORIA) IN 2003

The article is sanctified to research of bits and pieces of foundation of fortress gate of "Odun bazar kapusu» in city Evpatoria in 2003. The Fortress gate «Odun bazar kapusu» (gate of the Wood market), took place in east part of city Gezlev (Evpatoria), on crossing of modern streets Karaimskaya and Karaeva. It is possible to consider the second half of the XVI century the hypothetical date of their building. The gate was destroyed in 1959. In the process of research it was succeeded to educe foundations of gate and expose the saved area of lateral (by a north) wall. On the basis of researches the project of reconstruction of gate and reconstruction of their north wall was thoroughly adjusted.

Key words: Evpatoria, Gezlev, fortification, fortress gate.

Цветной рис. 1 расположен на стр. 638.

(Рис. 1. Фрагмент плана города XVIII в. «с показанием вокруг оного каменной стены в плане и фасаде».)

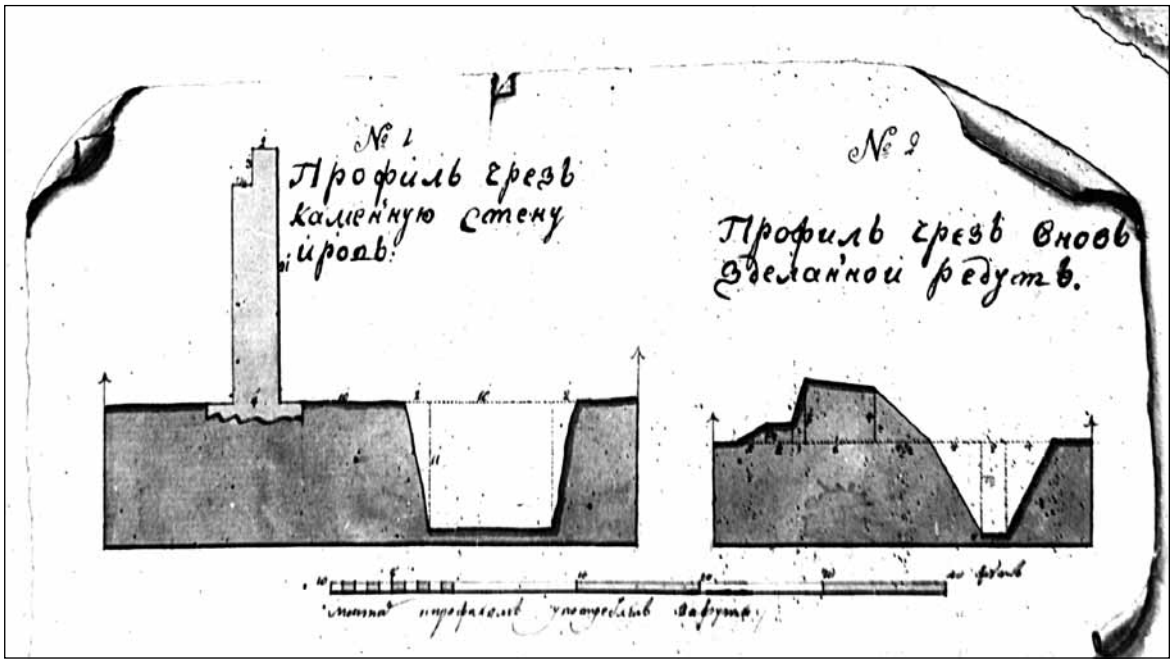


Рис. 2. Фрагмент плана 1771 г.

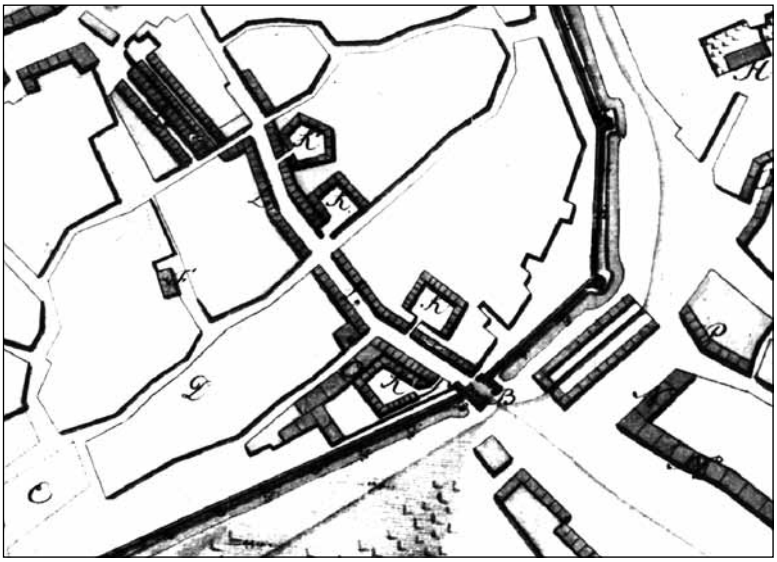


Рис. 3. Фрагмент плана 1784 г.
B — ворота Одун базар.
К — постоялые дворы.
F — мечети.
Н — армянская церковь

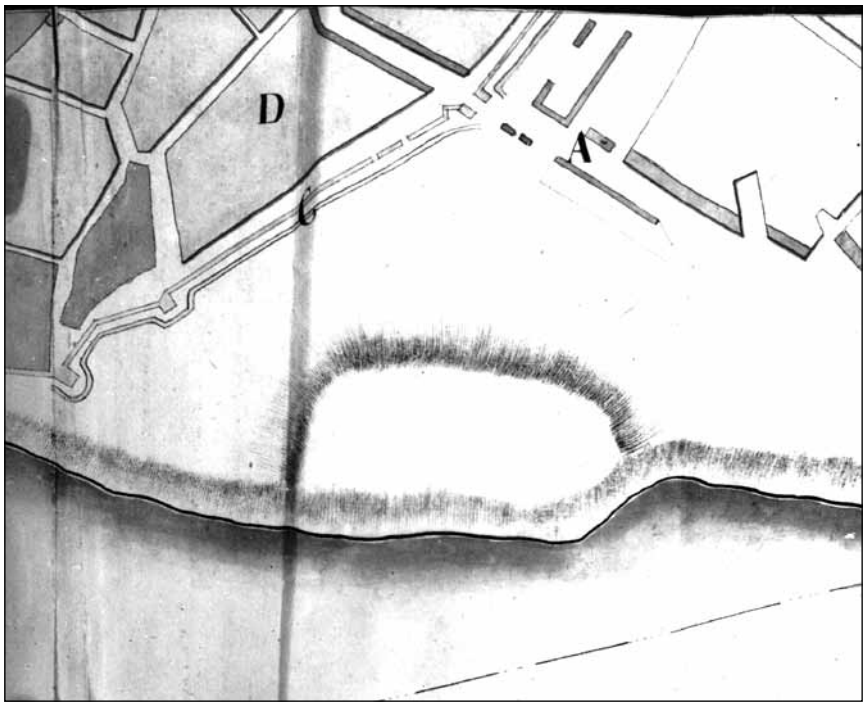


Рис. 4. Фрагмент плана 1796 г.

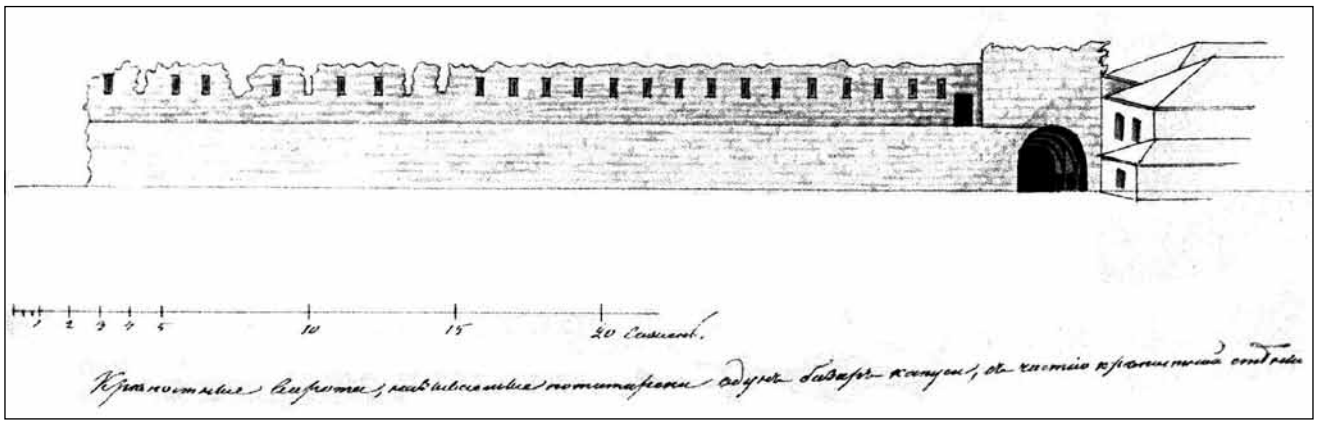


Рис. 5. Крепостные ворота Одун базар, с частью крепостной стены. Западный фас.
Рисунок И. Якубинского. 1836 г.

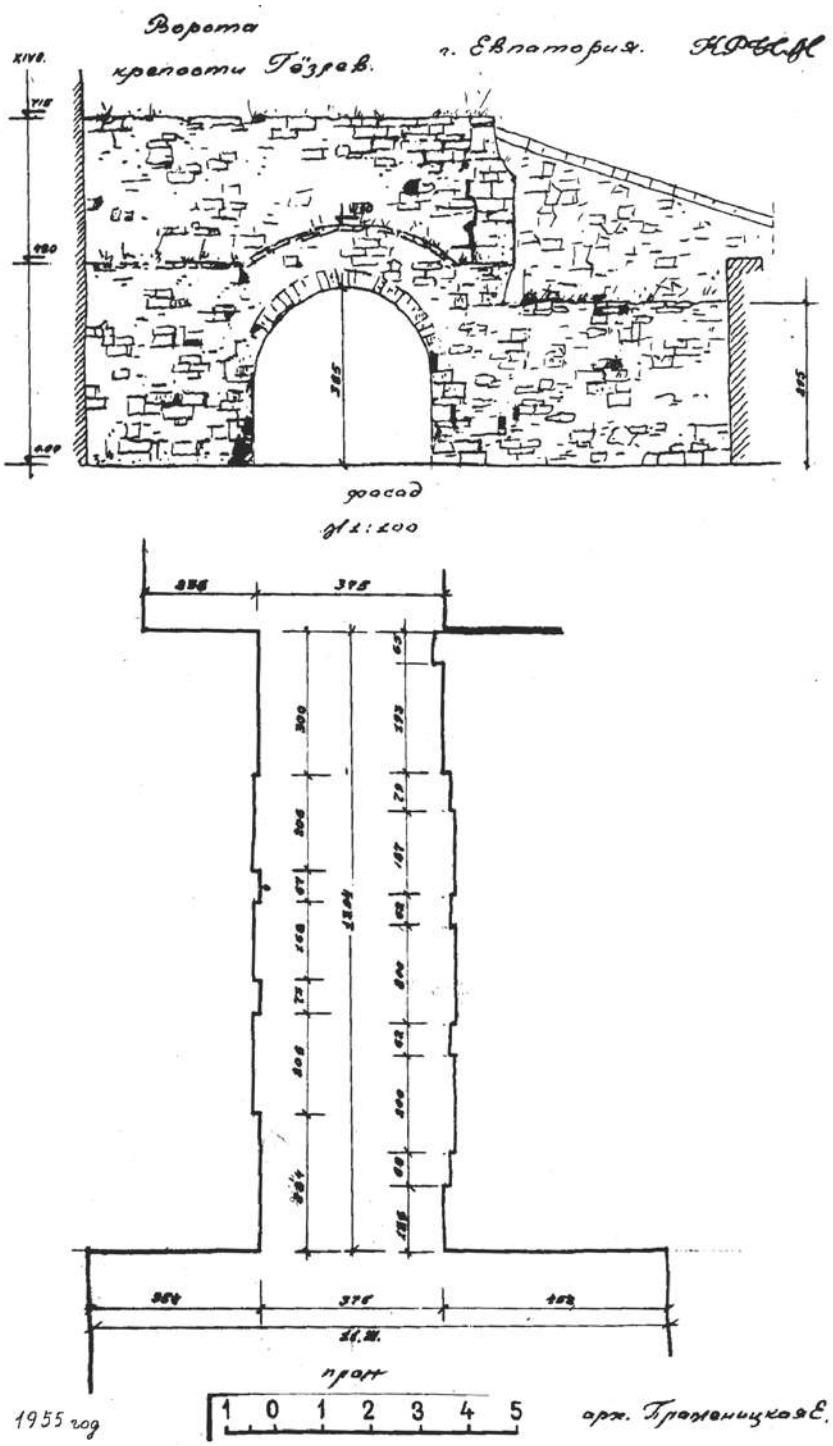


Рис. 6. План и западный фас ворот. Архитектор Е. М. Пламеницкая. 1955 г.
Отдел научного фонда и научно-технической информации научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства (Киев)

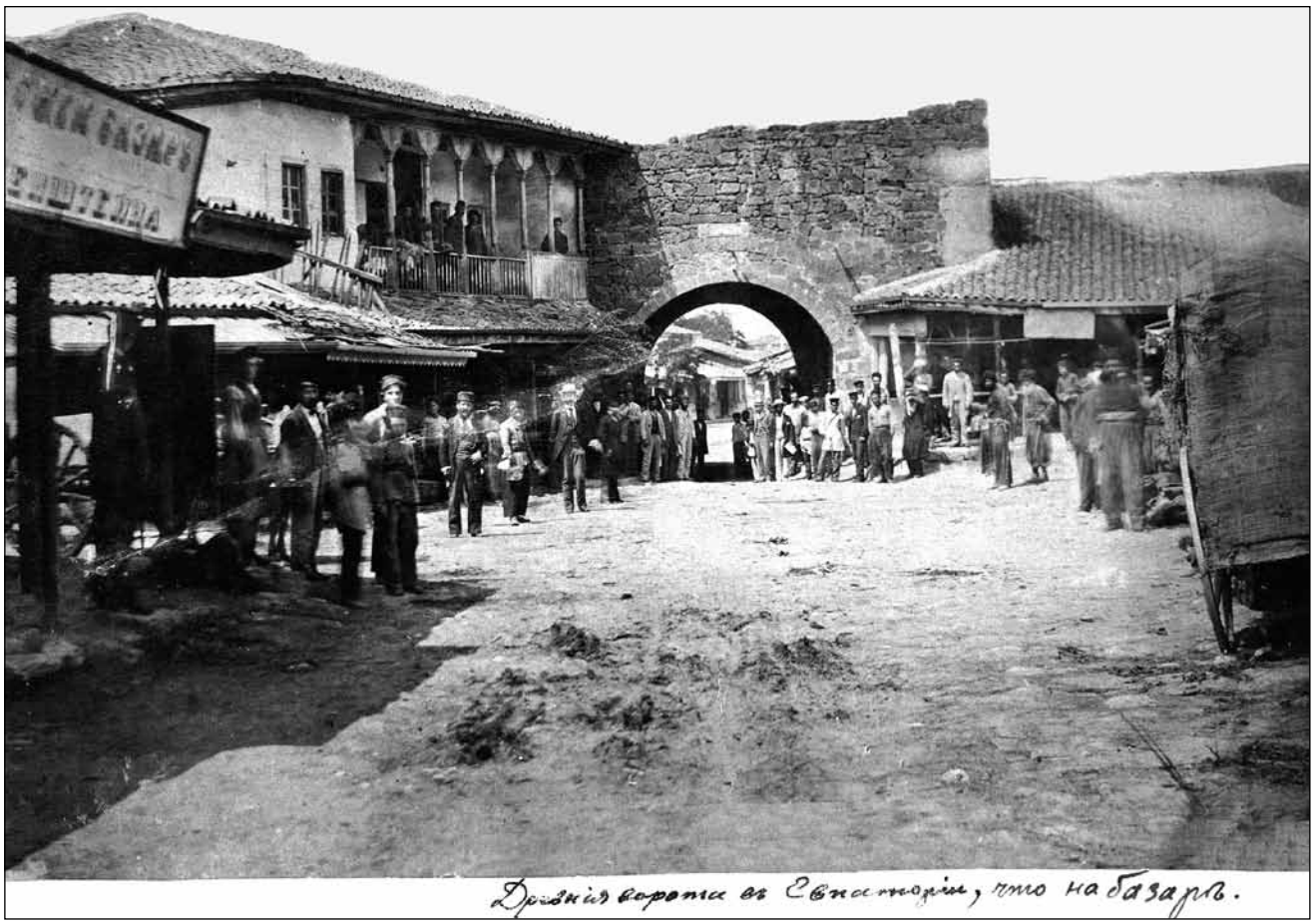


Рис. 7. Вид с востока на базар и ворота. 1890 г.? Слева — здание кофейни.
Евпаторийский краеведческий музей, инв. ЕКМ-9079, Ф-128

Рис. 8. Вид с востока на ворота. 1912 г.

Рис. 9. Вид с запада на ворота 1916 г. Фонды ЕКМ-11134/6, Д-1530

Рис. 10. Вид с востока на ворота. 1920-е гг.
Архив К. С. Батозского

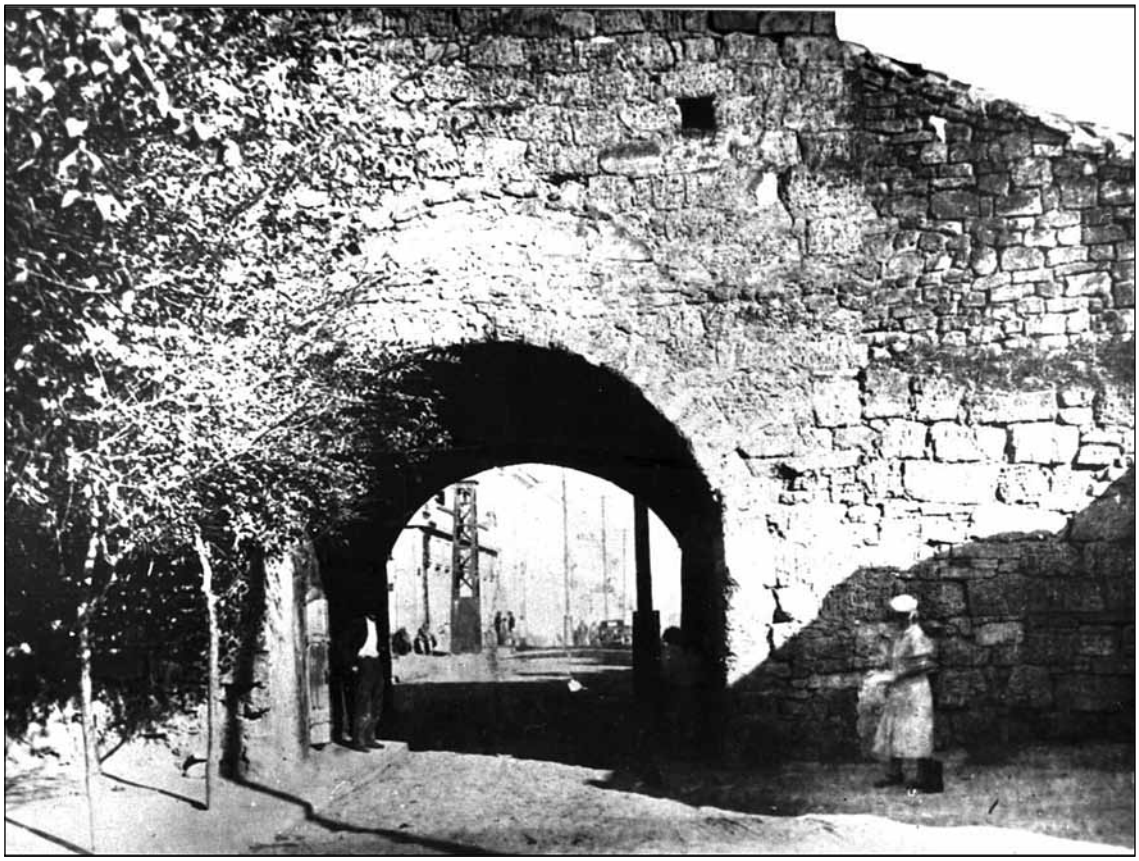


Рис. 11. Вид с запада на ворота. 1930-е гг. Слева в арке приоткрытая дверь «кустарной» мастерской. Архив К. С. Батозского

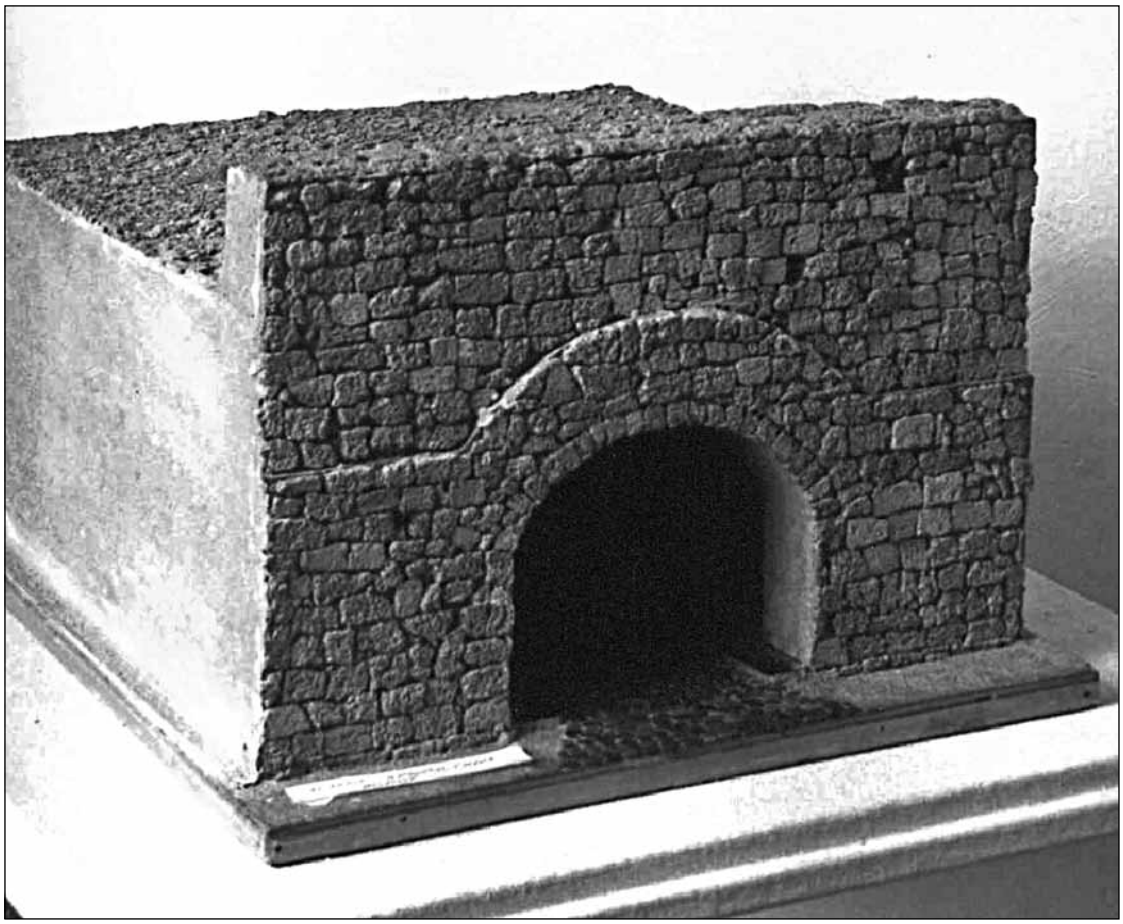


Рис. 12. Макет ворот. Экспозиция ЕКМ

Рис. 13. Вид с востока на ворота. 1947 г. Слева мастерская жестянщика

Рис. 15. Снос ворот в 1959 году. Вид с запада

Рис. 14. Снос ворот в 1959 году. Вид с востока

Рис. 16. Северо-восточный угол фундамента ворот, траншея газопровода.
Вид с юго-востока (А) и юга (Б). 2000 г.

Рис. 17.
План фундамента ворот. 2003 г. М 1:50

Рис.18. Начало работ по расчистке северной стены ворот от штукатурки и камня ракушечника. (Кладка 11. Южный фас). Слева — арка № 1, справа — арка № 2

Рис.19. Общий вид раскопа сверху, с востока

Рис. 20. Арка 1 (западная), вид с юга

Рис. 21. Арка 2 (восточная), вид с юга

Рис. 22. Помещение 1. Вид с запада

Рис. 23. Помещение 2. Вид с востока

Рис. 24. Помещения 3 и 3а. Вид с запада.
На переднем плане, справа — пяточный камень для створки ворот, вторично использованный в кладке 6

Рис. 25. Работы по расчистке арки 2 северной стены ворот. Вид с юга

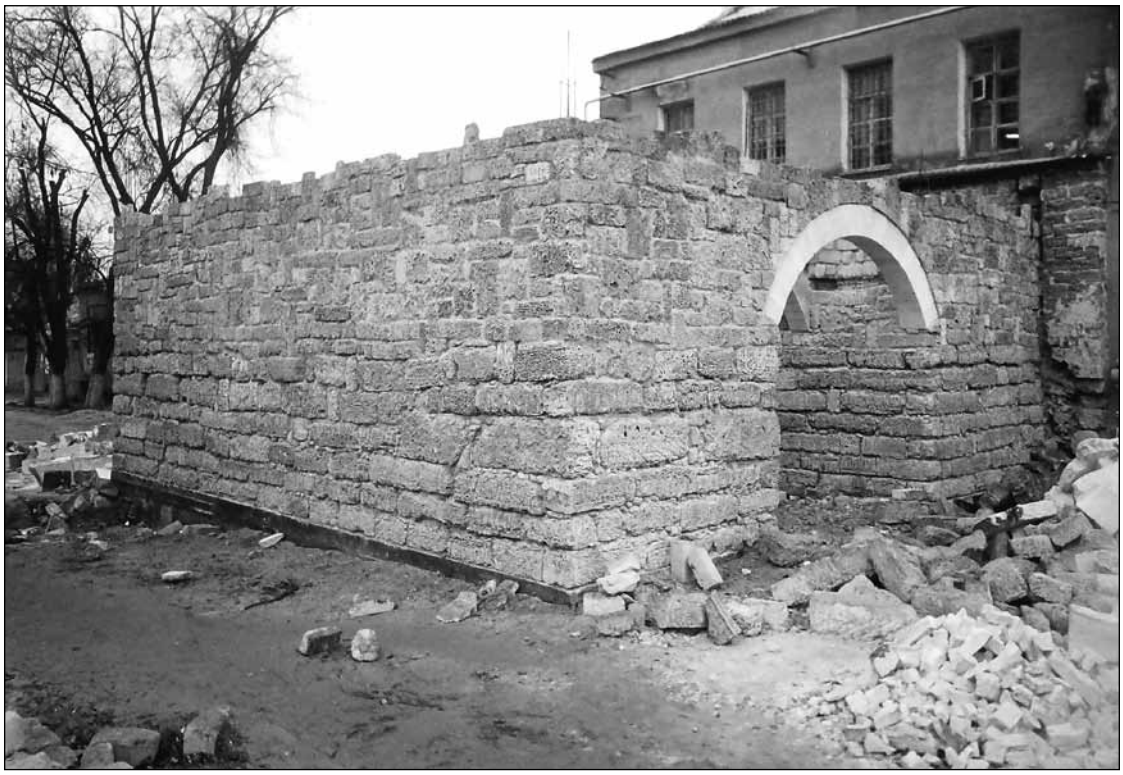


Рис. 26. Строительство кафе-музея. Вид с востока. 2004 год.

Рис. 27. Строительство кафе-музея. Вид с запада. 2004 год

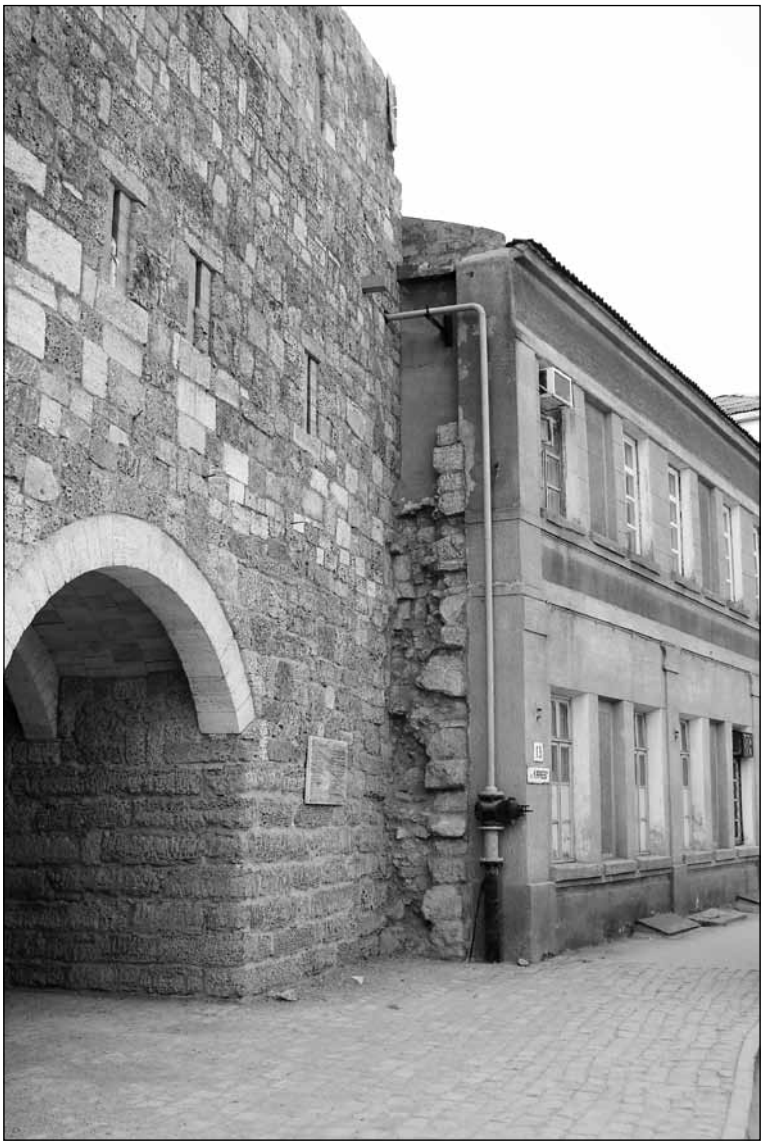


Рис. 28. Сохранившейся участок стены на юго-восточном углу хлебозавода. 2006 год.

Цветные рис. 29–32 расположены на стр. 638–641.

(Рис. 29. Вид с запада на кофейню-музей. 2007 год

Рис. 30. Фрагмент плана Евпатории 40-х гг. XX в.

Рис. 31. Совмещение плана первого этажа кофейни-музея с планом фундаментов строительных остатков ворот.

Рис. 32. Совмещение плана XVIII века с космической съёмкой августа 2007 г. с сайта http://maps.google.com)

Н. И. Храпунов

НЕКОТОРЫЕ НОВЫЕ ДАННЫЕ О НАЧАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ГОРОДИЩА КЕРМЕНЧИК — ПРЕДПОЛАГАЕМОГО СКИФСКОГО НЕАПОЛЯ[1]

Статья вводит в научный оборот новые данные об обнаружении в 1827 г. укрепления на окраине Симферополя, которое оказалось столицей позднескифского государства. Известия об этом открытии сохранились в записках иностранных путешественников Дж. Уэбстера, Дж.-Э. Александера и Ф. Дюбуа де Монпере. Травелоги дают возможность показать особенности восприятия и интерпретации археологических памятников образованной публикой первой половины XIX в. Рассматривается необычная судьба первооткрывателя памятника — А. И. Крым-Гирея, перешедшего в христианство потомка крымских ханов.

Ключевые слова: История и археология Крыма, археологические памятники Крыма, записки путешественников XIX вв.

История открытия городища Керменчик на окраине Симферополя, где некогда располагалась столица позднескифского государства, возможно, носившая название Неаполь, хорошо известна [Открытие…, 1827; Бларамберг, 1889, с. 57–61; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 286; Кеппен, 1837, с. 36–37, 327–330; Сементовский, 1847, с. 14–17; Ящуржинский, 1889, с. 47–48; Маркевич, 1929, с. 5–9; Эрнст, 1927, с. 23–24; Высотская, 1979, с. 14; Зайцев, 2003, с. 5; Тункина, 2002, с. 537–544]. Это событие освещалось в прессе [Тункина, 2002, 538, 540–541]. Исследователи же черпали информацию о нем из следующих источников: репортажа об обнаружении памятника [Открытие…, 1827]; отчета И. П. Бларамберга о работах на городище в 1827 г. [Бларамберг, 1889, с. 57–61]; сообщения Ф. Дюбуа де Монпере о его изысканиях 1834 г. [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 286–288]. Впоследствии Хр. П. Ящуржинский прибавил к этим данным фрагменты рукописного дневника Хр. Хр. Стевена, выезжавшего на место и видевшего первые находки [Ящуржинский, 1889, с. 47–48], а И. В. Тункина архивные материалы — письма участников событий, материалы из архива П. И. Кёппена и из канцелярии новороссийского губернатора [Тункина, 2002, с. 537–544].

В результате складывается следующая картина. Честь открытия памятника принадлежит симферопольскому жителю А. И. Султан-Крым-Гирею. Местные жители использовали развалины древнего города как источник строительных материалов. В конце апреля 1827 г. А. И. Крым-Гирей обнаружил у одного из них и выкупил камни с греческими надписями и рельефами. Он осмотрел место находки и приобрел кого-то из местных жителей более сотни античных (главным образом, римских) монет, полностью или частично происходивших из сокрытого на городище клада. А. И. Крым-Гирей рассказал о своем открытии в Симферополе, в том числе известному исследователю Хр. Хр. Стевену и любителю древно-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-01-00104 «Крымские древности в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в.: историко-археологическое исследование».

стей П. И. Лангу[2], а также уведомил директора Одесского музея древностей И. П. Бларамберга. Впоследствии он передал монеты, надписи и рельефы в Одесский музей. Заинтересовавшись открытием, И. П. Бларамберг сразу же отправился в Симферополь и уже в конце мая провел первые раскопки на памятнике, отыскав новые каменные рельефы и другие вещи. Он же предположил, что найденная крепость была Неаполем — одним из трех скифских укреплений, упомянутых древнегреческим географом Страбоном, поскольку в найденной здесь надписи фигурирует скифский царь Скилур.

Заметим, что И. П. Бларамберг вообще не упомянул в своем отчете первооткрывателя памятника — А. И. Крым-Гирея [Бларамберг, 1889, с. 56–61]. Видимо, поэтому об А. И. Крым-Гирее молчат ориентировавшиеся на сочинение И. П. Бларамберга исследователи и краеведы XIX в. [Мурзакевич, 1837, с. 630; Уваров, 1854, с. 525–526; Сосногорова и др., 2010, с. 95–96]. Однако современники открытия, в том числе авторы корреспонденций в прессе [Открытие…, 1827, с. 24; Штир, 1827b, с. 4], заверяли, что именно А. И. Крым-Гирей привлек внимание общественности к древнему памятнику и, выкупив у анонимного находчика древние надписи и монеты, тем самым спас их от уничтожения. И. П. Бларамберг не просто был знаком с А. И. Крым-Гиреем, но и получил от него предназначавшиеся для Одесского музея находки, которые хранил дома вплоть до своей смерти в 1831 г. [Тункина, 2002, с. 542–543]. Остается лишь гадать, не было ли тут ревности ученого мужа к дилетанту, случайно совершившему блестящее открытие.

Александр Иванович Султан-Крым-Гирей Кати-Гирей (1789–1847) был человеком удивительной судьбы [см.: Kırımlı, 2004]. Выходец из северокавказской ветви Гиреев, рано оставшийся сиротой, в 1807 г. он был крещён обосновавшимися на Кавказе миссионерами-протестантами, представителями шотландской пресвитерианской церкви. Само имя молодого человека отражало двойственность его положения. Частью своей фамилии он сделал титул султана, в Крымском ханстве традиционно принадлежавший родственникам хана [Tott, 1786, p. 64; Гайворонский, 2010, с. 160, прим. 18]. Интересно, что по-английски он записывал свое имя как «Sultan Alex[ander] Katte-Ghery Krim-Ghery & of Caucasus» [Колесникова, Колесникова, 2003, с. 18; cf.: Jones, 1827, p. 196], тем самым указывая на свою связь не только с Крымом, но и с Кавказом. Кроме того, поговаривали даже, что именно А. И. Крым-Гирею будут принадлежать права на османский престол, если султан Махмуд II умрет бездетным [Webster, 1830, p. 51]. Основанием к этому служила давняя легенда, популярная среди крымских татар, о договоре, заключенном некогда крымскими Гиреями и османскими правителями, согласно которым Гиреи получат власть над Оттоманской империей в случае пресечения правившей династии [Гайворонский, 2010, с. 387, прим. 102]. Но в крещении Крым-Гирей получил имя Александра Ивановича — очевидно, не без намека на императора Александра I, ставшего покровителем молодого человека. Русский царь выплачивал своему протеже щедрую пенсию в шесть тысяч рублей в год и регулярно с ним встречался. И дело тут не в личной симпатии.

История А. И. Крым-Гирея проходила на фоне развернувшейся во второй половине правления Александра I на юге России (в Крыму и на Северном Кавказе) деятельности различных миссионерских организаций. Основанные британскими подданными, они проповедовали христианство среди мусульман и иудаистов и распространяли экземпляры Священного писания, переведенного на языки «инородцев» [Храпунов, 2010, с. 242–246; Kırımlı, 2004]. Эта работа пользовалась поддержкой российского императора, вероятно, потому, что Александр I мог считать христианское миссионерство одним из способов, позволяющих интегрировать его мусульманских и иудаистских подданных в структуру Российской империи.

В 1809–1816 гг. А. И. Крым-Гирей служил в российской армии на Северном Кавказе и в Закавказье. Выйдя в отставку «по состоянию здоровья», он, при поддержке своих наставников-миссионеров, разработал проект просвещения крымских татар и обращения их в христианство. Крым должен был стать плацдармом, откуда планировалось постепенно распространять «свет христианства» на всех российских мусульман. Насколько можно понять,

[2] Вероятно, именно поэтому автор корреспонденции в журнале «Сын отечества» писал, что «*Г. Ланг бросил первый философический взгляд на сей погребенный временем город*» [Штир, 1827a, с. 257; Тункина, 2002, с. 161, 541].

этот проект предусматривал создание нескольких миссий и школы для молодежи, а а также перевод, издание и распространение религиозных книг (прежде всего, Ветхого и Нового завета). В 1816–1821 гг. А. И. Крым-Гирей дважды побывал в Великобритании, объездив Шотландию, Англию и Ирландию в поисках моральной, а главное — финансовой поддержки своего проекта. Он не только посещал занятия в Эдинбургском университете, но и женился на молодой дворянке Энн Нилсон,[3] причем против воли ее семьи (по слухам, отец невесты, узнав о ее намерении выйти замуж за иностранца и покинуть родину, лишил барышню наследства). Вернувшись в Россию, А. И. Крым-Гирей и его супруга поселились в Симферополе. Хотя одним из спонсоров его амбициозного проекта христианизации своих соплеменников был министр народного просвещения князь А. Н. Голицын, а другим — сам царь, результаты деятельности и британских проповедников, и самого А. И. Крым-Гирея, прямо скажем, не поражали воображение. Крестить удалось буквально нескольких человек.

После вступления на российский престол Николая I деятельность протестантских миссионеров в России была окончательно прекращена. В дальнейшем А. И. Крым-Гирей вел партикулярную жизнь обычного российского помещика, владевшего различным имуществом в Симферополе и поместьями на южном берегу (в Гурзуфе и Демерджи). Любопытно, что, несмотря на свои религиозные проекты, он продолжал пользоваться уважением не только христианской, но и мусульманской части крымского общества [Kırımlı, 2004].

Интерес, который вызвали у А. И. Крым-Гирея древние камни с надписями и рельефами, был отнюдь не случаен. Известно, что одним из его увлечений было прошлое Крымского полуострова. Он «превосходно знал все местности в Крыму» и рад был предложить свои услуги приезжим в качестве спутника и гида. Так, в 1822 г. А. И. Крым-Гирей вызвался показать южный берег британцу Роберту Лайаллу и его товарищам [Lyall, 1825, p. 251], в 1825 г. ездил в Бахчисарай и на Тепе-Кермен вместе с А. С. Грибоедовым [Грибоедов, 1999, с. 334], а в 1836 г. сопровождал одного генерала и его племянницу в поездке по «пещерным городам» [Караулов, 1872, с. 44]. По-видимому, любознательность и привела его к открытию городища на окраине Симферополя, которое, как выяснилось позднее, было остатками позднескифской столицы.

Автор заметки в газете «Северная пчела» Хр. Штир писал:

«*Поистине удивительно, что жители Симферополя по сие время не обратили ни малейшего внимания на сие место, хотя один взгляд на оное должен уверить, что там было некогда поселение. Вся поверхность изрыта и покрыта камнями, кои хотя и обросли зеленью, однако не укрылись еще вовсе от взоров*» [Штир, 1827b, с. 4; ср. Маркевич, 1929, с. 5].

И действительно, многочисленные путешественники и исследователи, буквально наводнившие Крым в конце XVIII – начале XIX в., ничего не говорят о памятнике, а ведь среди них были авторы весьма дотошные, такие как П.-С. Паллас и Э.-Д. Кларк, Ж. Ромм и Ж. Рёйи, в поисках древностей забиравшиеся в самые дебри крымских гор и описавшие лежавшие вдалеке от обычных дорог Тепе-Кермен и Мангуп [Ромм, 1941; Паллас, 1999; Clarke, 1816; Reuilly, 1806]. А ведь под самыми обрывами невысокого плато, на вершине которого располагалось симферопольское укрепление, проходила дорога на Алушту. Все это тем более странно, что, судя по многочисленным свидетельствам, жители крымской столицы добывали из развалин древнего города камни для строительства города нового [Открытие…, 1827, с. 359; Бларамберг, 1889, с. 58; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 286; Уваров, 1854, с. 526]. Можно еще отметить, что само название места, где обнаружили древнее укрепление, *Керменчик*, то есть «маленькая крепость», казалось бы, должно наводить на размышления. Однако впервые оно появляется, кажется, у П. И. Кёппена [1836, с. 327], и потому могло возникнуть уже после открытия памятника. Правда, И. В. Тункина утверждает, что Керменчик показан на карте, составленной, вероятно, в конце XVIII в., но на опубликованной иллюстрации ничего нельзя разобрать [Тункина, 2002, с. 537, рис. 139 (вклейка)]. Не обозначен этот топоним и на планах Бларамберга-Савина, где памятник назван просто «древней крепостью» [Тункина, 2002, с. 541, рис. 144 (вклейка)].

[3] Ее фамилию современники записывали по-разному: иногда как Нилсон [Neilson], а иногда как Нелсон [Nelson].

Как бы то ни было, в апреле 1827 г. А. И. Крым-Гирей сделал свое открытие. Явно гордясь находкой, он не только сообщил о ней Хр. Хр. Стевену и И. П. Бларамбергу, но и рассказывал приезжающим в Крым иностранцам, а ведь он не упускал возможности свести с ними знакомство. Именно благодаря этому в нашем распоряжении оказались материалы, излагающее несколько другую — по сравнению с принятой в литературе — версию событий. Первое из этих свидетельств — дневниковые записи шотландского путешественника Джеймса Уэбстера (1802–1828), побывавшего в Симферополе в сентябре 1827 г.

Дж. Уэбстер, получивший юридическое образование в Лондоне, решил совершать путешествие по Европе и Ближнему востоку для приобретения практических знаний и опыта, по обыкновению той эпохи. После Мальты, Италии, Франции, Нидерландов, Германии и Австрии путешественник прибыл в Россию. Проведя в Крыму сентябрь 1827 г., Дж. Уэбстер отправился в Османскую империю и Египет, где заболел скоротечной лихорадкой и скончался. Его дневники были доставлены на родину и изданы матерью и друзьями в память об авторе [Newnham, 1830; The Montly Review, 1830, p. 434–449]. Немаловажно, что записи не редактировались и потому отражают непосредственные наблюдения автора.

Археология занимала довольно много места в записках Дж. Уэбстера. Достаточно сказать, что он довольно подробно описал первые раскопки в Херсонесе, с которыми обычно связывают начало археологического изучения городища [Храпунов, 2013, с. 353–356]. Дж. Уэбстер очень хотел познакомиться с А. И. Крым-Гиреем, очевидно, привлеченный его необычной судьбой, а кроме того, из естественной для путешественника тяги к соотечественникам или людям своей культуры. Отметим немаловажное обстоятельство: А. И. Крым-Гирей прекрасно говорил по-английски. Об этом свидетельствуют его знакомые британцы, в частности, уже упоминавшийся Р. Лайалл, по словам которого, А. И. Крым-Гирей «*не только стал христианином, но и почти полностью превратился в британца, говоря по-английски с той же легкостью, что и на родном языке. Его дом в Симферополе был обставлен в английском вкусе, где почти все движимое имущество было британской работы, и бытовали британские нравы и обычаи. К тому же образование, религия, принципы, поведение и сам образ мысли Султана*[4] *были настолько истинно-британскими, что я часто забывался, осуждая и даже браня татар, как если бы разговаривал с соотечественником*» [Lyall, 1825, p. 238–239].

Таким образом, Дж. Уэбстеру и А. И. Крым-Гирею удалось счастливо избежать проблемы перевода, столь характерной для приезжавших в Крым европейцев, которым иногда приходилось беседовать с местными жителями при посредстве даже не одного, а двух, причем непрофессиональных, переводчиков [Храпунов, 2009, с. 660–661, 665, 668–671]. О тех причудливых искажениях, которые в результате претерпевала передаваемая информация, можно лишь догадываться. Но, к счастью, это был не тот случай. Сведения об открытии А. И. Крым-Гирея Дж. Уэбстер записал, по-видимому, вечером того же дня и в дальнейшем не редактировал. К тому времени со времени находки прошло всего несколько месяцев. Все это заставляет отнестись к свидетельству путешественника с доверием.

Вот что говорит Дж. Уэбстер:

«*[Султан*[5]*]… показал нам грубо исполненный рельеф скифского воина верхом на коне. Возле него была надпись, где упоминался царь Скилур. По словам Султана, её нашли в миле от Симферополя. Он полагает, что соседний холм — это место, где была третья крепость Скилура. Там есть много очень древних и интересных развалин, которым, однако, русские выказывают немного уважения, употребляя рельефы и камни с надписями для ремонта дорог. Чтобы убедить нас в этом, Султан выехал на участок дороги и, указывая на камни, сказал: “Они лежали там”. Можно ли вообразить что-то более варварское?*» [Webster, 1830, p. 94].

Таким образом, если исходить из слов Дж. Уэбстера, камни из развалин Неаполя предназначались не для частных домов в Симферополе, но использовались российскими властями для дорожного строительства — мощения симферопольских улиц или прокладки шоссе на южный берег Крыма. Это шоссе строилось как раз в указанное

[4] «The Sultan». Р. Лайалл воспринял это слово как титул, о чем свидетельствует использование определенного артикля «the».

[5] «The Sultan». Дж. Уэбстер также воспринял это слово как титул.

время, причем проходило оно под склонами крепостного плато [см.: Захарова, 2001, с. 265–266]. Выясняется, что А. И. Крым-Гирей сопоставил (самостоятельно или нет) свою находку с известными словами Страбона о построенных скифским царем Скилуром укреплениях, третьим из которых был как раз Неаполь (Strabo *Geogr*. 7. 4. 7). Но, пожалуй, самое интересное — это слова о том, что Дж. Уэбстер своими глазами видел греческую надпись на рельефе с изображением скифского воина. Этот эпизод тем более важен, что он, как будет показано ниже, иллюстрирует ход мысли исследователей первой половины XIX в.

О том, что под рельефным изображением всадника в скифской одежде находилась надпись, сообщают и другие источники [Кеппен, 1837, с. 36; Дюбуа де Монпере, 2009, с. 286; Сементовский, 1847, с. 15]. Среди опубликованных И. П. Бларамбергом материалов, которые были выкуплены А. И. Крым-Гиреем у сборщика строительного камня, были три надписи (одна с именем царя Скилура — IOSPE I^2, 668) и один анэпиграфный рельеф [Бларамберг, 1889, с. 58–61; Соломоник, 1962; Зайцев, 2003, с. 49–51, 112–113, 117, рис. 42, 43, 47]. Следовательно, сообщения Дж. Уэбстера, П. И. Кеппена, Ф. Дюбуа де Монпере и Н. Сементовского оставляют три возможности. 1) Все они видели недошедший до нашего времени памятник. 2) Под барельефом скифского всадника [Зайцев, 2003, с. 51, 117, рис. 47. 2] была впоследствии исчезнувшая надпись. 3) Писатели середины XIX в. допустили ошибочно соединили в единое целое камень с надписью и вышеупомянутый барельеф. Справедливо, судя по всему, последнее объяснение. По-видимому, возникло предположение, что постамент с именем Скилура и рельеф с изображением молодого скифа (рис. 1) — детали одной каменной скульптуры. Сегодня едва ли не с первого взгляда понятно, что эти фрагменты невозможно совместить в единое целое, хотя бы потому, что на постаменте имеются крепления под бронзовую статую, а нижняя часть рельефа оформлена в виде шипа для установки в каменное основание. Но такова была, видимо, особенность мышления на раннем этапе научного изучения Крыма, когда все факты и все находки стремились увязать в единую систему. Именно в этом, как представляется, причина коллективной ошибки, допущенной не только А. И. Крым-Гиреем, но и такими уважаемыми исследователями, как П. И. Кеппен и Ф. Дюбуа де Монпере.

Статья будет неполной, если не упомянуть еще одного путешественника, которого звали Джеймс-Эдвард Александер (1803–1885). Как и Дж. Уэбстер он был шотландцем. Как и Дж. Уэбстер, путешествовал по собственному желанию — правда, будучи офицером британской армии, решив стать наблюдателем на очередной войне между Россией и Османской империей. Ожидая разрешения российских властей для поездку на театр военных действий, он провел некоторое время в Крыму летом 1829 г., результатом чего стали дневниковые записи, впоследствии превратившиеся в часть книги [Весёлая, 2008; Храпунов, 2011]. Легкий стиль, увлекательность, романтизм, неиссякаемый оптимизм и доброжелательность к другим народам и культурам принесли запискам Дж.-Э. Александера широкую известность, в отличие от почти не замеченного публикой сочинения Дж. Уэбстера. Недавно они были изданы в частичном переводе на русский язык [Alexander, 1830a; Alexander, 1830b; Александер, 2008].

Подобно своему соотечественнику, Дж.-Э. Александеру был не чужд интерес к древностям — интерес не ученого, но наблюдателя, доброжелательного и любопытного. В результате поячвилось, например, описание городища Херсонеса вскоре после первых раскопок, проведенных, как известно, в том же году, что и исследования симферопольского укрепления [Храпунов, 2013, с. 357–362]. Задолго до поездки, во время учебы в Эдинбургском университете, Дж.-Э. Александер познакомился со своим почти тезкой — А. И. Крым-Гиреем. Вновь встретиться им довелось в Симферополе, в доме у семейства Де Серр, главой которого был известный натуралист, выходец из Франции Ф. А. Де Серр, занимавшимися разными научными и хозяйственными проектами в Крыму [Орехов, 2004, с. 200]. Кажется, из-за нехватки времени обошлось только одной встречей, краткий отчет о которой появился в дневнике Дж.-Э. Александера. В русском издании перевод этого отрывка, пожалуй, чересчур литературен [Александер, 2008, с. 159–160], потому имеет смысл предложить другой вариант.

«*Однажды, к моему удивлению, в их [т. е. Де Серров] двор въехал английский гиг,*[6] *за которым следовал конный слуга. Когда из него вышел смуглый, цветущий господин, я узнал старого то-*

[6] Гиг, или кабриолет – легкая двухколесная повозка, запрягавшаяся одной лошадью.

варища по учебе в Эдинбургском университете, султана[7] *Кати-Гирея Крым-Гирея. Он родился на Кавказе, в одной из ветвей дома татарских ханов Крыма, был привезен в Британию неким миссионером и женился на мисс Нелсон из Эдинбурга. Получая пенсию в шесть тысяч рублей от императора, он владеет обширными поместьями на южном берегу. Он очень хотел отвезти меня на свою виллу в Демерджи,*[8] *чтобы представить меня султанше,*[9] *не видевшей соотечественников в течение долгого времени — но тогда у меня не было свободного времени. Султан упомянул о сделанном им незадолго до того открытии — древней крепости на побережье, а также двух сотнях греческих и римских монет наилучшей сохранности, не считая надписей и других остатков величайшей ценности*» [Alexander, 1830a, p. 249–250].

Как видим, рассказ Дж.-Э. Александера значительно уступает информации его соотечественника. Так, упомянутая им «крепость на побережье» — это наверняка симферопольское укрепление, просто шотландец не разобрался в крымской географии. «Надписи» — конечно же, происходящие с городища рельефы и эпиграфика. А вот монеты, очевидно, взяты из обнаруженного на городище клада, а также отдельных находок, сделанных там же и впоследствии переданных А. И. Крым-Гиреем в Одесский археологический музей [см.: Тункина, 2002, с. 543]. И. В. Тункина опубликовала опись монет, составленную «частью на английском и французском, частью на латинском языках», всего 165 находок, по копии письма И. П. Бларамберга в неопубликованном сочинении П. И. Кеппена. Разнобой в языках объясняется достаточно просто: А. И. Крым-Гирей, писал, очевидно, по-английски, И. П. Бларамберг добавлял свои комментарии на родном ему французском, а латынь отражает легенды монет. Заметим, что категорическое утверждение И. В. Тункиной о том, что в кладе 1827 г. было именно 165 монет, вряд ли справедливо. С одной стороны, А. И. Крым-Гирей нигде не утверждает, что монеты были найдены исключительно в составе клада. С другой — часть монет он мог оставить себе, передав в музей не всю находку. Во всяком случае, составитель популярного путеводителя 1834 г. Шарль Монтандон упоминает о том, что какие-то «медали» (то есть античные монеты) оставались в коллекции А. И. Крым-Гирея [Монтандон, 2011, с. 232, прим. b].

Выше уже говорилось, что известия об открытии А. И. Крым-Гирея сохранились в сочинении знаменитого швейцарского путешественника, натуралиста и археолога Фредерика Дюбуа де Монпере (1798–1850), совершившего в 1831–1834 гг. исследовательскую поездку на Кавказ и в Крым. Общеизвестно, что в 1834 г. он вел исследования на предполагаемом Неаполе и его окрестностях, обнаружив, в частности, некрополь позднескифской столицы. Наше внимание привлек небольшой фрагмент его записок, касающийся открытию первых надписей на городище. По его словам Ф. Дюбуа де Монпере, А. И. Крым-Гирей добывал на Керменчике камни для строительства собственной резиденции в Симферополе:

«*Многочисленные груды обломков, громоздящиеся посреди крепости, привлекли внимание строителей домов в Симферополе, среди прочих А. И. Крым-Гирея, который к концу апреля 1827 г. вывез отсюда немало материалов для себя. В ту пору во время раскопок нашли много весьма интересных мраморов, которые перевезли в одесский музей, где я их осматривал и изучал*» [Dubois de Montpéreux, 1843, p. 379; ср. Дюбуа де Монпере, 2009, с. 286].

Итак, если поверить ученому швейцарцу, А. И. Крым-Гирей окажется таким же мародером, как и другие строители Симферополя, безжалостно разрушавшие памятник. Правда, в этом случае непонятно, как в одесский музей попали «интересные мраморы». А так как современники единодушно говорят о том, что Крым-Гирей был просвещенным и любознательным человеком, остается предположить, что Дюбуа был введен в заблуждение своим информатором или просто не разобрался в ситуации.

Наконец, имеется один визуальный источник, который прежде, кажется, не ставили в связь с городищем Керменчик. В коллекции Центрального музея Тавриды (г. Симферополь) хранится лито-

[7] Как и другие путешественники, Дж.-Э. Александер воспринимает первую часть фамилии своего друга как его титул, почему и ставит перед ней определенный артикль «the».

[8] Ныне село Лучистое, находится на склоне горного массива Демерджи к северу от Алушты на Южном берегу Крыма [Административно-территориальные преобразования, 1999, с. 46].

[9] «The Sultana» – таким экстравагантным титулом ее обычно наделяли путешественники.

графия Федора Ивановича Гросса (1822–1897) «Вид города Симферополя с восточной стороны, где изволил побывать Его Величество Государь Император 27 октября 1855 г.» [Мальгина, 2011, с. 215]. Ф. И. Гросс — известный художник, автор целой серии литографических видов Крыма [Мальгина, 2011, с. 37–41, 167–215]. Хотя интересующая нас литография изготовлена через 18 лет после открытия А. И. Крым-Гирея, ее сюжет дает некоторые основания предполагать некоторую связь с предполагаемым Неаполем (рис. 2). На переднем плане литографии — пустырь, поросший травой, с небольшими холмиками над затянутыми дерном и грунтом развалинами каких-то древних построек. Здесь же — несколько рабочих в традиционной одежде крымских татар. Фигурки людей в красочных костюмах, которые пасут овец, или ловят рыбу, или предаются другим идиллическим занятиям, присутствующие на переднем плане рисунка, характерны для видов Крыма на литографиях и гравюрах конца XVIII – XIX вв. [Geissler, 1811; Сумароков, 1805; Мальгина, 2011, с. 67–223]. Однако в данном случае весьма необычно их занятие — рабочие на литографии Гросса добывают из развалин строительный камень. На заднем плане — панорама Симферополя.

Поскольку жители крымской столицы использовали развалины Кременчика как карьер для добычи строительного камня, трудно удержаться от соблазна связать изображенное на переднем плане со скифским Неаполем. На заднем плане, чуть правее центра изображен Александро-Невский собор, таким образом, если дело происходило на Керменчике, это вид на запад-северо-запад, что близко к указанию самого Гросса. Заметим, что развалины явно покрыты слоем земли и травы, то есть постройки, откуда добывают камень, были разрушены довольно давно. В середине XIX в. городище предполагаемого Неаполя не охранялось, таким образом, местные жители вполне могли промышлять здесь строительные материалы. К тому времени местные жители успели уже разобрать и вывезти остатки крепостной стены [Тункина, 2002, с. 544], а также, видимо, и тех древних строений, которые открыл своими раскопками И. П. Бларамберг. Так что их отсутствие на рисунке не удивительно. Не исключено, что развалины зданий, раскопанные А. С. Уваровым в 1853 г. [Уваров, 1854, с. 526; Тункина, 2002, с. 545–546], постигла та же печальная судьба.

Конечно, можно попытаться обнаружить расхождения отдельных деталей литографии и реконструируемого облика окрестностей Симферополя полуторавековой давности. Пожалуй, главное возражение, которое можно придумать, это линия деревьев между возвышенностью, на которой ведут свои «раскопки» рабочие, и городской застройкой. Ее можно интерпретировать как заросли по берегам Салгира, что совсем не совместимо с локализацией развалин на Керменчике [ср. Широков, Широков, 1983, с. 119]. В этом случае придется объяснить, что за постройка находилась на правом берегу Салгира, далеко за пределами городской черты, к тому же, разрушенная и затянувшаяся землей задолго до 1855 г. К тому же, самой реки в зарослях не видно. А значит, возможно другая интерпретация изображения: деревья и кустарники покрывали пространство между Керменчиком и Симферополем. Графика или живопись — это не фотография, и потому странно ждать от них скрупулезной точности в деталях. Известно, что «Вид Толедо в грозу» не вполне похож на фотографию, сделанную с того места на берегу Тахо, где стоял Эль Греко, но от этого он не перестает быть видом именно Толедо.

Как бы то ни было, даже если эта интерпретация литографии Ф. И. Гросса окажется неверной, труды путешественников позволяют расширить наши представления о начале раскопок на окраине Симферополя. Проанализированные фрагменты травелогов свидетельствуют об интересе, который вызвала находка А. И. Крым-Гирея. Сообщают они и новую версию ее обнаружения. Ни Дж. Уэбстер, ни тем более Дж.-Э. Александер не осознавали истинного масштаба сделанного открытия, которое станет окончательно ясно гораздо позже. Впрочем, интерес публики к Неаполю быстро угас, и о памятнике позабыли, или, по крайней мере, «вычеркнули» его из списка достопримечательностей Симферополя (который, к слову сказать, древностями отнюдь не избалован). В 30ее гг. XIX в. Ф. Дюбуа де Монпере, П. И. Кёппен и Н. Н. Мурзакевич описывали развалины Керменчика, причем первый из них даже проводил там раскопки [Дюбуа де Монпере, 2009, с. 285–288; Кеппен, 1837, с. 36–37, 326–330; Мурзакевич, 1837, с. 630]. Но уже следующая группа путешественников, прибывшая в Симферополь через десять лет, в лучшем случае оперировала взятыми из книг сведениями. В 1844 г. в Крыму оказался британец Г.-Д. Сеймор (1820–1877), впоследствии ставший известным политиком. Ему принадлежит подробное описание Крыма, многое позаимствовавшее,

однако, из сочинений предшественников автора. По-видимому, из книги Ф. Дюбуа де Монпере он взял сведения о том, что на Керменчике некогда была столица Скилура и о войнах скифского царя с Митридатом Понтийским. Но на плато путешественник уже не поднимался, и потому назвал Керменчик «крепостью, высеченной в скалах» [Seymour, 1855, p. 36]. Г.-Д. Сеймор, очевидно, имел в виду параллель со средневековыми «пещерными городами», виденными им в юго-западном Крыму. В том же году немецкий ботаник К.-Г.-Э. Кох (1809–1879), памятниками прошлого также интересовавшийся и знавший историю А. И. Крым-Гирея, подробно описал Симферополь, ничего не говоря об остатках скифской столицы [Koch, 1855, p. 49–65]. Только дальнейшие исследования городища во второй половине XIX в. сделали предполагаемый Неаполь одной из достопримечательностей Симферополя.

Abstract

N. I. Khrapunov

SOME NEW DATA ON THE BEGINNING OF THE INVESTIGATION OF THE ANCIENT TOWN AT KERMENCHIK — SUPPOSED SCYTHIAN NEAPOLIS

This article introduces into the scholarship new data on the discovery, in 1827, of a fort on the outskirts of modern Simferopol, which proved to be the capital of the Late Scythian polity. The accounts of this find remained in travelogues by James Webster, James Edward Alexander, and Frédéric Dubois de Montpéreux. These travelogues supply an opportunity of investigation of the peculiarities of perception and interpretation of archaeological sites by educated public in the first half of the nineteenth century. The unusual life of the discoverer of the monument Alexander Krym Girey, a descendant of Crimean khans who converted to Christianity, is discussed.

Key words: history and archaeology of the Crimea, archaeological sites in the Crimea, nineteenth-century travelogues.

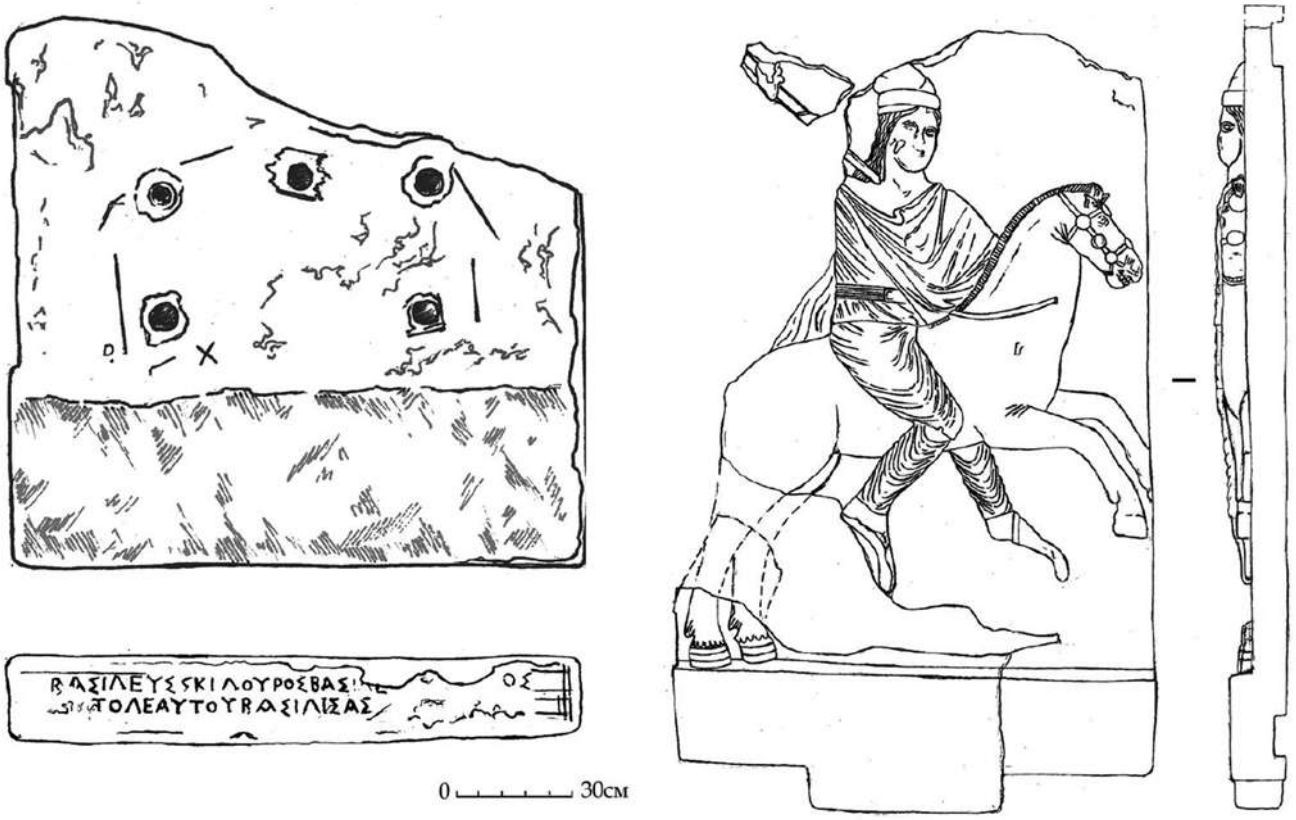


Рис. 1. Постамент статуи Скилура и рельеф скифского воина, найденные в 1827 г. (по Ю. П. Зайцеву)

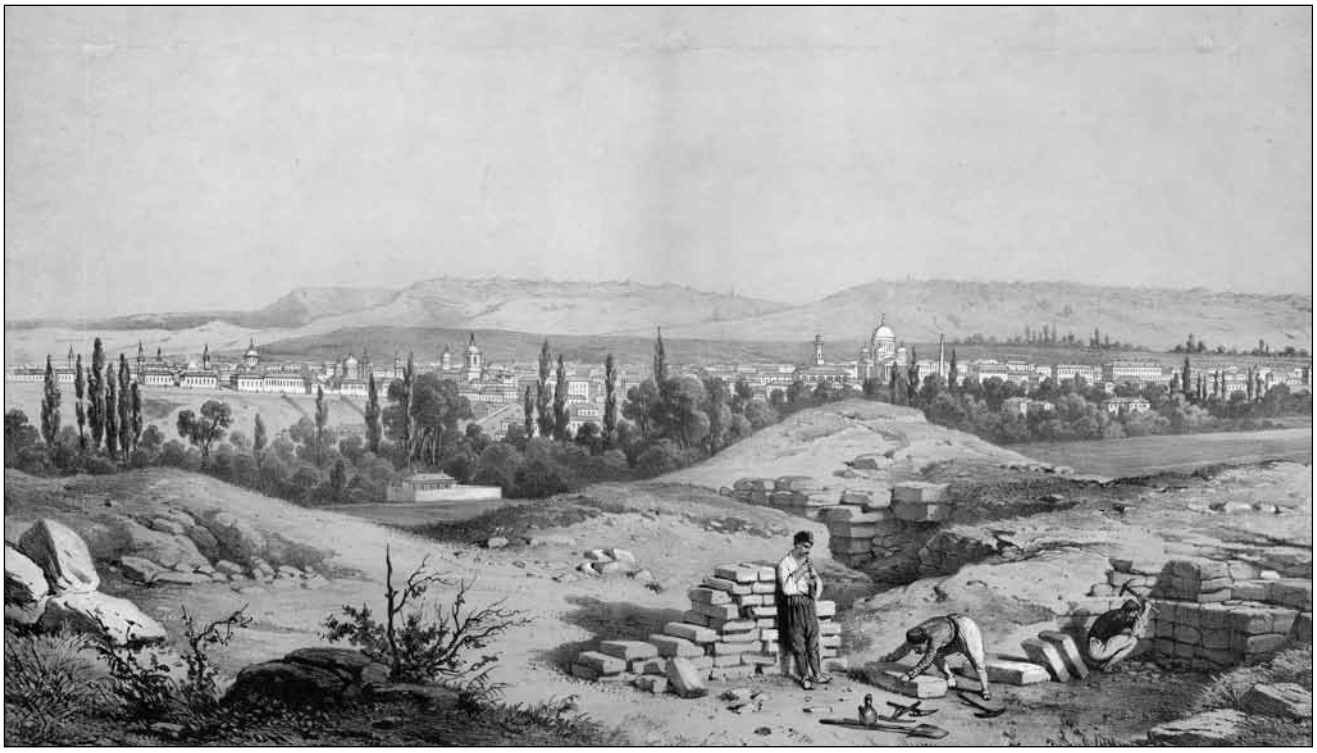


Рис. 2. «Вид города Симферополя…» на литографии Ф. И. Гросса (1855 г.).

В. П. Кирилко

ХАРАКСКАЯ ЦЕРКОВЬ Н. П. КРАСНОВА: РОЖДЕНИЕ ШЕДЕВРА

В карьере архитектора Н. П. Краснова харакскому храму суждено было стать тем самым, в исконном понимании, chef-d'œuvre, посредством которого в средние века обычно доказывалось мастерство, когда к художественному произведению предъявлялось одно единственное требование — "au mieux qu'il pourra". Проект выполнен на высоком профессиональном уровне и имеет тщательную проработку всех основных деталей. Его сопоставление с реальным объектом свидетельствует лишь о незначительных расхождениях между окончательным обликом здания и первоначальным замыслом. Чёткая графика и исключительная выразительность чертежей обеспечивали достаточное представление о будущем строении, которое вполне могло впечатлить заказчика. Все решения были хорошо продуманными, до мелочей, и придавали автору уверенность в конечном результате. Пример возведения харакской церкви сам по себе почти уникален для архитектурной практики того времени, поскольку весь ход строительных работ лично Н. П. Красновым регулярно документировался — в переписке и фотографиях. Важная информация о конструктивных, технологических и архитектурных особенностях храма содержится также в сметах. Несмотря на то, что Н. П. Краснов успешно зарекомендовал себя на архитектурном поприще задолго до появления харакской церкви, отчасти благодаря этому шедевру ему вскоре было доверено строительство царского дворца в Ливадии, который закрепил славу мастера и стал вершиной его творчества.

Ключевые слова: Крым, Харакс, церковь св. Нины, архитектор Н. П. Краснов, царская фамилия.

В феврале 1913 г. Н. П. Краснов отправил с письмом секретарю Петербургской Академии художеств В. П. Лобойкову собственноручно составленный им «Список некоторых работ, исполненных по проектам и под наблюдением архитектора Н. П. Краснова в г. Ялте» [Калинин и др., 2003, с. 192–194]. Перечень имеет 61 пункт и содержит краткие сведения о постройках. Стилевые характеристики зданий в нём, определяемые самим автором, поражают своим разнообразием и количеством: «в стиле Итальянского ренессанса» (дворец Его Императорского величества в Ливадии, доходные дома графа А. А. Мордвинова в Ялте, Петербургская гостиница в Ялте), «в арабо-сарацинском типе по образцам древних построек в Каире» (дворец великого князя Петра Николаевича в имении «Дюльбер»), «в современном шотландском вкусе» (дворец великого князя Георгия Михайловича в имении «Харакс»), «в современном вкусе» (малый дворец великого князя Александра Михайловича в имении «Ай-Тодор»), «в неороманском характере» (вилла князя Ф. Ф. Юсупова в имении «Кореиз»), «в характере Бахчисарайского дворца — как первый опыт применения татарского стиля» (охотничий дом князя Ф. Ф. Юсупова в деревне «Коккоз»)[1], «во флорентийском стиле эпохи Возрождения» (пансион-общежитие при Ялтинской Александровской мужской гимназии), «в ново-византийском характере» (церковь при пансионе-общежитии и мужской гимназии в Ялте), «в стиле французского ренессанса» (казино в курорте «Суук-Су», вилла Е. Н. Шапочниковой), «в стиле Итальянского Возрождения» (вилла В. А. Кочубей в Ялте, вилла князя М. Р. Долгорукова, вилла Н. Д. Сибирцевой, вилла В. И. Малама, особняк Б. М. Гиммельфарба

[1] Для тех же заказчиков, по свидетельству З. Н. Юсуповой, при реконструкции «Морозовской дачи» в Кореизе Н. П. Краснов мечтал «сделать что-нибудь вроде татаро-итальянского ампира» [Калинин и др., 2003, с. 140].

в Симферополе), «в англо-готическом стиле» (вилла П. Ф. Самарина в Ялте, вилла Е. И. Майтопа в Ялте), «в нео-готическом стиле» (вилла доктора П. К. Богдановича, католический костел в Ялте), «в византийском стиле» (часовни в Феодосийском порту, церковь в имении Кучук-Ламбат княгини Гагариной), «в неогреческом стиле» (вилла А. А. Спендиарова в Ялте, вилла Е. А. Татаринова, барский особняк П. А. Ширяева в Ялте), «в стиле венецианской готики» (особняк С. И. Шахназарова), «в романском вкусе» (вилла Н. Н. Комстадиуса в имении «Мурад-Авур», склад табаку Н. А. Богданова в Ялте), «в современном английском стиле» (вилла-пансион г. Мальцева в Симеизе), «во французском ренессансе» (больница при Ялтинской Александровской мужской гимназии), «в стиле Возрождения» (вилла профессора А. А. Боброва в Алупке, торговый ряд Н. Д. Стахеева в Алуште), «во французском стиле» (вилла А. Л. Бертье-Делагарда в Ялте), «в арабском стиле» (доходный дом А. М. Булгакова в Ялте), «в романском характере» (здание Симферопольского общества взаимного кредита в г. Симферополе), «в греческом стиле» (вилла графа Апраксина в Балаклаве), «в арабской схеме» (жилой дом г. Ярцева). Церковь имения «Харакс» в списке представлена следующим образом: «Исполнена в старом грузинско-армянском типе из местного дикого камня с высечкой из него же всех орнаментальных частей. При церкви отдельно стоящая звонница в том же стиле» [Калинин и др., 2003, с. 192].

Более пространная характеристика храма Н. П. Красновым была направлена академику Ф. Г. Беренштаму, написавшего затем для журнала «Зодчий» специальную статью о лучших работах архитектора: «Церковь в имении Его Императорского Высочества великого князя Георгия Михайловича Харакс построена в 1908 году и окончена отделкой в 1912 году. Проектирована в стиле грузинских и армянских церквей на Кавказе — Ахпата и Гелатского собора. Сложена из местного известняка, отделанного в виде штучных камней, с высечкой орнаментальных частей из того же камня. Крыша церкви исполнена из каменных плит, уложенных по железобетонным сводам. Иконостас церкви высечен из красного полированного известняка. Царские врата, северные врата и киоты местных икон исполнены из бронзы в том же характере церкви. При церкви отдельно стоящая звонница, примыкающая к подпорной стене сада» [Земляниченко, Калинин, 2002, с. 75–76].

К характеристике строения, данной самим автором, можно добавить следующее. Харакская церковь представляет собой квадратное в плане здание с выступавшей наружу трехгранной апсидой, принадлежит к крестовокупольному типу. Внутренние опоры в сечении квадратные. Иконостас располагался между восточными столпами, имел солею с полукруглым выступом посередине. Фасады завершались щипцами, были богато украшены профилированными и рельефными архитектурными деталями. Над входом помещена мозаичная икона с нерукотворным образом Спаса на плате. Строение увенчано ротондой, которая использовалась в качестве колокольни.

Автором упоминаются две аналогии — соборы Гелата и Ахпата.

Гелатский монастырь находится около г. Кутаиси. Он был возведен царем Давидом Строителем в первой четверти XII в., впоследствии достраивался. Композиция архитектурного ансамбля, кроме главного храма, включает ещё две церкви, колокольню и здание академии. Апсиды собора многогранные, выступают наружу. Гелатский храм знаменит своей мозаикой в алтарной конхе, выполненной в 1125–1130 гг. [Мшвениерадзе, 1959, с. 76, фото 177, 178; Беридзе, 1967, с. 55, табл. 108–111].

Монастырский комплекс Ахпат расположен на севере Армении в одноименном селе близи г. Алаверды. Время его основания точно неизвестно, начало развития относится к середине X в. Основные монастырские здания сгруппированы возле главного храма, образуя единый архитектурный организм. В пределах ограждённой территории находятся: собор с гавитом, несколько меньших церквей, жаматун, книгохранилище с галереей, колокольня, трапезная и усыпальница. Особо выделяется отдельно стоящая колокольня 1245 г. — высокая трёхъярусная башня с небольшими приделами на разных уровнях и многоколонной ротондой-звонницей наверху [Халпахчьян, 1980, с. 181–225].

Несмотря на то, что Гелатский и Ахпатский храмы в качестве образца для харакской церкви были определены самим Н. П. Красновым, явное сходство между ними почти не наблюдается. При сравнении с первым некоторые параллели прослеживаются в использовании для украшения фасадов тройной аркатуры с характерными пучками колонок выступавшей наружу апсиды гранёной формы, мозаичного убранства и расположенной рядом с собором приземистой компактной колокольни. Безусловно, отдельные де-

коративные мотивы и детали были заимствованы из других, не названных архитектором, построек. Наиболее вероятным прототипом завершения харакской церкви является ротонда колокольни XIV в. в с. Зарзма Адигенского района Грузии (историческая провинция Самцхе) [Беридзе, 1967, с. 21, 60–61, табл. 143–144]. Её формы и отдельные детали соотносимы также с собором Зарзмы. Однако, концептуально харакская церковь наиболее более близка колокольне Ахпата, поскольку по сути своей сама также является храмом-колокольней.

Бывал ли Н. П. Краснов на Кавказе, не известно, вероятнее всего, нет, а при разработке проекта всю необходимую информацию о сооружениях Грузии и Армении архитектор вполне мог почерпнуть из фотографических снимков и специальной литературы.

Относительно подробной реконструкции поддается ход строительства харакской церкви, в результате которого на крымском побережье появилось изящное архитектурное произведение, достойное быть названо шедевром.

О закладке храма в письмах к отцу сообщает сам заказчик. Она состоялась 14 января 1906 г., в день именин Нины — старшей дочери Георгия Михайловича и Марии Георгиевны, урождённой принцессы греческой. На церемонии присутствовали великий князь Александр Михайлович с супругой, великой княгиней Ксенией Александровной (сестрой Николая II), офицеры Виленского полка, который нёс охрану имения, приглашённые из Ялты гости, после чего был устроен завтрак на 35 человек. Особо адресантом отмечен следующий эпизод торжества: «Затем я всем показывал план будущей церкви: она будет маленькой и будет составлена из мотивов кавказских церквей» [Земляниченко, Калинин, 2002, с. 78].

Какие именно графические материалы демонстрировались гостям во время закладки храма, точно не известно. Вполне возможно, что речь идёт о комплекте чертежей с подсчётом камнетёсных работ за подписью Н. П. Краснова, которые сохранились под названием «Планы церкви при имении «Харакс» в архивных фондах Конторы двора Великого князя Георгия Михайловича (рис. 1–2; 4–5) [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 138, л. 11–15]. Проект выполнен на высоком профессиональном уровне и имеет тщательную проработку всех основных деталей. Его сопоставление с реальным объектом свидетельствует лишь о незначительных расхождениях между окончательным обликом здания и первоначальным замыслом (рис. 2; 3). Чёткая графика и исключительная выразительность чертежей обеспечивали достаточное представление о будущем строении, которое вполне могло впечатлить заказчика. Архитектурное решение было хорошо продуманным, до мелочей, что в свою очередь придавало его автору уверенность в конечном результате. В этой связи весьма показательна реакция Н. П. Краснова на критику одного из маститых столичных коллег — В. Ф. Свиньина, прибывшего летом 1906 г. в имение по приглашению Георгия Михайловича: «Василию Федоровичу как художнику удобнее сделать свои замечания, а мне удобнее умолчать. Я лично думаю, что церковь должна получиться хорошей» [Земляниченко, Калинин, 2002, с. 79–80].

Пример возведения харакской церкви сам по себе почти уникален для архитектурной практики того времени, поскольку весь ход строительных работ лично автором регулярно документировался — в переписке и фотографиях. К сожалению, пока удалось обнаружить лишь отдельные письма Н. П. Краснова с информацией о храме, направленные разным адресатам.

9 марта 1906 г., Георгию Михайловичу: «Церковь начата уже и на ломке заготовлено 3 ряда камней, с будущей недели начнут ставить их — но в способе отделки камней приходится сделать некоторые изменения — которые указал Василий Федорович Свиньин — камни должны быть насечены мелкими ударами инструмента (по-нашему назыв. Кіюрка) нечего и говорить, что отделка получается безукоризненной чистоты, но она дороже на каждую квадратную сажень по 15 рублей — Сейчас делаю шаблоны в натуральную величину церкви. К иконостасу церкви еще не приступал так как можно месяц или два подождать. Подрядчик Фирис (мраморщик) согласен выполнить иконостас получив за него деньги в январе 1907 г.

Теперь каждую неделю будет заметно двигаться вперед работа и я буду аккуратно каждую субботу снимать фотографии и высылать с письмами в понедельник» [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 136, л. 200об].

18 марта 1906 г., Георгию Михайловичу: «Церковь на этой неделе начнется кладкой стен — в настоящее время (фот. № 24) представляет собой гладкое место фундаменты — и интересно будет следить за ее ростом; стены церкви вытесаны на ломке на высоту 2 ½ арш. и их только нужно собирать на месте — на фот. видны первые привезенные камни» [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 136, л. 201–201об].

Судя по содержанию, в своё время к письму прилагались многочисленные фотографии. Нынешнее местонахождение всех снимков с поэтапной фиксацией хода работ, о которых постоянно в этом и следующих письмах упоминает архитектор, не известно. Позднее, 2 декабря 1906 г., Е. И. В. князь Георгий Михайлович передал часть переписки с Н. П. Красновым управляющему конторы Я. Я. Майяровскому, очевидно, тогда же произошла их разукоплектация. Несколько компенсируют утрату другие фотографии, запечатлевшие главным образом завершающую стадию строительства и виды готового здания, которые представлены в альбоме его ялтинского коллеги и помощника Л. Н. Шаповалова (рис. 3, 6, 7) [ЯИЛМ, КП 3649][2].

26 марта 1906г., Георгию Михайловичу: «Постройка церкви видна (фот. № 8, 9–10) проложенный первый ряд камня, таким образом будет каждую неделю предоставлен мной Вашему Высочеству отчетный снимок» [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 136, л. 204–204об].

Сентябрь 1906 г. (точная дата и адресат не указаны): «Постройка церкви идет своим чередом, но не так быстро, как хочется — эта работа художественная» [Земляниченко, Калинин, 2002, с. 80].

11 октября 1906 г., Георгию Михайловичу: «Работа в церкви идет своим порядком и теперь уже начинаем устанавливать кружала для бетонных сводов под купол — т.е. подходим к самому серьезному < … >, в церкви я сделал в левом углу на всякий случай дымоход, чтобы зимой можно было вставить маленькую никелеров. печку А и чтобы в церкви могло быть тепло» [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 136, л. 257][3].

12 марта 1907 г.: «С уплатой этой суммы подрядчикам и поставщикам будут окончены все расходы по постройке в Хараксе, кроме церкви, которая находится еще в периоде работы, на что по смете потребуется еще до 15.000 руб., и так как постройка церкви продолжается, то необходимо для оплаты расходов по ней также получать ежемесячно от 2-х до 5-и тысяч рублей (в марте 2000 руб. и в апреле 3000 руб. — специально по постройке церкви)» [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 137, л. 36, 36об].

10 августа 1907 г., Федору Владимировичу: «Работы по церкви продолжаются — и ко 20 августа поставим на главном куполе крест» [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 137, л. 128об].

13 января 1908 г., телеграмма Георгию Михайловичу: «Ваше Императорское Высочество сообщаю размеры иконы: икона квадратная сторона квадрата равна двадцати пяти вершкам или сто одиннадцать сантиметров» [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 137][4].

Дополнительная информация о конструктивных, технологических и архитектурных особенностях храма содержится в сметах.

Несмотря на то, что сам архитектор в своих описаниях храма сообщает о каменной кровле здания, судя по счёту, предоставленного Ф. Г. фон Самсоном, использовалась бетонная черепица [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 140, № 1460]. Она укладывалась поверх монолитных бетонных плит с рельсовым каркасом, перекрытых асфальтом в два слоя [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 140, № 1560, 1574]. При этом применялись также желоба из красной меди, сделанные Р. Г. Вильмаером из Ялты[5]. Из цемента было изготовлено, но уже другим подрядчиком — В. Н. Шевчуком, и «доску с славян-

---

[2] Только дважды представлены рабочие моменты — закладка церкви и вид строения в лесах (рис. 6). Причём, в первом случае ни одна из 21 фотографий, запечатлевших данное событие [ЯИЛМ, КП 3649, л. 14], не сохранились — на альбомном листе от них остались только следы приклейки и аннотация. Сердечно благодарю директора Ялтинского историко-литературного музея О. П. Ткачук за постоянное содействие в работе над проектом реставрации памятника, а также любезно предоставленную возможность изучать и использовать данные материалы.

[3] Письмо сопровождает схематичный рисунок плана церкви, на котором литерой А обозначено место установки печки. Дымоход хорошо виден на ряде фотографий (рис. 3).

[4] Изготовление мозаичного образа заняло 6–8 недель и стоило 900 франков. 19 марта 1908 г. представитель подрядчика — венецианской фирмы Erede D. A. Salviati & C° сообщил о завершении работ и отправке груза архитектору, возложив оплату транспортных расходов и таможенной пошлины на получателя.

[5] Счёт № 1584 от 12 мая 1908 г. на сумму 87,86 руб. [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 140]. Всего сделано 16 желобов («на каждом загнуты по две кромки и выполированы»): два комплекта по 4 шт. и один — из 8 шт. Последний, единственный из всего набора, указан с размерами (длина — 2 аршина, ширина — 5 вершков). Судя по описанию, они предназначались для кровли четверика и устройства отливов ротонды.

ской надписью», украсившую фриз церковной ротонды[6].

Столярные работы по храму выполнил А. Шиллинг. Входная дверь была сделана из древесины каштана с установкой железных пластин между филёнками, имела медные плинтус и порог[7]. Паровой фабрикой товарищества «И. Киров» в Москве, специализировавшейся по выработке оконных, дверных, печных и вентиляционных приборов, для неё по предоставленным чертежам была изготовлена вся необходимая фурнитура из оксидированной жёлтой и тёмной бронзы с использованием стальных и никелированных деталей[8].

Внутри храма, в верхней части купола, была подвешена круглая решетчатая металлическая рама с остеклением, экранировавшая проём в перекрытии. Диаметр сооружения — 2 аршина и 5 ½ вершков. Конструкцию изготовила фабрика слесарных изделий инженера А. Менье в Ялте[9]. Вероятнее всего, ею же были выполнены железные переплёты окон церкви. В витражах использовалось стекло четырех сортов — бемское, матовое, синее и жёлтое[10].

Оштукатуривание внутренних поверхностей храма велось раствором на основе известково-гипсового вяжущего с соотношением компонентов 1:1. Заполнитель представлен песком в количестве 50 %. Хорошо окатанные зёрна заполнителя состоят в основном из известняка (40 %). Около 10 % приходится на долю кварцитной и кварцевой фракции. По штукатурке нанесён известковый набел, поверх него — слой железоокисного пигмента красно-фиолетового цвета[11].

Малярные работы по церкви выполнил Н. Балич. Стены и потолок были покрашены клеевой краской. Цоколь имел восковое покрытие[12].

Иконостас стоимостью 2300 руб. и солею для храма, оценённую в 77 руб. 80 ¾, изготовила Одесская мраморно-мозаичная мастерская А. Е. Фириса. Её же представителями за 15 руб. была установлена и икона над входом в церковь, выполненная венецианской фирмой Сальвиати (Erede D. A. Salviati & C°). В выставленном счёте третьим пунктом обозначена ещё одна работа: «Полъ мраморную 9 кв. саж. и 34 сотых — 407,00 руб.»[13]. Речь, надо полагать, идёт о монолитном напольном покрытии серого с лёгким коричневатым оттенком цвета, которое внешне действительно очень похоже на хорошо отполированный местный мраморовидный известняк. Толщина слоя — 7,0 см.

Материал, из которого изготовлен пол, плотный и прочный, на неровном изломе видны темно-серые зёрна равномерно-зернистого песка. Раствор хорошо утрамбован. Его поверхность пропитана воском на глубину до 1–3 мм и заполирована до блеска. Состав раствора известково-песчаный. В качестве вяжущего применена гидравлическая известь. Заполнитель в количестве 60 % представлен галечным песком карбонатно-кварцевого состава. Размер преобладающей фракции 0,5–2,0 мм. Около 10% состава заполнителя приходится на долю фракции 2,0–3,0 мм. Активное химическое взаимодействие гидравлического вяжущего с заполнителем в сочетании с трамбовкой создало прочный искусственный камень[14].

Колокола изготовил Колокольно-литейный завод Павла Николаевича Финляндского в Москве. Всего отпущено четыре разных колокола: весом 7 пудов 02 ф., 4 пуда 15 ф., 1 пуд 18 ф., 23 ф. и языки к ним [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 140, № 1457, 1502].

Удивительная гармония с ландшафтом и исключительная изящность форм харакской церк-

---

[6] Счёт № 1650 от 2 марта 1909 г. на сумму 75 руб. [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 140].

[7] Счёт № 1583. Стоимость двери — 350 руб. [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 140].

[8] Счёт № 1589 от 5 декабря 1907 г. и 14 февраля 1908 г. [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 140].

[9] Счёт № 1507 от 18 декабря 1907 г. на сумму 300 руб. [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 140].

[10] Счёт № 1527 от 4 февраля 1908 г. [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 140].

[11] Химико-петрографическое исследование образца (№ 4490) штукатурки с красочным слоем, отобранного для анализа на участке южной стены у окна, выполнено Т. Е. Нестеренко — ведущим инженером Научно-реставрационного технологического отдела института «Укрпроектреставрация».

1[2] Счёт № 1612 от 2 августа 1908 г. и № 1631 от 28 октября 1908 г. [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 143].

[13] Счёт № 1597 от 31 мая 1908 г. [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 139].

[14] Химико-петрографическое исследование образца (№ 4489) покрытия пола, отобранного для анализа на участке у северо-западного столпа храма, выполнено Т. Е. Нестеренко — ведущим инженером Научно-реставрационного технологического отдела института «Укрпроектреставрация»

ви по праву позволили современным исследователям назвать постройку маленьким шедевром Южнобережья, имевших ввиду, безусловно, миниатюрные размеры, а не степень значимости здания для самого архитектора [Земляниченко, Калинин, 2002, с. 74]. Место, которое та занимала в карьере Н. П. Краснова, считавшего её своей творческой удачей, трудно переоценить. Именно данному храму суждено было стать тем самым, в исконном понимании, chef-d'œuvre, посредством которого в средние века обычно доказывалось профессиональное мастерство, когда к художественному произведению предъявлялось одно единственное требование — "au mieux qu'il pourra" [Муратова, 1988, с. 136, прим. 42]. И хотя Н. П. Краснов успешно зарекомендовал себя на архитектурном поприще задолго до появления харакской церкви, отчасти благодаря этому шедевру ему было доверено строительство царского дворца в Ливадии.

8 сентября 1909 г., после посещения Харакса, Николай II в своём дневнике оставил запись: «В 2½ поехали в имение Георгия и Мини. Осматривал их дом, сад, маленькую церковь, помещения для свиты. Все красиво, просто, устроено со вкусом». Как следствие, начиная с 27 октября и до самого отъезда царской семьи из Ливадии 16 декабря, Николай II и Александра Федоровна уже постоянно принимают у себя Н. П. Краснова, приступившего к работе над проектом их дворца, который закрепил славу мастера и стал вершиной его творчества [Калинин и др., 2003, с. 113–115].

В октябре 1911 г. Н. П. Краснов был пожалован в Архитекторы Высочайшего двора, а в 1913 г. Петербургская Академия художеств присудила ему звание академика. Согласно действовавшим тогда правилам выдвижения кандидатов на столь высокое звание, Николай Петрович должен был представить на рассмотрение Президента Академии — великой княжны Марии Павловны — список своих основных работ, отметив самые значительные. Из более шестидесяти построек, вошедших в этот список, архитектор особенно выделил только две: Ливадийский дворец, а также — церковь Св. Нины и Преображения Господня в имении великого князя Георгия Михайловича [Земляниченко, Калинин, 2002, с. 75].

Н. П. Краснову воистину удалось создать настоящий архитектурный шедевр — произведение, являющееся высшим достижением искусства и мастерства. Своеобразным подтверждением этому стало одно из событий в истории строительства храма, произошедшее на завершающей стадии работ. На участие в художественном оформлении харакской церкви претендовал академик архитектуры А. В. Щусев. В 1910 г. он выполнил проект мозаичного убранства здания, изобразив в цвете (акварелью, гуашью и золотом) перспективный вид интерьера, а также развёртки восточной, западной и южной стен храма. Существует мнение, что предложения московского архитектора могли не понравиться заказчику некоторой официальностью в трактовке изображаемых сюжетов и поэтому остались нереализованными [Калинин и др., 2003, с. 93][15]. Причины отказа, надо полагать, всё-таки были иными, поскольку позднее, в марте 1914 г., видимо, по тем же эскизам А. В. Щусева художник В. С. Щербаков предлагал выполнить уже роспись, обозначив её стоимость в 1400 рублей [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 137]. Возможно, осуществлению данного проекта помешала война, но, вероятнее всего, воспрепятствовала муза автора — произведение Н. П. Краснова было совершенным.

[15] Несколько странным представляется недоумение тех же авторов, высказанное ими ранее: «Пока остается невыясненным, почему Краснов отказался принять проект мозаичного убранства, предложенный архитектором А. В. Щусевым, и обратился с крупным заказом вновь к фирме Сальвиати» [Калинин, Земляниченко, 1998, с. 227]. Явно нарушена причинно-следственная связь событий, ибо свой проект А. В. Щусев выполнил в 1910 г, тогда как икона работы Сальвиати была изготовлена ещё в марте 1908 г., если, конечно, речь не идёт о каком-то ином (новом) заказе, неподтверждённом пока документами — в упомянутой публикации ссылка на источник отсутствует. Неточность состоит и в определении полномочий Н. П. Краснова, поскольку в договорном процессе с фирмой Сальвиати тот непосредственно не участвовал, а вся деловая переписка велась самим Великим князем Георгием Михайловичем и Я. Я. Майяровским [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 137].

Abstract

V. P. Kirilko

HARAKSKY CHURCH OF N. P. KRASNOV: MASTERPIECE BIRTH

In career of the architect N. P. Krasnov the haraksky temple was fated to become thereby, in primordial understanding, chef-d' œuvre by means of which in the Middle Ages skill when the unique requirement — "au mieux qu'il pourra" was imposed to a work of art was usually proved. The project is executed at the high professional level and has careful study of all main details. Its comparison to real object testifies only to insignificant divergences between the final image of the building and an initial plan. The accurate graphics and exclusive expressiveness of drawings provided sufficient idea of future structure which quite could impress the customer. All decisions were well thought over, to trifles, and gave to the author confidence in the end result. The example of construction of haraksky church in itself is almost unique for architectural practice of that time, as all course of construction works personally of N. By P. Krasnov it was regularly documented — in correspondence and photos. Important information on design, technological and architectural features of the temple contains also in estimates. In spite of the fact that N. P. Krasnov successfully proved in an architectural field long before emergence of haraksky church, partly thanks to this masterpiece construction of the imperial palace in Livadiya which consolidated glory of the master was soon entrusted it and became top of his creativity.

Key words: Crimea, Haraks, St. Nina's church, architect N. P. Krasnov, imperial surname.

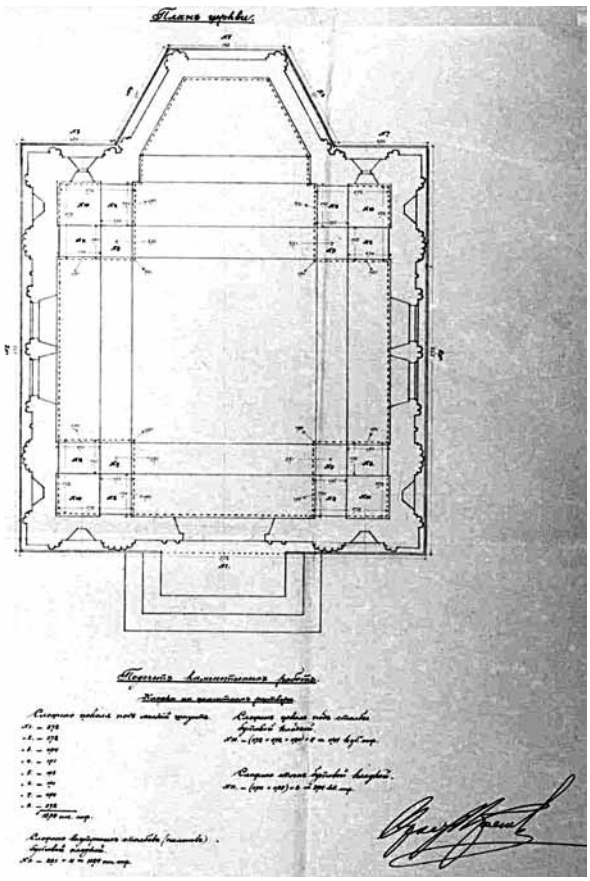


Рис. 1. План церкви [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 138, л. 1]

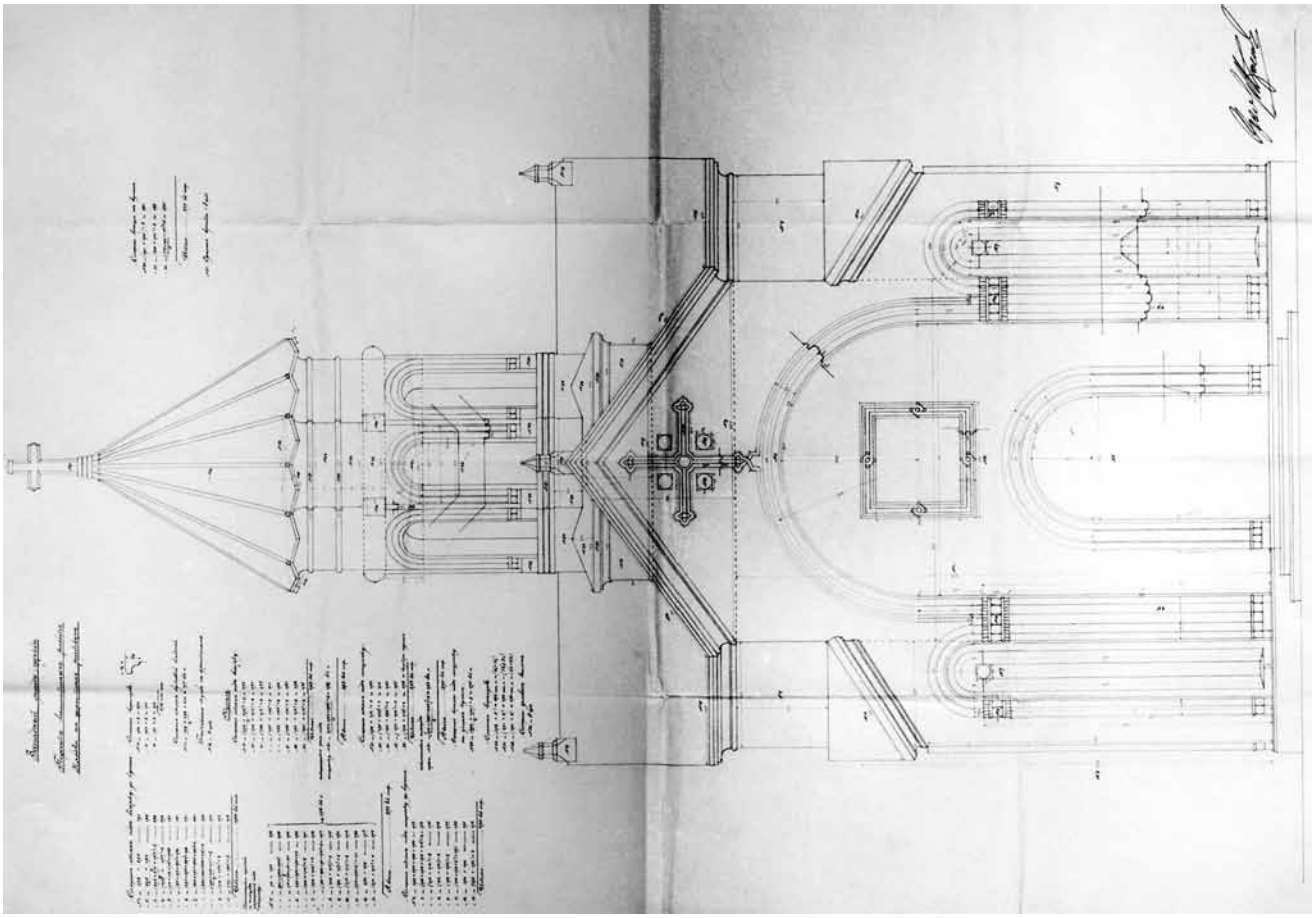


Рис. 2. Западный фасад церкви [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 138, л. 2]

Рис. 3. Общий вид храма с запада [по: Архитектор Краснов, 2010, рис. 53]

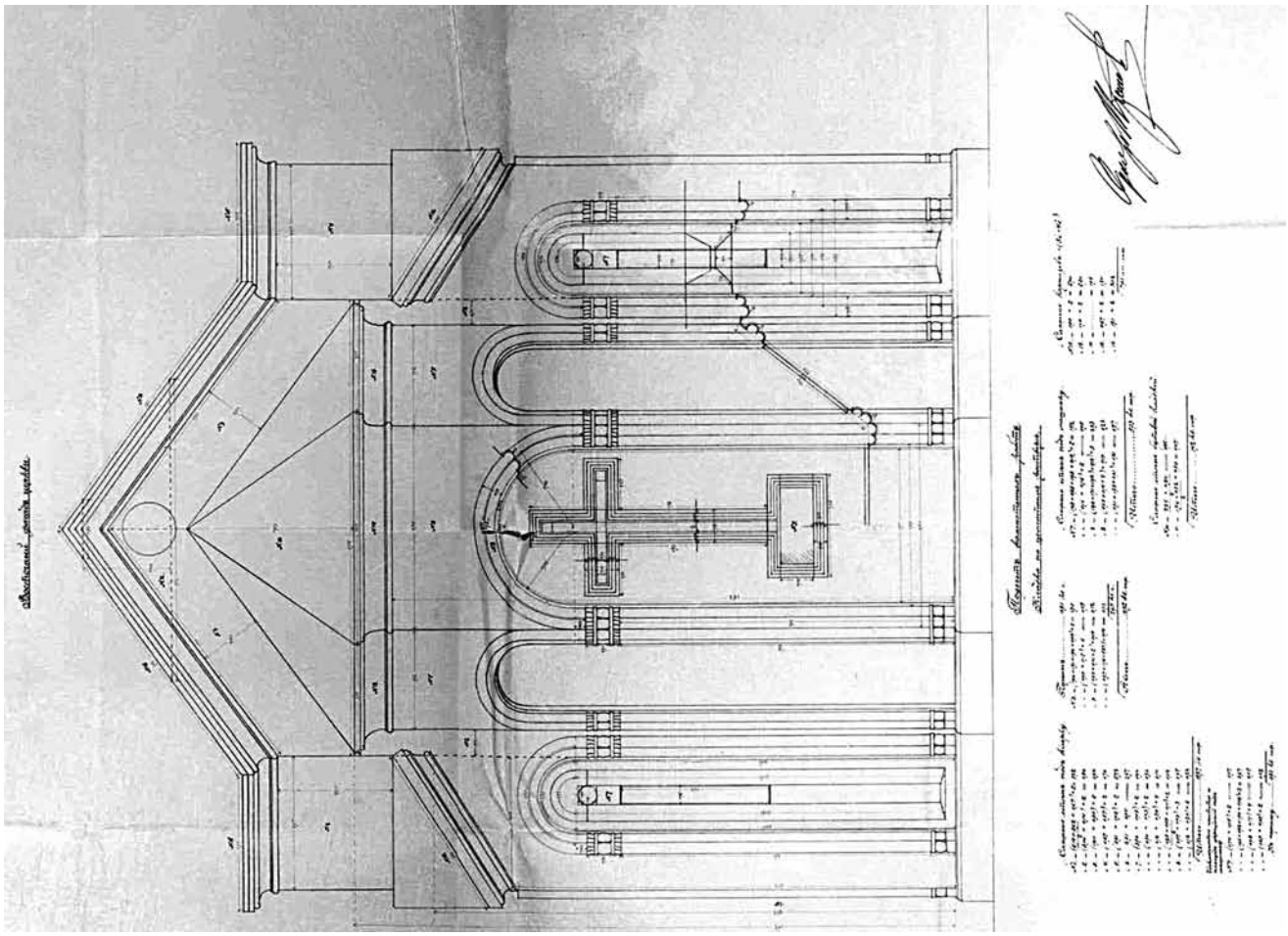


Рис. 5. Восточный фасад церкви [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 138, л. 4]

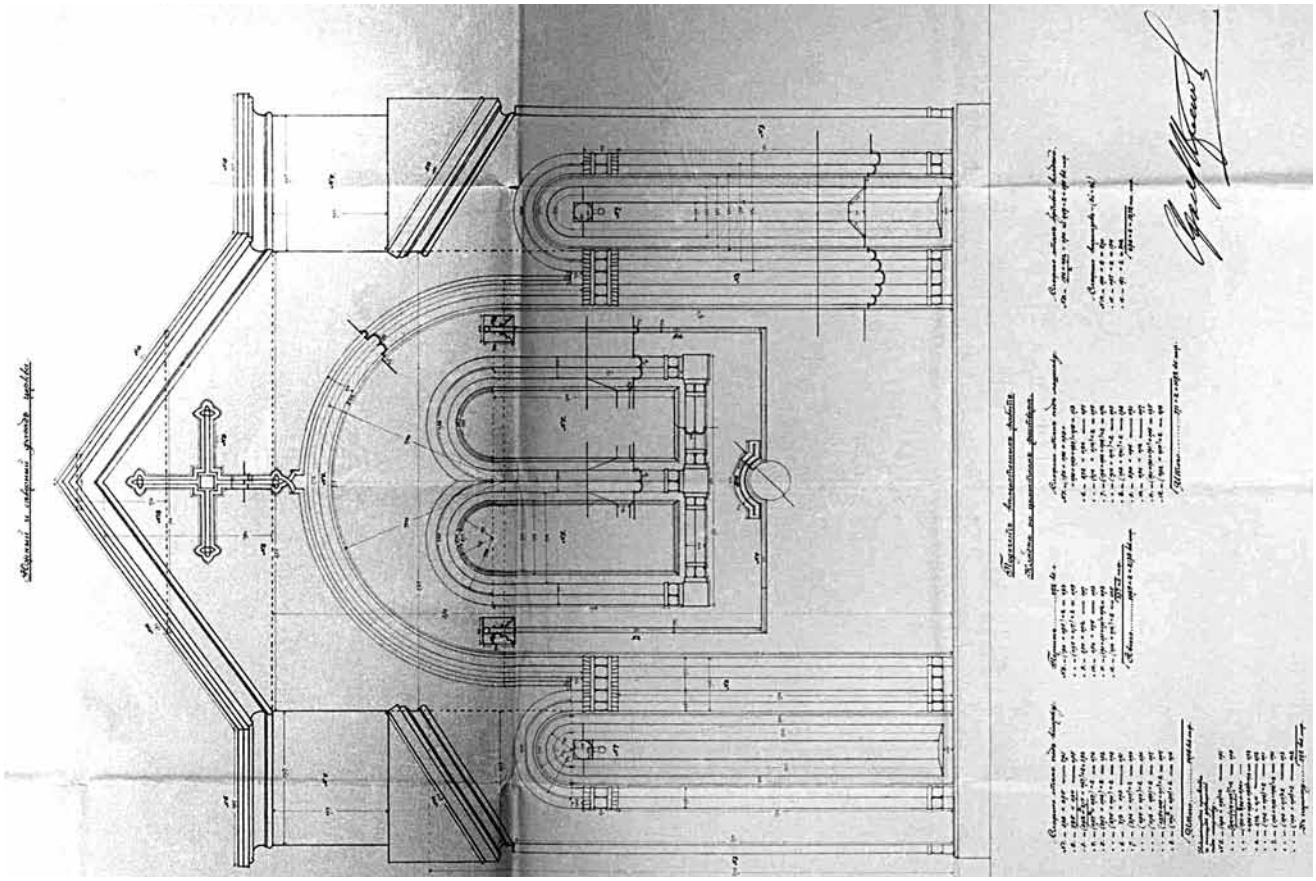


Рис. 4. Южный и северный фасады церкви [РГИА, ф. 530, оп. 1, д. 138, л. 3]

Рис. 6. Храм во время строительства. Вид с востока [ЯИЛМ, КП 3649/525]

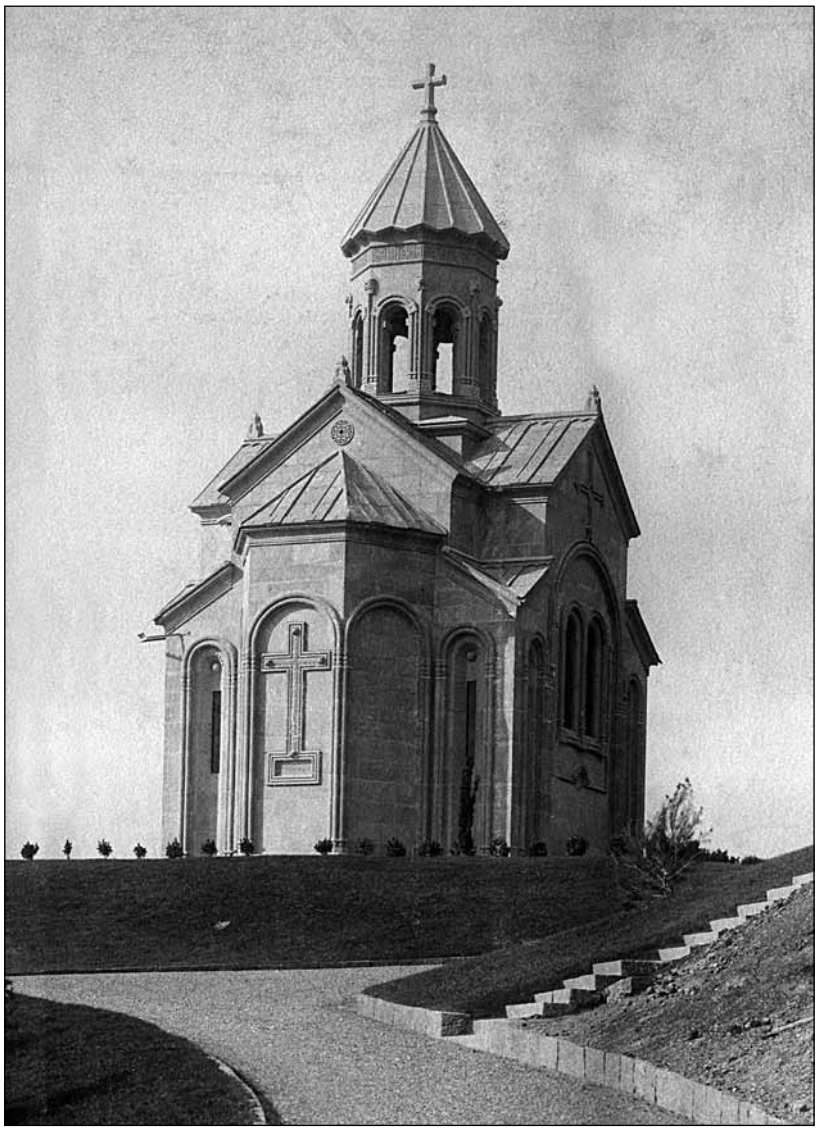


Рис. 7.
Общий вид храма
с востока
[ЯИЛМ, КП 3649/298]

А. А. Непомнящий

РАЗРАБОТКА «АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЫ КРЫМА»: по данным переписки Ю. А. Кулаковского с А. И. Маркевичем

На основе сохранившегося эпистолярного наследия Ю. А. Кулаковского восстановлены эпизоды истории составления «Археологической карты Крыма», работа над которой велась по поручению и при финансировании императорской Археологической комиссии. В личном архивном фонде А. И. Маркевича, который хранится в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, сохранились 13 писем Ю. А. Кулаковского к Арсению Ивановичу, датированных 1894–1895 гг. Проекта издания «Археологической карты Крыма» не был окончательно реализован. Несмотря на то, что эту идею поддерживали Академия наук и Археологическая комиссия, финансирование было даже не недостаточное, а остаточное. А. И. Маркевич и Ю. А. Кулаковский проделали значительную работу по подготовке столь нужного в крымоведении справочно-энциклопедического издания о крымских древностях.

Ключевые слова: крымоведение, археологическая Карта, Юлиан Кулаковский, Арсений Маркевич, эпистолярий.

В досоветском крымоведении Юлиан Андреевич Кулаковский (1855–1919) справедливо признавался коллегами «одним из самых усердных и энергичных ученых, занимавшихся исследованием юга» Российской империи [Соболевский, 1919, с. 567–568]. Ученый внес значительный вклад в изучение археологии Крыма, его средневековой истории и расширения источниковой базы исторических исследований. По меткому выражению филолога-классика Бориса Васильевича Варнеке, «Кулаковский принес все богатство своей эрудиции, усовершенствованное методами классической филологии на служение родной стране и сделал так много в области археологии, исторической географии и этнографии Южной России, так усердно и счастливо расчистил пути для дальнейшего исследования, что всякий будущий работник в этой области найдет существенное подспорье для своих работ в трудах Ю. А.» [Варнеке, 1907, с. 16].

Биографическая канва Ю. А. Кулаковского и обзор его византиноведческих штудий представлены в блестящей монографии А. А. Пучкова [2004]. В научной литературе отдельно рассмотрен и вклад киевского ученого в развитие крымоведческих исследований [Непомнящий, 2003а, с. 274–284; 2003б, с. 366–379]. Это позволит нам в данной публикации опустить уже известные сюжеты.

Библиография научного наследия Ю. А. Кулаковского, доведенная в 1910 г., впервые была опубликована в сборнике «Serta Borysthenica» (1911 г.), выпущенном в честь 30-летнего юбилея его деятельности в Университете Св. Владимира [Список трудов…, 1911, с. III – XIV]. В приведенный в хронологической последовательности выхода трудов список вошли лишь наиболее значимые работы Юлиана Андреевича. В нем есть ряд неточностей, на которые указали уже современники. Б. В. Варнеке в 1907 г. опубликовал списки статей Ю. А. Кулаковского, напечатанных в киевских «Университетских известиях» и «Журнале Министерства народного просвещения» [Варнеке, 1907, с. 22–23]. Наиболее обстоятельный «Указатель трудов Ю. А. Кулаковского» был подготовлен к 80-летию со дня смерти ученого в Государственном научно-исследовательском институте теории и истории архитектуры и градостроительства А. А. Пучковым [Юлиан…, 1999].

Первые публикации Ю. А. Кулаковского, затрагивавшие отдельные аспекты исторического

краеведения Крыма — область античной эпиграфики — стали появляться в начале 80-х гг. XIX в. На страницах киевских «Университетских известий» под рубрикой «Новости эпиграфической литературы» он сделал ряд обзоров новинок западноевропейских изданий древних надписей из Северного Причерноморья [Кулаковский, 1881, с. 371–380; 1883, с. 123–130].

Осенью 1888 г. в С.-Петерубргском университете Ю. А. Кулаковский защитил диссертацию на степень доктора римской словесности. С 24 октября этого же года он состоял ординарным профессором университета в Киеве. С этого времени наблюдается резкое перемещение ракурса научных интересов историка с общих вопросов древнеримской истории и филологии на слабо изученных аспектах археологии и эпиграфики Северного Причерноморья.

С 1890 года ученый приступил к систематическим археологическим исследованиям в районе Керчи. Изыскания велись по поручению Археологической комиссии, в которую Ю. А. Кулаковский обратился с письмом, где выразил желание принять участие в изучении юга страны [ИИМК РАН НА РО, ф. 25, оп. 1, д. 180, л. 2]. В то время молодой исследователь уже был хорошо известен среди эпиграфистов благодаря своим публикациям в российских и европейских журналах, посвященных классической филологии. После разрытия весной 1890 г. рабочими, добывавшими камень на северном склоне горы Митридат, катакомбы с фресками возникла необходимость организации ее изучения [см.: Непомнящий, 2000]. Тут в Археологической комиссии и возникла кандидатура Ю. А. Кулаковского. Товарищ председателя Археологической комиссии В. Г. Тизенгаузен в марте 1890 г., напутствуя Ю. А. Кулаковского, отмечал, что «Задуманная Вами поездка в Керчь и Тамань, без сомнения, поможет Вам ознакомиться с этими местностями, но больших раскопок там теперь не предвидится и поэтому Вам не удастся проверить на деле разные детали» [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 122, л. 20]. Сохранился рукописный отчет Юлиана Андреевича о произведенных раскопках в Керчи, датированный 1890 г. [ВКГИКМЗ, оп. 2, д. 102, л. 55–65]. Сокращенный вариант этой работы был опубликован в 1891 году [Кулаковский, 1891а, с. 20–23]. Представляют интерес свидетельства об археологических разысканиях Ю. А. Кулаковского в Керчи в 1891 г. — дневниковые записи путешествовавшего по Крыму в августе 1891 г. историка искусства и археолога Д. В. Айналова (1862–1939), выявленные нами в его личном архивном фонде [ПФАРАН, ф. 737, оп. 1, д. 126, л. 7–8]. Дмитрий Власьевич подробно описал свое посещение Керчи, встречу с Ю. А. Кулаковским, ход его исследований и первые результаты работ. Эта информация значительно уточняет утверждение о том, что Юлиан Андреевич якобы начал археологические исследования в Крыму только в 1894 г. [Григор'єва, 1989, с. 25].

Основное внимание Кулаковский сосредоточил на изучении открытой им христианской катакомбы 491 года, описание которой он опубликовал в «Материалах по археологии России» [Кулаковский, 1891б]. Отчет содержит обзор результатов раскопок автора в августе 1890 г. на склоне горы Митридат, где ему удалось открыть катакомбу, представляющую собой единственный пример погребальной пещеры с определенной хронологической датой. Вспоминая об этом, историк писал, что «моя первая поездка в Керчь одарила меня находкой, которая оказалась первой в своем роде на неистощимой почве древнего Пантикапея. <…> С тех пор древности Тавриды стали для меня близкой и родной областью» [Кулаковский, 1996, с. 6]. В фонде «Императорская Археологическая комиссия», который отложился в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, отложились документы, подтверждающие интерес историка к этому памятнику еще с 1885 года [ИИМК РАН НА РО, ф. 1 (1885 г.), д. 59, л. 110–114 об.; 125–136; ф. 1 (1891 г.), д. 40, л. 39–40]. Опубликованные данные стали обобщающим трудом, включавшим не только результаты практических исследований, но и обзор наработок, сделанных другими археологами. Данная монографическая публикация получила высокую оценку специалистов в области древней археологии Крыма [Латышев, 1891, с. 393–405].

Выдающееся значение сделанных Ю. А. Кулаковским открытий подчеркивал Михаил Иванович Ростовцев (1870–1952). Его интерпретация находок дошла до нас благодаря сохранившейся переписке М. И. Ростовцева с директором Керченского музея древностей Владиславом Вячеславовичем Шкорпилом [РГИА, ф. 1041, оп. 1, д. 33, л. 7–8]. Роль открытого памятника как источника для истории раннесредневекового Крыма отметил профессор С.-Петербургского университета Н. И. Веселовский [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 139, л. 14]. Следует отметить, что переписка Ю. А. Кулаковского с Н. И. Веселовским, сохранившаяся в личном фонде Н. И. Веселовского в

Российском государственном архиве литературы и искусства, содержит огромное количество археологических комментариев, описаний раскопок, расшифровок эпиграфических находок и представляет огромный интерес [РГАЛИ, ф. 118, оп. 1, д.891, л. 1–35]. Письма представляют несомненный интерес для характеристики хода археологического исследования полуострова и роли в его изучении ведущих отечественных ученых.

Описанию керченских катакомб Юлиан Андреевич посвятил и ряд других публикаций. В частности, знакомство ученого с путешественными записками М. Ремезова [Ремезов, 1892], которые содержали ряд исторических ошибок, побудили его к публикации популярного очерка «Археологические заметки по вопросу о катакомбах в Керчи» [Кулаковский, 1892, с. 220–224]. В доступной форме историк изложил описание этих памятников. К этой же проблеме он возвращается в статье «О керченских катакомбах с фресками» [Кулаковский, 1893, с. 384–385]. Обзор своих археологических разысканий в Керчи ученый поместил в отдельном выпуске «Материалов по археологии России», издаваемых Археологической комиссией [Кулаковский, 1896а]. Обсуждение новых археологических находок на керченской земле продолжалось и на страницах довольно обширной переписки Ю. А. Кулаковского с ведущими российскими и европейскими археологами и востоковедами. Так, историк и библиограф Афанасий Федорович Бычков отмечал, обращаясь к Ю. А. Кулаковскому, что «мы имели удовольствие познакомиться с результатами Вашего любопытного открытия. Можно надеяться, что если обстоятельства Вам позволят, вы продолжите раскопки, увенчавшиеся такой блистательной находкой» [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 123, л. 16]. Специалист в области эпиграфики Иван Васильевич Помяловский специально писал Юлиану Андреевичу по поводу его новых находок: «Она меня крайне заинтересовала <…> Ваша находка должна и в том и в другом отношении занять одно из первых мест в христианской эпиграфии. Особый интерес придает ей дата, и если в тексте псалмов окажутся варианты, то это будет прямой драгоценностью» [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 121, л. 7].

Заняв, таким образом, определенное место в активно развивавшемся в ту эпоху научном крымоведении, Юлиан Андреевич ревниво интересовался всеми книжными новинками по археологии Крыма, вел обширную переписку с исследователями, занимавшимися различными сторонами жизни края. Конечно же, при этом он не мог не познакомиться с авторитетнейшим историком и библиографом, крупнейшим организатором досоветского крымоведения Арсением Ивановичем Маркевичем (1855–1942) [см. об А. И. Маркевиче: Непомнящий, 2005].

В личном архивном фонде А. И. Маркевича, который хранится в рукописном отделе Научного архива Института истории материальной культуры РАН, отложилась незначительная часть научного архива ученого. Среди других − 13 писем Ю. А. Кулаковского к Арсению Ивановичу, датированных 1894–1895 гг. [ИИМК РАН НА РО, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 1–26]. Из содержания первого из писем от 14 октября 1894 г., становится известным, что знакомство двух выдающихся крымоведов состоялось в связи с выходом в свет в этом году «Опыта указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще» А. И. Маркевича. Получив в дар от А. И. Маркевича эту книгу, Ю. А. Кулаковский писал в Симферополь:

«14 октября 1894 г.
Киев.

Многоуважаемый
Арсений Иванович!

Позвольте принести Вам самую сердечную благодарность за полученные мною Ваши «TAURICA». Эта книжка является теперь для каждого, кто так или иначе заинтересован в изучении Крыма, вполне необходимым пособием. Много и очень много труда стоила она Вам, но зато Вы можете иметь удовлетворение в той благодарности, которую скажет Вам всякий, в чьи руки она попадет. А таких людей немало, так как Вы захватили не только историю, но и живую текущую действительность. Вы предлагаете указать пропуски; на это могу сказать одно: я их не вижу, а только изумляюсь полноте и узнаю уже о многих своих пропусках благодаря Вашей книге и если мне теперь удастся попасть в Одессу, уже не отнесусь так к Библиотеке Одес[ского] Общ[ества] Ист[ории] и Древн[остей], как делал это прежде, а постараюсь по Вашим указаниям ознакомиться со многим. <…>» [ИИМК РАН НА РО, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 1–2].

В 1894 году Археологическая комиссия вновь организовала археологическую экспедицию в Крым. Ее руководство было поручено Ю. А. Кулаковскому. Итоги экспедиции освящены в отдельной статье историка, опубликованной в изда-

нии Исторического общества Нестора Летописца [Кулаковский, 1895, с. 42–44]. В Керчи раскопки производились на горе Митридат и на северной окраине города. В округе Керчи исследования велись на мысе Зюк, вблизи Чокракского озера. Юлиан Андреевич весьма скромно оценивал результаты проведенных им работ. В письме к своему коллеге по Университету Святого Владимира историку-византинисту Тимофею Дмитриевичу Флоринскому в июне 1894 года Ю. А. Кулаковский констатировал: «Вообще мои раскопки, которые сообразно отпущенным средствам я веду в очень скромных размерах, дали пока самые бедные результаты, — разумею — непоказные, — хотя для меня лично и для топографии здешних кладбищ не лишено значения и то, что найдено» [цит. по: Матвеева, 2002].

Концом 1894 г. − первой половиной 1895 г. датирована серия писем Ю. А. Кулаковского к А. И. Маркевичу, посвященных организации работ по подготовке «Археологической карты Крыма». Информация, содержащаяся в эпистолярии, проливает свет на неизвестные страницы деятельности краеведов, содержит интересные характеристики подвижников крымоведения. (Приводим тексты писем полностью. Комментарии помещены в соответствующих ссылках).

«14 дек[абря] [18]94
Киев

Многоуважаемый
Арсений Иванович!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой помочь мне советом в вопросе, который должен быть близок Вашему Сердцу. Дело в следующем. — В своем отчете о раскопках этого года, который я представил в Комиссию, я позволил себе высказать желание, чтобы Комиссия взяла на себя труд издания археологической карты Крыма. Я указывал на то, что изданные в России карты, какова карта, приготовленная к Одесскому Съезду 84 года, а также и карта Латышева, во II томе Корпуса его, основаны не на самостоятельном изучении местностей, а являются лишь повторением (кое в чем улучшенным) прежних карт, составленных немцами, не бывавшими в Крыму, как Neumann (Skythen und Hellenen). Это мое предложение Комиссия приняла благосклонно, и в своем ответе она мне предлагает следующее: «принять на себя труд подготовки проектируемой Вами археологической карты и составления проекта археологических разысканий во внутренней части Крымского полуострова».

В этом направлении я пока ничего не сделал кроме того, что пересматриваю некоторые статьи из Записок Одесского общ[ества] Ист[ории] и Древностей подходящего содержания. Когда я в этом году мечтал заехать в Симферополь, то моей главной мыслью было узнать, не организовано ли у Вас что-нибудь по части собрания сведений о достопримечательных в археологическом отношении местностях, остающихся доселе неизвестными. На Ваши земские и дворянские собрания съезжаются люди со всех концов полуострова, и таким образом нетрудно, казалось бы, со стороны утилизовать это для научных целей. Я говорил на сродную тему с одним Вашим крупным помещиком Счабривцевым, но от него ничего не узнал. — Позвольте просить Вас сообщить мне Ваше мнение насчет целесообразности и осуществимости моей мысли об издании карты (одной или нескольких, по эпохам исторической жизни Крыма), а также и о том, есть ли в Вашей Комиссии какие-либо материалы, которыми можно было бы воспользоваться для древнего периода, который меня, конечно, прежде всего, интересует. — В надежде, что Вы не откажете ответом, остаюсь искренне уважающий Вас Ю. Кулаковский.

P. S. Прошу Вас при случае передать мой сердечный привет Х. А. Монастырлы».

[ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 3–4][1].

«19 марта [18]95
Киев.

Многоуважаемый
Арсений Иванович!

Давно я не отзывался к Вам, но не было ничего, о чем надлежало Вас уведомить. Комиссия еще не распределяла денег на работы, а потому я и не знаю, какая сумма будет в нашем с Вами распоряжении. Но вчера я получил письмо от Веселовского с некоторыми сведениями, которы-

[1] В письме упоминается VI Археологический съезд, проходивший в 1884 г. в Одессе [см. об этом: Непомнящий А, 2002, с. 579–590]. См. вторую из упомянутых карт [Latyschew, 1890]. Ю. А. Кулаковский считает, что помещенная в издании В. В. Латышева карта была скопирована с книги [Neumann, 1855]. «Сердечный привет» Ю. А. Кулаковский передавал гагаузу Харлампию Афанасьевичу Монастырлы − преподавателю Симферопольской гимназии, члену Таврической ученой архивной комиссии, (впоследствии (с конца 1903 г.) − инспектор Симферопольской татарской учительской школы).

ми и хочу немедленно поделиться с Вами. Когда я был в Петербурге, то говорил в Комиссии, что составление Археологической карты Крыма возможно не иначе, как при Вашем участии и содействии (и Думберга — для восточной части полуострова). Я говорил, что необходимо предоставить Вам, как и мне, определенный кредит на предстоящее лето. Теперь Веселовский пишет, что Комиссия предполагает выдать кредит на мое имя, чтобы я потом от себя передал Вам столько, сколько будет нужно. (Сколько они предполагают ассигновать, он не пишет). Позвольте надеяться, что для Вас это без разницы, так как в этом деле мы теснейшие союзники. Вероятно, много экскурсий нам придется сделать вместе, значит и расходы будут общие; а когда придется действовать раздельно, то будем сообща расходовать наш кредит. — Далее, Веселовский пишет, что Главный Штаб доставил карты Крыма (по моей инициативе Комиссия просила у Штаба карту самого большого масштаба, в ней чуть ли не сто листов) и спрашивает, куда направить эту карту. Я предполагал, что ее следует направить к Вам, в Вашу Комиссию, где, вероятно, найдется ей место полежать до времени, когда мы с Вами станем наносить на нее имеющиеся данные и проверять в экскурсиях. В настоящее время я по мере возможностей стараюсь полнее войти в археологию и историю Крыма и делаю разные выписки по имеющейся здесь литературе, которая, впрочем, далеко у нас в библиотеке не полна. Конечно, мое внимание обращено, прежде всего, на сведения о греческих городах и находках той эпохи. Вы, как вижу по Вашим статьям в Известиях, знаете и татарский период.

Итак, в твердой надежде на Ваше сотрудничество на все лето, крепко жму Вашу руку. Ваш Юлиан Кулаковский».

[ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 9–10][2].

«Многоуважаемый
Арсений Иванович!

Спешу отозваться на Ваше письмо, чтобы разъяснить Ваше недоумение насчет отсутствия инструкции. Если кто в этом виноват, то один лишь я. Но сознаюсь, я знаю что нам и не нужно, да и не от кого получать инструкцию. Я предполагал и даже собирался предоставить в Комиссию официальное изложение того, что и как я бы считал нужным сделать, но я этого до сих пор не исполнил. А в Комиссии заняты были, по всей вероятности, все эти месяцы предстоявшей выставкой для Царя и разными текущими делами, и от меня ничего не потребовали. Я старался познакомиться с системой знаков, как она установлена на западных археологических конгрессах, усиленно читаю, что могу достать по истории и археологии Крыма и делаю разного рода отметки. Представляю я себе дело так: если мы с Вами обойдем в этом году Евпаторийский уезд и часть горного Крыма и нанесем данные этих мест на карту, то этого на первое лето будет вполне достаточно. Если в Ваших руках находится статистический материал по курганам степного Крыма (Антонович говорил мне в Статист[ических] Комитетах такие данные есть и, сколько он знает по опыту, хорошего качества) и Вы располагаете свободным временем, чтобы свести его, то этим значительно облегчаются наши будущие экскурсии. Материалы, которые есть в Зап[исках] Од[есского] Общ[ества истории и древностей] и Ваших Известиях я пересмотрел и сделал из него выписки. Будьте так добры, сообщите мне, есть ли у Вас в Симферополе Dubois, Pallas и Кеппен, а также имеется ли карта Кеппена?

Преданный Вам Ю. Кулаковский

14 апреля [18]95

Киев» [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 11–12].

«19 апреля [18]95
Киев

Многоуважаемый
Арсений Иванович!

Спешу поделиться с Вами известием, которое сообщил мне Веселовский, а именно: Комиссия уже назначила деньги на нашу с Вами работу, причем, по-видимому, Вы будете иметь особый, лично Вам назначенный аванс. Итак, дело, слава Богу, обеспечено. Делясь с Вами этим равно нам обоим приятным сведением, хочу Вас спросить, во-первых, о том, когда кончаются у Вас экзамены и с какого дня Вы будете свободны. Это мне нужно знать для своих соображений о том, как распределить предстоящие вакации. Я надеюсь, что буду уже свободен 1 июня, но быть может мне и нельзя и не к чеему будет тотчас же приехать

[2] Упомянутый в письме Карл Евгеньевич Думберг (1862–?), в 1891–1901 гг. – директор Керченского музея древностей, член Таврической ученой архивной комиссии с 17 апреля 1899 г., действительный член Одесского общества истории и древностей с 2 мая 1894 г. [см. о нем: Непомнящий, 2000, с. 150–171; Nepomnjaštši, 2005].

в Симферополь, так как есть у меня забота и в Керчи (христианская катакомба, найденная там в марте месяце). Я не знаю, там ли Думберг теперь, но, вероятно, он будет там в начале июня. Мне и приходит теперь на мысль, не лучше ли сначала побывать мне в Керчи, снять кальки с христианских надписей, столковаться с Думбергом о том, что и как надо сделать по отношению к восточной окраине Крыма, а потом явиться к Вам. Если Вы не будете свободны раньше 15 июня, то и мне, пожалуй, трудно будет что-нибудь предпринять в Ваших интересах раньше этого времени.

Второй мой вопрос касается вот чего. Лично я мало знаю Ящуржинского, хотя мы с ним и встречались. Я слышал часто, что он очень живой, энергичный и предприимчивый человек. Как Вы думаете на счет того, чтобы привлечь его к нашему делу? Если Вы считаете это полезным, то не возьметесь ли написать ему, чтобы узнать, какие его планы на предстоящее лето и не найдет ли он для себя интересным быть нашим сотрудником? Если да, то пусть бы он отозвался ко мне и тогда мы спишемся заранее. Но во всяком случае ставлю вопрос о нем на Ваше усмотрение, так как Вы его бывший сослуживец и, значит, знаете его и можете судить о том, насколько желательно его участие. Еще один вопрос: есть ли в Вашей библиотеке Сумароков «Досуги Крымского Судьи»? В нашей библиотеке нет этого сочинения; я его знаю по Керчи, но теперь чувствую сильно отсутствие его под руками.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Ю. Кулаковский» [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 13–14][3].

«Многоуважаемый
Арсений Иванович!

В ответ на Ваше письмо от 23 апреля прежде всего хочу сказать, что буду чрезвычайно рад участию в нашем деле Ф. Ф. Лашкова. По многим его трудам я знаю его имя, но лично встречаться не приходилось. На Одесском съезде я был новичком, а в Моск[овском] 90 года почти не участвовал. Работы Ф. Ф. Лашкова в Ваших Известиях указывают, что он хорошо знает татарскую историю Крыма, которой я не знаю вовсе, так что и в этом отношении он дорогой помощник, не говоря уже о близком и непосредственном его знакомстве с местностью. — Бумаги от Комиссии об открытии кредита на наше дело я еще не получал, но раз Вы получили уже формальное приглашение участвовать в этой работе, то, значит, там дело уже оформлено. Что касается до карты, присланной Вам, то это должна быть карта Крыма наибольшего масштаба, верста в дюйме. Я предполагал, что работать с такой картой удобнее всего, хотя для издания придется перевести наши значки на меньшую в несколько раз. Я этой карты не видел, при мне лишь Комиссия попросила ее из Штаба. Я бы думал, что не только бы не мешало раскупорить посылку, но даже и выбрать листы хотя бы того же Евпаторийского уезда (пока одного) и наклеить по четыре (если это не слишком много) на полотно (при этом можно и разрезать листы, если это удобнее для укладки). Вероятно, в Симферополе есть переплетчики, которые умеют обращаться с наклейкой карты. Как мы разделим работу, с чего начнем, это обсудим, когда свидимся. Я предположил Евп[аторийский] уезд для начала, потому что он менее других привлекал внимание и представляется наименее интересным по климатическим условиям для экскурсий. Перебраться потом в горы будет приятным отдыхом.

Крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам Ю. Кулаковский.

1 мая [18]95. Киев» [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 15–16][4].

---

[3] В письме речь идет об информации, полученной от археолога, востоковеда Николая Ивановича Веселовского (1848–1918) [см. о нем: Непомнящий, 1999, с. 182–191; Непомнящий, 2001, с. 186–212]. Хрисанф Петрович Ящуржинский (1852–1923), член Таврической ученой архивной комиссии с 24 января 1888 г. Сын православного священника Киевской губернии. Получил образования на славяно-русском отделении историко-филологических факультетов Университета Св. Владимира в Киеве, а затем − Варшавского университета. В Крыму с 1884 г. − преподаватель Керченского Кушниковского девичьего института, затем − Симферопольской гимназии. В 1893 г. − переехал в Одессу, где стал преподавателем Одесского института благородных девиц. Известный украинский фольклорист См. формулярный список Х. П. Ящуржинского [ГАРК, ф. 104, оп. 1, д. 1264].

[4] В письме говорится об одном из крупнейших крымских краеведов досоветской эпохи − Федоре Федоровиче Лашкове (1858–1917) − одном из учредителей и первом правителе дел (1887–1897) Таврической ученой архивной комиссии, преподавателе Симферопольской мужской гимназии. Ф. Ф. Лашков приобрел известность в крымоведческой историографии как ориенталист и археограф, автор фундаментальных трудов по социально-экономической истории Крымского ханства [см. о нем: Непомнящий, 2008, с. 135–190].

Летом 1897 года Ю. А. Кулаковский занимался археологическими исследованиями в Старом Крыму. Их результаты были отражены сразу же в нескольких публикациях. На страницах «Записок» Русского археологического общества он поместил статью «Новые данные по истории Старого Крыма», в которой охарактеризованы обследованные им археологические памятники и сделана попытка воссоздать историю города [Кулаковский, 1899а, с. 1–12]. На страницах «Чтений» Исторического общества Нестора Летописца в отчете о своей научной командировке в Старый Крым Юлиан Андреевич буддировал вопрос о необходимости сохранения уникальных археологических памятников этого района. Знакомя читателей с обнаруженными им палеографическими находками, он сетовал, что «Памятники древней славы и величия города находятся в настоящее время в самом жалком состоянии» [Кулаковский, 1899б, с. 104].

Представляют несомненный интерес выявленные рукописи записок Юлиана Андреевича (большая часть записей — черновые) о ходе его археологических исследований в различных районах Крыма (не датированы) [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 19, 22]. Их можно рассматривать как отдельные крымоведческие работы ученого.

Во время своих исследований в Крыму Юлиан Андреевич активно сотрудничал с ведущим местным краеведческим центром — Таврической ученой архивной комиссией, в которой видел «единственный центр, куда могли бы стекаться разного рода важные сведения, которые ускользают от наезжающих на время в Крым исследователей» [Маркевич, 1920, с. 338]. Хотя в «Известиях» и в протоколах заседаний Комиссии не выявлено его публикаций и сообщений, свидетельством его непосредственных контактов с крымскими краеведами являются сделанные ими обзоры результатов раскопок киевского археолога. (Например, доклад А. О. Кашпара «О раскопке курганов в деревне Тавель Симферопольского уезда, произведенных Кулаковским» на заседании ТУАК 8 октября 1897 г.).

Продолжение сюжета о подготовке «Археологической карты Крыма» содержится в двух письмах А. И. Маркевича к Ю. А. Кулаковскому, выявленных в личном архивном фонде Ю. А. Кулаковского, отложившемся в Центральном государственном историческом архиве Украины в г. Киеве, датированных тремя годами позже. Так, 17 марта 1898 г. Арсений Иванович Маркевич согласовывал с киевским коллегой план работ по сбору материалов для карты на летний период [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 144, л. 5–6], а 22 сентября 1898 г. Арсений Иванович отчитывался об «исполнении поручений» по сбору материалов для карты, которые были сделаны им после отъезда Ю. А. Кулаковского из Крыма в конце лета 1898 г. [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 144, л. 2 об.–3].

На этом обрывается сохранившаяся переписка А. И. Маркевича с Ю. А. Кулаковским. В письмах А. И. Маркевича к другим крымоведам вопрос о подготовке карты не поднимался.

Судьба проекта издания «Археологической карты Крыма» сложилась печально. Несмотря на то, что эту идею поддерживали Академия наук и Археологическая комиссия, финансирование было даже не недостаточное, а остаточное [ПФАРАН, ф. 35, оп. 1, д. 44, л. 1]. А. И. Маркевич и Ю. А. Кулаковский проделали значительную работу по подготовке столь нужного в крымоведении справочно-энциклопедического издания о крымских древностях. Были обследованы районы от Симферополя до моря, к западу, и до начала горных долин, к югу и востоку. Интерес вызывали не только остатки археологических сооружений различных эпох, но и сохранившиеся в среде местного населения исторические сведения. Особенно детально были исследованы остатки храмов с надписями XIV – XVI века в селениях Шуры и Лаки, о которых до этого не было упоминаний в специальной литературе. Осмотрены были «пещерные» города и монастыри Таврики. Исследования были продолжены в 1897 году, когда Ю. А. Кулаковский продолжал собирать материалы вблизи Карасубазара и Симферополя. В 1898 году ученый посетил Старый Крым, Коктебель, Топлы, Коккоз, Отузы и другие места восточного Крыма. Таким образом, «Археологическая карта Крыма» была совместно подготовлена Ю. А. Кулаковским и А. И. Маркевичем, но не была издана. Выявить ее (в виде карты) в архивных фондах не удалось. Однако, сохранилась рукопись, «Объяснительная записка к Археологической карте Крыма» (не датирована), подготовленная Ю. А. Кулаковским, где представлена общая характеристика археологических эпох и описание выявленных памятников [ЦГИАУК, ф. 264, оп. 1, д. 18, л. 1–71]. Неизвестные до сих пор материалы, подготовленные А. И. Маркевичем для «Археологической карты Крыма» выявлены в его личном фонде. Это собрание справочно-библиографических карточек (218 штук), построенное по алфавитно-географическому принципу [ИИМК РАН РА, ф. 32, оп. 1, д. 51–54, л. 1–218]. После указания конкретного памятника либо топонима содержится информа-

ция по истории его исследования (времени раскопок, кто изучал).

Недостаточное финансирование при проведении работ, а впоследствии — смерть Ю. А. Кулаковского (21 февраля 1919 г.), изменение государственного строя в стране и нивелирование культурных приоритетов свели на нет старания Ю. А. Кулаковского и А. И. Маркевича по созданию «Археологической карты Крыма». Хотя известна попытка издания подобной карты Н. Л. Эрнстом [1935, с. 440], ее легенда (справочный аппарат) не могут сравниться с масштабной задумкой (практически уже реализованной) Ю. А. Кулаковским и А. И. Маркевичем. Сохранившиеся в личных архивных фондах этих подвижников крымоведения неопубликованные материалы к «Археологической карте» представляют несомненный научный интерес и нуждаются в издании с соответствующим нынешнему состоянию науки комментированием.

Abstract

A. A. Nepomnyashchy

THE DEVELOPMENT OF THE «ARCHAEOLOGICAL MAP OF CRIMEA»: according to correspondence J. A. Kulakovsky with A. I. Markevich

On the basis of extant epistolary heritage of the J. A. Kulakovsky restored episodes in the history of the compilation of the «Archaeological map of Crimea», which was conducted on behalf of and with funding from the Imperial Archaeological Commission. In a personal archive foundation A. I. Markevich, which is stored in the manuscript Department of the Scientific archive of the Institute of history of material culture RAS, survived 13 letters J. A. Kulakovsky to Arseniy Ivanovich, dated 1894–1895. Project publication «Archaeological map of Crimea» was not finally implemented. Although this idea was supported by the Academy of Sciences and the Archaeological Commission, the funding was insufficient and the residual. A. I. Markevich and J. A. Kulakovsky had done considerable work on the preparation needed in the studying of the Crimea encyclopedic reference edition about the Crimean antiquities.

Keywords: studying of the Crimea, archaeological Map, Julian Kulakovsky, Arseniy Markevich, epistolary.

Э. Б. Петрова

ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ ФЕОДОСИИ И ЕЕ ОКРУГИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(К 165-летию со дня рождения Людвика Петровича Колли)

Статья посвящена жизни и деятельности известного крымского краеведа, заведующего Феодосийским музеем древностей в 1900–1917 гг. Людвика Петровича Колли.

Ключевые слова: Крым, Феодосия, Феодосийский музей древностей, охрана памятников древности, Л. П. Колли.

25 мая 2011 г. Феодосийскому музею древностей (ФМД) — старейшему музею на юге России и в Крыму — исполнилось 200 лет. Это событие ознаменовалось выходом в свет новых книг и статей, авторы которых немало потрудились в поисках интересных и новых материалов по истории и культуре Крыма, при этом во главу угла были поставлены биографии людей, занимавшихся изучением исторического прошлого Феодосии, охраной историко-художественных памятников города и его округи [Шаманаев, 2010, с. 557–568; Сотрудники…, 2011; Тункина, 2011]. Одним из первых в списке этих людей стоит Людвик Петрович Коллий (рис. 1). Он родился 165 лет назад — 23 декабря 1849 г. по старому стилю (в дальнейшем даты до 1918 г. будут даны по старому стилю), и это дало повод еще раз вспомнить об этом скромном человеке, имя которого оказалось навсегда вписанным в историю города Феодосии и его Музея древностей, в историю отечественной медиевистики и археологии.

В данной работе мне хотелось добавить некоторые детали к уже известным фактам его биографии, но главное — обратиться к той стороне деятельности Людвика Петровича, которая наименее отражена исследованиях, ему посвященных: его неутомимой заботе о памятниках старины в Феодосии и во всем Крыму и его сотрудничеству с Таврической ученой архивной комиссией (ТУАК), принимавшей большое участие в жизни Феодосийского музея древностей и охране памятников старины в Феодосии и ее округе [см. список литературы о нем: Петрова, 2011, с. 54–55]. (Данная работа входит в серию моих статьей, посвященных истории Феодосийского музея древностей, жизни и деятельности связанных с ним людей и ситуации с охраной памятников истории и культуры в Феодосии и ее округе [см.: Петрова, 2012, с. 259–284; 2014, с. 60–91].)

Людвик (Людвиг) Петрович Колли (Ludovique Kolli) родился в швейцарском городе Фрайбурге. О раннем периоде его жизни известно из его автобиографии, хранящейся в фондах ФМД: «Четырех с половиной лет принят по экзамену в городское училище в I класс, курс которого окончил (5 классов) в 9,5 лет. В 1858 г. поступил по экзамену в I класс «Коллегии св. Михаила» в классическое отделение (6 классов) и в 1864 г. переведен без экзамена в Фрайбургский лицей по классу философии (2 года), откуда поступил в 1866 г. тут же на юридические курсы, но через год должен был отбывать воинскую повинность (4 месяца), после чего мой полк (61-й федеральный) был отправлен в Женеву на оккупацию для усмирения этого города по случаю электоральных беспорядков. По истечении 2-х месяцев со вторым унтер-офицерским чином вернулся в родной город, где в декабре получил предложение поступить гувернером-воспитателем к сыну председателя Ковенского окружного суда. Пробыл там два года в имении Тельменского уезда. Оттуда поехал в Ригу, где с первого дня меня пригласили преподавателем французского языка в приготовительное отделение рижского техникума. Летом 1872 г. выехал в

Подольскую губернию, в г. Теплик (Гайсинского уезда), в имение графини Потоцкой, гувернером и, пробывши там два года, уехал в Одессу, где занимался преподаванием французского языка в нескольких частных мужских и женских училищах. После русско-турецкой войны, в январе 1879 г., по предложению попечителя Одесского учебного округа Голубцова занял пост преподавателя французского языка в Феодосийской мужской 6-классной прогимназии и женской казенной гимназии». В его краткой биографии сообщается: «Швейцарский гражданин, в России с 1868 г. и на русской государственной службе с 1878 г. Прослужил 30 лет преподавателем Феодосийской гимназии. Дослужился до гражданского чина статского советника. Награжден орденами: 1. Св. Станислава 3-й степени; 2. Св. Анны 3-й степени; 3. Св. Станислава 2-й степени; 4. Св. Анны 2-й степени; 5. Медалью царствования императора Александра III; 6. Юбилейной медалью 1812 г.; 7. Юбилейной медалью 300-летия царствования Дома Романовых» [Архив ФМД, Н. А. 18, д. 118–119].

Итак, Людвик Петрович получил на родине философское и юридическое образование и в дальнейшем в разных местах преподавал французский язык. Трудно сказать, что заставило его покинуть Родину, причем, навсегда. Скорее всего, как это обычно бывает, материальные трудности и стремление найти работу. Но, кажется, была еще одна сугубо личная причина, по которой он счел наилучшим переселиться в отдаленные края. Из нескольких писем, хранящихся в фонде Феодосийской мужской гимназии ГАРК, следует, что до отъезда из Швейцарии Людвик Петрович был женат на некой Луизе Колли. Брак был ранним и, скорее всего, бездетным. Закончился он официальным разводом или нет — неизвестно. Очевидно то, что Колли навсегда расстался с женой и до конца жизни остался холостяком[1]. Хотя, как мне кажется, он должен был нравиться женщинам. Судя по фотографиям, Людвик Петрович был красив [Архив ФМД, Ф. 1091–1096, 1108; Петрова, 2000, с. 27, рис. 8; 2011, с. 51–53]. А. И. Маркевич писал о нем: «… живой, остроумный, всегда изящный, жизнерадостный, Людвик Петрович пользовался симпатиями как сослуживцев, так и общества…»; И. М. Саркизов-Серазини вспоминал: «Важной неторопливой походкой двигался он по улицам… Бороду свою он, видимо, холил. Тщательно расчесанная посередине, она развевалась по сторонам при сильном встречном ветре» [Маркевич, 1918, с. 209; Саркизов-Серазини, 2010, с. 104]. К тому же это был человек высокообразованный, культурный, глубоко порядочный, непритязательный в быту. Поражает обилие писем, которые получал он от друзей, коллег, разных организаций, в них просьбы, масса благодарностей, заверений в уважении [Архив ФМД, К. П. 24312. Н. А. 19].

В Феодосию Людвик Петрович прибыл в 30-летнем возрасте и прожил в этом городе почти 40 лет — большую часть жизни, из них три десятка лет отдал педагогической деятельности.

Он сразу вошел в круг наиболее образованных учителей гимназии, страстно увлекся историческим прошлым Крыма, путешествиями и вскоре начал читать школьникам лекции по истории Феодосии и всего Крыма.

В то время гимназию возглавлял Василий Ксенофонтович Виноградов (1843–1894) — да-

[1] Прошло немало времени, и прошлое напомнило о себе: в 1887 г. на имя директора Феодосийской гимназии пришло письмо из Одесского учебного округа, из которого следовало, что Луиза Колли подала прошение на имя Министра народного просвещения с ходатайствованием о переводе ее мужа из Феодосии в Одессу на должность учителя французского языка [ГАРК, Ф. 514. Оп. 1. Д. 2, л. 67, 68]. Неясно, чем была вызвана такая просьба, но, по всей видимости, она была неожиданной для Людвика Петровича, как, по-видимому, неожиданным стало для него и письмо бывшей жены, отправленное из Парижа 16 ноября 1896 г. к супруге О. Ф. Ретовского (коллеги и друга Л. П. Колли), в котором Луиза соглашалась «потерять все оставшиеся недоимки», если муж будет выдавать ей на содержание ежемесячно по 20 руб. [ГАРК, Ф. 514. Оп. 1. Д. 2, л. 222–222 об.]. Ровно через месяц, 16 декабря, Людвик Петрович пишет заявление на имя директора гимназии В. Ф. Гролиха: «... я предложение г-жи Колли принимаю и обязываюсь выплачивать ежемесячно 20-го числа из моего жалованья по 20 рублей в пользу г-жи Колли впредь до тех пор, пока буду состоять на государственной службе в России» [ГАРК, Ф. 514. Оп. 1. Д. 2, л. 221–221 об.]. 23 декабря 1896 г. Гролих отправляет письмо в Париж Луизе Колли: «Вследствие прошения Вашего, поданного Его сиятельству МНП (Министру народного просвещения. — Э. П.), супруг Ваш, преподаватель французского языка вверенной мне гимназии, статский советник Людовик Петрович Колли, дал мне 16 сего декабря письменное обязательство в том, что он будет Вам выдавать ежемесячно по 20 рублей, согласно положению Вашему, изложенному в письме на имя г-жи Ретовской от 16 ноября 1896 г., впредь до тех пор, пока он будет состоять на государственной службе в России… При сем препровождается 20 рублей за декабрь сего года» [ГАРК, Ф. 514. Оп. 1. Д. 2, л. 223]. Надо полагать, выплаты прекратились только с уходом Л. П. Колли из гимназии в 1906 г.

ровитый педагог, литератор, видный общественный деятель [см. о нем: Петрова, 2003аб с. 67–68; 2003бб с. 63–75]. Феодосийская мужская прогимназия была открыта в июле 1873 г.; Виноградов был назначен ее директором. В сентябре 1883 г. при его активном участии прогимназию преобразовали в полную гимназию; Василий Ксенофонтович возглавлял ее до конца жизни, одновременно являясь председателем педагогического совета женской прогимназии. Коллеги ценили такие его качества, как доброта и мягкость характера, готовность помочь советом и средствами, защитить в случае необходимости, стремление объединить педагогический коллектив. В гимназии трудилось немало педагогов, близких ему по духу, личностей творческих и интересных. К числу таковых относились Ю. А. Галабутский, Д. В. Мышкин, Л. П. Колли, О. Ф. Ретовский, Г. Е. Чернобаев.

Василий Ксенофонтович сам изучал природу и историю Крыма, пропагандировал знания о нем и всячески поощрял такие занятия учителей[2]. Увлеченные историей, В. К. Виноградов, О. Ф. Ретовский и Л. П. Колли благотворно влияли друг на друга, что сказалось на результатах их работы в гимназии и на их научных штудиях: все трое вошли в историю науки как авторы трудов по истории Крыма, Феодосии.

Известный крымский краевед А. И. Маркевич писал в своих воспоминаниях: «Повезло… молодой Феодосийской гимназии, в которой оба преподавателя новых языков — О. Ф. Ретовский и Л. П. Колли — были люди сведущие, образованные, пользовавшиеся уважением товарищей и общества и любовью учеников. Старший из них летами О. Ф. Ретовский занимался естествознанием, написал несколько ученых работ по насекомым Крыма, а затем увлекся крымскими древностями, в частности нумизматикой, получил должность заведующего Феодосийским музеем древностей… Подобно ему, и Колли посвящал свои досуги изучению насекомых, а потом все более входил в историю и древности, в 1887 г. совершил экскурсию по Феодосийскому уезду с профессором В. Д. Смирновым и вместе с ним осматривал остатки древностей в Старом Крыму, потом вместе с О. Ф. Ретовским объехал с археологической целью северное побережье Малой Азии и был достойным преемником его по заведованию Феодосийским музеем древностей…» [Маркевич, 1918, с. 209].

Гимназистов приучали любить и беречь свой край, случайно найденные древние вещи сдавать в городской музей. Учителя выступали в роли экскурсоводов по памятникам истории и культуры Феодосии и ее округи. Когда будущий поэт и художник Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин переехал с матерью в Феодосию (май 1893 г.) и стал учеником ее гимназии, он сразу почувствовал себя в своей среде, приобрел друзей среди гимназистов и учителей. В «Автобиографии» Волошина сохранилась запись: «Феодосийская гимназия… Стихи мои нравятся, и я получаю первую прививку литературной «славы», оказавшуюся впоследствии полезной во всех отношениях: возникает требовательность к себе. Историческая насыщенность Киммерии и строгий пейзаж Коктебеля воспитывают дух и мысль» [Волошин, 1990, с. 223]. Уроженец Феодосии художник Константин Федорович Богаевский, ближайший друг Волошина, рассказывал о жизни гимназии в 1880 – начале 1890-х гг.: «Учителя французского и немецкого языков были любителями и собирателями древностей. Мы, школьники, приносили им старинные монеты, которые находили в античной почве этого города» [Бащенко, 1984, с. 14–15].

Благодаря рассказам учителей, путешествиям и чтению книг Волошин и Богаевский основательно изучили Восточный Крым и еще в юношеские годы полюбили его пустынные берега, четко обозначенные линии невысоких холмов, Феодосию с ее многовековой историей. Уже будучи взрослыми и немало в жизни повидавшими людьми, оба они вернулись в родной приморский городок для того, чтобы в нем жить и созидать. Продолжали дружить со своим бывшим учителем французского языка. Людвик Петрович дарил М. А. Волошину свои научные труды с подписям — они хранятся в фондах Дома-музея поэта в Коктебеле [Купченко, 2002, с. 247, 287, 296; Левичев, 2001, с. 5]. В мае 1930 г. поэт послал оттиск статьи Колли «Следы древней культуры на дне морском» (ИТУАК. 1909. № 43) с авторский дарственной надписью известному ученому И. М. Саркизову-Серазини, уроженцу Феодосии, с детства знавшему Людвика Петровича, и в письме к нему от 5 июня того же года написал: «Очень трогательна Ваша история о Колли» [Купченко, 2007, с. 456, 459].

Не только гимназисты увлекались прошлым родного края, кажется, это было всеобщее увле-

[2] До сих пор не потеряла значения его книга «Феодосия: исторический очерк», в свое время выдержавшая четыре издания (Феодосия, 1884, 1915, 2011; Екатеринодар, 1902).

чение феодосийцев. Приезжие отмечали особую привязанность местных жителей к своему городу: «… такой сильный местный патриотизм едва ли можно найти еще где-либо в России» [В. Г., 1846, с. 94]. Иван Михайлович Саркизов-Серазини вспоминал: «… с Л. П. Колли у меня установились уже с восьмилетнего возраста самые оживленные и «деловые» отношения. Вместе со мной поддерживали с ним тесные «деловые» отношения и форштадские мальчишки. Старому учителю гимназии мы продавали древние монеты, находимые нами во рву и канавах, окружавших Митридатов холм»; Колли «внимательно рассматривал принесенные нами монеты и назначал цену. Спорить было нельзя»; «За найденные медяки Людвиг Петрович платил нам от 1 копейки до пятака»; «Людвигу Петровичу я продал и часть клада…» («клад» 13-летний Иван Михайлович обнаружил в 1900 г. у «Криничек» на Форштадте — это был кувшин с около сотней монет античного времени; Колли заплатил по 3 копейки за каждую)[3] [Саркизов-Серазини, 2010, с. 24–25, 103–104].

В XIX – начале XX в. Феодосия в культурном отношении была городом примечательным, ее посещали знаменитости, здесь долгие годы жил и работал художник Иван Константинович Айвазовский. На протяжении многих лет он являлся почетным попечителем женской и мужской гимназий, дарил им свои картины, гимназистам — рисунки, любил приглашать выпускников гимназий к себе домой. Узы дружбы связывали его с некоторыми педагогами, среди которых был Л. П. Колли. По воспоминаниям И. М. Саркизова-Серазини, «Колли был частым посетителем фонтанчика Айвазовского. Дважды я видел его вместе с художником, идущими по Итальянской…» [Саркизов-Серазини, 2010, с. 104]. Они подолгу беседовали об искусстве, Людвик Петрович был свидетелем создания многих картин художника. Это ясно из его воспоминаний: «Не было дня, чтобы Иван Константинович не принялся за краски, и восходящее солнце часто заставало его уже за мольбертом. Он работал обыкновенно до завтрака, чтобы воспользоваться полным дневным светом. До глубокой старости он работал без очков, и, несмотря на то, что его рука была, можно сказать, необыкновенно велика и тяжела, художник тоненькой колонковой кистью проводил на холсте тончайшие канаты и другие линии с поразительной быстротой и уверенностью. Он был редкий знаток жизни корабля, и детали оснастки судна не составляли для него секрета. Глядя на его картину, моряки не раз в моем присутствии определяли исполнение изображенного на полотне приказа командира корабля». Колли говорил об особенностях живописной манеры Айвазовского, его выборе красок, исправлял неточности, допущенные в обзоре жизни и творчества Ивана Константиновича, сделанном одним из членов ТУАК на заседании Комиссии[4] [Колли, 1918а, с. 200–202] (рис. 2).

Из статьи Людвика Петровича «Подлинный портрет Алима» становится ясно, как часто и подолгу беседовал он с художником и насколько разбирался в живописи. В ней Колли передает подробный рассказ Айвазовского о татарском разбойнике Алиме и о его встречах с ним, а затем со знанием дела дает оценку художественным достоинствам портрета Алима — карандашного рисунка, сделанного французской художницей Леони Лелоррен (которой для этого удалось с помощью Айвазовского пробраться в симферопольскую тюрьму, где разбойник отбывал наказание)[5] (рис. 3) [Колли, 1905а, с. 48–57]. Вся эта история так ярко и образно описана Людвиком Петровичем, что саму статью его вполне можно назвать художественным произведением, увлекательным рассказом.

Была у Айвазовского и Колли еще одна общая страсть — любовь к истории, археологии и Феодосийскому музею древностей. Достаточно сказать, что в 1852 г. Иван Константинович производил археологические раскопки на горе Тепе-Оба, где находился некрополь античной Феодосии, а в 1871 г. на средства, вырученные от выставки картин, выстроил здание для музея на горе Митридат[6] (рис. 4).

---

[3] Саркизов-Серазини не был учеником Колли, он получил начальное образование в Феодосийском 6-классном училище, так как «плата за обучение и содержание в гимназии была не под силу среднему слою населения» [Саркизов-Серазини, 2010, с. 72 слл.].

[4] Протокол заседания ТУАК 12 июля 1917 г. // ИТУАК. 1919. № 56. С. 319.

[5] Об Алиме см. также сообщение члена ТУАК Ф. Н. Андреевского: Протокол заседания ТУАК 16 августа 1912 г. // ИТУАК. 1913. № 49. С. 256–259.

[6] Здание построено по проекту академика, архитектора Министерства двора и уделов А. И. Резанова. В годы Великой Отечественной войны оно было разрушено.

Людвик Петрович был человеком разносторонних знаний и увлечений. По воспоминаниям А. И. Маркевича, он любил русскую литературу, «был хорошо знаком с произведениями главнейших наших писателей; любил и малорусскую речь, и одно письмо его ко мне от 7 июня 1913 г. начиналось двумя значительной величины выдержками из «Кобзаря» Шевченко, написанными, очевидно, по памяти» [Маркевич, 1918, с. 213].

Культурный, образованный человек, страстно увлеченный историей Крыма, Людвик Петрович как никто лучше подходил на должность заведующего Феодосийским музеем древностей. Еще в бытность преподавателем гимназии он по предложению Одесского общества истории и древностей (ООИД) заменил в 1900 г. О. Ф. Ретовского (отбывшего в Санкт-Петербург для работы в Эрмитаже) на посту заведующего (хранителя) музеем.

Через несколько лет ему пришлось уйти из гимназии. По этому поводу А. И. Маркевич пишет: «… прошли времена Виноградова и Айвазовского, наступила тяжелая пора в жизни нашей средней школы, и в частности Феодосийской гимназии, и в половине 1906 г. Людовик Петрович, выслуживший нормальный срок службы, должен был оставить службу в гимназии, без предупреждения, без объяснения причин, «ради освежения школы молодыми силами», как сообщили ему в частной беседе. «Выбросили, как собаку, — писал он мне со скорбью, — с 44 руб. в месяц пенсии»» [Маркевич, 1918, с. 209].

Жизнь была трудной, малообеспеченной, но теперь Людвик Петрович мог посвятить все свое время музею, обследованию и охране памятников, научным занятиям.

Его имя довольно скоро приобрело известность в научном мире. В архиве ФМД хранятся грамоты о признании его с 23 октября 1900 г. членом-корреспондентом ООИД (в ведении коего с середины XIX в. и до Октябрьской революции 1917 г. находился Феодосийский музей), а с 25 февраля 1904 г. — действительным членом этого Общества.

18 января 1901 г. на заседании Таврической ученой архивной комиссии было предложено ввести Людвика Петровича в ее состав, и тут же ему поручили заняться разборкой большого количества архивных дел Феодосийского уездного полицейского управления[7] (в 1908–1909 гг. вновь встал вопрос о разборке архивных дел городского полицейского управления, и на этот раз ТУАК рекомендовала включить в комиссию, которая будет заниматься этими делами, Л. П. Колли[8]). 21 марта 1901 г. он становится действительным членом ТУАК[9]. В 1905 г. его делегировали от ТУАК на Археологический съезд, проходивший в г. Екатеринославе[10].

Нужно сказать, что ТУАК с момента свого образования в 1887 г. уделяла большое внимание Феодосийскому музею. Во времена Ретовского и Колли, несмотря на то, что музей значился в ведении ООИД, роль ТУАК в жизни музея и судьбе исторических памятников Феодосии и ее округи была главной. Л. П. Колли был дружен со многими членами Комиссии, особенно с Арсением Ивановичем Маркевичем — одним из ее основателей и с 1908 г. председателем [см. о нем: Непомнящий, 2005]. Насколько крепкой была их дружба, свидетельствует статья Маркевича, посвященная памяти Л. П. Колли [Маркевич, 1918, с. 208–214], в ней столько печали по ушедшему другу, такие нюансы из его жизни, помыслов, из их бесед… Арсений Иванович проявлял большую заботу о Феодосийском музее и исторических памятниках города (невольно напрашивается сравнение его роли в жизни музея с той, которую играл в ней ранее, в 50–80-х гг. XIX в., Н. Н. Мурзакевич, секретарь, а с 1875 г. вице-президент ООИД [см. о нем и его роли в жизни ФМД: Петрова, 2007, с. 614–632; 2008а, с. 288–291; Петрова, Прохорова, 2011, с. 7–22, 257–261; Непомнящий, 2000а, с. 36–47, 329–333; 2006, с. 74–92; Тункина, 2002, с. 661 (имен. указ.)]).

Особой заботой Людвика Петровича была музейная коллекция, которую он содержал в полном порядке, небольшую плату за свои статьи обращал

[7] Протокол заседания ТУАК 18 января 1901 г. // ИТУАК. 1901. № 31. С. 101–102, 103. Колли оперативно справился с полученным заданием, за три недели проработав 3 тыс. дел (Протокол заседания ТУАК 20 сентября 1901 г. // ИТУАК. 1902. № 32–33. С. 146; Протокол заседания ТУАК 4 февраля 1905 г. // ИТУАК. 1905. № 38. С. 95).

[8] Протокол заседания ТУАК 28 января 1909 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 163. См. также: [Празднование…, 1912, с. 267].

[9] Протокол заседания ТУАК 21 марта 1901 г. // ИТУАК. 1902. № 32–33. С. 141.

[10] Протокол заседания ТУАК 4 мая 1905 г. // ИТУАК. 1905. № 38. С. 100. См. также: [Маркевич, 1906, с. 115–123].

на ее пополнение, покупая древности у частных лиц, составлял коллекционные описи, дарил музею книги. Подготовил и в 1903 и 1912 гг. опубликовал два издания — пятое и шестое — указателя музея, содержавшего историю музея и описание его собрания; уже в самом начале своей деятельности на посту заведующего отправил подробные отчеты о состоянии музея в ООИД [Указатель…, 1903; Указатель…, 1912; Колли, 1902, с. 44–50; 1904].

Приход в музей Л. П. Колли ознаменовался не только заметным увеличением музейного собрания, но и «преобразованием музея и классификацией по эпохам памятников» (памятники эллинские, греко-византийские, генуэзские, армянские, восточные, еврейские) [Указатель…, 1903, с. 2 слл.].

В отчете Колли о состоянии музея за 1900 г. значились 553 предмета (памятников эллинских — 424, греко-византийских — 16, генуэзских — 48, армянских — 12, восточных — 30, еврейских — 3, разных — 20), 1472 монеты (12 золотых, 960 серебряных, 500 медных) и 128 книг; в этом году музей на своей нужны получил 404 руб. 65 коп. [Отчет…, 1901, с. 38–41].

«Указатель ФМД» за 1903 г. содержит опись 412 памятников (эллинских — 258, греко-византийских — 15, генуэзских — 47, армянских — 14, восточных — 50, еврейских — 5, разных — 23), в нем числятся 1987 монет и 173 тома музейной библиотеки. В «Указателе ФМД» за 1912 г. учтены 413 памятников и 1990 монет[11]. В указателях сообщалось: «Музей открыт ежедневно с 8 часов утра до 7 часов вечера, причем посетители для поддержания здания и при нем сторожа с каждой особы вносят по 15 коп.».

Понимая, что в музейном собрании немало вещей, о времени и месте находки которых, их датировках, обстоятельствах появления в музее было или неизвестно, или известно очень мало и неточно, Людвик Петрович стремился по мере возможности исправить положение. Если была возможность, давал в указателях хронологические определения древних памятников (что, конечно, непросто и требует специальных знаний), называл места их находки, имена археологов, дарителей, способ приобретения музеем (покупка, дарение). Его особая увлеченность средневековой историей Крыма сказалась на описании предметов: генуэзские и армянские средневековые памятники представлены более обстоятельно. Некоторые он исследовал специально и результаты этой работы публиковал. Так, в 1903 и 1916 гг. увидели свет его статьи с исследованием двух генуэзских барельефов XIV в. из коллекции Феодосийского музея. Тщательный анализ этих памятников позволил Колли совершенно правильно увидеть на одной плите изображение св. Георгия на коне (фигура с нимбом, с копьем, за спиной развевается плащ, под ногами коня угадывается изображение змея), на другой — св. воина Феодора Стратилата (фигура с нимбом, в плаще, с копьем и мечом) [Колли, 1903а, с. 1–9; 1916, с. 147–151; см. также: Айбабина, 2001, с. 15–16, 45–49, рис. 6, табл. IV, 3; V, 1].

Л. П. Колли заботило плохое состояние здания музея, и он писал об этом в разные инстанции. Но, увы, музей существовал на мизерные средства, которых на ремонт не хватало, как не хватало их и на покупку новых экспонатов, так что коллекция пополнялась в основном за счет случайных находок и подарков.

Людвик Петрович смотрел на музей как на учреждение «строго научное и специальное… хотя и просветительное» [Архив ФМД, Н. А. 18, л. 97]. Будучи единственным его сотрудником (не считая сторожа), он водил экскурсии для всех посетителей, среди которых были люди разные — и культурные, начитанные, и менее образованные. К каждому нужно было найти подход, рассказать так, чтобы было понятно и интересно. Феодосийцы любили свой музей, бывали в нем. Людвика Петровича в городе знали все. Музей, как важную достопримечательность Феодосии, посещали приезжие, в том числе высокопоставленные лица (например, 14 ноября 1911 г. в нем побывал Великий князь Кирилл Владимирович). Когда в Феодосию приезжали ученые, Людвик Петрович сопровождал их при осмотре исторических памятников города и его округи. Так, в сентябре 1902 г. он вместе с археологом и инженером А. Л. Бертье-Далагардом и губернским архитектором А. И. Карапетовым, прибывшими в Феодосию по предписанию Таврического губернского правления, осмотрели генуэзские башни для определения степени их поврежденности и решения вопроса о том, какой требуется ремонт [Архив ФМД, К. П. 24312. Н. А. 19, л. 35].

Заботы заведующего Феодосийским музеем не ограничивались исключительно музейными

[11] В указателях описывались не все имевшиеся в фондах музея памятники; в отчетах же о состоянии музея указывалось количество всех предметов музейной коллекции.

делами, в ведении музея находились памятники старины г. Феодосии и всего Феодосийского уезда (рис. 5). Л. П. Колли весьма тревожило состояние многих из них, он делал все возможное для того, чтобы их сохранить. Неоднократно выступал на заседаниях ТУАК; если не мог приехать в Симферополь, обращался к членам Комиссии письменно. Едва ли не во всех протоколах заседаний и отчетах о деятельности ТУАК, опубликованных в ее «Известиях» с 1901 по 1918 г., представлены его доклады, письма, результаты обсуждений членами Комиссии его предложений по охране и реставрации памятников, просьбы Комиссии к Людвику Петровичу выступить в роли эксперта, когда решалась судьба старых построек, архивных дел и т. п.

Он гневно осуждал практику уничтожения памятников старины: «В Феодосии в течение минувшего XIX столетия... уничтожено огромное число древних построек. Из них некоторые, помимо их исторического значения, могли бы и теперь служить украшением города, придавая ему характерный, живописный вид» [Колли, 1903б, с. 12].

В 1903 г. по поручению ТУАК Людвик Петрович отправляется в г. Старый Крым для обследования его достопримечательностей. Результатом поездки стала его статья «О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии» [Колли, 1903б, с. 10–17]. Колли сокрушается по поводу состояния осмотренных памятников: «В Старом Крыму кое-где, в трех-четырех, не более, местах, торчат жалкие остатки некогда блестящих общественных зданий. Тщетно даже с планом[12] в руках отыщете теперь следы мечетей и джами, караван-сарая, ханского монетного двора, громадного на холме со стороны Феодосии мусульманского монастыря *Кемальата* и других зданий эпохи царствования гордых Гиреев. Все это, хотя и в развалинах, в обществе профессора-ориенталиста В. Д. Смирнова видел я в 1887 году… Одна мечеть Узбека-хана еще стоит, отчасти реставрированная благодаря заботам Императорской Археологической Комиссии. На местах бывших исторических развалин разведены фруктовые сады, построены дома, дачи…» [Колли, 1903б, с. 10–11]. Уничтожению подверглись не только памятники времен Крымского ханства, но и более поздние. Например, небольшой павильон в два этажа над фонтаном Екатерины II, построенный в 1786 г. по распоряжению Г. А. Потёмкина для отдыха императрицы во время ее крымского путешествия (здесь она обедала и пила кофе 26 мая 1787 г.), был разобран городским управлением под предлогом его ветхости (рис. 6) [Колли, 1903б, с. 11–12].

Старокрымские памятники побудили Людвика Петровича к разговору и о состоянии исторических зданий г. Феодосии. Он не видит причины, по которой в начале 30-х гг. XIX в. были уничтожены мечеть Султан-Селим («громадная, с белыми изящными мраморными столбами, мраморным шахматным полом, тринадцатью свинцовыми куполами и двумя девятисаженными разноцветными минаретами») и турецкие бани («крытые свинцовыми куполами»)[13] [Колли, 1903б, с. 13].

Уничтоженных построек не вернуть, «но то, что еще осталось, если оно мало-мальски имеет цену для науки, следует беречь, сохранять, поддерживать. Вот почему, — пишет Колли, — обращаю внимание на существующие еще в Феодосии исторические здания русского периода, здания, с которыми связана память о пребывании в них царственных особ при их посещениях нашей любезной Тавриды. Таковы здания в Феодосии: дом гг. Кушниковых и т. н. Екатерининский дворец» [Колли, 1903б, с. 14].

В доме Кушниковых[14] (рис. 7) в течение двух месяцев жил император Александр I. В большом зале «с выходом под мезонином прямо на улицу, против городского сада», он принимал представителей города и уезда, депутации от дворянства. По левую сторону от зала находилась царская

[12] Примечание Л. П. Колли: «План г. Старого Крыма 1880 г. Оригинал находится в С.-Петербургской Публичной библиотеке. Копия с рукописи принесена проф. В. Д. Смирновым в дар Феодосийскому музею» [Колли, 1903б, с. 10, прим. 2].

[13] Речь идет о мечети Шахзаде-Сулейман-хан-джами, возведенной в 1-й половине XVI в., и т. н. Больших турецких банях. Они были снесены при феодосийском градоначальнике А. И. Казначееве [см.: Дюбуа де Монпере, 2009, с. 83–84].

[14] Этот дом, с начала XIX в. принадлежавший, по словам Колли, «частному, теперь неизвестному лицу», в 1830 г. приобрел дворянин Московской губернии, действительный статский советник Г. С. Кушников, в прошлом флотский военный, служивший под начальством адмирала Сенявина и принимавший участие в турецкой кампании [Колли, 1903б].

спальня. «Убранство этих комнат, разумеется, не сохранилось, но виден еще висячий шестиугольный весьма оригинальный потолок, такой, какие теперь нигде уже не строятся. Из мебели, бывшей в покоях царя, сохранилось до сих пор завещанное, как великая драгоценность, внучкой Григория Сергеевича Кушникова начальнице Феодосийской женской гимназии г-же Марии Федоровне Котляревской кресло… На этом кресле, по преданию, изволил заседать император Александр I Благословенный при приеме депутации от феодосийских граждан» [Колли, 1903б, с. 15–16]. Дом перешел от Г. С. Кушникова к его наследникам, в течение некоторого времени в нем находилась женская гимназия, в 1901 г. он был продан кавказскому купцу Сарачеву, который, как стало известно Колли, намеревался устроить в нем фабрику.

Довольно подробно описывает Людвик Петрович Екатерининский дворец: «Это дом купца из караимов И. И. Хаджи. На углу Екатерининской площади, рядом со зданием отделения государственного банка, стоит гауптвахта, принадлежащая военному инженерному ведомству и в свое время, то есть 100 лет тому назад, составлявшая одну из главных служб большого здания, где 27 мая 1787 года остановилась Всероссийская Императрица Екатерина II. С этого дня здание это у жителей Феодосии носит громкое название «Екатерининского дворца». С улицы, под аркой в полном полукруге, ворота ведут в небольшой двор. Против этих ворот, шагов на двадцать, посетитель поднимается по каменной широкой лестнице в 14 ступеней в самое здание «дворца». Несколько комнат, громадный зал с мезонином — вот вся архитектурная роскошь этого «дворца»… Здание «Екатерининского дворца», пройдя много мытарств, служило одно время для заседаний окружного суда. В нем, как в единственном в Феодосии с просторным залом, в 70-х годах давались театральные любительские спектакли и танцевальные вечера…» (рис. 8) [Колли, 1903б, с. 16–17; см. также: Барсамов, Полканов, 1927, с. 51].

К статье приложены рисунки Екатерининского фонтана в Старом Крыму, дома Кушниковых и Екатерининского дворца в Феодосии (рис. 6, 7, 8).

За сохранение Екатерининского дворца Людвику Петровичу пришлось бороться долго. В 1916 г. в письме в ТУАК он сообщил, что феодосийский архитектор Г. Л. Кейль поднял вопрос о постройке реального училища[15] «на месте пришедшего в ветхость так называемого дворца Императрицы Екатерины II и находящегося рядом с ним дома, называемого Сары-ханом»; «надо принять меры к сохранению этих памятников если не древности, то старины, как одних из первых начала русского периода владения Крымом…»[16]. Комиссия обратилась с просьбой к Таврическому губернатору не разрушать здание, а отремонтировать с сохранением всех его архитектурных особенностей. Дворец не снесли, но и не отремонтировали. (В 1926 г. Б. Н. Засыпкин и Н. С. Барсамов в акте осмотра памятников архитектуры Феодосии отмечали: «Двухэтажный с антресолями дом екатерининского времени находится в полном запустении и руинном состоянии… Ввиду неимения художественно-научного значения нашли излишним брать это здание на учет, а потому решили снять его из-под охраны…» [Охрана…, 2008, с. 151–152].)

Людвика Петровича очень волновала судьба мечетей в деревнях Карагозе (Первомайское, Кировский р-н) и Колечь-Мечети (Новопокровка, Кировский р-н) Феодосийского уезда.

О необходимости срочно отремонтировать Карагозскую мечеть, эту «живописную постройку XIV столетия», «замечательный памятник крымской старины», он сообщил в ТУАК в 1903 г. (рис. 9). На заседании ТУАК принимается решение довести эту информацию до сведения Императорской археологической комиссии (ИАК) в Санкт-Петербурге и вакуфной комиссии в Симферополе (к протоколу заседания приложены два рисунка Карагозской мечети)[17]. Однако ремонт не был осуществлен[18], и в 1907 г. Людвик Петрович вновь напомнил членам ТУАК о брошенной «на произвол судьбы и стихии» мечети в Карагозе с тем, чтобы Комиссия на сей раз обратилась в губернское строительное отделение или к Таврическому губернатору с просьбой по-

[15] Кейль был его учредителем и директором.

[16] Протокол заседания ТУАК 12 мая 1916 г. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 238.

[17] Протокол заседания ТУАК 17 ноября 1903 г. // ИТУАК. 1903. № 35. С. 63–64.

[18] Вакуфная комиссия уведомила ТУАК о том, что эта мечеть «относится к числу упраздненных», поэтому нет необходимости ходатайствовать об отпуске денег на ее ремонт (Протокол заседания ТУАК 16 апреля 1904 г. // ИТУАК. 1904. № 36. С. 70–71).

скорее ее отремонтировать, так как чем дальше, тем дороже обойдется ремонт[19]. На декабрьском заседании ТУАК 1907 г. прозвучало сообщение о том, что Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий поручил вакуфной комиссии выделить Таврическому губернатору 900 руб. на ремонт Карагозской мечети и что представителем ТУАК при осмотре здания для решения вопроса о том, каким должен быть ремонт, назначен Л. П. Колли[20]. На заседании в апреле следующего года было доложено, что осмотром мечети и составлением технической сметы на ее ремонт будет заниматься феодосийский архитектор И. В. Ларионов[21]. В январе 1909 г. Таврическое губернское правление уведомило ТУАК, что в его строительном отделении на ремонт Карагозской мечети составлена смета на сумму 1013 руб. 81 коп., эта сумма превышает ту, что была выделена из вакуфных средств, в связи с чем Ларионову предлагалось еще раз осмотреть совместно с Колли здание мечети для определения, какие из намеченных работ могут быть временно отложены[22].

В конце концов ремонт мечети был начат, однако без участия Л. П. Колли по причине его болезни. Вместо него осмотр здания осуществил А. И. Маркевич 7 июня 1909 г. На заседании ТУАК он сообщил, что местные жители начали разбирать его на стройматериалы, в стенах мечети много трещин, но и в таком состоянии она производит «сильное впечатление, особенно дивный величественный свод ее»; Арсений Иванович заметил также: если бы не Л. П. Колли, то «она скоро совсем бы рухнула, и таким образом исчез бы один из прекрасных памятников древности в Крыму»[23]. Ремонт был завершен в 1910 г.; с подачи ТУАК губернатор «принял меры к предохранению этого здания от новых повреждений со стороны окрестного населения»[24].

В июле 1914 г. Людвик Петрович сообщил в ТУАК, что упраздненная татарская мечеть в дер. Кулечь-Мечеть нуждается в ремонте (вопрос о необходимости ее ремонта поднимался еще в 1897 г.), и Комиссия обратилась к ИАК, Таврическому губернатору и вакуфной комиссии с ходатайством о ремонте этого здания, в котором появились трещины, обвалилась штукатурка и нет запоров. Весной 1915 г. здание обследовала специально для этого созданная комиссия, в состав которой вошли Л. П. Колли и И. В. Ларионов[25]; они наметили необходимые ремонтные работы и составили смету на их проведение, однако ИАК внесла изменения в проект ремонта, приведшие к увеличению денежных затрат; губернатор добился того, что Министерство внутренних дел выделило из вакуфного капитала 2561 руб. 63 коп. на ремонт мечети; в декабре 1915 г. Колли и Ларионов представили на заседание ТУАК сообщение «К реставрации мечети в д. Кулечь-Мечеть Феодосийского уезда», в котором подробно описали эту средневековую постройку и всю историю с подготовкой к ее ремонту[26]. Колечская мечеть была отремонтирована в 1917 г.[27]

И еще одна мечеть оказалась в поле зрения Л. П. Колли. Таврическое губернское правление уведомило ТУАК об упразднении в 1908 г. соборной мечети в дер. Коп-Кипчак Феодосийского

[19] Протокол заседания ТУАК 9 февраля 1907 г. // ИТУАК. 1907. № 40. С. 110–111; Протокол заседания ТУАК 2 октября 1907 г. // ИТУАК. 1908. № 41. С. 261–262.

[20] Протокол заседания ТУАК 13 декабря 1907 г. // ИТУАК. 1908. № 42. С. 91–92.

[21] Протокол заседания ТУАК 9 апреля 1908 г. // ИТУАК. 1908. № 42. С. 97. См. также: Протокол заседания ТУАК 5 ноября 1908 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 152.

[22] Протокол заседания ТУАК 28 января 1909 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 163–164; Отчет о деятельности ТУАК за 1907 и 1908 гг. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 183.

[23] Протокол заседания ТУАК 24 сентября 1909 г. // ИТУАК. 1910. № 44. С. 98–99.

[24] Отчет о деятельности ТУАК за 1910 г. // ИТУАК. 1910. № 44. С. 123.

[25] 27 августа 1915 г. Иван Васильевич Ларионов был принят в члены ТУАК (Протокол заседания 27 августа 1915 г. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 209).

[26] Протокол заседания ТУАК 3 сентября 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 334; Протокол заседания ТУАК 24 апреля 1915 г. // ИТУАК. 1915. № 52. С. 250–251; Протокол заседания ТУАК 9 декабря 1915 г. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 219–221.

[27] А в годы гражданской войны «варварски разгромлена», как сообщил В. Д. Гейман на заседании ТУАК в 1920 г., впрочем, заметил, что ее еще можно спасти (Протокол заседания ТУАК 25 июня 1920 г. в [Филимонов, 2004, с. 123–124]).

уезда (Войково, Ленинский р-н) в связи с выездом из деревни татар; по донесению полицейского управления, мечеть «пришла в совершенную ветхость, и от нее остались одни стены». Комиссия обратилась с просьбой к Людвику Петровичу осмотреть мечеть и сообщить более точные сведения о ее состоянии[28].

В связи с намечавшимся ремонтом средневековой греческой церкви св. Димитрия (Стефана), что на феодосийском Карантине, Л. П. Колли прислал в 1911 г. в ТУАК ее описание и фотографии[29]. В частности, он пишет: «… церковь «разрушается, можно сказать, по всем швам… Одна большая трещина очень заметна на западном (главном) фасаде… таких трещин есть еще несколько в других стенах и углах… эти трещины все сквозные и настолько значительны, что лучи света свободно пробиваются сверху донизу через них внутрь церкви». Между тем этот храм уникален — в нем сохранились фрески «с изображениями на них множества фигур и ликов святых», однако фрески «сильно потемнели и пострадали от времени и небрежного надзора». «Нужно только удивляться тому, что эта живопись, обратившая на себя внимание многих известных археологов и путешественников прошлого столетия, оставлена была до сих пор, так сказать, на произвол судьбы, а церковь не была хоть мало-мальски отремонтирована и дошла до такого плачевного состояния, что пришлось теперь поддерживать стены этого здания подпорками!»[30].

Уже в октябре 1911 г. члены ТУАК узнали от Таврического губернского правления, что на ремонтные работы в церкви отпущен кредит в сумме 940 руб.[31] Ремонтные работы возложили на И. В. Ларионова, а его консультантом назначили Л. П. Колли.

Помимо фотографий церкви св. Димитрия (Стефана) Людвик Петрович прислал в ТУАК фотографии других архитектурных памятников: входа в одну из церквей феодосийского Карантина; мечети хана Узбека в Старом Крыму; мечети в Арабатской крепости и несколько видов самой крепости[32].

На заседании Комиссии в ноябре 1912 г. И. А. Маркевич сделал подробное сообщение о своем пребывании в Феодосии, где он в сопровождении Л. П. Колли осмотрел древние храмы на Карантине (по поводу недавно отремонтированной греческой церкви сказал, что ремонт сделан очень хорошо), генуэзские стены и башни («При этом я видел большое количество найденной при сооружении карантинной больницы генуэзской поливной посуды.., кувшин, кусок мраморного камня с татарской надписью и другие предметы, переданные в Феодосийский музей древностей»), а также посетил могилу П. С. Котляревского на его бывшей даче «Добрый приют» («… в пространство этой дачи входило какое-то старинное кладбище. И теперь еще на продолговатом бугре… находится несколько могильных памятников, из которых мраморная плита с армянской надписью какой-то армянки имеет дату 1120, то есть 1671 года. Здесь же возвышается и красивый памятник-часовня… на западной стороне которого, правее входной двери, находится плита с надписью: «Здесь покоится прах кавказского героя генерала от инфантерии Петра Стапановича Котляревского и сподвижника его полковника Иосифа Ивановича Шультена. Памятник по проекту архитектора Никитина. 1882 г.». Внутри мавзолея, правее, большой чугунный крест, по-видимому, над могилой Котляревского, а левее меньших размеров крест над могилой Шультена. Тут же, вблизи памятник Котляревскому, другой интересный памятник: железный крест, а под ним надпись: «Здесь покоится прах 80-летнего старца Ивана Филиппова, сопровождавшего генерала Котляревского во всех битвах». Вблизи еще два памятника…», «В настоящее время, когда… ближайший к описанному кладбищу участок предназначается для базарной площади, оставление праха Котляревского на этом месте представляется совершенно неудобным, и останки героя должны быть перенесены в более достойное для них место и лучше всего в выстроенную для этой цели часовню, причем, конечно, туда должны быть перенесены и остан-

[28] Протокол заседания ТУАК 24 сентября 1909 г. // ИТУАК. 1910. № 44. С. 100.

[29] Протокол заседания ТУАК 26 мая 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 22–24; Протокол заседания ТУАК 26 августа 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 31; Отчет о деятельности ТУАК за 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 48. С. 235. См. подр. об этой церкви [Марков,1912, с. 185–195; Айбабина, Бочаров, 2002, с. 159–168.

[30] Протокол заседания ТУАК 26 мая 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 22–23.

[31] Протокол заседания ТУАК 19 октября 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 44.

[32] Протокол заседанияе ТУАК 26 августа 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 31.

ки его сподвижников: полковника Шультена и Ивана Филиппова»)[33]. (О том же Маркевич говорил на заседании ТУАК в отчете о своей поездке в Феодосию в 1916 г.[34] Но прах Котляревского так и не был перенесен в часовню, построенную для этого на горе Митридат по инициативе и на средства И. К. Айвазовского.)

На январском заседании ТУАК 1913 г. был поднят вопрос о ремонте двух башен генуэзских укреплений в Феодосии (т. н. башни папы Климента VI и т. н. Второй башни, или башни Криско), на что Министерство внутренних дел намеревалось выделить 1000 руб.[35] И уже в сентябре 1913 г. на заседании ТУАК было зачитано письмо Колли (от 29 апреля 1913 г.), в котором сообщалось, что башни тщательно отремонтированы под руководством И. В. Ларионова: «… все стены и трещины заделаны снизу доверху как снаружи, так и внутри башен; бойницы, зубцы и наличники окон восстановлены»; а вот стена между этими башнями нуждается в ремонте: она «сильно пострадала от времени и, пожалуй, от более жесткой стихии — от людей»[36]. ТУАК принимает решение ходатайствовать перед Таврическим губернатором о ремонте стены.

Потрясло Л. П. Колли постановление Феодосийской думской комиссии о постройке театра возле генуэзской башни св. Константина, о чем он и сообщил в письме, зачитанном на заседании ТУАК в январе 1914 г.: думская комиссия «вопреки закона об охране исторических памятников постановила разобрать до основания часть древней стены, прилегающую к вышеупомянутой башне… Между тем эти стены являются единственным остатком генуэзского замка св. Константина и служили до взятия русскими войсками Кафы в 1783 году передовыми защитными батальонами при въезде в город у ворот св. Георгия и имеют, таким образом, историческое значение. Это подтверждают найденные в этом месте и хранящиеся в Феодосийском музее древностей две плиты с надписями…»[37]. А. И. Маркевич доложил об этом в ИАК и просил принять меры к сохранению древней стены в Феодосии. Но Людвик Петрович, зная, как долго решаются подобные вопросы, продолжал бить тревогу, и уже на февральском заседании Комиссии зачитывается его новое письмо: стена «сильно подалась наружу, грозя падением. Ремонт ее невелик, но настоятельно необходим, ибо впоследствии может повлечь значительный расход»[38]. Ходатайство ТУАК о ремонте стены у башни св. Константина «увенчалось полным успехом»[39].

В феврале 1914 г. феодосийский уездный исправник сообщил в ТУАК, что по дороге от Феодосии к Старому Крыму, у дер. Акмелез (Ключевое, Кировский р-н) находится Екатерининская миля, «которая в настоящее время очень запущена, а бывшая вокруг нее изгородь разрушена»[40]. Л. П. Колли тут же обратился в Феодосийскую уездную земскую управу с просьбой отремонтировать милю и сделать во-

[33] Протокол заседания ТУАК 15 ноября 1912 г. // ИТУАК. 1913. № 49. С. 276–278. См. также [Маркевич, 1914, с. 177–180].

[34] Протокол заседания ТУАК 12 мая 1916 г. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 241. См. также: Протокол заседания ТУАК 8 декабря 1916 г. // ИТУАК. 1919. № 56. С. 288–289. В поездке 1916 г. А. И. Маркевич посетил Карантин и обратил внимание на то, что заведующий Карантином доктор К. А. Белиловский (Кесарь Александрович Белиловский был избран в члены ТУАК 12 мая 1916 г., см.: Личный состав ТУАК // ИТУАК. 1920. № 57. С. 77) заботится о памятниках средневековья, «дополняя своими трудами самоотверженные заботы хранителя Феодосийского музея древностей Л. П. Колли о памятниках древности и старины в Феодосии», а также на то, что и Феодосийская городская управа не безразлична к памятникам старины: она намеревается предпринять меры «к упорядочению места упокоения П. С. Котляревского», перенести на более подходящее место фонтан, возведенный в память об Александре Ивановиче Казначееве, бывшим феодосийским градоначальником в 1828–1829 гг. и Таврическим губернатором в 1829–1837 гг. (Протокол заседания ТУАК 12 мая 1916 г. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 241–242).

[35] Протокол заседания ТУАК 19 января 1913 г. // ИТУАК. 1913. № 50. С. 249–250.

[36] Протокол заседания ТУАК 25 сентября 1913 г. // ИТУАК. 1913. № 50. С. 304.

[37] Протокол заседания ТУАК 30 января 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 295.

[38] Протокол заседания ТУАК 26 февраля 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 303.

[39] Отчет о деятельности ТУАК за 1914 г. // ИТУАК. 1915. № 52. С. 265.

[40] Протокол заседания ТУАК 26 марта 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 312–313.

[41] Протокол заседания ТУАК 26 марта 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 313; Протокол заседания ТУАК 29 мая 1914 г. // ИТУАК.1914. № 51. С. 321–322.

круг нее ограду, и в мае того же года Комиссия получает уведомление о том, что ремонт мили будет осуществляться и что управа связалась с Колли «на предмет дачи им надлежащих указаний при производстве ремонта означенной мили»[41]. В начале 1915 г. Людвик Петрович доложил членам Комиссии, что миля отремонтирована и защищена новой оградой и что ремонт произведен главным образом благодаря заботам члена Феодосийской уездной земской управы Л. Н. Папарупы[42].

В 1915 г. Л. П. Колли по поручению ТУАК совершил поездку в Старый Крым для осмотра «всех без исключения сохранившихся в этом городе развалин древних сооружений»; результатом осмотра стало решение старокрымских властей создать комиссию для охраны памятников древности, для составления их списка, планов, рисунков[43].

В отчете ТУАК за 1916 г., вероятнее всего, с подачи Колли, говорилось, что Комиссия обратила внимание Таврической духовной консистории на то, что «церковь св. Ильи в Феодосии, сооруженная на месте древней церкви на мысу св. Ильи, пришла в ветхость и требует ремонта»[44].

Людвик Петрович проявлял интерес к старым захоронениям известных людей, живших и умерших в Феодосии и других городах Крыма. Такие захоронения он искал совместно с Луи Алексисом Бертреном — тоже французом, писателем, историком и самым близким другом Колли. И. М. Саркизов-Серазини называл их иностранцами, занесенными к стенам древней Каффы, с большим рвением отдавшимися «изучению нового края и ставшего для них родным городишка» и нашедшими «успокоение на земле древней Киммерии»[45] [Саркизов-Серазини, 2010, с. 104–105]. Иван Михайлович говорил о Бертрене, как о человеке «большой культуры и утонченного интеллекта». Вполне естественно, что Колли и Бертрен легко сдружились, понимали и поддерживали друг друга. Кстати сказать, Бертрен тоже был членом ТУАК[46].

Как историк, Людвик Петрович согласился с предположением Бертрена о том, что жившая в Крыму в 1824–1826 гг., умершая и похороненная в г. Старый Крым графиня де Гоше — не кто иная, как известная авантюристка графиня Жанна де Ла Мотт, прославившаяся благодаря скандалу с ожерельем королевы Франции Марии-Антуанетты; а ведь эта заслуживающая внимания гипотеза в свое время подверглась критике. Два десятка лет Колли и Бертрен искали могилу графини и нашли ее в июне 1913 г. В. Д. Гейман, ученик Людвика Петровича и его преемник по заведованию музеем, вспоминал, как друзья произвели «тщательный осмотр разрытой в Старом Крыму на армянском кладбище необычной могилы, признанной обоими за место упокоения Жанны де Ламот — графини де Гаше»[47] [Гейман, 1919, с. 169].

Другой пример их совместного поиска — поиск могилы баронессы Варвары Юлии Крюденер, «героини «Священного союза»», проповеднице, оказавшей, как обычно отмечалось авторами мемуарной литературы, влияние на «религиозные и политические воззрения русского монарха, победителя Наполеона» (Александа I), обладательнице «громкой, но мимолетной славы», женщины, прибывшей в Крым в 1824 г. вместе со своей дочерью, княгиней А. С. Голицыной и графиней де Гаше и в том же году здесь умершей. Этому посвящена статья Л. П. Колли в «Известиях ТУАК» за 1912 г. [Колли, 1912а, с. 212–221]. Чтобы проверить разные версии о месте захоронения баронессы, Колли и Бертрен в 1910 г. побывали на кладбищах в Кореизе и Карасубазаре (г. Белогорск). На армянском кладбище в Карасубазаре Людвику Петровичу пришлось «проникнуть ползком в мрачное подземелье» — склеп генерала Шиц с тремя гробами, в одном из которых, по мнению Колли, и могли находиться останки баронессы [Колли, 1912а, с. 220].

---

[42] Протокол заседания ТУАК 26 февраля 1915 г. // ИТУАК. 1915. № 52. С. 244–245. Лев Николаевич Папарупа был избран в члены ТУАК 24 апреля 1915 г. (Протокол заседания ТУАК 24 апреля 1915 г. // ИТУАК. 1915. № 52. С. 260).

[43] Протокол заседания ТУАК 29 октября 1915 г. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 216–217.

[44] Отчет о деятельности ТУАК за 1916 г. // ИТУАК. 1918. № 55. С. 372.

[45] Луи Бертрен умер в Феодосии 29 сентября 1918 г., вскоре после Л. П. Колли.

[46] Протокол заседания ТУАК 17 января 1912 г. // ИТУАК. 1912. № 48. С. 246.

[47] См. также: Протокол заседания ТУАК 26 ноября 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 57; Протокол заседания ТУАК 25 сентября 1913 г. // ИТУАК. 1913. № 5е0. С. 300–304; Протокол заседания ТУАК 3 сентября 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 336–338; Маркевич, 1912, с. 222–223.

Людвик Петрович обладал хорошим литературным стилем — об этом свидетельствуют буквально все его сочинения. Для примера приведу фразу из статьи о баронессе Крюденер: «Июльское солнце уже спускалось за вершину Ак-Каи и пурпурно-золотистыми лучами озаряло окружающие нас деревья и покрытые засохшей травой армянские могилы, когда последняя лопатка земли опять, быть может, теперь навсегда, закрыла при нас наглухо этот склеп, просивший только о вечном покое» [Колли, 1912а, с. 221]. Статья Колли с ярко описанной историей поисков погребения баронессы, личности странной и загадочной, случайно на короткий период времени оказавшейся в Крыму и нашедшей в его земле последний покой, вполне может быть отнесена к детективному жанру.

Л. П. Колли ратовал за издание закона о борьбе с хищническими раскопками в России вообще и в Крыму в частности. 9 февраля 1907 г. на заседании ТУАК обсуждалось его письмо по поводу постановления Департамента общих дел о хищнических раскопках в Феодосийском уезде. В нем говорилось, что Комиссия в ответ на вопросы Департамента основное внимание уделяет памятникам, находящимся на поверхности земли, принадлежащей частным владельцам, и «почти не упоминает о тех предметах, которые еще хранятся в земле». Людвик Петрович предлагает иную формулировку постановления: «Всякий предмет или памятник, имеющий археологическое или историческое значение, фундамент ли, гробница, коллекция вещей или монет и т. п., найденные на земле «частного владения», не принадлежит по праву владельцу земли… а есть *a priori* достояние государства, и владелец участка ни под каким видом не может им распоряжаться, но обязан при открытии уведомить ближайший орган охраны исторических памятников». И далее: «Такого рода статья закона особенно необходима у нас в Тавриде, где мы имеем дело с далеко не просвещенным населением… Мы ведем борьбу не столько со «счастливчиками», сколько с невежеством населения… Не бывает ли большею частью, что мы, первые заинтересованные в этом деле люди, узнаем о нем последними, тогда, когда все уже унесено, разорено, расхищено? Разве мы не знаем, что в Тавриде расхищение древних памятников стало чуть ли не особого рода ремеслом? Бродят татары, цыгане, русские без определенных занятий по степи, под покровом ночи, даже смело днем, и высматривают, нет ли там или сям древней могилы». Для примера Колли рассказывает, как ему довелось приобрести для музея четыре десятка античных предметов (амфор и амфорных ручек с клеймами, статуэток, предметов из глины, стекла, меди) у рыбака из деревни на Азове; эти вещи рыбак обнаружил в частных имениях, находившихся в степи, где много гробниц, большое количество которых уже разорено и расхищено. Колли полагает, что купленные им у рыбака вещи происходят из какого-то древнегреческого поселения на побережье Азовского моря. Его возмущает, что предметы старины уходят из Крыма за границу: «Спрашивается, каким образом составились «Керченские отделы» Лондонского, Берлинского, Парижского, даже Нью-Йоркского музеев?» [Колли, 1907, с. 107–110]. Члены ТУАК поддержали предложение Колли о необходимости установить правила по сохранению памятников древности[48].

На ноябрьском заседании Комиссии 1910 г. было зачитано письмо Людвика Петровича с сообщением о том, что в 1909 и 1910 гг. по поручению Московского археологического общества студент фон-Эдинг проводил раскопки в Судаке и обнаружил «совершенно до сих пор неизвестную христианскую церковь в урочище Шайтан-дере, в заросшем кустарником овраге за крепостью, по дороге к Новому Свету, на берегу моря. Он открыл фундамент храма, нашел остатки фресок, открыл вблизи остатки древней мельницы и увез в Москву три ящика с находками предметов древности»[49].

В феврале 1913 г. на заседании Комиссии обсуждалось сообщение Колли о катакомбе, обнаруженной близ здания карантинной больницы в Феодосии. В ней рабочие нашли кости и глиняные черепки, среди которых было несколько с остатками глазури. Людвик Петрович датировал керамику XIV – XV вв., а по поводу катакомбы заметил, что ее свод является естественным слоем скалы, а не искусственной кладкой, и предположил, что некогда люди использовали эту небольшую пещеру для погребения[50].

[48] Отчет о деятельности ТУАК за 1907 и 1908 гг. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 184.

[49] Протокол заседания ТУАК 13 ноября 1910 г. // ИТУАК. 1911. № 45. С. 127.

[50] Протокол заседания ТУАК 12 февраля 1913 г. // ИТУАК. 1913. № 50. С. 261–262. См. также: Протокол заседания ТУАК 11 декабря 1913 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 288.

В марте 1914 г. члены ТУАК выслушали сообщение Л. П. Колли о находке в Феодосии в кладке стены (при разборке старой постройки во дворе дома Мурзы на ул. Турецкой) «небольшого фрагмента плиты с надписью готическим шрифтом XV столетия, очевидно, генуэзского происхождения». Судя по месту находки, плита «красовалась на одном из зданий (башен)… внутренней части генуэзской крепости». Надпись сохранилась лишь частично, в ней читается фамилия Адорно. В Каффе известны консулы с такой фамилией, но Колли полагает, что на найденной плите имелся в виду «глава Генуэзской республики, так как в 1415–1418 гг. один из представителей этой знаменитой гвельфской фамилии состоял дожем Генуи»; и далее: «… не думаю ошибиться, обозначив дату нашего фрагмента годами 1410–1420»[51].

Не будучи профессиональным археологом, Людвик Петрович вошел в историю отечественной науки как один из первопроходцев в области подводной археологии [см. напр.: Никонов, 1998, с. 63–64; Таскаев, 2009, с. 22, 24]. «Драмы моря бесчисленны, и нередки бывают случаи, когда водолаз или рыбак поднимают часть завесы, покрывающей совершившиеся в отдаленном от нас прошлом страшные катастрофы… Сложный вопрос о причине нахождения на дне морском остатков древней цивилизации — один из таких, который, несмотря на многие труды и затраты, стоит до сих пор без окончательного решения. Однако ввиду высокого интереса, который он возбуждает, позволяем себе указать… результаты современных исследований в этой загадочной области археологии…», — так начинается его статья «Следы древних культур на дне морском»[52] [Колли, 1909, с. 125–137]. Автор продолжает: «Недавно, 14 ноября 1905 г., в Феодосии нам удалось с помощью водолаза извлечь со дна морского на глубине 16 футов возле пристани Русского общества пароходства и торговли до 15 штук большого размера (0,72 х 0,40) древних ликийских амфор… Шесть из этих античных сосудов оказались совершенно целыми, остальные же более или менее поврежденными. Эта оригинальная находка служит нам явным признаком пребывания на этом месте людей эллинского периода истории», «Феодосийский потонувший мол и теперь ясно виден в глубине прозрачной воды, и при некотором волнении в бухте, особенно при восточном ветре, поднимает над собою весьма заметный гребень волн. Это давно покоящееся в море сооружение местные рыбаки называют «генуэзским молом». Однако, судя по некоторым признакам, нужно полагать, что этот мол имеет более отдаленное происхождение, чем XIII – XIV вв.». Поднятые с морского дна амфоры пополнили коллекцию Феодосийского музея. Колли обращает внимание на то, что они найдены в том месте, где в 1894 г. при постройке феодосийского порта А. Л. Бертье-Делагард обнаружил около 4 тыс. сосновых свай, забитых глубоко в ил, и отнес это свайное сооружение к древнегреческому периоду. К такому же выводу пришел и Людвик Петрович, изучив многие научные сочинения по гидрологии и подводной археологии и сопоставив ситуацию в Средиземноморье и Причерноморье.

Заметный след оставил Л. П. Колли в исторической науке. В свет вышла целая серия его статей по истории и культуре Крыма[53]. Особенно ценны его труды по истории генуэзских колоний в Крыму, публиковавшиеся в «Известиях ТУАК» в 1905, 1911–1913 и 1918 гг. [Колли, 1905б, с. 1–28; 1911б с. 1–18; 1912б, с. 75–112; 1913, с. 99–139; 1918б, с. 129–171; 1918в, с. 145–174]. В них автор предстает популяризатором, стремящимся пробудить интерес читателей к своей любимой теме и сделать более доступным относящийся к ней фактический материал. Все вместе эти сочинения фактически составляют монографию, в которой публикуются и комментируются письменные источники (большинство из них до сих пор не издано в русском переводе), выясняются подробности ситуации, сложившейся в генуэзских колониях накануне прихода турок, причины падения итальянских колоний (последнюю работу — «Падение Каффы» — Колли не успел закончить и очень сокрушался по этому поводу [Гейман, 1918, с. 216]). Автор продемонстрировал знание истории Крымского ханства и его взаимоотношений с генуэзской Каффой, сумел проследить эти отношения в развитии, наметив этапы данного про-

[51] Протокол заседания ТУАК 26 марта 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 313–314. Описанный Колли обломок плиты не фигурирует в работах исследователей более позднего времени. Надпись на нем настолько фрагментарна, что ни восстановить ее, ни датировать практически невозможно.

[52] См. также: Протокол заседания ТУАК 28 января 1909 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 165–166.

[53] См. списки научных работ Л. П. Колли [Непомнящий, 2000а, с. 306–308; 2001а, № 3709–3733; Петрова, 2011, с. 52–54].

цесса. Особый интерес проявлял он к личностям, выяснению их роли в исторических событиях. Важна для нашего понимания того, как современники откликнулись на падение генуэзской Каффы, опубликованная Людвиком Петровичем подборка дипломатических писем из архивов Милана и Будапешта [Колли, 1911]. (В наше время, когда так много сделано учеными в исследовании истории Крыма в генуэзский период, некоторые рассуждения Колли выглядят устаревшими и даже наивными, но ведь речь идет о ранних этапах на этом пути, когда источников по теме было меньше, чем сейчас, и уровень науки уступал нынешнему, а кроме того, многие выводы Колли соответствовали взглядам, господствовавшим в исторической науке XIX – начала XX в. [Никифоров, Петрова, 1998, с. 9–10].)

Людвика Петровича интересовали также письменные источники по истории Крыма более позднего времени. На заседании ТУАК в мае 1908 г. он «доложил, что в Феодосии у местного татарина-торговца имеется подлинник фирмана турецкого султана Абдул Гамида I 1775 г. об отказе его от сюзеренных прав на Крым»; копию этого документа с переводом на русский язык Колли намеревался доставить в Комиссию для «Известий ТУАК», так как «этот исторический документ нигде еще не напечатан»[54].

В «Известиях ТУАК» за 1910 г. Людвик Петрович публикует статью «Из средневековой географии», сочтя полезным ознакомить ученых с «экземпляром редкого сборника географических карт XVI столетия, изданного в 1570 г. известным антверпенским географом и путешественником Авраамом Ортелием». Издание включает 76 карт на 60-ти листах, гравированных на дереве. На них представлены страны света и государства преимущественно Европы и Азии. Это редкое библиографическое издание не в полном виде (сохранилось 40 листов) находилось в частной коллекции одного знакомого Людвика Петровича. Колли опубликовал выдержки из этого издания (снабдив их своими комментариями), имеющие отношение к географии юга и востока России [Колли, 1910, с. 24–29].

Л. П. Колли интересовался также историей науки и неординарными личностями в ней, в первую очередь, конечно, теми, чья деятельность и чьи труды были связаны с Крымом.

Отдельной брошюрой вышла в свет его работа (некролог) о священнике отце Херувиме (в миру Даниил Кушнеров; 1841–1891), уроженце г. Карасубазара, настоятеле карасубазарской армянской римско-католической церкви, с 1871 г. декане всех римско-католических церквей Таврической губернии, поэте, беллетристе и переводчике; как член-корреспондент ООИД, Кушнеров занимался изучением истории армян Крыма [Колли, 1891].

Желая сохранить память о своих предшественниках по заведованию Феодосийским музеем, Людвик Петрович восстанавливает историю музея в лицах. В одном из писем, датированных сентябрем 1902 г., он исправляет некоторые неточности, допущенные в «Отчете ООИД за 1901 г.» (Одесса, 1902), и перечисляет всех заведующих музеем, давая краткую характеристику деятельности каждого; наиболее подробно рассказывает об И. И. Граперoне, докторе медицины Парижского академии, с 1810 г. служившем в Феодосийском центральном карантине и с 1818 по 1848 г. заведовавшем Музеем древностей [Архив ФМД, К. П. 24312. Н. А. 19, л. 35–37]. Колли получил подробные сведения о Граперoне от его дочери, что дало ему возможность посвятить этому человеку, вошедшему в историю Феодосии и всего Новороссийского края, биографический очерк, опубликованный в «Известиях ТУАК» за 1905 г. [Колли, 1905в, с. 38–47][55].

В ноябре 1908 г. на заседании ТУАК было «доложено краткое сообщение члена Комиссии Л. П. Колли: «Князь Захар Семенович Херхеулидзев» с выпиской из записок декабриста Лорера о князе Херхеулидзеве, керченском градоначальнике»[56].

В соавторстве с А. И. Маркевичем Людвик Петрович публикует статью о естествоиспытателе И. С. Гоммер де Гелле (Омер де Гелль; Ксавье) — французе, горном инженере, некоторое время состоявшем на российской службе (в его задачу входило изучение юга России). В 1838–1842 гг. он с женой путешествовал по стране, жил в Крыму и занимался его изучением. Эти штудии отражены в его трехтомном труде «Прикаспийские сте-

[54] Протокол заседания ТУАК 7 мая 1908 г. // ИТУАК. 1908. № 42. С. 109–110.

[55] О Граперoне см. также [Петрова, 2008б, с. 178–180; Тункина, 2011, с. 28–33].

[56] Протокол заседания ТУАК 5 ноября 1908 г. // ИТУАК. 1909. № 43. С. 155. Захарий Семенович Херхеулидзев (Херхеулидзе) (1797–1856) — генерал-майор, адъютант генерал-губернатора Новороссии М. С. Воронцова (1823), участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., керчь-еникальский градоначальник (1833–1850).

пи, Кавказ, Крым и Южная Россия», вышедшем в Париже в 1843–1845 гг., в нем в частности идет речь «о крымских степях, о физической и исторической географии Черного и Азовского морей, о геологическом строении Крыма, о крымских реках и т. д. Он подробно описывает берега Крыма, его города и достопримечательности, сообщает много сведений о древностях Крыма и его истории, начиная от похода аргонавтов и тавроскифов и оканчивая деятельностью в Крыму князя Воронцова, говорит о многих интересных лицах, живших в Крыму в его время и несколько раньше» [Колли, Маркевич, 1913, с. 223; см. также: Орехов, 2004, с. 183–215].

Людвик Петрович выступал и в роли переводчика: в переводе на русский язык он опубликовал выдержки из сочинений «Путешествие по Южной России» патера Минаса Медици (настоятеля армяно-католического прихода в г. Карасубазаре в 1826–1846 гг.) и «История торговли Востока в средние века» В. Гейда (профессора и библиотекаря королевской библиотеки в г. Штутгарте), касающиеся Крыма [Из «Путешествия…, 1910, с. 30–38; Извлечение…, 1915, с. 68–185]. Этими переводами мы пользуемся до сих пор.

Научные труды заведующего Феодосийским музеем получили высокую оценку коллег. 24 января 1912 г. на торжественном заседании, посвященном 25-летию ТУАК, О. Ф. Ретовский и Л. П. Колли названы среди авторов, украсивших своими трудами «Известия ТУАК» [Празднование…, 1912, с. 253, 276]. Заодно отмечу, что Людвик Петрович присутствовал на этом заседании и подарил Комиссии «11 татарских золотоордынских медных монет, 15 генуэзско-татарских кафинских серебряных монет, 2 медные византийские монеты и 12 пантикапейских IV в. до Р. Х. (Левкона)»[57]. Он неоднократно делал подарки ТУАК и получал от нее благодарности. Так было, например, на январском заседании Комиссии 1914 г., когда объявили о преподнесении им в дар библиотеки ТУАК роскошно изданного сочинения генуэзских ученых Э. Маренго и К. Манфрони, посвященного истории Банка св. Георгия (1911 г.)[58].

Научная деятельность Л. П. Колли была известна не только в Крыму, в России, но и за границей. В 1906 г. он стал участником Международной выставки в Милане, послав на нее «более 60-ти экземпляров большого формата фотографических снимков гравюр и рисунков с натуры сохранившихся генуэзских башен и других сооружений от Феодосии до Инкермана, снимков с надписями, гербов на плитах Феодосийского музея, плана Кафы 1784 г. и др. Его экспонаты произвели громадное впечатление на итальянских ученых и широкие круги посетителей выставки, и ему была выражена в ряде статей глубокая признательность за ознакомление с ними итальянского общества» [Маркевич, 1918, с. 211; см. также: Айбабина, 2009, с. 67–80].

В 1913 г. Людвик Петрович сопровождал делегацию во главе с президентом Лигурийского общества истории маркизом Чезаре Империале ди Сант Анджело, прибывшую на яхте «Caffa» из Генуи в Крым для осмотра остатков средневековых генуэзских укреплений в Крыму, в частности в Феодосии. Колли сопровождал их в поездках в Судак, Балаклаву, Ялту. Гости привезли в подарок несколько ценных изданий, очень понадобившихся Людвику Петровичу при написании статей по истории генуэзских колоний в Крыму и украсивших библиотечное собрание Феодосийского музея. Колли переписывался с известными итальянскими учеными и поддерживал связи с Лигурийским обществом истории, которое занималось изданием исторических документов, в том числе и по истории генуэзских колоний в Крыму. Тома «Atti della Societa ligure di storia patria» содержат присланные Л. П. Колли ценные материалы по этой теме. В 1914 г. Лигурийское общество избрало его своим почетным членом и наградило командорским крестом ордена Итальянской Короны. Диплом, полученный Колли с миланской выставки, и аттестат о награждении его орденом Итальянской Короны хранятся в фондах ФМД [Петрова, 2000, с. 28, 30, рис. 9, 10; Айбабина, 2009].

Л. П. Колли интересовало не только прошлое Крыма, его беспокойство вызывало все, что имело отношение к Крыму его времени, к благоустройству Феодосии, ее престижу. Он ратовал за установление в Симферополе памятника академику П. С. Палласу — «гордости Тавриды» (ТУАК поддержала эту инициативу)[59] [Архив ФМД, К. П. 24312. Н. А. 19, л. 62 об.]. Он недоумевал по поводу того, что прах гене-

[57] Протокол заседания ТУАК 8 марта 1912 г. // ИТУАК. 1913. № 49. С. 232.

[58] Протокол заседания ТУАК 30 января 1914 г. // ИТУАК. 1914. № 51. С. 295–296.

[59] Протокол заседания ТУАК 26 ноября 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 56–57.

рала П. С. Котляревского, после славных подвигов поселившегося в Феодосии и там умершего, не перенесен в часовню, построенную для него И. К. Айвазовским на феодосийской горе Митридат (часть здания художник предоставил Феодосийскому музею древностей, там он и располагался с 1871 по 1925 г.). О могиле Котляревского, находившейся в часовне, некогда возведенной на его даче, но со временем оказавшейся на городской территории, Колли докладывал на заседании ТУАК в марте 1911 г. (а в 1912 г., как уже говорилось, сопровождал А. И. Маркевича при осмотре этой часовни и вновь поднимал вопрос о перенесении праха генерала в новую часовню, что на горе Митридат)[60]. Людвика Петровича возмутило удаление памятника императору Александру III в Феодосии; эти чувства он разделял с А. И. Маркевичем, обратившимся к Таврическому губернскому комиссару 24 июня 1917 г. (уже через два дня после случившегося) с просьбой принять «меры к тому, чтобы фигура императора не была отослана на завод для переплавки, а оставлена в Феодосии и помещена в местный музей» (судьба памятника, изготовленного на деньги, собранные жителями Феодосии, и простоявшего в городе всего 21 год, нам неизвестна)[61] [Гуркович, Кравцова, 2005, с. 194].

Л. П. Колли заведовал Феодосийским музеем в течение 17 лет, и для него это была не просто работа, а смысл жизни.

В последние годы жизни он тяжело болел. Незадолго до смерти спас коллекцию музея, когда ей угрожала опасность во время бомбардировки Феодосии турецким крейсером «Хамидие» 16 октября 1914 г.: заранее все ценное упаковал в ящики и отправил в Симферополь (эвакуированные вещи вернулись в музей в июле 1918 г., уже после смерти Л. П. Колли) [Архив ФМД, Н. А. 18, л. 92 слл.]. В отчете о работе музея за 1914–1915 гг. Людвик Петрович пишет, что во время бомбардировки в здании музея были разбиты окна и черепица на крыше, на горе Митридат и в других местах собраны и помещены в музей осколки от бронебойных снарядов [Архив ФМД, Н. А. 18, л. 110]. С осени 1914 по 1916 г. включительно музей не работал. В это время Людвик Петрович, несмотря на очень плохое состояние здоровья, читал лекции учителям и школьникам, занимался научной работой, спеша закончить свой труд по истории генуэзских колоний в Крыму, бывал в Симферополе для работы в библиотеке и для участия в заседаниях ТУАК [Архив ФМД, Н. А. 18, л. 107 слл.].

Он присутствовал на заседании ТУАК 28 сентября 1917 г. На этом заседании, согласно предписаниям МВД и Таврического губернского комиссара, в городах Крыма были созданы комиссии «по регистрации предметов, имеющих художественное или историко-археологическое значение и находящихся в правительственных и общественных учреждениях», и для организации их охраны. В Феодосии в такую комиссию вошли Л. П. Колли и Л. Н. Папарупа[62].

Людвик Петрович жил очень скромно, а в последние годы — впроголодь. Мизерная пенсия, войны, революции... Его тяжелое положение было хорошо известно А. И. Маркевичу: «С 1905 г. появились у Людвика Петровича подагрические боли и ишиас; в 1908 г. эти боли усилились, и он должен был в течение трех лет (1909–1911 гг.) пользоваться грязевыми ваннами в Саках. Лечение требовало больших средств, а их у него не было. Не оправдались его мечты на получение какого-либо вознаграждения от Археологической комиссии за хранение музея древностей в Феодосии и труды по археологии, не увенчались успехом и хлопоты его об усиленной пенсии, но он не оставлял ученых занятий, несмотря на постоянную нужду, необходимость «считать гроши»»; «… здоровье Людвика Петровича все ухудшалось… средств для лечения у него не было. Кроме пенсии, только изредка получал он вознаграждение за исполнение должности консульского агента во время отсутствия г. Бертрена, за перевод документов и т. д. Праздником для него была всякая возможность побывать в Симферополе, но и это по причине

[60] Протокол заседания ТУАК 30 марта 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 18–19. См. также сообщение члена ТУАК Х. И. Ионнесова: Протокол заседания ТУАК 21 февраля 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 14–15.

[61] См. также: Протокол заседания ТУАК 12 июля 1917 г. // ИТУАК. 1919. № 56. С. 321–322; Протокол заседания ТУАК 19 октября 1917 г. // ИТУАК. 1919. № 56. С. 339, 340. На заседании ТУАК 25 июня 1920 г. В. Д. Гейман сообщил, что основание памятника, «сваленного матросами», осталось на месте, отдельные части памятника хранятся на городском пожарном дворе и повреждены не настолько, что его нельзя восстановить (Протокол заседания ТУАК 25 июня 1920 г. в [Филимонов, 2004, с. 124]).

[62] Протокол заседания ТУАК 28 сентября 1917 г. // ИТУАК. 1919. № 56. С. 336, 337.

недостатка средств на проезд с трудом удавалось ему»; в письмах к Маркевичу за 1915 г. Людвик Петрович объяснял, почему не может приехать в Симферополь: «Сижу без гроша», «Дороговизна меня убивает, живу Бог знает как, ослабел и похудел»; «… в кармане рубль и тридцать коп. марками» [Маркевич, 1918, с. 210–211][63].

Несмотря на болезнь и нищету, Людвик Петрович все-таки трижды приезжал в Симферополь в 1917 г. ради того, чтобы, как говорит Маркевич, «побольше пробыть со мной и моей семьей», но «на лице его была заметна какая-то особенная усталость и худоба» [Маркевич, 1918, с. 211–212]. В ноябре ему стало совсем плохо, и он писал Маркевичу: «… не могу владеть пером, не могу даже стоять на ногах», «силы приходят к концу»; однако он радовался тому, что «друзья, бывшие ученики, не оставляют», очень переживал по поводу того, что может не успеть закончить свой труд по истории генуэзской Каффы, «тем более, что дошел до самого интересного предмета, событий 1475 года» [Маркевич, 1918, с. 212].

Людвик Петрович Колли умер 28 декабря 1917 г. (10 января 1918 г.)[64]. Страшную причину его смерти А. И. Маркевич называет в письме к А. В. Орешникову: «Л. П. Колли, получавший 48 руб. пенсии, умер, по определению врача, от «продолжительного недоедания», другими словами, от голода…» [цит. по: Непомнящий, 2000а, с. 65, 74, прим. 185; 2005, с. 101, прим. 16]. Его отпели в католической церкви Успения и похоронили на городском христианском кладбище. Незадолго до смерти он просил передать его библиотеку городу, а все имевшиеся у него древности — в музей [Гейман, 1918, с. 216].

В мае 1930 г. М. А. Волошин сделал запись в своем дневнике: «Могилу Колли нашли за склепом Дуранте» [Купченко, 2007, с. 456]. Об этом же вспоминал И. М. Саркизов-Серазини: «Случайно попав на кладбище в 1930 году, я наткнулся сейчас же за усыпальницами Дуранте на простой деревянный крест с фотографической карточкой внутри. С 1932 года ни креста, ни карточки да и могилы я не нашел. Человек, отдавший всю свою жизнь Феодосии…, исчезает из памяти феодосийцев в обидно короткий срок. В течение одного десятилетия» [Саркизов-Серазини, 2010, с. 104].

Последняя работа Л. П. Колли была опубликована в «Известиях ТУАК» за 1918 г., в том же номере помещены некрологи А. И. Маркевича и В. Д. Геймана. «В лице его Комиссия лишилась скромного, но в высшей степени полезного работника, незаменимого в той области крымоведения, которой он посвятил свои силы, в которой с таким рвением и достоинством трудился около 20 лет», — писал Арсений Иванович [Маркевич, 1918, с. 208]. Он же рассказал о том, как переживал Людвик Петрович за судьбу России: «глубоко потрясли его душу» события 1905 и 1917 гг., «мучили вражда партий», отсутствие духа единения в стране («… русский человек, — говорил он, — страшный протестант и податлив, слабохарактерен»), взволновали балканские события 1912–1913 гг., а «настоящая война (Первая мировая. — *Э. П.*) охватила все его духовное существо»: он «восторгался подвигами наших войск, его мучили перипетии войны» («Боже мой! — писал он, — Не живу, не сплю, дрожу. Судьба России… Я в таком душевном состоянии, что не могу собрать своих мыслей») [Маркевич, 1918, с. 212–213]. В письме к Маркевичу от 2 декабря 1903 г. Колли признавался: «Да, я до сих пор иностранец, швейцарец по рождению, но люблю Россию и буду ей предан до смерти» [Маркевич, 1918, с. 212].

О том же писал и В. Д. Гейман: «Будучи сам, как швейцарский гражданин, проникнут до мозга костей принципами свободомыслия, Людвик Петрович с невыразимым страданием переживал нынешнее тяжелое и кошмарное время. Каждое событие, связанное в начале войны с поражением нашей и французской армии или флота, он встречал с болью в сердце, война эта укоротила надолго его дни. Но все же решительный удар был, несомненно, нанесен нашей «бескровной революцией». События, разворачивавшиеся в последние месяцы, приводили его порою в состояние полнейшей апатии, а на хрупком организме… эти нервные переживания отразились весь-

[63] С подачи Маркевича ТУАК старалась хоть немного помочь Л. П. Колли, например, заплатила ему за сделанные им и присланные в Комиссию фотографии памятников Феодосии и Феодосийского уезда, возместила расходы, которые он понес на переписку документов из итальянских изданий для своих сообщений на заседаниях ТУАК и статей по истории Каффы, помещенных в «Известиях ТУАК» (Протокол заседания ТУАК 26 августа 1911 г. // ИТУАК. 1912. № 47. С. 31; Протокол заседания ТУАК 17 ноября 1917 г. // ИТУАК. 1919. № 56. С. 345).

[64] Объявление о смерти и похоронах его см. [Архив ФМД, Н. А. 18, л. 115–116].

ма сильно. К тому же сильно давали себя знать и материальные условия… Людвик Петрович положительно жил впроголодь, не доедал, ютился в холодной комнатке и много страдал в нынешние дни продовольственных неурядиц» [Гейман, 1918, с. 215].

Сразу после Л. П. Колли заведующим музея ненадолго становится член ТУАК Вениамин Давидович Гейман, известный феодосийский краевед и журналист[65]. Начиналась новая эпоха в жизни страны, в жизни маленького города на юго-востоке Крыма и его Музея древностей.

Эту статью о замечательном человеке мне хочется завершить словами его близкого друга Арсения Ивановича Маркевича: «Он любил Феодосию… Был момент, когда он подумывал переселиться в Симферополь по моему совету, но привязанность к Феодосии взяла верх… И эта привязанность к Феодосии была тем удивительнее, что он чувствовал себя в ней одиноким… Эта любовь к Феодосии, кроме привычки одинокого старого холостяка, вызывалась любовью к ее древностям и старине, любовью к ее Музею древностей» [Маркевич, 1918, с. 213].

Abstract

E. B. Petrova

THEODOSIA MUSEUM OF ANTIQUITIES AND PROTECTION OF MONUMENTS OF THEODOSIA AND ITS NEIGHBOURHOOD IN THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article is written in the memory of the life and activity of the famous specialist in the field of the Crimean history, the manager of the Theodosia Museum of Antiquities in 1900–1917, L. P. Collie.

Keywords: Crimea, Theodosia, Theodosia Museum of Antiquities, protection of monuments, L. P. Collie.

[65] В. Д. Гейман был избран в члены ТУАК 12 мая 1916 г. (Протокол заседания ТУАК 12 мая 1916 г. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 243). Гейман был близок Людвику Петровичу, был в курсе его музейных дел, с 1916 г. активно участвовал в работе ТУАК, часто выступал на ее заседаниях с сообщениями о состоянии памятников в Феодосии и соседних с ней местах, публиковал статьи в «Известиях ТУАК» [Филимонов, 2004, с. 51, 160; Жарков, 2011, с. 55–57]. Он был достойным преемником Л. П. Колли, но заведовал музеем недолго, так как в ноябре 1920 г. навсегда покинул пределы Родины.

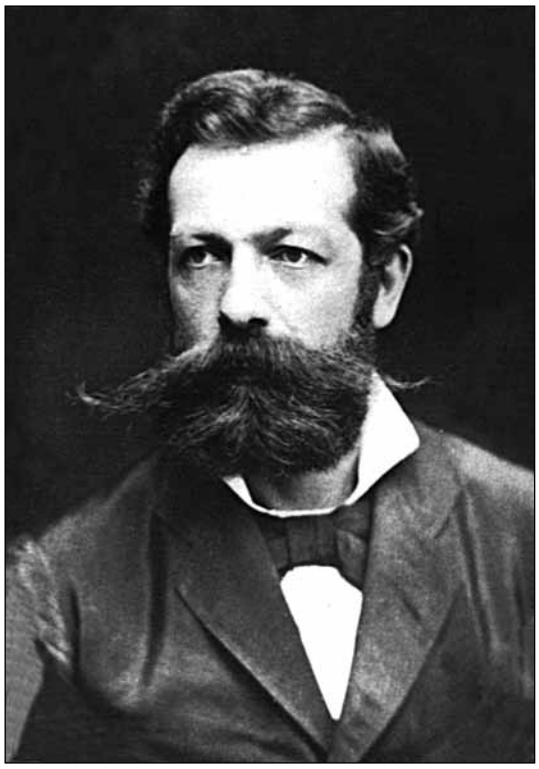


Рис. 1. Людвик Петрович Колли.
Фото 1878 г. (Архив ФМД)

Рис. 2. Иван Константинович Айвазовский за работой.
(Фото из фондов Феодосийской картинной галереи им. И. К. Айвазовского)

Рис. 3. Портрет разбойника Алима.
Рисунок Л. Лелоррен
(*Колли Л. П.* Подлинный портрет Алима // ИТУАК. 1905. № 38)

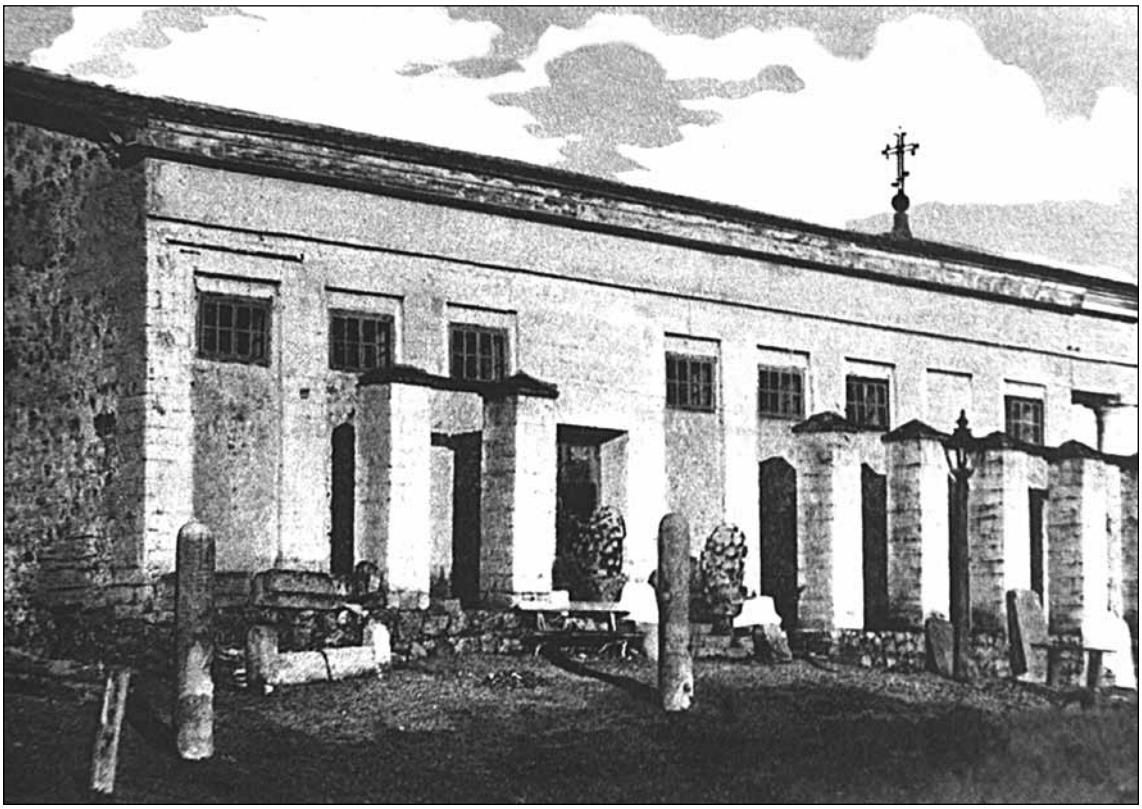


Рис. 4. Здание Феодосийского музея древностей на горе Митридат. (Открытка начала XX в.)

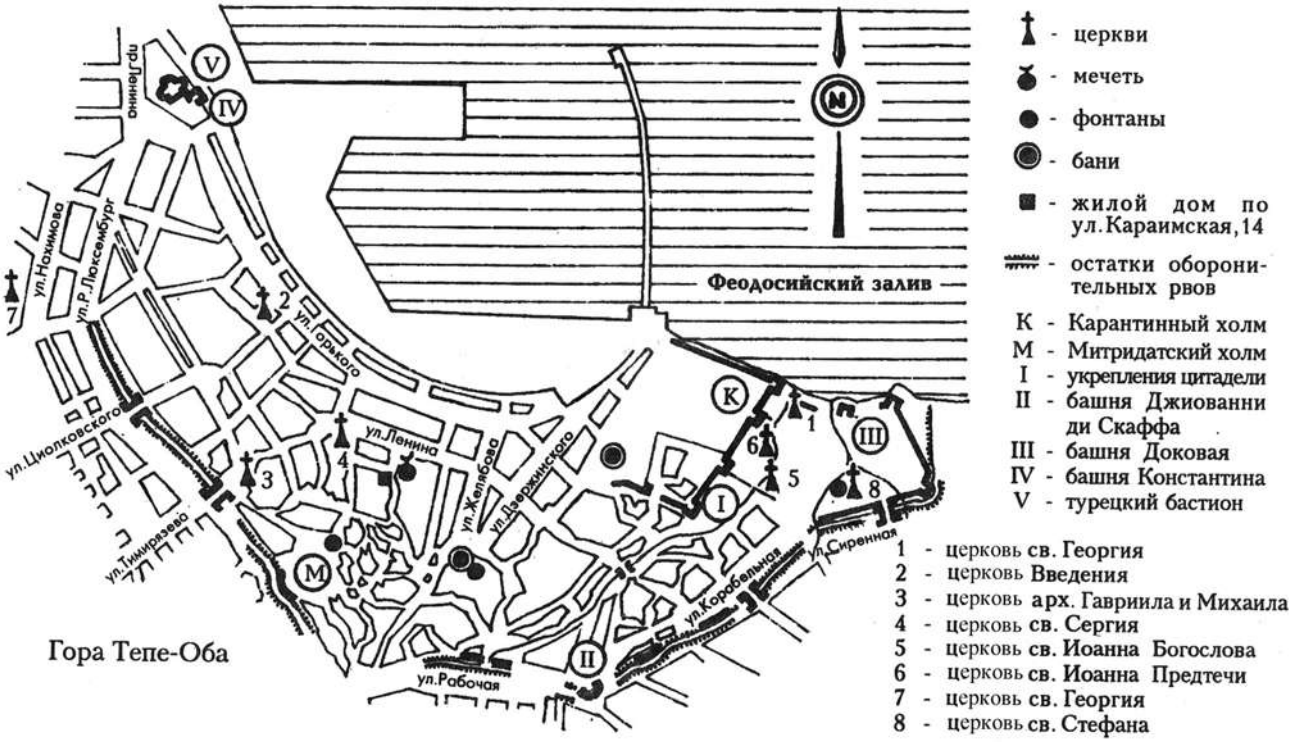


Рис. 5. Памятники архитектуры на плане г. Феодосии
(*Катюшин Е. А.* Феодосия. Каффа. Кефе: исторический очерк. Феодосия, 1998. С. 58.
В основе — план Н. С. Барсамова: *Барсамов Н. С., Полканов А. И.*
Феодосия: прошлое города и археологические памятники. Феодосия, 1927. С. 55–57;
Барсамов Н. С. Феодосия и ближайшие окрестности: экскурсионный очерк. Феодосия, 1933. С. 55)

Рис. 6. Екатерининский фонтан в г. Старый Крым
(*Колли Л. П.* О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // ИТУАК. 1903. № 35)

Рис. 7. Дом Кушниковых в Феодосии
(*Колли Л. П.* О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // ИТУАК. 1903. № 35)

Рис. 8. Екатерининский дворец в Феодосии
(*Колли Л. П.* О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // ИТУАК. 1903. № 35)

Рис. 9. Мечеть в дер. Карагозы Феодосийского уезда
(Протокол заседания ТУАК 17 ноября 1903 г. // ИТУАК. 1903. № 35)

М. В. Кутайсова

ГОСТИНИЦА «МОДЕРН» В г. ЕВПАТОРИЯ
(или зарисовка об одном здании так называемой «фоновой застройки» города)

Гостиница «Модерн» построена в 1908 г. в месте, где на протяжении многих веков разворачивались события, значимые не только для г. Евпатории и Крыма, но и всей России. Первоначальное поселение на берегу гёзлёвского залива появилось, вероятно, еще в конце XIV в., во времена хана Тохтамыша. Инициатива же строительства крепости на этом месте сразу после подчинения Крыма Порте принадлежит визиру Кефе Сандживан-паше. В 1666–1667 гг. Крым посетил знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби, составивший подробное описании города Гезлева. В 20-е годы XIX в. армянский путешественник Минас Бжишкян дополнил его описания еще сохранившимися в то время архитектурными памятниками Евпатории и описал гезлевскую крепость с 24 башнями, пятью воротами и цитаделью. В 1552 г. в этом же месте была заложена мечеть Хан-Джами. Во время русско-турецких войн XVIII в. на территории цитадели располагалась штаб-квартира А. В. Суворова. Церковь во имя Святителя Николая была построена греками еще в конце XVIII в., во всяком случае, в 1794 г. она уже действовала. И, наконец, в 1899 г. был освящен храм-доминанта исторической части города — Свято-Николаевский собор архитектора А. О. Бернардацци. В годы Великой Отечественной войны именно эта часть города стала местом высадки евпаторийского десанта.

Ключевые слова: Гезлев, А. В. Суворов, цитадель, башни крепости, Карантин, Эвлия Челеби, мечеть Хан-Джами, Ходжи Синан, Никольский храм, Екатерина Вторая, Модерн, Евпаторийский десант.

К началу прошлого столетия город Евпатория состоял из трех районов, резко отличающихся по своему архитектурному облику и планировке: восточного — с преимущественно одноэтажной застройкой; западного — с несколькими регулярно распланированными в 90-е годы улицами, и дачного района с правильными Продольными и Поперечными улицами, обозначавшиеся цифрами. Таким город оставался вплоть до 40-х годов XX в.

Гостиница «Модерн» была устроена в старом городе, и, может быть, ее архитектурные особенности не были особенно выдающимися, однако, ее месторасположение играло значительную роль на протяжении всей истории города Евпатории.

Во время русско-турецких войн (XVIII в.), с осени 1778 г. по май 1779 г. в Гезлеве, на месте старинной цитадели размещалась штаб-квартира А. В. Суворова, 49-летнего генерал-поручика, командующего русскими войсками в Крыму и на Кубани. «Замок небольшой, квадратный, кругом оного 76 сажен, при том о двух этажах казармы с амбразурами пушечными имеются». [Евпатория. 2500. 2003, с. 33–34, Цалик, 2007, с. 134]. Во всяком случае, на литографии А. Фадзарди (толмача при генерале Корсакове), опубликованной в 1834 г. в «Путеводителе путешественника по Крыму» Ш. Монтандона [Монтандон, 2011, с. 69] рядом с уже существовавшей мечетью Хан-Джами (1552 г.) видны силуэты крепостных башен (рис. 1). По инициативе А. В. Суворова [Тимофеенко, 1984, с. 180; Кутайсов, Кутайсова, 2007, с. 48, 52] в южных причерноморских городах, в том числе в Козлове началось устройство карантинов, (указ предписывал всем судам, прибывающим в город ожидать две недели в порту, дабы не занести эпидемии в город). В 1795 г. в Евпатории были завершены капитальные каменные постройки Карантина и причала. Также в это время в городе появились т. н. «провиантские магазины». В составе гарнизона служил капитан Багратион. Позднее на месте старинной крепости

было выстроено два двухэтажных здания, которые идентифицируются с возведенной здесь (или перестроенной из двух зданий) (рис. 2) позднее гостиницей «Модерн».

В восточном углу крепости находилась четырехугольная в плане цитадель с башнями (на нее указывал и Эвлия Челеби, турецкий писатель и путешественник), окружность которой равнялась 300 шагам. Самая высокая круглая башня занимала восточный угол. Она получила наименование Хангли-Куле (Кровавая башня) за то, что в ней казнили осужденных на смерть. Все пушки смотрели в сторону порта, откуда могли появиться «чайки» запорожских казаков. Еще памятны были события 1589 г., когда черкасские казаки численностью в 800 человек с атаманом Кулагой ночью ворвались в город, ограбили лавки, отчасти перебили, отчасти взяли в плен жителей. Тут же в посаде произошел жестокий бой с калгой Фети-Гераем, в ходе которого атаман погиб, а тридцать казаков попали в плен [Кутайсов, Кутайсова, с. 48]. Эта башня располагалась как раз между мечетью Хан-Джами и тогда еще непостроенным последним Никольским храмом[1]. При обследовании технического помещения бывшей гостиницы «Модерн», расположенного на углу, напротив собора Св. Николая можно обнаружить остатки этой башни. В 1778 г. в этой цитадели располагался штаб А. В. Суворова [Хрущев, Агаджанян, 2003, с. 700; Кутайсов, Кутайсова, 2007,с. 51–52] .

В 2004 г. место пребывания в Козлове А. В. Суворова увековечили установкой в парке им. Караева, напротив здания бывшей гостиницы «Модерн» стилизованного «Суворовского редута» (скульптор А. Максименко).

Слева от здания гостиницы располагалась мечеть Хан — (Джума) Джами — «Пятничная мечеть». Автором проекта здания был выдающийся турецкий архитектор (мимар) Ходжи Синан (родился в 1489/1588 гг.), создатель таких шедевров османской архитектуры как мечети Шах-заде (1548 г.) и Сулеймание (1550–1557 гг.) в Стамбуле и мечеть Селимие в Эдирне (1569–1575 гг.). На его надгробной плите мечеть Татар-хана в Гёзлёве значится под 77 номером из 81 культовых построек [Эссад Джелал, 1919, 336 с].

Особая значимость архитектурного объекта заключалась в том, что именно в данной соборной мечети крымский хан, сразу после прибытия из Стамбула, оповещал своих подданных о законном вступлении на крымский престол в соответствии с письменным указом (ферманом) турецкого султана. Здесь же происходил своего рода религиозный церемониал инаугурации хана и освящения его власти.

Первое подробное описание мечети приведено в «Книге путешествий» знаменитого турецкого писателя Эвлии Челеби, посетившего Крым в 1666–1667 годах. Им было записано следующее: «А самой прекрасной, высокой и восхитительной является соборная мечеть Бехадыр Герай-хана. В длину и в ширину от кыбловых дверей (*находившихся напротив михраба — М. К.*) — 150 шагов. С левой стороны в этой мечети есть отстроенное место, где намаз совершают достопочтенные ханы. И всего два высоких минарета. Один из них разрушен землетрясением. Но на сохранившийся теперь минарет с правой стороны, я недостойный, поднимался. Все строения города, их вид и конструкцию я пятикратно осмотрел. Спускаясь с минарета, я насчитал 105 шагов. Действительно, это высокий, отстроенный минарет. Потому что это строение Коджа Мимар Синана-аги ибн Абд ал-Миннана, который построил в Стамбуле мечеть султана Сулеймана. Действительно, это строение привлекательное и радующее душу. Но [внешний] харам (*отгороженный двор — М. К.*) у этой мечети маленький, потому что она находится в многолюдном месте города, посреди базара. У этой мечети маленький джемаат (*приход — М. К.*), у неё счастливый султанский жребий. В этом городе нет другой такой мечети, крытой чистым свинцом, светлой, украшенной и благоустроенной. На целый фарсах сверкает свинец ее куполов. Перед ее михрабом — место захоронения султанов, их жен и дочерей. Напротив ее харама, над дорогой, расположено прекрасное здание светлой бани [Челеби, 1999, с. 21; Бахревский, 1996, с. 194]. В северо-восточном углу двора мечети Джума-Джами находилась старая татарская кофейня, (рис. 4) по мнению авторитетных ученых не намного моложе самой мечети. [Гинзбург, 1922, с. 21]. Верхний этаж кофейни был приспособлен под место проживания муллы. [Петрова Э. Б., 2013, с. 80]. Значительно позже к торцам «дома муллы» были пристроены парикмахерская и пекарня. Сейчас этих зданий не существует (рис. 4).

Указом императрицы Екатерины 2 от 8 февраля 1794 г. образована Таврическая область

[1] Церковь во имя Святителя Николая была построена анатолийским и другими греками еще в конце XVIII в., во всяком случае, в 1794 г. она уже действовала [Лебединцев А. 1883,Т.13. с. 201–230].

с 7 уездами, среди которых обозначен и Евпаторийский. Указом Александра 1 была создана Таврическая губерния в составе семи уездов, одним их которых был Евпаторийский (Козловский), а Евпатория вплоть до установления советской власти в Крыму оставалась уездным городом и до 1952 г. — районным центром [Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1999, с. 117–124., Хрущев, Агаджанян, 2003, с. 67]. Неподалеку от мечети Татархана (Джума-Джами) греками была выстроена церковь во имя Святителя Николая, скорее всего к 1794 г. уже построенная. Второй храм Николая Угодника (1806 г.) сильно пострадал в годы Крымской войны 1853–1856 гг.

В 1869 г. в Одессе был издан Альбом лучших видов Крыма Эмиля Берндта, в котором изображена набережная Евпатории (рис. 3, 3а). На ней слева — мечеть Джума-Джами, справа — один из храмов Святителя Николая, а между ними явно видны два здания, очевидно, они и были выстроены на месте старой крепости.

В XIX в. улица, на которой были расположены эти два знаменитых культовых сооружения стала называться Лазаревской в честь губернатора Таврической губернии Лазарева П. М. (1889–1901 гг.).

Постепенно она приобретает значение административно-торгового центра, застраивается красивыми зданиями, замощается диоритом и устанавливается освещение керосиновыми, а затем электрическими фонарями. По воспоминаниям профессора химии И. Осипова «Евпатория прежде и теперь (1883–1913 гг.)», посетившего Евпаторию в 1883 г. и снова возвратившемся туда в 1902 г. и увидевшего освещение бульвара, он восклицает: «О, милые евпаторийцы! Вы все-таки подумываете о будущем, и какое спасибо мы, приезжие вам скажем!». [Евпаторийские новости]. Профессор сравнивал Евпаторию с итальянским городком Виареджио. [ЕН] В нач. XX в. улица быстро стала застраиваться гостиницами. Это гостиницы «Санкт-Петербургская» (н. XX в.), «Бейлер»(1911 г.), «Модерн». Кроме гостиниц, жилых, доходных домов на улице Лазаревской появляются магазины, пекарни. Тогда же, с появлением на ней земской больницы, таможенного пункта, здания морпорта, банков, страховых и торговых контор улица становится и деловым центром. Гостиница «Модерн» была открыта в 1908 г. Профессор останавливался и в «Санкт-Петербургской» и в «Модерне», поэтому мог сравнивать их. В первой ему с утра мешали звуки проезжавших мимо экипажей и телег и плохо убранная улица. Гостиницу «Модерн» И. Осипов описывает так: «…хорошее, благоустроенное помещение. Но она много теряет благодаря своему положению — номера на улицу, как в «Петербургской». Беспокоит звон колоколов из собора» [ЕН]. В рекламном листке говорилось: «Гостиница «Модерн» против бульвара. 30 номеров. От 2–8 рублей. Ванны, телефон, электрическое освещение».

Рядом с гостиницей «Модерн» в доме Бабаевой располагалось отделение Паровой шоколадной и конфетной фабрики М. А. Маслика, открытой в Симферополе с 1880 г. В одном торце здания гостиницы было устроено кафе «Grand-modern», в другом — аптека (рис. 5, 5а, 5б). Напротив гостиницы в море была выстроена купальня (рис. 6).

На площади между мечетью и гостиницей находилась стоянка экипажей, возивших отдыхающих к озеру Мойнаки и позже автобусов, отходивших ежедневно в 9 часов утра и 4 часа дня до Сак и Симферополя с оплатой 4 руб. 10 коп. с взрослых и половинной платой (без места) за детей. При гостинице был открыт театр-иллюзион или синематограф [ЕН].

С началом 1 мировой войны, в связи с закрытием европейских курортов для российской публики, Евпаторию посещает отдыхающих больше, чем ее собственное население, а город становится большим госпиталем. В романе А. Н. Толстого «Хождение по мукам» так описывается город того времени: «В это лето в Крыму был необычайный наплыв приезжих с севера. По всему побережью бродили с облупленными носами колючие петербуржцы с катарами и бронхитами, и шумные, растрепанные москвичи с ленивой и поющей речью, и черноглазые киевляне, не знающие различия гласных «о» и «а», и презирающие эту российскую суету богатые сибиряки; жарились и обгорали дочерна молодые женщины и голенастые юноши, священники, чиновники, почтенные и семейные люди, живущие, как и все тогда жило в России, расхлябано, точно с перебитой поясницей» [Толстой, 1985, с. 94].

Революционные события евпаторийцами были встречены прохладно. Однако на главной Соборной площади и прилегающей к ней Лазаревской улице прошло приветствие образованного в Петрограде Временного правительства и принята присяга (рис. 7, 8, 9 из архива К. Финкельштейна). Присяга Евпаторийского гарнизона была сорвана демонстрацией большевиков, собравшихся на Соборной площади. Нас интересует панорама того времени здания гостиницы «Модерн» на

фоне которой происходят указанные события. В предреволюционные годы в здании гостиницы находились магазины: «Галоши, линолеум», «Шины», «Игрушки».

После установления советской власти в гостинице «Модерн» на втором этаже с февраля 1931 года, находилась только что созданная редакция газеты «Коллективист». [Стома, 2011, с. 83–100]. В 1937 г. на первом этаже здания гостиницы открывается магазин «Детский мир» и, как мне помнится, он существовал до конца 70-х гг. XX века.

В годы Великой Отечественной войны здание гостиницы оказалось также в центре событий. В этом районе 5–7 января 1942 г. был высажен 2-ой десант в город, планировавшийся как часть большой операции по освобождению Крыма и отвлечению войск противника от осажденного Севастополя. Десант был неудачным — из 740 десантников в живых почти никого не осталось, а около 13 тысяч мирных жителей города, скрывавших раненых моряков были казнены на Красной горке города. Гостиница после сражения представляла собой жалкое зрелище. Она была сильно сожжена (рис.10), но большой балкон сохранился.

В наше время старинное здание почти полностью перестроено, однако несколько лет назад при проведении ремонта строителями была обнаружена и затем закрашена надпись — название гостиницы «Модерн», которую при тщательном обследовании здания можно обнаружить в центральной части здания под аттиком в центре ограждения крыши (рис. 11). До начала реставрации в здании были расположены различные общепитовские и торговые магазинчики (Столовая, Шашлык, Пицца, Продукты, магазин бытовой химии, фотография, обмен валют).

В 2013 г. началась реставрация правого крыла частных помещений бывшей гостиницы, в которой располагались столовая и пиццерия (рис. 12). В настоящее время в этой части здания — ресторан «Модерн» очень напоминающий находившуюся там в нач. XX в. *гостиницу* (рис. 14, 15).

Таким образом, анализируя фотографии и литографии различного времени можно сделать следующий вывод.

Здание гостиницы «Модерн» было выстроено на месте старинной крепости. Сначала это были два здания, которые впоследствии были соединены в центральной части. И наконец, ко времени революции 1917 г. возможно было достроено левое крыло гостиницы (или пристроены балконы?), т. к. на фото Соборной площади нач. XX в. (до 1914 г.) явно видны только два балкона, а на фотографиях 1918 г. их уже четыре. Можно также восстановить старинную надпись названия гостиницы на главном фасаде. Эти догадки требуют профессиональной проверки. А самое главное, что начав реставрацию части здания, необходимо ее продолжить. Здание двухэтажное, основным фасадом выходящее на море, как и основная часть сооружений города — выстроенное из ракушечника, оштукатурено. Дворовой фасад здания-памятника испорчен многочисленными современными пристройками, которые при реставрации всего здания могут быть снесены (рис. 13).

Здание бывшей гостиницы «Модерн» состоит на государственном учете в Списке памятников архитектуры, градостроительства Республики Крым (Приказ Министерства культуры и туризма Украины от 25.10.2010 №957/0/16–10), списки объектов культурного наследия в настоящее время уточняются в соответствии с российским законодательством.

В интерьере здания сохранились лепные консоли в виде женской головки, обрамленной цветочным орнаментом, сохранились в первозданном виде лестница и арочные окна, выходящие с лицевого и внутреннего (дворового) фасада на второй этаж. Лестничные марши — с фигурными металлическими ограждениями и поручнями, могли быть изготовлены в местной мастерской З. И. Гимельфабра. Это, пожалуй, и все, что напоминает в здании гордое название стиля архитектуры «ар-нуво». Реставрацию здания памятника культурного назначения необходимо продолжить с помощью зондажей и отбора проб строительных материалов (кладочного раствора, камня, штукатурки и отделочных наслоений и др.) для лабораторного определения их состава, прочности, и уточнения периодов строительства отдельных частей памятника, и окончательного определения первоначального вида фасадов.

Вот вам и «фоновая» застройка!

Absstract

M. V. Kutajsova

MODERN HOTEL IN EVPATORIA
(or a sketch about one building so-called «Background building» of the city)

The Modern hotel is constructed in 1908 in a place where throughout many centuries events, significant not only for Evpatoria and the Crimea, but also all Russia were developed. The initial settlement on the bank of the Gyozlyovsky gulf appeared probably at the end of the XIV century, at the time of the khan Tokhtamysh. The initiative of construction of fortress on this place right after submission of the Crimea Port belongs to a vizir Kefe Sandzhivan-pashe. In 1666–1667 the Crimea was visited by the well-known Turkish traveler Evliya Chelebi who made detailed the description of the city of Gezlev. In the 20th years of the XIX century the Armenian traveler Minas Bzhishkyan added his descriptions still with the architectural monuments to Evpatoria which remained at that time and described Gezlevsky fortress with 24 towers, five gate and a citadel. In 1552 in the same place the mosque Khan-Dzhami was put. During the Russian-Turkish wars of the XVIII century in the territory of a citadel A. V. Suvorov's headquarters settled down. The church for the sake of the Prelate Nikolay was constructed by Greeks at the end of the XVIII century, in any case, in 1794 it already worked. And, at last, in 1899 the temple dominant of historical part of the city — the Sacred and Nikolaev cathedral of the architect A. O. Bernardazzi is consecrated. In days of the Great Patriotic War this part of the city became a place of disembarkation of an evpatoriysky landing.

Key words: Gezlev, A. V. Suvorov, citadel, fortress towers, Quarantine, Evliya Chelebi, mosque Khan-Dzhami, Hodzhi Sinan, St. Nicholas Church, Ekaterina the Second, Modernist style, Evpatoriysky landing.

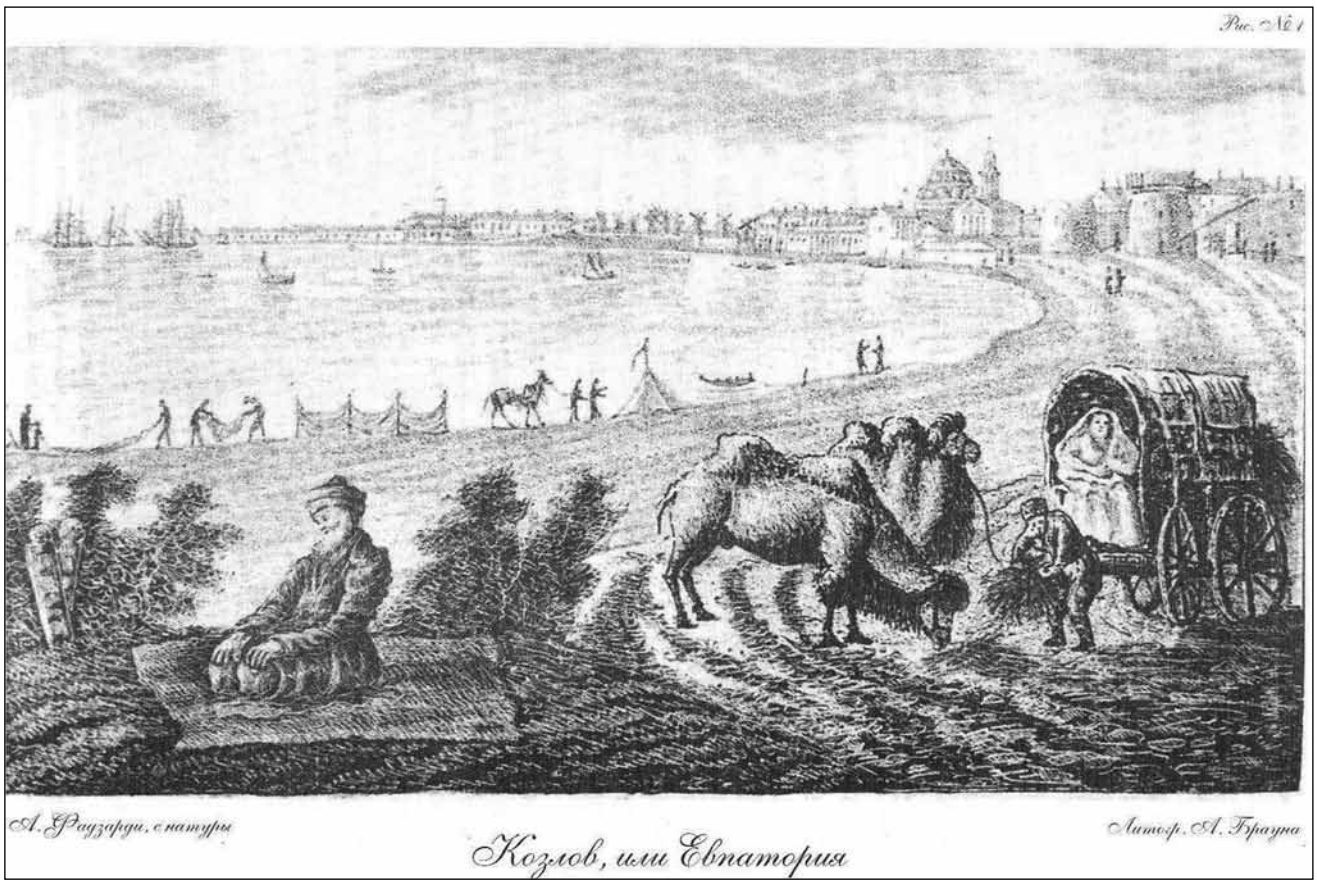


Рис. 1. Литография Фадзарди из Монтандона. 1834 г. Фадзарди — толмач при генерале Корсакове

Рис. 2. Вид с моря. После 1899, т. к. построен Свято-Никольский собор

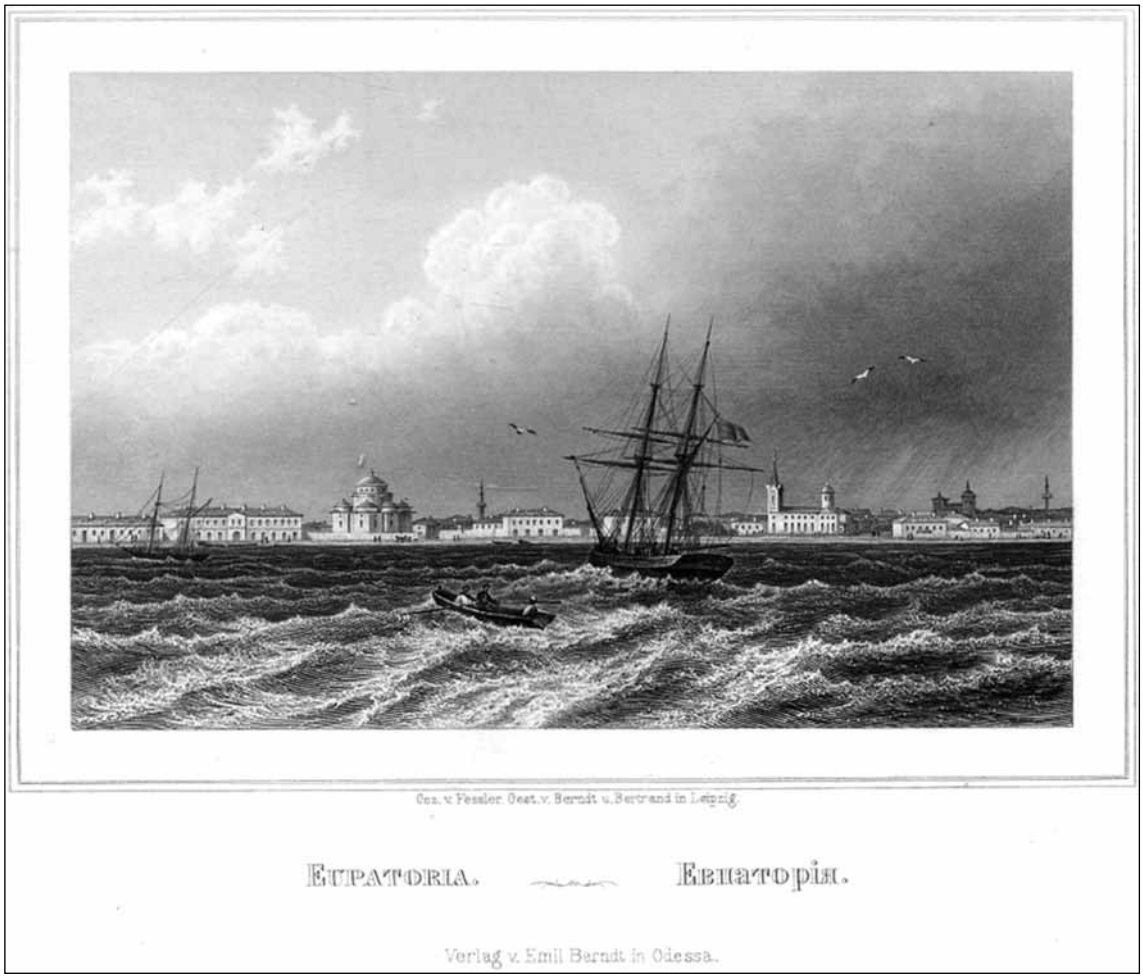


Рис. 3. Евпаторийская набережная. Литография Эмиля Берндта 1869 г.

Рис. 3а. Общий вид. Конец XIXв. — купальня «Модерна»

Рис. 4. Рисунок П.И. Голландского. Старая кофейня у входа во двор Хан Джами в Евпатории

Рис. 5. «Модерн» после мая 1914 г. (трамвай)

Рис. 5а. Гостиница «Модерн» на фоне собора — нач. 20в., до 1914 г.

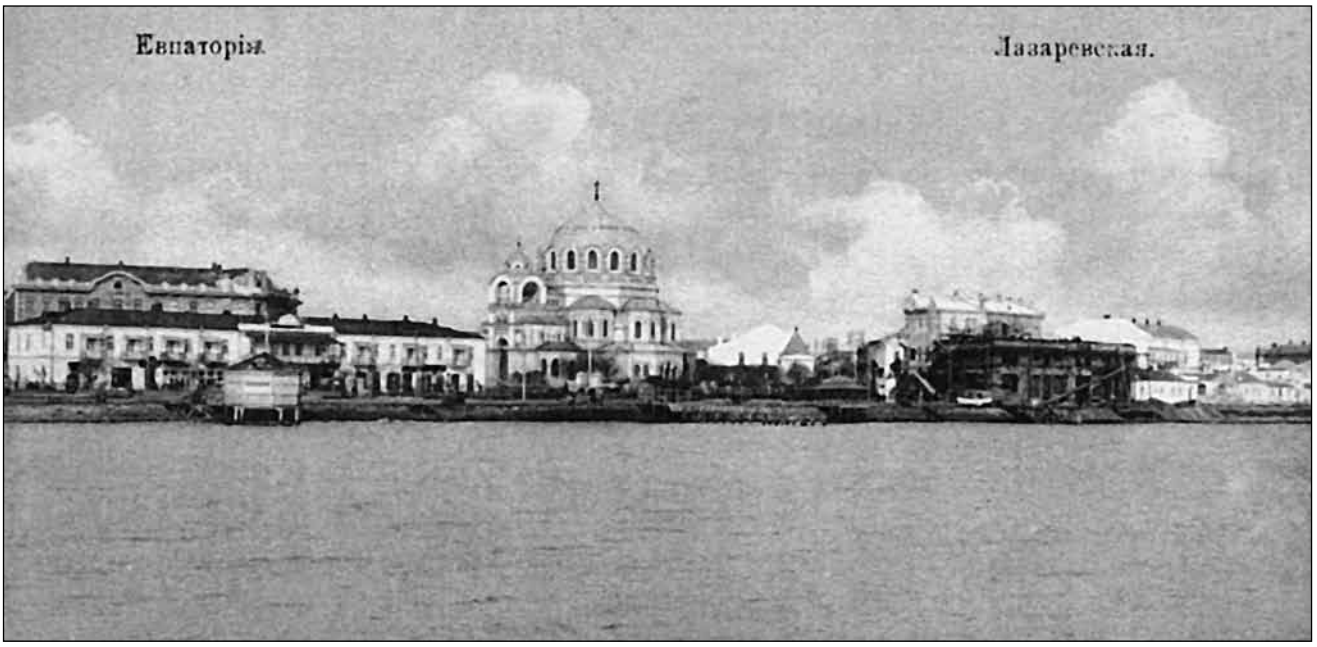


Рис. 5б. Лазаревская — 1915–1916, т. к. кафе строится «Бориваж»

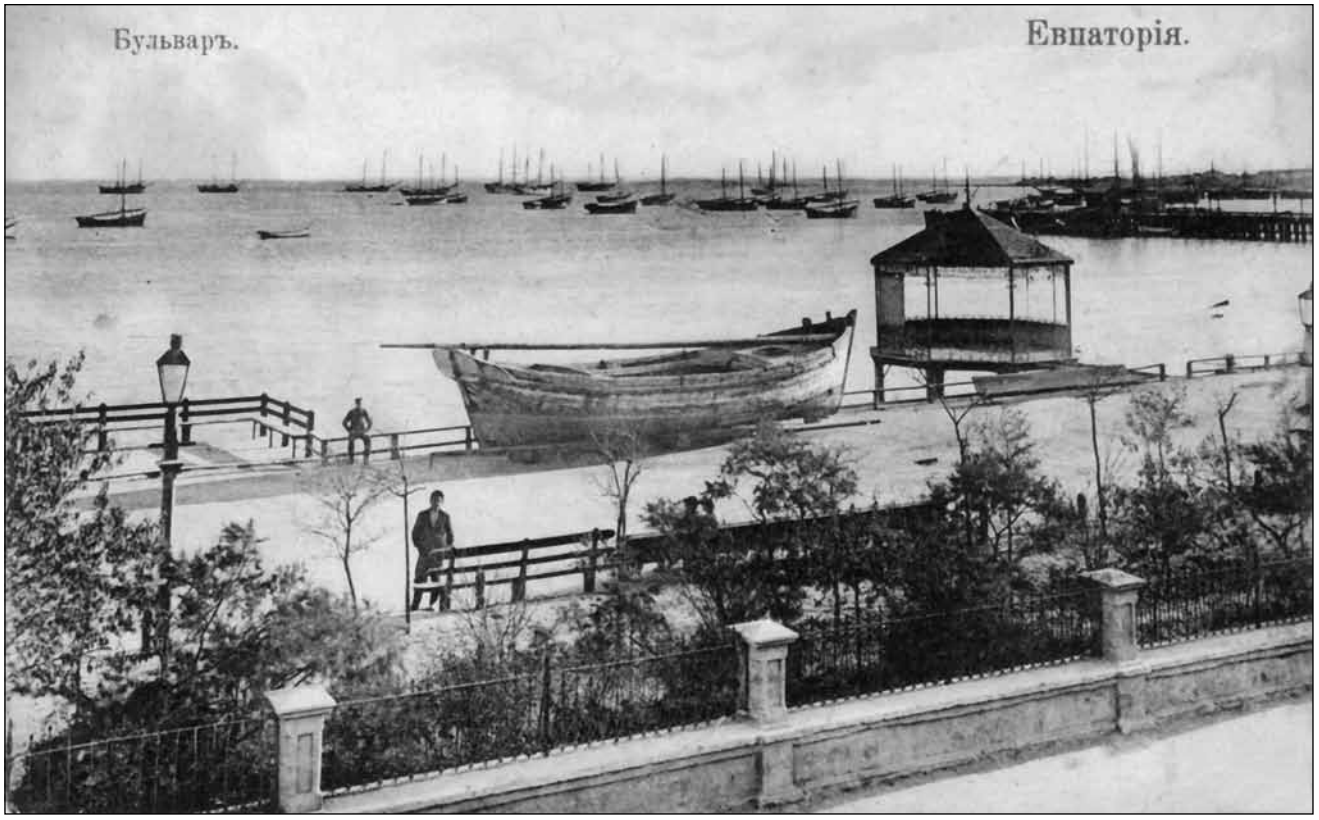


Рис. 6. Купальня «Модерна» на Бульваре.

Рис. 7. Деталь-ПРИСЯГА Временному правительству. 1918 г. Из архива К. Финкельштейна

Рис. 8. Панорама — «Модерн» — революционные события на фоне Модерна

Рис. 9. Под аттиком в центре ограждения крыши название «Модерн»

Рис. 10. Гостиница «Модерн» с большим балконом, пережившим войну — фото апрель 1944 г.
Фото из интернета.

Рис. 11. «Модерн» — современное фото, под аттиком видно название гостиницы

Рис. 12.»Модерн» до реставрации

Рис. 13. Внутренний двор — застроен пристройками

Рис. 14. После реставрации — весна 2015 г.

Рис. 15. «Модерн» — лето 2015 г. — ресторан

А. Е. Кислый

В ПОИСКАХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ ОДНОГО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ «АРХЕОЛОГИИ УТРАЧЕННОГО»: АДМИНИСТРИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВОМ И КУЛЬТУРОЙ, ИДЕОЛОГИЯ РАЗРУШЕНИЙ

Опираясь на историко-демографические закономерности трансформации общества, автор находит возможность говорить о системных случаях исчезновения и уничтожения образцов материальной культуры, начиная с глубокой древности. Внешне эти случаи могут быть аналогичны разрушениям, случавшимся во время этнических противостояний, однако их основная суть в изменении идеологических воззрений в новом становящемся обществе времени демографического перехода, связанного с революцией воспроизводящего хозяйства.

Ключевые слова: древние ограбления и разрушения, идеология разрушений, воспроизводство жизни, продолжительность жизни, маскулинизация.

Настоящая статья посвящена выяснению мотивов древнейших разрушений. И в это своей части она имеет, в целом, теоретическую направленность. Однако, предварительно несколько слов об особом отношении археологов к разрушителям и разрушениям. Безусловно, из всех предстателей исторических дисциплин археологи, работающие не только за письменным столом, но и в сложнейших условиях на раскопках, добывают древности ради предания артефактам новой, хочется верить, бессмертной жизни. По смыслу своего дела они прямо противоположны разрушителям. Это подобно тому, как общество отвергает соединение понятий «врач» и «убийца». Но эта особенность специальности археологов до странности мало раскрыта в общественном сознании, в истории науки. Отсюда, возможно, происходят некоторые недопонимания позиций археологов, когда приходится общаться с администраторами в деле охраны культурного наследия.

В разных странах система охраны памятников не просто невозможна без археологов, но и создавалась изначально археологами, хотя управленцам может показаться, что главные — они. Помню, как Манфред Корфман, проф. Тюбингенского университета во времена руководства раскопками в Трое организовывал встречи с местными властями и жителями Чанак-Кале. Так было и в СССР. Археологи приезжали на раскопки в ту или иную местность, мужественно отстаивали памятники перед строителями, администраторами и проч., шли в горкомы и исполкомы, воспитывали, и никто не мог им перечить и отказать… Это был эффект влияния чести и культуры, даже если стройку курировали очень высокие власти, к примеру ЦК КПСС, как было в случае с Акташской АЭС в Крыму, когда у строителей имелся акт об отсутствии памятников археологии на территории будущей стройки. В силу специфики своей работы археологи создавали гражданское общество и систему охраны памятников даже в тех случаях, когда общество не было готово к этому. Нынче администратор в области охраны памятников может защищать диссертацию «Становление и развитие системы охраны культурного наследия Одесской области (1944–2009)», которая даже в названии принижает роль археологов в обществе. Он не заботится о том и не понимает того, что его творение есть уничтожение культуры жизнедеятельности многих поколений археологов. Причем, историки-не археологи могут не понять о чем здесь речь. Скажите, на милость, разве система охраны памятников в таком известнейшем и богатом традициями крае как Одесская область

могла начинаться в 44-м году? Даже, если бы не осталось ни одного довоенного специалиста-археолога, то система — это и научные труды, отчеты, коллекции, продолжатели, традиции, кружки и организации. Разве в этом деле после окончания войны не археологи — и местные (в том числе краеведы), и приезжие, не они сыграли особую роль, а разные постановления? Выбросите из понятия гражданского общества археологов, и завтра даже известнейшие исторические города превратятся в шикарное непотребство.

В последние годы именно профессионалы, а не администраторы (имеется в виду также и бездеятельность ЮНЕСКО), выступили против разрушений древностей и грабежей в некоторых странах Востока, к примеру, в Ираке. Там уничтожаются по религиозным мотивам известнейшие скульптуры-изображения периода ассирийской государственности. Разрушаются памятники истории собственного государства. Еще раз оказалось сломанным важное звено в цепочке понимания труда археологов. И, к сожалению, именно идеологические мотивы становятся знаменем разрушителей.

Далее, переходя к основному изложению, поставим вопрос: в каких случаях в социумах уничтожается материальная культура и как это могло отразиться на качестве археологического познания. В минувшем году в Челябинске состоялся и всероссийский круглый стол «Археология древних ограблений и символических захоронений». Тема, по нашему мнению, интересна тем, что дает возможность систематизировать и теоритически осмыслить данные археологической науки, которые часто остаются вне поля зрения в случаях, если ставится задача представить лишь наиболее значимые артефакты древнейших культур. Но может ли быть ценным и результативным определенное отсутствие все еще «традиционных» в археологии результатов раскопок — ярких находок?

«Археология утраченного» может оказаться продуктивным практическим и теоретическим направлением науки. В первом случае ставим задачу проследить, как и что утрачено, объяснить-реконструировать утраченное, независимо от времени случившихся утрат — древность это или времена более поздние. Во втором — становится задача найти казуальность утрат в воспроизводстве жизни[1] изучаемого древнего населения. Конечно, здесь велика угроза «утонуть» в предположениях и догадках. Чтобы так не случилось в нашем исследовании, автор использует те термины, концепции и наработки, которые обоснованы им и соответствующей школой демографов [Стешенко, 1981; Стешенко, Пискунов, 1978].

Важны все направления анализа древних ограблений и разрушений, но хочется обратить внимание на возможности расширения поиска в направлении специального (системного) уничтожения артефактов, предметов материальной культуры в древности. Неоднократно проговаривалось, что такое возможно в случае культурно-этнического противостояния, когда могли уничтожаться преднамеренно следы (образцы) непонятной или чуждой, враждебной культуры (к примеру, в работах В. А. Новоженова). Для того чтобы такое уничтожение было особенно актуальным в воспроизведении жизни определенных социумов, эти социумы должны быть этносинонимичны, т.е. достаточно подобны, должны занимать близкую нишу в воспроизводстве жизни. Углубляя в этом направлении поиск, попытаемся показать значении протоидеологии или возникающей в период становления и развития производящего хозяйства идеологии искажения действительности. В принципе, каждая идеология есть «маскировка нелогического (подчеркнём, условно «нелогического» — А. Е.) характера действия» (В. Парето), это искажение естественного понимания воспроизведения жизни, поэтому мы вправе, как увидим далее, также в изучаемых здесь социальных отношениях видеть протоидеологические концепты.

Наиболее общий теоретический вопрос, относящийся к пониманию истоков древней «протоидеологии» воспроизведения жизни — это понимание причин перехода к воспроизводящему хозяйству. Сегодня на замену старой концепции прогресса и технических изобретений приходит понимание, что переход к воспроизводящему хо-

[1] Воспроизводство жизни трактуем как поступательный диалектический процесс, обусловленный видоизменениями природы и человека, процесс, главный смысл которого в историческое время составляет диалектика противоречий «природа-общество» [Кислый, 2013, с. 18 и др.]. Потребность введения такого определения и такой исследовательской модели вызвана тем, что в науке все прочие модели предлагают относительно узкое понимание наиболее общих исторических диалектических противоречий. Памятуя, о прошедшем юбилее О. И. Домбровского, заметим, что в близком ключе поданы предметные рассуждения в одной из его работ [Домбровский, 1980].

зяйству это, прежде всего жесткая необходимость, возникшая в результате т.н. «мезолитического» кризиса (С. Н. Бибиков), и лишь затем — открывающаяся определенная историческая возможность роста производительности труда. Именно в рамках концепции прогрессизма невозможно объяснить более высокую рациональность коллективов собирательских и то, почему переход к производящему хозяйству не выглядел для древнего человека привлекательным [Салинз, 1999, с. 31–35], или почему «переход к раннему земледелию не давал каких-либо явных преимуществ охотникам и собирателям…» [Шнирельман, 1986, с. 267]. Многие исследования второй половины XX в. ясно показали, что присваивающее хозяйствование было самодостаточным, но разрозненные палеоэкономические материалы и данные по современной демоэкономике не были сведены в систему понимания исторической трансформаций общества.

В рамках концепции «демоэкономических кризисов» становится понятной «маскулинизация» населения на первых этапах перехода к воспроизводящему хозяйству и в дальнейшем, на протяжении более длительного времени при затяжном переходе (в аридных, засушливых, малоплодородных и т.п. зонах), далее — падение средней продолжительности жизни практически во всей ойкумене при переходе к воспроизводящему хозяйству (хотя возможны и другие, частные модели «перехода»), далее — факты прироста населения в наиболее бедных странах мира в наше время при научно-обоснованных мерах антинатальной политики и помощи со стороны «развитых» стран и др. Каждый раз в результате преодоления демоэкономического кризиса рождался новый исторический тип качества народонаселения [Кислый, 2005, с. 179–278].

Безусловно, концепция «демоэкономических кризисов» полноценно возвращает археологию в лоно социальных наук или теории социальных исторических трансформаций. Как правило, ее данные востребованы в социологии, политологии преимущественно на уровне периодизации истории или развития концепций происхождения государственности (и то, как известно, отчасти, ибо таковые стали разрабатываться еще философами Древней Греции). Достаточно открыть любой учебник по социологии, чтобы увидеть ничтожнейший уровень «потребности» в реконструкциях, выполненных археологами, историками первобытного общества с применением реальных материалов, добытых за многие прошедшие десятилетия, если не столетия. То есть, на самом деле, если археология имеет какое-то отношение к истории, к социальным наукам, то исследования археологов должны занять свое место в разработке современной системной социологической теории.

Переход к воспроизводящему хозяйству потребовал наличия населения особого качества. Так как такой переход был не «благом» и не результатом внезапных (пусть даже тысячелетних по времени открытий), а жесткой необходимостью, то особым качеством населения становилась его маскулинизация. Для освоения ранее непродуктивных земель, для освоения новых трудоёмких видов хозяйствования, для сражений «за место под солнцем» в конкретной экологической нише требовалось больше населения, а в этом населении большее число мужчин, нежели женщин. Только так могло начаться в то время утверждение более высокой производительности труда. Это подобно тому, как гораздо позже для победы капитализма потребовалась такое новое качество населения, как должное число свободных крестьян, и как для современного воспроизводства жизни необходимо особое качество населения с высоким числом людей умственного труда. Понимаемое доныне большинством социологов и демографов качество народонаселения как «правильное» соотношение численности мужчин и женщин в населении, как низкая смертность и высокая рождаемость и т.п. не исторично и непродуктивно ни в сфере палео-, ни в сфере современной экономики, социологии, демографии по своей сути. Широко используемое традиционное понимание качества населения удобно для статистических отчетов, но не совершенно и не дает возможности ответить на вопрос об историческом изменении качества народонаселения, как о диалектическом процессе, основанном на потребностях и возможностях изменений в демоэкономике [Кислий, 2006, с. 292–299].

Главной же качественной особенностью населения периода становления воспроизводящего хозяйства становятся половозрастные диспропорции, чаще всего выраженная маскулинизация (очень редко феминизация) как социальная, гендерная характеристика народонаселения. В демостатистике это будет проявляться постепенным формированием большего количества мужчин в населении по сравнению с женщинами [Кислый, 1989; Кислый, 1990].

Итак, начинался «жесткий» патриархат. Он напоминал чем-то «дикий» капитализм, когда в

городах вырастает смертность и заболеваемость, а качество жизни рабочих в городе, в рабочих поселках оказывалось несравнимо ниже, чем несвободных крестьян в деревне. В условиях «жесткого» патриархата значительная часть мужчин не могла иметь семьи, детей и женщин, прочих благ, они были жестоко по нынешним меркам эксплуатируемы, их возможности и социальные права были ограничены. Смертность была достаточно высокой. Примерно до 18 лет умирало от 40 до 70 % родившихся. Но в том и парадокс, что такая система воспроизведения жизни была тогда рациональной. Это был кризис, ввызванный необходимостью становления нового общества. Если мы применим такие подходы к изучению т. н. «развития», то поймем многие особенности истории, если будем подходить с позиций «изобрели новые технологии», то останемся на уровне простого «прогрессизма», как преобладающей идеологии исторической науки, социологии, философии вчерашнего дня.

Еще более высокой была женская смертность. Женская сверхсмертность (специальный демографический термин, означающий преобладание показателей смертности в какой-либо возрастной группе) была экономически необходима потому, что большее или равное мужчинам число женщин было не нужно. Одна женщина могла родить 6–10 детей. При этом мальчиков выживало больше. Далее, снова одна женщина могла родить столько же детей при такой же сверхсмертности девочек. Такова было демоэкономическая потребность того общества, но так как научно обоснованных программ регулирования семьи и брака не существовало, то общая численность мужского населения могла значительно превышать женскую часть. Мужчинам засушливых или в целом проблемных зон развития производящего хозяйства приходилось добывать женщин «на стороне», что дополнительно стимулировало развитие экономики «вширь», миграции и изменение этнической картины мира. Женщина приобретает меновую стоимость [Энгельс, 1980, с. 61].

Каким образом достигалась более высокая смертность девочек, начиная с раннего возраста для нашего исследования не важно. В литературе можно найти много примеров ранней женской смертности в первобытном и традиционном обществах. Это — убийство девочек, неуход за ними, традиции «оставления», смерть при родах и проч. Об этом было много дискуссий в эпоху всплеска интереса к историко-демографическим исследованиям второй половины-конца прошлого века. Повторим, в принципе важна суть — в составе населения требовалось повышенное число мужчин для *постоянной, системно необходимой социальной их эксплуатации*. Сказки разных народов мира о младшем брате-дурачке, эксплуатируемом старшими, имеют древнейшую природу. В сказке условные «Иванушки» получали в конце жену и владения, но в жизни это было невозможно. Их социальная «роль» была иной — отдать свой труд, военные умения, жизнь в процессе *классовой половозрастной эксплуатации*. Так выявляются те искривления в социумах, которые мы, археологи, еще не изучили в полной мере, и это та дань социальному и уход от природного, что необходима была для «развития», начало первой системной идеологии.

Коротко коснемся вопроса, почему с переходом к воспроизводящему хозяйству падает средняя продолжительность предстоящей жизни населения. Факт отмечен на многочисленных материалах — из Северного Причерноморья [Кислый, 1989; Кислий, 2005], Южной Сибири, Средней Азии, Кавказа [Алексеев, 1972], Юго-Восточной Европы, Восточного Средиземноморья, Северной Африки, Японии, Азии, Северной Америки, Ближнего Востока [Acsadi, Nemeskeri, 1970; Angel, 1971]. В. П. Алексеев и др. исследователи полагали, что причина частная, состоит она в заражённости среды обитания в древних поселках [Алексеев, 1972, с. 19]. Однако, независимо от зон и климата, традиций культуры и наличия воды, эта особенность воспроизведения жизни древних коллективов оказалась глобальной. Причина поясняется действием двух факторов — демоэкономического и чисто статистического [Кислый, 2013, с. 143–147].

Демоэкономический состоит в том, что в период первого «демографического перехода»[2], возникает потребность в приросте населения, однако, прежде всего, населения *определенного качества.* Происходит такое «неестественное» изменение половозрастной структуры населения, при котором исчезает потребность в непродуктивной части населения, уменьшается численность женской части населения, растет женская

[2] Специальный демографический термин, как правило, известный демографам в применении ко второму демографическому переходу периода промышленной революции и индустриализации. О статистике населения первого демографического перехода периода становления производящего хозяйства см.: [Кислый, 1993].

смертность. Естественно, растет генеративная нагрузка на женщин, растет смертность при родах, уменьшается общая продолжительность жизни. Уменьшение продолжительности жизни женщин наиболее главный и долго действующий демоэкономический фактор. Хотя сам процесс перехода к производящему хозяйству, сопряженный с рядом трудностей, также негативно влиял на показатели продолжительности жизни населения.

Фактор демостатистический находил свое проявление в общем росте численности населения как потребности экстенсивного хозяйствования. Есть парадокс демографической статистики, незамеченный никем ранее. Все, кто занимался палеодемографией или исторической демографией, автоматически считали, что с «прогрессом», с «переходом к высшей ступени развития» в результате «неолитической» революции должна вырасти продолжительность жизни людей (А. Г. Вишневский, И. Н. Потехина и др.). Ведущие специалисты-демографы (Э. Россет, Р. Пресса, Б. Ц. Урланис и др.) никогда не ставили под сомнение общее поступательное движение, прогресс в росте продолжительности жизни. Но на начальных этапах демографического перехода растёт удельный вес детской, младенческой части населения. Так как каждый ребенок в общую сумму прожитых человеко-лет несет малые величины, то поначалу общая продолжительность жизни населения будет падать. Такая, чисто статистическая закономерность будет наблюдаться до следующего этапа демографического перехода, но это отдельная тема исследования [Кислый, 1993].

Таким образом, перед нами общество, где воспроизводство жизни *требовало* особой социальной роли мужчин и приниженной социальной роли женщин. Как писали русские исследователи традиционных обществ XIX в., женщина во многом играла роль родильной машины, выполняла всю непрестижную работу [Калмыцкая, 1868]. Теперь на патриархе, главе рода или племени лежала социальная ответственность за жизнь и ее воспроизведение. Важно отметить, что в обществах со сбалансированным комплексным земледельческо-скотоводческим укладом гендерное противостояние было более сглажено, демографический переход проходил относительно быстрее. Заканчивается он, как правило, с установлением государственности, с появлением классовой эксплуатации, торговли и широких экономических отношений. Естественно, в отдельных областях невозможность сбалансированного развития консервирует острое гендерно-экономическое противостояние.

В той далекой древности мужчина-патриарх становится собственником имущества, стад, женщин, младших или просто подчиненных, оставшихся без семьи мужчин, он согласно новой зарождающейся идеологии предстает творцом мироздания. Мужчина-патриарх создал этот мир, он может все, кроме одного — он не может родить. И эта «малость» потребовала создания практически первой глобальной протоидеологии или мифологемы. Без этой идеологии невозможна была диспропорция полов, маскулинизация населения, невозможно было воспроизведение жизни социумов, «искривленное» с нашей точки зрения. Древнейшие следы такой глобальной идеологии находим повсеместно. В мировосприятии социума, потребности которого в преобладающем приросте мужского потомства были «неестественно» генерализированы, устанавливается мифологическая связь таких понятий, как рождаемость-плодовитость с мужчинами, а не с женщинами. Отсюда многократно повторяемая формула: «Авраам родил..., Ламех родил» и др. (Быт. 4: 18, 5)[3e]. Или Яхве — Иакову: «Цари выйдут из чресл твоих...» (Быт. 35, 11), или чудесные случаи рождения Афины из головы Зевса [Апполодор, 1,3,6], Савитри — из тела Брахмы, или Евы — из ребра Адама. Хуррито-урартський бог Кумарби таким же образом производит на свет Тешшоба и т. п. Необходимость доказательства происхождения по отцовской линии здесь вторична по сравнению с постоянно действующими демоэкономическими закономерностями. Так, к примеру, в обществе библейских патриархов и др. никакое доказательство уже не требовалось.

В рамках нового мифа-идеологии появляются запреты. Прежде всего, официально запрещалось в познании-отражении воспроизводства жизни то, что могло бы помешать выживанию племени. Общество *соглашалось на определенную условность познания*. В разных обществах, с разной степенью принуждения запрещалось отображать (соответственно, познавать) реальный мир. Поэтому, прежде всего, запрещались реалистические изображения, а те, что имелись ранее или возникали спонтанно — такие системно уничто-

[3] Используется доступный несинодальный перевод [Біблія…, 1988], что не обходимо в научном анализе.

жались. Из выше изложенного понятно, что такая идеология, прежде всего, коснулись племен несбалансированного развития аридных, пустынных, северных и т. п. зон.

Теперь применительно к теме нашего исследования, опираясь на письменные, этнографические, археологические источники, проследим, где и в каких случаях происходило уничтожение познания и материальной культуры. Еще раз подчеркнем те особенности социумов, при которых в разные времена запрещались реалистические изображение. Главными особенностями будут: 1) потребности в приросте населения, переживание определенных трудностей воспроизводства жизни в новых условиях (сначала при переходе от первобытного традиционного типа воспроизводства к воспроизводящему хозяйству — почти везде, в дальнейшем — при экстенсивных способах хозяйствования); 2) определенное культурно-территориальное дистанцирование от продуктивного земледельческого хозяйства, которое давало возможность в пределах короткого промежутка времени (в период земледельческого цикла) познать наиболее широко особенности воспроизводства жизни и иметь прибыль для развития социума без перекосов в экономико-демографической его структуре; 3) наконец, и самое необычное — наличие диспропорций в половозрастной структуре социума с превышением численности мужчин.

Прежде всего, наиболее интересны будут первоначальные книги Библии, отражающие, как было показано нами ранее в других работах [Кислый, 1996; Кислый, 2005, с. 127–160] примерно ту же демоэкономическую стадию развития населения, что проходило, к примеру, население Евразийских степей в эпоху энеолита-бронзы. Причем, одна из работ автора специально подчеркивает возможность проекций демоэкономических событий эпохи бронзы в степях Северного Причерноморья конкретно на степной Крым [Кислый, 2004]. Наряду с иными территориями именно население степной зоны Евразии достаточно четко характеризовалось половыми диспропорциями, маскулинизацией населения, обширными миграциями, относительной задержкой становления государственности, отсутствием реалистических изображений подобно культуре библейских протокочевнических племен, в частности ибри. Материальная культура пришлых скотоводов-амореев в Сирии и Палестине с самого начала, с гиксосов, которые были так близки к ибри, отличалась от культуры оседлого населения в сторону меньшего многообразия изобразительных средств. Характерная гиксоская керамика орнаментирована несложным узором из насечек и пунктиров [Титов, 1982, с. 112; Вулли, 1986, с. 79].

В сообществах протокочеников-ибри, где особенно важным было численное увеличение населения, где бог не обещал блаженств рая, но обещал верным размножение («размножу потомство твое словно звезды на небесах» — наиболее часто повторяемое обещание из уст Яхве-Jhwh-יהוה), устанавливаются, как уже отмечено, особенные идеолого-мифологические нормы взаимосвязи мужчины-владыки с процессом размножения, а затем декларируются особые нормы поведения.

Известно, что книги Ветхого Завета, как исторический источник, неоднородны по структуре. Кроме традиционного разграничения Яхвиста и Елогвиста, учтем также значительную переработку части текстов еврейскими жрецами, когда те дополнительно познакомились с вавилонскими легендами и обычаями, вероятно, после вавилонского плена в VI – IV вв. до н. э. Известный исследователь истории Древнего Востока Б. О. Тураев, присоединяясь к мнению признанных авторитетов в библиистике — Ильгена, Вельгаузена, Реуса, пишет, что новая прослойка вставок чаще всего «включает в себе священнические законы Исх. 25–31, 35–40, значительную часть книг Левит и Чисел, предварительно подан рассказ о творении (Быт. 1:1) и потопе» [Тураев, 1936, с. 21]. То есть, два текста (до и после разбития скрижалей), которые передают заповеди, полученные Моисеем (Исх. 20 и Исх. 34), не будут сильно повреждены вставками. Однако, эти тексты разные по своему основному смыслу. В фундаментальной «Истории Древнего Востока» (одном из немногих исследований, анализирующих с научной точки зрения Библию) справедливо подмечено, что законы, поданные в Исх. 20, также достаточно поздние, возможно принадлежат к VIII ст. до н. э., а не к II тыс. до н. э., потому что там слишком много морализаторских норм (известное: «Не убивай...» и т. д.). И, хотя в том исследовании делается ошибка, когда известен текст из Исх. 20:2–17 (дополнительно цитируемый, чтобы читатели-ученые поняли идеологическую роль библейских заповедей) называется «десятью заповедями», все же вывод верен [История, 1988, с. 275–276]. Этот же интересный вывод подтверждается тем, что там, где в Библии речь идет именно о «десяти заповедях» дается совсем иной, более древний текст, необходимый в реальных условиях выживания II и даже III тыс. до н. э. в пустынных зо-

нах, когда рядом, как пишет Библия, есть более сильные, часто оседлые народы. Именно этот тезис является главным в тех, самых древних законах — как вести себя в таком окружении ради выживания, ради главной задачи — увеличения численности своих племен. Следовательно, имеем два завета, относящихся к разному историческому времени, — 1) реликтовый, традиционный и 2) более новый (моральный), они искусственно объединены в текстах Библии.

Поскольку морализаторский текст Исх. 20:2–17 не мог в полной мере удовлетворять потребности скотоводов-кочевников, то вслед (Исх. 23:12–19) подано то, что выпало из этого позднего Завета (морального), скомпонованного жрецами, — традиционные еврейские праздничные ритуальные предписания и т.п.

Завет традиционный («Новые таблицы»), обозначенный именно как «десять заповедей», относительно хорошо сохранился в Исх. 34:11–26. Здесь нет морализаторских норм, но есть *о кочевническом, освященном традицией*: праздники опресноков, недель, урожая; трехкратное в год представление лиц мужского пола пред лицо Яхве, жертвы первоплода, запрещение квашения, варки ягненка «в молоке матери его». Как видим, это совсем не привычные для нас «десять заповедей», но иного быть для того времени не могло. В этом уникальность и ценность для нас Ветхого Завета, как древнейшего исторического источника.

Во Второзак. 5:6–21 опять подан «Завет моральный», а также пересказ «Завета традиционного», названный повторно и естественно «десятью заповедями» (Второзак. 4:13–27). Этот пересказ «Завета традиционного» интересен тем, что здесь передано наиболее важное, то, что повторяется в разных местах Ветхого Завета, что звучит даже в «Завете моральном» вторым пунктом, словно объясняя первый пункт завещания: «пусть не будет тебе других богов предо мной». Автор Завета хорошо понимает, что сама по себе такая установка — пустой звук, нужны конкретные меры, и первый наказ звучал в давнейшем оригинале так: *чтобы вы не испортились* (Второзак. 4:16), *не делай себе резьбы и всякого подобия с того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде, под землей* (Исх. 20:4, а также см. расширено — Второзак. 4:17–19), не изображай ничего, даже своего бога не познавай и не изображай (Второзак. 4:15). Автор Завета забывает даже наставления веры в Jhwh и моральных качеств, потому что важнее то, что ведет к сохранению рода, — суженное познание, или сохранение веры в то, что ибри — избранные, что они благодаря богу-мужчине размножатся невиданно и им будет дарован чужой Край (Ис. Нав. 24:13). Даже предписания, как вести себя в том Крае с чужаками, — это уже продолжение темы. Таким образом, вариант самого древнего «Завета традиционного» (Исх. 34) также состоит из двух частей — первая часть, что конкретно делать, чтобы не смешаться с инородцами, как их истребить (34:12–17), и вторая — уже отмеченные нами праздничные обрядовые наставления («опресноки» и др. — 34:18–26). Первая часть более важная, потому что она прямо связана с теми законами воспроизведения жизни, демоэкономики, которые действовали в том обществе. Таким образом, библейская идеология «неизображения» полностью соответствует той картине, что знают археологи в степях Евразии и др. Трактовка «не сотвори кумира» более поздняя, пришедшая после утраты демоэкономического смысла «не изображай».

Что делать с изображениями чужих богов в «Крае, который ты захватишь»? Задание повторяется в Ветхом Завете многократно: «...вы их жертвенники разрушите, а их каменные столбы для богов разобьете, а их деревья святые вырубите» (Исх. 34:13). А если после оседания на землю «ты родишь сыновей, и сыновей твоих сыновей... и состаритесь вы в Крае, и испортитесь, и сделаете идола наподобие чего-то, ...до конца вы будете изничтожены» (Второзак. 4:25,26) .

Постепенно труд мужчины-патриарха (особенно скотовода) и его власть над имуществом, скотом, женщинами, младшими мужчинами, воинами приобретали в обществе все большее значение. Уже не было необходимости кому-то доказывать, что потомство принадлежит владыке-мужчине. Теперь важным было признание и утверждение роли «сверхотца» в той его мифической ипостаси, согласно которой от него зависела не только вся реальная жизнь, но и размножение племени. Патриархальные отношения побеждали, закреплялись религиями, в которых один бог-мужчина творил все. Такое творение было сверхабстрактно, требовало абстрагирования от вещей, связанных с воспроизведением жизни (в самом широком понимании термина), от которых не мог абстрагироваться земледелец. Особенно подчеркнем — такая вера, ее развитие было экономическим требованием времени. Это заметил в своих исследованиях еще Александр Мень, когда отметил, что магизм земледельца,

крестьянина-язычника слишком близок к реальному познанию сути вещей в сравнении с верованиями скотовода. Как только скотоводы-ибри оседали на землю, у них появлялось иное мировосприятие и потребность в изображениях [Мень, 1991, с. 251]. Процесс воспроизведения жизни, функционирование демоэкономики земледельцев даже в наиболее сложные времена нуждался в реалистичных изображениях, тогда как демоэкономика скотоводов требовала более абстрактного мировосприятия [Кислый, 2005, с. 144–158 и др.]. Наряду с археологией и этнография предоставляет много примеров соблюдения традиций абстрактных изображений у племен, обобщенно скажем, неземледельческих и достаточно примеров реалистических изображений у земледельцев. Важно учесть этнографические параллели (дагестанцы, грузины, азербайджанцы), которые также свидетельствуют [Голан, 1993, с. 241], что в рамках одного этноса могут употребляться чисто геометрические орнаменты, если племена проживают в горных районах или преимущественно растительно-животные изображения в искусстве у жителей равнин.

Следовательно, по мере перехода к новому типу воспроизведения жизни, по мере создания населения нового качества у племен степей Причерноморья аналогичным образом возникает подобная потребность уничтожения идолов, чужих и, подчеркнем, своих, что существовали или могли бы появиться. И это была не прихоть, а жестокая необходимость. Когда О. О. Формозов пишет о поверженных антропоморфных стелах: «Мы имеем дело не с каким-то устоявшимся ритуалом, а с рядом случаев повторного использования камней с изображениями в конструкциях сооружений» захоронений [Формозов, 1969, с. 178], он еще не знает об очень важном звене познания: то, что случилось в Северном Причерноморье и др. землях во второй половине III, — возможно в начале II тыс. до н. э. было не «случаями», а системой действий, связанной с новыми экономическими потребностями и мировоззрением, а, следовательно, — с появлением населения нового качества, с продолжением революции производящего хозяйства.

На самом деле, антропоморфные стелы энеолита-эпохи бронзы, широко известные на территории Северного Причерноморья, а также в Крыму, достаточно ярко отражают процесс уничтожения реальности в связи с приходом новой идеологии. Есть разные объяснения того, почему практически все такие изваяния археологи находят низвергнутыми — либо в случайных местах, либо в захоронениях и проч. Вероятно, исследовательская идея о том, что часть стел ставились вертикально временно, а затем хоронились специально в более поздних могилах, близка к истине. Но с уточнением.

Очевидно, что с одной стороны, большинство стел сделаны фундаментально, они слишком дорогие для, якобы, непродолжительного использования (даже если бы речь шла о богатых сообществах) и стояли они закрепленные надолго вертикально (для этого есть низ стелы для вкапывания), а с другой — есть немногочисленные свидетельства того, что стелы специально использовались в ямных захоронениях. Достаточным объяснением не может быть определенная особенность-знаковость в размещении некоторых стел в закладе-перекрытии могил [Довженко, 1979, с. 30–31]. Кто имеет практику каменной бутовой кладки, знает, что необычный по форме камень обязательно необычно (особенно) и положишь потому, что таковы особенности подбора камней, а тем более камень, похожий очертаниями на человека, когда происходит захоронение человека. Дело в том, что: 1) «ямники» понимали, с чем они имеют дело, это для них не просто «обычный строительный материал», как считают О. О. Формозов или Д. Я. Телегин [Формозов, 1969, с. 178–179; Телегин, 1971, с. 9]; 2) в случае, если бы такой строительный материал использовали случайно, то до нас обязательно дошли бы в каком-то более-менее значительном количестве остатки тех алтарей (специальных сооружений, капищ, каких-то мест в толще курганной насыпи и др.), на которых стояли стелы, в некоторых случаях с остатками стел. Разные факты и точки зрения можно согласовать, если принять, что алтари и стелы разрушались целенаправленно и достаточно систематически. Причем изображения специально прятались (как в случае с белогрудовскими стелами) [Телегин, 1971, с. 9], а чаще всего закапывались в могиле.

Поскольку племена энеолита-бронзы в Северном Причерноморье, как и ибри, не были особенно богатыми, то в определенной мере всегда могли отступать от канона ради сохранения готовых ценностей. Например, в Библии описан случай установки изображения змея-сарафа (Чис. 21:6,8), когда возникла в том потребность. Или сравним такие случаи. Ветхий Завет учит ибри, что не нужно убивать всех людей, особенно за пределами Края, они нужны; после призыва: «вырубить деревья» в чужом Крае, в последую-

щих текстах специально делается уступка рациональности — деревья не уничтожать, понадобятся. Аналогично подошли к проблеме уничтожения степняки Северного Причерноморья — свалив идолов, они их «сакрально» утилизировали. Поскольку разбить антропоморфы до состояния, когда бы не осталось никаких следов изображения, было слишком трудозатратно и не целесообразно, то изображения «прятали». Очевидно, что с определенной вымышленной мотивацией. С другой стороны, можно утверждать, что между уничтоженными изображениями и теми, кто не должен был их созерцать, устанавливалась какая-то особенная связь, которая могла проявляться в ритуальных действиях. Так Моисей, когда сжег в огне и смолол на порох отлитое богохульниками изображение («золотой теленок»), рассыпает после по воде порох и поит той водой ибри (Исх. 32:20). Уничтожению чужого типа жизнедеятельности предписывается особенное содержание, создается определенная архаичная PR-технология и акция, в которую вовлекается наибольшее число участников.

Подчеркнем также, что антропоморфные стелы или изображения наверняка существовали достаточно долго, даже в эпоху поздней бронзы, потому что условия жизнедеятельности могли периодически меняться, а контакты с другими племенами расширяться. Возможно, наиболее поздние стелы не имели никакой „резьбы», исчезала их антропоморфность. Последнее совпадало бы с тем, какие стелы-камни позволялось ставить согласно Ветхому Завету, однако, это другая тема последующих исследований. Часть изображений были полностью уничтожены и археологам теперь неизвестны, хотя их остатки в виде «стыдливых» (т.е. неполных, почти сходных) изображений мы можем иногда последить.

Таким образом, есть основания полагать, что «археология утраченного» имеет место быть при исследовании обществ с переходной экономикой, и еще в большей мере при исследовании сообществ, которые претерпевали какие-то трудности в условиях перехода к экономике производящего хозяйства. Отсутствие реалистических изображений в тех или иных культурах может стать маркером для более тщательного анализа имеющихся, т.е. сохранившихся артефактов. В таких культурах те из артефактов, которые имеют хотя бы какие-то следы «подобия» реалистическим изображениям, должны быть проанализированы как возможно специально измененные. Примерно такой анализ выполнен В. В. Отрощенко в отношении орнаментов срубной культуры и нами в отношении искусства каменской культуры Восточного Крыма [Отрощенко, 1974; Кислый, 2011].

Далее. В науке становится актуальной тема дальних походов племен Евразийских степей III, II – нач. I тыс. до н. э. к дальним землям, и неоднократных контактов с центрами развитых цивилизаций Древнего Востока, Балкан. Относительно территории Крымского п-ва в последние десятилетия показана возможность таких контактов в очень ранее время — в период бытования каменской культуры Восточного Крыма, и, вероятно, культуры типа Глеек II. При этом, если в материальной культуре далеких земель чаще можно найти какие-то видоизмененные следы пребывания пришельцев (к примеру, наличие дисковидных конских псалиев в Микенах, Газе, Рас-Шамре; керамика срубно-сабатиновского «облика», с том числе с налепными валиками в Трое, Гияне (Иран) и др.,), то обратные привнесения, т.е. в культуры местные, евразийского круга очень редки. Вполне вероятно, что такие привнесения просто со временем были уничтожены.

Наконец, ряд изделий, демонстрирующих «подобия», могли выполняться из недолговечных материалов — дерева, кожи, органической лепной массы и проч., заведомо понимая необходимость и потребность их скорого уничтожения. Ряд же изделий из меди или бронзы с реалистическими изображениями просто были переплавлены, подобно тому, как это случилось у ибри с медным сарафом или «золотым тельцом». «.. Больше нельзя найти сокровищ в земле Ханаана, — писал Эрих Церен, — никаких памятников, никаких архивов никаких золотых тельцов или орлов, никаких тронов с львиными ножками. И лишь изредка попадаются бронзовые змеи... По истощенной земле «обетованной» проносится ветер, словно дух бога. Он забивает песком из мусорных холмов любопытные глаза... Иногда бывает лучше, если глаза не видят все так, как это есть на самом деле» [Церен, 1986, с. 291]. Здесь тонкое чутье писателя и ученого близко подвело его к пониманию сути «неизображения» и пониманию потребности уничтожения лишнего в материальной культуре, приводящего к нежелательному для кого-то познанию. Далее читатель может самостоятельно перекинуть «мостик» к анализу современности.

Abstract

A. E. Kisly

LOOKING FOR THEORETICAL CONCEPT OF ONE OF «LOST ARCHAEOLOGY» BRANCH: THE ADMINISTRATION BY SOCIETY AND CULTURE, IDEOLOGY OF DESTRUCTIONS

Relying on the historical and demographic patterns of society transformation, author tells us about the cases of disappearance and destruction of material culture in ancient times. It seems that these cases may be similar to destruction during ethnic confrontations, but their main essence lies in change of ideological views in the new society. It was the time of demographic transition related with the revolution of reproducing economy.

Key words: ancient robbery and destruction, ideology of destructions, reproduction of life, life span, masculinization.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTRIBUTORS

БЕЙЛИН
Денис Владиславович
Младший научный сотрудник Института археологии Крыма (Симферополь). denis_beylin1979@mail.ru

ВЛАСОВ
Владимир Петрович
Кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института археологии Крыма. vlasov_vladimir@mail.ru

ВОЛОШИНОВ
Алексей Александрович
Заведующий отделом Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника (Бахчисарай). voloshinov-alexs@ya.ru

ГАВРИЛОВ
Александр Викторович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма. chorafeo@i.ua

ДАНИЛОВА
Светлана Владимировна
Сотрудник Заповедника «Херсонес Таврический». tekvowa@mail.ru

ДОРОШКО
Валентин Валерьевич
Научный сотрудник Заповедника «Херсонес Таврический». valentindor@mail.ru

КИРИЛКО
Владимир Петрович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма. kir.vlad33@gmail.com

КИСЛЫЙ
Александр Евгеньевич
Доктор исторических наук, заведующий сектором Института археологии Крыма. kisly.a@mail.ru

КОЛТУХОВ
Сергей Георгиевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма. koltukhov@mail.ru

КОПЬЕВА
Татьяна Александровна
Младший научный сотрудник Института археологии Крыма. kopieva-ta@mail.ru

КРОПОТОВ
Виктор Валерьевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма. vkropotov@ukr.net

КУТАЙСОВ
Вадим Александрович
Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма. kutaisov_vadim@mail.ru

ЛАВРОВ
Владимир Валерьевич
Стажер-исследователь Института археологии Крыма. lavrov@bikz.org

ЛЫСЕНКО Александр Владимирович — Младший научный сотрудник Института археологии Крыма. a-lysenko@mail.ru

МАЙКО Вадим Владиславович — Доктор исторических наук, директор Института археологии Крыма. vadimmaiko@ukr.net

МАСЯКИН Вячеслав Вадимович — Младший научный сотрудник Института археологии Крыма. masjakinv@mail.ru

МЕДВЕДЕВ Геннадий Владимирович — Стажер-исследователь Института археологии Крыма. medvedgen@gmail.com

МОРДВИНЦЕВА Валентина Ивановна — Кандидат исторических наук, заведующая отделом Института археологии Крыма. v_mordvintseva@mail.ru

НЕПОМНЯЩИЙ Андрей Анатольевич — Доктор исторических наук, заведующий кафедрой Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). aan@home.cris.net

ПАШКЕВИЧ Галина Александровна — Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии НАН Украины

ПЕТРОВА Элеонора Борисовна — Доктор исторических наук, профессор Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. petrova_eleonora@mail.ru

ПОНОМАРЕВ Леонид Юрьевич — Исследователь, археолог, историк (Геническ). l_ponomarev@mail.ru

ПРИДНЕВ Сергей Викторович — Младший научный сотрудник Института археологии Крыма. gezlev1478@gmail.com

ПУЗДРОВСКИЙ Александр Евгеньевич — (1960–2015 гг.). В 1979–2015 гг. сотрудник Института археологии Крыма. В 2014-2015 гг. заведующий отделом.

СЕНАТОРОВ Сергей Николаевич — Кандидат исторических наук, научный сотрудник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург).

СИДОРЕНКО Валерий Анатольевич — Кандидат исторических наук, заместитель директора по науке НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь).

СМЕКАЛОВА Татьяна Николаевна — Доктор исторических наук, зав. лабораторией НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь). tnsmek@mail.ru

СУДАРЕВ Николай Игоревич — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник института археологии РАН (Москва). sudarev@list.ru

ТЕСЛЕНКО Ирина Борисовна — Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Крыма. i_teslenko@mail.ru

ТРОИЦКАЯ Татьяна Николаевна — Доктор исторических наук, один из ведущих специалистов по истории и археологии Крыма эпохи раннего железного века.

ТРУФАНОВ Александр Анатольевич — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма. trufanov.29@gmail.com

УШАКОВ Сергей Владимирович — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма. yshakovsv@list.ru

ХРАПУНОВ Никита Игоревич — Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИЦ истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. khrapunovn@mail.ru

ШАПЦЕВ Михаил Сергеевич — Младший научный сотрудник Института археологии Крыма. shapcevm@mail.ru

ШОНОВ Игорь Валентинович — Исследователь, специалист по нумизматике античного периода (Симферополь)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
BIBLIOGRAPHY

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 601 с.

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том I. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 656 с.

Абаев В. И. Два зороастризма в Иране (Иран Восточный — Иран Западный). Два лица одной этнической культуры // ВДИ. 1990. № 4. С. 198–207.

Абрамова М. П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. Москва: Наука, 1989. С. 268–281.

Абрамова М. П. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1993. 240 с.

Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2002 г. СПб., Симферополь, 2003.

Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2004 г. СПб., Симферополь, 2005.

Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 г. СПб., Симферополь, 2006.

Адаксина С. Б., Мыц В. Л. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2006 году. СПб.; Симферополь, 2007.

Административно-территориальные преобразования в Крыму. 1783–1998. Справочник / Сост. Л. П. Кравцова, В. К. Гарагуля, Л. В. Гурбова, Е. В. Каркач. Симферополь, 1999. 459 с.

Айбабин А. И. Стеклянные рюмки из раннесредневековых могильников Юго-Западного Крыма // СГЭ. 1976. Вып. XLI.

Айбабин А. И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.

Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. 1991. Вып. II.

Айбабин А. И. Могильники VIII – начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. III.

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А. И. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 году // МАИЭТ. 1994 . Вып. IV. С. 89–131.

Айбабин А. И., Хайрединова Э. А. Могильник у села Лучистое. Т. I. Раскопки 1977, 1982–1984 годов // БИ. 2008. Suppl. 4.

Айбабин А. И., Юрочкин В. Ю. Могильник «Баклинский овраг» (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Айбабина Е. А. Декоративная каменная резьба Каффы XIV – XVIII вв. Симферополь: СОНАТ, 2001.

Айбабина Е. А. К истории Феодосийского музея: приезд знатных итальянцев в Феодосию в 1913 г. и выставка по истории генуэзских колоний на Востоке в Генуе в 1914 г. // Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье. Симферополь: Таврия, 2009.

Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Работы Феодосийской экспедиции // Археологические исследования в Крыму в 1993 году. Симферополь: Сонат, 1994. С. 17–21.

Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Раскопки в Феодосии // Археологические исследования в Крыму в 1994 году. Симферополь: Сонат, 1997. С. 16–18.

Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Керамические подсвечники и светильники XV – XVIII вв. из Кафы // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 195–208.

Айбабина Е. А., Бочаров С. Г. Греческие церкви средневековой Каффы // Церковные древности Таврики: сб. мат. по церковной археологии. Киев: Стилос, 2002.

Айналов Д. В. Развалины храмов. (Памятники христианского Херсонеса). М., 1905. Вып. 1.

Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978. 132 с.

Аксенов В. С. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский грунтовый могильник) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. Хазарское время.

Аксенов В. С. Катакомба № 99 Верхне-Салтовского IV могильника (к вопросу распространения христианства среди салтовского населения Подонцовья) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV.

Аксенов В. С. Раннесредневековый могильник у с. Верхний Салтов // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. Київ, 2012.

Аксенов В. С., Михеев В. К. Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховий Северского Донца // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Межд. археол. конф. Самара, 1998.

Аксенов В. С., Михеев В. К. Погребения с крымской посудой могильника салтовской культуры Красная Горка // Vita Antiqua. Киев, 2003. Вып. 5–6.

Аксенов В. С., Михеев В. К. Погребения со сложносоставными луками биритуального могильника Красная Горка салтовской культуры // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. Хазарское время.

Аксьонов В. С. Скляний посуд з алано-болгарських поховань хозарського часу басейну Сіверського Дінця // ХА. Харьков; Киев, 2007. Т. 6.

Аксьонов В. С., Міхеєв В. К. Скляний посуд з поховань Салтівського могильника Червона Гусарівка на Харьківщині // Археологія. Київ, 2000. № 4.

Албегова З. Х. Палеосоциология аланской религии VII – X вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. 2001. № 2.

Албегова З. Х., Ковалевская В. Б. Амулеты в виде коней и всадников в памятниках Северного Кавказа и среднего Дона // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М., 2011.

Александер Дж. Россия глазами иностранца / Пер. А. Базилевич. М., 2008. 302 с.

Алексеев Ю. А. Хронография Европейской Скифии VII – IV вв. до н. э. СПб., 2003. 416 с.

Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С. и др. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. 290 с.

Алексеев В. П. Палеодемография СССР // СА. 1972. № 1. С. 3–21.

Алексеева Е. М. Классификация бус некрополя у дер. Ново-Отрадное // МИА 155. М., 1970. С. 15–169.

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1975. 121 с. (САИ. Вып. Г1-12).

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1978. 120 с. (САИ. Вып. Г1-12).

Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. М., 1982. 105 с. (САИ. Вып. Г1-12).

Алексеева И. Л., Охотников С. Б., Редина Е. Ф. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Тирасполь, 1997. С. 48–55.

Алядинова Д. Ю. Неглазурованная керамика поднесредневекового Судака: по материалам раскопок 2008–2010 гг. // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака / Ред. В. В. Майко. Донецк: Донбасс, 2012. С. 247–257. (Археологический альманах. № 28).

Алядинова Д. Ю. Керамические курительные трубки османского периода из раскопок на территории крепости Алустон // Нові дослідження пам'яток козацької доби в Україні. Зб. наук. праць / Ред. О. М. Титов. Вип. 22., ч. 1. Київ, 2013. С. 372–378.

Алядинова Д. Ю. Керамика османского периода из раскопок Партенита // Археологический альманах 32: Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной. Киев, 2015. С. 451–481.

Алядинова Д. Ю., Красножон А. В. Чаша с арабской надписью из Судака // Stratum plus. 2012. 6. С. 347–356.

Алядинова Д. Ю., Тесленко И. Б., Майко В. В. Керамика из раскопок зольника османского периода в портовой части Сугдеи (по материалам исследований 2010 г.) // Археологический альманах 32: Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной. Киев, 2015. С. 482–511.

Алядинова Д. Ю., Тесленко И. Б. Некоторые древности османского периода из селения Алушта. В печати.

Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР. М., 1966. 142 с. (САИ. Вып. Д1-30).

Амброз А. К. Фибулы из раскопок Танаиса // МИА. №154. 1969.

Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. № 2.

Амброз А. К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. М., 1992. Вып. 1.

Ангелова С. За производство на строителна керамика в Североизточна България през ранното средновековие // Археология. София, 1971. Кн. 3. С. 3–24.

Андрух С. И. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. 1988. № 1. С. 159–170.

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XI в. н. э.). Киев: Наукова думка, 1977.

Античная скульптура Херсонеса. Каталог. Киев, 1976.

Антонова В. Две раннохристиански церкви във външното укрепление на аула на Хан Омертаг при гара Цар Крум (Шуменско) // Археология. София, 1968. Кн. 4. С. 53–66.

Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев. М., 1990.

Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1977. 176 с.

Анохин В. А. Монетное дело Боспора в VI – II вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1986. 179 с.

Анохин В. А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигитрия, 1999. 249 с.

Анохин В. А. Материалы, исследования и заметки по археологии и нумизматике. Киев: Стилос, 2010. 216 с.

Анохин В. А. Античные монеты Северного Причерноморья. Каталог. Киев: Стилос, 2011. 326 с.

Анохин В. В., Приднев С. В. Грунтовый могильник поздних кочевников под Евпаторией // История и археология Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. Вып. I. С. 435–453.

Анфимов Н. В. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа // КСИИМК. 1955. Вып. 58.

Апполодор. Мифологическая библиотека. Л.: Наука, 1972.

Армарчук Е. А. Черепица из раскопок средневекового храма на г. Сахарная головка в окрестностях Адлера // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир, 2010. Вып. 10. С. 81–98.

Армарчук Е. А., Мимоход Р. А., Седов В. В. Христианский храм у пос. Веселое: предварительная публикация результатов раскопок 2010 г. // РА. 2012. № 3. С. 78–90.

Арсеньева Т. М. Могильник у д. Ново-Отрадное // МИА. М., 1970. № 155. С. 82–149.

Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага, Л., 1966. 120 с.

Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы: (От появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л., 1974. 156 с.

Артамонова О. А., Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Саркела — Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.

Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный. Акварели и фотографии / Сост. О. П. Ткачук, Л. М. Иванова, З. Г. Ливицкая, Л. В. Петренко, Т. М. Коноплянко. Симферополь: Н. Оріанда, 2010.

Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М., 1993.

Бабенко Л. И. Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине // Эпоха раннего железа. Киев, 2009. С. 19–29.

Бабенчиков В. П. Средневековое поселение близ села Планерское (Раскопки 1949–1951 гг.) // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX.

Бабенчиков В. П. Некрополь Неаполя Скифского // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Бабенчиков В. П. Итоги исследования средневекового поселения на холме Тепсень // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.

Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам`ятки УРСР. Київ, 1963. Вип. XII. С. 90–123.

Бажан И. А., Еременко В. Е. Некоторые аспекты исследования хронологии могильников по методу П. Рейнеке // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб., 1992. С. 14–21.

Бакушев М. А., Ларенок П. А. Раннесредневековое поселение Журавка (в 100 километрах к северо-западу от Саркела) // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 6.

Балашов А. А. Ножи славян Днепро-Донского междуречья как источник по этнокультурным контактам IX – X вв. // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. №3 (27). Ч. 1. URL: http://scientific-notes. ru/pdf/031-004.

Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В. Курганы скифского времени Харьковской области (Северскодонецкий вариант). Киев, 2000. 236 с.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев, 1990.

Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. № 2.

Баранов И. А. Застройка византийского посада на участке главных ворот Судакской крепости // Византийская Таврика. Киев: Наукова думка, 1991а. С. 101–121.

Баранов И. А. Комплекс третьей четверти XIV в. Судакской крепости // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2004.

Баранов В. И., Гарбуз И. А. Раскопки могильника римской эпохи Юго-Западного Крыма Скалистое-III в 2012 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. Вып. 2. 2013. С. 177–179.

Баранов И. А., Майко В. В. Праболгарские горизонты Судакского городища середины VIII – первой половины X вв. // Българите в Северното Причерноморие В. Търново, 2000. Т. 7.

Барсамов Н. С., Полканов А. И. Феодосия: прошлое города и археологические памятники. Феодосия, 1927.

Бахревский Е. В. Отрывок из «Книги путешествия» Эвлия Челеби // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996. С. 192–198.

Бащенко Р. Д. К. Ф. Богаевский. М.: Изобразительное искусство, 1984.

Бейлин Д. В., Куликов А. В., Бейлина С. А. Разведки северо-восточной оконечности Керченского полуострова // Археологічні дослідження в Україні. 2009 г. Київ, 2010.

Бейлин Д. В., Столяренко П. Г. К истории изучения античных памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова в 40–60-х гг. XX века // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.

Бейлин Д. В., Бейлина С. А., Пономарев Л. Ю. К изучению раннесредневековых памятников северо-восточной оконечности Керченского полуострова (поселение Завал-Восточное) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Проблемы урбанизации. Боспорские чтения. Керчь, 2012. Вып. XIII.

Белецкий А. А. Греческие элементы в географических названиях Крыма // Этимология — 1967. М.: Наука, 1969. С. 201–214.

Белинский А. Б., Ольховский В. С. Комплекс скифских изваяний со Ставрополья // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2. Армавир, М., 1996. С. 59–66.

Белинский И. В., Кулаков А. А. Средневековый слой поселения Октябрьское I // Хазарские древности. Аксай, 2013.

Белинский И. В., Масловский А. Н. Типологическая характеристика материалов раскопок участка золотоордынского Азака (г. Азов, ул. Московская, 7) // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. Вып. 15. С. 179–252.

Белинский И. В., Масловский А. Н. Импортная поливная керамика Азака // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 160–177.

Белорыбкин Г. Н. Динамика хозяйственного и этнокультурного развития Западного Поволжья в средние века: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Ижевск, 2003.

Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 2 // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 3, 4, 7 // БИАС. Симферополь, 2001. Вып. 2.

Белый А. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Комплекс построек № 5 и 6 // БИАС. Симферополь, 2008. Вып. 3.

Белый А. В., Назаров В. В. Раскопки усадьбы на городище Кыз-Кермен. Постройка № 1 // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

Беляев Ю. А. Крымоведческое наследие И. Белянского // Топонимика Крыма 2010: Сб. статей памяти И. Л. Белянского. Симферополь: Универсум, 2010. С. 29–40.

Бесниер-Кылычоглу З. Синан и Палладио. Два архитектора-современника // Курьер. 1988. Апрель С. 33–34.

Бессонова С. С. К вопросу о скифских каменных изваяниях в Крыму // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы научной конференции. СПб., 2002. С. 98–104.

Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наукова думка, 1988. 220 с.

Бессонова С. С., Скорый С. А. Погребения скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. 1986. № 4. С. 158–170.

Березовец Д. Т. Раннесредневековые памятники юга Украины // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.

Беридзе В. Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX века. Тбилиси: Литература да Хеловнеба, 1967.

Берлизов Н. Е., Винидиктов А. П., Пьянков А. В., Зеленский Ю. В. Статистический анализ погребальных памятников Северо-Западного Кавказа сарматского времени — эпохи средневековья. ч. I. Памятники сарматского времени. Краснодар, 2003.

Бешевлиев В. Два надгробни старохристиянски надписа от Черноморието // Известия на Народния музей. Варна, 1973. IX(XXIV).

Бжишкян М. Путешествие в Польшу и по другим местам, населенным армянами, выходцами из города Ани. Сб. сведения, составленные отцом Миносом Бжишкян архимандридом братства мхитаристов викарием Тавриды… Венеция, 1830. Перевод с армянского сделан А. Мазировым в 1895 г. в Феодосии // Архив ТУАК, оп. 1, папка № 70. 103 с.

Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие страны, населенные армянами. Перевод с древнеармянского и примечания В. А. Микаеляна // Сурб Хач. 1996. № 2.

Біблія або книги Святого письма Старого і Нового Заповіту із мови давньоєврейської і грецької на українську дослівно наново перекладена. М.: Видання Московського Патріархата, 1988.

Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012. 752 с.

Билинский О., Шелехань А. Случайные находки мечей и кинжалов скифского времени на Днепровском Левобережье // Археологические и лингвистические исследования: Материалы Гумбольт-конференции (Симферополь-Ялта, 20–23 сентября 2012 г.). Киев: Издательский дом «Стилос», 2014. С. 170–185.

Бирюков Ю. П. Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции // МИА. — 1959. — № 75.

Блаватская Т. В. Надпись Агафа из Фанагории // ВДИ. Вып. 4. 1948. С. 77–84.

Бларамберг [И. П.] де. О положении трех Тавро-Скифских крепостей… / Пер. с франц. А. Л. Бертье-Делагард // ИТУАК. 1889. № 7. С. 56–69.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. 272 с.

Богданов И. Дым отечества, или Краткая история табакокурения. М.: Новое литературное обозрение, 2007.

Богданова Н. А. Отчет о раскопках могильника первых веков н. э. в районе с. Заветное в 1958 г. // НА ГБУ РК БИКАМЗ.

Богданова Н. А. Отчет о раскопках могильника первых веков н. э. в районе с. Заветное в 1959 г. // НА ГБУ РК БИКАМЗ. 1959.

Богданова Н. А. Две стелы из могильника у с. Заветное в Крыму // СА. № 2. 1961. С. 249–252.

Богданова Н. А. Отчет об археологических исследованиях 1962 г. могильника первых веков н. э. в районе с. Заветное Бахчисарайского района Крымской области // НА ГБУ РК БИКАМЗ. 1962.

Богданова Н. А. Отчет о раскопках могильника первых веков н. э. в районе с. Заветное в 1963 г. // НА ГБУ РК БИКАМЗ. 1963.

Богданова Н. А. Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника // СА. № 3. 1965. С. 233–237.

Богданова Н. А. Краткий отчет о раскопках могильника первых вв. н. э. в районе с. Заветное Бахчисарайского района Крымской области в 1965 г. // НА ГБУ РК БИКАМЗ. 1965.

Богданова Н. А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 54. М., 1982. С. 31–39.

Богданова Н. А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 70. М., 1989. С. 17–70.

Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I – III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 121–152.

Болтрик Ю. В. Социальная структура Скифии IV в. до Р. Х., отраженная в погребальных памятниках // Kimmerowie Scytowie Sarmaci. Ksiega poswiecona pamieci profesora Tadeusza Sulimirskiego. Krakov, 2004. С. 85–91.

Болтрик Ю. В., Левченко В. Н., Фиалко Е. Е. О позднеямных чертах в катакомбном погребальном обряде низовья реки Молочной // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Источники. Проблемы. Исследования. Киев, 1991. С. 57–84.

Бондаренко М. Е. Тавры. Этнографическая характеристика древних племен горного Крыма (I тыс. до н. э.). М., 2010. 128 с.

Брандт А. А. Заметки по археологии Крыма. Петроград, 1914. 9 с.

Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976. 249 с.

Братченко С. Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Луганськ, 2001. 196 с.

Братченко С. Н., Шапошникова О. Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1. С. 403–420.

Брашинский И. Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V – III вв. до н. э. М., 1980. 268 с.

Брун Ф. К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях // Древности Геродотовой Скифии. СПб., 1872. Вып. 2. С. 1–126.

Брун Ф. Atlante idrogafico del medio evo, posseduto dal cav. Prof. Tammar Luxoro, publicato a fac-simile dai socii C. Desimoni, L. Belgrano // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 289–300.

Брун Ф. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России (1852–1877). Часть II. Одесса, 1880. 409 с.

Брун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. Вып. I. Готы и их соседи до V в. СПб., 1899. 396 с.

Бужилова А. П., Внуков С. Ю., Антипина Е. Е. Средневековое впускное погребение из Кара-Тобе: биоархеологический анализ особенностей погребального обряда // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М., 1999. С. 229–245.

Бутягин А. М. Мирмекийская экспедиция в 1999–2000 гг. // СГЭ. 2003а. Вып. XL.

Бутягин А. М. Работы Мирмекийской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Археологічні відкриття на Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003б.

Бутягин А. М., Виноградов Ю. А. История и археология древнего Мирмекия // Мирмекий в свете новых археологических исследований. СПб., 2006.

Бутягин А. М., Чистов Д. Е. Работы Мирмекийской экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003 г. // Археологічні відкриття на Україні 2003–2004 рр. Київ, 2004.

В. Г. Феодосия: Отрывок из «Поездки по Крыму» одного ориенталиста // Москвитянин. М., 1846. Ч. 4. № 7.

Варнеке Б. Записка об ученых трудах Юлиана Андреевича Кулаковского, профессора императорского киевского Университета Св. Владимира, 1876–1906 // Известия Общества археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. 1907. Т. 23, вып. 1, прил. С. 14–30.

Вдовиченко И. И. Археолог Татьяна Троицкая. Симферопольские страницы биографии // Симферополь на перекрестках истории. Материалы научно-практической конференции. Симферополь, 2015. С. 7–12.

Веймарн Е. В. Отчет о работах Горного отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1954 г. // Архив ГБУ БИКАМЗ.

Веймарн Е. В. Отчет об археологических работах на средневековом городище Чуфут-Кале в 1957 г. Симферополь, 1957 // НА КФ ИА НАНУ. Д. 2949.

Веймарн Е. В. О виноградарстве и виноделии в древнем и средневековом Крыму // КСИА АН УССР. Киев, 1960. Вып. 10.

Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.

Веймарн Е. В., Лобода И. И., Пиоро И. С., Чореф М. Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 123–139.

Веймарн Е. В., Чореф М. Я. «Корабль» на Каче. Симферополь, 1976.

Весёлая Г. Записки английского офицера // Александер Дж. Россия глазами иностранца. М., 2008. С. 5–17.

Веселов В. В. Древнее городище в районе Синягино (К вопросу о местоположении Парфения и Порфмия) // АИБ. Симферополь, 1952. Т. I.

Веселов В. В. Стоянки эпохи бронзы на Керченском полуострове близ поселков Каменки, Глейки и Маяк // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Веселов В. В. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова // СА. 1959. Т. XXIX – XXX.

Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. // ДБ. М., 2005. Suppl. II.

Веселовский Н. И. Скифский всадник // ИТУАК. 1891. № 14.

Веселовский Н. И. Отчет о раскопках профессора Веселовского в Таврической губернии в 1892 г. // Архив ИИМК. Ф. 1. 1892. № 13. Л. 20–26.

Веселовский Н. И. Раскопки в Крыму 1895 года // Научный архив ИИМК РАН. Ф. № 1. 1895. Д. № 93. Л. 33–89.

Винников А. З., Плетнева С. А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.

Винников А. З., Ковалевский В. Н. Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Тихий Дон в Воронежской области // ХА. Киев; Харьков, 2007. Т. 6.

Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55–86.

Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. М.: Наука, 1989. 288 с.

Виноградов Ю. А. Археологические исследования около акрополя Мирмекия // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докл. конф. Керчь, 1991.

Виноградов Ю. Г. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 5–56.

Виноградов Ю. Г., Зайцев Ю. П. Новый эпиграфический памятник из Неаполя скифского (предварительная публикация) // Археологія. Киев, 2003. № 1. С. 44–53.

Виноградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М.: Наука, 1990. С. 310–371.

Винокур И. С. Некоторые вопросы духовной культуры Черняховских племен // СА. 1969. № 1.

Винокур І. С. Деякі язичницькі символи в орнаментиці пам'яток Черняхівської культури // Археологія. Київ, 1970. Т. XXIII.

Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004. Вып. 3.

Власова Е. В., Соловьев С. Л. Новые исследования хоры и некрополя Нимфея: 1992–1995 гг. // Археологические вести. СПб., 1998. № 5.

Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Часть II: петрография, хронология, проблемы торговли. СПб.: Алетейя, 2006. 320 с.

Внуков С. Ю., Лагутин А. Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 96–121.

Волков И. В. Керамика Азова XIV – XVIII вв. (классификация и датировка): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1992.

Волков И. В. Крепость Лютик — Сед-Ислам // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 482–492.

Волков И. В. Поливная керамика могильника Черный Ерик-1 // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X – XVIII вв. II международная научная конференция, Ялта, 19–23 ноября 2007. Тезисы. Ялта, 2007. С. 26–32.

Волошин М. А. Коктебельские берега: стихи, рисунки, акварели, статьи. Симферополь: Таврия, 1990.

Волошинов А. А. Новые памятники позднескифской скульптуры из Юго-Западного и Центрального Крыма // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 147–155.

Волошинов А. А. К вопросу о датировке т. н. «рельефа конного Палака» (в контексте позднескифской и боспорской скульптуры первых вв. н. э. // У Понта Эвксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь, 2004. С. 139–156.

Волошинов А. А. Скифская и позднескифская скульптура в Крыму // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 3. Симферополь, 2008. С. 45–81.

Волошинов А. А., Масякин В. В. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в Юго-Западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т. Н. Высотской. Симферополь, 2007. С. 291–302.

Волошинов А. А., Масякин В. В., Неневоля И. И. Два комплекса с римскими импортами из Краснозоринского некрополя.// Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 303–318.

Воронов Ю. Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. 128 с.

Ворошилов А. Н. Акинаки келермесского типа в Донской лесостепи // Восточноевропейские древности скифской эпохи: сборник научных трудов. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 156–168.

Всеобщая история архитектуры. М., 1969. Том 8. С. 462–465.

Вулли Л. Забытое царство. М.: Наука, 1986.

Высотская Т. Н. Отчет о раскопках Усть-Альминского городища и некрополя в 1971 г. // Архив ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Папка 154, Инв. № 88. 25 с., илл.

Высотская Т. Н. Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев: Наукова думка, 1972. 192 с.

Высотская Т. Н. Отчет о работе Альминского отряда за 1975 г. // Архив ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Папки 198, 199, Инв. № 107. 38 с., илл.

Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979. 206 с.

Высотская Т. Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. № 1. С. 111–116.

Высотская Т. Н. Усть-Альминское городище и некрополь Киев: Академия Евробизнеса, 1994. 207 с.

Высотская Т. Н. Игрушки и игры поздних скифов // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Высотская Т. Н., Махнева О. А. Новые позднескифские могилы в Центральном Крыму // Население и культура Крыма в первые века нашей эры. Киев, 1983. С. 66–80.

Высотская Т. Н, Рыжова А. А. Бусы могильника «Совхоз-10» // Древности 1997–1998. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 1999. С. 116–133.

Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филипповка // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

Гаврилов А. В. Отчет об археологических шурфовках на античном укреплении у села Виноградное (Куру-Баш) Феодосийской административной зоны АР Крым и археологических разведках в Юго-Восточном Крыму в 2001 году // НА КФ ИА НАНУ. 686, инв. книга 4, папка 1096.

Гаврилов А. В. Статер лисимаховского типа из укрепления Биюк Янышар близ Феодосии // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. науч. конф. СПб.: Государственный Эрмитаж, 2003. С. 22–24.

Гаврилов А. В. Склеп II в. до н. э. из могильника укрепления Биюк Янышар // Сугдейский сборник. Киев, Судак, 2004. С. 425–429

Гаврилов А. В. Средневековые памятники юго-восточного Крыма (материалы к археологической карте) // Сугдейский сборник. Киев, Судак 2008. Вып. III. С. 331–384.

Гаврилов А. В., Крамаровский М. Г. Курган у с. Кринички в Юго-Восточном Крыму // БИ. 2001. Вып. I. С. 23–43.

Гаврилов А. В., Труфанов А. А. Могильник II – I вв. до н. э. городища Куру-Баш (по материалам раскопок 2011 г.) // Археологический альманах. № 28. 2001. С. 43–70.

Гаврилов А. В., Труфанов А. А. Святилище Туар-Алан II в. до н. э. – I в. н. э. в Юго-Восточном Крыму // История и археология Крыма. Вып. I. Сборник статей, посвященный 100-летию со дня рождения О. И. Домбровского. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. С. 73–152, 513–521.

Гаврилюк Н. А., Черных Л. А. Курган у с. Васильевка Запорожской области // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Т. I. Запорожье, 1990. С. 91–101.

Гавритухин И. О. К изучению горизонта хазарского времени на мысе Зюк // Боспор Киммерийский и варваркий мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Боспорские чтения. Керчь, 2004. Вып. V.

Гадло А. В. Отчет о работе средневекового археологического отряда Ленинградского ордена Ленина Государственного Университета им. А. А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году. Л., 1963 // НА ИА НАНУ, № 1962/41.

Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). Л., 1964 // НА ИА НАНУ, № 1963/32.

Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о южном Приазовье VIII – X вв. // Вестник Ленинградского университета. Л.,1968. Т. 14. Вып. 3.

Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. 1968а. Вып. 113.

Гадло О. В. Графічні зображення на кістяному виробі салтово-маяцької культури // Археологія. Київ, 1968б. Т. XXI.

Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевка // СА. 1969. № 1.

Гадло А. В. К истории восточной Таврики VIII – X вв. // Античные традиции и византийские реалии. АДСВ. Свердловск, 1980. Вып. 17.

Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. I. Киев, 2010. 396 с.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострова в 1937–39 гг. // ВДИ. 1940. № 3–4.

Гайдукевич В. Ф. Керченский район, 1935–1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941а.

Гайдукевич В. Ф. Укрепленная «villa rustica» на Темир-горе // СА. 1941б. Т. VII.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952а. № 25.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952б. № 25.

Гайдукевич В. Ф. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском // КСИА. 1969. Вып. 116. С. 11–19.

Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.

Гайдукевич В. Ф., Леви Е. И., Прушевская Е. О. Раскопки северной и западной частей Мирмекия // МИА. 1941. № 4.

Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья: Эрмитажная коллекция Бранденбурга. М., 1977. 68 с. (САИ. Вып. Д1–33).

Галенко А. Гончарное производство и торговля в османской провинции Кефе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 493–506.

Гей А. Н. Новотиторовская культура. М., 2000. 224 с.

Гейман В. Д. Памяти учителя: о последних днях Л. П. Колли // ИТУАК. 1918. № 55.

Гейман В. Д. Луи Бертрен: Некролог // ИТУАК. 1919. № 56.

Генинг В. В., Корпусова В. А. Археологические памятники Крымского Присивашья. Вторая курганная группа у с. Целинное. Киев, 1989. 44 с.

Георгиева С. Керамиката от двореца на Царевец // Царевград Търнов. Т. 2: Керамика, битови предмети и въоръжение, накити и тъкани. София: Българската Академия на Науките, 1974. С. 7–186.

Гераськова Л. С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. Киев, 1991. 132 с.

Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. I.

Герцен А. Г. Дорос-Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // АДСВ. Екатеринбург, 2003. Вып. 34.

Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 371–494.

Герцен А. Г., Землякова А. Ю., Науменко В. Е., Смокотина А. В. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): I горизонт застройки (XVI – XVIII вв.) // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 233–298.

Герцен А., Колтухов С. Археологические работы в Арабатской крепости // Северное и Западное Причерноморье в античнуюэпоху и средневековье / Ред. С. Бочаров, В. Кожокару. Симферополь: Таврия, 2009. С. 144–172.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 257–287.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологические исследования в районе церкви св. Константина (Мангуп): II горизонт застройки (XV в.) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Археологический комплекс третьей четверти XV в. из раскопок княжеского дворца Мангупского городища // Труды Государственного Эрмитажа. Том 46. Архитектура и археология Древней Руси. СПб. 2009а.

Герцен А. Г., Науменко В. Е. Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997–1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // АДСВ. Екатеринбург, 2009б. Вып. 39.

Гинзбург М. Я. Татарское искусство в Крыму. 1922.

Гинькут Н. В. Поливная керамика XIV – XV вв. из раскопок «Консульской церкви» крепости Чембало // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Сб. науч. трудов / Ред. Ю. А. Бабинов. Севастополь: Вебер, 2001. С. 53–60.

Глебов В. П. Раннесредневековое погребение из могильника Таловый II // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21.

Голан Ариэль. Миф и символ. М.: Русслит, 1993.

Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.

Голофаст Л. А. Рюмки из раскопок ранневизантийского Херсонеса // АДСВ. Екатеринбург, 1998. Вып. 29.

Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. VIII.

Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Раскопки квартала X в Северном районе Херсонеса // МАИЭТ. 2003. Вып. X.

Голофаст Л. А., Рыжов С. Г. Северный район Херсонеса // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.

Голубева Л. А. Игольники восточноевропейского севера X – XIV вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Горбаненко С. А., Колода В. В. Обобщающий анализ сельского хозяйства носителей салтовской культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Донецьк, 2011. Вип. 11.

Городские поселения в Российской империи. СПб.,1864. Т. 4. 782 с.

Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе 1905 г. Вып. 1. М., 1907. С. 211–297.

Гороховский Е. Л. Римские провинциальные фибулы в северном Причерноморье (хронология и периодизация) // Проблемы исследования Ольвии. Парутино, 1985. С. 19–20.

Граков Б. Н. Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических амфор // Труды ГИМ. 1926. Т. I. 256 с.

Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3.

Граков Б. Н. Термин Σκυθαι и его производные в надписях Северного Причерноморья // КСИИМК. 1947. Вып. XVI. С. 79–88.

Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36. 240 с.

Граков Б. Н. Скифы: Науч.-попул. очерк. М., 1971. 200 с.

Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Две археологические культуры в Скифии Геродота // СА. 1953. Т. XVIII.

Грацианская Л. И. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 6–175.

Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999.

Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 2015. 620 с.

Гречко Д. С. Исследования городища Джан-Баба в Северо-Западном Крыму // Археологія і давня історія України. Старожитності раннього залізного віку. Київ, 2015. Вип. 2 (15). С. 177–190.

Гречко Д. С., Викторова П. Е. Исследования Марьинской экспедиции на Тарханкутском полуострове // Археологічні дослідження в Україні 2013 р. Киев-Луцк, 2014. С. 34–35.

Гриб В. К., Хозин С. Р. Средневековый «реликварий» из раскопок поселения Выдылыха на Северском Донце // Святогірський альманах. Донецьк, 2007.

Грібкова Г. О. Ювелірні вироби з кургану № 5 біля с. Архангельська Слобода // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого. Киев, Полтава, 2009. С. 103–110.

Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений в трех тома. Т. 2. СПб., 1999. 617 с.

Григор'єва Т. Ф. Вивчення, охорона і спорудження пам'яток історії та культури в Криму як один з напрямків краєзнавчих досліджень // Охорона, використання та пропаганда пам'яток історії та культури в Український РСР: Збірник методичних матеріалів в шести частинах: В 6 ч. Київ, 1989. Ч. 5. С. 25.

Гриневич К. Э. Археологические разведки в северо-восточной части Керченского полуострова // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Вып. I (58).

Гуркович В. Н., Кравцова Л. П. Уникальная архивная находка документов о судьбе сокрушенного в 1917 году памятника Александру III в Феодосии // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 9.

Гусач И. Р. Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2004 гг. Азов: Азовский краеведческий музей, 2006. Вып. 21. С. 127–141.

Гущина И. И. О сарматах в Юго-Западном Крыму (По материалам некоторых могильников I – IV вв.) // СА. 1967. № 1. С. 40–51.

Гущина И. И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников). // АИЮВЕ. М., 1974. С. 32–54.

Гущина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982. С. 20–30.

Гущина И. И. О погребальном обряде населения Бельбекской долины (По материалам могильника Бельбек IV в юго-западном Крыму) // Археологический сборник. Погребальный обряд. Тр. ГИМ. Вып. 93. М., 1997. С. 29–37.

Гущина И. И., Журавлев Д. В., Фирсов К. Б. Позднескифские коллекции в собрании Государственного исторического музея // Поздние скифы Крыма: Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 230–238.

Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.

Дашевская О. Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбоном // ВДИ. 1958. № 2. С. 143–150.

Дашевская О. Д. Каменные склепы Беляусского могильника // КСИА АН СССР. 1976. №145. С.55–60.

Дашевская О. Д. Первые исследования Кульчукского некрополя // ВДИ. 1978. № 3. С. 199–214.

Дашевская О. Д. О подбойных могилах у поздних скифов. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 53–60.

Дашевская О. Д. Поздние скифы (III в. до н. э. – III в. н. э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 1989. С. 125–145.

Дашевская О. Д. О происхождении названия города Керкинитида // ВДИ. 1970. № 2. С. 121–128.

Дашевская О. Д. Поздние скифы в Крыму. М., 1991. 142 с. (САИ. Вып. Д1-7).

Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: Феникс, 2014. 284 с.

Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А. Сарматское погребение скептуха I в. н. э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. 1993. № 3. С. 141–179.

Джанов А. В. Гончарные печи XIV – XV вв. на посаде Сугдеи // Историко-культурные связи Причерноморья и Средиземноморья X – XVIII вв. по материалам поливной керамики. Тез. докл. науч. конф. Симферополь, 1998. С. 82–89.

Дзиговский А. Н., Островерхов А. С. Стеклянная посуда как историческое явление в памятниках скифо-сарматского времени Украины, Молдовы и Российского Подонья (VI в. до н. э. – IV в. н. э.). Одесса, 2000. 133 с.

Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в ”Истории” Геродота // Древнейшие источники по истории народов СССР. М.: Наука, 1982. 456 с.

Довгалюк Н. П. Бусы Цемдолинского некрополя // Аспургиане на Юго-Востоке Азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя. Некрополи Черноморья 2. М., 2008. С. 188–243.

Довженко Н. Д. Погребения с антропоморфными стелами в свете этнографических материалов // Археология. Киев, 1979. 32. С. 27–35.

Доманский Я. В., Марченко К. К. Базовая функция раннего Борисфена // Borystenika. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э. Р. фон Штерном. Николаев, 2004. С. 23–28.

Домбровский О. И. Антропогенные элементы в ландшафте горного Крыма и задача их хронологизирования // Археологические исследования на Украине в 1978–1979 гг. Тезисы докладов. Днепропетровск, 1980. 20–21.

Драчук В. С. Системы знаков Северного Причерноморья (тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры). Киев, 1975.

Драчук В. С., Кара Я. Б., Челышев Ю. В. Керкинитида – Гезлев – Евпатория. Симферополь, 1977. 126 с. (Серия «Археологические памятники Крыма»).

Древние сокровища Юго-Западного Крыма. Каталог выставки. Симферополь, 2005. 29 с.

Дроздов Н. А. Дикая и культурная однозернянка в Крыму // Труды по прикладной ботанике и селекции. 1922–1923. Т. 13. С. 515–524.

Думшин Г. О реках Скифии // Труды студентов Ришельевского лицея. Одесса, 1852. С. 1–72.

Душенко А. А. Изделия из кости и рога из раскопок квартала у церкви Св. Константина (Мангуп) // МАИЭТ. 2009. Вып. XV.

Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1843. Т. 5, 6 / Пер., предисл. и коммент. Т. М. Фадеевой. Симферополь, 2009. 328 с.

Евпаторийские новости. № 600 от 11.08.1913г.; № 611 от 25.08.1913г.; № 1 от 20.05.1911г.; №5 от 25.05.1911г.

Евпатория. 2500. Симферополь-Евпатория. 2003.

Егоров В. Г. Классификация курильниц катакомбной культуры // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 156–164.

Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М.: Гос. изд-во географической лит-ры, 1961. 224 с.

Ермолин А. Л. Античные склепы хоры Европейского Боспора (по материалам охранных исследований) // У Понта Эвксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь, 2004. С. 212–225.

Жарков Е. И. Гейман Вениамин Давидович // Сотрудники Феодосийского музея древностей — деятели науки и культуры: биобиблиографический словарь. Киев: Болеро, 2011.

Жебелев С. А. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 288 с.

Жуковский П. М. Культурные растения и их сородичи. Л.: Колос, 1964. 791 с.

Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Северного Причерноморья римского времени: основные итоги и перспективы изучения.// Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье // Труды ГИМ Вып. 102, 1998. С. 29–38.

Журавлев Д. В. О датировке Eastern Sigillata B из юго-западного Крыма // Археологія. Киев, 2001. № 3. С. 99–118.

Журавлев Д. В. Краснолаковые понтийские тарелки с вертикальным бортиком из могильника Бельбек IV // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 141–168.

Журавлев Д. В. Понтийская сигиллата из могильников Бельбек III и Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // БИ. 2007. Вып. XVI. С. 366–448.

Журавлев Д. В. Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I – III вв. н. э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) // МАИЭТ. 2010. Suppl. 9. 320 с.

Зайцев Ю. П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара Южного дворца Неаполя скифского // Труды ГИМ. Вып. 102. М., 1998. С. 52–60.

Зайцев Ю. П. Скилур и его царство // ВДИ. 1999. № 2. С. 127–148.

Зайцев Ю. П. Неаполь Скифский (II в. до н. э. – III в. н. э.). Симферополь: Универсум, 2003. 212 с.

Зайцев Ю. П. «Позднескифский» костюм как этноиндикатор (на примере элементов поясной гарнитуры III – I вв. до н. э.) // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 584–592.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., Неневоля И. И., Фирсов К. Б., Радочин В. Ю. Позднескифский могильник Болта-Чокрак у с. Скалистое Бахчисарайского района. // ХС XIV, 2005. С. 169–196.

Зайцев Ю. П., Волошинов А. А., Кюнельт Э., Масякин В. В., Мордвинцева В. И., Фирсов К. Б., Флесс Ф. Позднескифский некрополь Заветное (Алма-Кермен) 1–3 вв. н. э. в Юго-Западном Крыму. Раскопки 2004 г. // Древняя Таврика. К 80-летию Т. Н. Высоцкой. Симферополь, 2007. С. 249–290.

Зайцев Ю. П., Колтухов С. Г. 1997. Погребение воина эллинистического времени в Предгорном Крыму // Археология Крыма. Симферополь, 1997. № 2. С. 49–59.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. 2003а. № 2. С. 135–154.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. «Ногайчинский» курган в степном Крыму // ВДИ. 2003б. № 3. С. 61–99.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Датировка погребения в Ногайчинском кургане. Диалоги с оппонентом // Древняя Таврика. Сборник в честь 80-летия Т. Н. Высотской. Симферополь, 2007. С. 319–358.

Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. Курган с «коллективными» погребениями из окрестностей городища Ак-Кая // Древняя и средневековая Таврика. Донецк, 2010. С. 169–176. (Археологический альманах. № 22).

Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. Археологические исследования на территории Белогорского района // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2014. С. 216–218.

Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М., 1988.

Залеская В. Н. Перстень Феохариста // АДСВ. Екатеринбург, 2001. Вып. 32.

Захарова О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. М., 2001. 381 с.

Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83.

Зеленко С. М. Кораблекрушения IX – XI вв. в Судакской бухте // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. К., 2001. С. 82–92.

Земляниченко М., Калинин Н. Церковь Святой Нины и Преображения Господня. Маленький архитектурный шедевр Южнобережья // Крымский альбом 2001 / Ред. Д. А. Лосев. Феодосия, М.: Издательский дом «Коктебель», 2002. С. 74–82.

Зенкович В. П. Берега Черного и Азовского морей. М.: Гос. изд-во географической лит-ры, 1958. 375 с.

Зенкович В. П. Морфология и динамика советских берегов Черного моря. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Том II. 216 с.

Зинько А. В. Боспорский город Тиритака в ранневизантийскую эпоху. По материалам раскопок 2002–2005 гг. // ТГЭ. 2008. Т. XLII.

Зинько А. В. Этноконфессиональный состав населения боспорского города Тиритака в V – VI вв. // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: Материалы межд. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб., 2011.

Зинько В. Н. Античное поселение Осовины-I // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. VI науч. конф. Ростов-на-Дону, 1992.

Зинько В. Н. Охранные археологические исследования в Керчи 1992 г. // БС. М., 1994а. Вып. 4.

Зинько В. Н. Охранные археологические исследования в г. Керчи // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994б.

Зинько В. Н. Новые раннесредневековые памятники Восточного Крыма // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6–11 июня 1997 г. Симферополь, 1997.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Гончарная керамика VIII – IX веков с сельской округи Боспора // АИБ. Керчь, 1999. Т. III.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // БИ. 2001. Вып. I.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ. 2005а. Вып. XI.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // БИ. 2005б. Вып. X.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина. М., 2008

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII – X вв. // БИ. 2009. Suppl. 5.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // БИ. 2013. Вып. XXVIII.

Зограф А. Н. Античные монеты // МИА. 1951. № 16. 264 с.

Золотарёв М., Коробков Д., Ушаков С., Пюльц А. Отчёт о раскопках Базилики № 7 (т. н. «Базилики Крузе») в Херсонесе в 1998 году // НА НЗХТ. 1999. Дело № 3888.

Зубарев В. Г. Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 1998. 105 с.

Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005. 504 с.

Зубарев В. Г., Смекалов С. Л., Ланцов С. Б. Исследование античных грунтовых некрополей Крыма в 2014 г. // Таврийские студии. Исторические науки. Симферополь. № 7 (2015). С. 61–67.

Иванина О. А., Куликов А. В., Холодков В. Н. Византийские монеты VI – VII вв. в собрании Керченского заповедника (к истории денежного обращения в Таврике в эпоху раннего средневековья) // Научный сборник Керченского заповедника. Керчь, 2006. Вып. I. (К 180-летию Керченского Музея Древностей).

Иванов А. А. Юртообразные жилища Крымского городища // ХА. Киев; Харьков, 2010–2011. Т. 9.

Иванов А. В. Внутригородские некрополи конца X – XIV вв. как элемент исторической топографии византийского Херсонеса // Харьковский историко-археологический ежегодник Древности 2012. Вып. 11. Харьков: Харьковское историко-археологическое общество; ООО «НТМТ», 2012. С. 211–222.

Иванова А. П. Боспорские антропоморфные надгробия // СА. 1950. Вып. VII. С. 239–254.

Иванова О. С. Узкогорлые светлоглиняные амфоры из раскопок Мангупа // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII.

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М., 2001. 324 с.

Ивашута Л. П. Неполивная керамики поздневизантийского Херсона (по материалам раскопок портового квартала) // АДСВ. Свердловск, 1975. Вып. 11. С. 15–21.

Игры народов СССР. М., 1985.

Извлечение из сочинения Вильгейма Гейда «История торговли Востока в средние века» // ИТУАК. 1915. № 52.

Из «Путешествия по Южной России» о. Минаса Медици // ИТУАК. 1910. № 44.

Ильинская В. А. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье // КСИА АН УССР. Киев, 1954. Вып. 3.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968. 267 с.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII – IV вв. до н. э. Киев, 1983. 380 с.

История древнего Востока. Часть 2. Передняя Азия. Египет. М.: Наука, 1988.

Йотов В. Эргастирий начала VII в. в византийской крепости на мысе св. Атанас в городе Бяла, Варненской области (предварительное сообщение) // Ῥωμαίος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013. Т. 2.

Йотов В., Минчев А. Късноантична крепост на нос св. Атанас. София, 2013.

Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Антонио Сальвиати в Крыму // Культура народов Причерноморья / Ред. Ю. А. Катунин. Вып. 5. Симферополь: Межвузовский центр Крыма, 1998. С. 220–228.

Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор Высочайшего Двора. Симферополь: Бизнес-Информ, 2003.

Караулов Г. Крымские пещерные города и крипты // ЗООИД. 1872. Т. 8. С. 39–108.

Карта Таврической губернии, снятая в 1890–1897 гг. Масштаб 1: 42000. СПб., 1914. 70 л.

Катюшин Е. А. Склеп первых веков н. э. из с. Льговское // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 14–16.

Катюшин Е. А. Курганный могильник I в. до н. э. – II в. н. э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 21–31.

Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Городище Хулаш и памятники раннего средневековья чувашского Поволжья. — Чебоксары, 1972.

Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллнизма (опыт комплексного изучения) // БИ. 2007. Вып. XVIII. 480 с.

Кацарова В. Пещ за строительна керамика от Пауталия (наблюдения върху топографията на късноантичния град) // Известия на исторически музей Кюстендил. Търново, 2003. Т. IX. С. 105–109.

Качарава Д. Д., Квирквелия Г. Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический словарь. Тбилиси: Мец ниереба, 1991. 656 с.

Кашпар А. О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные в 1892 г. профессором Н. И. Веселовским // ИТУАК. 1892. № 16. С. 115–119.

Кашпар А. О. Раскопки курганов в окрестностях Симферополя, произведенные проф. Веселовским в 1895 г. // ИТУАК. 1896. Вып. 24. С. 138–151.

Кверфельдт Э. К. Керамика Ближнего Востока. Ленинград: Издательство ГЭ, 1947.

Квитковский В. И. Селище салтово-маяцкой культуры Пятницкое-I (основные этапы исследования) // Салтово-маяцька археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харьківщині. Харків, 2011. Вип. 1.

Квитковский В. И. Раннесредневековые жилища селища Пятницкое-I // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2013. Вип. 3.

Квітковський В. І., Пашкевич Г. О., Горбаненко С. А. Матеріали з рільництва жителів поселення П’ятницьке I // Археологія. Київ, 2011. № 3.

Кемалова А. Р. Тюркские топонимы на карте Тарханкута // МАКК. 2014. Вып. XIV. С. 155–164.

Кеппен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических: с картой Южного Крыма и принадлежащим к ней указателем. СПб., 1837. 409 с.

Керефов Б. М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985. С. 135–274.

Кирилин Д. С., Молев Е. А., Гладкова Т. А. Раскопки Тиритаки // АО 1983 года. М., 1985.

Кирилко В. П. Крепостной ансамбль Фуны 1423–1475. Киев, 2005.

Кирилко В. П. К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005а. С. 349–358.

Кирилко В. П., Мыц В. Л. Укрепление Чобан-Куле (по материалам раскопок 1992–1993 гг.) // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Сб. науч. трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П. И. Кеппена) / Ред. В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004. С. 205–245.

Кирпичников А. Н., Медведев А. Ф. Вооружение // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 298–363.

Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. 1949. № 9.

Кисель В. А. Деревянные ковши с зооморфными ручками в погребальном наборе древних кочевников // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 51–64.

Кислый А. Е. Некоторые особенности смертности населения степей в эпоху бронзы на территории Украины (по археологическим данным) // Демографические исследования. 1989. 13. С. 113–127.

Кислый А. Е. Соотношение численности полов: экономические потребности и традиции // Демографические исследования. 1990. 19. С. 119–130.

Кислый А. Е. Некоторые представления о возможности моделирования развития древнейшего населения // Демографические исследования. 1993. 16. С. 117–127.

Кислий О. Книги Вітхого Заповіту як стародавнє джерело з історичної демографії. Демографічні дослідження. 1996. 18. С. 160–167.

Кислий О. Є. Етноекономіка Криму на фоні Північного Причорномор'я : епоха бронзи // Наукові праці історичного факультету ЗГУ. Вип. XVIII. Запоріжжя, 2004. С.23–44.

Кислий О. Демографічний вимір історії. Київ: Арістей, 2005.

Кислий О. Є. Сучасний етап демоекономічного розвитку України та завдання демографічної політики // Формування ринкової економіки. Демографічний розвиток України та пріоритетні завдання демографічної політики. Том 2 / Ред. О. О. Бєляєв. Київ: КНЕУ, 2006. С. 292–300.

Кислый А. Е. Условность и реализм искусства Каменской культуры Восточного Крыма // ДБ. 2011. Вып. 13. С. 189–208.

Кислый А. Система начал, трансформаций и завершения истории. Аннигиляция человека, истории, культуры. Киев: Скиф, 2013.

Кияшко А. В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999. 182 с.

Кияшко А. В. Морфология и орнаментика керамики эпохи средней бронзы Волго-Донских степей // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. 2001. С. 25–44.

Кияшко В. Я. Эпоха энеолита и ранней бронзы на Нижнем Дону: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1974. 20 с.

Клочко Л. С. Реконструкція конусоподібних головних уборів скіф'янок // Археологія. Київ, 1986. Вип. 56. С. 14–24.

Клочко Л. С. Скіфський костюм // Золото степу. Археологія України. Київ, 1991. С. 105–111.

Ключников В. В. Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Сборник статей по материалам XII межд. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2009.

Ключников В. В. Помещение 2 и яма 18 на памятнике хазарского времени Золотые Горки // Хазарские древности. Аксай, 2013.

Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / Пер. и ком. Е. В. Бахревского. Симферополь: ДАР, 1999.144 с.

Кобылина М. М. Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа // ВДИ. 1948. Вып. 4. С. 84–90.

Ковалевская В. Б. Изображения коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. М., 1984.

Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М., 2005.

Ковалевская В. Б., Албегова З. Х., Евсюков А. В. Изучение культурных контактов Юго-Восточной Европы эпохи раннего средневековья методами компьютерного картографирования (по материалам амулетов) // Пятый круглый стол «Археология и геоинформатика» (тезисы докладов) 14–15 апреля 2010 г. М., 2010.

Коваль Ю. В. Керамика Востока на Руси IX – XVII века. М.: Наука, 2010.

Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Раскопки курганов у с. Ковалевка // Курганы на Южном Буге. Киев, 1976. С. 7–132.

Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге. Киев, 1978. С. 133–150.

Козлов А. Ф., Майко В. В., Полканов Ю. А., Шутов Ю. И. Кырк-Ерский клад близ южных ворот городища Джуфт (Чуфут)-Кале // Археологічні відкриття в Україні 2001–2002 рр. Київ, 2003. С. 120–123.

Козыренко И. И. Тамги на археологических памятниках Одесского государственного археологического музея. // Материалы по археологии Северного Причерноморья I. Одесса, 1957. С. 91–96.

Колесникова Н., Колесникова О. Забытое свидетельство о Крыме. Путешествие Роберта Лайелла. Год 1822-й // Крымский альбом 2002. Феодосия, 2003. С. 8–33.

Колли Л. П. О. Херувим Кушнеров — член-корреспондент ООИД и декан католических церквей Таврического полуострова: некролог. Одесса, 1891. 15 с.

Колли Л. П. Отчет о состоянии ФМД за 1901 г. // Отчет Имп. ООИД за 1901 г. Одесса, 1902.

Колли Л. П. Об одном барельефе Феодосийского музея // ИТУАК. 1903а. № 35. = ЗООИД. 1906. Т. 26. Отд. 3.

Колли Л. П. О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии // ИТУАК. 1903б. № 35.

Колли Л. П. Отчет о состоянии ФМД за 1903 г. Феодосия, 1904. 4 с.

Колли Л. П. Подлинный портрет Алима // ИТУАК. 1905а. № 38.

Колли Л. П. Христофоро ди Негро, последний консул Солдаи // ИТУАК. 1905б. № 38. = Симферополь, 1905. 28 с.

Колли Л. П. Иван Иванович Грапперон: биографический очерк // ИТУАК. 1905в. № 38.

Колли Л. П. О хищнических раскопках в Феодосийском уезде и о состоянии древней мечети в д. Карагоз того же уезда / Протокол заседания ТУАК 9 февраля 1907 г. // ИТУАК. 1907. № 40.

Колли Л. П. Следы древних культур на дне морском: современное положение вопроса о нахождении в море античных памятников // ИТУАК. 1909. № 43.

Колли Л. П. Из средневековой географии // ИТУАК. 1910. № 44.

Колли Л. П. Исторические документы о падении Кафы // ИТУАК. 1911. № 45.

Колли Л. П. Могила баронессы Крюденер в Крыму // ИТУАК. 1912а. № 48.

Колли Л. П. Кафа в период владения ею Банком св. Георгия: 1454–1475 // ИТУАК. 1912б. № 47.

Колли Л. П. Хаджи-Гирей хан и его политика (по генуэзским источникам): взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке // ИТУАК. 1913. № 50.

Колли Л. П. Об одном генуэзском барельефе Феодосийского музея // ИТУАК. 1916. № 53.

Колли Л. П. Несколько слов об И. К. Айвазовском // ИТУАК. 1918а. № 55.

Колли Л. П. Падение Каффы: последние годы генуэзских поселений в Крыму // ИТУАК. 1918б. № 54.

Колли Л. П. Падение Каффы (по генуэзским и другим современным источникам): последние месяцы генуэзской Каффы // ИТУАК. 1918в. № 55.

Колли Л. П., Маркевич А. И. К столетию со дня рождения естествоиспытателя Гоммер де Гелля // ИТУАК. 1913. № 50.

Колода В. В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // ХА. Киев; Харьков, 2005. Т. 4.

Колода В. В., Горбаненко С. А. Земледельческий комплекс раннесредневекового населения Верхнего Салтова // ХА. Киев; Харьков; М., 2004. Т. 2.

Колода В. В., Горбаненко С. А. Землеробство салтівської культури (за матеріалами Мохначанського городища) // Vita Antiqua. Київ, 2009. № 7–8.

Колода В. В., Горбаненко С. А. Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. Киев, 2010а.

Колода В. В., Горбаненко С. А. Осіле тваринництво у носіїв салтівської культури на Дону // Археологія і давня історія України. Київ, 2010б. Вип. 1. Проблеми давньоруської та середньовічної археології.

Колода В. В., Колода Т. А. Кузнечная мастерская нового ремесленного центра лесостепной Хазарии // ХА. Киев; Харьков, 2009. Т. 8.

Колотухин В. А. Северо-Крымская экспедиция 1981 г. Отчет о раскопках курганов в зоне строительства II очереди Северо-Крымского канала в 1981 г. // Научный архив Крымского филиала Института археологии НАНУ. Инв. кн. 1, инв. № 126, п. 235. Текст отчета. 84 с.

Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. Киев, 1996. 160 с.

Колотухин В. А. Киммерийцы и скифы Степного Крыма (Подкурганные погребения Степного Крыма начала железного века): Материалы по археологии Крыма. Симферополь, 2000. 120 с.

Колотухин В. А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев, 2003. 139 с.

Колотухин В. А., Тощев Г. Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1983–1986 гг. Сакский район Крымской области). Вып. III. Запорожье, 2000. 245 с.

Колтухов С. Г. Курганы и курганные погребения скифского времени южного берега оз. Донузлав // Древняя и средневековая Таврика. Донецк: Донбасс, 2010. С. 71–98. (Археологический альманах. № 22).

Колпакова А. В. Бусы из некрополя Южная Озерейка // Исторические записки (исследования и материалы). Вып. 3. Новороссийск, 1999. С. 38–59.

Колтухов С. Г. Курган Кулаковского // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 17–25.

Колтухов С. Г. Золотой Симферопольский курган // ХСб. 1999. Вып. X. С. 7–20.

Колтухов С. Г. О крымских курганах с коллективными погребениями // Поздние скифы Крыма. М., 2001. С. 59–70. (Труды ГИМ. Вып. 118).

Колтухов С. Г. Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 68–120.

Колтухов С. Г. Курган 4 Аккайского (Белогорского) курганного могильника // Древности Боспора. М., 2006. Т. 9. С. 228–259.

Колтухов С. Г. Основное погребение кургана Беш-Оба // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 193–206.

Колтухов С. Г. В поисках Дорт-Обы и Талаевского кургана // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 3. Симферополь, 2008. С. 16–23.

Колтухов С. Г. Случайные находки предскифского и скифского времени из горной и предгорной части Крымского полуострова // ХЕРСОНЕССКИЙ КОЛОКОЛ: Сборник научных статей, посвящённый 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности В. Н. Даниленко. Симферополь: СОНАТ, 2008. С. 241–250.

Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н. э. (погребальные памятники). Донецк, 2012. 268 с. (Археологический альманах. № 27).

Колтухов С. Г. Скифы Крымского Присивашья в VII – VI вв. до н. э. погребальные памятники. Симферополь, 2012а. 140 с. (Сер. Материалы к археологической карте Крыма. Вып. X).

Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VII – IV вв. до н. э. (Погребальные памятники). Донецк, 2012б. 161 с. (Археологический альманах. № 27).

Колтухов С. Г. Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I. С. 45–72.

Колтухов С. Г., Вдовиченко И. И. Два кургана в междуречье Альмы и Качи // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 4–24.

Колтухов С. Г., Кислый А. Е., Тощев Г. Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1991–1992 гг.). II. Запорожье, 1994. 121 с.

Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Курганы скифского времени у села Аиш в Западном Крыму (По материалам раскопок 1883 года) // АСГЭ. 2013. С. 126–137.

Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Курган Пастака // История оружия. Історія зброї. Запоріжжя, 2014. № 10. С. 75–102.

Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифское погребение в кургане Дорт-Оба 3 // Таврические студии. Исторические науки. № 6. Симферополь, 2014. С. 66–74.

Колтухов С. Г., Тощев Г. Н. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993–1995 гг.). II. Запорожье, 1998. 194 с.

Колтухов С. Г., Тощев Г. Н. Курган эпохи бронзы у с. Приречное Нижнегорского района в Крыму // Старожитності Степового Причорномор´я і Криму. Т. XI. Запорожье, 2004. С. 335–368.

Комар А. В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – нач. VIII в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Донецк, 2006. Т. 5.

Комнина А. Алексиада. М., 1965.

Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. Под редакцией Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. 496 с.

Копьева Т. А. Катакомбные погребения в курганах Крыма // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тез. докл. Всесоюзн. семинара. Запорожье, 1990. С. 32–35.

Копьева Т. А. Ранний этап катакомбной культуры в Крыму: хронологический аспект // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы. Донецк, 2010. С. 309–326. (Археологический альманах. № 20).

Копьева Т. А. Катакомбная культура на территории Крыма (история изучения и исследований) // МАИЭТ. 2011. Вып. XVII. С. 3–29.

Копьева-Колотухина Т. А. Катакомбное погребение с бронзовой пластиной в кургане у села Фрунзе в Крыму // Херсонесский колокол. Симферополь, 2008. С. 251–266.

Кордт В. А. Материалы по истории русской картографии. Киев: Комиссия для разбора древних актов, 1899. Вып. 1. 15 с., XXXII карты; 1910. Вып. 2. 31 с., XIV карт.

Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004. 243 с.

Коровина А. К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2. С. 174–187.

Корпус боспорских надписей. М., Л.: Наука, 1965. 951 с.

Корпусова В. Н. Некрополь Золотое (К этнокультурной истории Европейского Боспора). Киев, 1983. 184 с.

Корпусова В. М., Орлов Р. С. Могильник VI – IV вв. до н. э. на Керченском полуострове // Археологія. Киев, 1978. № 28. С. 65–72.

Кортонев А. А. Экскурсия в Крым весной 1893 г. Пещеры Качи-Кальона и Черкес-Кермена // Известия Киевского университета. 1895.

Костромичёв Д. А. Римские фибулы Херсонеса // ХСб. 2012. Вып. XVII. С. 47–154.

Костромичев Д. А., Масякин В. В. К проблеме начального этапа римского военного присутствия в Крыму // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Керчь, 2004. С. 196–197.

Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчёт за 1891 год. // НА НЗХТ. 1891. Дело № 2.

Косяненко В. М. Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. 1987. № 2. С. 45–62.

Котигорошко В. Г. Малокопаньский некрополь (ур. Челленица) // Carpatica. Ужгород, 2002. Вип. 38. С. 58–133.

Кравченко А. А. Средневековый Белгород на Днестре. Киев: Наукова думка, 1986.

Кравченко Є. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк, 2011. 272 с.

Кравченко Э. Е., Давыденко В. В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время.

Крадин Н. Н. Археологические критерии цивилизации: кросс-культурный анализ // Ранние формы политических систем. СПб., 2012. С. 159–180.

Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н. э. Киев, 1993. 184 с.

Красильников К. И. Изделия из кости салтовской культуры // СА. 1979. № 2.

Красильников К. И. Могильник древних болгар у с. Желтое на Северском Донце // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. № 2.

Красильніков К. І. Кухонна кераміка та керамічні вироби спеціального призначення салтово-маяцької культури Середньодонеччя // Vita Antiqua. Київ, 1999. № 2.

Красильников К. И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаментика, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Донецк, 2009. Т. 7.

Красильников К. И., Тельнова Л. И. Половецкие изваяния Среднего Подонцовья: типология, эволюция, хронология (по материалам коллекций Луганской области) // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Т. 1. Донецк, 2000. С. 227–244.

Кречетов П. Н. Письма о Геродотовой Скифии. 3) О реке Гипакирис и местоположении города Каркенита // ЗООИД. 1889. Т. 15. С. 472–480.

Крис Х. И. Кизил-Кобинская культура и тавры. М., 1981. 127 с. (САИ. Вып. Д1-7).

Кропоткин В. В. Новые находки византийских монет на территории СССР // ВВ. 1965. Т. XXVI.

Кропоткин В. В. Новые находки византийских монет в Керчи // ВВ. 1971. Т. 32.

Кропотов В. В. Імпортна червонолакова кераміка південномалоазійської групи в Криму // Археологія. Київ, 2001. № 1. С. 90–95.

Кропотов В. В. О времени появления курганов с «коллективными погребениями» в Предгорном Крыму // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна. Киев, Чигирин, 2007. С.95–97.

Кропотов В. В. Курган с «коллективным погребением» IV в. до н. э. в Предгорном Крыму // Эпоха раннего железа. Киев, Полтава, 2009. С. 200–221.

Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. Киев, 2010. 384 с.

Кропотов В. В., Лесков А. М. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь, 2006. Вып. 84. С.25–39.

Кругликова И. Т. Новые данные об исторической географии крымского побережья Азовского моря // СА. 1958. Т. XXVIII.

Кругликова И. Т. Боспор в позднеантичное время (очерк экономической истории). М., 1966.

Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.

Крупнов Е. И. Северокавказская археологическая экспедиция // КСИИМК. 1947. Вып. XVII.

Куббель Л. Е. Сословие // Свод этнографический понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М., 1986. С. 190–191.

Кубышев А. И., Николова А. В., Полин С. В. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 130–148.

Кузманов Г. Ранневизантийская керамика от Тракия и Дакия (IV – началото на VII в.) // Разкопки и проучвання. София, 1985. Т. XIII.

Кузнецов В. Д., Голофаст Л. А. Дома хазарского времени в Фанагории // ПИФК. М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. № 1(27). С. 393–429.

Кулаковский Ю. А. Новости эпиграфической литературы: Corpus Inscriptionum latinarum VIII u Ephem. Epigr. IV, 2 // Университетские известия. 1881. № 12, отд. 4. С. 371–380; 1883. № 4, отд. 4. С. 123–130.

Кулаковский Ю. А. Археологические раскопки близ Керчи летом 1890 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1891а. Кн. 5. С. 20–23.

Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 года // Материалы по археологии России, издаваемые имп. Археологической комиссией. СПб., 1891б. Вып. 6: Древности Южной России. 6, 30 с.

Кулаковский Ю. А. Археологическая заметка по вопросу о катакомбах в Керчи // Русская мысль. 1892. Кн. 12, отд. 2. С. 220–224.

Кулаковский Ю. А. О керченских катакомбах с фресками // Археологические известия и заметки, издаваемые имп. Московским археологическим обществом / Ред. А. В. Орешников. М., 1893. Т. 1, № 9/10. С. 384–385.

Кулаковский Ю. А. Раскопки в Керчи и Анапе летом 1894 г. // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1895. Кн. 9. С. 42–44.

Кулаковский Ю. А. Заметки по истории и топографии Крыма // Археологические известия и заметки. 1896. № 1. С. 1–6.

Кулаковский Ю. А. Две керченские христианские катакомбы с фресками. Прил.: Христианская катакомба, открытая в 1895 г. // Материалы по археологии России, издаваемые имп. Археологической комиссией. СПб., 1896а. Вып. 19: Древности Южной России. 2, II, 67, 5 с.

Кулаковский Ю. А. Новые данные для истории Старого Крыма // Записки имп. Русского археологического общества: Новая сер. 1899а. Т. 10, вып. 3/4: Труды Отделения археологии древне-классической, византийской и западно-европейской, кн. 3. С. 1–12.

Кулаковский Ю. А. О новейших находках в Старом Крыму // Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца. 1899б. Кн. 13, отд. 1. С. 104.

Кулаковский Ю. А. История Византии. СПб.: Алетейя, 1996. Т. 1.

Кулатова И. М., Супруненко А. Б. Первый Мгарский курган // Більське городище в контексті вивчення пам'ятокраннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 318–339.

Кулатова І. М., Супруненко О. Б. Курган в урочищі Перещепине поблизу Більського городища // Эпоха раннего железа. Киев; Полтава, 2009. С. 222–249.

Кулатова І. М., Супруненко О. Б. Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. Київ, 2010. 200 с. + 6 кол. вкл.

Куликов А. В., Бейлин Д. В. Отчет об археологических исследованиях в Крепости Ени-Кале в 2009 году. Симферополь, Керчь, 2009 // НА КФ ИА НАНУ. Папка 1785. № 1421. Инв. Кн. 6.131.

Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества: 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002.

Купченко В. П. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества: 1917–1932. СПб.: Алетейя; Симферополь: СОНАТ, 2007.

Куран А. Синан великолепный. Творения выдающегося турецкого мастера, живущие в веках // Курьер. 1988. Апрель. С. 30–32.

Куринских О. И. Наконечники стрел ранних кочевников левобережного Илека VI – III вв. до н. э. (По материалам могильников у с. Покровка) // РА. 2011. № 3. С. 42–54.

Кутайсов В. А. Кизил-кобинская керамика из раскопок Керкинитиды // Материалы к этнической истории Крыма. VII в. до н. э. – VII в. н. э. Киев, 1987. С. 27–40.

Кутайсов В. А. Античный город Керкинитида. Киев: Наук. думка, 1990. 176 с.

Кутайсов В. А. Керкинитида // Археологические памятники Крыма. Симферополь: Таврия, 1992. 192 с.

Кутайсов В. А. Керкинитида в античную эпоху. Киев: Корвин пресс, 2004. 326 с.

Кутайсов В. А. Караджинское городище в северо-западном Крыму // Историческое наследие Крыма. 2006. № 15. С. 5–15.

Кутайсов В. А. Курганный некрополь Калос Лимена. Киев: Стилос, 2011. 240 с.

Кутайсов В. А. Античный полис Керкинитида // МАКК. 2013. Вып. XII. 400 с., ил.

Кутайсов В. А., Кутайсова М. В. Евпатория. Древний мир. Средние века. Новое время. Киев: Стилос, 2007. 284 с.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Предложения к охранному зонированию Караджинского античного городища и курганного некрополя (по материалам археологических, дистанционных и геофизических исследований) // МАКК. Симферополь, 2012. Вып. VIII. Часть 1. 146 с., ил.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Новые археологические открытия на северном берегу озера Сасык-Сиваш // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности: Материалы II Междун. науч.-практич. конф. Симферополь, 2012. С. 68–72.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Новые археологические открытия на северном берегу озера Сасык-Сиваш // Историко-культурное наследие Тарханкута: новые тенденции развития, новые возможности: Материалы II Междун. науч.-практич. конф. Симферополь, 2012а. С. 68–72.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Античные усадьба и виноградник на дальней хоре Херсонеса // МАКК. 2013. Вып. XI. Часть 2. 272 с., илл.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Археологическое исследование нового херсонесского поселения на берегу Сасык-Сивашского озера в Крыму // Таврійські студії. Історичні науки. Симферополь, 2013а. № 1(4). С. 100–105.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Второй год археологических исследований Херсонесской усадьбы Ортли // МАКК. 2014. Вып. XIV. С. 165–218.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Два новых античных виноградника в Северо-Западном Крыму // ВДИ. 2014а. № 2. С. 61–74.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Исследования античного поселения Ортли на северном берегу Сасык-Сивашского озера в Западном Крыму // Археологічні дослідження в Україні. 2013. Київ, 2014б. С. 53–54.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Разведки на территории Сакского р-на АР Крым // Археологічні дослідження в Україні. 2013. Київ, 2014в. С. 54–55.

Кутайсов В. А., Смекалова Т. Н. Некоторые итоги археологического изучения античного поселения Ортли в Северо-Западном Крыму (раскопки 2012–2014 гг.) // 70-лет Тавро-Скифской экспедиции в Крыму. Материалы науч. конф. Симферополь, 2015. С. 48–51.

Лагодовська О. Ф., Шапошникова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. Київ, 1962. 246 с.

Лагутин А. Б. Погребение средневекового кочевника у села Прибрежное в Северо-Западном Крыму // РА. 1998. № 3. С. 156–163.

Лазаренко Е. И. Лапидарная коллекция Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Каталог // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993. С. 246–295.

Ланцов С. Б. Античне поселення біля озера Кизил-Яр // Археологія. Київ, 1989. № 3. С. 78–83.

Ланцов С. Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев: Киевская академия евробизнеса, 1994. С. 71–104.

Ланцов С. Б. О границах территории Херсонесского государства на рубеже IV – III вв. до н. э. // ХСб. 2004. Вып. XIII. С. 121–153.

Ланцов С. Б. П. Н. Шульц в изучении античных памятников Северо-Западного Крыма. Проблема определения границ Херсонесского государства в IV – III вв. до н. э. // У Понта Евксинского (памяти П. Н. Шульца). Симферополь, 2004а. С. 58–68.

Ланцов С. Б. Отчет об археологической экспертизе территории около поселения Джан-Баба (Марьинское) у села Марьино Окуневского сельсовета АРК // Ланцов С. Б. Отчет о научной археологической экспертизе и разведках с шурфовкой в Сакском и Черноморском районах АР Крым в 2009 г. НА ИА НАНУ, 2010. Л. 174–177; 186–213.

Ланцов С. Б. Основные результаты работ Донузлавской экспедиции в Сакском и Черноморском районах Крыма в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Киев-Луцк, 2010а. С. 262–265.

Ланцов С. Б. Отчет о разведках на территории некрополя городища «Марьинское» (Джан-баба) у села Марьино в Черноморском районе Республики Крым в 2014 г. Архив ИА НАНУ, 2015. 91 л.

Ланцов С. Б., Власов В. П., Смекалов С. Л., Шапцев М. С. Археологические исследования на некрополе городища Джан-Баба // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2014. С. 191.

Ланцов С. Б., Павленков В. И. Граффити с хоры Херсонеса [Рец.: Соломоник Э. И. — К.: Наук. Думка, 1984] // ВДИ. 1988. № 3. С. 178–187.

Латынин Б. А. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка // АСГЭ. 1967. Вып. 9. 96 с.

Латышев В. В. [Рецензия на: Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 года] // ЖМНП. 1891. Декабрь, отд. критико-библиографич. С. 393–405.

Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные на юге России в 1889–1891 гг. // Материалы по археологии России. 1892. № 9. 64 с.

Ларенок П. А. Саркел-Псебепс — гузы-печенеги-касоги // МИАСК. Вып. 13. Армавир-Краснодар, 2012. С. 86–104.

Латышев В. В. ΠΟΝΤΙΚΑ. Сб. научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережье Черного моря. СПб., 1909. 430 с., IV таб.

Лебедев В. Корпус монет Крыма в составе Золтой Орды (середина XIII конец XV ст.) // Нумізматика і фалеристика. 2000. № 1.

Лебединцев А. Столетие церковной жизни Крыма (1783–1883гг)// ЗООИД. 1883. Т.13. С. 201–230.

Левичев И. В. Новое о Людвике Петровиче Колли // Победа. Феодосия, 24 мая 2001. № 56.

Лесков А. М. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. 1968. №1. С. 158–165.

Лесков А. М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев, 1970.

Лесков А. М. Новые сокровища курганов Украины. Л., 1972. 152 с.

Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2004. Вып. 4. С. 221–241.

Линдер И. М. Шахматы на Руси. М., 1975.

Лобода И. И. Раскопки курганов у с. Вилино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 2001. Вып. 2. С. 4–26.

Лысенко А. В. Пещерные некрополи Горного Крыма эпохи раннего железа – позднеантичного времени (IX в. до н. э. – IV в. н. э.) // Vita Antiqua. Київ, 2003. № 5–6. С. 85–107.

Лысенко А. В. Исследования Чатыр-Дагского некрополя в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. 2004. Вип. 6. С. 36–39.

Лысенко А. В. Святилища римского времени южной части Горного Крыма (опыт систематизации) // Stratum-plus. 2005–2009. № 4. С. 374–400.

Лысенко А. В. «Поселения» римского времени Алуштинской долины // Древняя и средневековая Таврика. Донецк: Донбасс, 2010. С. 259–277. (Археологический альманах. № 22).

Лысенко А. В. О формировании нумизматического комплекса святилища римского времени в Аутке (Южный Крым) // Stratum-plus. 2012. № 6. С. 81–104.

Лысенко А. В. Топонимика Южной части Горного Крыма римского времени // Археологические и лингвистические исследования: Материалы Гумбольт-конференции (Симферополь-Ялта, 20–23 сентября 2012 г.). Киев, 2014. С. 101–122.

Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2005 г. Симферополь, 2006 // НА ИА НАНУ. № 2005/30.

Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Исследования на скале Ай-Йори в 2005 г. // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. Запоріжжя, 2007. С. 41–45.

Лысенко А. В., Мордвинцева В. И., Сударев Н. И., Юрочкин В. Ю. Исследования могильника римского времени Лучистое-II в Южном Крыму // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2014. С. 210.

Ляпушкин И. И. Раскопки Правобережного Цимлянского городища // КСИИМК. 1940. Вып. 4.

Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. I. // МИА. 1958. № 62.

Майко В. В. Керамический комплекс VIII – X вв. праболгарского городища Тепсень в Юго-Восточном Крыму (предварительная типология) // Българите в Северното Причерноморие. В. Търново, 2000. Т. 7.

Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. Киев, 2004.

Майко В. В. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев, 2007.

Майко В. В. Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности 2009. Харьков, 2009. Вып. 8.

Майко В. В. Праболгарское поселение VIII – первой половины X вв. в с. Солнечная Долина в Юго-Восточном Крыму // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.

Майко В. В. Восточный Крым во второй половине X – XII вв., Киев, 2014. 467 с.

Майко В. В., Гаврилов А. В., Гукин В. Д. Комплекс оружия, конского снаряжения и бытовых предметов с праболгарского поселения IX – первой половины X вв. в юго-восточном Крыму // ХА. Киев; Харьков, 2009. Т. 8.

Майко В. В., Джанов А. В., Фарбей А. М. Раскопки в портовой части средневековой Сугдеи // Археологічні дослідження в Україні 2010 р. Київ, Полтава, 2011. С. 232–233.

Майко В. В., Сьомін С. В. Аланський середньовічний посуд Криму VIII – першої половини X століття // Український керамологічний журнал. Опішне, 2003. № 1(7).

Макаров И. А. Эпитафия командира армянских лучников из Херсонеса Таврического // ХСб. 2005. С. 239–248.

Максимова М. И. Боспорская камнерезная мастерская // СА. 1957. № 4. С. 75–82.

Маликов В. М. Об археологических памятниках на урочище, примыкающем к мысу Айя // НА ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Рукописный фонд (27.01.1951).

Мальгина М. Р. Живописная Таврида. Каталог литографий XIX века. Из собрания Центрального музея Тавриды. Симферополь, 2011. 224 с.

Манцевич А. П. Курган Солоха. Л., 1987. 144 с.

Манцевич А. П. Ритон Талаевского кургана // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957. С. 155–173.

Маркевич А. И. Расчистка кургана в окрестностях Симферополя // ИТУАК. 1890. № 10.

Маркевич А. И. XIII Археологический съезд в г. Екатеринославе // ИТУАК. 1906. № 39.

Маркевич А. И. К биографии графини де Ла Мот Валуа-Гаше // ИТУАК. 1912. № 48.

Маркевич А. И. Могила П. С. Котляревского // Журнал Имп. русского военно-исторического общества. СПб., 1914. № 2.

Маркевич А. И. Памяти Людвика Петровича Колли // ИТУАК. 1918. № 55.

Маркевич А. И. Памяти профессора Ю. А. Кулаковского // ИТУАК. Симферополь, 1920. № 57. С. 338.

Маркевич А. И. К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (1827–1927 г.) (Памяти Хрисанфа Петровича Ящуржинского) // ИТОИАЭ. [1929]. Т. III. С. 5–14.

Марков Д. А. Древнегреческая церковь в Феодосийском карантине // ИТУАК. 1912. № 48.

Маркова Е. В. Остеологические материалы из раскопок городища Джан-Баба и поселения у с. Окуневка на Тарханкутском полуострове // Археологія і давня історія України. Старожитності раннього залізного віку. Київ, 2015. Вип. 2 (15). С. 250–252.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. 328 с.

Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза. Часть II. М., 1994. С. 226–253.

Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. 404 с.

Марти Ю. Ю. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки // МИА. 1941. № 4.

Мартынов А. П. Золотые серьги из Могильника Дорт-Оба // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1997. LVII. С. 36–38.

Мартынов А. И. Горит из могильника Дорт-Оба // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1991. LV. С. 33–36.

Марченко И. И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. 174 с.

Масленников А. А. Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора VI – I вв. до н. э.) // Боспорский сборник. М., 1995. Вып. 8. 124 с.

Масленников А. А. Сельские поселения европейского Боспора (Некоторые проблемы и итоги исследований) // БИ. 2001. Вып. I.

Масленников А. А. Крымское Приазовье в античную эпоху (опыт региональной истории) // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор. Запорожье, 2007.

Масленников А. А., Чевелев О. Д. Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского полуострова // КСИА. 1981. Вып. 168.

Масловский А. Н. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов, 2006. Вып. 21. С. 308–472.

Масякин В. В. Римские фибулы и детали ременной гарнитуры из некрополя Заветное // Древняя Таврика. К 80-летию Т. Н. Высотской. Симферополь, 2007. С. 125–138.

Масякин В. В. Римские шарнирные дуговидные фибулы Боспора // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 166–174.

Масякин В. В. Детали римского шлема из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гущиной. Тр. ГИМ. Вып. 191. М., 2012. С. 167–171.

Матвеева Л. В. [Вступительная статья] // Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев: Стилос, 2002. С. 3–75. (Серія: «Наукова спадщина сходознавців»).

Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев, 1977.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII – XIV вв. М., 1966. 117 с. (САИ. Вып. Е1-36).

Медведев Г. В. Могилы с коллективными погребениями из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. № 22. 2010. С. 219–234.

Медведев Г. В. Позднескифский обряд многократных захоронений в могилах первых веков н. э. // Stratum plus. 2011. № 4. С. 291–306.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М., 1964. 115 с. (САИ. Вып. Д1-4).

Мелюкова А. И. Скифское искусство звериного стиля // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 100–104. (Сер. Археология СССР).

Мень А. История религии в семи томах. Том II. Магизм и единобожие. М.: Слово, 1991.

Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. 172 с.

Меч и златник: К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012.

Миллер В. Осетинские этюды. Часть 2. Исследования. М., 1882. 303 с.

Миллер В. Ф. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 г. // Древности: Труды МАО. М., 1888. Т. 12. С. 119–138.

Минасян Р. С. Классификация ручного жернового постава (по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э.) // СА. 1978. № 3.

Минасян Р. С. Изображение свернувшегося хищника и лежащего оленя в творчестве скифо-сибирских племен // АСГЭ. 1990. Вып. 30. С. 67–76.

Михайлов Б. Д. Курганы эпохи бронзы в бассейне реки Молочная // ДСПК. Т. I. Запорожье, 1990. С. 107–116.

Михайлов С. Археологически материали от Плиска // Известия на археологическия институт. София: Издателство на БАН, 1955. Кн. XX. С. 30–170.

Михайлов С. Разкопки в Плиска през 1959–1961 г. // Известия на археологическия институт. София: Издателство на БАН, 1963. Кн. XXVI. С. 6–45.

Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Міхеєв В. К., Степанська Р. Б., Фомін Л. Д. Ножі салтівської культури та їх виробництво // Археологія. Київ, 1973. № 9.

Могарычев Ю. М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ, 2008. 439 с.

Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської добі у лісостепу Східної Європи. Київ; Камянець-Подільський, 2008а. 439 с.

Мозолевский Б. Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. Киев, 1980. С. 70–154.

Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. Бабина, Водяна и Соболева могилы. Киев, 2005. 600 с.+ илл.

Моисеев Д. А. Археологический комплекс строительной керамики IX – X вв. из раскопок поселения в Лагерной Балке (Мангуп) // Древности. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 172–190.

Моисеев Д. А. Ранневизантийская черепица из раскопок Цистерны в центральном нефе базилики «Крузе» (Херсонес) // МАИЭТ. 2013. Вып. XVIII. С. 162–186.

Моисеев Д. А. Комплекс строительной керамики XIV в. из раскопок христианского храма в округе горы Илька // МАИЭТ. 2014а. Вып. XIII. С. 278–310.

Моисеев Д. А. Строительная керамика Крыма и Кавказа средневизантийского времени: сравнительный анализ морфологии изделий // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН, 2014б. С. 372–373.

Мокроусов С. В., Сазанов А. В., Масленников А. А. Строительный комплекс ранневизантийского времени на поселении Золотое Восточное в бухте // ПИФК. М., Магнитогорск, 1998. Вып. VI.

Молев Е. А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород: ННГУ, 1994. 140 с.

Молев Е. А., Сазанов А. В. Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж, Белгород, 1991.

Молева Н. В. Новые антропоморфные надгробия в коллекции Керченского музея // Античный мир и археология. Вып. 5. Саратов, 1983. С. 115–122.

Молева Н. В. Антропоморфные памятники из Некрополя Нимфея // Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 315–328.

Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора. Избранные статьи. Нижний Новгород, 2002.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII – II веков до н. э. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. 680 с. илл., прил.

Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М., Саратов, 2003. 352 с.

Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму / Пер. В. В. Орехов и др. Киев, 2011. 413 с.

Мордвинцева В. И. Полихромный звериный стиль. Симферополь, 2003. 206 с.

Мордвинцева В. И., Хачатурова Е. А., Юрченко Т. В. Сокровища древней Кубани. Симферополь, Краснодар, 2010. 448 с.

Мосберг Г. И. Могильники римского времени юго-западного Крыма // СА. 1946. Т. VIII.

Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963. 54 с. (САИ. Вып. Д1-10).

Муратова К. М. Мастера французской готики XII – XIII вв. Проблемы теории и практики художественного творчества. М.: Искусство, 1988.

Мурзакевич Н. Поездка в Крым в 1836 году // ЖМНП. 1837. № 3 (XIII). С. 625–691.

Мурзин В. Ю. Скифская проблема глазами автора. Киев, 2014. 82 с.

Мшвениерадзе Д. М. Строительное искусство в древней Грузии. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1959.

Мыц В. Л. Крестообразный храм Мангупа // СА. 1990. № 1. С. 224–242.

Мыц В. Л. Укрепления Таврики X – XV вв. Киев: Наукова думка, 1991. 162 с.

Мыц В. Л. SOMMO в денежном обращении генуэзской Газарии (по материалам алуштинского клада 1990 г.) // ХСб. 1999. Вып. X. С. 379–398.

Мыц В. Л. Генуэзская Луста и Капитанство Готии в 50–70-е гг. XV в. // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев: Стилос, 2002. С. 139–189.

Мыц В. Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009.

Мыц В. Л., Адаксина С. Б., Кирилко В. П. Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1992 г. // НА ИА НАНУ. 1992/119.

Мыц В. Л., Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Лысенко А. В., Семин С. В., Тесленко И. Б. Отчет о раскопках средневековой крепости Алустон в 1993 г. // НА ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Д. 793. Папка 1282.

Мыц В. Л., Кирилко В. П., Лысенко А. В. Исследование средневекового укрепления Чабан-Куле // Археологические исследования в Крыму 1993 г. Симферополь, 1994. С. 200–207.

Мыц В. Л., Лысенко А. В., Щукин М. Б., Шаров О. В. Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор-История. 2006. 208 с.

Надеждин Н. Геродотова Скифия, объясненная через сличению с местностью // ЗООИД. 1944. Т. 1. С. 3–114.

Наследие византийского Херсона. Севастополь, Остин, 2011.

Науменко В. Е. Раскопки раннесредневекового поселения у подножия Мангупа // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь: Таврия, 1997. Вып. 1. С. 324–340.

Науменко В. Е. Амфоры // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII – X вв. БИ. 2009а. Suppl. 5.

Науменко В. Е. Высокогорлые кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII – X вв. // БИ. 2009б. Suppl. 5.

Науменко П. И. Античный период освоения минеральных богатств Керченско-Таманской области // Геологический журнал. М., 1979. Т. 39. № 2.

Нахапетян В. Е. О назначении знаков на астрагалах (салтово-маяцкая культура) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.

Нахапетян В. Е., Шамрай А. В. Митологичен сюжет върху раннобългарско изделие от Подонието // Археология. София, 1990. № 2.

Неневоля И. И., Волошинов А. А. Отчет об охранных археологических исследованиях в Бахчисарайском районе АРК в 1999 г.: (Рукопись). Бахчисарай, 2000. 20 л.

Непомнящий А. А. О роли Н. И. Веселовского в изучении истории и этнографии Крыма: По материалам архивов Москвы и Санкт-Петербурга // Архівознавство. Археографія. Джерелознавство: міжвідомчий збірник наукових праць. Київ, 1999. Вип. 1: Архів і особа. С. 182–191.

Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX − начало XX века): биобиблиогр. иссл. Симферополь, 2000. 360 с.

Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели. Симферополь, 2000а.

Непомнящий А. А. Из истории изучения Крыма в Петербурге в XIX веке // Невский архив: историко-краеведческий сб. СПб.: Лики России, 2001. Вып. 5. С. 186–212.

Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма. Библиография и архивы: конец XVIII – начало XX в. Симферополь: Доля, 2001а.

Непомнящий А. А. Крымоведческие исследования на всероссийских Археологических съездах (вторая половина XIX − начало XX века) // МАИЭТ. 2002. Вып. IX. С. 579–590.

Непомнящий А. А. Історичне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття): біобібліог. досл. Сімферополь: Бізнес-Інформ, 2003. С. 274–284.

Непомнящий А. А. Подвижник изучения боспорских древностей: Ю. А. Кулаковский // БИ. 2003б. Вып. III.

Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. 432 с. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).

Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Симферополь: СГТ, 2006.

Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Т. 2. Симферополь, 2008. (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 12).

Нефедова Е. С. Фибулы с некоторых памятников Западного Крыма // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 196–206.

Нечипорук А. А. Салтово-маяцкий комплекс на Северском Донце // Археологические записки. Ростов-на-Дону, 2009. Вып. 6.

Нечипорук А. А. Салтово-маяцкие памятники нижнего течения Северского Донца // Хазарские древности. Аксай, 2013.

Нечитайло А. Л. О крымском варианте катакомбной культуры // Курганы степного Крыма. Киев, 1984. С. 108–114.

Нидзельницкая Л. Ю., Кулаков А. А. Раннесредневековое поселение Мартыново I на Нижнем Дону // Хазарские древности. Аксай, 2013.

Никифоров А. Р., Петрова Э. Б. Феодосийский швейцарец Людвик Колли // Клио. Симферополь, 1998. № 1–4 (4).

Николаенко Г. М. Исследования на хоре Херсонеса // АО 1985. М., 1987. С. 381–382.

Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV – III вв. до н. э. Севастополь, 1999. Ч. 1. 83 с.

Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV – III вв. до н. э. Севастополь, 2001. Ч. 2. 164 с.

Никонов А. А. Затопленные остатки сооружений по берегам Боспора Киммерийского: в связи с проблемой изменения уровня моря // РА. 1998. № 3.

Новиченкова Н. Г. Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло. Ялта, 2002. 213 с.

Новиченкова Н. Г. Горный Крым II в. до н. э. – II в. н. э. по материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло. Симферополь, 2015. 216 с.

Новоселова Н. Ю. Археологические памятники раннего средневековья. // Соловьев С. Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб., 2003.

Овчаров Д. Средновековно тухларско селище край с. Кралево, Търговищко // Археология. София, 1964. Кн. 4. С. 26–28.

Огненова Л., Георгиева С. Разкопките на манастира под Вълкашина в Преслав през 1948–1949 г. // Известия на археологическия институт. София: Издателство на БАН, 1955. Кн. XX. С. 373–418.

Одробінський Ю. Скіфо-сарматська кам'янорізна пластика українських земель (характеристика видів і художні особливості). Миколаїв, 2010. 395 с.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения Степной Скифии (VII – III вв. до н. э.). М., 1991. 256 с.

Ольховский В. С. Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М., 2005.

Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. Скифские изваяния VII – III вв. до н. э. М., 1994.

Ольховский В. С., Петерс Б. Г. Раннесредневековые материалы Михайловского археологического комплекса // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.

Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортели д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. / Ком. А. Л. Бертье-Делагардта // ЗООИД. 1902. Т. XXIV. С. 91–180.

Опись предметов доставленных профессором Веселовским из раскопок 1892 г. // Архив ИИМК. Ф. 1. 1892. № 1. Л. 27–28.

Орехов В. В. Француженка Омер де Гелль и ее путешествие по Крыму // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 8. С. 183–215.

Открытие признаков древней крепости близ Симферополя // Сын Отечества. 1827. Ч. 115. С. 359–366.

Отрощенко В. В. Элементы изобразительности в искусстве племен срубной культуры // СА. 1974. № 4. С. 72–80.

Отчет Имп. ООИД за 1900 г. Одесса, 1901.

Охрана и изучение памятников истории и культуры в Крымской АССР: Исследования и документы / Автор-сост. А. В. Хливнюк. Симферополь: ОАО «СГТ», 2008.

Очир-Горяева М. А. Наконечники стрел кочевников Нижнего Поволжья // РА. 1996. № 1. С. 41–54.

Павличенко Н. И. Магистрат Коас? // Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира. СПб., 2009. С. 286–291.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства / Пер. с нем. А. Л. Бертье-Делагард, С. Л. Белявская. М.: Наука, 1999. (Научное наследство. Т. 27).

Пальцева Л. А. Херсонес Таврический в V – I вв. до н. э. Л., 1988. 84 с.

Памятная книжка Таврической губернии. Приложение 7. Крымская компания в царствование Анны Иоанновны, записки адъютанта Миниха — Х. Г. Манштейна. Симферополь, 1867.

Пархоменко О. В. Поселение салтовской культуры у с. Жовтневое // Земли Южной Руси в IX – XIV вв. (История и археология). Киев, 1985.

Паршина Е. А. Средневековая керамика Южной Таврики (по материалам раскопок и разведок 1965–1969 гг.) // Феодальная Таврика. Материалы по истории и археологии Крыма / Ред. С. Н. Бибиков. Киев: Наукова думка, 1974. С. 56–94.

Паршина Е. А. Торжище в Партенитах // Византийская Таврика: Сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов). Киев, 1991.

Паршина Е. А. Средневековое поселение в урочище Сотера // Алушта и Алуштинский регион с древнейших времен и до наших дней. Киев, 2002.

Пашкевич Г. А. Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники I тыс. до. н. э. – II тыс. н. э. Каталог 1. Препринт. Киев, 1991. 48 с.

Пашкевич Г. О. Палеоботанічні матеріали з розкопок Ольвії // Археологія. Київ, 1995. № 3. С. 97–108.

Пашкевич Г. А. Современное состояние палеоэтноботанических исследований Херсонеса // ХСб. 2006. Вып. XV. С. 165–179.

Переводчикова Е. В. Язык звериных образов: Очерки искусства Евразийских степей скифской эпохи. М., 1994. 206 с.

Переводчикова Е. В. К вопросу о связях Нижнего Поволжья Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII – IV вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М., 2000. С. 231–237.

Петерс Б. Г. Военное дело // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 187–197.

Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.

Петренко В. Г. Украшения Скифии VII – III вв. до н. э. М., 1978. 144 с. (САИ. Вып. Д4-5).

Печенкин Н. М. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК, 1905. Вып. 38. С. 29–37.

Петренко В. Г. Украшения Скифии VII – III вв. до н. э. М., 1978. 144 с. (САИ. Вып. Д4-5).

Петрова Э. Б. Античная Феодосия: история и культура. Симферополь: СОНАТ, 2000.

Петрова Э. Б. В. К. Виноградов: Хранитель «правды, истины и сердечности» // Пилигримы Крыма: сб. науч. ст. и мат. Симферополь: Крымский архив, 2003а. Вып. 1 (6).

Петрова Э. Б. Василий Ксенофонтович Виноградов: 160 лет со дня рождения // Русские в истории Тавриды: мат. науч.-практ. конф. Симферополь: Московский мост, 2003б.

Петрова Э. Б. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич // МАИЭТ. 2007. Вып. 13.

Петрова Э. Б. Мурзакевич Н. Н. // Крым в лицах и биографиях. Симферополь: Атлас-Компакт, 2008а.

Петрова Э. Б. Граперон И. И. // Крым в лицах и биографиях. Симферополь: Атлас-Компакт, 2008б.

Петрова Э. Б. Колли Людвик Петрович // Сотрудники Феодосийского музея древностей — деятели науки и культуры: биобиблиографический словарь. Киев: Болеро, 2011.

Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и ее округи в 1920–1930-х годах // Древняя и средневековая Таврика: сб. ст., посв. 1800-летию города Судака (Археологический альманах. №28). Донецк: Донбасс, 2012.

Петрова Э. Б. Павел Иванович Голландский и его Крымская эпопея. Феодосия-Симферополь, 2013.

Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей и охрана памятников Феодосии и ее округи в 70–90-х годах XIX в. // Крымский архив. Симферополь, 2014. № 1(15).

Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов (К 200-летнему юбилею Н. В. Гоголя). Симферополь: Бизнес-Информ, 2011.

Петровский В. А., Труфанов А. А. Средневековый христианский комплекс к западу от Баклы по материалам раскопок 1993–1994 гг. // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

Плетнева С. А. Керамика Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75. Т. II. Труды Волго-Донской археологической экспедиции.

Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 5–72.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142.

Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974. 200 с. (САИ. Вып. 2–4).

Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 62–67.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М., 1989.

Плетнева С. А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. 1994а. Вып. IV.

Плетнева С. А. О домашних оберегах в Саркеле — Белой Веже // РА. 1994б. № 1.

Плетнева С. А. Саркел и «шелковый» путь. Воронеж, 1996.

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000.

Плетнева С. А. Древнерусский город в кочевой степи // МАИЭТ. 2006. Sappl. 1.

Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. М., 1961. № 96. С. 103–213.

Полевая опись находок из раскопок средневековой крепости Алустон в 1993 г. // НА ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Д. 793. Папка 1282А.

Полевая опись находок из раскопок средневековой крепости Алустон в 1998 г. // НА ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Д. 581. Папка 959А.

Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам’яток // Археологія. Київ, 1987. № 59. С. 17–36.

Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V – IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 2014. 774 с. (Курганы Украины. Т. 3).

Полин С. В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V – IV вв. до н. э. на Херсонщине. Киев, 2014. 776 с.

Полин С. В., Колтухов С. Г. Скифское погребение в кургане у с. Надежда в Крыму // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Ростов-на-Дону, 2014. С. 162–171.

Полин С. В., Кубышев А. И. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в северо-западном Приазовье). Киев, 1997. 61 с.

Пономарев Л. Ю. Салтовский ритуальный комплекс в окрестностях Тиритаки // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. III Международная Крымская конференция по религиоведению. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2001.

Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкие погребальные памятники Керченского полуострова // БИ. 2002. Вып. II.

Пономарев Л. Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // БИ. 2003. Вып. III.

Пономарев Л. Ю. Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. 2004. Вып. V.

Пономарев Л. Ю. О населении Керченского полуострова во второй половине X – XIII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Ч. II. Киев-Судак: 2004. С. 164–169.

Пономарев Л. Ю. Глиняные лепешки с солярно-небесной символикой из салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Символ в религии и философии. Сборник научных трудов. Севастополь, 2005.

Пономарев Л. Ю. О разведках и раскопках А. В. Гадло на салтово-маяцких поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-Западное (Керченский полуостров) // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.

Пономарев Л. Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012а. Вип. 2.

Пономарев Л. Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полуземлянки) // Дриновський збірник. Харків; Софія. 2012б. Т. V.

Пономарев Л. Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (предварительный обзор) // ХА. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11.

Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение Героевка-3 на Керченском полуострове (по материалам раскопок А. В. Гадо в 1963 г.) // История и археология Крыма. Симферополь, 2014. Вып. I.

Пономарев Л. Ю., Пономарева И. А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV.

Попандопуло З. Х. Первомайский курганный могильник у с. Приморское // ДСПК. Т. III. Запорожье, 1992. С. 82–98.

Попова Е. А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. Вып. 1. С. 108–121.

Попова Е. А. Каменные изваяния с территории Малой Скифии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. Вып. 3. 1984. С. 79–85.

Попова Е. А. О стилистических и сюжетных особенностях памятников монументального изобразительного искусства Малой Скифии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. Вып. 1. 1989. С. 88–92.

Популярная художественная энциклопедия: Архитектура. Живопись. Скульптура. Графика. Декоративное искусство. Книга II. М., 1986. 432 с.

Поспелов Д. В. О локализации античного маяка на мысе Тарханкут // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. — СПб. — М. — Нижний Новгород, 2011. — Том 1. — С. 324–325.

Потапова Ю. Б., Прокофьев Р. В. Два идентичных салтово-маяцких комплекса из Нижнего Подонья // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 2009. Вып. 9.

Празднование 25-летия ТУАК: Торжественное заседание 24 января 1912 г. // ИТУАК. 1912. № 48.

Привалова О. Я., Зарайская Н. П., Привалов А. И. Двугорбая могила // Древности степной Скифии. Киев, 1982. С. 148–178.

Приднев С. В. Работы Западно-Крымской экспедиции в 2002 г. // Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. Київ, 2004. С. 50–54.

Приймак В. В. Орудия обработки почвы населения Днепровского Левобережья VIII – X вв. // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990.

Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки середнього Приднепров'я VI – IX ст. н. є. Київ, 1980.

Приходнюк О. М. Пеньковская культура. Культурно-хронологический аспект исследования. Воронеж, 1998.

Пуздровский А. Е.. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского. // РА № 2, 1992. С. 181–199.

Пуздровский А. Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н. э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 114–126.

Пуздровский А. Е. Погребения Битакского могильника первых веков н. э. с оружием и конской уздой. // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ 118, 2001. С. 122–140.

Пуздровский А. Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н. э. – III в. н. э. // ВДИ № 3, 2001а. С. 86–118.

Пуздровский А. Е. Отчет об охранных исследованиях Усть-Альминского некрополя в 2001 г. Симферополь, 2002. 51 с., илл.

Пуздровский А. Е. Склеп раннеримского времени из округи Неаполя Скифского // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 124–139.

Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.

Пуздровский А. Е. Погребения сарматских «жриц» из Юго-Западного Крыма // Stratum plus. 2011. № 4. С. 271–290.

Пуздровский А. Е., Ляшук П. М. Охранные исследования на территории мемориала «Поле Альминского сражения» в 2008 г. // Альминские чтения. Материалы научно-практической конференции. Вып. 2. 2011. С. 14–20.

Пуздровский А. Е., Ляшук П. М., Медведев Г. В., Соломоненко А. Е., Труфанов А. А. Исследования Усть-Альминского некрополя // Археологічні дослідження в Україні 2011 р. Київ, 2012. С. 106–108.

Пуздровский А. Е., Медведев. Г. В., Погребения I – II вв. н. э. из Усть-Альминского некрополя. // ХСб. XIV, 2005. С. 271–282.

Пуздровский А. Е., Медведев Г. В., Ляшук П. М. Охранные исследования на городище Вилино в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні 2009. Київ, Луцьк. 2010. С. 355–356.

Пуздровский А. Е., Соломоненко А. Е. Грунтовый склеп 1–2 вв. н. э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 207–228.

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., Медведев Г. В. Каменный подкурганный склеп с «коллективными» захоронениями у. с. Брянское в Юго-Западном Крыму // Древняя и средневековая Таврика. Донецк, 2010. С. 199–205. (Археологический альманах. № 22).

Пустовалов С. Ж. О классификации чаш катакомбной культуры // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР: Тезисы докл. республ. конфер. Киев, 1981. С. 37–38.

Пустовалов С. Ж. Етносоціальна класифікація катакомбної кераміки // Наукові записки НУКМА. Т. 19. Київ, 2001. С. 15–22.

Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: из истории антиковедения и византинистики в России. 2 изд.: перераб. и доп. СПб.: Алетейя, 2004. 477 с. (Серия: «Византийская б-ка; Исследования»).

Пушкарев С. Н. Тарханкут — не ”чертов угол”, а Караджа — не “олень“. Заметки по поводу некоторых топонимов северо-западного Крыма // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2005. № 11. С. 188–196.

Пушкарев С. Н. Тарханкут — не ”чертов угол”, а Караджа — не “олень“. Заметки по поводу некоторых топонимов северо-западного Крыма // Калос Лимен – Ак-Мечеть – Черноморское — 2400 лет. I Междунар. научно-практическая конф. Черноморское, 2008. С. 119–133.

Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса (конец IV в. до н. э. – IV в. н. э.). М., 1956. 84 с. (Памятники культуры. Вып. 18).

Рабби Азарья. События, случавшиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана / Пер А. С. Фирковича // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. 1856. Кн. 24.

Раевский Д. С. О местоположении древнего Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 127–133.

Раевский Д. С. Позднескифская семья по археологическим данным. // СЭ № 2, 1971. С. 60–62.

Раевский Д. С. Неаполь или Палакий? // ВДИ. 1976. № 1. С. 102–107.

Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Раппопорт П. А. Крепостные сооружения Саркела // МИА. М., Л., 1959. Вып. 75. Т. II. с. 9–39.

Ратнер И. Д. Послевоенные полевые археологические исследования Херсонского музея // Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях Одесского государственного археологического музея за 1963 год. Одесса, 1965. С. 35–39.

Ребедайло Г. П. К относительной хронологии катакомбной культуры в Днепровском Правобережье // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987. С. 74–82.

Редина Е. Ф. К вопросу о фракийско-скифских культурных взамоотношениях (скифское однолезвийное оружие) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 222–227.

Ремезов М. По своим краям // Русская мысль. 1892. Кн. 8. С. 100–114; Кн. 9. С 46–61.

Репников Н. И. Некоторые могильники области Крымских готов // ИАК. 1906. Вып. 19.

Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов. Часть II // ЗООИД. 1907. Т. XXVII.

Репников Н. И. Каменные ящики Байдарской долины // ИАК. 1909. Вып. 30.

Репников Н. И. Разведки и раскопки на южном берегу Крыма и в Байдарской долине // ИАК. 1909а. Вып. 30.

Репников Н. И. Остатки укреплений Эски-Кермена // Готский сборник. 1932.

Репников Н. И. Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928–1929 гг. // ИГАИМК. 1932а. Т. 12.

Репников Н. И. Городище Качи-Кальен // ИГАИМК. М., Л., 1935. Вып. 117. Материалы Эски-Керменской экспедиции 1931–1933 гг.

Репников Н. И. Материалы к археологической карте юго-западного нагорья Крыма // Архив ЛОИА, ф. №10, д. № 10. 1939–1940.

Рогов Е. Я. Некрополь Панское 1 в Северо-Западном Крыму // МАИЭТ. 2011. Suppl. 10. 216 с.

Романченко Н. Ф. Раскопки кургана в д. Кояш Симферопольского уезда Таврической губернии // ИТУАК. 1891. № 13. С. 62–74.

Романчук А. И. Изделия из кости в средневековом Херсонесе // АДСВ. Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.

Романчук А. И. Западный загородный храм // ВВ. Т. 51. М: Наука. 1991. С. 165–173, 241–244.

Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.

Романчук А. И. Строительные материалы византийского Херсона. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. 169 с.

Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. Вып. 16.

Романчук А. И., Рудаков В. Е. Керамический комплекс IX – X вв. Баклинского городища // СА. №2. 1975.

Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / Пер. К. И. Раткевич, Л., 1941. 79 с.

Ростовцев М. И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // ИАК. 1911. Вып. 40. С. 1–42.

Ростовцев М. И. Сириск — историк Херсонеса Таврического // Сб. статей по классической филологии. Пг., 1915. Вып. II. С. 151–170 = ЖМНП. 1915. апрель.

Ростовцев М. И. К истории Херсонеса в эпоху раннеримской империи // Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916. С. 5–16.

Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-камье в XI – XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татар археологиясе. № 1-2 (6–7). Казан, 2000. С. 42–102.

Рунич А. П. Катакомбный могильник VII – VIII вв. около г. Кисловодска // СА. 1968. № 3.

Русанова И. П. Истоки славянского язычества. Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Черновцы, 2002.

Русанова И. П., Тимощук Б. А. Языческие святилища древних славян. М., 2007.

Русяева А. С. Боспорская царица Камасария // БИ. 2002. Вып. II. С. 109–124.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.

Рыжов С. Г., Седикова Л. В. Комплексы X века из раскопок квартала X «Б» северного района Херсонеса // ХСб. Севастополь, 1999. Вып. X.

Рыжова Л. А. Бронзовые ажурные подвески из раскопок в Юго-Западном Крыму // ХСб. 2005. Вып. XIV. С. 283–290.

Савеля О. Я. Работы севастопольской экспедиции // Археологические исследования в Крыму в 1993 г. Симферополь, 1994. С. 235–238.

Савкевич С. С., Шакс И. А. К вопросу о возможности использования ИК-спектров янтаря для определения его происхождения в археологических объектах // СА. 1970. № 1. С. 265–267.

Савченко Е. И. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). М., 1986. Вып. 1.

Савченко Е. И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Домна в скифскую эпоху. М.: Ин-т археологии РАН, 2004. С. 151–277.

Сазанов А. В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. из Северо-Восточного района Херсонеса // МАИЭТ. 1991. Вып. II.

Сазанов А. В. Амфоры «carottes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени // БС. М., 1995. Вып. 6.

Сазанов А. В. К исторической интерпретации комплексов Тиритаки VI – VII вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской межд. науч. конф. (12–16 сентября 2004 г.). Киев, Судак, 2004. Ч. II.

Сазанов А. В., Мокроусов С. В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый мыс (Восточный Крым) // ПИФК. М., Магнитогорск, 1999. Вып. VII.

Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999.

Санжаров С. Н. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья. Луганск, 2001. 172 с.

Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.: Наука, 1986. 248 с.

Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996. 348 с.

Сапрыкин С. Ю. ”Эмпорий Таврикон” и “Скифская Гавань” Калос Лимен в керамических клеймах Херсонеса Таврического // ВДИ. 1996. № 1. С. 124–135.

Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука, 1996. 348 с.

Сапрыкин С. Ю. Памятники малой эпиграфики Северо-Западного Крыма античной эпохи // МАКК. 2014. Вып. XIV. С. 7–31.

Сарапулкин В. А. Ржевский грунтовый могильник салтово-маяцкой культуры (предварительное сообщение) // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2006. Вып. 12.

Саркизов-Серазини А. М. Воспоминания о Феодосии. Феодосия: Арт Лайф, 2010.

Свистун Г. Е. Раннесредневековые жилища на Чугуевском городище (по материалам исследований 2006 и 2007 годов) // Древности 2009. Харьков, 2009. Вып. 8.

Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода. М.: Наука, 1981.

Семенов С. А., Кунин В. Э. Разведки на Керченском полуострове // АИБ. Симферополь, 1962. Т. II.

Сементовский Н. Путешественник (Южный берег Крыма). СПб., 1847. 148 с.

Сенаи Кырымлы Хаджи Мехмед. Книга походов (История хана Ислам Гирая Третьего). Симферополь, 1998. 72 с.

Сенаторов С. Н. Бронзовые наконечники стрел из Нимфея. I. По материалам раскопок 1939–1941 гг. // Боспорский феномен. СПб., 2001. Ч. I. С. 108–115.

Сенаторов С. Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: (Типология и хронология): Автореф. дис. … канд. ист. наук / ИИМК РАН. СПб., 2002. 22 с.

Сенаторов С. Н. Кизил-кобинская керамика конца VI – первой половины IV в. до н. э. из раскопок в Херсонесе // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 14–28.

Сенаторов С. Н. Кизил-кобинская керамика с ранним гребенчатым орнаментом середины VI – первой половины IV в. до н. э. из Восточного Крыма // Боспорский феномен. СПб, 2007. Ч. 2. С. 205–213.

Сенаторов С. Н. Керамика кизил-кобинской культуры второй половины VI – первой половины IV в. до н. э. // Боспорский феномен. СПб., 2011. С. 354–362.

Серазини А. М. Воспоминания о Феодосии. Феодосия: Арт Лайф, 2010.

Сергацков И. В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000. 199 с.

Сергєєва М. С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. Київ, 2011.

Сидоренко В. А. Медная чеканка византийского Боспора (590–668 гг.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X.

Сидоренко В. А. Эпитафия скифского царя Аргота // МАИЭТ. 2005. Вып. XI. С. 59–70.

Силантьева Л. Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов. М., 1959. С. 5–107. (МИА. № 69).

Симоненко А. В. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Материалы V Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Краснодар, 2004. С. 134–173.

Симоненко А. В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб., 2011. 288 с.

Симоненко О. В. Ранньосарматський період у Північному Причорномор'ї // Археологія. Київ, 1994. № 1. С. 32–48.

Скалон К. М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. 1961. № 2. С. 114–140.

Скорый С. А. Вооружение скифского типа в Средней Европе (к вопросу о связях Скифии и населения Средней Европы): Автореф. дис. … канд. ист. наук. Киев, 1983. 22 с.

Скорый С. А. Курган Переп'ятиха. Киев, 1990. 124 с.

Скорый С. А. Стеблев: Скифский могильник в Поросье. Киев, 1997. 173 с.

Скорый С. А., Зимовец Р. В. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев, 2014. 180 с.

Скржинская М. В. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев: Наук. думка, 1977. 127 с.

Скржинская М. В. Древнегреческий фольклор и литература о Северном Причерноморье / АН УССР. Ин-т археологии; Отв. ред. А. С. Румяева. Киев: Наук. думка, 1991. 200 с.

Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 1998. 296 с.

Скрипкин А. С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. 303 с.

Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Л., 1988. 184 с.

Смекалов С. Л. Отчет о магнитометрическом обследовании на участках, отводимых в частное пользование в районе дер. Марьино // Ланцов С. Б. Отчет о научной археологической экспертизе и разведках с шурфовкой в Сакском и Черноморском районах АР Крым в 2009 г. НА ИА НАНУ, 2010. С. 178–185.

Смекалова Т. Н. Курганы в ландшафте Северного Причерноморья: I. Предгорный Крым // БИ. 2009. Вып. XXI. С. 42–119.

Смекалова Т. Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железного века на полуострове Тарханкут: Каталог. Симферополь, 2010. 204 с. (Сер. «Материалы к археологической карте Крыма», Вып. II).

Смекалова Т. Н. Археологическая карта берегов Донузлавского озера П. Н. Шульца и современные исследования в данном районе // МАКК. 2012. Вып. VI. Часть 2. С. 9–221.

Смекалова Т. Н. Античная усадьба — экономическая и социальная единица херсонесского государства // МАКК. 2014. Вып. XIV.

Смекалова Т. Н., Колтухов С. Г., Зайцев Ю. П. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма // Археологические атласы Северного Причерноморья. Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XV. 2015. 243 с.

Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи средней бронзы на Северском Донце. М., 1996. 181 с.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты: в 2-х т. Т. I. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до XVIII в. М., 2005.

Смирнов К. Ф. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Урала: Дисс. … канд. ист. наук. М., 1947.

Смирнов К. Ф. Археологические исследования в Дагестане в 1948–1950 гг. // КСИИМК. 1952. Вып. XLV.

Смирнова Г. И., Мегей В. Ф. Могильник типа Поянешты-Лукашевка у с. Долиняны (раскопки 1985, 1987, 1988 гг.) // Stratum plus. 2000. № 4. С. 156–171.

Смокотина А. В. Керамический комплекс второй половины VI в. из раскопок г. Боспора // МАИЭТ. 2008. Вып. XIV.

Смокотина А. В. Амфоры LR 1 на Боспоре // МАИЭТ. 2014. Вып. XIX.

Соболевский А. И. Ю. А. Кулаковский: некролог // Известия Российской академии наук. 1919. Т. 13, № 12/15. С. 567–568.

Сокольский Н. И. Вопросы синдской скульптуры // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 187–198.

Сокольский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976а. 128 с.

Соломоник Э. И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. 1958. Вып. XXVII. С. 308–316.

Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

Соломоник Э. И. Эпиграфические памятники Неаполя скифского // Нумизматика и эпиграфика III. М., 1962. С. 32–44.

Соломоник Э. И. Надписи на стеле из с. Марьино // СХМ. 1963. Вып. III. С. 10–15.

Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев: Наук. думка, 1964. 196 с.

Соломоник Э. И. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. 1977. № 3. С. 53–63.

Соломоник Э. И. Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые вв. н. э. Киев, 1983. С. 80–95.

Соломоник Э. И. Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3. С. 114–131.

Соломоник Э. И. Каменная летопись Херсонеса. Греческие лапидарные надписи античного времени // Археологические памятники Крыма. Симферополь: Таврия, 1990. 112 с.

Сорокин С. С. Железные изделия Саркела — Белой Вежи // МИА. 1959. № 75.

Сорокина Н. П. Средневековые погребения из некрополя города Кепы на Таманском полуострове // Экспедиции Государственного исторического музея. Доклады на сессии Ученого совета ГИМ 5–7 февраля 1969 г. М., 1969.

Сорочан С. Б. Светильник и свеча в ранней Византии или две эпохи осветительных приборов // Древности 1997–1998. Харьков, 1999а.

Сорочан С. Б. Рання Візантія: світло для живих і мертвих // Схід-Захід. Історико-культурологічний збірник. Харків, 1999б. Вип. 2.

Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Часть II / Харьков-Москва: Русский фонд Содействия Образованию и Науке, 2013. (Византия и ее окружение).

Сосногорова М. А., Караулов Г. Э., Вернер К. А., Головкинский Н. А. Путеводитель по Крыму. Киев, 2010. 414 с.

Сотрудники Феодосийского музея древностей — деятели науки и культуры: биобиблиографический словарь. Киев: Болеро, 2011.

Список трудов Ю. А. Кулаковского // Serta Borysthenica: сб. в честь заслуженного профессора императорского Университета Св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1911. С. III – XIV.

Спицин А. А. Скифо-сарматские курганы Крымской степи // ИТУАК. 1918. № 54. С. 172–181.

Спицын А. А. Поля погребальных урн // СА. 1948. Т. X.

Стадник О. В., Стадник А. И. Батыр — памятник раннего средневековья в Степном Подонцовье // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Донецьк, 2009. № 10.

Станко В. Н. Детское захоронение кочевника // Записки Одесского Археологического общества. Т. 1. — Одесса, 1960. С. 230–232.

Станчев Ст. Разкопки по десния бряг на р. Тича в Преслав през 1951–1952 г. // Известия на археологическия институт. София: Издателство на БАН, 1955. Кн. XX. С. 419–429.

Стешенко В. С. Изучение воспроизводства народонаселения (теоретические проблемы). Киев: Наукова Думка, 1981.

Стешенко В. С., Пискунов В. П. Словарь основных демографических терминов // Стешенко В. С. Демография в современном мире. М.: Статистика, 1978.

Столба В. Ф. Новое посвящение из Северо-Западного Крыма и аспекты культа Геракла в Херсонесском государстве // ВДИ. 1989. № 4. С. 55–70.

Столярова Е. К. Бусы могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 194–222.

Стома А. Н. Очерки Евпатории. Евпатория: «Крымский Афон»,2011, 200с.

Стоянова А. А. Бусы и подвески из могильника Нейзац (по материалам раскопок 1996–2001 гг.) // БИ. 2004. Вып. V. С. 263–319.

Стржелецкий С. Ф. Раскопки в Инкермане в 1940 г. // СА. 1947. Т. IX.

Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10») // Stratum plus. 2005. № 4. С. 27–277.

Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М.,1800.

Сумароков П. Досуги Крымского судьи. Альбом рисунков. СПб., 1805. 52 илл.

Суперанская А. В. Гидронимы Крыма и северо-Западного Кавказа // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 188–200.

Суперанская А. В., Исаева З. Г., Исхакова Х. Ф. Топонимика Крыма. Часть I. Введение в топонимику Крыма. М., 1995. 215 с.

Сухобоков О. В., Горбаненко С. А. Комплекс землеробних знарядь з городища Битиця 1 // Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава, 2001. № 2.

Сымонович Э. А. Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. 173 с.

Талис Л. Д. Черепицы с метками из раскопок Баклинского городища // СА. 1968. № 2. С. 182–195.

Талис Д. Л. Росы в Крыму // СА. 1974. № 3. С. 87–99.

Талис Д. Л. Керамический комплекс Баклинского городища, как источник по этнической истории горного Крыма в IV – IX вв. // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1982.

Талис Д. Л. Кочевнические компоненты в населения средневековых городищ горного Крыма // История и культура Евразии по археологическим данным. Труды ГИМ. 51. М., 1983. С. 101–106.

Таскаев В. Н. Античная подводная археология Северного Причерноморья. М.: Воронцовка, 21, 2009.

Телегін Д. Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. Київ, 1971. № 4. С. 6–12.

Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988. 264 с.

Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев, 1973. С. 113–186.

Тесленко И. Б. Об одной группе поливных сосудов второй половины XV в. из раскопок крепости Алустон // ХСб. 2003. Вып. XII. С. 328–336.

Тесленко И. Б. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму // Сугдейский сборник. Киев, Судак: Академпериодика, 2004. С. 467–494.

Тесленко И. Б. Производство поливной керамики в крепости Алустон (Крым) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. / Ред. С. Г. Бочаров, В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2005. С. 324–348.

Тесленко И. Б. Турецкая керамика с росписью кобальтом в Крыму (проблемы хронологии) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. Т. I. Киев: Стилос, 2005а. С. 385–410.

Тесленко И. Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть I. Типология, распространение, происхождение // Древности. Харьков, 2010. Вып. 9. С. 216–234.

Тесленко І. Б. Хронологія однієї групи кухонного посуду з пам'яток Криму XV ст. // Археологія. Київ, 2011. № 4. С. 60–68.

Тесленко И. Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство до турецкого периода). Часть II. Хронология // Древности. Харьков, 2012а. Вып. 11. С. 223–236.

Тесленко И. Б. Керамика из раскопок христианского храма с некрополем в с. Малый Маяк (бывш. Биюк Ламбат, Южный берег Крыма) // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака / Ред. В. В. Майко. Донецк: Донбасс, 2012б. С. 225–246. (Археологический альманах. № 28).

Тесленко И. Б. Исследования на склонах г. Урага в 2012 г. (с. Виноградное, Маломаякский сельсовет, АР Крым) // Археологічні дослідження в Україні 2013 р. Київ, 2014. С. 82–84.

Тесленко И. Б. Одна из гончарных традиций Таврики XIV – XV вв. (керамика группы Юго-Западного Крыма) // История и археология Крыма / Ред. В. В. Майко. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014а. Вып. 1. С. 495–512, 541–560.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Средневековый христианский храм на южной окраине с. Малый Маяк и его археологическое окружение // О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Киев, 2004. С. 260–296.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В. Археологические разведки на территории Маломаякского сельсовета (АРК) // Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр. Київ, Запоріжжя, 2005. С. 290–294.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Кирилко В. П. Отчет об археологических исследованиях в районе ул. Горького и К. Маркса в г. Алушта в 2007 г. // НА ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Д. 1305. Папка 1656.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Масякин В. В. Отчет о разведках на территории Алуштинского горсовета в 2013 г. Симферополь, 2014 // Архив КФ ИА НАНУ. № 1554. Инв. кн. 6. Папка № 1919.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Масякин В. В. Новый могильник римского времени в центре Южной части Горного Крыма // Археологічні дослідження в Україні 2013 р. Київ, 2014а. С. 84–85.

Тесленко И. Б., Лысенко А. В., Турова Н. П. Отчет о раскопках средневекового христианского храма на южной окраине с. Малый Маяк в 2003 г. // НА ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Д. 1032. Папка 1380–1381.

Тесленко И. Б., Семин С. В. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Алустон в 1998 г. // НА ГБНУ РК «Институт археологии Крыма». Д. 581. Папка 959.

Тимофеенко В. И. Города Северного Причерноморья во второй половине XVIII в. — К.: Наук. Думка, 1984

Титов В. С. К изучению миграций бронзового века // Археология Старого и Нового света / Ред. В. И. Гуляев. М.: Наука, 1982. С. 89–146.

Токаренко С. Ф. Технология изготовления кирпичей Семикаракорской крепости. Опыт реконструкции // Степи Европы в эпоху Средневековья: Хазарское время. Т. 7. Донецк: ДонНУ. 2009, с. 535–542.

Толмачева М. М. Кузнечные изделия Маяцкого городища // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.

Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Н. А. Керамический комплекс позднеэллинистического времени из Пантикапея // БИ. 2003. Вып. III. С. 289–314.

Топал Д. А. Акинаки на западных рубежах Скифии: Карпато-Поднестровье // История оружия. Альманах № 10/2014. Киев, 2014. С. 103–125.

Топал Д. А., Бруяко И. В. Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района (Республика Молдова) // Stratum-plus. 2012. № 3. С. 133–144.

Тохтасьев С. Р. Из ономастики Северного Причерноморья. XXX. TRAKANA // ВДИ. 2013. № 1. С. 193–196.

Тощев Г. Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007. 304 с.

Трейстер М. Ю. Результаты спектрального анализа бронзовых украшений из Горгиппии // КСИА. 1983. № 174. С. 117–124.

Третьяков П. Н. Подсечное земледелие в Восточной Европе // ИГАИМК. 1932. Вып. XIV.

Троицкая Т. Н. Скифские курганы Крыма // Известия Крымского отделения географического общества СССР. Симферополь, 1951. Вып. 1. С. 85–112

Троицкая Т. Н. Скифские погребения в курганах Крыма: Автореф. дис. … канд. ист. наук. Симферополь, 1954. 16 с.

Троицкая Т. Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове // Известия Крымского отделения географического общества СССР. Симферополь, 1957а. Вып. 4. С. 67–76.

Троицкая Т. Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в областном краеведческом музее // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957б. С. 170–190.

Троицкая Т. Н. Погребение у села Белоглинки: к вопросу о кизил-кобинской культуре предгорной и степной частей Центрального Крыма // СА. 1957в. Вып. 27. С. 222–231.

Троицкая Т. Н. Лесостепное Приобье в раннем железном веке: Автореф. дис. … докт. ист. наук. Новосибирск, 1981. 24 с.

Троицкая Т. Н. Мое призвание. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. 88 с.

Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Этимология — 1979. М.: Наука, 1981.

Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Труфанов А. А. Типология краснолаковых тарелок с вертикальным бортиком (по материалам могильников Юго-Западного и Центрального Крыма) // БИАС. Вып. I. Симферополь, 1997. С. 181–192.

Труфанов А. А. Могила 656 Усть-Альминского позднескифского некрополя. // ХСб. X, 1999. С. 226–231.

Труфанов А. А. К вопросу о хронологии браслетов с зооморфными окончаниями (по материалам крымских могильников позднескифского времени) // Поздние скифы Крыма. Тр. ГИМ. Вып. 118. М., 2001. С. 71–77.

Труфанов А. А. Пряжки ранних провинциально-римских форм в Северном Причерноморье // РА. 2004. № 3. С. 160–170.

Труфанов А. А. Исследование могильника у с. Брянское в 1995–1996 гг. // ХСб. XIV, 2005. С. 315–326.

Труфанов А. А. Зеркала-подвески первых веков н. э. из могильников Крымской Скифии // Древняя Таврика. Симферополь, 2007. С. 173–186.

Труфанов А. А. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. // Stratum plus. 2009. № 4. С. 117–328.

Труфанов А. А. Погребения III в. н. э. на юго-западной окраине Усть-Альминского некрополя // Stratumplus № 4, 2010. С. 145–195.

Труфанов А. А. Новые данные о последнем этапе функционирования позднескифского Усть-Альминского могильника (по материалам раскопок 2009–2011 гг.) // Stratum plus. 2011. № 4. С. 65–96.

Тункина И. В. Открытие Феодосии. Страницы археологического изучения Юго-Восточного Крыма и начальные этапы истории Феодосийского музея древностей: 1771–1871. Киев: Болеро, 2011.

Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России: XVIII – середина XIX в. СПб.: Наука, 2002. 675 с.

Тункина И. В. Граперон Иван Иванович // Сотрудники Феодосийского музея древностей — деятели науки и культуры: биобиблиографический словарь. Киев: Болеро, 2011.

Тунманн И. Э. Крымское ханство / Перевод с немецкого издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Беляевой.

Тур В. Г. Археологические разведки в Юго-Восточном Крыму // МАИЭТ. 2003. Вып. X.

Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. I. Л.: ОГИЗ, 1936.

Туровский Е. Я. Монеты независимого Херсонеса. IV – II вв. до н. э. Севастополь: Южногородские древности, 1997. 87 с.

Уваров А. Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя // Пропилеи: сборник статей по классической древности. Кн. IV. М., 1854. С. 525–537.

Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V – IV века до н. э. СПб., 1995. 272 с.

Указатель Феодосийского музея древностей. / Сост. Л. П. Колли. Феодосия: Тип. Натковича и Виниковича, 1903. Вып. 5.

Указатель Феодосийского музея древностей / Сост. Л. П. Колли. Феодосия: Тип. А. Е. Цвибака, 1912. Вып. 6.

Ушаков С. В. Когда были сооружены могилы в нартексе базилики «Крузе» в Херсонесе? // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев-Судак, 2010. С. 290–307.

Ушаков С. В. Новая рыбозасолочная цистерна из Херсонеса (к вопросу о времени строительства базилики «Крузе») // Древнее Причерноморье. Выпуск X. Одесса: ФЛП «А. С. Фридман», 2013. С. 590–596.

Ушаков С. В., Дорошко О. П. Краснолаковая керамика из раскопок центрального нефа базилики «Крузе»: к вопросу о времени строительства храма (предварительная информация) // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме: Тезисы докладов и сообщений. Сер.: История, археология. Ялта, 2011. С. 111–112.

Ушаков С. В., Данилова С. В. Средневековый некрополь на территории базилики «Крузе» в Херсонесе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том III. Казань: Отечество, 2014. С. 341–342.

Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. Киев, 1951.

Фарбей А. М. Отчет о работах по проведению археологической экспертизы в урочище Имарет Кировского района АР Ккрым в 2011 году // Архив музея «Судакская крепость». 2013.

Фаюмский портрет. М., 1965.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2011. Вып. III.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // ДБ. М., 2012. Т. 16.

Фіалко О. Є., Болтрик Ю. В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ: ІА НАНУ, 2003. 152 с.

Филимонов С. Б. Хранители исторической памяти Крыма: о наследии ТУАК и ТОИАЭ (1887–1931 гг.). Симферополь: ИД «ЧерноморПРЕСС», 2004.

Филоненко Ф. И. Детские игры крымских татар // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1919. № 56.

Фирсов К. Б. Оружие из некрополя первых веков н. э. у с. Заветное в Юго-Западном Крыму // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. Тезисы докладов III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006. С. 50–54.

Флеров В. С. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1984.

Флеров В. С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 года) // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М., 1990.

Флеров В. С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок в 1987–1988, 1990 гг. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.

Флёров В. С. «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. 2001. № 2. С. 56–70.

Флёров В. С. Семикаракорская крепость Хазарского каганата: строительство из сырцового кирпича, технология сроки // Степи Европы в эпоху Средневековья: Хазарское время. Т. 7. Донецк: ДонНУ. 2009. С. 479–488.

Флёров В. С. Византийское в нижне-донских крепостях Хазарского каганата // Нартекс. Byzantina Ukrainensis. Т. 2. Харьков: Майдан, 2013. С. 474–502.

Флёров В. С. Строительные материалы византийского происхождения в хазарских крепостях Нижнего Дона // Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я. Хазария в кросскультурном пространстве. Историческая география. Крепостная архитектура. Выбор веры. М., 2014. С. 101–158.

Флерова В. Е. Домашние промыслы в Саркеле — Белой Веже (по материалам коллекции костяных изделий) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.

Флерова В. Е. Граффити Хазарии. М., 1997.

Флёрова В. Е. Резная кость юго-востока Европы IX – XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела — Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб., 2001.

Флерова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим; М., 2001а.

Фонякова Н. А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII – IX вв. // СА. 1986. № 3.

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука, 1969.

Фронджуло М. А. Раскопки средневекового поселения на окраине с. Планерское 1957–1959 гг. // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968а.

Фронджуло М. А. О раннесредневековом ремесленном производстве в юго-восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968б.

Фрэзер Джеймс. Золотая ветвь, Вып. III. 1928. 197 с.

Хазанов А. М. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. 1963. № 4. С. 58–72.

Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975.

Халпахчьян О. Х. Архитектурные ансамбли Армении 8 в. до н. э. – 19 в. н. э. М.: Искусство, 1980.

Ханенко В. И., Ханенко Б. И. Древности Поднепровья. Вып. II. Киев, 1889.

Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры / Отв. ред. В. М. Зубарь. Киев: Академпериодика, 2005. 626 с.

Холодков В. Н. Раннесредневековый некрополь в селе Новониколаевка // Проблемы истории и археологии Восточного Крыма. Перечень работ участников конференции 1–3 августа 1984 года. Керчь, 1984.

Холодков В. Н., Иванина О. А., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый могильник в с. Новониколаевка // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций и катастроф. Боспорские чтения. Керчь, 2005. Вып. VI.

Хоружая М. В. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2009. Т. 7. Хазарское время.

Храпунов И. Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь, 1995. 84 с.

Храпунов И. Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. 2004. Вып. VI. 240 с.

Храпунов И. Н. Две могилы с погребениями женщин из могильника Нейзац // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 31–55.

Храпунов И. Н. Позднескифский могильник Фонтаны (По материалам раскопок 2000–2001 гг.). Симферополь, 2008. 58 с.

Храпунов И. Н. Некоторые итоги исследований могильника Нейзац // Исследования могильника Нейзац. Симферополь, 2011. С. 13–113.

Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // БИАС 1, 1997. С. 76–155.

Храпунов И. Н., Мульд С. А., Хайретдинова Э. А. Исследование позднескифского могильника Дружное // АИК 1993. Симферополь: Таврия, 1994. С. 254–261.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Мульд С. А. Позднескифский могильник у с. Левадки // БИАС 2, 2001. С. 105–168.

Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета // МАИЭТ. 2009. Вып. XV. С. 656–681.

Храпунов Н. И. Рец. на кн.: Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России, включая путешествие по Крыму и переход через Кавказ с обзором положения евреев, раввинистов и караимов, магометан и языческих народов, обитающих в южных губерниях Российской империи / Пер. с англ. В. Л. Вихнович, А. А. Алексеев. СПб.: Российское Библейское общество, 2006 // Ab Imperio. 2010. № 1. С. 242–255.

Храпунов Н. И. Другая николаевская Россия, или полемика травелогов. Рец. на кн.: Александер Дж. Россия глазами иностранца / Пер. с англ. А. Базилевич. М., 2008 // Ab Imperio. 2011. № 2. С. 397–405.

Храпунов Н. И. Джеймс Уэбстер и Джеймс-Эдвард Александер о первых раскопках в Херсонесе // Chersonos themata: империя и полис. Севастополь, 2013. С. 351–366.

Хржановський В. Г., Пономаренко С. Ф. Ботаніка. Київ, 1985. 391 с.

Хршановский В. А. Погребения I – II вв. н. э. с краснолаковой керамикой из некрополя Илурата // Труды ГИМ. Вып. 102. М., 1998. С. 77–87.

Хрушкова Л. Г. Лыхны. Средневековый дворцовый комплекс в Абхазии. М.: Наука, 1998. 112 с.

Хрущев В. Л., Агаджанян Н. А. Курорт-Евпатория. Симферополь, 2003.

Цалик С. Евпатория. Прогулки по малому Иерусалиму. Симферополь, 2007.

Церен Э. Библейские холмы. М.: Правда, 1986.

Чангова Й. Търговски помещения край южната крепостна стена в Преслав // Известия на археологическия институт. София: Издателство на БАН, 1957. Кн. XXI. С. 233–263.

Черепанова Є. М. Скіфське поховання з с. Надєжда Кримської області // Археологія. Київ, 1985. № 50. С. 62–65.

Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981. 168 с.

Чореф М. Я., Шульц П. Н. Новый рельеф сарматского круга // СА. 1972. № 1. С. 135–144.

Чореф М. Я. Отчет об охранных археологических работах в Бахчисарайском районе, проведенных зав. отделом пещерных городов Бахчисарайского историко-археологического музея М. Я. Чорефом в 1972 г. // НА ГБУ РК БИКАМЗ. Дело № 18. 1973.

Чубинашвили Г. Н. Архитектура Кахетии: Исследование развития архитектуры в восточной провинции Грузии в IV – XVIII вв. (Альбом). Тбилиси: Издательство Академии Наук Грузинской ССР, 1956. 472 с.

Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.: ТАУС, 2008. 328 с.

Чхаидзе В. Н. Османская крепость Хункала // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. М., 2014. С. 395–398.

Шаманаев А. В. Охрана памятников Феодосии в конце XVIII – начале XX в. // Сугдейский сборник. Киев; Судак: Горобец, 2010.

Шаповалов Г. И. О находке судна XI – XII веков в Азовском море // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. Т. V.

Шапошникова О. Г., Бочкарев В. С., Шарафутдинова И. Н. О памятниках эпохи меди – ранней бронзы в бассейне р. Ингула // Древности Поингулья. Киев, 1977. С. 7–36.

Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (Южнобугский вариант) // САИ. Вып. В-1. Киев, 1986. 158 с.

Шахматов А. Варанголимен и Россофаръ // Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому (1891–1916 гг.). Л., 1924. С. 166–182.

Шелов Д. Б. Раскопки средневекового поселения в Восточном Крыму // КСИИМК. 1957. Вып. 68.

Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н. э. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156.

Шестаков С. А. Охранные раскопки и наблюдения в Эльтигене // Научный сборник Керченского заповедника. — Симферополь, 2011. — Вып. III.

Шилов В. П. Ушаковский курган // СА. 1966. № 1. С. 174–191.

Широков В. А., Широков О. В. Симферополь. Улицы рассказывают. Симферополь, 1983. 204 с.

Шкорпил В. В. Новонайденные Боспорские надписи // ИАК. 1917. Вып. 63.

Шнирельман В. А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов, собирателей // История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины / Ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1986. С. 236–426.

Шрам Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М.: Eastern Communications, 1997. 155 с.

Шрамко Б. А. Точильні знаряддя скіфської доби // Археологія. Київ, 1973. № 11.

Шталь И. В. Свод мифоэпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ (пелики, IV в. до н. э., керченский стиль). М., 2000. 224 с.

Ш[тир] Х[р]. Письмо из Севастополя // Сын Отечества. 1827a. Ч. 114. С. 242–259.

[Штир Х.] Письмо к издателям // Северная пчела. 1827b. № 127 (22 октября). С. 3–4.

Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1937. № 3. С. 252–254.

Шульц П. Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. М., Л., 1941. С. 265–277.

Шульц П. Н. О работах Евпаторийской экспедиции // СА. 1937. III. 3. С. 252–254.

Шульц П. Н. Тавро-скифская археологическая экспедиция в Крыму // Советский Крым. 1947. № 5.

Шульц П. Н. Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953.

Шульц П. Н. Надгробный рельеф из с. Марьино // СХМ. 1963. Вып. III. С. 3–10.

Шульц П. Н. Скифские изваяния Причерноморья // Античное общество. М., 1967. С. 225–331.

Шульц П. Н. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке // Записки одесского археологического общества. Том. II (35). Одесса, 1967. С. 196–201.

Шульц П. Н. Скифское изваяние, найденное у городища «Чайка» // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 324–331.

Шульц П. Н. Скифские изваяния // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976. С. 218–231.

Шульц П. Н. Дневник полевых исследований 1933 г. (Рукописный архив ИИМК. Ф. 2. Оп. 1, 1933) // Материалы к археологической карте Крыма. Вып. III. Симферополь, 2010. С. 13–24, 31–82.

Шульц П. Н., Зубарь В. М. Памятники позднескифской культуры в Крыму // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1986. С. 240–274.

Щеглов А. Н. Отчет о разведках 1959 года на территории Западного Крыма // Фонды НЗХТ. Д. 838. С. 22–32.

Щеглов А. Н. Разведки 1959 года на западном побережье Крыма // СХМ. 1961. Вып. II. С. 70–80.

Щеглов А. Н. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. № 2. С. 110–113.

Щеглов А. Н. Два вотивных рельефа из Ольвии // Записки одесского археологического общества. Том. II (35). Одесса, 1967. С. 255–259.

Щеглов А. Н. Исследование сельской округи Калос Лимена // СА. 1967а. № 3. С. 234–256.

Щеглов А. Н. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968. С. 332–342.

Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху // КСИА. 1970. Вып. 124. С. 19–24.

Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978. 159 с.

Щеглов А. Н. 25 лет работ Тарханкутской экспедиции: итоги и перспективы // КСИА. 1985. Вып. 182. С. 3–7.

Щеглов А. Н. Большой Кастель и святилище II в. до н. э. в урочище Джангуль // Проблемы античной культуры. Тез. докл. Крымской науч. конф. Часть III. Симферополь, 1988. С. 273–275.

Щепинский А. А. Во тьме веков. Симферополь: Крым, 1966. 154 с.

Щепинский А. А. Работы Северо-Крымской и Крымской охранно-археологической экспедиции // АО 1970. М., 1971. С. 232.

Щепинский А. А., Тощев Г. Н. Курган «Кеми-Оба» // Старожитності Степового Причорномор´я і Криму. Т. IX. Запоріжжя, 2001. С. 50–86.

Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V – I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969. 328 с.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. М.: Политиздат, 1980.

Эрнст Н. Л. Неаполь скифский (к столетию со времени первых раскопок)] // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 года. Севастополь, 1927. С. 23–28.

Эрнст Н. Л. Карта историко-археологических памятников Южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма: материалы районной планировки ЮБК / Комитет по планированию Южного берега Крыма СНК Крымской АССР. Симферополь: Госиздат КрымАССР, 1935.

Эссад Джелал. Константинополь. М., 1919. 336 с.

Юдин В. В. Геологическая карта Горного и Предгорного Крыма. Масштаб 1: 200000. Симферополь, 2009.

Юлиан Андреевич Кулаковский (1855–1919): библиографический указатель: к 80-летию со дня смерти / Сост. А. А. Пучков. Киев, 1999. 52 с.

Юренко С. П. Производственный и бытовой инвентарь. Оружие. Украшения // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Яйленко В. П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых Боспорских надписях // Женщины в античном мире. М., 1995. С. 256–274.

Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.: Наука, 1990. 271 с.

Яйленко В. П. Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) // Древности Боспора. М., 2014. № 18. С. 512–558.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. 1958. № 85.

Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.

Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л: Наука, 1979. 163 с.

Яковенко Э. В. Разведка у с. Слюсарево Крымской области // Археологические исследования на Украине в 1967 г. (Информационные сообщения). Киев, 1968.

Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 113–135.

Яковенко Є. В. Скіфи Східного Криму. в V – III ст. до н. е. Київ: Наукова думка, 1974. 152 с.

Яковенко Э. В. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 128–137.

Яковенко Э. В., Черненко Е. В., Корпусова В. Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 136–179.

Янушевич З. В. Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. Кишинев, 1976. 214 с.

Янушевич З. В. Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоэтноботанические исследования. Кишинев, 1986. 92 с.

Янушевич З. В., Корпусова В. Н., Пашкевич Г. А. Пшеница из захоронения катакомбной культуры // Известия АН Молдавской ССР. Серия биологических и химических наук. 1981. № 5. С. 24–28.

Янушевич З. В., Кузьминова Н. Н., Савеля О. Я. К истории возделывания пшеницы однозернянки на территории СССР // Флора, геоботаника и палеоэтноботаника. Ботанические исследования. 1988. Вып. 1. С. 12–17.

Яценко И. В. Скифские захоронения I в. н. э. в греческом склепе близ Евпатории // Вестник МГУ. Историческая серия. 1978. № 6. С. 57–73.

Яценко С. А. О древних прототипах мужской плечевой одежды осетин // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 25–36.

Яценко С. А. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I – III вв. н. э. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. 2014. Вып. 6. С. 40–63.

Ящуржинский Хр. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе // ИТУАК. 1889. № 7. С. 46–55.

Acsadi G., Nemeskeri J. History of Human Life Span and Mortality. Budapest: Akademia Kiado, 1970.

Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829. Vol. I. London, 1830a. 308 p.

Alexander J. E. Travels to the Seat of War in the East, through Russia and the Crimea, in 1829. Vol. II. London, 1830b. 327 p.

Amouric H., Vallaury L., Vayssettes J.-L. Poteries d'Eaux. Poteries d'Eaux. Les Eaux de la Terre, du Corps et du Ciel. Catalogue d'exposition, 16 juin – 16 septembre 2007. Lucie éditions & Communauté d'Agglomération Pays d'Aubagne et de l'Etoile, 2008.

Angel J. L. Early Neolithic Skeletons from Catal Hiiyuk: Demography and pathology // Anatolian Studies. 1971. 21. P. 77–98.

Aslsnapa O., Yetkin S., Altun A. The Iznik Tile Kiln Excavations (The Second Round: 1981–1988). Istanbul: The Historical Research Foundation Istanbul Reserch Center, 1989.

Arcifa L., Lesnes E. Primi dati sulle produzioni ceramiche Palermitane dal X al XV secolo // La céramique medieval en Méditerranée. Actes du VIe congrés de l'AIECM2 (Aix-en-Provence, 13–18 novembre 1995). Aix-en-Provence: Narration éditions, 1997. P. 405–418.

Auction. Antike — Islam. Numizmatiche Bibliotehek prof. dr. P. R. Franke, 26 april 2005 // Busso Peus Nachf. Munzhandlung Deutschland Altestes Numismatishes Auktioneshaus. Bornweisenweg 34, 0-60322, Frankfurt am Main.

Avissar M., Shtern E. J. Pottery of the Crusader, Ayyubid, and Mamluk Periods in Israel. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 2005.

Ayalon E. The Assemblage of Bone and Ivory Artifacts from Caesarea Maritima, Israel 1–13 Centuries. Oxford, 2005. BAR International Series 1457.

Bass G. F., van Doorninck F. H. Jr. A seventh century byzantine shipwerk. Yassi Ada. Vol. I. Bryan: Texas A&M University Press, 1982. 349 p.

Böhme-Schönberger A. Die provinzialrömischen Fibeln bei Almgren // 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Internationale Arbeitstagung 25–28 Mai 1997 in Kleinmachnow, Land Brandenburg. Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg 5. Wünsdorf, 1998. S. 351–366.

Boroffka G. Der skythische Tierstil // Archäologischer Anzeiger. Berlin, 1926. Bd. XLI. S. 369–386. (Beiblatt zum Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts).

Borovka G. Scythian Art. London, 1928. 111 p.

Buora M. Diffusione delle fibule Aucissa nell'area alto adriatica // M. Buora, S. Seidel (eds.), Fibule antiche del Friuli. Cataloghi e Monografie Archeologiche dei Civici Musei di Udine 9. Castello, Udine, Roma 2008, P. 30–32.

Byzantium and the West: Jewerly in the First Millenium / Jeffrey Spier, Sandra Hindman. London, 2012.

Callataÿ Francoise de. L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997. 481 p. et 54 pl.

Chtcheglov A. Polis et chora. Cite et territoire dans le Pont–Euxin. Paris, 1992. 304 p.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1816. 524 p.

Cnotliwy E. Wczesnosredniowieczne przedmioty z rogu I kosci z Wolina, ze stanowiska 4 // Materialy Zachodnio-pomorskie. Szczecin, 1958. Tom IV.

Cociş S. Fibulele din Dacia romană. Cluj-Napoca, 2004. 454 p.

Conant K. J. The Original Buildings at the Holy Sepulchre in Jerusalem // Speculum. 1956. XXXI.

Conovici N. Les Timbrées Amphoriques. 2. Sinope // Histria. 1998. Vol. VIII. 206 p.

Dandoy J. Astragali, the Ubiquitous Gaming Pieces // Expedition. 1996. V. 38. No.1.

Davidson G. The Minor Objects // Corinth. Princeton, New Jersey, 1952. Vol. XII.

Desimoni C. Nuovi Studi sull Atlante Luxoro // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genove, 1867. Vol. V. P. 169–270.

Desimoni C., Belgrano L. T. Atlante idrogafico del medio evo, posseduto dal cav. Prof. Tammar Luxoro, publicato a fac-simile dai socii cav // Atti della Società Ligure di Storia Patria. Genove, 1867. Vol. V. P. 5–168.

Doorninck van F. Serce Limani amphoras: Old Jars from the North // http: www. diveturkey. com/ inaturkey // ampho ras. htm).1989.

Dubois de Montpéreux F. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée… Vol. VI. Paris, 1843. 461 p.

Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd-Russland) // Praehistoriesche Zeitschrift. 1913. Bd. V. № 1/2.

Ettlinger E. Die römischen Fibeln der Schweiz. Bern, 1973. 254 S.

Fedoseev N. F. Classification des timbres astynomiques de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 1999. P. 27–43.

Feugère M. Les fibules de la Gaule méridionale de 120 la conquête à la fin du Ve siècle ap. J.-C. Revue Archeologique de Narbonnaise, Suppl. 12, Paris, 1985. 509 p.

Frisch N. G., Toll N. P. The Excavations at Dura-Europos Final Report IV. The Bronze Objects. Fasc. I. Pierced Bronzes, Enameled Bronzes, and Fibulae. New Haven, 1949. 86 p.

Garlan Y. Les Timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles. Trouves A Sinope. Présentation et cataloque. Paris, 2004. 310 p.

Geissler Ch. G. H. Second voyage de Pallas. Planches. Paris, 1811. 58 p.

Gogiberidze N. Jewelry // J. Gagoshidse, A. Furtwängler, H. Löhr and N. Ludwig (eds.), Iberia and Rome: The Excavations of the Palace at Dedoplis Gora and the Roman Influence in the Caucasian Kingdom of Iberia. Langenweißbach, 2008. P. 165–189.

Gómez Martínez S. Cerámica decorada islámica de Mértola – Portugal (ss. IX – XIII) // La céramique medieval en Méditerranée: actes du VIe congrés de l'AIECM2 (Aix-en-Provence, 13–18 novembre 1995). Aix-en-Provence: Narration éditions, 1997. P. 311–325.

Guidobaldi M. P. Ornamenti personali // Menander: La casa del Menandro di Pompei. Milano, 2003. P. 172–175.

Gunsenin N. Les amphroes Byzantines (X – XIII siecles): typologie, production, circulations d'apres les collections torques. Paris, 1990.

Hadjisavvas S. Agia Napa. Excavations at Makronisos and the archaeology of the region. Nicosia: Printco Ltd, 1997. 203 p.

Hannestad L., Stolba V. F., Ščeglov A. N. Panskoye I. Aarhus: Aarhus University Press, 2002. Vol. 1. 368 p., 191 pl.

Hansen S. "Überausstattungen" in Gräbern und Horten der Frühbronzezeit // J. Müller (Hrsg.), Vom Endneolithikum zur Frühbronzezeit: Muster sozialen Wandels? (Tagung Bamberg 14.–16. Juni 2001). Bonn, 2002. S. 151–173.

Hayes J. W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The pottery. Princeton, 1992.

Hind J. Herodotus Geography of Skythia: the Riversand the "Rugged Peninsula" // Причерноморье VII – III вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1990. С. 127–139.

Hruby V. Slovanske kostene predmety a jejich vyroba na Morave // Pamatky archeologicke. 1957. Rocn. XLVIII.

Imhoof-Blumer F. Kleinasiatische Münzen. Band 2. Wien, 1902. 581 S., IX Taf.

Imhoof-Blumer F., Gardner P. Ancient coins illustrating lost masterpieces of Greek Art. A numismatic commentary on Pausanias. New enlarged edition with introduction, commentary and notes by Al. N. Oikonomides. Chicago, 1964. 176 p.

Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae I. Serdicae, MCMLXX.

Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae II. Serdicae, MCMLVIII.

Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae III. Serdicae, MCMLXI.

Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae IV. Serdicae, MCMLXVI.

James S. Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Letters 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armour and other Military Equipment. London, 2004. 304 p.

Jones G. M. Travels in Norway, Sweden, Finland, Russian, and Turkey… Vol. II. London, 1827. 594 p.

Kazarow Gawril I. Die Denkmäler des Thrakischen Reitergottes in Bulgarien. Budapest, 1938.

Khrapunov I. The Crimea in the Early Iron Age: an ethnic history. Simferopol, Kristiansand, 2012. 287 p.

Kieseritzky Gangolf von, Watzinger Carl. Griechische Grabreliefs aus Südrussland. Berlin, 1909.

Kırımlı H. Crimean Tatars, Nogays, and Scottish Missionaries. The story of Katti Geray and other baptized descendants of the Crimean khans // Cahiers du Monde russe. 2004. Vol. 45/1–2 (janvier-juin). P. 61–108.

Koch Ch. The Crimea and Odessa: Journal of a Tour, with an Account of the Climate and Vegetation / tr. J. B. Horner. London, 1855. 323 p.

Klenina E. Byzantine Bone Wares from Chersonesos in Taurica: Interpretation and Chronology // BYZAS 15. Istanbul, 2012.

Kühnelt E. Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim: Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontischen Sigillata. Berlin, Freie Universität Berlin, Diss., 2008. 394 S.

Latyschew V. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini grecae et latinae. Petropoli, 1890. Vol. 2.

Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae. Zürich, München, Düsseldorf, 1981–1999.

Loboda I. I., Puzdrovskij A. A., Zajcev Ju. P. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust`-Al`ma auf der Krim (Die Ausgrabungen des Jahres 1996) // Eurasia antiqua. Berlin, 2002. Bd. 8. P. 295–346.

Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia. Vol. I. London, 1825. 527 p.

Lysenko A. Das Heiligtum Eklizí-Burún der römischer Zeit // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung. LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 — 19. Januar 2014. Bonn, 2013. S. 276–283.

Lysenko A. V., Masyakin V. V. Roman imports in the Mountain Crimea (from the Eklizi Burun sanctuary) in Age of Augustus // The Romans at the Black Sea During the Time of Augustus. Abstracts of the Conference. Tulcea, 2012. P. 22–23.

Lysenko A., Masyakin V. Roman imports from the sanctuary Eklizi-Burun in the Mountain Crimea. In print.

MacGregor A. Bone, Antler, Ivory and Horn. The Technology of Skeletal Materials Since the Roman Period. London, 1985.

Mariné Isidro M. Fíbulas romanas en Hispania: La Meseta. Madrid, 2001. 508 p.

Martin-Kilcher S. Römische Grabfunde als Quellen zur Trachtgeschichte im zirkumalpinen Raum // Römerzeitliche Grabfunde als Quelle zu Religion, Bevölkerungsgeschichte und Sozialgeschichte. Akten intern. Fachkonferenz Mainz 1992. Mainz, 1993. S. 181–203.

Meiggs R. A., Lewis D. Selection of Greek Historical Inscriptoine. Oxford: Clarendon Press, 1969. 308 p.

Merrit B. D., West A. B. The Athenian Assessment of 425 B. C. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1934. 112 p.

Meshorer Y. Ancient Gold Ring Depicts the Holy Sepulchre // BAR. 1986. 12, 3.

Minns E. H. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. 720 p.

Mordvinceva V. Sarmatische Phaleren. Archäologie in Eurasien 11. Rahden/Westf., 2001. 100 S.

Mordvintseva V. A Pair of Golden Earrings from Ust'-Alma (Crimea) // Eurasia Antiqua. 2002. 8. P. 347–352.

Mordvinceva V., Treister M. Toreutik und Schmuck im nördlichen Schwarzmeergebiet. 2. Jh. v. Chr. – 2. Jh. n. Chr. Ancient Toreutics and Jewellery in Eastern Europe 2. Simferopol, Bonn, 2007. Bd. 1. 312 S.; Bd. 2. 257 S.; Bd. 3. 203 S.

Müller Carl Ludvig. Den thracischen Konigs Lysimachus Mynte. Kopenhaven, 1857. 86 f.

Nepomnjaštši A. Karl Dumbergi Krimmi teekonnad // Krimmi kogumik II: Konverentsi «Eestlased XIX – XXI sajandil Krimmis» ettekanded. Tallinn; Tartu, 2005. Lk. 186–203.

Neumann K. F. Die Hellenen im Skythenlande: Ein Beitrag zur alten Geographie, Ethnographie und Handelsgeschichte. Berlin, 1855. XI. 479 s.

Newnham W. H. Memoir of Mr. James Webster // Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. 1. London, 1830. P. I–CXX.

Nuber H. U. Kanne und Griffschale. Ihr Gebrauch im täglichen Leben und die Beigabe in Gräbern der römischen Kaiserzeit // Bericht der Römisch-Germanischen Komission. 53. 1972, S. 1–232.

O'Connor S. The Identification of Osseous and Keratinaceous Materials at York // Archaeological Bone, Antler and Ivory. Occasional Papers Number 5. The United Kingdom Institute for Conservation, 1985.

Päffgen B. Die Ausgrabungen in St. Severin zu Köln // Kölner Forschungen. 1992. 5, 1.

Pashkevich G. A. Archaeobotanical studies on the northern coast of the Black Sea // Eurasia antiqua. 2001. 7. P. 511–567.

Perrino P., Laghetti G., D'Antuono L. F., Ajlouni M. A., Kanbertay M., Szabo A. T., Hammer K. Ecogeographical distribution of hulled wheat species // Hulled Wheats. Proceedings of the First International Workshop on Hulled Wheats. 21–22 July 1995. Italy, 1996. P. 101–119.

Petersen J. H. Cultural Interactions and Social Strategies on the Pontic Shores / Buriak Customs in the Northern Black Sea Area c. 550–270 BC // Black Sea Studies. Aarhus: Aarhus University Press, 2010. № 12. 362 p.

Petrovszky R. Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln. Espelkamp, 1993.

Pirzio Biroli Stefanelli L. L'oro dei Romani. Gioielli di età imperiale. Roma, 1992. 293 p.

Plantzos D. Hellenistic Engraved Gems. Oxford, 1999. 148 p.

Pollak D. Klassische Antike Goldschmiedearbeiten im Besitze von Nelidow. Leipzig, 1903.

Posta B. Archäologische Studien auf dem Russischen Boden. Bd. II. Budapest, Leipzig, 1905.

Puzdrovskij A. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Begleitbuch zur Ausstellung im LVR-LandesMuseum Bonn: 4. Juli 2013 – 19. Januar 2014, Frankfurt a. M., 2013. S. 290–323.

Raddatz K. Thorsberger Moorfund: Gürtelteile und Körperschmuch // Offa-Bücher. 1957. Bd. 13.

Rau P. Die Graber der fruhen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet: Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrovsk, 1929. 112 s. (Известия центр. музея Авт. Соц. Советск. Республики немцев Поволжья; Год изд. 4; Вып. 1).

Retowski O. Die Münzen Der Girei // Труды Московского нумизматического общества. М., 1901. Т. II.

Reuilly J. Voyage en Crimée et sur les bords de la Mer Noire pendant l'année 1803… Paris, 1806. 302 p.

Riha E. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst und Kaiseraugst. Bd. 3. Augst, 1979. 255 S.

Riley J. A. The Coarce Pottery from Berenice // Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). Vol. II. Tripoli, 1979.

Rotroff S. I. Hellenistic Pottery: Athenian and imported wheelmade table ware and related mateeria // The Athenian Agora. Vol. XXIX. Princeton: The American school of classical studies at Athens, 1997. 576 p.

Saprykin S. Tvporion Taurikon and Scytyian Harbour of Kalos Limen on Ceramic Stamps of Tauric Chersonesus // Revue des Etudes Anciennes. 1996. T. 98. № 3–4. P. 357–370.

Saprykin S. J. Héracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI – I centuries). Amsterdam: Publisher A. M. Harrert, 1997. 336 p.

Seymour H. D. Russian on the Black Sea and Sea of Azov… 2nd ed. London, 1855. 365 p.

Sîrbu V., Luca S. A., Roman C. Tombs of Dacian. Warriors (2nd – 1st c. B. C.) found in Hunedoara-Grădina Castelului (Hunedoara county) // Acta Terrae Septencastrensis. 2007. VI.1. P. 155–177.

Sogliani F. Ceramica commune e de Tavola in Calabria. La circolazione dei manufatti in etá altomedievale e medieval nel quadro regionale e in un contest campione // La céramique medieval en Méditerranée: actes du VIe congrés de l'AIECM2 (Aix-en-Provence, 13–18 novembre 1995). Aix-en-Provence: Narration éditions, 1997. P. 167–192.

Spier J. Byzantium and the West: Jewellery in the First Millennium. New York, 2012.

Stolba V. Karkinitis and Bay of Karkinitis: towards an evaluation of the classical literary tradition // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2004. № 10, 1–2. P. 47–66.

Stolba V. F., Rogov E. Panskoye I. Vol. 2. The Necropolis. Aarhus: Aarhus University Press, 2012. 414 p., 78 pl.

Stoyanov R. V. The Shverin Burial Mound // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 2009. 15. P. 199–214.

Sylloge Nummorum Graecorum. Vol. IX. The British Museum. Part 1: The Black Sea. London, 1993.

Taitbout de Marigni E. Pilote de la Mer Noire et de la Mer d`Azov. Constantinople, 1830. 180 p.

Taitbout de Marigni E. Hydrographie de la Mer Noire et de la Mer d`Azov. Trieste: Imprimérie du Lloyd Autrichien, 1856. 170 p.

Tempelmann-Maczynska M. Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Mainz, 1985. 420 S.

Terpilovskiy R., Zharov G. A Warrior Cemetery from the Turn of the Eras on the River Seym // Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea. Simferopol; Kristiansand, 2013. P. 409–419.

The Džarylgač Survey Project // Black Sea Studies. Aarhus: Aarhus University Press, 2012. № 14. Vol. 1. 446 p.

The Monthly Review. Vol. XIV: from May to August inclusive. London, 1830. 630 p.

The Princeton Encyclopedia of Classical Sites / Td. R. Stillwell. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1979. 1019 p.

Tomaschek. Dandaka // Pauly–Wissova–Kroll. Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschafn. 1901. S. 2099.

[Tott F. de]. Memoires of Baron de Tott… Vol. I. London, 1786. 236 p.

Treister M. Y. Late Hellenistic Bosporan Polychrome Style and its Relation to the Jewellery of Roman Syria (Kuban Brooches and Related Forms) // Silk Road Art and Archaeology. 2002. 8. P. 29–72.

Treister M. Gold Vessels, Perfume Flasks and Pyxides from Sarmatia // C. Tuplin (ed.), Pontus and the Outside World. Studies in Black Sea History, Historiography and Archaeology. Colloquia Pontica 9. Leiden, Boston, Köln, 2004. P. 131–193.

Ulf Ch. Rethinking Cultural Contacts // Ancient West and East. 2009. 8. P. 81–132.

Vallauri L., Leenhardt M. Mutations et transferts: l'apparition des glaçures dans le midi méditerranéen // La céramique medieval en Méditerranée: actes du VIe congrés de l'AIECM2 (Aix-en-Provence, 13–18 novembre 1995). Aix-en-Provence: Narration éditions, 1997. P. 479–495.

Vasmer M. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923. 80 s.

Vikan G. Byzantine Pilgrimage Art. Washington, D. C., 1982

Vikan G. Early Byzantine Pilgrimage Art, Revised Edition // Dumbarton Oaks Byzantine Collection Publications, 5. Washington, D. C., 2010.

Vinogradov J. G. Der Pontos Euxeinos als, politische, ökonomische und kulturelle Einheit und Epigraphik // Actes du XIe Congres International d`epigraphie grecque et latine. Sofia, 1987. Vol. I. P. 9–77.

Vroom J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. An introduction and Field Guide. Utrecht, 2005.

[Webster J.]. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt... Vol. I. London, 1830. 162 p.

Zaytsev Y. P. The Scythian Neapolis (2nd century BC to 3rd century AD). British Archaeological Reports. Intern. Ser. 1219. Oxford, 2004. 225 p.

Zhuravlev D. V. New data on details of roman military equipment and horse's harness from Chersonesos and its environs // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. 2003. Vol. 9. № 1–2. P. 87–115.

Zohary D., Hopf M. Domestication of plants in the Old World. The origin and spread of cultivated plants in the West Asia, Europe and the Nile Valley. New York: Oxford University press, 2000. 316 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABBREVIATIONS

АДСВ	Античная древность и средние века (Свердловск / Екатеринбург)
АИЮВЕ	Археологические исследования на юге Восточной Европы (Москва)
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)
АИБ	Археология и история Боспора (Симферополь, Керчь)
АО	Археологические открытия (Москва)
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)
АСХ	Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976
БИ	Боспорские исследования (Симферополь, Керчь)
БИАС	Бахчисарайский историко-археологический сборник (Симферополь)
БС	Боспорский сборник (Москва)
ВВ	Византийский временник (Москва)
ВДИ	Вестник древней истории (Москва)
ВКГИКМЗ	Восточно-Крымский государственный историко-культурный музей-заповедник (Керчь)
ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГАРК	Государственный архив Республики Крым (Симферополь)
ГИМ	Государственный исторический музей (Москва)
ДБ	Древности Боспора (Москва)
ДСПК	Древности степного Причерноморья и Крыма (Запорожье)
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения (Санкт-Петербург)
ЗООИД	Записки Одесского общества истории и древностей (Одесса)
ИА НАНУ	Институт археологии Национальной академии наук Украины (Киев)
ИГАИМК	Известия Государственной Академии истории материальной культуры (Ленинград)
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ИКОГО	Известия Крымского отделения Географического общества Союза ССР (Симферополь)
ИТОИАЭ	Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (Симферополь)
ИТУАК	Известия Таврической ученой архивной комиссии (Симферополь)
КБН	Корпус боспорских надписей. М., Л.: Наука, 1965
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР (Москва)
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (Москва, Ленинград)
КРУ ИАЗ «Калос Лимен»	Крымское республиканское учреждение Историко-археологический заповедник «Калос Лимен» (Черноморское)
КФ ИА НАНУ	Крымский филиал Института археологии НАН Украины (Симферополь)
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь)

МАКК	Материалы к археологической карте Крыма (Симферополь)
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР (Москва)
НА ИА НАНУ	Научный архив Института археологии НАН Украины (Киев)
НА ГБУ РК БИКАМЗ	Научный архив Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник»
НЗХТ	Национальный заповедник Херсонес Таврический (Севастополь)
НУКМА	Национальный университет «Киево-Могилянская академия» (Киев)
ОАК	Отчеты Императорской археологической комиссии (Санкт-Петербург)
ООИД	Одесское Общество истории и древностей
ПИФК	Проблемы истории, филологии и культуры (Москва, Магнитогорск)
ПФАРАН	Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
РА	Российская археология (Москва)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГВИА (ВУА ГУГШ)	Российский государственный военно-исторический архив. Фонд военно-учетного архива главного управления генерального штаба (Москва)
РГПБ ОР	Российская государственная Публичная библиотека, отдел рукописей (Санкт-Петербург)
СА	Советская археология (Москва)
САИ	Свод археологических источников (Москва)
СГЭ	Сообщения Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)
СХМ	Сообщения Херсонесского музея (Симферополь)
ТГЭ	Труды Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)
ТУАК	Таврическая ученая архивная комиссия (Симферополь)
ФМД	Феодосийский музей древностей
ЦГА ВМФ	Центральный государственный архив военно-морского флота России (Санкт-Петербург)
ЦГИАУК	Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве
ЦИБ АН	Центральная историческая библиотека Академии наук Украины (Киев)
ЦМТ	Центральный музей Тавриды (Симферополь)
ХА	Хазарский альманах (Харьков)
ХСб	Херсонесский сборник (Севастополь)
ЯИЛМ (ЯГОИЛМ)	Ялтинский (государственный объединенный) историко-литературный музей (Ялта)
ATL	Meritt B. D., Wade-Gery H. T., Mc. Gregor M. F. The Athenian Tribute list. Vol. I. Published for the American School of Classical Studies at Athens. Cambridge: Massachusetts Harvard University Press, 1933. 605 p.
BCH	Bulletin de correspondance hellenique
IG	Inscriptiones Graecae
IOSPE I2	Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Vol. I / Ed. B. Latyschev. Petropolis, 1916. 594 p.
SC	Scythica et Caucasica. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб., 1890.
Syll³	Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3. Leipzig, 1915–1924. Vol. I-IV.

К статье
Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.
Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма

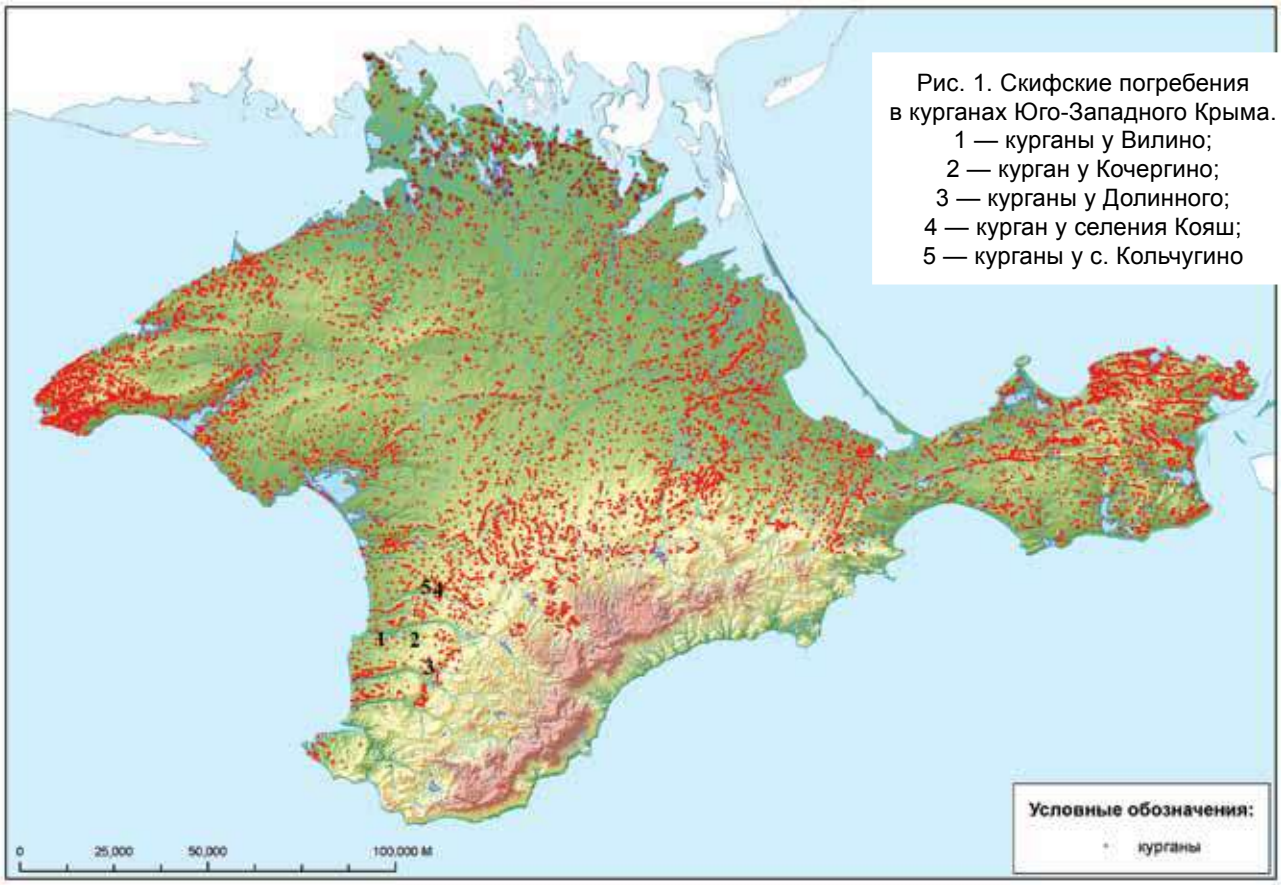


Рис. 1. Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма.
1 — курганы у Вилино;
2 — курган у Кочергино;
3 — курганы у Долинного;
4 — курган у селения Кояш;
5 — курганы у с. Кольчугино

К статье
Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н.
Скифские погребения в курганном могильнике Дорт-Оба

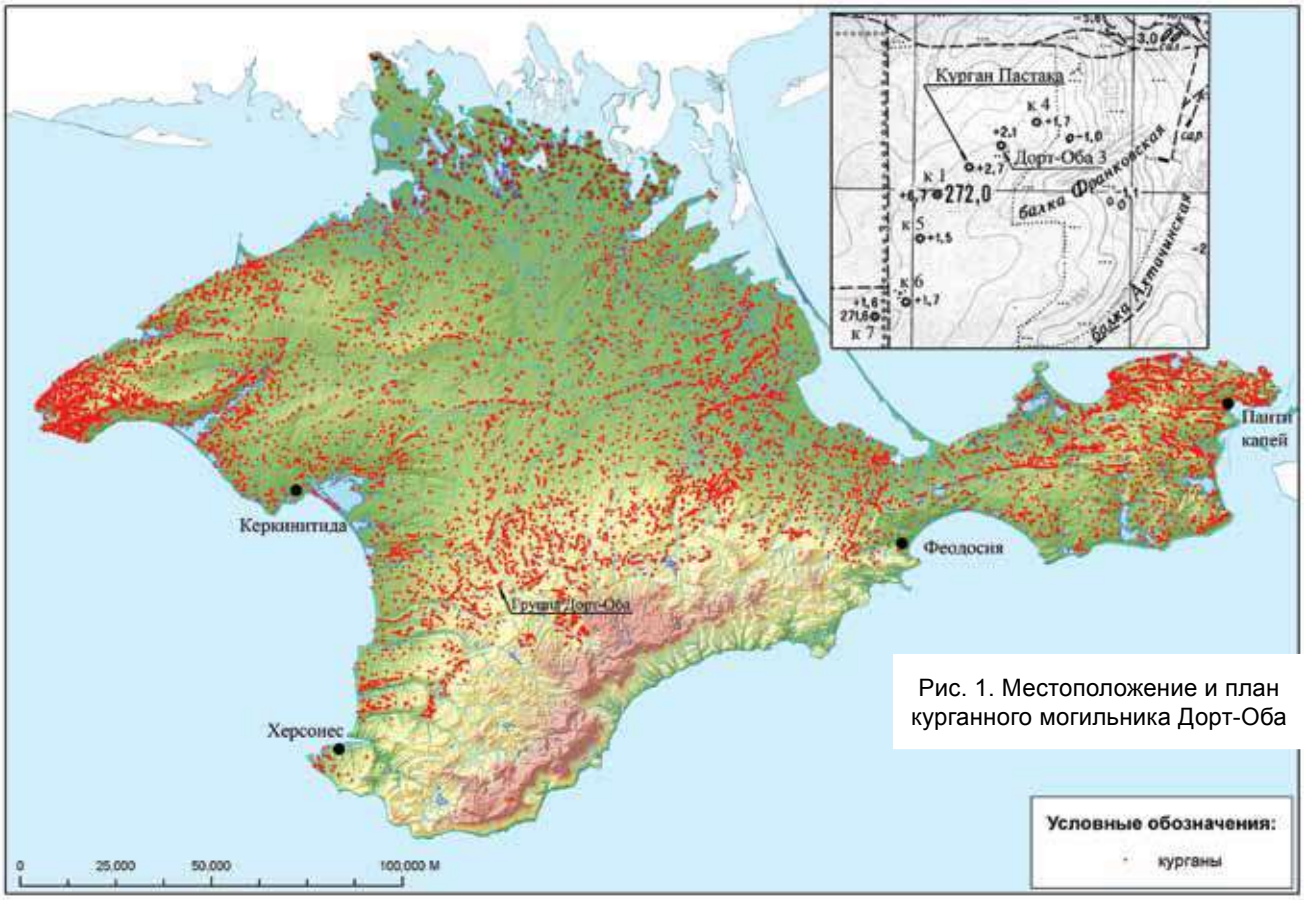


Рис. 1. Местоположение и план курганного могильника Дорт-Оба

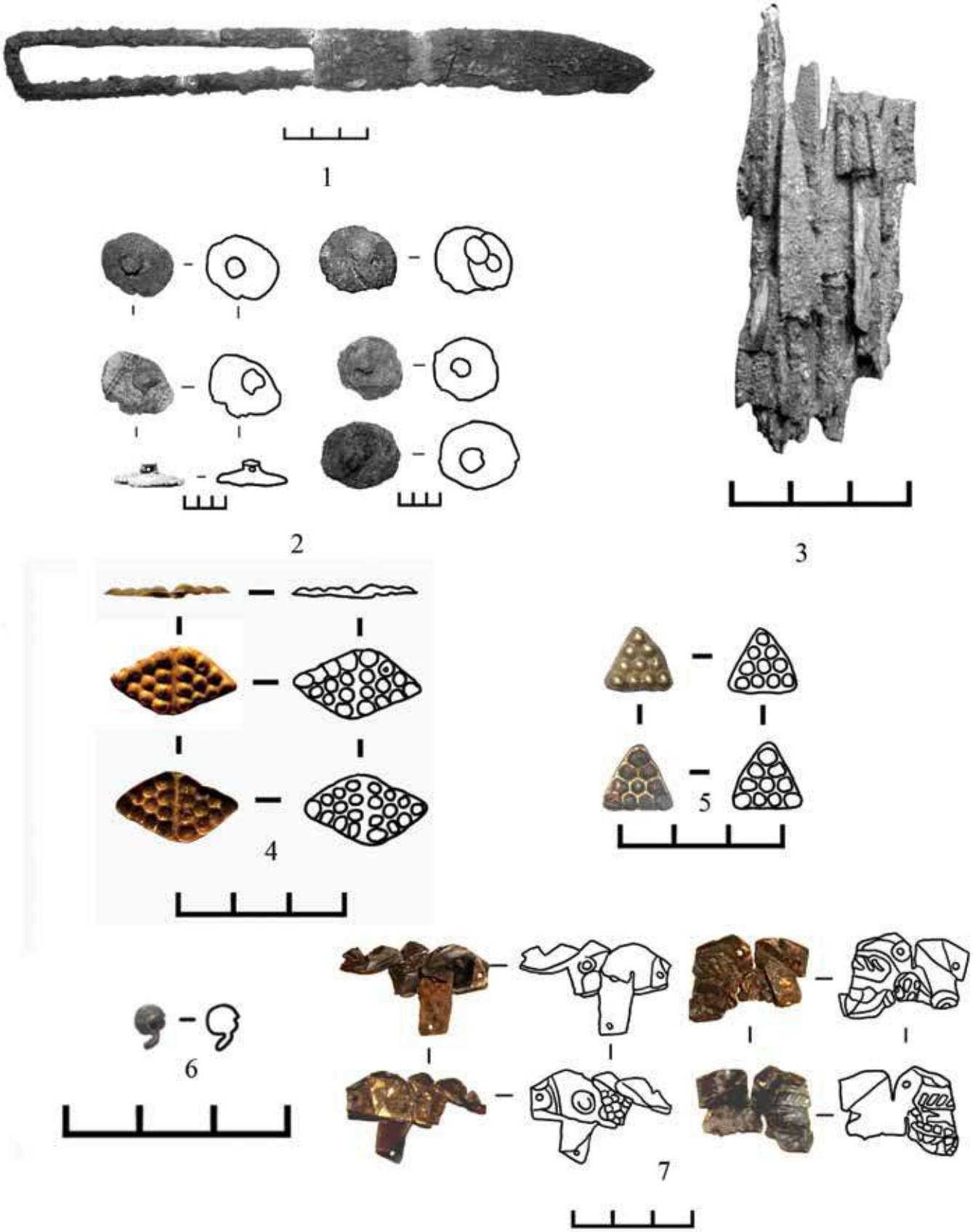


Рис. 4. 1 — Железный нож. 2 — Изделия из бронзы. 3 — Комок бронзовых наконечников стрел. 4 — Ромбические золотые бляхи. 5 — Треугольные золотые бляхи. 6 — Серебряный гвоздик. 7 — Обломки накладной пластины

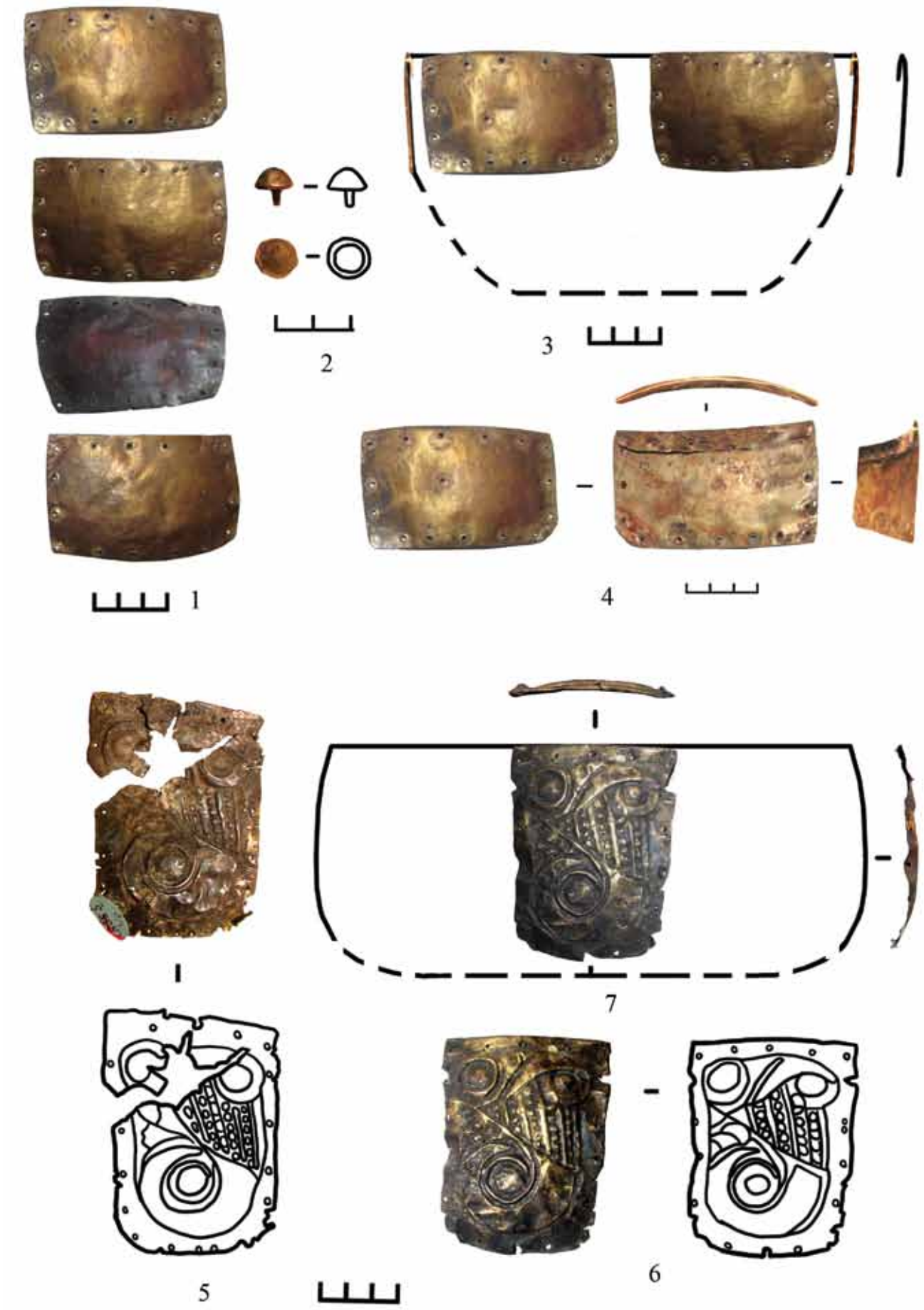


Рис. 5. Чаши. 1–4 — чаша с гладкими накладками, 5–7 — чаша с рельефными накладками

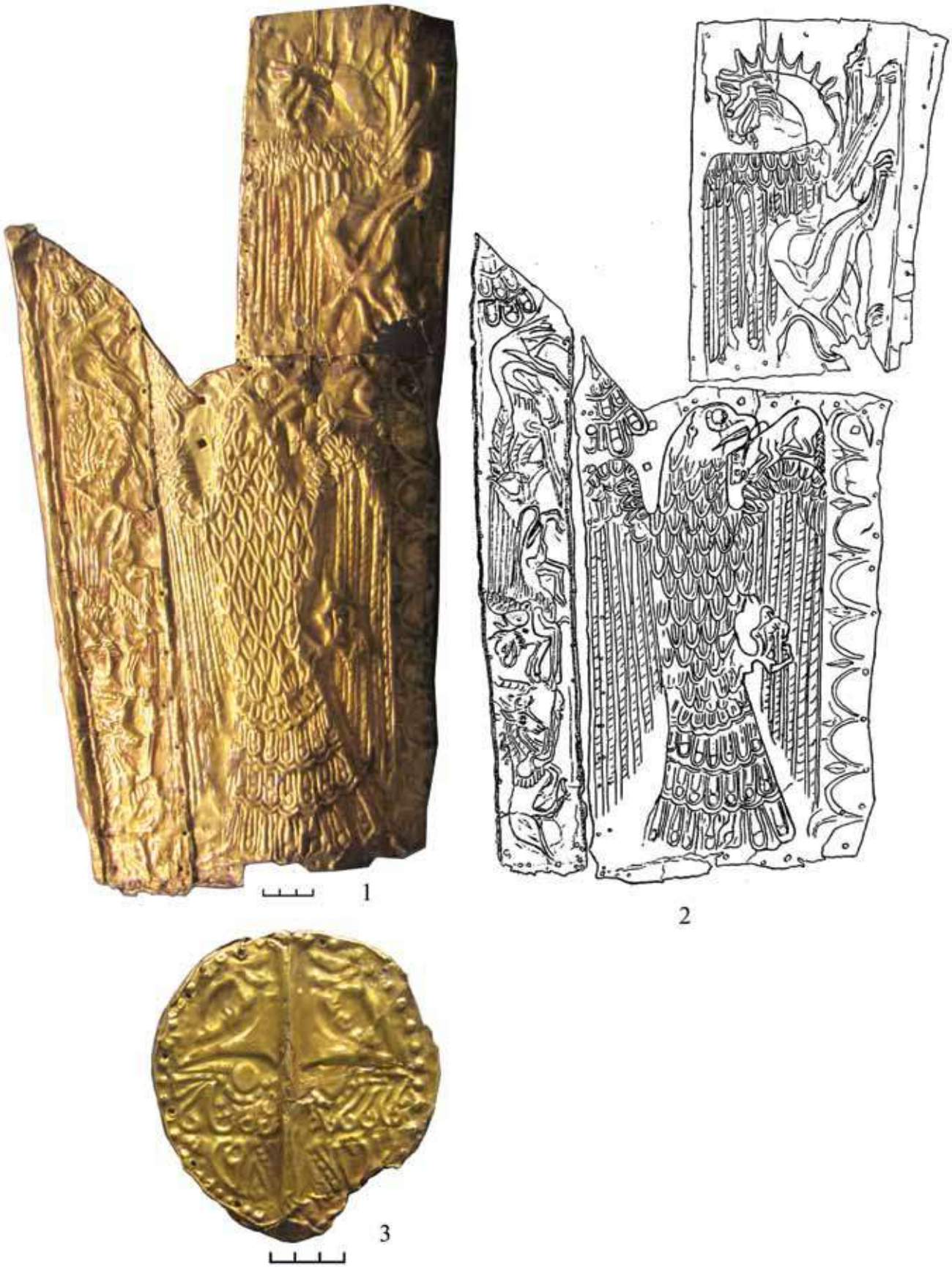


Рис. 6. Горит. 1 — Фотография горита. 2 — Прорисовка пластин горита по ОАК-1892. 3 — Дно горита

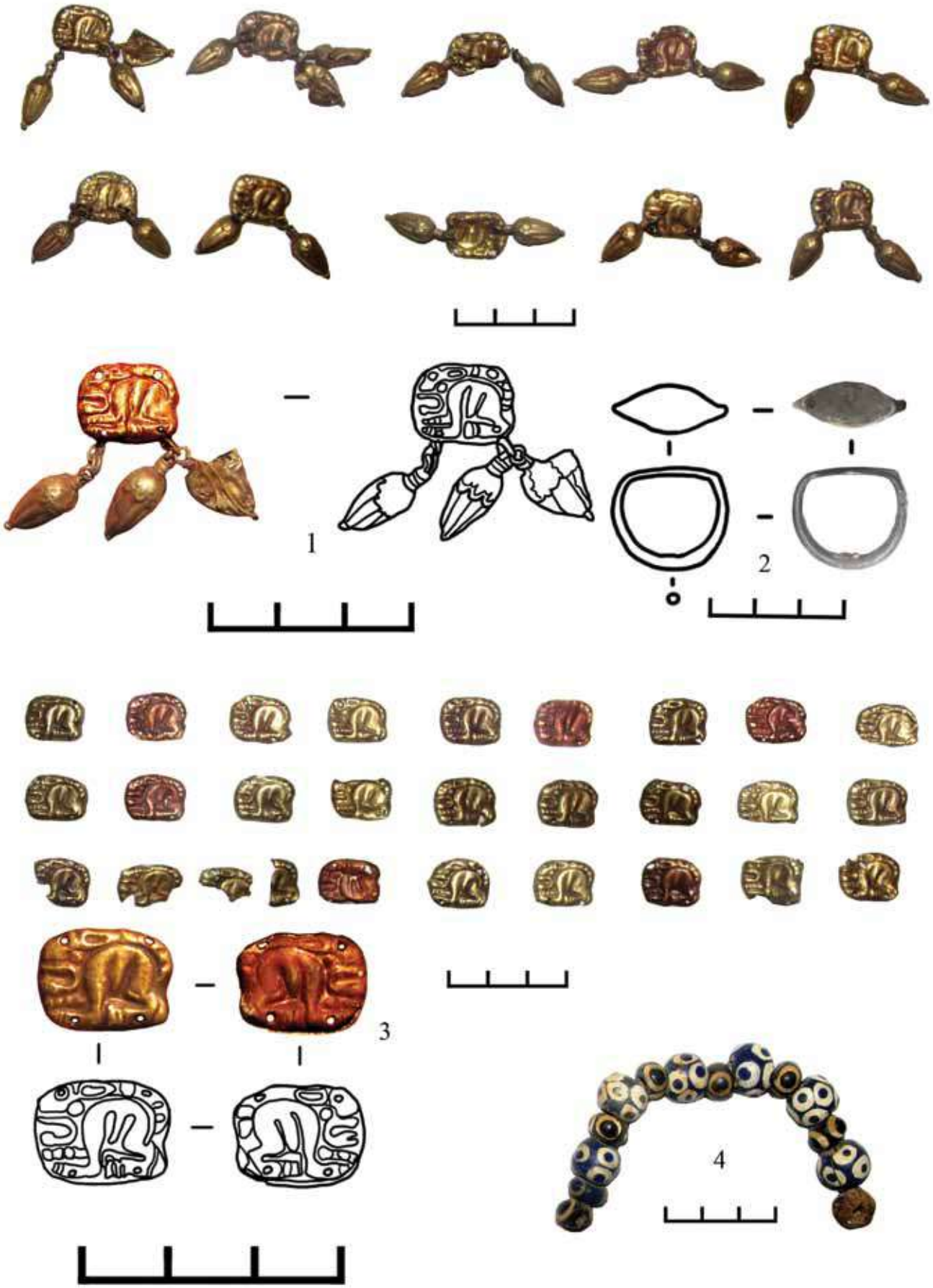


Рис. 8. Украшения из кургана Дорт-Оба 3.
1 — Бляшки в виде фигурки лежащего козла, изделия дополнены желудевидными подвесками.
2 — Серебряный перстень с гладким щитком. 3 — Бляшки в виде фигурки лежащего козла.
4 — Глазчатые бусы из глухого стекла

Рис. 9. Серьги из погребения
кургана Дорт-Оба 3

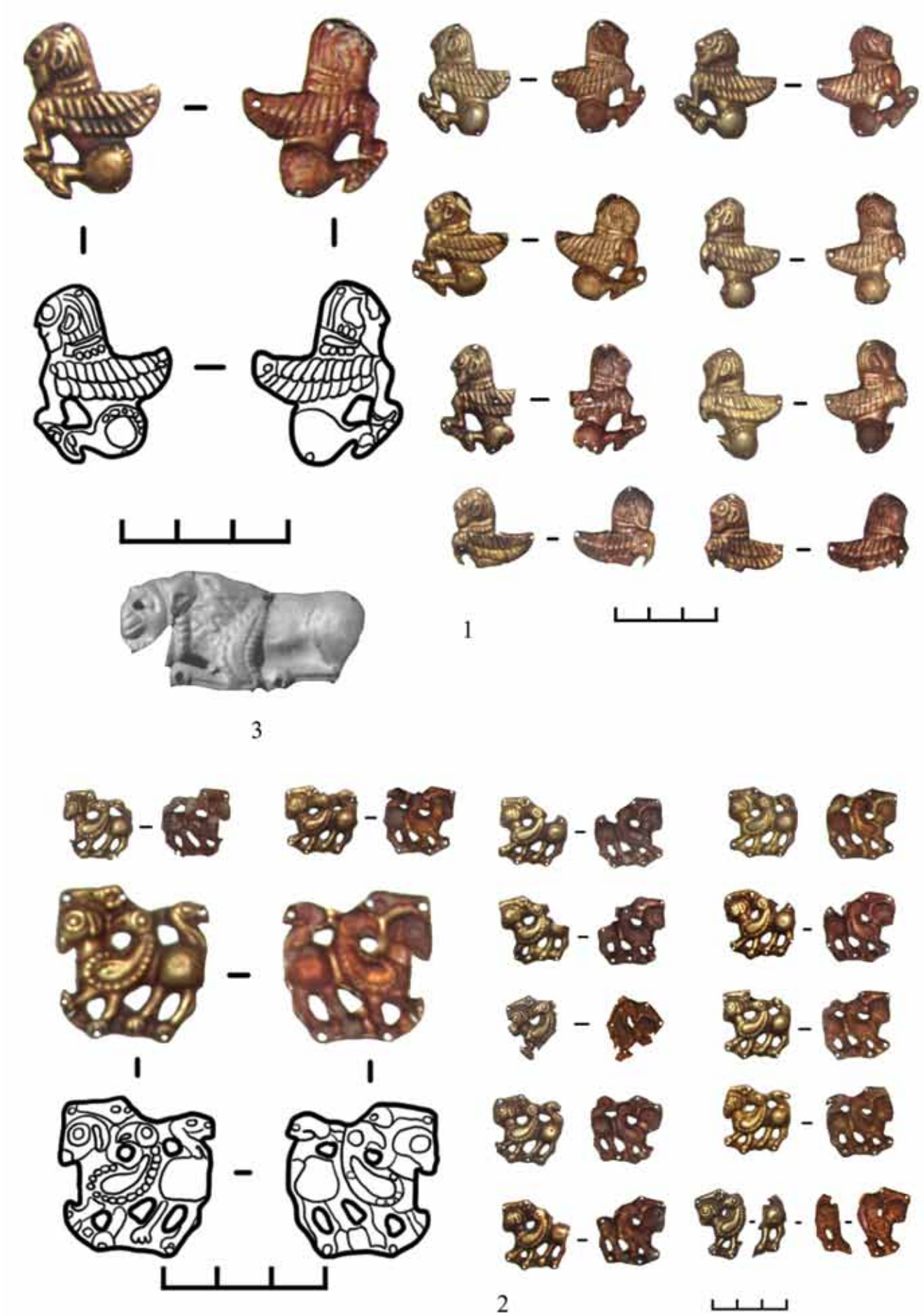


Рис. 10. Золотые украшения головного убора из кургана Дорт-Оба 3.
1 — Бляшки в виде сфинкса. 2 — Бляшки в виде грифона. 3 — Бляшка в виде льва (по М. И. Артамонову).

Рис. 1. Северное и северо-восточное побережье озера Сасык-Сиваш на космическом снимке из ресурса Google Earth, сделанном 16 июля 2010 г. Показаны древние Керкинитида и усадьба Ортли

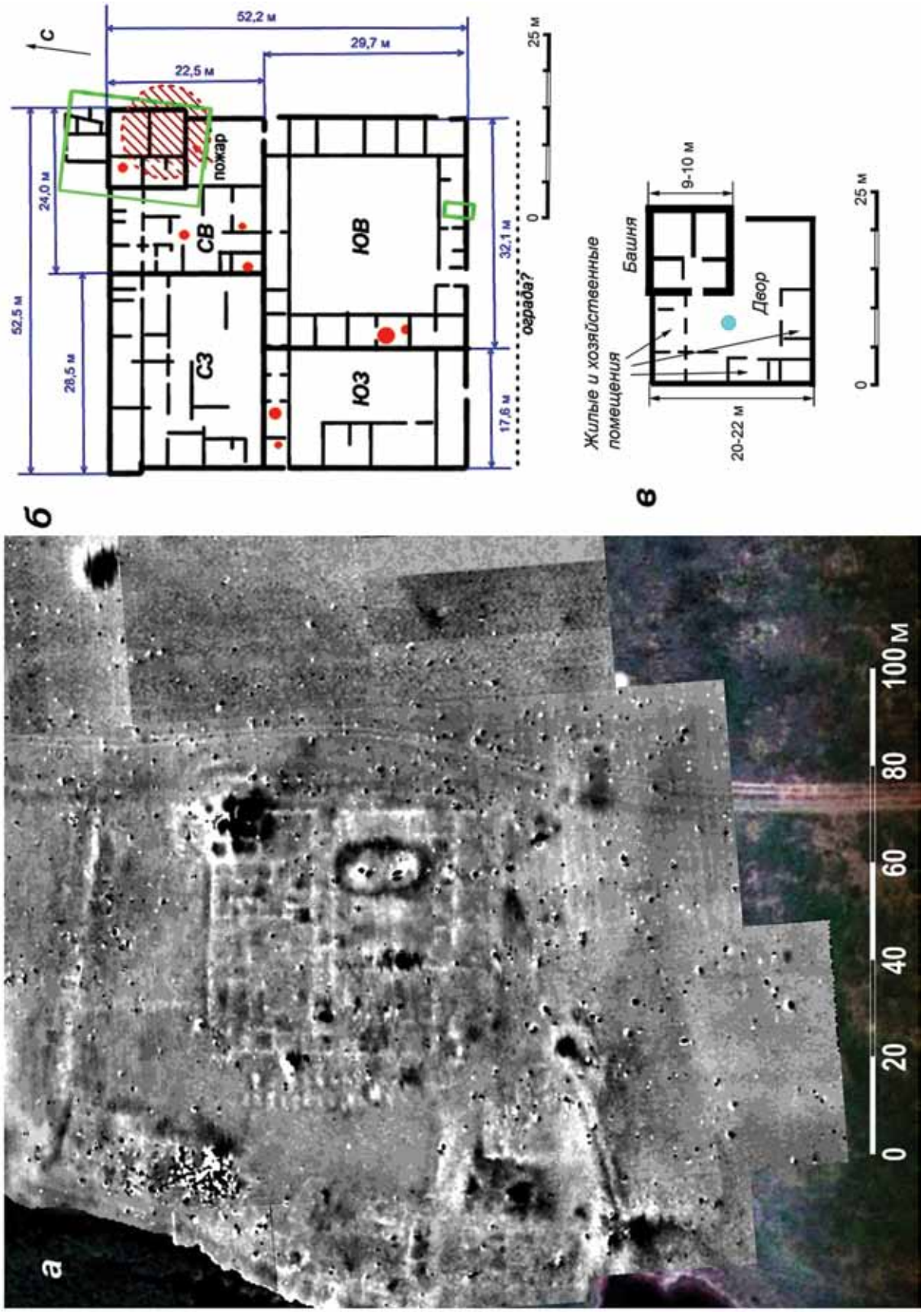


Рис. 4. Геомагнитная съемка античного поселения Ортли и его интерпретационный план. Съемка Т. Н. Смекаловой, А. В. Чудина, В. В. Власова. Чертеж Т. Н. Смекаловой

Рис. 5. Общий вид на северо-восточную башню усадьбы с востока.
1 — снимок 2013 г.;
2 — снимок 2014 г.
Фото А. Е. Пасуманского

Рис. 12. Терракотовая статуэтка херсонесского производства из траншеи над кладкой № 15. Фото А. Е. Пасуманского.

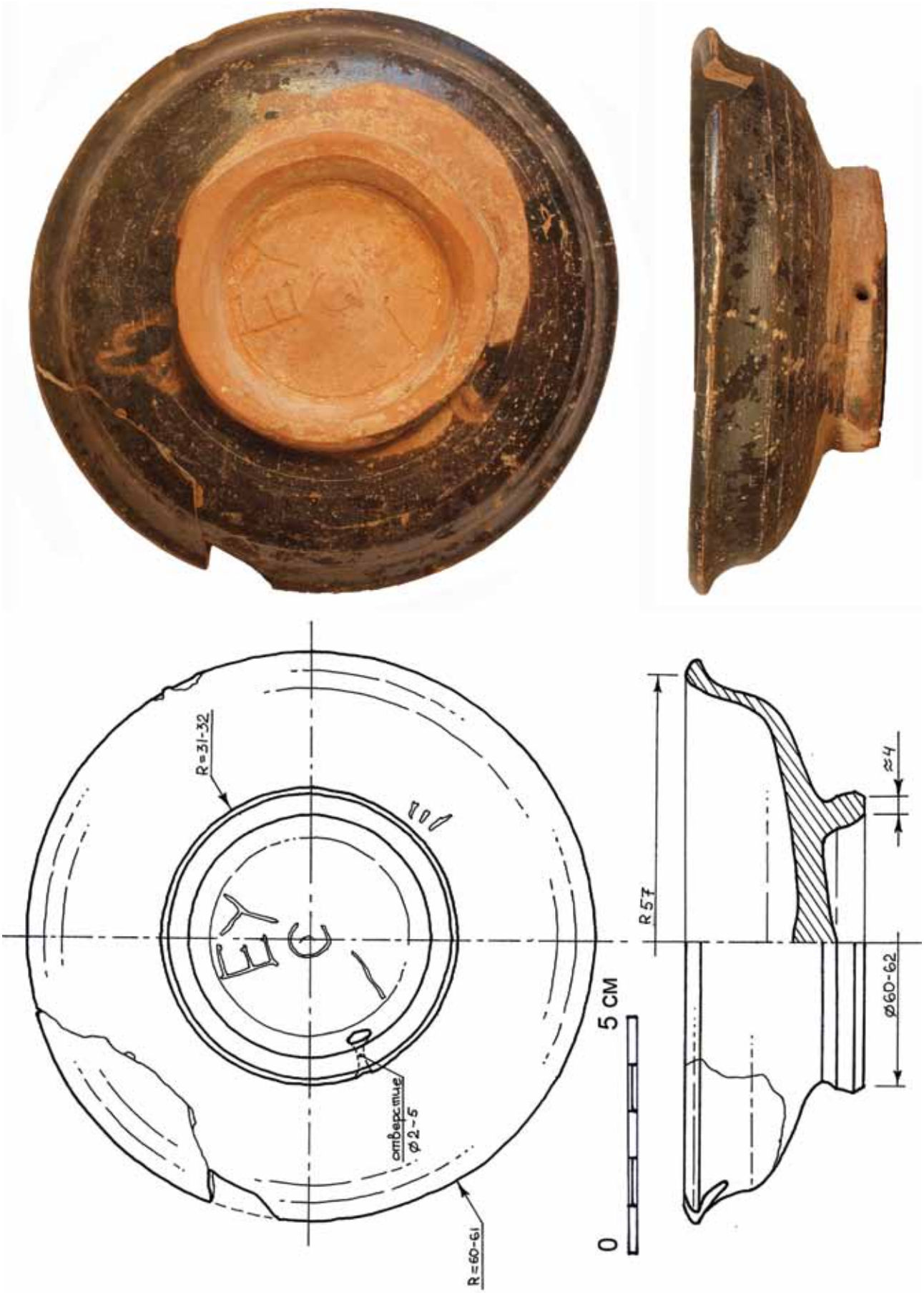


Рис. 13. Чернолаковая чашка 300–290 гг. до н. э. с граффити, найденная во дворе усадьбы. Рисунок Р. С. Кецко.

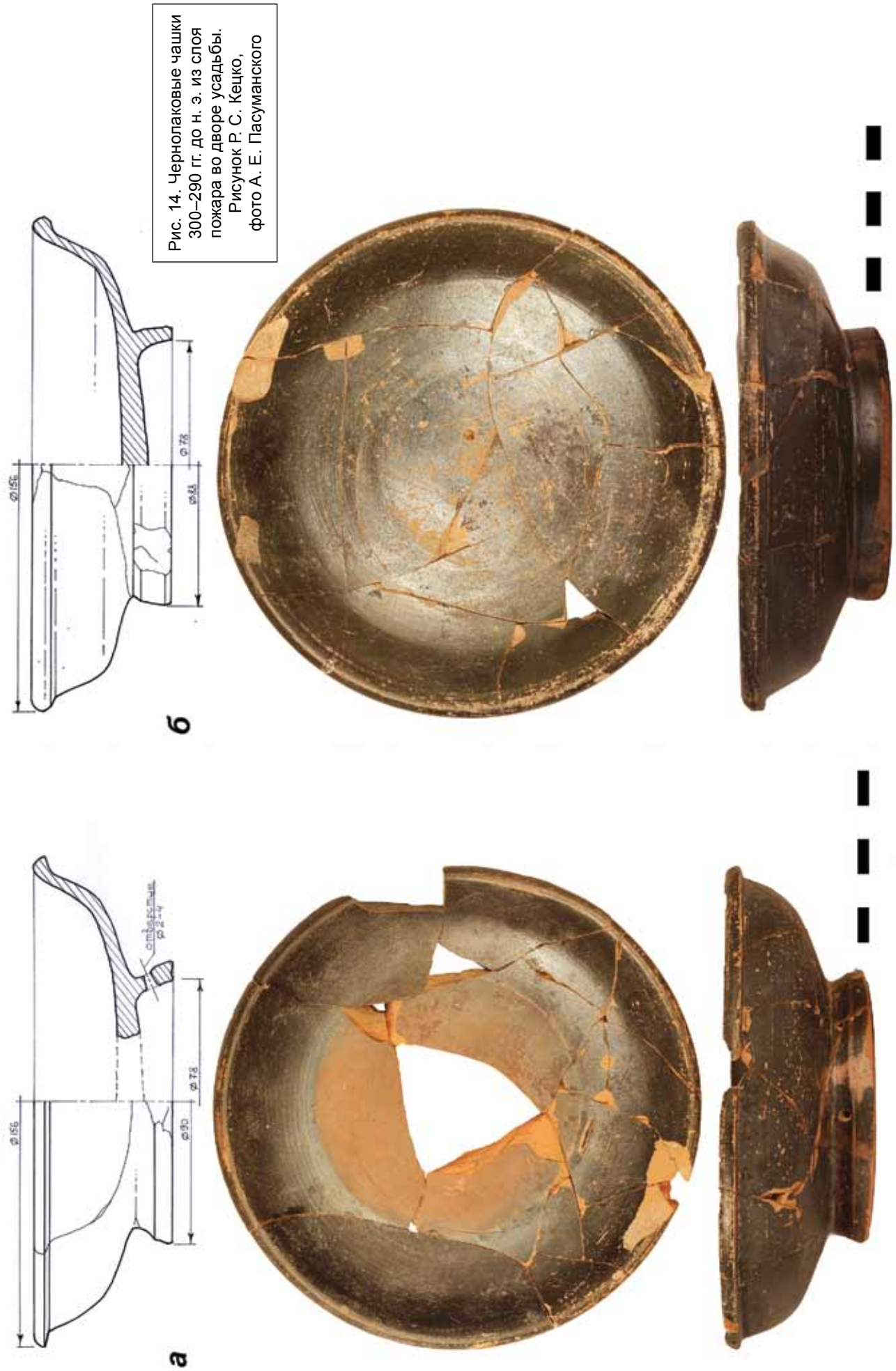


Рис. 14. Чернолаковые чашки 300–290 гг. до н. э. из слоя пожара во дворе усадьбы. Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского

Рис. 15. Чернолаковый аттический канфар 285–275 гг. до н. э. из слоя пожара во дворе усадьбы. Фото А. Е. Пасуманского

Рис. 16. Чернолаковый аттический канфар 325–300 гг. до н. э. из слоя пожара во дворе усадьбы. Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского

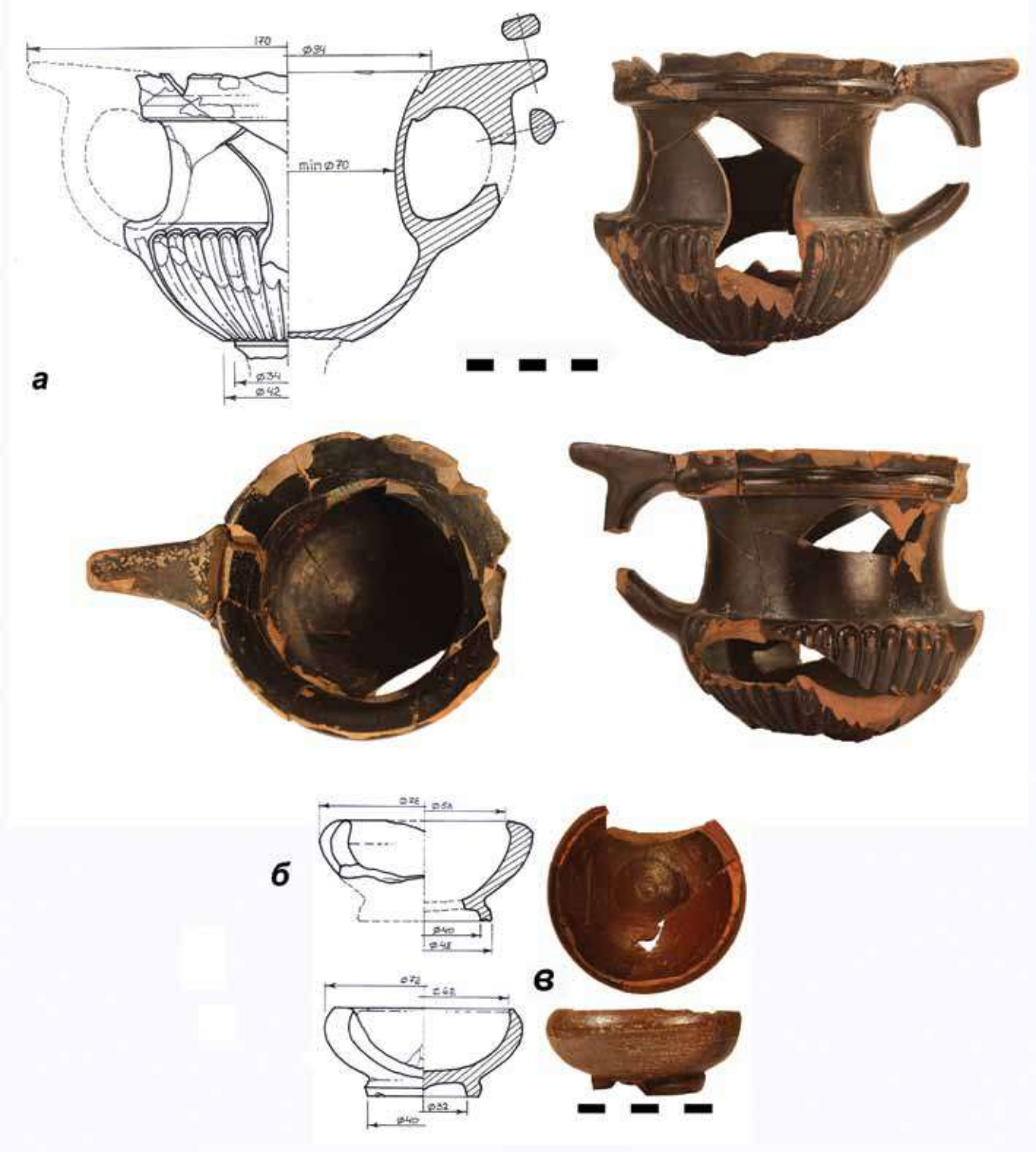


Рис. 17. Чернолаковые солонки и канфар из слоя пожара во дворе усадьбы.
Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского

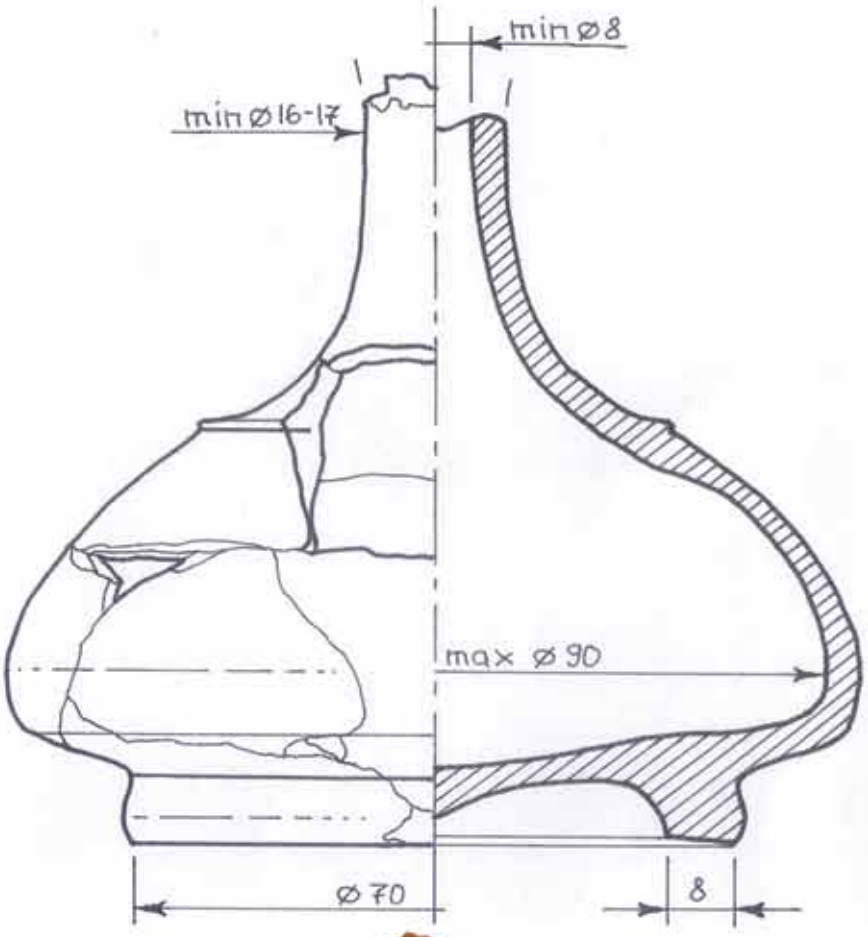


Рис. 18. Чернолаковый аттический гуттус 300–290 гг. до н. э. из слоя пожара во дворе усадьбы. Рисунок Р. С. Кецко, фото А. Е. Пасуманского

Рис. 21. Вариант объемной реконструкции усадьбы. Автор Р. С. Кецко

Рис. 1. Карта полуострова Тарханкут с указанием места расположения комплекса «Марьинское» (Джан-баба)

Рис. 2. Фрагмент карты
Северо-Западного Крыма
с указанием местоположения
комплекса «Марьинское» («Джан-баба»)

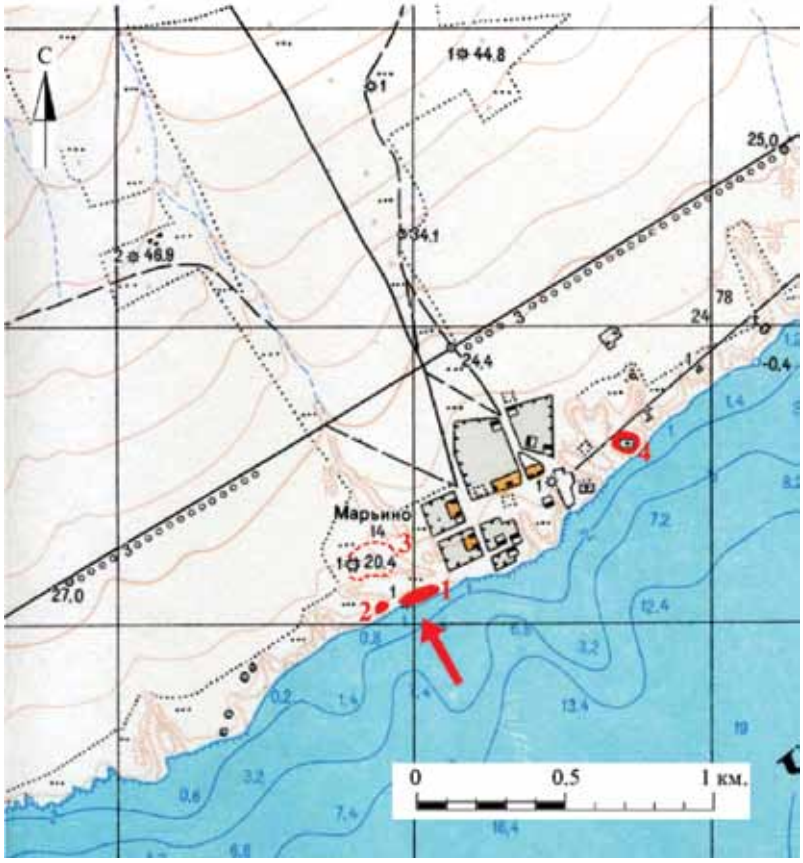


Рис. 3. Фрагмент карты
Северо-Западного Крыма
с указанием местоположения комплекса
«Марьинское» (Джан-баба)
и селища «Марьино-1».
1 — городище;
2 — селище;
3 — могильник;
4 — селище «Марьино-1»

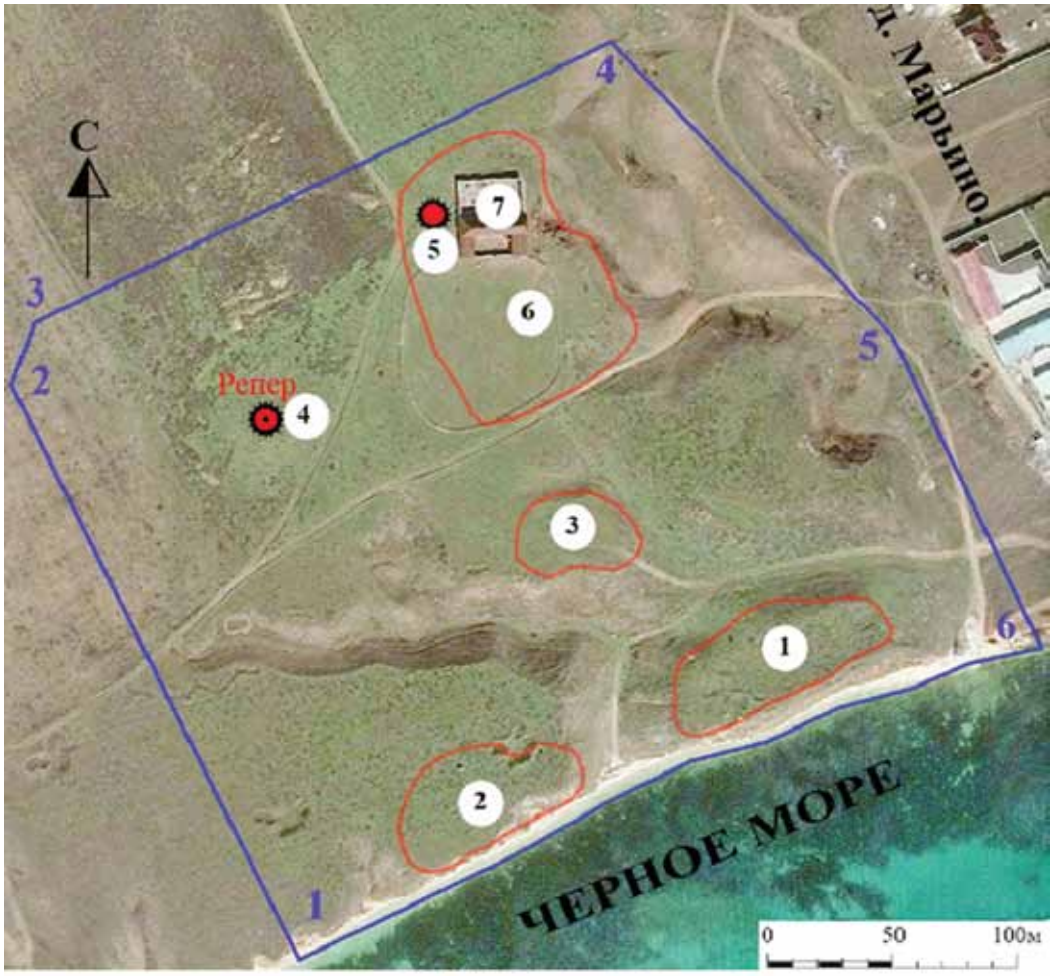


Рис. 4. Ситуационная схема комплекса Джан-баба с обозначением границ отдельных объектов и общей охранной зоны.
1 — городище Джан-баба; 2 — юго-западное селище; 3 — северо-западное селище (по отчету А. Н. Щеглова 1959 г.);
4 — зольник; 5 — курган (?); 6 — могильник; 7 — конюшня

К статье

Ланцов С. Б., Власов В. П., Смекалов С. Л., Шапцев М. С.

Первые исследования могильника «Марьинское» (Джан-баба) в Северо-Западном Крыму

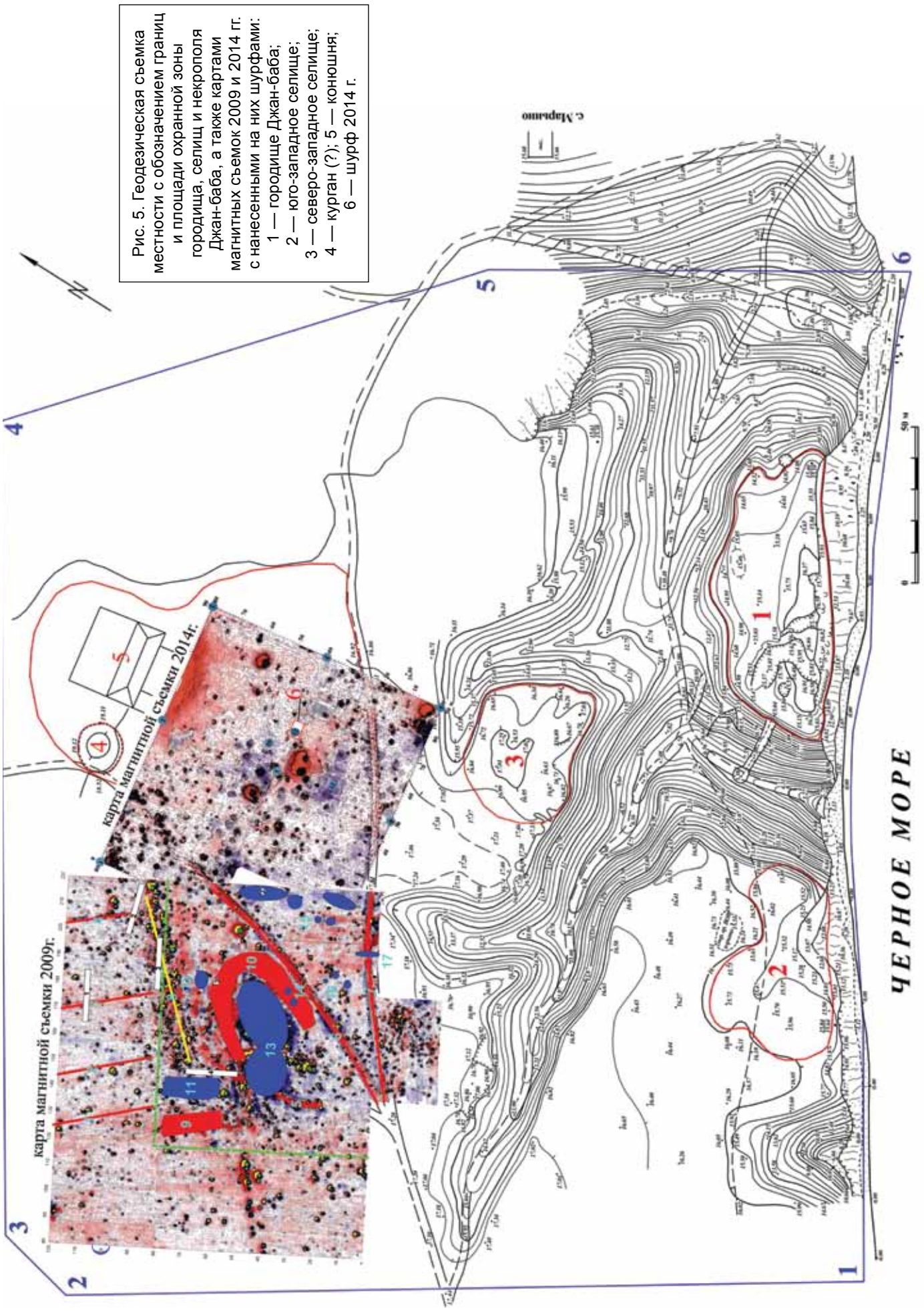


Рис. 5. Геодезическая съемка местности с обозначением границ и площади охранной зоны городища, селищ и некрополя Джан-баба, а также картами магнитных съемок 2009 и 2014 гг. с нанесенными на них шурфами: 1 — городище Джан-баба; 2 — юго-западное селище; 3 — северо-западное селище; 4 — курган (?); 5 — конюшня; 6 — шурф 2014 г.

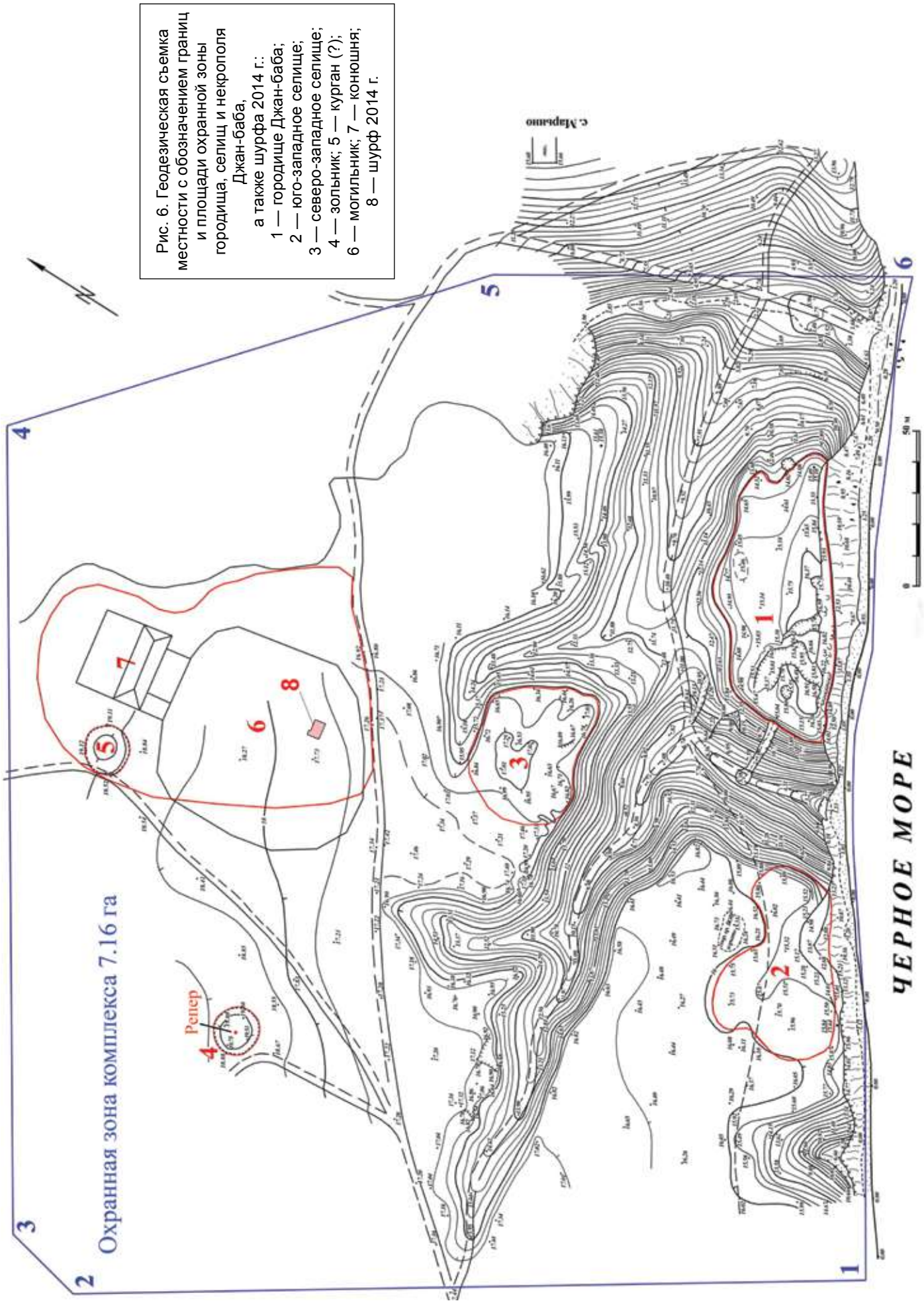


Рис. 6. Геодезическая съемка местности с обозначением границ и площади охранной зоны городища, селищ и некрополя Джан-баба, а также шурфа 2014 г.: 1 — городище Джан-баба; 2 — юго-западное селище; 3 — северо-западное селище; 4 — зольник; 5 — курган (?); 6 — могильник; 7 — конюшня; 8 — шурф 2014 г.

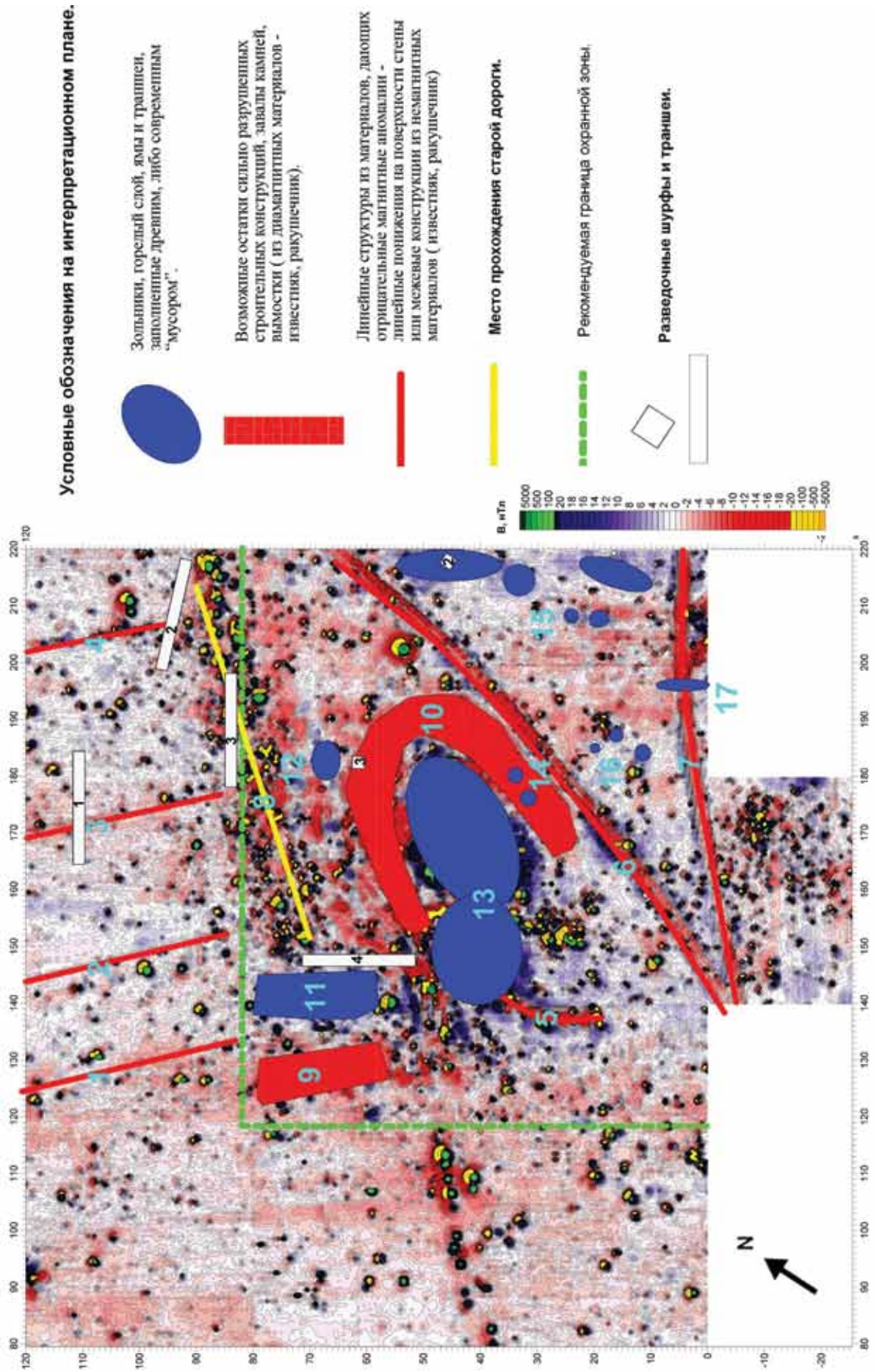


Рис. 7 размещен на следующей странице.

(Рис. 9. Интерпретационный план аномалий магнитного поля геомагнитной съемки 2009 г. на территории к западу от некрополя Джан-баба (по: С. Л. Смекалов)

Рис. 7. Городище и могильник Джан-баба. Вид с востока

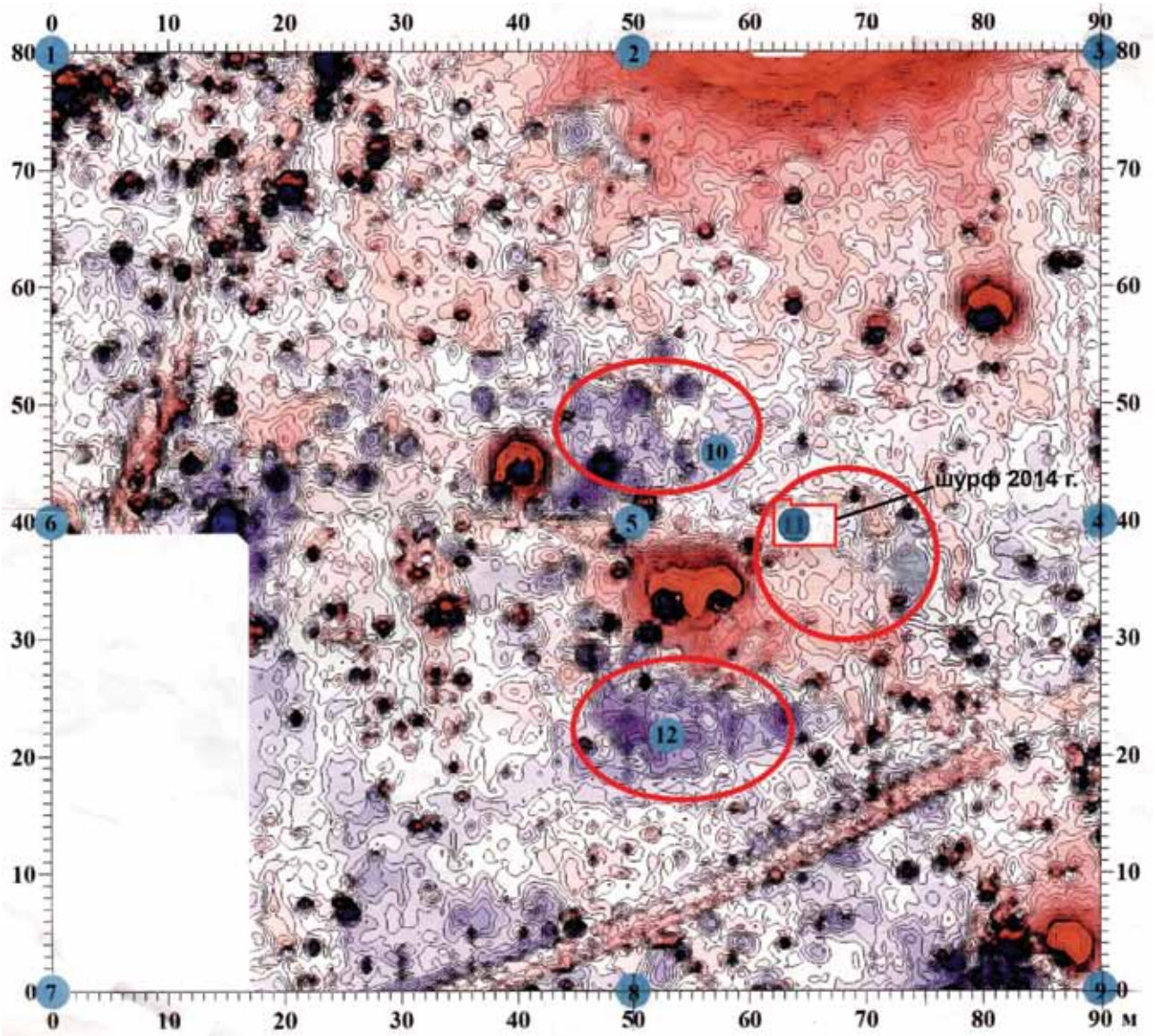


Рис. 10. Карта магнитной съемки с точками аномалий и шурфом на территории некрополя Джан-баба в 2014 г. Шаг изолиний 1 нТл (по: С. Л. Смекалов)

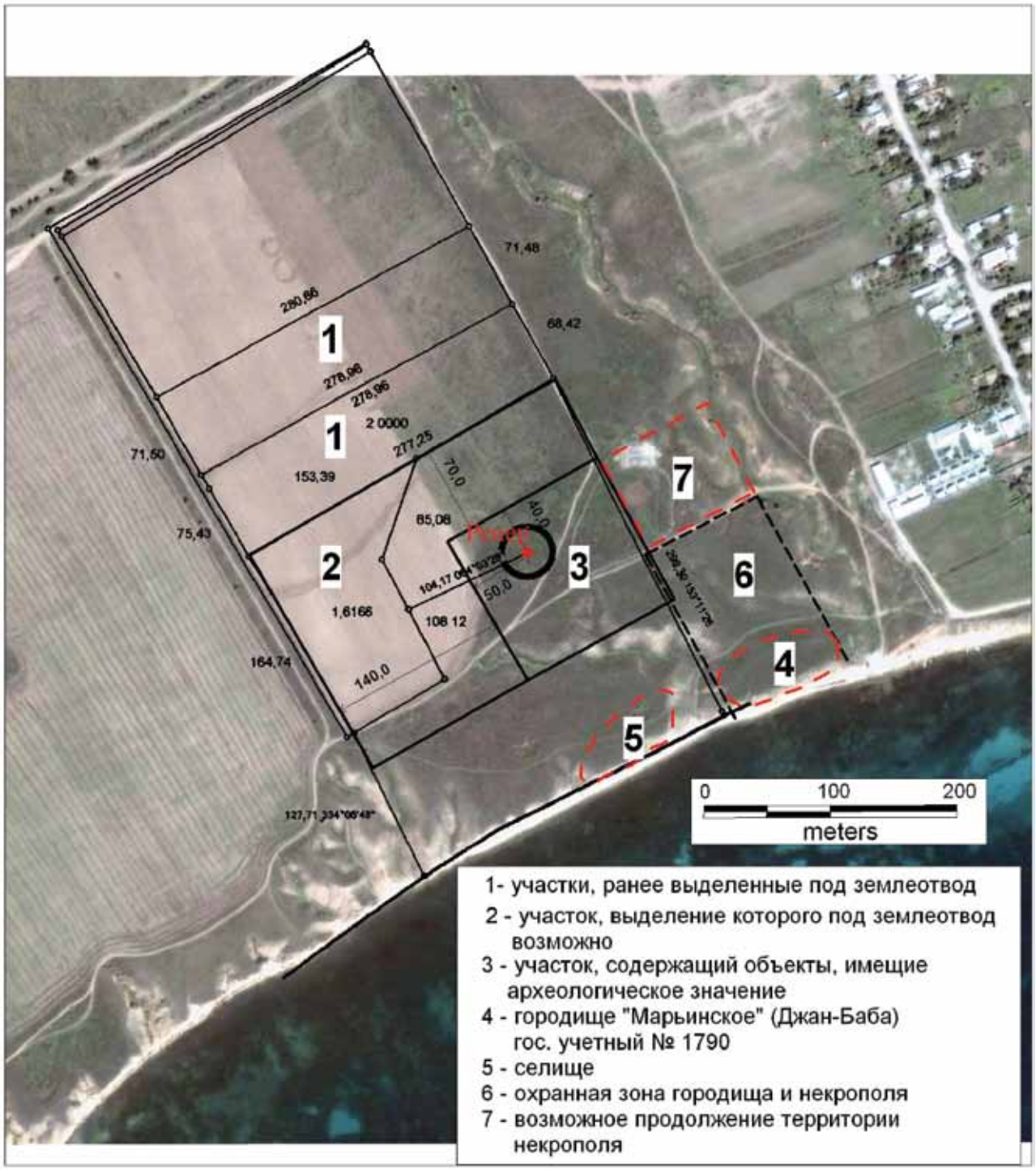


Рис. 11. Схема выявленных участков культурного слоя в окрестностях комплекса Джан-баба по результатам геофизических и археологических обследований на космическом снимке из ресурса Google Earth (по: С. Б. Ланцов, 2009 г.)

Рис. 22. Некрополь Джан-баба. Могила № 1. Погребения 1–3. Вид с юга

Рис. 23. Некрополь Джан-баба. Могила № 1. Погребения 1–3. Вид с северо-запада

Рис. 30. Некрополь Джан-баба. Могила № 1.
Погребальный инвентарь: изделия из бронзы (1–10), подвески (11), бусы (12)

Рис. 31. Некрополь Джан-баба. Могила № 1.
Погребальный инвентарь: бисер (1), пронизи (2–6), бусы (7–9)

К статье
Гаврилов А. В., Шонов И. В.
Неизвестные типы золотых статеров боспорских правителей II в. до Р. Х.

Рис. 1. Статеры лисимаховского типа.
1 — статер Камасарии и Спартока V, чеканка Византия; 2 — статер периода самостоятельного правления Камасарии, чеканка Византия; 3 — статер периода самостоятельного правления Камасарии, чеканка Пантикапея; 4 — статер Митридата VI Евпатор 107 г. до Р. Х., чеканка Пантикапея; 5, 6 — статеры Митридата VI Евпатора, чеканка Пантикапея; 7 — тетрадрахма Митридата VI Евпатора, чеканка Пантикапея. Размеры монет изменены

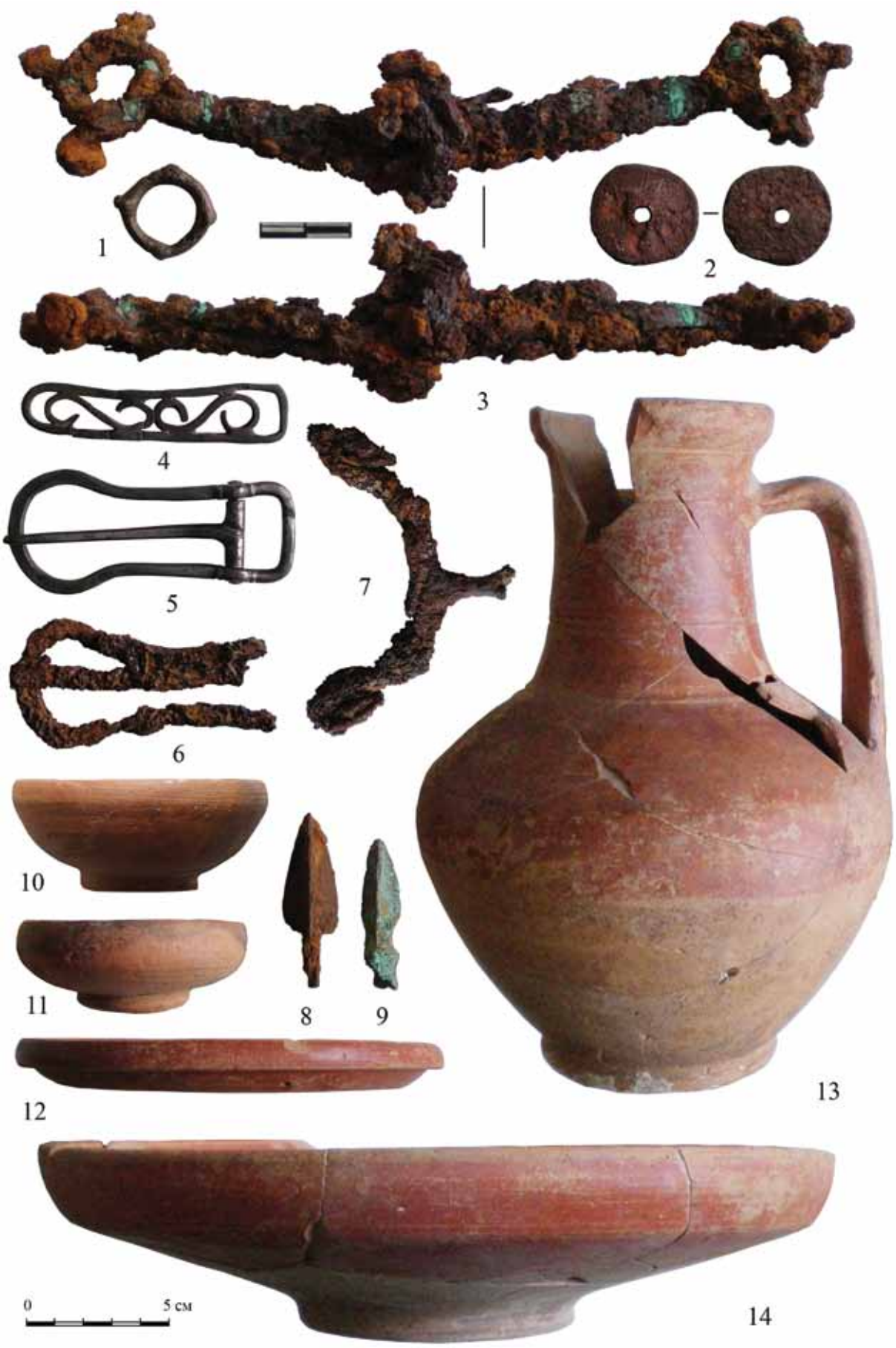


Рис. 10. Склеп 777, находки: 1 — кольцо, 2 — монета, 3 — удила, 4 — наконечник ремня, 5 — пряжка, 6 — пряжка, 7 — шпора (?), 8 — наконечник стрелы, 9 — наконечник стрелы, 10 — чашка, 11 — чашка, 12 — тарелка, 13 — кувшин, 14 — тарелка

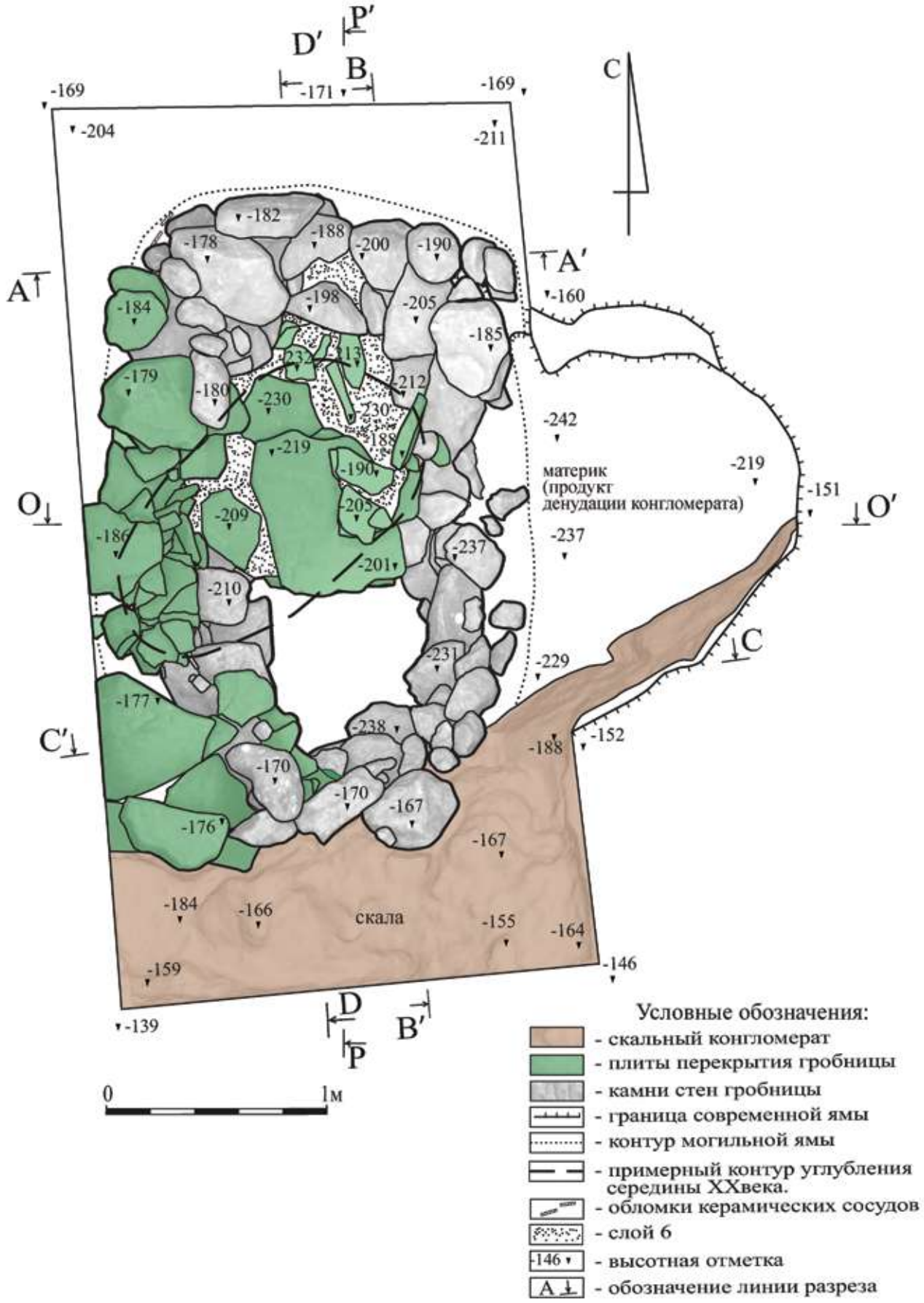
Рис. 17. Краснолаковая и гончарная посуда из склепа 1067

Рис. 18. Находки из склепа 1067

К статье
Пуздровский А. Е., Труфанов А. А.
Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя

Рис. 19. Находки из склепа 1068

Рис. 10. Склеп 977 (Усть-Альма). Находки: 1 — краснолаковый кувшин, 2 — бронзовая фибула, 3 — бронзовая серьга, 4 — бронзовая фибула, 5 — краснолаковая тарелка (а — сосуд, б — оттиск штампа на дне), 6 — стеклянная пронизь, 7 — бронзовый браслет, 8 — бусы (стекло, янтарь, гагат), 9 — бронзовые кольца



(Рис. 4. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
План сохранившейся части верхнего слоя перекрытия гробницы. М 1:25

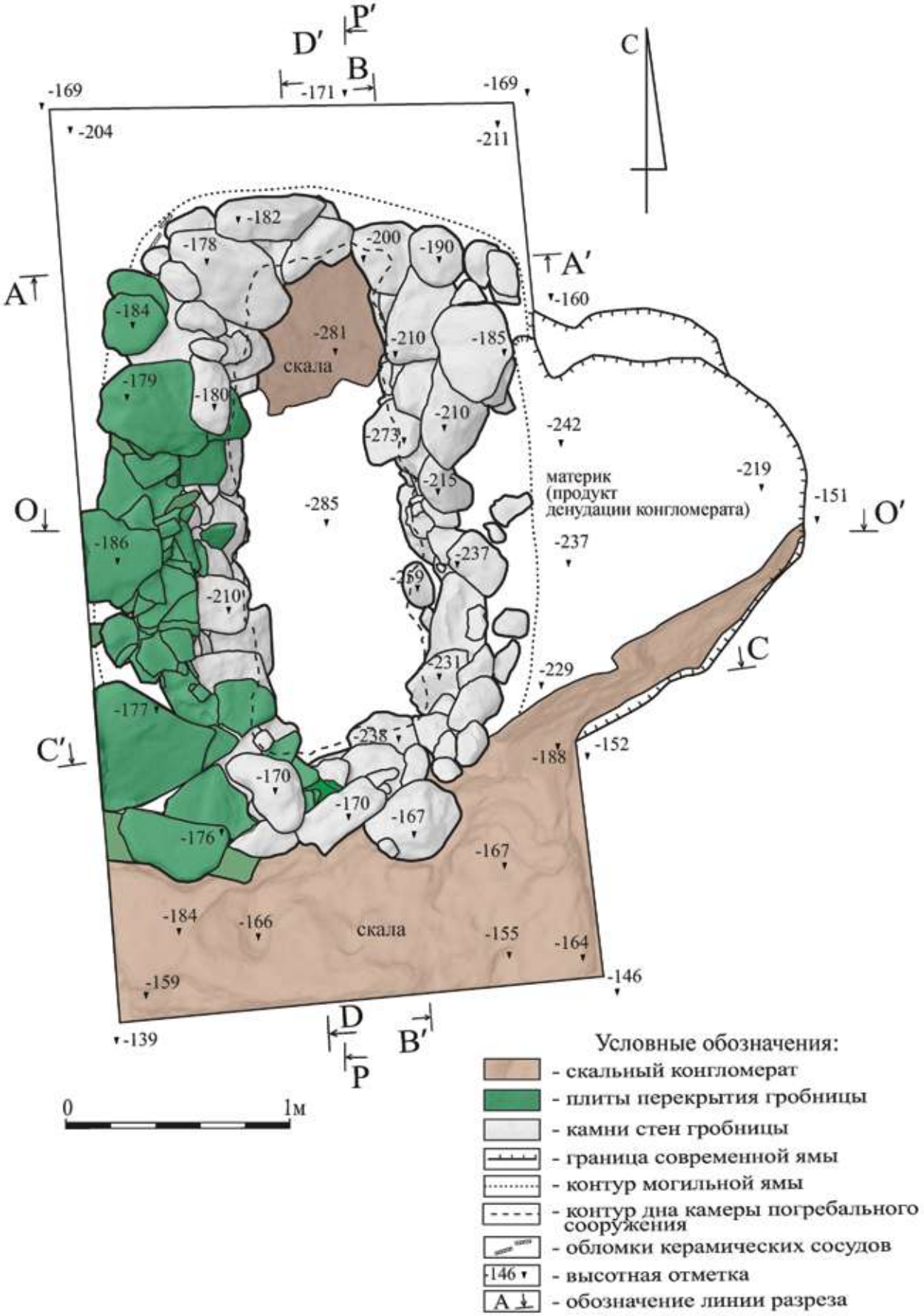


Рис. 5. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
План гробницы после удаления смещенных частей перекрытия. М 1:25.

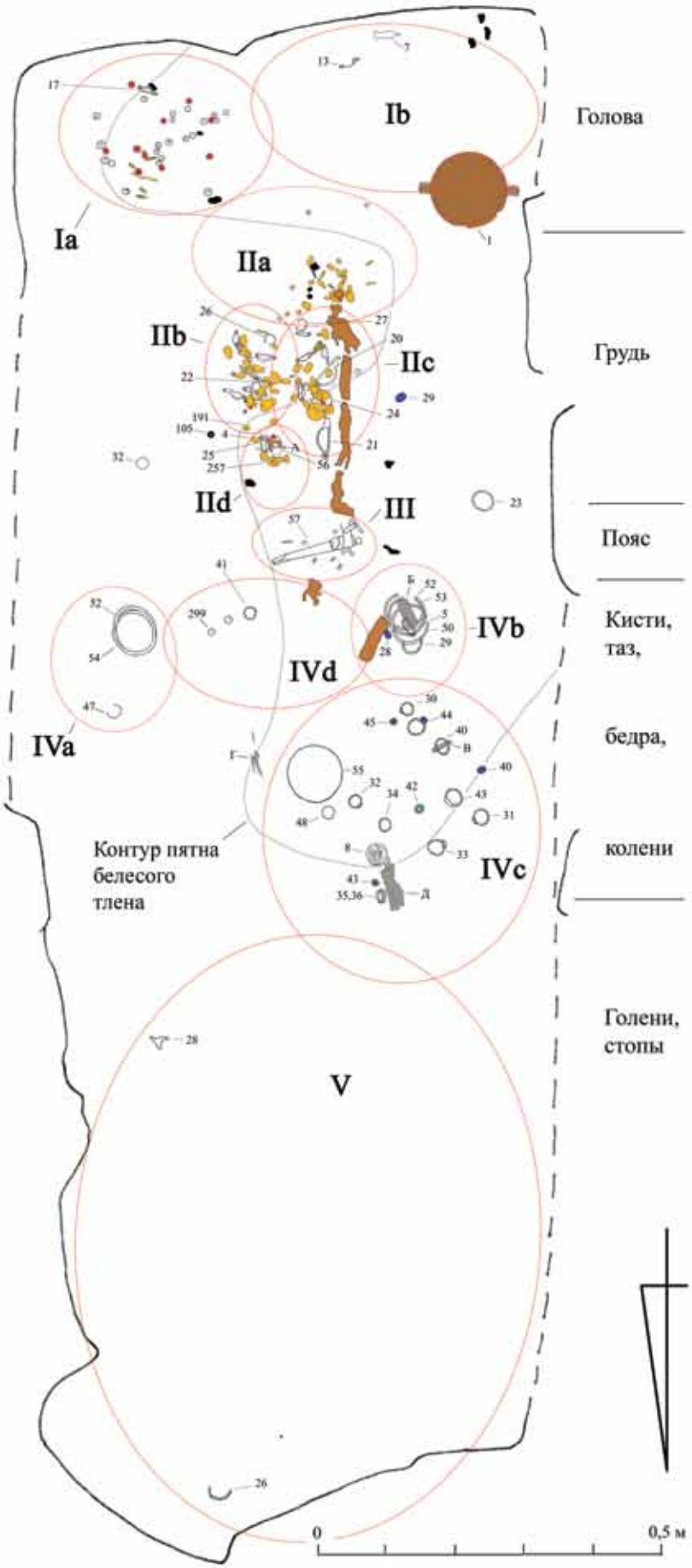


Рис. 8. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1. План местоположения вещей, обнаруженных при исследовании погребения. М 1:8,5

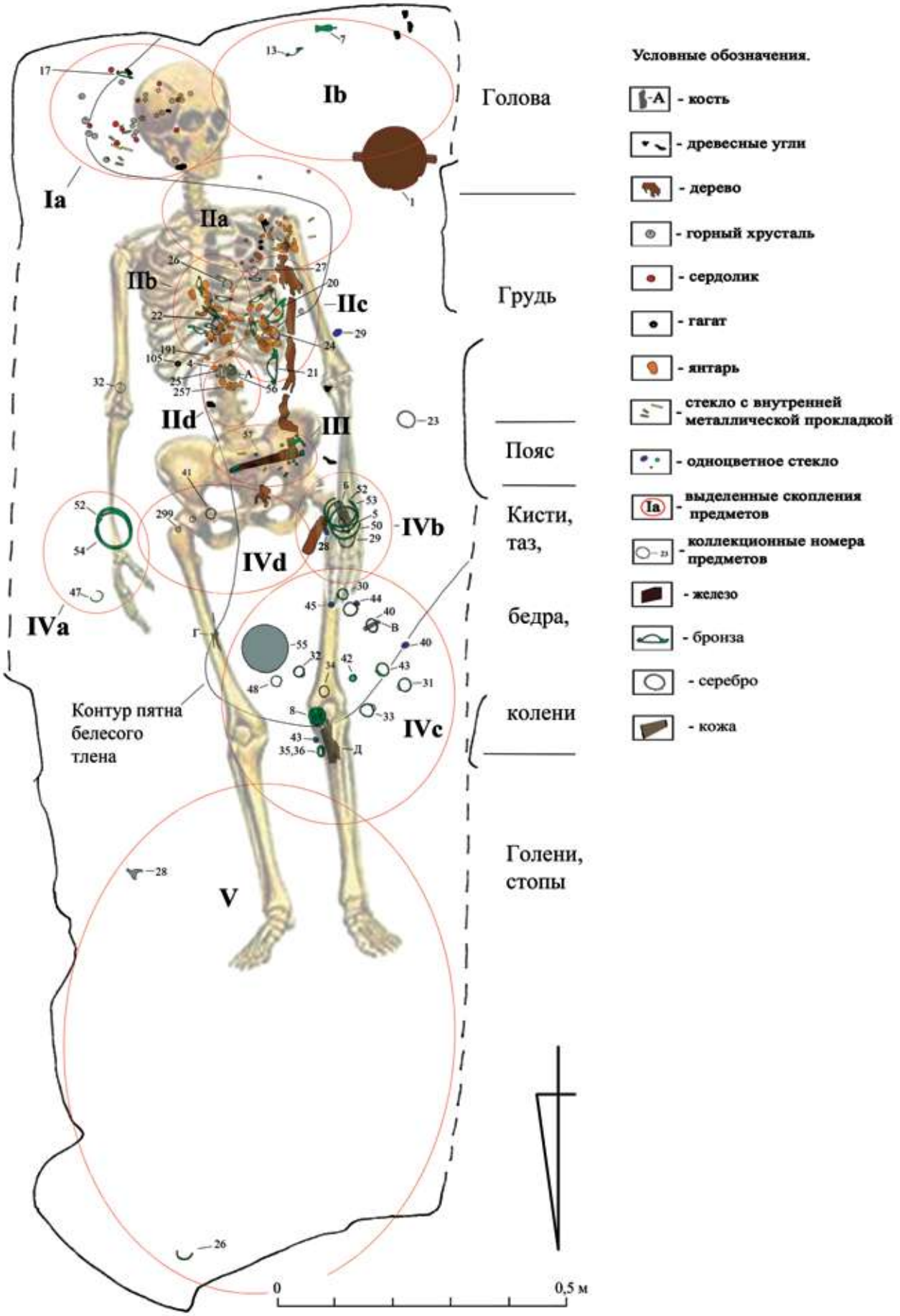


Рис. 9. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
План местоположения вещей, обнаруженных при исследовании погребения, совмещенный с контуром «среднего» женского скелета. М 1:8,5

К статье
Лысенко А. В., Масякин В. В., Мордвинцева В. И.
Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым)

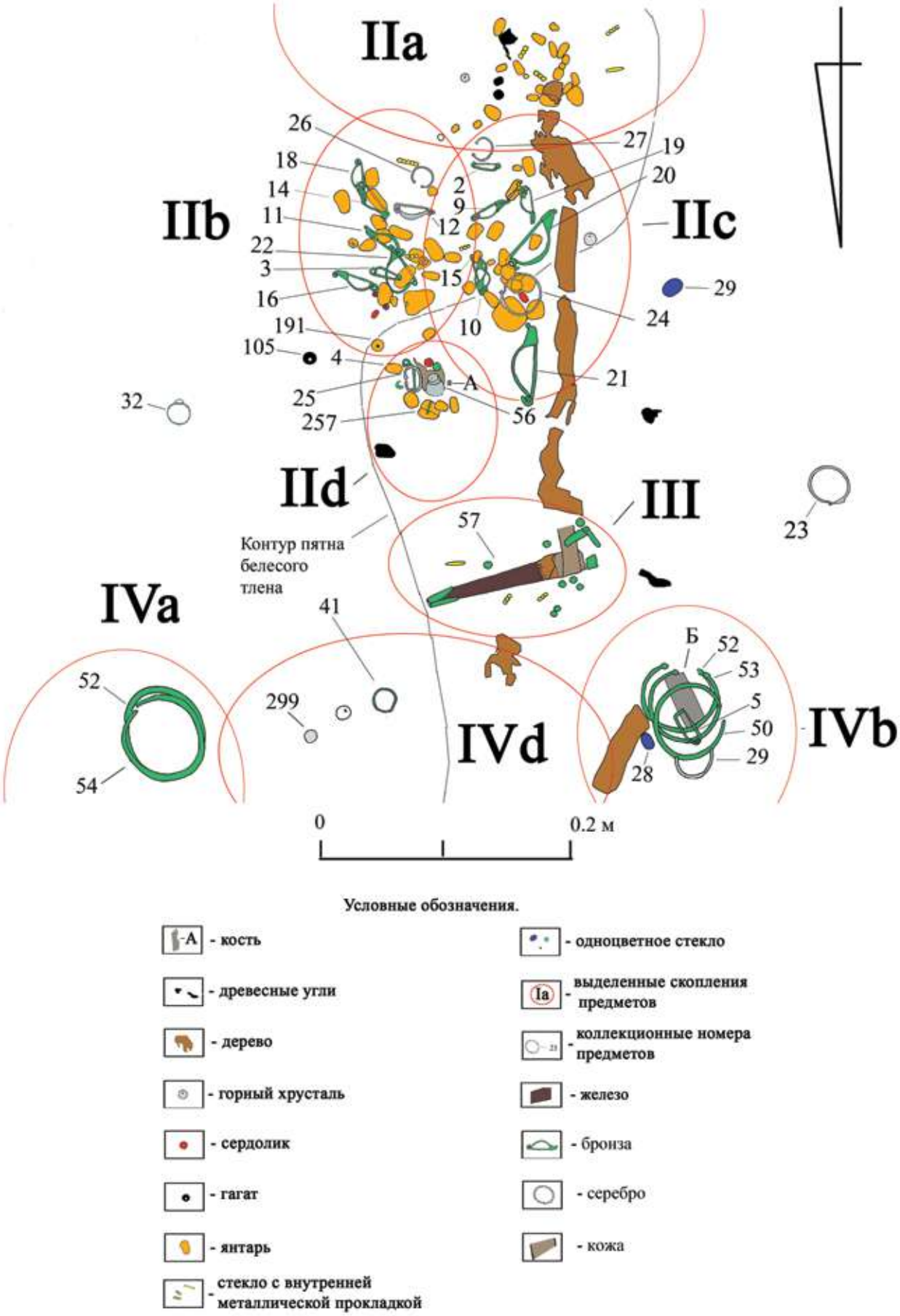


Рис. 10. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
План местоположения вещей, обнаруженных в области груди, пояса, таза и кистей рук погребенного. М 1:4

Рис. 11. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
Буролаковый канфар

К статье
Лысенко А. В., Масякин В. В., Мордвинцева В. И.
Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым)

1

2

Рис. 12. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
1 — «Макет» (?) фибулы и браслеты на запястье левой руки погребенной.
2 — Брошь с изображен ием Артемиды

Рис. 16. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
1–6 — Перстни. 7–56 — Бусы

К статье
Лысенко А. В., Масякин В. В., Мордвинцева В. И.
Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым)

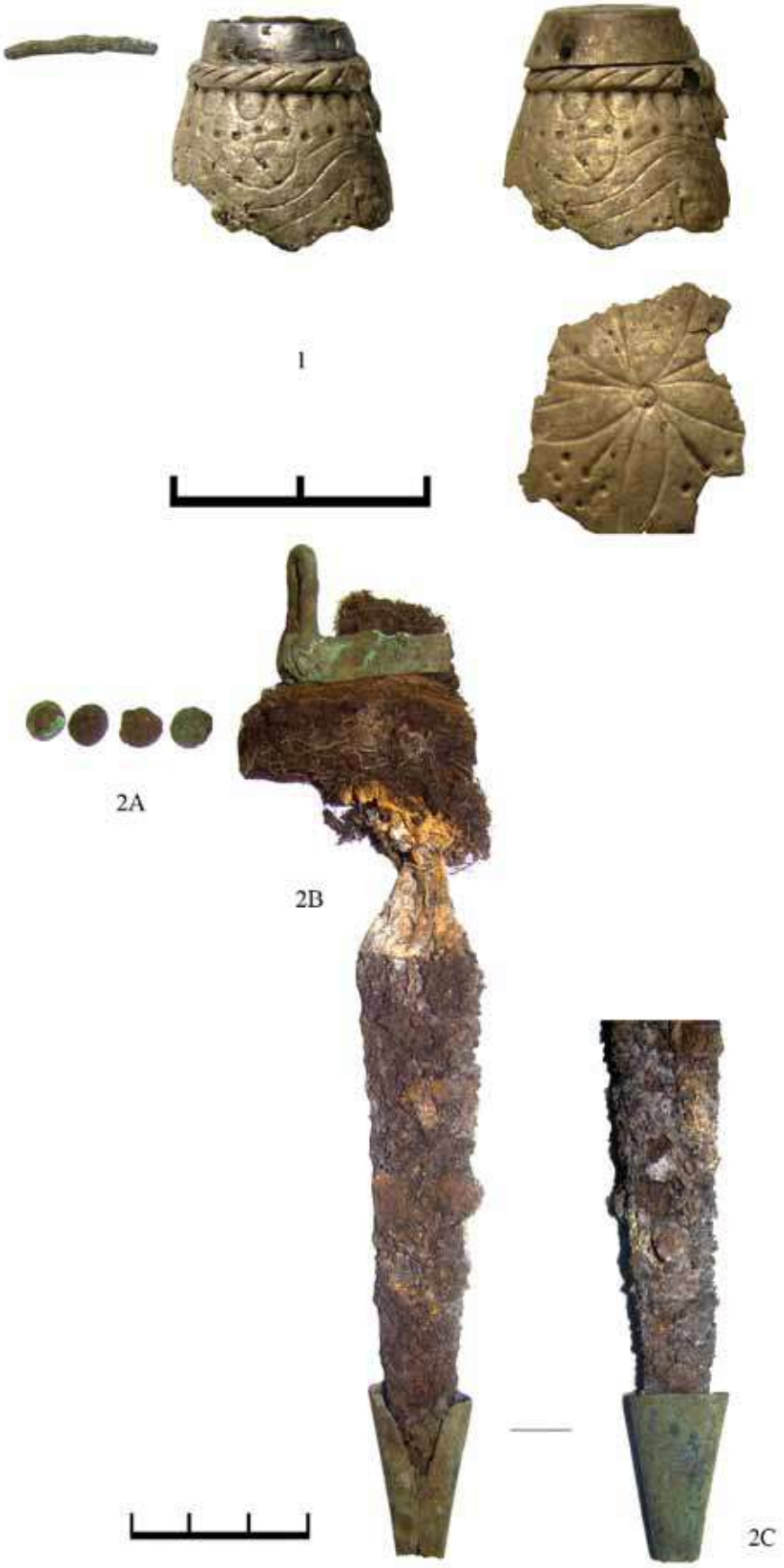


Рис. 20. Некрополь римского времени Лучистое-2. Могила 1.
1 — Серебряный флакон. 2 — Нож в ножнах с бронзовым оконцевателем

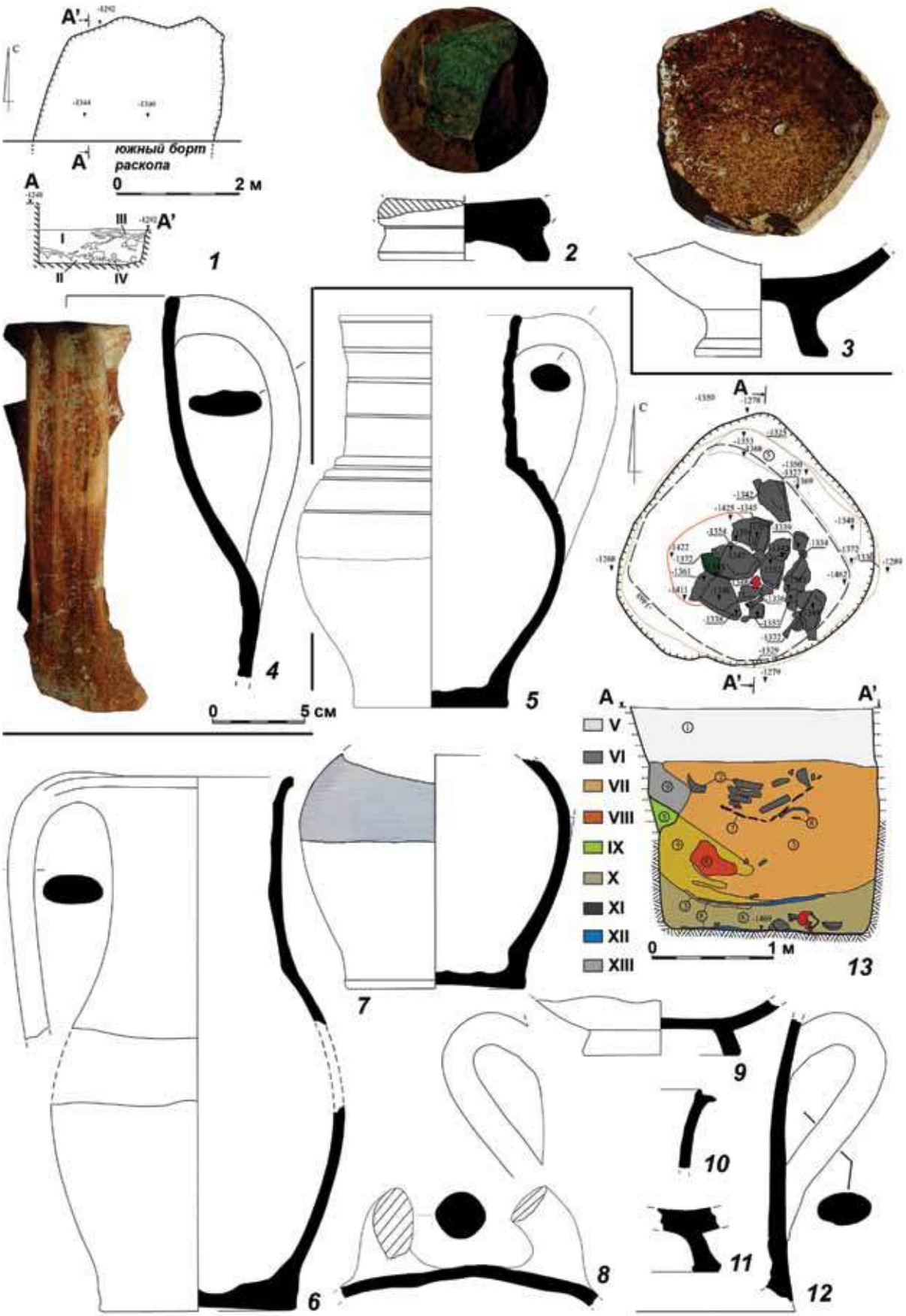


Рис. 16. Раскоп IV 2012 г. Планы, стратиграфия заполнения и археологический материал из хозяйственных ям позднесредневекового времени.
1–4 — хозяйственная яма 5; 5–13 — хозяйственная яма 6.
I — суглинок; II — сырец; III — комка; IV — зола; V — серая золистая супесь; VI — камни; VII — камка; VIII — красная прокаленная супесь; IX — серая золистая плотная супесь; X — серая рыхлая супесь с включением углей и ракушек; XI — дерево; XII — зола; XIII — серая плотная супесь с включением мелких углей

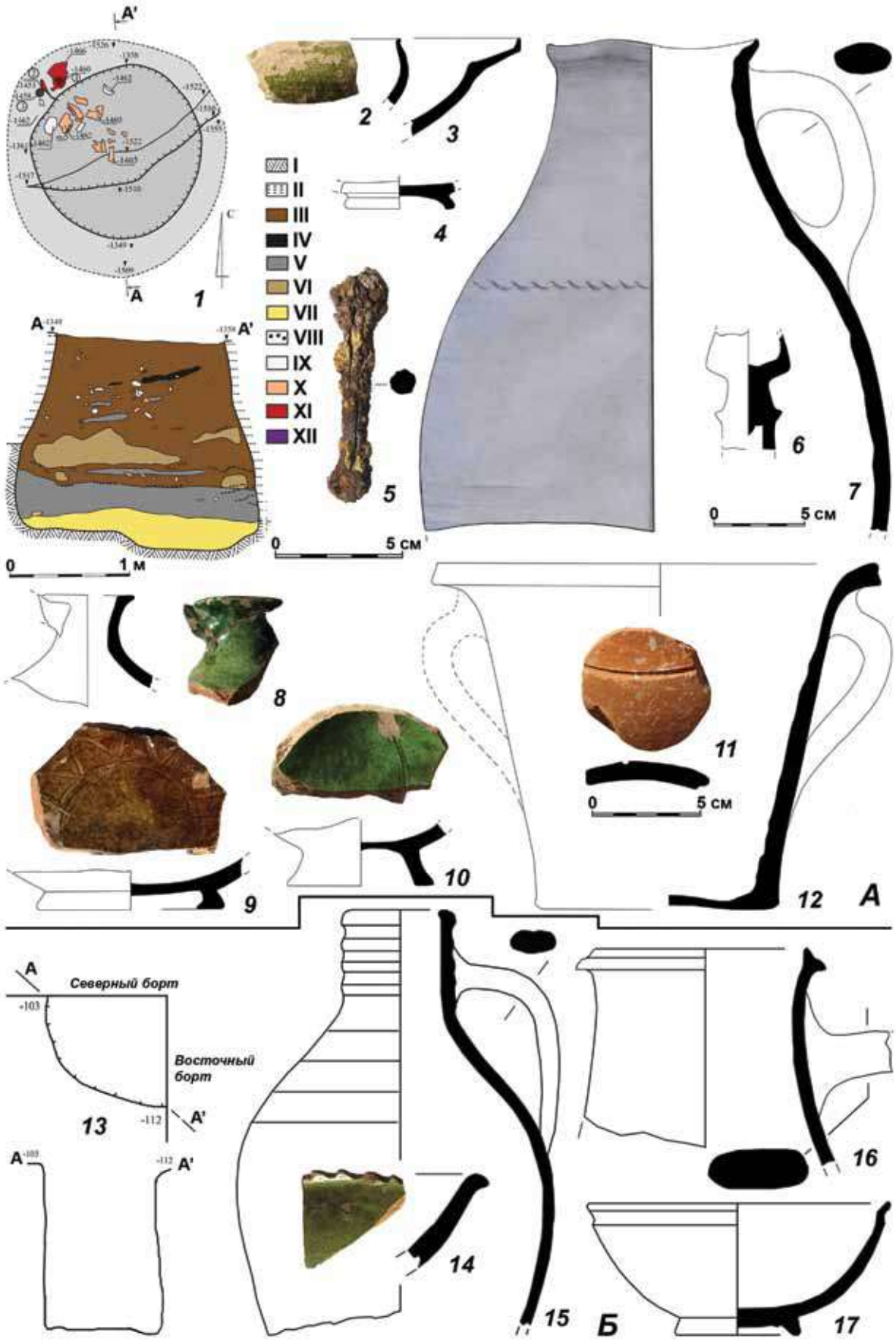


Рис. 17. Планы, стратиграфия заполнения и археологический материал из хозяйственных ям позднесредневекового времени.
А — раскоп IV 2012 г. хозяйственная яма 11; Б — раскоп VII 2012 г. хозяйственная яма 1.
I — материк; II — культурный слой; III — коричневый суглинок; IV — уголь;
V — зола с включением углей и печины; VI — желтый суглинок (рушенный сырец);
VII — светло-коричневый суглинок с включением мелких углей; VIII — камка; IX — камни; X — кости;
XI — керамика; XII — галька

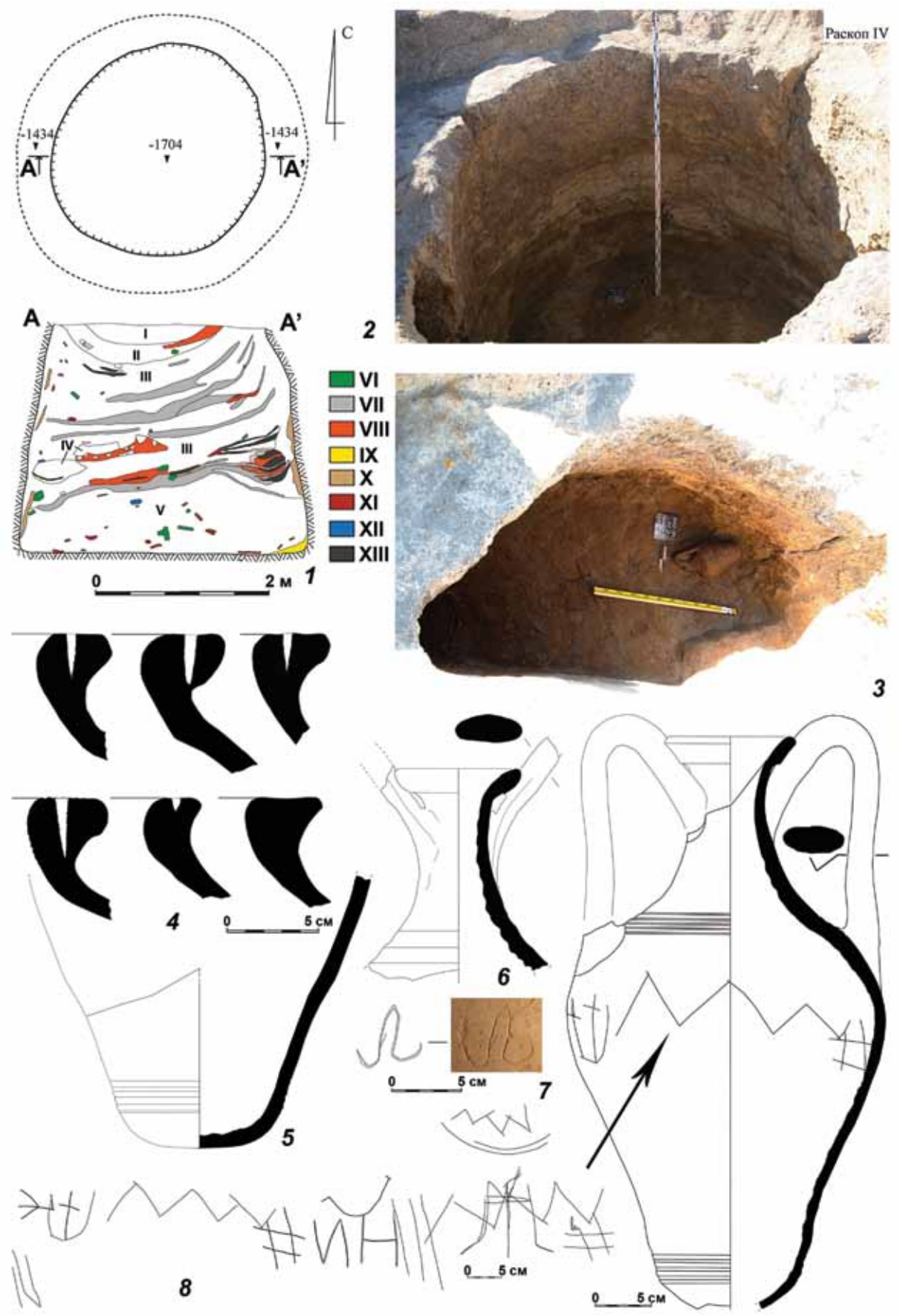


Рис. 18. Раскоп IV 2012 г. Общий вид, план, стратиграфия заполнения, пифосы и амфорный материал из заполнения хозяйственной ямы 7.
I — серая засыпь; II — полевая супесь с включением печины; III — светло-коричневая супесь; IV — неоднородный желтый суглинок; V — серый суглинок с вкраплениями углей; VI — кирпич; VII — горелая прослойка; VIII — обожженная глина; IX — песок; X — материковые обрушения стенок; XI — керамика; XII — галька; XIII — прослойка углей

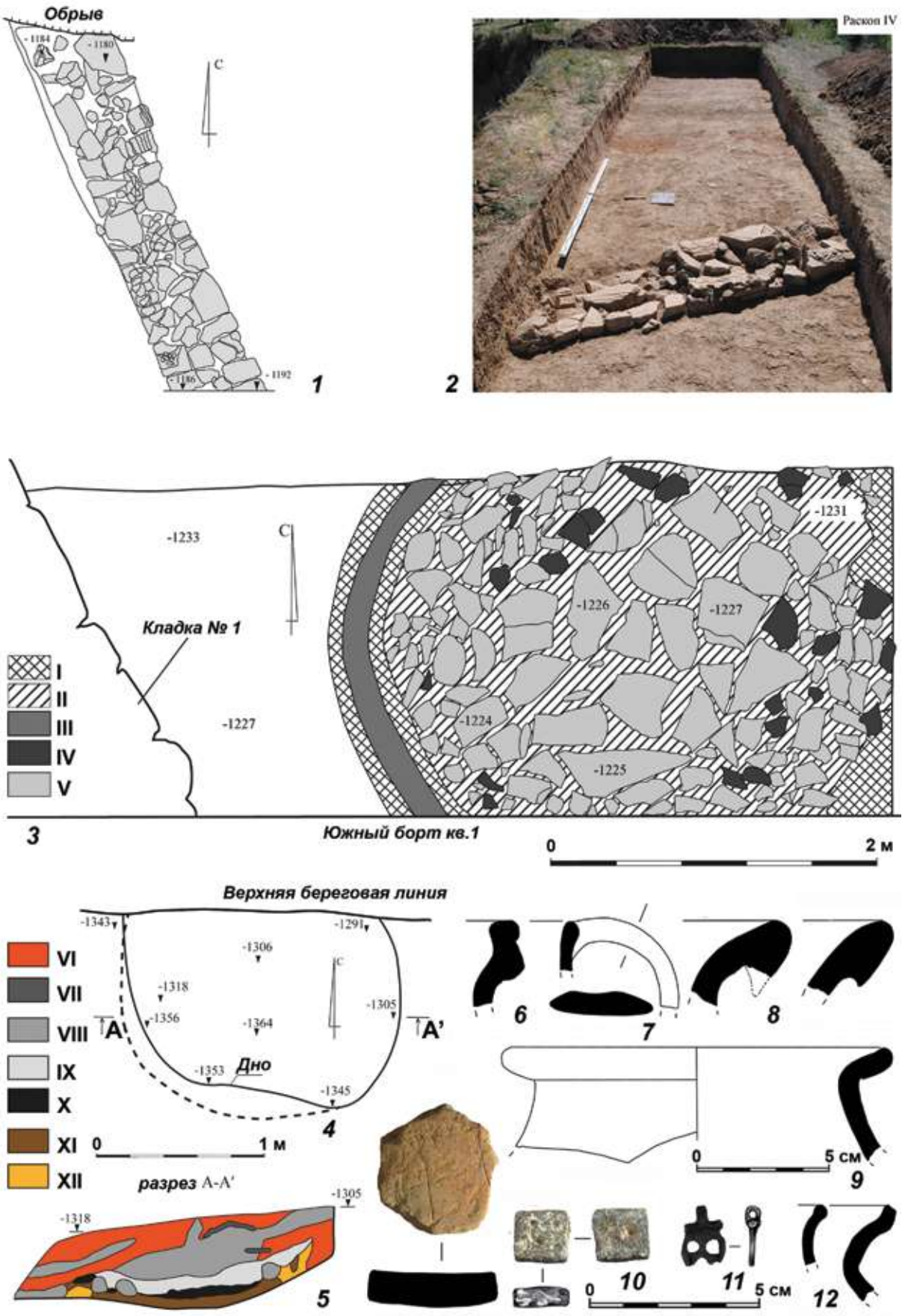


Рис. 24. Раскоп IV 2012 г. Археологические комплексы нижнего горизонта.
1,2 — план и общий вид кладки 1; 3 — план пода печи 1;
4–12 — план, стратиграфия заполнения и археологический материал из печи 2.
I — глинобитный пол; II — обожженная глина; III — светло-серый золистый слой; IV — керамика; V — камни;
VI — слой печины; VII — темно-серый пережженный шлак; VIII — светло-серый опесчаненный суглинок;
IX — светло-серый золистый слой; X — черный пережженный древесный уголь;
XI — коричневый опесчаненный суглинок; XII — светло-желтый опесчаненный суглинок

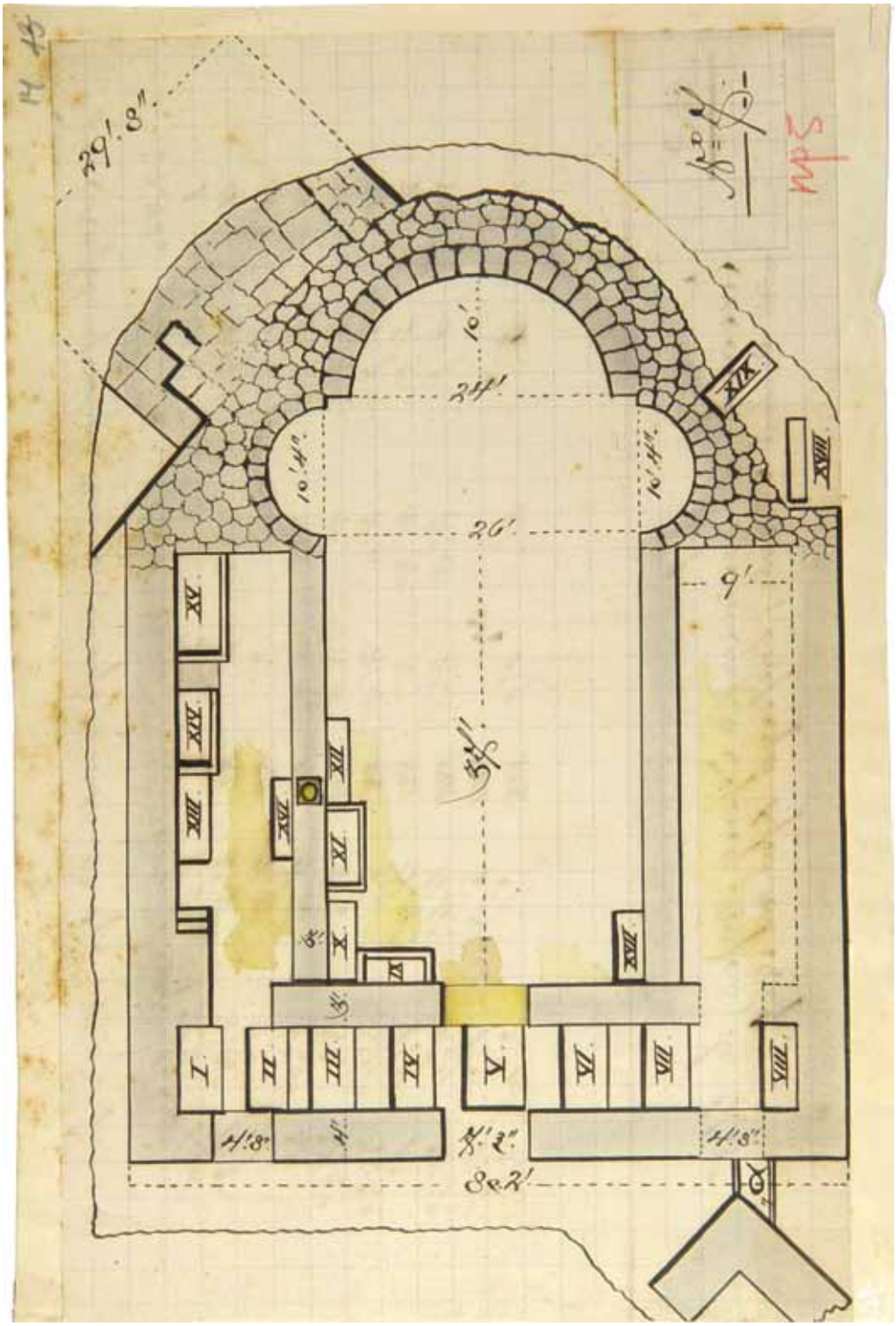


Рис. 1. Базилика «Крузе» (№ 7) по итогам раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича 1891 г. Архив НЗХТ

Рис. 5. Некрополь базилики «Крузе».
I – XIX — раскопки К. К. Косцюшко-Валюжинича (1891 г., обозначены фиолетовым цветом);
1–17 — раскопки 1998, 2005–2013 гг. (обозначены зеленым цветом)
(рис. В. В. Дорошко)

Рис. 7. Вещевой инвентарь из могилы № 1 (фонды НЗХТ). Фото К. В. Зыковой

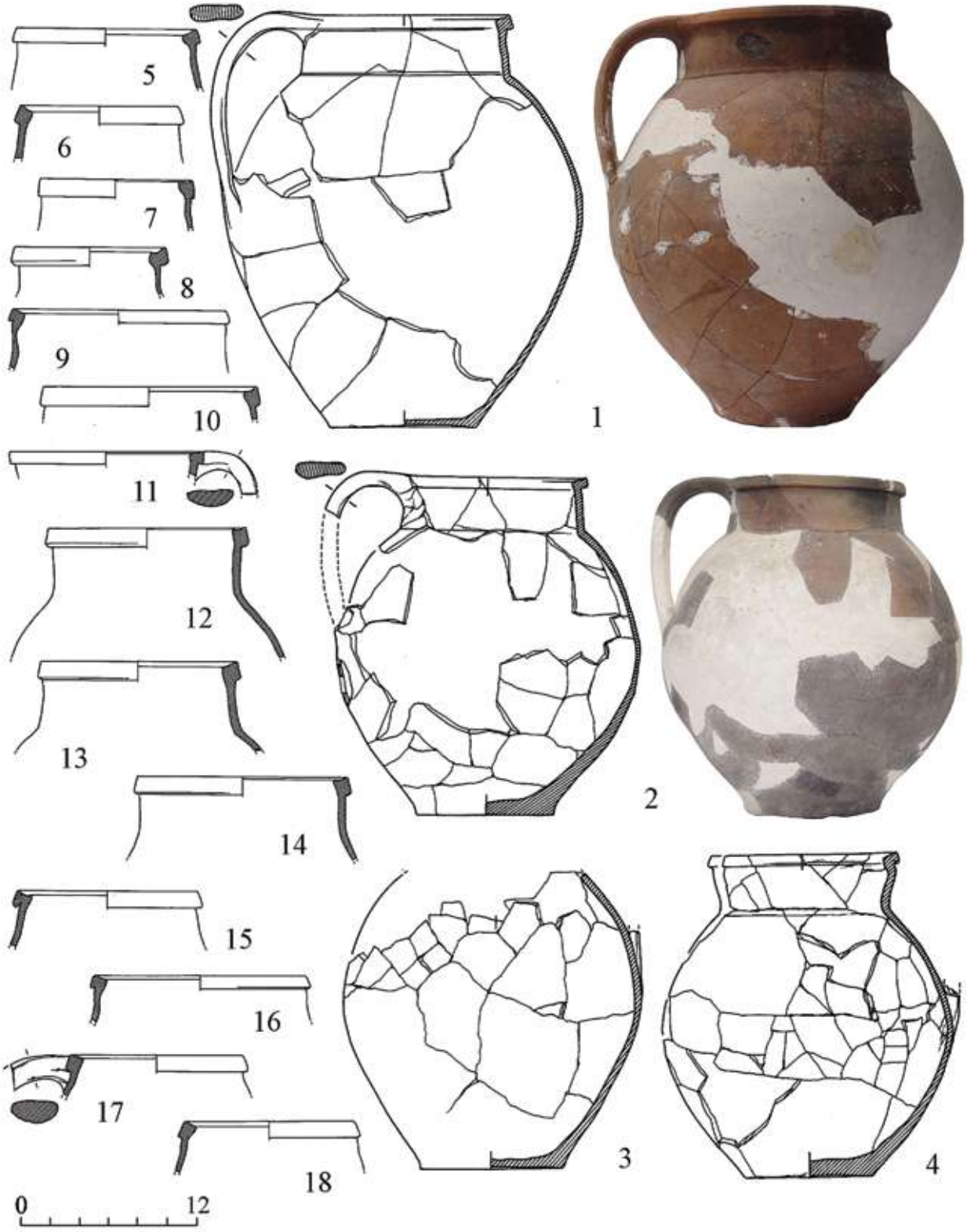


Рис. 1. Горшки группы ГРВ, тип 1.1.
Крепость Алустон, башня Орта-Куле: слой пожара 1475 (2), слой разрушения и зольник на руинах башни (5–18).
Замок Фуна: застройка третьей четверти XV в., слой пожара 1475 г. (1).
Укрепление Чабан-Куле: слои 60–70-х гг. XV в. (4).
Городище Чуфут-Кале, горшок с кладом (3)

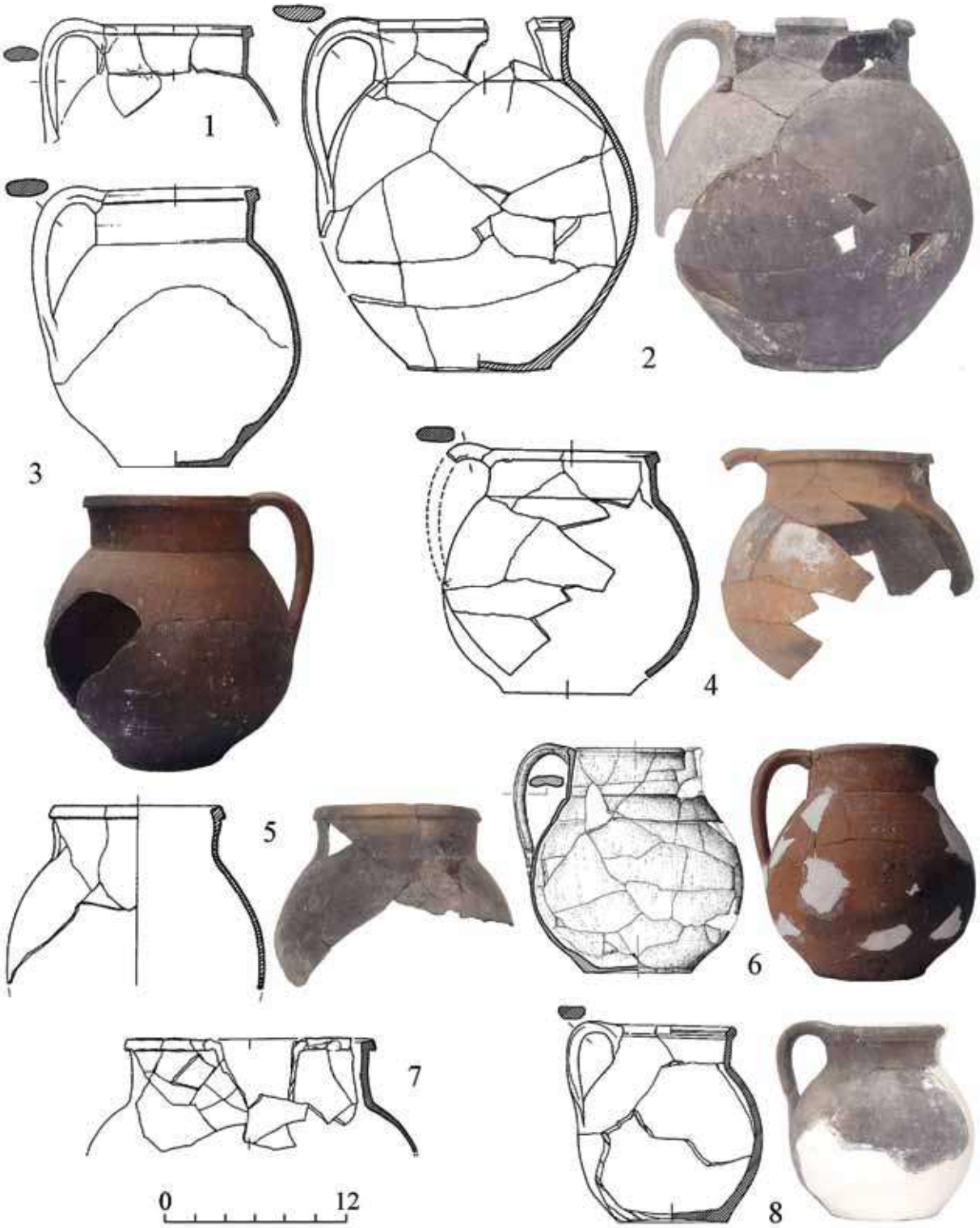


Рис. 2. Горшки группы ГРВ, тип 1.1.
Замок Фуна: водосборная цистерна и застройка третьей четверти XV в.:
слои, связанные с функционированием жилищно-хозяйственных комплексов (2, 3, 8);
заполнения ямы в цистерне (6), слой пожара 1475 г. (1, 4, 5).
Укрепление Чабан-Куле: слои 60–70-х гг. XV в. (7).

К статье
Приднев С. В. *Исследование остатков фундамента крепостных ворот «Одун Базар Капусу» г. Гезлева (Евпатории) в 2003 году*

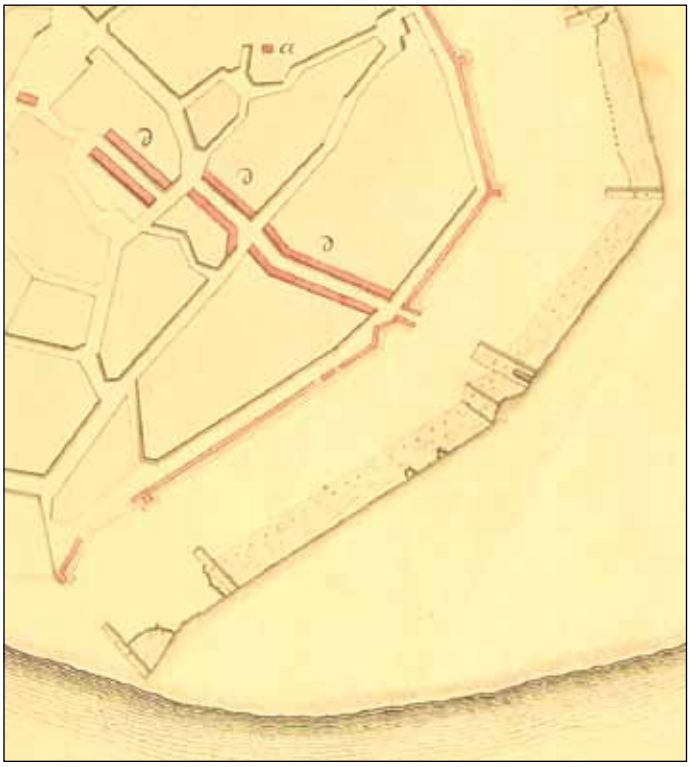


Рис. 1. Фрагмент плана города XVIII в. «с показанием вокруг оного каменной стены в плане и фасаде»

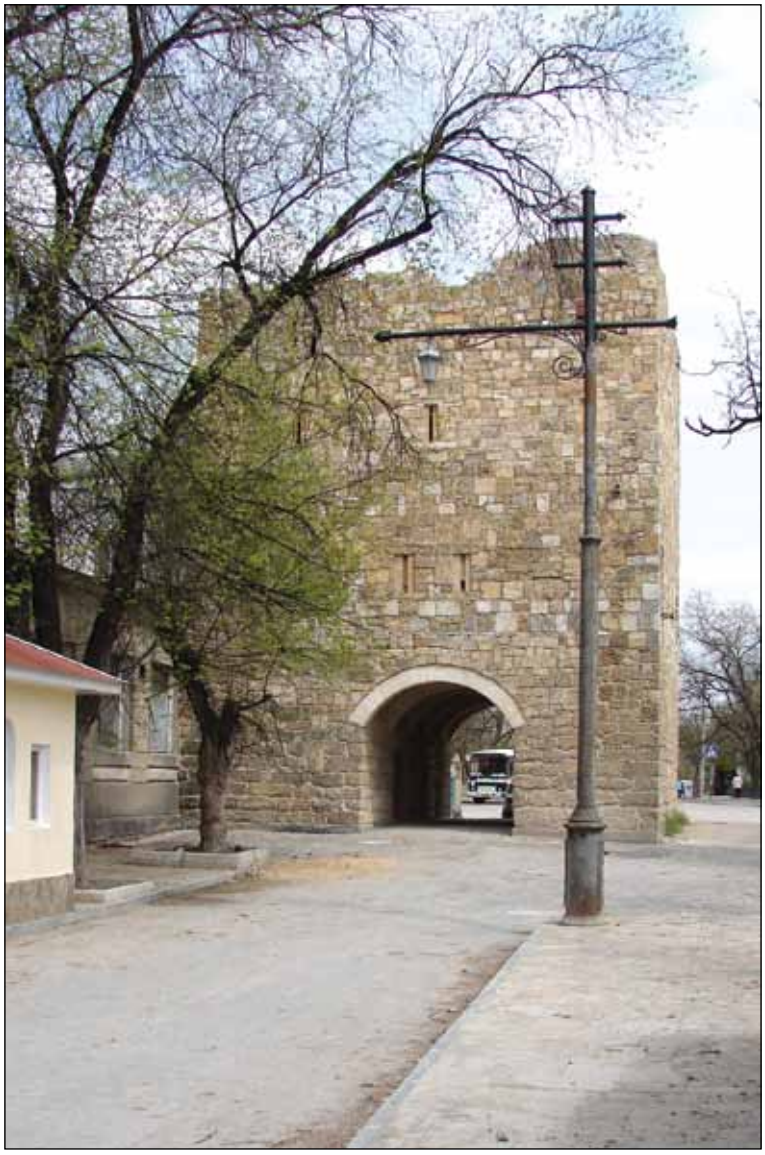


Рис. 29. Вид с запада на кофейню-музей. 2007 год

Рис. 30. Фрагмент плана Евпатории 40-х гг. XX в.
Красным квадратом обозначены ворота.
Жирные двойные линии — предполагаемое расширение улиц Матвеева и Интернациональной в 1970-е гг.

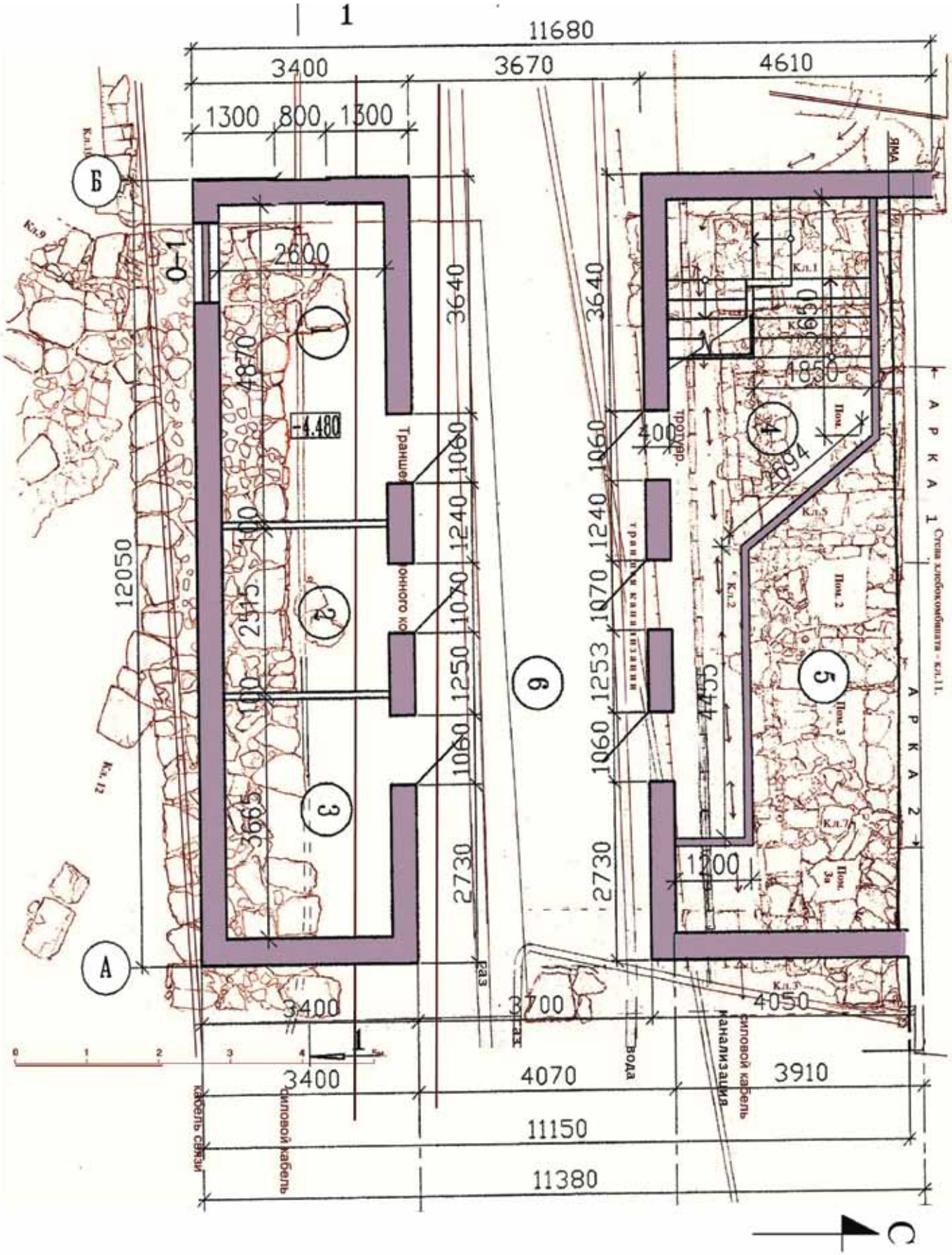


Рис. 31. Совмещение плана первого этажа кофейни-музея с планом фундаментов строительных остатков ворот. 1–2 — служебные помещения, 4 — лестница, 5 — экспозиция, 6 — проезд

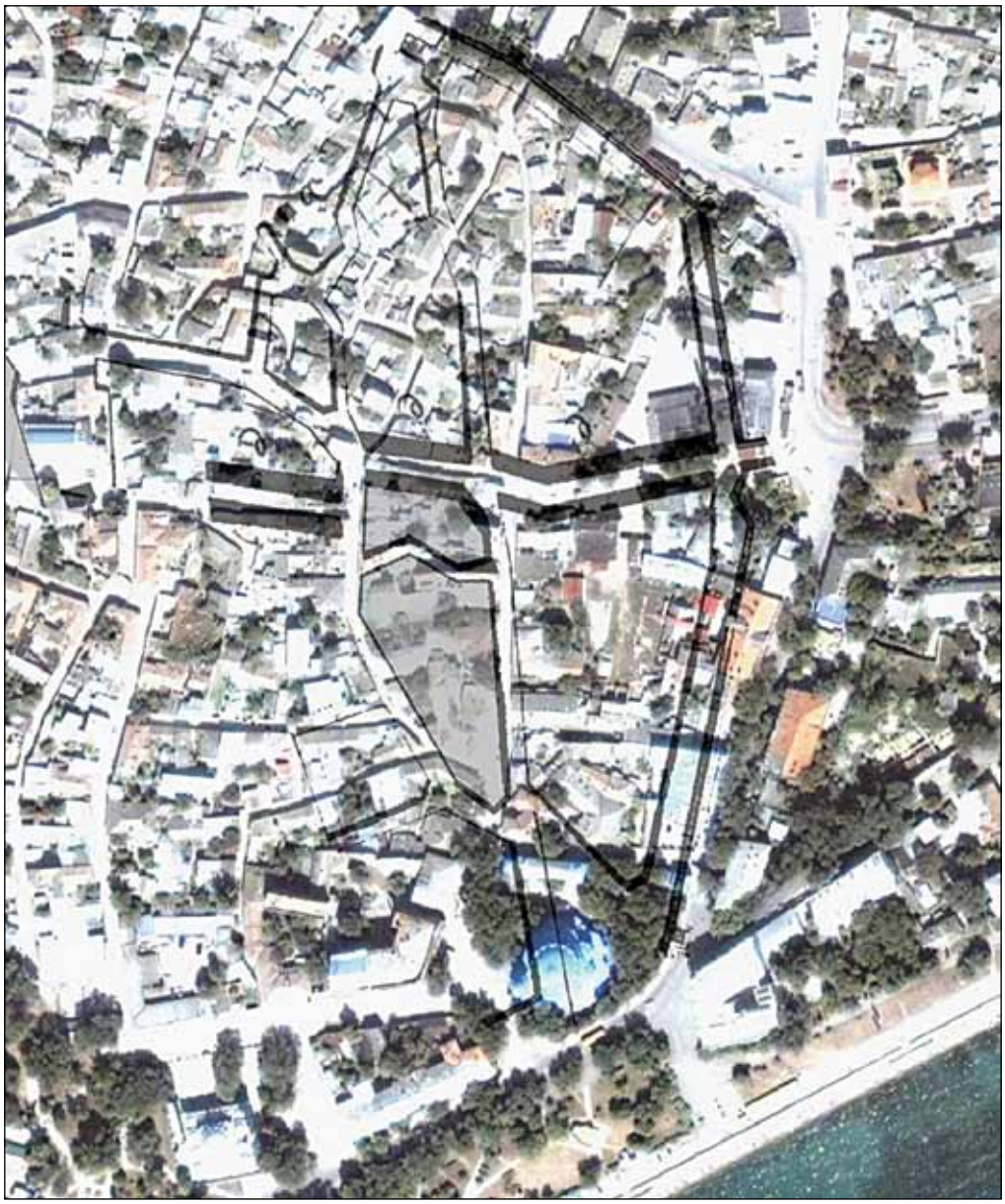


Рис. 32. Совмещение плана XVIII века с космической съёмкой августа 2007 г. с сайта http://maps.google.com

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENT

Введение 4
Introduction

Памяти друга. А. Е. Пуздровский 8

Копьева Т. А. Классификация керамики катакомбной культуры в Крыму 17
Kopieva T. A. *Classification of the ceramics of the Catacomb culture in the Crimea* 28

Лысенко А. В., Шапцев М. С. Акинак из Алуштинской долины (Южный Крым) 41
Lysenko A. V., Shaptsev M. S. *An Akinak from Alushta Valley (The SoUthern Crimea)* 44

Кропотов В. В. Курганы с «коллективными погребениями» в исследованиях Татьяны Николаевны Троицкой 50
Kropotov V. V. *Barrows with "collective burials" in Tatyana Nikolaevna Troitskaya's researches* 53

Троицкая Т. Н. Скифские коллективные погребения в курганах Крыма 54
Troitskaya T. N. *Scythian collective burials in barrows of the Crimea* 62

Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифские погребения в курганах на землях Соломона Крыма 66
Koltukhov S. G., Senatorov S. N. *Scythian burials in the barrows located on lands of Solomon Crim* 73

Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифские погребения в курганах Юго-Западного Крыма 79
Koltukhov S. G., Senatorov S. N. *Scythian burials in barrows of the Southwest Crimea* 92

Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифские погребения в курганном могильнике Дорт-Оба 102
Koltukhov S. G., Senatorov S. N. *Scythian burials in the burial Mound Dort-Oba* 117

Кутайсов В. А. Историческая топонимика Северо-Западного Крыма в античную эпоху 123
Kutajsov V. A. *Historical toponymics of the Northwest Crimea during the antique era* 132

Кутайсов В. А., **Смекалова Т. Н.** Итоги археологического изучения античного поселения Ортли в Северо-Западном Крыму (раскопки 2012–2014 гг.) 134
Kutajsov V. A., Smekalova T. N. *Results of archaeological studying of the antique settlement Ortli in Northwest of Crimea (excavation of 2012–2014)* 140

Пашкевич Г. А. Палеоэтноботанические исследования материалов из античной усадьбы Ортли в 2014 г. 153
Pashkevich G. A. *Paleoetnobotanic researches of materials from the antique estate Ortli in 2014* 156

Ланцов С. Б., Власов В. П., Смекалов С. Л., Шапцев М. С. Первые исследования могильника «Марьинское» (Джан-баба) в Северо-Западном Крыму 157
Lantsov S. B., Vlasov V. P., Smekalov S. L., Shaptsev M. S. *The first studies of the cemetery "Maryinskoe" (Jan-Baba) in the North-West Crimea* 163

Гаврилов А. В., Шонов И. В. Неизвестные типы золотых статеров боспорских правителей II в. до Р. Х. 181
Gavrilov A. V., Shonov I. V. *Unknown types of gold stater bospor governors of the II century BC* 185

Пуздровский А. Е. Склеп с элитными воинскими погребениями из Усть-Альминского некрополя 186

Пуздровский А. Е., Труфанов А. А. Два склепа в центральной части Усть-Альминского некрополя 200
Puzdrovsky A. E., Trufanov A. A. *Two crypts in the central part of Ust' Al'ma necropolis* 215

Труфанов А. А. Склеп 977 из позднескифского Усть-Альминского могильника 232
Trufanov A. A. *Crypt 977 from late scythian Ust' Al'ma necropolis* 240

Пуздровский А. Е., Медведев Г. В. Парные погребения первых веков н. э. на Усть-Альминском некрополе 250
Puzdrovsky A. E., Medvedev G. V. *Paired burials of the first centuries ad the necropolis of the Ust-Alma* 258

Волошинов А. А. Надгробная и вотивная скульптура городища Алма-Кермен и Заветнинского могильника 270
Voloshinov A. A. *Gravestone and votiv sculpture of ancient settlements Alma-Kermen and Zavetninsky necropolis* 285

Лысенко А. В., Масякин В. В., Мордвинцева В. И. Могила № 1 некрополя римского времени Лучистое-2 (Южный Крым) 295
Lysenko A., Masyakin V., Mordvintseva V. *Grave 1 of the necropolis Luchistoe-2 of the Roman period (The Sothern Crimea)* 320

Бейлин Д. В., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековое поселение Завал-Восточное на Керченском полуострове (по материалам разведок 2009–2010 гг.) . . . 334
Bejlin D. V., Ponomarev L. Yu. *Early middle settlement zaval-east on the Kerch peninsula (on the materials of archaeological examined 2009–2010)* . . . 339

Лавров В. В. Археологические исследования Качи-Кальона в 1954 г. (По материалам архива Е. В. Веймарна в Бахчисарайском заповеднике) . . . 349
Lavrov V. V. *Archaeological explorations of Kachi-Kalon in 1954 (by the materials of E. V. Weimarn archive in the Bakhchsarai reserve)* . . . 353

Сударев Н. И., Майко В. В. Археологические исследования Таматархи-Тмутаракани 2012 г. Стратиграфия и хронология комплексов . . . 364
***Sudarev N. I., Maiko V.* V.** *Archaeological researches of Tamatarha-Tmutarakan of 2012. Stratigraphy and chronology of complexes* . . . 375

Сидоренко В. А. Монетный клад времени Алексея I Комнина (1081–1118 гг.), найденный на античном поселении Ортли . . . 397
Sidorenko V. A. *Coins hoard of the times Alexius I comnenus (1081–1118) from the ancient township Ortly* . . . 397

Ушаков С. В., Данилова С. В., Дорошко В. В. Средневековый некрополь на территории базилики «Крузе» в Херсонесе . . . 400
Ushakov S. V., Danilova S. V., Doroshko V. V. *Medieval necropolis in the territory of the basilica "Cruze" in Chersonese* . . . 405

Тесленко И. Б. Одна из групп неполивной керамики Крыма XV в.: хронология и эволюция . . . 428
Teslenko I. *One group of Unglazed pottery of the 15th century from crimea: C* . . . 435

Приднев С. В. Исследование остатков фундамента крепостных ворот «Одун Базар Капусу» г. Гезлева (Евпатории) в 2003 году . . . 437
Pridnev S. V. *Research of the remains of the base of fortress gate "Odun Bazar Kapusu" of Gezlev (Evpatoria) in 2003* . . . 444

Храпунов Н. И. Некоторые новые данные о начале исследований городища Керменчик — предполагаемого скифского Неаполя . . . 461
Khrapunov N. I. *Some New Data on the Beginning of the Investigation of the Ancient Town at Kermenchik — Supposed Scythian Neapolis* . . . 468

Кирилко В. П. Харакская церковь Н. П. Краснова: рождение шедевра . . . 470
Kirilko V. P. *Haraksky church of N. P. Krasnov: masterpiece birth* . . . 476

Непомнящий А. А. Разработка «Археологической Карты Крыма»: по данным переписки Ю. А. Кулаковского с А. И. Маркевичем . . . 480
Nepomnyashchy A. A. *The development of the «Archaeological map of Crimea»: according to correspondence J. A. Kulakovsky with A. I. Markevich* . . . 487

Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей и охрана памятников феодосии и ее округи в начале XX века (К 165-летию со дня рождения Людвика Петровича Колли) . . . 488
Petrova E. B. *Theodosia Museum of Antiquities and protection of monuments of Theodosia and its neighbourhood in the beginning of the 20th century* . . . 506

Кутайсова М. В. Гостиница «Модерн» в г. Евпатория (или зарисовка об одном здании так называемой «фоновой застройки» города) . . . 511
Kutajsova M. V. *Modern hotel in Evpatoria (or a sketch about one building so-called «Background building» of the city)* . . . 515

Кислый А. Е. В поисках теоретических концептов одного из направлений «археологии утраченного»: администрирование обществом и культурой, идеология разрушений . . . 525
Kisly A. E. *Looking for theoretical concept of one of «lost archaeology» branch: the administration by society and culture, ideology of destructions* . . . 534

Сведения об авторах . . . 535
Contributors . . . 535

Список литературы . . . 538
Bibliography . . . 538

Список сокращений . . . 583
Abbreviations . . . 583

Научное издание

История и археология Крыма

Вып. II

Сборник статей, посвященный
памяти
Александра Евгеньевича Пуздровского

Ответственный редактор
В. В. Майко

Оригинал-макет Б. Т. Прокопенко

Подписано в печать с оригинал-макета 12.12.2015.
Формат 60 x 84 1/8. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Уч. изд. л. 82,6. Усл. печ. л. 74,9.
Тираж 300 экз. Заказ № . Цена договорная.

Отпечатано ИП Исламов Э. Р.
296560, Республика Крым, Сакский р-он, с. Лесновка, пер. Дальний, д. 1.

Издательство Типография «АРИАЛ»